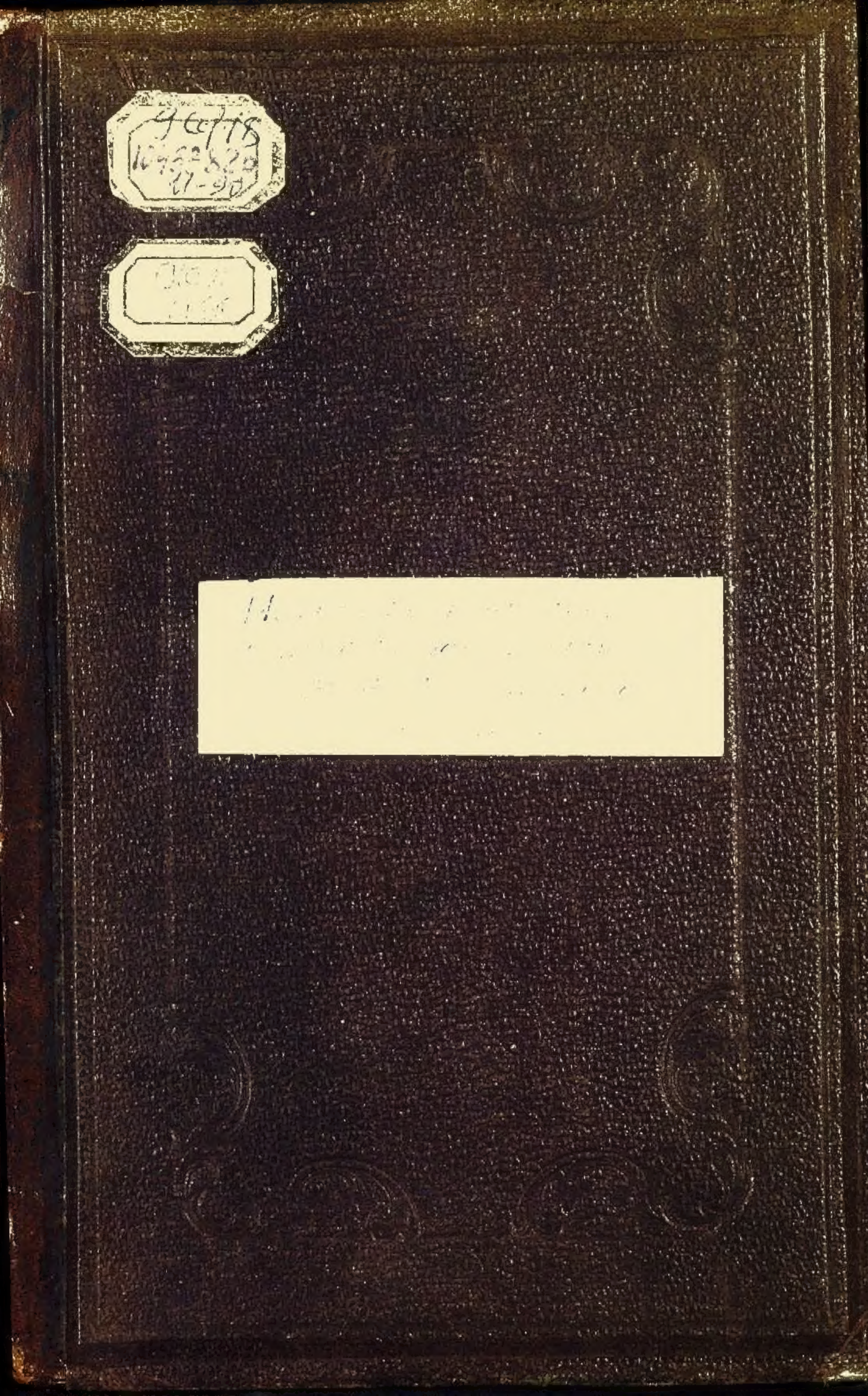
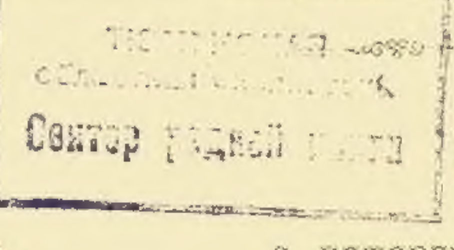


Съ портретомъ въ началѣ книги и
шестью страницами факсимиле въ концѣ.
Цифръ 769–788 въ счетѣ нѣтъ, также вес.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ
О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО
ВЪ СИБИРИ,
съ 1819 по 1822 годъ.

Собраны В. Вагинымъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

М. Сперанскій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО

ВЪ СИБИРИ,

съ 1819 по 1822 годъ.

Собраны В. Вагинымъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Приложенія къ первой главѣ.

Приложенія къ второй главѣ.

Приложенія къ третьей главѣ.

Приложенія къ четвертой главѣ.

Приложенія къ пятой главѣ.

Приложенія къ седьмой главѣ.

Приложенія къ восьмой главѣ.

Приложенія къ девятой главѣ.

Приложенія къ десятой главѣ.

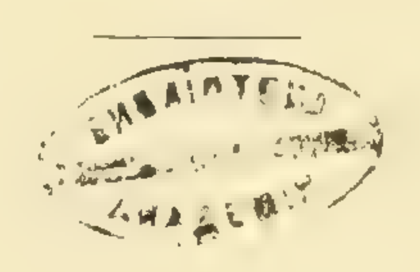
Приложенія къ двѣнадцатой главѣ.

Приложенія къ тринадцатой главѣ.

Приложенія къ четырнадцатой главѣ.

Приложенія къ пятнадцатой главѣ.

Приложенія къ шестнадцатой главѣ.

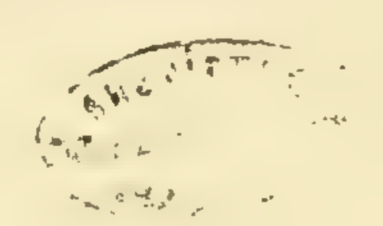


Прошу читателя не требовать отъ моей книги болѣе того, что обѣщаетъ ея заглавіе. Это не исторія; это только матеріалы для исторіи, и притомъ далеко неполные. Я старался только придать имъ нѣкоторую связь и высказать по поводу ихъ нѣкоторыя замѣчанія. Я слишкомъ поздно принялся за этотъ трудъ, и слишкомъ мало имѣлъ данныхъ для того, чтобы придать ему вполнѣ самостоятельное значеніе.

Нѣкоторые недостатки книги,—несоразмѣрность частей, отсутствіе внутренней связи между ними, излишество мелочныхъ подробностей, — замѣтны съ перваго взгляда. Я охотно сознаюсь въ нихъ, и нахожу безполезнымъ оправдываться.

Въ книгѣ существуетъ важный пробѣлъ: въ ней слишкомъ мало свѣдѣній, относящихся до дѣятельности Сперанскаго въ западной части Сибири. Мои попытки—собрать эти свѣдѣнія—не имѣли успѣха. Будущему историку Сибири предстоитъ трудъ — стряхнуть архивную пыль съ тѣхъ трудовъ, которыми ознаменовалось пребываніе Сперанскаго въ этой части Сибири.

В. Вагинъ.



ВАЖНѢЙШІЕ ИСТОЧНИКИ.

Печатные.

1) Полное собраніе законовъ,—преимущественно томы XXXII и XXXIII перваго собранія.

2) Баронъ Корфъ: Жизнь графа Сперанскаго. П. 1861.

3) Русскій Архивъ Бартенева — особенно 1868 и 1869 г.

4) Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. М. 1838 и 1844.

5) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ.

6) Тихменевъ. Историческое обозрѣніе Р. А. Компаніи. 2 тома. С.-Пб. 1861—1863 г.

7) Обозрѣніе главныхъ оснований мѣстнаго управленія Сибири. П. 1841 г.

Рукописные.

1) Архивныя дѣла главнаго управленія Восточной Сибири. Мною пересмотрѣны всѣ дѣла за время управленія Сперанскаго и частью за предшествовавшее и послѣдующее. Ссылки на нихъ очень многочисленны и потому, для краткости, я обозначаю ихъ просто связкою и нумеромъ дѣла («св. 000, № 000»).

Записка Тюменцева. Николай Егоровичъ Тюменцевъ, впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ и членъ совѣта главнаго управленія Восточной Сибири, служилъ при Трескинѣ домашнимъ секретаремъ и принадлежалъ къ числу его приближенныхъ (онъ былъ женатъ на дочери любимца Трескина, Третьякова). Записки его особенно любопытны за первую половину 1819 года. Къ сожалѣнію, онѣ обрываются днемъ пріѣзда Сперанскаго въ Иркутскъ и потомъ возобновляются только съ 1824 г.

2) Геденштромъ: «Матеріалы для описанія Сибири», 2 тома. О Геденштромѣ подробно говорится въ первой главѣ моей книги. Онъ писалъ свои «Матеріалы» въ старости, въ 1841 г., на память. Въ нихъ много фактическихъ невѣрностей въ подробностяхъ, но въ цѣломъ онъ довольно правдивый писатель, хотя и пристрастный въ пользу Трескина. Взгляды его весьма отстали. О Сперанскомъ у него мало свѣдѣній, но есть ѣдкая критика его учрежденій. Мнѣ извѣстны два экземпляра его «Матеріаловъ». Одинъ, болѣе полный, принадлежалъ покойному П. П. Виноградскому; другой А. А. Бѣлоголовому. Я пользовался послѣднимъ.

3) Щукинъ: «Воспоминаніе по поводу статьи Штейнгеля: къ Сибирскому лѣтописцу дополненіе». Семенъ Семеновичъ Щукинъ, — во время Сперанскаго учитель, а впослѣдствіи директоръ Иркутской гимназіи. Въ статьѣ его говорится преимущественно объ управленіи Трескина и очень мало о Сперанскомъ. Онъ писалъ уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и въ статьѣ его также много ошибокъ. Вообще показанія его, какъ противника Трескина (который вообще не жаловалъ учебнаго вѣдомства), надобно принимать съ большею осторожностью.

4) Записки Семена Ѳедоровича Шелковникова. Г. Шелковниковъ — племянникъ (по матери) А. М. Корсакова, о которомъ говорится и въ книгѣ барона Корфа, и у меня. Записки г. Шелковникова имѣютъ преимущественно автобіографическій интересъ. Все, что въ нихъ говорится о Сперанскомъ, у меня выписано. Г. Шелковниковъ и не могъ сообщить болѣе полныхъ и точныхъ свѣдѣній о Сперанскомъ, потому что писалъ объ немъ по разсказамъ: во время Сперанскаго онъ былъ еще ребенкомъ.

5) Письма Сперанскаго къ А. А. Столыпину. Сообщеніемъ шести писемъ и одной записки, не бывшихъ въ печати, я обязанъ Д. А. Столыпину (¹).

6) Бумаги барона Корфа. Баронъ М. А. Корфъ благосклонно сообщилъ мнѣ нѣкоторые изъ оставшихся неизданными писемъ Сперанскаго и другихъ матеріаловъ.

6) Рукописи Императорской Публичной Библіотеки: а) дневникъ Сперанскаго, озаглавленный самимъ имъ: «Путешествіе въ Сибирь съ 31 марта 1819 по 8 февраля 1821 г.»; б) черновыя письмы его къ разнымъ лицамъ.

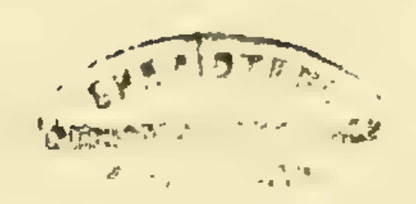
7) Отчетъ Сперанскаго объ обозрѣніи Сибири и слѣдующія къ нему основанія къ образованію управленія Сибири. Эти важные документы сообщены мнѣ К. Г. Рѣпинскимъ.

Изустные.

Разсказы современниковъ. Они записаны у меня большею частью буквально. Къ сожалѣнію, я началъ слишкомъ поздно собирать ихъ. Разсказы эти относятся преимущественно ко времени пребыванія Сперанскаго въ Иркутскѣ. Въ нихъ также заключается множество ошибокъ и противорѣчій, но въ цѣломъ они представляютъ довольно полную картину образа жизни и дѣятельности Сперанскаго въ Иркутскѣ.

Другіе, менѣе важные матеріалы, указаны въ выноскахъ подъ текстомъ.

(¹) Впослѣдствіи, извлеченія изъ этихъ писемъ были напечатаны г. Столыпинымъ въ Русскомъ Архивѣ 1871 г. № 3.



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе. — Прошедшее Сибири. — Правленіе Пестеля. — Смѣна Пестеля.

Съ двадцать втораго марта 1819 года начинается новая эпоха въ Сибирской исторіи. Въ этотъ день подписанъ Высочайшій указъ о назначеніи тайнаго совѣтника Михаила Михайловича Сперанскаго Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ.

Новою жизнью повѣяло въ Сибири съ пріѣздомъ Сперанскаго. Сибиряки увидѣли въ вельможѣ человѣка. Они снова начали жить и дышать свободно. Самовластіе, лихоимство, всякаго рода притѣсненія, на которыя они жаловались такъ долго и такъ безполезно, стали прекращаться мѣрами власти. Власть эта сдѣлалась дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ надлежало ей быть, — защитницей, а не гонительницей населенія. Сибирь отдохнула отъ террора. Еще до пріѣзда Сперанскаго, въ Сибири были извѣстны и молва объ его несчастіяхъ, и слава его дарованій. Сибиряки не могли вполнѣ знать первыхъ; не могли, можетъ быть, вполнѣ оцѣнить другихъ; можетъ быть, они не могли вполнѣ оцѣнить и Сибирской его дѣятельности, но они ясно видѣли все его превосходство надъ его предмѣстниками, его искреннее стремленіе къ народной пользѣ. Даже самъ онъ считалъ себя посланникомъ Провидѣнія, видя всю громадность зла, которое надлежало ему исправить. Ни прежде, ни послѣ Сперанскаго, въ Сибири не было ничего ему подобнаго. Имя Михаила Михайловича окружено было для Сибирскихъ его современниковъ чуднымъ обаяніямъ.

Лучшіе люди того времени придавали огромное значеніе Сибирской дѣятельности Сперанскаго. «Въ Сибирской Исторіи только два періода», говорилъ С. С. Уваровъ: «Отъ Ермака до Пестеля, отъ Сперанскаго до XX». — По выраженію барона Корфа, «Сперанскій, и по дѣйствіямъ и по времени, стоитъ здѣсь поворотнымъ

столбомъ». — «Бысть человѣкъ посланъ свыше, и имя его останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ всей Сибири», — восторженно восклицаетъ сибирякъ Словцовъ [1]).

Даже оставя Сибирь, Сперанскій продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ ея судьбахъ. Онъ далъ ей особенные законы, значительная часть которыхъ до сихъ поръ остается въ своей силѣ; онъ, въ качествѣ главнаго дѣйствующаго члена Сибирскаго комитета, почти до конца жизни руководилъ и направлялъ дѣятельность своихъ преемниковъ въ управленіи Сибирью.

Но время шло. Сперанскаго давно уже не было. Число современниковъ его уменьшалось. Преданіе объ немъ становилось блѣднѣе. Даже въ памяти современниковъ кроткая дѣятельность его постепенно заслонялась болѣе рѣзкою и продолжительною, и потому производившею болѣе сильное впечатлѣніе, дѣятельностью другихъ правителей. Сперанскій начиналъ быть миѳомъ. Между тѣмъ вліяніе его дѣятельности отражалось на многихъ сторонахъ Сибирской жизни. Особенно было видно оно въ организаціи мѣстнаго управленія. Новое поколѣніе сибиряковъ знало и видѣло это вліяніе; для него было естественно и законно желаніе узнать ближе ту личность, которая такъ много сдѣлала въ свое время для Сибири. Книга барона Корфа удовлетворила этому законному любопытству; она познакомила насъ съ личностью Сперанскаго. Но она сообщила очень немного свѣдѣній о Сибирской его дѣятельности.

Прошло полвѣка со времени управленія Сперанскаго Сибирью. И онъ и, отчасти, его реформы отошли уже въ область исторіи. Но его пребываніе въ Сибири замѣчательно и само по себѣ, и своими послѣдствіями для края.

Изученіе этого времени должно быть поставлено въ числѣ первыхъ задачъ для людей, посвятившихъ себя изслѣдованію Сибири. Мы думаемъ, что уже настала пора для такого изученія. 11-го февраля 1869 г. исполнилось тридцать лѣтъ со дня смерти Сперанскаго; 1 января 1872 г. минуло столѣтіе со дня его рожденія. Для Сперанскаго уже настало потомство, — не столь отдаленное, чтобы оно могло вполнѣ безошибочно судить о значеніи событій, подъ непосредственнымъ вліяніемъ и дѣйствіемъ которыхъ оно отчасти еще находится, но уже достаточно отдаленное для того, чтобы судить объ нихъ sine ira et studio. Настало уже время повѣрить отзывы современниковъ.

---

[1]) Корфъ, II, 192, 237. — Словцовъ, Прогулки вокругъ Тобольска, 133.

Цѣль настоящаго труда, — представить нѣкоторыя данныя для такой повѣрки.

Но истинное понятіе о значеніи Сперанскаго для Сибири мы можемъ составить только тогда, когда будемъ имѣть понятіе о положеніи Сибири прежде Сперанскаго.

Первые русскіе пришельцы въ Сибири были казаки и сѣверные промышленники. Они принесли съ собою тотъ духъ самоуправленія и свободы, которымъ всегда отличались казачьи и новгородскія поселенія.

Отдаленность не только центральной, но нерѣдко и мѣстной власти, поддерживала въ нихъ это самоуправленіе. Разсѣянные небольшими кучками на огромномъ пространствѣ Сибири, часто оставаясь безъ воеводъ, они поневоле составляли изъ себя отдѣльныя, независимыя на дѣлѣ общины. Жизнь, полная приключеній, развивала въ нихъ удаль и смѣлость характера, и безусловное подчиненіе чьей нибудь волѣ было для нихъ невозможно.

Такимъ свободнымъ характеромъ особенно отличался Иркутскъ. И выгодное торговое положеніе, и отдаленность отъ мѣстъ общаго управленія, и появленіе въ средѣ мѣстнаго населенія даровитыхъ и энергическихъ личностей,—все помогало тому, чтобы Иркутскъ сдѣлался маленькой республикой. Какъ городское поселеніе — посадскіе, такъ и войска—казаки одинаково сохраняли характеръ общиннаго самоуправленія. Иркутскъ пользовался значительною степенью независимости. Воеводами Иркутяне распоряжались иногда также свободно, какъ ихъ отдаленные предки удѣльными князьями [1]).

Между тѣмъ въ Россіи вводился и укрѣплялся взятый извнѣ государственный порядокъ. Онъ неизбѣжно долженъ былъ достигнуть и до Сибири. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, онъ столкнулся съ народною жизнью. Возникло противодѣйствіе.

Еслибы люди, которымъ правительство ввѣряло проведеніе своихъ началъ, стояли на высотѣ своего призванія, противодѣйствіе было бы слабо и постепенно бы стихло. Масса не знаетъ отвлеченныхъ принциповъ; она видитъ только лица и судитъ только ихъ поступки. Искусная и честная личность можетъ ввести новый порядокъ незамѣтно, безъ потрясеній. Въ Сибири онъ потребовалъ бы весьма немногихъ измѣненій. Правительство знало, что

---

[1]) «Дѣло», 1866 г., № 1, стр. 8, ст.: Иркутскіе воеводы.

Сибирь во многомъ отличается отъ внутреннихъ областей: небольшія, сдѣланныя вовремя уступки мѣстнымъ условіямъ, могли бы помирить Сибиряковъ съ новымъ порядкомъ вещей. Нужно было, чтобы представители власти умѣли угадать и удовлетворить народныя нужды. Извѣстная доля самоуправленія была необходима и законна. Она помирила бы Сибиряковъ съ непривычнымъ и тягостнымъ для нихъ государственнымъ порядкомъ. Но Сибирь далеко не была счастлива на правителей. Они имѣли въ виду только личныя цѣли, и новый порядокъ служилъ для нихъ только средствомъ для достиженія этихъ цѣлей. Еще старинные воеводы, пользуясь отдаленностью, отсутствіемъ надзора и трудностью сообщенія извѣстій, предавались крайнему произволу и лихоимству. Нелучше были и новые правители, губернаторы и вице-губернаторы. Тягость новаго государственнаго порядка не облегчалась, а усиливалась его представителями. Правительство строго, но безуспѣшно, карало злоупотребленія. Первый Сибирскій губернаторъ, Гагаринъ, былъ казненъ за злоупотребленія; первый генералъ-губернаторъ, Якобій, нѣсколько лѣтъ былъ подъ судомъ; Леццано. Селифонтовъ кончили неудачно свою Сибирскую карьеру. Знаменитый Чичеринъ остался въ Сибирскихъ преданіяхъ съ именемъ тирана. Главнымъ начальникамъ подражали и второстепенные агенты. Извѣстны злодѣйства Иркутскаго слѣдователя Крылова (1758). «Столь страшныя слѣдствія имѣютъ тѣ дѣла, кои страстію производятся, и до какихъ дерзостей доводятъ, когда, вмѣсто законовъ, страсть ими руководствуетъ, *чего нигдѣ такъ не видно, какъ изъ всего сего дѣла*», сказала Великая Екатерина по поводу Крылова [1].

При открытіи въ Иркутскѣ Сибирскаго намѣстничества (1783), «все чиноначаліе просто деспотствовало» [2]. «Чиноначаліе» продолжало деспотствовать и впослѣдствіи. Лихоимство, произволъ, личныя интриги, — вотъ характеристика Сибирскаго управленія за цѣлое столѣтіе.

Мѣстное населеніе, подавленное, истощенное самовластіемъ и поборами, имѣло одно только средство бороться съ ними, — жалобы и доносы. Средство это иногда имѣло успѣхъ, но иногда тяжело падало на тѣхъ, кто употреблялъ его. Повѣрка доносовъ была затруднительна; обвиняемые всегда находили множество средствъ оправдаться. Наконецъ, доносчикамъ перестали и вѣрить.

---

[1] Сб. Р. Ист. Общества I, 243.

[2] Чтенія въ обществѣ Исторіи и древностей 1859, III, 65. Записки о Сибири.

Знаменитый указъ Екатерины по дѣлу Якобія, написанный Державинымъ, на половѣка заклеймилъ Сибиряковъ названіемъ ябедниковъ.

Иногда населеніе, выведенное изъ терпѣнія произволомъ правителей, рѣшалось не исполнять незаконныхъ требованій. Оно считало себя на легальной почвѣ. Но его представляли бунтовщикомъ; дѣйствія его представлялись въ превратномъ видѣ, и строгіе указы высшаго правительства приводили его въ невольное повиновеніе.

Слишкомъ немногіе правители вышли чистыми изъ этого омута злоупотребленій. Правительство видѣло зло но не знало, какъ его исправить. Каждому новому начальнику давались новыя, болѣе прежняго обширныя, полномочія для исправленія зла, сдѣланнаго его предмѣстниками: а каждыя новыя полномочія давали возможность и поводъ къ новымъ злоупотребленіямъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Сибирь раздѣлялась на двѣ губерніи — Тобольскую и Иркутскую. Военнымъ губернаторомъ въ Иркутскѣ былъ генералъ Леццано. Онъ былъ человѣкъ честный, но крутой, надменный и далеко необладавшій знаніемъ дѣла и административными дарованіями. Онъ не сошелся съ ревизовавшимъ Сибирь сенаторомъ Селифонтовымъ. По жалобамъ разныхъ лицъ и по доносамъ Селифонтова, онъ былъ уволенъ и преданъ суду [1]). Послѣ кратковременнаго управленія Иркутскою губерніею ничтожнаго генерала Лебедева, было учреждено общее для всей Сибири генералъ-губернаторство. Генералъ-губернаторомъ назначенъ (1803 г.) Селифонтовъ.

Въ Именномъ указѣ, 23 Мая 1803 г., ему была дана особая инструкція. Эта инструкція оставалась въ своей силѣ почти двадцать лѣтъ до изданія Сибирскаго Учрежденія. Она давала генералъ-губернатору чрезвычайно обширную власть. Ему между прочимъ предоставлено было, не только удалять отъ должности и предавать суду, но и ссылать въ отдаленныя мѣста нерадивыхъ или вредныхъ чиновниковъ. Особенное вниманіе велѣно было обратить на то, чтобы искоренить господствующій (будтобы) въ Сибирскомъ населеніи «духъ ябеды» [2]).

Понятно, что, съ пріѣздомъ Селифонтова въ Сибирь, «все пало ницъ и безмолвствовало». Но онъ не оправдалъ высокаго довѣрія, какое было ему оказано. Онъ былъ умный, но слабый правитель. Въ его время были введены нѣкоторыя дѣйствительно полезныя

---

[1]) О положеніи дѣлъ въ Тобольской губерніи мы не имѣемъ свѣдѣній.

[2]) П. С. З. 20771.

общія мѣры: учреждена Томская губернія, сокращено число присутственныхъ мѣстъ, уничтожены нѣкоторые уѣзды, съ учрежденіемъ, взамѣну ихъ, коммиссарствъ; учреждены въ Иркутской губерніи казенные запасные магазины. Но эти мѣры послужили только источникомъ новыхъ доходовъ любимцевъ генералъ-губернатора. Дѣлами управляли: фаворитка Селифонтова, M-me Бойе, дочь ея, фаворитка сына Селифонтова, и правитель канцеляріи его Бакулинъ. Взяточничество развилось въ высшей степени. По донесеніямъ графа Головкина, Селифонтовъ былъ уволенъ въ 1806 г. отъ службы, съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы. Мѣсто его заступилъ Пестель, съ тѣми же правами, но еще съ большею существенною довѣренностью [1].

Крайнее себялюбіе, страсть къ произволу, потворство своимъ любимцамъ, неумолимая мстительность, вотъ отличительныя черты Пестеля. Тотчасъ послѣ перваго обозрѣнія Сибири, онъ возвратился въ Петербургъ и жилъ тамъ постоянно. Здѣсь главнымъ занятіемъ его было ожесточенное преслѣдованіе двухъ смѣненныхъ имъ губернаторовъ: Томскаго—Хвостова и Тобольскаго—Корнилова. Поводомъ къ преслѣдованію Хвостова были исключительно личныя неудовольствія на него Пестеля. Хвостовъ, первый Томскій губернаторъ, человѣкъ честный и дѣятельный, отлично знавшій край, представилъ прямо отъ себя Министру Внутреннихъ Дѣлъ разныя полезныя предположенія къ устройству губерніи. Это не понравилось Пестелю, который любилъ выдавать чужіе проекты за свои, и потому не любилъ чтобы какіе нибудь проекты шли мимо него. Это, по словамъ Хвостова, была первая причина личныхъ неудовольствій. Вторая состояла въ томъ, что Хвостовъ представилъ Пестелю объ облегченіи крайне тягостныхъ земскихъ повинностей въ то время, когда помянутое положеніе объ этихъ повинностяхъ было уже утверждено Пестелемъ. Третья и «рѣшительная» состояла въ томъ, что, по одному откупному дѣлу, Хвостовъ не рѣшился исполнить предложеніе Пестеля, противное сенатскому указу. Само собою разумѣется, что къ преданію его суду были выставлены не эти поводы, а другіе; но и они были также ничтожны и грязны, какъ первые. Корниловъ обвинялся въ томъ, что привелъ въ исполненіе одну мѣру, предписанную тѣмъ же Пестелемъ, но отмѣненную имъ впослѣдствіи [2].

---

[1]) П. С. З 22143. Чтенія 1859, III, 72.

[2]) Р. А. 1870 г. № 3, стр. 598—610. Хвостовъ представилъ Министерству проекты: о перенесеніи г. Нарыма на другое мѣсто; объ упраздненіи Туруханска; о порядкѣ суда надъ инородцами; о порядкѣ сборовъ ясака; о заведеніи школы для Сагайскихъ татаръ

Но это были не единственные предметы его преслѣдованій. Чтобы имѣть возможно большій просторъ для своихъ преслѣдованій, Пестель испросилъ себѣ право предавать суду провіантскихъ, коммисаріатскихъ и морскихъ чиновниковъ [1]).

Начальникъ Тобольскаго провіантскаго депо, генералъ Куткинъ, осмѣлился о чемъ то поспорить съ нимъ.—Пестель отдалъ его подъ судъ, заключилъ подъ строжайшій домашній арестъ, даже разлучилъ съ семействомъ. Пестель скрывалъ передъ сенатомъ истинное положеніе Куткина, и оставлялъ безъ исполненія сенатскіе указы о облегченіи его участи. «Жизнью отвѣчаю, восклицалъ Куткинъ изъ своего заточенія, что враги мои не найдутъ ни одного слова къ оправданію тѣхъ жестокостей, которыя они мнѣ наносятъ».—Имѣніе Куткина [2]) было описано прежде начета; дочь его ослѣпла отъ слезъ; самъ онъ въ 1817 г. умеръ подъ стражей; а злоупотребленій, при рѣшеніи дѣла, не оказалось [3]).

На могильномъ памятникѣ Куткина начерчена была многозначительная надпись: «И прямизна тебя не спасла» [4]).

На провіантскихъ и коммисаріатскихъ чиновниковъ открыто гоненіе, «какъ на жидовъ», до тѣхъ поръ, пока всѣ мѣста не были заняты своими [5]). Употребляя во зло свое званіе сенатора, а потомъ члена государственнаго совѣта, Пестель настойчиво требовалъ самыхъ жестокихъ наказаній тѣмъ лицамъ, которыхъ преслѣдовалъ. Страсть его къ преслѣдованію доходила до мелочности. Нерѣдко сибирскія судныя дѣла переходили въ общее собраніе сената и въ государственный совѣтъ единственно по несогласію Пестеля съ рѣшеніемъ другихъ сенаторовъ. По одному изъ такихъ дѣлъ, о какомъ то коллежскомъ регистраторѣ Журавлевѣ, Пестель, только по убѣдительной просьбѣ министра юстиціи И. И. Дмитріева, согласился съ смягчительнымъ рѣшеніемъ сената; но едва состоялось это рѣшеніе, онъ выслалъ Журавлева изъ Си-

---

и объ устройствѣ солевареннаго завода вверху рѣки Енисея. Онъ былъ преданъ суду по доносамъ Пестеля, что онъ увезъ съ собой въ Петербургъ поселенца, что на него былъ доносъ, будтобы исправникъ собиралъ для него съ волостей 700 р., и что онъ допустилъ медленность въ исполненіи предложенія Пестеля о невыпускѣ изъ города одного подсудимаго чиновника. Кромѣ того онъ принималъ мѣры и къ развитію образованія между Туруханскими инородцами (Записки И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. II, стр. 257—258).

[1]) Св. 140 № 234: 14 февраля и 5 Іюня 1809 г,

[2]) Куткинъ былъ Сибирякъ. У него была близъ Тобольска отличная полотняная фабрика. Словцовъ, Ист. Об. Спб.

[3]) Чтенія 1859, III, 73; 1864 г. IV, 143.—Корфъ, II, 166.

[4]) Прогулки вокругъ Тобольска, 100.

[5]) Чтенія 1859, III, 73.

бири [1]. Онъ даже домогался въ сенатѣ подвергнуть одного Иркутскаго купца (Щегорина) преслѣдованію за то, что тотъ осмѣлился подать на губернское правительство жалобу по гражданскому дѣлу [2]. Пестель старался преслѣдовать даже изувѣра Ракитина, который, несмотря на ссылку, за расколъ, въ Сибирь, продолжалъ проповѣдывать раскольничье ученіе, и, по положенію комитета министровъ, былъ признанъ за сумасшедшаго. Пестель представлялъ Вязмитинову обвинительный приговоръ уголовной палаты о Ракитинѣ уже послѣ того, какъ объ немъ состоялось рѣшеніе комитета министровъ [3]. Ниже будетъ сказано подробнѣе о гоненіяхъ, какимъ подвергались при Пестелѣ Иркутскіе жители.

Вообще правленіе Пестеля отличалось крайнимъ произволомъ; личныя преслѣдованія составляли только одно изъ проявленій этого произвола, можетъ быть, впрочемъ, самое поразительное и самое вредное по своимъ послѣдствіямъ [4].

Личное безкорыстіе Пестеля было подвержено большому сомнѣнію. «Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника,» говоритъ Сперанскій о связяхъ Пестеля съ Трескинымъ. Другіе положительно утверждаютъ, что Трескинъ посылалъ Пестелю ежегодную дань. Есть, впрочемъ, энергическій и благородный голосъ, который горячо заступается за Пестеля въ этомъ отношеніи: голосъ Штейнгеля [5].

Наконецъ, мнѣніе современниковъ объ умѣ Пестеля было слишкомъ преувеличено. Въ дѣлахъ нѣтъ ни одного распоряженія, которое показывало бы хотя какую нибудь оригинальность или самостоятельность ума Пестеля. Писать онъ не умѣлъ; его бумаги и поправки обнаруживаютъ значительную степень безграмотности. Важнѣйшія бумаги заготовлялись для него или въ канцеляріи Трескина, или извѣстнымъ въ свое время Ѳ. П. Львовымъ, который

---

[1] Журавлевъ былъ отрѣшенъ отъ должности; уголовная палата полагала исключить его изъ службы и впредь никуда не опредѣлять; сенатъ опредѣлилъ,—оставить отрѣшеннымъ отъ должности, слѣдовательно, предоставилъ ему право вступить вновь въ службу. Самая важная вина Журавлева состояла въ томъ, что онъ былъ пьяница (Св. 140, № 230).

[2] Св. 140; № 238.

[3] Положеніе комитета министровъ изложено ниже. Оно было объявлено Пестелю министромъ полиціи 6 февраля 1815 г. Св. 41 № 262.

[4] Дмитріевъ (Записки, 188—189) въ числѣ разныхъ злоупотребленій Пестеля, упоминаетъ, между прочимъ, о томъ, что онъ уничтожалъ заключенные съ частными лицами казною контракты, а служащихъ чиновниковъ отсылалъ для суда за 3000 в. въ другую губернію.

[5] Р. А. 1869 г. № 11.—Щукинъ.—Штейнгель—Чтенія, 1859 г.—Письмо къ Столыпину 23 октября 1819 г.

былъ прежде секретаремъ при гр. Н. П. Румянцевѣ. Сперанскій съ презрѣніемъ называетъ Пестеля самою слабою головой, которая неспособна управлять даже Олонецкой губерніей [1].

Непосредственная дѣятельность Пестеля въ отношеніи къ Сибири ограничивалась исключительно преслѣдованіемъ разныхъ личностей. Дѣлами управленія онъ не занимался; и могъ ли онъ управлять Сибирью изъ Петербурга? На мѣстахъ дѣйствовали губернаторы. Въ громадѣ дѣлъ, которыя мы пересмотрѣли по поводу настоящаго труда (за исключеніемъ судныхъ), едва нашлось два—три, и то ничтожныхъ случая, гдѣ Пестель, въ тринадцать лѣтъ своего управленія, высказалъ самостоятельное мнѣніе; онъ почти всегда соглашался съ губернаторами, и заключенія ихъ выдавалъ передъ высшимъ правительствомъ за свои собственныя [2].

Тобольскимъ губернаторомъ былъ Фанъ-Бринъ, человѣкъ старый и слабый, зять, креатура, и, слѣдовательно, покорнѣйшій слуга Пестеля, хотя и злѣйшій врагъ его въ душѣ. Въ Томскѣ, послѣ угодливаго Марченка, губернаторствовалъ недалекій безнравственный и деспотическій Илличевскій. Но правою рукою Пестеля, главнымъ дѣятелемъ во все время управленія его Сибирью, образцомъ для другихъ Сибирскихъ губернаторовъ, ихъ «учителемъ», былъ любимецъ Пестеля, Иркутскій губернаторъ Николай Ивановичъ Трескинъ.

Трескинъ былъ извѣстенъ Пестелю по прежней своей службѣ въ Петербургскомъ почтамтѣ, какъ необыкновенно дѣятельный чиновникъ. По словамъ нѣкоторыхъ, онъ вошелъ въ особенную милость къ Пестелю будто бы женитьбой на его любовницѣ. Говорятъ также, что Трескинъ дѣлился съ Пестелемъ своими доходами [3]. Первое для насъ неважно, а послѣднее недоказано; но важно то, что Пестель не хотѣлъ ѣхать въ Сибирь, если ему не дадутъ Трескина въ Иркутскіе губернаторы; что онъ настойчиво покровительствовалъ и безусловно вѣрилъ ему во все время своего управленія. Пестель предоставилъ Трескину полную свободу и власть, какую только онъ могъ передать ему на основаніи своей инструкціи.

Трескинъ, безспорно, былъ человѣкъ умный и дѣятельный. Многіе въ Сибири еще и нынѣ считаютъ его идеаломъ хорошаго губернатора. Но это были умъ и дѣятельность не государственнаго человѣка, а канцелярскаго и полицейскаго чиновника. Они были

---

[1] Письмо къ Столыпину 23 октября 1819 г.—Бумаги б. Корфа: переписка, письмо къ Кочубею 18 декабря 1819 г. Р. А. 1869., № 11.—Арх. дѣлъ.

[2] Р. А. 1869, № 11. Арх. дѣла.

[3] Щукинъ. Геденштромъ.

устремлены только на мелочи и многописаніе. Трескинъ былъ превосходный исполнитель; какъ большая часть людей этого рода, онъ могъ быть хорошъ только въ хорошихъ рукахъ. Его предоставили самому себѣ, облекли высокою властью. Въ немъ вполнѣ развились полицейскія замашки прежняго времени, и изъ него вышелъ невыносимый деспотъ.

Трескинъ, сдвали еще не въ большей степени, соединялъ въ себѣ тѣ качества, которыми отличался его покровитель. Законовъ онъ не исполнялъ. На министерскія предписанія онъ не обращалъ никакого вниманія. Еще въ 1811 г. сенатъ сдѣлалъ ему «особенное» замѣчаніе за то, что онъ самовольно распоряжался медицинскими чинами, вопреки распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ [1]. Онъ позволялъ себѣ величайшія самоуправства. Даже защитникъ и поклонникъ его, Геденштромъ, говоритъ, что онъ «губернію считалъ вотчиною, а себя полномочнымъ въ ней приказчикомъ или управляющимъ [2])». По мнѣнію Геденштрома, это было достоинство; но очевидно, что такой образъ управленія былъ ничто иное, какъ примѣненіе въ обширныхъ размѣрахъ помѣщичьяго произвола. Мы увидимъ далѣе, что даже помѣщичій произволъ никогда не достигалъ въ Россіи такого развитія, какъ Трескинскій произволъ въ Иркутской губерніи. Его можно сравнить только съ произволомъ и мелочнымъ вмѣшательствомъ Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ, и особенно въ знаменитомъ Грузинѣ.

Къ этому, по свидѣтельству современниковъ, должно прибавить еще глубокое невѣжество. Начальникъ обширнѣйшей провинціи въ мірѣ не имѣлъ даже понятія о томъ, что такое статистика. Ученыхъ онъ не любилъ и боялся; гласность,—даже та слабая гласность, которая изрѣдка проявлялась въ газетныхъ статейкахъ о погодѣ и урожаѣ,—выводила его изъ себя [3]). Личная дерзость и высокомѣріе его доходили дотого, что онъ даже вице-губернатора заставлялъ подавать ему шубу [4]). По свидѣтельству Сперанскаго, это былъ «человѣкъ наглый, отмѣнно смѣлый, неглупъ, хотя и худо воспитанъ, но хитръ и лукавъ, какъ демонъ», и притомъ—«человѣкъ необыкновенной тонкости въ мелочахъ и изворотахъ [5])».

---

[1]) Св. 104, № 27 указ. сената 21 апрѣля 1811 г.—Корфъ, II, 167.

[2]) Геденштромъ.

[3]) Щукинъ.—Даже Геденштромъ говоритъ, что Трескинъ занимался только дѣлами и не любилъ наукъ, считая ихъ занятіемъ пустымъ и безполезнымъ (Матеріалы, I).

[4]) Корфъ, II, 167.

[5]) Р. А. 1869 г. № 11,—Письмо къ Столыпину 23 октября 1819 г.—Переписка, письмо къ Кочубею 18 декабря 1819 г. Здѣсь Сперанскій говоритъ, что Трескинъ—человѣкъ необыкновенныхъ способностей: смѣлъ, рѣшителенъ, чрезмѣрно смѣтливъ.

По словамъ Геденштрома, который вообще былъ о Трескинѣ высокаго мнѣнія, Трескинъ былъ «чрезвычайно честолюбивъ и самолюбивъ, въ обращеніи гордости не показывалъ, и все это покрывалъ личиною простоты и даже грубости» [1]).

Долгъ справедливости обязываетъ насъ сказать, что, какъ частное лицо, Трескинъ считался весьма добрымъ человѣкомъ, и что впослѣдствіи, когда онъ былъ уже отрѣшенъ отъ должности и жилъ въ своей деревнѣ, въ немъ не было и слѣдовъ прежняго грознаго Иркутскаго деспота [2]).

Неутомимый Трескинъ былъ вездѣсущъ. Все утро онъ отдавалъ секретарямъ присутственныхъ мѣстъ приказанія, что̀ и какъ должно рѣшать. Присутствіямъ оставалось только давать этимъ приказамъ законную форму. Онъ устроилъ наружный порядокъ въ Иркутскѣ, уничтожилъ разбои въ губерніи, устроилъ кругобайкальскую дорогу. Особенно заботился онъ объ увеличеніи хлѣбопашества. Но всѣ эти мѣры, полезныя сами по себѣ, были сопряжены съ крайнимъ стѣсненіемъ мѣстной экономической жизни и съ неслыханными насиліями [3]).

Трескинъ имѣлъ достойныхъ сподвижниковъ. Жена и любимцы его грабили открыто. Жена Трескина, въ одномъ изъ напечатанныхъ извѣстій о его времени, названа «женщиной домовитой и весьма нестрогихъ правилъ, въ дѣла которой мужъ *ни въ какомъ отношеніи* не вмѣшивался». Рукописныя и изустныя свѣдѣнія отзываются объ ней несравненно рѣзче. Окружавшихъ ее молодыхъ чиновниковъ она называла своими дѣтками, и оказывала имъ всевозможное покровительство [4]). Секретаремъ у Трескина былъ нѣкто Бѣлявскій,—«лучшее, самое дѣловое перо, какое только мнѣ случалось встрѣчать въ своей жизни» — писалъ Сперанскій, авторитетъ въ этомъ случаѣ. Бѣлявскій былъ правою рукою и злымъ геніемъ Трескина. «Все бездѣльники; въ бараній рогъ надобно согнуть» — безпрестанно твердилъ онъ губернатору. «И подлинно гнули», говоритъ современникъ [5]). Говорятъ, что, безъ жены и Бѣлявскаго, Трескинъ былъ бы совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Трудно судить, насколько это справедливо. Трескинъ былъ слишкомъ уменъ и энергиченъ для того, чтобы позволить кому

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Геденштромъ говоритъ, что Трескинъ былъ человѣкъ безкорыстный, чрезвычайно дѣловой и неутомимый по должности, честолюбивый и самолюбивый до крайности (Геденштромъ. Матеріалы).

[2]) Геденштромъ. Щукинъ.

[3]) Щукинъ. Булатовъ. Корфъ, II, 167—168.

[4]) Чтенія 1859 г. т. 79. Щукинъ. Герасимовъ и пр.—Корфъ, II, 168.

[5]) Чтенія 1859 г.. III. 170. Корфъ, II, 167—169, 200. Булатовъ.

нибудь управлять собою. Быть можетъ, по особеннымъ отношеніямъ къ женѣ, онъ и былъ отъ нея въ нѣкоторой зависимости. На это есть и нѣкоторыя указанія современниковъ [1]). Но что могло заставить его быть въ зависимости отъ Бѣлявскаго? Неужели боязнь, какъ говоритъ другой современникъ [2])? Неужели то, что Бѣлявскій былъ любовникъ его жены? Его произволъ и всѣ злоупотребленія власти объясняются сами собою, если вспомнить, что онъ былъ снабженъ сильными полномочіями, пользовался неограниченною довѣренностью Пестеля и потому имѣлъ полную возможность преслѣдовать недовольныхъ. Они будутъ еще понятнѣе при томъ «хозяйскомъ» взглядѣ на свою власть, о которомъ упоминаетъ Геденштромъ, при томъ обстоятельствѣ, что, въ виду сильной оппозиціи мѣстнаго общества, Трескину оставалось на выборъ—или измѣнить свою систему, или сойти съ своего поприща, или стереть недовольныхъ съ лица земли; онъ избралъ послѣднее.

Въ губерніи у Трескина были подъ рукой три исправника: Иркутскій—Волошиновъ, Верхнеудинскій—Геденштромъ, и Нижнеудинскій—Лоскутовъ. О первомъ не сохранилось особенныхъ извѣстій; Геденштромъ очерченъ въ книгѣ барона Корфа въ немногихъ, но рѣзкихъ чертахъ, какъ доносчикъ и развратникъ. Мы имѣемъ другія показанія, гораздо болѣе благопріятныя для Геденштрома. Страсть къ разгульной, или скорѣе къ открытой и роскошной жизни, дѣйствительно была въ немъ велика. Эта страсть, вмѣстѣ съ страстью его молодой жены къ нарядамъ, была едвали не главной причиной его лихоимства. Но въ то же время въ характерѣ его встрѣчаются и такія черты, которымъ нельзя не сочувствовать. Это былъ человѣкъ весьма добрый, помогалъ крестьянамъ не только совѣтами, но и деньгами, и оставилъ по себѣ въ народѣ добрую память. Въ свое время онъ считался однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей, какіе когда либо жили въ Сибири, и пользовался глубокимъ уваженіемъ. Геденштромъ совершилъ путешествіе въ 1807—1811 г. къ Ледовитому морю и составилъ описаніе этого путешествія. Впослѣдствіи онъ издалъ книгу.—«Отрывки о Сибири [3])». Послѣ смерти его осталось въ ру-

---

[1]) Чтенія 1859, III, 79.—Щукинъ.—Разсказы современниковъ: Караулова, Герасимова и пр.,—см. прилож. къ 2 главѣ.

[2]) Щукинъ.

[3]) Щукинъ.—Булатовъ.—Современные разсказы. — Памятная книжка Иркут. губ. на 1865 г. — Иркутскъ, 1865 г., ст. Н. Щукина: Матеріалы для Сибирской библіографіи, стр. 57—60.—Р. А. 1871 г., 194.

конисп сочиненіе, — «Матеріалы для описанія Сибири». Сочиненія его не имѣютъ литературнаго достоинства, они обнаруживаютъ огромную начитанность, насмѣшливый умъ и—крайнюю узкость понятій; но они любопытны по богатству матеріаловъ. Это былъ Сибирскій Вигель.

Но болѣе всѣхъ прославился Лоскутовъ. Имя его и теперь извѣстно въ Сибири. Онъ устроилъ казенныя поселенія въ Нижнеудинской округѣ и прекратилъ грабежи и разбои по московскому тракту. Бѣдный, худой, чахоточный, съ гробовымъ голосомъ, онъ былъ грозой своего уѣзда. Лоскутовъ имѣлъ наглость высѣчь ремнями Нижнеудинскаго протоіерея Орлова. По словамъ нѣкоторыхъ, это была шутка. Трескинскіе чиновники, какъ видно, умѣли шутить очень остроумно и деликатно. Даже по отзыву Геденштрома, Лоскутовъ былъ дурной человѣкъ и во всемъ обманывалъ Трескина, который слѣпо ему вѣрилъ. Лоскутовъ нажилъ огромное состояніе, между прочимъ, продажей дорогими цѣнами вина (по 24 р. ведро), и насильной продажей зажиточнымъ крестьянамъ скота, который онъ закупалъ въ красноярскомъ уѣздѣ. Онъ вмѣшивался въ малѣйшія подробности быта поселянъ, даже кухоннаго женскаго хозяйства, и малѣйшая неисправность вызывала съ его стороны самыя жестокія карательныя мѣры. Сохранилось преданіе, что двое поселенцевъ хотѣли его убить, и не исполнили этого, испугавшись его гробоваго голоса. Предъ пріѣздомъ Сперанскаго, Лоскутовъ отобралъ у всѣхъ жителей бумагу и чернила. Несмотря на то, жалоба на него была написана и передана двумъ старикамъ для доставленія Сперанскому. Они обомлѣли отъ ужаса, когда, переправясь чрезъ Канъ на встрѣчу Сперанскому, они увидѣли возлѣ него Лоскутова. Не только за себя испугались бѣдняки, но и за Сперанскаго, когда послѣдній осмѣлился арестовать ужаснаго для нихъ Лоскутова [1]).

Были и другіе сподвижники Трескина,—того же закала. Мѣстныя преданія съ особенною настойчивостію указываютъ на засѣдателя приказа общественнаго призрѣнія, *Третьякова*. Это былъ главный сотрудникъ жены Трескина по части взятокъ. На совѣсти его лежало, между прочимъ, темное дѣло Киселева, о которомъ мы скажемъ ниже [2]). Другой дѣятель, въ томъ же родѣ, былъ помощникъ смотрителя запасныхъ магазиновъ Карпушенковъ. Это былъ ссыльный, по нѣкоторымъ показаніямъ, наказанный плетьми.

---

[1]) Корфъ, II, 201.—Геденштромъ. Щукинъ. Герасимовъ.
[2]) Щукинъ. Обуховъ и проч.

Онъ, посредствомъ подлога, поступилъ въ военную службу, выслужилъ солдатскій срокъ, потомъ поступилъ вахтеромъ запасныхъ магазиновъ и выслужился въ чины. Карпушенковъ прославился грабежами при продажѣ казеннаго хлѣба. [1]) Впрочемъ, грабили всѣ, кто только имѣлъ къ тому возможность. Этотъ поголовный грабежъ служилъ между прочимъ Трескину средствомъ губить тѣхъ чиновниковъ, которые почему либо имѣли несчастіе подвергнуться его гнѣву. Всегда можно было найти обвиненіе въ лихоимствѣ и упрятать обвиняемаго подъ судъ.

Произвольныя дѣйствія Трескина на первыхъ же порахъ вызвали сопротивленіе со стороны Иркутскаго общества. Оно выразилось избраніемъ въ головы, на трехлѣтіе 1808—10 г., Михаила Ксенофонтовича Сибирякова. Фамилія Сибиряковыхъ принадлежитъ къ числу самыхъ старыхъ въ Иркутскѣ. Одинъ изъ Сибиряковыхъ, Алексѣй, былъ депутатомъ отъ города въ коммисіи составленія законовъ. Прошедшее Ксенофонта Сибирякова, какъ и большей части купцовъ того времени, имѣло свои темныя стороны; но въ то же время онъ уже давно былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ смѣлый и стойкій, который постоянно стоялъ за права общества и защищалъ его отъ самовластія прежнихъ правителей. Смѣна Селифонтова, и особенно Ленцано, была въ значительной степени слѣдствіемъ настойчивыхъ жалобъ Сибирякова отъ имени общества. Эти качества доставили ему значительное вліяніе въ обществѣ. Родственныя связи съ многими торговыми домами, и особенно съ однимъ изъ самыхъ значительныхъ въ Иркутскѣ домомъ Николая Мыльникова—еще болѣе усиливали это вліяніе. Такой представитель городскаго общества не могъ быть пріятенъ Трескину. Придравшись къ прежнимъ, большею частію ничтожнымъ подсудностямъ Сибирякова, онъ распорядился сдѣлать новые выборы. Общество протестовало; половина его рѣшительно отказалось отъ новаго выбора, другая выбрала ничтожнаго купца Саватеева, но заявила притомъ, что она дѣлаетъ новый выборъ единственно изъ повиновенія распоряженію начальства. Въ то же время дума и

---

[1]) О Карпушенковѣ былъ сдѣланъ казенною экспедицею (при Ленцкомъ) доносъ, что онъ изъ каторжныхъ и наказанъ два раза плетьми за воровство. Подтвердилось только, что онъ въ 1778 г. изъ тверскихъ ямщиковъ, 12 лѣтъ отъ роду, былъ присланъ въ числѣ ссыльныхъ, слѣдовавшихъ въ каторжную работу. Въ военную службу онъ поступилъ по распоряженію губернатора Немцева, съ фальшивымъ формуляромъ. По сенатскому рѣшенію, онъ былъ оставленъ на службѣ, но Государь не былъ доволенъ этимъ рѣшеніемъ и поручилъ Сперанскому, тогда (1819 г.) уже Сибирскому генералъ-губернатору, собрать обстоятельныя свѣдѣнія о Карпушенковѣ. Неизвѣстно, что отвѣчалъ Сперанскій. Св. 128, № 9. Щукинъ.

магистратъ отказались исполнить требованіе начальства, о назначеніи купцовъ для участія въ осмотрѣ пушныхъ товаровъ, покупавшихся для вымѣна у Бухарцевъ ревеня; они справедливо считали это требованіе неустановленною повинностью [1].

Таковы были оффиціальныя причины, которыми прикрыто было неудовольствіе Трескина и Пестеля на Сибирякова и тестя его, Мыльникова. Но была тайная причина, можетъ быть, болѣе важная въ ихъ глазахъ. Сибиряковъ и Мыльниковъ участвовали въ важномъ доносѣ, посланномъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на дѣйствія губернскаго начальства. Можетъ быть они были и главными составителями доноса. Трескину и Пестелю было это извѣстно. Въ отвѣтѣ министру по этому доносу, Пестель прямо указываетъ на нѣкоторыхъ людей, которые занимаются подобнымъ дѣломъ, и о томъ же съ торжествомъ говоритъ въ предписаніи Трескину, когда доносъ былъ оставленъ безъ уваженія [2].

Самостоятельность городскаго общества уже сама по себѣ не могла быть пріятна Трескину и Пестелю; а доносъ на нихъ былъ въ ихъ глазахъ страшнымъ преступленіемъ, за которое надлежало всѣми силами преслѣдовать виновнаго. Трескинъ передъ Пестелемъ, а Пестель передъ Государемъ выставили Сибирякова и Мыльникова, какъ вредныхъ нарушителей общественнаго спокойствія и порядка. «Какой мѣстное начальство можетъ установить порядокъ общественный тамъ, гдѣ развратъ и самовольство состязаются съ законными распоряженіями»,—писалъ Пестель въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ 31 марта 1808 г.,—«гдѣ уже мѣры кроткихъ взысканій тщетно были испытываемы и гдѣ дерзость укоренилась въ средоточіи общественномъ? Одни только примѣры неупустительно строжайшаго взысканія съ неповинующихся могутъ подать способы и надежду возстановить по времени колеблемое развратомъ спокойствіе, котораго желаютъ многіе, но которое теряется въ собственномъ ихъ расположеніи къ заблужденіямъ». Пестель просилъ, подвергнуть городское общество взысканію по ст. 37 и 170 городоваго положенія; оштрафовать «чувствительными и примѣрными взысканіями» Иркутскій магистратъ и городскую думу; Сибирякова, «за явное возмущеніе и поползновеніе къ соблюденію непозволенныхъ своихъ корыстей», въ примѣръ другимъ, лишить добраго имени, и какъ его, такъ и Мыльникова, разослать по уѣзднымъ городамъ Иркутской губерніи [3].

---

[1]) Св. 128, № 4. См. приложенія.
[2]) Св. 128, № 5.
[3]) Св. 128, № 4.

Управлявшій министерствомъ юстиціи, князь Лопухинъ, тогда же доложилъ этотъ рапортъ Государю. Но надежды Пестеля не оправдались. Государь оставилъ рапортъ Пестеля у себя «для дальнѣйшихъ соображеній». Только 13 апрѣля 1809 г., когда Пестель находился уже въ Петербургѣ и, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ лично, объявлено ему Высочайшее повелѣніе—«Удалить Сибирякова и Мыльникова изъ Иркутска—на жительство въ уѣздные города сей губерніи». Назначеніе городовъ Пестель предоставилъ Трескину. Этотъ отправилъ Сибирякова въ Нерчинскъ, Мыльникова въ Баргузинъ. Какъ будто въ насмѣшку надъ сосланными, Трескинъ доносилъ, что «хотябы и слѣдовало удалить ихъ въ отдаленнѣйшіе сѣверные города сей губерніи, но начальство здѣшнее, слѣдуя правиламъ снисхожденія своего, которое оно всегда оказывало людямъ симъ, не взирая на безпорядки и зловредность ихъ, назначило и нынѣ, для жительства ихъ, самыя ближайшія отсюда (?) и притомъ выгоднѣйшія для промышленности каждаго изъ нихъ мѣста, которая нисколько не можетъ быть разстроена, поелику первый, Сибиряковъ, имѣетъ главный промыселъ въ поставкѣ соли по Нерчинскому краю и въ перевозкѣ съ Нерчинскихъ заводовъ свинца; Мыльниковъ же, занимаясь одною торговлею пушными и Китайскими товарами, весьма удобно можетъ производить оную изъ Баргузина, какъ ближайшаго мѣста къ Кяхтѣ, и которое тѣмъ еще выгоднѣе для него, что онъ, по разслабленію, въ которомъ болѣе года находится, можетъ пользоваться тамошними теплыми водами, извѣстными подъ именемъ Туркинскихъ» [1]). Даже люди, совершенно незнакомые съ краемъ, могутъ, взглянувъ на карту тогдашней Иркутской губерніи, увидѣть всю лживость и ядовитую иронію этого донесенія. Верхнеудинскъ, Селенгинскъ, Кяхта съ одной стороны, Нижнеудинскъ съ другой, были гораздо ближе Баргузина и Нерчинска къ Иркутску. Баргузинъ даже не былъ уѣзднымъ городомъ, слѣдовательно, ссылкой туда Мыльникова увеличилась мѣра Высочайше наложенной на него кары. Туркинскія воды находятся не въ Баргузинѣ, и пользоваться ими въ этомъ городѣ несовсѣмъ возможно; прибавимъ къ этому, что Сибирякову и Мыльникову не позволялись отлучки изъ мѣстъ ссылки. Въ сентябрѣ 1808 г. Сибиряковъ просилъ годовой паспортъ на отлучку въ Кяхту и др. города. Губернское правительство не только отказало ему въ этомъ, но велѣло подтвердить Сибирякову, чтобы онъ «от-

[1]) Донесеніе 26 мая 1809 г., № 2776. Кто-то противъ этого мѣста написалъ сбоку карандашемъ (новѣйшимъ почеркомъ): «хотя бы и слѣдовало, но . . . знать было дано!!!» Св. 128, № 4.

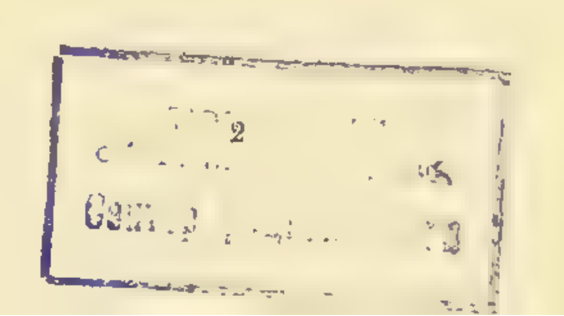
нюдь не осмѣливался входить съ такими прошеніями». Между тѣмъ Пестель смѣло повторялъ предъ министрами ту же ложь, какую донесъ ему Трескинъ. Впослѣдствіи и самому ему было трудно облегчить участь ссыльныхъ, даже тогда, когда онъ сознавалъ въ этомъ полную необходимость.

Между тѣмъ, въ сенатѣ разсматривались жалобы Сибирякова и Иркутскихъ гражданъ на Леццано. Сенатъ, по предложенію министра юстиціи, обвинилъ Леццано въ разныхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ, но не нашелъ въ нихъ злоупотребленій, и потому положилъ—поступки и долговременную службу Леццано повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе. Почти всѣ жалобы Сибирякова подтвердились, хотя и несовершенно. Сенатъ однакожъ нашелъ, что всѣ жалобы были преувеличены, а нѣкоторыя вовсе несправедливы, и положилъ подтвердить Сибирякову, чтобы онъ воздерживался отъ неосновательныхъ доносовъ. Но Государь уже имѣлъ тогда въ виду рапортъ Пестеля о Сибиряковѣ и Мыльниковѣ; онъ положилъ на докладѣ сената резолюцію—«Сибирякова предать суду» [1]. Пестель, тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, по рѣшеніи дѣла въ уголовной палатѣ, приговоръ палаты представленъ былъ на его разсмотрѣніе.

Уголовная палата опредѣлила: Лишить Сибирякова купеческаго званія и добраго имени; написать по Нерчинску въ рабочіе люди съ мѣщанскимъ окладомъ и имѣть за нимъ надзоръ, чтобы самъ не занимался ябедами и доносами и не вовлекалъ другихъ. Пестель остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ и представилъ его на утвержденіе сената. [2]) Вслѣдъ затѣмъ, въ письмахъ къ министру юстиціи, онъ снова ссылался на духъ ябеды, господствующій будтобы въ Сибири, и на знаменитую статью инструкціи объ истребленіи этого духа. «Самый извѣстнѣйшій въ семъ родѣ людей—по словамъ его—былъ въ Иркутскѣ Сибиряковъ, а въ Тобольскѣ купецъ Андрей Полуяновъ». Послѣдній, по словамъ Пестеля, обращалъ на себя особенное вниманіе «по вреднымъ дѣйствіямъ своимъ и предпріятіямъ, по недозволеннымъ изворотамъ, по лживымъ поступкамъ, по дерзости и ябедническимъ затѣямъ». Но главной виной его, безъ сомнѣнія, въ глазахъ Пестеля было то, что онъ былъ человѣкъ богатый и сильный, товарищъ Передовщикова по подрядамъ и заступался за послѣдняго. Пестель писалъ, что «не можно быть увѣрену въ *спокойствіи*, которое они, Сибиряковъ и Полуяновъ,

---

[1]) Св. 128, № 4. Сенатскій указъ 27 іюля 1809 г.
[2]) Рапортъ 4 февраля 1810 г. № 160.



всегда нарушали», и просилъ рѣшить дѣла объ нихъ безъ очереди. На это послѣдовало Высочайшее соизволеніе [1]).

Мы подчеркнули слово «спокойствіе». Имъ объясняется многое въ дѣятельности Трескина и Пестеля. Послѣдній, повидимому, думалъ, что онъ назначенъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ только для того, чтобы наслаждаться полнымъ спокойствіемъ. Въ перепискѣ съ министрами, онъ безпрестанно жаловался, что нарушали его спокойствіе; въ одномъ изъ писемъ къ Сперанскому, онъ просилъ его возбранить клеветы и возстановить не только его собственное спокойстствіе, но и всѣхъ тѣхъ, которые въ отдаленномъ Сибирскомъ краю подобными людьми тревожатся, служа съ честію и усердіемъ. [2])

Въ другомъ письмѣ Пестель жаловался, что жалобы и доносы заставляютъ его имѣть «оскорбительныя съ ними состязанія». Пестель желалъ бы заключиться въ гордомъ покоѣ и наслаждаться имъ въ Петербургѣ [3]). Но для этого было нужно, чтобъ весь громадный край, ввѣренный его управленію, былъ погруженъ въ гробовое молчаніе, и чтобы онъ и его любимцы дѣлали, что хотѣли, не опасаясь не только взысканій, но даже непріятной возможности отвѣчать на вопросы о ихъ поступкахъ. Въ этомъ молчаніи онъ полагалъ и народное спокойствіе.

Друзья и родственники Сибирякова и Мыльникова не дремали. Въ началѣ 1811 года пріѣхалъ въ Петербургъ старшій сынъ Сибирякова хлопотать о возвращеніи отца и дѣда. Онъ безпрестанно, разными путями, подавалъ правительству просьбы объ этомъ. Въ дѣлахъ сохранилась записка, гдѣ онъ просилъ объ одномъ только,—чтобы отцу и дѣду его позволено было возвратиться къ семействамъ въ Иркутскъ, и обѣщалъ представить поручителей, что они не будутъ болѣе заниматься доносами [4]). Но частные архивы сохранили болѣе разнообразныя и болѣе серьезныя жалобы Сибирякова сына [5]). Значительнѣйшіе люди въ государствѣ принимали участіе въ сибирскихъ страдальцахъ. Запросы сыпались на Пестеля, но онъ храбро и бойко отписывался. Министру полиціи онъ писалъ, что Иркутское общество только тогда и можетъ наслаждаться спокойствіемъ, если Сибиряковъ и Мыльниковъ будутъ

---

[1]) Св. 128, № 4. Отнош. къ М. Ю. 14 марта 1810. Отвѣтъ 11 апрѣля 1810.

[2]) Св. 128, № 4. Письмо 4 февраля 1811 г. Въ отпускѣ это прибавлено рукою самого Пестеля.

[3]) Св. 139, № 4. Письмо къ Сперанскому 18 февраля 1817.— Переписка: письмо Сперанскаго къ Кочубею 18 декабря 1819 г.

[4]) Св. 128, № 4.

[5]) См. прилож.

оставаться въ ссылкѣ [1]). Извѣстный своею прямотой Державинъ, тогда уже частный человѣкъ, старикъ, близкій къ гробу, въ письмѣ къ Сперанскому (которое, къ сожалѣнію, намъ не попадалось), ходатайствовалъ за изгнанниковъ и говоритъ, что на нихъ сторонѣ законъ, и что «безъ суда они наказаны». Письмо было доложено Государю; отъ Пестеля потребовали объясненій. Пестель, въ отвѣтъ Сперанскому, сказалъ, что письмо Державина для него «и удивительно и оскорбительно», и повторялъ клеветы на Сибирякова и Мыльникова [2]). Старикъ снова взялся за перо, чтобы доказать лживость нѣкоторыхъ показаній Пестеля [3]). Но пока продолжалась эта полемика, участь Сибирякова и Мыльникова снова рѣшилась: 9 февраля 1811 г. Балашевъ объявилъ Высочайшее повелѣніе,—оставить ихъ на мѣстахъ жительства [4]). Дальнѣйшія хлопоты сына Сибирякова не имѣли никакого успѣха.

Мыльниковъ и Сибиряковъ рѣшились дѣйствовать чрезъ Трескина. Въ мартѣ 1811 г. Мыльниковъ обратился къ нему съ просьбой,—дозволить ему пріѣхать въ Иркутскъ лечиться. Пестель представлялъ объ этомъ докладную записку Государю и потомъ объявилъ Трескину Высочайшее повелѣніе—отправить къ Мыльникову, въ Баргузинъ, лекаря [5]).

Въ февралѣ 1811 г. Сибиряковъ послалъ письмо къ Трескину и чрезъ него—къ Пестелю. Сибиряковъ называлъ ихъ «милостивыми государями и отцами», и просилъ одной милости, позволить ему провести остатокъ дней въ Иркутскѣ, въ кругу своего семейства. Въ отвѣтъ на это Пестель сослался на Высочайшее повелѣніе о Сибиряковѣ и на то, что, «не смотря на неоднократныя его просьбы и настоянія разныхъ особъ покровительствуемыхъ (sic) Сибирякову»,—Высочайшаго соизволенія о возвратѣ его не послѣдовало, а потому онъ не рѣшается даже и ходатайствовать объ этомъ [6]). Между тѣмъ Трескинъ рѣшился позволить Сибирякову съѣздить въ Нерчинскіе заводы и въ селенія заводскаго вѣдомства, для надзора за принятой имъ на себя поставкой соли. Пестель утвердилъ это распоряженіе «по необходимости», но съ тѣмъ, чтобы Сибиряковъ не былъ обращаемъ въ Иркутскъ [7]). Въ слѣдующемъ году

---

[1]) Св. 128, № 4. Отнош. 25 января 1811.
[2]) Св. 128, № 4. Письмо 4 февраля 1811.
[3]) См. Прилож.
[4]) Св. 128, № 4.
[5]) Тамъ же, предпис. 17 октября 1811 г.
[6]) Св. 128, № 4. Предпис. Трескину 19 апрѣля 1812 г.
[7]) Тамъ же, предпис. 31 мая 1812 г.

главнокомандующій въ Петербургѣ, вслѣдствіе отношеній министра финансовъ о необходимости Сибирякову отлучаться изъ Нерчинска по соляному подряду, спрашивалъ Пестеля: можно ли позволить ему эту отлучку. Пестель отвѣчалъ длинной рацеей о зловредности Сибирякова, и въ окончательномъ выводѣ писалъ, что уволить его нельзя и что онъ всегда получалъ на это Высочайшіе отказы [1]; а въ дѣйствительности онъ ни разу и не докладывалъ о Сибиряковѣ.

Сенатъ не соглашался утвердить рѣшеніе уголовной палаты о Сибиряковѣ. Пестель остался при рѣшеніи палаты. Поэтому дѣло о Сибиряковѣ было возвращено изъ сената въ уголовную палату, для дополненія. Палата представила его съ прежнимъ заключеніемъ, которое было еще дополнено тѣмъ, чтобы доносовъ отъ Сибирякова, кромѣ какъ по своимъ дѣламъ, впредь не принимать. 5-й Департаментъ сената рѣшилъ удалить Сибирякова отъ выбора и опредѣленія къ общественнымъ дѣламъ и не принимать отъ него доносовъ; прежнія подсудности простить ему изъ уваженія къ глубокой его старости. Пестель опять не согласился съ этимъ рѣшеніемъ. Дѣло перешло въ общее собраніе.

Но вдругъ Пестель вздумалъ отличиться великодушіемъ. 10 сентября 1814 г. онъ подалъ въ сенатъ мнѣніе о томъ, чтобы Сибирякова освободить отъ наказанія по манифесту 30 августа 1814 г. Эта милость объясняется очень просто: въ этотъ день Пестель получилъ оффиціальное донесеніе (а частное свѣдѣніе могъ имѣть и раньше), что Сибиряковъ 10-го іюля умеръ.

Послѣ смерти Сибирякова, дряхлый и больной Мыльниковъ не могъ уже быть опасенъ. Въ январѣ 1815 г. Пестель отъ себя вошелъ къ министру юстиціи съ ходатайствомъ о возвращеніи Мыльникова въ Иркутскъ. 8 марта Трощинскій объявилъ на это Высочайшее соизволеніе [2]).

Еще прежде преслѣдованій Сибирякова, началось знаменитое дѣло откупщика Передовщикова. Передовщиковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ авантюристовъ, которыми такъ богата была Сибирь въ прежнее время. Въ молодости, онъ за что то былъ сосланъ въ Туруханскій край (въ 1788 г.). Бойкій и смѣтливый, онъ выписался сначала въ крестьяне, а потомъ въ купцы по Туруханску. Именнымъ указомъ 7 февраля 1798 г. онъ былъ оставленъ въ этомъ званіи [3]). Впослѣдствіи Передовщиковъ разбогатѣлъ, вошелъ въ

---

[1]) Св. 128, № 4. Отнош. 9 мая 1813 г.

[2]) Св. 128, № 4.

[3]) Св. 42, № 204.

откупа, сдѣлался коммерціи совѣтникомъ, пріобрѣлъ огромныя связи. При торгахъ на четырехлѣтіе съ 1807 г., онъ взялъ на откупъ полъ-Россіи и всю Сибирь. Оффиціальныхъ свѣдѣній о послѣдствіяхъ торговъ въ Иркутскѣ долго не было получено, хотя частно и было уже извѣстно, что откупъ остался за Передовщиковымъ. Трескинъ воспользовался этимъ; онъ принялъ откупъ въ казну и сдалъ его съ торговъ уѣзднымъ откупщикамъ. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхала въ Иркутскъ жена Передовщикова, съ довѣренностью отъ мужа, и формально протестовала противъ распоряженій губернатора. И Трескинъ, и самъ Пестель уговаривали жену Передовщикова покончить дѣло. Она не согласилась на это и имѣла неосторожность похвастать связями своего мужа. Этого было достаточно, чтобы возбудить противъ него самое ожесточенное преслѣдованіе. Сначала Пестель отыскивалъ дѣла, къ которымъ могъ бы привлечь Передовщикова, по Тобольской и Томской губерніямъ. Въ послѣдней нашлось какое то дѣло, но оно было не важно [1]). Тогда прибѣгли къ другому способу. Изъ Иркутской откупной конторы были выкрадены книги прежнихъ откуповъ и найдены въ лѣсу. Вмѣсто того, чтобы возвратить ихъ кому слѣдуетъ, стали разсматривать ихъ и открыли злоупотребленія, всегда существовавшія въ откупномъ дѣлѣ. Передовщикова вытребовали изъ Петербурга, привезли подъ строжайшимъ арестомъ сначала въ Тобольскъ, гдѣ его выдержали три мѣсяца, а потомъ въ Иркутскъ. Здѣсь его предали суду. Мы не видали подлиннаго дѣла о Передовщиковѣ; но изъ нѣкоторыхъ данныхъ извѣстно, что онъ обвинялся въ дачѣ чиновникамъ взятокъ хлѣбомъ и деньгами, несвоевременномъ взносѣ въ казну денегъ за вино, содержаніи, подъ видомъ повѣренныхъ, съемщиковъ питейной продажи, содержаніи ссыльныхъ въ домѣ и при питейной продажѣ и въ полномъ распоряженіи винокуреніемъ на Александровскомъ и Илгинскомъ казенныхъ винокуренныхъ заводахъ. Кромѣ того, на него были сдѣланы огромные денежные начеты. Для суда надъ нимъ были сдѣланы особенныя приготовленія. Предсѣдатель уголовной палаты Горновскій и прокуроръ Петровъ протестовали противъ неправильнаго начатія дѣла о Передовщиковѣ по неизвѣстно откуда взявшимся

---

[1]) Здѣсь онъ былъ замѣшанъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ Туруханскихъ чиновниковъ. Губернскій судъ опредѣлилъ: за злоупотребленія въ продажѣ вина и подкупъ чиновниковъ, лишить Передовщикова званія коммерціи совѣтника. Мы не знаемъ, какъ окончательно было рѣшено дѣло. Св. 140 и 244.

книгамъ [1]). Вслѣдствіе этого, Горновскій былъ уволенъ отъ службы, а Петровъ переведенъ въ Тобольскъ въ 1808 г. На мѣсто ихъ назначены двѣ ничтожныя и покорныя Трескину личности— совѣтникъ Корюховъ и губернскій стряпчій Шлаковъ. Судъ надъ Передовщиковымъ сопровождался величайшими притѣсненіями. Съ нимъ обходились чрезвычайно грубо, держали его въ судѣ на допросахъ до поздней ночи, и даже не предъявили ему тѣхъ бумагъ, по которымъ онъ обвинялся. Онъ осужденъ былъ на каторжную работу. Тотчасъ, по объявленіи приговора, его прямо изъ губернскаго правительства отправили въ полицію, а оттуда въ ссылку. Гораздо позже, въ апрѣлѣ 1818 г., малолѣтній сынъ Передовщикова подавалъ Пестелю, для доклада Государю, всеподданнѣйшую просьбу о помилованіи его отца. Просьба эта возвращена ему съ отзывомъ, что Пестель не имѣетъ права ее принять. Но въ концѣ того же года Пестель смилостивился надъ Передовщиковымъ. Онъ спросилъ Трескина, какъ ведетъ себя Передовщиковъ; получилъ въ декабрѣ отвѣтъ, что онъ находится въ Нерчинскомъ большомъ заводѣ и ведетъ себя порядочно во всѣхъ отношеніяхъ, и ничего не сдѣлалъ [2]).

Такіе поступки власти не могли возбудить въ мѣстномъ населеніи особеннаго расположенія къ ней. Кромѣ того, и у Передовщикова, и у Сибирякова съ Мыльниковымъ, были родственники, знакомые, приверженцы, люди, связанные съ ними интересами. Самоуправство Трескина возбуждало въ нихъ не только неудовольствіе, но и болѣе или менѣе громкій ропотъ. Трескинъ дѣятельно старался заглушить его. И онъ и Пестель называли недовольныхъ *партіей* и употребляли всѣ мѣры, чтобы уничтожить ее. Изъ Иркутска высланы были братъ Сибирякова (въ Жиганскъ) и купецъ Дударовскій. Подвергся преслѣдованію купецъ Киселевъ, человѣкъ умный, смѣлый и пылкій. Онъ руководилъ жену Передовщикова въ протестахъ ея противъ неправильныхъ дѣйствій Трескина и громко порицалъ его самоуправство. Не было благовиднаго повода поступить съ нимъ, какъ съ прочими; поэтому придумали другой способъ. Киселева объявили сумасшедшимъ и посадили въ больницу. Тамъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Народная молва обвиняла въ смерти его Третьякова, который былъ тогда смотрителемъ больни-

---

[1]) Петровъ въ 1807 г. вообще подавалъ множество протестовъ на дѣйствія Трескина. Пестель жаловался министру юстиціи, князю Лопухину, какъ на это, такъ и на связь Петрова съ неблагонадежными людьми. Св. 150, № 15.

[2]) Св. 33, № 15. Св. 129, № 13.—Чтенія 1859 г. № 3-й, Щукинъ. Геденштромъ. Разсказъ Караулова.—Приложеніе.

цы [1]. Мы уже говорили выше о Горновскомъ и Петровѣ. О первомъ мы будемъ имѣть случай сказать еще нѣсколько словъ впослѣдствіи. Вице-губернатора Левицкаго, коменданта Сухотина, одного изъ послѣдующихъ прокуроровъ (они вообще были недолговѣчны въ Иркутскѣ), Шатиловича, Трескинъ также считалъ своими врагами.

По крайней мѣрѣ, преслѣдованіе этихъ людей было понятно. Они имѣли значеніе, они могли быть опасны. Особенно купцы, какъ сословіе, могли рано или поздно вспомнить свою самостоятельность въ составѣ городскаго общества. Но чѣмъ, кромѣ личной ненависти, можно объяснить ожесточенное преслѣдованіе титулярнаго совѣтника Логина Пѣтухова? Неизвѣстно съ точностью, чѣмъ онъ сначала заслужилъ гнѣвъ Трескина. Одинъ современникъ говоритъ, что Пѣтуховъ былъ уѣзднымъ стряпчимъ и осмѣлился протестовать противъ незаконнаго рѣшенія уѣзднаго суда, постановленнаго въ угоду губернатору [2]. Это дѣйствительно была важная вина по понятіямъ тогдашняго управленія. Въ 1808 году мы находимъ Пѣтухова уже отрѣшеннымъ отъ службы и подъ судомъ, по прежней его должности Кудинскаго коммисара. Имѣніе его описано. Онъ объявляетъ въ губернскомъ правительствѣ, что подалъ всеподданнѣйшую жалобу на мѣстныя власти и не можетъ ввѣрить свою участь Иркутской уголовной палатѣ. Въ то же время какой-то коллежскій регистраторъ Приваловъ, котораго Трескинъ приказалъ высѣчь розгами за пьянство, крадетъ у Пѣтухова или подѣлываетъ подъ его руку [3]) черновую всеподданнѣйшую жалобу, отъ имени Привалова, и представляетъ ее губернатору. Въ жалобѣ описано упомянутое наказаніе Привалова и разныя злоупотребленія мѣстной власти. Въ ней выводятся возмутительныя и вполнѣ справедливыя вещи: тѣлесныя наказанія, безъ суда, лицъ, изъятыхъ отъ него по закону; насильственные закупы хлѣба; отдача подъ судъ множества чиновниковъ и купцовъ, особенно непріятелей Трескина; ссылки разныхъ лицъ безъ суда; злоупотребленія въ винной продажѣ; отстраненіе лучшихъ чиновниковъ и возвышеніе недостойныхъ; жестокая жадность къ наказанію осужденныхъ; бездѣйствіе генералъ-губернатора, который передалъ свою власть Трескину, и оттого полная беззащитность населенія. Трескинъ тот-

---

[1]) **Щукинъ. Чтенія 1859 г. № 3.**

[2]) Щукинъ.

[3]) Пѣтуховъ отперся отъ жалобы, ссылаясь на несходство почерка; но онъ писалъ разными почерками, и эта жалоба столько же похожа на нѣкоторыя бумаги его руки, сколько и на бумаги руки Привалова.

часъ высылаетъ Пѣтухова, какъ вновь открытаго «вреднаго ябедника,» къ Пестелю, который находился тогда въ Тобольскѣ (въ іюнѣ 1808 г.). Пестель отбираетъ отъ него отвѣты чрезъ предсѣдателя уголовной палаты, Разсказова. Особенно добивается онъ отвѣта, — какъ Пѣтуховъ «осмѣлился» говорить о бездѣйствіи власти генералъ-губернатора. Онъ дѣлаетъ всевозможныя, самыя мелочныя придирки Пѣтухову: напр., откуда онъ взялъ полуимперіалъ, который онъ имѣлъ неосторожность передать приставленному къ нему казаку, или листъ гербовой бумаги на написаніе довѣренности. Между тѣмъ Пестель торопитъ Иркутскую уголовную палату рѣшить скорѣе дѣло о Пѣтуховѣ. Палата присуждаетъ его къ лишенію честнаго имени и къ ссылкѣ на поселеніе. Пестель соглашается съ этимъ рѣшеніемъ, представляетъ его на утвержденіе сената, и въ то же время, въ ноябрѣ, т. е. въ самую суровую пору, высылаетъ Пѣтухова, неимѣющаго ни теплой одежды, ничего необходимаго, въ Туруханскъ, подъ строжайшій надзоръ полиціи. Здѣсь съ нимъ обращаются строже, чѣмъ съ какимъ нибудь государственнымъ преступникомъ. Всѣ сообщенія съ кѣмъ нибудь ему прерваны. Посылаемыя къ нему разными путями письма и посылки перехватываются и вскрываются. О поведеніи и образѣ жизни его ежемѣсячно доносится Пестелю [1]). Молодая жена его, въ отчаяніи, ходила къ губернатору и была почти выгнана; она «жаловалась не только людямъ,—стѣнамъ, но и тѣ и другіе были равно невнимательны». Она нѣсколько разъ просила губернское правительство выдать ей паспортъ на выѣздъ изъ Иркутска, и постоянно получала отказы подъ самыми пустыми предлогами,— въ родѣ того, что у ней нѣтъ позволенія отъ мужа, что мѣсто пребыванія его неизвѣстно, или что дѣти ея останутся безъ призрѣнія. Ея трогательныя письма къ мужу и коротенькія извѣстія его друзей объ Иркутскихъ новостяхъ не доходили по назначенію [2]).

Несмотря на всю строгость надзора, Пѣтуховъ нашелъ однакожъ возможность жаловаться. Всеподданнѣйшая жалоба его была отправлена, въ пакетѣ священника Вахрушева, на имя князя Голицына. Не знаемъ, была ли это та самая жалоба, которую мы видѣли въ подлинникѣ, и которая помѣчена еще маемъ 1809 г.; эта послѣдняя — скорѣе вопль отчаянія, нежели голосъ надежды. По этой жалобѣ государственный секретарь Сперанскій, 8 февраля 1811 г., требовалъ отъ Пестеля подробныхъ свѣдѣній. Но уже го-

[1]) Св. 139, № 4.

[2]) Чтенія 1859 г. № 3. Св. 139, № 4.

раздо раньше, въ Іюнѣ 1810 г., министръ юстиціи объявилъ мѣстному прокурору Высочайшее повелѣніе, чтобы Пѣтухову и его женѣ, если она находится при мужѣ, не дѣлалось никакихъ притѣсненій [1]). Пѣтуховъ началъ пользоваться нѣсколько большею свободой. Но такое распоряженіе не было пріятно мѣстной власти. Тогдашній Томскій губернаторъ, Марченко, спрашивалъ Пестеля, «что должно считать притѣсненіемъ въ отношеніи къ такому человѣку, какъ Пѣтуховъ?» — Пестель жаловался, что облегченіе участи Пѣтухова сдѣлано безъ его согласія [2]). Къ несчастію Пѣтухова, въ Туруханскѣ произошли крайне вредныя для него событія. Тамошній исправникъ Якубовскій обозвалъ Пѣтухова воромъ и оскорбилъ исправляющаго должность городничаго, судью Вроблевскаго. Стряпчій Борисовъ, основываясь на Высочайшемъ повелѣніи, чтобы не дѣлать Пѣтухову притѣсненій, донесъ о нанесенномъ ему оскорбленіи губернатору. Въ то же время къ Марченкѣ полетѣли жалобы отъ Якубовскаго на Пѣтухова и Борисова, отъ Вроблевскаго на Якубовскаго; Марченко представилъ всѣ эти бумаги генералъ-губернатору [3]).

Пестель въ это время какъ разъ занятъ былъ отвѣтомъ на запросъ Сперанскаго. Отдѣлываясь большею частію общими и громкими фразами, онъ рисовалъ Пѣтухова неблагомыслящимъ, зловреднымъ, дерзкимъ и отчаяннымъ человѣкомъ, «который ободренъ былъ предписаніемъ министра юстиціи не дѣлать ему притѣсненій», и намекалъ на Туруханскія происшествія, о которыхъ онъ уже имѣлъ свѣдѣнія [4]). Письмо это скорѣе площадный пасквиль, нежели оффиціальная бумага: до такой степени оно чуждо спокойнаго достоинства. Вслѣдъ затѣмъ Пестель доложилъ Государю полученныя имъ отъ Марченки бумаги о Туруханскихъ происшествіяхъ. Государь повелѣлъ сообщить ихъ Сперанскому. Пестель послалъ Сперанскому, 21 февраля 1811 г., не подлинныя бумаги, а только составленную изъ нихъ записку. Въ этой запискѣ говорилось, что Пестель получилъ отъ Марченки «цѣлую кучу бумагъ, кои показываютъ, что раздоры между всѣми сими чиновниками дошли до высочайшей степени;» что Пѣтуховъ пишетъ всѣмъ бумаги; что онъ началъ «самовластвовать» со времени полученія распоряженія о томъ, чтобы не стѣснять его. Въ бумагѣ

---

[1]) Св. 139, № 4. Св. 83, № 133. Отношеніе мин. юст. 11 мая 1811 г.

[2]) Св. 83, № 133. Отношеніе Пестеля 21 февраля и 21 апрѣля 1811 г.; Св. 139, № 4, 18 февраля 1811 г., и донесеніе Марченки.

[3]) Св. 83, № 133. Донесеніе Марченки 19 января 1811.

[4]) Св. 139, № 4. См. приложеніе.

къ Сперанскому Пестель настаивалъ о Высочайшемъ повелѣніи, чтобы Пѣтуховъ оставленъ былъ въ Туруханскѣ непремѣнно подъ строгимъ присмотромъ. «Въ противномъ случаѣ, патетически прибавлялъ онъ, не отвѣчаю я за вреднѣйшія послѣдствія, отъ самовольства сего человѣка произойти могущія въ отдаленномъ и развратными людьми наполненномъ краѣ» [1]).

Тогда же Пестель, относя къ Пѣтухову всѣ Туруханскіе безпорядки, предписалъ Марченкѣ, до окончанія дѣла объ немъ въ Сенатѣ, содержать его подъ строгимъ надзоромъ и «пресѣчь ему пути, коими можетъ онъ дѣлать зло и разстраивать общее согласіе;» а покровителя его, Вроблевскаго, «поспѣшнѣйше вызвать въ Томскъ». Вслѣдъ затѣмъ снова предписалъ «положить Пѣтухову всѣ преграды къ покушеніямъ его противъ спокойствія». Надъ виновными въ Туруханскихъ безпорядкахъ велѣно было произвести слѣдствіе и предать ихъ суду. Губернскій стряпчій Мироновъ имѣлъ честность отказаться отъ слѣдствія; это еще болѣе раздражило Пестеля [2]). Объ уѣздномъ стряпчемъ Борисовѣ, Пестель 21 апрѣля 1811 г. писалъ министру юстиціи. Онъ говорилъ, что Пѣтуховъ принадлежитъ къ «ябедническои партіи Сибирякова и Мыльникова» (хотя принадлежность къ этой партіи Пѣтухова ничѣмъ официціально не выразилась). Онъ жаловался на потворство, оказанное Пѣтухову Борисовымъ. Главная вина Борисова состояла въ томъ, что онъ принялъ и представилъ къ Марченкѣ частное письмо Пѣтухова и жалобу на Якубовскаго. Умный и честный И. И. Дмитріевъ на этотъ разъ измѣнилъ своему характеру: Борисовъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ удаленъ отъ должности за то, что старался исполнить Высочайшее повелѣніе [3]).

Такъ каралъ Пестель тѣхъ, кто осмѣливался питать человѣческое чувство къ людямъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ. Истинная причина такого страшнаго гнѣва противъ Туруханскихъ чиновниковъ заключалась вовсе не въ дрязгахъ, которыя дошли до свѣдѣнія Пестеля: такія дрязги — дѣло и до сихъ поръ весьма обыкновенное въ городишкахъ, подобныхъ Туруханску. Но Пестеля возмущало то, что Пѣтуховъ продолжалъ жаловаться, и что жалобы его доходили до правительства. Поражая своими громами огуломъ Туруханскихъ чиновниковъ, онъ надѣялся поразить, въ числѣ ихъ, и тѣхъ, кто осмѣлился помочь Пѣтухову въ пересылкѣ жалобъ. Громы его,

---

[1]) Св. 83, № 133. См. приложеніе.

[2]) Св. 83, № 133. Предписаніе Пестеля 24 февраля и 21 апрѣля 1811 г.

[3]) Тамъ же. Отношеніе мин. юст. 11 мая 1811 г.

на этотъ разъ, промахнулись; жалобы пересылались не черезъ чиновниковъ.

А между тѣмъ бѣдный Пѣтуховъ вовсе не заслуживалъ такого преслѣдованія. Въ упомянутомъ уже нами письмѣ къ Марченкѣ, онъ, между прочимъ, пишетъ, что въ Иркутскѣ его допрашивали, зачѣмъ онъ пожертвовалъ собственный хлѣбъ голодавшимъ жителямъ Подкаменской волости. Если дѣйствительно таковы были всѣ вины, за которыя онъ былъ отданъ подъ судъ, то ожесточеніе его противъ мѣстнаго начальства было очень понятно. Но въ это время въ немъ даже не было и ожесточенія: письмо его дышетъ однимъ желаніемъ, одной мыслью, — снова соединиться со своей семьей. Слогъ этого письма отзывается слогомъ Карамзинскихъ повѣстей. «Уже любимая мною жена и милыя дѣти, о Боже мой.... противъ общей воли разлучены...отдалены, и, можетъ быть, на вѣки..!»— «Я еще въ Тобольскѣ будучи желалъ кровію моею запечатлѣть, что я все, что имѣю, добровольно отдаю, и согласенъ облечись въ послѣдній сортъ поношенія, лишьбы отдали мнѣ жену и дѣтей, и въ самой нищетѣ позволили жить въ селѣ... Совсѣмъ тѣмъ однакожъ долженъ былъ я затащиться въ Туруханскъ...» — Пѣтуховъ просилъ возвратить его въ Иркутскую губернію и поселить въ Балаганскомъ острогѣ, или по крайней мѣрѣ перевести въ какое нибудь село близъ Енисейска. Тогдаже онъ представилъ Марченкѣ громадный проектъ объ устройствѣ управленія и средствахъ улучшенія быта Туруханскихъ жителей. Въ проектѣ есть вѣрныя мысли (напр. о необходимости переобложить ясакомъ инородцевъ, такъ какъ прежніе оклады не соотвѣтствовали настоящему ихъ положенію). Но вообще проектъ этотъ былъ нелѣпостью перваго сорта. Пѣтуховъ сочинялъ для Туруханской пустыни новую администрацію и предполагалъ не опредѣлять въ эту пустыню гораздо больше чиновниковъ, нежели сколько было въ ней жителей [1]). Такой сочинитель, если и могъ быть опасенъ, то развѣ только тогда, если его выводили изъ терпѣнія. Впрочемъ, всѣ дѣйствія Пестеля въ отношеніи къ Пѣтухову направлены были именно къ тому, чтобы истощить въ немъ всякое терпѣніе.

Между тѣмъ судное дѣло о Пѣтуховѣ шло своимъ порядкомъ. 5-й департаментъ сената полагалъ освободить его отъ всѣхъ обвиненій. По протесту оберъ-прокурора, дѣло перешло въ общее собраніе. Министръ юстиціи находилъ дерзость противъ начальства въ выраженіи Пѣтухова, что оно ссылаетъ людей безъ слѣдствія и

---

[1]) Св. 83, № 133.

суда. Согласно съ заключенiемъ министра, большинство сенаторовъ постановило, не опредѣлять Пѣтухова впредь ни къ какимъ дѣламъ. Пестель, по обыкновенiю, остался при мнѣнiи уголовной палаты,—сослать Пѣтухова на поселенiе. Онъ представилъ въ государственный совѣтъ особую записку, гдѣ повторялъ обвиненiя противъ Пѣтухова и свое мнѣнiе [1]).

Наконецъ настали лучшiе дни и для Пѣтухова. 8 Iюня 1811 года министръ полицiи, по Высочайшему повелѣнiю, потребовалъ у Пестеля «подробныхъ показанiй», за что и по какому случаю Пѣтуховъ сосланъ въ Туруханскъ. Въ отвѣтѣ своемъ Пестель, повторяя прежнiя голословныя обвиненiя противъ Пѣтухова, писалъ, что онъ отправленъ въ Туруханскъ до рѣшенiя дѣла объ немъ, «для мѣстнаго спокойствiя,» и что для той же цѣли вызывалъ его раньше въ Тобольскъ. Стѣснивъ Пѣтухова до послѣдней степени, только что подтвердивъ предписанiя о пресѣченiи Пѣтухову возможности даже дышать свободно, Пестель имѣлъ дерзость увѣрять Министра, что ссылкою въ Туруханскъ «личная свобода Пѣтухова нисколько не стѣснена».Но на этотъ разъ ему не повѣрили. 2 Августа 1811 г. Балашевъ объявилъ ему Высочайшее повелѣнiе, вытребовать Пѣтухова въ Петербургъ для личныхъ объясненiй, такъ какъ дѣло объ немъ находилось въ разсмотрѣнiи общаго собранiя Сената [2]).

Такая неожиданность поразила Пестеля. Но онъ былъ неистощимъ на преслѣдованiя. Онъ тотчасъ составилъ всеподданнѣйшую записку, въ которой, разумѣется, представлялъ Пѣтухова далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Онъ между прочимъ выставлялъ на видъ, что дѣло о Пѣтуховѣ уже рѣшено сенатомъ. На запискѣ красуется резолюцiя руки Пестеля: «докладывано лично, на что Государь отозваться изволилъ, что Пѣтуховъ, по прибытiи сюда, будетъ отосланъ подъ надзоръ въ Колу, дабы никого тревожить не могъ». Пестель поспѣшилъ сообщить это Высочайшее повелѣнiе Марченкѣ, чтобы оно дошло до кого слѣдуетъ: Кола стоила Туруханска [3]).

Но онъ именно *поспѣшилъ*, и радовался напрасно. Пѣтухова привезли въ Петербургъ и потомъ отправили въ Архангельскую губернiю, — но не въ Колу. Въ Мартѣ 1811 г. онъ писалъ изъ Архангельска письмо къ одному изъ своихъ прiятелей, Туруханскому

---

[1]) Св. 83, № 133; Св. 139, № 4, Указъ 11 Iюля 1811 года.

[2]) Св. 83, № 133.

[3]) Св. 83, № 133; Св. 139, № 4. Предпис. 15 августа 1811 года.

экспедитору. Онъ между прочимъ изъявлялъ надежду, что «авось перемѣнятся Сибирскія обстоятельства» и онъ возвратится на родину [1]). Шпіоны Пестеля выкрали это письмо у экспедитора и представили Пестелю. Онъ снова взбѣсился и снова подалъ всеподданнѣйшую записку. Въ ней онъ испрашивалъ повелѣнія, чтобы Пѣтухову «воспрещена была не токмо служба, но и пребываніе въ трехъ сибирскихъ губерніяхъ.» Записку повелѣно было передать главнокомандующему въ С.-Петербургѣ. Вязьмитиновъ отвѣчалъ, что Пѣтуховъ, въ маѣ 1812 г., опредѣленъ засѣдателемъ въ Мезенскій уѣздный судъ, и повелѣно, чтобъ «никогда изъ губерніи Архангельской отлучаемъ не былъ» [2]). Но Пестелю этого было мало. Онъ находилъ, что Мезень, всетаки не Кола. 11 Октября 1812 г. онъ писалъ Министру, что Мезенская округа граничитъ съ Тобольской губерніей, и потому пребываніе Пѣтухова въ Мезени вредно для Сибири. Онъ требовалъ, чтобы Пѣтуховъ былъ удаленъ туда, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей возможности влiять на Иркутскихъ жителей. «За послѣдствія отъ сего произойти могущія не могу я отвѣтствовать,»—писалъ Пестель [3]).

Это была послѣдняя и, кажется, уже безуспѣшная попытка Пестеля вредить Пѣтухову. Но онъ уже слишкомъ достаточно повредилъ ему. Пятилѣтнія преслѣдованія страшно потрясли Пѣтухова. Несчастный сошелъ съ ума. Въ 1814 году, его видѣли въ Москвѣ въ самомъ жалкомъ положеніи. Послѣ многихъ лѣтъ страшной дѣйствительности, онъ переселился въ міръ фантазіи, и былъ въ немъ счастливъ. Онъ умеръ въ ожиданіи богатой награды и славы за свои изслѣдованія о Ноевомъ ковчегѣ [4]). Пестель могъ успокоиться; Пѣтуховъ уже не былъ для него *опасенъ*.

Мы нашли кой-какія свѣдѣнія объ Александрѣ Михайловичѣ Корсаковѣ, о которомъ упоминаетъ баронъ Корфъ. Корсаковъ, какъ видно изъ его формуляра, былъ отданъ подъ судъ за разныя «прикосновенности».За прикосновенность къ дѣлу Передовщикова, прикосновенность къ дѣлу о злоупотребленіяхъ по Илгинскому заводу, который ревизовалъ онъ въ качествѣ ассесора казенной палаты [5]). По собственнымъ словамъ Корсакова [6]), онъ подвергся

---

[1]) Въ этомъ письмѣ Пѣтуховъ много толковалъ о политикѣ и объ ожидавшейся войнѣ съ Наполеономъ. Письмо любопытно, какъ характеристика взглядовъ того времени. Св. 139, № 4.

[2]) Св. 139, № 4, Отнош. 4 октября 1812 г.

[3]) Св. 139, № 4.

[4]) Чтенія 1859 г. № 3. — Щукинъ.

[5]) Чтенія 1859 г. № 3.—Щукинъ

[6]) Дѣло № 19, послуж. списки.

преслѣдованію за то, что послѣ ревизіи завода отозвался, что тутъ были замѣшаны «такіе случаи и люди, которыхъ надо заслонять отъ свѣта.»—Состоя подъ судомъ, Корсаковъ подалъ прошеніе въ уголовную палату. Въ прошеніи не было ничего особенно возмутительнаго; но палата нашла его ябедникомъ и возвратила Корсакову, съ надписью

Копію съ прошенія палата представила Трескину, а онъ—Пестелю. Тогда же представленъ былъ на разсмотрѣніе генералъ-губернатора и приговоръ уголовной палаты о Корсаковѣ. Палата присудила—сдѣлать Корсакову внушеніе и выговоръ. Повидимому, Пестель нашелъ это рѣшеніе слишкомъ мягкимъ и возвратилъ его въ палату, для дополненія. «По поелику, писалъ онъ Трескину отъ 17 сентября 1815 г., надворный совѣтникъ Корсаковъ ябедническими своими расположеніями, какъ то видно изъ просьбы его, присланной при вышеупомянутомъ вашемъ донесеніи и возвращенной ему отъ уголовной палаты съ надписью, не можетъ быть невреднымъ для благоустройства Иркутской губерніи, то, когда уголовная палата кончитъ обращаемое нынѣ въ оную дѣло о Корсаковѣ, разрѣшаю я васъ, М. Г. мой, выслать его, Корсакова, изъ Иркутской губерніи, на основаніи Высочайше данной Сибирскому генералъ-губернатору 23 мая 1803 г. инструкціи VIII статьи, для того единственно, дабы предупредить и отдалить вредныя его дѣйствія и связи по сей губерніи.» Корсаковъ, у котораго были въ Иркутскѣ домъ и семейство, собирался было уже самъ выѣхать изъ Иркутска, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ непріятностей; но вдругъ ему объявлено предписаніе—*выслать* его изъ Иркутска. Это, по словамъ Корсакова, вовлекло его «въ невольныя и отчаянныя» жалобы, которыя еще болѣе раздражали его гонителей. Четыре года скитался онъ по Сибири, до тѣхъ поръ, пока Сперанскій не принялъ его снова на службу [1]).

Мы сообщили только крупные факты, которые въ свое время надѣлали большаго шума, которые завѣрены и оффиціальными актами, и записками современниковъ, и преданіемъ. Но сколько темныхъ личностей, подобныхъ Пѣтухову, страдало и гибло безслѣдно, не сохранивъ о себѣ извѣстій даже въ архивной пыли, въ которой удалось намъ отыскать Журавлева. Мы не нашли даже оффиціальныхъ извѣстій о преслѣдованіяхъ личности, далеко не темной, — Александра Васильевича Игумнова. Игумновъ былъ отличный монголистъ и вообще одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того

---

[1]) Св. 141, № 266.—Св. 72, № 6.

времени въ Сибири. Онъ состоялъ въ свитѣ гр. Головкина, въ качествѣ переводчика. Это положеніе дало ему возможность войти въ близкія сношенія съ разными лицами свиты Головкина и сдѣлаться хорошо извѣстнымъ самому графу. Онъ былъ извѣстенъ съ лучшей стороны и другимъ лицамъ, посѣщавшимъ въ разное время Сибирь. Въ дѣлахъ сохранились самые лестные знаки вниманія къ Игумнову Головкина, Новицкаго, бывшаго военнаго-губернатора Лебедева. По возвращеніи Пекинскаго посольства въ Петербургъ, Игумновъ продолжалъ переписываться съ бывшими членами посольства. Эта переписка казалась подозрительной Трескину и Пестелю, которые вообще не терпѣли, чтобы кто нибудь, кромѣ ихъ, имѣлъ сношеніе съ Петербургомъ. Можетъ быть, Игумновъ и дѣйствительно писалъ въ Петербургъ о самоуправствѣ Трескина; можетъ быть, онъ не затруднялся и на мѣстѣ свободно отзываться о деспотическомъ управленіи Трескина и Пестеля. У Игумнова завелись непріятности съ тогдашнимъ Верхнеудинскимъ исправникомъ Янковскимъ. Янковскій былъ любимецъ Трескина и «его дома». Игумновъ, служившій тогда Верхнеудинскимъ уѣзднымъ судьей, былъ переведенъ сначала ассесоромъ, потомъ совѣтникомъ въ казенную экспедицію. Вслѣдъ затѣмъ онъ вышелъ въ отставку, былъ преданъ суду по тремъ дѣламъ и въ 1810 г., по суду, исключенъ изъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь не опредѣлять [1]). Дѣла были ничтожны, приговоръ палаты неоснователенъ и во всякомъ случаѣ слишкомъ суровъ; но дѣло успѣли устроить такъ, что Игумновъ пропустилъ срокъ на принесеніе отзыва, и рѣшеніе палаты вошло въ законную силу. По вліянію Янковскаго, Игумновъ подвергался всевозможнымъ притѣсненіямъ и оскорбленіямъ въ Верхнеудинскѣ, гдѣ у него были домъ и хозяйство. Въ то же время ему, безъ всякаго законнаго основанія, запрещенъ былъ въѣздъ въ Иркутскъ [2]). Множество чиновниковъ отдавалось подъ судъ по самымъ ничтожнымъ причинамъ: одинъ за неправильную переписку прошенія, другой за продажу чужой телѣги, третій за неприличные поступки,—короче, за пьянство [3]).

Одинъ современникъ, близко знавшій тогдашнее положеніе дѣлъ, такъ описываетъ отношенія высшихъ Сибирскихъ властей къ подчиненнымъ: «До 1819 г. нигдѣ не было такой преклонности къ самовластію и жестокостямъ надъ подчиненными, какъ въ Сибири,

---

[1]) Св. 73, № 13.—Щукинъ.
[2]) Св. 73, № 13.
[3]) Св. 85, № 6.

у нѣкоторыхъ начальниковъ, высшихъ и среднихъ. Всѣ они были посылаемы туда изъ внутреннихъ губерній, и казалось, что не только со вступленіемъ въ отправленіе имъ данныхъ въ семъ краѣ должностей, но непосредственно по переѣздѣ за Уралъ, въ нихъ исчезало всякое снисхожденіе къ ошибкамъ ближняго, всякое къ нимъ сострадание [1])».

«Ужасными мѣрами уничтоженія непокорныхъ, говоритъ другой современникъ, при неограниченномъ довѣріи высшаго правительства къ представленіямъ Пестеля, или, что все равно, Трескина, въ Иркутскѣ, наконецъ, всѣ части попали, если не въ формальную, то, покрайней мѣрѣ, въ политическую зависимость отъ губернатора, не исключая ни военной, ни даже духовной [2])».

Пестель и Трескинъ не терпѣли никакихъ извѣстій объ ихъ дѣятельности, кромѣ тѣхъ, которыя сообщали они сами. Они строго держались правила: «Кто не за насъ, тотъ противъ насъ, того надобно душить». Мы видѣли, какъ искусно они душили и къ какимъ честнымъ средствамъ прибѣгали для этого. Вотъ еще одинъ случай. Онъ не важенъ, но довольно характеристиченъ. Въ 1810 г. Иркутскій городничій Карташевъ, пьяный, ворвался ночью въ домъ военнаго лекаря, Орлова, и набуянилъ тамъ. Орловъ пожаловался Трескину,—этотъ ничего не сдѣлалъ; Орловъ принесъ жалобу по начальству. Военное министерство заступилось за него, и Пестель долженъ былъ назначить слѣдствіе. Но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ полиція открыла какое то буйство самого Орлова, и предала его суду [3]).

Нерчинская горная экспедиція держала себя независимо. Это очень не нравилось Трескину и Пестелю, и они возбудили цѣлое дѣло «о противоборствѣ» имъ экспедиціи.

Впрочемъ, гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Трескинъ и Пестель не всегда и не всѣхъ преслѣдовали; иногда на нихъ находили припадки великодушія. Купецъ Петръ Солдатовъ и сыновья его судились за злоупотребленія по казеннымъ подрядамъ. Основанія къ обвиненію были того же рода, какъ и по дѣлу Передовщикова,—письма и показанія приказчиковъ; весьма вѣроятно, что они были и добыты тѣмъ же путемъ. Уголовная палата присудила Солдатовыхъ къ лишенію добраго имени и гильдейскаго званія и къ зачисленію въ рабочіе люди съ мѣщанскимъ окладомъ. Трескинъ представилъ это дѣло Пестелю подъ тѣмъ предлогомъ, что старшій

---

[1]) П. С. З. 31124. Мнѣніе гр. Блудова.
[2]) Чтенія 1859, № 3.
[3]) Св. 140, № 212.

Солдатовъ имѣлъ золотую медаль. Въ особой запискѣ онъ просилъ смягчить участь Солдатова потому, что злоупотребленія происходили уже давно, и особенно потому, что домъ его «никогда ни къ какимъ свойственнымъ краю здѣшнему комплотамъ не принадлежалъ, и со стороны сей велъ себя примѣрно». Этимъ достоинствомъ, въ глазахъ Трескина, покрывались всѣ преступленія, точно также какъ никакія добродѣтели не могли спасти отъ преслѣдованія тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе принадлежать «къ комплотамъ». Въ такомъ смыслѣ доносилъ сенату и Пестель. Но когда дѣло разсматривалось въ сенатѣ, Пестель не выдержалъ характера. Онъ забылъ уроки Трескина и прежнее свое заключеніе, и подалъ въ сенатъ мнѣніе, чтобы рѣшеніе уголовной палаты было оставлено въ своей силѣ, за исключеніемъ Петра Солдатова, который уже умеръ. Впрочемъ, можетъ быть, въ это время (въ 1818 г.) обстоятельства уже измѣнились, и молодые Солдатовы принадлежали уже къ «партіи»....[1]).

Если вѣрить преданію, то Пестель, еще при жизни, и притомъ лицомъ къ лицу, встрѣтилъ суровый судъ исторіи за свое Сибирское управленіе. Нещадно поражала Пестеля и сатирическая литература того времени[2]).

Произволъ и злоупотребленія существовали не только въ Иркутскѣ, но и въ другихъ частяхъ Сибири. Иногда они проявлялись въ самой возмутительной формѣ. Енисейскій городничій прокатился по городу на мѣстныхъ чиновникахъ за то, что они осмѣлились было написать просьбу о смѣнѣ его. Этотъ фактъ былъ бы невѣроятенъ, еслибы его не разсказывалъ весьма серьезный историкъ[3]). Въ 1812 г. Охотскій начальникъ самовольно удалилъ отъ должности тамошняго станціоннаго смотрителя Кошелева. Козодавлевъ «со всею откровенностію» указывалъ Пестелю всю произвольность такого поступка[4]). Но самымъ поразительнымъ случаемъ въ этомъ родѣ былъ поступокъ Лоскутова съ Нижнеудинскимъ протоіереемъ Орловымъ, въ концѣ 1817 г.

Но не одни только личныя преслѣдованія были отличительной чертой Сибирскаго управленія за время Пестеля. Управленіе это представляло поразительный примѣръ самыхъ вопіющихъ безпо-

---

[1]) Св. 140, № 240. Солдатовы дѣйствительно были лишены торговыхъ правъ.

[2]) Сатира кн. Горчакова «Святки»—Искра 1870 г., 1541.

[3]) Корфъ, II, 235. Впрочемъ, б. Корфъ относитъ этотъ случай къ *началу* XIX столѣтія. Легко могло быть, что это было еще до Пестеля. Фамилія городничаго—Кукалевскій.

[4]) Св. 141, №50.

рядковъ и злоупотребленій, приведенныхъ въ систему. Даже и тамъ, гдѣ выражалось стремленіе власти къ внѣшнему порядку,— чистотѣ улицъ, правильной постройкѣ домовъ и т. п., даже и тамъ стремленіе это выражалось дѣйствіями, явно противными тѣмъ самымъ законамъ, которые оно, повидимому, старалось исполнить. Нѣкоторыя отрасли управленія были крайне запущены. Таковы были дѣла о поселенцахъ, о народномъ продовольствіи. Послѣднее находилось въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. По всей сѣверной окраинѣ Сибири народъ, въ буквальномъ смыслѣ, умиралъ съ голоду. По Иркутской губерніи Трескинъ ввелъ насильственные закупы хлѣба и казенную монополію хлѣбной торговли. Наконецъ, повинности населенія были въ высшей степени обременительны.

И все это прикрывалось самою наглою оффиціальною ложью. Пестель и Трескинъ обманывали не только правительство, они хотѣли обмануть и мѣстное населеніе, увѣряя его въ совершенно противномъ тому, что оно видѣло собственными глазами. Трескинъ напримѣръ, въ іюнѣ 1809 г., публиковалъ, что въ маѣ разнеслись слухи, будто начальство приставило къ заставамъ казаковъ и запрещаетъ крестьянамъ ввозить хлѣбъ въ городъ, и будто оно чрезъ казаковъ же запрещаетъ жителямъ покупать хлѣбъ на рынкѣ, а велитъ брать его въ казенныхъ магазинахъ. Трескинъ опровергалъ эти слухи, доказывая, что никакихъ подобныхъ запрещеній не было. Онъ объ этомъ донесъ и Пестелю. Послѣдній тотчасъ составилъ записку, что все это происходитъ «отъ остатковъ извѣстной и оглашенной ябедническої партіи [1])». А между тѣмъ жители Иркутска и окружающихъ его селеній очень хорошо знали,— знаетъ и потомство,—что у Трескина на бумагѣ дѣлалось одно, а на дѣлѣ другое. Публикація эта могла имѣть только одну цѣль— заранѣе пустить Пестелю пыль въ глаза и предупредить доносы на новыя злоупотребленія.

Стономъ стонала Сибирь, а особенно Иркутская губернія. Не имѣя возможности дѣйствовать открыто, Сибирь вела тайную подземную борьбу. Она прибѣгла къ старинному средству,—къ жалобамъ и доносамъ. Жалобы и доносы со всѣхъ сторонъ летѣли въ Петербургъ и рисовали самую яркую картину Сибирскихъ злоупотребленій. Они «день ото дня становились все многочисленнѣе, все важнѣе по содержанію, все разительнѣе по общему согласію въ показаніяхъ» [2]).—«Свободный голосъ въ Сибири сталъ контрабан-

[1]) Св. 128, № 6. Неизвѣстно, кому онъ представилъ эту записку.

[2]) Корфъ. II, 170.

дой. И однакожъ доносъ никогда не принималъ такого величія, какъ въ это время. Самые умные и смѣлые туземцы приняли въ немъ участіе, и сибирскій генералъ сошелся на одномъ поприщѣ съ сибирскимъ мѣщаниномъ, протестуя противъ узурпатора [1])». Такъ говоритъ одинъ изъ лучшихъ сибирскихъ писателей. Мы уже говорили о разныхъ личныхъ жалобахъ; скажемъ теперь нѣсколько словъ о болѣе извѣстныхъ доносахъ.

Первый извѣстный намъ доносъ относится еще къ 1808 году. Въ мартѣ этого года министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ Пестелю, что въ Петербургѣ были получены извѣстія о произвольныхъ дѣйствіяхъ Иркутскаго губернатора. Въ 12-ти пунктахъ указывались—принудительные закупы хлѣба, продажа его въ городѣ высокими цѣнами, принудительная отдача крестьянскихъ дѣвокъ замужъ за поселенцевъ, безотчетность въ употребленіи пожертвованныхъ съ благотворительною цѣлью денегъ, продажа дурнаго вина, разстройство и несогласіе общества. Уже и тогда были «всѣ сословія приведены въ ужасъ самовластіемъ губернатора, но роптать не смѣли». Министръ просилъ прекратить незаконныя дѣйствія мѣстнаго начальства.

Пестель сообщилъ отношеніе министра Трескину и предписывалъ,—не прекратить злоупотребленія, какъ требовалъ министръ, а принять мѣры противъ подобныхъ «извѣтовъ» [2]). Министру Пестель возражалъ, что всѣ эти свѣдѣнія—клеветы и ябеды нѣкоторыхъ людей, недовольныхъ введеніемъ законнаго порядка. Высочайше повелѣно было разсмотрѣть эти объясненія министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Министры нашли ихъ основательными и 3-го сентября 1808 г. князь Куракинъ объявилъ Пестелю Высочайшее повелѣніе, что объясненія его приняты Е. В. съ уваженіемъ, что въ усердіи Пестеля Государь никогда не сомнѣвался и что сообщеніе ему, дошедшихъ до правительства, свѣдѣній служитъ особеннымъ доказательствомъ довѣрія [3]). Пестель торжествовалъ. Онъ тотчасъ сообщилъ содержаніе бумаги министра Трескину, чтобы «неблогонамѣренные» люди знали, какъ относится правительство къ ихъ доносамъ. Пестель не безъ основанія подозрѣвалъ въ составленіи этого доноса Сибирякова.

Вслѣдъ затѣмъ началась продолжительная борьба Трескина съ вице-губернаторомъ Левицкимъ. Левицкій выводилъ разныя злоупотребленія губернатора. Онъ былъ отозванъ, по нѣкото-

---

[1]) Дѣло 1869 г. № 5.

[2]) Св. 128. № 5. Отн. м. в. д. 26 марта 1808. Предпис. Пестеля.

[3]) Св. 128, № 5. Подлиннаго отношенія нѣтъ, копія за скрѣпой Пестеля.

*

рые изъ представленныхъ имъ фактовъ были такъ важны, что губернаторъ былъ преданъ суду сената, за противодѣйствія казенной экспедиціи въ закупѣ хлѣба. Въ то же время доносы его возбудили дѣло о выводѣ въ чины ссыльнаго Карпушенки (здѣсь, между прочимъ, открывалось разнообразіе въ послужныхъ спискахъ, на основаніи которыхъ Карпушенко выводился въ чины). Левицкаго поддерживалъ прокуроръ Шатюловичъ.

Несчастный Куткинъ, изъ своего заточенія, послалъ жалобу министру юстиціи, Трощинскому. Куткинъ выводилъ злоупотребленія Пестеля: «Произволъ Сибирскаго генералъ-губернатора, писалъ онъ, заступилъ въ Сибири мѣсто законовъ. Законы издаются для всеобщаго исполненія,—неужели Сибирскій генералъ-губернаторъ считаетъ себя исключеніемъ? Что это дѣйствительно,—это мы сильно чувствуемъ». Жалоба Куткина считалась въ свое время въ Сибири образцомъ краснорѣчія [1]).

Въ 1818 году Иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ тайкомъ пробрался въ Петербургъ и подалъ лично Государю доносъ на Сибирскія злоупотребленія. Доносъ этотъ былъ составленъ въ Иркутскѣ, въ домѣ купца Трапезникова; на путешествіе въ Петербургъ Саламатовъ снабженъ былъ денежными средствами отъ купцовъ. Онъ былъ человѣкъ бойкій, находчивый и рѣшительный. О пребываніи его въ Петербургѣ разсказывалось впослѣдствіи множество анекдотовъ [2]). Между прочимъ разсказывали, что Саламатовъ просилъ Государя приказать убить его, чтобы избавить отъ тиранства Пестеля, и что онъ отданъ былъ подъ особенное покровительство Петербургскаго генералъ-губернатора Милорадовича [3]). Большую часть анекдотовъ, повидимому, выдумывалъ самъ Саламатовъ. Но достовѣрно то, что онъ былъ оставленъ въ Петербургѣ по распоряженію правительства.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ былъ доносъ Горновскаго. Мы еще не говорили объ этомъ замѣчательномъ въ свое время человѣкѣ. Степанъ Антоновичъ Горновскій въ молодости служилъ въ военной службѣ и состоялъ въ канцеляріи Потемкина. Въ 1783 г. онъ былъ опредѣленъ въ Иркутское намѣстничество, а въ 1789 г. Якутскимъ исправникомъ. Исправничья дѣятельность его не была безукоризненна: въ 1795 г. онъ былъ отрѣшенъ отъ должности за разныя злоупотребленія. Но въ 1802 г. онъ снова вступилъ въ службу, прокуроромъ, и притомъ съ чиномъ надворнаго совѣтника;

---

[1]) «Дѣло» 1869 г. № 5. Чтенія 1864 г. № 4.

[2]) Сиб. Вѣстникъ 1866 г. № 10.—Ирк. Губ. вѣд. 1865 г. № 7.

[3]) «Дѣло», 1869 г. № 5

въ 1806 г. сдѣланъ предсѣдателемъ уголовной палаты, а 27 августа 1807 г., именнымъ указомъ, уволенъ отъ службы. Причина его увольненія намъ уже извѣстна: онъ защищалъ Передовщикова. Впослѣдствіи онъ былъ отданъ подъ судъ за участіе въ злоупотребленіяхъ Передовщикова, преимущественно—за полученіе отъ него вина и денегъ [1]).

Съ тѣхъ поръ Горновскій жилъ въ деревнѣ Карлукѣ, близъ Иркутска. Современники описываютъ его умнымъ, образованнымъ и стойкимъ человѣкомъ, «философомъ по образу жизни.» Онъ пользовался въ Иркутскѣ большимъ вліяніемъ и имѣлъ много поклонниковъ. «Его не могли сломить»—пишетъ одинъ современникъ [2]). Горновскій былъ охотникъ писать разные проекты. Еще въ 1802 г. онъ, вмѣстѣ съ Эверстомъ, сочинилъ и представилъ, отъ имени Эверста, правительству проектъ о преобразованіи Якутской области [3]). Въ 1817 г., уже въ глубокой старости (ему было тогда 63 года), Горновскій вздумалъ представить новый проектъ,—о преобразованіи управленія Иркутской губерніи. По содержанію своему, проектъ Горновскаго былъ такая же нелѣпость, какъ и первый: Горновскій предполагалъ учредить должность оберъ-коменданта, съ обширною властью. Но предметъ давалъ ему возможность коснуться мѣстнаго управленія, и въ этомъ отношеніи онъ сообщалъ драгоцѣнныя данныя. Проектъ былъ написанъ очень логично и даже краснорѣчиво. Горновскій описывалъ всѣ злоупотребленія, о которыхъ уже писалось въ прежнихъ доносахъ; особенно подробно распространялся онъ о монополіи хлѣбныхъ магазиновъ. Кромѣ того онъ писалъ, что въ слѣдствіе дороговизны хлѣба возникла дороговизна на всѣ подряды, и что казна терпитъ отъ этого большіе убытки. «Безпорядки и неустройства, между прочимъ писалъ Горновскій, заглушаются блескомъ нѣкоторыхъ частей, наружно выставляемыхъ и разцвѣченныхъ бумагами.»—Проектъ его

---

[1]) Св. 129, № 13.

[2]) Чтенія 1859, № 3. Щукинъ. Герасимовъ.

[3]) Онъ предполагалъ: 1) учредить въ Якутской области самостоятельное управленіе, 2) устроить портъ въ устьѣ р. Алдамы и проложить туда дорогу; 3) устроить и заселить трактъ отъ Якутска въ Россію чрезъ Вилюй и города Туруханскъ, Березовъ, Устюгъ и проч.; 4) устроить и заселить трактъ между Якутскомъ и Камчаткой чрезъ Колымскъ; 5) раздать Якутскимъ чиновникамъ и «сынъ боярскимъ» земли около города; 6) образовать изъ Якутовъ селенія; 7) учредить крѣпость при р. Зеѣ; 8) завести, крѣпости по Анадыру, 9) развести въ отдаленныхъ мѣстахъ хлѣбопашество, и 10) завести банкъ въ Иркутскѣ или Кяхтѣ. Проектъ этотъ признанъ незаслуживающимъ вниманія. Нѣкоторыя части его дѣйствительно дики, но другія, позже и другимъ путемъ, какъ извѣстно, приведены въ исполненіе. Будучи прокуроромъ, онъ также представлялъ разныя фантастическія предположенія.

могъ быть брошенъ, но доносъ обратилъ на себя вниманіе правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ потребовалъ отъ Пестеля объясненій [1]).

Около полугода Трескинъ и Пестель сочиняли свои объясненія. Они нестолько заботились о собственномъ оправданіи, сколько о томъ, чтобы втоптать въ грязь Горновскаго. Только 7 Іюня 1818 г., прекрасно написанная Трескинымъ (вѣрнѣе, Бѣлявскимъ) и очень дурно исправленная Пестелемъ, записка была представлена министру. Въ ней была выкопана вся прежняя подноготная Горновскаго, разруганы его неудавшіеся проекты, незабыты были и связи его съ Передовщиковымъ, и его подсудность по этому случаю. Изложено было рѣшеніе объ немъ уголовной палаты [2]).

Но, какъ величайшая вина со стороны Горновскаго, выставлялось то, что, въ доносахъ Сибирякова, Мыльникова и Пѣтухова, Горновскій былъ «тайнымъ и начальственнымъ духомъ ихъ» и тайнымъ предводителемъ ябедничеcкой партіи. Въ то же время Трескинъ, притворяясь глубоко оскорбленнымъ клеветами Горновскаго, настоятельно повторялъ свою просьбу объ увольненіи отъ службы, о чемъ онъ просилъ уже и раньше, по дѣлу протоіерея Орлова [3]). Но времена уже измѣнились; Пестель не дождался благопріятнаго отвѣта.

Но самымъ усерднымъ и самымъ вреднымъ доносчикомъ въ эту эпоху всеобщихъ доносовъ—былъ самъ Пестель. Въ своихъ донесеніяхъ правительству онъ осыпалъ клеветами Сибирское население. При каждомъ удобномъ случаѣ, онъ называлъ Сибиряковыхъ то «ябедниками», то «алчными корыстолюбцами»; указывалъ на существованіе вредныхъ «партій»; доказывалъ необходимость ожесточенныхъ преслѣдованій. Правительство не могло не обратить вниманія на то, какъ бѣснуется Сибирскій генералъ-губернаторъ по поводу какого нибудь сумасшедшаго Пѣтухова. Оно неизбѣжно должно было составить себѣ невесьма лестное понятіе о кротости и справедливости его управленія.

Наконецъ возвысилъ свой голосъ и кроткій Иркутскій архипастырь. Объ епископѣ Михаилѣ Бурдуковѣ всѣ, знавшіе его, еще и нынѣ отзываются съ величайшимъ уваженіемъ Онъ былъ глубоко возмущенъ угнетеніемъ и страданіями своей паствы. Дѣло протоіе-

[1]) Св. 129, № 13, отнош. 31 января 1818 г.

[2]) Она полагала,—за бездѣйствіе власти и за принятіе отъ Передовщикова, для поправки и пополненій, жалобы къ начальству,—какъ отставленнаго отъ службы, выдержать десять дней подъ арестомъ и впредь не опредѣлять, а въ полученіи подарковъ оставить въ сильномъ подозрѣніи. Дѣло находилось на ревизіи въ сенатѣ.

[3]) Св. 129, № 13, отн. къ м. в. д. 7 Іюня 1818 г.—Записка.

рея Орлова вынудило его и на оффиціальную борьбу съ Сибирскими властями. «Нечестіе и безстыдное притворство; дерзость и самонадѣянность съ деспотизмомъ; презрѣніе къ людямъ и страданіямъ ихъ; выборъ и отличіе чиновниковъ дѣятельныхъ только въ разореніи поселянъ, и въ особенности Бурятъ; система набогащать себя, и во всемъ монополія, сіи черты отличаютъ здѣшнее правительство отъ внутреннихъ губерній Россіи» писалъ Михаилъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвященія [1]).

Но и независимо отъ жалобъ и доносовъ, до правительства доходили свѣдѣнія о страшныхъ безпорядкахъ въ Сибири,—особенно по народному продовольствію. Въ $18^{10}/_{11}$, въ 1815 и 1816 г. по Туруханскому краю было нѣсколько случаевъ голодной смерти и еще болѣе ужасныхъ случаевъ убійства и людоѣдства съ голоду. Особенно поразителенъ былъ случай въ 1816 г. Семейство крещеныхъ тунгусовъ Тымской волости, 6 человѣкъ, ушло за тундру. Изъ нихъ одна дѣвка, ходившая съ матерью за хлѣбомъ, не возвратилась. Мать объявила прочимъ, что она умерла. Затѣмъ умеръ одинъ изъ братьевъ. Мать и прочіе братья съѣли его, а потомъ убили и съѣли другаго брата. Затѣмъ убили и съѣли мать. Дорогой нашли мертваго остяка,—съѣли его. Высочайше повелѣно было командиру Сибирскаго корпуса Глазенапу удостовѣриться, не произошло ли это отъ недостатка въ продовольствіи. Старикъ Глазенапъ не рѣшился ѣхать самъ въ такую трущобу, а послалъ оберъ-аудитора Камаева. Можетъ быть, это было даже лучше. Камаевъ произвелъ изслѣдованіе такъ скрытно, что о поѣздкѣ его въ Туруханскъ узнали въ Томскѣ только тогда, когда онъ кончилъ дѣло. Изъ собранныхъ Камаевымъ свѣдѣній открывались не только ничтожность казенныхъ запасовъ въ сѣверный части Томской губерніи, но и крайняя дороговизна казеннаго хлѣба, злоупотребленія въ продажѣ его, крайнее угнетеніе инородцевъ и, совершенно случайно, безпорядки въ тюремномъ управленіи и разныя злоупотребленія земской полиціи. Илличевскій и Пестель представили въ свое оправданіе цѣлыя книги. Въ 1818 г. это дѣло было въ полномъ разгарѣ [2]). Происшествія, подобныя расказаннымъ, случались и не въ одномъ Туруханскомъ краѣ. Мы еще будемъ имѣть случай говорить объ нихъ впослѣдствіи.

---

[1]) Корфъ, II.

[2]) Вотъ сущность свѣдѣній, собранныхъ Камаевымъ. Въ 1815 и 1816 г. было послано въ Тару только по 40 пудовъ казеннаго хлѣба. Хлѣбъ этотъ продавался на Тазу отъ 70 и 50 к. до 10 р. пудъ, а частнаго вовсе не было. Между тѣмъ онъ употреблялся остяками независимо отъ того, былъ или нѣтъ у нихъ уловъ рыбы и звѣря, а

При такомъ положеніи дѣлъ, пребываніе Пестеля въ Петербургѣ вызывало всеобщее негодованіе и насмѣшки. Комитетъ министровъ уже съ 1815 г. нѣсколько разъ доказывалъ необходимость возвратить Сибирскаго генералъ-губернатора къ его посту, или назначить сенаторовъ для ревизіи Сибири. Все было напрасно. Пестель продолжалъ жить въ Петербургѣ. По связямъ своимъ съ Пукаловыми, онъ пользовался особеннымъ покровительствомъ Аракчеева. Дѣла продолжали идти попрежнему. Наконецъ Аракчеевъ разошелся съ Пукаловыми, Пестель лишился покровителя, и для Сибири настала надежда на лучшую будущность [1]).

При докладѣ въ комитетѣ министровъ одного изъ сибирскихъ дѣлъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, О. П. Козодавлевъ, внесъ въ комитетъ 24 октября 1818 г. замѣчательное мнѣніе. Сибирскія злоупотребленія описаны были яркими красками. Нѣкоторыя мѣста, относившіяся къ Пестелю, были проникнуты даже ироніей. Козодавлевъ писалъ, что, «при первомъ открытіи безпорядковъ въ Сибири, приписываемы были оные слишкомъ ограниченной власти начальниковъ, и потому усиливаема была оная постепенно и всегда, какъ новые и сильнѣйшіе безпорядки открывались.» Но съ этимъ усиленіемъ власти видимо умножались безпорядки и жалобы на притѣсненія. Главною причиною безпорядковъ онъ считалъ самовластіе начальства, и нѣсколько разъ повторялъ эту мысль. Чтобы ограничить это самовластіе, министръ признавалъ необходимымъ учредить верховное сибирское правительство изъ чиновниковъ, частію опредѣленныхъ отъ правительства, частію избираемыхъ отъ жителей разныхъ сословій: генералъ-губернатору предо-

---

при перекочевкахъ былъ положительно имъ необходимъ. Вообще какъ по Тазу, такъ и по Енисею, было мало казенныхъ запасовъ. Въ снабженіи этихъ мѣстъ хлѣбомъ происходили разные безпорядки. Въ предыдущіе три года, отъ неулова звѣря и рыбы, умерло съ голоду множество остяковъ и нѣсколько Русскихъ, тѣла умершихъ съ голоду Русскихъ валялись безъ погребенія около самаго Туруханска. Въ 1815 г. убійство было совершено съ голоду, а не вслѣдствіе семейнаго деспотизма, какъ доносило мѣстное начальство. Изъ остяковъ, взятыхъ въ острогъ, умерли: по дѣлу 1815 г.—жена обвиняемаго, а по дѣлу 1816 г.—оба брата, вслѣдствіе дурнаго состоянія острога и небрежности начальства. Земскіе суды устранены были отъ участія въ народномъ продовольствіи и ничего объ немъ незнали; дѣла эти находились въ исключительномъ вѣдѣніи исправниковъ и губернатора. Мѣстныя власти позволяли себѣ произвольные, тягостные для малочисленнаго населенія разъѣзды и другія злоупотребленія.

Камаевъ представлялъ также о пожертвованіяхъ купца Скорнякова на народное продовольствіе. Скорнякову пожалована золотая медаль. Пестель тотчасъ обратился къ Илличевскому съ запросомъ, какого рода пожертвованія сдѣланы Скорняковымъ. Оказалось, вѣроятно къ крайнему неудовольствію Пестеля, что они дѣйствительно были великія.

[1]) Корфъ, II, 173.

ставить только право предсѣдателя, имѣющаго перевѣсъ при равенствѣ голосовъ; учредить губернскіе совѣты изъ выборныхъ лицъ; усилить власть магистратовъ и городскихъ правленій, но прежде и важнѣе всего,—смѣнить Пестеля, изслѣдовать его дѣйствія и послать въ Сибирь новаго генералъ губернатора. Козодавлевъ, согласно съ мнѣніемъ министра юстиціи, находилъ, что посылка сенаторовъ для ревизіи Сибири, при настоящемъ положеніи дѣлъ, была совершенно безполезна [1]).

Комитетъ министровъ также призналъ возвращеніе Пестеля въ Сибирь «несовмѣстнымъ» и заявилъ необходимость назначить новаго генерала-губернатора. Долго Императоръ Александръ былъ въ затрудненіи, кого послать на смѣну Пестелю, наконецъ выборъ его остановился на Сперанскомъ, который, тоскуя въ изгнаніи, просился тогда въ отпускъ изъ Пензы, гдѣ онъ былъ губернаторомъ [2]).

Назначеніе Сперанскаго было громовымъ ударомъ для Пестеля и его клевретовъ. Они совсѣмъ растерялись. Пестель написалъ Сперанскому льстивое письмо, въ которомъ благодарилъ Бога, что судьба его и его приближенныхъ зависитъ отъ Сперанскаго [3]). Чиновьничья клика въ Иркутскѣ пришла въ страшное уныніе. Трескинъ, въ промежутокъ времени между увольненіемъ Пестеля и пріѣздомъ въ Иркутскъ Сперанскаго, постарѣлъ двадцатью годами. Бѣлявскій сошелъ съ ума, «взбѣсился», какъ говоритъ одинъ современникъ, вскорѣ по полученіи извѣстія о назначеніи Сперанскаго; сумасшествіе его приписывали именно этому извѣстію. Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ, оставя по себѣ впечатлѣніе страха и значительное богатство. Но не одинъ Бѣлявскій,—сходили съ ума и другіе. Время, проведенное въ ожиданіи Сперанскаго, принадлежитъ къ числу самыхъ тревожныхъ дней въ жизни Иркутска [4]).

Но это громкое назначеніе,—для многихъ предметъ честолюбія, желаній, тайныхъ и явныхъ искательствъ,—было новымъ жестокимъ ударомъ для Сперанскаго. Оно разрушало самыя задушевныя его мечтанія. «Съ перваго дня паденія,—говоритъ его біографъ,—конечною цѣлью тайныхъ желаній и надеждъ Сперанскаго было, возвращеніе снова въ Петербургъ; а чрезъ Петербургъ ко двору и въ прежнюю милость.—Поѣздка въ Сибирь надолго отдаляла его

---

1) Чтенія 1859 г. № 3,
2) Корфъ, II, 173.
3) Корфъ, II, 183.
4) Тюменцевъ.—Щукинъ.—Курбатовъ.—Спб Вѣстн. 1866, № 11.—Ирк. губ. вѣд. 1865, № 7.—Переписка: письмо къ Кочубею 18 декабря 1819 г.

отъ этой цѣли. Она обставлена была всѣми наружными знаками довѣрія; обширнымъ полномочіемъ, лестными рескриптами, въ которыхъ выражалось желаніе скорѣйшаго возвращенія его въ Петербургъ; тѣмъ неменѣе Сперанскій понималъ, что это назначеніе — продолженіе ссылки. Все пребываніе его въ Сибири было отравлено этимъ горькимъ чувствомъ. Значительная часть дѣятельности его была посвящена хлопотамъ скорѣе вырваться изъ Сибири. Это впрочемъ не уменьшало его энергіи въ исполненіи своихъ обязанностей; напротивъ, эту энергію даже усиливало стремленіе какъ можно сократить свое пребываніе въ Сибири и получить доступъ къ вожделенному Петербургу» [1]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Путешествіе Сперанскаго по Сибири.—Пребываніе въ Иркутскѣ.— Занятія.

Сперанскій называлъ свое пребываніе въ Сибири *путешествіемъ*. Это названіе было вдвойнѣ справедливо. Оно было справедливо и въ смыслѣ временнаго пребыванія въ странѣ, сопряженнаго съ безпрерывнымъ перемѣщеніемъ, и въ другомъ, высшемъ смыслѣ. Мы привыкли называть путешествіемъ не простую поѣздку къ опредѣленному пункту, а основательный, неторопливый осмотръ цѣлой страны, съ цѣлью изучить ее въ какомъ нибудь отношеніи. Именно такой характеръ имѣло путешествіе Сперанскаго по Сибири. Онъ собралъ свѣдѣнія не объ одномъ только порядкѣ управленія, что составляло спеціальную его задачу. Въ дневникѣ Сперанскаго, въ письмахъ его къ дочери и другимъ лицамъ, наконецъ, въ его отчетѣ помѣщены драгоцѣнныя замѣтки о тогдашнемъ положеніи, бытѣ и нравахъ Сибири.

Сперанскій въѣхалъ въ Сибирь 22 мая 1819 г. и вечеромъ того же дня былъ въ Тюмени. На другой день онъ осматривалъ городъ и общественныя учрежденія. Купечество поднесло ему хлѣбъ соль на серебряномъ блюдѣ; хлѣбъ принятъ, а блюдо возвращено. «Городъ печальный; видъ на Туру значителенъ» замѣчаетъ онъ о Тюмени; «Тура сердита и подмываетъ берега». Въ бурную ночь совершилъ онъ переправу чрезъ эту сердитую рѣку на протяженіи

---

[1]) Корфъ, II, 177—185, 238—239.

около 12-ти верстъ, и ѣхалъ далѣе по особенной, неудобной весенней дорогѣ, «черезъ лѣса и дичь». Его поражало множество перевозовъ въ Сибири. Они были почти на каждой станціи, а на нѣкоторыхъ по пяти и шести. Поздно вечеромъ 24 мая, наканунѣ Троицына дня, онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ. Чиновники, купечество, народъ высыпали ему на встрѣчу. Восторгъ былъ общій. «И самые тѣ, пишетъ Сперанскій, кои страшились меня, какъ судьбы грозной, утомленные ожиданіемъ, рады были видѣть рѣшеніе». 25-е и 26-е проведены были въ офиціальныхъ представленіяхъ и визитахъ, а 27-го Сперанскій далъ предложеніе сибирскимъ губернскимъ правленіямъ, что, прибывъ на мѣсто, вступаетъ въ отправленіе должности. Несмотря на разлитіе рѣкъ и частыя переправы, Сперанскій проѣхалъ 1500 верстъ отъ Казани до Тобольска въ 8 дней. «Таковы, замѣчаетъ онъ въ письмахъ къ дочери, здѣшнія лошади и дороги. Безстрашная сибирская царевна не могла бы скорѣе летѣть въ мои объятія». «Къ покою, къ счастію нельзя такъ спѣшить, какъ я спѣшилъ въ Сибирь, пишетъ онъ къ другому лицу. И теперь еще не понимаю, какимъ вихремъ насъ сюда несло». Вообще въ путешествіи Сперанскій былъ безъ устали и безстрашенъ. Онъ мчался, по словамъ одного изъ близкихъ къ нему лицъ, безъ всякаго отдыха и не думая ни о какой опасности [1]). Въ Тобольскѣ Сперанскій прожилъ мѣсяцъ. Жизнь его была очень уединенна. «Общества со всѣмъ нѣтъ» замѣчаетъ онъ и радуется, что такой образъ жизни даетъ ему возможность скорѣе кончить свое порученіе [2]).

«Жизнь въ Тобольскѣ, пишетъ онъ дочери, весьма дешева; великое изобиліе рыбы, и прекрасной; но что значитъ сіе мѣстное изобиліе, когда за двѣсти верстъ, по недостатку и даже по невозможности сообщеній, вдругъ все измѣняется и въ виду избытка можно умереть съ голоду. Южная часть губерніи вообще довольно изобильна; но одинъ градусъ къ сѣверу, одинъ шагъ съ большой дороги, и ты въ пустыни среди болотъ непроходимыхъ, гдѣ дикій остякъ гоняется только зимою за серною или соболемъ; а лѣтомъ, то есть два мѣсяца, живетъ рыбою. И въ Тобольскѣ бываютъ жары; сегодня, напримѣръ (20 іюня), 36° въ тѣни. Природа вездѣ беретъ свое» [3]). 9-го іюня былъ крестный ходъ; Сперанскій замѣтилъ красивый видъ съ горы «разноцвѣтной рѣки, льющейся по скату горы на пространствѣ полуверсты». Здѣсь посѣтилъ его изъ Омска, на

---

[1]) Р. А. 1868 г., л. 1685. Письмо къ Столыпину 30-го мая 1819 г. изъ бумаги барона Корфа. Изъ записокъ Рѣпинскаго. Рукописи П. П. Б.; дневникъ.

[2]) Р. А. 1868 г. № 11, л. 1685.

[3]) Корфъ, II, 191—192. Р. А. 1868, № 11, 1681—6.

нѣсколько дней, начальникъ штаба сибирскаго корпуса, баронъ Клодтъ фонъ Юргенсбургъ (Дневникъ).

26 іюня Сперанскій выѣхалъ изъ Тобольска. Въ Абалацкомъ монастырѣ Богоматери онъ служилъ молебенъ.

«Прекраснѣйшее мѣстоположеніе, первое, встрѣченное мною въ Сибири. Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ сего монастыря есть мѣсто, Старая Сибирь, которое считается станомъ Кучума. Признаки, едва примѣтные, земляныхъ окоповъ недалеко отъ берега Иртыша. Сюда удалился Кучумъ, потерпѣвъ ошибку подъ Чувашами. Обѣдъ въ гостинницѣ монастыря. Разставаніе (съ архіереемъ) въ двухъ верстахъ на перевозѣ Иртыша, коего берегъ составляетъ въ семъ мѣстѣ весьма крупный яръ. Ура съ обѣихъ сторонъ» (Рукописи И. П. Б.; дневникъ).

Сперанскій ѣхалъ не прямо въ Томскъ, а на Омскую крѣпость. Цѣлью этой поѣздки было—познакомиться съ южною лучшею частью Тобольской губерніи и съ порядкомъ мѣстнаго военнаго управленія. «Никогда не буду я жалѣть, пишетъ онъ, что сдѣлалъ сей кругъ. Нужды народныя здѣсь такъ разнообразны, что нельзя познать ихъ совершенно на большой дорогѣ» (Рукописи И. П. Б. переписка).

Рано утромъ 29 іюня, въ воскресенье и Петровъ день, онъ былъ встрѣченъ на Омскомъ перевозѣ черезъ Иртышъ, со всѣми военными почестями. Омскіе военные начальники приняли его съ величайшимъ радушіемъ и истинно военнымъ гостепріимствомъ. Между прочимъ, они вызвали изъ ближайшихъ кочевьевъ киргизъ, которые задали ему свой дикій праздникъ, въ четырехъ или пяти верстахъ отъ города. Для гостей было устроено нѣсколько палатокъ. Въ главной палаткѣ помѣщались всѣ омскія дамы, хозяйками были жены одного торгующаго бухарца и одного ташкентца. Тутъ же находились жены и дочери важнѣйшихъ киргизскихъ старшинъ. Угощеніе состояло въ разныхъ сухихъ закускахъ, чаѣ и проч. По сторонамъ играла музыка и пѣли пѣвчіе. Праздникъ, подробное описаніе котораго, относящееся до киргизъ, мы приведемъ въ другомъ мѣстѣ, кончился фейерверкомъ, отъ котораго большая часть киргизъ разбѣжалась. Киргизы и ихъ игры произвели на Сперанскаго тяжелое впечатлѣніе: «Нѣтъ ничего отвратительнѣе сей одичавшей и униженной природы; это почти полузвѣри», замѣчаетъ онъ (Рукописи И. П. Б. дневникъ.—Корфъ II, 195. Р. А. 1868 г., № 11, 1888—9).

Чтобы избѣжать перевозовъ, Сперанскій направился изъ Омска не по лѣвому берегу Оми, по которому шла почтовая дорога, а по пра-

вому. Здѣсь была прекрасная и почти совершенно ровная дорога, прекрасныя земли, которыя давали сряду десять или пятнадцать урожаевъ. Но уже въ Нижнеомской волости, жители которой были поселены при Чичеринѣ и долго оставались безъ женъ, онъ замѣтилъ очевидную бѣдность. Съ Назаровской волости начиналась Томская губернія. «Кажется, замѣчаетъ Сперанскій о Барабинской степи, вся сія плоскость была затоплена водою и что земля начала обсыхать съ южной стороны отъ линіи. Земля—черный илъ; чѣмъ ближе къ линіи, тѣмъ тверже. Отсюда и прочность посѣвовъ. На Барабѣ грунтъ едва выноситъ пять посѣвовъ сряду. Невозможность великаго населенія. Земли вольныя и долго еще должны быть таковыми. Пашутъ на возвышеніяхъ или гривахъ; все прочее покрыто травою, болотами, солончаками и березовымъ, большею частью дровянымъ лѣсомъ. Виды однообразные; лѣсъ однакожъ расположенъ большею частью рощицами. Есть гати до 4 и 5 верстъ длины; множество насѣкомыхъ. Бараба именуется отъ татаръ барабинцевъ и, вѣроятно, отъ главнаго ихъ населенія, которое и теперь еще имя сіе носитъ».

«Каинскъ—маленькій городокъ, нынѣ только въ планъ приведенный. Множество жидовъ и цыганъ. Изрядная маленькая больница».

«Крестьяне на Барабѣ большею частію поселены при Чичеринѣ, изъ людей, посылаемыхъ вмѣсто рекрутъ. Московское ихъ нарѣчіе происходитъ отъ того, что предки ихъ были большею частію изъ дворовыхъ людей. Впрочемъ здѣсь, какъ и во всей Сибири, нѣтъ опредѣленнаго сибирскаго народа. Это есть сокращеніе всей Россіи, а особливо изъ Холмогоръ, Перми, Вологды, Устюга. Ростъ и опрятность въ жизни большею частью произошли отъ архангелогородцевъ, первыхъ здѣшнихъ промышленниковъ» [1]).

Этотъ очеркъ, набросанный пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ значительной степени сохраняетъ и нынѣ свою вѣрность. Главный промыселъ жителей тогда, какъ и нынѣ, состоялъ въ извозѣ; но тогда клади изъ Томска въ Тюмень ставились на срокъ не менѣе 100 в. въ сутки, что отнесено уже въ область преданій.

Барабинская степь, извѣстная своимъ безплодіемъ, дурною водою, множествомъ мошекъ и оводовъ и непроходимою грязью послѣ дождей, была въ послѣднемъ отношеніи снисходительна къ Сперанскому. «Нѣтъ, замѣчаетъ онъ, на свѣтѣ глаже дорогъ, какъ на Барабѣ; нѣтъ рѣзвѣе лошадей; нѣтъ неутомимѣе кнута тамошнихъ

---

[1]) Рукописи И. П. Б. дневникъ.

извощиковъ». Ему приходилось только терпѣть отъ духоты и насѣкомыхъ [1]).

5 іюля, около 10-ти часовъ вечера, онъ пріѣхалъ въ Томскъ, «средоточіе Сибири», и остановился у купца Серебреникова. Встрѣча была запрещена [2]).

Илличевскій былъ товарищъ Сперанскаго по Александро-невской семинаріи. Онъ опредѣленъ былъ губернаторомъ по ходатайству Сперанскаго; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отправиться въ губернію, Сперанскаго заточили въ Пермь. Узнавъ о проѣздѣ Илличевскаго черезъ Пермь, Сперанскій вышелъ къ нему на встрѣчу за городъ. Илличевскій испугался и проскакалъ мимо, постаравшись не замѣтить Сперанскаго. Теперь, когда Сперанскій въѣхалъ въ Томскъ, въ качествѣ главнаго начальника, положеніе Илличевскаго было очень щекотливо. Но Сперанскій тотчасъ сдѣлалъ визитъ Илличевскому, успокоилъ его своимъ обращеніемъ и ничѣмъ не напомнилъ ему о случившемся [3]).

Въ Томскѣ онъ думалъ пробыть не болѣе двухъ недѣль, но встрѣтилъ столько непріятныхъ дѣлъ, что едва кончилъ ихъ и въ мѣсяцъ. Кромѣ осмотра присутственныхъ мѣстъ и подробной ревизіи, Сперанскій посвятилъ пребываніе здѣсь знакомству съ общимъ порядкомъ и теченіемъ новыхъ для него дѣлъ [4]). Образъ жизни его въ Томскѣ былъ нѣсколько оживленнѣе, нежели въ Тобольскѣ. 22 іюля, въ день тезоименитства Императрицы Маріи Ѳедоровны, у него былъ большой обѣдъ, а вечеромъ въ саду—балъ и ужинъ. «Тутъ, замѣчаетъ онъ, собрано было все губернское великолѣпіе, и здѣсь танцуютъ матрадуры и котильонъ».—Природа Томской губерніи произвела на него очень пріятное впечатлѣніе. Уже переправа черезъ Обь, при д. Дубровиной, и мѣста за Обью, очаровали его. «Рѣка величественная, замѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Вдругъ природа перемѣняется. Первыя ель и сосна, первый кедръ... Луга разнообразнѣе; первые пригорки и раздолья. Тучность луговъ, благовоніе и первый ростъ цвѣтовъ. Мы скоро открыли тюльпаны, дикія гвоздики, des dents de lion, и пр. и пр. Виды вообще, начиная отъ Оби, прекрасные, особливо по Томи». Въ письмахъ къ дочери онъ нѣсколько разъ возвращается къ природѣ Томской губерніи.

«И Томскъ, и вообще Томская губернія, говоритъ онъ между

[1]) Корфъ, II, 195. Р. А. 1868 г. № 11, 1888—9.
[2]) Рукописи И. И. Б. дневникъ.—Корфъ, II, 195. Р. А. 1868 г., 1888—9.
[3]) Корфъ II, 196—197.
[4]) Корфъ. II, 197.

прочимъ, по богатству произведеній и по климату ея, весьма умѣренному и въ полуденной части прекрасному, могла бы быть одною изъ лучшихъ губерній въ Россіи; но худое управленіе сдѣлало изъ нея сущій вертепъ разбойниковъ. Сіе противорѣчіе между возможностью и дѣломъ разрываетъ сердце. Надежда современемъ согласить противорѣчіе такъ еще слаба, что не можно на нее оперѣться» [1]).

Изъ Томска Сперанскій выѣхалъ по направленію къ Енисейску. При переправѣ черезъ Чулымъ, близъ Ачинска, онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что здѣсь начинается судоходство, но число барокъ не превышаетъ 4-хъ. Здѣсь грузились тѣ товары, которые не поспѣвали къ веснѣ въ Томскъ. Городъ Ачинскъ былъ упраздненъ, и жители не выказывали большаго расположенія къ его возстановленію. Черезъ Кемчугъ онъ проѣхалъ ночью. Здѣсь его поразило ужасное положеніе мѣста,—безпрестанныя горы и болота. Весною было употреблено около 3000 человѣкъ для расчистки дороги. Дорога была удобная, хотя гати тянулись на цѣлыя версты. За Кемчугомъ спутникамъ его представилась нищета, невиданная ими прежде въ Сибири. Искуственное заселеніе большаго московскаго тракта не успѣло еще тогда упрочиться; единственнымъ средствомъ существованія жителей были только скудные заработки съ извозовъ; золотопромышленности, давшей жизнь всему новому краю, еще не существовало. Впрочемъ, подъ самымъ Красноярскомъ, отъ д. Заледеевой, тянулись непрерывныя и богатыя селенія; здѣсь была превосходная земля, богатое скотоводство, и производилась обширная торговля, съ степными народами.

Погода, во время проѣзда Сперанскаго чрезъ Красноярскую округу, была прекрасная. Сперанскій и спутники его, во время перепряжки лошадей, обыкновенно проходили нѣкоторое разстояніе пѣшкомъ, разговаривая съ окружавшею ихъ толпою народа. Иногда ему приходилось слышать и разные курьезы изъ подвиговъ мѣстнаго управленія. Между прочимъ ему разсказали, что крестьяне приготовили было жалобы на исправника, но раздумали жаловаться, потому что исправникъ всетаки былъ человѣкъ порядочный, а новый могъ быть хуже [2]).

Подъ Красноярскомъ онъ снова пораженъ былъ красотою видовъ. «Енисея не видно; но величавыя горы на противоположной сторонѣ указуютъ его теченіе, смежаясь съ облаками въ величе-

---

[1]) Р. А. 1868 г. № 11. 1868. Корфъ, II, 197.—Рукописи Н. П. Б. дневникъ.
[2]) Корфъ, II, 198—199. Рукописи Н. П. Б. дневникъ.

ственномъ разнообразіи». Верстахъ въ пяти отъ города, его встрѣтили казаки (это, впрочемъ, дѣлалось почти въ каждомъ городѣ), передъ самымъ городомъ—купечество и чиновники. Городъ былъ, вѣроятно въ ожиданіи пріѣзда Сперанскаго, украшенъ рѣшетками и надолбами въ новомъ вкусѣ, что однакожъ довольно дорого стоило обывателямъ. Въ Красноярскѣ Сперанскій, на этотъ разъ, пробылъ только нѣсколько часовъ, и отправился далѣе, къ Енисейску [1]).

Въ Енисейскомъ уѣздѣ, нынѣ совершенно измѣненномъ золотопромышленностью, царствовала патріархальная простота. Даже языкъ отзывался древностью. На путниковъ выходили смотрѣть, какъ на чудо. Дорога была гориста, но прекрасно устроена. За двѣ или за три станціи отъ Енисейска, путникамъ представился, во всемъ своемъ величіи, быстрый, глубокій и спокойный Енисей, недалеко отъ соединенія съ нимъ Ангары. Старинный Енисейскъ, когда-то средоточіе значительной торговли и управленія, былъ почти пустъ, бѣденъ, ничтоженъ по наружности. «Видъ города, окруженнаго съ одной стороны Енисеемъ, а съ другой болотами, на плоской равнинѣ, невыгоденъ—пишетъ Сперанскій. Рыбы мало; всѣ потребности доставляются въ обиліи по Енисею. Многіе изъ мѣщанъ питаются земледѣліемъ, которое здѣсь еще обильно. Внутренность города состоитъ изъ неправильныхъ улицъ и ветхихъ деревянныхъ строеній, хотя кирпичъ весьма дешевъ. Все доказываетъ, что это былъ нѣкогда довольно промышленный городъ. Енисей величественъ; но судоходство по немъ не приноситъ городу пользы: ибо суда проходятъ мимо и разгружаются, миновавши селеніе Усть-Кетское, на р. Кети, по коей нѣтъ судоходства. Отсюда волокъ до Маковской пристани на Кеми. Усть-Кетское видно изъ города въ 12 верстахъ. Судоходство хотя и не уменьшается, но и не возрастаетъ; а сіе уже доказываетъ, что путь сей пустѣетъ. Ярмарка ничтожная, или, лучше сказать, ея нынѣ и нѣтъ. Въ концѣ августа или въ сентябрѣ приходитъ одно судно съ московскими товарами—бумажными, шелковыми, посудою, сахаромъ, кофеемъ и пр., бо́льшею частію низкими, изъ Тобольска. Къ сему же времени пріѣзжаютъ два, три приказчика изъ Тобольска, иногда и изъ Иркутска, для закупки пушныхъ промысловъ. Иновѣрцевъ бываетъ мало. Вотъ и ярмарка. Отсюда есть косвенный путь на большую иркутскую дорогу, но лѣтомъ неудобный». Дѣлъ въ Енисейскѣ почти не было. Сперанскій съ удовольствіемъ отмѣтилъ въ своемъ

---

[1]) Дневникъ.

дневникѣ какъ объ этомъ обстоятельствѣ, такъ и о знакомствѣ съ енисейскими старожилами, и особенно съ семействомъ братьевъ Черепановыхъ, сильномъ и богатомъ, «съ отличными, но здѣсь не рѣдкими нравами». Дружески распрощавшись «съ добрыми людьми», онъ 10 выѣхалъ, и 11, поздно вечеромъ, былъ въ Красноярскѣ. На другой день, при обозрѣніи этого города, онъ замѣтилъ «шемякинъ судъ уѣзднаго судьи», внѣшнюю чистоту города и безпорядки и притѣсненія въ дѣлахъ [1]).

Но онъ спѣшилъ въ Иркутскую губернію. Его призывали туда дѣла. По многимъ причинамъ, онъ находилъ, что успѣхъ этихъ дѣлъ зависитъ отъ поспѣшности и отъ того, чтобы начать обозрѣніе губерніи лѣтомъ или осенью, а не зимою [2]). Намъ неизвѣстно, въ чемъ состоятъ эти причины. Кромѣ того, онъ надѣялся и отдохнуть въ Иркутскѣ: отъ продолжительной поѣздки ему надоѣла уже кочевая жизнь. При переправѣ чрезъ Енисей, у Красноярска, онъ обратилъ вниманіе на необыкновенную быстроту рѣки, на трудность переправы, составлявшей, въ разливъ, около 13 верстъ, и на величественный видъ противоположныхъ горъ.

На пути къ Иркутску лежалъ Нижнеудинскъ. Вопіющія жалобы на Лоскутова заставили Сперанскаго прожить здѣсь почти двѣ недѣли. Нижнеудинскъ и нынѣ считается однимъ изъ самыхъ плохихъ городовъ Сибири; можно себѣ представить, каковъ онъ былъ за 50 лѣтъ. Это былъ маленькій, грязный, болотистый городокъ. Сперанскій жилъ въ полуразвалинѣ, старомъ домишкѣ добраго старика городничаго, Дипаталя, и терпѣлъ съ своими чиновниками всѣ лишенія тогдашней сибирской уѣздной жизни. У нихъ почти не было пищи; всѣ свѣчи у жителей сожгла эта экспедиція. Сперанскій написалъ изъ этого городка письмецо своей дочери— «единственно для того, какъ онъ выразился, чтобы ты не подумала, что мы на пути изъ Томска въ Иркутскъ потерялись или пожраны медвѣдями» [3]). Канцелярію свою онъ отправилъ впередъ. Иркутяне слушали разсказы секретарей Сперанскаго о петербургскихъ новостяхъ и удивлялись его медленности [4]).

На перевозѣ у р. Оки, на границѣ Иркутскаго уѣзда, кончались мрачные удинскіе лѣса и горы и открывались болѣе пріятные виды. Здѣсь представились Сперанскому родоначальники Аларскихъ и

---

[1]) Корфъ, II, 199. Дневникъ; переписка.

[2]) Переписка. Письмо къ Аракчееву 5 апрѣля 1819 г.

[3]) Р. А. 1868 г. № 11,—1693; 1869 г., № 11—1979.—Корфъ, II, 199.—Дневникъ. Переписка: письмо къ Голицыну 18 Сентября 1819 г.

[4]) Тюменцевъ.

Балаганскихъ бурятъ; за двѣ станціи до Тельминской фабрики онъ былъ встрѣченъ иркутскими купцами. Вскорѣ открылась предъ нимъ Ангара. Первое впечатлѣніе ея было ничтожно: горъ не было; рѣка текла почти наравнѣ съ берегами; быстрота ея была едва замѣтна [1]).

Наконецъ, вечеромъ 29 Августа, наканунѣ Александрова дня, показался Иркутскъ. «Намъ, писалъ по этому поводу Сперанскій, суждено вступать въ большіе города наканунѣ большихъ праздниковъ». Несмотря на позднее время и на всѣ старанія отклонить отъ себя почести, онъ былъ встрѣченъ великолѣпно. На московскомъ перевозѣ гремѣли два оркестра музыки. Набережная была усѣяна народомъ; тріумфальныя ворота, соборъ, три главныя городскія улицы были иллюминованы. Видъ освѣщеннаго города изъ-за рѣки былъ великолѣпенъ. Трескинъ и мѣстная знать встрѣтили Сперанскаго у перевоза, въ полныхъ мундирахъ. Тотъ же Иркутскъ, который пять лѣтъ назадъ распѣвалъ ругательныя вирши о Сперанскомъ, теперь преклонялся передъ нимъ въ лицѣ своихъ властей и представителей. Сперанскій первый поздоровался съ Трескинымъ. Квартира Сперанскому, по совершенной негодности генералъ-губернаторскаго дома («развалина, 13 лѣтъ никѣмъ уже необитаемая»), назначена была у товарища тогдашняго откупщика, впослѣдствіи знаменитаго золотопромышленника, Е. А. Кузнецова—на берегу Ушаковки [2]). Трескинъ повезъ его туда черезъ главныя освѣщенныя улицы, Заморскую (нынѣ Амурскую) и Большую. Иркутскъ показался Сперанскому столицей [3]). «Поутру очарованіе исчезло—пишетъ онъ къ дочери. Остался обыкновенный губернскій городъ, довольно многолюдный, торговый и опрятный».

На другой день происходилъ пріемъ чиновниковъ и гражданъ. Пріемъ этотъ былъ замѣчателенъ по своей торжественности. Даже духовное вѣдомство прислало своего представителя, въ лицѣ каѳедральнаго протоіерея, Парнякова. Здѣсь же, по словамъ современника, высказался взглядъ Сперанскаго на нѣкоторыхъ лицъ мѣстнаго управленія. Иркутскому исправнику Волошинову онъ сказалъ, что уже съ нимъ «ознакомленъ»; отъ смотрителя магазиновъ, Карпушенкова, «отскочилъ», какъ выразительно пишетъ современникъ. Замѣчено было также нерасположеніе его къ совѣтнику

---

[1]) Дневникъ.

[2]) Нынѣ домъ г. Родіонова.

[3]) Корфъ II, 204—217.—Р. А. 1691.—Тюменцева.—Ст. Попова.— Курбатовъ.—Сибирскій Вѣстникъ 1866 г., № 10—11.—Щукинъ.—Дневникъ.

казенной экспедиціи, Тукалевскому, который былъ обязанъ своимъ мѣстомъ Трескину, нажилъ большое состояніе и потомъ дѣлалъ Сперанскому доносы на Трескина. Особенное вниманіе выказалъ онъ къ чинамъ учебнаго вѣдомства, бывшаго въ загонѣ при Трескинѣ [1]).

Зиму 1819—20 г. Сперанскій провелъ въ Иркутскѣ, среди трудовъ, развлеченій и громадной переписки съ разными лицами, особенно съ дочерью. Но нужно было совершить еще одну поѣздку, которая давно уже занимала Сперанскаго. Онъ нѣсколько разъ писалъ дочери о намѣреніи своемъ побывать въ Кяхтѣ. Отъ 4 февраля 1820 г. онъ какъ будто съ досадой пишетъ, что все еще не отправился «въ заморскія свои владѣнія».—«Это будетъ верстъ 500 далѣе на югъ»—прибавляетъ онъ. Наконецъ «послѣ завтра, пишетъ онъ дочери 10 февраля, я отправляюсь въ Кяхту и оттуда въ Нерчинскъ, подлинно уже на край свѣта. Сіе путешествіе есть послѣднее: ибо возвращеніе мое отсюда я не считаю уже путешествіемъ».—При этой поѣздкѣ у него, между прочимъ, была особенная цѣль—познакомиться съ порядкомъ управленія бурятскихъ родовъ и удостовѣриться, въ какой степени они близки къ принятію христіанства [2]).

13 февраля, Сперанскій выѣхалъ изъ Иркутска. На Пашковской станціи купечество дало ему прощальный завтракъ. Съ Никольской пристани открылся передъ нимъ Байкалъ. «Незамерзающая Ангара. Множество утокъ. Видъ отъ Никольской пристани противоположнаго забайкальскаго берега величественъ. Горы, вѣчнымъ снѣгомъ покрытыя, кажутся облаками. Путь черезъ три станціи до Голоустной по Байкалу, близъ сѣвернаго берега. Видъ опаленныхъ скалъ, по всей вѣроятности, происходитъ отъ обращенія ихъ къ югу. Извѣстно, что стороны всѣхъ зданій, обращенныя къ югу, имѣютъ сей видъ. Величавость скалъ и дикое разнообразіе. Невозможность плаванія близъ береговъ». Путь отъ ст. Голоустной до Посольска, въ 55 в., онъ совершилъ въ $2\frac{1}{2}$ часа. Въ Посольскѣ онъ обратилъ вниманіе на тамошній монастырь и красивый видъ изъ него. «Ниже сего монастыря, въ 9 в., пристань на Байкалѣ, называемая Прорвою. Здѣсь выгружаются тѣ суда, кои не входятъ въ Селенгу, впадающую въ 40 в. выше. У самаго Посольскаго монастыря гористый берегъ Байкала перемѣняетъ

---

[1]) Щукинъ.—Ст. Поповъ.—Иркут. Губ. Вѣд. 1865, № 7.—Спб. Вѣст. 1866 г., №№ 10 и 11.

[2]) Корфъ II, 212—214.—Переписка—письма къ Голицыну.

направленіе и поворачиваетъ хребетъ свой прямо на югъ. Берегъ вдругъ унижается и дѣлается совершенно отлогимъ. Хребты начинаются опять съ Селенги» [1]).

14-го рано утромъ, онъ былъ уже въ Верхнеудинскѣ [2]).

Здѣсь, какъ и вездѣ, его ожидали со страхомъ и трепетомъ [3]).

Но ласковое обращеніе Сперанскаго скоро всѣхъ успокоило. Въ дневникѣ его записаны любопытныя замѣтки о свиданіи съ Дзаргучеемъ, пріемѣ Бухарцевъ для переговоровъ о ревенѣ (они «предстали и откланялись на колѣняхъ»), посѣщеніи Кяхты и Маймачина. «Какая странная узорочность! пишетъ онъ дочери о Китайскомъ праздникѣ въ Маймачинѣ. Это лихорадочный бредъ, неизъяснимое смѣшеніе блестящихъ мелочей, учтивости и порядка въ частяхъ и смѣси въ цѣломъ [4]). Сколько привезу я тебѣ вѣстей объ исторіи и словесности этого чуднаго народа! Двѣсти милліоновъ головъ, то есть число болѣе всей Европы, подъ одною шапкой; это первое чудо; чудо политики, образованія, доселѣ неслыханное и небывалое въ исторіи міра. Засимъ слѣдуютъ другія чудеса, не менѣе разительныя, не менѣе смиряющія гордость европейскаго просвѣщенія. Признаться должно, что наши учители, Греки и Римляне, небольшіе были знатоки въ народномъ воспитаніи. И видно суждено востоку всегда брать верхъ надъ западомъ» [5]). 17-го онъ занимался обозрѣніемъ присутственныхъ мѣстъ и нашелъ «драгоцѣнный архивъ въ амбарѣ» и милліоны на открытомъ дворѣ» (въ старой таможнѣ); посѣтилъ уѣздное училище, открылъ Библейское сотоварищество и подписку на Селенгинское военно-

---

[1]) Корфъ, II, 212—214.—Дневникъ.

[2]) Мѣстныя преданія сохранили комическій анекдотъ о томъ, какъ верхнеудинскія власти, выѣхавъ на первую станцію отъ города встрѣчать Сперанскаго, не дождались его до ночи, выпили и заснули, и какъ Сперанскій разбудилъ ихъ словами: «се женихъ грядетъ во полунощи» [1]. Верхнеудинскъ показался ему лучшимъ уѣзднымъ городомъ въ Сибири. Здѣсь встрѣтили его Хоринскіе тайши и родоначальники съ взаимными жалобами; бурятъ въ городѣ было множество. На другой день онъ поѣхалъ далѣе. За двѣ станціи отъ Селенгинска, маленькаго, бѣднаго городка, его встрѣтилъ необыкновенный холодъ въ падяхъ, т. е. въ ущельяхъ горъ. Селенга, какъ и всѣ сибирскія рѣки, начиная съ Енисея, течетъ между горами. Ночью съ 15 на 16 онъ пріѣхалъ въ Троицкосавскую крѣпость [2]).

[3]) Одинъ чиновникъ, въ торопяхъ, на представленіе къ нему прицѣпилъ даже шпагу съ праваго бока.

[4]) Р. А. 1868 г. 1738—1739.—Корфъ, II, 212—214, Дневникъ.

[5]) Р. А. 1738—9, 1747.

---

1) Прк. Губ. Вѣд. 1865 г., № 7. Спб. Вѣст. 1866 г., № 10—11. Статья Попова. Катышевцевъ.

2) Корфъ, II, 212—214. Дневникъ.—Переписка—письмо къ Голицыну, 29 февраля 1820 г. Проѣзжая изъ Кяхты въ Нерчинскъ, Сперанскій встрѣтилъ въ Верхнеудинскѣ и знаменитую въ то время, или, какъ онъ говоритъ, «пресловутую» вдову тайши Принцеева.

сиротское отдѣленіе. Тогда же были учреждены хлѣбный запасный магазинъ въ Усть-Кяхтѣ и ремесленная школа для мальчиковъ [1]). Магазинъ учрежденъ былъ въ ознаменованіе всеобщей радости о прибытіи Сперанскаго «и дабы день сей увѣковѣчить въ памяти общеполезнымъ заведеніемъ», какъ писалъ бургомистръ П. М. Игумновъ [2]). Его предположено назвать Михайловскимъ.

Въ Троицкосавскѣ Сперанскій пробылъ три дня. Въ самый день его отъѣзда, сквозь толпу чиновниковъ, пробился къ нему чистенько одѣтый 12-лѣтній мальчикъ. «Что тебѣ нужно»?—спросилъ Сперанскій.—Мальчикъ со слезами объяснилъ, что отецъ его сидитъ въ острогѣ, а семейство умираетъ съ голоду. Это былъ сынъ Кяхтинскаго купца Крюкова. Когда-то богатый купецъ, Крюковъ разорился, впалъ въ неоплатные долги, и, что было еще хуже въ то время, перессорился и съ мѣстными властями и съ кредиторами. Его засадили въ тюрьму; огромное семейство, привыкшее къ избытку, осталось въ бѣднѣйшемъ положеніи. Старшій сынъ, певецъ-кормилецъ семьи, былъ тотъ 12-лѣтній мальчикъ, который явился къ Сперанскому. Мальчикъ этотъ, впослѣдствіи заслуженный и уже удалившійся отъ дѣлъ чиновникъ, съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминалъ, какъ онъ, въ такомъ возрастѣ, «имѣлъ нѣкоторое касательство къ Сперанскому». Крюковъ былъ тогда же выпущенъ на свободу [3]).

Въ Кяхтѣ Сперанскій встрѣтился съ старымъ товарищемъ. Это былъ родственникъ Словцова, директоръ таможни, Петръ Филиповичъ Галяховскій. Сперанскій нашелъ, что Галяховскій «окиталился.» Галяховскій былъ однакожъ человѣкъ умный; онъ пріобрѣлъ авторитетъ между китайцами и хорошо зналъ положеніе дѣлъ съ Китаемъ. Отъ него Сперанскій собралъ много свѣдѣній о кяхтинской торговлѣ.

---

[1]) Корфъ II, 212, 216.—Дневникъ.

[2]) Св. 15, № 21. Корфъ, II, 215.

[3]) Крюковъ приносилъ множество жалобъ на то, что по дѣламъ его учрежденъ конкурсъ, не утверждена сдѣлка его съ кредиторами и онъ заключенъ подъ стражу. Просилъ также рѣшить его дѣло не въ Кяхтинской ратушѣ. Жалобы его препровождались отъ Сперанскаго въ губернское правительство, частью непосредственно, частью чрезъ прокурора. Всѣ онѣ были найдены неосновательными. Изъ подъ стражи, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, онъ былъ освобожденъ самими кредиторами. Просьбы его дѣйствительно были писаны дѣтской рукой сына его, Артемія Матвѣевича Крюкова. Въ бумагахъ есть между прочимъ письмо Матвѣя Крюкова, помѣченное 18 февраля 1820 года. Оно писано также рукой Артемія. На немъ нѣтъ никакой резолюціи. Только нѣкоторыя выраженія подчеркнуты. Въ письмѣ Крюковъ жаловался на стѣснительность ареста (Св. 152, № 2. См. разсказъ Крюкова). А. М. Крюковъ, въ своемъ родѣ тоже весьма замѣчательный человѣкъ, умеръ въ іюнѣ 1870 г.

Другая личность, съ которой Сперанскій имѣлъ случай познакомиться въ эту поѣздку, былъ тогдашній кяхтинскій бургомистръ Николай Матвѣевичъ Игумновъ. Это былъ въ то время еще молодой, но уже весьма уважаемый человѣкъ. Онъ принадлежалъ къ передовымъ людямъ своего времени и много сдѣлалъ для развитія края. Именно, по его мысли были учреждены, во время пребыванія Сперанскаго въ Кяхтѣ, хлѣбный магазинъ и ремесленная школа. Впослѣдствіи, онъ завелъ отличные свѣчной и мыловаренный заводы, имѣлъ конскій заводъ, выписалъ Холмогорскую породу рогатаго скота, отъ которой значительно улучшился весь забайкальскій скотъ. Наконецъ, онъ устроилъ на свой счетъ торговую дорогу вокругъ Байкала, которая до недавняго времени сохраняла свое значеніе. Тогда Игумновъ не совершилъ еще этихъ подвиговъ, но и тогда уже онъ былъ извѣстенъ какъ умный и по своему образованный человѣкъ, отличный знатокъ края и мѣстной торговли [1]).

«Сегодня, пишетъ Сперанскій дочери 18 февраля изъ Кяхты, отправляюсь отсюда прямо въ Нерчинскъ. По счастью зима здѣсь стоитъ постоянная и, что бываетъ здѣсь, т. е. на границѣ, довольно рѣдко, много снѣговъ и хорошая дорога. Посему я имѣю всю надежду совершить мое путешествіе съ успѣхомъ. Я буду первый начальникъ, который посѣтилъ Нерчинскъ. Хотя первенство сіе не возбуждаетъ моего честолюбія, но возбуждаетъ надежду, что путешествіе сіе будетъ полезно и утѣшительно обывателямъ того края. Кто знаетъ, какой плодъ принесетъ со временемъ сѣмя, брошенное на сію землю? Впрочемъ въ Сибири, и такъ далеко, не бываютъ два раза въ жизни, и потому должно въ одинъ разъ сдѣлать все, что можно» [2]). «Я, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, отъ 20-го, изъ Верхнеудинска, путешествую попеременно въ саняхъ и колясkѣ. Здѣсь, за моремъ, во многихъ мѣстахъ снѣгъ уже сошелъ. Небольшое число верстъ, можетъ быть, доведется сдѣлать верхомъ.— Воздухъ и движеніе удивительно способствуютъ моему здоровью; напротивъ, сидячая жизнь меня утомляетъ. Посему-то, между прочимъ, переношу я всѣ трудности моего путешествія съ бодрымъ духомъ» [3]).

На обратномъ пути изъ Кяхты, Сперанскій посѣтилъ кочевья Селенгинскихъ бурятъ и главную ламайскую кумирню у Гусинаго озера. Здѣсь его встрѣтили Бандидо-лама и до 150-ти ламъ,

---

[1]) Разсказы старожиловъ.

[2]) Р. А. 1868 г. № 11, 1739.

[3]) Р. А. 1740.

съ трубами и литаврами. Въ дневникѣ своемъ онъ оставилъ намъ описаніе кумирни и ламайскаго богослуженія. «Главный храмъ; предъ нимъ, съ каждой стороны, по три небольшихъ кумирни, всего 9-ть. Въ главномъ храмѣ три отдѣленія. Въ первомъ большой цилиндръ, утвержденный вертикально на оси. Внутри и снаружи онъ исписанъ молитвою *омъ ма ни* и пр. и разными изображеніями святыхъ. Приходящій, сложивъ руки, прикасается къ нему и поворачиваетъ его на оси, отчего два колокольчика производятъ звукъ. Во второмъ, на низкихъ лавкахъ, въ три или четыре ряда параллельно расположенныхъ, сидятъ ламы. Между лавками оставленъ въ срединѣ проходъ главный, для двухъ рядомъ; а по сторонамъ проходы узкіе, для одного. Въ передней части сего отдѣленія кресла съ подушками для престольцыхъ (?) ламъ, именуемыхъ ширетами. Третье отдѣленіе въ срединѣ занимается 106 томами *Ганжура* или священной книги, на Тибетскомъ языкѣ; предъ нимъ сосуды съ водою, коею главный лама, при входѣ своемъ, окропилъ книги; курительныя свѣчи, небольшіе оловянные сосуды съ хлѣбными сѣменами. На правой сторонѣ съ прихода мѣдное литое изображеніе храма, или модель, въ маломъ видѣ, царства Шигемони. По стѣнамъ въ срединѣ изображеніе Шигемони и разныя изображенія святыхъ; на лѣвой сторонѣ сѣдалище для кутухты (гыгень) на семи подушкахъ. Служеніе состоитъ въ пѣніи гимновъ, прерываемыхъ музыкою. Пѣніе весьма стройно и важно, подобно старому столбовому пѣнію или plein chant. Музыка состоитъ изъ бряцанія кимваловъ, въ деревянныхъ огромныхъ бубнахъ или литаврахъ желѣзныхъ, все сіе съ соблюденіемъ строгаго такта. Въ малой кумирнѣ, сверхъ того, по сторонамъ четыре огромныя мѣдныя трубы. Все сіе происходитъ весьма чинно и d'une manière très favorable au recueillement et à la contemplation».

«Въ разговорѣ съ Бандида-ламою онъ утверждалъ, что Шигемона есть единъ богъ; что онъ изображается различно единственно по различію свойствъ его; что прочія изображенія, коими увѣшаны стѣны, суть святые преображенные. Въ семъ только разумѣ они именуются *бурханъ*. Множество женщинъ *обусинцевъ*, молящихся внѣ храма. Обуній есть первый степень посвященія, бади второй, лама третій; гыгень возрожденный—четвертый. Сей принадлежитъ уже къ святымъ».

Чтобы не возвращаться болѣе къ замѣткамъ Сперанскаго о ламаизмѣ, мы приведемъ здѣсь и замѣтку его о хоринской кумирнѣ, посѣщенной имъ, вслѣдъ затѣмъ, на пути къ Нерчинску. Это было бѣдное деревянное зданіе, безъ молитвеннаго цилиндра; Ган-

журъ находился на правой сторонѣ. «Въ срединѣ примѣчательное изображеніе Шигемонп въ пламени. Страданіе въ Индіи не могло быть представлено иначе. Въ одной рукѣ онъ держитъ чашу нищаго; другая опущена. Изъ него, или лучше сказать изъ пламени, возникаетъ душа его—возрожденіе въ видѣ младенцевъ. Одинъ изъ нихъ прямо изъ пламени переходитъ въ боковую фигуру среднихъ лѣтъ, чреватую, въ знакъ зрѣлости къ воспріятію возрожденнаго. Зерно аще умретъ, многъ плодъ творитъ» [1]).

Съ Гуснаго озера Сперанскій проѣхалъ къ англійскимъ миссіонерамъ, жившимъ на лѣвомъ берегу Селенги, противъ Селенгинска. Сперанскій имѣлъ случаи познакомиться съ ними еще въ Иркутскѣ. Въ другомъ мѣстѣ мы говоримъ подробно объ этихъ замѣчательныхъ религіозныхъ дѣятеляхъ того времени и о взглядѣ на нихъ Сперанскаго.

На дальнѣйшемъ пути, чрезъ двѣ станціи отъ Верхнеудинска, Сперанскій долженъ былъ перемѣнить зимнюю повозку на лѣтнюю. Въ стойбищахъ хоринскихъ инородцевъ онъ посѣтилъ главнаго ихъ тайшу, знаменитаго въ то время Галцанова. Здѣсь онъ въ первый разъ видѣлъ монгольскихъ женщинъ, въ ихъ богатыхъ парчевыхъ нарядахъ. Двѣ юрты тайши были украшены разными ламайскими образами и священными вещами. Особенно любопытенъ былъ образъ Аюши, представленной въ видѣ дѣвы, держащей въ одной рукѣ сосудъ съ растущимъ изъ него цвѣткомъ. Въ юртахъ были также разныя хоринскія издѣлія; между прочимъ стремена, съ двумя головами драконовъ, держащими нижнюю часть стремени, были сдѣланы даже со вкусомъ [2]).

По всей Хоринской степи были разсѣяны бурятскія юрты; русскихъ было всего два или три селенія.

«Съ Удинской Вершины начинаются хребты Нерчинскихъ горъ. Дорога сносная. Здѣсь взяли опять зимнія повозки. Спускъ самый крутой и трудный предъ станціею Ключевскою. Симъ спускомъ кончатся горы. Здѣсь взяли опять повозки лѣтнія до Читы, гдѣ разсвѣтали (sic)». Въ Читѣ онъ замѣчаетъ, что отсюда идетъ сплавъ тяжестей по Ингодѣ и Шилкѣ, до Бянкиной (25 в. за Нерчинскомъ), возможный только на плотахъ, по множеству каменистыхъ мелей. «Близъ Городищенской станціи Ононъ, впадая въ Ингоду, дѣлаетъ ее обширнѣе; но судовой ходъ возможенъ только съ Бянкиной, гдѣ однакоже судовъ не строятъ, и до самой Горбицы сплавъ идетъ на плотахъ, по маловажности перевозимыхъ ве-

---

[1]) Дневникъ.
[2]) Дневникъ.

щей.—За хребтомъ, или, по здѣшнему, за камнемъ, начинаются лошади съ поротыми ноздрями. Станцію 40 в. онѣ перебѣгаютъ однимъ духомъ. Видъ очень худой». Такова была сущность замѣтокъ Сперанскаго о пути къ Нерчинску [1]).

Нерчинскъ, незадолго передъ тѣмъ перенесенный на новое мѣсто, былъ растянутъ по берегу Нерчи. Купечество было малолюдно и незначительно; оно собирало пушные товары и тутъ же, на мѣстѣ, продавало ихъ иногороднымъ—Иркутскимъ и другимъ купцамъ. Въ дѣлахъ мѣстнаго управленія Сперанскій нашелъ бѣдность и невѣжество, но мало злоупотребленій [2]).

За Нерчинскомъ, въ Бянкиной, Сперанскій познакомился съ богатымъ и многочисленнымъ семействомъ Кандинскихъ. Это были заводскіе крестьяне, только за годъ передъ тѣмъ вышедшіе въ купцы. Ихъ было шесть братьевъ, а вся семья состояла изъ 34 чел.: они держали до 70 работниковъ, засѣвали до 100 десятинъ земли, торговали пушниной, занимались извозомъ, доставляли на заводы необходимые имъ товары. Кандинскіе считались тогда въ милліонѣ [3]). Семейство это существуетъ и до настоящаго времени; но далеко уже не имѣетъ прежняго богатства. Правители, смотрѣвшіе на вещи не глазами Сперанскаго, нашли богатство Кандинскихъ вреднымъ для края и постарались разорить ихъ.

О самой Бянкиной Сперанскій замѣтилъ, что это «значительный перевозъ и будущая важная пристань судамъ, плывущимъ въ Амуръ». Такимъ образомъ и онъ помышлялъ о занятіи Амура, хотя только еще въ будущемъ. «По лѣвой сторонѣ дорога здѣсь по хребтамъ идетъ верховая къ Горбицѣ. Поворотъ на правую, чрезъ рѣку, идетъ чрезъ горы къ Нерчинскимъ заводамъ». За Бянкиной, въ дебряхъ между горъ, онъ въ первый разъ встрѣтилъ въ Сибири липы: «Вся дорога усѣяна горами. Два хребта особливо примѣчательны. Одинъ изъ нихъ имѣетъ до 6-ти верстъ въ обѣ стороны отлогаго возвышенія.—Дорога во многихъ мѣстахъ усѣяна каменьями, съ горъ падающими, особливо двѣ послѣднія станціи. Спускъ къ заводамъ есть дѣйствительный спускъ во адъ».

26 февраля Сперанскій осмотрѣлъ Нерчинскій большой заводъ, а назавтра—ближайшій къ заводу Воздвиженскій рудникъ.

Въ Воздвиженскомъ рудникѣ Сперанскій прошелъ около 1½ в. штольною и наконецъ очутился подъ шахтою, на глубинѣ 34 саженъ подъ землею. «Ужасъ сего мѣста; процессія въ странѣ мерт-

———

[1]) Дневникъ.
[2]) Дневникъ.
[3]) Дневникъ.

выхъ со свѣчами; контрастъ мальчиковъ и ихъ голосовъ, работающихъ вмѣстѣ съ преступниками» [1]).

«Вчерашній день, пишетъ онъ изъ Нерчинска къ дочери отъ 29 февраля, я возвратился сюда изъ преисподней, изъ Нерчинскихъ заводовъ..... Я видѣлъ своими глазами послѣднюю линію человѣческаго бѣдствія и терпѣнія. Ничто не можетъ быть поучительнѣе сего впечатлѣнія» [2]). Вообще земли Нерчинско-заводскаго вѣдомства произвели на него въ высшей степени тяжелое впечатлѣніе. Онъ нашелъ въ крайне жалкомъ положеніи не однихъ каторжныхъ, но и заводскихъ крестьянъ, и самые заводы. Заводскія земли начинались со станціи Ключевской; «каждое заводское селеніе, по словамъ Сперанскаго, было соединеніе хижинъ и видъ сущей бѣдности. Строеніе—развалины. Одежда—(родъ шинели, видѣнной въ Енисейскомъ уѣздѣ) означаетъ происхожденіе отъ древнихъ казаковъ». «Заводскихъ крестьянъ я нашелъ въ бѣдности, пишетъ онъ Гурьеву, не въ столь крайней, какъ вообще мнѣ описывали, но въ бѣдности». Начальникъ заводовъ, Аистовъ, въ то время только что оправившійся отъ тяжкой болѣзни, вполнѣ понималъ бѣдственное положеніе крестьянъ; предположенія о средствахъ къ улучшенію ихъ быта разсматривались тогда въ мѣстномъ горномъ совѣтѣ. Мы не знаемъ, въ чемъ состояли эти предположенія; но по видимому, Сперанскій не придавалъ имъ большой цѣны. «Если мѣстныя замѣчанія мои могутъ быть тутъ къ чему нибудь годны, писалъ онъ Гурьеву, я съ удовольствіемъ представлю ихъ въ томъ довѣренномъ видѣ, который сохранять я считаю себѣ и обязанностью.—Средства сіи будутъ не безъ затрудненій; но в. с. имѣете полное право утѣшать себя тою мыслью, что затрудненія сіи не суть слѣдствіе какихъ либо мѣстныхъ злоупотребленій, но дѣйствіе физическаго положенія заводовъ; прежнее начальство только не умѣло, или не хотѣло представить его въ настоящемъ видѣ» [3]). Сперанскій, какъ видно изъ его отчета, понималъ истинныя причины бѣдственнаго положенія крестьянъ глубже, нежели это высказано въ письмѣ его къ Гурьеву. Причины эти крылись не только въ положеніи заводовъ, но и въ ихъ помѣщичьихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ; мы увидимъ впослѣдствіи, что Сперанскій пытался прекратить эти отношенія, но безуспѣшно [4]).

Не лучше заводскихъ селеній были и самые заводы. «Тѣ же хи-

---

[1]) Дневникъ.

[2]) Р. А. 1868 г. 1740—1741.

[3]) Дневникъ.—Переписка: письмо къ Гурьеву 29 февраля 1820 г.

[4]) Отчетъ: предварительныя понятія къ основанію управленія Сибири.

жины и развалины, пишетъ Сперанскій о Большомъ Заводѣ. Окружности совершенно обнажены. Не осталось почти и признаковъ бывшихъ тутъ непроходимыхъ лѣсовъ. Деревянная полусогнившая церковь.—Правленіе или экспедиція также развалины. Обѣдъ у начальника—бѣдности. Госпиталь: 63 человѣка въ развалинѣ трехъ комнатъ; прежде былъ еще хуже». Онъ замѣчаетъ также, что здѣсь обыкновенная болѣзнь—чахотка, и при всякой перемѣнѣ года бываетъ повѣтріе, особенно горячка съ поносами [1]).

Совсѣмъ не таково было впечатлѣніе, произведенное самимъ Сперанскимъ на тамошнее населеніе. Нерчинскіе жители выражаютъ его слѣдующимъ образомъ. «Ваше в-ство, удостоивъ посѣщеніемъ здѣшній отдаленный край и городъ Нерчинскъ, порадовать изволили тѣмъ обывателей онаго столько, что они, видя начальника высокой степени, одареннаго отличною добродѣтелью, кротостью и человѣколюбіемъ, поставляютъ знакомъ счастья и благополучной жизни, въ вѣкъ нахожденіе подъ вашимъ управленіемъ» и т. д. Жители желали открыть у нихъ сотоварищество Библейскаго общества. Сотоварищество было открыто 29 февраля, по возвращеніи Сперанскаго съ заводовъ. Въ Нерчинскѣ съ нимъ прощались, «какъ разстаются съ мертвыми, коихъ не чаютъ болѣе увидѣть» [2]). Чиновники большаго завода хотѣли даже поставить въ тамошнемъ соборѣ какой-то памятникъ, въ воспоминаніе посѣщенія завода Сперанскимъ [3]). Вообще за Байкаломъ встрѣчали его съ величайшимъ восторгомъ,—«какъ Бога,» по выраженію очевидца [4]).

Обратно изъ Нерчинска Сперанскій ѣхалъ по Ингодѣ. Неизвѣстно, здѣсь, или на какой нибудь другой изъ пустынныхъ рѣкъ, по которымъ шла зимняя дорога, съ нимъ случилось непріятное происшествіе. Перекладная его повозка, въ глухую полночь, провалилась въ полынью. Онъ спокойно остался въ ней, предоставя ямщику съ передовымъ выручать себя, хотя вода была подъ нимъ въ самой повозкѣ [5]).

«По дорогѣ изъ Читы, замѣчаетъ онъ, легко можно примѣтить, что такъ называемый Нерчинскій хребетъ есть ни что иное, какъ крутой отворотъ лѣваго хребта горъ, окружающихъ и сопровождающихъ Ингоду. NB. За двѣ станціи до Нерчинска въ Городищахъ

---

[1]) Дневникъ.
[2]) Донес. Нерчинск. библ. сот. 11 марта 1820 г. Дневникъ.
[3]) Св. 108, № 8. Письмо Преосв. Михаила 20 апрѣля 1820 г.
[4]) Посельскій.
[5]) Бумаги б. Корфа: изъ записокъ Рѣпинскаго.

впадаетъ въ Ингоду Ононъ, и на нѣкоторыхъ картахъ называется Шилкою. Въ самомъ же дѣлѣ именованіе Шилки начинается послѣ слiянiя сихъ двухъ рѣкъ».

«Въ Ключевскомъ селеніи кончится заводское вѣдомство, кончится и бѣдность. Въ двухъ верстахъ оттуда, въ русскомъ селеніи по сю сторону хребта, начинается Верхнеудинскій уѣздъ: другой видъ селенія, другія лица». Здѣсь онъ опять перемѣнилъ повозку.

Послѣднюю станцію къ Верхнеудинску содержатъ такъ называемые семейскіе, т. е. крестьяне - раскольники Тарбагатайской волости. «Какъ зашли сюда, среди бурятскихъ чудовищныхъ фигуръ, сіи прекрасныя женскія лица съ Волги? съ удивленіемъ спрашиваетъ Сперанскій. Это женщины Тарбагатайской волости. Поразительное дѣйствіе обилія, трудолюбія и трезвости».

Переѣхавъ Байкалъ, онъ снова любуется природой.

«Видъ горъ отъ Листвяничной станціи, гдѣ обыкновенно становятся суда (ибо устье (sic) Ангары и узко, и окружено мелями), величественъ, одинъ изъ величественнѣйшихъ въ природѣ. Байкалъ на сей сторонѣ весьма глубокъ; глубина соразмѣрна утесамъ; а на противоположномъ берегу отлогъ и съ мелями. Въ апрѣлѣ обыкновенно ѣздятъ по той сторонѣ и переправляются прямо къ Листвяничной. Берегъ кажется въ 5 верстахъ, а разстояніе полагается въ 40—по крайней мѣрѣ въ 20» [1]).

Всю Забайкальскую поѣздку Сперанскій сдѣлалъ совершенно одинъ, только съ передовымъ казакомъ. Въ три недѣли онъ проѣхалъ болѣе 3000 в. въ саняхъ, въ коляскѣ, на телѣгѣ, и только что не верхомъ. 7 марта, чрезвычайно утомленный, онъ возвратился въ Иркутскъ, который снова представился ему столицей [2]).

Большую часть пребыванія своего въ Сибири, — 11-ть мѣсяцевъ съ небольшимъ перерывомъ,—Сперанскій провелъ въ Иркутскѣ. Это было совершенно естественно: Иркутскъ считался тогда столицей всего Сибирскаго генералъ-губернаторства. Кромѣ того и дѣла здѣсь были многочисленнѣе и важнѣе, нежели въ западной Сибири. Многіе старики помнятъ еще Сперанскаго въ Иркутскѣ. Кромѣ того, множество любопытныхъ подробностей о пребываніи его здѣсь разсѣяно въ его дневникѣ, въ письмахъ его къ дочери и къ Столыпину и въ книгѣ барона Корфа.

Образъ жизни его былъ очень простъ. Онъ вставалъ рано, ино-

---

[1]) Дневникъ.

[2]) Р. А. 1868 г. 1740—1741.—Корфъ, II, 217.—Дневникъ.

гда занимался утромъ съ огнемъ [1]); обыкновенно онъ читалъ утромъ Новый Завѣтъ по гречески; послѣ того. въ длинномъ сюртукѣ и пуховой шляпѣ, или кожаномъ картузѣ,. нѣсколько времени гулялъ (иногда съ Батеньковымъ) въ огромномъ саду, прилегавшемъ къ его квартирѣ.

Во время одной изъ этихъ прогулокъ явился къ нему въ первый разъ Матюшкинъ. Каждый день, несмотря ни на какую погоду, онъ прогуливался по городу пѣшкомъ большею частію по одному направленію [2]). «Я безъ воздуха, какъ рыбы безъ воды», писалъ онъ дочери [3]). Его длинный сюртукъ и кожаная фуражка остались у всѣхъ въ памяти [4]). Никакихъ внѣшнихъ знаковъ отличія: нельзя было узнать, что это генералъ-губернаторъ. Каждый праздникъ бывалъ онъ у обѣдни, обыкновенно въ приходской церкви. У себя принималъ онъ очень рѣдко; обѣдали съ нимъ, кромѣ особенныхъ случаевъ, только немногіе приближенные [5]). Старожилы разсказываютъ, что онъ любилъ заходить запросто, вечеркомъ, къ значительнымъ лицамъ того времени. Но вообще короткихъ знакомствъ у него не было. «Здѣсь, напримѣръ, кто истинные друзья мои? пишетъ онъ дочери, колодники и чернь. Такъ было, такъ есть и такъ должно быть» [6]). Ближе другихъ былъ къ нему его старый соученикъ и пріятель, директоръ гимназіи и совѣстный судья Петръ Андреевичъ Словцовъ; Сперанскій весьма уважалъ Словцова и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о его умѣ и личныхъ достоинствахъ.

Онъ часто видѣлся съ Словцовымъ и самъ сознавался, что послѣдній былъ ему весьма полезенъ [7]). Довольно близокъ къ нему былъ также А. В. Игумновъ, о которомъ мы говорили выше. Пріятнымъ развлеченіемъ для Сперанскаго могло быть и общество молодыхъ морскихъ офицеровъ, отправлявшихся въ экспедицію къ Ледовитому морю, а также членовъ новой Пекинской миссіи, подъ начальствомъ извѣстнаго архимандрита Петра Каменскаго, и при-

---

[1]) Разсказъ Реброва.

[2]) Отъ своей квартиры на Большую улицу, потомъ налѣво на нынѣшнія Амурскую и Преображенскую.

[3]) Р. А. 1868 г., 1722.

[4]) По замѣчанію одного лица, читавшаго рукопись этого сочиненія, Сперанскій носилъ еще шинель съ нѣсколькими крагенами и лапти. Подъ лаптями здѣсь разумѣются, вѣроятно, плетеныя калоши, которыя были въ модѣ въ то время и о которыхъ упоминаетъ Курбатовъ, см. прил.

[5]) Корфъ II, 212.

[6]) Р. А. 1868 г. 1757.

[7]) Р. А. 1869, № 11.—Письма къ Столыпину 19 ноября 1819 и 7 декабря 1820 г.— Посельскій.

става миссіи, образованнаго молодаго человѣка, Тимковскаго. Къ одному изъ членовъ морской экспедиціи, Матюшкину, онъ показывалъ даже особенное расположеніе [1]). Изъ коренныхъ мѣстныхъ жителей, Сперанскій былъ ближе другихъ знакомъ съ Иркутскимъ купцомъ Константиномъ Петровичемъ Трапезниковымъ, въ семействѣ котораго до сихъ поръ сохраняются его письма. Онъ также особенно уважалъ умную и бойкую старушку Свиньину, родственницу Трапезниковыхъ, и часто бесѣдовалъ съ ней въ обществѣ [2]).

Вѣроятно, какъ особенность края, его занимали и инородцы. Въ одномъ письмѣ къ дочери онъ оставилъ намъ забавное описаніе бурятскаго тайши того времени. «Жаль, что ты не видала сихъ родоначальниковъ степной восточной Азіи. Вообрази себѣ дьякона въ парчевомъ стихарѣ, подпоясаннаго золотымъ поясомъ, съ саблею. Прибавь только бобровую къ стихарю опушку, длинные волосы, заплетенные назадъ въ косу, — и тайша будетъ передъ тобою. Сколько я разскажу тебѣ сихъ диковинокъ, о ихъ языкѣ, о ихъ религіи и проч.» [3]).

Общественная жизнь въ Иркутскѣ чрезвычайно оживилась съ его пріѣздомъ. По мнѣнію одного современника, пріѣздъ Сперанскаго составлялъ эпоху и въ этомъ отношеніи. Появились новые люди, новыя идеи, новые обычаи. Сперанскій завелъ еженедѣльныя собранія. «Мнѣ нужны точки соединенія, писалъ онъ дочери, нужно снять оковы прежняго суроваго, угрюмаго правительства.— Едва вѣрятъ здѣшніе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторый степень свободы и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться, танцевать или ничего не дѣлать».

Собранія происходили въ большой биржевой залѣ надъ каменнымъ гостиннымъ дворомъ. По словамъ Геденштрома, зала эта имѣла болѣе 20 саж. въ длину и 6 саж. ширины. «Изъ входа въ залъ трудно было различить въ противномъ углу сидѣвшаго ген.-губ. Сперанскаго, не взирая на его отличную физіономію». Первое собраніе было 21 сентября; здѣсь Сперанскій познакомился съ женскимъ Иркутскимъ обществомъ [4]).—«Въ Иркутскѣ балъ, говоритъ Сперанскій, но кто же танцуетъ?—24 пары въ экосесѣ. Такъ усовершается любезное отечество наше» [5]). Въ другомъ мѣстѣ онъ

---

[1]) Корфъ, II, 217—221.

[2]) Корфъ, II, 212.—Курбатовъ—С. С. Попова.

[3]) Р. А. 1868 г. 1722—23.

[4]) Геденштромъ. Матеріалы, I.—Портновъ. См. Прил.—Дневникъ.

[5]) Р. А. 1696—1697.

такъ рисуетъ современное общество: «Разъ въ недѣлю по воскресеньямъ танцуютъ и кто же?—большею частію купчихи и ихъ дочери. Я, напримѣръ, польскій веду съ старухою, одѣтою въ глазетовой юбкѣ и шушунѣ и повязанною платкомъ.—И тѣмъ не менѣе все идетъ чинно и весело. Они сроду такъ свободно и пріятно не живали: ибо до меня здѣсь была настоящая Испанія» [1]).

Послѣднее выраженіе было какъ нельзя болѣе справедливо. До Сперанскаго не было общественной жизни въ Иркутскѣ. Трескинъ жилъ особнякомъ. Онъ, правда, задавалъ пиры въ свои и женины именины,—но пиры совершенно своеобразные: приглашались только исправники и тайши [2]); жена Трескина играла съ ними въ карты и, разумѣется, обыгрывала; мелкихъ молодыхъ чиновниковъ и дворовыхъ заставляли выплясывать русскую, подъ звуки единственной скрипки. Общество было разрознено, загнано, сидѣло взаперти. До-петровско-татарскіе элементы, до сихъ поръ сохранившіе свою силу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири (напр. въ Томскомъ купечествѣ), должны были еще болѣе развиться при такихъ обстоятельствахъ. Случались собранія, по преимущественно семейныя. Женскій полъ находился въ нихъ отдѣльно отъ мужскаго. Женщины чинно сидѣли рядомъ, молча щелкали орѣхи и время отъ времени угощались наливкой; мужчины пьянствовали [3]).

Иркутскому обществу сначала была даже нѣсколько дика свѣтская свобода, которую вносили въ него Петербургскіе чиновники Сперанскаго. Не обходилось и безъ недоразумѣній [4]). Но вообще зимній сезонъ $18^{19}/_{20}$ г. былъ однимъ изъ самыхъ веселыхъ въ Иркутскѣ. Балы и маскарады слѣдовали одинъ за другимъ; послѣдніе особенно занимали Сперанскаго своей оригинальностью и многолюдствомъ. «У насъ маскарады, и прекрасные. Это сущая исторія всѣхъ нашихъ дикихъ костюмовъ. Тутъ Китайцы, Японцы, Алеуты, Шаманы, и, Богъ знаетъ, чего тутъ нѣтъ, и все одѣто съ большою точностію. Число людей было не менѣе 500» [5]). Эти маскарады надолго остались въ памяти современниковъ [6]). Очаровательное обращеніе Сперанскаго, одного изъ любезнѣйшихъ людей своего времени, должно было еще болѣе усиливать общее оживленіе. Впрочемъ, сознавая необходимость подобныхъ развлеченій, Спе-

---

[1]) Р. А. 1700.

[2]) Осталось преданіе, что на одинъ изъ такихъ праздниковъ Геденштромъ прискакалъ въ Иркутскъ изъ Верхнеудинска (350 в.) въ 18 часовъ.

[3]) Булатовъ, Курбатовъ. Показанія современниковъ.

[4]) Булатовъ, Курбатовъ.

[5]) Р. А. 1727.

[6]) Портновъ.

ранскій былъ весьма невысокаго мнѣнія о качествѣ ихъ въ Сибири. При возвращеніи въ Петербургъ, по поводу бала въ Екатеринбургѣ, онъ съ насмѣшкой замѣчаетъ, что здѣсь—«тѣ же каррикатуры, какъ и въ Сибири» [1]).

Къ числу общественныхъ развлеченій принадлежали оффиціальные обѣды. Сперанскимъ отмѣчено нѣсколько такихъ обѣдовъ, данныхъ купечествомъ, въ торжественные дни. Самъ Сперанскій, на святой недѣлѣ, далъ три обѣда сряду: для духовенства, для чиновниковъ и для купечества. «Я усталъ, пишетъ онъ дочери, жить въ непрестанныхъ обѣдахъ, слѣдствіяхъ и обвиненіяхъ; слава Богу, они кончились, и готовясь оставить Иркутскъ, я хочу оставить его съ пріязнію» [2]). Обѣды эти, безъ сомнѣнія, возбудили въ свое время большіе толки, такъ какъ воспоминаніе объ нихъ сохранилось до сихъ поръ.... [3]). Кромѣ того у него было нѣсколько частныхъ обѣдовъ. Одинъ изъ нихъ, для членовъ Пекинской миссіи и офицеровъ морской экспедиціи, вызвалъ въ письмѣ его къ дочери остроумную замѣтку о томъ, что Сибирь есть настоящая отчизна донъ-кихотовъ; другой, неменѣе любопытный, данъ былъ Англійскимъ миссіонерамъ.

Въ то время, и долго послѣ, отличался особенною любезностью и гостепріимствомъ домъ тогдашняго коменданта, впослѣдствіи губернатора, Ивана Богдановича Цейдлера. У Цейдлера, какъ говорится, послѣдняя копѣйка была ребромъ. Жена его, Луиза Ивановна, была очень веселая, еще нестарая и красивая женщина.

Общественная жизнь Иркутска разнообразилась при Сперанскомъ и учрежденіемъ разныхъ общеполезныхъ заведеній. Такъ были учреждены—благотворительное общество для бѣдныхъ, на что было собрано, по подпискѣ, до 8.000 р., Ланкастерская школа и отдѣленіе Библейскаго общества. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ Сперанскій, все въ порядкѣ, и зима наша пройдетъ не безплодно» [4]). Такія учрежденія, какъ благотворительное и Библейское общество, кромѣ своей прямой цѣли, естественно содѣйствовали сближенію, разрозненнаго и запуганнаго во времена Трескина, мѣстнаго общества.

Время отъ времени Сперанскій совершалъ небольшія экскурсіи въ окрестности города. Такъ онъ говоритъ о поѣздкѣ своей къ Байкалу въ концѣ Сентября 1819 г., впрочемъ только въ видѣ предпо-

---

[1]) Дневникъ.
[2]) Р. А. 1868 г. 1745.—Дневникъ.
[3]) Щукинъ. Литвинцевъ.
[4]) Р. А. 1700.

ложенія. «Озеро сіе, пишетъ онъ дочери, здѣсь называютъ моремъ, и даже святымъ моремъ, и увѣряють, что дерзновенный, который бы назвалъ его озеромъ, не останется безъ мести. Два уѣзда, за нимъ находящіеся, называются по той же логикѣ заморскими. Впрочемъ не думай, чтобъ я вздумалъ плавать; я осмотрю только берега и близь лежащія селенія» [1]).

Эта поѣздка, однако, не состоялась до Февраля; лишь тогда Сперанскій отправился за Байкалъ.

Въ Іюнѣ 1820 г. онъ посѣтилъ Оёкскую волость, лежащую къ сѣверу отъ Иркутска. «Виды изрядные; земли прекрасныя; но крестьяне бѣдны, большею частью отъ долговъ и отъ пьянства». Впрочемъ, тамъ было тогда два чрезвычайно богатыхъ крестьянина: Пѣтуховъ и Кривой [2]). Около того же времени ему былъ данъ праздникъ вблизи города, на такъ называемой Ситниковской заимкѣ; но эта мѣстность ему не понравилась, по своей тѣснотѣ и отсутствію видовъ.

Въ концѣ Іюля онъ совершилъ двѣ прогулки: на р. Каю и на Верхоленскую гору. Иркутяне—обожатели Кайской долины (по Кругоморскому тракту, въ 5 в. отъ Иркутска). Поэтому очень естественно, что мѣстныя преданія сохранили извѣстіе, будто Сперанскій долго ею любовался съ Гласковской горы и наконецъ, въ восхищеніи, сказалъ окружающимъ: «такого великолѣпнаго вида я нигдѣ не встрѣчалъ». Но самъ Сперанскій былъ далеко не такого высокаго мнѣнія объ этомъ видѣ и предпочиталъ ему Верхоленскій. «Съ первой, пишетъ онъ, видъ города довольно хорошъ и тѣмъ лучше, что съ хребта въ противную сторону по рѣчкѣ... (Сперанскій забылъ даже названіе Каи, впадающей въ Иркутъ)—открывается видъ сельскій, довольно узорочный. Видъ Верхоленскій великолѣпнѣе: тутъ видѣнъ не только городъ, но вся Ангара, съ ея островами и изгибами» [3]).

Въ письмахъ Сперанскаго къ дочери довольно подробно описана Иркутская зима $18^{19}/_{20}$ г. Холодъ начался еще въ концѣ Сентября. «Цѣлое почти лѣто пробывъ въ дорогѣ, на открытомъ воздухѣ, трудно мнѣ будетъ привыкать къ двойнымъ окошкамъ [4])». Но въ половинѣ Октября опять наступила оттепель: появилось

---

[1]) Р. А. 1698.

[2]) Дневникъ.—У Барона Корфа (II. 217), есть указаніе, что Сперанскій посѣтилъ верховья Лены, но въ дневникѣ ничего объ этомъ не говорится. По Оёкской волости Лена не протекаетъ.

[3]) Зап. Спб. отд. кн. 9, стр. 529.—Дневникъ.—Праздникъ на Каѣ былъ данъ Сперанскому Цейдлеромъ, на Верхоленской горѣ—Нараевскимъ.

[4]) Р. А. 1701.

полное лѣто, то есть, лѣто жаркое, такъ что мы ходимъ еще по сіе время во фракахъ, между тѣмъ, какъ вы думаете, что мы уже давно здѣсь мерзнемъ. Правда впрочемъ, что въ Тобольскѣ и въ Томскѣ полная зима. Но Иркутскъ причисляется къ южнымъ провинціямъ» [1]).

11-го Ноября Сперанскій на опытѣ узналъ нѣчто отличное въ Сибири. «Мнѣ давно хотѣлось, пишетъ онъ, чувствовать землетрясеніе, и вчера ввечеру желаніе мое исполнилось. Здѣсь оно бываетъ каждую осень; но всегда слабое. Вчера, въ 7-мъ часовъ, я ходилъ одинъ по комнатѣ, какъ вдругъ одна стѣна деревяннаго моего дома—не бойся—не обрушилась и не упала и даже не затрещала, но зашевелилась, подобно какъ бы кто повелъ по ней вдругъ метлами. Это полсекунды. Ударъ былъ слабый и шелъ отъ сѣвера къ югу; говорили, что въ южной части города, на берегу Ангары онъ не былъ замѣтенъ; четыре дня передъ тѣмъ былъ туманъ; 9-го и 10-го оттепель: термометръ показывалъ—5. Барометръ стоялъ 9-го на $10\frac{1}{2}$, и 10-го на 8-й, 11-го на 9-й линіи [2]). 26-го Апрѣля 1820 г., въ 5 часовъ утра, было другое землетрясеніе; оно продолжалось съ секунду, и къ Ангарѣ было сильнѣе. Вѣтеръ былъ южный, барометръ показывалъ 28, $5\frac{1}{2}$, термометръ + 2» [3]).

«Сегодня день прекрасный. Климатъ здѣсь ту имѣетъ выгоду, что въ полдень, именно тогда, какъ я хожу пѣшкомъ, всегда яркое солнце и такъ тепло, что съ кровли идетъ капель, какъ бы впрочемъ по утру ни былъ великъ морозъ. Мы большихъ морозовъ еще не видали» [4]). Такъ писалъ онъ 12-го Ноября. Но Иркутская зима дала себя знать въ концѣ Декабря. Морозы стояли тогда въ 30 и 36°. «Но вчера, пишетъ онъ, отъ 23-го Декабря, былъ первый день, что я не могъ ходить пѣшкомъ. Въ полдень на солнцѣ довольно сносно... Кстати о морозахъ. Среди всей ихъ жестокости, нѣсколько уже недѣль продолжающейся, ужасная наша Ангара вчера только стала; рѣка дѣйствительно ужасная своею глубиною и быстротою. Въ Мартѣ она уже открывается и слѣдовательно стоитъ не съ большимъ два мѣсяца,—и это на днѣ Сибири. Другая странность. Здѣсь снѣговъ столь мало, что на нѣкоторыхъ станціяхъ къ Иркутску и теперь еще съ трудомъ на саняхъ ѣздятъ. Въ самомъ Иркутскѣ едва на четверть аршина есть снѣгу, а горы

[1]) Р. А. 1868, 1804 г.
[2]) Р. А. 1709—10.—Дневникъ.
[3]) Дневникъ.
[4]) Р. А. 1710.

чуть покрыты. И сіе есть явленіе здѣсь обыкновенное. Въ 60-ти верстахъ отсюда скотъ всю зиму на поляхъ бродитъ. Тутъ живутъ Монголы, древніе наши обладатели, съ безчисленными ихъ стадами. Одинъ изъ ихъ князей, кои называются у нихъ тайшами, подарилъ въ пользу водворяемыхъ здѣсь поселенцевъ тысячу лошадей, какъ дарятъ бездѣлку» [1]). Зима вообще была жестокая; квартира Сперанскаго была холодна; всю зиму онъ провелъ въ двухъ комнатахъ и не выходилъ изъ теплыхъ сапоговъ [2]).

Впрочемъ морозы были непродолжительны. «Зима наша почти кончилась,—пишетъ Сперанскій отъ 28 Января 1820 г. Бываютъ утренники; но дни уже теплые. Не болѣе 8 или 10°. Никогда, можетъ быть, возвращеніе весны не было для меня столь пріятно; это возвращеніе къ тебѣ, къ свободѣ» [3]).—«У насъ почти лѣто, 31 Марта и дни прекрасные; глаза мои отдыхаютъ, покоясь хотя не на зелени, по крайней мѣрѣ не на снѣгу, ослѣпляющемъ отъ яркаго преломленія лучей. Ожидаемъ землетрясеній, кои обыкновенно бываютъ въ Апрѣлѣ; но здѣсь никто ихъ не боится. Въ самомъ дѣлѣ они обыкновенно бываютъ легки» [4]). «У насъ здѣсь весна совершенная», прибавляетъ онъ въ письмѣ отъ 15 Мая. «И время и климатъ здѣсь прекрасны. Вообще сторона довольно пріятная для жизни» [5]).

Лѣтомъ 1820 г. ему пришлось познакомиться еще съ однимъ изъ явленій Иркутской природы. Въ Иркутскѣ было наводненіе, и такое сильное, что по улицамъ плавали въ лодкахъ. Это было, впрочемъ, довольно рѣдкое явленіе по времени года: обыкновенно, наводненія бываютъ въ Иркутскѣ зимой, при замерзаніи Ангары [6]).

---

[1]) Р. А. 1868, 1722.—Въ письмахъ къ Столыпину Сперанскій также говорилъ, что морозъ въ 25°, а въ полдень довольно сносно (письмо 3 Декабря 1819 г.).

[2]) Корфъ, 247.

[3]) Р. А. 1731.

[4]) Р. А. 1746.

[5]) 16 Іюня 1820.—Р. А. 1763.

[6]) Если вѣрить Геденштрому, то въ Иркутскѣ Сперанскій видѣлъ и странное патологическое явленіе: *имиричество*. Геденштромъ, который имѣлъ случай близко наблюдать это явленіе, описываетъ его такъ: «пугливость или сполохливость, происходящая съ малолѣтства отъ подражанія, а въ послѣдствіи отъ привычки, обратившаяся въ неисцѣлимую болѣзнь, свойственную обоимъ поламъ. Имиричество раздѣляется на вредное и безвредное. Отъ малѣйшаго стука, треска или даже вскрика, имирякъ вскакиваетъ, называетъ себя всегда непристойнымъ именемъ, подражаетъ всякому движенію, даже неприличному. Въ это время вредный имирякъ въ безпамятствѣ можетъ нанести ножомъ и пр. рану кому либо изъ зрителей, особенно же тому, кто первый довелъ его до имиричества, или испугалъ. Безвредный же имирякъ смѣется, говоритъ неприличныя слова, и мальчишка можетъ съ нимъ дѣлать, что хочетъ. Безвреднаго имиряка легко можно заставить съѣсть весь табакъ изъ табакерки». По словамъ Геденштрома, Спе-

*

Этотъ общій очеркъ пребыванія Сперанскаго въ Иркутскѣ мы можемъ дополнить еще тѣмъ, что Сперанскій находилъ Иркутскую губернію, несмотря на множество злоупотребленій, и даже отчасти именно вслѣдствіе злоупотребленій, — одною изъ богатѣйшихъ губерній въ Россіи [1]).

Надежды Сперанскаго на скорый выѣздъ изъ Иркутска въ обратный путь не сбылись.

Возвращеніе его началось только 1-го Августа. «Одиннадцать мѣсяцевъ письма мои къ тебѣ, любезная Елисавета, пишетъ онъ въ этотъ день, имѣли сію траурную надпись: *Иркутскъ*. Сіе письмо отсюда будетъ послѣднее. Пишу въ самый день отъѣзда, въ обыкновенныхъ хлопотахъ и окруженъ народомъ» [2]). На берегу Ангары собрался весь городъ; было множество женщинъ. Здѣсь Сперанскій распрощался съ частью обывателей, а въ Вознесенскомъ монастырѣ съ архіереемъ и духовенствомъ.—Голова Сибиряковъ задалъ ему, на Зуевской станціи, прощальный пиръ, на которомъ находилось знатнѣйшее купечество; пиръ былъ съ пушечною пальбою, отъ которой едва не загорѣлись заряжавшіе пушки работники; наконецъ, въ 5 или 6 часовъ вечера, Сперанскій окончательно распрощался съ Иркутскими жителями. Только комендантъ, Цейдлеръ, и бригадный командиръ, Нараевскій, съ семействами, провожали его до Тельминской фабрики. Здѣсь былъ ужинъ у директора фабрики, Платонова, «прощанье и слезы сихъ добрыхъ людей» [3]).

Въ с. Тулунѣ его поразили ужасныя послѣдствія отъ бывшихъ въ томъ году наводненій. Отъ Нижнеудинска сопровождали его безпрестанные дожди и грязи. Отъ Канска, границы Томской губерніи, виды становились живѣе, мягче, пріятнѣе; появлялись равнины. «Весь путь отъ Канска до Красноярска, замѣчаетъ Сперанскій, есть садъ; но деревни бѣдны, грязны; обыватели, большею частью, народъ бѣдный и лѣнивый». 7-го, рано утромъ, онъ

ранскій сначала считалъ имирячество притворствомъ; но наконецъ лично убѣдился, что это болѣзненное состояніе. Въ одинъ торжественный день онъ былъ на молебнѣ въ Иркутскомъ соборѣ. Тамъ была и купчиха Рязанова. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, испуганная Рязанова начала имирячить: сдернула съ себя, съ непристойною бранью, парчевую епанечку; при второмъ, съ тою же бранью, начала топтать ее, а при послѣдующихъ выпихнула епанечку изъ церкви. Народъ, зная ея безвредность, посторонился [1]).

[1]) Письмо къ Столыпину 19 Ноября 1819 г.

[2]) Р. А. 1773.

[3]) Корфъ, II, 222.—Дневникъ.

---

[1]) Геденштромъ. Матеріалы, II

былъ уже въ Красноярскѣ. Жалобъ на пути встрѣчалось гораздо менѣе прежняго; въ Иркутскомъ уѣздѣ ихъ совсѣмъ не было [1]. На другой день онъ выѣхалъ далѣе.

На половинѣ пути отъ Красноярска къ Малокемчугской станціи начинались извѣстныя Кемчугскія гористыя болота, которыя такъ ужаснули Сперанскаго въ первый его проѣздъ. «Горы сіи, пишетъ онъ теперь, ничто другое суть, какъ лѣвый хребетъ Енисея. Они идутъ Ураломъ (?) и сопровождаютъ сію рѣку до самыхъ Туруханскихъ тундристыхъ равнинъ. Дорога впрочемъ сносная».—Худой дороги считалось около 130 верстъ; она кончалась на половинѣ пути къ Ачинску [2].

На переправѣ черезъ Чулымъ, въ дождь, Сперанскій простудился. Нѣсколько дней не выходилъ онъ изъ кареты. По Чулыму, и въ этомъ лѣтѣ, какъ въ предъидущемъ, прошло только два судна. Дожди до такой степени испортили дорогу, что разстояніе въ 500 в., отъ Красноярска до Томска, Сперанскій проѣхалъ только въ четверо сутокъ. 11-го онъ пріѣхалъ въ Томскъ и прожилъ здѣсь всего десять дней [3].

Въ Томскѣ онъ встрѣченъ былъ *кантомъ*, который смастерилъ, въ честь ему, несчастный стихокропатель, сынъ губернатора. Кантъ былъ тогда напечатанъ, «но содержаніе его, говоритъ безпристрастный знатокъ дѣла, было такъ пошло, и стихи такъ нестерпимо дурны, что мы имѣемъ терпѣніе выписать, въ образецъ, только развѣ послѣдній куплетъ:

«Не лести внемлешь ты обѣты,
Но нашихъ чувствъ согласный кликъ;
Будь счастливъ ты несчетны лѣты,
Сколь милостью ты къ намъ великъ».

«Мы отправляемся въ мѣста прекрасныя, [4] говорятъ, но коихъ даже и имена мало извѣстны,—пишетъ онъ къ дочери изъ Томска. Кто у васъ, напримѣръ выговоритъ умѣетъ *Барнаулъ*»? 20-го онъ выѣхалъ изъ Томска и чрезъ два дня былъ въ Барнаулѣ [5].

По словамъ англійскаго путешественника Кохрэна, бывшаго въ то время въ Барнаулѣ, Сперанскій былъ принятъ здѣсь «со всѣми почестями, подобающими его сану, возвышенному образу чувствъ и прочимъ отличнымъ качествамъ». Горный начальникъ

---

[1] Корфъ, II, 222.—Дневникъ.

[2] Дневникъ.

[3] Дневникъ.—Письмо къ Сибирякову изъ Томска.—Корфъ, II, 222.

[4] Бумаги б. Корфа.

[5] Р. А. 1868 г., 1778—1779.—Дневникъ.

Фроловъ, далъ два праздничныхъ обѣда: «освѣщены были сады, устроены балы, и повсюду было общее ликованіе». Барнаулъ тогда еще не былъ городомъ; но онъ и тогда уже выгодно отличался отъ прочихъ мѣстностей Сибири образованностью своего общества и утонченностью его образа жизни. Встрѣча съ Кохрэномъ, къ которому мы еще будемъ имѣть случай возвратиться, принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ эпизодамъ скитальческой жизни Сперанскаго.

Въ Барнаулѣ и Змѣиногорскомъ рудникѣ, куда вслѣдъ затѣмъ отправился Сперанскій, онъ имѣлъ случай собрать вѣрныя свѣдѣнія о порядкѣ тогдашняго заводскаго управленія. Онъ собралъ также любопытныя свѣдѣнія о цѣнахъ на съѣстные припасы (которые были тогда неимовѣрно дешевы) и о торговлѣ барнаульскихъ, бійскихъ и кузнецкихъ купцовъ; сдѣлалъ краткій очеркъ операцій на Колыванскихъ заводахъ и замѣтилъ недостатки заводовъ—устройство печей, стѣсненный воздухъ, сортировку рудъ. Лучшій изъ рудниковъ, Змѣевскій, тогда, повидимому, вырабатывался; его долженъ былъ замѣнить Зыряновскій; но послѣдній не подавалъ надежды на продолжительность работъ. Необходимы были новые пріиски. Развѣдано было около 600 мѣстностей, а работы производились только на десяти. «Новыхъ пріисковъ должно надѣяться около хребтовъ, лежащихъ за Абаканскою границей. Но когда опустошатъ край отъ лѣсовъ, то что въ немъ»? Впрочемъ Колыванскіе заводы вообще были гораздо богаче Нерчинскихъ.

Положеніе здѣшнихъ заводскихъ крестьянъ, повидимому, также было гораздо лучше положенія Нерчинскихъ. Вѣроятно, они болѣе всего были обязаны этимъ благодатной природѣ края; но отчасти и благоразумному управленію начальника заводовъ, Петра Козьмича Фролова. «Онъ проникнутъ къ заводамъ какимъ то наслѣдственнымъ чувствомъ, какъ къ своей родинѣ, пишетъ Сперанскій къ Гурьеву. Всѣхъ чиновниковъ онъ держитъ въ твердой рукѣ. Отъ крестьянъ я слышалъ одни ему благословенія» [1]). Въ Барнаулѣ Сперанскій сблизился съ Фроловымъ и изъ Тобольска написалъ ему чрезвычайно любезное и дружеское письмо, предметомъ котораго были именно заводскіе крестьяне. «Продолжайте, любезный Петръ Козмичъ, говорилъ онъ, любить ввѣренное вамъ дѣло и ввѣренныхъ вамъ людей. Самъ Богъ васъ къ нимъ послалъ. По еди-

[1]) Переписка: письмо къ Гурьеву 2 Октября 1820 г. Въ томъ же письмѣ Сперанскій сообщалъ о томъ, что слышалъ хорошіе отзывы о Бурнашевѣ, и радовался, что онъ будетъ назначенъ начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ. Служба Бурнашева на послѣднихъ, какъ извѣстно, не оправдала этихъ отзывовъ.

согласнымъ ихъ отзывамъ, можно сказать, по вѣрѣ ихъ въ васъ, они истинно достойны любви вашей» [1]).

Но и здѣсь, какъ въ Нерчинскомъ краѣ, благосостояніе крестьянъ сильно подрывалось ихъ крѣпостными отношеніями къ заводамъ и особеннымъ порядкомъ управленія, гораздо болѣе стѣснительнымъ для населенія, нежели общій губернскій порядокъ [2]).

Отправляясь далѣе, въ Семипалатинскъ, Сперанскій послалъ довольно юмористическое письмо къ своей дочери: «Мы поѣдемъ по Иртышу, писалъ онъ, то есть, по самой границѣ; и если киргизы, наши сосѣди, вздумаютъ на насъ сдѣлать нападеніе, то по всей вѣроятности первое мое письмо къ тебѣ будетъ изъ Персіи или Константинополя». Разумѣется, ничего подобнаго не случилось; 28 Августа онъ былъ уже въ Семипалатинскѣ [3]).

Южная часть Томской губерніи поразила его роскошью своей природы. «Въ Сибири ли мы?—съ восторгомъ восклицаетъ онъ еще въ письмѣ къ дочери изъ Барнаула.—Едва можно вѣрить сему очарованію. Прекраснѣйшій климатъ, пріятнѣйшія мѣстоположенія, орошаемыя величественною, гордою, покойною Обью. За двѣ станціи до Барнаула встрѣтили насъ арбузы, растущіе здѣсь на воздухѣ, величиною съ твою голову, а цѣною по 5 и 10 копѣекъ. Дыни здѣшнія также весьма вкусны. Словомъ, это очарованіе. Какъ можно себѣ представить? Шесть дней тому назадъ, мы были среди болотъ и лѣсовъ, почти непроходимыхъ; чувствовали уже не только осень, но даже почти и морозы, а здѣсь полное лѣто, во всемъ блескѣ и роскоши растеній,—и все это вмѣстѣ есть Сибирь: вопіющее смѣшеніе и злоупотребленіе словъ! На каждомъ шагу здѣсь встрѣчаемъ пчельники, и медъ здѣшній есть превосходнѣйшій, ароматный [4])». Въ этомъ краѣ уже и тогда было до 40000 ульевъ. Прямому главному начальнику заводскихъ крестьянъ, Гурьеву, Сперанскій писалъ, что этотъ край — «одинъ изъ благословеннѣйшихъ не только въ Сибири, но и въ цѣлой Россіи. Природа назначила его къ сильному и богатому населенію. Металлы составляютъ только часть, и можно сказать, не самую важную часть внутренняго его достоинства. И безъ нихъ, при лучшемъ населеніи, онъ былъ бы прекраснѣйшею и обильнѣйшею страною. Всѣ почти роды хозяйства, и въ самомъ большомъ размѣрѣ,

---

[1]) Переписка: письмо къ Фролову 4 Октября 1820 г.
[2]) Отчетъ: Предварительн. свѣд. о образов. упр. Сибирскаго.
[3]) Р. А. 1868 г. 1779—1780.—Дневникъ.
[4]) Р. А. 1868 г. 1778—1779.

могутъ быть въ немъ устроены». Въ томъ же родѣ писалъ онъ Голицыну и Кочубею [1]).

Но особенно поразила Сперанскаго своеобразная, азіатская физіономія Семипалатинска. Здѣсь окружали его бухарцы, ташкенцы, киргизы; домы были безъ крышъ, а люди въ чалмахъ; три мечети и ни одной церкви. «Въ Россіи ли мы? спрашивалъ онъ, описывая дочери этотъ оригинальный городъ. «Въ одномъ ли я съ тобой отечествѣ.—Два дня тому назадъ, мы были въ самыхъ ущельяхъ Алтайскихъ хребтовъ, коихъ верхи покрыты вѣчными снѣгами. Сегодня въ степи, коей одна сторона примыкаетъ къ Ледовитому морю, другая идетъ почти непрерывно до Тибета, и гдѣ снѣгу почти не бываетъ». Семипалатинскъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ значительныхъ пунктовъ торговли съ среднею Азіей; но въ дѣйствительности эта торговля оказалась маловажной. Сперанскій видѣлъ, только что привезенныя одним грузиномъ, кашемировыя шали, назначенныя для отсылки ко двору. Онѣ были замѣчательны только своею курьезностью. На бордюрѣ изображены были — русскій гербъ и русская пословица — *кого люблю, того дарю*. — «Желаю ему успѣха, писалъ Сперанскій; но увѣренъ, что всѣ примутъ ихъ за поддѣльныя [2])». Названіе Семипалатинска обыкновенно производятъ отъ развалинъ, находящихся вблизи города, на западной его сторонѣ. Сперанскій осматривалъ эти развалины, и нашелъ ихъ не болѣе пяти. По его мнѣнію, слово Семипалатинскъ — ничто иное, какъ испорченное бухарское Шамикала (снѣжная крѣпость), а развалины близъ города—остатки древняго укрѣпленія подъ этимъ названіемъ [3]).

Въ Омскѣ, на этотъ разъ, онъ прожилъ два дня, занимаясь обозрѣніемъ присутственныхъ мѣстъ. Черезъ Иртышъ онъ переправился въ довольно бурную погоду [4]). На пути по Иртышской линіи, онъ посѣтилъ, между прочимъ, Коркинское (Коряковское?) озеро и на одномъ изъ редутовъ видѣлся съ начальникомъ линіи, генераломъ Капцевичемъ. Свиданіе это было необходимо для общей связи дѣлъ, такъ какъ одною изъ главныхъ причинъ безпорядковъ въ Сибири всегда были личности и вражда военныхъ и граждан-

---

[1]) Переписка: письма къ Кочубею и Голицыну 29 сентября, и къ Гурьеву, 2 октября 1820 г.—Первому онъ, между прочимъ, писалъ, что край этотъ природа назначила «не для того, чтобы неимовѣрными трудами и усиліями извлекать нѣсколько убогихъ крупинокъ серебра».

[2]) Р. А. 1868 г., 1780.

[3]) Дневникъ.

[4]) Дневникъ.

скихъ начальниковъ [1]). На этомъ же пути, съ нимъ случилось слѣдующее. Лѣтній его экипажъ, по тогдашнему устройству каретъ, былъ о двухъ дрогахъ. Одна изъ нихъ переломилась въ томъ важномъ мѣстѣ, гдѣ она была искривлена для подхода переднихъ колесъ при поворотахъ. Этого нельзя было исправить ни въ какой кузницѣ, да и кузницъ на дорогѣ не было. Онъ велѣлъ приискать деревцо потолще, съ кривизною, подходящею къ кривизнѣ дроги, и привязать ее бичевкою къ переломившемуся мѣсту. Въ этомъ *безопасномъ* экипажѣ, по обыкновенію, день и ночь и нисколько не унимая ямщиковъ отъ бѣшеной гонки, онъ проскакалъ около 800 верстъ, до самаго Тобольска. «Я только старался,— со смѣхомъ разсказывалъ онъ, по пріѣздѣ туда, своимъ приближеннымъ,—выгадать, на которую сторону броситъ меня съ каретнымъ кузовомъ, если кривулька моя не выдержитъ» [2]). 8-го Сентября, наконецъ, Сперанскій возвратился въ Тобольскъ, чрезвычайно утомленный отъ пути и отъ разнообразія всего имъ видѣннаго. «Тотъ же самый Тобольскъ, пишетъ онъ дочери, но совсѣмъ иначе мнѣ нынѣ представился». «Грозная туча, Иркутскъ — былъ позади; впереди яркіе цвѣты радуги.» Это имѣло вліяніе и на состояніе духа, и на образъ жизни Сперанскаго. «Здѣсь всѣ дивятся времени, пишетъ онъ; и въ самомъ дѣлѣ осень прекрасная и здѣсь почти небывалая. Легко себѣ представить, какое благотворное дѣйствіе она имѣетъ на мое здоровье и вообще на игру и цвѣтъ моихъ мыслей.» Не было и прежняго отчужденія отъ общества. 17-го Сентября Сперанскій былъ на балѣ у губернатора и видѣлъ женское общество. «Сурокъ, да кротъ, да двѣ-три набожныя лани», юмористически пишетъ онъ дочери. 14-го Октября, въ день рожденія Императрицы Маріи, у Сперанскаго былъ большой обѣдъ; а вечеромъ маскарадъ, въ другомъ, отдѣльномъ домѣ. Одна маска поднесла ему букетъ цвѣтовъ и стихи. «Важнѣйшее то, пишетъ онъ дочери, что при семъ случаѣ удалось собрать до 4.000 р. въ пользу здѣшнихъ бѣдныхъ» [3]). 13-го Января 1821 г., въ Елизаветинъ день, у него опять былъ большой обѣдъ, — послѣдній въ Сибири. «Слово *послѣдній*, пишетъ онъ дочери, — есть магическое. Къ нему относятся и имъ приправляются всѣ непріятности» [4]). Онъ присутствовалъ при испытаніи кантонистовъ военно-сиротскаго отдѣленія, самъ дѣлалъ по

[1]) Переписка: письма къ Голицыну и Кочубею 29 сентября 1820 г.
[2]) Бумаги б. Корфа: изъ записокъ Рѣпинскаго.
[3]) Р. А. 1789—1790.
[4]) Р. А. 1806.

многимъ предметамъ вопросы и, при отвѣтахъ, исправлялъ воспитанниковъ [1]). Въ началѣ декабря 1820 г. Сперанскій былъ обрадованъ пріѣздомъ въ Тобольскъ Словцова, который, получивъ должность визитатора (инспектора) Сибирскихъ учебныхъ заведеній, ѣхалъ въ Казань—явиться къ попечителю, Магницкому [2]).

Наконецъ, 5 февраля 1821 г., Сперанскій послалъ дочери «давно желанное» послѣднее письмо изъ Сибири. Письмо это дышетъ всею горячностью дифирамба. «Послѣ завтра, пишетъ онъ, я Сибирь оставляю. Въ среду буду уже я въ Россіи, въ одной съ тобой части свѣта, по сю (?) сторону Рифейскихъ горъ, въ Европѣ. Мысли мои толпятся безъ порядка; я могу только обнять число ихъ, но не могу ни одной изобразить раздѣльно. Молись; мнѣ нужна твоя молитва болѣе еще въ радости, нежели въ печали, чтобы взглядомъ недовѣрія или излишнихъ надеждъ не изурочить счастія, не оскорбить Провидѣнія, ко всему снисходительнаго, кромѣ гордости. Ничего не перемѣняю я въ планѣ моего путешествія» [3]). 8-го февраля 1821 г., въ три часа по полудни, Сперанскій навсегда оставилъ Тобольскъ и распрощался съ Сибирью. 11-го февраля онъ ночевалъ уже въ Екатеринбургѣ, проѣхавъ изъ Тюмени триста верстъ въ сутки [4]).

Почти два года Сперанскій провелъ въ Сибири. Онъ посѣтилъ самыя разнородныя, самыя противоположныя ея части. И привлекательная личность, и образъ дѣйствій Сперанскаго, оставляли вездѣ самое отрадное впечатлѣніе въ мѣстномъ населеніи. Можно не вѣрить льстивымъ корреспонденціямъ, которыя печатались въ то время въ газетахъ [5]), и тѣмъ заявленіямъ, которыя были обращены непосредственно къ лицу Сперанскаго; но у насъ есть и другія свидѣтельства, болѣе скромныя, и потому болѣе достойныя довѣрія. Еще и нынѣ сохранились преданія, правда уже очень темныя, о пребываніи Сперанскаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и сохранились преимущественно въ простомъ народѣ. Такъ еще въ 1860 г. старикъ крестьянинъ Каинскаго округа разсказывалъ автору настоящей книги о томъ, какъ Сперанскій разбиралъ жалобы Каинскихъ крестьянъ на тогдашняго исправника (Зинова), и «гово-

---

[1]) Бумаги б. Корфа. Изъ СПб. вѣдомостей 10 декабря 1820 г. № 99.

[2]) Письмо къ Столыпину 7 декабря 1820 г. Въ томъ же мѣсяцѣ онъ ѣздилъ на юровую рыбную ловлю; но въ дневникѣ его нѣтъ никакихъ подробностей объ этой поѣздкѣ (см. дневникъ).

[3]) Р. А. 1868 г. 1808.

[4]) Корфъ II 253—4. — Дневникъ.

[5]) Бумаги б. Корфа. См. Приложеніе.

рилъ все такъ тихо, такъ тихо».—«Прекрасный былъ начальникъ Михайло Михайловичъ, добрый начальникъ; мы всѣ его такъ полюбили»—говорилъ старикъ, уже черезъ сорокъ лѣтъ послѣ встрѣчи съ Сперанскимъ [1]). Такъ въ одномъ домѣ въ Уринскомъ селеніи Канскаго округа, домѣ, гдѣ помѣщается нынѣ почтовая станція, хранится, какъ семейная драгоцѣнность, портретъ, подаренный Сперанскимъ строителю мѣстной церкви, крестьянину Матвѣеву, у котораго Сперанскій два раза останавливался проѣздомъ, котораго, по преданію, онъ обласкалъ, оба раза обѣдалъ у него и на память подарилъ ему этотъ портретъ [2]). Такъ въ Иркутскѣ, одинъ, въ то время еще очень молодой и небогатый торговецъ, съ удовольствіемъ передаетъ, какъ отъ немногихъ ласковыхъ словъ Сперанскаго онъ «какъ будто холодной водой окатился: такой сталъ бодрый и бойкій» [3]). «Колодники и чернь» дѣйствительно были и остались неизмѣнными друзьями Сперанскаго. Въ Иркутскѣ, по словамъ достойной всякаго довѣрія современницы, [4]) на Сперанскаго смотрѣли какъ на великаго человѣка, замѣчали даже малѣйшіе его поступки. Его образъ жизни, его манера обращаться, его мнѣнія, — все было наблюдаемо, пересказываемо, и служило образцомъ для многихъ».

Въ молодости своей намъ случалось слышать болѣе всего такіе отзывы о Сперанскомъ, которые и по смыслу, и даже по самому тону своему, очень близко граничили съ безотчетнымъ благоговѣніемъ.

Собственныя впечатлѣнія его за это время были чрезвычайно разнообразны. «Путешествіе по Сибири есть сущій бредъ, особливо когда путешествуешь съ примѣчаніемъ,» писалъ онъ дочери. А онъ именно путешествовалъ *съ примѣчаніемъ*. Все занимало его наблюдательный умъ; всему онъ давалъ мѣсто или въ своемъ дневникѣ, или въ своей обширной переепискѣ. Мы уже привели тѣ изъ его впечатлѣній, которыя относились къ извѣстнымъ мѣстностямъ; намъ остается передать общій взглядъ его на Сибирь, насколько онъ выразился въ его письмахъ.

Сначала, повидимому, онъ не находилъ въ Сибири никакихъ

---

[1]) См. газету Амуръ 1861 г. № 17-й, «изъ путевыхъ замѣтокъ.»

[2]) Слышано отъ О. И. Лосого. Впрочемъ портретъ (поясной), повидимому уменьшенная копія съ извѣстнаго портрета Трапезниковыхъ, писанъ очень плохо съ узкими глазами. Можетъ быть, онъ былъ купленъ Матвѣевымъ въ послѣдствіи, на память о Сперанскомъ, и остался въ семейномъ преданіи какъ подарокъ послѣдняго. Домъ и портретъ принадлежатъ нынѣ крестьянину Окладникову.

[3]) См. разсказъ Литвинцева въ Приложеніяхъ.

[4]) К. А. Авдеевой. «Отеч. Записки» 1848 г., № 8, Воспоминанія объ Иркутскѣ. См. также разсказы Обухова, Портнова и пр. Прилож.

рѣзкихъ особенностей. «Не слушай разсказовъ о Сибирской природѣ, пишетъ онъ дочери 14 Іюня 1819 г. изъ Тобольска. Сибирь есть просто Сибирь. Надобно имѣть воображеніе не пылкое, но сумазбродное, чтобъ видѣть тутъ какую-то Индію. Доселѣ по крайней мѣрѣ я ничего не видѣлъ ни въ природѣ величественнаго, ни въ людяхъ отличнаго. Уральскія горы, сколько ни называй ихъ Рифейскими, все будутъ скучные, неказистые, единообразные, безчисленные утомительные холмы, растянутые на пространствѣ 400 верстъ. При переѣздѣ ихъ не встрѣтишь ни одной точки зрѣнія, гдѣ бы глазъ остановился; ни одной равнины, съ коей бы можно было вдругъ обнять какое либо значительное возвышеніе. Тутъ даже нѣтъ и красивыхъ ужасовъ. Болѣе скучно, нежели опасно, и даже совсѣмъ не опасно. Примѣть, что мы проѣзжали ихъ въ самое лучшее время и что глазъ мой пристрастенъ ко всякой красотѣ природы, ко всякому явленію изящному или величавому. О людяхъ то же сказать можно. Доселѣ я еще не могъ составить никакого понятія, которое представляло бы мнѣ Сибиряка. Тѣ же пороки, тѣ же глупости, то же терпѣніе въ бѣдныхъ и своекорыстіе въ богатыхъ. Различіе только въ томъ, что здѣсь, говоря вообще, всѣмъ жить широко, земля довольно хороша, и слѣдовательно бѣдныхъ меньше. Посмотримъ, что будетъ далѣе, а до Тобольска и въ Тобольскѣ я смѣло утверждаю, что Сибирь есть просто Сибирь, то есть прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи; но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, для устроенія собственности, твердой, основанной на хлѣбопашествѣ, фабрикахъ и внутренней торговлѣ» [1]).—«Воображеніе наше, пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней, ищетъ въ Сибири чего-то чуднаго, отличительнаго, и ничего не находитъ» [2]).

«Какъ велика земля Русская! пишетъ онъ отъ 6 сентября 1819 г. уже изъ Иркутска. И здѣсь тѣ же люди, та же чернь, тѣ же нравы и обычаи, тѣ же почти и пороки и добродѣтели. Сіе единство почти непонятное. Во всѣхъ другихъ государствахъ несравненно болѣе разнообразія. Сіе происходитъ, думаю отъ того, что здѣшнее населеніе есть смѣсь или произведеніе всѣхъ странъ Россіи. Но не думай и не дозволяй думать, чтобъ Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число ихъ какъ капля въ морѣ; ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно,

---

[1]) Р. А. 1684—5.

[2]) Р. А. 1687.—Баронъ Клодтъ, однакожъ, пробылъ въ Тобольскѣ пять дней. (См. выше).

какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, они едва составляютъ до 2000 въ годъ, и въ томъ числѣ никогда и десятой части нѣтъ женщинъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу» [1]).

«Часто, пишетъ онъ, отъ 15-го октября 1819 г., я сержусь на Сибирь именно въ семъ отношеніи. Какъ бы, кажется, на пространствѣ столь обширномъ не потѣшить унылаго странника. Но нѣтъ—вездѣ, исключая двухъ или трехъ мѣстъ,—вездѣ скучное единообразіе» [2]).

По мѣрѣ ближайшаго знакомства съ Сибирью, долженъ былъ постепенно измѣниться и взглядъ на нее Сперанскаго. Онъ начинаетъ находить въ ней особенности. Мы уже приводили его замѣтки о Сибирской природѣ. Даже въ то время, когда онъ писалъ приведенныя здѣсь строки къ дочери, въ письмахъ его къ другимъ лицамъ звучатъ и другія ноты. Среди безпрерывныхъ жалобъ на свое положеніе, на множество злоупотребленій, на трудность открыть и искоренить ихъ, прорываются иногда и замѣтки собственно о Сибири. «Чудесная сила здѣшней природы, удобность видѣть и почти считать всѣ степени общественнаго образованія, и чувство, что въ общемъ движеніи разума человѣческаго, въ развитіи его, я здѣсь не лишній,... заставляетъ меня забывать всѣ трудности и пренебрегать всѣ опасности моего положенія. Присоедините къ сему и надежду—нѣкогда, сидя у пристани, бесѣдовать съ вами о здѣшнихъ быляхъ и небылицахъ, представлять вамъ Сибирскія картины, узорочность здѣшняго края....и проч». Такъ пишетъ онъ къ Уварову. «Сибирь достойна и по всѣмъ отношеніямъ требуетъ государственныхъ соображеній», — говоритъ онъ въ письмѣ къ Гурьеву [3]). Въ 1820 г. онъ уже пишетъ къ дочери, «что Сибирь есть страна Донъ-Кихотовъ. Въ Иркутскѣ есть сотни людей, бывшихъ въ Камчаткѣ, на Алеутскихъ островахъ, въ Америкѣ, съ женами ихъ и дѣтьми, и они все сіе разсказываютъ, какъ дѣла обыкновенныя. Человѣкъ ко всему привыкаетъ; а привычка къ странствованію, къ тому, чтобы искать похожденій, кажется, еще скорѣе другихъ приходитъ» [4]). Впослѣдствіи, знакомство съ Алтаемъ, Киргизскою степью, еще болѣе должно было измѣнить его мнѣніе объ однообразіи Сибирской природы и Сибирскаго быта. Несмотря на то, что пребываніе въ Сибири, и по роду занятій, и

¹) Р. А. 1697.
²) Р. А. 1865, № 11, 1604.
³) Р. А. 205, 211.
⁴) Р. А. 1765.

по положенію Сперанскаго, было для него крайне тягостно, что онъ всѣми силами рвался изъ Сибири, Сперанскій, подобно многимъ, полюбилъ Сибирь и впослѣдствіи съ удовольствіемъ говаривалъ, что Сибирь ему теперь своя [1]). Уже изъ Барнаула, въ письмахъ къ Кочубею и къ дочери, Сперанскій, какъ любопытную черту мѣстныхъ нравовъ, приводилъ то, что Кохрэнъ, ограбленный между Петербургомъ и Тосною, прошелъ половину Сибири, «не потерявъ ни одного волоска», и не могъ нахвалиться «ласкою и гостепріимствомъ жителей».—«Я увѣренъ, пишетъ онъ дочери, что пройдетъ и другую половину столь же покойно и безопасно. А Сибирь, по вашему мнѣнію, населена преступниками. Дай Богъ, чтобъ честные люди были также доброхотны и кротки, какъ сіи преступники. Съ послѣдними можно жить, а съ первыми трудно» [2]). Впрочемъ, какъ видно изъ его отчета, онъ высоко ставилъ только нравственность Сибирскихъ старожиловъ, а не ссыльныхъ (отчетъ). Лично для себя, онъ находилъ Сибирь «довольно выгоднымъ театромъ». — «Если не много я здѣсь сдѣлалъ, то по крайней мѣрѣ много осушилъ слезъ, утишилъ негодованій, пресѣкъ вопіющихъ насилій, и, что можетъ быть и того важнѣе, открылъ Сибирь въ истинныхъ ея политическихъ отношеніяхъ. Одинъ Ермакъ можетъ спорить со мною въ сей чести» [3]). Вообще онъ придавалъ большое значеніе тому, что, послѣ его обозрѣнія, Сибирь представится «совсѣмъ въ другомъ и, можетъ быть, въ новомъ, по крайней мѣрѣ, въ истинномъ ея видѣ» [4]). Чувство личнаго нравственнаго удовлетворенія должно было въ значительной степени ослабить для него горечь невольнаго пребыванія въ Сибири.

Занятія Сперанскаго въ Сибири, какъ и вездѣ, были чрезвычайно разнообразны; но едва ли онъ когда нибудь велъ такую обширную личную переписку, какъ въ это время. Въ полтора года онъ написалъ 92 письма къ дочери; въ то же время онъ переписывался съ Козодавлевымъ, Кочубеемъ, Голицынымъ, Уваровымъ, Нессельроде, Аракчеевымъ, Тургеневымъ, Гурьевымъ, и велъ постоянную переписку съ своими личными друзьями,—Столыпинымъ, Лазаревымъ и др. Мы не говоримъ уже о множествѣ случайныхъ, большею частію дѣловыхъ писемъ. Предметы его переписки чрезвычайно разнообразны. Бесѣдуя со всѣми этими лицами о лич-

---

[1]) Корфъ II, 238.
[2]) Р. А. 1779.—Корфъ 224.
[3]) Р. А. 1868, 1735.
[4]) Письмо къ Столыпину 1 февраля 1820 г.

ныхъ своихъ и общихъ Сибирскихъ дѣлахъ, Сперанскій не забываетъ того, что въ особенности занимаетъ каждаго изъ нихъ. Тургеневу и Уварову онъ пишетъ о наукѣ и литературѣ; Голицыну о распространеніи христіанства; Гурьеву о его финансовыхъ проектахъ; Кочубею разсказываетъ анекдоты о Кохрэнѣ. Но верхъ разнообразія, задушевности, остроумія и иногда глубокомыслія,— это письма его къ дочери [1]).

Ничто не могло отвлечь Сперанскаго отъ любимыхъ его занятій науками и литературой. Только въ первый проѣздъ черезъ Томскъ онъ писалъ, что почти раззнакомился съ книгами, «совершенно нѣтъ времени» [2]). Едвали не въ самыя трудныя минуты своей Сибирской жизни, во время производства слѣдствія надъ Лоскутовымъ въ Нижнеудинскѣ, онъ успѣваетъ прочесть исторію древней и новой литературы Шлегеля, и даже сдѣлать на нее очень любопытныя замѣчанія (между прочимъ о происхожденіи масонства) [3]). Въ Иркутскѣ онъ читалъ Миллера, Клопштока и литературныя лекціи Шлегеля и съ нетерпѣніемъ ожидалъ продолженія исторіи Карамзина [4]). «Ко мнѣ пишутъ о Карамзинѣ, что и грозное царство Іоанна IV-го уже въ печати; прочитай сіи ужасы и скажи мнѣ свои мысли»,—пишетъ онъ дочери [5]). Нѣкоторыя книги, напр. Всеобщую исторію Сегюра, онъ нашелъ въ Иркутской гимназической библіотекѣ. Къ услугамъ его была также здѣсь довольно богатая библіотека бывшаго Пекинскаго посольства Головкина. Геденштромъ жалуется, что Сперанскій зачиталъ у него путешествіе Георгія. Въ письмахъ Сперанскаго къ дочери любопытно его сравненіе русскаго языка съ древнеславянскимъ; Сперанскій отдавалъ рѣшительное преимущество послѣднему. Этимъ объясняются славянизмы, которые онъ такъ любилъ употреблять въ своихъ бумагахъ. «Языкъ Славянскій, пишетъ онъ дочери, въ послѣднее время много потерпѣлъ отъ того, что вздумалъ его защищать человѣкъ добрый, но писатель весьма посредственный (Шишковъ)» [6]).—За 6000 верстъ онъ руководилъ занятія своей дочери. Его статистическія, художественныя, особенно психологическія, и иногда даже политическія замѣтки очень любопытны. Любопытно и то, что для выраженія своей мысли онъ бралъ иногда предметы изъ Сибирской природы и быта. Говоря объ Итальянскомъ языкѣ и относи-

[1]) Корфъ, II, 205—224.—Р. А. 1868 № 11, 1681—1810.
[2]) Р. А. 1868 № 11, 1693.
[3]) Корфъ 203.—Дневникъ.
[4]) 211.
[5]) Р. А. 1702.
[6]) Р. А. 1792.

тельной бѣдности его литературы, онъ пишетъ: «Что бы былъ Шиллеръ, еслибы онъ обладалъ симъ языкомъ? Я насмотрѣлся на дикую природу. Она часто бываетъ поразительна; но можно быть высокимъ и безъ дикости» [1]. И Остякъ, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, имѣетъ свою музыку и увеселяется корольками и стеклярусомъ; но высшія степени чувствительности зависятъ отъ устройства органовъ, отъ усовершенія ихъ и нравственнаго образованія; а еще болѣе они зависятъ отъ обилія и полноты живущаго въ насъ духа» [2]. Сперанскій одинъ изъ первыхъ угадалъ генія въ молодомъ Пушкинѣ, котораго поэма «Русланъ и Людмила» тогда только что появилась [3]; онъ же, и едвали не первый, заклеймилъ Озерова названіемъ посредственности [4]. Любопытенъ еще отзывъ его о Шатобріанѣ. «Шатобріанъ есть великій волшебникъ въ поэзіи, говоритъ онъ; но сей самый высокій, парящій Шатобріанъ есть простой площадной враль въ политикѣ. Таковъ былъ Ньютонъ за Апокалипсисомъ» [5].

Въ то же время онъ продолжалъ изученіе нѣмецкаго языка и приготовлялъ къ университету молодаго Вейкардта, съ которымъ самъ занимался латинскимъ языкомъ [6].

Но все это были только отдыхъ отъ настоящихъ занятій. Настоящими, дѣйствительными его трудами были ревизія и дѣла управленія; а важнѣйшимъ изъ нихъ составленіе разныхъ проектовъ о Сибири. Этимъ послѣднимъ трудомъ Сперанскій былъ занятъ все время пребыванія своего въ Иркутскѣ и въ Тобольскѣ [7].

Ни труды, ни развлеченія, не могли заглушить въ Сперанскомъ тревогъ и опасеній, которыя возбуждала въ немъ неопредѣленность и шаткость его положенія. Это тревожное состояніе духа проявляется и въ письмахъ его къ дочери и Столыпину. Особенно сильно выразилось оно весной 1820 г., когда возвращеніе его въ Петербургъ, по Высочайшему повелѣнію, было отсрочено до весны слѣдующаго года, въ то время какъ онъ совсѣмъ было уже собрался выѣхать изъ Иркутска. Письмо къ дочери его отъ 15 мая дышетъ не только огорченіемъ, но даже отчаяніемъ [8]. Въ томъ же почти тонѣ

[1] Р. А. 1797.
[2] Р. А. 1690.
[3] Р. А. 1790.
[4] 1730.
[5] Р. А. 1771.
[6] Корфъ 211. 212. Р. А. 1787.
[7] Р. А. 1749. Корфъ 235.
[8] Р. А. 1868 № 11 1753—1756.

писаны его письма Императору Александру, Кочубею, Голицыну и къ старому его другу, Столыпину. Въ письмахъ къ послѣднему за это время онъ даже упоминаетъ объ ожиданіи близкой смерти; до такой степени духъ его былъ разстроенъ [1]). Въ душѣ его совершалась драма, непонятная и, можетъ быть, неизвѣстная для окружавшихъ его. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ скрывалъ это состояніе духа отъ всѣхъ; но оно могло прорываться невольно, могло быть подмѣчено другими и истолковано ими по-своему. Задумчивость его вообще была очень замѣтна. Въ Иркутскѣ сохранилось воспоминаніе о томъ одиночествѣ, въ которомъ онъ тамъ находился, какъ о причинѣ его грустнаго состоянія духа. Это подало даже поводъ нѣкоторымъ думать, что извѣстная пѣсня: «Среди долины ровныя», выражающая тоску одиночества, была написана Сперанскимъ [2]). Въ Тобольскѣ, освободившись отъ Иркутскихъ дрязгъ, получивъ положительное удостовѣреніе Кочубея, что ему нечего опасаться новой отсрочки, Сперанскій былъ уже гораздо спокойнѣе [3]).

Сперанскій, въ сибирскихъ своихъ письмахъ, вообще жалуется на разстроенное здоровье. Онъ не былъ боленъ, въ собственномъ смыслѣ слова; только на обратномъ пути въ Тобольскъ онъ прохворалъ нѣсколько дней, простудившись при переправѣ чрезъ Чулымъ. Но онъ иногда чувствовалъ утомленіе отъ дальнихъ переѣздовъ; его чрезвычайно утомляло и множество работы, притомъ крайне непріятной; наконецъ, постоянно тревожное состояніе духа должно было разрушительно дѣйствовать на его здоровье. Двухлѣтнее пребываніе въ Сибири чрезвычайно его состарило. Онъ еще изъ Иркутска писалъ къ Нессельроду, что постарѣлъ десятью годами противъ того, какимъ былъ въ Пензѣ. И это было совершенно справедливо: по возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ — его нельзя было узнать [4]).

---

[1]) Письма къ Столыпину, 20 мая и 13 іюня 1820 г.

[2]) Забѣлинскій.—То же я слышалъ когда-то отъ своей матери.—Посельскій.

[3]) Р. А. 1781—1809. Баронъ Корфъ говоритъ, что переписка его съ дочерью, по мѣрѣ приближенія его возвращенія, принимала болѣе и болѣе тревожный характеръ. Въ этомъ отношеніи онъ особенно указываетъ на приводимое и нами письмо 5 февраля 1821 г. Ни въ этомъ письмѣ, ни въ другихъ, мы не видимъ тревожнаго состоянія. Религіозный оттѣнокъ, которымъ проникнуты многія изъ нихъ, выражаютъ не тревогу духа, а то религіозное чувство, которымъ всегда былъ полонъ Сперанскій и которое особенно сильно проявлялось въ важныя минуты его жизни.

[4]) Корфъ II, 259.—Письма къ Столыпину.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Цѣль назначенія Сперанскаго.—Ревизія и отдѣльныя обозрѣнія.—Общій характеръ ревизій.—Результаты.

Императоръ Александръ, въ собственноручномъ рескриптѣ 22 марта 1819 г., писалъ Сперанскому: «Нашелъ я полезнѣйшимъ, облеча васъ въ званіе генералъ-губернатора, поручить вамъ сдѣлать осмотръ Сибирскихъ губерній и существовавшаго до сего времени въ оныхъ управленія, въ видѣ начальника и со всѣми правами и властью, присвоенными генералъ-губернатору. Исправя сею властію все то, что будетъ въ возможности, облича лица, предающіяся злоупотребленіямъ, предавъ кого нужно законному сужденію, важнѣйшее занятіе ваше должно быть: сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе сего отдаленнаго края; и сдѣлавъ оному начертаніе на бумагѣ, по окончаніи занятій вашихъ самимъ привести ко мнѣ оное въ Петербургъ» [1].

И такъ на Сперанскаго возложены были и ревизія края, и труды административные и законодательные; наградою ихъ указано достиженіе цѣли—возвращеніе въ Петербургъ.

Если вспомнить, говоритъ баронъ Корфъ, что Сперанскій провелъ въ Сибири менѣе двухъ лѣтъ; что ему, въ это время, надлежало и управлять, и производить ревизіи, и собирать матеріалы къ преобразованіямъ, и писать новыя учрежденія; что тогдашняя Сибирь была, по его выраженію и по общему отзыву,—настоящимъ дномъ злоупотребленій, и что по одной Иркутской губерніи слѣдственныя дѣла разрослись до множества томовъ; если, наконецъ, принять въ соображеніе, сколько времени сенаторы, назначавшіеся туда послѣ него, употребляли на одну ревизію, при готовыхъ уже данныхъ; то нельзя, конечно, не изумиться массѣ всего, что онъ успѣлъ тамъ совершить [2].

По самому существу дѣла, первое мѣсто въ числѣ этихъ трудовъ, по времени, должна была занимать ревизія. Для руководства

---

[1] Корфъ, II, 175—6.—Отчетъ.
[2] II, 228.

при ревизіи, Сперанскому сообщены были, по Высочайшему повелѣнію, инструкція для сенаторскихъ ревизій, утвержденная 17 марта 1819 г., положенія комитета министровъ по разнымъ сибирскимъ дѣламъ, и бумаги о злоупотребленіяхъ, дошедшихъ до Высочайшаго свѣдѣнія [1]).

Первымъ дѣломъ его, по пріѣздѣ въ Тобольскъ, было увѣрить жителей, что жалобы на мѣстное начальство не составляютъ преступленія и что ихъ можно приносить. Главныя жалобы были на земскую полицію,—преимущественно на лихоимство. Поэтому и ревизія не вызывала здѣсь особенно строгихъ мѣръ. Сперанскій исправилъ важнѣйшіе безпорядки, показалъ нѣсколько примѣровъ строгости надъ земскими чиновниками и «доправилъ съ нихъ взятки» [2]). Назначено было нѣсколько слѣдствій, но они не имѣли особенно важныхъ результатовъ. Нѣкоторые чиновники обвинялись въ незаконныхъ денежныхъ оборотахъ; бывшій Тюменскій городничій Лапинъ подозрѣвался въ злоупотребленіяхъ [3]). При отъѣздѣ изъ Тобольска, Сперанскій устроилъ однакоже изъ оппозиціи надзоръ надъ дѣйствіями мѣстнаго начальства [4]). Уже только по пріѣздѣ въ Томскъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе объ отрѣшеніи отъ должности и преданіи суду, намъ неизвѣстно, за что, Ялуторовскихъ исправника и коммисара [5]). Вообще по Тобольской губерніи, по словамъ Сперанскаго, найдены были «жалобы и злоупотребленія почти обыкновенныя и всѣмъ губерніямъ общія», и кромѣ того нѣкоторая слабость старика фанъ-Брина [6]).

Гораздо хуже было положеніе дѣлъ въ Томской губерніи. Тотчасъ по въѣздѣ въ эту губернію, Сперанскій встрѣтилъ жалобы на Каинскаго исправника и Вознесенскаго коммисара: кромѣ обыкновенныхъ поборовъ, они крайне стѣсняли мѣстную промышленность, запрещая крестьянамъ сплавъ въ Омскъ изъ Каинскаго урмана (тайги) лѣса, котораго ежегодно сплавлялось туда до 30000 деревъ [7]). Вообще по губерніи «поборы были тягостнѣе, чиновники дерзновеннѣе, преступленія очевиднѣе; на самого губернатора падали сильныя подозрѣнія», говоритъ баронъ Корфъ. «Если бы въ Тобольскѣ я отдалъ всѣхъ подъ судъ, писалъ Сперанскій,—что и можно было бы сдѣлать,—то здѣсь оставалось бы уже всѣхъ

---

[1]) Отчетъ: всеподданнѣйшій рапортъ.
[2]) Р. А. 197.
[3]) Прил. къ Выс. указу.
[4]) Р. А. 1869 г. № 11. Переписка, письмо къ Голицыну 25 іюня 1819. г
[5]) Кирилова и Романова. Дневникъ.
[6]) Р. А. 1869 г., № 11, 1978.—Письмо къ Столыпину 23 октября 1819 г.
[7]) Дневникъ.—Амуръ 1861 г., № 17.

повѣсить. Злоупотребленія вопіющія, и по глупости губернатора Илличевскаго, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбію брата его, губернскаго почтмейстера, весьма худо прикрытыя» [1]). «Чѣмъ далѣе спускаюсь я на дно Сибири, тѣмъ болѣе нахожу зла, и зла почти нестерпимаго,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ.—Слухи ничего не увеличивали, и дѣла хуже еще слуховъ» [2]). Еще хуже было то, что къ исправленію зла не было почти никакихъ средствъ. Нужно было отрѣшить большую часть чиновниковъ, а замѣнить ихъ было некѣмъ; поневолѣ приходилось оставаться при прежнихъ, за исключеніемъ самыхъ вопіющихъ случаевъ. Почтмейстера, впрочемъ, Сперанскій тогда же удалилъ отъ должности. Много дней занялъ у Сперанскаго личный разборъ жалобъ на притѣсненія, монополіи и взятки. Въ присутственныхъ мѣстахъ, при наружномъ порядкѣ, все было «исполнено пакости и мерзости». Встрѣтилась необходимость учесть движеніе суммъ приказа общественнаго призрѣнія и расходы по отправкѣ и поселенію ссыльныхъ, назначить два отдѣльныя слѣдствія въ Нарымскомъ и Туруханскомъ краѣ. Значительное число чиновниковъ обвинялось въ разныхъ недозволенныхъ денежныхъ оборотахъ [3]). Открылись разные безпорядки и злоупотребленія въ общественныхъ сборахъ, стѣсненіе торговли, безпорядки по водворенію ссыльныхъ и по оборотамъ хлѣбнаго запаснаго капитала. Открывалось и непосредственное участіе губернатора въ злоупотребленіяхъ [4]). Наконецъ, по особому Высочайшему повелѣнію, Сперанскій обязанъ былъ лично изслѣдовать причины пожара, случившагося 1 Января 1819 г. въ помѣщеніи томской казенной экспедиціи [5]). Все это заставило его прожить въ Томскѣ цѣлый мѣсяцъ. О дурномъ управленіи Томской губерніи Сперанскій пишетъ даже своей дочери, съ которой онъ вообще мало говорилъ о дѣлахъ. Положеніе дѣлъ было таково, что Сперанскій предвидѣлъ даже необходимость, для успѣха слѣдствій, устранить на-время Илличевскаго отъ должности. Еще болѣе слѣдовало ожидать подобной необходимости въ отношеніи къ Трескину. Въ письмѣ къ Государю отъ 31 іюля 1819 г., онъ испрашивалъ разрѣшенія принять эту мѣру, въ случаѣ надобности, въ отношеніи къ обоимъ губернаторамъ,—но только какъ вре-

---

[1]) Р. А. 1869 № 11 л. 1979.

[2]) Письмо къ Столыпину 24 іюля 1819 г.

[3]) Прилож. къ Выс. указу.

[4]) Прилож.—Корфъ, II, 197.

[5]) Переписка: отн. къ мин. юстиціи, въ іюлѣ 1819 г.—По изслѣдованіи, оказалось, что пожаръ произошелъ отъ тѣхъ самыхъ причинъ, какія были показаны въ мѣстномъ донесеніи.

менную, предварительную мѣру. «Не прежде, какъ по окончаніи слѣдствій и по разсмотрѣніи дѣлъ, писалъ Сперанскій, можно будетъ представить на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества усмотрѣніе полный отчетъ о бывшемъ здѣсь управленіи и предать судьбу управляющихъ дѣйствію закона или милосердія» [1]).

Въ дѣйствіяхъ губернскаго начальства, кромѣ разныхъ неправильностей, Сперанскій нашелъ явные слѣды неправосудія и пристрастія. Такъ, въ дѣлѣ о лѣсѣ, сплавленномъ въ разныя мѣста изъ Каинскаго уѣзда, исполнительная экспедиція, не собравъ свѣдѣній ни о пространствѣ лѣса, ни о количествѣ его, употребляемомъ ежегодно на строенія, приняла въ основаніе голословное показаніе мѣстнаго начальства, будто отъ порубки лѣса ясачные терпятъ нужду въ добываніи ясака, тогда какъ въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ обращалось въ продажу значительное число товаровъ. Экспедиція, по этому поводу, сдѣлала «запрещеніе или ограниченіе весьма важное и превышающее власть не только исполнительной экспедиціи, но и всего присутствія губернскаго правительства», и которое могло быть приведено въ исполненіе не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію. Мы не знаемъ, въ чемъ именно состояла принятая экспедиціею мѣра; но, повидимому, она была въ связи съ тѣми запрещеніями, какія дѣлала Каинская земская полиція [2]).— Мѣщанинъ Нечаевъ, иначе Недорѣзовъ, сосланъ былъ въ 1817 г. въ Иркутскую губернію не по суду, а по приговору общества; а приговоръ состоялъ въ томъ, чтобы отдать его не въ зачетъ въ рекруты. Сперанскій призналъ справедливымъ возвратить его на мѣсто жительства; а если общество найдетъ нужнымъ употребить съ нимъ мѣры строгости, то обязано дѣлать это не иначе, какъ руководствуясь изданными для того правилами. По этимъ правиламъ, на подобную мѣру требовалось согласіе всего общества, и въ томъ числѣ 24 чел. подъ присягою. Сперанскій обязалъ губернское правительство имѣть это въ виду, «никакъ не попуская, чтобы одна подписка 24 человѣкъ, иногда и пристрастныхъ и дѣйствующихъ по злобѣ и по навѣтамъ, достаточна была опредѣлить ссылку» [3]).

Въ концѣ іюля, передъ отъѣздомъ изъ Томска, Сперанскій далъ

---

[1]) Корфъ. II, 197—198.—Р. А. 1868 г. № 11, 1689, 1691—2.—Переписка: письмо къ Государю 31 іюля 1819 г.—Сперанскій просилъ также, чтобы рескриптъ былъ данъ на его имя и до времени сохранялся въ тайнѣ, такъ какъ онъ испрашивался только на всякій случай.

[2]) Дневникъ.—Переписка: предложеніе губ. правительства іюля 1819.

[3]) Переписка: предложеніе Томскому губ. прав.

огромное предложеніе губернскому правительству. Въ немъ излагались всѣ безпорядки и предписывались мѣры къ устраненію ихъ. Въ числѣ этихъ мѣръ важнѣйшею было отрѣшеніе и перемѣщеніе чиновниковъ земской полиціи. «Но какъ всѣ сіи перемѣны и перемѣщенія тогда только могутъ быть надежны, когда земскіе и уѣздные чиновники будутъ состоять подъ строгимъ надзоромъ губернскаго начальства, когда на дѣйствія ихъ обращено будетъ непрерывное вниманіе, когда отверсты будутъ всѣ пути къ правильнымъ жалобамъ, когда слѣдствія по симъ жалобамъ будутъ производимы скоро, строго и безкорыстно, то губернское правительство и должно поставить себѣ въ обязанность блюсти и надзирать за подчиненными ему мѣстами и лицами, зная, что управленіе губерніи состоитъ не въ одномъ письмоводствѣ, но болѣе и существеннѣе въ точномъ познаніи нуждъ народныхъ и въ дѣятельномъ объ нихъ попеченіи». Губернатору вмѣнялось въ обязанность, по установленному порядку, обозрѣвать губернію два раза въ годъ по частямъ. Сперанскій обратилъ также вниманіе губернскаго правительства на то, что пребываніе коммисаровъ въ волостяхъ, гдѣ они иногда поселяются цѣлыми домами, отяготительно для населенія, и предложилъ уничтожить коммисаровъ тамъ, гдѣ въ нихъ нѣтъ необходимости [1]).

Впрочемъ не все было дурно и въ Томской губерніи. По Красноярскому уѣзду поступило сравнительно немного жалобъ, и то большею частью неважныхъ (о слѣдствіи въ этомъ уѣздѣ мы скажемъ ниже); а объ Енисейскомъ Сперанскій даже отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Все въ порядкѣ; дѣлъ почти нѣтъ [2])».

Слѣдствіе о злоупотребленіяхъ въ Нарымскомъ краѣ производили правитель канцеляріи Сперанскаго, Шкляревскій, и неизвѣстный намъ чиновникъ Бѣляевъ [3]). Вообще намъ очень мало извѣстно объ этомъ слѣдствіи. Торговля въ томъ краѣ была въ высшей степени монополизирована,—преимущественно чиновниками. Бывшій исправникъ Пенкинъ обвинялся въ торговлѣ съ инородцами собственными товарами подъ видомъ казенныхъ, въ неправильныхъ поступкахъ при продажѣ хлѣба и въ томъ, что держалъ при себѣ печати инородческихъ старшинъ, употребляемыя вмѣсто рукоприкладства. Бывшій исправникъ Федоровъ обвинялся въ незакон-

[1]) Переписка: предл. Томскому губ. пр.

[2]) Дѣло Главн. Упр. Корфъ II, 199.

[3]) Дневникъ.

ныхъ торговыхъ оборотахъ съ инородцами, въ злоупотребленіяхъ по продовольствію жителей и во взяткахъ. Коммисіонеромъ въ недозволенныхъ оборотахъ исправниковъ былъ крестьянинъ Ефимъ Петровъ. Нѣкоторые крестьяне и мѣщане обвинялись въ притѣсненіи инородцевъ по злоупотребленіямъ земскихъ чиновниковъ; казаки—во взяткахъ [1]).

Въ 1818 году чрезмѣрное наводненіе, отъ разлива р. Енисея, нанесло большой вредъ Туруханскому краю. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе Комитета Министровъ. Илличевскій нашелъ нужнымъ командировать въ Туруханскій уѣздъ чиновника Максюкова, для принятія предварительныхъ мѣръ на случай возобновленія подобнаго бѣдствія въ слѣдующемъ году. Въ то же время Илличевскій поручилъ Максюкову разсмотрѣть дѣйствія земскаго начальства по взысканію недоимокъ (податныхъ и за розданный хлѣбъ), обратить вниманіе на состояніе городскаго хлѣбнаго запаснаго магазина, на дѣйствія казаковъ, командируемыхъ въ уѣздъ по разнымъ случаямъ и проч. Вообще, по содержанію даннаго Илличевскимъ Максюкову порученія, можно было заключить, что дѣла Туруханскаго мѣстнаго управленія находятся въ большомъ безпорядкѣ [2]).

Сперанскій, по пріѣздѣ въ Тобольскъ, потребовалъ отъ Илличевскаго свѣдѣній о результатѣ этого порученія. Отвѣта не было. Неизвѣстно, были ли какія нибудь донесенія и отъ Максюкова.

По пріѣздѣ въ Енисейскъ, Сперанскій призналъ нужнымъ произвести подробное обозрѣніе Туруханскаго края. Не имѣя возможности произвести это обозрѣніе лично, онъ поручилъ его Енисейскому городничему Аникитѣ Степановичу Осипову,—брату Сибирскаго почтдиректора. Осиповъ, сколько можно судить изъ дѣлъ, былъ человѣкъ уже немолодой, безъ дальняго образованія, но человѣкъ съ практическимъ умомъ, добросовѣстный и исполнительный. Притомъ и найденный въ Енисейскѣ порядокъ, и рекомендація брата, могли обратить на него вниманіе Сперанскаго. Въ предписаніи, данномъ Осипову, 10-го августа 1819 г., ему поручено было обратить особенное вниманіе на продовольствіе жителей и на водвореніе ссыльныхъ. «До меня доходятъ свѣдѣнія, пишетъ Сперанскій по послѣднему предмету, что люди, назначенные къ сему поселенію, не всѣ туда доходятъ, но подъ разными

---

[1]) Корфъ II, 198 прилож. къ Выс. указу.
[2]) Дон. Илличевскаго, 13 марта 1819 г. № 1578. Св. 61, № 81.

предлогами оставляются въ другихъ уѣздахъ [1])». Осипову были переданы разныя бумаги, относящіяся до этого края. Ему предоставлено право принимать жалобы и производить по нимъ слѣдствія. Тогда же Сперанскій, по дошедшимъ къ нему жалобамъ и свѣдѣніямъ, распорядился удалить отъ должности Туруханскаго исправника Стырова и ревизора Максюкова. Вслѣдъ затѣмъ Сперанскій послалъ къ Осипову, для соображенія, полученныя имъ: донесеніе о сборѣ въ тамошнемъ краѣ подушной подати и предположеніе Илличевскаго о заселеніи въ Туруханскомъ уѣздѣ пространства между Енисеемъ и Тазомъ [2]).

21-го августа 1819 г., Осиповъ выѣхалъ изъ Енисейска, а въ началѣ сентября былъ уже въ Туруханскѣ.

Порученіе его было затруднительно не по одной своей сложности. Туруханскъ—эта пустыня съ полнымъ уѣзднымъ штатомъ,—жилъ совершенно своеобразною жизнью. Все было тамъ патріархально, то есть совершенно произвольно. «Въ здѣшнемъ мѣстѣ непремѣнно считаю нужнымъ имѣть людей съ хорошимъ поведеніемъ и человѣколюбивыхъ, иначе край сей никогда поправленъ быть не можетъ»—писалъ Осиповъ; а именно такихъ-то людей тамъ и не было. Даже на ревизора не обращали вниманія. Его просто не слушались. «Безпечность здѣшнихъ чиновниковъ до того велика, что я съ самаго пріѣзда не могу получить отвѣтовъ на свои отношенія», пишетъ онъ отъ 5 октября 1819 г.—Но свѣдѣній этихъ не доставляли еще долго и послѣ.—«Бѣжалъ бы отсель безъ оглядки», восклицаетъ бѣдный Осиповъ въ письмѣ отъ 5 іюня 1820 г. Въ письмахъ его къ Сперанскому встрѣчаются поразительныя черты мѣстныхъ нравовъ. Немелѣе любопытно и то, что жена Илличевскаго отправила къ Осипову письмо, съ просьбою о пощадѣ ея мужа [3]). По роду своего порученія онъ былъ поставленъ въ необходимость совершать дальніе разъѣзды. Кромѣ того онъ часто хворалъ. Все это крайне замедляло окончаніе дѣла. Порученіе Оси-

---

[1]) Кромѣ того, ему предписано было выслать на прежнее мѣсто жительства крестьянина красноярскаго уѣзда Клгаева, который, по дошедшимъ до Сперанскаго свѣдѣніямъ, былъ неправильно сосланъ въ Туруханскій край.

[2]) Св. 61, № 81. Случаи голодной смерти, бывшіе въ прежнее время въ Туруханскомъ краѣ, не подвергались изслѣдованію Сперанскаго. Камаевское слѣдствіе о происшествіяхъ 1815—1818 г. разрѣшено положеніемъ Комитета Министровъ. Въ маѣ 1820 г. зачислено конченнымъ другое, болѣе старое дѣло о голодѣ 1810, 1811 года: оно было въ томъ же году кончено самимъ новымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, графомъ Кочубеемъ, который отъ 7 іюня 1820 г. увѣдомилъ о томъ Сперанскаго только для свѣдѣнія (Св. 140, № 235, Приложеніе). Поэтому и Сперанскій поручалъ Осипову только собрать общія свѣдѣнія о способахъ продовольствія тамошняго края.

[3]) См. Приложенія.

пова было самое продолжительное изъ всѣхъ, назначенныхъ Сперанскимъ. Оно кончилось только въ ноябрѣ 1820 г. [1]).

Кромѣ разныхъ безпорядковъ, Осиповъ открылъ слѣдующія злоупотребленія: а) Присвоеніе и растрату денегъ и рухляди и подделку въ книгахъ казначеемъ Дудинымъ. б) Земскіе чиновники и вахтера не записывали на приходъ вырученныхъ за хлѣбъ, а также въ подати и ясакъ, денегъ, рухляди, и проч. в) Максимовъ, исправлявшій должность исправника, уничтожилъ нѣкоторыя важныя слѣдствія (между прочимъ объ умершихъ съ голоду), а содержавшихся по нимъ арестантовъ выпустилъ на волю. г) Назначеніе мѣстнымъ начальствомъ произвольныхъ и чрезвычайно высокихъ цѣнъ на казенный хлѣбъ и отправку его въ отдаленныя мѣста нарядомъ. д) Утайку нѣсколькихъ несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ отъ недостатка въ хлѣбѣ. е) Невыдачу инородцамъ хлѣба, отчего они умирали съ голоду. ж) Незаконную торговлю бывшаго исправника Бутыркина съ инородцами хлѣбомъ и вещами, злоупотребленія его по пріему ясака и продовольствію жителей. з) Тайную и разорительную для инородцевъ продажу имъ торгующими вина. и) Утайку цѣлой инородческой волости. По донесеніямъ мѣстнаго начальства, Турыжская волость Тунгусовъ (87 д. м. п.) считалась давно вымершею. Между тѣмъ оказалось, что принадлежащіе къ этой волости инородцы живы, и что засѣдатель Мингалеевъ причислилъ ихъ къ другой, Илимпеевской волости.— Вообще, Осиповъ страшно возмущался тѣми *ужасами*, которые онъ видѣлъ вокругъ себя въ Туруханскомъ управленіи.

Обвиненія на исправника Стырова не подтвердились. Оказалось, напротивъ, что крестьяне и особенно инородцы очень любили его. Стыровъ былъ возвращенъ къ прежней должности; но онъ уже не вступалъ въ нее, потому что заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

Кромѣ того, въ 1820 г. Осиповъ принялъ чрезвычайно полезныя мѣры для обезпеченія продовольствія жителей отдаленныхъ мѣстъ Туруханскаго округа. Но онъ не успѣлъ исполнить одного изъ данныхъ ему порученій,—именно, мѣстность изслѣдовать между Енисеемъ и Тазомъ, для рѣшенія вопроса объ устройствѣ тамъ поселеній и сообщеній. Поѣздка туда отняла бы слишкомъ много времени; Сперанскій уволилъ отъ нея Осипова. Впрочемъ, Осиповъ и по этому предмету представилъ нѣкоторыя соображенія и даже карту мѣстности; о болѣе точной повѣркѣ этихъ соображеній на мѣстѣ онъ просилъ Туруханскаго землемѣра [2]).

---

[1]) См. Приложенія.

[2]) Св. 61, № 81.

Намъ неизвѣстно, къ какимъ вообще результатамъ пришолъ Осиповъ по второй главной части порученной ему ревизіи, обозрѣнію поселеній; извѣстно только, что бывшій главный смотритель поселеній обвинялся въ злоупотребленіяхъ по снабженію ссыльныхъ одеждою и въ безпорядкѣ отчетности, а смотритель Туруханскихъ поселеній Давыдовъ—въ злоупотребленіяхъ по должности[1]). Можно думать также, что собранныя Осиповымъ свѣдѣнія о поселеніяхъ послужили главнымъ поводомъ къ тѣмъ льготамъ, которыя были испрошены Сперанскимъ для Туруханскихъ поселенцевъ.

Дудинъ былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Имѣнія его и Максюкова описаны [2]).

Осиповъ представлялъ свою ревизію по частямъ. 4 мая 1820 г. онъ представилъ слѣдствіе свое по жалобамъ разныхъ лицъ, — между прочимъ на дороговизну, на смотрителя поселенцевъ Давыдова, на купца Борзенцева, на земскій судъ, и разныя ходатайства ссыльныхъ. Вслѣдъ затѣмъ, 18 мая, онъ представилъ любопытную просьбу двухъ церковныхъ сторожей изъ отставныхъ солдатъ: они просили принять ихъ снова въ военную службу, по ничтожности получаемаго ими жалованья (10 р. въ годъ). 29 іюля онъ представилъ жалобы разныхъ лицъ на мѣстную полицію. Кромѣ того, время отъ времени, Осиповъ представлялъ донесенія объ успѣхѣ своей ревизіи. Въ одномъ изъ нихъ, 3 августа, онъ обѣщалъ представить всѣ предположенія, «потребныя къ улучшенію того края и къ пресѣченію злоупотребленій, по всѣмъ вообще частямъ укоренившихся». Онъ представилъ также, 15 іюля 1820 г., подробное донесеніе о соляныхъ сопкахъ, находящихся между устьями Анабары и Хатанги, и при немъ пять пудовъ соли на пробу. Изъ всѣхъ донесеній его была сдѣлана подробная выписка, которая доложена Сперанскому 25 сентября 1820 года.

Осиповъ просилъ позволенія представить свои отчеты Сперанскому лично. «Отправленіе ваше зависитъ совершенно отъ васъ», — отвѣчалъ ему Сперанскій въ припискѣ къ одной оффиціальной бумагѣ изъ Тобольска. 18 октября 1820 г. онъ далъ ему и оффиціальное дозволеніе на поѣздку. Въ началѣ 1821 г., передъ самымъ отъѣздомъ Сперанскаго изъ Тобольска, Осиповъ явился и предста-

---

[1]) Прилож. къ Выс. указу.

[2]) Максюковъ оказалъ сопротивленіе въ описи вещей его, находившихся въ шкатулкѣ и чемоданѣ, и потому привести эти вещи въ извѣстность поручено было Енисейскому общему присутствію.

вилъ свои отчеты [1]). Чуть-ли не эти *дѣла* удержали Сперанскаго въ Тобольскѣ долѣе, нежели онъ предполагалъ [2]).

Сперанскій былъ весьма доволенъ ревизіей Осипова. 7 февраля, наканунѣ своего отъѣзда, онъ послалъ Осипову чрезвычайно лестную благодарственную бумагу. «Разсмотрѣвъ произведенное вами обозрѣніе Туруханскаго края, писалъ онъ, я считаю долгомъ моимъ—трудамъ, отличному усердію, знанію и неутомимой дѣятельности вашей отдать полную справедливость. Свѣдѣнія, представленныя вами, полнотою своею, ясностью и точностью изысканій, всегда сдѣлаютъ вамъ честь, а правительству послужатъ твердымъ основаніемъ къ введенію въ семъ отдаленномъ краѣ лучшаго устройства и порядка. Я почту пріятнымъ себѣ долгомъ свидѣтельствовать о заслугахъ вашихъ и ходатайствовать о наградѣ какъ вамъ, такъ и тѣмъ лицамъ, о коихъ вы мнѣ съ одобреніемъ вашимъ представляете. Совершивъ сіе многотрудное дѣло и давъ полный въ немъ отчетъ, вы можете нынѣ возвратиться къ прежней вашей должности съ увѣренностью, что, исполнивъ долгъ, на васъ возложенный, вы въ полной мѣрѣ заслужили отличное вниманіе начальства». — Тогдаже предписано было Илличевскому возвратить Осипову употребленныя имъ на поѣздку (и постройку двухъ казармъ) деньги и, согласно ходатайству Осипова, позволить остаться въ Енисейскѣ одному ссыльному [3]).

Въ концѣ 1821 г. Сперанскій узналъ, что Дудинъ, размотавшій казенное имущество, снова допущенъ къ должности Туруханскаго казначея. Онъ предложилъ Томской казенной экспедиціи, удаливъ Дудина отъ должности, избрать на его мѣсто достойнаго чиновника, «и вообще при опредѣленіи въ казенныя и другія должности, по коимъ ввѣряется казенный интересъ, соблюдать строгую разборчивость» [4]).

Въ числѣ слѣдствій, назначенныхъ по распоряженію Сперанскаго въ Томской губерніи, два производились по Красноярской округѣ. Крестьяне Частоостровской волости, Василій Кужлевъ и

---

[1]) Св. 61, № 81.

[2]) Р. А. 1868 г., № 11, л. 1807.

[3]) См. Приложеніе.—Изъ находящихся у насъ свѣдѣній невидно, было ли возложено на Осипова порученіе собрать какія нибудь свѣдѣнія объ Остякахъ, съѣвшихъ своего товарища, какъ пишетъ Баронъ Корфъ (II, 198). Прежнія слѣдствія о дѣлахъ этого рода были уже кончены. Но вообще данное Осипову порученіе, по программѣ своей, было гораздо обширнѣе и важнѣе изслѣдованія этого частнаго случая, который и могъ входить въ составъ этого порученія какъ часть, въ составѣ цѣлаго. Нельзя также сказать, чтобы порученіе Осипова кончилось *почти ничѣмъ*.

[4]) Св. 61, № 81.

Михайло Баталовъ, представили Сперанскому общественную довѣренность и принесли жалобу на притѣсненія земскаго и волостнаго начальства. По словамъ жалобы, 30 человѣкъ поселянъ были будто бы сочтены бунтовщиками и высланы въ лѣсъ безъ всякой основательной причины, голова и писарь собирали съ крестьянъ деньги для подарковъ земскимъ чиновникамъ, наказывали уклоняющихся отъ этого содержаніемъ на цѣпи и проч. Въ то же время крестьяне Пахвальской волости, Егоръ Бузуковъ и Никита Стародубовъ съ товарищами, всего 23 чел., жаловались на бывшаго Сухобузимскаго коммисара Ляхова и писаря Смирехина въ нанесеніи имъ побоевъ и во взяткахъ, которыхъ собрали въ разное время: Ляховъ 6.127 р. и Смирехинъ 920 р.

Слѣдствія по этимъ жалобамъ поручено было произвесть Красноярскому исправнику Кольчеву. Но по первой изъ нихъ былъ прикосновенъ самъ Кольчевъ, почему крестьяне и не дали ему удовлетворительныхъ отвѣтовъ, а по послѣдней Кольчевъ ограничился только истребованіемъ объясненій отъ Ляхова. Поэтому Сперанскій, въ іюнѣ 1820 г., поручилъ начальнику отдѣленія своей канцеляріи, Молчанову, произвести по этимъ жалобамъ строжайшее изслѣдованіе, при содѣйствіи одного изъ засѣдателей земскаго суда, по выбору Молчанова [1]).

По слѣдствіямъ открылось: по первому, что Кужлевъ и Баталовъ склоняли крестьянъ на составленіе жалобъ, разъѣзжая по селеніямъ, и даже вписывали крестьянъ въ приговоры заочно. Съ приговоромъ, составленнымъ ими, соглашались большею частію только тѣ крестьяне, которые были въ услугахъ у зажиточныхъ поселянъ, потомъ отошли отъ нихъ безъ всякаго разсчета и остались недовольными разбирательствомъ начальства; впрочемъ и ихъ претензіи были найдены большею частью несправедливыми. По второму слѣдствію, изъ числа подписавшихся подъ просьбой 23 человѣкъ, 21 чел., подъ присягою, показали, что они никогда не только не просили, но и не намѣревались просить на Ляхова и Смирехина и не имѣютъ на нихъ никакихъ претензій; такимъ образомъ здѣсь открывался подлогъ.

Сперанскій, 19-го августа, предписалъ Красноярскому исправнику, «въ пресѣченіе безпокойствъ и ложныхъ разглашеній, производимыхъ Кужлевымъ и Баталовымъ, содержать ихъ подъ стра-

---

[1]) Кромѣ того, Молчанову поручено было настоять у городничаго и въ земскомъ судѣ объ исполненіи разныхъ предписаній Сперанскаго. Объ успѣхѣ порученія велѣно было доносить еженедѣльно, и по окончаніи его, ожидать въ Красноярскѣ пріѣзда Сперанскаго.

жею въ городѣ, впредь до окончательнаго разсмотрѣнія дѣла». Но вслѣдъ затѣмъ, «вмѣня имъ сіе содержаніе въ пеню за ихъ продерзости,» Сперанскій, отъ 27 сентября 1820 г., поручилъ Илличевскому, освободивъ ихъ изъ-подъ стражи, подтвердить въ общемъ присутствіи Красноярскихъ присутственныхъ мѣстъ, «что если отважатся они еще покуситься на подобныя дѣйствія, то поступлено съ ними будетъ по всей строгости законовъ» [1]).

Настоящее «гнѣздо злоупотребленій» было въ Иркутской губерніи.

Здѣсь, на берегу Кана, на самой границѣ Нижнеудинскаго уѣзда, встрѣтили Сперанскаго воніющія жалобы на Лоскутова. Этого «страшнаго исправника,» этого «перваго министра Трескина» онъ удалилъ отъ должности, арестовалъ [2]) и оставилъ за Каномъ, какъ за Стиксомъ. «Мѣра сія была нужна, пишетъ Сперанскій. Страхъ 10-ти-лѣтняго его желѣзнаго управленія былъ таковъ, что на первыхъ станціяхъ не смѣли иначе приносить жалобъ, какъ выбѣгая тайно на дорогу изъ лѣсовъ» [3]). Въ Нижнеудинскѣ, 17-го августа, онъ назначилъ надъ Лоскутовымъ слѣдственную комисію, подъ предсѣдательствомъ Цейера [4]), и командировалъ одного изъ членовъ коммисіи для описи имѣнія Лоскутова въ селеніе Бирюсу, гдѣ у него былъ домъ и хозяйство. Тамъ описано было у него разнаго имущества на 103.769 р. [5]). Въ послѣдствіи стоимость описаннаго у Лоскутова имущества исчислялась въ 138.242 р., кромѣ разныхъ вещей, серебра и мѣховъ, которымъ оцѣнки несдѣлано. Все это имущество было «торжественною процессіею» отправлено 27-го августа на храненіе въ Иркутское казначейство [6]). Въ Иркутскѣ привозъ его произвелъ сильное впечатлѣніе. Тогда же Сперанскій сдѣлалъ формальное распоряженіе объ отрѣшеніи Лоскутова отъ должности, а 4-го сентября предло-

---

[1]) Св. 83, № 158.

[2]) Корфъ II, 201—202. Щукинъ.—Дневникъ. Изъ послѣдняго видно, что Сперанскій сначала арестовалъ только Лоскутова на два дня, и уже по пріѣздѣ въ Нижнеудинскъ отрѣшилъ его отъ должности.

[3]) Р. А. 1869 г., № 11.

[4]) А въ отсутствіи его—старшаго изъ членовъ. Составъ коммисіи неопредѣленъ. Въ Бирюсу былъ командированъ уѣздный судья Гриценко; кромѣ того членами состояли: городничій Анаталь, за исправника Выдринъ и принятый вновь Сперанскимъ на службу, изгнанный Пестелемъ, Корсаковъ. Послѣдній съ 7-го сентября оставался предсѣдателемъ Коммисіи.

[5]) Въ томъ числѣ 71.060 р. асс., 3.864 р. сер., съ лажемъ, 240 р. золотомъ и 9.935 р. обязательствъ. Деньги, по расказамъ, были зашиты въ перинѣ. Часть имущества впослѣдствіи выдана была матери и сестрѣ Лоскутова, какъ ихъ собственность.

[6]) Р. А. 1869 г., № 11, 1930. Тюменцевъ. Щукинъ.

жилъ губернскому правительству о преданіи его, по окончаніи слѣдствія, суду.

Необходимость произвести лично первоначальныя изслѣдованія и дать направленіе трудамъ слѣдственной коммисіи заставила Сперанскаго прожить въ Нижнеудинскѣ двѣ недѣли.

Онъ былъ буквально заваленъ жалобами. По 27-е августа, день отъѣзда Сперанскаго изъ Нижнеудинска, поступило 280 жалобъ, въ томъ числѣ 62 общественныя и 218 частныхъ. Сумма предъявленныхъ къ Лоскутову денежныхъ исковъ простиралась до 129.000р. Много жалобъ поступило еще впослѣдствіи. Жалобы были на вымогательства, жестокости, принужденія къ даровой работѣ, насильную продажу хлѣба и скота по произвольнымъ цѣнамъ, самовольныя ссуды денегъ за неумѣренные проценты, притѣсненія по закупамъ хлѣба и отправленію натуральныхъ повинностей, чрезвычайные денежные сборы, наконецъ на то, что торгъ съ инородцами Карагасами былъ съ 1809 г. захваченъ исключительно въ руки Лоскутова и двухъ его клевретовъ, Зенкова и Заболоцкаго. Въ составъ слѣдствій коммисіи вошло и знаменитое дѣло Протоіерія Орлова, надѣлавшее въ свое время много шума и послужившее одною изъ причинъ паденія Пестеля. «Здѣсь-то настоящая Сибирь, писалъ Сперанскій дочери, и здѣсь я чувствую, что Провидѣніе, всегда правосудное, не безъ причины меня сюда послало. Я былъ здѣсь дѣйствительно ему нуженъ, чтобъ уменьшить страданія, чтобъ оживить надежды, почти исчезавшія и ободрить терпѣніе, слишкомъ утомленное». Такого же мнѣнія были и его спутники [1]).

Здѣсь же возникли и первыя обвиненія на Трескина. Лоскутовъ сдержалъ слово—утопить своего благодѣтеля [2]). 17-го августа Сперанскій отправилъ Трескину строгій запросъ о томъ, давалъ ли онъ Лоскутову приказанія на тѣ злоупотребленія, въ которыхъ тотъ обвинялся, и какія онъ принималъ мѣры по жалобамъ на Лоскутова. Притомъ онъ, нѣкоторымъ образомъ, отрѣзывалъ Трескину отступленіе. «Поселенцы, на спросъ мой, показывали, говоритъ онъ, что жалобы ихъ предупреждаемы были не только угрозами Лоскутова, но якобы и собственнымъ вашимъ строгимъ запрещеніемъ, во время посѣщенія вашего имъ сдѣланнымъ, писать и приносить всякаго рода жалобы» [3]). Отвѣтъ Трескина неизвѣстенъ; но изъ показанія одного близкаго къ нему лица извѣстно, что

---

[1]) Корфъ II, 202—204.—Св. 129 № 16.—Р. А. 1868 г. № 11, 1694.

[2]) Тюменцевъ.

[3]) См. Приложеніе.—Дневникъ

этотъ отвѣтъ очень тревожилъ Трескина и стоилъ ему большаго труда [1]).

Занятія Нижнеудинской коммисіи продолжались до 15-го декабря 1819 г., а переписка предсѣдательствовавшаго въ ней—Корсакова—и гораздо позже. Дѣло, по предписанію Сперанскаго, отослано было въ уголовную палату изъ губернскаго правительства уже 31-го іюля 1820 года.

Вопль жителей продолжался до границъ Иркутскаго уѣзда. Въ этомъ уѣздѣ, и въ самомъ городѣ, жалобы вдругъ смолкли: таковъ былъ ужасъ передъ мѣстнымъ управленіемъ. Сперанскому приходилось «развивать клубокъ съ медленностью и великимъ терпѣніемъ». Кромѣ того, Трескинъ успѣлъ составить себѣ въ Иркутскѣ партію, «не только изъ всѣхъ чиновниковъ, съ коими дѣлился, но даже изъ всѣхъ почти купцовъ, съ коими производилъ торговлю». Послѣднимъ обстоятельствомъ между прочимъ объясняется, почему купеческое сословіе въ Иркутскѣ до сего времени сохранило память о Трескинѣ, какъ отличномъ администраторѣ, и было весьма несочувственно къ Сперанскому. Но и безъ жалобъ было много данныхъ для убѣжденія въ значительныхъ безпорядкахъ [2]).

4-го сентября 1819 г., Сперанскій собралъ общее присутствіе губернскаго правительства и палатъ, явился въ присутствіе и предъявилъ ему три свои предложенія: первое, что онъ приступаетъ къ ревизіи Иркутской губерніи на основаніи сенаторской инструкціи и предлагаетъ изготовить всѣ необходимыя по этому предмету свѣдѣнія и объявить о томъ по губерніи; второе, что онъ открываетъ, подъ предсѣдательствомъ Цейера, «слѣдственную коммисію по разнымъ предметамъ губернскаго, областнаго и уѣзднаго управленія,» и третье, что онъ доводитъ до свѣдѣнія правительства о злоупотребленіяхъ по Нижнеудинскому уѣзду [3]). Коммисія эта закрыта только передъ отъѣздомъ Сперанскаго изъ Иркутска, 20-го іюля 1820 г. Кромѣ производства слѣдствій, она составила еще историческую записку о земскихъ повинностяхъ, записку о хлѣбѣ казенныхъ запасныхъ магазиновъ и вѣдомость о перевозкѣ хлѣба по провіантскимъ магазинамъ [4]).

---

[1]) Тюменцевъ.

[2]) Корфъ II, 205. Р. А. 1869, № 11, 1980.—Переписка: письмо къ Голицыну 23 октября 1819 г.

[3]) Св. 855, № 5. Р. А. 1869, № 11. Коммисію составляли губернскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ Литвинцевъ и главный смотритель запасныхъ магазиновъ Елисеевъ. Впослѣдствіи, по множеству дѣлъ, въ составъ ея назначенъ еще ассесоръ уголовной палаты Поповъ.

[4]) Св. 55, № 5.

Вслѣдъ затѣмъ начали поступать и жалобы. Скоро, разсказываютъ, вся гербовая бумага была распродана [1]). Тѣмъ неменѣе Сперанскій видѣлъ необходимость устраненія Трескина и настаивалъ объ этомъ въ письмахъ къ Голицыну [2]).

Наконецъ было получено Высочайшее разрѣшеніе на донесеніе, посланное изъ Томска. Сперанскому было предоставлено—Трескина и Илличевскаго, «впредь до окончательнаго усмотрѣнія, устранить на время отъ управленія губерніями, если, по производству дѣлъ и по обозрѣнію края, сіе найдено будетъ нужнымъ». Сперанскій, 21-го октября 1819 г., далъ предложеніе губернскому правительству, что,—«по силѣ Высочайшаго рескрипта, отъ 17-го сентября на имя его даннаго, объ устраненіи Иркутскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Трескина отъ настоящей должности,»—онъ поручаетъ исправленіе этой должности вице-губернатору Зеркалееву. По нѣкоторымъ показаніямъ, онъ лично объявилъ это Высочайшее повелѣніе въ присутствіи губернскаго правительства [3]). Илличевскаго онъ нашелъ возможнымъ оставить на мѣстѣ, по чувству ли прежней пріязни къ нему, потому ли, что онъ не обвинялся въ такихъ крупныхъ злоупотребленіяхъ, какъ Трескинъ, или наконецъ, потому, что вліяніе Илличевскаго не могло уже вредить успѣшному ходу слѣдствій въ Томской губерніи [4]). Самъ онъ объяснялъ это снисхожденіе тѣмъ, что отъ Илличевскаго не были еще получены отвѣты на данные ему вопросные пункты, и потому нужно «подождать, а между тѣмъ не оглашать сея мѣры».—«Полномочіе сіе—говоритъ онъ о разрѣшеніи устранить Трескина,—пришло весьма кстати. Безъ него мнѣ было бы несравненно болѣе труда обнаружить здѣшнія непотребства и болѣе нужно было бы времени. Сверхъ сего вообразите непріятность быть въ ежедневномъ сношеніи съ человѣкомъ, который уже обличенъ, и не достаетъ только нѣкоторыхъ формъ къ его осужденію» [5]). Кромѣ того, оставленіе Трескина въ должности давало ему возможность затруднять успѣхъ слѣдствій. «Корыстолюбивая, жадная монополія обличается гласомъ народнымъ; но предъ закономъ обличить ее должно законными мѣрами»—замѣчаетъ Сперанскій [6]);

---

[1]) Щукинъ.

[2]) Корфъ II, 206.

[3]) Корфъ II, 208.—Св. 347, № 11.—Спб. Вѣстникъ 1866. Ирк. губ. вѣд. 1865. Щукинъ.

[4]) Корфъ II, 208.

[5]) Письмо къ Столыпину 23 октября 1819 г.—Переписка: письмо къ Голицыну того же числа.—Отчетъ.

[6]) Переписка: зачеркнутое мѣсто въ письмѣ къ Голицыну 18 сентября 1819 г.

а эти то мѣры и были безсильны, пока Трескинъ оставался на мѣстѣ.

Въ началѣ февраля 1820 г., Сперанскій отправилъ Цейера и Елисеева за Байкалъ и 20-го февраля, находясь въ Верхнеудинскѣ, открылъ тамъ, подъ предсѣдательствомъ того же Цейера, особое отдѣленіе слѣдственной коммисіи, для разсмотрѣнія жалобъ по земскому суду [1]).

«Все то, что о здѣшнихъ дѣлахъ говорили въ Петербургѣ, не только есть истина, но—и это рѣдко бываетъ—истина не увеличенная», писалъ Сперанскій къ Гурьеву. Злоупотребленія были такъ велики, что, по мнѣнію Сперанскаго, всякій другой край, менѣе обильный, былъ бы подавленъ ими совершенно [2]). Цейеръ, съ его добродушнымъ характеромъ, тяготился участіемъ въ коммисіи; но, при видѣ ненавистныхъ беззаконій, онъ ожесточился, разстроилъ свое здоровье, сдѣлался мрачнымъ нелюдимомъ; стали опасаться за его разсудокъ. Самъ Сперанскій занимался непосредственно дѣлами коммисіи. Эти, «удаленныя отъ всѣхъ соображеній чистаго здраваго разсудка», дѣла вначалѣ отнимали почти все его время [3]).

Сперанскому еще прежде, по службѣ его при лицѣ Императора Александра, были извѣстны нѣкоторые поступки Иркутскихъ властей. Въ рукахъ его еще въ 1811 г. находились жалобы бѣдняка Пѣтухова, сосланнаго въ Туруханскъ за то, что онъ, мелкій чиновникъ, осмѣлился разсуждать не такъ, какъ угодно было Трескину и Пестелю. Тогдаже отсталый, но правдивый Державинъ высказывалъ ему свое мнѣніе о томъ, что Сибиряковъ не писалъ ложныхъ доносовъ, за которые онъ былъ сосланъ Пестелемъ. Неизвѣстно какъ смотрѣлъ на эти дѣла Сперанскій на верху своего величія, занятый другими, неизмѣримо болѣе важными дѣлами; но теперь, столкнувшись лицемъ къ лицу съ громадою подобныхъ дѣлъ, онъ, безъ сомнѣнія, вспомнилъ и о тѣхъ, которыя были ему извѣстны прежде. И, можетъ быть, пожалѣлъ онъ, что въ свое время мало обратилъ вниманія на эти далекіе вопли неизвѣстныхъ личностей, и горячею защитою ихъ не предупредилъ—ни сотни другихъ злодѣйствъ, ни своего почетнаго изгнанія.

Еслибы передъ нами были подлинныя дѣла коммисіи, то намъ

---

[1]) Св. 55, № 5. Члены: надворный совѣтникъ Игумновъ, титулярный совѣтникъ Елисеевъ и Новоселовъ.

[2]) Корфъ II, 207.

[3]) Корфъ II, 206. Переписка: письма къ Голицыну 23 октября 1819 г. и Кочубею 18 декабря 1819 г.

представилась бы цѣлая масса злоупотребленій; тогда мы принуждены были бы обратить настоящій трудъ въ огромный экстрактъ изъ уголовнаго дѣла, но большая часть дѣлъ представлена была въ Сибирскій Комитетъ; въ канцеляріи Сперанскаго сохранились объ нихъ только немногія свѣдѣнія. Приведемъ, съ возможною краткостію, болѣе рѣзкіе случаи.

Въ составленномъ коммисіею регистрѣ о взяткахъ, вынужденныхъ казаками и урядниками съ крестьянскихъ и инородческихъ обществъ, показано 32.878 р. 85 к. [1]). — На Третьякова, по 2 февраля 1820 г., предъявлено исковъ на 19.230 р.—Хоринскій тайша Голсоновъ предъявилъ на земскихъ чиновниковъ 60.320 р., въ томъ числѣ на одного Геденштрома и его жену 51.570 р. Бывшій Хоринскій же тайша Кувановъ собралъ незаконно въ 18$^{18}/_{19}$ г., «безъ всякой надобности,» 127.906 р. 10 коп.—Съ Зайсана Мохоева Хоринскіе буряты искали 15.820 р. 54 к. (въ этихъ деньгахъ они разсчитались по обоюдному соглашенію).—Съ Тункинскихъ бурятъ, въ три года до 1820 г., собрано незаконно до 70.000 р.; кромѣ того присвоено родоначальниками общественныхъ денегъ 24.737 р. 8½ коп.—Кудинскій волостной голова Ширяевъ занялъ изъ приказа, безъ согласія и даже безъ вѣдома общества, 13.000 р., принялъ изъ казначейства по фальшивой общественной довѣренности 8.400 р., за содержаніе обществомъ почтовой и обывательской гоньбы, и употребилъ ихъ безотчетно.—Для Кудинскихъ бурятъ произведенъ былъ самовольно, хотя и на законныя надобности, заемъ въ 35.308 р. 98 к. [2]).

Если вспомнимъ, какъ рѣдки и дороги были въ то время деньги въ Сибири, то безошибочно можно назвать эти цифры колоссальными.

Сверхъ того, по всѣмъ почти крестьянскимъ и инородческимъ обществамъ трехъ уѣздовъ (Иркутскаго, Нижнеудинскаго и Верхнеудинскаго) открыты были незаконные поборы.

Множество жалобъ поступило на Ламу—Ширетуя Бохоева. Онъ обвинялся во взяткахъ и вымогательствѣ. Въ слѣдственной коммисіи онъ былъ претендателями уличенъ и обязался заплатить 10.252 р. 60 коп., въ то число представилъ 1.000 р., а въ остальныхъ далъ подписку (кромѣ того по особенному иску 1.000 р.). Всего подано на него 20-ть жалобъ, кромѣ дополнительныхъ

—

[1]) Иванъ и Андрей Тюменцевы 9.117 р., Николай и Никита Полуэктовы 2.473 р. 50 к. Тарасъ Бѣлоусовъ 2 523 р 50 к.—Ему же съ Тюменцовыми и Козловыми 3.369 р. 65 к.

[2]) Св. 55, № 5.

просьбъ къ нѣкоторымъ. Просители, между прочимъ, хлопотали о переселеніи Бохоева въ другой родъ и о смѣнѣ родственника его Шуленги Будозанова. По жалобамъ предписано было произвести слѣдствіе; притомъ удостовѣриться: не будетъ ли переселеніе Бохоева сопряжено съ разстройствомъ его быта, и согласно ли общество на смѣну Будозанова. Бохоевъ, съ своей стороны, жаловался Сперанскому на инородцевъ, взявшихся выстроить ему кумирню и не исполнившихъ этого обязательства, на что онъ израсходовалъ будто бы 13.000 р. [1]).

Тункинскіе Буряты терпѣли: а) отъ исправленія дорогъ,—безвременные наряды до 300 чел. по 2 раза въ году; назначеніе бывшими на работахъ старшинами высокихъ цѣнъ на съѣстные припасы, самовольство казаковъ—они отнимали у Бурятъ живой скотъ, а съ убитаго кожи, жестоко наказывали ихъ и проч.—Буряты исчисляли ежегодные расходы свои на покупку скота и орудій для дорожныхъ работъ въ 44.398 р., и еще особо отъ 25.000 до 30.000 р.; б) отъ частыхъ разъѣздовъ земскихъ чиновниковъ и казаковъ; в) отъ притѣсненій купца Бѣлозерова, жившаго въ Тункѣ, и по стачкѣ съ засѣдателемъ Яковлевымъ, захватившаго монополію торга съ мѣстными крестьянами и инородцами [2]). Бѣлозеровъ, съ своей стороны, жаловался на то, что общество не платитъ ему занятыхъ денегъ. Къ дѣлу представлено было цѣлыхъ 16 общественныхъ обязательствъ на имя чиновниковъ и ихъ женъ.

На извѣстнаго клеврета Трескина, Карпушенкова, былъ сдѣланъ начетъ 63.966 р. 73½ коп., за незаконные поборы хлѣбомъ по казеннымъ запаснымъ магазинамъ. На обезпеченіе начета описано собственнаго имѣнія Карпушенкова на 8.000 р. и имѣнія родственника его, Синицына, на 32.000 р.—16-го января 1820 г. Сперанскій распорядился объ удаленіи Карпушенкова отъ должности, описи его имѣнія, а 28-го іюля о преданіи его суду [3]).

Рабочіе Тальцинской фабрики жаловались на содержателя ея, купца Солдатова. Фабрику эту, на берегу р. Ангары, въ 18 верстахъ отъ ея истока, въ концѣ прошедшаго столѣтія, устроилъ профессоръ Лаксманъ, для производства фаянсовыхъ издѣлій. Впослѣдствіи она была запущена. Въ 1812 году Солдатовъ возобновилъ ее. По положенію комитета министровъ 6-го октября 1814 года, ему были даны отъ правительства, для работъ на фабрикѣ, люди

---

[1]) Св. 105, № 3.
[2]) Св. 55, № 5.
[3]) Св. 128, № 9.

изъ ссыльныхъ, и для нихъ отведена земля. Такимъ образомъ она обратилась въ поссессіонную. По слѣдствію открылось, что Солдатовъ, «не имѣя у себя свѣдущихъ мастеровъ стекляннаго и фаянсоваго искусства и не сыскавъ самъ по настоящее время нужныхъ длятого познаній», обращалъ фабричныхъ рабочихъ на свои собственныя, а не на фабричныя дѣла. По собственнымъ отчетамъ Солдатова, поданнымъ земской полиціи, онъ издержалъ на фабрику съ 1815 по 1818 г. 50.284 р. 25½ к., а выручилъ отъ продажи издѣлій и сукна только—22.798 р. 47 к. Занятіе рабочихъ собственными дѣлами Солдатова, по словамъ коммисіи, приносило ему большія выгоды, но лишало его права владѣть фабрикой по смыслу положенія комитета министровъ. Кромѣ того, вопреки положенію, на фабрику, вмѣсто каторжныхъ, назначались поселенцы [1]). Впрочемъ дѣло это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

На директора Тельминской казенной суконной фабрики, Соколовскаго, кромѣ разныхъ частныхъ жалобъ, выводились: злоупотребленія по оборотамъ фабричнымъ капиталомъ, сопряженныя съ подлогами; отнятіе у фабричныхъ покосовъ; продажа вина; притѣсненіе и обманъ бурятъ, при покупкѣ у нихъ шерсти; вычетъ изъ платы фабричныхъ; стѣсненіе ихъ свободы; безмездныя работы, истязанія. Коммисія, по важности этихъ злоупотребленій, признавала необходимымъ произвести объ нихъ слѣдствіе чрезъ особаго чиновника [2]). Но Соколовскій подалъ уже тогда просьбу объ отставкѣ; обвиненіямъ противъ него не было дано хода, а при сдачѣ имъ фабрики, назначена была особая ревизія.

Изъ дѣлъ, въ которыхъ съ особенною рѣзкостью выказывались взаимныя стачки чиновниковъ съ купцами и наиболѣе зажиточными крестьянами, любопытно дѣло о крестьянинѣ Кокоринѣ. Верхоленскіе буряты нанимали Кокорина содержать 1½ пары обывательскихъ лошадей на Ольхонской станціи. Кокоринъ просилъ съ нихъ за 1816 г. 11.000 р., за 1817 г. 14.000 р. и за 1818 г. 12.000 р., тогда какъ казенная цѣна была 750 р. въ годъ. Буряты не согласились на эту плату; но засѣдатель Романовъ принудилъ ихъ выдать ее Кокорину, подъ тѣмъ предлогомъ, что сами буряты не могутъ содержать станціи. Буряты не смѣли спорить; въ обезпеченіе платежа они дали Кокорину два долговыхъ обязательства: одно въ назначенной казною суммѣ, другое во всей остальной, и заплатили Кокорину 5.917 р. 95 коп. Кокоринъ причислилъ эти

---

[1]) Св. 153 № 6, донес. слѣд. ком. 5 января 1820 г. № 178.
[2]) Св. 153 № 7, донес. 15 декабря 1819 г.

деньги въ уплату по второму обязательству, а въ остальной суммѣ взялъ съ нихъ новое, и чрезъ повѣреннаго своего и родственника, учителя гимназіи, Кокорина же, представилъ его ко взысканію, вмѣстѣ съ обязательствомъ въ назначенной казною за гоньбу суммѣ. По распоряженію губернскаго правительства, засѣдатель Васильевъ описалъ у нихъ сѣно,—запрещенное къ описи по закону,—не спросивъ даже о дѣйствительности долга. Они жаловались на это губернскому правительству; но жалобы ихъ были возвращены, какъ «сомнительныя». Въ маѣ 1820 г., Сперанскій, по жалобѣ бурятъ, распорядился предать Кокорина суду за вынужденіе у нихъ разорительной платы, описать его имѣніе и взыскать изъ него лишнюю противъ казенной платы сумму 5.917 р., а обязательство, до окончательнаго разсмотрѣнія дѣла, оставить безъ дѣйствія. Поступокъ Романова былъ присоединенъ къ прочимъ, открытымъ въ слѣдственной коммисіи. Кокоринъ подалъ по этому поводу объясненіе. Сперанскій отправилъ его въ губернское правительство для общаго разсмотрѣнія съ дѣломъ въ уѣздномъ судѣ, и велѣлъ остановиться описью имѣнія Кокорина, если онъ представитъ надежное поручительство [1]).

Управлявшій провіантскимъ комисіонерствомъ, губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій Лангансъ, обвинялся въ растратѣ хлѣба по провіантскому магазину на 40.000 р. и въ другихъ злоупотребленіяхъ, а Трескинъ—въ порученіи ему должности управляющаго коммисіонерствомъ, неприличной для губернскаго стряпчаго, въ неисполненіи предписаній бывшаго генералъ-губернатора о смѣнѣ Ланганса, и вообще въ потворствѣ послѣднему [2]).

На самого Трескина упадало прямое обвиненіе во взяткахъ, сдѣланныхъ ему и «дому его» отъ разныхъ обществъ. Сперанскій, отъ 25 мая 1820 г., потребовалъ отъ Трескина отвѣта по этому обвиненію [3]). Отвѣтъ Трескина намъ неизвѣстенъ. Другія злоупотребленія его изложены въ приводимомъ ниже Высочайшемъ указѣ. Изъ числа ихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе монополія въ казенныхъ закупахъ хлѣба, притѣсненія по хлѣбнымъ операціямъ, и ложныя донесенія. Нѣсколько чиновниковъ подверглись отвѣтственности за участіе съ Трескинымъ въ злоупотребленіяхъ первыхъ двухъ категорій. Кромѣ того, на него упадало обвиненіе, неупомянутое въ Высочайшемъ указѣ,—въ незаконныхъ и стѣснитель-

---

[1]) Св. 153, № 14; предпис.: 19 и 24 мая 1820.
[2]) Св. 130, № 21.
[3]) Смотри прилож.

ныхъ распоряженіяхъ по закупкѣ у инородцевъ бѣлки на вымѣнъ ревеня [1]).

Примѣромъ самоуправства Трескина и его клевретовъ можетъ служить слѣдующій, далеко еще не самый рѣзкій, случай. У купца Ситникова была на выгонной землѣ г. Иркутска заимка. Трескину вздумалось устроить тутъ домъ для инвалидовъ и водворить нѣсколько поселенцевъ. Вдова Ситникова пожертвовала на это заимку своего мужа, со всѣми заведеніями. Трескинъ принялъ и заимку, и землю, на которой она была построена—хотя земля принадлежала городу. Затѣмъ Трескинъ предложилъ городскому обществу уступить подъ инвалидный домъ 316 д. 1009 саж. изъ окружающей заимку выгонной земли, несмотря на то, что закономъ это запрещается. Общество составило на это приговоръ, который подписали только 109 чел.—исключительно купцовъ и мѣщанъ, безъ всякаго участія другихъ городскихъ обывателей. Къ постройкѣ инвалиднаго дома на этомъ мѣстѣ никогда не было и приступлено. Водвореніе поселенцевъ и вообще устройство Ситниковской заимки, по донесеніямъ Трескина, производилось чрезъ добровольныя пожертвованія жителей ближайшихъ волостей. По слѣдствію оказалось, что это водвореніе производилось крестьянами трехъ волостей (Кудинской, Оекской и Бадайской) по принужденному наряду, и обошлось имъ до 10.510 рублей; подписи о добровольномъ пожертвованіи крестьяне давали по принужденію исправника. Слѣдствіе начато было по личному приказанію Сперанскаго. Ситникова деревня существуетъ и до настоящаго времени. Она представляетъ довольно оригинальное у насъ явленіе — сельскаго поселенія на выгонной городской землѣ. Жители ея, крестьяне Кудинской волости, не несутъ никакихъ повинностей по городу, на земляхъ котораго они водворены, и въ то же время платятъ оброчную подать наравнѣ со всѣми крестьянами, водворенными на казенныхъ земляхъ. Самое преданіе о томъ, что земли, на которыхъ они живутъ, городскія, изгладилось не только между ними, но и въ мѣстной администраціи.

Всего по Иркутской губерніи, къ 20 іюля 1820 г., состояло подъ слѣдствіемъ и судомъ 120 чиновниковъ, не включая сюда волостныхъ начальниковъ и проч.; изъ числа ихъ 14 были удалены отъ должности [2]). Сперанскій, отъ 30 іюля 1820 г., сообщилъ списокъ

---

[1]) Смотри прилож.

[2]) Св. 55 № $^{6}_{24}$ 1 губернаторъ, 3 исправника, 6 засѣдателей и коммисаровъ, 4 другихъ чиновника.

этихъ чиновниковъ заступившему мѣсто губернатора, вице-губернатору Зеркалееву, и указалъ притомъ способы наблюденія за ними [1]).

Во время ревизіи поступило къ Сперанскому множество жалобъ на бывшаго Киренскаго исправника Шевелева. На него выводились: вымогательство и взятки, всего на 7.648 р. 86 к.; торговля въ Киренскѣ хлѣбомъ, а въ уѣздѣ, чрезъ казаковъ и поселыциковъ—спиртомъ, виномъ, водкой, порохомъ и свинцомъ, по непомѣрнымъ цѣнамъ; взысканіе собственныхъ долговъ чрезъ нарочныхъ казаковъ; потворство разнымъ лицамъ въ производствѣ по уѣзду незаконной торговли виномъ, и взысканіе долговъ этихъ лицъ своею личною властью; допущеніе ссыльнаго Ласси къ производству торговли и винной продажи и произвольное опредѣленіе его волостнымъ писаремъ. Жители жаловались также на самоуправство купцовъ и другихъ лицъ во взысканіи слѣдующихъ имъ долговъ, на разъѣзды ихъ по деревнямъ безъ прогоновъ и на неисполненіе данныхъ ими крестьянамъ обязательствъ по поставкѣ съѣстныхъ припасовъ. Въ то же время возникли и раздоры между новымъ исправникомъ, Крыжановскимъ, и членами земскаго суда, и взаимные ихъ доносы.

Кромѣ того, положеніе Киренскаго уѣзда, бѣднаго по природѣ, а въ то время еще болѣе опустошеннаго наводненіями, требовало особеннаго вниманія.

Все это побудило Сперанскаго произвести особенное обозрѣніе Киренскаго округа. Для этого обозрѣнія избранъ былъ совѣтникъ гражданской палаты, Егоръ Семеновичъ Щукинъ. Человѣкъ уже весьма не молодой; онъ былъ, повидимому, одинъ изъ самыхъ способныхъ и дѣльныхъ чиновниковъ своего времени. Порученіе передано было ему чрезъ управлявшаго губерніей. Кромѣ того Сперанскій счелъ нужнымъ дать Щукину и отъ себя (6 февраля 1820) особое предписаніе, въ которомъ поручалъ ему: 1) Изслѣдовать разныя злоупотребленія по земской полиціи (вообще тѣ же самыя, въ какихъ обвинялся Шевелевъ, икромѣ того «умышленное завлеченіе обывателей и Тунгусовъ въ неоплатные долги» и «условленная по стачкамъ между купцами и чиновниками торговля съ ясачными»). 2) Водворить порядокъ въ земскомъ судѣ: «вразумить членовъ суда, что земскій исправникъ, яко предсѣдатель управляемаго имъ мѣста, всегда имѣетъ, по общему регламенту, право распредѣлять труды между членами, и командировать ихъ по дѣламъ въ

---

[1]) Св. 55 № 24. См. приложеніе.

уѣздъ по своему усмотрѣнію, и что они не должны присвоивать себѣ правъ товарищества, но обязаны быть у предсѣдателя въ подчиненіи; безъ сего, никакого порядка удержать не возможно». 3) Изслѣдовать причины бѣдности края. Сперанскій приписывалъ ихъ, кромѣ физическихъ бѣдствій, и дурному управленію. 4) Удостовѣриться въ степени необходимости назначенныхъ Сперанскимъ пособій жителямъ въ продовольствіи и о томъ, дошли ли они по назначенію. 5) Отрѣшить Ласси отъ должности писаря. Щукину предоставлено было также право принимать жалобы и производить по нимъ слѣдствія. Вообще это предписаніе весьма замѣчательно, какъ одна изъ тѣхъ бумагъ, въ которыхъ яснѣе всего выражается взглядъ Сперанскаго на подобныя отдаленныя ревизіи [1]).

Между тѣмъ жалобы на Крыжановскаго усилились. Кромѣ чиновниковъ земскаго суда—особенно засѣдателя Корсакова,—на него жаловались и частныя лица. На него выводились—жестокости, разныя странности въ обращеніи, сварливость характера и даже вымогательства; между прочимъ, онъ будто бы выдавалъ себя за довѣренное лицо Сперанскаго. Въ доносахъ упоминалось и то, что Крыжановскій пользуется поддержкою начальника отдѣленія канцеляріи Сперанскаго, Крестинкова. Сперанскій, въ дополненіе къ прежнему предписанію, поручилъ Щукину, 20 марта 1820 г., произвести слѣдствіе по поступкахъ Крыжановскаго. Щукину предоставлено было право,—въ случаѣ надобности, удалить Крыжановскаго отъ должности; для этого онъ снабженъ былъ особеннымъ предписаніемъ на имя земскаго суда. Но это новое порученіе не застало Щукина въ Киренскѣ; онъ получилъ его уже по возвращеніи въ Иркутскъ. Слѣдствія о поступкахъ Крыжановскаго произведено не было. Тѣмъ не менѣе, вѣроятно въ слѣдствіе словесныхъ объясненій Щукина, Сперанскій, 5 мая 1820 г., удалилъ Крыжановскаго отъ должности [2]); но жалобы на него во взяткахъ Сперанскій призналъ неподтвердившимися. Впослѣдствіи, онъ обвиненъ былъ Сибирскимъ комитетомъ только «въ упущеніи по должности».

Щукинъ исполнилъ свое порученіе чрезвычайно скоро. Въ началѣ февраля онъ получилъ предписаніе, а въ началѣ мая возвратился уже въ Иркутскъ. Произведенное имъ слѣдствіе не имѣло особенно важныхъ результатовъ. Противъ Шевелева и другихъ земскихъ чиновниковъ существовали только сильныя подозрѣнія, но не было ясныхъ доказательствъ.

---

[1]) См. Приложеніе.
[2]) 14 іюля 1821 г. Крыжановскій былъ опредѣленъ ассессоромъ уголовной палаты.

Но донесеніе Щукина о причинахъ бѣдности Киренскихъ жителей, представленное имъ (6 апрѣля 1820 г.) въ исполненіе другой части порученія Сперанскаго, было весьма любопытно. Щукинъ объяснялъ: 1) что у крестьянъ, живущихъ по Ленѣ, недостаточно пахатной и сѣнокосной земли. Они принуждены расчищать лѣсъ на крутыхъ горахъ, а сѣно заготовлять за хребтами, въ 100—150 верстахъ отъ селеній. 2) Крестьяне трудолюбивы; но ранніе морозы губятъ хлѣбъ, а разливы Лены истребляютъ хлѣбъ и покосы. 3) Эти невыгоды вознаграждаются обиліемъ звѣря въ ближайшихъ лѣсахъ. Жители удаляются туда для промысла въ началѣ весны и осени; выручкою за промыселъ они оплачиваютъ подати и повинности и содержать себя и семейства. 4) Уловъ звѣря ежегодно уменьшается; цѣны на него понизились. Это, въ соединеніи съ разливами и неурожаями, довело жителей до крайней бѣдности. 5) Киренскіе купцы считаютъ на крестьянахъ огромные долги. Задолжавши разъ, жители постепенно дѣлались неоплатными должниками. Тѣ же неудачи въ промыслахъ не позволяли имъ уплачивать прежнихъ задолженій и вынуждали дѣлать новыя, съ процентами на прежнія. Щукинъ находилъ, что если запретить крестьянамъ платить купцамъ долги, то это не принесетъ никакой пользы, такъ какъ правительство не можетъ удовлетворять народъ всѣмъ необходимымъ. Къ этому онъ прибавлялъ, что крестьяне, будучи должны купцамъ, возятъ ихъ, не получая платы, впредь до какого то разсчета по дѣламъ.

Щукинъ признавалъ необходимыми слѣдующія пособія жителямъ: 1) освободить ихъ хотя на 10 лѣтъ отъ рекрутства; 2) не употреблять ихъ, втеченіи того же срока, къ разчисткѣ дорогъ; на это употреблять ссыльныхъ, которыхъ содержать на счетъ общей повинности; 3) отдѣлить половину ссыльныхъ для разчистки лѣсовъ [1]. Изъ этихъ предположеній приняты были, впослѣдствіи, только два первыя; но освобожденіе Киренскихъ жителей отъ рекрутства не ограничено только десятилѣтнимъ срокомъ; а содержаніе дорогъ ссыльными обращено въ законъ, общій для всей Сибири.

---

[1]) Св. 130, № 25.

Ревизія Сперанскаго, какъ мы уже видѣли, не распространялась на Якутскую область. На Миницкаго были нѣкоторыя подозрѣнія во взяточничествѣ, но они были слишкомъ слабы. Притомъ Миницкій, хотя и близкій родственникъ Трескину [1]), держалъ себя очень осторожно, отзывы объ немъ, повидимому, были хороши; самъ Сперанскій отзывался объ немъ съ похвалой. Но не таковы, повидимому, были подчиненные Миницкаго. Сперанскій, еще въ іюнѣ 1819 г., утвердилъ распоряженіе губернскаго правительства объ отрѣшеніи отъ должности Верхневилюйскаго коммисара Ефимова и предалъ его суду за злоупотребленія [2]). Нѣсколько другихъ Якутскихъ чиновниковъ было отдано подъ судъ еще Пестелемъ. Кромѣ того, во все время управленія Сперанскаго, его озабочивали многочисленныя жалобы на Олекминскаго коммисара, нѣкоего Миллера. Миллеръ, повидимому достойный ученикъ Пестеля и Трескина, враждовалъ съ мѣстнымъ духовенствомъ и дѣлалъ ему разныя непріятности. Частныя лица жаловались,—съ одной стороны, на притѣсненія Миллера, съ другой—на его бездѣйствіе [3]). Посланные изъ Якутска слѣдователи о его поступкахъ не оправдали сдѣланнаго имъ довѣрія. Сперанскій нѣсколько разъ обращалъ вниманіе Миницкаго на жалобы на Миллера. «Вообще нужно за симъ г-номъ Миллеромъ попристальнѣе посмотрѣть; трудно повѣрить, чтобы всѣ жалобы, на него входящія, не имѣли основанія», говорилъ онъ въ припискѣ къ одной бумагѣ. Но Миницкій защищалъ Миллера, и повидимому небезкорыстно. Миллеръ имѣлъ также покровителей и въ Иркутскѣ и въ Петербургѣ. Съ опредѣленіемъ въ Якутскъ новаго начальника, Рудакова, Сперанскій поручилъ ему переслѣдовать дѣло о Миллерѣ и обратить особенное вниманіе на его поступки. Получивъ въ 1822 г. донесеніе Рудакова о невѣрности прежняго слѣдствія и о виновности Миллера, Сперанскій сообщилъ ихъ, 28 Іюня 1822 г., преемнику своему Лавинскому, замѣтивъ притомъ, что жалобы на Миллера, «доселѣ не возможно было привести въ ясность. Съ опредѣленіемъ новаго начальника въ Якутскъ, безъ сомнѣнія, представится болѣе способовъ удостовѣриться въ поведеніи его на службѣ [4])». Тѣмъ неменѣе, во все вре-

[1]) Онъ былъ женатъ на сестрѣ Трескина.

[2]) Св. 113, № 300.

[3]) Впослѣдствіи онъ обвинялся еще въ незаконныхъ сборахъ и въ растратѣ казеннаго хлѣба и пороха.

[4]) Слова эти написаны въ черновой бумагѣ самимъ Сперанскимъ, вмѣсто написаннаго прежде: «но каждый разъ оставался на своемъ мѣстѣ, или потому, что за отдаленностью надзора не было возможности точнѣе удостовѣриться въ справедливости сихъ жалобъ, или потому, что замѣнить его было некѣмъ».

мя управленія Сперанскаго, Миллеръ оставался на своемъ мѣстѣ. Онъ былъ отрѣшенъ отъ должности уже Лавинскимъ [1]).

Окончивъ большую часть ревизіи, Сперанскій, въ концѣ 1820 г., представилъ краткій отчетъ объ ней Государю. Въ отчетѣ очерченъ общій характеръ злоупотребленій, открытыхъ ревизіей. Это были, по Иркутской губерніи, злоупотребленія въ порядкѣ заготовленія хлѣба для магазиновъ провіантскихъ, винокуренныхъ и запасныхъ; злоупотребленія въ земскихъ и волостныхъ повинностяхъ, въ налогахъ и поборахъ, особенно съ инородцевъ; злоупотребленія въ движеніи внутренней промышленности и торговли и введеніе правилъ, противныхъ ихъ пользамъ и свободѣ. Въ Томской губерніи—тѣ же злоупотребленія, за исключеніемъ провіантскихъ, но въ несравненно меньшемъ числѣ, а въ Тобольской — въ незначительной степени. Сперанскій упоминалъ и о мѣрахъ, принятыхъ имъ для возстановленія порядка. Но онъ самъ находилъ, что эти мѣры «и сами по себѣ недостаточны, и въ исполненіи ихъ непрочны», и что за успѣхъ ихъ нельзя ручаться безъ изданія новыхъ правилъ. «Если, заключалъ онъ, видъ страстей и слабостей человѣческихъ оскорбитъ вниманіе Вашего Величества, то, въ замѣнъ того, возможность и средства устроить въ сей части свѣта лучшій порядокъ, безъ сомнѣнія, представитъ благотворной душѣ Вашей пріятное упражненіе» [2]). Болѣе подробныя свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ были, впослѣдствіи, изложены въ общемъ отчетѣ о обозрѣніи Сибири и въ приложеніяхъ къ нему. Здѣсь были подробно изложены и причины злоупотребленій. Онѣ состояли: въ образѣ управленія, несвойственномъ положенію края; въ недостаткѣ узаконеній; въ недостаткѣ устройства волостнаго управленія; въ отсутствіи общаго мнѣнія, по неимѣнію дворянства; въ недостаткѣ чиновниковъ; въ продолжительномъ отсутствіи главнаго начальника («двѣнадцать лѣтъ безъ ревизіи и безъ надзора достаточны къ тому, чтобы разстроить и привести въ безпорядокъ

[1]) Въ послѣдствіи, отрѣшеніе отъ должности и долговременное нахожденіе безъ службы вмѣнены Миллеру въ наказаніе и предоставлено искать службы, съ него взысканы только прогоны, употребленные на посылку слѣдователей. (Св. 752, № 4. Св. 348, № 13. См. приложеніе.)

[2]) Переписка: Отчетъ 1820 г., почти то же, нѣсколько раньше, писалъ онъ и Голицыну (письмо 25 іюня 1819 г.).

наилучшие устроенную губернію; а Сибирь ожидала устройства, но никогда не была еще устроена);» въ неисполненіи губернаторами обязанностей ежегодно обозрѣвать губернію; наконецъ, въ ложныхъ понятіяхъ управляющихъ, особено въ отношеніи къ продовольствію и торговлѣ [1]).

Ревизіонная дѣятельность чрезвычайно тяготила Сперанскаго. Онъ не могъ ей сочувствовать, ни по личному своему характеру, ни по прежнему роду занятій. Это понимали даже его Сибирскіе современники. «Человѣкъ управлялъ государствомъ, а тутъ его послали разбирать наши дрязги», говоритъ одинъ изъ нихъ. Въ письмахъ Сперанскаго вырываются, по этому поводу, горькія строки. «Мое ли дѣло розыскивать, преслѣдовать, обличать, ловить преступленія?» — не разъ съ горечью спрашиваетъ онъ Столыпина [2]). «Измученъ жалобами, доносами, ябедою, едва нахожу я столько терпѣнія, чтобы окончить дѣло мнѣ порученное»—писалъ онъ еще изъ Томска, когда еще не окунулся въ омутъ Иркутскихъ злоупотребленій [3]). Положеніе его было тѣмъ тяжелѣе, что онъ видѣлъ всю невозможность уничтожить зло, вкоренившееся годами. Онъ старался, по возможности, облегчить это положеніе. Ревизія Сперанскаго была болѣе совѣстная, нежели формальная. Громадное количество поступившихъ къ нему жалобъ; невозможность, при обширныхъ разстояніяхъ, особенно въ отдаленныхъ мѣстахъ, допрашивать одновременно всѣхъ лицъ, которыя могли бы быть спрошены; желаніе самого Сперанскаго какъ можно ускорить окончаніе непріятнаго ему дѣла, — все это было причиною, что онъ отбросилъ многія формальности и старался найти во всякомъ дѣлѣ только нить, которая могла бы руководить его въ окончательномъ заключеніи. И Кочубей совѣтовалъ ему *не стѣсняться*. «Сіе будетъ принято наилучшимъ образомъ и принесетъ пользу,» — писалъ Кочубей. Поэтому Сперанскій многое рѣшалъ собственною властью. Особенно замѣчательны мѣры его въ отношеніи взятокъ. Жалобъ на лихоимство было такъ много, а законы противъ него такъ жестоки, что Сперанскій рѣшился выключить слово *взятки* изъ Сибирской ревизіи. Большую часть дѣлъ такого рода, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, онъ обращалъ въ обыкновенные гражданскіе иски, разбиралъ ихъ и тутъ же приказывалъ удовлетворить обиженнаго, если виновный сознавался, или былъ изобли-

---

[1]) Отчетъ.
[2]) Р. А. 1869, № 11. 1981. Письма къ Столыпину 24 іюля и 19 ноября 1819.
[3]) Письмо къ Столыпину 24 іюля 1819 г.

ченъ [1]). Иногда разбирательство по подобнымъ жалобамъ онъ поручалъ и другимъ лицамъ [2]).

Тотъ же прядокъ былъ принятъ особенно для жалобъ такого рода, которыя не относились непосредственно къ служебнымъ дѣйствіямъ чиновниковъ, и особенно по исковымъ дѣламъ между частными лицами,—жалобамъ на неуплату долговъ, побои, спорамъ по имуществу и т. п. До сихъ еще поръ въ Сибири каждый главный начальникъ обремененъ множествомъ такихъ просьбъ и жалобъ, рѣшеніе которыхъ не входитъ прямо въ кругъ его дѣятельности. Масса до сихъ поръ сохранила убѣжденіе, что, обратясь къ главному начальнику, она получитъ и болѣе скорое, и болѣе правильное удовлетвореніе, нежели обыкновеннымъ путемъ, по инстанціямъ. Къ Сперанскому, какъ ревизору по преимуществу, поступало такихъ просьбъ едвали не болѣе, нежели къ кому нибудь другому. Образъ дѣйствій Сперанскаго по этимъ просьбамъ былъ очень разнообразенъ. Съ апрѣля по іюль 1820 г., къ одному Зеркалееву было отправлено на разсмотрѣніе 33 просьбы,—жалобы на сельскихъ и инородческихъ начальниковъ, о земляхъ, о неправильной отдачѣ въ рекруты, о обремененіи повинностями, просьбы о переводѣ каторжныхъ изъ одного завода въ другой и объ освобожденіи отъ работъ, объ исключеніи изъ казачьяго званія, о зачисле-

---

[1]) Бар. Корфъ; преданія.

[2]) 19 августа 1819 г., къ нему поступило много жалобъ въ Красноярскѣ. Онъ передалъ ихъ, безъ всякихъ формальныхъ бумагъ, для разбирательства городничему Галкину и исправнику Колычеву; послѣднему поручено было разсмотрѣть даже нѣкоторыя жалобы на чиновниковъ земской полиціи. Порядкомъ гражданскаго удовлетворенія рѣшались даже нѣкоторыя жалобы на вымогательства, «дабы симъ способомъ прекратить дальнѣйшія послѣдствія дѣла» [1]). Ачинскій мѣщанинъ Кириловъ, 5 августа 1819 г., жаловался на недачу бургомистромъ Хворостовымъ отчета въ общественныхъ деньгахъ. Отъ Хворостова истребовано объясненіе, и дѣло оставлено безъ дальнѣйшаго хода [2]). Въ Красноярскѣ, 19 августа 1819 г., крестьянинъ Жижинъ жаловался на то, что мѣщанинъ Ковригинъ отобралъ у него двухъ лошадей за сѣно; жалоба эта была передана на разбирательство головѣ Тюрюмину [3]). Иногда Сперанскій передавалъ на разсмотрѣніе мѣстнаго начальства и дѣла болѣе серьезныя. На бывшаго Богучанскаго коммисара Корсакова (который опредѣленъ былъ потомъ исправникомъ въ Туруханскъ) поступило нѣсколько жалобъ за вымогательства. Одна изъ нихъ, крестьянина Безрукина, о вынужденіи у него 950 р., въ январѣ 1820 г., была отослана на разбирательство къ Илличевскому; что сдѣлано съ остальными шестью жалобами (изъ нихъ одного купца на вымогательство 3.000 р.), неизвѣстно [4]). Къ Илличевскому же въ январѣ 1820 г. отправлены и жалобы разныхъ лицъ на притѣсненія Турунтаевскаго коммисара Гладкова [5]).

---

1) Св. 163, № 480, Предп. Испр. 24 сентября 1819 г. № 113.
2) Св. 163, № 476.
3) Св. 163, № 477.
4) Св. 163, № 498.
5) Св. 163, № 499.

ніи въ мѣщане, о взысканіи долговъ [1]). Множество жалобъ и просьбъ, поданныхъ собственно жителями Иркутска, передавались для разбирательства городничему безъ всякихъ бумагъ, иногда безъ помѣты, съ отмѣткою карандашемъ: «къ город.»,—а иногда и безъ этого [2]).

По жалобамъ на медленность въ исковыхъ дѣлахъ иногда брались справки изъ губернскаго правительства; дальнѣйшее удовлетвореніе по нимъ дѣлалось или чрезъ правительство, или непосредственно чрезъ городничихъ и исправниковъ. Иногда разсмотрѣніе ихъ поручалось губернатору. Просьбы по дѣламъ объ отысканіи вольности передавались на дальнѣйшее разсмотрѣніе прокурорамъ [3]). На одной бумагѣ (по просьбѣ купчихи Дудоровской), отмѣчено: «отдано дѣло сіе лично генералъ-губернаторомъ градскому главѣ для разобранія третейскимъ судомъ». По жалобамъ на губернское правительство Сперанскій требовалъ объясненій, самъ разсматривалъ эти жалобы и большую часть находилъ несправедливыми. Иногда онъ поручалъ разбирательство даже совершенно постороннимъ лицамъ. Чиновница Некрасова жаловалась на своего зятя, совѣтника Троицкосавской пограничной канцеляріи Дриженко. Разобрать эту чисто семейную ссору Сперанскій просилъ директора Кяхтинской таможни, стараго своего товарища, Голяховскаго. «Само собою разумѣется, приписывалъ онъ въ письмѣ Голяховскому по этому предмету, что препоручаю дѣло сіе въ ваше вниманіе совершенно въ частномъ видѣ, желая только миролюбиво прекратить жалобу». Иногда, по роду поступавшихъ къ нему жалобъ, ему приходилось ограничиваться ролью посредника. Князцы Якутской области подавали просьбу о томъ, что они отправили на Высочайшее Имя 7 чернобурыхъ лисицъ и 1150 черныхъ бѣлокъ и не имѣютъ свѣдѣнія, получены ли онѣ. Сперанскій просилъ гр. Гурьева о доставленіи этого свѣдѣнія [4]).

---

[1]) Св. 100, № 23.

[2]) Возвращены онѣ при особыхъ регистрахъ, въ которыхъ городничій отмѣтилъ, что оказалось по разбирательству. Большая часть жалобъ была или несправедлива, или бездоказательна. Особенно много жалобъ въ Иркутскѣ подано было въ октябрѣ и ноябрѣ 1819 года. Въ числѣ ихъ была жалоба и несчастной вдовы Киселева, что мужъ ея въ 1809 г. пропалъ безъ вѣсти. Городничій держалъ эту жалобу съ 10 октября 1819 года по 10 марта 1820 г., и тогда уже представилъ ее съ отвѣтомъ, что дѣйствительно, «никто не видалъ, куда онъ скрылся» изъ больницы. Тѣмъ и кончилось это темное дѣло [1]).

[3]) Св. 161, № 160.

[4]) Св. 161, № 160. 11 февраля 1820 г., № 3; отвѣтъ неизвѣстенъ. — Приведемъ еще нѣкоторыя, менѣе значительныя, но любопытныя въ какомъ нибудь отношеніи

---

1) Св. 152, № 3

Образъ дѣйствій Сперанскаго при ревизіи возбуждалъ толки его недоброжелателей. Особенно вооружались противъ него тѣ, кому пришлось пострадать отъ такихъ дѣйствій. Само собой разумѣется, что, при запутанности старинныхъ формъ судопроизводства, при затрудненіяхъ, какія встрѣчались въ точномъ соблюденіи этихъ формъ, ловкіе люди всегда имѣли возможность увернуться отъ отвѣтственности. Даже люди, непричастные прямо къ злоупотребленіямъ, но почему нибудь нелюбившіе Сперанскаго, обвиняли его за такой образъ дѣйствій [1]. Но Сперанскій ставилъ справедливость выше формы. Притомъ не въ его правилахъ было мстительное преслѣдованіе, желаніе погубить человѣка, во что бы ни стало. Онъ зналъ, что злоупотребленія были введены и терпимы издавна, что они поощрялись многолѣтними попущеніями. Онъ даже сдерживалъ инквизиціонныя стремленія коммиссіи, — слѣдствіе излишней ревности [2]. Даже нѣкоторыя формальныя слѣдствія онъ не включалъ въ свой отчетъ о ревизіи. Такъ онъ оставилъ безъ движенія, произведенное по его распоряженію, слѣдствіе о безпорядкахъ по Атбасарскому коммисарству, и уже въ 1824 г. препроводилъ его для окончанія къ Капцевичу [3]. Сами Сибиряки отдавали справедливость его снисходительности. «Сперанскій слишкомъ милостиво поступилъ съ нами; насъ всѣхъ слѣдовало повѣсить» — говорилъ намъ одинъ изъ служакъ того времени [4].

жалобы: а) Штюльмиллеръ, рабочій ремесленнаго дома, просилъ о взысканіи съ разныхъ лицъ долговъ больше 13.000 р. Коммисія разбирала эту жалобу, но отвѣтчики сознали только 625 р.; другіе отозвались, что заплатили; нѣкоторые померли или сдѣлались несостоятельными (Св. 153, № 7); б) Илгинское волостное правленіе жаловалось на самовольную вырубку лѣса въ дачахъ крестьянъ Илгинской волости, для Илгинскаго винокуреннаго завода. Оставлено безъ движенія. Св. 153, № 9. в) жалоба Батащева на откупъ. При этой жалобѣ приложены два письма Мицкаго, отъ 24 января и 25 февраля 1819 г., о которыхъ Тюменцевъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ. Въ письмахъ точно говорится, что Миницкій ничего не успѣлъ въ пользу Баташева, но никакихъ ругательствъ на Трескина нѣтъ. Въ первомъ сказано только, что Николай Ив., будучи крайне занятъ служебными дѣлами, мало думаетъ даже и о своемъ семействѣ. Сіе хотя и прискорбно сказать, но оно есть точно справедливо. Во второмъ Миницкій пишетъ, что онъ съ нарочнымъ до почты получилъ отвѣтъ отъ Трескина, чтобы онъ не только оставилъ всякія напоминанія о Баташевѣ, но и прекратилъ съ нимъ переписку. О Третьяковѣ нигдѣ ни слова. Надобно впрочемъ замѣтить, что ниже подписи втораго письма, нижняя часть второй половины листа отрѣзана. Не было ли тутъ оскорбительнаго для Трескина постскриптума, который Тюменцевъ называетъ ругательствомъ. Св. 163, № 522.

[1]) Ст. Попова.

[2]) Корфъ II, 227.

[3]) 17 іюня 1824, № 81. Св. 348, № 13.

[4]) Суровцовъ, въ 1840 году.

Геденштромъ не разъ называетъ Сперанскаго своимъ благодѣтелемъ [1]).

Не одно только чрезмѣрное множество жалобъ и не одни совѣты Кочубея побуждали Сперанскаго къ такому образу дѣйствій. Была и еще причина, по которой онъ не желалъ вести дѣло ревизіи съ неуклонною строгостью. Онъ не могъ смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія черстваго формализма. Онъ видѣлъ, что злоупотребленія, громадныя передъ лицомъ закона, были часто далеко не таковы въ сущности. Многое объяснялось общимъ невѣжествомъ, обстоятельствами, примѣромъ высшихъ. Нельзя было относиться ко всему одинаково. Это даже производило въ немъ внутреннюю борьбу, которую онъ прекрасно выразилъ въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ своихъ писемъ къ Столыпину. Нужно замѣтить, что это письмо писано въ ноябрѣ 1819 г., то есть въ самомъ разгарѣ Иркутской ревизіи. «Всѣ письма мои къ вамъ, говоритъ Сперанскій, должны бы были содержать одну исторію моихъ страданій. Я стою между закономъ и совѣстью. По совѣсти я никого бы не обвинилъ, кромѣ тѣхъ, кои попускали злоупотребленія; но по закону всѣ безъ разбора виновaты и списокъ ихъ по сіе время, по всѣмъ тремъ губерніямъ, составляетъ уже около 150 человѣкъ. Взятки, обличенныя по Иркутской губерніи, простираются уже почти до милліона; а что будетъ, еще неизвѣстно. Но вопросъ—разорена ли губернія?—Совсѣмъ нѣтъ; она есть одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи. Самыя злоупотребленія даже способствовали къ ея обогащенію, и существенный ихъ вредъ есть болѣе нравственный, нежели экономическій. Вредъ, конечно, весьма важный; но изслѣдуйте начала, и вы найдете, что законъ, подвергающій и начальника и безгласнаго подчиненнаго, за тысячи и за рубли, одному и тому же осужденію, здѣсь не можетъ быть приложенъ безъ явной несправедливости. Потому-то, кромѣ самыхъ рѣшительныхъ и вопіющихъ случаевъ, удерживаюсь я обвиняемыхъ отдавать подъ судъ, ограничиваясь ихъ удаленіемъ, да и то тогда только, когда есть возможность ихъ замѣнить. Но возможность сія весьма рѣдка, ибо здѣсь вопросъ не въ выборѣ людей честныхъ или способныхъ, но въ положительномъ и совершенномъ недостаткѣ даже и посредственныхъ, даже и людей неспособныхъ. Впрочемъ предать суду двѣсти человѣкъ никогда не поздно; но я на сіе не могу рѣшиться прежде общаго моего отчета и не испытавъ всѣхъ средствъ, чтобы согласить законъ съ совѣстью» [2]). Этими словами вполнѣ опредѣляется характеръ ревизіи

---

[1]) Геденштромъ. Матеріалы.

[2]) Письмо къ Столыпину 19 ноября 1819 г.

Сперанскаго. При такомъ взглядѣ на дѣло, онъ не могъ уже преслѣдовать только длятого, чтобы выполнить букву закона. Вся цѣль его ревизіи состояла только въ томъ, чтобы раскрыть важнѣйшія злоупотребленія и доставить удовлетвореніе обиженнымъ.

Вмѣстѣ съ общимъ желаніемъ получить хотя какое нибудь вознагражденіе за дѣйствительныя обиды, неизбѣжно должно было возникнуть во многихъ желаніе — воспользоваться обстоятельствами, насолить врагу и вообще, какъ говорится, ловить рыбу въ мутной водѣ. Должны были появиться пустыя жалобы и даже ложные доносы. Такія жалобы оставались безъ удовлетворенія, а ябедничество преслѣдовалось. Мы уже видѣли, какъ поступилъ Сперанскій съ крестьянами Красноярскаго уѣзда, подавшими ложную жалобу. Другой примѣръ мы видимъ въ матросѣ Воротиловѣ. Воротиловъ бѣжалъ изъ Охотска и явился къ Сперанскому съ доносами на начальника Охотскаго порта, Ушинскаго. Сперанскій, находя, что доносъ не имѣетъ никакого основанія, потребовалъ однакоже по нему отъ Ушинскаго, 29 ноября 1820 г., подробныхъ свѣдѣній, «на тотъ конецъ, чтобы доносчикъ не остался безъ наказанія», а Воротилова распорядился отправить въ Охотскъ для преданія суду за побѣгъ. На пути въ Якутскъ, Воротиловъ нѣсколько разъ покушался на свою жизнь, изъ страха быть судимымъ въ Охотскѣ. Опасаясь этихъ покушеній, а можетъ быть и того, чтобы Воротилова, изъ мести за доносъ, не подвергли въ Охотскѣ наказанію свыше мѣры, Сперанскій (12 октября 1821 г.) распорядился судить его въ особой военной коммисіи въ Якутскѣ. Впрочемъ, объяснительному рапорту Ушинскаго по доносу не было дано движенія; вѣроятно, Сперанскій убѣдился въ основательности нѣкоторыхъ статей доноса [1]).

Снисходительность Сперанскаго видна и въ обращеніи его съ лицами, подвергшимися взысканіямъ при ревизіи. Сначала онъ распорядился, чтобы лица, обвиняемыя въ злоупотребленіяхъ и преданные суду, отданы были подъ надзоръ полиціи. Геденштромъ, удаленный отъ должности Верхнеудинскаго исправника, былъ вытребованъ въ Иркутскъ. Объ немъ, какъ и о другихъ лицахъ, удаленныхъ отъ должности, или оставленныхъ на мѣстѣ по недостатку другихъ чиновниковъ, или по свойству самыхъ обвиненій, велѣно было наблюдать, чтобы они не отлучались изъ губерніи, предоставя имъ впрочемъ отлучки изъ одного уѣзда въ другой [2]). Лоску-

---

[1]) Св. 131, № 32.

[2]) См. приложеніе.

товъ, еще въ декабрѣ 1819 г., просилъ Сперанскаго о позволеніи ему пріѣхать въ Иркутскъ. Отвѣта не было; но въ августѣ 1820 г., проѣзжая черезъ Нижнеудинскъ, Сперанскій, вѣроятно по личной просьбѣ Лоскутова, словесно приказалъ городничему позволить ему уѣхать въ Иркутскъ и жить тамъ безъ всякаго присмотра [1]). Геденштрома Зеркалеевъ уволилъ въ Верхнеудинскъ собственною властью, и только донесъ о томъ Сперанскому [2]). Иркутское губернское правительство распорядилось примѣнять къ лицамъ, имущества которыхъ засеквестрованы по предъявленнымъ на нихъ при ревизіи взысканіямъ, 24 ст. Банкротскаго устава, именно требовать, чтобы частныя письма, получаемыя съ почтой на имя этихъ лицъ, поступали въ судебное мѣсто, и секвестровать получаемыя ими съ почты деньги. Сперанскій, 11 октября 1820 г., разъяснилъ правительству, что статья эта не должна относиться къ чиновникамъ, подпавшимъ подъ слѣдствіе только по преступленіямъ должностей, и потому полученіе и отправленіе ими писемъ должно быть неприкосновенно. Распоряженіе о секвестрѣ присылаемыхъ имъ денегъ онъ утвердилъ; «но при семъ, писалъ онъ, надлежитъ наблюдать, чтобы были подвергаемы секвестру деньги только собственно имъ принадлежащія» [3]). Значительная часть имуществъ, описанныхъ у Лоскутова, Геденштрома, Волошинова, была выдана матери и сестрѣ перваго и женамъ послѣднихъ, какъ ихъ собственность [4]).

То же должно сказать и о поступкахъ его въ отношеніи къ винокуру Смирнову. Смирновъ, бывшій смотритель Боготольскаго винокуреннаго завода былъ, по представленію Пестеля, лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ на поселеніе въ Иркутскую губернію за разныя злоупотребленія [5]). Въ Иркутскѣ онъ попалъ въ милость Трескина и, не зная винокуренія, сдѣлался винокуромъ на Александровскомъ и Илгинскомъ заводахъ. Здѣсь онъ принялся за тѣ же продѣлки, съ которыми, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ еще по Боготольскому заводу. Къ числу ихъ принадлежала, между прочимъ, надбавка по 5 ф. на пудъ на принимаемый хлѣбъ и продажа

[1]) Св. 129, № 16.

[2]) Св. 129, № 16.

[3]) Св. 55, № 5.

[4]) Св. 55, № 5. Св. 129, № 16. Изъ имѣнія Лоскутова выдано матери и сестрѣ ихъ 63.000 р., остальное пошло на удовлетвореніе предъявленныхъ на него исковъ. Св. 157, № 4.

[5]) Св. 140, № 231. Жена Смирнова, 5 іюля 1820 г., подала Сперанскому просительное письмо о возвращеніи ея мужу прежнихъ правъ. Въ письмѣ, между прочимъ, говорится, что Пестель преслѣдовалъ Смирнова за то, что тотъ былъ близокъ къ гонимому Пестелемъ Томскому губернатору Хвостову. Св. 33, № 11.

казеннаго хлѣба. По свидѣтельству завода, оказалось въ недостаткѣ до 15000 п. хлѣба. Современникъ разсказываетъ, что Смирнову, какъ поселенцу, грозила очень горькая участь; что жена его, очень почтенная женщина, взяла трехъ сыновей, весьма благообразныхъ, изъ которыхъ старшему было около 10-ти лѣтъ, явилась къ Сперанскому, объяснила ему несчастное положеніе мужа, и то, что онъ не могъ противиться приказаніямъ Трескина. Сперанскій, самъ отецъ семейства, ужаснулся положенія жены и дѣтей, мужа и отца которыхъ черезъ нѣсколько дней надлежало вывести для наказанія на публичное мѣсто. Онъ приказалъ деньгами удовлетворить обиженныхъ, и сжалясь надъ дѣтьми, испросилъ въ послѣдствіи прощеніе Смирнову, съ дозволеніемъ ему вновь вступить въ службу [1]). Разсказъ этотъ нѣсколько прикрашенъ, но основа его справедлива. Дѣло о растратѣ заводскаго хлѣба дѣйствительно было кончено ничѣмъ. Сперанскій обѣщалъ самому Смирнову, что не подвергнетъ его никакому взысканію, хотя и намѣренъ былъ строго преслѣдовать должностныхъ лицъ [2]). Казенная экспедиція предполагала однакожъ предать суду всѣхъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу. «Главнѣйшій предметъ сего дѣла, которымъ оно должно ограничиться, — отвѣчалъ ей Сперанскій — есть цѣлость казны: Поэтому онъ предложилъ: «если казенный недостакокъ пополненъ или достаточно обезпеченъ, оставить дальнѣйшее изслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что при настоящемъ положеніи дѣлъ и при недостаткѣ чиновниковъ и употребить къ сему некого»[3]). Тѣмъ неменѣе Смирновъ былъ поставленъ въ 4 разрядѣ обвиняемыхъ по ревизіи, въ числѣ лицъ, производившихъ недозволенные обороты [4]). Жена Смирнова просила Сперанскаго о томъ, чтобы сыновей ея (двухъ), прижитыхъ въ ссылкѣ, не записывать въ подушный окладъ и позволить имъ вступить въ службу. Смирнова позволено было употреблять на службу еще по представленію Пестеля, въ званіи винокура, только безъ права на выслугу въ чины. Поэтому Сперанскій находилъ, что дѣти Смирнова не могутъ входить въ общій разрядъ поселенческихъ дѣтей. «Полагая испросить о нихъ и о подобныхъ имъ особенное повелѣніе», онъ между тѣмъ предложилъ Зеркалееву, если встрѣтится вопросъ о запискѣ ихъ въ мѣщане, отложить эту записку до Высочайшаго объ нихъ разрѣшенія [5]). Впослѣдствіи дѣти Смирнова дѣйствительно находились

[1]) Щукинъ «Воспоминанія».
[2]) Миллеръ, письмо 14 іюня 1820 г.
[3]) Св. 223 № 11; предп.; 17 января 1821 г.
[4]) См. приложеніе В къ пол. Спб. Ком.
[5]) Св. 32, № 7; пред. 7 іюня 1820 г.

*

въ гражданской службѣ; самъ Смирновъ, какъ до Сперанскаго, такъ и послѣ него, имѣлъ большія связи и знакомства въ Иркутскѣ.

Еще снисходительнѣе былъ Сперанскій къ тѣмъ лицамъ, которыя подверглись преслѣдованію при его предмѣстникѣ. Онъ хорошо зналъ, что эти преслѣдованія далеко невсегда падали на дѣйствительно виновныхъ. Поэтому онъ старался отыскивать послѣднихъ, то есть корень зла, и избавлять отъ отвѣтственности ихъ орудія.

Въ 1818 г., по распоряженію Трескина, было произведено слѣдствіе о вымогательствѣ и другихъ противозаконныхъ поступкахъ Киренскаго почтоваго экспедитора Яговитина. Слѣдствіе было представлено въ почтовый департаментъ, но Князь Голицынъ препроводилъ его на разсмотрѣніе Сперанскаго. Послѣдній нашелъ, что выводы на Яговитина справедливы; но что Яговитинъ, по всей вѣроятности, былъ вовлеченъ въ подобные поступки бывшимъ исправникомъ Шевелевымъ, который къ этому «имѣлъ всѣ способы, управляя Киренскою округою съ особенною довѣренностью отъ бывшаго въ Иркутскѣ начальства». Поэтому, и принимая въ уваженіе хорошіе отзывы о Яговитинѣ мѣстнаго почтоваго начальства, Сперанскій полагалъ ограничиться только взысканіемъ съ Яговитина того, въ чемъ онъ самъ сознался [1]).

Бывшій Якутскій исправникъ Слободчиковъ состоялъ подъ слѣдствіемъ за взятки; Пестель и Трескинъ особенно преслѣдовали его за то, что онъ старался избавиться отъ слѣдствія. Кромѣ его, состояли подъ слѣдствіемъ чиновники Карякинъ, Тарабукинъ и бывшій Верхневилюйскій коммисаръ Ефимовъ. Всѣ они состояли подъ надзоромъ полиціи. Сперанскій, тотчасъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ, разсмотрѣлъ дѣла объ этихъ чиновникахъ, и 4-го сентября 1819 г., предложилъ Миницкому: Слободчикова, Карякина и Тарабукина освободить отъ всякаго присмотра, и приказать имъ, чтобы они немедленно отправились въ Иркутскъ и явились въ канцелярію Сперанскаго; снабдить ихъ видами на проѣздъ отъ Якутска до Иркутска; ускорить окончаніемъ слѣдствія объ Ефимовѣ [2]). Слободчиковъ, состоя подъ слѣдствіемъ, вздумалъ сдѣлать доносъ на своего преемника, исправника Ивашинцева, что онъ наказалъ двухъ Якутовъ безъ суда и приговора. Сперанскій требовалъ объ этомъ свѣдѣній отъ областнаго начальника. Миницкій отвѣчалъ, что до-

[1]) Св. 129, № 15; см. приложеніе.

[2]) Св. 142, № 296. Ефимовъ, какъ мы уже говорили, вслѣдъ затѣмъ былъ преданъ суду.

нос Слободчикова—только слѣдствіе его личности съ Иванищевымъ; Якуты, «которые по проступку своему заслуживали вящшаго наказанія»,—ничего съ него не искали и не ищутъ. Доносъ оставленъ безъ послѣдствій [1]).

Даже къ Трескину, главному виновнику всѣхъ злоупотребленій, Сперанскій былъ по возможности снисходителенъ. По тогдашнимъ узаконеніямъ, выдачу жалованья Трескину слѣдовало прекратить со дня полученія указа объ устраненіи его отъ должности. Казенная экспедиція, имѣя это въ виду, вошла однакоже, въ концѣ октября 1819 г., съ представленіемъ къ Сперанскому,—должно ли производить Трескину жалованье. Сперанскій, повидимому, нѣсколько затруднялся разрѣшить это представленіе; но наконецъ, 24 декабря, разрѣшилъ его тѣмъ, чтобы Трескину производить штатное жалованье по прежнему, а столовыя, на основаніи положенія Комитета Министровъ 14 Января 1819 г.,—выдавать Зеркалееву. Трескинъ получалъ жалованье втеченіе всего 1820 г. Уже въ 1821 г, экспедиція вошла къ Сперанскому съ новымъ вопросомъ, продолжать ли выдачу жалованья Трескину, такъ какъ онъ давно уже выѣхалъ изъ Иркутска, и жалованье, по довѣренности его, получалъ купецъ Василій Кузнецовъ. Только тогда Сперанскій разрѣшилъ экспедиціи, 28-го апрѣля 1821 г, пріостановить выдачу Трескину жалованья съ 1-го января «впредь до разрѣшенія высшаго начальства, коему о семъ отъ него представлено будетъ».

Въ то время въ разсмотрѣніи правительствующаго сената находилось дѣло, о препятствіяхъ, сдѣланныхъ Иркутской казенной экспедиціи (по распоряженію Трескина), въ закупкѣ хлѣба для винокуренныхъ заводовъ. По Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, съ виновными въ томъ велѣно было поступить по законамъ. Отъ Трескина надлежало отобрать отвѣты. Сенатъ, указомъ 5 февраля 1820 г, за № 73 (по 2 отд. 5 деп.)—предписалъ Сперанскому объявить чрезъ кого слѣдуетъ Трескину, чтобъ онъ явился въ 5-й департаментъ, если Сибирскій генералъ-губернаторъ не найдетъ въ томъ какихъ либо препятствій. Указъ, по ошибкѣ канцеляріи, былъ посланъ безъ подписи оберъ-секретаря и безъ означенія числа. Сперанскій не объявилъ его Трескину тогда же; но причиной тому было не приведенное здѣсь, хотя въ сущности важное нарушеніе формальности, а всего вѣроятнѣе то, что положеніе дѣлъ ревизіи требовало еще присутствія его въ Иркутскѣ. 2 іюня Сперанскій, по окончаніи обозрѣнія Иркутской

---

[1]) Св. 142, № 296.

губерніи и слѣдственныхъ дѣлъ, не находя болѣе никакихъ препятствій къ отъѣзду Трескина, объявилъ ему указъ [1]). Одинъ современникъ расказываетъ, что Трескинъ, наскучивъ бездѣйствіемъ, явился къ Сперанскому и просилъ у него позволенія ѣхать въ Москву или въ Петербургъ, и что Сперанскій тотчасъ же разрѣшилъ ему уѣхать въ Москву [2]). Можетъ быть это и справедливо; Сперанскій могъ бы удержать Трескина нѣсколько времени; но во всякомъ случаѣ только до закрытія слѣдственной коммисіи, т. е. до конца іюля 1820 г. Зеркалееву Сперанскій предложилъ выдать Трескину подорожную на такое число лошадей, какое положено по чину его, съ платежемъ прогоновъ, «но безъ взиманія поверстной пошлины, поелику отправляется онъ по требованію правительствующаго сената». Въ половинѣ іюня Сперанскій счелъ долгомъ увѣдомить Московскаго и С.-Петербургскаго военныхъ генералъ-губернаторовъ, что Трескинъ 10-го іюня отправился чрезъ Москву въ Петербургъ. Исправленный указъ сената о высылкѣ Трескина полученъ былъ уже 24 іюня, чрезъ двѣ недѣли послѣ его отъѣзда [3]).

Наконецъ, Сперанскій видимо старался щадить въ своей ревизіи Пестеля. Дѣла могли доставить ему множество матеріаловъ для обвиненія Пестеля не только въ крайнемъ произволѣ, но и въ недобросовѣстности передъ высшимъ правительствомъ. Но онъ опровергалъ дѣйствія Пестеля только въ случаяхъ крайней необходимости, напр. въ дѣлѣ Корнилова и Хвостова. Опасался ли онъ навлечь на себя неудовольствіе Аракчеева, истинныя отношенія котораго къ Пестелю за то время могли быть ему неизвѣстны; была ли тутъ другая причина,—но въ собственныхъ дѣйствіяхъ Пестеля Сперанскій не находилъ ничего особенно противозаконнаго. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно желалъ «сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, и не говорить ничего худаго, или покрайней мѣрѣ молчать о своемъ предмѣстникѣ», какъ онъ выразился въ одномъ письмѣ къ Аракчееву. Онъ даже нѣкоторымъ образомъ оправдывалъ Пестеля.—«Вашему Сіятельству, писалъ онъ Кочубею, безъ сомнѣнія любопытно знать, до какой степени предмѣстникъ мой въ злоупотребленіяхъ здѣшнихъ могъ участвовать? Доселѣ, по совѣсти скажу, не могъ я открыть ничего личнаго и непосредственнаго. Нѣкоторыя бездѣлки и пустыя лакомства можно назвать малодушіемъ, но не корыстолюбіемъ. Кажется, онъ

---

[1]) Св. 347, № 10.

[2]) Щукинъ.

[3]) Св. 347, № 10.

былъ въ заблужденіи и даже хотѣлъ быть въ заблужденіи, находя ту въ немъ выгоду, чтобы жить покойно въ Петербургѣ. Впрочемъ, что бы ни говорили о его умѣ, изъ дѣлъ я вижу, что онъ не имѣетъ даже и общаго о дѣлахъ понятія. Не только Сибирью, мнѣ кажется, ему трудно было бы управлять и Олонецкою губерніею,—новое и разительное доказательство, что хитрость не есть умъ, и умъ совсѣмъ не есть хитрость» [1]. Вообще, объ умѣ Пестеля Сперанскій былъ весьма невысокаго мнѣнія. Объ этомъ онъ писалъ и Столыпину въ томъ же смыслѣ, какъ и къ Кочубею, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и даже еще рѣзче. Онъ называлъ Пестеля «самою слабою головой»; онъ находилъ, что съ здравымъ, и даже съ посредственнымъ умомъ можно было въ 13-ть лѣтъ разгадать Трескина и удостовѣриться въ истинномъ положеніи дѣлъ [2].

Выраженное въ письмахъ къ Столыпину мнѣніе о корыстолюбіи Пестеля Сперанскій высказывалъ не положительно, а только въ видѣ предположенія, и основывалъ его не на точныхъ данныхъ, а только на томъ обстоятельствѣ, что Пестель попускалъ очевидныя злоупотребленія, и, можетъ быть, на слухахъ. Словомъ, онъ обвинялъ Пестеля въ глупости, а не въ злоупотвебленіяхъ. Прямыхъ жалобъ на Пестеля вообще не было: жаловались на исполнителей, на губернаторовъ, на земскую полицію, а онъ оставался въ сторонѣ. Поэтому и была возможность оставить его въ покоѣ. Впослѣдствіи, на Пестеля упало формальное обвиненіе только потому, что, предоставя губернаторамъ свою власть, онъ принялъ этимъ на себя отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Исторія будетъ менѣе снисходительна.

Долго подпавшіе слѣдствію, но не преданные суду, ждали рѣшенія своей участи. По Высочайшему повелѣнію 28 іюля 1821 г. учрежденъ былъ особый Комитетъ для разсмотрѣнія отчета Сперанскаго [3]. Комитетъ разсматривалъ и дѣйствія лицъ обвинявшихся въ злоупотребленіяхъ. Онъ сначала умолчалъ было объ отвѣтственности Пестеля въ Сибирскихъ безпорядкахъ; но докладъ его былъ возвращенъ отъ Государя съ повелѣніемъ, постановить заключеніе и о Пестелѣ [4]. Комитетъ работалъ цѣлыхъ полгода. Только 26 января 1822 г, данъ былъ слѣдующій именной Высочайшій указъ правительствующему сенату.

[1] Бумаги б. Корфа; и переписка: письмо къ Кочубею 18 Декабря 1819 г.

[2] Письмо къ Столыпину 23 октября 1819 г.

[3] П. С. З. 28706. Комитетъ состоялъ изъ Кочубея, Гурьева, Аракчеева, Голицына, Сперанскаго, Кампенгаузена.

[4] Корфъ; II.

«По жалобамъ, доходившимъ къ Намъ на управленіе Сибирскихъ губерній, въ 1819 году, при опредѣленіи тайнаго совѣтника Сперанскаго Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, поручено ему было, для удостовѣренія въ истинныхъ основаніяхъ сихъ жалобъ, обозрѣть главныя части мѣстнаго управленія и представить намъ отчетъ въ ихъ положеніи.

«Разсмотрѣвъ отчетъ, въ слѣдствіе сего Намъ отъ Сибирскаго генералъ-губернатора поднесенный, признали Мы нужнымъ поручить особенному комитету, составленному подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Кочубея, изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Гурьева, генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева, тайнаго совѣтника Князя Голицына, тайнаго совѣтника Сперанскаго и тайнаго совѣтника барона Кампенгаузена, сообразивъ подробно означенный отчетъ съ дѣлами, представить Намъ свои заключенія.

«Три главные предмета предлежали комитету при семъ соображеніи: I. удостовѣриться въ порядкѣ произведенныхъ на мѣстѣ слѣдствій; II. по свойству обвиненій опредѣлить степень ихъ достовѣрности и назначить мѣру взысканій; III. опредѣлить въ особенности участіе начальниковъ губерній въ обнаруженныхъ слѣдствіями безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ.

«I. *Порядокъ слѣдствій*. Комитетъ нашелъ, что слѣдствія производимы были или общими мѣрами губернскаго управленія, или же наряжаемы были особыя коммисіи. Такимъ образомъ учреждена была коммисія Нижнеудинская, Иркутская и Верхнеудинская, коихъ дѣла потомъ соединены въ коммисіи Иркутской. Сверхъ сего наряжаемы были особые чиновники для слѣдствій въ мѣстахъ отдаленныхъ, какъ-то: въ Нарымѣ и Туруханскѣ. Дѣла въ сихъ коммисіяхъ и отдѣльныхъ слѣдствіяхъ производимы были на общемъ законномъ основаніи, съ допущеніемъ однакоже изъятій, кои, по чрезвычайнымъ разстояніямъ или по особеннымъ обстоятельствамъ, были необходимы и кои въ отчетѣ подробно означены. Лица, обвиняемыя въ злоупотребленіяхъ, въ безпорядкахъ и упущеніяхъ, судя по степени ихъ вины, по свойству доказательствъ и по другимъ обстоятельствамъ, въ отчетѣ изложеннымъ, были или предаваемы суду, или отрѣшаемы отъ мѣстъ, или удаляемы отъ должностей, или же наконецъ перемѣщаемы изъ одного мѣста въ другое.—Комитетъ нашелъ, что сей распорядокъ въ производствѣ слѣдствій былъ сообразенъ свойству дѣлъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ; что мѣры, Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ употребленныя, основаны были на строгой мѣстной необходимости, и

что, по состоянію края и по тому положенію, въ коемъ управленіе его находилось, другихъ удобнѣйшихъ мѣръ принять было невозможно.

«II. *Свойство обвиненій и степень ихъ достовѣрности.* Комитетъ нашелъ, что главный предметъ обвиненій и слѣдствій состоялъ въ лихоимствѣ, какъ-то: въ лихоимствѣ при хлѣбныхъ заготовленіяхъ и запасахъ, при устроеніи дорогъ и отправленіи земскихъ повинностей, при торговлѣ съ ясачными, при поселеніяхъ, при назначеніи волостныхъ издержекъ и разбирательствѣ дѣлъ между инородцами, наконецъ въ лихоимствѣ, сопряженномъ съ насиліемъ и самовольными наказаніями. Но обвиненія сіи, по произведеннымъ о нихъ слѣдствіямъ, не всѣ одинаковую имѣютъ степень достовѣрности. Въ однихъ изъ нихъ обвиняемые обличаются или собственнымъ признаніемъ, или показаніемъ свидѣтелей, или же письменными доказательствами; въ другихъ, хотя очевидно, что злоупотребленія и упущенія существовали и что вступившія жалобы имѣютъ великую степень вѣроятности, но по недостатку закономъ положенныхъ уликъ, судебнымъ порядкомъ не могутъ они быть доказаны. Иныя, наконецъ, не бывъ подкрѣплены никакими доказательствами, не могли заслужить и вѣроятія. По сему комитетъ призналъ нужнымъ, обвиняемыхъ, по спискамъ о нихъ при отчетѣ приложеннымъ, раздѣлить по степенямъ вины и силѣ доказательствъ на разряды, такъ, чтобъ люди одинаковаго или сходнаго степени достовѣрности отнесены были къ одному разряду и чтобъ противъ каждаго лица, изъ содержанія дѣлъ слѣдственныхъ, выведены и означены были главныя статьи обвиненія. На семъ основаніи составлены списки обвиняемыхъ, заключающіе въ себѣ всего вообще 678 человѣкъ, и по каждому изъ сихъ списковъ назначены мѣры взысканія, существу ихъ сообразныя.

«III. *Участіе начальниковъ губерній въ обнаруженныхъ слѣдствіями злоупотребленіяхъ.* Въ управленіи бывшаго Иркутскаго гражданскаго губернатора Трескина комитетъ нашелъ слѣдующія главныя неправильности и злоупотребленія: 1) Введеніе монополіи въ закупкѣ хлѣба. 2) Произвольное установленіе продажныхъ цѣнъ при хлѣбныхъ заготовленіяхъ. 3) Неправильные учеты казенныхъ прибылей и неправильныя начальству донесенія. 4) Заготовленіе хлѣба на казенныя потребности не покупкою по цѣнамъ вольнымъ, но самовластною раскладкою на обывателей по цѣнамъ принужденнымъ. 5) Произвольное назначеніе количества сборовъ на земскія повинности. 6) Установленіе поборовъ, законами неопредѣленныхъ. 7) Безпорядки въ отправленіи земскихъ повинностей натурою.

8) Попущеніе злоупотребленій, не смотря на доходившія жалобы. Въ управленіи Томскаго гражданскаго губернатора Илличевскаго комитетъ хотя не нашелъ столь же важныхъ безпорядковъ, но замѣтилъ слѣдующія неправильности и упущенія: 1) Стѣсненіе торговли, особенно по Нарымскому уѣзду. 2) Неправильное денежное взысканіе съ инородцевъ въ пополненіе капитала хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. 3) Безпорядочное и самовольное хозяйство и слабое наблюденіе за подчиненными по оборотамъ хлѣбнаго запаснаго капитала. 4) Неправильныя распоряженія по сборамъ съ инородцевъ. 5) Безпорядки по водворенію ссыльныхъ. 6) Слабость и упущеніе въ надзорѣ за подчиненными. Наконецъ, въ главномъ управленіи бывшаго Сибирскаго генералъ-губернатора, тайнаго совѣтника Пестеля, комитетъ замѣтилъ, что, находясь около 12 лѣтъ внѣ губерній, управленію его ввѣренныхъ, и поручивъ значительную часть своей власти мѣстнымъ гражданскимъ губернаторамъ, онъ тѣмъ самымъ принялъ большую часть распоряженій ихъ, по точной силѣ и словамъ инструкціи 1803 года, на собственную свою отвѣтственность, и что противузаконныя мѣры, особенно по Иркутской губерніи, не могли бы имѣть столь продолжительнаго дѣйствія, еслибы имъ не были утверждаемы, попускаемы и даже защищаемы.

«Въ семъ состоятъ соображенія комитета по главнымъ предметамъ, сужденію его порученнымъ».

Разсмотрѣвъ сіи соображенія и находя оныя правильными, на основаніи оныхъ повелѣваемъ:

1) Бывшаго Сибирскаго генералъ-губернатора, тайнаго совѣтника Пестеля, отставить отъ службы.

2) Бывшаго Иркутскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Трескина, предать суду.

3) Томскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Илличевскаго, удаливъ отъ сего званія, поступки его подвергнуть отвѣту и разсмотрѣнію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

4) Судъ, коему по распоряженію Сибирскаго генералъ-губернатора преданы разные чиновники, всего 48 человѣкъ, окончить въ губернскихъ судебныхъ мѣстахъ немедленно. За тѣмъ о прочихъ чиновникахъ и разнаго званія людяхъ, всего о 630 человѣкахъ, изъ коихъ нѣкоторые по отрѣшеніи отъ мѣстъ навсегда удаляются отъ службы, съ другихъ полагаются разныя взысканія, степени вины ихъ соразмѣрныя, иные же, по недоказательству вступившихъ на нихъ показаній, признаются отъ дѣла свободными,—при-

вести въ исполненіе положенія, въ комитетѣ состоявшіяся и при семъ препровождаемыя.

5) А дабы удостовѣрить точность и скорость сего исполненія, то согласно предположеніямъ комитета привести въ исполненіе слѣдующія мѣры:

а) Для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся къ бывшимъ гражданскимъ губернаторамъ Иркутскому и Томскому, Сибирскій генералъ-губернаторъ не оставитъ внести въ Правительствующій Сенатъ, вмѣстѣ съ выпискою изъ журнала комитета 5 октября 1821 года, подробныя извлеченія изъ производства слѣдственныхъ коммисій, къ дѣламъ симъ принадлежащія. Министръ Юстиціи, имѣя за теченіемъ сихъ дѣлъ и за скорымъ ихъ окончаніемъ особенный и ближайшій надзоръ, будетъ устранять неумѣстные и къ промедленію служащіе предлоги, наблюдая, дабы подъ видомъ связи сихъ дѣлъ съ другими, суду губернскихъ мѣстъ подлежащими, не было отлагаемо разсмотрѣніе главныхъ обстоятельствъ обвиненія.

б) Для разсчета и удовлетворенія денежныхъ исковъ изъ секвестрованныхъ имуществъ лицъ обвиняемыхъ, составить въ Томскѣ и Иркутскѣ коммисіи подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ предсѣдателей гражданскихъ палатъ и губернскихъ прокуроровъ, препроводивъ въ оныя иски, слѣдственными коммисіями признанные. Сіи разсчетныя коммисіи не будутъ входить въ разбирательство исковъ судебнымъ порядкомъ, но обязаны единственно сдѣлать имъ разсчетъ и удовлетвореніе, по скольку изъ наличнаго имѣнія, по приведеніи его въ извѣстность и по продажѣ, на каждый искъ причтется. Коммисіи не будутъ принимать къ разсчету исковъ, при слѣдствіи неуваженныхъ. Выбылыхъ изъ Сибири, по отысканіи черезъ публикаціи, выслать въ тѣ мѣста, гдѣ сіи коммисіи дѣйствовать будутъ, и положивъ на имѣнія ихъ запрещеніе поступить съ ними точно такъ, какъ и о прочихъ предписано. Разсчетъ сей и удовлетвореніе, подъ надзоромъ главнаго начальства Сибирскихъ губерній, кончить въ теченіи года, не останавливаясь за неявкою тѣхъ чиновниковъ, кои изъ Сибири выбыли, и коихъ полагается выслать туда чрезъ публикаціи; по окончаніи же разсчета немедленно привести въ исполненіе предположенное удаленіе обвиняемыхъ въ другія губерніи».

Всѣ обвинявшіеся по Сибирской ревизіи были раздѣлены комитетомъ на десять разрядовъ. Къ первымъ двумъ отнесены главные начальники и лица, преданные уже суду. Въ отношеніи къ прочимъ постановлено: 1) 43 человѣка 3 разряда огласить подозрѣваемыми въ злоупотребленіяхъ, не допускать впредь къ опредѣленію

ни къ какимъ должностямъ и отдать ихъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства; чиновниковъ выслать на жительство во внутреннія губерніи, казаковъ употребить на службу въ другія Сибирскія губерніи, а инородныхъ и сельскихъ старшинъ переселить въ другіе уѣзды [1]. Въ эту категорію входилъ и Геденштромъ; но противъ его имени было отмѣчено графомъ Кочубеемъ: «Высочайше повелѣно,—Геденштрома изъ Сибири не высылать». 2) 31 человѣку 4 разряда, обвиняемымъ въ разныхъ денежныхъ оборотахъ съ подчиненными имъ людьми, поставить въ штрафъ сдѣланныя съ нихъ по распоряженію генералъ-губернатора взысканія, и записать о томъ въ послужные ихъ списки; отправлявшихъ должности по выборамъ впредь не выбирать въ почетныя и денежныя должности [2]. 3) 66 человѣкъ 5 разряда, на которыхъ хотя и упадаютъ подозрѣнія, но доказательства слабы, оставить на особенномъ замѣчаніи и поручить мѣстному начальству имѣть за ними наблюденіе [3]. 4) 18 человѣкамъ 6 разряда, виновнымъ въ упущеніяхъ по должностямъ, но не въ злоупотребленіяхъ, сдѣлать выговоръ, съ строгимъ подтвержденіемъ объ исправнѣйшемъ отправленіи должностей [4]. 5) 46 человѣкъ 7 разряда, показанія на которыхъ недоказаны, считать свободными отъ дѣла [5]. 6) 304 человѣка 8 разряда инородческихъ и сельскихъ начальниковъ [6], обвиняемыхъ въ незаконныхъ расходахъ общественныхъ суммъ, но не въ свою пользу и большею частію съ согласія обществъ, освободить отъ взысканія издержанныхъ ими денегъ. 7) 71 человѣкъ, обвиняемыхъ большею частію въ полученіи подарковъ [7], наказать: канцелярскихъ служителей временнымъ арестомъ, а казаковъ по усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства. 8) 26 человѣкъ 9 разряда частныхъ лицъ, участвовавшихъ въ неправильныхъ денежныхъ оборотахъ, обязать подписками, чтобы этого не дѣлали, подъ опасеніемъ строгаго

---

[1] Въ эту категорію попало 13 чиновниковъ, 2 казачьихъ сотника, 6 урядниковъ, 13 казаковъ, 9 инородческихъ начальниковъ. Сельскихъ старшинъ не было.

[2] 13 чиновниковъ (большею частію Томской губерніи), 10 инородческихъ начальниковъ и 7 родовичей Иркутской губерніи и винокуръ Смирновъ.

[3] 54 чиновника (почти всѣ Иркутской губерніи), 6 сельскихъ засѣдателей и головъ той же губерніи, 6 казаковъ и вахтеровъ Томской губерніи.

[4] Почти всѣ Томской губерніи: въ числѣ ихъ одинъ сельскій засѣдатель и 3 казака; остальные—чиновники.

[5] Почти всѣ Иркутской губерніи. Въ числѣ ихъ 1 унтеръ-офицеръ, 4 станціонныхъ смотрителя и 1 почтальонъ. Къ этому разряду отнесенъ и Якутскій областной начальникъ Мицицкій.

[6] Исключительно Иркутской губерніи: 75 крестьянскихъ и 229 инородческихъ.

[7] Канцелярскіе чиновники и служители, писаря при исправникахъ, казаки, большею частію Иркутской губерніи.

наказанія, и изъ нихъ 13 человѣкъ переселить въ другія губерніи и уѣзды [1]). Наконецъ, 9) о 25 человѣкахъ 10 разряда, на которыхъ поступили маловажныя жалобы безъ означенія ихъ именъ, дальнѣйшія розысканія прекратить [2]).

Впослѣдствіи, уже гораздо позже, положеніемъ комитета, Высочайше утвержденнымъ 28 января 1825 г., было разъяснено, что означеніе въ послужныхъ спискахъ чиновниковъ 3, 4 и 5 разрядовъ положеннаго на нихъ взысканія необходимо; и что чиновники 3 разряда не могутъ быть опредѣляемы въ службу втеченіи положеннаго срока, а чиновники 4 и 5 разрядовъ,—втеченіи 3 лѣтъ послѣ возникшихъ на нихъ обвиненій [3]).

Такимъ образомъ, включая генералъ-губернатора, 2-хъ губернаторовъ и 48 человѣкъ, преданныхъ суду, въ ревизіи Сперанскаго было замѣшано 681 человѣкъ; но болѣе строгое наказаніе, кромѣ преданныхъ суду, понесли только 43 человѣка. 375 человѣкъ вовсе освобождены отъ отвѣтственности. Денежныхъ взысканій насчитывалось до 2.847.000 р.; значительная часть этой суммы, впрочемъ, перешла въ казну, или въ видѣ реквизицій, или раскладкой на земледѣльцевъ поставки хлѣба въ магазины, по произвольнымъ цѣнамъ. Всего, по обвиненіямъ противъ разныхъ лицъ, разсмотрѣно было въ Сибирскомъ комитетѣ 73 дѣла [4]).

Такой результатъ ревизіи возбудилъ въ Петербургѣ упреки противъ Сперанскаго въ жестокости, «очевидно, говоритъ бар. Корфъ, болѣе только по сохранившейся еще, отъ прежняго времени, привычкѣ порицать все, что онъ ни дѣлалъ» [5]). На мѣстахъ судили иначе. На мѣстахъ лучше знали положеніе дѣлъ, и слѣдовательно знали, что дѣйствительныя обвиненія были гораздо сильнѣе тѣхъ, какія окончательно приняты Сибирскимъ комитетомъ. Мы привели уже нѣкоторые отзывы Сибирскихъ чиновниковъ. Неисправимый Геденштромъ задалъ пирушку съ радости, что все такъ счастливо кончилось [6]). Чтобы дать понятіе о томъ, до какой степени въ комитетѣ были смягчены первоначальныя обвиненія, достаточно указать на слѣдующіе два случая. Выше мы говорили, какія об-

---

[1]) Купцы, мѣщане, крестьяне, поселенцы Иркутской и Томской губерній.

[2]) См. Приложеніе.

[3]) Дѣло Св.

[4]) Корфъ II, 227—265. Отчетъ. Изъ общей суммы взысканій, по Верхнеудинской коммисіи, было взыскано съ тайшей и другихъ лицъ 83.388 р. Имѣній описано было 58; въ томъ числѣ оцѣнено разнаго движимаго имущества на 262.000 р.; остальное оцѣнено не было.

[5]) Корфъ II, 227.

[6]) Щукинъ.

виненія были предъявлены противъ бывшаго Киренскаго исправника Шевелева и Туруханскаго ревизора Максюкова. Изъ нихъ Шевелевъ попалъ подъ 3 статью заключеній комитета, въ число лицъ, подозрѣваемыхъ въ злоупотребленіяхъ и оставленныхъ на замѣчаніи. Максюковъ, правда, попалъ въ 1 статью пообвиненіямъ въ незаконныхъ оборотахъ и въ злоупотребленіяхъ по сбору ясака; но важнѣйшее изъ обвиненій, которое, притомъ, легко могло быть доказано, и повести къ преданію Максюкова уголовному суду, именно, уничтоженіе важныхъ слѣдствій и произвольный выпускъ на свободу арестантовъ,—формулировано было въ заключеніи комитета такъ: «нѣкоторыя дѣла оканчивалъ въ незаконномъ порядкѣ» [1]). Вообще, наиболѣе строгой отвѣтственности подверглись почти исключительно участники въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ Трескина, и тѣ, которые допускали вопіющія злоупотребленія въ отдаленныхъ мѣстахъ Томской губерніи [2]).

Притомъ и дальнѣйшія послѣдствія заключеній комитета были далеко не такъ суровы, какъ можно было предполагать по тону Высочайшаго указа.

Сперанскій представилъ правительствующему сенату тѣ свѣдѣнія, которыя послужили Сибирскому комитету основаніемъ къ отдачѣ подъ судъ Трескина и Илличевскаго. Около 30 дѣлъ и извлеченій изъ нихъ представлено къ обвиненію Трескина, и только 8 дѣлъ и выписокъ—по обвиненіямъ на Илличевскаго [3]).

По рѣшенію сената, Трескинъ былъ лишенъ чиновъ и знаковъ отличія съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы. Илличевскій былъ оправданъ, но уже не вступалъ въ службу [4]).

Исполненіе положеній комитета на мѣстахъ предоставлено было новымъ генералъ-губернаторамъ. Сперанскій руководилъ ихъ въ этомъ дѣлѣ и разъяснялъ смыслъ комитетскихъ заключеній [5]). Но строгость взысканій, опредѣленныхъ комитетомъ, постепенно смягчалась. Геденштромъ, напримѣръ, которому былъ запрещенъ выѣздъ изъ Сибири, служилъ впослѣдствіи въ Петербургѣ и снова пріѣхалъ на службу въ Сибирь [6]). Дополнительное положе-

---

[1]) См. Приложеніе.

[2]) Приложеніе А.

[3]) См. приложеніе. Рапорты въ сенатъ о Трескинѣ и Илличевскомъ Сперанскій отправилъ къ князю Лобанову-Ростовскому и писалъ, что эти рапорты давно уже были готовы, но не могли быть отправлены по многочисленности дѣлъ и приложеній къ нимъ, составлявшихъ, по описи, всего до 11000 листовъ.

[4]) Корфъ II, 265.

[5]) См. Приложеніе.

[6]) Онъ умеръ въ глубокой старости, въ деревнѣ близъ Томска. По собственнымъ

ніе комитета, Высочайше утвержденное 28 января 1825 года, о запрещеніи опредѣлять чиновниковъ 4 и 5 разрядовъ къ должностямъ раньше 3 лѣтъ послѣ возникшихъ на нихъ обвиненій, было въ сущности только громкою фразой, потому что для многихъ этотъ срокъ кончился еще въ 1822 году, и многіе уже состояли на службѣ до изданія этого положенія.

Что касается до разсчетныхъ коммисій, которыя обязаны были вознаградить обиженныхъ на счетъ имуществъ, засеквестрованныхъ у обвиняемыхъ, то дѣйствія, по крайней мѣрѣ Иркутской коммисіи, были весьма неуспѣшны. Сначала она встрѣтила затрудненіе въ составленіи разсчетовъ, по неимѣнію для этого подробныхъ свѣдѣній. Сперанскій, 17 октября 1822 года, препроводилъ въ коммисію списокъ подробнаго счета [1]. Затѣмъ слишкомъ двадцать лѣтъ подъ разными предлогами коммисія тянула это дѣло. Только въ 1845 году она кончила разсчетъ и разослала назначенныя для удовлетворенія суммы большею частію уже потомству истцовъ [2]. Лица и общества, получившія деньги, даже не знали въ точности, за что онѣ имъ присланы; они не знали, за какіе тяжкіе поборы, за какія страданія своихъ отцовъ они получаютъ это скудное вознагражденіе, и какихъ трудовъ стоило оно въ свое время одному изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей въ Россіи.

Воздухъ очистился въ Сибири удаленіемъ изъ нея болѣе вредныхъ личностей. И администраціи, и краю, была указана новая дорога. Но все еще въ Сибири остался зародышъ зла, оставалось много людей стараго закала, по неизбѣжной, роковой причинѣ: ихъ было «не кѣмъ замѣнить».

словамъ Геденштрома, онъ былъ въ Петербургѣ въ 1829 г. (Геденштромъ, Матеріалы.) По словамъ Щукина (Воспоминанія), Геденштрому позволено было поступить на службу въ Петербургѣ по ходатайству Сперанскаго. Это подтверждаетъ и Рѣпинскій.

[1]) Капцевичъ также просилъ свѣдѣній. Отвѣтъ см. въ прилож.

[2]) Соб. восп. Авторъ этой книги былъ послѣднимъ дѣлопроизводителемъ Коммисіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Положеніе края. — Канцелярія и сотрудники Сперанскаго. — Составъ управленія. — Награды. — Общія дѣла управленія. — Новыя злоупотребленія. — Собранія свѣдѣній.

Не одна только ревизія и преслѣдованіе прежнихъ злоупотребленій должны были сильно занимать и безпокоить Сперанскаго. Много другихъ сторонъ въ положеніи Сибири требовали полнаго его вниманія. Край страдалъ въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ. Личная свобода населенія была стѣснена, торговля была подавлена разными мѣстными ограниченіями. Въ Иркутской губерніи народное продовольствіе перешло исключительно въ руки казенныхъ запасныхъ магазиновъ, которые сдѣлались громаднымъ монополистомъ въ хлѣбной торговлѣ. Продовольствіе отдаленныхъ мѣстъ обезпечивалось крайне недостаточно. Въ порядкѣ управленія инородцевъ открывались разные недостатки. Положеніе ссыльныхъ было невыносимо. Народъ отягощенъ былъ налогами и натуральными повинностями. Нѣкоторыя случайности, напр., неурожай хлѣба въ Иркутской губерніи, еще болѣе усложняли положеніе дѣлъ. Къ этому нужно прибавить еще крайній недостатокъ исполнителей и безпрестанные ссоры между ними. Открывались и новыя злоупотребленія. Нужно было, въ одно время — и прекратить самое существованіе зла, и исправлять его вредныя послѣдствія, и обдумывать законодательныя мѣры, которыя могли бы прекратить такое положеніе дѣлъ на будущее время.

Дѣйствія Сперанскаго, которыя будутъ нами описаны, относятся большею частію къ тогдашней Иркутской губерніи. Это происходитъ отъ двухъ причинъ. Вопервыхъ, Иркутская губернія, и по общему ея состоянію, и по ея обширности, и, такъ сказать, разнохарактерности, болѣе вызывала необходимости въ новыхъ мѣрахъ, нежели другія части края; вовторыхъ, данныя, которыми мы располагали, могли доставить намъ слишкомъ мало свѣдѣній о дѣйствіяхъ по другимъ частямъ края. Нельзя ручаться, чтобы и по Иркутской губерніи свѣдѣнія были совершенно полны. Дѣла прежняго времени не отличаются исправностью. Кромѣ того, многое, что

относится къ этой губерніи, могло, при раздѣленіи дѣлъ, попасть въ архивы Западной Сибири.

Само собою разумѣется, не всѣ бумаги, подписанныя Сперанскимъ, писаны имъ самимъ; многія даже очевидно принадлежатъ не его перу. Но всѣ онѣ имъ просмотрѣны, и весьма многія исправлены; на весьма многихъ находятся собственныя его приписки, которыми придавался болѣе точный смыслъ, или особенный, иногда вовсе не канцелярскій, оттѣнокъ оффиціальному распоряженію. Такимъ образомъ, всѣ его распоряженія выражаютъ его мысль, проникнуты его духомъ; пересматривая ихъ, мы убѣждаемся, что это дѣйствительно собственныя распоряженія Сперанскаго, а не литературныя произведенія его секретарей, вышедшія въ свѣтъ только за его подписью.

Здѣсь не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о порядкѣ служебныхъ сношеній Сперанскаго съ разными лицами. Переписка съ его другомъ и прямымъ начальникомъ, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, всегда имѣла форму отношеній; Сперанскій сохранялъ въ ней почтительный, но свободный тонъ. Сношенія съ другими министрами производились по большей части въ видѣ писемъ. Такая форма усвоена была еще при Пестелѣ. Сношенія съ графомъ Гурьевымъ нерѣдко имѣли наставительный видъ, какъ будто Сперанскій все еще оставался государственнымъ секретаремъ, а Гурьевъ его покорнѣйшимъ слугою и ученикомъ въ управленіи финансами. Самъ Гурьевъ какъ будто подавалъ поводъ къ этому: онъ безпрестанно спрашивалъ у него совѣтовъ, изъявлялъ сожалѣніе, что дальность разстояній не позволяетъ имъ чаще обмѣниваться мыслями, а въ одной бумагѣ (о запрещеніи иностранцамъ торговли на предѣлахъ нашихъ въ Тихомъ океанѣ) какъ будто даже оправдывался въ мѣрахъ, принятыхъ безъ совѣта Сперанскаго. — Наконецъ, переписка съ графомъ Нессельроде имѣла совершенно частный характеръ и мѣстами была даже близка къ фамильярности. Переписка съ прочими министрами вообще была незначительна и большею частію строго оффиціальна.

Порядокъ сношеній его съ низшими учрежденіями былъ весьма разнообразенъ. Далеко невсегда дѣлалъ онъ распоряженія черезъ губернское начальство; очень часто сносился онъ непосредственно съ городскимъ и уѣзднымъ начальствомъ, — даже съ инородческими тайшами (впрочемъ, въ его время, тайши имѣли гораздо бо́льшее значеніе, нежели въ послѣдствіи). Такого рода прямыя сношенія обыкновенно употреблялись имъ въ частныхъ распоряженіяхъ. Формы сношеній также были различны. Въ тѣхъ случа-

яхъ, когда Сперанскій не дѣлалъ распоряженій, или когда онъ хотѣлъ выразить свое желаніе не въ видѣ положительнаго распоряженія, онъ нерѣдко употреблялъ форму частныхъ писемъ, даже съ лицами, стоявшими далеко ниже его въ служебной іерархіи. Онъ, кажется, признавалъ такой образъ сношеній болѣе дѣйствительнымъ, нежели формальныя предписанія.

Общій характеръ своей административной дѣятельности опредѣлилъ самъ Сперанскій въ своихъ письмахъ къ Столыпину. Главнымъ его правиломъ было «обозрѣніе, а не управленіе». Онъ старался «болѣе узнавать, нежели дѣлать, болѣе приготовлять, нежели строить». Отъ этого правила онъ отступалъ только въ случаяхъ совершенной необходимости [1]. И несмотря на то, распорядительная дѣятельность его была весьма обширна.

Сибирь, во времена Сперанскаго, состояла изъ трехъ губерній. Порядокъ управленія ими, за исключеніемъ генералъ-губернаторской власти, представлялъ очень мало особенностей отъ общаго, существовавшаго въ губерніяхъ Европейской Россіи. По проекту Селифонтова, губернское правленіе и казенная палата въ Томскѣ и Иркутскѣ соединены были въ одно учрежденіе, подъ названіемъ губернскаго правительства, но съ двумя отдѣльными присутствіями, — исполнительной и казенной экспедиціи; обязанности палатъ уголовнаго и гражданскаго суда въ Томскѣ были ввѣрены одному учрежденію, подъ названіемъ гражданскаго и уголовнаго суда; отдаленныя части уѣздовъ управлялись особыми коммисарами. Должности дворянскихъ засѣдателей въ земскихъ судахъ замѣщались, по недостатку дворянства, не по выборамъ, а по распоряженію начальства. Генералъ-Губернаторъ, сверхъ общихъ законовъ, руководствовался особою инструкціей, данной Селифонтову въ именномъ указѣ 25 мая 1803 г. [2])

Къ особеннымъ предметамъ управленія принадлежали: продовольствіе отдаленныхъ мѣстъ, обширная система запасныхъ магазиновъ, продовольствіе войскъ, пріемъ и водвореніе поселенцевъ.

За этими немногими исключеніями, тогдашняя сложная машина русскаго губернскаго управленія дѣйствовала въ Сибирскихъ губерніяхъ во всей ея полнотѣ. Губернаторъ съ его канцеляріей, губернское правленіе, казенная и двѣ судебныя палаты, совѣстный судъ, приказъ общественнаго призрѣнія, врачебная упра-

---

[1]) Письма къ Столыпину 20 іюня, 24 Іюля и 3 декабря 1819 г. — Переписка: письмо къ Гурьеву 14 Іюня 1819.

[2]) П. С. З., I. 20771.

ва — въ губернскомъ городѣ; городская полиція, магистраты, уѣздные и земскіе суды, продовольственныя коммисіи, общія присутствія—въ уѣздныхъ. Въ Якутскѣ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Иркутскаго губернскаго начальства, находились областной начальникъ и областное правленіе, которое совмѣщало въ себѣ обязанности губернскаго правленія и судебныхъ палатъ. Камчатка и Охотскъ вверены были особымъ начальникамъ, подчиненнымъ Иркутскому губернатору. Для завѣдыванія ссыльными существовали въ Иркутскѣ и Томскѣ особыя поселенческія канцеляріи при губернаторахъ. Въ вѣдомствѣ губернаторовъ, подъ ближайшимъ начальствомъ городничихъ, состояли мѣстные казачьи полки и команды. Кяхтинскими пограничными дѣлами и расположенными по Китайской границѣ казаками завѣдывала Троицкосавская пограничная канцелярія. Сибирская линія, отъ Звѣриноголовской крѣпости до верховьевъ Иртыша, заселенная отчасти линейными казаками и регулярнымъ войскомъ, отчасти киргизами, находилась въ особенномъ управленіи командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса: собственно пограничными дѣлами онъ управлялъ чрезъ Омскую пограничную коммисію. Нерчинская и Колывановоскресенская горныя экспедиціи съ заводами, горнозаводскимъ населеніемъ и находившимися на заводахъ каторжными, непосредственно подчинялись Министру Финансовъ [1]).

Дѣлъ поступало всего больше въ Иркутской, всего меньше въ Томской губерніи; рѣшалось въ Иркутской болѣе, нежели въ двухъ другихъ. Причиною такого успѣха по Иркутской губерніи были увеличенные штаты управленія и болѣе строгій надзоръ губернскаго начальства. Въ Томской губерніи медленность въ движеніи дѣлъ происходила частію оттого, что губернія эта, по недавнему учрежденію ея, не успѣла еще приготовить свѣдущихъ канцелярскихъ чиновниковъ. Наружный порядокъ во всѣхъ губернскихъ мѣстахъ былъ довольно удовлетворителенъ [2]).

Прежде, нежели говорить объ административной дѣятельности Сперанскаго, мы укажемъ на важнѣйшія изъ тѣхъ средствъ, какія находились въ его распоряженіи, для успѣха этой дѣятельности, и на относительное достоинство ихъ.

Канцелярія Сперанскаго была почти вся составлена изъ лицъ, бывшихъ при Пестелѣ. 7 іюня 1819 г., Сперанскій раздѣлилъ ее на 4 отдѣленія, опредѣлилъ въ точности предметы каждаго отдѣленія и стола и указалъ правила дѣлопроизводства, весьма близкія

[1]) Отчетъ.
[2]) Отчетъ.

къ тѣмъ, какія впослѣдствіи постановлены были для Сибирскихъ главныхъ управленій [1]). Дѣла были распредѣлены между отдѣленіями не по мѣстностямъ, а по предметамъ. Но такой составъ канцеляріи недолго удержался. Черезъ годъ, съ отъѣздомъ одного изъ начальниковъ отдѣленій, Молчанова, канцелярія, по недостатку дѣлопроизводителей, сократилась въ три отдѣленія; а при отъѣздѣ изъ Тобольска, Сперанскій оставилъ тамъ еще одно отдѣленіе (провіантское). Такимъ образомъ, въ Петербургѣ, у Сперанскаго было только два отдѣленія канцеляріи,—Крестникова и Жуковскаго. И Крестниковъ и Жуковскій [2]), оставались при Сперанскомъ до самаго назначенія новыхъ генералъ-губернаторовъ; тогда они, съ своими отдѣленіями, поступили—Крестниковъ къ Лавинскому, а Жуковскій къ Канцевичу. Оба они, повидимому, были очень способные люди. Крестникова и до сихъ поръ помнятъ въ Иркутскѣ, болѣе, нежели кого нибудь другаго изъ канцеляріи Сперанскаго; но помнятъ не съ служебной, а съ совершенно особенной стороны, и именно какъ «лихого малаго». Нѣкоторые впрочемъ называютъ его любимцемъ Сперанскаго [3]). Къ Лавинскому онъ поступилъ въ качествѣ правителя канцеляріи. При преобразованіи Сибирскаго управленія, онъ былъ представленъ на должность предсѣдателя Иркутскаго губернскаго правленія и тогда же (5 октября 1822 г.) допущенъ къ исправленію этой должности. Въ январѣ 1823 г. онъ, «по нѣкоторымъ семейнымъ обстоятельствамъ», взялъ 4-хъ мѣсячный отпускъ, а 30 марта 1823 г. прислалъ изъ Петербурга просьбу объ отставкѣ, «по совершенно разстроенному здоровью отъ продолжительнаго пути». Тѣмъ и кончилась его Сибирская карьера [4]). Жуковскій былъ потомъ членомъ совѣта главнаго управленія Западной Сибири, а впослѣдствіи губернаторомъ въ Уфѣ, Калугѣ, С.-Петербургѣ, и наконецъ сенаторомъ.

Мы не будемъ упоминать о другихъ чиновникахъ канцеляріи Сперанскаго. Не видно, чтобы, въ пребываніе свое въ Сибири, они чѣмъ нибудь выдавались изъ ряда обыкновенныхъ канцелярскихъ чиновниковъ. Притомъ всѣ важнѣйшія бумаги писались самимъ Сперанскимъ. Правитель канцеляріи, Шкларевскій, былъ старикъ.

---

[1]) Св. 202, № 11.

[2]) Б. Корфъ говоритъ, что статистическія табели къ отчету Сперанскаго составлялъ Жуковскій. Мы видѣли много черновыхъ табелей и другихъ бумагъ руки Крестникова и не замѣтили ни одной— руки Жуковскаго, можетъ быть потому, что почеркъ послѣдняго мало намъ извѣстенъ. Всего вѣроятнѣе, что каждый начальникъ отдѣленія составлялъ статистическія вѣдомости по предметамъ своего отдѣленія.

[3]) Курбатовъ, Булатовъ, Портновъ и Обуховъ.

[4]) Св. 37., №

который гораздо охотнѣе занимался изученіемъ способовъ готовить малороссійскій борщъ, нежели дѣлами [1]).

«Въ Шкларевскомъ одинъ только порокъ,—что онъ боленъ, дряхлъ и не можетъ управлять никакою канцеляріей»—отзывался о немъ Сперанскій. Этотъ «правитель дѣлъ, за старостью и болѣзнями давно уже оными не занимавшійся», былъ уволенъ отъ службы 26 января 1822 г.

Въ письмахъ къ Голицыну, Кочубею, Гурьеву, Сперанскій не разъ жаловался на свою канцелярію. «Я не могу даже составить своей канцеляріи и долженъ довольствоваться тѣмъ, что̀ поступило ко мнѣ отъ моего предмѣстника. Какъ трудно, какъ несносно всегда остерегаться! Кому у меня писать, когда и переписать даже некому?»—Сначала Сперанскій не довѣрялъ чиновникамъ своей канцеляріи; но потомъ убѣдился, что они не участвовали въ злоупотребленіяхъ: это были молодые люди, неопытные, не дѣловые, но усердные. Сперанскій однакожъ не переставалъ жаловаться. «Управленіе безъ людей, обширное производство дѣлъ почти безъ канцеляріи, или, что̀ еще хуже, съ канцеляріею чужою, и, въ довершеніе всего, родъ дѣлъ, совершенно противный и склонностямъ моимъ и привычкамъ» [2]).

Но едвали эти жалобы Сперанскаго не были нѣсколько преувеличены. Если Сперанскій не могъ замѣнить чиновниковъ своей канцеляріи другими въ Сибири, то ничто не мѣшало бы ему сдѣлать это въ Петербургѣ,—однакожъ онъ этого не сдѣлалъ, и, вѣроятно, не безъ основанія. Нужно замѣтить, что наружный порядокъ въ дѣлахъ канцеляріи Сперанскаго былъ несравненно лучше, нежели при Пестелѣ, а нѣкоторые писцы были даже великолѣпны. Бумаги писались хорошо еще при Пестелѣ.

Но настоящими дѣятелями во время Сперанскаго, настоящими сотрудниками его были не чиновники его канцеляріи, а другія близкія къ нему лица. Въ числѣ ихъ особенно видное мѣсто занимали Цейеръ и Батеньковъ. Францъ Ивановичъ Цейеръ былъ почти воспитанникъ и двадцатилѣтній другъ Сперанскаго. Цейеръ былъ человѣкъ съ порядочнымъ образованіемъ, очень добрый и усердный и вполнѣ преданный своему другу и благодѣтелю. Сперанскій выпросилъ его къ себѣ тотчасъ по опредѣленіи Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, какъ чиновника извѣстнаго ему, на котораго

---

[1]) Тюменцовъ.
[2]) Переписка: письма къ Голицыну, Кочубею, Гурьеву.—Корфъ, II, стр. 209 и 210.

онъ могъ положиться. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ весьма обыкновенный; можно было полагаться на его вѣрность и исполнительность, но едвали могли принести большую пользу его способности. Цейеръ, какъ мы уже видѣли, былъ председателемъ всѣхъ трехъ слѣдственныхъ коммисiй. Сперанскiй былъ очень доволенъ его усердiемъ; но иногда онъ отличался и ревностью не по разуму [1]).

Гаврило Степановичъ Батеньковъ, капитанъ корпуса путей сообщенiя, былъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ Сперанскаго во многихъ его проектахъ [2]) и распоряженiяхъ. Мы знали Батенькова уже въ пятидесятыхъ годахъ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, богатырскаго сложенiя, съ крупнымъ, но умнымъ лицемъ, черными глазами и едва пробивавшейся на вискахъ сѣдиной въ черныхъ какъ смоль волосахъ. Ему было тогда уже около 60 лѣтъ; онъ утратилъ живость молодости; онъ слишкомъ многое перенесъ, и это его неизбѣжно измѣнило; но въ немъ все еще оставались слѣды прежняго Батенькова; его простая, не быстрая рѣчь была полна и практическаго смысла, и любви къ человѣчеству, и вѣры въ его развитiе.—Въ 1819 г. Батеньковъ, еще молодой человѣкъ, служилъ въ Томскѣ, въ X округѣ путей сообщенiя. Полный надеждъ, и можетъ быть, честолюбiя, онъ явился къ Сперанскому въ Тобольскъ, съ разными проектами по своему вѣдомству. Батеньковъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, и что еще важнѣе, обязанъ образованiемъ самому себѣ. Очень понятно, что онъ обратилъ на себя вниманiе Сперанскаго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ образованiе составляло величайшую рѣдкость. Вскорѣ потомъ Батеньковъ былъ командированъ въ Иркутскъ, для производства работъ по возведенiю набережной въ Иркутскѣ и разныхъ построекъ въ Кяхтѣ; но въ дѣйствительности онъ состоялъ при Сперанскомъ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ вслѣдъ за Сперанскимъ. Высочайшимъ указомъ 28 iюля 1821 г. Батеньковъ былъ назначенъ производителемъ дѣлъ въ особый комитетъ для разсмотрѣнiя отчета Сперанскаго о Сибири. Съ тѣхъ поръ, онъ былъ правителемъ дѣлъ Сибир-

---

[1]) Корфъ, I. 84, 278 — 282, II, 188, 202, 206, 209. — Письма къ Столыпину. Переписка: письмо къ Аракчееву, 5 апрѣля 1819 г.

[2]) При Сибирскомъ Учрежденiи въ 1822 году издано *осьмь* разныхъ уставовъ. Изъ числа ихъ Батеньковъ трудился, по планамъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ Сперанскаго, по составленiю общаго устава о Сибирскихъ инородцахъ, особеннаго устава о Сибирскихъ Киргизахъ, устава о городовыхъ казакахъ, устава о путяхъ сообщенiя въ Сибири, устава о ссыльныхъ и устава объ этапахъ, по коимъ ссыльные препровождаются отъ Казани до Сибири и въ Сибири.—(Корфъ, II, стр. 228).

скаго комитета и не разлучался съ Сперанскимъ до конца 1825 г., когда декабрьскія происшествія разрушили всю его будущность. Бумаги, написанныя Батеньковымъ въ первое время состоянія его при Сперанскомъ, далеко не отличаются тѣмъ сильнымъ и сжатымъ слогомъ, какимъ написаны имъ впослѣдствіи нѣкоторые изъ уставовъ, принадлежащихъ къ Сибирскому учрежденію: недаромъ Сперанскій называлъ Батенькова своимъ ученикомъ [1]).

Мы имѣемъ слишкомъ мало свѣдѣній еще объ одномъ сотрудникѣ Сперанскаго,—князѣ Шаховскомъ. Офицеръ Охотскаго флотскаго экипажа, довольно долго управлявшій Охотскимъ портомъ, оказавшій важную услугу правительству приведеніемъ въ извѣстность тогдашняго положенія Гижигинскаго края,—Шаховской въ 1819 г. вышелъ въ отставку и въ началѣ 1820 г. пріѣхалъ въ Иркутскъ. Здѣсь онъ примкнулъ къ канцеляріи Сперанскаго. Мы видѣли много бумагъ его руки, особенно по дѣламъ приморскихъ мѣстностей и экспедиціи къ Ледовитому морю. Впослѣдствіи онъ, въ чинѣ коллежскаго ассесора, состоялъ при Сибирскомъ комитетѣ. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

Составъ высшаго губернскаго управленія при Сперанскомъ вездѣ, кромѣ Иркутска, оставался прежній.

Послѣ удаленія Трескина, должность Иркутскаго губернатора исправлялъ вице-губернаторъ, Иванъ Семеновичъ Зеркалеевъ, «изъ малороссійскихъ дворянъ», какъ сказано въ его формулярѣ.

Зеркалеевъ когда-то служилъ въ военной службѣ; въ Сибирь онъ пріѣхалъ еще при Пилѣ, остался тамъ навсегда, и постепенно дошелъ до высшихъ должностей мѣстнаго управленія. Это былъ старикъ добрый, но безъ большихъ способностей и даже малограмотный. Въ бумагахъ онъ терпѣть не могъ «кавыкъ»,—знаковъ препинанія, и говорилъ, что изрѣдка они красивы, а часто никуда не годятся. Взглядъ его на управленіе отзывался Трескинской закваской и воспоминаніями прежней военной службы; но, по личной добротѣ и слабости характера, онъ не могъ быть вреденъ. Его малороссійскій выговоръ дѣлалъ его особенно смѣшнымъ въ глазахъ Сибиряковъ, которые обыкновенно щеголяютъ правильностью (впрочемъ весьма сомнительною) своей рѣчи. Объ немъ, особенно впослѣдствіи, ходило множество забавныхъ анекдотовъ. Зеркалеевъ впрочемъ обладалъ ничѣмъ незамѣнимыми достоинствами—опытностью и знаніемъ края, которыя онъ пріобрѣлъ въ тридцати-

---

[1]) Корфъ, II, 207.—При составленіи проектовъ Сибирскихъ узаконеній, сотрудниками Батенькова были еще, по словамъ Б. Корфа, князь А. Е. Шаховской, и нѣсколько купцовъ и мѣщанъ, бывавшихъ въ Киргизской степи.

лѣтнее пребываніе свое въ Сибири. Подъ старость, онъ впалъ въ дѣтство, но во времена Сперанскаго былъ еще человѣкомъ въ порѣ, хотя и весьма уже пожилымъ [1]). Сперанскій и тогда уже ставилъ его весьма не высоко и признавалъ нужнымъ замѣнить его другимъ; тѣмъ не менѣе, онъ оставался на мѣстѣ до глубокой старости [2]).

Только осенью 1821 г., въ Иркутскъ былъ опредѣленъ новый губернаторъ, тамошній комендантъ, генералъ-маіоръ Иванъ Богдановичъ Цейдлеръ, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Цейдлеръ былъ человѣкъ добрый и, какъ можно судить по нѣкоторымъ его распоряженіямъ, весьма заботливый; но не отличался особенными способностями. По понятіямъ объ управленіи, онъ, какъ и всѣ его современники, скорѣе приближался къ Трескину, нежели къ Сперанскому; только мягкость характера не допускала его до тѣхъ мѣръ, какими прославился Трескинъ. Цейдлеръ славился добродушіемъ и хлѣбосольствомъ; къ числу хорошихъ сторонъ его управленія должно отнести и то, что онъ всѣми мѣрами старался поощрять въ молодыхъ людяхъ охоту къ ученью и оказывалъ особенное покровительство молодымъ людямъ, кончившимъ курсъ въ гимназіи. Учебное вѣдомство при Цейдлерѣ поступило въ вѣдѣніе губернатора. Опредѣленіемъ Цейдлера въ губернаторы Иркутяне были очень довольны, и преосвященный Михаилъ, отъ имени всего города, благодарилъ Сперанскаго за это назначеніе [3]).

Демьянъ Васильевичъ Илличевскій, по отъѣздѣ Сперанскаго, оставался, до указа 26 января 1822 г., по прежнему губернаторомъ въ Томскѣ. Илличевскій былъ человѣкъ образованный, но о способностяхъ его Сперанскій отзывался довольно презрительно [4]). Дѣятельность его была, во время Сперанскаго, парализирована присутствіемъ генералъ губернатора; притомъ и прежнія дѣла бросали на Илличевскаго невыгодную тѣнь; поэтому, по крайней мѣрѣ во время пребыванія Сперанскаго въ Сибири, Илличевскій держалъ себя весьма осторожно; но, по выѣздѣ Сперанскаго, онъ позволялъ себѣ нѣкоторыя произвольныя и несогласныя съ взглядомъ генералъ-губернатора распоряженія. Бумаги его, во время Сперанскаго, выказываютъ какую-то пугливость, какое-то стараніе оправдаться даже тамъ, гдѣ его вовсе не обвиняли.

---

[1]) Разсказы Виноградскаго и Шелковникова.

[2]) Переписка: письмо къ Кочубею.

[3]) См. прилож.

[4]) Онъ писалъ Столыпину, что злоупотребленія въ Томской губерніи худо прикрыты «по глупости Илличевскаго».

Наконецъ, Тобольскимъ губернаторомъ оставался Францъ Ивановичъ Фанъ-Бринъ, 70-ти лѣтній старикъ, мужъ сестры Пестеля. По словамъ Сперанскаго, «это былъ человѣкъ старый, слабый, но добродушный и благовоспитанный; врагъ Пестеля, хотя и зять ему и имъ былъ опредѣленъ, но врагъ непримѣримый по домашнимъ сплетнямъ и по образу мыслей» [1]. Фанъ-Бринъ, повидимому, не приносилъ своимъ управленіемъ ни вреда, ни пользы. Сперанскій оставлялъ его спокойно на мѣстѣ. Только въ концѣ 1821 года Фанъ-Бринъ былъ назначенъ сенаторомъ и мѣсто его заступилъ сибирскій почтъ-директоръ, Александръ Степановичъ Осиповъ, одинъ изъ лучшихъ людей своего времени въ Сибири [2].

Начальникомъ Якутской области былъ Михаилъ Ивановичъ Миницкій, старый морякъ, бывшій начальникъ Охотскаго порта. Миницкій вообще былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ былъ человѣкъ умный и весьма распорядительный и, по мнѣнію Сперанскаго, могъ бы быть исправнымъ губернаторомъ. Безкорыстіе его было, можетъ быть, небезупречно; но въ тѣ времена, и долго еще послѣ, на этотъ недостатокъ смотрѣли сквозь пальцы, если только онъ не выходилъ изъ извѣстныхъ границъ. Миницкій настойчиво просилъ увольненія изъ Якутска, особенно съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ несчастіе лишиться тамъ дѣтей. Сперанскій старался задержать его увольненіе, особенно потому, что не имѣлъ въ виду кѣмъ его замѣстить. «Якутская область, писалъ онъ по этому поводу Кочубею, есть настоящая губернія не только по пространству, но и по значительной торговлѣ. Число жителей до 80 тысячъ, что по Сибирскому счету составляетъ уже важное населеніе; для нея нуженъ человѣкъ твердый; желательно бы моряка, такъ какъ онъ долженъ быть въ сношеніяхъ съ Охотскимъ краемъ и помогать ему». Сперанскій рекомендовалъ Ушинскаго, какъ тоже дѣльнаго человѣка, хотя и «далеко ему до Миницкаго» [3]. Но вмѣсто Миницкаго былъ опредѣленъ, въ концѣ 1821 г., статскій совѣтникъ Рудаковъ, также морякъ, который пріѣхалъ на мѣсто своего назначенія и вступилъ въ должность уже 27 марта 1822 г., когда управленіе Сперанскаго Сибирью оканчивалось.

---

[1] Р. А. 1869, № 11, 1978, письмо къ Столыпину 23 октября 1819 г.

[2] Въ 1820 г. почтовый департаментъ хотѣлъ перевести Осипова изъ почтъ-директоровъ на какую-то другую должность; но Сперанскій просилъ повременить перемѣщеніемъ, пока не будетъ рѣшена участь Фанъ-Брина. Онъ писалъ, что мало знаетъ Осипова лично, но много слышалъ объ немъ хорошаго, и что лучшаго губернатора въ Тобольскъ найти трудно, въ чемъ убѣдилъ его годичный опытъ приглашеній (Переписка: письмо къ Голицыну 28 іюля 1820 г.).

[3] Переписка: письма къ Аракчееву и Кочубею 28-го мая 1820 г.

Начальникомъ Камчатки съ 1817 г. былъ капитанъ 1-го ранга Петръ Ивановичъ Рикордъ, извѣстный мореплаватель, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ русскаго флота, одинъ изъ благороднѣйшихъ характеровъ на страницахъ русской исторіи. Сперанскій оказывалъ ему особенное уваженіе [1]). Неистощимая доброта Рикорда, его постоянная заботливость о обезпеченіи нуждъ мѣстныхъ жителей и особенно продовольствія ихъ, наконецъ его стараніе развить производительныя силы страны, заслуживали полнаго вниманія, и безъ сомнѣнія, принесли въ свое время много пользы Камчаткѣ. Вмѣсто его начальникомъ Камчатки опредѣленъ былъ, уже въ концѣ 1822 г., капитанъ 1-го ранга Станицкій.

Наконецъ, начальникомъ Охотскаго порта былъ капитанъ 2-го ранга Владиміръ Григорьевичъ Ушинскій, человѣкъ способный и дѣятельный, но иногда заносчивый въ офиціальныхъ своихъ сношеніяхъ, и, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, человѣкъ деспотическаго и даже жестокаго характера. Рикордъ (бывшій впрочемъ не въ ладахъ съ Ушинскимъ) такъ отзывался объ немъ въ началѣ 1823 г. Лавинскому: «Ушинскій во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ руководствуется одною только властью начальника, не подчиняясь ни чести, ни совѣсти; и потому рѣшительно осмѣливаюсь объявить свое мнѣніе, что дальнѣйшее его управленіе Охотскимъ портомъ противно человѣческимъ и божескимъ законамъ». [2]) На него упадало даже обвиненіе въ томъ, что онъ, по личному неудовольствію, отравилъ коммиссіонера Добеля, американца Кларка. Обвиненіе это осталось недоказаннымъ; но уже одна возможность его въ отношеніи къ мѣстному начальнику края сильно говоритъ не въ пользу характера Ушинскаго. По поводу этого обвиненія, онъ былъ смѣненъ въ концѣ 1823 г. [3]).

Составъ должностныхъ лицъ, во время Сперанскаго, былъ очень разнообразенъ. Въ Иркутской губерніи огромное большинство низшихъ и часть высшихъ чиновниковъ состояла изъ мѣстныхъ уроженцевъ; пріѣзжихъ было немного; они почти исключительно сосредоточивались въ Иркутскѣ, на губернскихъ мѣстахъ. Много чиновниковъ было изъ военныхъ; почти всѣ городничіе, — военные офицеры (вѣдомства комитета о раненыхъ). Высшее образованіе, кромѣ врачей и нѣкоторыхъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства, получилъ только словесный судья Словцовъ, онъ же и директоръ гимназіи. Но въ Казанскомъ университетѣ уже воспитывалось нѣсколь-

[1]) См. письмо.

[2]) Св. 126 № 22, Рапортъ 9 мая 1823.

[3]) См. 126 № 22.

ко молодыхъ Сибиряковъ, которымъ впослѣдствіи суждено было внести свѣтъ науки и новыя понятія въ Сибирскую администрацію. Нѣсколько молодыхъ людей изъ мѣстныхъ уроженцевъ кончили курсъ въ гимназіи. Одинъ изъ нихъ, Николай Егоровичъ Тюменцевъ, отличенный еще Трескинымъ, пріобрѣлъ впослѣдствіи громкую извѣстность въ Восточной Сибири своими служебными дарованіями и занималъ важную должность въ мѣстномъ управленіи [1]. Другой, Петръ Тимофеевичъ Калашниковъ, впослѣдствіи съ честію служилъ въ Петербургѣ и написалъ нѣсколько романовъ изъ Сибирской жизни, имѣвшихъ въ свое время успѣхъ [2]. Нѣсколько молодыхъ людей, только что начинавшихъ свое служебное поприще, достигли впослѣдствіи значительныхъ должностей въ мѣстной администраціи. Изъ числа ихъ мы должны съ особеннымъ уваженіемъ указать на братьевъ Булатовыхъ [3]. Было нѣсколько семинаристовъ, какъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, такъ и изъ пріѣзжихъ (Трескинъ былъ тоже семинаристъ). Но большая часть губернскихъ и почти всѣ мелкіе уѣздные чиновники не получили никакого училищнаго образованія. Дѣти приказныхъ поступали на службу почти въ малолѣтствѣ, едва научившись грамотѣ; канцелярская дѣятельность не могла способствовать ихъ развитію [4]. Большинство ихъ не выказало и такихъ дарованій, которыя могли бы выдвинуть ихъ изъ общаго уровня въ эту, вообще бѣдную способными людьми, эпоху. Вообще, по степени умственнаго развитія своего чиновничества, Иркутская губернія стояла не выше, но вѣроятно и не ниже другихъ частей Имперіи. Сколько можно судить по аналогіи, Томская губернія, учрежденная гораздо позже, должна была въ этомъ отношеніи стоять ниже Иркутской.

Нравственный уровень чиновничества вообще былъ весьма не высокъ. Высшее чиновничество (а отчасти и купечество) обыкновенно раздѣлялось на партіи. Такъ въ Томскѣ было ихъ три: губернаторская, вице-губернатора Горлова, и купеческая; послѣдняя, впрочемъ ничтожная и по капиталамъ, и по значенію составлявшихъ ее лицъ [5]. Дрязги между чиновниками, какъ до Сперанскаго, такъ и въ его время, были очень обыкновенны. Мы находимъ въ дѣлахъ извѣстія о ссорахъ членовъ Киренскаго земскаго суда съ исправникомъ Крыжановскимъ, членовъ Нижнеудинскаго уѣзднаго

[1]) Онъ былъ членомъ мѣстнаго совѣта главнаго управленія.

[2]) «Дочь купца Жолобова», «Камчадалка», «Изгнанники»; особеннымъ успѣхомъ пользовался первый.

[3]) Николай и Флорентій Петровичи, Константинъ Степановичъ.

[4]) Св. 455, № 2. Письмо Цейдлера.

[5]) Дневникъ.

суда съ судьей Шелковниковымъ и совѣтника казенной экспедиціи Тукалевскаго съ его товарищами.

Тукалевскій, во время споровъ своихъ съ прочими членами казенной экспедиціи, такъ описывалъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей: «совѣтникъ Дорофеевъ, извѣстный здѣсь несноснымъ своимъ характеромъ, ни о чемъ не можетъ разсуждать въ присутствіи безъ того, чтобы не придти въ изступленіе, въ которомъ обыкновенныя выраженія его суть ругательства». Другой сочленъ Тукалевскаго, ассесоръ Сѣнотрусовъ, выведенный въ эту должность Зеркалеевымъ, «не заслуживаетъ сего мѣста, какъ по малому знанію своему, такъ и по склонности на непозволенныя связи» [1]).

Примѣръ взяточничества подавали высшіе чиновники; но у среднихъ и низшихъ были свои, весьма рѣзкіе, пороки. Таковы были пьянство и развратъ, сопряженные съ буйнымъ разгуломъ. Этихъ пороковъ, къ сожалѣнію, были не чужды и нѣкоторые изъ способнѣйшихъ людей того времени: Коссовичъ, Крыжановскій, Геденштромъ, Литвинцевъ.

Въ этомъ кругу невѣжественныхъ и нечистыхъ чиновниковъ являются двѣ свѣтлыя личности.

Мы уже упоминали о Петрѣ Андреевичѣ Словцовѣ. Это былъ Сибирякъ, товарищъ Сперанскаго по Александроневской семинаріи. Онъ служилъ профессоромъ въ Тобольской семинаріи и, за какую-то смѣлую проповѣдь, отправленъ на жительство въ Иркутскъ. Здѣсь онъ занималъ одновременно двѣ должности—директора гимназіи и совѣстнаго судьи. Трескинъ не любилъ его, не только какъ ученаго, но и какъ человѣка съ прямымъ и гордымъ характеромъ. Словцовъ держался независимо, въ сторонѣ отъ Трескинскихъ дрязгъ, занимался науками, жилъ очень бѣдно и считалъ себя богачемъ. Впослѣдствіи, вѣроятно по ходатайству Сперанскаго, онъ былъ назначенъ визитаторомъ Сибирскихъ учебныхъ заведеній, переѣхалъ на житье въ Тобольскъ, написалъ извѣстное «Историческое обозрѣніе Сибири» и «Прогулки вокругъ Тобольска», и умеръ въ глубокой старости, уважаемый всѣми, кто только зналъ его [2]).

Другою замѣчательною личностью въ этомъ родѣ былъ губернскій землемѣръ Антонъ Ивановичъ Лосевъ. Воспитанникъ Навигацкой школы, онъ въ это время былъ уже очень немолодъ; но

---

[1]) Св. 228, № 4.

[2]) Щукинъ. Разсказы современниковъ. Письма Сперанскаго къ Столыпину и къ дочери.—У барона Корфа иная причина удаленія Словцова на жительство въ Иркутскъ (Жизнь гр. Сперанскаго, т. 2, стран. 68).

младшие и, может быть, более образованные из его современников отдавали полную справедливость его познаніям, уму и трудолюбію. Лосевъ составилъ статистическое описаніе Иркутской губерніи, которое въ свое время высоко ставилось людьми, понимавшими дѣло [1]). Карты и планы, которые были составлены въ его время и подъ его руководствомъ, до сихъ поръ пользуются большимъ уваженіемъ въ межевой практикѣ [2]). По личному своему характеру, сколько можно судить по преданію и письменнымъ отзывамъ [3]), Лосевъ настолько же возвышался передъ своими современниками, насколько былъ выше ихъ по уму и познаніямъ.

Въ чиновникахъ былъ вообще замѣтный недостатокъ. Сперанскій, еще въ Пензѣ, жаловался Столыпину на недостатокъ въ людяхъ въ губернской администраціи; въ Сибири ему пришлось испытать этотъ недостатокъ во всей силѣ. По словамъ его, здѣсь былъ «положительный и совершенный недостатокъ даже и посредственныхъ, даже и людей неспособныхъ» [4]). Нѣсколько должностей, иногда совершенно разнородныхъ, поручалось одному и тому же чиновнику. Смотритель Нижнеудинской больницы, Шелковниковъ, былъ въ то же время и уѣзднымъ судьей; директоръ училищъ Словцовъ — въ то же время и совѣстнымъ судьей; губернскій стряпчій Лангансъ управлялъ и провіантскимъ коммисіонерствомъ. Охотскому форстмейстеру Крузе поручено было, за смертью Гижигинскаго коммисара, исправлять его должность; эту должность онъ исправлялъ нѣсколько лѣтъ, несмотря на частыя и настойчивыя просьбы объ увольненіи отъ нея. Несмотря на строгость ревизіи въ Иркутской губерніи, Сперанскій и здѣсь, по недостатку въ людяхъ, удалилъ очень немногихъ, наиболѣе обвинявшихся чиновниковъ. Въ отдаленныхъ мѣстахъ онъ принужденъ былъ смотрѣть снисходительно даже на явно виновныхъ въ злоупотребленіяхъ. Въ 1820 г. Сперанскій распорядился предать суду, по законамъ, смотрителя Охотскаго солеваренного завода, Козлова, и обезпечить открывшіяся на немъ взысканія, съ тѣмъ, что, по недостатку чиновниковъ, онъ долженъ остаться до времени на своемъ мѣстѣ. «Отъ усмотрѣнія вашего зависѣть будетъ, приписалъ Сперанскій въ PS. Уписскому, окончить дѣло сіе безъ суда, если смотритель принесетъ раскаяніе и дастъ вамъ обѣщаніе

[1]) Щукинъ.—По его же словамъ, извѣстное «Повѣствованіе о Сибири» Семивскаго (С.П.Б. 1817 г.) принадлежатъ также не Семивскому, а Лосеву. (Памятная книжка Ирк. губ. на 1865 г., стр. 56).

[2]) Показаніе начальника межеванія г. Усольцова.

[3]) Щукинъ.

[4]) Р. А. 1869 г., № 11.—Письмо къ Столыпину 19 ноября 1819 г.

вести себя лучше. Чиновниковъ здѣсь на перемѣну его сыскать почти невозможно» [1]). Въ 1820 г. винокуръ Николаевскаго завода Прейсманъ жаловался на притѣсненія, которыя дѣлалъ ему правитель завода, Попрядухинъ. По представленію Иркутской казенной экспедиціи, Сперанскій отрѣшилъ Попрядухина отъ должности. Впослѣдствіи часть жалобъ не подтвердилась; въ остальныхъ Сперанскій вмѣнилъ ему въ наказаніе отрѣшеніе отъ должности, не предавая его суду. Вслѣдъ затѣмъ, въ августѣ того же года, экспедиція, съ согласія Сперанскаго, опредѣлила Попрядухина правителемъ же Илгинскаго винокуреннаго завода, «по совершенному неимѣнію способныхъ чиновниковъ» [2]).

Самымъ разительнымъ примѣромъ недостатка въ чиновникахъ служитъ дѣло объ опредѣленіи исправника въ Туруханскъ. Оно любопытно и по тѣмъ замѣшательствамъ, какія иногда происходили въ дѣлахъ отъ дальности разстояній. Мы уже говорили, что Сперанскій, назначивъ ревизію въ Туруханскъ, удалилъ отъ должности тамошняго исправника, Стырова. Вмѣсто него былъ опредѣленъ Корсаковъ, братъ гонимаго Пестелемъ совѣтника. Корсаковъ велъ себя на новомъ мѣстѣ чрезвычайно неприлично: дрался съ крестьянами, инородцами и вахтерами, не исполнялъ требованій Осипова, хвастался тѣмъ, что братъ его служитъ правителемъ канцеляріи у Сперанскаго, притѣснялъ Стырова въ сдачѣ дѣлъ, а самъ не занимался дѣлами. Особенно несносенъ сдѣлался онъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Туруханскъ пріѣхалъ тесть его, бывшій тамошній городничій Тренинъ. «Ни малѣйшей нѣтъ надежды, писалъ Осиповъ, чтобы по строптивости своей г. исправникъ могъ пріобрѣсти у здѣшнихъ народовъ, кольми паче азіятцевъ, любовь, которую въ здѣшнемъ отдаленномъ краю для всего почитаю необходимою. Отъ обращенія его нынѣ уже бѣгаютъ».—«Я уже не понимаю, на что онъ походитъ», писалъ наконецъ Осиповъ. Въ то же время онъ рекомендовалъ съ отличной стороны Стырова, о которомъ, по словамъ его, всѣ жалѣли, и который виноватъ былъ только въ недостаткѣ распорядительности. «Не зная качествъ ни того, ни другаго, я по необходимости полагаюсь на одобреніе г. Осипова»— писалъ Сперанскій къ Илличевскому отъ 27 сентября 1820 г., и поручилъ ему, удаливъ Корсакова отъ должности, допустить къ исправленію оя Стырова, «впредь до окончательнаго дѣла о немъ разсмотрѣнія.» Между тѣмъ Корсаковъ подалъ просьбу

---

[1]) Св. 130, № 29, предписаніе 20 іюля 1820 г.
[2]) Св. 153, № 11.

объ увольненіи отъ службы. Поэтому Сперанскій распорядился, чтобы онъ былъ уволенъ надлежащимъ порядкомъ по просьбѣ. Тогда же Стыровъ, не зная еще о дозволеніи ему вступить въ должность, просилъ изъ Енисейска позволенія у Сперанскаго явиться къ нему въ Тобольскъ для личныхъ объясненій. Сперанскій разрѣшилъ ему это 18 октября, и тогда же написалъ Илличевскому, чтобы тотъ остановился исполненіемъ предписанія объ увольненіи Корсакова, такъ какъ Сперанскій не имѣлъ въ виду благонадежнаго чиновника, который бы могъ принять у Корсакова должность исправника. Затѣмъ Сперанскій получилъ извѣстіе, что Стыровъ уже отправился въ Туруханскъ. Сперанскій счелъ нужнымъ дать Илличевскому 8 ноября новое предписаніе, чтобы Стырова не возвращать, а Корсакова уволить. Илличевскій отвѣчалъ на это предписаніе чрезвычайно странною бумагой—чѣмъ то въ родѣ оправданія тамъ, гдѣ его никто не обвинялъ [1]). Тогда же Томское губернское правительство распорядилось уволить Корсакова отъ должности. Но Стыровъ заболѣлъ и не выѣзжалъ изъ Енисейска. Корсаковъ снова просилъ объ увольненіи его отъ должности, и Илличевскій, уже въ апрѣлѣ 1821 г., имѣя въ виду важныя распоряженія по продовольствію отдаленныхъ частей уѣзда, просилъ Корсакова побыть еще нѣсколько времени на мѣстѣ и исполнить эти распоряженія. Такимъ образомъ, человѣкъ, о которомъ говорили, что онъ «не знаю на что походитъ», оставался на мѣстѣ почти годъ послѣ этого отзыва, единственно потому, что его некѣмъ было замѣнить [2]).

Служба въ Сибири, повидимому, не представлялась особенно привлекательною; изъ внутреннихъ губерній просились, какъ выразился Сперанскій, «все титулярные совѣтники». Нѣкоторыхъ, желавшихъ служить лично съ Сперанскимъ, онъ отклонялъ отъ этого намѣренія, потому что не прочилъ себя на службу въ Сибири; другіе, изъявивъ сначала желаніе служить въ Сибири, и даже получивъ довольно значительныя мѣста, оставались на лучшихъ мѣстахъ въ Петербургѣ [3]).

---

[1]) Онъ писалъ (18 ноября 1820 г.), что возвращать Стырова съ пути онъ не имѣлъ мысли, что сначала сдѣлалъ распоряженіе о допущеніи Стырова къ должности, потомъ послалъ въ Енисейскъ подорожную до Тобольска, наконецъ далъ ему знать, что Стыровъ можетъ, если желаетъ, слѣдовать прямо въ Туруханскъ, и послалъ ему подорожную. А куда захочетъ ѣхать Стыровъ—это его дѣло. «Я же, писалъ Илличевскій, ничего другаго не предполагалъ ни малѣйше, и возвращать съ пути ни въ какое время не могу принять на себя смѣлости».

[2]) Св. 61, № 81.

[3]) Корфъ.

Уже послѣ Сперанскаго, съ изданіемъ Сибирскаго учрежденія и съ предоставленіемъ пріѣзжающимъ въ Сибирь чиновникамъ новыхъ преимуществъ, начался наплывъ въ нее чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній.

Общій недостатокъ въ чиновникахъ былъ особенно ощутителенъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, а потому здѣсь особенно старался Сперанскій устранить, по возможности, этотъ недостатокъ. Лучшимъ средствомъ къ тому, разумѣется, служило возможно большее сокращеніе числа должностныхъ лицъ. Но ближайшіе мѣстные начальники невсегда были того мнѣнія. Такъ Рикордъ ходатайствовалъ о назначеніи въ Камчатку особаго чиновника для завѣдыванія провіантскими магазинами. Сперанскій, 10 іюня 1821 г., отказалъ ему въ этомъ ходатайствѣ, потому что такой чиновникъ не положенъ по штату: «По крайней мѣрѣ, прибавлялъ онъ въ P.S., дѣло сіе нужно отложить до того времени, какъ представится удобнымъ вообще пересмотрѣть и дополнить Камчатскіе штаты». Впослѣдствіи онъ получилъ о томъ же отношеніе отъ Лавинскаго, которое отослалъ къ морскому министру безъ всякаго заключенія съ своей стороны [1]). Уншскій представлялъ отставнаго штурманскаго помощника Дубинина на двѣ должности: лоцмана при портѣ и землемѣра. Маркизъ де-Траверсе спрашивалъ Сперанскаго, можно ли допустить Дубинина къ совмѣстному исполненію этихъ должностей. «Хотя, отвѣчалъ Сперанскій отъ 15 апрѣля 1821 г., должности лоцмана и землемѣра между собою совершенно различны, но по уваженію тому, что занятія по послѣдней въ Охотскомъ уѣздѣ весьма малозначительны, я полагаю, что въ исправленіи оныхъ однимъ чиновникомъ не можетъ быть никакого затрудненія, тѣмъ болѣе, что сіи должности въ Охотскомъ портѣ соединяются въ вѣдѣніи одного тамошняго начальника» [2]).

Особенно замѣтенъ былъ недостатокъ въ медикахъ. Штатнаго числа ихъ нигдѣ не было. Но и самые штаты были недостаточны, по обширности уѣздовъ,—«не говоря о знаніи и способностяхъ, въ Сибири весьма рѣдкихъ».—«Молодой медикъ, въ сіе званіе опредѣленный—писалъ Сперанскій—долженъ почти по необходимости забыть все свое искусство: ибо всѣ его упражненія состоятъ въ непрерывныхъ разъѣздахъ не для практики, но единственно для свидѣтельства смертныхъ случаевъ». Медицинская часть была одна

---

[1]) Св. 73, № 10.

[2]) Св. 73, № 8. Отнош. мор. мин. 29 іюня 1821 г. Предположеніе это Высочайше утверждено.

изъ слабѣйшихъ въ Сибири и требовала кореннаго преобразованія [1]).

Еще Пестель представлялъ объ уничтоженіи должности Охотскаго форстмейстера, какъ совершенно безполезной. Безполезность ея нагляднымъ образомъ доказывалась тѣмъ, что лицо, опредѣленное въ эту должность (Крузе), не только не выполняло ея, но нѣсколько лѣтъ находилось въ отдаленіи отъ Охотска. Министръ Финансовъ, «принимая въ уваженіе» представленіе Пестеля, спрашивалъ объ немъ мнѣнія Сперанскаго. Вотъ отвѣтъ послѣдняго:

«Предположеніе Вашего Сіятельства объ упраздненіи должности форстмейстера въ Охотскѣ основано на причинахъ, совершенно сообразныхъ съ мѣстнымъ положеніемъ: ибо *во первыхъ*, по малому населенію сего обширнаго края, истреблять непроходимыхъ тамошнихъ лѣсовъ некому. *Во вторыхъ*, образъ жизни малаго числа бѣдныхъ кочующихъ, или лучше сказать бродящихъ съ мѣста на мѣсто тунгусовъ, коряковъ и ламутъ, не представляетъ ни опасности, ни вѣроятности истребленія. *Въ третьихъ*, если бы и могла быть опасность истребленій, то одинъ форстмейстеръ съ ученикомъ на сихъ необъятныхъ и дикихъ пространствахъ ни усмотрѣть, ни отвратить ее не можетъ; опредѣлить же достаточное число лѣсныхъ смотрителей въ сихъ необитаемыхъ мѣстахъ нѣтъ никакой возможности. *Въ четвертыхъ*, самый форстмейстеръ, титулярный совѣтникъ Крузе, съ одной стороны по совершенному недостатку чиновниковъ, а съ другой и потому, что въ Охотскѣ оставался онъ безъ дѣла, былъ командированъ съ 1815 года къ управленію Гижиги вмѣсто коммисара тамъ положеннаго, и по сіе время, по тому же самому недостатку, тамъ находится, и перемѣнить его совершенно не кѣмъ. Съ упраздненіемъ мѣста сего сбережено будетъ до 1.000 р. ежегодно; Крузе останется въ Гижигѣ съ жалованьемъ по штату по 1.200 р. въ годъ, вмѣсто 750 р., нынѣ имъ по званію форстмейстера получаемыхъ; а форстмейстерскаго ученика можно предоставить начальнику Охотскаго порта опредѣлить къ мѣсту, въ чемъ и не будетъ затрудненія, если онъ къ чему нибудь способенъ и самъ остаться тамъ пожелаетъ» [2]).

Малочисленность служилаго сословія, въ Сибири, имѣла свои хорошія стороны. Она давала болѣе даровитымъ людямъ возможность выходить изъ низшихъ сословій, къ которымъ, въ противномъ случаѣ, они были бы на вѣки прикрѣплены. Такъ, по хода-

[1]) Отчетъ.

[2]) Св. 2, № 13. Отнош. 29 сентября 1820 г.—Должность форстмейстера упразднена по журналамъ комитета министровъ 21 декабря 1820 г. и 5 марта 1821 г.

тайству Сперанскаго, находившемуся въ Гижигѣ унтеръ-офицерскому сыну, Фарафонту Тюшеву, разрѣшено было поступить «въ приказные» [1]). Позже, въ разное время, подобныя исключенія дѣлались то для казачьихъ дѣтей, то для кантонистовъ, и наконецъ право вступленія въ гражданскую службу предоставлено лицамъ всѣхъ податныхъ состояній, кончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Правда, права, получаемыя ими съ этимъ переходомъ, были вообще весьма ограничены; личное положеніе ихъ нерѣдко было не лучше того, въ какомъ они находились бы въ прежнемъ состояніи; но уже одна гражданская свобода имѣла огромное значеніе и давала возможность этимъ лицамъ надѣяться на лучшую участь, если не для себя, то для своего потомства. Эта же измѣняемость чиновничьяго состава и тѣсная связь его съ другими слоями населенія была причиною, что изъ него до сихъ поръ не образовалось, и вѣроятно никогда не образуется, замкнутое, неподвижное, потомственное приказное сословіе.

———— ————

Въ первое время дѣятельности Сперанскаго происходило много передвиженій въ служебномъ составѣ Иркутской губерніи. Этому были двѣ причины: значительное число незамѣщенныхъ вакансій и необходимость удалить нѣкоторыхъ лицъ, наиболѣе обвиняемыхъ въ злоупотребленіяхъ. Къ 22 сентября 1819 г. считалось 14 вакансій.

Мы уже говорили, что Лоскутовъ былъ отрѣшенъ отъ должности еще во время пребыванія Сперанскаго въ Нижнеудинскѣ. Временное исправленіе его должности было поручено засѣдателю Выдрину. 14 января 1820 г. Выдринъ былъ утвержденъ въ должности. Вслѣдъ затѣмъ, 13 февраля 1820 г., отрѣшенъ отъ должности бывшій помощникъ смотрителя поселеній, засѣдатель земскаго суда Затопляевъ; вмѣсто него велѣно опредѣлить надежнаго чиновника, по выбору исправника. «Причемъ, сказано въ предписаніи, нужно сей судъ снабдить способнымъ секретаремъ». 24 марта 1820 г. опредѣленъ былъ уѣзднымъ судьей смотритель больницы Шелковниковъ, съ оставленіемъ и въ прежней должности. 31 октября 1819 г., Сперанскій послалъ Геденштрому слѣдующую бумагу: «Предписываю вамъ, по полученіи сего, отправиться немедленно въ губернскій городъ Иркутскъ и явиться ко мнѣ». Геденштромъ оставался въ Иркутскѣ во все время пребыванія тамъ Сперанскаго. 2-го декабря 1819 г., засѣдателю Красильникову предписано вступить въ исправленіе должности Верхнеудинскаго исправника; а 20 февраля 1820 г., по обозрѣніи Верхнеудинскаго

[1]) Св. 180, № 12; пол. ком. мин. 1822 г.

уѣзда, Сперанскій удалилъ отъ должностей Геденштрома и засѣдателей, Рѣшетникова и Сахарова, и наложилъ запрещеніе на ихъ имущества, для обезпеченія вступившихъ на нихъ взысканій. 5 ноября 1819 г. былъ опредѣленъ въ Верхнеудинскъ уѣзднымъ судьей старикъ Шелковниковъ [1]), котораго прежде опредѣлялъ въ эту должность Трескинъ, но Пестель почему-то не утвердилъ этого опредѣленія. 16 ноября 1819 г. Сперанскій удалилъ отъ должности Волошинова и коммисаровъ: Верхоленскаго—Романова, и Тупкинскаго — Яковлева, и велѣлъ наложить запрещеніе на ихъ имущества.

Одинъ изъ любимцевъ Трескина, стряпчій казенныхъ дѣлъ, Лапгансь, о которомъ мы уже говорили, былъ удаленъ отъ должности стряпчаго 17 декабря 1819 г.

Въ началѣ 1820 г. ассесоръ гражданской палаты, Крыжановскій, былъ опредѣленъ Киренскимъ исправникомъ. Вмѣсто него назначенъ ассесоромъ коллежскій ассесоръ Коссовичъ, котораго рекомендовалъ Сперанскому министръ юстиціи, князь Лобановъ-Ростовскій. Но Крыжановскій недолго наисправничалъ въ Киренскѣ. Вслѣдствіе ревизіи Щукина, и Крыжановскій, и засѣдатели Татариновъ и Корсаковъ, которые съ нимъ ссорились,—были 5 мая 1820 г. уволены отъ должности, «по оказавшимся безпорядкамъ и вошедшимъ жалобамъ,» а секретаря земскаго суда Рупышева велѣно перемѣстить писцомъ въ уголовную палату, безъ сомнѣнія по ходатайству Щукина. Смѣна Крыжановскаго была рѣшена еще 10 апрѣля; въ этотъ день былъ опредѣленъ Киренскимъ исправникомъ сынъ губернскаго землемѣра, Лосевъ, который только что предъ тѣмъ (9 января) былъ назначенъ Троицкосавскимъ городничимъ. Коссовичъ, въ февралѣ 1820 г., былъ опредѣленъ Верхнеудинскимъ исправникомъ. Вмѣсто него ассесоромъ въ гражданскую палату опредѣленъ Корсаковъ, извѣстный гоненіемъ на него Пестеля; раньше Корсаковъ состоялъ предсѣдателемъ Нижнеудинской слѣдственной коммисіи.

10 апрѣля 1820 г. былъ опредѣленъ Нерчинскимъ исправникомъ коллежскій секретарь Михайло Федоровичъ Муромовъ. Любопытно, что по этому поводу Сперанскій написалъ ему совершенно частное поздравительное письмо [2]). Муромовъ уже и прежде служилъ въ этой должности; намъ неизвѣстно, когда и по какому случаю онъ былъ смѣненъ.

Изъ лицъ, наиболѣе приближенныхъ къ Трескину, позже всѣхъ

[1]) Отецъ Нижнеудинскаго судьи Шелковникова.

[2]) См. прилож.

подвергся смѣнѣ Третьяковъ. Въ послѣднее время онъ служилъ засѣдателемъ совѣстнаго суда. Сперанскій удалилъ его отъ должности только наканунѣ своего отъѣзда, 31 іюля 1820 года.

Этимъ кончились важнѣйшія перемѣщенія за время пребыванія Сперанскаго въ Иркутскѣ. Изъ перечня ихъ видно, что большая часть перемѣщеній относилась только къ уѣзднымъ должностнымъ лицамъ. Губернскіе чиновники увольнялись только въ особенно важныхъ случаяхъ,—какъ напр. Лангансъ и Третьяковъ.

Въ сентябрѣ 1820 г. секретарь приказа общественнаго призрѣнія и губернаторской канцеляріи, Калашниковъ, жаловался Сперанскому на засѣдателя приказа, Сидорова, который притѣснялъ его и признавалъ безполезнымъ. Нужно замѣтить, что Сидоровъ въ то же время былъ и дѣйствительнымъ правителемъ канцеляріи Зеркалеева. Сидоровъ принадлежалъ къ чиновникамъ стараго закала, сторонникамъ Трескина; между тѣмъ Калашниковъ, по свидѣтельству одного современника, шелъ противъ Трескина, хотя и былъ его секретаремъ [1]). Сидоровъ, по отъѣздѣ Сперанскаго, могъ мстить Калашникову за прошлое. Какъ бы то ни было, но Сперанскій, 25 октября 1820 г., опредѣлилъ Калашникова ассесоромъ обѣихъ экспедицій въ губернскомъ правительствѣ; а Зеркалеева увѣдомилъ, что, «сколько ему извѣстно, чиновникъ сей не столько необходимъ въ канцеляріи губернатора, чтобъ нужно было его удерживать».

Татариновъ, удаленный отъ должности засѣдателя Киренскаго земскаго суда, былъ опредѣленъ городничимъ въ Верхнеудинскѣ. Но Сперанскій, узнавъ о томъ, что Иркутскій земскій судъ нуждается въ дѣльныхъ чиновникахъ, предоставилъ Зеркалееву, 20 декабря 1820 г., употреблять Татаринова при этомъ судѣ по особымъ порученіямъ, съ жалованьемъ Верхнеудинскаго городничаго. Должность послѣдняго, какъ непредставляющую большаго затрудненія, велѣно было возложить на уѣзднаго судью. Вскорѣ потомъ Сперанскій извѣстился частнымъ образомъ о тяжкой болѣзни Иркутскаго исправника Семенова. Онъ поручилъ Зеркалееву, 24 января 1821 г., избрать и допустить на эту должность способнаго чиновника; а о Семеновѣ, если живъ, представить особо.

Сидорова Зеркалеевъ представлялъ на должность совѣтника въ губернское правленіе; но Сперанскій не уважилъ этого представленія; онъ опредѣлилъ совѣтникомъ, 10 іюня 1821 г., ассесора

[1]) Тюменцевъ.—Г. Калашниковъ—тотъ самый, который, впослѣдствіи, какъ выше сказано, издалъ нѣсколько романовъ изъ Сибирской жизни.

уголовной палаты Попова. Ассесоромъ, вмѣсто Попова, тогда же опредѣленъ Крыжановскій, «по недостатку чиновниковъ въ Иркутской губерніи», какъ сказано въ предписаніи.

Гораздо успѣшнѣе было представленіе Зеркалеева о другомъ изъ приближенныхъ къ нему чиновниковъ. Каинскій исправникъ Зиновъ былъ удаленъ отъ должности во время проѣзда Сперанскаго черезъ Каинскую округу. По пріѣздѣ въ Иркутскъ, Сперанскій опредѣлилъ Зинова Иркутскимъ городничимъ. По словамъ одного современника, Зиновъ, удаленный за взятки, показался Сперанскому «отличнѣйшимъ чиновникомъ» въ сравненіи не только съ Иркутскими, но и съ Томскими дѣятелями [1]). Въ 1821 г. Зеркалеевъ представлялъ Сперанскому объ отличной службѣ Зинова и просилъ о назначеніи его на лучшее мѣсто. Сперанскій объявилъ Зинову благодарность и обѣщалъ дать ему другое мѣсто, когда откроется вакансія. Вскорѣ затѣмъ во всѣхъ губернскихъ правленіяхъ была учреждена должность третьяго совѣтника. Сперанскій, 17 ноября 1821 г., опредѣлилъ Зинова въ эту должность въ Иркутское губернское правительство; но предложеніе объ этомъ губернскому правительству онъ послалъ къ новому губернатору Цейдлеру, съ тѣмъ, чтобы Цейдлеръ далъ ему ходъ, если не имѣетъ въ виду другаго чиновника. Въ P.S. было сказано: «если бы вы имѣли въ виду другого лучшаго, то, удержавъ предложеніе, прошу представить».Зиновъ однакожъ былъ опредѣленъ совѣтникомъ.

Одна изъ важнѣйшихъ губернскихъ должностей оставалась незамѣщенною во все время управленія Сперанскаго Сибирью. Со смертью Бѣлявскаго открылась вакансія предсѣдателя гражданской палаты. Только 26 января 1822 г. состоялся Высочайшій указъ объ опредѣленіи на эту должность Горновскаго. Это было наградой, и за продолжительную опалу при Пестелѣ, и за тѣ услуги, которыя оказалъ Горновскій при ревизіи Сперанскаго. Послѣдній поспѣшилъ обрадовать старика письмомъ, въ которомъ, «съ особеннымъ удовольствіемъ» поздравлялъ его со вступленіемъ паки въ кругъ дѣятельности, усердію и знанію его свойственный» [2]). При новомъ образованіи Сибирскаго управленія, Горновскій, по распоряженію Лавинскаго, снова остался было за штатомъ; ему предоставлено было только оставаться въ разсчетной коммисіи [3]); но потомъ, на основаніи положенія Сибирскаго комитета

---

[1]) Щукинъ.
[2]) См. прилож. св. 72, № 6.
[3]) 15 ноября 1822 г., св. 72, № 15.

9 октября 1822 г., онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Иркутскаго губернскаго суда [1]).

Тогда же былъ возвращенъ къ служебной дѣятельности и другой значительный опальный. Мы уже говорили объ А. В. Игумновѣ и его отношеніяхъ къ Сперанскому. Еще 23 января 1820 г. онъ подалъ Сперанскому любопытную записку о своемъ положеніи. 31 іюля 1820 г. Сперанскій разрѣшилъ ему пребываніе въ Иркутскѣ, находя стѣсненіе его въ этомъ отношеніи «самовластнымъ и незаконнымъ». Тогда же заявлено было предположеніе опредѣлить Игумнова засѣдателемъ въ совѣстный судъ [2]). «Пріемля въ уваженіе потерпѣнныя имъ при прежнемъ Сибирскомъ начальствѣ неудовольствія и оказанныя услуги при послѣднемъ обозрѣніи сего края», Сперанскій представлялъ объ опредѣленіи его снова на службу. 26 января 1822 г. состоялся объ этомъ Высочайшій указъ: назначеніе Игумнову должности предоставлено было Сперанскому [3]). Сперанскій, согласно съ прежнимъ своимъ предположеніемъ, опредѣлилъ Игумнова засѣдателемъ Иркутскаго совѣстнаго суда. Игумнова онъ поздравилъ письмомъ, впрочемъ весьма обыкновеннымъ, кромѣ приведенной фразы [4]); но Игумнову не счастливилось: Лавинскій не благоволилъ къ нему, и Игумновъ вскорѣ снова оставилъ службу [5]). Свѣдѣній, о передвиженіяхъ въ личномъ составѣ по Томской и Тобольской губерніямъ, мы не имѣемъ. Намъ попалась только приведенная уже переписка о Туруханскихъ исправникахъ. Кромѣ того мы нашли свѣдѣніе, что, въ началѣ 1822 г., Красноярскій исправникъ Колычевъ прислалъ къ Сперанскому черезъ губернатора просьбу объ увольненіи его въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ. Сперанскій, письмомъ отъ 22 апрѣля, увѣдомилъ Колычева, что Красноярскій уѣздъ входитъ въ составъ Енисейской губерніи, и что новый генералъ-губернаторъ тамъ Лавинскій, и по этому Сперанскій не можетъ удовлетворить просьбу. «Тѣмъ болѣе впрочемъ было бы неприлично, замѣчаетъ онъ, оставлять порученную вамъ должность тогда, когда новый начальникъ края только что вступаетъ въ отправленіе Высочайше возложенной на него обязанности» [6]).

---

1) Св. 3, № 20.

2) Св. 72, № 6, см. прилож.

3) Св. 73, № 13 прилож.

4) Св. 73, № 13.

5) Щукинъ. Св. 72, № 6. Изъ письма Крыжановскаго къ Сперанскому, 7 сентября 20 г., видно, что Сперанскій ему что то обѣщалъ. Пермѣщенныя просьбы объ опредѣленіи на службу Сперанскій передалъ Лавинскому (Св. 73, № 17).

6) Св. 83, № 60.

Чиновники Климантовъ, Карякинъ и Тарабукинъ, служившіе прежде въ Якутской области, просились туда снова на службу. Сперанскій, въ частномъ письмѣ къ Миницкому отъ 20 января 1820 г., просилъ, «въ откровенномъ и частномъ видѣ», мнѣнія его о томъ, могутъ ли они быть туда приняты, и какъ удобнѣе ихъ распредѣлить [1]). Впослѣдствіи мы видимъ Карякина и Тарабукина тамъ на службѣ. Многіе чиновники просились на службу именно въ Якутскую область. Сперанскій опредѣлялъ ихъ, но назначеніе имъ мѣстъ предоставлялъ большею частью ближайшему усмотрѣнію Миницкаго. Сотникъ Якутской казачьей команды Кононъ Карякинъ былъ исключенъ изъ казачьяго званія, опредѣленъ переводчикомъ при Якутскомъ областномъ правленіи и представленъ къ офицерскому чину. Губернское правительство отрѣшило его отъ должности и обратило въ казачье званіе. Карякинъ жаловался на это, а областное правленіе просило оставить его въ качествѣ переводчика. Сперанскій нашелъ, что Карякинъ обращенъ въ казачью службу «безъ всякой причины, заслуживающей уваженія», и 14 апрѣля 1820 г., предложилъ губернскому правительству снова опредѣлить его въ переводчики и возвратить ему званіе канцеляриста, въ которомъ онъ состоялъ уже болѣе года [2]).

Бывшій секретарь судной части при Охотскомъ начальникѣ, Филатовъ, жаловался на притѣсненія Ушинскаго. Послѣдній, съ своей стороны, жаловался на неисправность Филатова по должности. Сперанскій, отъ 20 января 1820 г., предложилъ Ушинскому, хотя Филатовъ жалуется «конечно не основательно», но принять его на прежнюю должность, для отвращенія затрудненій въ производствѣ дѣлъ [3]).

Въ Камчатку опредѣленъ былъ провизоръ Трофимовъ. По пріѣздѣ туда, онъ, «не найдя по званію своему достаточно практическаго упражненія, отъ скуки и совершеннаго бездѣйствія, впалъ въ мрачную задумчивость».—Болѣзнь усилилась дотого, что Трофимовъ почти совсѣмъ потерялъ способности и былъ совершенно безполезенъ для края. Сперанскій (12 октября 1821 г.) распорядился вызвать его въ Иркутскъ и употребить для занятій при врачебной управѣ, если на что будетъ способенъ [4]).

Дѣла о городскомъ управленіи и городскихъ выборахъ разрѣшались губернскимъ начальствомъ, и потому восходили на разсмотрѣніе Сперанскаго только въ особенныхъ случаяхъ. Такъ на Ир-

[1]) Св. 71, № 10.
[2]) Св. 71, № 10.
[3]) Св. 71, № 10.
[4]) Св. 102, № 6.

кутскихъ городскихъ выборахъ, въ ноябрѣ 1820 г., былъ, между прочимъ, выбранъ въ ратманы мѣщанинъ Овсянниковъ. Губернское правительство, по жалобѣ Овсянникова, нашло этотъ выборъ незаконнымъ и стѣснительнымъ для Овсянникова, отмѣнило его, назначило новый выборъ и поручило уѣздному стряпчему наблюсти за исполненіемъ его требованія. Дума оскорбилась такимъ распоряженіемъ. Она донесла Сперанскому, что «общество съ существованія своего никогда не бывало еще подъ наблюденіями, и правительство съ таковою настоятельностью въ выборы общественные не входило, то сіе дѣло досслѣ неимѣло еще подобнаго событія». Губернское правительство также доносило объ этомъ обстоятельствѣ Сперанскому. Послѣдній нашелъ, что губернское правительство имѣло полное право отмѣнить выборъ Овсянникова, но возлагать на стряпчаго побужденіе общества къ выполненію требованія правительства не было никакой надобности, «ибо само собою разумѣется, что указъ правительства, яко начальственнаго мѣста, долженъ быть исполненъ, хотя бы онъ и не согласовался съ волею общества, которому въ такихъ случаяхъ предоставлена свобода приносить жалобу правительствующему сенату». Поэтому, 20 декабря 1820 г., Сперанскій утвердилъ распоряженіе правительства объ увольненіи Овсянникова и разрѣшилъ допустить въ ратманы вновь избраннаго думою мѣщанина Безперстова. Думѣ онъ тогда же далъ знать, что на губернское правительство, какъ главное мѣсто въ губерніи, возлагается и отъ правительствующаго сената разбирать доходящія до него жалобы на неправильность выборовъ; впрочемъ, еслибы распоряженіе губернскаго правительства было несогласно съ волею общества, оно можетъ жаловаться высшему начальству [1]).

По дѣламъ о городскихъ выборахъ разрѣшены при Сперанскомъ еще два обстоятельства. Въ 1820 г. сенатъ требовалъ отъ Сперанскаго заключенія о томъ, кто именно изъ мѣщанъ, освобожденныхъ отъ суда по Всемилостивѣйшимъ манифестамъ, можетъ быть допущенъ къ службѣ по выборамъ. Сперанскій собиралъ о томъ свѣдѣнія, и на основаніи ихъ донесъ, 30 іюня 1820 г., что къ выборамъ могутъ быть допускаемы всѣ такіе мѣщане, кромѣ одного (Тюрюмина); но, по недостаточному состоянію, ихъ можно опредѣлить только въ незначительныя должности. Такъ это разрѣшено и сенатомъ 30 ноября 1820 г. [2]). Другое дѣло возникло уже давно. Еще Пестель представлялъ о томъ, чтобы должности макле-

[1]) Св. 101, № 3.
[2]) Св. 101, № 25.

ровъ и нотаріусовъ были присоединены къ обязанностямъ магистратовъ или ратушъ, и чтобы торгующихъ въ Иркутскѣ крестьянъ обложить акцизомъ въ пользу городскихъ доходовъ. На вопросъ министра внутреннихъ дѣлъ объ этихъ предположеніяхъ Сперанскій, отъ 20 сентября 1821 г., отвѣчалъ, что онъ совершенно согласенъ съ своимъ предмѣстникомъ [1]).

Въ началѣ 1822 г., Ушинскій представилъ предположеніе о томъ, чтобы Охотскія мѣщанскія дѣла были присоедины къ Якутскимъ. Основаніемъ къ этому были выставлены малочисленность и крайняя бѣдность Охотскаго мѣщанскаго населенія. Предположеніе Ушинскаго Сперанскій передалъ губернскому правительству на предварительное разсмотрѣніе [2]). Между тѣмъ, считая неудобнымъ приводить его въ исполненіе прежде окончательнаго утвержденія, Сперанскій распорядился, чтобы дѣла эти производились на прежнемъ основаніи. Губернское правительстао признало предположеніе Ушинскаго неудобнымъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Охотское мѣщанское общество, состоя изъ 33 душъ бѣднаго состоянія, могло бы подвергнуться большимъ издержкамъ отъ новаго распорядка, и о томъ уже дошли до свѣдѣнія губернскаго правительства жалобы мѣстныхъ жителей. 2) Распорядокъ, по которому городскіе доходы поступаютъ въ собственное распоряженіе общества, повсемѣстно общій и основанъ на томъ правилѣ, что эти доходы, какъ собираемые съ общества, должны и расходоваться съ общаго его согласія. 3) Жители Иркутской губерніи, въ случаѣ недостатка городскихъ доходовъ, дѣлаютъ взаимную складку; но, при новомъ порядкѣ, складка эта была бы въ распоряженіи начальника области, а не общества. Предположеніе Ушинскаго осталось безъ послѣдствій [3]).

Гораздо важнѣе были дѣйствія Сперанскаго по дѣламъ городскаго управленія въ Томскѣ.

По указу 1809 г., члены магистратовъ обязаны были рѣшать дѣла втеченіи того самаго трехлѣтія, на которое они выбраны. На этомъ основаніи, въ Томскѣ, въ послѣднее время, было два магистрата: одинъ новый, для рѣшенія новыхъ дѣлъ, а другой прежній, для рѣшенія старыхъ. На послѣдній возложены были дѣла не одного, а двѣнадцати трехлѣтій. Для надзора за рѣшеніемъ этихъ дѣлъ былъ назначенъ отъ губернскаго начальства особый чиновникъ. Сперанскій нашелъ, что если допустить такой порядокъ, то

[1]) Св. 101, № 4.
[2]) 7 февраля 1822 г. № 48.
[3]) Св. 340, № 16.

впослѣдствіи число старыхъ и новыхъ магистратовъ увеличится дотого, что и выбирать въ нихъ будетъ некого, особенно въ такомъ маленькомъ обществѣ, какъ Томское. Онъ распорядился закрыть старый магистратъ, а дѣла его (оставалось всего четыре) передать въ новый. Членамъ прежняго магистрата онъ объявилъ благодарность за рѣшеніе множества старыхъ дѣлъ; губернскому правительству предложилъ передать, чрезъ думу, на обсужденіе общества, какимъ удобнѣйшимъ и необременительнымъ для городскихъ доходовъ способомъ можно прилично вознаградить ихъ за издержки, употребленныя ими на канцелярію; предложить обществу обсудить и о вознагражденіи издержекъ на канцелярію членовъ новаго магистрата. На будущее время нерѣшенныя въ одно трехлѣтіе дѣла предписано, на общемъ основаніи, передавать новымъ членамъ; дѣла предоставить ихъ обыкновенному ходу, не подвергая ихъ предписанному губернскимъ начальствомъ особому надзору. Кромѣ того, члены двѣнадцатаго трехлѣтія были преданы суду по ничтожнымъ поводамъ; Сперанскій приказалъ рѣшить дѣло объ нихъ какъ можно скорѣе и донести ему о рѣшеніи. По всему видно, что противъ этихъ членовъ дѣйствовала интрига, и что Сперанскій старался ее уничтожить.

По дѣламъ думы, Сперанскій обратилъ особенное вниманіе на городскую смѣту. По смѣтѣ назначался штрафъ за потаенную торговлю съ купцовъ и *иного званія людей*. Эта статья, по неопредѣленности ея смысла, подала поводъ къ большимъ стѣсненіямъ. Вопреки закону, взыскивалась тягостная пошлина съ крестьянъ, торгующихъ сельскими произведеніями. Сперанскій разъяснилъ, что крестьяне должны платить акцизъ только тогда, когда торгуютъ по свидѣтельствамъ. «Впрочемъ, законъ ни съ штрафомъ, ни безъ штрафа, не позволяетъ никакой потаенной торговли, и никакой штрафъ не можетъ оградить ее отъ дѣйствія суда». Въ смѣтѣ назначался также, безъ всякаго законнаго основанія, особый сборъ съ иногородныхъ, поселившихся въ городѣ. Сперанскій опять разъяснялъ, что законъ никому не запрещаетъ селиться въ городѣ, и что всякій, имѣющій въ городѣ недвижимую собственность, обязанъ нести по этой собственности городскія повинности, безъ различія гражданъ отъ иногородцевъ. Сперанскій допускалъ назначенный по смѣтѣ сборъ съ подвижныхъ лавокъ и балагановъ, пока городская площадь не будетъ очищена и устроена; но находилъ, что сборъ съ каменныхъ лавокъ стараго гостинаго двора «не имѣетъ надлежащей соразмѣрности», и можетъ быть допущенъ только тогда, когда, по недостатку городскихъ доходовъ, всѣ строе-

нія въ городѣ будутъ обложены сборомъ по оцѣнкѣ. Онъ одобрялъ сборъ за складку товаровъ въ гостиномъ дворѣ и охраненіе кладей; но находилъ, что сборъ съ проѣзжающихъ извозчиковъ и съ нагружающихся у рѣчнаго берега судовъ не имѣетъ законнаго основанія и терпимъ быть не можетъ, хотябы и назывался добровольнымъ: «ибо нѣтъ повинности добровольныхъ; онѣ всѣ должны быть опредѣлены закономъ». Изъ расходовъ не были основаны на законѣ: выдача денегъ въ приказъ общественнаго призрѣнія на чертежную архитектору, и важная статья на постройки, «кои могли бы быть произведены съ большею постепенностью и со временемъ». Всѣ эти замѣчанія любопытны, какъ единственный, дошедшій до насъ, примѣръ подробнаго разсмотрѣнія Сперанскимъ городской смѣты, въ которомъ, притомъ, довольно полно высказанъ взглядъ его на городское хозяйство. Сперанскій распорядился составить росписаніе городскихъ доходовъ и расходовъ и представить его на утвержденіе губернскаго правительства; въ росписаніи съ точностью опредѣлить, соразмѣрно доходамъ, содержаніе думы, магистрата, полиціи и нужныя для города постройки; недостатокъ пополнить, не раскладкою на лица и не поземельнымъ сборомъ, а сборомъ по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ. Онъ предложилъ также обсудить мѣры къ лучшему устройству военнаго постоя, на неуравнительность котораго было много жалобъ [1]).

Къ дѣламъ о личномъ составѣ должно причислить и распоряженія о производствѣ содержанія. Въ этомъ отношеніи Сперанскому приходилось исправлять нѣкоторыя ошибки казенной экспедиціи. Съ Крыжановскаго, напримѣръ, она взыскала деньги за чинъ коллежскаго ассесора, тогда какъ съ него уже были взысканы за чинъ VIII-го класса. Сперанскій разъяснилъ экспедиціи, что между этими двумя чинами нѣтъ никакой разницы и нѣтъ закона, чтобы за тотъ же чинъ производилось другое взысканіе [2]).

Кяхтинскій коммисаръ, подполковникъ Чечулинъ, слишкомъ уже сорокъ лѣтъ состоявшій на службѣ, подалъ просьбу объ отставкѣ, и въ ожиданіи разрѣшенія ея рапортовался больнымъ. Должность его исправлялъ ассесоръ пограничной канцеляріи Пѣтуховъ. Вслѣдствіе этого экспедиція не выдавала Чечулину жалованья. Жалованья добивался Пѣтуховъ. Сперанскій разъяснилъ Пѣтухову и экспедиціи, 24 декабря 1819 г., что Чечулинъ еще не уволенъ отъ службы; что хотя, по частымъ припадкамъ, онъ и не можетъ быть все-

---

[1]) Переписка: предлож. Томск. губ. пр. іюля 1819 г.; притомъ предоставлено думѣ смѣнить членовъ квартирной коммисіи, если она признаетъ нужнымъ.

[2]) Св. 72, № 6. Пред. 21 Іюля 1821 г.

гда на службѣ, но по временамъ, въ нужныхъ случаяхъ, является къ должности, и потому невозможно лишать его жалованья. Увольненіе Чечулина нѣсколько замедлилось вопросомъ о назначеніи ему пенсіи. Пестель полагалъ дать ему пенсію по должности коммисара, независимо отъ той, которую онъ получалъ уже по прежней военной службѣ; но Сперанскій, отъ 19 ноября 1819 г., увѣдомилъ Нессельрода, что, за службу свою въ должности коммисара, Чечулинъ достаточно уже награжденъ въ 1818 г. орденомъ Св. Анны 2 класса [1]).

По Высочайшему повелѣнію, жалованье медицинскимъ чинамъ въ Сибири производилось вдвое противъ размѣра, положеннаго по табели 6 ноября 1819 г. Правило это не распространялось на Камчатку. Сперанскій, отъ 31 декабря 1821 г., ходатайствовалъ о томъ, чтобы эта мѣра была распространена и на Камчатку, во вниманіи къ тѣмъ трудностямъ, съ какими сопряжена тамъ медицинская служба [2]).

По общему вопросу о возвышеніи жалованья медицинскимъ чиновникамъ, Сперанскій, отъ 9 октября 1820 г., отвѣчалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что штатъ аптекарскихъ чиновъ войдетъ въ общій составъ штатовъ по Сибирскимъ губерніямъ [3]).

Мы вообще мало имѣемъ свѣдѣній о наградахъ, которыя испросилъ Сперанскій своимъ подчиненнымъ.

Въ 1819 г., министръ юстиціи прислалъ на разсмотрѣніе Сперанскаго списокъ чиновниковъ, которыхъ Трескинъ представлялъ къ наградамъ за 1818 г. Само собою разумѣется, что въ этомъ спискѣ на первомъ планѣ красовались любимцы Трескина, и что представленіе осталось безъ послѣдствій [4]).

Сперанскому прежде всего надлежало возстановить честь двухъ гонимыхъ и опозоренныхъ Пестелемъ губернаторовъ: Хвостова и Корнилова. Первый судился шесть лѣтъ; сенатъ и государственный совѣтъ,—послѣдній кромѣ четырехъ членовъ,—совершенно оправдали его. Четыре члена совѣта полагали сдѣлать ему выговоръ за медленное исполненіе предписанія генералъ-губернатора (пропущены были однѣ сутки). Государь согласился съ мнѣніемъ четырехъ членовъ, вмѣнивъ Хвостову судъ въ наказаніе. Корниловъ судился 8 лѣтъ и былъ совершенно оправданъ сенатомъ и совѣтомъ. Тѣмъ

---

[1]) Св. 85, № 144.

[2]) Св. 102, № 7.

[3]) Св. 102, № 5.

[4]) Св. 72, № 5. Представлены были: къ орденамъ—Бѣлявскій Св. Анны 2 ст., Третьяковъ и Волошиновъ—Владиміра 4 ст.; Геденштромъ и Лоскутовъ къ чину коллежскаго ассесора.

не менѣе оба они оставались безъ мѣстъ и рѣшились подать всеподданнѣйшія просьбы о пересмотрѣ ихъ дѣлъ. Государь повелѣлъ Сперанскому разсмотрѣть эти просьбы и представить свое заключеніе. Въ короткомъ и энергическомъ рапортѣ отъ 1 іюня 1820 г. Сперанскій донесъ, что оба они невинны, что оба служили усердно и безкорыстно, оставили по себѣ доброе имя и наилучшіе отзывы, терпѣли отъ долговременной и несправедливой подсудности и потомъ остались подъ всею ея тяжестью. Поэтому, заключилъ онъ, они «достойны правосуднаго В. В. на судьбу ихъ воззрѣнія и справедливаго по примѣру другихъ вознагражденія» [1]).

Посылая этотъ рапортъ Государю, Сперанскій счелъ необходимымъ объясниться съ Аракчеевымъ. «Вмѣстѣ съ симъ, писалъ онъ ему отъ 28 мая 1820 г., изволите получить донесеніе мое о бывшихъ здѣсь губернаторахъ Хвостовѣ и Корниловѣ. Лично я мало ихъ знаю; но дѣла ихъ стоятъ за нихъ твердо. Вся вина ихъ состоитъ въ томъ, что они не хотѣли, или не желали сообразоваться съ понятіями главнаго своего начальника, а Пестель не хотѣлъ простить ихъ стремленія къ самостоятельности. Въ теченіи восьми лѣтъ онъ гналъ ихъ во всѣхъ инстанціяхъ, отъ земскаго суда до государственнаго совѣта, съ такою настойчивостью, которая была бы непонятна, еслибъ это дѣло не превратилось въ тяжбу, такъ сказать, личную, давая Пестелю предлогъ жить въ столицѣ и занимать дворъ и городъ жалобами на силу своихъ враговъ и на мнимую опасность своего положенія. А кто знаетъ Хвостова и Корнилова, тотъ, конечно, улыбнется и силѣ ихъ, и опасности. Я желалъ сдѣлать изъ общаго правила исключеніе и не говорить ничего худаго, или по крайней мѣрѣ молчать о моемъ предмѣстникѣ; но въ настоящемъ случаѣ сіе было невозможно: нельзя было показать невинности сихъ чиновниковъ, не обнаруживъ всего сцѣпленія взведенныхъ на нихъ обвиненій» [2]). Только одна необходимость заставила его вступить въ состязаніе съ Пестелемъ; онъ хотѣлъ оставить его, до времени, въ покоѣ. «Но, писалъ онъ тогда же Кочубею, мнѣ совѣстно показалось изъ личной снаровки оставлять на долгое и почти на неопредѣленное время судьбу Корнилова и Хвостова неразрѣшенною. Въ дѣлѣ ихъ я коснулся однѣхъ главныхъ неправильностей. Впрочемъ я мало видѣлъ столько ябедническихъ изворотовъ, сколько дозволилъ себѣ въ дѣлѣ Корнилова г. Пестель» [3]).

Вознагражденіе невинно угнетеннымъ послѣдовало однакоже

---

[1]) Р. А. 1870, № 3, стр. 598—606.

[2]) Бумаги б. Корфа; письмо къ Аракчееву отъ 28 мая 1820.

[3]) Бумаги б. Корфа; письмо къ Кочубею 2 Іюня 1820 г.

не ранѣе 1822 г., когда Хвостовъ и Корниловъ были пожалованы сенаторами [1]).

Большая часть наградъ была дана 26 января 1822 г., въ тотъ самый день, какъ рѣшилась судьба подвергшихся преслѣдованію по ревизіи Сперанскаго. Лосеву были пожалованы 1000 десятинъ земли и орденъ Св. Владиміра 4 ст. Сперанскій обрадовалъ старика поздравительнымъ письмомъ. Орденъ Св. Владиміра данъ и Камчатскому штабъ-лекарю Застолбскому, Корюхову, Новоселову, Попову, Елисееву; купцу Курбатову пожалована медаль; восьми Якутскимъ, Тунгузскимъ и Ламутскимъ родоначальникамъ—кортики [2]). Даны были награды разнымъ лицамъ, участвовавшимъ въ Пекинской миссіи.

Наконецъ, было оказано важное пособіе Саламатову, который доставилъ въ Петербургъ доносы на Трескина и Пестеля. Сперанскій писалъ объ немъ Голицыну, еще въ 1819 году. Доносы были переданы Сперанскому Аракчеевымъ, а что дѣлается съ самимъ Саламатовымъ, въ Иркутскѣ не было извѣстно. «По слухамъ, писалъ Сперанскій, онъ долженъ быть въ Петербургѣ, и подъ стражею, или надзоромъ. Человѣкъ сей раззоренъ здѣшнимъ начальствомъ до основанія, и раззоренъ несправедливо; у него семеро малолѣтнихъ дѣтей, почти безъ пропитанія. Бумаги его написаны глупо и несвязно; но главныя статьи о поступкахъ Лоскутова и другихъ въ существѣ своемъ теперь обнаружены и найдены справедливыми». Поэтому, «не въ поощреніе доносамъ, но въ уваженіе долголѣтняго его страданія,» Сперанскій просилъ уволить Саламатова къ семейству, и если можно, снабдить его на дорожныя издержки. «Я бы не смѣлъ васъ симъ обременять, прибавлялъ онъ, если бы не былъ увѣренъ, что это дѣло благотворенія и справедливости» [3]). Но это ходатайство, впрочемъ совершенно частное, осталось тогда безъ послѣдствій. Только въ 1822 г., по формальному представленію Сперанскаго, разрѣшено выдать Саламатову тысячу рублей на возвращеніе на родину [4]).

Но одно изъ самыхъ замѣтныхъ лицъ того времени никакъ не могло добиться награды. Нѣжинскій грекъ Аснашевъ принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ людей того времени въ Сибири.

[1]) Р. А. 1870 г., стр. 598—606.

[2]) Св. 348, № 13. Св. 85, № 26. Награждены князцы: Тунгузскіе Алексѣй Понамаревъ, Алексѣй Громовъ, Андрей Алексѣевъ; Якутскіе—Михайло Поповъ, Кривошапкинъ, Константинъ Поповъ и Григорій Старостинъ; сынъ Ламутскаго князца Якимъ Карякинъ. Изъ нихъ Алексѣевъ награжденъ за пожертвованіе слѣдовавшихъ ему за почтовую гоньбу 2.000 р. въ пользу содержателей натурою другихъ станцій; прочіе—за разныя пособія въ продовольствіи.

[3]) Переписка: письмо къ Голицыну 23 октября 1819 г.

[4]) См. Приложеніе.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ купцовъ, которые пользовались особеннымъ расположеніемъ Трескина. Онъ велъ обширную торговлю и въ Иркутскѣ, и на Кяхтѣ, и въ Охотскѣ, и Камчаткѣ. Барыши, которые доставляла ему эта торговля, давали ему возможность дѣлать болѣе или менѣе значительныя пожертвованія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда это требовалось для видовъ Трескина; а пожертвованія вели къ наградамъ. Но Аснашевъ оставался недоволенъ тѣми наградами, которыя онъ получалъ въ разное время; ему хотѣлось новыхъ. Онъ подалъ Сперанскому записку, въ которой, называя себя «Молдавскимъ дворяниномъ», исчислилъ свои подвиги на общую пользу. Онъ обмундировалъ въ 1802 г. роту Сомова полка въ 155 человѣкъ, оставленную въ Охотскѣ; это стоило ему 10.000 р.; онъ пожертвовалъ 1.000 р. на устройство лазарета. Всѣхъ главныхъ пожертвованій сдѣлано было имъ на 22.450 р. За нихъ, въ 1811 г., ему была пожалована золотая медаль на голубой лентѣ. Теперь Аснашевъ просилъ, ни болѣе ни менѣе, какъ о возведеніи его въ дворянское достоинство Россійской Имперіи. Неизвѣстно, далъ ли Сперанскій какой нибудь ходъ этому домогательству. Только 27 февраля 1822 г. онъ увѣдомилъ Иркутскаго губернатора, что сколько ни желалъ онъ удовлетворить просьбу Аснашева, но такъ какъ онъ въ свое время былъ уже удостоенъ за свои пожертвованія Монаршихъ наградъ, то Сперанскій и не могъ имѣть успѣха въ своемъ ходатайствѣ [1]).

На представленіе Цейдлера о неисполненныхъ его ходатайствахъ, Сперанскій, отъ 22 марта 1822 г., увѣдомилъ, что всѣ награды, которыя не разрѣшены положеніемъ Сибирскаго комитета, Высочайше утвержденнымъ 26 января 1822 г., должно считать оконченными [2]). Между тѣмъ онъ еще 17 марта представилъ министру внутреннихъ дѣлъ о награжденіи слѣдующимъ чиномъ Шуленги Чикойскаго Харанутскаго рода, 12 класса Грудинина, за пожертвованіе 500 пуд. ярицы для раздачи нуждающимся [3]). При Пестелѣ, какъ мы уже говорили, отдавалось подъ судъ множество чиновниковъ, по самымъ ничтожнымъ причинамъ. По положенію комитета министровъ 10 іюля 1817 г., они имѣли право на слѣдующіе чины не иначе, какъ по особенному ходатайству мѣстнаго начальства. Сперанскій вошелъ объ нихъ съ представленіемъ, и они были произведены въ слѣдующіе чины указомъ сената отъ 6 апрѣля 1823 г. [4]).

[1]) Св. 85, № 13.
[2]) Св. 63, № 28.
[3]) Св. 85, № 14.
[4]) Св. 85, № 6.

Вообще Сперанскій былъ скупъ на награды. Въ отношеніи къ князю Голицыну, на вопросъ о наградѣ медалью купца Попова, онъ писалъ, что въ ходатайствѣ о медаляхъ нужна большая разборчивость, которую въ Иркутскѣ, какъ онъ видѣлъ изъ опытовъ, не всегда соблюдали [1].

Въ 1822 г. возникъ вопросъ о томъ, можетъ ли служившій въ Якутской области чиновникъ Слободчиковъ носить дворянскую медаль 1812 года. Сперанскій, отъ 9 іюня 1822 г., отвѣчалъ Цейдлеру, что Слободчиковъ не имѣетъ на это права, потому что былъ много разъ подъ судомъ, обвиненъ и подвергнутъ взысканію [2].

Къ наградамъ можно отнести и пенсіи за службу и прибавки къ содержанію.

Бывшій директоръ Иркутской фабрики Соколовскій просилъ о пособіи семейству бывшаго бухгалтера фабрики Звягина, который служилъ двадцать два года. Сперанскій спрашивалъ новаго директора, Платонова, въ какой степени заслуживаетъ вниманія это ходатайство. Отвѣтъ Платонова былъ благопріятенъ для Звягина, и потому Сперанскій, руководствуясь положеніемъ комитета министровъ 16 ноября 1815 г., по которому выдача денежныхъ наградъ фабричнымъ служителямъ и сложеніе съ нихъ безнадежныхъ долговъ было предоставлено мѣстному начальству, разрѣшилъ Платонова, 22 апрѣля 1821 г., выдать въ пособіе семейству Звягина 1.000 р. и сложить съ него 300 р. фабричной недоимки [3].

Вдова инспектора Иркутской врачебной управы, Вѣра Поддубная, въ іюлѣ 1821 г., обратилась къ Сперанскому съ письмомъ, въ которомъ описывала свое бѣдственное положеніе съ малолѣтними дѣтьми и просила пособія. Неизвѣстно, была ли раньше какая нибудь переписка объ этомъ; но вслѣдъ затѣмъ мы находимъ Именной указъ министру финансовъ 10 ноября 1821 г., по которому, по ходатайству Сперанскаго, Поддубной, «въ бѣдномъ состояніи оставшейся, въ уваженіе отличной 34-хъ-лѣтней службы мужа ея и 28-лѣтняго продолженія имъ оной въ одной Сибири,»—пожалована пенсія по 1.500 р. [4].

Лавинскій, между прочимъ, просилъ Сперанскаго о назначеніи пенсіи бывшему Верхнеудинскому городничему Измайлову. Спе-

[1]) Св. 85, № 5. Отношеніе 6 февраля 1821 г., № 23. Голицынъ предполагалъ наградить купца Степана Попова медалью по званію церковнаго старосты. Сперанскій отвѣчалъ, что промыселъ Попова состоитъ въ лавочной торговлѣ мясомъ, и предоставлялъ усмотрѣнію Голицына, до какой степени прилично будетъ ему имѣть знакъ отличія.

[2]) Св. 349, № 22.

[3]) Св. 72, № 5.

[4]) Св. 88, № 129.

ранскій, въ письмѣ отъ 9 ноября 1823 г., увѣдомилъ его, что ходатайству о пенсіи Измайлову онъ не могъ дать движенія, ибо дѣла этого рода въ сибирскомъ комитетѣ давно кончены [1]).

Бывшимъ при Кяхтинскихъ ревенныхъ пакгаузахъ, сотнику Шильникову и помощнику смотрителя, казаку Тараканову, Сперанскій, въ 1821 г., испросилъ у министра внутреннихъ дѣлъ, въ видѣ награды, первому по 250, а послѣднему по 200 р. въ годъ [2]).

Самъ онъ въ 1820 г., по представленію Зеркалеева, назначилъ нѣкоторымъ лицамъ денежныя награды изъ поселенческой суммы.

Въ то время, когда Сперанскій преслѣдовалъ прежнія злоупотребленія,—подъ его управленіемъ, подъ самой грозой его ревизіи, почти въ его присутствіи, совершались новыя и возбуждали необходимость въ новыхъ преслѣдованіяхъ. Мы видѣли, что Крыжановскій въ Киренскѣ и Корсаковъ въ Туруханскѣ куралесили даже во время пребыванія Сперанскаго въ Сибири. Другіе были еще смѣлѣе. Засѣдатель Нерчинскаго земскаго суда Шергинъ вымогалъ у Зайсана Цыренова и другихъ лицъ деньги,—за что былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду, по представленію губернскаго правительства 24 декабря 1820 г. По его же представленію, Верхнеудинскій казначей Кобяшевъ былъ, 9 іюня 1820 г., преданъ суду за переправку цѣнъ въ торговомъ листѣ на оброчныя статьи [3]). Съ отъѣздомъ Сперанскаго въ Петербургъ злоупотребленія усилились. Трудно рѣшить, происходило ли это отъ надежды на безнаказанность, или уже отъ вкоренившейся привычки къ злоупотребленіямъ.

Удаливъ Третьякова отъ должности засѣдателя приказа общественнаго призрѣнія, Сперанскій поручилъ завѣдываніе заведеніями приказа засѣдателю совѣстнаго суда Бенскому. Бенскій тотчасъ навлекъ на себя жалобы произвольными распоряженіями и значительными подѣлками въ свою пользу въ ремесленномъ домѣ (послѣдній состоялъ тогда въ вѣдѣніи приказа; въ немъ работали ссыльные). Бенскій долго оставался на мѣстѣ, по неимѣнію въ виду другихъ чиновниковъ; но жалобы на него болѣе и болѣе усили-

---

[1]) P.S. Если угодно вамъ будетъ дать движеніе просьбѣ Измайлова, то не угодно ли развѣ будетъ снова сдѣлать представленіе къ министру внутреннихъ дѣлъ. Сибирскій же комитетъ нынѣ сими предметами уже давно не занимается» [1]).

[2]) Св. 112, № 11.

[3]) Св. 143, №№ 308, 311.

---

[1]) Св. 63, № 3. Тутъ же онъ извѣщалъ, что о прибавкѣ мастеровыхъ въ Камчатскій портъ передано на разсмотрѣніе морскаго министра.

вались; наконецъ, 27 января 1822 г., онъ былъ удаленъ отъ должности [1]).

Въ 1820 г., Иркутскій уѣздный стряпчій Петровъ, проѣзжая по Тункинскому краю, употреблялъ лишнія обывательскія подводы, бралъ взятки съ Тункинскихъ бурятъ и крестьянъ, и хлѣбъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, собиралъ инородцевъ и держалъ ихъ по нѣсколько сутокъ въ сборѣ безъ всякой надобности, наряжалъ ихъ для препровожденія въ Иркутскъ 65 головъ принадлежавшаго ему скота, заставлялъ сельское начальство присматривать за этимъ скотомъ, возилъ къ инородцамъ водку. Зеркалеевъ удалилъ его отъ должности и предалъ суду. Уголовная палата отказалась судить Петрова, на томъ основаніи, что предавать его суду Зеркалеевъ не имѣлъ права. Сперанскій нашелся въ необходимости дать знать палатѣ, 6 мая 1821 г., что Зеркалееву предоставлено это право въ данной ему Сперанскимъ, при отъѣздѣ изъ Иркутска, инструкціи. Въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно рѣзко высказались тѣ интриги, которыя волновали Иркутскій чиновничій міръ, съ отъѣздомъ Сперанскаго. Губернскій стряпчій Литвинцевъ (одинъ изъ членовъ бывшей слѣдственной коммисіи) протестовалъ противъ неправильнаго отрѣшенія и преданія суду Петрова, а 23 марта прислалъ Сперанскому письмо, въ которомъ защищалъ Петрова. Зеркалеевъ, съ своей стороны, жаловался и на Литвинцева, и на совѣтника губернскаго правительства Елисеева (тоже члена бывшей коммисіи), и на секретаря того же правительства Турчанинова, и выводилъ связи ихъ съ Петровымъ. Эти взаимные извѣты оставлены безъ движенія [2]).

6 августа 1821 г., Зеркалеевъ, въ частномъ письмѣ къ Сперанскому, жаловался на извѣстные уже намъ поступки Бенскаго и на Верхнеудинскаго исправника Коссовича. О послѣднемъ Зеркалеевъ писалъ, что онъ, разъѣзжая по уѣзду, пьянствуетъ и дерется; что онъ «крѣпокъ и силенъ, и можетъ случиться несчастіе». Сперанскій спрашивалъ мнѣнія вновь опредѣленнаго губернатора Цейдлера о степени справедливости выводовъ Зеркалеева. Цейдлеръ вполнѣ подтвердилъ ихъ [3]). Тѣмъ не менѣе Коссовичъ оставался на своемъ мѣстѣ. Онъ былъ родственникъ преосвященному Михаилу и опредѣленъ на мѣсто по его ходатайству; вѣроятно Сперанскій, готовясь оставить управленіе Сибирью, не желалъ нарушать хорошихъ отношеній къ преосвященному и предоставлялъ своему

---

1) Св. 131, № $^{31}/_{13}$.

2) Св. 131, № $^{36}/_{336}$.

3) Въ донесеніи 4 ноября 1821 г.

преемнику смѣнить Коссовича; можетъ быть также, онъ былъ лучшаго мнѣнія о способностяхъ и дѣятельности Коссовича, нежели Цейдлеръ и Зеркалеевъ, и изъ уваженія къ этимъ достоинствамъ, снисходилъ къ его недостаткамъ [1].

Чиновникъ Адріановъ, при покупкѣ въ 1821 г. хлѣба для казенныхъ запасныхъ магазиновъ, употребилъ въ свою пользу болѣе 16.000 р. Онъ былъ преданъ суду уже при Лавинскомъ [2].

Въ то же время возникло чрезвычайно грязное обвиненіе на Литвинцева. Назначены были слѣдствіе и судъ. Пользуясь этимъ случаемъ, и нѣкоторыми другими (въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимало то, что Литвинцевъ, исправляя временно должность прокурора, «безпокоилъ губернское правительство» своими протестами по разнымъ предметамъ), Зеркалеевъ удалилъ Литвинцева отъ должности губернскаго стряпчаго. Противъ этого распоряженія протестовали совѣтники губернскаго правительства Елисеевъ и Поповъ, и донесли о томъ генералъ-губернатору. Литвинцевъ, въ письмахъ къ Сперанскому, выставлялъ Зеркалеева человѣкомъ добрымъ, но слабымъ и поддавшимся партіи откупщика Кузнецова, а злобу послѣдняго объяснялъ своими протестами на его незаконныя дѣйствія. Литвинцевъ, повидимому, былъ однимъ изъ самыхъ способныхъ и дѣльныхъ людей своего времени. Протесты его, говорить о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай, были весьма серьезны. Къ сожалѣнію, онъ предавался самому отвратительному пьянству. Сперанскій медлилъ утвердить распоряженіе Зеркалеева объ удаленіи Литвинцева отъ должности; онъ поручилъ Цейдлеру разсмотрѣть поступки Литвинцева, доставить объ нихъ свое заключеніе и допустить Литвинцева къ исправленію должности стряпчаго, если откроется къ тому возможность. Цейдлеръ отвѣчалъ, что поведеніе Литвинцева доходитъ «до безобразія,» что онъ нерадивъ къ должности, а причины недостатка въ продовольствіи выставлялъ «неосновательныя» [3]. Только тогда Сперанскій рѣшился удалить Литвинцева [4].

Въ связи съ этимъ дѣломъ находится протестъ въ казенную экспедицію о злоупотребленіяхъ откупщика Кузнецова. Исправляя должность губернскаго прокурора, Литвинцевъ сообщилъ казенной экспедиціи, что Кузнецовъ незаконно двоитъ спиртъ на водочномъ заводѣ и требовалъ принятія мѣръ противъ этого злоупотребленія.

---

[1]) Св. 131, № 13/38.

[2]) Св. 131, № 51.

[3]) Св. 73, № 13.

[4]) Св. 49, № 2—прилож.—Бумаги къ М. Ю. 23 сентября 1821 г. № 52.

*

Экспедиція, вмѣсто того, чтобы обсудить это предложеніе прокурорскаго надзора, постановила просить прокурора внушить стряпчему Литвинцеву, чтобы онъ такими затѣями не занимался [1]).

25 іюня 1821 г., Нерчинскій уѣздный судья Рикъ, временно исправлявшій должность городничаго, наказалъ при допросахъ розгами мѣщанку Ефремову и солдатскую дочь Сычеву. Онъ былъ преданъ за то суду 6 апрѣля 1822 г. Это была едвали не послѣдняя карательная мѣра Сперанскаго [2]).

Въ октябрѣ 1821 г., у Красноярскаго казначея Паутова оказался недостатокъ казенныхъ денегъ на 27.000 р. Ильичевскій распорядился произвести слѣдствіе и обезпечить недостатокъ имуществомъ Паутова. Сперанскій, въ предписаніи Ильичевскому отъ 25 ноября 1821 г., подтверждая принятыя имъ мѣры, прибавилъ въ PS: «Прежде всего надлежало приняться за имѣніе тѣхъ, кои свидѣтельствовали казначейство и удостовѣряли въ его цѣлости. Ихъ дѣло послѣ сего было бы отыскивать и уличать другихъ. Я надѣюсь, что первое донесеніе ваше по сему дѣлу будетъ состоять въ томъ, что вся сумма взыскана». Извѣщая министра финансовъ о растратѣ денегъ, Сперанскій писалъ: «какъ въ числѣ ихъ (свидѣтельствовавшихъ казначейство) есть достаточные люди, то и увѣренъ я, что вся сумма немедленно будетъ взыскана». Но прибѣгать къ этой мѣрѣ не было необходимости, хотя, при точнѣйшей повѣркѣ, еще открылось недостатка на 4.000 р. Весь этотъ недостатокъ, (31.000 р.), а также употребленные на производство слѣдствія прогоны (606 р. 10 к.), уже въ декабрѣ того же года были пополнены выгодной продажей имѣній Паутова и его жены [3]).

Докторъ Бутацъ, состоявшій при Сперанскомъ, жаловался на Томскую врачебную управу, особенно на лекаря Нимейера. Онъ жаловался и на управлявшаго Томскою аптекою провизора Кондратьева. Неизвѣстно, въ чемъ состояли эти жалобы. Въ мартѣ 1822 г., Сперанскій распорядился—удалить Нимейера отъ присутствія въ управѣ, а Кондратьева перевести въ другое мѣсто. По словамъ его, при такомъ распоряженіи, Нимейеръ, «бывъ удаленъ отъ вліянія на дѣла врачебной управы, можетъ быть полезенъ собственно для уѣзда Томскаго и города, гдѣ въ надежныхъ лекаряхъ великій недостатокъ» [4]).

Дѣйствія самого Ильичевскаго были далеко не безукоризненны.

---

[1]) Св. 149, № 2.
[2]) Св. 72, № 6.
[3]) Св. 143, № 314.
[4]) См. приложеніе.

Даже чиновники приносили на него жалобы. Туруханскій городничій Осиповъ, въ письмѣ къ Сперанскому, отъ 30 октября 1820 г., извѣщалъ, что онъ просилъ губернатора о переводѣ его въ Канскъ, но, вмѣсто того, получилъ приказаніе только сдать дѣла и явиться въ Томскъ. (Осиповъ просилъ Сперанскаго перевести его въ Тару). 30 октября того же года, Красноярскій исправникъ Генцъ жаловался, что Иличевскій неправильно насчиталъ на него за 1817 г. 740 р. 75 к., удержанныхъ будто бы изъ вырученныхъ за хлѣбъ и звѣриныя шкуры, тогда какъ онъ этихъ денегъ никогда не удерживалъ [1]).

Такимъ образомъ, въ ревизіи Сперанскаго, какъ и вездѣ, карательныя мѣры не достигли своей цѣли. Онѣ не предупредили зла на будущее время. Для этого были нужны другіе люди, другія понятія, другія условія быта: все это было не въ силахъ Сперанскаго.

Независимо отъ общаго надзора за движеніемъ дѣлъ и разсмотрѣнія жалобъ, поступавшихъ къ Сперанскому, онъ, по порученію сената, занимался иногда и разсмотрѣніемъ дѣлъ по жалобамъ, поступавшимъ прямо въ сенатъ. Иркутское губернское правительство распорядилось продать 29 мѣстъ чаю, принадлежавшаго несостоятельному греку Мацевитинову и хранившагося въ Кяхтинской таможнѣ. Конкурсъ Мацевитинова жаловался на это сенату. Сенатъ, въ январѣ 1820 г., поручилъ Сперанскому разсмотрѣть обстоятельства дѣла и оказать конкурсу возможное удовлетвореніе. Сперанскій нашелъ притязанія конкурса не правильными, потому что, по словамъ самого конкурса, чай могъ въ таможнѣ испортиться, а по дальнему разстоянію нельзя было скоро получить свѣдѣнія, необходимыя для разрѣшенія дѣла. Съ этимъ согласился и сенатъ [2]).

Чиновникъ Красильниковъ жаловался сенату, что Иркутское губернское правительство не удовлетворяло жалобъ его на магистратъ по дѣлу объ имуществѣ, оставшемся по смерти купца Логиновскаго. Сенатъ нашелъ, что объясненія губернскаго правительства не опровергаютъ въ полной мѣрѣ жалобы Красильникова, и препроводилъ ее, 8 іюля 1819 г., къ Сперанскому, съ тѣмъ, чтобы онъ оказалъ просителю удовлетвореніе, въ чемъ будетъ слѣдовать. Дѣйствія магистрата состояли между прочимъ въ томъ, что онъ изъ вырученныхъ отъ продажи имущества Логиновскаго денегъ, уплатилъ 1000 р. крестьянину Кокорину по неформальному векселю. Кромѣ того, онъ потерялъ одинъ золотой перстень, и изъ

1) Св. 61, № 81.
2) Св. 153, № 10.

учета денегъ, бывшихъ въ вѣдѣніи магистрата, оказалось, что неизвѣстно куда были употреблены 25 р. 68 к. Сперанскій нашелъ, что Красильниковъ въ правѣ отыскивать узаконеннымъ порядкомъ выданныя Кокорину 1000 р., потерянный перстень и недостающія 25 р. 68 к. и предложилъ о томъ губернскому правительству [1]. Губернское правительство распорядилось, черезъ земскій судъ, взыскать съ Кокорина выданную ему тысячу рублей. «Распоряженіе земскаго суда, писалъ по этому поводу Сперанскій правительству, я нахожу неправильнымъ: ибо ко взысканію тогда приступать должно, когда Красильниковъ докажетъ узаконеннымъ порядкомъ, что претензія его на Кокорина совершенно основательна». Поэтому онъ велѣлъ остановиться взысканіемъ [2].

По дѣлу о продажѣ имѣнія малолѣтнихъ дѣтей Верхнеудинскаго мѣщанина Спирина, сенатъ обратилъ вниманіе на то, что надъ дѣтьми Спирина, по смерти его, не было учреждено опеки. Сперанскій, въ донесеніи сенату, обвинялъ въ этомъ Верхнеудинскаго словеснаго судью и другія власти, но оправдывалъ губернское правительство, до котораго свѣдѣнія о смерти Спирина дошли только черезъ 9 лѣтъ. [3]

Къ дѣламъ того же рода принадлежатъ и нѣкоторые вопросы, возникавшіе изъ судныхъ дѣлъ. Такъ напримѣръ, 10 іюля 1822 г. Сперанскій представлялъ на разрѣшеніе сената возникшій по Иркутской губерніи вопросъ о правѣ лицъ, имѣніе которыхъ состоитъ подъ запрещеніемъ, брать и давать векселя. Рапортъ его по этому предмету въ сенатъ, впрочемъ безъ всякаго личнаго мнѣнія,—отличается особенною бойкостью изложенія [4]. Намъ неизвѣстно, чѣмъ онъ былъ разрѣшенъ.

Одно изъ такихъ заключеній было представлено и министру юстиціи, по жалобѣ поселенца Идинской волости Иркутскаго уѣзда, Лоскутова. У Лоскутова былъ разсчетъ съ другимъ поселенцемъ, Козловскимъ, въ товарѣ на 1536 р. Дѣло объ этомъ разсчетѣ было разсмотрѣно въ Иркутскомъ совѣстномъ судѣ. Лоскутовъ, истецъ, жаловался министру на то, что засѣдатель совѣстнаго суда, извѣстный Третьяковъ, одинъ, безъ участія прочихъ членовъ и даже безъ священника, допустилъ отвѣтчика къ крестной присягѣ и тѣмъ лишилъ Лоскутова права иска. Сперанскій поручалъ Зеркалееву разсмотрѣть это дѣло, и обратить особенное

[1] Св. 163, № 478, предлож. 21 іюля 1820 г.
[2] Св. 163, № 478, 30 іюля 1820 г.
[3] Св. 151, № 13.
[4] Св. 349, № 48. См. Приложеніе.

вниманіе на поступокъ Третьякова, а Словцова (совѣстнаго судью) просилъ доставить свѣдѣнія о дѣлѣ и прибавилъ PS. «справиться, входило ли дѣйствительно дѣло сіе на разсмотрѣніе совѣстнаго суда и чѣмъ оно кончено». Жалоба Лоскутова оказалась несправедливой. Отвѣтъ Сперанскаго министру 20 ноября любопытенъ по нѣкоторымъ частностямъ. «Прежде всего, пишетъ онъ, я считаю здѣсь нужнымъ примѣтить, что и истецъ, и отвѣтчикъ, суть ссыльные».

Иркутскій совѣстный судъ, въ объясненіи своемъ о порядкѣ производства сего дѣла, представилъ слѣдующее:

1) Что 30 сентября 1816 г., въ тотъ же день, какъ подано было прошеніе отъ ссыльнаго Лоскутова, въ журналѣ совѣстнаго суда заключено повѣстить чрезъ полицію отвѣтчика, и вмѣстѣ съ тѣмъ для самого просителя, какъ неимѣвшаго узаконеннаго билета на пребываніе въ Иркутскѣ, исходатайствовать видъ отъ земскаго суда, которому въ тотъ же день о томъ предложено, и 3 октября дѣйствительно онъ и былъ снабженъ видомъ.

2) Между тѣмъ отвѣтчикъ, ссыльный Козловскій, неоднократно являлся въ судъ, и сообразно принесенной на него жалобѣ былъ убѣждаемъ къ признанію и возвращенію взятыхъ подъ закладъ вещей; но убѣжденія были безуспѣшны.

«Почему, на основаніи 40 ст. учр. о губ., было предлагаемо просителю, по общему порядку, избрать посредниковъ; но онъ отъ сего отказался, отзываясь тѣмъ, что, по низкому своему состоянію ссыльнаго переселенца, не надѣется сыскать посредника, и потому просилъ судъ о томъ только, чтобы убѣдить отвѣтчика къ цѣлованію креста и евангелія, что и было 6 октября исполнено въ присутствіи совѣстнаго суда, не при одномъ засѣдателѣ Третьяковѣ, какъ проситель изъясняетъ, но при немъ и при двухъ другихъ засѣдателяхъ, а именно при купеческомъ—Рязанцовѣ, и при сельскомъ—Козловѣ; послѣ чего, на основаніи той же 40 ст., заключено объявить какъ истцу, такъ и отвѣтчику, что совѣстному суду до нихъ дѣла нѣтъ. Присемъ небыло въ присутствіи одного совѣстнаго судьи, который однакожъ, какъ участвовавшій въ убѣжденіи отвѣтчика, подписалъ и послѣдній журналъ, на основаніи указа 1736 г. 31 августа».

Сперанскій находилъ рѣшеніе правильнымъ, а жалобу Лоскутова неосновательною. [1])

Утвержденіе приговоровъ уголовныхъ палатъ, представлявшихся на утвержденіе Сперанскаго, на основаніи 113 ст. губ. учр., обы-

[1]) Св. 42, № 214.

кновенно составляло только одну формальность. Мы знаемъ однакожъ одно исключеніе изъ этого правила по поводу того же Олекминскаго коммисара Миллера, о которомъ мы уже имѣли случай упоминать. Иностранецъ Бринкъ жаловался на Миллера, что тотъ незаконно отобралъ у него все имущество. Якутскій уѣздный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Бринка; областное правленіе, напротивъ, во всемъ оправдало Миллера. Сперанскій спрашивалъ по этому предмету заключенія новаго областнаго начальника, Рудакова, и потомъ, согласно съ этимъ заключеніемъ, представилъ дѣло, 21 іюня 1822 г., въ сенатъ, обясняя, что онъ признаетъ рѣшеніе уѣзднаго суда правильнымъ [1]).

Иногда ему приходилось и непосредственно вмѣшиваться въ судебныя рѣшенія.

Члены Иркутскаго магистрата жаловались на то, что гражданская палата несправедливо наложила на нихъ штрафъ (до 10000 р.) за неправильное рѣшеніе по дѣлу о питейныхъ откупахъ. Рѣшеніе палаты о взысканіи штрафа уже было обращено къ исполненію. Сперанскій, 16 іюля 1820 г., предложилъ Иркутскому губернскому правительству, что правильность приложенія закона о неправыхъ рѣшеніяхъ къ лицамъ, несущимъ городскую службу единственно по довѣрію избравшаго ихъ общества, подвержена сомнѣнію, а самое примѣненіе,—важнымъ неудобствамъ; что, на основаніи 86 ст. учрежд. о губ., онъ признаетъ нужнымъ сдѣлать о томъ представленіе куда слѣдуетъ и предлагаетъ правительству остановиться исполненіемъ рѣшеній палаты по этому пункту, впредь до окончательнаго разрѣшенія возбужденнаго вопроса. Казенной экспедиціи предложено было (5 октября 1821 г.) не включать этого штрафа въ недоимку. Тѣмъ дѣло и кончилось; невидно, было ли дано ему Сперанскимъ дальнѣйшее движеніе; но штрафъ остался невзысканнымъ [2]).

Еще рѣшительнѣе поступилъ Сперанскій въ другомъ дѣлѣ. Иркутская гражданская палата постановила,—бѣглую отъ помѣщицы, вышедшую замужъ за ссыльнаго, Татьяну Юркову, возвратить помѣщицѣ. Сперанскій нашелъ это рѣшеніе неправильнымъ потому, во 1-хъ, что дѣло это начато не въ надлежащемъ мѣстѣ, и во 2-хъ, что Татьяна уже вышла за поселенца Юркова, слѣд. поступила въ казенное вѣдомство, изъ котораго не можетъ быть возвращена иначе, какъ въ особомъ порядкѣ, установленномъ для

---

[1]) Св. 349, № 26.—Св. 143, № 312.

[2]) Св. 153, № 17/3. Отчетъ.

дѣлъ этого рода. 7 іюня 1820 г. онъ распорядился, чтобы Юркова была оставлена въ настоящемъ положеніи [1]).

Мѣщанинъ Лысовъ судился въ Томской палатѣ гражданскаго и уголовнаго суда по обвиненіямъ, взведеннымъ на него губернскимъ начальствомъ. Сущность обвиненій состояла въ оскорбительныхъ будто бы выраженіяхъ противъ начальства. Палата присудила Лысова къ ссылкѣ. Рѣшеніе это было совершенно незаконно и выказывало явное пристрастіе. Сперанскій остановилъ исполненіе рѣшенія и освободилъ Лысова изъ подъ стражи [2]). Затѣмъ, уже въ 1824 г. (14 іюня), онъ препроводилъ дѣло о Лысовѣ, съ своимъ мнѣніемъ, къ генералъ-губернатору Западной Сибири, Капцевичу. Въ мнѣніи своемъ Сперанскій полагалъ «освободить Лысова отъ присужденнаго ему Томскимъ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ наказанія, и бытіе его по сему дѣлу подъ судомъ въ вину ему не ставить; за неправильное же сужденіе по сему дѣлу сдѣлать строжайшій выговоръ какъ Томскому и Кузнецкому городовымъ магистратамъ, такъ и Томскому гражданскому и уголовному суду.»

Въ дѣлѣ о купеческомъ сынѣ Серебренниковѣ, который судился также Томскимъ губернскимъ судомъ и приговоръ о которомъ былъ обращенъ уже къ исполненію, Сперанскій нашелъ неправильность въ началѣ и производствѣ дѣла, въ представленіи его на ревизію и въ подведеніи неподходящихъ къ дѣлу законовъ. Онъ остановилъ исполненіе и распорядился освободить Серебренникова [3]).

Точно также Сперанскимъ было остановлено исполненіе рѣшенія Тобольской уголовной палаты по дѣлу о крестьянинѣ Казанцевѣ. Приговоръ Палаты по этому дѣлу Сперанскій находилъ слишкомъ строгимъ. Но самъ онъ не разсматривалъ дѣла во всей подробности, и 14-го іюня 1824 г. просилъ Капцевича разсмотрѣть его, если приговоръ палаты еще неисполненъ [4]).

Вообще, тогдашнія судебныя мѣста въ Сибири не отличались правосудіемъ. Члены Иркутскаго магистрата, Трапезниковъ, Дегтевъ и Саламатовъ, судились за неправильное засеквестрованіе товаровъ и неповиновеніе предписаніямъ губернатора. Иркутская уголовная палата постановила обвинительный приговоръ. Сенатъ указомъ 5-го ноября 1820 г. не только отмѣнилъ этотъ приговоръ, но и оштрафовалъ за него палату [5]).

[1]) Св. 161, № 160.

[2]) Переписка: предлож. Томскому губ. правл. іюля 1819 г.

[3]) Переписка: предл. Томск. губ. пр. іюля 1819 г. Отчетъ.

[4]) Св. 348 № 13. Отчетъ.

[5]) Св. 170 № 3. Отчетъ.

Томскій гражданскій и уголовный судъ присудилъ торгующаго крестьянина Бурмакина къ штрафу въ 800 р. за то, что онъ покупалъ лошадей на большую сумму, нежели на какую давало ему право торговое свидѣтельство. По жалобѣ на это Бурмакина, Сперанскій, въ предложеніи Томскому Губернатору отъ 22 ноября 1820 г., нашелъ рѣшеніе суда «совершенно несправедливымъ, потому что покупка и продажа лошадей крестьянами никогда не была воспрещаема и не подлежала и нигдѣ не подлежитъ правиламъ о пошлинѣ, съ торговыхъ крестьянъ установленной». Сперанскій поручилъ Плинчевскому доставить ему выписку изъ рѣшенія, а исполненіемъ его остановиться. Но когда министръ финансовъ потребовалъ свѣдѣній, что сдѣлано Сперанскимъ по настоящему дѣлу,—Сперанскій, отъ 21 марта 1822 г., далъ знать губернатору, что рѣшеніе суда должно быть приведено въ исполненіе [1]). Вообще замѣтно, что Сперанскій избѣгалъ представленій въ сенатъ по тѣмъ рѣшеніямъ, исполненіе которыхъ было имъ остановлено.

По вопросу о подсудности дѣлъ о Слободчиковѣ, Карякинѣ и сотникѣ Бакшеевѣ возникло пререканіе между Якутскимъ областнымъ правленіемъ, которому дѣла эти были подсудны, и Иркутскою уголовною палатой. Областное правленіе отказывалось судить эти дѣла по изъявленному подсудимыми подозрѣнію на его членовъ. Сперанскій нашелъ этотъ отказъ основательнымъ, потому, во 1-хъ, что въ производствѣ слѣдствій участвовали члены правленія, и во 2-хъ, что почти всѣ Якутскіе чиновники состояли въ родствѣ между собою, и Слободчиковъ на всѣхъ изъявилъ подозрѣніе, объясняя, что «судьбы своей Якутскому областному правленію ввѣрить онъ не можетъ». Сперанскій, отъ 31 декабря 1819 г., поручилъ эти дѣла разсмотрѣнію уголовной палаты [2]).

Отводъ цѣлыхъ присутствій и просьбы о переносѣ дѣлъ въ другое мѣсто на томъ основаніи, что подсудимый не можетъ ввѣрить свою судьбу мѣстнымъ властямъ, былъ въ тѣ времена въ большомъ употребленіи. Этотъ отводъ предъявляли Пѣтуховъ, Передовщиковъ и въ 1821 г. Литвинцевъ [3]).

---

[1]) Св. 163 № 521.

[2] Св 112 № 296. При этомъ Сперанскій препроводилъ въ палату и поданную ему Слободчиковымъ просьбу, съ разными приложеніями.

[3]) Къ суднымъ дѣламъ относится, между прочимъ, и слѣдующій случай. Двоюродный братъ чиновника Ярославцева, служившаго въ Камчаткѣ, просилъ о выдачѣ ему оставшагося, послѣ Ярославцева, имѣнія. Вырученныя за имѣніе деньги находились въ Тобольской провіантской коммисіи. Объявлено, чтобы Ярославцевъ искалъ деньги съ надлежащими доказательствами. Св. 151, № 2.

Приведемъ еще нѣкоторыя общія и частныя распоряженія и тѣ случаи, о которыхъ, по нашему плану, не встрѣтится возможности говорить въ другомъ мѣстѣ.

Самымъ любопытнымъ изъ нихъ должно считать слѣдующее предложеніе его Зеркалееву, отъ 16 марта 1820 г. Оно показываетъ, какія ребяческія понятія объ нѣкоторыхъ предметахъ существовали въ то время въ нашихъ административныхъ сферахъ. Предписаніе это не лишено даже нѣкотораго юмора. «Получивъ сего дня представленіе губернскаго правительства, съ надписью о *неповиновеніи крестьянскихъ обществъ къ предписаніямъ начальства*, я усмотрѣлъ, что все дѣло состоитъ токмо въ медленномъ доставленіи вѣдомостей отъ старшинъ Бадайской волости. По сему большую часть губернскихъ правительствъ можно бы было объявить въ неповиновеніи высшему начальству: ибо не многія изъ нихъ доставляютъ вѣдомости къ своему сроку. Я прошу ваше высокородіе наблюсти, чтобъ слово *неповиновеніе* съ осторожностію въ истинномъ его смыслѣ было употребляемо въ актахъ правительства. Должно оставлять сіи привычки,—изъ маловажныхъ обстоятельствъ выводить важныя происшествія. Время къ сему уже миновало. Въ 1800 и 1801 г. о семъ сдѣланы были и отъ высшаго правительства строгія запрещенія.

«Впрочемъ разрѣшеніе настоящаго случая весьма просто. Изъ Бадайскихъ старшинъ двухъ или трехъ и волостнаго писаря должно выслать съ нарочнымъ на ихъ счетъ въ земскій судъ, изъяснить имъ требованіе, задержать ихъ на одни или двои сутки при земскомъ судѣ подъ стражею; писаря, который одинъ тутъ главнымъ образомъ виноватъ, смѣнить или оштрафовать вычетомъ его жалованья, — и вѣдомости чрезъ нѣсколько дней будутъ готовы» [1]).

По распоряженію Трескина въ уѣздныя продовольственныя коммисіи, для присутствованія въ случаѣ некомплекта членовъ, должны были командироваться члены магистратовъ. Верхнеудинскій магистратъ затруднялся исполнять это, по некомплекту въ самомъ магистратѣ и потому, что такая обязанность была, по словамъ магистрата, затруднительна для общества. Сперанскій, отъ 19 іюня 1820 г., далъ знать магистрату, что отпуска хлѣба изъ Верхнеудинскаго городоваго магазина почти совсѣмъ не производится, а потому и нѣтъ надобности, командировать въ коммисію особеннаго гражданина отъ магистрата; но если встрѣтится выпускъ хлѣба

---

[1]) Св. 143. № 310.

изъ магазина, или пріемъ его въ магазинъ, то въ обоихъ случаяхъ долженъ находиться одинъ изъ членовъ магистрата [1]).

Губернаторы, по крайней мѣрѣ Иркутскій, представляли Сперанскому копіи съ получаемыхъ ими министерскихъ циркуляровъ. Сперанскій, отъ 20 сентября 1820 г., увѣдомилъ Зеркалеева, что онъ находитъ излишнимъ обременять начальниковъ губерніи присылкою этихъ копій, такъ какъ циркуляры присылаются къ нему прямо изъ министерства [2]).

Министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы о надобности въ воинскихъ чинахъ для полицейскихъ и другихъ командъ, по вѣдомству его министерства, губернаторы представляли прямо отъ себя въ главный штабъ. Сперанскій, отъ 6 Іюня 1819 г., разъяснилъ этотъ циркуляръ тѣмъ, что съ истребованіемъ нижнихъ чиновъ по другимъ министерствамъ губернаторы должны обращаться прямо къ министрамъ. Впослѣдствіи, 14 декабря 1820 г., министръ объявилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы, по отдаленности Сибири, нижніе чины назначались тамъ въ гражданское вѣдомство по требованію генералъ-губернатора, корпуснымъ командиромъ. Исполнять этотъ порядокъ по Иркутской губерніи, съ тѣхъ поръ, какъ Сперанскій уѣхалъ въ Петербургъ, оказалось неудобно. Поэтому онъ, отъ 22 марта 1822 г., сдѣлалъ распоряженіе, чтобы съ требованіями подобнаго рода мѣстное гражданское начальство обращалось къ мѣстному же военному [3]).

Трескинъ вытребовалъ изъ казенной экспедиціи музыкальные инструменты бывшаго Пекинскаго посольства. Кромѣ того у него оставались разныя вещи и книги экспедиціи Геденштрома. Сперанскій, письмомъ 25 мая 1820 г., спрашивалъ Трескина, куда обращены эти вещи. Трескинъ отвѣчалъ, что инструменты выданы полковому командиру Нараевскому для употребленія въ торжественные дни; вещи экспедиціи Геденштрома, кромѣ естественной исторіи Блуменбаха, находятся въ канцеляріи, а исторія возвращена въ гимназію, откуда была взята. Сперанскій, 28 мая 1820 г., № 376, предложилъ Зеркалееву, «музыкальные инструменты оставить у Нараевскаго, если они ему нужны, взявъ росписку въ полученіи; оставшіяся отъ экспедиціи Геденштрома вещи препроводить для храненія въ казенную экспедицію, и сдѣлать выправку, не было ли Трескинымъ взято еще какихъ нибудь казенныхъ

[1]) Св. 213, № 12.
[2]) Св. 2. № 12.
[3]) Св. 122. № 1.

вещей, дабы до отъѣзда его отсюда можно было оныя отъ него вытребовать»[1]).

Крестьянинъ Киренскаго уѣзда, Нижнеилимской волости, Петръ Володиміровъ, просилъ о перечисленіи его въ Иркутскіе мѣщане. Объявлено, 4 октября 1820 г., что онъ долженъ обратиться въ казенную экспедицію [2]). Въ томъ же году, мѣщанинъ Пшеничниковъ жаловался, что онъ отъ Верхнеудинскаго общества уволенъ, а къ Красноярскому не приписанъ. 16 іюня 1820 г. предписано Томской экспедиціи причислить его къ Красноярску, если къ этому нѣтъ препятствій. P. S. «При семъ не оставить безъ вниманія обстоятельство, по коему пропущенъ въ ревизіи». Оказалось, что онъ не пропущенъ, а записанъ по Верхнеудинску. 14 іюля 1820 г., велѣно объявить Пшеничникову, что о причисленіи къ Красноярскому обществу онъ долженъ просить установленнымъ порядкомъ. PS. «А между тѣмъ подтвердить ему, чтобы онъ подати платилъ по Верхнеудинску бездоимочно, безъ чего подвергнется строгому по закону взысканію»[3]).

Новый Иркутскій губернаторъ, Цейдлеръ, на первыхъ порахъ, усердно принялся за дѣло, хотя и смотрѣлъ на него со своей точки зрѣнія. Отъ 18 ноября 1821 г., онъ представилъ на одобреніе Сперанскаго свои распоряженія: о сохраненіи порядка въ Иркутскѣ; объ усиленіи хлѣбопашества и объ устраненіи безпорядка въ содержаніи прислуги. Эти распоряженія имѣли чисто полицейскій характеръ; тѣ изъ нихъ, которыя относились къ хлѣбопашеству, были сильно проникнуты духомъ Трескинской опеки и понужденія, вмѣсто того духа свободы и поощренія, который старался ввести въ это дѣло Сперанскій. Послѣдній не сдѣлалъ однакожъ никакихъ замѣчаній на распоряженія Цейдлера, вѣроятно, думая, что распоряженія эти сами собой потеряютъ силу съ изданіемъ законодательныхъ правилъ въ Сибирскомъ учрежденіи. Онъ однакожъ ошибся. Правила Цейдлера не только остались въ своей силѣ, но еще, по распоряженію его, были подкрѣплены ссылкой на цѣлую кипу законовъ. Въ іюлѣ 1823 г. Иркутское губернское правленіе, въ подтвержденіе правилъ 1821 г., издало списокъ законовъ и правилъ, предписанныхъ для благоустройства селеній, прекращенія бродяжества ссыльныхъ и управленія инородцами. Въ этомъ спискѣ приводились распоряженія Селифонтова, Трескина, Цейдлера; но не упомянуто ни объ одномъ изъ предписаній Сперанскаго, ни

---

[1]) Св. 347. № 10.
[2]) Св. 180. № 122.
[3]) Св. 184 № 129.

даже объ учрежденіи инородцевъ, тогда какъ послѣднее въ то время было уже обнародовано, служило основнымъ закономъ въ управленіи инородцами и этимъ самымъ отмѣняло всѣ прежнія распоряженія по этому предмету [1]).

Въ ноябрѣ 1821 г., Цейдлеръ просилъ Сперанскаго доставить ему способы къ литографическому печатанію, но не получилъ отвѣта [2]).

Отъ 7 января 1822 г., Цейдлеръ представлялъ о разныхъ неразрѣшенныхъ представленіяхъ губернатора и просилъ дать имъ ходъ. Сперанскій, сначала, отъ 22 марта, увѣдомилъ его о томъ, что новыхъ наградъ чиновникамъ ожидать нельзя, а потомъ, отъ 5 мая, возвратилъ записку Цейдлера, съ отмѣтками. Въ отвѣтѣ Сперанскаго любопытно слѣдующее мѣсто: «Не отмѣчено также, какое дано движеніе тремъ уголовнымъ дѣламъ, въ 1815 и 1817 г., къ предмѣстнику моему представленнымъ. По выправкѣ въ дѣлахъ канцеляріи оныхъ не оказалось, а состоящіе въ канцеляріи чиновники никакого о нихъ свѣдѣнія дать не могли, потому что они поступили въ оную уже послѣ сего времени. Почему я и призналъ необходимымъ выправиться объ нихъ по дѣламъ архива, находящагося въ Тобольскѣ, и представить о томъ, что окажется, по начальству» [3]).

Къ числу дѣлъ, которыми былъ заинтересованъ Сперанскій, принадлежитъ, между прочимъ, вопросъ о выпискѣ въ Россію Тибетскихъ козъ. Подробности этого дѣла намъ неизвѣстны; изъ находившихся въ нашихъ рукахъ матеріаловъ мы узнаемъ только, что здѣсь главнымъ дѣятелемъ явился какой-то Сальватори, рекомендовавшій Сперанскому, повидимому, бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Козодавлевымъ. Въ іюнѣ 1819 г., Сперанскій поручилъ это дѣло попеченію начальника штаба Сибирскаго корпуса, барона Клодта, и распорядился отпустить Сальватори 5.000 р. на расходы [4]). Неизвѣстно, что дѣлалъ Сальватори на эти деньги; но кажется, что онъ ничего не сдѣлалъ. Въ сентябрѣ того же года, Сперанскій отправилъ къ князю Голицыну копію съ какого то письма Сальватори и къ этому прибавилъ: «Бывъ на линіи предъ самымъ его туда пріѣздомъ, я отъ лучшихъ людей слышалъ, что выписка Тибетскихъ козъ есть дѣло, или совсѣмъ невозможное, или, по крайней мѣрѣ, столько трудное, что надобно отважить на удачу не

---

[1]) Св. 298. № 4.
[2]) Св. 63. № 24.
[3]) Св. 63. № 24.
[4]) Дневникъ.

пять, и не десять тысячъ, но можетъ быть сто тысячъ рублей, и совсѣмъ тѣмъ не быть увѣрену въ успѣхѣ. Ташкенцамъ же и на десять рублей повѣрить трудно. Вообще мнѣ кажется, что покойный О. П. Козодавлевъ узнавъ ближе Сальватори, желалъ только симъ образомъ отъ него отвязаться, и желалъ не безъ основанія». Такого же мнѣнія о Сальватори былъ и Голицынъ [1]). Дѣло это, кажется, кончилось ничѣмъ.

По инструкціи 23 мая 1803 г., генералъ-губернатору предоставлено было, по уваженію дальности разстояній, предоставлять часть своихъ правъ губернаторамъ. Пестель, уѣхавъ въ Петербургъ, предоставилъ Трескину права свои по инструкціи въ полномъ объемѣ. Сперанскій, по пріѣздѣ въ Сибирь, вступилъ въ личное управленіе краемъ, и права губернаторовъ ограничены были тѣми предметами, какіе опредѣлены общимъ учрежденіемъ. Но онъ не могъ непосредственно управлять Иркутской губерніей изъ Тобольска; еще менѣе возможности было къ тому въ Петербургѣ. За день до отъѣзда своего изъ Иркутска, 30 іюля 1820 г., онъ далъ Зеркалееву, на время своего отсутствія, инструкцію въ 14-ти пунктахъ. Сущность этой инструкціи была слѣдующая:

1) Приговоры уголовной палаты утверждать на общемъ порядкѣ, кромѣ дѣлъ слѣдственныхъ и тѣхъ, въ которыхъ Зеркалеевъ встрѣтитъ важныя упущенія или сомнѣнія. Приговоры по дѣламъ перваго рода палаты и областное правленіе обязаны были представлять на утвержденіе непосредственно къ Сперанскому; приговоры втораго рода Зеркалеевъ могъ представлять ему съ своими замѣчаніями.

2) По заготовленію провіанта для войскъ, провіантское коммисіонерство подчинено Зеркалееву. Заготовленіе производить съ торговъ, а въ случаѣ неявки желающихъ, или слишкомъ высокихъ цѣнъ,—чрезъ провіантскихъ коммисіонеровъ. Впрочемъ, какъ въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ, т. е. въ Нерчинскомъ краѣ, продовольствіе обезпечено на два года, то и не можетъ быть по сей части дѣлъ затруднительныхъ.

3) Управленіе запасными магазинами остается на прежнемъ основаніи. Въ крайнихъ случаяхъ, Зеркалееву предоставлено разрѣшать ссуды, а въ отдаленныхъ мѣстахъ—даже безденежныя выдачи, донося только объ этомъ Сперанскому. Вообще стараться держать достаточные запасы, особенно по Киренскому и Якутскому краю.

---

[1]) Переписка: письма къ Голицыну 18 сентября и 23 октября 1819 г.

4) По дѣламъ пограничнымъ, Троицкосавская пограничная канцелярія будетъ относиться къ Зеркалееву на томъ же основаніи, какъ и къ бывшему губернатору. Особенное вниманіе обратить на два дѣла: отчетность по отправленію духовной миссіи и заключеніе контракта на поставку ревеня;

и 5) Вообще по дѣламъ управленія командировать, не испрашивая разрѣшенія, чиновниковъ для производства слѣдствій и исполненія другихъ порученій, а также для исправленія вакантныхъ должностей. «Опытомъ дознано, что, по возникающимъ въ судебныхъ и земскихъ мѣстахъ личностямъ между чиновниками, часто дѣла останавливаются въ ихъ производствѣ. Въ предупрежденіе сего предоставляю вамъ всѣхъ уѣздныхъ чиновниковъ въ случаяхъ сего рода перемѣщать изъ одного уѣзда въ другой, предлагая о томъ губернскому правительству и донося мнѣ токмо къ свѣдѣнію. На томъ же основаніи, въ случаѣ безпорядковъ особливо въ земскомъ управленіи, или важныхъ жалобъ, удалять на время отъ должностей чиновниковъ земской и городской полиціи и командировать на ихъ мѣсто другихъ чиновниковъ» [1]).

Полномочія эти, за исключеніемъ послѣдняго, вообще говоря, были не слишкомъ обширны. Но, при отъѣздѣ изъ Тобольска, Сперанскій призналъ нужнымъ значительно увеличить власть и Тобольскаго губернатора, и управлявшаго Иркутскою губерніею [2]). 7 февраля 1821 г. онъ предложилъ имъ слѣдующее:

I. По гражданскому управленію.

«1. По общему для управленія губерній учрежденію, губернское правленіе имѣетъ право и обязанность предавать суду чиновниковъ въ случаѣ злоупотребленій. На семъ основаніи предоставляю вамъ предлагать губернскому правленію и объ отрѣшеніи ихъ отъ должностей, когда они подпадутъ суду; а дабы, по отрѣшеніи ихъ, не было въ производствѣ дѣлъ остановки, то представляя мнѣ кандидатовъ къ замѣщенію, въ то же время отряжать на время къ исправленію должностей, кого вы за благо признаете.

2. Какъ могутъ быть случаи, въ коихъ представится нужнымъ и не предавая чиновниковъ суду удалять ихъ отъ должностей, то о сихъ случаяхъ представлять ко мнѣ вмѣстѣ съ назначеніемъ кандидатовъ.

---

[1]) Св. 2, № 14.

[2]) Намъ неизвѣстно въ точности, были ли тѣ же права предоставлены Илличевскому. Неизвѣстно также, какія полномочія были даны Тобольскому губернатору, кромѣ приведенныхъ здѣсь: предписаніе ему мы видѣли только въ выпискѣ.

II. По дѣламъ уголовнымъ.

3. Всѣ дѣла уголовныя будутъ къ вамъ поступать установленнымъ порядкомъ. Въ случаѣ, когда вы признаете рѣшеніе неправильнымъ, отъ васъ зависѣть будетъ вносить дѣла, съ мнѣніемъ вашимъ, въ правительствующій сенатъ, увѣдомивъ меня въ то же время.

III. По дѣламъ провіантскимъ.

4. Подтвердивъ правила, на коихъ дѣла сіи доселѣ вамъ были ввѣрены, считаю нужнымъ присоединить сверхъ того еще два слѣдующія:

5. Поелику опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе магазейнъ-вахтеровъ, писарей, счетчиковъ и служителей, весьма часто случается, и въ ожиданіи утвержденія могутъ встрѣтиться остановки въ отправленіи должностей, то и предоставляю вамъ право опредѣлять, перемѣщать и увольнять означенныхъ чиновъ.

6. При заготовленіи провіанта и овса, провіантскіе коммисіонеры, во время неурожаевъ и возвышенія цѣнъ, иногда встрѣчаютъ затрудненіе производить покупки, не выходя изъ цѣнъ среднихъ установленныхъ, и ожидая разрѣшенія, могутъ упустить удобнѣйшее время къ заготовленію. По сему, на основаніи указа 31 августа 1803 года и циркулярнаго предписанія министерства юстиціи 9 апрѣля 1814 года, предоставляю вамъ въ сихъ крайнихъ случаяхъ разрѣшать покупки по цѣнамъ возможнымъ и съ повышеніемъ среднихъ установленныхъ, если найдено вами будетъ невозможнымъ удержать среднія цѣны, донося впрочемъ мнѣ о каждомъ такомъ случаѣ».

Тогда же онъ увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ, что, на основаніи Высочайшаго рескрипта 20 марта 1820 г., и повелѣнія объявленнаго отъ іюля, того же года, онъ отправляется по дѣламъ ввѣреннаго ему управленія въ Петербургъ завтра; что сношенія остаются на прежнемъ основаніи и теченіе дѣлъ не потерпитъ никакихъ особенныхъ затрудненій [1]). Тобольской уголовной палатѣ было предложено вносить приговоры ея къ губернатору «установленнимъ порядкомъ» [2]).

При опредѣленіи Цейдлера Иркутскимъ губернаторомъ, Сперанскій, 4 сентября 1821 г., предоставилъ ему руководствоваться данною Зеркалееву инструкціей, «будучи увѣренъ, что Цейдлеръ

---

[1]) Св. 2 № 14.

[2]) Св. 348 № 13.

оправдаетъ въ полной мѣрѣ сдѣланную ему довѣренность». Въ этотъ же день, вѣроятно, находя нужнымъ ближе познакомить новаго губернатора съ взглядами своими на нѣкоторыя части управленія, онъ далъ ему слѣдующее замѣчательное предложеніе:

«Въ дополненіе къ предписанію, коимъ призналъ я нужнымъ уполномочить ваше превосходительство во всѣхъ тѣхъ предметахъ, кои были ввѣрены исправлявшему должность гражданскаго губернатора, я считаю необходимымъ обратить въ особенности вниманіе ваше на слѣдующія части управленія:

1. Продовольствіе. Вамъ уже безъ сомнѣнія извѣстны главныя затрудненія, коими часть сія окружена въ Иркутской губерніи. Мѣры, принятыя къ ихъ отвращенію, вы найдете въ разныхъ предписаніяхъ, предмѣстнику Вашему отъ меня данныхъ. Главнѣйшія изъ нихъ суть:

а) Свобода хлѣбной торговли. Стѣсненія, допущенныя въ теченіи минувшихъ лѣтъ, ложныя правила, по коимъ хлѣбныя заготовленія были производимы, насильственныя и самовластныя цѣны, кои были установлены, и злоупотребленія, коими все сіе было сопровождаемо, довели часть сію до совершеннаго растройства. Когда хлѣбъ не былъ у земледѣльцевъ покупаемъ, но взимаемъ по подушной раскладкѣ, когда цѣны его были по произволу унижаемы и содержимы въ невольной дешевизнѣ, — тогда земледѣліе, вмѣсто размноженія, естественно должно было упадать; и хотя на бумагѣ и по вѣдомостямъ число засѣянныхъ десятинъ ежегодно возрастало, но на самомъ дѣлѣ засѣвы сіи едва самымъ крайнимъ нуждамъ были соразмѣрны. Остатки и запасы отъ одного года къ другому были ничтожны. Къ сему присоединилось, что послѣдніе два года были неурожайны; были притомъ ранніе морозы и чрезвычайныя наводненія. Всѣ сіи причины, совокупно, произвели возвышеніе цѣнъ. Можно было бы удержать ихъ въ прежней мѣрѣ, если бы допустить прежнія насильственныя правила. Но я счелъ несравненно полезнѣйшимъ обратить всѣ хлѣбныя заготовленія въ законный ихъ порядокъ, и потерпѣть временную дороговизну, нежели продолжать прежнія заблужденія и изъ за временнаго облегченія готовить на будущее время неминуемый упадокъ земледѣлія. Я удостовѣренъ, что если Богъ благословитъ нынѣшній годъ хотя среднимъ урожаемъ, то цѣны хлѣба, при свободѣ ихъ, будутъ умѣренны, и земледѣлецъ найдетъ себѣ въ продажѣ его надлежащее поощреніе, когда будетъ увѣренъ, что правительство будетъ у него хлѣбъ покупать, а не взимать по произвольной раскладкѣ.

б) Ограниченіе винокуренія. Если бы, въ послѣдніе два года, значительная часть вина не была заготовляема въ Томской губерніи, то цѣны хлѣба въ Иркутской были бы чрезмѣрны. На будущее время должно держаться сего же правила. Ваше превосходительство не оставите мнѣ представлять благовременно, о пропорціи вина, которую можно выкурить на Иркутскихъ заводахъ безъ стѣсненія въ казенныхъ заготовленіяхъ, дабы недостающее къ тому могло быть выкурено на Томскихъ заводахъ, о чемъ каждый разъ и будете вы прямо сноситься съ Томскимъ губернскимъ начальствомъ.

в) Благовременный распорядокъ въ заготовленіяхъ. Каждый годъ сколь можно благовременно должно составлять смѣты всѣхъ казенныхъ хлѣбныхъ потребностей, включая въ то число все, что нужно для области Якутской, Охотска, Гижиги и Камчатки, и потомъ дѣлать распорядокъ къ закупкѣ и поставкѣ. Въ семъ распорядкѣ всегда должно начинать съ публичныхъ торговъ, кои должны быть производимы въ казенной экспедиціи, или по удобности въ общихъ присутствіяхъ уѣздныхъ. Между тѣмъ вамъ должно напередъ знать: гдѣ и какія количества могутъ быть съ выгодою куплены, и потомъ, если бы на торгахъ цѣны оказались неумѣренны, посылать коммисіонеровъ. При чемъ въ выборѣ ихъ по одной только крайности можно допускать исправниковъ, но и то однихъ самыхъ благонадежныхъ. На семъ единственно основаніи разрѣшено было отъ меня употреблять исправниковъ Нижнеудинскаго и Верхнеудинскаго. Вообще же должно стараться, чтобы коммисіонеры были люди, управленію уѣздовъ посторонніе.

г) Магазины. Казенные магазины вездѣ должно стараться содержать въ точномъ порядкѣ и во всевозможномъ обиліи. Вы найдете въ дѣлахъ предписаніе мое объ Иркутскомъ запасномъ магазинѣ. Намѣреніе мое было учредить два отдѣленія: одно для бѣдныхъ, изъ коего хлѣбъ долженъ быть продаваемъ по цѣнамъ самымъ умѣреннымъ, хотя бы то было даже и въ накладъ; другой общій, для всѣхъ открытый; изъ сего продажа должна быть производима съ нѣкоторымъ только пониженіемъ противъ цѣнъ торговыхъ: ибо неумѣренное пониженіе не только не пособитъ продовольствію, но затруднитъ его тѣмъ, что вольные продавцы совершенно прекратятъ привозъ хлѣба на рынокъ. Впрочемъ существованіе сего послѣдняго отдѣленія должно продолжать только дотолѣ, доколѣ не учредится вольная лавочная продажа, ко введенію коей въ Иркутскѣ подобно тому, какъ во всѣхъ городахъ находится, должно употреблять всѣ мѣры поощренія.

*

2. Дѣла по водворенію ссыльныхъ. Томскому губернскому начальству отъ меня предписано, всѣхъ увѣчныхъ и неспособныхъ къ поселенію оставлять въ той губерніи, гдѣ продовольствіе ихъ дешевле. Если бы правило сіе съ точностью было наблюдаемо, то въ Иркутской губерніи не было бы такъ называемыхъ *пропитанныхъ*. По сему должно обращать строгое вниманіе на разборъ ихъ и сноситься о семъ съ Томскимъ губернаторомъ. Ссыльныхъ ссылать сколь можно болѣе въ Нижнеудинскій уѣздъ, расписывая ихъ по селеніямъ.

Мнѣ извѣстны всѣ недостатки правилъ по симъ частямъ; къ исправленію ихъ, и вообще къ лучшему устройству губерніи, представлены отъ меня разныя положенія; я надѣюсь, что онѣ будутъ уважены и приведены въ должную ихъ силу. Тогда большая часть недоумѣній и трудностей прекратится».

Впослѣдствіи встрѣтилось затрудненіе въ порядкѣ управленія дѣлами Иркутской морской команды. Сперанскій разрѣшилъ его тѣмъ, что команда эта должна состоять въ вѣдѣніи губернатора [1]).

По изданіи указа 26 января 1822 г., о раздѣленіи Сибири на Восточную и Западную и пр., Сперанскій, 27 февраля 1822 г., предупредилъ губернаторовъ, что всѣ предписанныя этимъ указомъ мѣры должны быть приведены въ дѣйствіе по мѣстному распоряженію генералъ губернаторовъ, а до того времени всѣ части управленія должны оставаться въ прежнемъ положеніи [2]).

По назначеніи новыхъ генералъ - губернаторовъ, Сперанскій объявилъ какъ имъ, такъ и губернскому начальству, 14 апрѣля 1822 г., слѣдующее Высочайшее повелѣніе: «Государь Императоръ, въ уваженіе дальнихъ разстояній и дабы дѣла по Сибирскому управленію не могли потерпѣть какой либо остановки, повелѣть мнѣ соизволилъ, продолжать сношенія мои по симъ дѣламъ, доколѣ не получены будутъ здѣсь донесенія, о прибытіи главныхъ начальниковъ на мѣста и о вступленіи ихъ въ управленіе».

Тогда же онъ изъ двухъ отдѣленій своей канцеляріи образовалъ канцеляріи новыхъ генералъ-губернаторовъ. Канцелярія Капцевича была отправлена въ Тобольскъ; канцелярія Лавинскаго предоставлена въ его распоряженіе въ Петербургѣ. Сперанскій особенно рекомендовалъ генералъ-губернаторамъ поступившихъ въ распоряженіе ихъ начальниковъ отдѣленій, Жуковскаго и Крестникова, какъ «чиновниковъ опытныхъ, свѣдущихъ и отличнѣйшаго поведенія».

---

[1]) Св. 2, № 14. Предп. 23 декабря 1821 г.

[2]) Св. 3, № 16/3.

Кругъ дѣйствій своихъ, въ этомъ новомъ положеніи, Сперанскій тогда же, въ предложеніяхъ своихъ губернскому начальству, ограничилъ слѣдующимъ: 1) Сношенія его по Сибирскому управленію будутъ ограничиваться только тѣмъ, что будетъ сообщено ему отъ министерства къ мѣстному исполненію; или, по мѣстнымъ представленіямъ, потребуетъ разрѣшенія въ Петербургѣ. 2) Губернскія начальства будутъ представлять ему только о тѣхъ предметахъ, которые или требуютъ немедленнаго разрѣшенія или сношенія съ министерствами, или по важности какихъ либо происшествій будутъ заслуживать особенное вниманіе. Прочія дѣла приготовлять въ свое время и потомъ «во всей ихъ совокупности» представить генералъ-губернаторамъ, по прибытіи ихъ въ Тобольскъ, гдѣ должны были, — Лавинскій начать сношеніе съ мѣстными управленіями, а Капцевичъ вступить въ главное управленіе. Тогда сношенія мѣстныхъ начальствъ съ Сперанскимъ должны были уже прекратиться [1]). Между тѣмъ онъ принималъ просьбы нѣкоторыхъ лицъ объ опредѣленіи ихъ на службу и передавалъ эти просьбы генералъ-губернаторамъ съ своей рекомендаціей [2]).

На этихъ основаніяхъ, Сперанскій управлялъ краемъ до іюля 1822 г. Но нѣкоторыя исключительныя дѣла и послѣ того оставались въ непосредственномъ его вѣдѣніи, до самаго окончанія ихъ, какъ увидимъ далѣе.

По поводу назначенія въ Иркутскъ новаго генералъ-губернатора, Цейдлеръ встрѣтилъ затрудненіе—гдѣ его помѣстить, и спрашивалъ объ этомъ Сперанскаго. Послѣдній, отъ 9 іюня 1822 г., поручилъ ему нанять для Лавинскаго частный домъ, или занять Солдатовскій домъ, купленный для ордонансъ-гауза, а между тѣмъ войти съ представленіемъ о постройкѣ постояннаго помѣщенія для генералъ-губернатора. Къ этому онъ прибавлялъ, что Лавинскій пробудетъ нѣкоторое время въ Тобольскѣ и Красноярскѣ, и потому можно снестись съ нимъ и получить разрѣшеніе [3]).

Кромѣ того встрѣтилась необходимость въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ по устройству вновь учрежденной Енисейской губерніи. Такъ Енисейскій губернаторъ, Степановъ, представлялъ о необходимости заготовить книги и нѣкоторыя вещи для губернскаго совѣта. По представленію Сперанскаго, графъ Гурьевъ распорядился отпустить на это деньги изъ суммы, ассигнованной на

---

[1]) Св. 73 № 16.
[2]) Св. 348 № 13.
[3]) Св. 349 № 23.

содержаніе совѣта [1]). По ходатайству Степанова, Сперанскій входилъ въ сенатъ съ представленіемъ о назначеніи на службу въ Енисейскую губернію нѣкоторыхъ чиновниковъ [2]). Наконецъ Степановъ просилъ о заготовленіи для Красноярска, по неимѣнію тамъ аптеки, медикаментовъ на счетъ приказа общественнаго призрѣнія. Содержатель вольной аптеки въ Нижнемъ Новгородѣ, Руммель, вызывался пожертвовать на это собственныхъ своихъ медикаментовъ на сумму до 2000 р. Сперанскій, 10 сентября 1822 г., писалъ гр. Кочубею, что онъ находитъ заслуживающими уваженія и предположенія Степанова, и вызовъ Руммеля. Къ этому онъ прибавлялъ, что, съ устройствомъ въ Красноярскѣ аптеки, необходимо опредѣлить туда и управляющаго аптекой, и что Руммель лично извѣстенъ ему «какъ чиновникъ усердный и благонамѣренный», и потому, если Кочубей согласится принять пожертвованіе Руммеля, то справедливо было бы испросить ему и приличное вознагражденіе [3]).

Въ февралѣ 1822 г., Цейдлеръ представилъ ему нѣкоторыя предположенія о лучшемъ устройствѣ Верхнеудинскаго уѣзда. По этимъ предположеніямъ, Сперанскій тогда же снесся съ министерствами объ учрежденіи въ Кяхтѣ больницы и о ветхости дома, занимаемаго Кяхтенскою таможней; разрѣшеніе прочихъ предположеній онъ частію отложилъ до изданія новыхъ узаконеній о Сибири, частію предоставилъ Цейдлеру снестись по нимъ съ подлежащими начальствами [4]).

Въ связи съ ревизіей, а отчасти и вслѣдствіе ея, шло собираніе свѣдѣній о положеніи края.

На другой день по пріѣздѣ Сперанскаго въ Иркутскъ, 30 августа 1819 г., Трескинъ, при общемъ представленіи чиновниковъ, представилъ ему и свѣдѣнія объ управленіи Иркутскою губерніею. Эти свѣдѣнія—цѣлая и притомъ огромная книга; одно оглавленіе составляетъ порядочную тетрадь. Трескинъ, повидимому, хотѣлъ поразить Сперанскаго картиною своей, дѣйствительно необыкновенно энергической, дѣятельности [5]).

---

[1]) Св. 349 № 52
[2]) Св. 349 № 53.
[3]) Св. 349 № 54.
[4]) Св. 106, № 10. Предпис. Цейдлеру 21 апр. 1822 г. № 93. См. Прилож.
[5]) Св. 14, № 19. Свѣдѣнія были о личномъ составѣ, движеніи дѣлъ и пр.

Свѣдѣнія, собранныя и приведенныя въ порядокъ въ канцеляріи Сперанскаго, служили ему пособіемъ и для административныхъ распоряженій, и для законодательныхъ работъ. Другія служили только для удовлетворенія личной любознательности Сперанскаго. Свѣдѣнія эти представляютъ богатый матеріалъ для статистики того времени; но обработка ихъ требуетъ особеннаго, самостоятельнаго труда. Мы приведемъ здѣсь только важнѣйшія изъ тѣхъ данныхъ, которыя въ самой канцеляріи были уже приведены въ систему, удобную для общаго обозрѣнія.

Все пространство, занятое Сибирскимъ генералъ-губернаторствомъ, раздѣлено было Сперанскимъ по климатамъ, на три полосы. Къ сѣверной полосѣ принадлежали Березовскій, Нарымскій и Туруханскій край, Якутская область и Приморскія управленія, съ населеніемъ въ 198.117 д. обоего пола. Къ средней — Туринскій, Тобольскій, Тюменскій и Тарскій уѣзды Тобольской губерніи, Каинскій, Томскій и Енисейскій—Томской и Киренскій—Иркутской, съ населеніемъ въ 382.011 д. обоего пола. Все остальное пространство, съ 1.021.892 д. обоего пола населенія, принадлежало къ южной полосѣ. Въ счетъ населенія не входили войска.

Уѣзды сѣверной полосы получали продовольствіе изъ уѣздовъ южной и средней, въ количествѣ 508.922 пуд. [1]).

По губерніямъ населеніе это распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: Тобольская 572.003, Томская 472.312, Иркутская 557.695, итого 1.602.000 д. обоего пола [2]).

Урожай хлѣба въ 1818 г. составлялъ въ Тобольской губерніи 3.926.526 чет., въ Томской 2.143.637 чет., въ Иркутской 1.011.364 чет. Въ 1819 году, урожай въ Иркутской губерніи, отъ разныхъ причинъ, былъ ниже урожая предъидущаго года на 58.864 чет. Наличные запасы сельскихъ и казенныхъ магазиновъ составляли по Тобольской губерніи до 2.505.000 п., въ Томской до 4.000.000,

---

[1])

Тобольской губ.	Березовскій уѣздъ	23401 д.	Изъ Курганскаго	90997 п.
			— Ялуторовскаго	90154 —
Томской —	Нарымскій —	9993 —	— Томскаго	80162 —
	Туруханскій —	6494 —	— Красноярскаго	90826 —
Иркутской — Якутской области		147015	— Иркутскаго	152611 —
Охотскъ и Гижига		6698	— Нижнеудинскаго:	
Камчатка		4506	Волостей: Братской	2680 —
			Тулуновской	1492 —
		198117 д.		508922 п.

[2]) См. Прилож.

въ Иркутской до 700.000 пуд. [1]). Частнаго хлѣба сплавлялось по Ленѣ ежегодно отъ 50.000 до 166.000 пуд., казеннаго до 30.000 пуд. [2]) въ отдаленные мѣста Томской губерніи—Нарымскій и Туруханскій край было привезено частными торговцами въ 1818 г. 53.000 пуд. Казенная потребность въ хлѣбѣ на провіантъ, въ запасные магазины и на винокуреніе, опредѣлялась по Тобольской губерніи въ 1.124.000. по Томской въ 938.000 и по Иркутской въ 855.000, всего въ 2.917.000 пуд.

Въ 1820 году сумма денежныхъ волостныхъ повинностей, платимыхъ сельскимъ населеніемъ, составляла:

по Тобольской губерніи, на	211.789 душъ	132.165 р. 50 к.	
— Томской —	70.768 —	56.495 —	
— Иркутской —	142.611 —	183.639 —	84 —

(Кромѣ Якутской области и Приморскихъ мѣстъ).

Всѣхъ больницъ было по Тобольской губерніи 9 (кромѣ 5 острожныхъ); содержаніе ихъ обходилось до 9.000 р.; въ Томской 4—на 39.000 р. и въ Иркутской 8—до 64.000 р. [3]).

---

[1]) Въ Тобольской губ.

		Въ сельскихъ: на лицо.	въ долгахъ.	въ казенныхъ.
Тобольской	Озимаго:	254133 четв. 4 ч. 2 г.	4534 ч. 1 ч.	65037 п. мук.
	Яроваго.	50950 — 7 - 7	- 1625 - 2 -	
Томской —	Озимаго:	235152 — 4	472 - 7 - 4.	98305 п. 12½ ф.
	Яроваго.	131636 — 4 - 1½ -	59 - 7 -	
Иркутской—		64000 — (до 512000 п.)	(чет. счит. въ 8 п.)	201126 п. 10¼ ф.

Въ казенныхъ магазинахъ Киренскаго и двухъ ближайшихъ къ нему Иркутскаго уѣздовъ было хлѣба 73449 п. 4 ф.; въ сельскихъ: Иркутскаго до 192000, Нижнеудинскаго до 96000, Верхнеудинскаго до 160000 и Киренскаго до 40000 п. 61000 чет.

[2]) Частнаго въ 1817 г. 112550, въ 1818 г. 166100, въ 1819 г. 80550, въ 1820 г. 50000 п. Казеннаго съ 1811 по 1820 г. запасныхъ магазиновъ 467524 п. 35 ф.

Провіантскаго вѣдомства 145725 п. ¾ ф.—613249 п. 35¾ ф.

[3]) Статистическія данныя были собраны въ 18 дѣлахъ или тетрадяхъ. Вотъ ихъ содержаніе:

№№ 1. О казенныхъ запасныхъ магазинахъ (очень подробныя и любопытныя, но весьма раздробленныя свѣдѣнія).

2. Распоряженія по хлѣбнымъ ссудамъ.

3. О промѣнѣ скота.

4. О городскихъ доходахъ съ 1814 по 1820 г., тоже любопытны, но разбросаны.

5. Свѣдѣнія о населеніи. Любопытныя свѣдѣнія о населеніи Иркутской губерніи и объ экономическомъ положеніи отдаленныхъ мѣстъ, особенно по продовольствію.

Въ Иркутской губерніи было:

Въ 8 городахъ (Иркутскъ $\frac{8564}{8039}$ 16603 д., Верхнеудинскъ, Нижнеудинскъ, Киренскъ, Нерчинскъ, Якутскъ, Охотскъ, Нижнекамчатскъ) муж. 18663, жен. 16254) 34917 д. обоего пола.

Въ уѣзд. (включая Забайкалье, Якутскъ и Камчатку) муж. 259047 ж. 245520=504567.

Итого . . . . . муж. 277710 ж. 261774=539484.

Сверхъ того считалось неводворенныхъ ссыльныхъ до 2000 душъ всего 541484 д.

Но кромѣ этихъ свѣдѣній, собранныхъ за цѣлый край и по одному общему плану, Сперанскій не упускалъ, по видимому, ни одного случая познакомиться съ положеніемъ отдѣльныхъ мѣстностей. Въ дѣлахъ его времени находится множество доказательствъ этому. Особенно заботился онъ о собраніи подробныхъ свѣдѣній о тѣхъ странахъ, гдѣ онъ не могъ быть лично, и о тѣхъ предметахъ, которые вызывали наиболѣе правительственныхъ заботъ. Онъ собиралъ свѣдѣнія о краѣ всѣми способами, какіе только были ему доступны. Въ дневникѣ его разсѣяно множество личныхъ наблюденій, часть которыхъ мы привели въ своемъ мѣстѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Тобольскъ, онъ обращается къ Рикорду съ любезнымъ письмомъ, въ которомъ проситъ его сообщить подробныя свѣдѣнія о положеніи Камчатки [1]). 5 октября 1819 г. онъ поручаетъ Ушинскому составить и прислать къ нему подробную записку о дѣйствительныхъ нуждахъ Охотскаго края и о тѣхъ средствахъ, какія, по мѣстному положенію, признаетъ онъ лучшими для удовлетворенія ихъ, «дабы, обозрѣвъ сіи предметы въ совокупности, можно было принять мѣры къ лучшему ихъ устройству» [2]). Пріѣзжаетъ въ Иркутскъ изъ Охотска англичанинъ Гордонъ, и Сперанскій записываетъ его разсказы о положеніи Охотскаго края [3]). Какому-то мѣщанину Климову онъ поручаетъ доставить ему письменныя свѣдѣнія о состояніи продовольствія въ Гижигѣ. Осиповъ изъ Туруханска пишетъ ему цѣлую книгу писемъ о положеніи тамошняго края. Заборовскій, опредѣленный исправникомъ въ Якутскъ, проѣздомъ

6. О состояніи городскихъ и острожныхъ больницъ.

7. О цѣнахъ на съѣстные припасы за 10 лѣтъ по Тобольской и Томской губ.

8. О состояніи воспитательныхъ домовъ.

9. О волостныхъ повинностяхъ за 1820 г.

10. О перевозахъ.

11. Статистическія свѣдѣнія о состояніи городовъ и полицій за 1819 г.

12. О почтовыхъ дорогахъ, числѣ станцій и лошадей на нихъ, о состояніи обывательской гоньбы и проч. Чрезвычайно подробныя свѣдѣнія. Есть сравнительная вѣдомость почтовыхъ станцій съ 1810 по 1820 и съ 1820 по 1822 г.

13. О поступившихъ въ Сибири рекрутахъ со времени учрежденія рекрутской повинности.

14. О состояніи урожая.

15. О состояніи земледѣлія подробныя свѣдѣнія за 10 лѣтъ.

16. О суммахъ приказовъ за 1820 г.

17. О запасныхъ магазинахъ Иркутскихъ, Туруханскихъ, Тобольскихъ. О послѣднихъ есть историческая записка.

18. О числѣ уголовныхъ дѣлъ за 10 лѣтъ. Не этой ли таблицей Сперанскій хотѣлъ удивить просвѣщенную Европу. (См. письма къ дочери). Св. 55, № 9.

[1]) См. главу о Камчаткѣ.

[2]) Св. 212, № 7.

[3]) Дневникъ.

черезъ Киренскій уѣздъ, по приказанію Сперанскаго, собираетъ и сообщаетъ ему свѣдѣнія о состояніи тамъ продовольственныхъ средствъ. Кяхтинскій бургомистръ Басинъ пишетъ ему о выгоднѣйшемъ способѣ отправленія обывательской гоньбы. По приказанію Сперанскаго, Иркутскій архитекторъ Кругликовъ представляетъ ему планъ казенныхъ строеній Иркутской губерніи, а Лосевъ—плоскую карту кругобайкальскихъ дорогъ и карты обмежеванныхъ и измѣренныхъ дачъ, за что Сперанскій благодаритъ Лосева [1]. По его же приказанію, канцелярія его поручаетъ Лосеву скопировать карту Туруханскаго края. Отъ Кибера и Фигурина онъ требуетъ свѣдѣній объ ихъ наблюденіяхъ. Собираются свѣдѣнія о вещахъ, оставшихся отъ экспедиціи Лаптева и Биллингса, отъ Китайскаго посольства и т. п. [2]. Дипаталь пишетъ ему о состояніи урожаевъ, Патюковъ—объ успѣхѣ своихъ хозяйственныхъ попытокъ на Ирбинскомъ заводѣ, Миницкій—о состояніи Якутской области.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Наружное благоустройство.—Постройки.

Дѣятельность Сперанскаго, по наружному благоустройству края, ограничивалась разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ городскихъ плановъ, нѣкоторыми частными мѣрами и перепискою о постройкѣ казенныхъ и общественныхъ зданій.

Еще прежде представлены были въ министерство планы городовъ Якутска, Киренска и Туринска. Планы эти были передѣланы въ министерствѣ и посланы къ Сперанскому для соображенія съ мѣстными обстоятельствами. Сперанскій требовалъ по этому предмету заключеній отъ Иркутскаго губернскаго правительства и Тобольскаго губернскаго правленія. Оказалось, что передѣланные планы согласны съ мѣстнымъ положеніемъ. Только въ Туринскѣ, на мѣстахъ, которыя по плану предполагалось оставить незастроенными, было построено нѣсколько зданій; но эти зданія, безъ особенныхъ неудобствъ, могли быть перенесены на другое мѣсто. Кромѣ того, Туринское общее присутствіе полагало уменьшить четыре моста изъ предположенныхъ по плану, и вмѣсто каменнаго гостин-

1) Св. 25.
2) Св. 62, № 17.

наго двора позволить выстроить деревянный, по бѣдности и малочисленности жителей (1189 душъ). Сперанскій, въ отношеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ 2 октября 1820 г., соглашался съ общимъ присутствіемъ. Планы были Высочайше утверждены 10 іюня 1821 г., съ уменьшеніемъ въ Туринскѣ четырехъ мостовъ, о чемъ графъ Кочубей увѣдомилъ Сперанскаго 15 іюля 1821 г. [1]).

---

27 сентября 1816 г., состоялся Именной указъ о содержаніи въ чистотѣ городовъ. Этотъ указъ и послѣдовавшія затѣмъ распоряженія министерства объ устройствѣ дорогъ и проч., послужили Трескину поводомъ къ энергическимъ мѣрамъ въ этомъ отношеніи. Мѣры эти до сихъ поръ памятны жителямъ Иркутска. Самая безпощадная ломка домовъ, самыя строгія взысканія, были ихъ послѣдствіемъ [2]). Трескинъ доводилъ объ нихъ и до свѣдѣнія высшаго правительства [3]); но само собою разумѣется, что то, о чемъ доносилось на бумагѣ, не давало никакого понятія о дѣйствительности. Нужно сознаться, что города Иркутской губерніи, въ отношеніи къ наружному благоустройству, весьма и весьма нуждались въ улучшеніяхъ. Въ началѣ XIX вѣка самый Иркутскъ болѣе походилъ на село нежели на городъ [4]). Улицы были чрезвычайно неправильны; дома строились безъ всякаго порядка; отхожія мѣста нерѣдко выходили на улицу [5]). Другіе города содержались еще хуже. Между многочисленными проектами Трескина находится, между прочимъ, и проектъ о содержаніи въ чистотѣ городовъ [6]).

Изъ него видно, что городскія улицы засаривались разными нечистотами; на нихъ выбрасывали даже дохлыхъ домашнихъ животныхъ. Скотъ бродилъ по улицамъ; свиней даже вовсе не держали въ хлѣвахъ; собаки не запирались, отчего даже было нѣсколько несчастныхъ случаевъ. Въ проектѣ постановлялись правила о томъ, чтобы улицы и дворы содержались въ чистотѣ, чтобы прекращено было бродяжничество коровъ (вмѣнялось въ обязанность завести пастуховъ) и свиней, чтобы собаки держались въ заперти или на цѣпи и проч. «Снѣга съ дворовъ на улицы не вывозить и сметаемаго съ крышъ по улицамъ не разбрасывать, а уво-

---

[1]) Св. 13, № 10.
[2]) Булатовъ, Штенгель.
[3]) Св. 13, № 7.
[4]) Словцовъ, I, 588.
[5]) Булатовъ.
[6]) Представленъ Пестелю 25 сентября 1817 г.

зить въ назначенныя мѣста; пометъ изъ нужныхъ мѣстъ вывозить не ранѣе 1-го часа ночи и не вываливать по улицамъ» говорилось между прочимъ въ этомъ любопытномъ памятникѣ тогдашняго состоянія нашихъ городовъ [1]).

13-го сентября 1817 г. были изданы Именной указъ и Высочайше утвержденныя правила объ улучшеніи городовъ, селеній и дорогъ. По этому поводу Трескинымъ снова были сдѣланы энергическія распоряженія [2]).

Вслѣдъ затѣмъ С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ объявилъ 25 іюля 1818 г. Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы дороги исправлялись не иначе, какъ въ удобное для крестьянъ время [3]).

Крутыя мѣры, принятыя Трескинымъ, частію были прямо отмѣнены Сперанскимъ, частію значительно ослаблены. Въ этомъ настояла крайняя необходимость. Насколько мѣры эти были, съ одной стороны тягостны для населенія, съ другой—несогласны съ истиннымъ смысломъ Высочайшихъ повелѣній, видно изъ предложенія, даннаго Сперанскимъ Иркутскому губернскому правительству 10 декабря 1819 г., № 203.

«Верхнеудинскаго уѣзда нѣкоторыхъ волостей поселяне, въ присланныхъ ко мнѣ просьбахъ, объясняя общественныя нужды, между прочимъ домогаются и увольненія ихъ отъ планировки домовъ и постройки съ колесами колодцевъ, съ тѣмъ, что правила сіи могутъ они удобнѣе соблюдать при сломкѣ старыхъ и постройкѣ новыхъ домовъ.

«Въ Высочайше утвержденныхъ въ 13 день декабря 1817 г. правилахъ объ устройствѣ городовъ и деревень между прочимъ повелѣно: во 1-хъ, чтобы построеніе въ деревняхъ улицъ и домовъ производить по мѣрѣ построенія новыхъ домовъ и особенно при переселеніи крестьянъ или послѣ несчастныхъ случаевъ пожара, и во 2-хъ, чтобы у колодцевъ высокихъ столбовъ съ бревнами для поднятія воды не имѣть, а устроивъ вмѣсто ихъ колеса съ валомъ, сдѣлать также и обрубы съ крышками, *приводя въ оное устройство по мѣрѣ разрушенія старыхъ*.

«На основаніи сего узаконенія никто не имѣлъ права дѣлать распоряженій въ планировкѣ домовъ и къ перемѣнѣ столбовъ у колодцевъ единовременно и внезапно, особливо же наряжать нарочно для

[1]) Кромѣ того Трескинъ издалъ правила для наблюденія за ночными стражами и чистотой въ городѣ, которыя были представлены имъ Пестелю 26 марта 1819 г.

[2]) О которыхъ онъ доносилъ Пестелю 13 февраля 1818 г.

[3]) Св. 13, № 15.

сего землемѣровъ къ совершенному стѣсненію обывателей. А посему и предлагаю губернскому правительству таковую безвременную ломку домовъ запретивъ, разослать къ городничимъ и въ земскіе суды экземпляры послѣдовавшихъ отъ министерства предписаній, подтвердивъ имъ приводить оныя въ дѣйствіе постепенно, по мѣрѣ ветхостей, а не единовременно и безъ дѣйствительной въ томъ нужды» [1]).

Съ другой стороны, даже и точное исполненіе Высочайше утвержденныхъ правилъ было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ затруднительно. Новыми правилами, напримѣръ, запрещалось выбрасывать навозъ на берегъ. Въ Киренскѣ жители свозили навозъ на берегъ длятого, чтобы хотя сколько нибудь укрѣпить его отъ разлива Лены. Какъ ни мало надежно было это средство, но оно было единственное, по крайней бѣдности населенія. Киренскій городничій Галяминскій, донося объ этомъ Сперанскому, просилъ его о «защитѣ общества». «Даю знать, отвѣчаетъ ему Сперанскій, отъ 20 марта 1820 г., что всевозможное попеченіе должно быть обращено со стороны вашей на содержаніе въ городѣ чистоты и опрятности, согласно изданнымъ на сей предметъ правиламъ. Но если представляемое вами обстоятельство, что навозимый осенью на берега Лены навозъ укрѣпляетъ берега и защищаетъ оные отъ разрушенія во время весны,—справедливо, то обыкновеніе сіе, съ давнихъ временъ уже существующее, можетъ оставаться въ своей силѣ и на будущее время». Такое разрѣшеніе показалось Сперанскому еще недостаточнымъ, онъ тотчасъ прибавляетъ къ нему слѣдующій замѣчательный P.S. «Само собою разумѣется, что охраненіе чистоты и опрятности должно соображать съ положеніемъ мѣста и съ состояніемъ жителей, дабы оно, отъ какихъ либо крутыхъ мѣръ, не обратилось имъ, а особливо бѣднымъ, въ притѣсненіе, что и должно вамъ болѣе всего наблюдать: ибо чистота должна быть слѣдствіемъ порядка, а не притѣсненія» [2]).

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, въ какой степени во времена Сперанскаго вообще приводились въ исполненіе правила объ устройствѣ городовъ. Намъ извѣстно только донесеніе Миницкаго отъ 4 октября 1820 г., что въ этомъ году въ Якутскѣ производилась осушка озеръ и болотъ, выровненіе улицъ, устройство новыхъ и исправленіе старыхъ мостовъ и канавъ, переноска домовъ и проч. Но, при взглядѣ Сперанскаго, высказанномъ въ предписаніи его Киренскому городничему, дѣятельность въ наружномъ

[1]) Св. 161, № 160.
[2]) Св. 13, № 15.

устройствѣ городовъ вообще не могла быть особенно сильна. Зеркалеевъ, усердный поборникъ идей и системы Трескина, находилъ даже, что эта дѣятельность слишкомъ ослабѣла. Онъ находилъ необходимымъ подтвердить Трескинскія правила 1818 г. объ устройствѣ городовъ и проч. и просилъ на то разрѣшенія Сперанскаго. На это онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Въ слѣдствіе поступившихъ ко мнѣ жалобъ на разныя злоупотребленія, возникшія при исполненіи правилъ о сохраненіи чистоты и опрятности въ городахъ и селеніяхъ Сибирскихъ губерній, я занимаюсь теперь составленіемъ подробнаго о семъ положенія, сообразнаго мѣстнымъ обстоятельствамъ. Какъ скоро оно будетъ изготовлено, я не оставлю препроводить его къ вамъ для надлежащаго исполненія. Между тѣмъ общія правила, содержащіяся не въ распоряженіяхъ бывшаго здѣсь начальства, но въ постановленіяхъ Высочайше утвержденныхъ, остаются, какъ само собою разумѣется, во всей ихъ силѣ, съ тѣмъ особеннымъ со стороны вашей наблюденіемъ, чтобъ мѣры, предназначенныя къ постепенному введенію въ дѣйствіе, не смѣшиваемы были съ тѣми, кои положено единовременно и безъ отлагательства исполнить. Внимательное чтеніе Высочайше утвержденныхъ правилъ легко укажетъ сіи необходимыя различія, отъ смѣшенія коихъ возникла безвременная ломка домовъ въ деревняхъ и другія злоупотребленія» [1]).

Неизвѣстно, дѣйствительно ли Сперанскій занимался составленіемъ такого положенія, о какомъ онъ упоминалъ въ своемъ предписаніи; но оно никогда не было издано. Только въ концѣ управленія Сперанскаго, новый иркутскій губернаторъ, Цейдлеръ, призналъ нужнымъ подтвердить нѣкоторыя Трескинскія и ввести нѣкоторыя свои правила о сохраненіи порядка въ Иркутскѣ. Въ этихъ правилахъ, между прочимъ, подтверждено было объ исправленіи улицъ послѣ дождей и вообще о содержаніи города въ чистотѣ. Цейдлеръ представилъ ихъ, отъ 18 ноября 1821 г., на одобреніе Сперанскаго, но не получилъ отвѣта [2]).

Въ 1808 г. нѣкоторые граждане, въ замѣнъ отбыванія воинскаго постоя натурою, выстроили въ Иркутскѣ каменный домъ. Неизвѣстно въ точности, это или какое нибудь другое зданіе, приняло впослѣдствіи названіе Американскихъ казармъ, о которыхъ со-

[1]) Св. 13 № 15. Предп. 24 апрѣля 1820 г.

[2]) Св. 298, № 14.

[3]) Трескинъ, 23 декабря 1808 г., представилъ Пестелю планы этого зданія. Вслѣдъ затѣмъ возникла переписка, изъ которой видно, что военное начальство не хотѣло

хранилась въ дѣлахъ любопытная переписка [3]. Но постойная повинность, и послѣ этой постройки, была обременительна для жителей. Городская дума, въ сентябрѣ 1819 г., просила разрѣшенія Сперанскаго на постройку новаго каменнаго зданія, для помѣщенія въ немъ военныхъ офицеровъ. Сперанскій нашелъ это предположеніе «весьма основательнымъ» и утвердилъ (29 октября 1819 г.) предположеніе думы, чтобы, какъ можно болѣе сберегая городскія доходы, сохранять остатки ихъ на предположенную постройку. Сначала онъ распорядился было составить особые планы и смѣты на эту постройку, но потомъ передумалъ и взялъ за основаніе утвержденный правительствомъ планъ на постройку казармъ въ Томскѣ. Иркутскому губернскому архитектору было поручено составить, вмѣстѣ съ городскимъ головой, смѣту во что́ можетъ обойтись такая постройка въ Иркутскѣ [1]. Архитекторъ исчислилъ на одинъ каменный 2-хъ-этажный корпусъ со службами 26.201 р. Сперанскій нашелъ эту сумму «немалозначительною»; но имѣя въ виду рѣшительное предположеніе думы о постройкѣ казармъ, онъ препроводилъ въ думу смѣту и копію съ плана и предложилъ «сообразить точнѣе дѣло сіе, и буде представится возможнымъ произвести по онымъ постройку казармъ изъ остатковъ отъ городскихъ доходовъ, то приступить къ распоряженіямъ, стараясь соблюсти сколько возможно правильность сего зданія и во всемъ сообразоваться съ планомъ [2]». Слѣдствіемъ этихъ распоряженій была постройка, въ одну линію съ Американскими казармами, каменнаго зданія, которое долго носило названіе «офицерскаго флигеля».

Иркутскій комендантъ доносилъ о ветхости зданій, гдѣ помѣща-

принимать этого зданія и помѣщать въ немъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ въ немъ было холодно и сыро. Въ 1816 г. возникла новая переписка и новое столкновеніе между военнымъ и гражданскимъ начальствомъ. Послѣднее требовало, чтобы нижніе военные чины гарнизоннаго полка были сведены съ обывательскихъ квартиръ въ г. н. Американскія казармы, въ которыхъ, по мнѣнію его, могло помѣститься 864 чел. Военное начальство находило возможнымъ помѣстить въ нихъ только 468 чел. Инспекторскій департаментъ просилъ Пестеля распорядиться, чтобы остальные люди, сверхъ этого числа, были, во избѣжаніе тѣсноты, размѣщены на обывательскихъ квартирахъ. Трескинъ отказался исполнить это требованіе, по неосновательности его и потому, что военное начальство уже приняло казармы для помѣщенія 733 чел., а комендантъ, сверхъ этого числа, еще самъ собою помѣстилъ туда рекрутъ. Но въ началѣ 1817 г. Трескинъ былъ принужденъ исполнить требованіе военнаго начальства и помѣстить 283 чел. на обывательскихъ квартирахъ, «при всей отяготительности» этого постоя. Американскія казармы исправлялись на счетъ земскаго сбора. Въ 1818 г. въ нихъ повредилась стѣна. На перекладку ея исчислено было по смѣтѣ 24.139 р. Трескинъ распорядился отпустить эту сумму изъ остатковъ земскаго сбора (Св. 14, № 16).

[1]) PS. «Отъ объясненія съ градскимъ главою будетъ зависѣть опредѣленіе величины корпуса соразмѣрно числу людей». Предпис. 21 іюля 1280 г.

[2]) Св. 14, № 16. Предпис. 25 мая 1820 г.

лись комендантъ, ордонансъ-гаузъ и гауптвахта. Думѣ предложено было перестроить зданіе ордонансъ-гауза и гауптвахты, и для того привести въ извѣстность поврежденія и составить смѣту на необходимыя перестройки [1]). Вслѣдъ затѣмъ было произведено свидѣтельство помѣщенія, занятаго комендантомъ. По свидѣтельству, всякая перестройка его найдена совершенно безполезною. Сперанскій, 8 мая 1820 г., поручилъ думѣ, до того времени, пока можно будетъ сдѣлать распоряженіе о прочномъ помѣщеніи коменданта, отвести Цейдлеру «пристойную квартиру съ службами, для семейнаго помѣщенія выгодными, а о комендантскомъ домѣ сдѣлать распоряженіе, какое признаетъ удобнѣйшимъ».

Въ это время, по несостоятельности купца Петра Солдатова, продавались съ публичнаго торга два, принадлежавшіе ему, каменные дома. Они находились рядомъ, въ лучшей части города, по Заморской улицѣ, на Тихвинской площади, вблизи гостиныхъ дворовъ и церкви, противъ зданія гауптвахты. Одинъ изъ домовъ былъ оцѣненъ въ 12.000 р., но онъ не могъ быть проданъ за эту цѣну и потому переоцѣненъ въ 4.000 р. Покупатели давали на торгахъ 6.150 р. Но губернское правительство вошло съ представленіемъ къ Сперанскому, что на Солдатовѣ состоитъ болѣе 1.500.000 р. казеннаго долга и потому оно затрудняется продать домъ за эту цѣну. Сперанскій призналъ представленную правительствомъ причину къ отсрочкѣ продажи вполнѣ основательною и, 20 марта 1820 г., предложилъ правительству: «Совершеніе продажи дома сего, по низости цѣны, съ явнымъ ущербомъ казны сопряженной, отсрочить, впредь до разрѣшенія высшаго начальства. По совершеніи торговъ и на другой домъ Солдатова въ свои сроки, если цѣны будутъ низки, поступить на семъ же основаніи» [2]).

Дѣйствительною причиной неутвержденія торговъ на продажу дома Солдатова было, повидимому, не низость выданной за него цѣны, а желаніе городскаго общества, а можетъ быть и самого Сперанскаго, обратить этотъ домъ въ общественную собственность для нѣкоторыхъ воинскихъ помѣщеній. Вскорѣ послѣ выписаннаго распоряженія Сперанскаго, онъ получилъ представленіе отъ губернскаго правительства, что за дома Солдатова даютъ: за одинъ—купецъ Сибиряковъ 11.000 р., а за другой,—для городскаго общества, голова Сибиряковъ (т. е. тотъ же самый) 2.750 р. Тогда

[1]) Предп. 11 февраля 1820 г.

[2]) Онъ извѣщалъ также, что представляетъ министру финансовъ о назначеніи этого дома на казенную потребность; но представленія этого не найдено; изъ послѣдующей переписки должно заключить, что оно и не было сдѣлано.

же и дума просила оставить этотъ послѣдній домъ за обществомъ. Сперанскій нашелъ, что выданная головою Сибиряковымъ цѣна за домъ превосходитъ оцѣнку, только 250 р.

Наддачею 5.000 р. на большой домъ Солдатова, разумѣется, также не могъ покрыться полуторамилліонный казенный долгъ. Купленный думою домъ, по ветхости его, требовалъ исправленій [1]).

Но такъ какъ домъ этотъ покупался думою для помѣщенія ордонансъ-гауза, гауптвахты и коменданта,—«помѣщеній необходимыхъ и съ порядкомъ службы сопряженныхъ», то онъ разрѣшилъ губернское правительство первый домъ, по выгодности цѣны, а второй, по необходимости и удобству для воинскихъ помѣщеній, оставить за тѣми, за кѣмъ они остались на послѣднихъ торгахъ [2]).

Дума употребила на нихъ 25.000 р. и, чрезъ Цейдлера, просила о возвращеніи ей этихъ денегъ изъ суммъ земскаго сбора; но это ходатайство не имѣло успѣха. Въ отвѣтѣ Цейдлеру, отъ 24 января 1821 г., Сперанскій указалъ на неумѣстность того, чтобы домъ, принадлежащій городскому обществу и употребляемый на его надобности,—помѣщеніе воинскихъ заведеній, обязательныхъ для города,—исправлялся на счетъ земскаго сбора. [3]).

Старый комендантскій домъ, по распоряженію Цейдлера, также былъ исправленъ, несмотря на признанную по свидѣтельству чрезвычайную ветхость. На это исправленіе было исчислено по смѣтѣ 5.000 р. [4]).

Въ 1820 г., Иркутскій комендантъ доносилъ о ветхости кладовой при Иркутскомъ коммисаріатскомъ коммисіонерствѣ. Это было деревянное строеніе, возведенное въ 1808 году. Сперанскій поручилъ губернскому правительству освидѣтельствовать кладовую, доставить свѣдѣнія объ устройствѣ кладовой и смѣту на постройку новой. Губернское правительство нашло, что въ кладовой хранится одинъ только ящикъ коммисіонерства. Всѣ суммы другихъ вѣдомствъ находятся на храненіи въ кладовой казначейства. Поэтому постройка новой кладовой «едва ли не будетъ, какъ выразился Сперанскій, излишнею для казны издержкой». Коммисіонерство возражало на это, что при экстренности выдачъ, храненіе суммъ въ кладовой

---

[1]) Сперанскій, 15 мая 1820 г., предлагалъ архитектору составить проектъ на эти исправленія.

[2]) Предп. 12 мая 1820 г.

[3]) См. Прилож.

[4]) Кромѣ всѣхъ этихъ покупокъ и исправленій, было разрѣшено, по представленію Цейдлера, отнести на городскіе доходы Иркутска 393 р. 30 к., употребленныхъ на постройку будокъ и проч. при провіантскихъ магазинахъ *).

---

*) Св. 14 № 16. Предпис. 24 іюня 1821 г.

казначейства для него неудобно. Сперанскій, 9 іюня 1820 г., представилъ, о постройкѣ кладовой, военному министру. Постройка немедленно (9 августа) была разрѣшена [1]).

Въ 1814 г., губернское начальство предположило устроить въ Иркутскѣ военный лазаретъ на 150 чел. По смѣтамъ исчислено было на это 171.883 р. Сумму эту предполагалось употребить изъ остатковъ земскаго сбора къ 1819 г.; но это оказалось невозможнымъ, потому что въ 1819 г. всѣ остатки были израсходованы на потребности этого года. Между тѣмъ военное начальство настаивало на необходимости, или исправить какъ должно прежнее зданіе лазарета, или выстроить или купить новое. Поправка прежняго лазарета стоила бы 5.160 р., которые должны были упасть на городское общество. Цейдлеръ, вмѣсто этого, предположилъ купить для лазарета каменный домъ Кузнецова. Домъ этотъ, съ тремя флигелями и огромнымъ дворомъ, находился въ превосходномъ состояніи. Въ немъ можно было устроить лазаретъ на 180 чел. Кузнецовъ просилъ за него 70.000 р.; нѣкоторыя поправки должны были стоить до 4.045 р., слѣдовательно покупка дома должна была обойтись на 100.000 р. дешевле постройки новаго. Сперанскій находилъ это предположеніе весьма основательнымъ. Но, для облегченія земскаго сбора, онъ признавалъ полезнымъ купить домъ на счетъ казны или безвозвратно, или съ возвратомъ въ теченіи трехлѣтія съ 1823 г. [2]). Объ этомъ, 31 декабря 1821 г., онъ представилъ министерству внутреннихъ дѣлъ.—О покупкѣ дома хлопоталъ и корпусный командиръ. Министръ, 22 февраля 1822 г., отвѣчалъ, что средства государственнаго казначейства не позволяютъ ему принять на себя покупку дома. Министръ предполагалъ занять для того деньги изъ приказа общественнаго призрѣнія, или изъ капитала казенныхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, съ возвратомъ въ трехлѣтіе съ 1823 г. Сперанскій предпочелъ первый способъ,—заемъ изъ приказа, по значительности наличнаго его капитала [3]).

Считая себя не вправѣ произвести заемъ въ 70.000 р. и внести

---

[1]) Когда она была кончена, то ее освидѣтельствовалъ землемѣръ Лосевъ и нашелъ нѣкоторыя отступленія отъ плана. Сперанскій, 10 февраля 1820 г., требовалъ, чрезъ губернатора, объясненій отъ губернскаго архитектора Кругликова и отъ коммисіонерства. Объясненія были доставлены, но помѣчены «къ свѣдѣнію», и дѣло кончилось ничѣмъ *).

[2]) Св. 13, № 12 См. Прилож.

[3]) Собственный капиталъ приказа, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, составлялъ до 320.000 руб. Изъ нихъ назначено было отдѣлить въ Черниговскій приказъ 170.000 р., оставалось 150.000 р.

---

*) Св. 13 № 26.

его въ смѣту земскихъ повинностей, онъ просилъ министра, 17 марта 1822 г., исходатайствовать на это Высочайшее соизволеніе, что и было исполнено [1]).

Но домъ Кузнецова находился въ залогѣ по откупамъ. По этому поводу возникла новая переписка. Деньги Кузнецову были уплачены уже въ 1823 г. Военный госпиталь и донынѣ помѣщается въ этомъ домѣ [2]).

Въ 1817 г., Пестель предположилъ перевести Селенгинское военно-сиротское отдѣленіе въ Верхнеудинскъ. По этому поводу завязалась переписка между нимъ и командиромъ Сибирскаго корпуса, Глазенапомъ. Основаніемъ предположенія Пестеля была негодность зданія, въ которомъ помѣщалось Селенгинское отдѣленіе. Составлена была смѣта на постройку каменнаго зданія въ Верхнеудинскѣ. По смѣтѣ исчислено на это 91.587 р. 50 к. Сперанскій, посѣтивъ Селенгинскъ въ началѣ 1820 г., нашелъ возможность исправить прежнія зданія и устроить новыя помѣщенія для воспитанниковъ безъ большихъ издержекъ. Онъ указалъ и средства къ этому: именно покупку плотовъ у крестьянъ, которые сплавляли на нихъ въ Селенгинскъ хлѣбъ для тамошняго гарнизоннаго полка. Полковой командиръ, Морозовъ, воспользовался этимъ средствомъ и накупилъ лѣса у крестьянъ въ лѣтѣ 1820 г. По неимѣнію ассигнованной на это суммы, полковой командиръ платилъ за лѣсъ полковыя деньги. Онъ просилъ Сперанскаго о возвратѣ этихъ денегъ и разрѣшенія на постройки. Предполагалось выстроить двѣ «связи» для помѣщенія воспитанниковъ и нѣкоторыя службы. Сперанскій, отъ 10 іюля, соглашаясь въ необходимости пристроекъ, поручалъ ему составить смѣту на нихъ, съ тѣмъ, что необходимая по смѣтѣ сумма будетъ отпущена ему изъ земскаго сбора на 1821 г.; съ тѣмъ вмѣстѣ возвратятся и употребленныя уже имъ казенныя деньги. Но изъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса было прислано къ полковому командиру на поправки 2.000 р. Вѣроятно, постройки были произведены на счетъ этой суммы. Онѣ обошлись всего въ 1.500 р. 1 октября 1820 г. Сперанскій уже извѣщалъ начальника штаба, что Селенгинское отдѣленіе устроено уже такъ, что безъ нужды можетъ тамъ существовать. Земскій сборъ избавился отъ огромнаго расхода въ 90.000 р. [3]).

Дѣла того времени поражаютъ особеннымъ обиліемъ переписокъ

---

[1]) Высочайше утвержденное 4 іюля 1822 г. Положеніе Комитета Министровъ *).

[2]) Св. 22, № 10.

[3]) Св. 15, № 28.

---

*) Св. 13 № 12.

о постройкѣ и исправленіи казенныхъ зданій. Вслѣдствіе ли финансовыхъ обстоятельствъ, или по другимъ причинамъ, переписки эти вообще шли довольно туго; онѣ тянулись по нѣскольку лѣтъ и нерѣдко оканчивались безъ всякаго результата. Министры иногда просто отмалчивались. Пестель, напримѣръ, еще въ 1818 г., писалъ военному министру о ветхости зданія, занятаго Иркутскимъ коммисаріатскимъ коммисіонерствомъ. Сперанскій, вслѣдствіе новыхъ настояній мѣстнаго начальства, представлялъ о томъ же 30 декабря 1821 г. Но отъ министерства еще въ 1828 не было получено никакого отвѣта [1].

Въ ноябрѣ 1819 г., Иркутская казенная экспедиція доносила о ветхости дома въ Иркутскѣ, занимаемаго уѣзднымъ казначействомъ. Сперанскій поручилъ Батенькову освидѣтельствовать домъ. По свидѣтельству, домъ оказался совершенно негоднымъ для помѣщенія. Сперанскій, 24 декабря 1819 г., разрѣшилъ перевести казначейство въ бывшій генералъ-губернаторскій домъ, который, какъ извѣстно, тоже представлялъ почти развалину. Сперанскій поручалъ экспедиціи и Зеркалееву ускорить составленіемъ смѣты на постройки новаго зданія для казначейства [2], но дѣло это не было кончено не только при немъ, но и нѣсколько десятковъ лѣтъ позже.

Пестель, еще въ 1817 г., настаивалъ на необходимости построить зданія для присутственныхъ мѣстъ въ Иркутскѣ, Якутскѣ, Нижнеудинскѣ и Киренскѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, отъ 14 іюля 1819 г., просилъ мнѣнія объ этомъ Сперанскаго. Тогда же, отъ 10 іюня 1819 г., по поводу ветхости казенныхъ зданій въ Зашиверскомъ и Гижигинскомъ коммисарствахъ, министръ просилъ общаго его заключенія по этому предмету. Сперанскій, 17 сентября 1819 г., отвѣчалъ, что зданія въ Зашиверскомъ и Гижигинскомъ коммисарствахъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, не только ветхи, но уже совершенно разрушились, представляютъ собою «токмо развалину древней хижины», и слѣдовательно не могутъ быть употреблены ни для какого помѣщенія, и нельзя предполагать, чтобы въ столь отдаленномъ краѣ возможно было продать ихъ за какую нибудь цѣну. Министръ предоставилъ Сперанскому распорядиться съ этими зданіями по его усмотрѣнію. Сперанскій предложилъ Зеркалееву исключить ихъ изъ наличности, и если можно продать съ аукціоннаго торга [3].

---

[1] Св. 13, № 9.

[2] Св. 13, № 11. Предп. 24 іюля и 24 декабря 1820 г.

[3] Св. 13, № 11. Предп. 28 января 1820 г.

На общій вопросъ, о постройкѣ новыхъ зданій для присутственныхъ мѣстъ, Сперанскій не далъ прямаго отвѣта. Онъ, повидимому, изыскивалъ средства возмѣстить недостатокъ въ зданіяхъ. Въ этомъ, уже въ 1821 г., отчасти помогъ ему Цейдлеръ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Иркутскихъ присутственныхъ мѣстъ; они помѣщались, или на наемныхъ квартирахъ, или въ такихъ ветхихъ зданіяхъ, которыя угрожали уже разрушеніемъ: губернское правительство въ домѣ приказа общественнаго призрѣнія, съ платою по 1.000 р. въ годъ, гражданская и уголовная палаты, совѣстный, уѣздный и земскій суды—въ такихъ деревянныхъ домахъ, «кои, кромѣ тѣсноты, по ветхости своей, представляютъ даже безобразіе»; казначейство и кладовыя, какъ выше сказано, въ бывшемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ, на берегу Ангары, который, при устройствѣ набережной, предполагалось снести, а учрежденія эти перевести въ наемныя лавки «также съ немалою платою».

Для нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ предположено было построить новыя зданія. Планы и смѣты на нихъ были представлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ еще отъ Пестеля. Но дѣло это оставалось неразрѣшеннымъ. Между тѣмъ вдова купеческая жена Мыльникова изъявила желаніе продать за 48.000 р. каменный свой домъ, состоявшій въ 1-й части города, вблизи большой площади. Рядомъ съ нимъ находился деревянный домъ, на каменномъ фундаментѣ, полковницы Платоновой, которая уступала его за 12.000 р. Цейдлеръ находилъ, что въ этихъ двухъ домахъ, и съ пристройкою къ дому Мыльниковой небольшаго флигеля, можно будетъ удобно помѣстить всѣ вышеозначенныя присутственныя мѣста, казначейство и кладовыя. Сверхъ того нужно было, для увеличенія мѣста, купить, состоявшій въ смежности съ другой стороны дома Мыльниковой, старый деревянный домъ коллежскаго совѣтника Лангапса, который продавался за 2.500 р. Всѣ эти зданія, съ надлежащимъ устройствомъ ихъ, и съ пристройкою каменнаго флигеля, могли обойтись казнѣ въ 118.786 р. 40 к., а безъ этой пристройки въ 93.114 р. 90 к.

Сперанскій находилъ дома Мыльниковой и Платоновой, какъ по расположенію ихъ, такъ и по устройству, удобными для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и довольно выгодными для казны, и полагалъ купить ихъ. 31 декабря 1821 г., онъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ планы домамъ и смѣты о потребностяхъ на устройство ихъ, и просилъ ассигновать исчисленную по смѣтѣ сумму, 93.114 р. 90 к., въ распоряженіе Иркутскаго гражданскаго губернатора; а чтобы, при передѣлкѣ главнаго корпуса дома Мыль-

никовой, дать ему лучшій видъ, «который бы могъ послужить украшеніемъ города», то приказать сдѣлать ему приличный фасадъ.

Министерство однакоже не уважило представленія Сперанскаго. Оно не дало ему никакого отвѣта. Только 13 ноября 1822 г., уже на представленіе Лавинскаго, гр. Кочубей отвѣчалъ, что строительный капиталъ къ 1822 г. весь издержанъ, а на 1823 сокращенъ. Поэтому министерство отклонило покупку домовъ, а предложило, нельзя ли нанять ихъ [1]).

Въ то же время шла переписка объ устройствѣ зданія для присутственныхъ мѣстъ въ Нерчинскѣ. Для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ былъ купленъ домъ купца Суханова. На отстройку его было исчислено по смѣтѣ 22.670 р. Произвести работы за эту сумму взялся смотритель Забайкальскихъ поселеній, Адріяновъ, на правахъ подрядчика. При окончаніи работъ, онъ потребовалъ доплаты еще 994 р. Зеркалеевъ представлялъ о томъ Сперанскому. Послѣдній отвѣчалъ, 30 іюня 1820 г., что смѣты на эти исправленія были разсмотрѣны въ строительномъ комитетѣ, и смѣтная сумма, 22.670 р., найдена достаточною.—«И потому, продолжалъ онъ, о ріассигнованіи еще 994 р. я не могу уже войти съ представленіемъ и не полагаю, чтобъ встрѣтился таковой недостатокъ: ибо мнѣ извѣстно, что бывшій смотритель Забайкальскаго поселенія, Адріяновъ, принявъ на себя поправку означеннаго дома, употреблялъ въ работы большею частію состоящихъ въ вѣдомствѣ его поселенцевъ, за весьма умѣренную плату, и вообще имѣлъ достаточныя средства производить поправку безъ излишнихъ издержекъ». Сперанскій поручалъ Зеркалееву поставить Адріянову въ обязанность, чтобъ онъ непремѣнно окончилъ отстройку дома на ту сумму, которая отпущена на это въ его вѣдѣніе, въ противномъ случаѣ, распорядиться, чтобъ домъ отстроенъ былъ на счетъ Адріянова. Зеркалеевъ предложилъ Адріянову принять передержку въ расходахъ на свой счетъ. Объ окончательной отстройкѣ дома онъ донесъ Сперанскому уже 8 сентября 1821 г. [2]).

---

[1]) Св. 13 № 11. Въ 1834 г., Цейдлеръ возобновилъ переписку о покупкѣ дома Мыльниковой подъ помѣщеніе присутственныхъ мѣстъ. Но, пока производилась переписка, освидѣтельствованіе поврежденій, составленіе смѣтъ и проч., домъ Мыльниковой былъ въ 1835 г. купленъ купцами Медвѣдниковыми и Трапезниковыми, для помѣщенія 18 военныхъ офицеровъ, съ условіемъ освобожденія собственныхъ домовъ покупателей отъ постоя (Св. 22, № 161). Въ этомъ домѣ долго помѣщалась часть военнаго госпиталя; нынѣ онъ занимается губернскимъ правленіемъ. Домъ Платоновой остался въ частныхъ рукахъ; нынѣ онъ принадлежитъ г. Демидову.

[2]) Въ одномъ изъ своихъ донесеній Сперанскому Зеркалеевъ доказывалъ, что Адріяновъ оказалъ начальству большую услугу принятіемъ на себя отстройки этого дома,

Одною изъ важнѣйшихъ строительныхъ работъ, переданныхъ Сперанскому отъ прежняго управленія, было устройство въ Иркутскѣ набережной.

Рѣка Ангара, противъ устья Иркута, сжимается въ берегахъ и течетъ чрезвычайно быстро. Эта быстрота теченія давно уже обрывала правый берегъ Ангары, на которомъ были устроены соборъ, казначейство и нѣкоторые частные дома. Для защиты берега отъ обрывовъ, устроена была на немъ, еще между 1747 и 1749 годами деревянная набережная, на протяженіи до 365 саж. [1]). Съ 1768 г. набережная считалась уже ветхою. Въ 1792 и 1793 годахъ она перестроена на ассигнованныя отъ казны 22.367 р. 10 к. Отъ перестройки сбережено было генералъ-губернаторомъ Пилемъ 6.669 р. 19¾ к., которые, по Высочайшему указу 20 января 1793 года, оставлены были въ Иркутской казенной палатѣ съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этихъ денегъ палата производила исправленія набережной.

До 1810 г., эта новая набережная почти совершенно сгнила. Въ этомъ году Трескинъ сдѣлалъ въ ней весьма значительныя исправленія [2]) и донесъ Пестелю, что угрожавшая берегу опасность совершенно отвращена. Тогда же Трескинъ предположилъ устранить самую причину, отъ которой, по его мнѣнію, происходило подмываніе берега, именно, напоръ на него воды изъ Иркута. Онъ вздумалъ отвести устье Иркута, именно направить его къ протоку, находящемуся нѣсколько лѣвѣе настоящаго устья. Еслибы этотъ опытъ удался, то Иркутъ впадалъ бы въ Ангару противъ устья р. Ушаковки, и правый берегъ Ангары, подвергавшійся обрывамъ, былъ бы дѣйствительно избавленъ отъ напора теченія. Трескинъ называлъ такое направленіе устья Иркута естественнымъ и попытался его устроить. Для этого поперегъ главнаго устья Иркута было въ 1810 г. затоплено пять судовъ, пожертвованныхъ частными лицами. Устье Иркута дѣйствительно направилось къ протоку. Но весною 1811 г., при вскрытіи рѣки, изъ пяти затопленныхъ судовъ изломало льдомъ и унесло теченіемъ четыре, и рѣка опять приняла свое «неправильное» теченіе.

Исправленная набережная также простояла недолго. Уже въ слѣдующемъ году она потребовала новыхъ исправленій; но и

что онъ отличный чиновникъ и что ему еще недодано 1,000 р. по контракту. (Св. 13, № 11).

[1]) Отъ нынѣшней Савинской улицы до тріумфальныхъ воротъ.

[2]) Трескинъ принялъ исправленіе набережной на себя, «по несвойственности заниматься казенной экспедиціи такимъ дѣломъ», какъ доносилъ онъ Пестелю 26 января 1810 г. № 559. (Св. 367, № 1).

съ исправленіями, по свидѣтельству мѣстныхъ чиновниковъ [1]), она могла продержаться только до 1817 года. Чиновники эти находили, что Ангара угрожаетъ здѣсь не только берегу, но и городу. По ихъ мнѣнію, рѣка, при небольшой промоинѣ, отъ дѣйствія весьма твердаго льда, стремительно идущаго по ней въ декабрѣ и январѣ, могла получить новый ходъ, по самой срединѣ города, и произвести страшныя опустошенія. Они находили, что до тѣхъ поръ этого не случалось единственно благодаря существованію набережной.

На постройку новой набережной былъ составленъ проектъ въ двухъ видахъ: на постройку каменной набережной исчислено 1.204.375 р. 87½ к., на постройку деревянной 200.883 р. 55 к. Трескинъ предпочелъ послѣдній проектъ; но онъ не былъ утвержденъ главнымъ управленіемъ путей сообщенія. Главное управленіе утвердило проектъ деревянной набережной, составленный генералъ-маіоромъ Леонтьевымъ. По этому проекту требовалось на постройку 200.000 р. Деньги эти, по положенію комитета министровъ 13 марта 1815 г., назначено было отпустить въ распоряженіе Сибирскаго генералъ-губернатора въ три срока; но выдача ихъ замедлилась. Только въ 1819 г., уже въ распоряженіе Сперанскаго была отпущена первая часть этой суммы, 100.000 р.

Для постройки набережной сначала назначенъ былъ маіоръ путей сообщенія Ямпольскій, а по выходѣ его въ отставку, Батеньковъ. Къ работамъ однакожъ не было еще приступлено [2]).

Сперанскій, по пріѣздѣ на мѣсто, нашелъ необходимымъ какъ можно точнѣе повѣрить прежніе строительные проекты; онъ поручилъ Батенькову произвести новыя наблюденія надъ теченіемъ. Батеньковъ усердно занимался ими около полугода. Онъ нашелъ, что планъ, составленный въ Петербургѣ на основаніи несовсѣмъ точныхъ и отчасти даже невѣрныхъ данныхъ, мало соотвѣтствуетъ существу дѣла. Прежде всего открылось, что въ проектѣ Леонтьева предполагалось оставить прежнія шпунтовыя сваи, тогда какъ сваи этихъ вовсе не было. Батеньковъ представилъ другой планъ, основанный на тщательныхъ измѣреніяхъ и наблюденіяхъ [3]). Въ отношеніи къ главной причинѣ, по которой устройство набережной признавалось необходимымъ, къ опасности наводненія отъ напора льда,— Батеньковъ объяснялъ слѣдующее: «Ангара въ видѣ большой выпуклой дуги съ трехъ сторонъ окружаетъ городъ Иркутскъ. Набережная

---

[1]) Губернскаго архитектора Кругликова и инженеръ-капитановъ Чертова и Камкова.

[2]) Св. 367, № 1.

[3]) Св. 367, № 1. См. Приложеніе.

существуетъ въ низовой ея части. и по окончаніи оной рѣка тотчасъ уклоняется влѣво, слѣдуя главному своему направленію съ юго-востока къ сѣверо-западу. Почему обращеніе ея на городъ отъ того мѣста. гдѣ построена набережная, составило бы теченіе снизу на верхъ. Подмываніе здѣсь берега происходитъ отъ измѣненія вблизи онаго изгиба рѣки, перемѣняющей выпуклое свое положеніе въ вогнутое и должно быть всегда въ точкахъ оборота (inflection) у каждой рѣки.—Ледъ, идучи въ декабрѣ и январѣ, долженъ встрѣчать при жестокихъ морозахъ. съ ноября мѣсяца начинающихся. береговую землю совершенно замерзшую и безъ всякаго сомнѣнія гораздо твердѣйшую. нежели всякое деревянное зданіе. Посему участіе замерзанія рѣки въ порчѣ берега есть только отъ возвышенія воды и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ увеличивающагося на дно и на основаніе зданія давленія» [1]. Батеньковъ разбиралъ проектъ и въ хозяйственномъ и въ имущественномъ отношеніяхъ. Въ первомъ отношеніи онъ находилъ, что всѣ зданія, которыя могли подвергаться опасности, стоятъ дешевле, нежели постройка набережной: что изъ нихъ каменный домъ казначейства, по ветхости, долженъ быть сломанъ. и затѣмъ постройка набережной нужна только противъ собора и, единственно для красоты,—нѣсколько выше, а остальное пространство въ городѣ устроить простымъ береговымъ откосомъ. Для этого устройства нужно было только приблизить соборную ограду къ самой церкви и. если окажется возможнымъ. перенести одинъ церковный придѣлъ съ сѣверной стороны на южную. Къ такому же выводу пришелъ Батеньковъ по соображеніи дѣла въ искусственномъ отношеніи. Главными причинами подмыванія берега онъ находилъ быстроту теченія, и то, что крутизна праваго берега увеличиваетъ давленіе на основаніе его, и набережная усиливаетъ этотъ вредъ, а не отвращаетъ его. Берега Ангары довольно крѣпки, а только крутизна мѣшаетъ имъ стоять противъ дѣйствія воды безъ важныхъ поврежденій. Поэтому Батеньковъ предполагалъ, или уменьшить протяженіе набережной, прерывая ее противъ площади простымъ устройствомъ другаго берега. или вовсе не производить этой постройки, а только укрѣпить основаніе откоса. связавъ сплошныя сваи въ шпунтовую раму [2]).

Въ то же время Батеньковъ нашелъ, что высокій мысъ. на которомъ стоитъ женскій (Знаменскій) монастырь, требуетъ укрѣпленія фашинами.

---

[1]) Св. 367, № 1.
[2]) Св. 367, № 1.

На укрѣпленіе берега противъ собора, со сломкою зданія казначейства, требовалось, по проекту Батенькова, 86.675 р. 70 коп.; на укрѣпленіе противъ женскаго монастыря 5.050 р. 80 к., всего 91.726 р. 50 к.

Сперанскій передавалъ предположенія Батенькова на разсмотрѣніе сначала начальника X округа путей сообщенія, а потомъ гр. Бетанкура. Оба они нашли всѣ эти предположенія основательными, и притомъ постройку откоса предпочли постройкѣ набережной.

Сперанскій представлялъ о томъ въ Сибирскій комитетъ. Кромѣ устройства откоса, укрѣпленія противъ женскаго монастыря и сломки казначейства, онъ предполагалъ еще перестроить соборную ограду и устроить новую рѣшетку у генералъ-губернаторскаго (нынѣ публичнаго) сада, на счетъ суммы, ассигнованной на постройку набережной; перенос церковнаго придѣла предоставить усмотрѣнію епархіальнаго архіерея; если старыя сплошныя сваи противъ собора окажутся вовсе негодными, то, вмѣсто нихъ, забить стѣну новыхъ шпунтовыхъ свай; къ укрѣпленію берега приступить немедленно; остатки отъ 200.000 р., ассигнованныхъ на устройство набережной, оставить въ вѣдѣніи казенной экспедиціи, до окончательнаго разрѣшенія вопроса о казенныхъ постройкахъ Иркутской губерніи.

Въ запискѣ своей онъ вовсе не упомянулъ о мнимой опасности затопить городъ, которую когда-то выставляли главною причиною необходимости устройства набережной.

Предположенія Сперанскаго были утверждены, по положенію комитета 8 декабря 1821 г. Именнымъ указомъ 20 февраля 1822 г. Сперанскому предоставлено было привести ихъ въ исполненіе [1].

Изъ распоряженій, которыя были сдѣланы Сперанскимъ въ исполненіе Высочайшаго указа, особенно любопытны предписаніе его гражданскому губернатору и проектъ инструкціи инженерному офицеру, утвержденный главнымъ директоромъ путей сообщенія. Въ предписаніи губернатору указывались подробно его обязанности въ хозяйственномъ отношеніи, именно по заготовленію матеріаловъ и инструментовъ и по отысканію работниковъ. Заготовленіе матеріаловъ предписывалось производить или подрядомъ, или посредствомъ коммисіи; обвѣщенія о подрядахъ дѣлать въ однѣхъ только Сибирскихъ губерніяхъ; о желѣзныхъ вещахъ войти въ сношеніе съ горнымъ начальствомъ. Наемъ рабочихъ также предположено произвести черезъ подрядъ; но губернатору

[1] Св. 367, № 1. См. приложеніе.

предоставлено употребить въ работу и ссыльныхъ, если онъ признаетъ это удобнымъ, а въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть къ найму поденщиковъ.

При употребленіи въ работу ссыльныхъ, надлежало уменьшить имъ уроки, по малой опытности ихъ въ этомъ дѣлѣ.—Въ инструкціи инженерному офицеру опредѣлялись его обязанности въ искусственномъ отношеніи. Въ хозяйственную часть онъ не долженъ былъ вмѣшиваться. Губернатору онъ былъ подчиненъ по надзору за производствомъ работъ и въ случаѣ какихъ либо затрудненій. О затрудненіяхъ въ искусственномъ отношеніи онъ долженъ былъ испрашивать. чрезъ губернатора, разрѣшенія мѣстнаго начальника путей сообщенія [1]).

Для производства работъ по укрѣпленію Ангарскаго берега былъ назначенъ инженеръ-капитанъ Медвѣдевъ. Онъ кончилъ всѣ работы въ 1826 г., употребивъ на нихъ 92.452 р. 70 коп. Городская дума находила работы Медвѣдева непрочными и долго отказывалась принять ихъ въ свое вѣдѣніе; дѣло это кончено уже въ 1840 году [2]). Между тѣмъ укрѣпленіе Ангарскаго берега противъ собора до сихъ поръ составляетъ одну изъ самыхъ красивыхъ и прочныхъ работъ прежняго времени въ Иркутскѣ. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о фашинномъ укрѣпленіи противъ женскаго монастыря.

Въ 1808 г. было ассигновано на разныя строительныя работы по Китайской границѣ 19.879 р. 25½ к. Впослѣдствіи эти работы оказались недостаточными; предположено было возвести новыя постройки. Именно предполагалось устроить: земляной валъ и ровъ по обѣ стороны Кяхтинской торговой слободы, вмѣсто существовавшихъ прежде надолбъ; палисады вокругъ Кяхтинской слободы и поперегъ рч. Кяхты; деревянную набережную по обѣимъ сторонамъ рѣчки; каменныя пограничныя ворота; деревянный домъ для пограничнаго коммисара. На всѣ эти работы исчислено по смѣтамъ 82.298 р., которые ассигнованы къ отпуску въ 1818 г. Производство построекъ Высочайше повелѣно возложить на офицера инженеровъ путей сообщенія.

Сперанскій, немедленно по пріѣздѣ въ Иркутскъ, потребовалъ (10 сентября) свѣдѣній о положеніи дѣла, а 12-го поручилъ Батенькову сообразить на мѣстѣ степень необходимости этихъ работъ и

[1]) Св. 367, № 1. См. прилож.
[2]) Св. 367, № 1.

средства къ выгоднѣйшему исполненію ихъ. Батеньковъ нашелъ: что производство построекъ въ Кяхтѣ, даже и деревянныхъ, сопряжено съ величайшими трудностями, а каменныхъ,—почти невозможно. Устройство рва и вала, какъ предвидѣлъ и покойный Императоръ Александръ, возбудило въ Китайцахъ нѣкоторыя опасенія; оно не могло принести пользы и было бы, по песчаному грунту, непрочно. Сильный вѣтеръ могъ разрушить ихъ въ нѣсколько дней. Палисадъ и береговое укрѣпленіе также найдены несоотвѣтствующими цѣли. Однимъ словомъ, всѣ предположенныя работы, какъ писалъ Сперанскій Бетанкуру, были слишкомъ дороги и совершенно безполезны. Вмѣсто каменныхъ воротъ, Батеньковъ полагалъ сдѣлать деревянныя, а домъ для коммисара или купить у частныхъ людей, или устроить въ меньшемъ размѣрѣ противъ предположеннаго. На расходы по производству работъ тогда уже было употреблено 2.386 р. $55\frac{1}{4}$ к.—изъ нихъ 1.808 р. $95\frac{1}{4}$ к. на заведеніе желѣзныхъ инструментовъ.

Въ слѣдствіе полученныхъ отъ Батенькова свѣдѣній, Сперанскій [1]) предписалъ исправлявшему должность пограничнаго коммисара, Пѣтухову, остановить постройки, вывозку для нихъ лѣса, возложенную на казаковъ, и заготовленіе прочихъ матеріаловъ.

Прошло почти полтора года. Сперанскій не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Только 24 іюля 1821 г., онъ сообщилъ выводы Батенькова на разсмотрѣніе главноуправлявшаго путями сообщенія. Притомъ были представлены составленные Батеньковымъ новые фасады воротъ и коммисарскаго дома. Бетанкуръ отвѣчалъ, что судить о надобности и мѣстныхъ удобствахъ этихъ сооруженій лучше всего можетъ самъ Сперанскій; что если нужна постройка воротъ, то нужно бы болѣе вкуса въ фасадѣ, а о фасадѣ коммисарскаго дома нечего и упоминать, потому что Батеньковъ предполагаетъ купить частный домъ. Тогда Сперанскій, 22 марта 1822 г., представилъ мнѣніе Батенькова, какъ основательное, на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ [2]).

Тогда же производилась постройка дома для пограничной канцеляріи и для казенной (?) дистанціи и предполагалось устроить особое помѣщеніе для пограничнаго архива. Пограничная канцелярія

---

[1]) Св. 20, № 133.—Св. 367, № 1. Отнош. къ Бетанкуру 30 іюня 1820 г. См. прилож. отъ 4 октября 1819 г.

[2]) Графъ Кочубей, уже 31 октября 1823 г., увѣдомилъ уже Лавинскаго, что фасадъ воротъ передѣлать, а покупку дома или постройку новаго, съ меньшими издержками, онъ, министръ, предоставляетъ Лавинскому. Готоваго дома не нашлось; былъ ли выстроенъ для коммисара (пограничнаго начальника) новый домъ и во что онъ обошелся, изъ находившихся въ нашихъ рукахъ матерьяловъ, не видно. Св. 20, № 133.

испрашивала разрѣшенія употреблять на эти работы казаковъ. Сперанскій, отъ 27 марта 1820 г., далъ канцеляріи два отвѣта. На счетъ постройки дома для канцеляріи онъ писалъ: «дозволено употреблять казаковъ въ работы единственно по тому уваженію, что въ Троицкосавской крѣпости и въ Кяхтѣ достаточно мастеровыхъ сыскать невозможно, но впрочемъ безъ всякаго законнаго основанія. А между тѣмъ, входя въ положеніе сего рода людей, я нашелъ, что они, будучи обременены службою, не только не могутъ безъ отягощенія исполнять возложенныя на нихъ работы, но не имѣютъ достаточно времени и на устройство собственныхъ своихъ заведеній, — тѣмъ болѣе, что полагаемый имъ плакатъ, будучи несоразмѣренъ съ существующими нынѣ цѣнами, не можетъ быть достаточенъ и на однодневное содержаніе рабочаго». Поэтому онъ отказалъ въ разрѣшеніи употреблять казаковъ на работы и предложилъ канцеляріи изыскать удобнѣйшія средства къ окончанію постройки для нея дома.

Въ представленіи канцеляріи, о постройкѣ помѣщенія для архива смѣтная сумма за срубку и вывозку лѣса была уменьшена вдесятеро, противъ справочныхъ цѣнъ, потому только, что канцелярія предполагала употреблять на эту работу казаковъ. Сперанскій находилъ, что эта мѣра уменьшитъ издержки казны, но будетъ крайне тягостна для казаковъ. Они получали за каждое бревно не болѣе 45 коп.; а въ случаѣ невозможности исполнить лично возложенную на нихъ обязанность, должны были платить по 4 р. и даже больше. Сперанскій нашелъ невозможнымъ разрѣшить ходатайство канцеляріи. Зная всю необходимость въ постройкѣ особаго зданія для архива, онъ обѣщался только ходатайствовать объ ассигнованіи особой суммы, которая была бы достаточна, для постройки, «не привлекая бѣдныхъ военно-служителей въ работу за такую цѣну, которая не только не доставляетъ имъ выгоды, но обременяетъ ихъ состояніе». Притомъ прибавленъ P. S. «Изъ сего канцелярія должна заключить вообще, что всѣ наряды казаковъ на работы, къ прямой ихъ службѣ не принадлежащіе, суть неправильны и строго закономъ воспрещаются» [1]. Канцелярія однакожъ не придумала ничего другаго, какъ употреблять въ работы тѣхъ же казаковъ за плату, какая будетъ существовать между вольными работниками. Онъ утвердилъ это предположеніе 5 іюня 1820 г., но съ тѣмъ «чтобы предположеніе сіе исполнено было въ точности и казаки употреблены были къ работѣ въ такое время,

---

[1]) Св. 20, № 133.

которое можетъ быть свободно отъ хозяйственныхъ ихъ занятій» [1]).

Къ этому времени принадлежитъ, между прочимъ, и начало переписки о возведеніи новыхъ зданій для Кяхтинской таможни. Переписка эта была возбуждена Голяховскимъ; Сперанскій участвовалъ въ ней только косвеннымъ образомъ. Въ началѣ 1822 года, Цейдлеръ донесъ ему о своемъ обозрѣніи Верхнеудинскаго уѣзда и, между прочимъ, о крайней ветхости таможенныхъ зданій. Сперанскій, 21 апрѣля 1822 г., сообщилъ это замѣчаніе гр. Гурьеву. «Въ бытность мою въ 1820 г. въ Кяхтѣ, писалъ онъ при этомъ, я лично обозрѣвалъ оное зданіе и нашелъ въ совершенной ветхости. Зная изъ дошедшихъ до меня свѣдѣній, что директоръ Кяхтинской таможни вошелъ уже по сему предмету съ представленіемъ въ министерство финансовъ, я долгомъ счелъ и объ ономъ донесеніи гражданскаго губернатора довести до свѣдѣнія вашего сіятельства» [2]). Постройка таможенныхъ зданій началась однакоже гораздо позже и была кончена только въ *половинѣ тридцатыхъ* годовъ.

3 сентября 1819 г., Сперанскій, «имѣя достаточныя свѣдѣнія о неудобствѣ помѣщенія въ Нижнеудинскѣ денежной казны», распорядился устроить для этого немедленно новое зданіе [3]).

Тамъ же строилось уѣздное училище на счетъ частныхъ пожертвованій. Постройка его была поручена первому министру Трескина, Лоскутову. Лоскутовъ, впрочемъ, ничего не дѣлалъ. По смѣнѣ его, Сперанскій распорядился поручить постройку тамошнему городничему и смотрителю больницы Шелковникову. Словцовъ, 26 ноября 1819 г., доносилъ, что постройку училища Лоскутовъ обязался произвести на свой счетъ, а потомъ собралъ на это 14.000 р. пожертвованій, которыя хранятся въ Иркутскомъ казначействѣ. Словцовъ просилъ передать эти деньги въ его вѣдѣніе, для употребленія по постановленіямъ училищнаго начальства. Намъ неизвѣстно, чѣмъ было разрѣшено это ходатайство [4]).

Въ Нерчинскѣ предполагалось построить почтовый домъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, 13 мая 1819 г., просилъ Сперанскаго распорядиться этой постройкой по его усмотрѣнію. Но въ то же время Сибирскій почтамтъ доносилъ, что, вмѣсто постройки новаго

---

[1]) Св. 120, № 133.
[2]) Св. 106, № 4.
[3]) Св. 106, № 10.
[4]) Св. 106, № 4.

дома, предполагается купить въ Нерчинскѣ готовый. Поэтому распоряженія о постройкѣ были остановлены [1]).

Въ Охотскомъ портѣ предполагалось построить домъ для почтоваго экспедитора. На постройку было ассигновано 4.006 р. 50 к. Ушинскій находилъ эту сумму недостаточною и поручилъ почтовому экспедитору Уракову, составить новую смѣту. Вмѣсто того Ураковъ приторговалъ продававшійся съ аукціона домъ шкиперскаго помощника Семчина за 2.200 р. Ушинскій жаловался на это Сперанскому, особенно потому, что домъ Семчина онъ полагалъ купить на другое употребленіе и за болѣе выгодную цѣну. Сибирскій почтамтъ также представлялъ о томъ на разсмотрѣніе Сперанскаго. Князь Голицынъ, съ своей стороны, писалъ Сперанскому (отъ 15 мая 1820 г.), что старый домъ почтоваго экспедитора крайне ветхъ, а квартиру нанять весьма затруднительно; и потому просилъ его приказать кому нибудь освидѣтельствовать домъ Семчина, и если онъ окажется удобнымъ и по цѣнѣ выгоднымъ, то велѣть его купить. Сперанскій, отъ 20 іюля 1820 г., поручилъ Ушинскому подробно разсмотрѣть это дѣло, и если окажется возможнымъ, устроить домъ Семчина по замѣчаніямъ Сибирскаго почтамта за сумму не выше 4.006 р. 50 к., то принять его и устроить [2]). Въ домѣ однакожъ оказались разные недостатки, и на одно исправленіе ихъ требовалось 10.660 р. Князь Голицынъ снова, отъ 5 декабря 1821 г., просилъ Сперанскаго устроить дѣло, какъ онъ признаетъ за лучшее, съ возможно умѣренными издержками. Сперанскій, отъ 9 марта 1822 г., указывалъ Ушинскому на средства пріобрѣсти и исправить этотъ домъ за возможно дешевую цѣну,—произвести на него новые торги, а на исправленіе употреблять адмиралтейскихъ служителей. Онъ указывалъ, что Ураковъ берется исправить домъ за 1.800 р. Сперанскій поручилъ Ушинскому снова разсмотрѣть и устроить это дѣло. Если ни купить и исправить домъ Семчина, ни выстроить новый, было невозможно на ассигнованную сумму, то Ушинскій долженъ былъ немедленно составить и представить Сперанскому дополнительную смѣту [3]).

Ушинскій однакожъ нашелъ и представилъ на уваженіе новыя препятствія. «Столь продолжительное теченіе онаго (дѣла), писалъ совершенно справедливо Голицынъ, отъ 10 апрѣля 1823 г., происходитъ, какъ кажется, оттого, что г. Ушинскій неохотно располо-

---

[1]) Св. 21, № 138.

[2]) См. приложеніе.

[3]) См. прилож.

женъ къ нему». Уже только въ 1824 г. былъ купленъ для почтоваго экспедитора тотъ же домъ, за 1.200 р. [1]).

Гораздо проще обошлось дѣло съ подобной постройкой въ Камчаткѣ. Въ Петропавловскомъ портѣ также было назначено построить домъ для экспедитора. Князь Голицынъ полагалъ поручить ее непосредственному распоряженію Рикорда, такъ какъ почтовое начальство, по отдаленности, не могло наблюдать за постройкой. Сперанскій согласился съ этимъ предположеніемъ и предписалъ Рикорду, отъ 20 марта 1820 г., привести его въ исполненіе [2]).

Ушинскій просилъ разрѣшенія на постройку острога, по крайней мѣрѣ, на 30 чел. Сперанскій поручилъ Иркутскому архитектору Кругликову составить планъ на эту постройку и послалъ его, 13 февраля 1820 г., къ Ушинскому. Онъ разрѣшилъ его произвести постройку острога, и приэтомъ сдѣлать въ планѣ всѣ перемѣны, какія будутъ признаны нужными по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Безъ смѣты нельзя было сдѣлать назначенія суммы; но Сперанскій предоставилъ Ушинскому приступить къ постройкѣ не останавливаясь, а деньги на нее употреблять изъ другихъ суммъ. Въ исполненіи этого встрѣтилось затрудненіе, потому что казенная экспедиція предписала казначейству не отпускать въ распоряженіе Ушинскаго никакихъ суммъ, безъ особеннаго ассигнованія. Это затрудненіе было устранено распоряженіемъ Сперанскаго, чтобы Ушинскому, въ случаѣ надобности, отпускалось до 2.000 р. изъ суммъ казенныхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ [3]).

---

[1]) Св. 22, № 5.
[2]) Св. 15, № 25.
[3]) Св. 22, № 2.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Устройство казачьихъ командъ.

Городовые и пограничные казаки въ Сибири составляли мѣстную полицейскую стражу. Они состояли въ вѣдѣніи гражданскаго начальства и выполняли самыя разнородныя обязанности. По отзыву Цейдлера, казаки вообще «не имѣли штатнаго положенія и мало употреблялись къ препровожденію ссыльныхъ, къ поимкѣ разбойниковъ и къ другимъ подобнымъ предметамъ, кои исправляли башкирскіе и мещерякскіе казаки; но болѣе занимались командировками по земской полиціи, разъѣздами, содержаніемъ въ городѣ постовъ и тому подобными обязанностями» [1]. Ни въ одеждѣ, ни въ вооруженіи ихъ не соблюдалось строгаго однообразія; то и другое вообще было довольно неисправно. Народъ, особенно за Байкаломъ, называлъ казаковъ, въ насмѣшку, *унтовымъ* войскомъ [2]. Это названіе было особенно мѣтко въ отношеніи къ Забайкальскимъ пограничнымъ казакамъ, которые, неся легкую пограничную службу, занимались преимущественно сельскимъ хозяйствомъ и мелочной торговлей.

Управленіе, распредѣленіе и снабженіе казаковъ было основано на штатѣ, составленномъ въ 1737 г. бывшимъ Сибирскимъ приказомъ. Казаки раздѣлены были на команды, сообразно тогдашнимъ нуждамъ и поселенію Сибири. Особенно велика была Красноярская команда: изъ нея наряжалось до 500 чел. на пограничную службу. По тогдашнимъ цѣнамъ было опредѣлено и содержаніе. Оно было различно, но вообще годовой окладъ офицерскаго жалованья составлялъ неболѣе двадцати рублей, съ выдачею провіанта и фуража. Заведеніе лошадей, одежда и вооруженіе оставались на собственномъ иждивеніи казаковъ. Съ постепеннымъ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ потребности, казаки становились бѣднѣе, и наконецъ дошли до крайняго изнуренія [3].

---

[1]) Св. 123, № 18. Донес. Цейдлера 29 сентября 1823 г.

[2]) Унты—теплые сапоги изъ козьей шкуры.

[3]) «Обозрѣніе» и пр. 114—116. - Дневникъ.

Въ бытѣ казаковъ существовали нѣкоторыя особенности. Такъ, напримѣръ, всѣ ихъ начальники, начиная съ урядниковъ, назывались «старшинами». Они сохраняли еще преданія прежней самостоятельности казачьяго «круга», хотя самостоятельность эта была уже сильно подавлена мѣстною властью. Наравнѣ съ земскими чиновниками, казаки были бичемъ мѣстнаго населенія. Въ преданіи сохраняются любопытныя извѣстія объ ихъ подвигахъ [1]). Вымогательство было не единственное зло, которое терпѣли отъ нихъ жители. Даже при Сперанскомъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ его управленія, казаки позволяли себѣ самое наглое буйство. Такъ въ 1819 г. крестьянинъ Киренской округи Щепинъ, во время исправленія обывательской гоньбы на Шубинской станціи «проѣзжающимъ казакомъ Сизыхъ, былъ битъ съ такою жестокостью, что, возвратясь домой больнымъ прежде урочнаго времени, умеръ черезъ шесть дней и по осмотру его оказалось—голова проломленною, а спина вся почернѣлою» [2]).

Деспоты въ отношеніи къ населенію, казаки въ то же время находились въ величайшемъ загонѣ у своихъ начальниковъ, терпѣли отъ ихъ лихоимства и самовольства. Иркутскій полкъ принесъ Сперанскому жалобу на то, что атаманъ Скороговоровъ занималъ казаковъ своими работами безъ условій и за несоотвѣтственную плату. Всего насчитано было на него 5.586 р. 10 коп. Скороговоровъ уплатилъ 1.607 р. 45 к., а въ уплатѣ остальныхъ 3.978 р. 65 к. далъ подписку [3]). Тункинская казачья сотня также жаловалась на своего командовавшаго сотнею, Чеусова, и жалоба эта оказалась справедливою. Чеусовъ заставлялъ казаковъ строить безъ платы провіантскіе магазины и доставлять командою дрова въ казенныя зданія; удерживалъ на постройку мундировъ деньги, слѣдовавшія казакамъ за доставку хлѣба, и заготовлялъ, на счетъ казаковъ, канцелярскіе припасы. Порохъ отпускался отъ казны по 1 р. 29¾ к.,—а продавался казакамъ 2 — 3 р., а братскимъ 2 — 5 р. Вообще Тункинскіе казаки терпѣли большія потери отъ тяжкой службы и отъ постройки, на ихъ счетъ, мундировъ [4]).

Еще болѣе, нежели злоупотребленія отдѣльныхъ начальниковъ, наносили вреда казакамъ общія мѣры, принятыя Трескинымъ, въ видахъ лучшаго ихъ устройства. 1813 г. при Иркутскомъ полку было введено обученіе регулярной дисциплинѣ учреждены строе-

[1]) Корф. II, стр. 235.
[2]) Св. 143, № 305.
[3]) Св. 129, № 18.
[4]) Св. 23, № 2.

выя лошади, для которыхъ казаки обязывались заготовлять сѣно на собственныхъ покосахъ, установлены домовые отпуски за положенную плату въ полковую сумму, учрежденъ омулевый промыселъ, которымъ казаки обязаны были заниматься въ пользу полковаго капитала. Собранная съ казаковъ разными путями сумма, по разсчету, должна была составлять 102.300 р. 3 коп., а налицо было только 14.639 р. 91½ к.—«Всѣ несовмѣстныя званію казаковъ, писала слѣдственная коммисія, занятія ихъ къ пріумноженію полковой экономической суммы обращены были единственно на строевыхъ лошадей, а не на пользу казаковъ». — По словамъ казаковъ, они совершенно разорились, дошли до нищеты отъ новыхъ порядковъ. Особенно жаловались они на обученіе регулярной дисциплинѣ, которое производилось въ лучшее лѣтнее время, отвлекало казаковъ отъ прямыхъ ихъ служебныхъ обязанностей, (?) стѣсняло въ службѣ и лишало возможности содержать семейства своими трудами. Казаки просили: укомплектовать полкъ (до комплекта недоставало 20 чел.); возвратить въ полкъ 53 чел. нижнихъ чиновъ, занимавшихъ разныя частныя должности; прекратить домовые отпуски съ платой въ полковую казну, предоставя казакамъ свободу частныхъ сдѣлокъ въ отправленіи очередной службы; учредить очереди для строевыхъ (конныхъ) и пѣшихъ казаковъ; уничтожить непремѣнныхъ строевыхъ лошадей и обученіе регулярной дисциплинѣ; раздѣлить между казаками покосы — 3,782 десят.; предоставить распоряженіе полковою суммою не управляющему полкомъ, а выборной артели: обмундированіе на счетъ артельной суммы производить только съ вѣдома, но безъ участія начальства; просили также продать устроенные ими полковой дворъ и конюшни, а также зимовье, устроенное въ 21 верстѣ отъ города [1]).

На общіе покосы высылалось ежегодно отъ 52 до 123 казаковъ. Лошадей содержалось обыкновенно отъ 30 до 40.

При злоупотребленіяхъ въ довольствіи лошадей, было растрачено сѣна до 66000 п., на 39.421 р. 43 коп.

По омулевому промыслу коммисія вычислила всѣхъ расходовъ 21.458 р 45¾ к. [2]), а выручено было отъ этого промысла 19.235 р. 59¼ к., слѣдовательно недовыручено втеченіи шести лѣтъ 2.222 р. 86½ к. Коммисія съ нѣкоторой натяжкой говорила, что расходъ этотъ, а слѣдовательно и недовыручка, должны быть еще

[1]) Св. 129, № 18.

[2]) На покупку съѣстныхъ припасовъ 6.671 р. 43 к., на заведеніе неводовъ, карбазовъ и проч. 6.816 р. 56¼—13.487 р. 99¼ к. дѣйствительнаго расхода, задѣльной платы слѣдовало выдать казакамъ (но не выдано) 7.970 р. 46¼ коп.

значительнѣе, такъ какъ, вмѣсто казаковъ, командированныхъ на промыселъ, несли дѣйствительную службу наличные [1]). Должности, въ которыя употреблялись казаки внѣ круга прямыхъ своихъ обязанностей, были чрезвычайно разнообразны. При одной канцеляріи генералъ-губернатора состояло четверо казаковъ и ихъ старшинъ, какъ изъ Иркутскаго полка, такъ и изъ другихъ командъ. Изъ числа ихъ особенно памятенъ въ Иркутскѣ Клетченко. Онъ былъ взятъ въ канцелярію Пестеля еще въ 1811 г. изъ Тобольской команды. Въ 1820 г. онъ состоялъ въ чинѣ атамана 14 класса. Въ томъ же году Клетченко былъ произведенъ въ 12 классъ, и 1 января 1821 г. перечисленъ въ Иркутскій полкъ. Онъ уѣхалъ съ Сперанскимъ и въ Петербургъ; 26 января 1822 г., по Высочайшему повелѣнію, произведенъ въ 10 классъ, а 24 февраля того же года причисленъ къ Сибирскому комитету. Клетченко считался въ Иркутскѣ чѣмъ-то въ родѣ адъютанта Сперанскаго. Онъ былъ посланъ въ Иркутскъ изъ Нижнеудинска съ имѣніемъ Лоскутова и первый извѣстилъ иркутянъ о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ отношеніи къ этому грабителю [2]). Вѣстовые находились не только у вице-губернатора (двое), но у Шкларевскаго (двое), Клетченки, Кругликова, Чеусова. Изъ числа казаковъ, неcшихъ дѣйствительной службы, у одного Трескина, уже удаленнаго отъ должности, находилось 7 человѣкъ пѣшихъ [3]) и трое конныхъ; четыре тараторщика и батырщика въ губернской типографіи, и два переплетчика въ канцеляріи губернатора и губернскомъ правительствѣ. Всѣхъ казачьихъ карауловъ считалось 188.

Все это побудило Сперанскаго дать, 31 декабря 1819 г., слѣдующее предписаніе:

«Иркутскому казачьему полку.

«По жалобамъ, вошедшимъ ко мнѣ отъ казачьяго Иркутскаго полка, поручивъ слѣдственной Иркутской коммисіи войти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе тѣхъ перемѣнъ, кои въ хозяйственномъ управленіи сего полка съ 1813 года были введены, и разсмотрѣвъ произведенныя ею при депутатахъ отъ полка слѣдствія, я нашелъ, что стѣсненіе и растройство, на которыя казаки приносятъ жалобу, произошли наиболѣе отъ того, что съ перемѣною прежняго

[1]) Св. 123, № 3.

[2]) Св. 123, № 1. Щукинъ, Тюменцевъ, и проч. — Кромѣ Клетченки, при канцеляріи Сперанскаго состояли: Кузнецкой команды атаманъ 14 класса Кожуховскій, — онъ поступилъ впослѣдствіи въ канцелярію Лавинскаго; казаки Иркутскаго полка Андрей Бѣлоусовъ и Петръ Мальцевъ. Бѣлоусовъ впослѣдствіи тоже былъ причисленъ къ Сибирскому комитету.

[3]) Одинъ у доклада, два въ закупщикахъ, два въ кучерахъ, два почныхъ.

ихъ образа управленія введены вновь слѣдующія, отяготительныя для нихъ распоряженія:

1) «Содержаніе при полку непремѣнныхъ строевыхъ лошадей, съ заготовленіемъ для нихъ сѣна казаками на собственныхъ покосахъ.

2) «Домовые отпуски нѣкоторыхъ казаковъ, по произволу ихъ начальства учреждаемые, со взносомъ положеннаго платежа въ экономическую сумму, съ тягостною для другихъ казаковъ обязанностью отправлять службу вмѣсто сихъ увольняемыхъ.

3) «Заведеніе несвойственнаго, безвыгоднаго и отяготительнаго промысла ловли омулей, на которую казаки наряжаемы были по усмотрѣнію ихъ начальства.

4) «Заведеніе такъ называемаго полковаго зимовья и полковаго двора, безъ существенной въ томъ нужды и съ крайнимъ для казаковъ отягощеніемъ какъ въ постройкѣ ихъ, такъ и въ содержаніи.

5) «Несоразмѣрные наличному числу казаковъ наряды на службу такъ, что изъ 270 человѣкъ наличныхъ, находится всегда на службѣ около 210 человѣкъ.

6) «Разныя частныя претензіи казаковъ на управляющаго полкомъ, 10 класса Скороговорова.

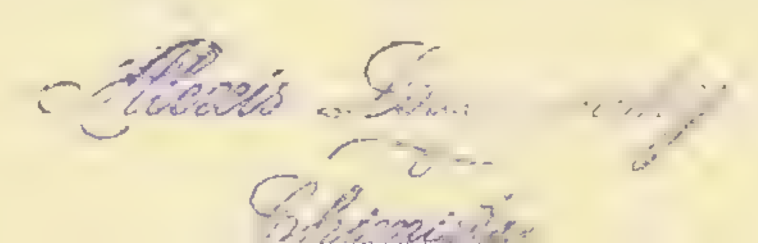
«Въ отмѣну сихъ новыхъ распорядковъ, ко всевозможному облегченію казаковъ въ ихъ службѣ и къ поправленію ихъ бѣднаго состоянія, впредь до общаго всѣхъ Сибирскихъ городскихъ казаковъ образованія, согласно прошенію Иркутскихъ казаковъ и мнѣнію коммисіи, признано нужнымъ постановить слѣдующее:

1) «Главный надзоръ въ управленіи Иркутскаго казачьяго полка, подъ вѣдомствомъ гражданскаго губернатора, поручается г. полковнику Платонову, доколѣ онъ въ должности городничаго находиться будетъ.

2) «Управляющимъ полка быть 9 класса Пескову.

3) «Полковыхъ строевыхъ лошадей, кои, сверхъ отягощенія казаковъ въ содержаніи ихъ, по осмотру оказались къ службѣ большею частію неспособными, продать, и вырученныя деньги причислить въ полковую сумму. Конную службу отправлять казакамъ на собственныхъ ихъ лошадяхъ, какъ то прежде было, а сѣнокосныя ихъ статьи раздѣлить между ними по участкамъ.

4) «Домовые отпуски, по произволу начальства учреждаемые, прекратить, предоставивъ каждому, кто пожелаетъ воспользоваться временнымъ увольненіемъ отъ службы, ставить вмѣсто себя



другаго казака на службу, по добровольному условію, съ дозволенія начальства, но безпрепятственно.

5) «Омулевый промыселъ прекратить, снасти и прочія заведенія онаго продать и вырученныя деньги причислить въ полковую сумму.

6) «Зимовье и полковой дворъ оцѣнить и представить подробную имъ опись къ дальнѣйшему усмотрѣнію.

7) «Полковою экономическою суммою распоряжать иначе, какъ съ вѣдома полковыхъ артелей, по особенному для сего положенію; для содержанія же въ порядкѣ письмоводства по сей части избрать отъ полку собственнаго казначея.

8) «Наряды на службу казаковъ производить не иначе, какъ по росписанію, при семъ прилагаемому; всѣ посты, въ росписаніи семъ не означенные, яко излишніе, отмѣняются.

9) «Частныя претензіи, вошедшія на управляющаго, Скороговорова, удовлетворить по данной отъ него распискѣ».

По росписанію, приложенному къ этому приказу, назначалось на будущее время 165 карауловъ, 203 менѣе прежняго. Кромѣ того уничтожено 2 конныхъ и 36 пѣшихъ постовъ. Всего, по росписанію, назначалось на постоянную службу 21 урядникъ, 25 конныхъ и 124 пѣшихъ казаковъ; изъ нихъ 1 урядникъ и 10 пѣшихъ казаковъ—только на случай командировокъ. Конныя очереди назначены черезъ четыре въ пятую, пѣшія черезъ три въ четвертую недѣлю. Любопытно, что сокращая такъ значительно число постовъ, Сперанскій оставилъ одного урядника для надзора за дѣтьми въ гимназіи и одного урядника или казака при больницѣ.

Въ тотъ же день, 31 декабря, Сперанскій предписалъ Платонову «сегодня же» прочитать этотъ приказъ въ собраніи полка и привести въ дѣйствіе, и послалъ списокъ съ приказа, для исполненія, Зеркалееву.

57 полковыхъ лошадей, со всей сбруей, были проданы за 2.885 р. 50 коп. тѣмъ же казакамъ, которые обязались относить конную службу; карбазы за 1.280 р. Невода со снастями, къ февралю 1820 г., оставались еще «въ нерѣшимости». Частныя претензіи Скороговоровъ удовлетворилъ. Полковой суммы, кромѣ розданной въ одолженіе, поступило къ казначею Селиванову 2.807 р. 28½ коп. Полковой дворъ, со всѣмъ строеніемъ, оцѣненъ въ 4.525 р., зимовье въ 500 р. [1]) Мы не знаемъ, за какую сумму было продано зимовье; но огромный полковой дворъ, съ казармами, цей-

[1]) Св. 123. № 3

хаузами и другими заведеніями, принадлежитъ казакамъ и въ настоящее время. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, по распоряженію мѣстнаго начальства, на этомъ дворѣ, несмотря на протестъ казаковъ, помѣщена воинская команда, и такимъ образомъ онъ фактически изъятъ изъ ихъ владѣнія.

Мѣстное начальство, повидимому, далеко несочувственно принимало эти реформы и особенно ту самостоятельность, которая давалась полку въ хозяйственныхъ его дѣлахъ. Оно не оставило привычки вмѣшиваться въ эти дѣла, и даже къ самому Сперанскому обращало косвенные упреки въ тѣхъ «безпорядкахъ», къ какимъ будто бы подали поводъ принятыя имъ мѣры. Лѣтомъ 1820 г., Зеркалеевъ распорядился послать за Байкалъ двухъ казаковъ для продажи неводовъ и другихъ заведеній, оставшихся отъ казачьяго омулеваго промысла, и назначилъ имъ 600 р. изъ полковой экономической суммы. На это было составлено согласіе полка; но четыре казака [1]) протестовали противъ такого распоряженія. Они просили эти деньги себѣ взаймы, «къ чему возмутили и прочихъ казаковъ». Зеркалеевъ распорядился, какъ доносилъ онъ Сперанскому 21 іюля 1820 г., «*за неповиновеніе начальству*, самовольное требованіе себѣ подъ образъ заіма экономической суммы, возмущеніе прочихъ казаковъ въ опроверженіе сдѣланнаго *по предписанію начальства постановленія*, въ примѣръ другимъ, наказавъ палками при собраніи всего полка, подтвердить, что ежели они, или кто либо изъ казаковъ на будущее время окажутъ подобное *неповиновеніе, относящееся къ разстройству порядка службы*, тогда всѣ таковые подвергнуты будутъ строгому законному сужденію, наказаны и какъ бунтовщики удалены изъ полка въ другія отдаленныя команды подъ строжайшій надзоръ». Зеркалеевъ прибавлялъ къ этому, что «мѣра сей строгости для казаковъ *въ настоящее время* есть совершенно необходимѣйшая, которою токмо и можно обратить ихъ къ порядку службы и должному повиновенію». Испугался ли Сперанскій обвиненія въ потворствѣ анархіи (а это обвиненіе часто раздавалось около него въ Сибири), или по другимъ причинамъ, но онъ оставилъ бумагу Зеркалеева безъ отвѣта [2]). Экономическая самостоятельность полка получила жестокій ударъ при первомъ своемъ проявленіи; немудрено, что она никогда уже не могла развиться впослѣдствіи. Мы уже сказали, что казаки не могутъ нынѣ распоряжаться даже собственнымъ своимъ полковымъ

---

[1]) Толмачевъ, Звѣревъ, Лифантьевъ, Мелисовъ.

[2]) Св. 123, № 3.

дворомъ, о которомъ было столько толковъ во время Сперанскаго. Къ этому мы прибавимъ, что со временъ генералъ-губернаторовъ Броневскаго и Руперта, т. е. съ небольшимъ черезъ 15 лѣтъ послѣ Сперанскаго, началось и обученіе казаковъ столь ненавистной для нихъ «военной дисциплинѣ», сопряженное со всѣми жестокостями тогдашней солдатской школы. Тогда же начались и новые поборы съ казаковъ, въ видѣ удержанія фуражныхъ денегъ на обмундировку ихъ и тому подобное.

5 марта 1820 г. Песковъ умеръ. Вмѣсто него, по ходатайству Веркалеева и Платонова, Сперанскій, 13-го марта, опредѣлилъ бывшаго дистанчнаго начальника Тункинской крѣпости, Чеусова, [1]) того самаго, на котораго жаловались Тункинскіе казаки, и который былъ смѣненъ по этой жалобѣ. Чеусовъ впрочемъ несовсѣмъ былъ доволенъ этимъ назначеніемъ. Въ 1821 г. онъ жаловался на недостатокъ средствъ и просилъ о назначеніи ему жалованья. Веркалеевъ доносилъ Сперанскому, что просьба эта вполнѣ заслуживаетъ уваженія, но не можетъ быть выполнена, потому что ни офицерамъ, ни казакамъ не положено ни жалованья, ни аммуниціи. Веркалеевъ просилъ разрѣшенія перевести Чеусова въ одну изъ пограничныхъ дистанцій, гдѣ онъ могъ имѣть болѣе средствъ къ существованію. Сперанскій согласился на это [2]).

Въ томъ же родѣ, какъ въ Иркутскомъ полку, были жалобы и Верхнеудинской казачьей команды. Жалоба казаковъ была подана чрезъ особыхъ выборныхъ депутатовъ. Сперанскій поручилъ разобрать ее тамошнему городничему Измайлову. Вслѣдъ затѣмъ, 5 марта 1820, онъ предписалъ городничему удалить отъ должности командовавшаго сотнею, Посельскаго, и поручить управленіе 14 класса Телятникову. Измайловъ началъ свое разбирательство довольно оригинально. Онъ собралъ команду, началъ ругать депутатовъ и всѣхъ, кто ихъ защищалъ—«бунтовщиками, плутами, пьяницами и незаслуживающими никакого вѣроятія», и высылать ихъ за фронтъ. Депутаты подали, 22 марта, новую жалобу на эти поступки, и просили назначить, для слѣдствія, или засѣдателя земскаго суда Красильникова, или надворнаго совѣтника Игумнова, или чиновника изъ другаго мѣста: «а г. городничему, писали они, ввѣрить себя не осмѣливаемся». Но въ этой мѣрѣ не встрѣтилось необходимости, потому что вслѣдъ затѣмъ, 27 марта, Измайловъ

---

[1]) Св. 123, № 3.

[2]) Предп. 23 декабря 1821 г. Св. 123, № 5.

представилъ свое донесеніе, изъ котораго достаточно можно было видѣть сущность дѣла. Это донесеніе любопытно между прочимъ потому, что на немъ Сперанскій самъ положилъ карандашемъ резолюцію, что онъ вообще дѣлалъ довольно рѣдко. Городничій писалъ: 1) что, съ заведеніемъ общихъ неводовъ, экономическая сумма команды увеличилась. 2) Что невода не служатъ къ отягощенію казаковъ, но приносятъ имъ существенную пользу. (Резол.: *Невода уничтожить*). 3) Что казаки. состоящіе при земскомъ судѣ, напрасно жалуются на отводъ имъ малыхъ, въ сравненіи съ другими, сѣнокосныхъ паевъ: они ѣздятъ по уѣзду на готовыхъ лошадяхъ и вообще служба ихъ «преимущественнѣе» передъ службой другихъ. Притомъ Измайловъ жаловался на дерзость казаковъ, состоявшихъ при земскомъ судѣ. Для объясненія этой жалобы необходимо вспомнить. что Верхнеудинскимъ исправникомъ въ послѣднее передъ Сперанскимъ время былъ всесильный Геденштромъ, а до него — не менѣе всесильный Янковскій. (Резолюція: *сдѣлать роспись постамъ*). 4) Что казаки совершенно несправедливо жалуются на отводъ сѣнокосныхъ паевъ городничему: онъ получалъ отъ 150 до 200 копенъ съ согласія казаковъ и платилъ за это по 25 р. (Резолюція: *Впредь всѣ* ..... [1]) *въ наи и никому не давать кромѣ принадлежащихъ къ службѣ казацкой*). 5) Что всѣ маловажныя жалобы удовлетворены. 6) Телятниковъ, по старости, не можетъ управлять командой и просится домой: онъ служилъ раньше смотрителемъ Тункинскихъ теплицъ. (Резол. *На мѣсто Телятникова выбрать, а его отправить къ прежнему мѣсту*).

Сообразно съ этими резолюціями, дано было городничему предписаніе, 3 апрѣля 1820 г., а Зеркалееву, 5 апрѣля, предложено наблюсти, чтобы распоряженія эти были исполняемы «въ самой точности». Управляющимъ командой назначенъ сотникъ Скорняковъ, которому передъ тѣмъ поручено было завѣдывать Тункинскими теплицами. Измайловъ представлялъ было о возвращеніи въ эту должность Посельскаго; но Сперанскій распорядился. чтобы Посельскій оставался при городничемъ «для разныхъ полицейскихъ исполненій и къ наблюденію за казенными зданіями, а особливо въ тюремномъ острогѣ» [2]).

8 апрѣля, Измайловъ представилъ новое росписаніе постовъ.

---

[1]) Нѣсколько словъ неразобрано.

[2]) Св. 123, № 3; прилож. Съ Телятникова провіантское коммиссіонерство хотѣло взыскать провіантъ, выданный ему со времени опредѣленія его смотрителемъ Тункинскихъ теплицъ, т. е. съ 1818 г. Сперанскій, 9 апрѣля 1820 г., распорядился—остановить выдачу ему провіанта на будущее время, но не требовать возврата за прошедшее.

Прежде назначалось три старшины, 10 конныхъ и 75 пѣшихъ; вновь назначено 5 старшинъ, 6 конныхъ и 76 пѣшихъ, а налицо было только три старшины и 51 казакъ. Число пѣшихъ постовъ, по объясненію Измайлова, увеличилось потому, что на службу при Селенгинскомъ сол. заводѣ было назначено 10 чел. болѣе прежняго, и отчислено 6 чел. на случай командировокъ [1]).

Въ іюнѣ того же года Измайловъ и Зеркалеевъ представили о распредѣленіи покосовъ: первый въ Верхнеудинскѣ—классным чиновникамъ по пяти, сотникамъ по четыре, урядникамъ по два пая противъ рядовыхъ казаковъ; послѣдній въ Иркутскѣ,—въ подробно опредѣленныхъ въ его донесеніи размѣрахъ. Эти распредѣленія были утверждены Сперанскимъ 2 іюля. Кромѣ того, Верхнеудинскій городничій представлялъ записку, съ объясненіемъ причинъ, по которымъ офицеры не получаютъ жалованья, провіанта и фуража. Сперанскій нашелъ это объясненіе «недостаточнымъ», и 6 іюля 1820 г., требовалъ болѣе основательнаго объясненія отъ Зеркалеева. Отвѣтъ послѣдняго намъ неизвѣстенъ [2]).

Совсѣмъ другой характеръ имѣла переписка о Нижнеудинской казачьей командѣ. Отъ честнаго Дипаталя нельзя было ожидать притѣсненій казакамъ; но здѣсь была другая *злоба дня*, которая одинаково заботила и городничаго, и его начальство.

Нижнеудинскіе казаки составляли прежде часть Красноярской команды и были командированы изъ нея въ 1781 г., когда Нижнеудинскъ составлялъ часть Тобольской губерніи. Съ присоединеніемъ его къ Иркутской губерніи, по штату 6 марта 1783 г., казаки эти поступили въ вѣдѣніе Иркутскаго губернатора и въ число пограничныхъ Иркутскихъ казаковъ. Тобольскій губернаторъ нѣсколько разъ требовалъ высылки ихъ къ своей командѣ; но ему отказывали подъ разными предлогами,—что казаки уже привыкли къ пограничной службѣ, обзавелись домами и т. п. Въ 1808 г., Томскій губернаторъ возобновилъ ходатайство (у Пестеля) о высылкѣ казаковъ; но Трескинъ снова представилъ Пестелю тѣ же причины затрудненій въ высылкѣ, и Нижнеудинскіе казаки окончательно поступили въ число казаковъ вѣдомства Троицкосавской пограничной канцеляріи. Штата эта команда не имѣла и укомплектовать ее было не-почему. Трескинъ, находя, что казаки доведены до совершенной бѣдности, просилъ бригаднаго командира принять на отвѣтственность внутренней стражи три поста въ го-

---

[1] Св. 123, № 3, прилож.

[2]. Св. 123, № 3.

родѣ—при полиціи, уѣздномъ судѣ и въ городской больницѣ; но Нараевскій отказалъ ему въ этомъ. Въ 1820 г., въ командѣ состояло только 47 казаковъ съ тремя урядниками. Изъ нихъ 12-ть назначалось въ отставку; оставалось только 35, тогда какъ на службу употреблялось ежедневно 21 человѣкъ. Дипаталь донесъ объ этомъ Сперанскому. По мнѣнію Зеркалеева, казаковъ всетаки было бы достаточно, еслибы Дипаталь не употреблялъ ихъ по произволу, напр. для надзора за постройкой уѣзднаго училища, что онъ долженъ исполнять самъ. Зеркалеевъ представилъ однакожъ табель постовъ, по которой на ежегодную службу назначалось 1 урядникъ и 14 казаковъ. Въ дополненіе къ этому, Сперанскій, 14 апрѣля 1820 г., предписалъ Нараевскому принять три поста на содержаніе внутренней стражи [1]).

Но вообще положеніе казаковъ требовало не частныхъ, а общихъ мѣръ, которыми и занялся Сперанскій.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ссыльные.—Казенныя поселенія.—Разныя дѣла о ссыльныхъ.—Милости.

Ссылка въ Сибирь, въ видѣ карательной мѣры, начинается еще съ XVII столѣтія. Объ ней упоминается уже въ Соборномъ Уложеніи. Къ 1662 году въ Сибири, на 70000 душъ русскаго населенія считалось 7400 ссыльныхъ [2]). Съ 1754 года ссылка въ Сибирь сдѣлалась постоянною. Она раздѣлялась на два главные вида: въ работу и на поселеніе. Въ работу поступали подвергшіеся, по суду, торговой казни; постоянными мѣстами ссылки въ работу были Нерчинскіе заводы и рудники, а также заводы солеваренные и винокуренные; случайными—казенныя и частныя фабрики [3]) и вновь строившіяся дороги Охотская, Алданская. Посылаемые на поселеніе поступали или въ составъ крестьянскаго населенія, или устроивали особыя деревни съ пособіемъ отъ казны. Условія обоихъ видовъ ссылки не

---

[1]) Св. 123, № 3.

[2]) Словцовъ, I, 151—2.

[3]) Тельминская, Тальцинская, Куткинская. Послѣдняя находилась въ 9-ти верстахъ отъ Тобольска,—полотняная. Устроилъ ее генералъ Куткинъ.

были опредѣлены съ точностію. Сосланные на поселеніе нерѣдко смѣшивались съ людьми, идущими въ Сибирь по собственной волѣ или по вызовамъ правительства.

Поступившіе на поселеніе раздѣлялись на четыре разряда: 1) Назначались. съ казенною ссудою, къ заселенію отдаленныхъ и малообитаемыхъ мѣстъ, какъ-то: по Туруханскому тракту, на Кемчугахъ, на Каргатскомъ волокѣ и тому подобнымъ. 2) Распредѣлялись по селеніямъ старожиловъ на водвореніе или навсегда, или съ предназначеніемъ на будущія казенныя поселенія. 3) Поступали на пополненіе заводскихъ работниковъ. 4) Неспособные къ поселенію, по старости и болѣзнямъ, распредѣлялись по селеніямъ не для водворенія, а для снисканія пропитанія посильными трудами, подъ названіемъ *пропитанныхъ* [1]). Въ послѣднее время были разрѣшены поселенія, съ пособіями отъ правительства: по р. Ленѣ, для облегченія Якутовъ въ почтовой повинности; по Высочайше утвержденному 30 іюня 1811 г. мнѣнію государственнаго совѣта, въ Туруханскомъ уѣздѣ, для усиленія поселенія зимовьевъ по Енисею, для перевозки почтъ и чиновниковъ; 7 октября 1811 г., по тракту отъ Якутска къ Охотску, какъ на станціяхъ, такъ и между ними, для большаго удобства купечества и другихъ проѣзжающихъ; наконецъ, Иркутскія и Томскія поселенія, по указу 29 іюня 1806 г.— 13 мая 1819 г., разрѣшено было, по представленію Пестеля, устройство новыхъ поселеній въ Енисейскомъ уѣздѣ, «если и нынѣ Сибирскій генералъ-губернаторъ признаетъ ихъ необходимыми» [2]). Мы, впрочемъ, не нашли никакой переписки объ устройствѣ этихъ поселеній, и едвали они когда нибудь были устроены.

Полнаго и точнаго законодательства о ссылкѣ не существовало; положеніе 1806 г., о которомъ мы вскорѣ будемъ говорить, было временное и относилось только къ извѣстному роду ссыльныхъ; мѣстное управленіе не имѣло свѣдѣній, ни о числѣ ссыльныхъ, ни о томъ, кто и за что сосланъ, къ какому роду и сроку ссылки приговоренъ; въ статейныхъ спискахъ смѣшивались и каторжные и поселенцы, и мужчины и женщины, и взрослые и дѣти. Препровожденіе ссыльныхъ, несмотря на строгія и точныя указанія сената, производилось съ величайшими безпорядками; положительныхъ правилъ о порядкѣ продовольствія ссыльныхъ въ пути не было, и потому они часто пропивали свои кормовыя деньги; собственныя

[1]) П. С. З., 29128, § 428.
[2]) П. С. З. 27805.

деньги отъ нихъ не отбирались, а это давало имъ возможность къ разврату, побѣгамъ и буйствамъ; въ снабженіи ихъ одеждою происходили большія злоупотребленія. Никто не наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ссыльные были доставлены по назначенію; они задерживались на пути вездѣ, гдѣ этого хотѣло мѣстное начальство, и особенно въ Пермской губерніи, совершенно зависѣло отъ произвола низшихъ мѣстныхъ чиновниковъ; онѣ раздавались для работъ частнымъ людямъ, и потомъ уже, обезсиленные и изувѣченные, были отправляемы въ Сибирь на поселеніе. По приходѣ ссыльныхъ на мѣсто, судьба ихъ находилась въ рукахъ смотрителей. Ихъ разбирали по произволу, часто даже въ личныя услуги. Положеніе ссыльнаго въ Сибири часто совершенно противорѣчило тому, какое опредѣлялось уголовными законами и судебными приговорами. Бывали даже случаи, что лица, вовсе не подвергавшіяся суду и не приговоренныя ни къ какому наказанію, попадали въ ссылку и потомъ уже не могли изъ нея освободиться. Однимъ словомъ, положеніе тѣхъ ссыльныхъ, которые не успѣли поступить въ крестьяне, было безотрадно и съ каждой минутой могло сдѣлаться еще безотраднѣе, потому что совершенно зависѣло отъ произвола мѣстной власти. Кара закона простиралась даже и на потомство преступника: дѣти каторжныхъ оставались навсегда въ одномъ состояніи съ ихъ отцами [1]).

Личность поселенцевъ того времени находилась подъ гнетомъ произвола мѣстной власти; но гражданское положеніе тѣхъ изъ нихъ, которые были зачислены въ крестьяне, напротивъ, было довольно удовлетворительно. Въ этомъ положительно удостовѣряетъ насъ самъ Сперанскій. «Посельщики, писалъ онъ министру финансовъ, 17 сентября 1821 г., вступивъ въ званіе казенныхъ крестьянъ, ничѣмъ отъ оныхъ въ Сибири не отличаются. Они часто выбираются въ мірскіе старосты и несутъ разныя волостныя должности, входятъ въ казенные подряды и хлѣбныя поставки, и словомъ, неся всѣ обязанности ихъ званія, пользуются въ полной мѣрѣ и правами его. Что принадлежитъ до дѣтей ихъ, то они и совсѣмъ ссыльными уже не считаются». Къ этому онъ прибавлялъ, что въ числѣ поселенцевъ есть зажиточные и трудолюбивые крестьяне [2]).

Важнѣйшими изъ казенныхъ поселеній были Иркутскія, образованныя по указу 29 іюня 1806 г. Они требовали окончательнаго

---

[1]) Корфъ II, 232—2.—Обозрѣніе и проч. 79—97 отчетъ.

[2]) Св. 349, № 14.

устройства, и потому обращали на себя особенное вниманіе Сперанскаго. Исторія ихъ весьма интересна.

Именнымъ указомъ, 17 октября 1799 г., повелѣно было основать поселенія въ южной части Сибири, между Байкаломъ, Верхнею Ангарой, Нерчинскомъ и Кяхтой. На первый разъ назначалось для поселенія 10.000 душъ. Въ составъ поселеній должны были войти отставные солдаты (по собственному желанію), преступники, присуждаемые къ ссылкѣ не въ каторжную работу, и помѣщичьи люди, отдаваемые въ зачетъ рекрутъ. На поселеніе должны были поступать люди здоровые и сильные, не старѣе 45 лѣтъ; женатыхъ запрещено было разлучать съ женами. На мѣстахъ, назначенныхъ для поселенія, надлежало отводить поселенцамъ по 30-ти десятинъ на душу. Помѣщики, при сдачѣ людей, обязаны были снабжать ихъ годовымъ жалованьемъ, провіантомъ и одеждой, на томъ же основаніи, какъ и отдаваемыхъ въ рекруты. На первый разъ назначалось къ поселенію 21.000 душъ. Для нихъ предписано было построить отъ казны дома, запасти хлѣба на полтора года, приготовить земледѣльческія и прочія орудія, скотъ и сѣмена. Поселенцы освобождались на 10 лѣтъ отъ податей.

Цѣль этихъ поселеній была весьма обширна: предполагалось не только распространить за Байкаломъ земледѣліе, но, по значительности мѣстнаго скотоводства, завести въ послѣдствіи суконныя и юфтевыя фабрики, для усиленія Кяхтинской торговли.

На первоначальное поселеніе исчислено было 98.156 р. 22 к. Указомъ сената 19 марта 1800 г. предписано было Леццано, чтобы по крайней мѣрѣ третья часть домовъ была приготовлена къ приходу поселенцевъ на мѣста. Опасенія затрудненій въ продовольствіи заставили Леццано просить, чтобы тѣ поселенцы, которые находятся еще въ пути, были остановлены въ Красноярскомъ уѣздѣ, пока за Байкаломъ не будетъ для нихъ все приготовлено. Мѣра эта утверждена указомъ сената 30 октября 1800 г. Между тѣмъ въ 1801 г. пришло уже въ Иркутскъ 1454 человѣка, и часть ихъ тогда же отправлена за Байкалъ. Кромѣ того, по Высочайше утвержденному 14 января 1801 г. докладу сената, повелѣно было отправить 120 поселенцевъ для водворенія на строившейся тогда новой дорогѣ вокругъ Байкала, съ тѣми же льготами, какія были предоставлены Забайкальскимъ поселенцамъ.

Вскорѣ дошли до правительства свѣдѣнія о небрежномъ исполненіи предписанныхъ для поселенія мѣръ. Часть людей была отправлена отъ помѣщиковъ въ рубищахъ, почти полунагими; всѣ

вообще не были достаточно снабжены кормовыми деньгами. Поселенцы, съ женами и дѣтьми, встрѣчались толпами по Сибирской дорогѣ и питались подаяніемъ обывателей, къ крайнему отягощенію небогатаго и тогда еще негустаго придорожнаго населенія. Тѣ, кто доходили до мѣстъ назначенія, находили земли неудобныя и безплодныя и гибли, не получая ни малѣйшаго призрѣнія отъ правительства.

По Высочайше утвержденному 8 января 1802 г. докладу правительствующаго сената, было повелѣно—остановить дальнѣйшій пріемъ помѣщичьихъ людей на поселеніе; остановить въ Тобольской губерніи пришедшихъ туда людей, пока не будетъ все приготовлено къ водворенію ихъ въ Иркутской губерніи; стараться водворить ихъ и въ Тобольской губерніи; на томъ же основаніи остановить поселенцевъ, если окажутся, въ Казанской, Пермской и Вятской губерніяхъ. Затѣмъ, по докладу 15 января 1802 г., для удостовѣренія въ образѣ пересылки людей и въ способахъ ихъ обзаведенія, посланъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лаба.

По донесенію ревизовавшаго тогда Сибирь Селифонтова, поселенцевъ сошлось въ Тобольской губерніи такое множество, что распредѣленіе ихъ по селеніямъ, при бѣдности обывателей, было стѣснительно для обѣихъ сторонъ. Кормовыхъ денегъ было недостаточно; многіе умерли отъ голода. Селифонтовъ предполагалъ водворять поселенцевъ по большей дорогѣ отъ Тобольска къ Иркутску, особенно въ Нижнеудинской округѣ. 8 февраля 1802 г. утвержденъ докладъ объ этомъ сената, «не оставляя плана о Забайкальскомъ заселеніи,» и съ тѣмъ, чтобъ отставнымъ солдатамъ предоставлено было на волю,—селиться за Байкаломъ, или на большой дорогѣ. Кромѣ 98.000 р., ассигнованныхъ прежде на Забайкальскія поселенія, ассигновано было на водвореніе 769 душъ въ Нижнеудинской округѣ 43.046 р. 85 к. и на водвореніе поселенцевъ въ Тобольской губерніи 100.000 р.

Лаба встрѣтилъ крайнія затрудненія въ исполненіи своего порученія, въ слѣдствіе величайшей запутанности въ свѣдѣніяхъ о поселенцахъ. Окончательно исполнить его онъ успѣлъ только въ 1805 г. Донесенія его подтвердили прежнія извѣстія о небрежномъ препровожденіи поселенцевъ. Поселенцы терпѣли недостатокъ въ продовольствіи. Кромѣ того они были чрезвычайно перемѣшаны. Препровождали ихъ частію воинскія команды, частію сами обыватели. Съ беременными женщинами, съ больными, поступали чрезвычайно небрежно. Ихъ тащили съ партіями; больные преждевременно умирали; женщины родили въ телѣгахъ. Всякаго рода

«изнуренія» были чрезмѣрны; безпорядокъ былъ такъ великъ, что потерялся счетъ и въ людяхъ, и въ деньгахъ. Многіе изъ отставныхъ солдатъ, особенно находившихся въ Тобольской губерніи, были посланы противъ желанія. По личному осмотру Лаба, на пути оказалось 412 человѣкъ вовсе негодныхъ для поселенія,—или по старости, или по болѣзнямъ. За Байкаломъ также нашлось много дряхлыхъ и неспособныхъ. Всего, въ трехъ губерніяхъ, было осмотрѣно имъ 10430 д.; кромѣ того 1315 чел., по болѣзни и другимъ причинамъ, не были представлены къ осмотру. Назначенныя за Байкаломъ для поселенія земли были разсѣяны на пространствѣ болѣе 4000 верстъ, иногда въ дальнемъ между собой разстояніи; нѣкоторыя были вовсе негодны для заселенія. Ни хлѣба, ни домовъ для 2000 д. заготовлено не было: они заготовлены были уже при Лаба. Лаба отыскалъ до 105000 десятинъ плодородной земли; часть ея принадлежала Хоринцамъ, но они соглашались уступить ее въ обмѣнъ на другія земли. За Байкаломъ было водворено только 610 душъ; прочія большею частью оставались неводворенными. Въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ водвореніе шло неуспѣшно; въ Томской губерніи были сдѣланы разныя заготовленія для поселенцевъ [1]).

По докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 29 іюня 1808 г., утверждено новое положеніе для поселеній въ Сибири. Они подчинены непосредственному завѣдыванію губернаторовъ, подъ главнымъ надзоромъ генералъ-губернатора. Губернаторы уполномочены были дѣйствовать по усмотрѣнію, «не связывая имъ ни въ чемъ рукъ». Имъ даны особыя канцеляріи; учреждены смотрители поселенцевъ; въ Иркутской и Томской губерніяхъ, кромѣ того, главные смотрители. Въ помощь смотрителямъ, для надзора за поселеніями, предписано было опредѣлять, по усмотрѣнію губернаторовъ, по нѣскольку человѣкъ казаковъ или нижнихъ воинскихъ чиновъ. Въ Иркутской губерніи предписано селить поселенцевъ преимущественно за Байкаломъ на земляхъ, избранныхъ Лабою, и въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ. Въ послѣднемъ, кромѣ бывшихъ уже тамъ 769 д., назначено поселить еще 1000 д.; селить въ другихъ уѣздахъ было не велѣно, впредь до распоряженія; всѣхъ, принятыхъ отъ помѣщиковъ въ зачетъ рекрутъ и находящихся въ Иркутской губерніи, за исключеніемъ назначенныхъ въ Нижнеудинскій уѣздъ и тѣхъ, которые уже водворились, предписано было поселять за

---

[1]) Св. 180, № 2. Докладъ М. В. Д. мая 1806 г. записка о долгахъ Иркутскихъ поселенцевъ.—Прилож.

Байкаломъ; отставнымъ солдатамъ предоставлено было селиться по желанію; преступниковъ, сосланныхъ на поселеніе, назначено было селить, надежнѣйшихъ по поведенію, — въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, а прочихъ — за Байкаломъ, особыми селеніями, вдали отъ Китайской границы и позади селеній государственныхъ поселянъ. Отправленныхъ за Байкалъ изъ Польскихъ или Остзейскихъ губерній велѣно селить преимущественно особыми селеніями. Въ Томской губерніи, какъ богатой удобными землями и не столь отдаленной, кромѣ тѣхъ, которые уже тамъ находились, назначено водворять преимущественно казенныхъ крестьянъ, по ихъ собственному желанію, изъ внутреннихъ губерній; земли для этого избрать заблаговременно. Въ Тобольской губерніи «на сей случай», велѣно было водворить только оставшихся тамъ и изыскать земли для будущихъ поселеній. Забайкальскимъ и Нижнеудинскимъ поселенцамъ, назначеннымъ въ число первоначально предположенныхъ 2000 д., предоставлены «ссуда, льгота и выгода», опредѣленныя уже указомъ 1799 года. Невошедшимъ въ это число, при поселеніи ихъ въ Иркутской, Тобольской и Томской губерніи, предписано выдавать хлѣбъ или кормовыя деньги до первой жатвы; деньги, въ видѣ казеннаго долга, обращать на ихъ счетъ впредь до уплаты; предоставить имъ на три года льготу отъ податей и повинностей, кромѣ рекрутской, о которой, по указу 16 іюня 1770 г., существовало особое положеніе. Поселяемымъ изъ внутреннихъ губерній, по собственному желанію, предоставлялась льгота отъ податей и повинностей на пять лѣтъ, кромѣ рекрутской повинности, на которую льготы не полагалось; денежная ссуда имъ должна была, по истеченіи пяти лѣтъ, уплачиваться втеченіи 15 лѣтъ. Добровольно приходящихъ не велѣно было смѣшивать съ другими [1]).

Такимъ образомъ назначеніе поселеній совершенно измѣнилось. Первоначальный планъ заселенія Забайкалья, съ извѣстною цѣлью, обратился въ обширный планъ колонизаціи всей Сибири. Въ то же время значительно измѣнились и самыя условія заселенія.

Томскимъ губернаторомъ былъ тогда дѣятельный и честный Хвостовъ; онъ повелъ устройство поселеній въ этой губерніи такъ успѣшно, что втеченіи трехъ лѣтъ водворилъ 3200 семействъ. Въ 1808 г. поселенцы уже поступили во всѣ земскія повинности и

[1]) 29 іюня 1806 г.

начали возвратъ казенной ссуды. Изъ 385.000 р., назначенныхъ на поселенія, Хвостовъ издержалъ только 60.000 р. [1]).

Совсѣмъ не то было въ Иркутской губерніи.

Съ этого времени здѣсь начинается знаменитая дѣятельность Трескина и Лоскутова, по устройству Нижнеудинскихъ поселеній. Въ составъ Нижнеудинскаго уѣзда входила тогда и вся нынѣшняя Канская округа, и поселенія начинались отъ самаго Канска. Центромъ ихъ была Бирюса, гдѣ, у Лоскутова, былъ даже собственный домъ. Мы не намѣрены приводить здѣсь всѣхъ злоупотребленій, съ какими сопряжено было устройство поселеній; общее понятіе объ нихъ дано уже въ главѣ о ревизіи. Независимо отъ описанныхъ уже подвиговъ Лоскутова, необходимо еще обратить вниманіе на слѣдующія слова Сперанскаго: «Слѣдствіями обнаружено, что, послѣ умершихъ и выбылыхъ поселенцевъ, отбираемо было все ихъ имѣніе и обращаемо въ продажу, несмотря на совершенную нищету, которой подвергались оставшіяся послѣ нихъ семейства. Такимъ образомъ цѣль поселеній, по достиженіи уже оной прочнымъ водвореніемъ людей, терялась изъ вида, и плоды многолѣтнихъ трудовъ истреблялись» [2]). Этимъ способомъ Лоскутовъ собралъ до 98.000 р.; изъ нихъ составилась гласная, такъ называемая, экономическая сумма поселенцевъ. Цѣль ея состояла въ обезпеченіи тѣхъ платежей по ссудамъ и проч., какіе могли впослѣдствіи упадать на умершаго поселенца. Но какова бы ни была эта цѣль— очевидно, что средство для нея избрано было вредное для благосостоянія поселеній, и притомъ самое неблаговидное, потому что продажа производилась непосредственно смотрителями поселенцевъ. На смотрителя Нерчинскихъ поселенцевъ, Адріанова, принесены были жалобы почти того же рода, какъ и на Лоскутова, только въ меньшей степени [3]).

Число поселенцевъ въ Иркутской губерніи быстро возрастало. По 1810 г. было уже водворено болѣе 6000 душъ. Но прочному устройству быта ихъ за Байкаломъ помѣшали шестилѣтніе (1811—1817) неурожаи. Мѣстное начальство нашлось въ необходимости прекратить отсылку поселенцевъ за Байкалъ, распустить многихъ изъ нихъ для работъ къ старожиламъ и многимъ выдать вторичную

---

[1]) Р. А. 1870 № 7. Ст. 599. — Поселенцы, около Кемчугъ, впрочемъ, по замѣчанію Сперанскаго, были бѣдны отъ двухъ причинъ: отъ мѣста на которомъ почти ничего не родится, и оттого, что были приселены къ селеніямъ старожиловъ, гдѣ уже были кабаки (Дневникъ).

[2]) Св. 180, № 2, о долгахъ Иркутскихъ поселенцевъ.

[3]) Св. 153, № 13.

ссуду хлѣба [1]). Нижнеудинскія поселенія, смежныя съ хлѣбороднымъ Красноярскимъ уѣздомъ, менѣе страдали отъ неурожаевъ; но на нихъ лежала желѣзная рука Доскутова, и, при наружномъ устройствѣ и порядкѣ, они все таки были такъ бѣдны, что, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, оказались не въ состояніи платить ни денежной ссуды, ни податей и повинностей [2]). По словамъ Трескина, поселенцы приходили почти нагими; не успѣвши обзавестись домами, они уже съѣдали ссудный хлѣбъ и изнашивали свою одежду, а неурожаи лишали ихъ возможности завестись необходимымъ. Но словамъ Трескина, въ этомъ случаѣ нельзя вполнѣ довѣрять; ревизія Сперанскаго показала, что поселенія составляли оброчную статью Трескина и смотрителей поселеній, и что поселенцы страдали гораздо болѣе отъ хищности этихъ людей, нежели отъ неурожаевъ; извѣстна также и лживость донесеній Трескина въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ хотѣлъ оправдать положеніе дѣлъ.

Въ 1810 году, по ходатайству Трескина, Пестель представилъ министру внутреннихъ дѣлъ, о необходимости дать поселенцамъ новыя льготы. Но представленіе это оставалось неразрѣшеннымъ до 1817 года. Между тѣмъ подати и ссуды не взыскивались, недоимка на поселенцахъ накоплялась болѣе и болѣе. Только 3 сентября 1817 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о льготахъ поселенцамъ. Поселенцевъ велѣно было обложить податьми: водворенныхъ до 1810 г.—съ 1813, водворенныхъ съ 1810 по 1812 г. — съ 1817, а тѣмъ, которые водворялись за Байкаломъ съ 1812 г.—предоставить пятилѣтнюю льготу, считая ее съ 1 января слѣдующаго года по прибытіи на мѣсто. По истеченіи льготныхъ лѣтъ, велѣно давать имъ еще трехлѣтнюю льготу для возврата казенной ссуды. На всѣхъ поселенцевъ Иркутской губерніи распространено облегченіе, данное въ 1815 г. Нерчинскимъ поселенцамъ,—отложить взысканіе казеннаго долга до поправленія ихъ состоянія. Долгъ на поселенцахъ, выбывшихъ по двумъ послѣднимъ ревизіямъ безъ наслѣдниковъ, предписано исключить изъ недоимки. Генералъ-губернатору, а въ отсутствіи его, губернатору разрѣшено, въ чрезвычайныхъ несчастныхъ случаяхъ, давать поселенцамъ пособія, не испрашивая особыхъ разрѣшеній. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено войти въ сношеніе съ генералъ-губернаторомъ о порядкѣ взысканія долговъ, опредѣленія льготы и проч. [3]).

---

[1]) См. прилож.

[2]) Св. 180, № 2, донес. Трескина 29 іюня 1810 г.

[3]) Св. 180, № 2.

По послѣднему предмету министръ потребовалъ свѣдѣній отъ Пестеля. Но Пестель втеченіи двухъ лѣтъ не давалъ отвѣта. Министръ финансовъ также требовалъ, и также безуспѣшно, свѣдѣній о включеніи поселенцевъ въ окладъ податей и повинностей. Мнѣніе государственнаго совѣта оставалось неисполненнымъ [1].

Между тѣмъ, Высочайшимъ указомъ 24 декабря 1817 г., повелѣно было исключить изъ ревизіи, со всѣми недоимками, 322 человѣка неспособныхъ поселенцевъ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда въ управленіе краемъ вступилъ Сперанскій.

Въ это время въ Иркутской губерніи состояло всего 62 казенныя поселенія [2]). Въ нихъ было водворено 10074 души, но на лицо состояло только 7572 д. Податная недоимка на нихъ, на основаніи приведеннаго выше мнѣнія государственнаго совѣта, должна была составлять 512.934 р. 15 к. Денегъ на водвореніе ихъ было употреблено 532.709 р. $5\frac{1}{2}$ к. Хлѣбной ссуды выдано было на 83.039 р. 86 к., изъ нихъ на наличныхъ считалось только 20.975 р. 26 к. — остальное на выбылыхъ. Изъ 532.000 р. денежной ссуды оставалось на наличныхъ только 125.290 р. $68\frac{1}{2}$ к., остальное — тоже на выбылыхъ.

Нельзя сказать, чтобы поселенія находились въ дурномъ состояніи. Нижнеудинскія поселенія, стараніями Лоскутова, были приведены даже въ отличный порядокъ. Самъ Сперанскій замѣтилъ, что они «отмѣнно устроены, имѣютъ видъ обилія и великую чистоту». Нѣсколько хуже было положеніе Нерчинскихъ поселенцевъ. Они двадцать лѣтъ шатались безъ устройства, пропитываясь работами по Селенгѣ, куда отправляли ихъ тысячами. Они истощили Нерчинскій край своею нищетою и грабежами. Семь лѣтъ сряду за Байкаломъ были худые урожаи,—хлѣбъ доходилъ до 12р. пудъ. Но къ пріѣзду Сперанскаго они начали уже поправляться. Шатуны перемерли. Два года былъ урожай. Въ поселеніяхъ уже были люди, довольно зажиточные. Во всякомъ случаѣ, поселенцы были

[1]) Св. 180, № 2.

[2]) Въ Нерчинскомъ уѣздѣ 18 по р. Ингодѣ (12 между Верхнеудинскимъ уѣздомъ и Читой, 6 между Читой и Нерчинскомъ), 5 по правую сторону Ингоды по р. р. Турѣ, Доронину и проч. и 11 по р. Онону близъ границы, итого 34.

Въ Верхнеудинскомъ — 7, по Джидѣ 2, по Кругоморскому тракту 4 и при Туркинской теплицѣ 1.

Въ Иркутскомъ три: два по Кругоморской дорогѣ и 1 въ девяти верстахъ отъ Иркутска (Ситникова заимка).

Въ Нижнеудинскомъ 18, по тракту отъ Нижнеудинска до границъ Томской губерніи.

уже въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели заводскіе крестьяне, и въ лучшемъ, нежели ожидалъ Сперанскій [1]).

Въ сентябрѣ 1819 г., тотчасъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ, Сперанскій получилъ настояніе министра финансовъ о томъ, чтобы мнѣніе государственнаго совѣта 1817 г. было немедленно приведено въ исполненіе. Министръ писалъ между прочимъ, что давность поселеній и льготы должны уже были упрочить состояніе поселенцевъ, и ссылался на поселенцевъ, водворенныхъ между старожилами Тобольской и Томской губерній, безъ всякихъ льготъ и пособій. Сперанскій потребовалъ отъ Трескина свѣдѣній по этому предмету. Трескинъ отвѣчалъ, что съ 1810 г., когда было сдѣлано отъ него представленіе о льготахъ, обстоятельства во многомъ измѣнились, и поэтому исполнить мнѣніе государственнаго совѣта уже невозможно. По поводу замѣчанія министра, онъ отвѣчалъ, что «водворенные казною поселенцы, особенно за Байкаломъ, пріидя на необитаемую, удаленную отъ старожиловъ и неразработанную землю, обязаны были сами расчистить оную и, однимъ словомъ, селиться на ново, не имѣя и не находя той промышленности и способовъ къ улучшенію бѣднаго состоянія своего, какими пользуются приписные между старожилами въ лучшихъ хлѣбородныхъ уѣздахъ». Вслѣдъ затѣмъ онъ представилъ огромную записку, въ которой изложилъ подробныя свѣдѣнія о современномъ состояніи поселеній [2]).

На этотъ разъ, донесеніе Трескина было справедливо. Исполненіе мнѣнія государственнаго совѣта дѣйствительно представляло огромныя трудности. Достаточно сказать, что однѣхъ податныхъ недоимокъ, по числу наличныхъ душъ, приходилось взыскать, смотря по времени водворенія,—съ однихъ по 98 р., съ другихъ по 54 р. съ души. Кромѣ того, дѣло это было крайне запутано, такъ какъ поселенцы водворялись въ разное время и при разныхъ условіяхъ. Собраніе свѣдѣній по этому дѣлу стоило Трескину огромныхъ усилій; не меньшихъ усилій потребовало отъ Сперанскаго приведеніе въ ясность свѣдѣній, уже представленныхъ Трескинымъ. Многосложность и запутанность этого дѣла были таковы, что Сперанскій посвятилъ на него слишкомъ два года. Въ канцеляріи его составлены были три разныя записки по этому

[1]) Дневникъ.—Переписка: Письмо къ Гурьеву 29 февраля 1820 г.—По поводу Александровскаго поселенія, за Байкаломъ, Сперанскій между прочимъ замѣчаетъ: «Множество женщинъ и дѣтей. Они женятся уже на своихъ дѣвкахъ, а иногда и на заводскихъ. Бѣдная церковь, но до 200000 кирпича. Они стѣснили нѣсколько крестьянъ заводскихъ землями» (Дневникъ).

[2]) Св. 180, № 2, донес. 20 и 23 сентября 1819.

дѣлу; наконецъ послѣдняя была пущена въ ходъ уже въ іюнѣ 1822 г. [1]).

При первомъ обозрѣніи дѣла, Сперанскій увидѣлъ всю трудность привести его къ скорому окончанію. Онъ призналъ необходимымъ принять только тѣ мѣры, которыхъ невозможно было далѣе откладывать. Чтобы, за разсчетами, переписками и разрѣшеніями, не отлагать существеннаго предмета, т. е. обложенія поселенцевъ податьми, онъ распорядился включить, съ 1 января 1820 г., въ окладъ податей наравнѣ съ государственными крестьянами, всѣхъ поселенцевъ, которымъ миновали льготные годы. «По самымъ подробнымъ изысканіямъ», ихъ считалось 7509 душъ. Взысканіе же долговъ онъ полагалъ начать съ 1821 года. «Такимъ образомъ, писалъ онъ министру финансовъ, какое бы ни состоялось окончательное положеніе о взысканіи долговъ съ поселенцевъ, по крайней мѣрѣ казна съ предбудущаго года будетъ уже удостовѣрена въ полученіи съ нихъ ежегоднаго дохода до 80.000 рублей». — «Раздѣленіе обыкновенныхъ податей отъ чрезвычайныхъ взысканій, писалъ онъ далѣе, представитъ еще и ту выгоду, что поселенцы не вдругъ, но постепенно войдутъ во всѣ обязанности новаго состоянія. Постепенность сія необходима, особливо для поселенцевъ, въ Нерчинскомъ уѣздѣ и кругомъ Байкала водворенныхъ. Изъ подробнаго описанія в. в. въ свое время изволите усмотрѣть, что они еще весьма скудны; къ сему должно присоединить еще и то, что значительная часть сихъ поселенцевъ не суть преступники, но люди помѣщичьи, отправленные на поселеніе по указу 1799 г. въ зачетъ рекрутъ безъ вины и наказанія» [2]).

Тогда же Сперанскій предписалъ Нижнеудинскому исправнику предварить поселенцевъ о включеніи ихъ въ окладъ, разсмотрѣть, къ какимъ волостямъ поселенія могутъ быть причислены и не нужно ли открыть новыхъ волостныхъ правленій, принять поселенцевъ въ общую со всѣми крестьянами зависимость земскаго суда («поселенческое управленіе само собою уже пресѣкается»), собрать и доставить свѣдѣнія объ экономической суммѣ и объявить

---

[1]) Св. 180, № 2. Первая описывала весьма подробно исторію и современное состояніе поселеній. Какъ историческій матеріалъ, она имѣетъ особенную важность. По видимому ее и имѣлъ въ виду Сперанскій, обѣщаясь, въ отношеніи къ министру финансовъ, прислать подробныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи поселеній. Другая записка говоритъ только собственно о долгахъ; наконецъ третья, позднѣйшая, составлена или по крайней мѣрѣ значительно дополнена Батенковымъ уже въ 1822 г. Она представляетъ исторію и состояніе поселеній только въ общихъ чертахъ. Записка эта приложена къ нашему труду.

[2]) Св. 180, № 2, отнош. къ м. ф. 3 декабря 1819 г. См. прилож.

поселенцамъ, что она «въ число податей зачтена быть не можетъ, а поступитъ въ казначейство съ возможною для нихъ пользою»; наконецъ—«внушить поселенцамъ, что, поступая въ сословіе государственныхъ крестьянъ, они должны всемѣрно стараться оправдать попеченіе правительства добрымъ поведеніемъ, трудолюбіемъ, наипаче же воздержаніемъ отъ пьянства». Въ томъ же родѣ дано было предписаніе и казенной экспедиціи. На нее особенно возложено было,—объявить поселенцамъ о положеніи ихъ въ окладъ заблаговременно и по сношеніи съ исполнительной экспедиціей распорядить поступленіе поселенцевъ въ зависимость земскихъ судовъ и волостныхъ правленій, на общемъ со всѣми другими крестьянами основаніи [1]). Такимъ образомъ исчезло Лоскутовское поселенческое управленіе, предметъ ужаса для поселенцевъ втеченіи девяти лѣтъ, представитель крайняго произвола, прикрытаго названіемъ административной распорядительности.

Вслѣдъ затѣмъ, по представленію Нижнеудинскаго исправника, Сперанскій распорядился раздѣлить тогдашнюю Бирюсинскую волость на двѣ; именно образовать новую Уланскую волость, къ которой приписать 19 селеній (1902 души) [2]). «Поелику изъ числа поселенческихъ душъ, имѣющихъ поступить въ подушный окладъ послѣ послѣдней переписи, послѣдовала убыль, то въ число оныхъ помѣстить равное число изъ оставленныхъ бывшимъ исправникомъ Лоскутовымъ по селеніямъ безъ переписи людей, дабы чрезъ платежъ податей за убылыхъ не сдѣлать наличнымъ поселянамъ стѣсненія; въ казенныхъ же податяхъ не послѣдуетъ отъ того уменьшенія» [3]).

Но во взысканіи податей съ Нижнеудинскихъ поселенцевъ встрѣтилось еще новое затрудненіе. Кромѣ 322 д., исключенныхъ по неспособности, по указу 1817 г., Лоскутовъ, послѣ всеобщей переписи, самовольно исключилъ изъ наличныхъ, подъ предлогомъ неспособности, еще 735 д. Сперанскій нашелъ, что, «впредь до повелѣнія», хотя и нельзя замѣстить выбылыя или неспособныя къ работѣ души тѣми, которыя неправильно были выписаны Лоскутовымъ на свое пропитаніе, но можно предоставить волостнымъ прав-

---

[1]) Св. 180, № 2. Предп. 5 декабря 1819 г. Притомъ онъ извѣщалъ, что о недоимкахъ и другихъ долгахъ будетъ сдѣлано особое распоряженіе.

[2]) 8 поселеній съ 1071 д. поселенцевъ и 11 старожильческихъ селеній съ 831 д.— Бирюсинская волость составилась изъ 29 селеній съ 2100 д.: 10 поселеній съ 740 д. и 19 старожильческихъ поселеній, 1360 д.—Двухъ братьевъ Волковыхъ, числившихся въ с. Никольскомъ, велѣно перечислить въ с. Понмское, гдѣ родной ихъ отецъ имѣлъ домъ и маслобойный заводъ.

[3]) Св. 180, № 2, предп. 16 января 1820 г.

леніямъ включать этихъ пропитанныхъ въ общественную раскладку, чѣмъ, по словамъ его, мірскія общества и «могутъ въ раскладкѣ сей получить нѣкоторую замѣну и облегченіе» [1]. Вслѣдствіе новаго представленія экспедиціи по этому предмету, Сперанскій предписалъ непремѣнно включить ихъ въ общій составъ поселенцевъ, подлежащихъ платежу податей [2].

Въ Нерчинскомъ уѣздѣ окончательныя распоряженія о поселеніяхъ были сдѣланы уже по обозрѣніи Сперанскимъ Нерчинскаго края. При этомъ обозрѣніи онъ нашелъ, что распоряженіе его о включеніи поселенцевъ въ окладъ осталось по Нерчинскимъ поселеніямъ неисполненнымъ. Онъ немедленно подтвердилъ экспедиціи, чтобы прежнее предписаніе его по этому предмету было исполнено какъ можно поспѣшнѣе [3]. Включеніе слишкомъ 5000 д. поселенцевъ въ общій составъ сельскаго населенія значительно увеличило дѣлопроизводство Нерчинскаго земскаго суда, въ которомъ полагался только одинъ засѣдатель. Поэтому Сперанскій командировалъ въ судъ, на правахъ засѣдателя, особаго чиновника [4], съ жалованьемъ по засѣдательскому окладу изъ поселенческихъ суммъ, «впредь до того времени, пока повелѣно будетъ опредѣлить туда другаго засѣдателя» [5]. Вслѣдъ затѣмъ, находя, что имѣть особаго смотрителя надъ Нерчинскими поселеніями уже ненужно, онъ распорядился, чтобы Андріанову было прекращено жалованье по этой должности, и чтобы онъ сдалъ находившееся въ вѣдѣніи его имущество и явился въ Иркутскъ для полученія другой должности. Находившихся въ поселеніяхъ приставниковъ, надлежало бы «устранить уже отъ всякаго вліянія по управленію поселеніемъ»; однакожъ, чтобы волостное начальство болѣе имѣло средствъ сохранить порядокъ въ селеніяхъ, Сперанскій предоставилъ исправнику удержать приставниковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ признаетъ нужнымъ, съ жалованьемъ изъ поселенческихъ суммъ [6].

Кромѣ вопроса объ окончательномъ устройствѣ поселенцевъ и взысканіи съ нихъ денежныхъ сборовъ, оставался еще вопросъ о рекрутской повинности. Казенная экспедиція вошла къ Сперанскому съ представленіемъ,—должно ли съ вошедшихъ въ подушный окладъ поселенцевъ брать рекрутъ при будущихъ наборахъ,

[1] Св. 180, № 2, предп. 17 марта 1820 г.
[2] Св. 180, № 2, предп. 17 апрѣля 1820 г.
[3] Св. 180, № 2, предп. 8 апрѣля 1820 г.
[4] Бывшаго письмоводителя при поселенческомъ смотрителѣ Андріяновѣ,—Пляскина.
[5] Св. 153, № 13, предп. губ. пр-ству 5 мая 1820 г.
[6] Св. 153, № 13, предп. 25 мая 1820 г. прилож.

наравнѣ съ прочими крестьянами. Люди въ составъ поселеній поступали постепенно съ 1800 по 1812 г., а по указу 1770 г., поселенцевъ въ Сибири велѣно уволить отъ поставки рекрутъ на 20 лѣтъ, считая отъ начала поселенія. Слѣдовательно льготные годы отъ рекрутства кончились только тѣмъ изъ 7490 д., которые водворились втеченіи 1800 года. Поэтому Сперанскій предложилъ экспедиціи, не приступая ко введенію сихъ людей въ рекрутскую повинность, разобрать по временамъ вступленія ихъ на поселенія и включать постепенно тѣхъ изъ нихъ, которымъ дѣйствительно кончатся льготные годы, положенные указомъ 16 іюня 1770 г.; но если, по неясности счетовъ о поселенцахъ, этого дѣлать будетъ невозможно, то представить къ нему на усмотрѣніе постановленіе объ этомъ сколько возможно сообразнѣе съ законоположеніями, изданными о поселеніяхъ въ Сибири и съ настоящимъ ихъ положеніемъ [1].

Только въ половинѣ 1822 г., какъ мы уже сказали, Сперанскій успѣлъ кончить свои соображенія о способахъ исполненія мнѣнія государственнаго совѣта 3 сентября 1817 г., и представить ихъ къ министру финансовъ въ особой, подробной запискѣ. «Ваше сіятельство усмотрѣть изволите, писалъ онъ 29 іюня 1822 г. графу Гурьеву, сколь дѣло сіе многосложно и сколь много потребно было труда и времени, дабы привести его въ ясность» [2].

Въ запискѣ своей Сперанскій писалъ, что поселенцевъ Иркутской губерніи, по смыслу состоявшихся объ нихъ положеній, надлежитъ раздѣлить на два рода. Къ первому роду принадлежали 2605 душъ, водворенныхъ, по первоначальному указу 1799 г. и дополненіямъ къ нему, за Байкаломъ, по кругобайкальской дорогѣ и въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ; водвореніе ихъ казна приняла на свой счетъ; ко второму—всѣ, водворенные уже послѣ первоначальнаго поселенія. На первыхъ считались только два рода взысканій: долгъ по хлѣбнымъ займамъ и податная недоимка; на послѣднихъ, на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта 1817 г., считался еще долгъ по ссудѣ на водвореніе.

На водвореніе поселенцевъ употреблено было казной 595.499 р. 60 к., но изъ нихъ, за разными исключеніями, оставалось дѣйствительнаго долга на поселенцахъ только 125.290 р. 68½ к. При взысканіи этой ссуды втеченіи 12 лѣтъ, надлежало взыскивать по 1 р. 38 коп. въ годъ съ каждой ревизской души.

---

[1]) Св. 180, № 2, предп. 21 іюля 1820 г.

[2]) Св. 180, № 2.

Хлѣбная ссуда составляла всего 121.466 п. 13¼ ф. Она не могла быть взыскана вслѣдствіе неурожаевъ. Впрочемъ, она постепенно взыскивалась какъ хлѣбомъ, такъ и деньгами. Оставалось въ недоимкѣ за эту ссуду только 83.089 р. 86 к., но какъ, по мнѣнію государственнаго совѣта 1817 г., надлежало исключить недоимку на выбылыхъ, всего 62.064 р., то дѣйствительной недоимки по хлѣбной ссудѣ оставалось только 20.975 р. 26 коп.

Наконецъ податной недоимки считалось въ 1820 г. 512.934 р. 15 к. Ее приходилось взыскать: съ поселенцевъ, водворенныхъ до 1810 г., по 74 р., а съ водворенныхъ послѣ 1810 г., по 23 р. 35 коп. съ души.

Сперанскій признавалъ возможнымъ взыскать съ поселенцевъ хлѣбную ссуду. Но во взысканіи ссуды на водвореніе и податной недоимки встрѣчались, по его мнѣнію, совершенно непреодолимыя неудобства. Они состояли въ утратѣ и безпорядкѣ дѣлъ и свѣдѣній о поселеніяхъ, въ потерѣ счета людямъ, въ перемѣнѣ ихъ на мѣстахъ водворенія, въ невозможности опредѣлить время поступленія новыхъ поселенцевъ на мѣста выбылыхъ и затѣмъ расчислить въ точности сроки и льготы, весьма разнообразныя въ каждомъ селеніи. Наконецъ, несправедливо было бы взысканіе издержекъ на поселеніе и недоимокъ податей обратить на тѣхъ, кто поступилъ въ селенія по окончаніи льготныхъ лѣтъ. Неурожаи хлѣба и гибель скота повергли поселенцевъ въ «изнуреніе», изъ котораго они не выйдутъ, если сверхъ платимыхъ уже ими податей отягощены будутъ взысканіемъ недоимокъ. Предположеніе о взысканіи съ нихъ долговъ и недоимокъ было уже поводомъ къ важнымъ злоупотребленіямъ земской полиціи. Наконецъ, къ сибирскимъ поселенцамъ не былъ примѣненъ милостивый манифестъ 1814 г., по которому недоимки были сложены со всѣхъ сословій.

Въ 1810 г., мѣстное начальство, между прочимъ, ходатайствовало, чтобы 20-ти-лѣтнюю льготу отъ рекрутской повинности, предоставленную поселенцамъ по указу 1770 г. считать съ 1814 года. Но въ мнѣніи государственнаго совѣта 1817 г. ничего объ этомъ не сказано. «Затрудненія, съ коими сопряжена женитьба поселенцевъ, по малому числу ссыльныхъ женщинъ, и особенно то обстоятельство, что прежніе поселенцы, состоящіе въ большомъ числѣ, уже въ старыхъ лѣтахъ, а вновь водворенные,—вообще изъ преступниковъ, каковыхъ въ военную службу принимать воспрещено,—требуютъ, дабы поселенцы и въ семъ отношеніи получили облегченіе».—«Безъ того, прибавлялъ Сперанскій, обратится сія мѣра въ тягость старожиловъ, вмѣсто ихъ облегченія».

Наконецъ, онъ указывалъ на всѣ выгоды, полученныя отъ поселенiй: заселены пустыя мѣста, облегчены внутреннія сообщенія, обезпечены нѣкоторыя казенныя потребности и продовольствіе многихъ отдаленныхъ жителей. Поселенцы съ 1820 г. уже доставляли казнѣ до 80.000 р. ежегоднаго дохода. На прежнихъ мѣстахъ жительства подати за нихъ платились до новой ревизіи. Наконецъ, отъ помѣщиковъ поступали деньги за принятыхъ отъ нихъ на поселеніе людей. Невозможно было, по запутанности дѣлъ, опредѣлить точную цифру этихъ денегъ; но, по числу людей и по обыкновенному разсчету взысканія рекрутскихъ денегъ, она должна была составлять до 440.000 р. А такъ какъ дѣйствительный расходъ казны на водвореніе поселенцевъ составлялъ только 229.000 р., то оказывалось, что отъ водворенія ихъ казна получила еще до 210.000 р. прибыли. По особому Высочайшему повелѣнію, объявленному въ 1812 г. по Томской губерніи, деньги, внесенныя помѣщиками на поселенцевъ, «яко совершенно казнѣ непринадлежащія», велѣно было непремѣнно раздать поселенцамъ или обратить на очистку состоящей на нихъ недоимки. По Иркутской губерніи ни то, ни другое, было очевидно невозможно, по невозможности опредѣлить самую цифру внесенныхъ помѣщиками денегъ.

По всему этому, и «дабы соблюсти надлежащую постепенность при введеніи означенныхъ поселенцевъ въ общія обязанности и повинности», Сперанскій полагалъ: 1) Долгъ по ссудѣ сложить съ поселенцевъ по манифесту 1814 г. 2) Долгъ по хлѣбному займу съ наличныхъ Нерчинскихъ поселенцевъ, положенныхъ въ ревизію, взыскать втеченіи шести лѣтъ, начиная съ 1823 года. 3) Не считать на Иркутскихъ поселенцахъ никакихъ податныхъ недоимокъ за время до 1820 года. 4) Двадцатилѣтній срокъ льготы отъ рекрутской повинности назначить, поступившимъ до 1810—съ 1813, а поступившимъ послѣ 1810 до 1818—съ 1818 г., и 5) Взамѣнъ этого, всѣ деньги, поступившія отъ помѣщиковъ на водвореніе Забайкальскихъ поселенцевъ, считать казенною собственностью [1].

Мы не нашли подробныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ именно образомъ было разрѣшено ходатайство Сперанскаго. Намъ попалось только случайное указаніе, изъ котораго должно заключить, что ходатайство это было уважено [2].

[1] Св. 189, № 2. Приложеніе.

[2] Св. 180, № 2. Иркутское губернское правленіе, отъ 5 апрѣля 1829 г., доносило Лавинскому, что Высочайше утвержденнымъ 11 апрѣля 1823 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, изъясненнымъ въ указѣ сената отъ 18 іюня того же года, взысканіе съ Нерчинскихъ поселенцевъ 20.975 р 28 к. за хлѣбные долги было разсрочено на 6 лѣтъ, считая съ 1823, и долгъ этотъ окончательно пополненъ къ 1829 году.

Мы уже говорили о томъ, какъ составилась экономическая сумма ссыльныхъ. Сперанскій требовалъ отъ Нижнеудинскаго исправника подробныхъ свѣдѣній о количествѣ ея въ каждомъ селеніи [1].

«По симъ подробнымъ донесеніямъ, писалъ Сперанскій, сдѣлано будетъ дальнѣйшее разсмотрѣніе и положеніе о сей суммѣ» [2]. Неизвѣстно, въ чемъ состояли первоначальныя предположенія Сперанскаго объ этой суммѣ. Въ запискѣ, отправленной къ министру финансовъ, онъ только мелькомъ упомянулъ объ ней. Мысль его состояла въ томъ, чтобы образовать изъ нея общій ссудный капиталъ поселенцевъ. Мысль эта подробнѣе развита въ письмѣ его къ Лавинскому 29 іюня 1822 г. «Въ дѣлахъ Иркутской губерніи, писалъ онъ, В. П. изволите усмотрѣть, что въ вѣдѣніи тамошней казенной экспедиціи находится сумма подъ именемъ экономической Иркутскихъ поселенцевъ, до 98.000 р. простирающаяся. Сумма сія составлена чрезъ продажу имѣнія, которое по смерти и убыли разными случаями поселенцевъ, съ казенными пособіями водворенныхъ, по неправильному распоряженію прежняго земскаго начальства, было отбираемо. Какъ деньги сіи ни по чему не могутъ принадлежать казнѣ, то справедливо было бы раздать оныя наслѣдникамъ умершихъ поселянъ; но таковая раздача оказывается невозможною, потому что изысканіе о наслѣдникахъ весьма затруднительно, и притомъ многіе поселенцы не оставили послѣ себя никакихъ родственниковъ въ Сибири. Остается означенную сумму предназначить на общую пользу всѣхъ Иркутскихъ поселенцевъ, что, по мнѣнію моему, удобнѣе всего учинить было бы, обративъ оную въ капиталъ, изъ коего могли бы они получать за умѣренный ростъ и съ должнымъ обезпеченіемъ ссуду и въ потребныхъ случаяхъ пособія; словомъ принять въ основаніе общественнаго ихъ банка.» Сперанскій предоставлялъ мѣстному усмотрѣнію Лавинскаго—сообразить эту мысль со всѣми другими предположеніями о обращеніи этой суммы въ пользу поселенцевъ, какія только могутъ представиться. Окончательное заключеніе по этому предмету Лавинскій долженъ былъ въ свое время представить на утвержденіе куда слѣдуетъ. «PS. О сей суммѣ можно самое ближайшее свѣдѣніе получить изъ слѣдствія надъ исправникомъ Лоскутовымъ въ уголовной палатѣ» [3].

---

[1] Онъ поручалъ исправнику представить ему вѣдомость объ этой суммѣ, съ означеніемъ селенія, числа поселенцевъ, собранной суммы и того, какимъ образомъ она была составлена.

[2] Св. 180, № 2, предп. 5 декабря 1819 г.

[3] Св. 180, № 2.

Впослѣдствіи эта сумма и вошла въ составъ экономическаго капитала ссыльнопоселенцевъ.

По поводу мнѣнія государственнаго совѣта 8 октября 1817 г., сдѣлано было Сперанскимъ и еще одно распоряженіе. Часть поселенцевъ была водворена въ Витимской волости Киренской округи. Сперанскій, отъ 5 ноября 1819 г. утвердилъ представленіе Зеркалеева о томъ, чтобы изъ числа этихъ поселенцевъ были обложены податью только тѣ, которые по прошествіи льготныхъ лѣтъ останутся налицо и по поведенію будутъ благонадежны къ прочному водворенію и полезны для крестьянскихъ обществъ, принявшихъ ихъ въ свои семейства [1]).

Невыгодность положенія Охотскаго порта вызывала множество предположеній о перенесеніи этого порта. Эти предположенія сопровождались устройствомъ дорогъ отъ Якутска къ тѣмъ пунктамъ, куда предполагалось перенести портъ. Такъ съ 1798 т. возникло предположеніе перенести его на р. Удь, и устраивалась дорога къ Удскому острогу. Впослѣдствіи это предположеніе было оставлено; портъ предположено перенести на устье р. Алабамы. По направленію къ устью этой рѣки начали съ 1802 г. устраивать и дорогу отъ урочища Нелькана. Дорога устраивалась каторжными. Они безпрестанно бѣгали. Вообще проведеніе дороги было сопряжено съ величайшими трудностями. Ее должно было вести по мѣстности совершенно пустынной, лишенной всего необходимаго и для работъ и для поддержки существованія рабочихъ. Все надлежало доставлять изъ Якутска. Техническія препятствія къ сооруженію дороги были почти непреодолимы. Въ то же время польза перенесенія Охотскаго порта къ устью Алабамы подвергалась большому сомнѣнію. Пестель еще въ 1807 г. представлялъ министру внутреннихъ дѣлъ «о невозможности и безполезности» продолжать эту дорогу. Въ концѣ 1807 г., завѣдывавшій дорогою инженеръ-капитанъ Лукинъ доносилъ, что, при всей дѣятельности его и другаго офицера, поручика Чертова, въ лѣто 1807 г. разработано дороги только до 11-ти верстъ; а со вступленія его въ 1804 г. въ управленіе работами, по сдѣланной уже бывшимъ смотрителемъ Хабаровымъ, отъ урочища Нельканъ до Яблонова хребта,

---

[1] Св. 33, № 13. Въ дѣлахъ находится огромный историческій отчетъ Трескина о поселеніяхъ за 1807—1813 (Св. 32 № 4) и отчеты его же за 1817 и 1818 и Зеркалеева за 1819 г. По представленію Зеркалеева, Сперанскій, 27 марта 1820 г. разрѣшилъ выдать изъ остатковъ отъ поселенческой суммы награды: главному смотрителю поселеній Сидорову 350 р., секретарю поселенческой канцеляріи Ляхову 250 р. и бухгалтеру Тюменцову 200 р. (Св. 33, № 13).

на протяженіи 122 верстъ, просѣкѣ, проведено удобной къ телѣжной ѣздѣ дороги съ постройкою мостовъ и гатей 50 в. 147 саж.;—но, по тѣмъ ли мѣстамъ, которыя были назначены по смѣтѣ, неизвѣстно, по неимѣнію никакихъ признаковъ въ натурѣ или затесей на деревьяхъ. Всѣхъ рабочихъ, и съ нижними чинами, состояло на лицо только 100 чел., вмѣсто 270, назначенныхъ по смѣтѣ. Люди, отъ продолжительной работы, чрезвычайно ослабѣли. Ассигнованная на содержаніе ихъ сумма была вся издержана, и ихъ уже въ 1807 г. приходилось держать на одномъ провіантѣ, безъ одежды и обуви. Сверхъ смѣты было передержено 1.669 р. 40¼ коп. Инструменты испортились; лошадей на лицо было только 15-ть.

Пестель, получивъ такое донесеніе, распорядился вызвать Лукина въ Иркутскъ, а рабочихъ «впредь до времени»—велѣлъ вывести въ Якутскъ. Тогда же, 21 марта 1808 г., онъ послалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ настоятельное представленіе о необходимости прекратить работы по Алабамской дорогѣ. 19 іюня 1808 г. Куракинъ увѣдомилъ Пестеля, что Его Величество, «находя дорогу сію неудобною», утверждаетъ это предположеніе. Портъ, вмѣсто устья р. Алабамы, предположено перенести на устье р. Ульи. Повелѣно, чтобы, при составленіи соображеній объ этомъ, «сколько возможно соблюдена была вѣрность и точность, какъ описанія сихъ мѣстъ, такъ положенія ихъ на картѣ, исчисленія суммъ и вообще въ изложеніи подробностей». Урокъ Алабамской дороги не пропалъ даромъ. Впрочемъ и это предположеніе вскорѣ было оставлено.

Съ отмѣной всѣхъ этихъ предположеній было возобновлено существовавшее еще въ 1783 г. предположеніе о заселеніи Охотскаго тракта. Трактъ этотъ, растянутый на 1014 верстъ, представлялъ совершенную пустыню. Въ 1811 г., Трескинъ, вслѣдствіе донесеній Якутскаго областнаго правленія, представлялъ Пестелю слѣдующіе доводы о необходимости и пользѣ заселенія этого тракта: 1) Проѣзжающіе, находя пристанища, будутъ менѣе изнуряться отъ продолжительнаго пути. 2) У поселенцевъ можно будетъ покупать сѣно, отъ недостатка въ которомъ погибаетъ множество проходящихъ по этому тракту лошадей. 3) Современемъ поселенцы могутъ быть ямщиками на своихъ станціяхъ. 4) Откроется мѣсто для поселенія людей, въ обществѣ нетерпимыхъ (противъ этого мѣста поставлено на донесеніи Трескина карандашомъ NB). Трескинъ указывалъ и средства къ заселенію тракта. Якуты вызывались (едва ли добровольно) отдѣлить на это поселеніе 15-ть семей изъ своихъ родовичей; Якутскій исправникъ, Слободчиковъ, пожертвовалъ

500 р. на устройство ихъ на мѣстахъ поселеній. Трескинъ тогда же распорядился поселить эти 15 семействъ у р. Алдана, Черныхъ Лѣсовъ и на р. Аллахъ-Юнѣ. Кромѣ того, предполагалось обратить на поселеніе по этому тракту 75 человѣкъ каторжныхъ, бывшихъ на Алабамской дорогѣ. Молдавскій дворянинъ Аспашевъ принималъ на свой счетъ поселеніе 48 душъ. Вообще же на расходы по поселенію Трескинъ полагалъ обратить остатки отъ устройства Алабамской дороги. Эти остатки въ разныхъ вещахъ, инструментахъ и деньгахъ, составляли 14.732 р. 9 коп. [1]).

Министръ финансовъ отказался обратить этотъ капиталъ не по назначенію, а просилъ деньги сдать въ казначейство, а инструменты продать. Но 15 октября 1811 г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ Пестеля, что поселеніе по Охотскому тракту Высочайше утверждено «въ томъ единственно упованіи—писалъ министръ Пестелю,—что вы не оставите употребить всемѣрнаго старанія, чтобы поселенцы въ мѣстахъ водворенія обезпечены были въ своемъ пропитаніи». Въ дополненіе къ пожертвованіямъ отпущено изъ казны на устройство поселеній только 7.732 р. Селить на этой дорогѣ каторжныхъ признано неудобнымъ, а предписано поселить ссылочныхъ [2]).

Несмотря на Высочайшее повелѣніе, поселенцы Якутско-Охотскаго тракта, отъ Алдана до Аллахъ-Юны, вовсе не были обезпечены. Они находились въ крайней бѣдности. Мѣста поселенія ихъ были неудобны. Рыбы въ рѣкахъ добывалось недостаточно на продовольствіе; звѣриныхъ промысловъ вовсе не было; травы на пастбищахъ были непитательны; скотъ, особенно въ зимніе мѣсяцы, чрезвычайно худѣлъ; приплодъ почти весь погибалъ; коровы и кобылы не давали достаточнаго количества молока. Поселяне и скотъ ихъ почти каждую зиму раздавались для продовольствія Якутамъ; остававшіеся въ поселеніяхъ подкрѣплялись въ продовольствіи на счетъ казны и особенно частныхъ пожертвованій, которыя дѣлались по убѣжденію мѣстнаго начальства. У поселенцевъ не было даже рубахъ, не только какой нибудь другой одежды. Всѣ эти бѣдствія увеличивались еще частыми скотскими падежами. Объ этомъ не разъ доводилось до свѣдѣнія губернскаго начальства; но

---

[1]) 5.296 р. 69¼ к. было возвращено провіантскимъ вѣдомствомъ за довольствіе провіантомъ казаковъ и нижнихъ чиновъ, бывшихъ на дорогѣ.

[2]) Св. 20, № 125. Въ перепискѣ по этому предмету любопытно, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство. Пестель въ донесеніи къ министру объ устройствѣ поселеній къ Охотску, по обыкновенію, буквально переписалъ донесеніе Трескина, кромѣ одного мѣста. Трескинъ писалъ, что мѣстное начальство много обязано греку Аспашеву доказательствами негодности Алабамской дороги. Пестель вычеркнулъ это мѣсто.

Трескинъ находилъ, что всѣ эти донесенія преувеличены и что бѣдность поселенцевъ происходитъ отъ ихъ лѣности. Трескинъ смотрѣлъ на поселенцевъ исключительно какъ на рабочую силу; но онъ забывалъ, что никакая рабочая сила не можетъ существовать безъ питанія.

Въ 1819 г. мѣстное начальство старалось увеличить сѣнокошеніе, занять поселенцевъ рыбной ловлей и собираніемъ щавелю и другихъ травъ, годныхъ для пищи; но успѣхъ былъ ничтоженъ. Сѣно, дѣйствительно, было заготовлено болѣе прежняго; скотъ остался на зиму при поселеніяхъ, но сильно исхудалъ; у коровъ и кобылъ не стало молока. Съѣстныхъ припасовъ достало только до декабря 1819 г.: съ тѣхъ поръ поселенцы продовольствовались изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ.

Главный смотритель поселеній полагалъ удобрить сѣнокосныя мѣста; для усиленія рыболовства, снабдить поселенцевъ неводами и сѣтями: отпускать имъ отъ 10 до 20 пуд. въ годъ соли для скота: завести точила и брусья для точенія топоровъ и проч.; отпускать поселенцамъ пудъ пороху и полтора пуда свинца для звѣринаго промысла: завести 50 бочекъ для заготовленія питательныхъ травъ: завести поселенцамъ по одной холщевой рубахѣ и по одному сермяжному кафтану: закупить огородныхъ сѣмянъ,—рѣпы, рѣдьки, капусты: предоставить поселенцамъ пользоваться, на установленномъ порядкѣ, перевозомъ черезъ р. Алданъ. Получая плату за перевозъ, доносилъ смотритель, они будутъ имѣть возможность покупать хлѣбъ у частныхъ людей и оплачивать подати. На всѣ эти пособія смотритель просилъ тысячу рублей изъ 13.000 поселенческой суммы.

Алданскій перевозъ содержался въ пользу находившихся тамъ казаковъ, неполучавшихъ содержанія отъ казны. На немъ было три судна: одно старое, оставшееся еще отъ Алданской дороги; два другіе были построены въ 1816 году. Такса за перевозъ была утверждена Трескинымъ. Сборъ за содержаніе перевоза составлялъ до 1.200 р. въ лѣто; три четверти этого сбора поступали въ пользу Алданскихъ казаковъ, четверть оставалась въ запасѣ на постройку и починку судовъ. На Алданѣ было способныхъ къ работѣ казаковъ только четыре человѣка, поэтому, для содержанія перевоза, посылалось каждый годъ по шести и болѣе казаковъ изъ Якутска. Казаки на Алданѣ содержали караулъ при провіантскомъ магазинѣ для переходящихъ командъ. Съ 1819 г. они были причислены къ Якутской казачьей командѣ и пользовались казеннымъ

довольствіемъ: слѣдовательно, оставлять за ними перевозъ не было основанія.

О всемъ этомъ Миницкій, отъ 22 Января 1820 г., представлялъ на разрѣшеніе генералъ-губернатора.

Сперанскій, отъ 13 февраля 1820 г., не только разрѣшилъ Миницкаго употребить тысячу рублей на просимыя главнымъ смотрителемъ пособія, но предоставилъ ему употребить на этотъ предметъ, по ближайшему его усмотрѣнію, еще до 2.000 р., изъ поселенческой суммы. «Перевозъ на Алданѣ отдать въ ихъ (поселенцевъ) пользу на томъ самомъ основаніи, какъ въ представленіи вашемъ подробно означено. Еслиже отъ сей перемѣны содержанія перевоза казаки потерпятъ какое либо разстройство, то прошу васъ примыслить способы къ вознагражденію ихъ другими какими либо выгодами».

Перевозъ на лѣто 1820 г. остался въ вѣдѣніи казаковъ, такъ какъ они уже его исправили. Миницкій распорядился придать имъ шесть или болѣе человѣкъ поселенцевъ, уравнявъ ихъ въ платѣ съ казаками.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1820 г., Алданскимъ поселенцамъ, вслѣдствіе неулова рыбы и неимѣнія собственныхъ запасовъ, выдано было 101 пуд. муки, на 469 р. $2\frac{1}{2}$ коп. Выдача эта принята на счетъ капитала казенныхъ запасныхъ магазиновъ [1]).

По Высочайше утвержденному 30 іюля 1811 г. мнѣнію государственнаго совѣта, постановлено было устроить казенныя поселенія въ Туруханскомъ краѣ, для содержанія сообщеній по р. Енисею [2]). Поселенія эти ко времени опредѣленія Сперанскаго были уже окончательно устроены. Они составляли разсѣянныя на большомъ разстояніи зимовья. По ревизіи Осипова, въ управленіи ими оказались нѣкоторыя злоупотребленія. Но и помимо злоупотребленій, Туруханскіе поселенцы находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, вслѣдствіе природы и особыхъ условій края. Въ одномъ изъ законодательныхъ актовъ того времени находится поразительное описаніе Туруханскихъ поселеній, сообщенное Сперанскимъ, и основанное, безъ сомнѣнія, на свѣдѣніяхъ, собранныхъ и сообщенныхъ Осиповымъ. «Таковое поселеніе не могло быть произведено никакими другими средствами, кромѣ водворенія ссыльныхъ на счетъ казны, ибо суровость тамошняго климата, дикость мѣстъ и совершенный недостатокъ промышленности не

---

[1]) Св. 33, № 20.
[2]) П. С. З.

можетъ привлечь туда никакихъ вольныхъ переселенцевъ, и никто не можетъ тамъ обзавестись безъ пособія правительства. Всѣ опыты о разведеніи хлѣбопашества оказались безуспѣшными. Не токмо хлѣбъ, но и огородные овощи невсегда тамъ поспѣваютъ, а ниже Туруханска и вовсе не произрастаютъ. Инородцы, коренные обитатели сей страны, питаются рыбною и звѣриною ловлею; но поселенцы едва еще начинаютъ привыкать къ упражненіямъ сего рода; хлѣбъ покупаютъ они вообще изъ запасныхъ магазиновъ, и для того, по причинѣ великихъ разстояній, должны отлучаться надолго изъ ихъ домовъ, прерывая всѣ промыслы и оставляя семейства свои въ крайней бѣдности. Даже самую одежду пріобрѣтаютъ они съ великимъ трудомъ и дорогими цѣнами, отчего едва могутъ имѣть на цѣлое семейство одну одежду, способную защитить отъ жестокости холода и бурь, въ продолжительную зиму тамъ свирѣпствующихъ. Въ зимовьяхъ, ниже Туруханска, продолжающаяся ночь въ теченіи всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ и жестокіе морозы не позволяютъ въ сіе время года, только въ сѣверныхъ мѣстахъ продолжительное, никакихъ полезныхъ упражненій. Наконецъ, въ уѣздѣ Туруханскомъ всегда былъ недостатокъ въ монетѣ: мѣновыя сдѣлки удовлетворяютъ почти всѣмъ тамошнимъ нуждамъ, такъ что капиталы жителей состоятъ изъ однихъ звѣриныхъ шкуръ».

«Не остается ни малаго сомнѣнія, заключалъ Сперанскій, что для Туруханскихъ поселенцевъ довольно уже, если они будутъ въ состояніи пропитывать свои семейства, населяя мѣста безлюдныя и исправлять натуральныя повинности, для коихъ собственно и были они водворяемы. Платить же подати наравнѣ со всѣми въ Россіи крестьянами, было бы для нихъ раззорительно, и требованія сего исполнить они никогда не могутъ».

На поселенцахъ оставалось долга по водворенію 9.552 р. 46 к. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, согласно съ представленіемъ Сперанскаго, полагалъ, исключить этотъ долгъ изъ недоимки, и навсегда освободить какъ ихъ, такъ и тѣхъ поселенцевъ, которые впослѣдствіи будутъ водворяемы въ томъ краѣ, отъ платежа податей, возложивъ на нихъ только мѣстныя натуральныя повинности. Представленіе было утверждено Высочайше утвержденнымъ 12 февраля 1823 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, съ тѣмъ только, чтобы поселенцы были освобождены отъ податей не навсегда, а только до того времени, какъ представится возможность мѣстному начальству ввести ихъ въ окладъ [1]).

---

[1]) П. С. З. 29311.

Нѣсколько ранѣе, 3 августа 1822 г., Туруханскимъ поселенцамъ, вмѣстѣ съ жителями другихъ отдаленныхъ странъ, была дарована еще и другая льгота,—свобода отъ рекрутской повинности, о чемъ мы говоримъ въ своемъ мѣстѣ [1]).

Мѣры эти, безъ сомнѣнія, принесли въ свое время пользу бѣдствующему населенію; но послѣднія изслѣдованія показали, что экономическій бытъ жителей Туруханскаго края и въ настоящее время находится далеко не въ отрадномъ состояніи [2]).

Несмотря на такое плачевное положеніе существовавшихъ уже поселеній, Илличевскій придумывалъ устроить въ Туруханскомъ краѣ новыя поселенія, для содержанія сообщенія между Енисеемъ и Тазомъ (на р. Пакулихѣ и Неколтонъ). Основаніемъ къ этому предположенію онъ представлялъ, въ донесеніи отъ 17 сентября 1819 г., трудность доставленія продовольствія на Тазъ и происходящія отъ того голодовки. Сперанскій, отъ 1-го октября 1819 г., отправилъ проектъ Илличевскаго къ Осипову, съ тѣмъ, чтобы онъ сообразилъ его съ мѣстными свѣдѣніями и доставилъ объ немъ свое заключеніе. Повидимому, Сперанскій не придавалъ этому проекту особеннаго значенія. Въ предписаніи Осипову онъ сдѣлалъ слѣдующую приписку: «Бумагу сію посылаю въ томъ предположеніи, что она васъ застанетъ въ краяхъ Туруханскихъ; но если бы вы были уже на возвратномъ пути, то прошу васъ много ею не заниматься и не прибавлять новаго бремени къ трудамъ, кои одно усердіе ваше превозмочь и совершить можетъ» [3]).

Осиповъ получилъ это предписаніе уже по возвращеніи съ Тазу. Онъ былъ намѣренъ снова ѣхать туда, чтобы обозрѣть на мѣстѣ возможность исполненія проекта Илличевскаго; но поѣздка на Пакулиху была невозможна ранѣе іюня. Сперанскій, отъ 31 марта 1820 г., уволилъ его отъ этой поѣздки. Осиповъ не могъ собрать точныхъ свѣдѣній по проекту Илличевскаго, и просилъ уѣзднаго землемѣра посѣтить лѣтомъ мѣста, которыя Илличевскій предназначалъ для поселеній. Онъ однакожъ представилъ Сперанскому (30 мая) карту мѣстности, составленную землемѣромъ. Проектъ Илличевскаго не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. [4])

По представленію Пестеля, подтвержденному и Сперанскимъ, состоялось мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утверж-

---

[1]) П. С. З. 29157.

[2]) Рукопись г. Щапова. Третьякова (Записки И. Геогр. Общества).

[3]) Св. 61, № 81.

[4]) Св. 61, № 81.

денное 18 марта 1821 г., объ имѣніи, остающемся послѣ умершихъ ссыльныхъ. Имѣніе каторжныхъ, послѣ которыхъ не осталось родственниковъ и казенныхъ долговъ, велѣно обращать въ приказъ общ. пр., имѣніе поселенцевъ въ сумму, отпускаемую на водвореніе ихъ, а если эта сумма будетъ уже пополнена,—то въ пользу крестьянскихъ и поселенческихъ обществъ, которыя обязаны были уплачивать за нихъ подати [1]). Постановленіе это дѣйствовало недолго, и съ изданіемъ устава о ссыльныхъ 1822 г. существенно измѣнилось.

Въ 1821 г. Министръ Финансовъ спрашивалъ мнѣнія Сперанскаго о томъ, можно ли дозволять поселенцамъ торговлю. Министръ признавалъ возможнымъ позволить ее по 3 и 4 разрядамъ тѣмъ изъ нихъ, которые сосланы въ Сибирь безъ тѣлеснаго наказанія и поступили въ крестьяне, но только не позволять имъ при этомъ отлучаться изъ Сибири. Сперанскій, отъ 17 сентября 1821 г. изложивъ приведенныя уже нами свѣдѣнія о бытѣ Сибирскихъ поселенцевъ, отвѣчалъ, что онъ не находитъ препятствій допустить ихъ къ торговлѣ съ тѣми ограниченіями, какія были предположены министромъ. Онъ находилъ даже это дозволеніе «нужнымъ и для промышленности того края полезнымъ». «Одно возраженіе—прибавлялъ онъ — въ неуравнительности податей, платимыхъ купцами и торгующими крестьянами. Но сіе возраженіе не есть предметъ мѣстнаго Сибирскаго управленія, оно есть общее и слѣдовательно общими правилами должно быть учреждаемо» [2]). Дѣло о дозволеніи поселенцамъ производить торговлю затянулось однакожъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, до 1827 г.

Въ 1819 г. поселенцы Кукинскаго селенія Нерчинской округи потерпѣли разореніе, сначала отъ пожара, который нанесъ имъ ущербъ на 21.527 р. 25¾ к., а потомъ отъ разлива р. Онона. Для пособія имъ было, по приглашенію Трескина, собрано пожертвованій въ Иркутской городской думѣ 1.215 р. Сперанскій, въ предписаніи думѣ отъ 9-го января 1820 г., обѣщался довести объ этомъ пожертвованіи «въ свое время» до свѣдѣнія Государя. Въ то же время, по представленію Зеркалеева, Сперанскій (9 января) разрѣшилъ его исключить со счетовъ выданные поселенцамъ инструменты и упряжь, и хранившійся въ магазинѣ хлѣбъ, всего на 1.658 р. ¼ к., и принять на счетъ казны выданное имъ послѣ пожара пособіе хлѣбомъ и орудіями на 4.042 р. 4½ к. Поселенцы

[1]) П. С. З., 28587.

[2]) Св. 349, № 14

однакожъ не удовольствовались этимъ. Въ апрѣлѣ 1820 г., они обратились къ Сперанскому съ просьбою сложить или отсрочить взысканіе съ нихъ податей и позволить имъ отлучаться изъ селеній на частныя работы въ другія мѣста. Сперанскій, указавъ на значительность пособій, которыя уже были оказаны поселенцамъ, распорядился, чтобы слѣдующія съ нихъ въ подати и повинности деньги, всего 120 р. 60 к., были уплачены изъ пожертвованныхъ въ Иркутскѣ 1.215 р., если только эти деньги имъ еще не розданы. Онъ распорядился также, чтобы поселенцамъ дозволено было отлучаться для заработковъ въ другія мѣста [1]).

Одну изъ затруднительныхъ сторонъ дѣятельности тогдашнихъ приказовъ общ. призр. составляло содержаніе и леченіе въ больницахъ его престарѣлыхъ и увѣчныхъ ссыльныхъ. Взыскать съ нихъ слѣдовавшія за это приказу деньги большею частью оказывалось невозможнымъ по крайней ихъ бѣдности и въ слѣдствіе того, что они не были приписаны къ обществамъ, которыя были бы обязаны платежемъ за нихъ въ случаѣ ихъ несостоятельности. Особенно сильны были подобныя затрудненія въ отдаленныхъ мѣстахъ,— Охотскѣ, Якутскѣ, и т. п. Еще въ 1818 г. министръ финансовъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы издержки на это приказа по Якутскѣ больницѣ были, какъ за прежнее время, такъ и впредь, возвращаемы изъ казны. Въ 1821 г. Ушинскій просилъ принять на счетъ казны 1130 р. 18 коп., состоявшихъ на нѣкоторыхъ поселенцахъ. Возникла переписка по этому предмету. Губернское правительство признавало возможнымъ лечить престарѣлыхъ и бѣдныхъ поселенцевъ безплатно; но ни приказъ, ни казенная экспедиція не принимали на свой счетъ издержекъ за ихъ содержаніе и леченіе. 27 января 1822 г., Сперанскій, принявъ въ уваженіе невозможность взыскать деньги съ поселенцевъ, о которыхъ шла рѣчь, и то, что поселенцы находились въ больницахъ съ разрѣшенія губернскаго правительства, призналъ справедливымъ принять содержаніе и леченіе ихъ на счетъ приказа [2]).

Во всѣхъ трехъ губернскихъ городахъ Сибири находились такъ называемые ремесленные дома; въ эти дома назначались ссыльные, сосланные за маловажныя преступленія и знающіе ремесла. При общей неразвитости ремесленной промышленности въ Сибири,

---

[1]) Св. 69 № 124, прилож.—Кукинскіе поселенцы потеряли отъ пожара 37 домовъ и проч. имущество. Несчастіе ихъ, повидимому, возбуждало большой интересъ въ Иркутскомъ обществѣ, объ немъ упоминается въ запискахъ Тюменцова. Всѣхъ пожертвованій собрано по 1822 г. до 2.000 р. (Св. 15, № 31).

[2]) Св. 105, № 2, прилож.

ремесленные домы были весьма полезнымъ для городовъ учрежденіемъ. Но не всѣ они въ одинаковой степени достигали своей цѣли. Лучшимъ изъ ремесленныхъ домовъ былъ Иркутскій. Онъ обязанъ былъ своимъ совершенствомъ ссыльному Штульмиллеру, который находился въ немъ съ 1798 года. Штульмиллеръ завелъ въ ремесленномъ домѣ нѣкоторыя новыя ремесла и улучшилъ старыя. Жилъ онъ хорошо, имѣлъ съ 1810 г. собственный домъ и, при ревизіи Сперанскаго, предъявилъ въ слѣдственную коммисію исковъ на разныхъ лицъ на 13.000 р. Неизвѣстно, по собственному ли желанію Штульмиллера, или по усмотрѣнію Сперанскаго, послѣдній перевелъ его, 28 іюля 1820 г., въ Томскъ, для пользы тамошняго ремесленнаго дома, въ которомъ Сперанскій, при обозрѣніи его, нашелъ разные недостатки. Илличевскому поручено было причислить Штульмиллера къ ремесленному дому, но позволить ему жить отдѣльно [1]).

Въ 1821 г. Цейдлеръ издалъ правила для управленія Иркутскимъ ремесленнымъ домомъ. Любопытно, что эти правила имѣютъ много общаго съ тѣми, которыя вошли въ уставъ о ссыльныхъ Сперанскаго, хотя, по времени, и не могли служить образцомъ для этого устава [2]). Въ Иркутскѣ же находилась суконная фабрика, принадлежавшая приказу, на которой работали ссыльные. Капиталъ ея, въ сукнахъ, матеріалахъ и наличныхъ деньгахъ, составлялъ къ 1 января 1822 г. 33.125 р. 18 к. [3]).

Въ Охотскѣ, кромѣ солеваренного завода, существовалъ еще другой казенный заводъ—кирпичный. Заводъ этотъ былъ устроенъ экономическими средствами мѣстнаго начальства. Работы на немъ производились ссыльными. Къ 1 ноября 1819 г., отъ продажи кирпича образовался уже порядочный капиталъ въ 1.579 р. 78 коп. Ушинскій спрашивалъ, какъ поступить съ этими деньгами. Сперанскій, отъ 20 декабря 1819 г. распорядился составить изъ нихъ особую экономическую сумму на случай устройства больницъ, богадѣленъ и другихъ подобныхъ заведеній, необходимыхъ въ такомъ отдаленномъ краю. «А какъ означенный заводъ, писалъ онъ, можетъ приносить пользу, то само собою разумѣется, что трудящіеся должны получать вознагражденіе по всей справедливости [4]).»

---

[1]) Св. 34, № 31.

[2]) Св. 15, № 31.

[3]) Св. 15, № 31. До 1819 г. фабрика работала на 7 станкахъ, потомъ, вслѣдствіе тѣсноты, два станка были уничтожены. Цейдлеръ опять возобновилъ ихъ.

[4]) При этомъ онъ обязалъ Ушинскаго доставлять ему, по истеченіи каждаго года, подробныя свѣдѣнія о расходахъ изъ этой суммы. Св. 107, № 3.

Вслѣдъ затѣмъ, 20 января 1820 г., онъ разрѣшилъ Ушинскому употреблять деньги изъ этой суммы на пользованіе состоящихъ на вольномъ пропитаніи ссыльныхъ, ихъ женъ и дѣтей,—но только тѣхъ, «кои доказательно уже не имѣютъ возможности возвратить казнѣ употребленныя на нихъ издержки». 20 апрѣля 1820 г., онъ, согласно съ представленіемъ Ушинскаго и имѣя въ виду указанную уже цѣль выручаемыхъ за кирпичъ денегъ, разрѣшилъ его отпускать кирпичъ въ мѣста казеннаго вѣдомства не иначе, какъ за деньги. Сперанскій впослѣдствіи не упускалъ случая увеличить эту сумму [1]). Къ 1822 г. экономическая сумма составляла уже 3.338 р. 79 коп. Впослѣдствіи она увеличилась еще болѣе: къ 1 января 1830 г. состояло на лицо 4.792 р. 57 к. деньгами и 5000 кирпича на 100 р. [2]).

Въ 1820 г. были сосланы въ Сибирь, за убійство, рядовой Иванъ Макаровъ и мѣщанинъ Афанасьевъ. Во время содержанія въ тюрьмѣ, они обратили на себя вниманіе князя Голицына своею набожностью. Вслѣдствіе этого возникла любопытная переписка.

«Г. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, писалъ Сперанскій губернаторамъ, 7 апрѣля 1820 г., извѣщаетъ меня, что изъ Петербурга отправлены въ Иркутскъ, по приговорамъ суда, два преступника, Иванъ Макаровъ и мѣщанинъ Афанасьевъ, оба сужденные и наказанные за учиненныя ими убійства.

«Преступники сіи, во время нахожденія своего тамъ въ тюрьмѣ, оказывали искренно раскаяніе, примѣченное членами общества попечительнаго о тюрьмахъ, и обращеніе на путь христіанства. Во все время заключенія своего были нрава кроткаго и послушнаго, и считаютъ себя вполнѣ заслужившими опредѣленное имъ наказаніе.

«Таковое расположеніе нрава и чувствъ въ семъ классѣ людей заслуживаетъ, по всей справедливости, сострадательное вниманіе друга человѣчества, и потому кн. Александръ Николаевичъ просилъ обратить на сихъ двухъ преступниковъ человѣколюбивое вниманіе.

«Вслѣдствіе чего прошу в. п., по прибытіи означенныхъ преступниковъ, Макарова и Афанасьева въ *N губернію*, увѣдомить меня, остаются ли они постоянно въ оказанныхъ ими чувствахъ,

[1]) Такъ онъ разрѣшилъ причислить къ ней пожертвованныя иностранцемъ Гордономъ 539 р., оставшіеся послѣ смерти ссыльнаго Денисова 185 р. 55 к. (20 іюля 1820 г.) и 60 р. 50 к., вырученные отъ продажи неизвѣстно кому принадлежащихъ вещей (31 іюля 1820 г.)

[2]) Св. 107, № 3, Приложеніе.

и не задерживая ихъ на мѣстѣ, препроводить надлежащимъ порядкомъ въ Иркутскъ [1])».

Между тѣмъ Тобольскій губернаторъ, отъ 26 апрѣля, доносилъ, что Казанскій губернаторъ объявилъ ему Высочайшее повелѣніе, чтобы Макаровъ былъ отправленъ на мѣсто ссылки не пѣшкомъ, а на подводахъ, и что онъ уже прослѣдовалъ въ Томскъ. 21 іюля 1820 г. Сперанскій поручалъ Илличевскому, Макарова и Афанасьева, если послѣдній будетъ приведенъ въ Томскъ, оставить тамъ до его пріѣзда. Афанасьева Сперанскій распорядился опредѣлить на винокуренные или солеваренные заводы Томской губерніи. Макаровъ, по его распоряженію, былъ оставленъ въ Тобольскѣ (возвращенъ?) и назначенъ состоять въ полиціи при пожарныхъ инструментахъ [2]).

Начальникъ Охотскаго порта представлялъ, что въ Охотскѣ и уѣздѣ его находится много праздныхъ людей, живущихъ милостыней. Это были большею частію ссыльные, уволенные съ тамошняго солеваренпаго завода за старостью и болѣзнями. По скудости вообще въ томъ краѣ жизненныхъ припасовъ, они были не только бѣдны, но даже не имѣли способовъ снискивать дневное пропитаніе. Ушинскій просилъ разрѣшенія выслать часть этихъ людей на жительство въ Якутскую область, гдѣ они удобнѣе и безъ отягощенія для казны могли снискивать себѣ пропитаніе. Сперанскій, отъ 20 января 1820 г., утвердилъ это представленіе, съ тѣмъ, чтобы сумма на высылку этихъ людей была употреблена изъ капитала казенныхъ запасныхъ магазиновъ. Якутскому областному начальнику было предписано размѣщать ихъ въ такія мѣста, гдѣ они болѣе имѣли бы средствъ къ пропитанію.

Ушинскій, на этомъ основаніи, выслалъ въ Якутскую область 24 чел. На отправленіе ихъ онъ употребилъ 120 р. прогоновъ и 36 п. 10 ф., на 348 р. 81½ к., муки на путевое продовольствіе. Казенная экспедиція не приняла этихъ расходовъ и требовала, чтобы Ушинскій возвратилъ ихъ изъ своей собственности. «По сему распоряженію, писалъ Сперанскій экспедиціи отъ 20 Іюня 1821 г., Охотскому начальству оставалось бы избирать одно изъ двухъ: или довольствовать въ Охотскѣ дорогимъ казеннымъ хлѣбомъ людей ни къ какимъ работамъ неспособныхъ, или попустить, чтобы они тамъ умирали съ голоду». Замѣтивъ это казенной экспе-

---

[1]) Иркутскому губернатору, вмѣсто послѣдней фразы, сказано: «дабы потому можно было расположить дальнѣйшую ихъ участь».

[2]) Св.33. № 23.

диціи, онъ распорядился принять 468 р. 81 ½ к. [1]) на счетъ капитала запасныхъ магазиновъ.

Нѣкто Яковъ Тимофѣевъ, изъ военныхъ поселянъ, по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ январѣ 1819 г., подлежалъ исключенію изъ военнаго званія и отсылкѣ на жительство въ Оренбургскую губернію. Вмѣсто того, военное начальство распорядилось отправить его въ каторжную работу. Въ этомъ распоряженіи оно основалось на общемъ предписаніи инспекторскаго департамента, которое не относилось къ Тимофѣеву.

Въ началѣ 1822 г., по требованію главнаго штаба, Сперанскій поручалъ Цейдлеру освободить Тимофѣева отъ работъ, и чтобы не изнурять его пересылкою въ Оренбургскую губернію, предоставить ему,—поселиться на жительство въ одной изъ Сибирскихъ губерній [2]). Но это распоряженіе уже не застало его въ живыхъ.

Въ декабрѣ 1819 г., поселенцы разныхъ деревень Иркутскаго уѣзда [3]) жаловались Сперанскому, что они включены въ число податныхъ плательщиковъ прежде истеченія трехъ лѣтъ по водвореніи на казенное поселеніе, тогда какъ прочіе поселенцы пользуются трехлѣтней льготой. Эти жалобы переданы были Сперанскимъ, 3 декабря 1819 г., губернскому правительству на разсмотрѣніе и на удовлетвореніе, «буде окажутся справедливыми [4])».

Въ 1820 г. на казенныхъ винокуренныхъ заводахъ Иркутской губерніи накопился излишекъ въ каторжныхъ сверхъ комплекта. Казенная экспедиція просила исполнительную уволить излишнихъ людей, по недостатку для нихъ заводскихъ работъ, на вольныя работы въ селенія, до того времени пока не встрѣтится въ нихъ надобности на заводахъ. Исполнительная экспедиція въ этомъ отказала, изъ опасенія, чтобы не возобновились грабежи, подобные предъидущему году. Сперанскій, отъ 27 декабря, далъ знать губернскому правительству, что онъ уже предписалъ Тобольскому и Томскому губернаторамъ, неспособныхъ къ работамъ каторжныхъ не отсылать въ Иркутскую губернію, «людьми сего рода чрезвычайно отягощенную», а распредѣлять ихъ для пропитанія или при

[1]) Св. 33, № 18.

[2]) Тимофеевъ, по прибытіи въ Иркутскъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1820 г., былъ отосланъ губернскимъ правительствомъ на Александровскій винокуренный заводъ, въ работу, и тамъ 20 іюля 1821 г. померъ. Св. 34 № 31, св. 349 № 50; отнош. кн. Волконскому 22 августа 1822 г.

[3]) Абрамъ Корыстинъ, Максимъ Петровъ, Ягуда Баткуловъ, Данило Шестаковъ и Ѳедоръ Бѣлорузковъ.

[4]) Св. 34, № 25

тѣхъ заводахъ, гдѣ они находились въ работѣ, или въ другихъ селеніяхъ, «по способности». Затѣмъ онъ предложилъ губернскому правительству: 1) всѣхъ ссыльныхъ, которыхъ казенная экспедиція назначитъ къ увольненію въ крестьянскія селенія, раздать обществамъ, имѣющимъ нужду въ работникахъ, «какъ возможно раздробительнѣе», съ подписками; общества должны отдавать ихъ въ общественную или частную работу по своему усмотрѣнію, отнюдь недавая имъ свободно располагать собой; и 2) поручить земской полиціи строго наблюдать за этими людьми, особенно за тѣмъ, чтобъ они не смѣли выходить изъ повиновенія тѣмъ, кому поручены. «Симъ способомъ, прибавлялъ онъ, заводы избавятся излишнихъ издержекъ на содержаніе ихъ и нельзя ожидать будетъ, чтобъ люди сіи имѣли возможность дѣлать воровство, а тѣмъ болѣе грабежи» [1]).

Нижнеудинскій исправникъ затруднялся, куда селить поселенцевъ, присылаемыхъ на казенное поселеніе, и давать ли имъ казенное пособіе. Сперанскій, отъ 17 апрѣля 1820 г., предписалъ ему распредѣлять ихъ въ заведенныхъ уже селеніяхъ по его усмотрѣнію, гдѣ найдетъ болѣе удобнымъ, на тѣхъ основаніяхъ, какъ обыкновенно водворяются поселенцы въ заведенныхъ уже деревняхъ по всѣмъ уѣздамъ Иркутской губерніи, безъ всякой казенной ссуды [2]).

Прочія распоряженія по дѣламъ ссыльныхъ относились, почти исключительно, къ перечисленію ихъ изъ одного мѣста въ другое, къ увольненію отъ работъ, возвращенію на родину и тому подобнымъ частнымъ случаямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ распоряженій характеристичны, но вообще въ нихъ мало замѣчательнаго. Приводимъ любопытнѣйшія изъ дѣлъ этого рода.

Саранскіе жители вспомнили своего прежняго губернатора и послали къ нему письмо, въ которомъ просили исходатайствовать прощеніе одной изъ бывшихъ Саранскихъ жительницъ, сосланныхъ въ Сибирь. По этому поводу Сперанскій также вспомнилъ своего прежняго подчиненнаго, Саранскаго городничаго Кравкова, и написалъ ему слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь мой, Иванъ Васильевичъ!

«Нѣкоторые изъ гражданъ города Саранска просили меня письмомъ, на сихъ дняхъ мною полученнымъ, объ исходатайствованіи прощенія сосланной въ Сибирь на поселеніе бывшей купеческой женѣ Анисьѣ Свѣшниковой.

---

[1]) Св. 34, № 26.

[2]) Св. 32, № 5

«Помня доброе ко мнѣ расположеніе сихъ гражданъ, я за особенное удовольствіе поставилъ бы сдѣлать имъ пріятное; но по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Свѣшникова, находясь Иркутскаго уѣзда въ Черемховской слободѣ, вышла уже въ замужество за поселенца Ефрема Филипова. Я прошу васъ, Милостивый Государь мой, объявить о семъ гражданамъ города Саранска, и именно купцу Ощепкову и прочимъ, съ нимъ подписавшимся. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ возобновить себя въ вашей памяти, пребывая и проч.».

Въ 1819 г., приставъ уголовныхъ дѣлъ Петербургской полиціи, Родзивановскій, писалъ, что, въ 1809 г., бѣжалъ отъ него дворовый человѣкъ Филипъ Степановъ и живетъ въ Красноярскѣ, въ услуженіи у тамошняго откупщика. Сперанскій, отъ 15 октября 1819 г., предписывалъ Красноярскому городничему, если Степановъ дѣйствительно находится у откупщика, то отобрать его и немедленно отослать въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ явился къ своему господину. Оказалось, что Степановъ уже записанъ по Красноярску въ мѣщане и несетъ по этому званію всѣ подати. «А потому, отвѣчалъ Сперанскій Родзивановскому отъ 5-го ноября 1819 г.,» къ возвращенію его нѣтъ другаго средства какъ отыскивать права вашего узаконеннымъ судебнымъ порядкомъ» [1]).

Въ 1806 г. Французскій подданный Трико, по Высочайшему повелѣнію, былъ удаленъ въ Баргузинъ, подъ присмотръ земской полиціи. Въ 1818 г., по разсмотрѣніи собранныхъ объ немъ на мѣстѣ ссылки свѣдѣній, Высочайше повелѣно освободить Трико и выслать его за границу. Но Трико успѣлъ жениться и обзавестись хозяйствомъ. Онъ просилъ не высылать его во Францію, потому, что тамъ у него нѣтъ ни родственниковъ, ни средствъ къ пропитанію, а здѣсь жена и пятеро дѣтей останутся безъ него въ крайней бѣдности. Трико пожелалъ поселиться въ Пензѣ. 14 февраля 1819 г. Высочайше разрѣшено ему выѣхать съ семействомъ въ Россію, избрать родъ жизни и жить во всѣхъ городахъ, кромѣ столицъ. Неугомонный французъ однакожъ и этимъ остался недоволенъ. Сначала онъ отозвался Верхнеудинскому исправнику, что такъ какъ имѣетъ жену и пятерыхъ дѣтей, которыхъ не можетъ оставить не подвергая ихъ совершенной бѣдности, то и не намѣренъ выѣхать изъ Баргузина, а желаетъ остаться тамъ, пропитывать себя съ семействомъ трудами и мелочною торговлей. Но въ началѣ 1820 г. онъ снова пожелалъ возвратиться въ Россію, и просилъ Сперанскаго, позволить ему взять съ собой всѣхъ дѣтей его,

[1]) Сп. 42, № 211.

прижитыхъ до и послѣ брака. За двухъ сыновей, прижитыхъ до брака и состоящихъ въ крестьянскомъ окладѣ, онъ обязывался платить подати бездоимочно. Сперанскій, не находя никакого препятствія къ увольненію Трико изъ Сибири, поручилъ Верхнеудинскому исправнику отобрать свѣдѣнія отъ крестьянскаго общества, въ которомъ состояли два сына Трико, прижитые до брака,— желаетъ ли общество уволить ихъ съ отцомъ въ Россію; а отъ Трико—о томъ, можетъ ли онъ обезпечить платежъ за нихъ податей; если крестьянское общество на увольненіе ихъ будетъ согласно и обезпеченіе, представленное Трико, достаточно, то позволить ему выѣхать изъ Баргузина со всѣмъ семействомъ. Но о томъ, гдѣ намѣренъ онъ основать свое мѣстопребываніе, донести Сперанскому немедленно. «P.S. Само собою разумѣется, что онъ можетъ оставаться и въ Баргузинѣ и въ Верхнеудинскѣ, если самъ того пожелаетъ. Тутъ нѣтъ принужденія. *Можетъ быть сіе было бы для него и лучше* [1])».

Общество на увольненіе Трико соглашалось и онъ представилъ обезпеченіе; но мѣстомъ своего жительства онъ избралъ городъ Софію. «Сіе не можетъ быть сообразно съ тѣмъ повелѣніемъ, какое о немъ здѣсь получено, и коимъ именно запрещается ему имѣть пребываніе въ обѣихъ столицахъ: городъ же Софія есть почти предмѣстье столицы,—замѣчалъ Сперанскій исправнику. И потому не оставьте объявить ему о семъ, предоставивъ впрочемъ назначить губернію и уѣздъ для жительства своего, кромѣ Москвы и С.Петербурга». Трико окончательно избралъ Тверь [2]).

Просьбъ о перечисленіи и переселеніи поступало особенно много въ 1819 г. Какъ самыя просьбы, такъ и распоряженія по нимъ, были очень разнообразны. Большая часть передавалась на распоряженіе губернскихъ правленій, которыя, тоже большею частью, удовлетворяли ихъ [3]).

---

[1]) Предп. 27 марта 1820 г.

[2]) Св. 42, № 208. Предп. 5 іюня 1820 г.

[3]) Св. 42, №№ 210, 212, 215, 216; Св. 116, № 160. Любопытно, между прочимъ слѣдующее предписаніе Зеркалееву (28 іюля 1820 г.): «Причисленный изъ поселенцевъ въ крестьяне Иркутской округи въ Биликтуйскую слободу Еврей Бенсамина Исаакъ Бенфельдъ проситъ позволить ему остаться на жительствѣ въ г. Иркутскѣ, гдѣ онъ занимается дѣланіемъ изъ мѣди и желѣза разныя посуды какъ для частныхъ людей, такъ и для аптеки, гражданской больницы и воспитательнаго дома, и тѣмъ единственно снискиваетъ себѣ пропитаніе и оплачиваетъ государственныя подати бездоимочно.

«Посліку означенный еврей Бенфельдъ, жительствуя въ г. Иркутскѣ, приносить можетъ ремесломъ своимъ пользу какъ для себя, такъ и для другихъ, особенно для казенныхъ заведеній и такъ какъ всѣ слѣдующія съ него подати оплачиваетъ онъ

Къ числу ссыльныхъ принадлежали, какъ и нынѣ, разныя лица, отправленныя въ Сибирь административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи. Повидимому, число этихъ лицъ вообще было не велико. Свѣдѣній объ нихъ сохранилось немного. Въ Томской губерніи ихъ считалось, въ 1822 г., всего только 5 человѣкъ. Изъ нихъ болѣе другихъ заслуживалъ вниманія № 2-ій, отставной ротмистръ Воиновъ-Стратиновичъ. «Съ 1818 г. іюля 20 дня. Присланъ при Высочайшемъ именномъ указѣ, 1818 февраля въ 28 день состоявшемся на имя бывшаго Томскаго гражданскаго губернатора. Доставленъ въ Томскъ для всегдашняго жительства, за противозаконные поступки его по жительству въ Петербургѣ обольщеніемъ должностныхъ чиновниковъ на недозволенныя по службѣ дѣянія, и Высочайше повелѣно, имѣть особенный надзоръ за образомъ жизни, поведеніемъ и неотлучнымъ пребываніемъ въ Томскѣ его Стратиновича. Содержаніе особаго не получаетъ, а опредѣленъ бывшимъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ засѣдателемъ въ Томскій совѣстный судъ и получаетъ по окладу сему жалованье». Атестація: «Поведенія сомнительнаго, замѣчается и нынѣ склоннымъ къ тѣмъ же поступкамъ, а умомъ не поврежденъ ни мало [1])».

Самый замѣчательный изъ ссыльныхъ этого рода былъ братъ Абхазскаго владѣльца, Гассанъ-Бей. Въ апрѣлѣ 1821 г., по распоряженію Ермолова, онъ былъ удаленъ изъ Абхазіи и отправленъ въ Томскъ подъ надзоръ полиціи. Вина его, какъ видно изъ бумагъ, состояла въ томъ, что онъ былъ преданъ Турецкому правительству и вреденъ для насъ по хитрому и предпріимчивому характеру. Ермоловъ требовалъ у министра внутреннихъ дѣлъ, чтобъ Гассанъ-Бею была отведена въ Томскѣ обывательская квартира и отпускалось по 3 т. р. въ годъ на содержаніе. Если Томскъ почему нибудь будетъ для него неудобенъ, то Ермоловъ просилъ переслать его въ Иркутскъ или Енисейскъ. Министръ передавалъ это требованіе на уваженіе Сперанскаго. Послѣдній, отъ 2 августа 1821 г., отвѣчалъ, что въ распоряженіи его нѣтъ никакихъ суммъ, изъ которыхъ онъ могъ бы производить содержаніе Гассанъ-Бею. Онъ находилъ также неудобнымъ отводить Гассанъ-Бею квартиру отъ обывателей, «ибо по не имѣнію казармъ, они и безъ того весьма много отягощены постоемъ находящагося тамъ баталіона и рекрутъ».

безпорочно, то не находя никакого препятствія къ удовлетворенію его просьбы, я прошу в. в.—діе сдѣлать распоряженіе о позволеніи означенному еврею Бенфельдъ имѣть проживаніе въ городѣ Иркутскѣ, на каковой конецъ включаю у сего и подлинную его просьбу». (Св. 42, № 210).

[1]) Св. 348, № 13.

Поэтому онъ просилъ Министра исходатайствовать Гассанъ-Бею по 3.000 р. въ годъ на содержаніе и особо по 500 р. на наемъ квартиры. Послѣднюю сумму онъ признавалъ, по дороговизнѣ квартиръ въ Томскѣ, необходимою для приличнаго жительства. «Что касается до назначенія мѣста пребыванія Гассанъ-Бея, прибавлялъ Сперанскій, то я считаю городъ Томскъ во всѣхъ отношеніяхъ къ тому удобнымъ и надежнымъ; почему съ симъ же вмѣстѣ предписалъ я Томскому гражданскому губернатору, оставивъ его въ Томскѣ, при снисходительномъ обращеніи имѣть за нимъ, подъ благовиднымъ однакожъ предлогомъ, ближайшій и строжайшій надзоръ». Въ предписаніи Илличевскому, однакожъ, Сперанскій сдѣлалъ приписку: «Если в. п. находите пребываніе Гассанъ-Бея почему либо не надежнымъ, то можете удалить его въ Енисейскъ или же перевести и въ Иркутскъ».

Сумма на содержаніе и квартиру Гассанъ-Бея была ассигнована по журналу комитета министровъ, Высочайше утвержденному 11 октября 1821 г. Но Илличевскій не нашелъ возможнымъ оставлять его въ Томскѣ; онъ доносилъ Сперанскому, что Томскъ для Гассанъ-Бея не совсѣмъ надежное мѣстопребываніе: въ предмѣстіи этого города находится магометанская мечеть; посѣщая ее вмѣстѣ съ татарами и бухарцами, Гассанъ-Бей имѣетъ случай съ ними знакомиться. Эти люди, по образу ихъ торговли, находятся въ близкихъ сношеніяхъ съ татарами, бухарцами и другими азіятскими обитателями, какъ постоянно живущими въ Семипалатинскѣ, лежащемъ на границѣ съ Киргизскими землями, такъ и временно туда пріѣзжающими изъ Бухары, Ташкента, Кокана и другихъ мѣстъ, смежныхъ съ персидскими владѣніями и близкихъ къ Грузіи. Если Гассанъ-Бей пріобрѣтетъ расположеніе татаръ и бухарцевъ (въ чемъ уже онъ отчасти и успѣлъ), то весьма вѣроятно, что посредствомъ ихъ сыщетъ знакомство и временно пріѣзжающихъ въ Семипалатинскъ для торгу азіятцевъ; а съ помощью тѣхъ и другихъ онъ можетъ пробраться за границу. Этому были и примѣры: 10 человѣкъ Шекинцевъ, сосланныхъ изъ Грузіи за непризнаніе законной власти, безъ всякихъ паспортовъ и видовъ ушли изъ Сибири чрезъ Семипалатинскъ въ свои жилища. По этимъ причинамъ полагалъ губернаторъ удалить его въ Иркутскъ; но отправленіемъ остановился потому только, что Гассанъ-Бей и служитель его имѣли нужду въ теплой одеждѣ.

Илличевскій могъ отправить Гассанъ-Бея въ Енисейскъ; но не отправилъ, какъ онъ доносилъ, потому, что тамъ было скучно и климатъ очень суровъ. Эти причины далеко не были лишены осно-

ванія; но могло быть и то, что Илличевскій просто трусилъ имѣть на своей отвѣтственности такого важнаго арестанта и потому постарался сбыть его съ рукъ подъ первымъ благовиднымъ предлогомъ.

Сперанскій предписалъ Илличевскому позаимствовать на теплую одежду Гассанъ-Бею и его служителю деньги или изъ приказа общественнаго призрѣнія, или изъ другихъ суммъ, съ возвратомъ, и отправить его въ Иркутскъ подъ надзоръ полиціи. Объ этомъ онъ тогда же увѣдомилъ графа Кочубея. «Удаленіемъ Гассанъ-Бея изъ Томска въ Иркутскъ, писалъ онъ министру, мѣра его ссылки перемѣняется: въ Иркутскѣ и климатъ непостояннѣе, и жить дороже [1])».

На содержаніе и одежду Гассанъ-Бея было израсходовано, при этой пересылкѣ, 1.107 р. 80 коп. Деньги эти были отпущены Илличевскому, съ тѣмъ, чтобъ онъ удержалъ ихъ изъ содержанія Гассанъ-Бея. Между тѣмъ Цейдлеръ, въ числѣ другихъ распоряженій по надзору за нимъ, предписалъ почтовой конторѣ представлять ему корреспонденцію Гассанъ-Бея. Въ январѣ 1822 г., Гассанъ-Бей просилъ Цейдлера отправить письмо къ его матери, правительницѣ Абхазіи, Тамарѣ Севербѣевой. Въ письмѣ заключалась просьба о присылкѣ необходимыхъ вещей. Цейдлеръ представилъ его Сперанскому. На донесеніи сдѣлана Сперанскимъ помѣтка: «докладывано Государю. Велѣно отправить къ Ермолову съ тѣмъ, чтобы онъ приказалъ доставить по адресу, если не встрѣтитъ никакихъ препятствій». Объ этомъ Сперанскій сообщилъ Ермолову 22 марта 1822 г.

Гассанъ-Бей пробылъ въ Иркутскѣ до 1828 года. Въ 1826 г. ему, въ уваженіе иркутской дороговизны, было прибавлено на содержаніе его 1.500 р. 27 ноября 1827 г. Бенкендорфъ объявилъ Лавинскому Высочайшее повелѣніе о возвращеніи Гассанъ-Бея на родину, по ходатайству тогдашняго владѣльца Абхазіи, кн. Шервашидзе, его племянника. Лавинскій, въ письмѣ къ Паскевичу отъ 7 января 1828 г. поручалъ Гассанъ-Бея его вниманію, «знавъ лично его благородныя качества и скромный нравъ, вовсе не схожій съ азіятскимъ» [2]).

Другой значительный ссыльный съ Кавказа былъ Брагунскій владѣлецъ Адиль-Гирей. По Высочайше утвержденному 18 декабря 1820 г. положенію комитета министровъ, онъ, за открытое Ер-

---

[1]) Отношеніе отъ 27 октября 1821 г.

[2]) Св. 34, № 29.

моловымъ преступленіе, убійство отца и двухъ братьевъ, лишенъ наслѣдственныхъ правъ и удаленъ на всегдашнее жительство въ Иркутскую губернію. Сперанскій, отъ 7 февраля, увѣдомилъ о томъ трехъ сибирскихъ губернаторовъ. Цейдлеръ распорядился отправить Адиль-Гирея въ Верхнеудинскъ, и, по неимѣнію распоряженія объ ассигнованіи ему суммы на содержаніе, отпускать ему по 20 коп. Сперанскій, по представленію объ этомъ Цейдлера, спрашивалъ графа Кочубея, отъ 15 марта 1822 г., нѣтъ ли о содержаніи Адиль-Гирея особаго положенія. 20 коп., по дороговизнѣ въ Иркутскѣ, было, по мнѣнію его, весьма недостаточно. Кочубей, отъ 2 марта 1822 г., р спорядился отпускать ему по 50 коп. въ сутки. Впослѣдствіи, уже при Лавинскомъ, Цейдлеръ просилъ о прибавкѣ Адиль-Гирею еще по 50 коп., но Лавинскій, отъ 27 іюля 1826 г., отвѣчалъ, что, по важности его преступленія, не можетъ ходатайствовать объ этомъ [1]).

Говоря о политическихъ ссыльныхъ того времени, нельзя не упомянуть объ Олеѣ. Исторія его довольно извѣстна. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ, ни съ того ни съ сего, вздумалъ образовать тайное общество въ Новороссійскомъ краѣ. Екатеринославская уголовная палата судила и осудила его «за предпринятую беззаконную дерзость учредить корпусъ, подъ названіемъ рыцаря Льва» и проч. Въ маѣ 1820 г., т. е. послѣ поѣздки за Байкалъ, Сперанскій началъ собирать свѣдѣнія объ Олеѣ и его соучастникахъ. Олей находился въ тяжкихъ работахъ на Нерчинскихъ заводахъ: о двухъ его товарищахъ не нашлось никакихъ свѣдѣній; двое находились въ Тобольской губерніи, а остальные въ Иркутской. Намъ неизвѣстно, съ какою цѣлью собирались эти свѣдѣнія [2]).

Къ числу благодѣяній, которыми ознаменовалось управленіе Сперанскаго Сибирью, принадлежали, между прочимъ, и милости ссыльнымъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ объ этихъ милостяхъ только немногія и притомъ весьма отрывочныя свѣдѣнія. Мы знаемъ, напримѣръ, что большая часть ихъ послѣдовала 26 января 1822 г.,—въ одно время съ другими важными распоряженіями, бывшими результатомъ ревизіи Сперанскаго.

Въ числѣ ссыльныхъ, которые воспользовались милостью по представленіямъ Сперанскаго, были, между прочимъ, два брата Семчевскіе. Одинъ изъ нихъ былъ прежде провинціальнымъ секретаремъ, другой лекаремъ. Они были сосланы за взятки въ Вологод-

[1]) Св. 34, № 27.

[2]) Св. 62, № 17.

ской губернін въ 1782 и 1783 г. при наборѣ рекрутъ: первый въ каторгу, а послѣдній на поселеніе. Оба они пользовались уваженіемъ въ Иркутскѣ, особенно лекарь. Объ нихъ уже и прежде представляло губернское начальство [1]). Въ апрѣлѣ 1804 г. бывшему лекарю, Михайлу Семчевскому, Высочайше разрѣшено производить практику, если по искусству его и общей къ нему довѣренности достоинъ [2]).

Другаго брата, Якова Семчевскаго, еще въ 1798 г., разрѣшено было помѣстить въ тельминскую фабрику въ качествѣ бухгалтера, но безъ выслуги. Онъ потомъ былъ уволенъ отъ этой должности по слабости здоровья и пропитывалъ себя и шестерыхъ дѣтей посильными трудами. Двое сыновей его были уже зачислены въ подушный окладъ. Пестель нѣсколько разъ хлопоталъ о прощеніи Семчевскихъ, но безуспѣшно. Въ 1820 г. министръ юстиціи обратился къ Сперанскому съ запросомъ о Яковѣ Семчевскомъ. Сперанскій отвѣчалъ, 30 іюня 1820 г., что онъ, имѣя скромное поведеніе, заслуживаетъ состраданіе въ полной мѣрѣ. Сперанскій просилъ о прощеніи Семчевскаго, который достаточно уже наказанъ за вину свою и загладилъ оную многолѣтнимъ страданіемъ. Онъ просилъ исключить дѣтей Семчевскаго изъ подушнаго оклада. Притомъ онъ воспользовался случаемъ представить и о Михаилѣ Семчевскомъ. «Сей несчастный, отличающійся въ медицинѣ, рѣдкимъ усердіемъ на помощь больнымъ и примѣрнымъ поведеніемъ, остается до сего времени въ тягостнѣйшемъ для него положеніи, тогда какъ сосланные по одному съ нимъ дѣлу давно прощены и возвращены на родину». Сперанскій просилъ исходатайствовать и ему прощеніе, съ возвращеніемъ свободы и прежняго званія. О возвращеніи ихъ изъ Сибири и объ исключеніи изъ оклада двухъ сыновей Якова Семчевскаго послѣдовалъ Высочайшій указъ, изъясненный въ указѣ сената 10 января 1821 г. [3]).

Но Сперанскій снова ходатайствовалъ за Якова Семчевскаго, который уже обжился въ Сибири и имѣлъ большое семейство. По Высочайше утвержденному 26 января 1822 г. положенію сибирскаго комитета, ему разрѣшена выслуга въ чинахъ, *но единственно въ Сибири* [4]). Тогда же и на тѣхъ же условіяхъ разрѣшено было вступить на службу коллежскому ассесору Мореллѣ и провіантскому

---

[1]) Св. 32, № 6. Щукинъ.
[2]) Св. 32, № 6.
[3]) Св. 32, № 6.
[4]) Послѣднія слова прибавлены собственноручно Императоромъ.

коммисіонеру Гагину, которые были по суду навсегда удалены отъ службы [1]).

Въ числѣ ссыльныхъ, получившихъ помилованіе 26 января 1822 г., находился нѣкто Карлъ Фрейденбергъ, бывшій за что то въ каторжной работѣ на Нерчинскихъ заводахъ. Ему Высочайше разрѣшено было «начать службу по Нерчинскому горному заводу съ выслугою». Горное начальство и прежде употребляло его въ качествѣ учителя французскаго и нѣмецкаго языковъ и рисованія. Теперь оно утвердило его въ этомъ званіи, но назначило ему жалованья только 200 р. въ годъ. Фрейденбергъ обратился къ Сперанскому съ нѣмецкимъ письмомъ, которое въ канцеляріи Сперанскаго было переписано латинскимъ почеркомъ. Въ письмѣ онъ объяснялъ невозможность содержаться на эту сумму. Не желая поступать въ другой родъ службы по горному вѣдомству, «хотя на то и имѣетъ теперь дарованное право, Фрейденбергъ просилъ увеличить ему жалованье до оклада уѣзднаго учителя». «Имѣя всегда о семъ просителѣ лучшіе отзывы, и во время моего обозрѣнія Нерчинскаго округа удостовѣрившись лично въ его хорошемъ поведеніи, способностяхъ и той пользѣ, какую онъ приноситъ познаніями и усердіемъ своимъ образованію дѣтей, въ краѣ, столь отдаленномъ»,—Сперанскій, отъ 21 іюля 1822 г., передавалъ просьбу Фрейденберга на уваженіе министра финансовъ. Графъ Гурьевъ распорядился прибавить Фрейденбергу 100 р. и предоставилъ мѣстному начальству увеличить жалованье ему даже до 400 р. [2]).

Всѣхъ позже и очень незначительно была облегчена участь несчастнаго Передовщикова. Мы уже видѣли, что Передовщиковъ находился въ Нерчинскомъ большомъ заводѣ и что въ концѣ 1818 г. Пестель собирался что-то для него сдѣлать. Прошло болѣе года. Въ Сибири давно уже былъ другой правитель, а судьба Передовщикова не измѣнялась: Ему было уже тогда 60 лѣтъ. Не знаемъ, отправилъ ли онъ съ почтой, или приготовилъ, для подачи лично Сперанскому, записку, помѣченную 19 февраля 1820 г. Въ этой запискѣ [3]) онъ излагалъ обстоятельства, возбудившія гоненія на него Трескина и Пестеля, и просилъ заступничества Сперанскаго. Во время посѣщенія Сперанскимъ Нерчинскаго большаго завода, Передовщиковъ, повидимому жившій на свободѣ, опоздалъ къ нему явиться. Въ письмѣ къ Сперанскому, отъ 16 декабря 1820 г., онъ

---

[1]) Св. 33, № 7.

[2]) Св. 349, № 33.

[3]) См. приложеніе.

жаловался на это несчастіе и просилъ Сперанскаго, по пріѣздѣ въ Петербургъ, обрадовать его семейство извѣстіемъ, что онъ еще живъ, доставить женѣ его письма и руководить сына его, «младенца». Въ дѣлѣ находится письмо Передовщикова къ женѣ, Елизаветѣ Петровнѣ (отъ октября, безъ означенія числа и года). Передовщиковъ просилъ жену «пасть» съ малолѣтними дѣтьми «къ ногамъ» Сперанскаго, и просить его быть ходатаемъ за нихъ. Если это письмо,—то самое, о доставленіи котораго Передовщиковъ просилъ Сперанскаго, то понятно, почему оно не было доставлено. Есть также проектъ всеподданнѣйшей просьбы отъ имени сына Передовщикова; въ этомъ проектѣ, между прочимъ, сказано, что сенатъ рѣшительнымъ опредѣленіемъ, постановленнымъ въ 1810 г., открылъ невинность Передовщикова. Несмотря на всѣ просьбы Передовщикова и, безъ сомнѣнія, ходатайство его семейства, только 3 августа 1822 г. состоялся слѣдующій Именной указъ сенату: «Снисходя, къ престарѣлости находящагося, по приговору уголовнаго суда, за злоупотребленія по Иркутскому винному откупу, въ работѣ при Нерчинскихъ заводахъ, бывшаго коммерціи совѣтникомъ, Козьмы Передовщикова, повелѣваемъ освободить его отъ оной работы, но оставить на жительствѣ въ Иркутской губерніи».

Черезъ три года, Передовщиковъ снова попытался напомнить о себѣ. 13 іюня 1825 г. онъ послалъ къ Лавинскому письмо, съ запиской о своемъ положеніи, и просилъ повергнуть на Высочайшее воззрѣніе его всеподданнѣйшую просьбу. Во всѣхъ этихъ бумагахъ нѣтъ ничего любопытнаго, кромѣ того, что всеподданнѣйшая просьба, въ поллиста кругомъ, была вся написана печатнымъ шрифтомъ—плодъ искусства какого нибудь заводскаго артиста. Передовщиковъ хлопоталъ о возвращеніи ему званія коммерціи совѣтника. Просьба его оставлена безъ движенія. Дальнѣйшая участь его намъ неизвѣстна [1]).

---

[1]) Св. 33, № 15.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дѣла объ инородцахъ.—Буряты: управленіе, христіанство, земледѣліе.— Сѣверные инородцы.—Чукчи.—Киргизы.

Коренные обитатели Сибири, инородцы разныхъ племенъ, находились въ особенныхъ условіяхъ. Правительство, по мѣрѣ покоренія инородцевъ, облагало ихъ ясакомъ, но не вмѣшивалось въ ихъ внутреннія дѣла, оставляло имъ прежній порядокъ управленія и домашній самосудъ. У бурятъ были родовыя конторы изъ зайсанговъ подъ предсѣдательствомъ главнаго тайши; остяки и др. имѣли сборныя или сугланныя мѣста, гдѣ взносился ясакъ и разбирались, подъ руководствомъ князцовъ, волостныя дѣла; якуты управлялись князцами по родамъ, наслѣгамъ и улусамъ. Тяжебныя и уголовныя дѣла, кромѣ важнѣйшихъ, рѣшались по обычаямъ и степнымъ законамъ. Подати (ясакъ) они платили на особенномъ основаніи; отъ рекрутской повинности были свободны. Утративъ свободу политическую, о которой они, впрочемъ, едвали имѣли и понятіе, инородцы въ значительной степени сохраняли гражданскую свободу. Нѣкоторые и въ политическомъ смыслѣ находились въ особенныхъ отношеніяхъ къ правительству, потому что не были покорены оружіемъ, а вступили въ подданство по особымъ договорамъ. Права и обязанности инородцевъ опредѣлялись какъ этими договорами, такъ и разными отдѣльными указами, но не были собраны въ одно цѣлое и не представляли никакой общей системы. Только инструкція Щербачеву 1763 г. (о ясакѣ) нѣсколько полнѣе опредѣляла права и обязанности инородцевъ. Недостатокъ точныхъ правилъ производилъ большую или меньшую запутанность въ отношеніяхъ между инородцами и мѣстнымъ начальствомъ. Эта запутанность еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что инородческія управленія подчинялись земской полиціи на томъ же основаніи, какъ и волостныя правленія. Земская полиція, пользуясь незнаніемъ инородцами своихъ правъ, а иногда и сама не зная ихъ въ точности, позволяла себѣ разныя злоупотребленія. Съ другой стороны, въ глазахъ нашего правительства, инородческіе родоначальники имѣли слишкомъ преувеличенное значеніе слова: *главный тайша, ханъ, князецъ* звучали гораздо громче того, чего они дѣйствительно стоили. Въ матеріальномъ и умственномъ отношеніи высшая степень раз-

витія русскаго племени надъ инородческими племенами была причиною, что инородцы, хотя весьма медленно, но постоянно усвоивали, частью внѣшнія стороны русскаго быта: дома, хлѣбопашество, сѣнокошеніе, — частью внутреннія: христіанскую религію, нравственныя понятія и т. под.

Особенность гражданскаго положенія инородцевъ, время отъ времени, подавала поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и вопросамъ. Такъ, во время Сперанскаго, сенатъ, по одному дѣлу предлагалъ сибирскому начальству вопросъ о томъ, какому наказанію должно подвергать Якутовъ за кражу скота. Сперанскій, отъ 19 ноября 1819 г., отвѣчалъ, что онъ находитъ «правильнымъ и совершенно достаточнымъ» мнѣніе мѣстнаго начальства, чтобы разборъ и рѣшеніе дѣлъ этого рода были предоставлены, на основаніи коренныхъ узаконеній объ инородцахъ, ихъ родоначальникамъ. Впослѣдствіи, на вопросъ якутскаго областнаго правленія, онъ пояснилъ, 5-го іюля 1820 г., — что якуты, проживающіе въ городѣ, въ случаѣ кражи скота, должны подлежать разбирательству городской полиціи [1]).

Взглядъ Сперанскаго на инородцевъ выражается, между прочимъ, въ слѣдующемъ случаѣ. Въ 1818 г., двѣнадцати камчадальскимъ родоначальникамъ были пожалованы медали. За нихъ слѣдовало заплатить въ казну 300 р. Сперанскій, посылая медали къ Рикорду, 30-го сентября 1819 г., предоставилъ ближайшему его усмотрѣнію: а) остановиться выдачею медалей тѣмъ изъ родоначальниковъ, которые, послѣ представленія объ нихъ, сдѣлались почему либо недостойными Высочайшей награды, и б) еслибы Рикордъ призналъ, что взысканіе съ Камчадалъ денегъ будетъ для нихъ, при настоящемъ ихъ положеніи, отяготительно «или съ мыслями ихъ не сообразно», то деньги эти уплатить изъ экстраординарной суммы. Рикордъ 11-ти родоначальникамъ (одинъ умеръ) объявилъ эту, «въ первый разъ излившуюся» на камчадалъ, милость торжественно въ церквахъ. Взысканіе денегъ, по его мнѣнію, было бы обременительно для Камчадалъ, и особенно несогласно съ ихъ понятіями; онъ отослалъ деньги въ комптетъ изъ экстраординарной суммы [2]). Въ 1822 г., гр. Кочубей, не получая увѣдомленія объ отсылкѣ денегъ, обратился къ Сперанскому съ требованіемъ о скорѣйшемъ взысканіи ихъ. «Въ свое время, отвѣчалъ ему Сперанскій отъ 7-го іюля 1822 г., я представлялъ объ отмѣнѣ

---

[1]) Св. 347, № 4.
[2]) Св. 180, № 7.

сего взысканія и, сколько припомнить могу, послѣдовало общее Высочайшее повелѣніе, дабы, при подобныхъ подаркахъ и отличіяхъ, съ Азіятскихъ народовъ взысканія не производить. За отправленіемъ въ Сибирскія губерніи большею части дѣлъ, я не могу съ точностью означить всей переписки о семъ происходившей; но причины, мною представленныя (о коихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ можно будетъ справиться), состояли кратко въ слѣдующемъ: 1) что несходно съ правами и образомъ мыслей кочующихъ народовъ платить деньгами за такія награды, кои получаютъ они отъ Государя Императора за услуги, ими оказанныя; 2) что платежъ 25 руб., для камчадала, есть весьма важная издержка, коей удовлетворить онъ рѣдко бываетъ въ состояніи. Законное взысканіе съ него сихъ денегъ повело бы къ принужденной продажѣ его имущества и слѣдовательно услуга, имъ оказанная, и награда ему сдѣланная обратилась бы ему въ раззореніе; а изъ сего легко могло бы произойти, что люди сіи стали бы избѣгать наградъ, вмѣсто того что доселѣ находили они въ нихъ поощреніе» [1]).

Однимъ изъ самыхъ многочисленныхъ инородческихъ племенъ въ Сибири, тогда, какъ и въ настоящее время, были буряты. Они занимали большую часть Забайкалья и Иркутскій и Нижнеудинскій уѣзды. Сперанскій имѣлъ случай узнать близко бытъ этихъ инородцевъ, посѣтивъ, въ свою Забайкальскую поѣздку, самыя типическія ихъ племена,—Селенгинское и особенно Хоринское. Онъ оставилъ намъ коротенькій, но любопытный очеркъ бурятскаго быта. «Буряты вообще трезвы, пишетъ онъ въ своемъ Дневникѣ, но бѣдны и неопрятны, и притомъ большую часть зимы и лѣта праздны. Они питаются: 1) чаемъ кирпичнымъ, 2) молокомъ квашеннымъ, родомъ сыворотки, остающейся отъ лѣтней ихъ роскоши, отъ молочнаго кумысу (аракь). Сію сыворотку (арца) они замораживаютъ и хранятъ въ кадкахъ. Ее разогрѣваютъ и кладутъ паренную (?), 3) ярицу, 4) сараною, которую также на зиму сушатъ, 5) *Мингиремъ*,—родъ луковичнаго корня, 6) мясомъ, которое бьютъ осенью и сохраняютъ на зиму въ землѣ, а богатые въ погребахъ, но никогда не солятъ. Никогда и весною не бьютъ маленькихъ барашковъ, по нѣкоторому состраданію; мерлушку собираютъ съ мертвечины.—Женщины ихъ вообще безобразны; но каждая почти имѣетъ косы, переплетенныя кораллами, кои называются *шурунами* или *маржанами* (маржанами называютъ ихъ греки). Ихъ привозятъ отъ Макарья и крупные продаются до

[1]) Св. 349, № 42.

300 руб. фунтъ. На тайшихѣ навѣшано ихъ до полупуда. Сими же маржанами украшаютъ мужчины шапки и поясы. Самый бѣдный имѣетъ ножъ и огниву, украшенную насѣчкою и маржанами.» Онъ замѣтилъ также роскошную одежду знатныхъ буряток, красивое убранство юрты хоринскаго тайши, и искуство бурятъ въ разныхъ мелочныхъ подѣлкахъ [1]).

Обширная Хоринская степь издавна была населена многолюднымъ бурятскимъ племенемъ, соединеннымъ подъ властью одного правителя. Хоринцы, пользуясь сосѣдствомъ съ Монголіей, сохраняли извѣстную степень независимости. Они даже откочевывали иногда за границу по неудовольствіямъ на наше правительство. Поэтому правительство старалось держать себя въ отношеніи къ нимъ какъ можно осторожнѣе и мягче. Правленіе у нихъ было аристократическое. Власть находилась въ рукахъ нѣсколькихъ семействъ, которые враждовали между собой изъ за первенства. Должность главнаго родоначальника, или главнаго тайши, была избирательная, пожизненная; на дѣлѣ она обращалась иногда въ наслѣдственную. Во время Сперанскаго, главнымъ тайшей былъ Дымбылъ Голсоновъ. Это была замѣчательная личность. Въ 1815 г., 17-ти лѣтъ отъ роду, онъ, по смерти своего отца, былъ выбранъ въ главные тайши, не столько, по словамъ Трескина, по праву наслѣдства, сколько по единогласному выбору всѣхъ родовъ, потому что подавалъ большія надежды по своимъ способностямъ. Трескинъ такъ описываетъ его управленіе въ одной изъ своихъ записокъ. «Со вступленіемъ Дымбыла Голсонова въ управленіе сдѣлалась ощутительная перемѣна въ Хоринскихъ родахъ. Не оставляя совершенно своихъ обычаевъ, но соблюдая благоразумную осторожность и умѣренность, онъ домашній кочевой и неопрятный образъ жизни своей перемѣнилъ на русскій; построилъ себѣ прекрасный домъ; ввелъ весь порядокъ, благоустроенному дому приличный; началъ учиться русской грамотѣ, носить нѣмецкое платье и проч.» однимъ словомъ, онъ захотѣлъ быть преобразователемъ своего народа. Голсоновъ нашелъ подражателей. Въ то же время онъ былъ отличный правитель, въ Трескинскомъ смыслѣ: у него все было исправно; подати и повинности платились своевременно; почтовые дома, дороги содержались въ порядкѣ. Въ 1815 г., онъ оказалъ значительную услугу экстренною перевозкой хлѣба въ голодавшій Нерчинскій край; въ

[1]) Дневникъ.

1817 г. выстроилъ больницу и гостиницу при Туркинскихъ минеральныхъ водахъ [1]).

Кромѣ того, Голсоновъ выказывалъ расположеніе къ христіанству.

Но, повидимому, Голсоновъ, какъ и многіе преобразователи, родился слишкомъ рано. Его реформы, хотя совершенно еще пока внѣшнія, возбуждали народное неудовольствіе. Это неудовольствіе еще болѣе разжигали, съ одной стороны, соперничавшіе съ родомъ Голсонова семейства; съ другой—ламы, которымъ не могла нравиться наклонность Голсонова къ христіанству, а съ третьей—чрезвычайное лихоимство самого Голсонова. Чтобы жить по русскимъ обычаямъ, и притомъ жить владѣтельнымъ княземъ, нужны были большія средства. Голсоновъ, разумѣется, извлекалъ ихъ изъ народа. Наконецъ, въ 1818 г., народное неудовольствіе возросло до чрезвычайной степени. Голсоновъ разтратилъ 54.000 р. общественныхъ денегъ. Общество простило ему половину, а 25.073 р. 42 к. оставило на немъ. Въ то же время роды постановили—отрѣшить его отъ должности. Самъ онъ, въ письмѣ къ исправнику (Геденштрому), сознавался въ безпорядкахъ и отказывался отъ званія главнаго тайши. Трескинъ, въ рапортѣ Пестелю отъ 15-го мая 1818 г., писалъ, что главныя причины неудовольствія бурятъ противъ Голсонова,—«его молодость, неосторожность, самовластіе, слишкомъ скоропостижный переходъ изъ бурятскаго въ русскій и роскошный образъ жизни»—и кромѣ того, «неисправность по службѣ и неуваженіе къ обычаямъ». Однимъ словомъ, Трескинъ скорѣе защищалъ, нежели обвинялъ Голсонова. Это не помогло: Галсоновъ былъ отрѣшенъ и преданъ суду. Но онъ нашелъ въ Петербургѣ защитника. Князь Голицынъ, до котораго, вѣроятно, дошли свѣдѣнія о намѣреніи Голсонова принять христіанство, потребовалъ отъ Пестеля свѣдѣній, по какому случаю Голсоновъ «внезапно смѣненъ и какія на этотъ предметъ существуютъ правила». Трескинъ по этому поводу представилъ любопытную и весьма обстоятельную записку [2]). Между тѣмъ Пестель представилъ князю объясненіе отъ себя. Онъ получилъ грозный отвѣтъ. «Его Величество, писалъ ему князь Голицынъ, съ неудовольствіемъ изволилъ замѣтить таковой поступокъ мѣстнаго начальства съ симъ тайшею, извѣстнымъ по многимъ похвальнымъ качествамъ и дѣяніямъ своимъ, по которымъ обращено было на него Высочайшее вниманіе.

---

[1]) Св. 109, № 39.
[2]) Св. 101, № 2.

Желаніе его, ввести лучшіе обычаи между управляемыми имъ Хоринскими родами братскихъ, способствовать къ ихъ образованію, и расположеніе его нѣкоторымъ образомъ даже и къ христіанскому ученію, могли, безъ сомнѣнія, многимъ изъ нихъ первоначально казаться странными и непріятными; но христіанскому ли начальству слѣдовало немедленно удовлетворить симъ пристрастнымъ требованіямъ возмутителей общаго порядка; и даже лишить званія своего главнаго тайшу толь значительнаго племени братскихъ народовъ, не испросивъ на сіе напередъ высшаго соизволенія, тѣмъ паче, что Дымбылъ Голсоновъ имѣлъ счастіе сдѣлаться извѣстнымъ Государю Императору, по упомянутымъ выше причинамъ. По сему Его Императорскаго Величества Высочайшая воля есть, дабы оный Дымбылъ Голсоновъ немедленно возстановленъ былъ въ званіе и должность главнаго тайши и освободить изъ подъ суда, которому преданъ былъ по тѣмъ же самымъ не основательнымъ причинамъ» [1].

Это Высочайшее повелѣніе произвело страшный переполохъ въ Иркутскѣ. По показанію Тюменцева, опасались, что Хоринцы, узнавъ о такомъ распоряженіи, или возмутятся или уйдутъ за границу [2]. «Дабы Высочайшая воля приведена была въ исполненіе съ особенною осторожностью и благоразуміемъ, и дабы съ тѣмъ купно были прекращены единожды на всегда взаимныя неудовольствія», — Трескинъ поручилъ исполненіе ея даровитѣйшему изъ своихъ чиновниковъ, Бѣлявскому, который находился тогда за Байкаломъ [3]. Но Бѣлявскій вслѣдъ за тѣмъ сошелъ съ ума. По этому Трескинъ поручилъ Геденштрому и мѣстному стряпчему ввести Голсонова въ должность. Они исполнили это въ іюнѣ 1819 г. [4]) безъ всякаго затрудненія.

Въ такомъ положеніи находились дѣла при вступленіи Сперанскаго въ управленіе Сибирью. Голсоновъ, какъ человѣкъ ловкій, тотчасъ явился въ Иркутскъ, представиться новому начальнику. При отъѣздѣ его, Сперанскій далъ слѣдующее предписаніе исправлявшему должность исправника Красильникову: «Возвращающемуся отсюда главному Хоринскихъ родовъ тайшѣ г. титулярному совѣтнику Дымбелу Голсонову, яко чиновнику въ семъ званіи Государемъ Императоромъ утвержденному, вы имѣете оказывать

---

[1]) Св. 101, № 2. Отнош. 25 марта 1819 года.
[2]) Тюменцевъ, Записки.
[3]) Донес. Трескинъ 14 мая 1819 г.
[4]) Св. 101, № 2.

по всѣмъ дѣламъ его законную защиту и пособіе» [1]). Но это предписаніе, повидимому, мало помогло Голсонову. Неудовольствіе противъ него не прекращалось. Буряты ли снова собирались жаловаться на Голсонова и запасались денежными средствами, самъ ли Голсоновъ старался вознаградить себя за невольное бездѣйствіе,— но по родамъ начались поборы. Народъ не слушался Голсонова. «До свѣдѣнія моего доходитъ, писалъ Сперанскій Зеркалееву 10 января 1820 г., что въ родахъ хоринскихъ бурятъ возникаетъ неповиновеніе къ ихъ тайшѣ Голсонову и сверхъ того производятся съ родовичей незаконные поборы. Я поручаю вамъ, не производя о семъ формальнаго слѣдствія, прежде всего подъ рукою безъ огласки въ семъ удостовѣриться и донести мнѣ въ истинѣ и подробности, сколько можно поспѣшнѣе. Незаконные же сборы, еслибы дѣйствительно они происходили, немедленно остановить» [2]).

Въ февралѣ того же года, Сперанскій пріѣхалъ въ Верхнеудинскъ. Его прежде всего встрѣтили безчисленныя взаимныя жалобы родоначальниковъ [3]). Слѣдствіемъ этихъ жалобъ и собранныхъ слѣдственною коммисіею свѣдѣній были особенныя мѣры къ устройству внутренняго управленія хоринцевъ. По возвращеніи изъ Нерчинскаго края въ Верхнеудинскъ, Сперанскій 5-го марта 1820 г. собралъ главныхъ хоринскихъ родоначальниковъ въ слѣдственную коммисію, произнесъ предъ ними рѣчь [4]), и далъ слѣдующее предписаніе «главному тайшѣ, тремъ частнымъ тайшамъ и Анинской конторѣ».

«Изъ дѣлъ, производящихся сперва въ Иркутской слѣдственной коммисіи, а потомъ и въ Верхнеудинскомъ ея отдѣленіи, усмотрѣвъ важные безпорядки и злоупотребленія въ бывшемъ доселѣ хоринскихъ родовъ управленіи, я считаю нужнымъ, для пресѣченія сихъ безпорядковъ на будущее время, составить общее и подробное объ управленіи сихъ родовъ положеніе, въ коемъ означены будутъ съ точностью предѣлы власти какъ главнаго тайши, такъ и частныхъ тайшей и родоначальниковъ, образъ дѣйствій Анинской конторы и обязанности ея въ судѣ, расправѣ и сборѣ народныхъ повинностей.

«Между тѣмъ, доколѣ собраны будутъ всѣ принадлежащія къ

---

1) Св. 72, № 6. Предп. 2 декабря 1819 г.

2) Св. 101, № 2.

3) Корфъ.

4) Дневникъ. При этомъ Сперанскій замѣчаетъ объ уваженіи инородцевъ къ присягѣ, что виновный рѣдко рѣшится принять ее, и что ламы, передъ присягою, дѣлаютъ увѣщаніе присягающему.

сему положенію свѣдѣнія, считаю нужнымъ къ немедленному исполненію главнаго тайши, частныхъ тайшей и конторы, предписать слѣдующее:

«1) Прекратить непомѣрныя, доселѣ бывшія издержки на содержаніе конторы, равно и на такъ называемые частные расходы и на съѣстные припасы для членовъ ея.

«2) Составить примѣрное положеніе о всѣхъ правильныхъ и необходимыхъ издержкахъ, какъ самой конторы, такъ и внутренняго частнаго управленія, и представить оное мнѣ на утвержденіе.

«3) Ограничить такъ называемыя сугланныя издержки и каждому родоначальнику съ его старшинами на время сего собранія не полагать болѣе, какъ одного быка отъ каждыхъ пятисотъ душъ.

«4) Изъ подлинныхъ конторскихъ счетныхъ книгъ открывается, что старшинами и родоначальниками изъ народныхъ сборовъ взимаемы были, на подарки и другіе противузаконные расходы, значительныя суммы. О количествѣ сихъ суммъ и о мѣрѣ взысканія ихъ составляется въ коммисіи подробный разсчетъ. Между тѣмъ поелику изъ дѣлъ открывается, что въ сихъ злоупотребленіяхъ наиболѣе или дѣломъ, или совѣтомъ участвовали: 1) Зайсанъ Намжилъ Моховъ; 2) Депутатъ Ваинилъ Арсолоновъ, и 3) Зайсанъ Далаіі Докбаевъ (который уже и прежде за поступки его губернскимъ правительствомъ отрѣшенъ былъ отъ званія Зайсана, а по рѣшенію Аинской конторы удаленъ былъ подъ присмотръ Зайсана Ирдыноя Цыдынова на рѣку Хилокъ), то о семъ послѣднемъ привести прежнее постановленіе въ полное дѣйствіе, а первыхъ двухъ отъ должностей ихъ нынѣ же отрѣшить.

«5) Безъ письменнаго народнаго согласія, предъявленнаго и засвидѣтельствованнаго въ конторѣ, отнюдь не удерживать отъ запродаваемой родовичами въ казну бѣлки или другихъ избытковъ ихъ промышленности и скотоводства, слѣдующія имъ деньги. Изъ сего исключается тотъ только случай, когда состоитъ на комъ либо казенная недоимка, или время ко взносу податей сближается. Въ семъ случаѣ контора имѣетъ право, слѣдующія въ подать деньги остановить,—но не иначе, какъ сдѣлавъ точный разсчетъ и составленный о томъ приговоръ объявивъ тому, кому принадлежатъ деньги.

«6) Изъ многочисленныхъ жалобъ, принесенныхъ отъ братскихъ разныхъ родовъ и подлинныхъ приказовъ за подписаніемъ тайшей ихъ и прочихъ родоначальниковъ ими представленныхъ, открывается, что по наряду безъ всякой платы употребляютъ они ихъ въ разныя работы для собственной пользы, какъ то: принуж-

даютъ ихъ обработывать свои пашни, производить сѣнокошеніе на собственныхъ своихъ покосахъ, огораживать ихъ жилища, перевозить ихъ юрты съ одного кочевья на другое и вообще употребляютъ родовичей въ собственныя свои различныя сельскія работы, удерживаютъ ихъ многія лѣта въ услуженіи безъ платы, отбираютъ сѣно, скотъ и проч. и наконецъ безъ всякаго судебнаго по ихъ обычаямъ приговора жестоко наказываютъ, чему изъ дѣлъ въ разсмотрѣніи коммисіи бывшихъ многіе обнаруживались примѣры. Коммисія по всѣмъ симъ жалобамъ не оставитъ сдѣлать свое постановленіе. Между тѣмъ, если подобныя симъ злоупотребленіямъ снова гдѣ либо возникнутъ и контора не приметъ мѣръ къ пресѣченію ихъ, то члены ея не только будутъ отрѣшены, но и преданы суду уголовному за попущеніе и послабленіе.

«7) Для разсмотрѣнія частныхъ жалобъ, въ коммисію вошедшихъ и собственно разбору конторы подлежащихъ, открыть временное ея присутствіе здѣсь въ Верхнеудинскѣ, составивъ оное, подъ предсѣдательствомъ главнаго тайши, изъ частныхъ тайшей и изъ депутатовъ, здѣсь находящихся, подъ надзоромъ коммисіи или одного изъ членовъ ея, который будетъ къ сему уполномоченъ. Жалобы сіи должны быть здѣсь разсмотрѣны и рѣшены по законамъ и обычаямъ бурятскимъ, кратко, безъ обширнаго письмоводства, въ теченіи одного мѣсяца. Въ семъ присутствіи, такъ какъ и вообще конторѣ, рѣшить дѣла по большинству голосовъ.

«8) Монголо-Бурятское письмо, по своимъ неизмѣннымъ буквамъ, имѣетъ единообразные почти почерки, а потому рукоприкладство ихъ не имѣетъ тѣхъ различій, какія находятся въ подписи россійскими буквами, и для того ставили Буряты предъ симъ *знаки своихъ рукъ*—лукъ со стрѣлой, или какую либо другую, присвоенную тому лицу фигуру, собственно имъ вездѣ и всегда употребляемую. Когда же нынѣ стали буряты, подражая русскимъ, прикладывать одну подпись безъ знаковъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ возникли и ложныя подписи. Для прекращенія сего зла, происходящаго отъ самаго свойства единообразныхъ и неизмѣняемыхъ никакими прибавочными почерками буквъ, признается необходимымъ всѣмъ должностнымъ Бурятскимъ старшинамъ и самимъ тайшамъ имѣть каждому особливую свою собственно, ему принадлежащую печать, которую и должны они отнынѣ впредь прикладывать ко всѣмъ исходящимъ бумагамъ, вмѣстѣ съ рукоприкладствомъ. Въ случаѣ же незнанія грамоты, подъ печатью прикладываетъ подписи грамотный для того, что иногда по печати нельзя бываетъ узнавать точнаго подписателя или дѣйствительнаго рукоприкладчика.

«9) Отнынѣ впредь полагается ограничить подводы при разъѣздахъ по должностямъ и давать главному тайшѣ 4, младшимъ по 3, а всѣмъ прочимъ депутатамъ и родоначальникамъ по 2 лошади, разумѣя кромѣ проводниковъ. Въ случаѣ же взиманія излишнихъ подводъ они должны платить прогоны по указамъ.

«10) Исканіе нѣкоторыхъ частныхъ тайшей и зайсановъ о перемѣнѣ главнаго тайши, яко неосновательное, оставляется безъ уваженія; иски же на него предъявленные, по разсмотрѣніи ихъ въ коммисіи, рѣшены будутъ по законамъ безъ послабленія» [1]).

Такимъ образомъ мысль—дать инородцамъ новое учрежденіе—уже возникла въ умѣ Сперанскаго. Между тѣмъ онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы существующій порядокъ исполнялся съ возможно меньшимъ отягощеніемъ для инородцевъ. Тотчасъ по полученіи приведеннаго выше предписанія, Хоринская главная контора представила на утвержденіе его росписаніе о расходахъ по управленію на 1820 г. По росписанію назначено было 22.069 р. 26 коп. Сперанскій нашелъ, что эта сумма «въ сравненіи съ расходами минувшихъ лѣтъ, до 100.000 р., а иногда и болѣе простиравшимися, весьма умѣренна». Поэтому онъ утвердилъ росписаніе, съ тѣмъ, чтобы никакихъ уже болѣе денежныхъ сборовъ ни на контору, ни на внутреннее частное управленіе, отнюдь не было собираемо, и возложилъ это на отвѣтственность главнаго тайши [2]). «Росписаніе это, тогда же писалъ онъ Зеркалееву, утверждено мною на сей годъ единственно по необходимости и потому, что запутанность сего родоваго управленія не дозволила войти во всѣ его подробности; а между тѣмъ расходы не терпятъ отлагательства. Какимъ же образомъ на будущее время росписанія таковыя должны быть составляемы и въ какомъ порядкѣ они имѣютъ быть разсматриваемы и утверждаемы, о томъ извѣстно будетъ въ подробномъ объ управленіи Хоринскихъ родовъ положеніи» [3]). Вслѣдъ за тѣмъ онъ распорядился, чтобы вмѣсто 12-ти сугланныхъ избъ, содержаніе которыхъ значительно увеличивало расходы на управленіе, оставлено было только пять [4]).

Извѣстно, что первоначальная мысль Сперанскаго, дать особое положеніе для управленія Хоринцами, уступила въ послѣдствіи мѣсто болѣе обширному плану—создать общее учрежденіе объ

[1]) Св. 26 № 7. Предписаніе это, данное въ Верхнеудинскѣ, гдѣ у Сперанскаго не было канцеляріи, очевидно писано не имъ. Не писалъ ли его Игумновъ, которому бытъ Хоринцевъ былъ хорошо извѣстенъ?

[2]) Св. 26 № 7. Предп. 8 апрѣля 1820 г. № 240.

[3]) Св. 26, № 1. Предп. 8 апрѣля 1820 г. № 240.

[4]) Св. 26, № 7. Предп. упр. губ. 2 іюня 1820 г. № 389.

управленіи Сибирскими инородцами. Тѣмъ неменѣе, слѣды этой мысли остались и въ общемъ инородческомъ учрежденіи. Они видны, между прочимъ, въ учрежденіи степныхъ думъ, какъ особаго хозяйственнаго управленія надъ нѣсколькими родами. Такая дума, по учрежденію, назначалась *именно* для Хоринскихъ инородцевъ.

Въ свою забайкальскую поѣздку, Сперанскій посѣтилъ и стойбища Селенгинскихъ инородцевъ. Одинъ изъ Селенгинскихъ тайшей, какъ видно изъ отзыва Сперанскаго, также былъ человѣкъ очень неглупый и довольно образованный для своего времени и народа; онъ умѣлъ читать и писать по-русски и былъ расположенъ къ Христіанству [1].

Извѣстно, какою необычайною дѣятельностью отличалось русское библейское общество въ первые годы своего существованія. Пользуясь особеннымъ расположеніемъ Императора Александра, находясь подъ непосредственнымъ руководствомъ и покровительствомъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Голицына, оно стремилось распространить эту дѣятельность на отдаленнѣйшія части Имперіи. При такомъ направленіи, оно не могло не обратить вниманія на Сибирскихъ инородцевъ.

Въ 1815 г., листъ Евангелія отъ Матѳея, переведенный на калмыцкій языкъ, былъ посланъ къ Хоринскому тайшѣ Галсонову. Онъ отвѣчалъ, что монгольскій и калмыцкій языки различны, и потому нельзя «исправно» читать этотъ листъ; но если его перевести на монгольскій языкъ, то братскіе могли бы читать «съ величайшимъ удовольствіемъ». Князь Голицынъ обратился къ Галсонову съ вопросомъ, не возмется ли кто нибудь перевести, если не весь Новый Завѣтъ, то по крайней мѣрѣ которое нибудь Евангеліе, чтобы переводъ этотъ можно было напечатать. Въ то же время Голицынъ (30 ноября 1815 г.) просилъ о содѣйствіи къ этому Трескина.

Возникла продолжительная переписка вообще о введеніи христіанства между Бурятами. Она не привела однакожъ къ положительнымъ результатамъ. Слѣдствіемъ ея было только то, что для перевода св. Писанія на монгольскій языкъ избраны были зайсаны Нолто Унагаевъ и Бадма Моршунаевъ. Они не знали русскаго языка, и потому для словеснаго перевода данъ имъ толмачъ Василій Татауровъ. Они были отправлены въ Петербургъ въ декабрѣ 1817 г.[2] На переводъ Евангелія на бурятскій языкъ и изданіе это-

---

[1] Корфъ, II. 213. Главнымъ тайшей Селенгинскимъ былъ тогда Ломбо-Цыренъ-Турунтуевъ.

[2] Св. 109, № 39.

го перевода Хоринцы пожертвовали 11.480 р., кромѣ того, переписка эта сдѣлала извѣстнымъ Голсонова князю Голицыну, и эта извѣстность, какъ мы уже видѣли, очень пригодилась Голсонову. Унагаевъ вскорѣ возвратился на родину. Для перевода Новаго Завѣта остался въ Петербургѣ только Моршунаевъ, или, какъ его запросто называли даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, Бадма.

Пребываніе Бадмы въ Петербургѣ подало, между прочимъ, мѣстному начальству поводъ къ одному произвольному распоряженію. Въ 1821 г. князь Голицынъ просилъ оказать содѣйствіе Бадмѣ въ полученіи съ его родичей денегъ. Цейдлеръ распорядился удержать тысячу рублей изъ слѣдовавшихъ Хоринскимъ инородцамъ денегъ, за шерсть, поставленную для Тельминской фабрики, и потребовалъ еще 2.000 р. отъ Хоринской конторы. «Въ настоящемъ дѣлѣ, объяснилъ Сперанскій слишкомъ усердному губернатору, со стороны министра было ко мнѣ сдѣлано отношеніе въ частномъ видѣ, объ оказаніи помощи переводчику Бадмѣ во взысканіи тѣхъ денегъ, которыми онъ считаетъ себѣ должными не Хоринскую контору, но двухъ зайсановъ Доржія и Аншія; Хоринская же контора въ томъ только случаѣ обязана платежемъ сихъ денегъ, если означенный частный искъ она приняла на свою отвѣтственность» [1]).

Неизвѣстно, по желанію ли князя Голицына, или по собственному побужденію, но и Сперанскій обратилъ вниманіе на вопросъ о распространеніи христіанства между забайкальскими бурятами. Одною изъ главныхъ цѣлей поѣздки Сперанскаго за Байкалъ было, кромѣ ревизіи, именно желаніе разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ говорилъ объ этомъ и съ Селенгинскимъ тайшой, и съ бандидо-ламой. «Мнѣнія о семъ, писалъ онъ Голицыну, здѣсь различны; но то достовѣрно, что примѣръ одного или двухъ родовъ, между ними значительныхъ, увлекъ бы съ собою и другихъ постепенно.... Слѣдовательно важный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы узнать, на какой именно родъ и какимъ образомъ полезнѣе будетъ дѣйствовать за Байкаломъ». «Съ сей стороны, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, цѣль путешествія моего не была тщетною: я удостовѣрился и въ возможности и въ способахъ, коими, въ соединеніи съ англійскими миссіонерами, можно на сихъ людей дѣйствовать» [2]). Сперанскій не пришелъ однакожъ въ этой поѣздкѣ ни къ какому положительному результату. На Голсонова, который, повидимому,

---

[1]) Св. 347, № 17. Предп. 26 мая 1822 г.

[2]) Коръ, II, 213. Переписка: два письма къ Голицыну 11 и 29 февраля 1820 г.

попрежнему изъявлялъ готовность принять христіанство, онъ не могъ разсчитывать: съ Голсоновымъ и безъ того было много хлопотъ. Поэтому Сперанскій долженъ былъ ограничиться только распоряженіемъ о томъ, чтобы не было препятствій къ переходу бурятъ въ христіанство. Такъ, по поводу жалобы Аларскаго тайши, о которой мы говоримъ въ другомъ мѣстѣ, онъ отвѣчалъ ему слѣдующее (9 іюня 1820 г.):

«Разсмотрѣвъ свѣдѣнія, доставленныя мнѣ въ объясненіе жалобы вашей на священниковъ Голуметскаго селенія, о крещеніи якобы ими бѣглыхъ братскихъ и въ укрывательствѣ ихъ, — я нашелъ жалобу вашу несправедливою. Дѣйствія означенныхъ священниковъ при крещеніи бурятъ отнюдь не выходили изъ предѣловъ ихъ обязанностей. Напротивъ, до свѣдѣнія моего доходитъ, что вы, заграждая вашимъ родовичамъ путь къ воспріятію христіанской вѣры, до того стѣсняете свободу ихъ совѣсти, что даже дерзаете иногда подвергать ихъ наказанію за вступленіе ихъ въ христіанской законъ. Поступки таковые, если слѣдствіемъ они будутъ обнаружены, подвергнутъ васъ строгому суду по законамъ. Для собственной вашей пользы я считаю нужнымъ предостеречь васъ и подтвердить, чтобы ни вы, ни прочіе родоначальники, не отваживались ни подъ какимъ видомъ никому изъ родовичей вашихъ возбранять вступать въ христіанскій законъ по собственному ихъ желанію, безъ коего никогда и никто принять въ оный быть не можетъ». — Это предписаніе, «для единообразнаго исполненія,» было тогда же разослано всѣмъ прочимъ тайшамъ и сообщено Зеркалееву [1]).

Въ концѣ сентября 1820 г., Сперанскій получилъ Шмидтовъ переводъ Евангелія на монголо-бурятскій языкъ и разослалъ его къ миссіонерамъ, тайшамъ и бандидо-ламѣ. «Надѣюсь, писалъ онъ Голицыну, что онъ и самъ будетъ читать, и другимъ сообщитъ. Люди сіи, вообще говоря, не имѣютъ ни фанатизма, ни упрямства въ своихъ мнѣніяхъ, и кажется скорѣе другихъ могутъ придти къ истинѣ [2]). Голсоновъ очень оригинально донесъ Сперанскому о полученіи этихъ книгъ. Онъ писалъ, что предписаніе съ 25 книгами св. писанія на бурятскомъ языкѣ получилъ и *по оному* сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ родахъ не было обиды и притѣсненій, о недопущеніи

---

[1]) Св. 108, № 4.

[2]) Переписка: письмо къ Голицыну 29 сент. 1820 г.

незаконныхъ сборовъ, о поощреніи земледѣлія и о содѣйствіи къ чтенію священныхъ книгъ [1]).

Между тѣмъ Голсоновъ изъявилъ желаніе креститься со всѣмъ семействомъ. Онъ писалъ объ этомъ и Голицыну, и Сперанскому. Голицынъ, нисколько не задумался надъ этимъ предложеніемъ. Онъ только спрашивалъ мнѣнія Сперанскаго (21 февраля 1821 г.) о томъ, кому удобнѣе поручить руководство новообращенныхъ, чтобы, сообразно съ его отзывомъ, сдѣлать распоряженіе о крещеніи Голсонова и о постройкѣ, по его желанію, церкви. Вслѣдъ затѣмъ Голицынъ послалъ Сперанскому (16 апрѣля) разныя бумаги, относящіяся къ переводу св. Писанія на бурятскій языкъ и къ желанію Голсонова креститься [2]). Въ числѣ ихъ были, между прочимъ, и письма разныхъ зайсанговъ къ Бадмѣ. Они очень любопытны. Въ нихъ сообщались народные толки по поводу слуховъ о желаніи Бадмы креститься. «Наши ламы, говорилось въ нихъ, несказанно ожесточились противъ распространенія Евангелія». Ламы, впрочемъ, съ такимъ же ожесточеніемъ преслѣдовали и шамановъ. Окрестившимся бурятамъ родовичи ихъ не давали земли. По этому поводу старый товарищъ Бадмы, Нолто Унагаевъ, припрашивался къ землямъ, которыя прежде были пожертвованы бурятскими таишами подъ казенныя поселенія. Еслибы, говорилъ онъ, эти земли отдать новокрещенымъ бурятамъ, а поселенцевъ перевести въ другое мѣсто, то это послужило бы къ устройству и поощренію новокрещеныхъ. Впрочемъ, несмотря на сопротивленіе ламъ и самыхъ родовичей, буряты все таки крестились, хотя и въ небольшомъ числѣ [3]).

Книги св. Писанія на монгольскомъ языкѣ расходились чрезвычайно быстро. Изданіе двухъ Евангелій, вышедшее въ 1821 г., разошлось совершенно и Иркутское библейское сотоварищество требовало еще тысячу экземпляровъ. Даже заграничные монголы охотно покупали эти книги у нашихъ бурятъ [4]).

О желаніи Голсонова креститься упоминалъ и Иркутскій преосвященный Михаилъ, въ письмѣ отъ 20 апрѣля 1821. Письмо это любопытно во многихъ отношеніяхъ. Въ немъ Михаилъ описывалъ свое путешествіе по тѣмъ самымъ мѣстамъ забайкальскаго края, которыя, годъ назадъ, посѣтилъ Сперанскій. Собранныя имъ свѣдѣнія допол-

[1]) Св. 108 № 8.
[2]) Св. 108 № 8.
[3]) Св. 108 № 8.
[4]) Сибирскій Вѣстникъ 1823 г., ч. 3-я.

няютъ характеристику забайкалья, сдѣланную нами по личнымъ впечатлѣніямъ Сперанскаго [1]).

Желаніе Голсонова не могло остаться неизвѣстнымъ его родовичамъ. При общемъ неудовольствіи на Голсонова, оно неизбѣжно должно было возбудить въ нихъ новыя волненія. Зеркалеевъ, отъ 23 марта, доноситъ о несогласіяхъ Голсонова съ вторымъ тайшей Павловымъ, о намѣреніи послѣдняго послать въ Петербургъ повѣреннаго съ жалобою, о сборѣ на то денегъ, о предположеніи исправника Коссовича произвести слѣдствіе, «чего онъ, кажется, очень желаетъ» и о своемъ распоряженіи, чтобы Коссовичъ удостовѣрился инкогнито о причинахъ неудовольствія и примирилъ ссорящихся, если только неудовольствіе это происходитъ отъ личностей [2]). Раздоры между хоринцами, повидимому, подстрекались разными злонамѣренными людьми. Въ бумагахъ Сперанскаго находится чрезвычайно рѣзкій отзывъ о какомъ то учителѣ Петровскаго завода, Гапцовѣ, какъ о человѣкѣ «сварливомъ, склонномъ къ ябедѣ и къ пустымъ проектамъ», который своими происками много вредитъ хоринцамъ [3]).

Между тѣмъ кн. Голицынъ узналъ [4]), что Сперанскій намѣренъ отправить Бадму на родину, для наставленія земляковъ его въ христіанствѣ и прекращенія безпорядковъ. Съ отъѣздомъ Бадмы долженъ былъ остановиться и переводъ св. Писанія на бурятскій языкъ. Кромѣ того Бадма не надѣялся на свое значеніе между Бурятами и опасался, что не будетъ имѣть большаго успѣха въ этомъ порученіи. Язычники буряты не будутъ имѣть необходимаго довѣрія къ нему, христіанину, да и самъ онъ еще недостаточно укрѣпленъ въ христіанской религіи. Шмитъ изъявлялъ желаніе, чтобы Бадма остался въ Петербургѣ до конца 1821 г. и кончилъ переводъ Евангелія отъ Луки. Голицынъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Шмита, просилъ по этому предмету заключенія Сперанскаго [5]). «О семъ, отвѣчалъ Сперанскій, изъяснялся я съ Бадмою только предварительно, безъ всякой положительной мѣры, на которую я не рѣшился бы безъ сношенія съ в. с. Разговоръ сей означалъ только заботливое положеніе дѣлъ между хоринцами и желаніе мое найти удобнѣйшія средства къ прекращенію возникшихъ между ними безпорядковъ. Я не престаю быть увѣреннымъ, что появленіе

---

[1]) Св. 108, № 8.
[2]) Св. 108, № 8.
[3]) Св. 108, № 8.
[4]) Отъ Шмита.
[5]) Св. 108, № 8. Отношен. кн. Голицына 11 іюня 1821 г.

Бадмы между ними, съ надлежащимъ отъ начальства уполномочіемъ, и пребываніе его тамъ въ теченіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, могло бы сильно къ сему содѣйствовать. Но если онъ здѣсь необходимо нуженъ для окончанія переводовъ Новаго Завѣта, то посылку его въ степь можно отложить до того времени, какъ онъ исполнитъ все здѣсь на него возложенное. Самое время, в. с. къ сему назначаемое, т.е. къ концу сего года, весьма удобно съ симъ соображается: ибо въ концѣ будущей зимы онъ можетъ туда отправиться, пробыть тамъ лѣто и къ концу будущаго года сюда возвратиться».

«Обращаясь къ безпорядкамъ, возникшимъ между хоринцами, считаю долгомъ извиниться предъ в. с., что умедлилъ отвѣтомъ моимъ на отношеніе ваше отъ 16 апрѣля. Въ одно почти время съ симъ отношеніемъ получилъ я изъ Иркутска извѣстіе о смущеніи, произведенномъ между хоринцами разнесшимся тамъ слухомъ, что главный ихъ тайша желаетъ, оставивъ ихъ вѣру, вступить въ христіанство. Извѣстія сіи требовали разныхъ мѣстныхъ поясненій. Судя по времени, я ожидаю ихъ каждую почту и по полученіи ихъ, не умедлю представить дѣло въ надлежащей его полнотѣ и ясности» [1]).

«Заботливое положеніе» хоринскихъ дѣлъ было причиной, что Сперанскій радикально разошелся съ Голицынымъ во взглядѣ на намѣреніе Голсонова креститься. Получивъ подробныя свѣдѣнія о хоринскихъ безпорядкахъ, онъ отправилъ къ Голицыну 23 августа 1821 г., слѣдующее замѣчательное отношеніе:

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я имѣлъ честь получить отъ в. с. бумаги (отъ 21 февраля № 502 и 16 апрѣля № 97), извѣщающія о желаніи хоринскаго тайши Дымбыла Голсонова восиріять христіанскую вѣру, вступили ко мнѣ какъ отъ сего тайши, такъ и отъ преосвященнаго Иркутскаго, извѣстія о томъ же. Вслѣдъ за тѣмъ получилъ я донесеніе отъ Иркутскаго губернскаго начальства о вновь возникающихъ неудовольствіяхъ и жалобахъ хоринскихъ бурятъ на сего самаго главнаго ихъ тайшу. Обстоятельство сіе заставило меня остановиться отвѣтомъ на вопросъ в. с. и собрать подробнѣйшія и сколь можно достовѣрныя свѣдѣнія. Нынѣ, по соображеніи всѣхъ сихъ свѣдѣній, считаю долгомъ представить слѣдующее.

«Прежде всего нужнымъ нахожу дать понятіе о настоящемъ

---

[1]) Св. 108 № 8, числа и № нѣтъ на отпускѣ. Неизвѣстно, была ли эта бумага отправлена.

положенiи Голсонова въ родахъ хоринскихъ. Бывъ опредѣленъ по избранiю единородцами и по утвержденiю Иркутскаго губернскаго начальства главнымъ тайшею, онъ навлекъ на себя негодованiе бурятъ расточенiемъ общественныхъ денегъ. Сверхъ непомѣрныхъ издержекъ изъ собственнаго его имущества, при повѣркѣ счетовъ, онъ подвергся взысканiю до 50.000 р. Часть сего взысканiя была ему родовичами прощена; въ другой далъ онъ имъ обязательство. Вслѣдъ за симъ онъ отъ званiя сего былъ губернскимъ начальствомъ отрѣшенъ. Но отрѣшенiе сiе найдено было въ послѣдствiи неправильнымъ, и по Высочайшему повелѣнiю онъ возстановленъ. Причины возстановленiя сего были совершенно основательны. Со всѣмъ тѣмъ неудовольствiе къ нему народное не пресѣклось; молодыя его лѣта служили нѣкоторымъ извиненiемъ прежнимъ его легкомысленнымъ поступкамъ, но на будущее время онъ не могъ прiобрѣсть къ себѣ довѣрiе иначе, какъ перемѣною своего поведенiя и особливо для сего нужно ему было показать нѣкоторое уваженiе къ народнымъ обычаямъ и воздержаться отъ всѣхъ преждевременныхъ и необдуманныхъ уновленiй въ одеждѣ, въ образѣ жизни и въ порядкѣ управленiя. О семъ многократно я ему и словесно и письменно твердилъ, предваряя его, что власть его, по закону весьма ограниченная, безъ довѣрiя народнаго будетъ ничтожна, и что при малѣйшемъ поводѣ возродятся опять жалобы и негодованiя.

«Таково есть положенiе сего тайши въ родахъ хоринскихъ. Соображая съ онымъ настоящее его намѣренiе въ перемѣнѣ религiи, представляются слѣдующiе вопросы:

«1) Можно ли положиться на искренность изъявленнаго имъ желанiя воспрiять христiанскую вѣру?

«Вашему Сiятельству извѣстно, что судить движенiе сердца всегда опасно; а отрицать силу вседѣйствующей христовой благодати было бы безразсудно и дерзновенно. Но при семъ нельзя не замѣтить, что вообще между бурятами креститься значитъ сдѣлаться русскимъ, то есть остричь косу, носить русское платье и вмѣсто юрты жить въ крестьянскомъ домѣ. Далѣе сего не восходятъ ихъ понятiя о вѣрѣ; не зная русскаго языка, они лишены всѣхъ средствъ къ духовному просвѣщенiю; на всемъ пространствѣ хоринскихъ степей находятся только двѣ христiанскiя церкви и то весьма въ дальнемъ разстоянiи. Слѣдовательно не только понимать церковной службы, но и посѣщать церковь, имъ почти невозможно. Посему изъ числа крещеныхъ бурятъ, довольно впрочемъ значительнаго, весьма мало есть такихъ—какъ то весьма спра-

ведливо замѣтилъ г. Шмитъ [1],—кои бы знали, почему они христiане. Къ перемѣнѣ вѣры приводитъ ихъ большею частiю бѣдность, лишенiе стадъ, родовыя обиды, и что всего сожалительнѣе, учиненныя ими преступленiя и желанiе избыть отъ наказанiя, какъ весьма также основательно замѣчаетъ г. Шмитъ. Въ настоящемъ случаѣ родовая вражда съ другими таишами и ламами, также и давнишняя склонность Голсонова къ русской одеждѣ и образу жизни и презрѣнiе его къ родовымъ обычаямъ, могли имѣть въ побужденiяхъ его сильное участiе.

«2. Какiя послѣдствiя можетъ имѣть въ родахъ Хоринскихъ предполагаемый поступокъ главнаго таиши?

«Послѣдствiя сiи могутъ быть разсматриваемы двояко: 1) въ отношенiи къ распространенiю христiанской вѣры; 2) въ отношенiи къ гражданскому благоустройству.

«Въ первомъ отношенiи поступокъ сей не можетъ имѣть полезнаго дѣйствiя: ибо сей таиша не можетъ имѣть у родовичей своихъ довѣрiя; напротивъ, по существующей къ нему враждѣ, есть опасность, что другiе родоначальники и особенно ламы, дабы отразить примѣръ его, соединятъ всѣ свои усилiя къ истребленiю и самыхъ первоначальныхъ сѣмянъ, кои, съ распространенiемъ между ними книгъ Новаго Завѣта, могли возникнуть. Къ сему, какъ видно изъ письма Зайсанги Намту къ пребывающему здѣсь Зайсангу Бадмѣ, и сдѣланы уже, по первому слуху о перемѣнѣ Голсонова, нѣкоторыя приготовленiя.

«Во второмъ отношенiи можно почти съ достовѣрностью полагать, что возникшiя въ Хоринскихъ родахъ на главнаго таишу негодованiя, соединясь съ воспоминанiемъ прежняго его поведенiя и бывъ подстрекаемы предлогомъ измѣненiя вѣры и отечественныхъ обычаевъ, усилятся до того, что правительство вынуждено будетъ для укрощенiя ихъ или употреблять строгости, или смѣнить родоначальника. Излишне было бы доказывать, сколь та и другая мѣра можетъ быть предосудительна. Здѣсь нельзя не примѣтить, что Хоринцы прилегаютъ къ китайской границѣ и спокойствiе ихъ должно быть тщательно охраняемо не токмо по уваженiю собственнаго ихъ благосостоянiя, но и по уваженiямъ пограничнымъ. Каждое движенiе между ними не можетъ быть принято равнодушно для сосѣдей ихъ и однородцевъ, въ смежной съ ними Китайской Монголiи обитающихъ.

---

[1] Письмо его г. Попову отъ 14 марта 1820 г. Пр. Спер.

«По всѣмъ симъ уваженіямъ я имѣю честь представить на уваженіе вашего сіятельства слѣдующія по сему дѣлу заключенія:

«1) Одобривъ намѣренія тайши Голсонова, совѣтовать ему, чтобъ онъ прежде всего старался чтеніемъ Евангелія и бесѣдами съ преосвященнымъ Михаиломъ, когда онъ бываетъ въ Иркутскѣ (онъ бываетъ тамъ каждую зиму), утвердиться въ истинахъ христіанскихъ и точнѣе познать существо нашея вѣры; что по мѣрѣ его вѣры откроются ему и познанія, а по мѣрѣ познаній пріобрѣтетъ онъ возможность быть дѣйствительно вѣрующимъ христіаниномъ. Когда же такимъ образомъ во внутреннемъ смыслѣ христіанства онъ утвердится и докажетъ сіе постоянствомъ его желанія, тогда можетъ быть допущенъ и ко св. крещенію.

«2) Иркутскому гражданскому губернатору и Иркутскому преосвященному Михаилу поручить объясниться лично съ тайшею, надѣется ли онъ сохранить и при перемѣнѣ, имъ предполагаемой, миръ и тишину въ родахъ своихъ. Причемъ внушить ему, что правительство, употребляя всѣ возможные способы къ распространенію христіанской вѣры, ни какъ не намѣрено употреблять способы понужденія, и что быть всегда готово являть сильную свою защиту противъ неправильныхъ жалобъ, личностію возбужденныхъ, оно не будетъ однакоже поддерживать и защищать его, если возникнутъ на него жалобы справедливыя.

«3) Зайсанга Бадму, по окончаніи перевода Новаго Завѣта, отправить на время къ родовичамъ его, поручивъ ему, вмѣстѣ съ чиновникомъ отъ мѣстнаго начальства къ сему избраннымъ, войти въ разсмотрѣніе внутреннихъ раздоровъ между хоринцами возникающихъ, и стараясь примирить ихъ родоначальниковъ, испытывать на мѣстѣ, до какой степени желаніе Голсонова можетъ быть искренно, объяснить ему существо христіанской вѣры и примысливъ, какимъ образомъ обращеніе его можно употребить въ пользу не токмо ему, но и родовичамъ его, донести о всемъ подробно, дабы на сихъ вѣрныхъ свѣдѣніяхъ можно было приступить къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ.

«Если заключенія сіи приняты будутъ в. с. за благо, то по извѣщенію вашему не премину я изготовить и отправить надлежащія предписанія».

Государь утвердилъ всѣ предположенія Сперанскаго. Получивъ о томъ извѣстіе отъ кн. Голицына, Сперанскій, отъ 2 декабря 1821 г., предписалъ ихъ къ исполненію Иркутскому губернатору [1].

[1] Св. 108, № 8

Голсоновъ однакожъ не принялъ христіанства. Онъ умеръ 19 сентября 1822 г., 24-хъ лѣтъ отъ роду. Хоринцы, недовольные его управленіемъ, не согласились избрать въ тайши его шестилѣтняго сына [1]). Причинами такого неудовольствія противъ Голсонова, по донесенію мѣстнаго начальства, было то, что онъ презиралъ старинные обычаи и, кромѣ того, оставилъ по себѣ много долговъ; имѣніе его было описано. Тайшей былъ избранъ Джигжитъ Цухановъ [2]).

Бадмѣ тоже не удалось принять участіе въ обращеніи бурятъ въ христіанство. Онъ не вернулся на родину. Онъ умеръ въ Петербургѣ, почти въ одно время съ Голсоновымъ, — въ октябрѣ 1822 г. Передъ смертью онъ принялъ св. крещеніе и былъ названъ Иваномъ. Это былъ молодой человѣкъ съ большими свѣдѣніями въ монгольской и тибетской литературѣ; онъ отлично писалъ по монгольски и помогалъ Шмиту въ составленіи монгольскаго словаря [3]).

Къ мѣрамъ распространенія христіанства между бурятами относится еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1822 г. кн. Голицынъ сообщалъ Сперанскому донесеніе преосвященнаго Михаила о томъ, что въ 1790 г., по распоряженію бывшаго генералъ-губернатора Пиля, учреждена кумирня, и что по поводу этой кумирни братскіе терпятъ разныя притѣсненія отъ своихъ тайшей. Сперанскій нашелъ, что позволеніе на заведеніе кумирни дано было неправильно и соглашался съ мнѣніемъ преосвященнаго, чтобы подобныя заведенія на будущее время не были заводимы безъ разрѣшенія высшаго начальства. Сперанскій поручилъ Лавинскому собрать по этому предмету подробныя свѣдѣнія и войти потомъ съ представленіемъ къ кн. Голицыну [4]). Этотъ вопросъ разрѣшился при изданіи учрежденія объ инородцахъ, и несовсѣмъ такъ, какъ предполагалъ Михаилъ: инородцамъ позволено строить кумирни съ разрѣшенія губернскаго начальства [5]).

Постепенное обращеніе хоринцевъ въ христіанство продолжалось и послѣ смерти Голсонова. Оно продолжается и въ настоящее время. Въ то же время продолжались (вѣроятно продолжаются и

---

[1]) Св. 110, № 5.

[2]) Впослѣдствіи сынъ Голсонова былъ однакожъ тайшей. Онъ съѣздилъ въ Петербургъ и принялъ крещеніе (воспреемникомъ его былъ Императоръ Николай Павловичъ). Возвратившись домой, онъ ограбилъ и сжегъ свою степную думу, и былъ за это сосланъ въ каторжную работу.

[3]) Спб. Вѣстникъ 1823 г. ч. 3-я.

[4]) Св. 26, № 10. Отнош. къ кн. Гол. 28 апрѣля 1822 г.

[5]) Ин. учрежденія 22 іюл. 1822 г. § 286.

генералъ) преслѣдованія бурятъ противъ лицъ, обратившихся въ христіанство. Въ 1829 г. преосвященный Михаилъ сообщалъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, Лавинскому, что новокрещенымъ инородцамъ родовичи ихъ запрещаютъ оставаться на прежнихъ мѣстахъ жительства и приказываютъ селиться между христіанами. Вслѣдствіе этого инородцы затруднялись креститься. Лавинскій, по этому поводу, указалъ Иркутскому губернатору на 54 и 55 § учрежденія объ инородцахъ. Впрочемъ и само мѣстное начальство неясно сознавало необходимость строго держаться указанныхъ самимъ же имъ правилъ. Въ 1831 г. ясачная коммисія доносила, что Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 17 іюня 1826 г. о крестившихся инородцахъ, не исполняется въ Восточной Сибири, потому что мало извѣстно. Хотя мнѣніе это не только не относилось къ Сибири, но прямо противорѣчило приведеннымъ и другимъ статьямъ сибирскаго учрежденія, потому что на основаніи его крестившіеся должны были исключаться изъ своихъ обществъ и причислятъся къ христіанскимъ, тѣмъ неменѣе Лавинскій распорядился, чтобы оно было вновь распубликовано получше и въ точности исполнялось [1]).

Въ то же время, какъ наше правительство и библейское общество заботились о введеніи христіанства между бурятами, къ этой цѣли стремилось и лондонское библейское общество чрезъ своихъ агентовъ.

Въ 1817 г., члены лондонскаго библейскаго общества, Сталибрасъ и Рамкъ, отправились къ забайкальскимъ инородцамъ, для проповѣди имъ Евангелія. Это предпріятіе было сочувственно принято нашимъ правительствомъ. Въ Москвѣ, миссіонеры представлялись Императору Александру. Государь одобрилъ ихъ цѣль и обѣщалъ имъ свое содѣйствіе. Миссіонеры пріѣхали въ Иркутскъ и начали учиться у Новоселова монгольскому языку. Рамкъ, по болѣзни жены, возвратился въ Россію; но, вмѣсто него, въ составъ миссіи поступили еще два члена, Сванъ и Юилъ. Миссіонеры поселились на земляхъ Селенгинскихъ бурятъ, противъ Селенгинска, на лѣвомъ берегу Селенги [2]).

Въ 1819 году, во время пребыванія Сперанскаго въ Иркутскѣ, Сталибрасъ встрѣтилъ денежныя затрудненія и обратился къ нему за помощью. Это послужило началомъ переписки Сперанскаго съ миссіонерами. «Нельзя не подивиться, писалъ онъ дочери, что

---

[1]) Св. 108, № 23.

[2]) Св. 200, №

люди сіи рѣшились съ женами ихъ водвориться здѣсь въ такой отдаленности, среди бурятъ и монголъ, не зная ни слова не только по монгольски, но и по русски. Я принужденъ былъ къ Сталибрасу писать по англійски. Они учатся по монгольски и разумѣютъ уже довольно. И монгольскій языкъ имѣетъ свою литературу, и даже очень обширную. Въ январѣ надѣюсь увидѣться съ Сталибрасомъ и узнать его мнѣніе о семъ языкѣ» [1]). Миссіонеры намѣревались также завести школу. По поводу ихъ предпріятія, у Сперанскаго, въ одномъ изъ писемъ къ Столыпину, вырывается слѣдующая характеристическая замѣтка: «Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, я бы желалъ видѣть другихъ миссіонеровъ, — а именно тѣхъ, кои бы христіанъ учили и убѣждали въ христіанствѣ [2])».

Вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ 1820 г., Сванъ и Уилъ, — изъ нихъ одинъ съ женой, — пріѣхали изъ Петербурга въ Иркутскъ и посѣтили Сперанскаго. «Ни слова ни по русски, ни по европейски (?)». Сперанскій юмористически описываетъ жену одного изъ нихъ, и сочувственно отзывается о другомъ. По словамъ его, это былъ «молодой человѣкъ лѣтъ 23 или 25, прекрасной фигуры, открытое лицо, образъ ангельской чистоты и невинности. Ангелъ обвинитель да изгладитъ слезою всякую мысль подозрѣнія, чтобы люди сіи имѣли какую нибудь другую цѣль въ ихъ путешествіи», прибавляетъ Сперанскій [3]). Послѣднія слова наводятъ на мысль, что въ пребываніи миссіонеровъ за Байкаломъ подозрѣвались нерелигіозныя цѣли.

Въ поѣздку свою по Забайкалью, Сперанскій посѣтилъ и миссіонеровъ [4]). Въ это время Сталибрасъ успѣлъ уже нѣсколько познакомиться съ бурятами и раздать имъ нѣсколько экземпляровъ Новаго Завѣта, на монголо-бурятскомъ языкѣ. Вообще пребываніе у миссіонеровъ произвело на Сперанскаго самое пріятное впечатлѣніе [5]). Миссіонеры жаловались ему на своихъ сосѣдей, мѣщанъ Никитиныхъ (Голубиныхъ). Сосѣди эти наносили имъ не только разныя мелкія непріятности, но и существенный вредъ. Они даже стрѣляли въ домъ миссіонеровъ. Миссіонеры жаловались селенгинской ратушѣ, но не получили удовлетворенія. Сперанскій поставилъ на видъ ратушѣ ея небрежность и, «по важности дѣла», поручилъ исправлявшему тогда должность исправника, Красильникову,

---

[1]) Р. А. 1868 г. 1711. Сперанскій, какъ можно судить изъ другаго письма, выдалъ имъ 4.000 р. (тамъ же 1733).

[2]) Письмо къ Столыпину 19 ноября 1819 г.

[3]) Тамъ же 1737.

[4]) Корфъ.—Дневникъ.—Переписка: письмо къ Голицыну 29 февраля 1820 г.

[5]) Переписка: письмо къ Голицыну 29 февраля 1820 г.

лично произвести строгое изслѣдованіе о поступкахъ и поведеніи Никитиныхъ. Сперанскій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поручить Красильникову оказывать миссіонерамъ «самую дѣятельную защиту и покровительство». Жалобы миссіонеровъ слѣдствіемъ подтвердились, хотя и невполнѣ [1]). Поведеніе Никитиныхъ вообще оказалось неодобрительнымъ. Мѣсто въ сосѣдствѣ съ англичанами они занимали безъ всякаго права, и потому Красильниковъ обязалъ ихъ переселиться на другое мѣсто. Миссіонеры дали имъ въ пособіе на это переселеніе 100 р. Сперанскій нашелъ произведенное Красильниковымъ изслѣдованіе правильнымъ и принятыя имъ мѣры основательными. «Отдавая вамъ должную справедливость, писалъ онъ ему 17 апрѣля 1820 г., я надѣюсь, что означенные иностранцы, при попеченіи о нихъ вашемъ, будутъ успокоены, и на справедливыя требованія всегда получатъ должное удовлетвореніе». Юридическихъ результатовъ произведенное Красильниковымъ слѣдствіе не имѣло [2]).

Втеченіи 1820 г. миссіонеры заняты были отстройкой своего дома и службъ при немъ. Постройки эти въ предстоящемъ лѣтѣ должны были кончиться. Онѣ отвлекали миссіонеровъ отъ прямой ихъ цѣли. Однакожъ миссіонеры, по мѣрѣ возможности, входили въ сношенія съ бурятами и изучали ихъ языкъ; они роздали нѣсколько сотъ экземпляровъ монгольской книжки, а также Евангелій отъ Матѳея и Іоанна; ожидали Дѣяній Апостоловъ и двухъ остальныхъ Евангелій. Буряты брали книги очень охотно. Миссіонеры спѣшили ознакомиться съ ихъ языкомъ, чтобы имѣть возможность сопровождать раздачу книгъ приличными поученіями. Но изученіе языка было очень затруднительно: у миссіонеровъ не было ни словарей, ни грамматики; послѣднюю они должны были составить сами.

Въ 1821 г., Сталибрасъ и Сванъ, съ цѣлью изучить языкъ и раздать книжки, отправились на Бѣлый мѣсяцъ въ Ламайскія кумирни, куда въ это время обыкновенно собирается множество бурятъ. Сначала они посѣтили кумирню Хамбы-Ламы, близъ Гусинаго озера, въ дачахъ Селенгинскихъ бурятъ [3]), а потомъ и дру-

[1]) Св. 586 № . . . См. прилож. Не подтвердилось покушеніе на ночную кражу.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ запискѣ, присланной Сперанскому, они между прочимъ писали, что въ первый день Бѣлаго мѣсяца, 22 января ст. стиля, богослуженіе въ кумирнѣ Хамбы началось въ полночь и продолжалось до солнечнаго восхода. Тогда всѣ посѣтители кумирни, отъ 400 до 500 чел., — явились съ поздравленіями къ Хамбѣ и Тайшѣ. — Хамба благосклонно принялъ миссіонеровъ. На обратномъ пути, они провели нѣсколько часовъ въ другой кумирнѣ, на другомъ концѣ озера. Чрезъ два дня они отправились въ

гія. Притомъ миссіонеры раздавали бурятамъ и особенно ламамъ книжки, на бурятскомъ языкѣ, читали имъ отрывки изъ Евангелія, старались убѣждать ихъ въ чистотѣ Евангельскаго и въ заблужденіяхъ ламайскаго ученія, въ грѣхѣ и опасности молиться идоламъ, «богамъ, которые не суть боги». Имъ казалось, что проповѣдь эта возбудила вниманіе нѣкоторыхъ бурятъ и побудила ихъ критически отнестись къ ламайству. Многіе вступали съ миссіонерами въ серьезные разговоры о религіи, но такіе разговоры были для нихъ затруднительны, по непривычкѣ мыслить. Поселеніе миссіонеровъ между бурятами возбуждало въ послѣднихъ разные толки: одни были довольны, что миссіонеры пришли жить къ нимъ; другіе, не понимая ихъ цѣли, подозрѣвали въ нихъ какіе то дурные замыслы. Принимали миссіонеровъ вездѣ чрезвычайно радушно, отводили имъ удобныя помѣщенія и охотно вступали съ ними въ разговоры.

Переписка Сперанскаго съ миссіонерами продолжалась и послѣ отъѣзда его изъ Иркутска. Въ началѣ 1821 г. миссіонеры получили отъ него письмо изъ Тобольска. Онъ посылалъ имъ брошюру на монгольскомъ языкѣ, вѣроятно, духовнаго содержанія, и освѣдомлялся объ ихъ занятіяхъ. Отвѣтъ былъ посланъ 4 марта, отъ Свана. Въ немъ Сванъ, сообщая подробности о занятіяхъ миссіонеровъ, между прочимъ писалъ, что они просятъ чрезъ Попова объ отводѣ имъ мѣста, гдѣ заведены ихъ постройки, и участка сосѣдней земли. При письмѣ былъ приложенъ и планъ участка [1]).

Въ томъ же письмѣ говорилось, что миссіонеры намѣрены предложить директору Лондонскаго общества завести станокъ для печатанія духовныхъ книгъ на монгольскомъ языкѣ. Мысль эта вскорѣ приняла и оффиціальную форму. Миссіонеры просили на это позволенія. Кн. Голицынъ спрашивалъ у Сперанскаго мнѣнія по этому предмету. Сперанскій, отъ 27 января 1822 г., отвѣчалъ, что онъ находитъ это предпріятіе «не только полезнымъ, но необходимымъ для распространенія между монголами и бурятами слова Божія». Нужно впрочемъ замѣтить, что самый запросъ князя былъ написанъ въ такомъ тонѣ, что противное заключеніе было бы весь-

третью кумирню, въ 50 в. къ сѣверу отъ Селенгинска, и провели тамъ три дня. Потомъ ѣздили въ Сонгольскую кумирню, въ 80 в. къ югу отъ Селенгинска. По словамъ ихъ, эта кумирня была самая большая и самая красивая изъ всѣхъ, какія они видѣли. Отсюда Сванъ ѣздилъ еще въ одну кумирню, за 50 в. къ востоку отъ Сонгольской, но тамъ богослуженіе уже кончилось. Сванъ встрѣчалъ возвращавшихся оттуда бурятъ и раздавалъ книги тѣмъ изъ нихъ, которые могли читать. Въ Сонгольской кумирнѣ они оставались до конца праздника. Тамошніе ламы убѣждали ихъ принять въ подарокъ нѣсколько барановъ. Они рѣшительно отказались, говоря, что пріѣхали вовсе не для подарковъ, а для того только, чтобы заботиться о спасеніи ихъ душъ.

[1]) См. прилож.

ма неудобно [1]). Впрочемъ печатный станокъ былъ заведенъ миссіонерами уже гораздо позже: за то ходатайство миссіонеровъ объ отводѣ имъ земли тогда же увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, о чемъ мы говоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Миссіонеры жили на избранномъ ими мѣстѣ до сороковыхъ годовъ. Успѣхи ихъ въ распространеніи христіанства, сколько извѣстно, были ничтожны. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи, въ послѣднее время, встрѣчала даже противодѣйствіе со стороны православнаго духовенства. Но они оказали окрестнымъ инородцамъ огромную пользу тѣмъ, что развили ихъ понятія, возбудили въ нихъ любовь къ труду, научили многихъ изъ нихъ грамотѣ, земледѣлію и разнымъ ремесламъ.

Обыкновенно думаютъ, что хлѣбопашество у Иркутскихъ бурятъ введено только при Трескинѣ. Это мнѣніе совершенно ошибочно. Нѣкоторые роды инородцевъ, кочующихъ по сю сторону Байкала, занимались хлѣбопашествомъ еще въ концѣ прошедшаго столѣтія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія изъявили желаніе заниматься хлѣбопашествомъ и забайкальскіе буряты [2]). Именнымъ указомъ 9 октября 1803 г., повелѣно было сдѣлать сошники и серпы на Петровскомъ заводѣ и раздать ихъ желающимъ; тогдаже объявлено было инородцамъ Высочайшее удовольствіе за ихъ стремленіе къ земледѣлію [3]). Въ инструкціи, данной Селифонтову въ 1803 г., также упоминается о земледѣліи у бурятъ. Трескинъ шелъ уже по проложенному пути. Онъ отличался только особенною энергіею въ этомъ дѣлѣ; но трудно рѣшить, принесла ли его энергія болѣе пользы, или вреда.

Во всякомъ случаѣ, при Сперанскомъ, земледѣліе у бурятъ нуждалось еще въ поощреніи. Сперанскій, весною 1820 г., счелъ нужнымъ дать главнымъ тайшамъ, прямо отъ себя, слѣдующее предписаніе:

«Изъ донесенія губернскаго начальства съ удовольствіемъ я видѣлъ, что съ нѣкотораго времени между бурятскими родами вводится земледѣліе и будучи извѣстенъ, что многія мѣста, бурятскими родами обитаемыя, могутъ быть весьма способны къ земледѣлію, я считаю нужнымъ возложить на васъ всемѣрно стараться распространять земледѣліе и доводить его до того, чтобъ вмѣсто нынѣш-

---

[1]) Св. 110, № 4.

[2]) Въ дѣлахъ говорится и о Забайкальскихъ «казакахъ», но едвали тутъ шла рѣчь не объ инородцахъ, зачисленныхъ въ пограничные казачьи полки.

[3]) Св. 26 № 1.

пяго посѣва покрайней мѣрѣ вдвое на каждую душу было въ посѣвѣ ежегодно.

«Внушите тайшамъ, шуленгамъ и родоначальникамъ, что ихъ дѣло поощрять къ сему родовичей и быть имъ въ томъ примѣромъ, и что какъ вы, такъ и они ничѣмъ столько не можете обратить на себя вниманіе правительства и сдѣлать угодное Всемилостивѣйшему Государю за всѣ Его Величества отеческія попеченія, какъ распространеніемъ земледѣлія. При всѣхъ случаяхъ, гдѣ настоять будетъ дѣло о какой либо наградѣ вамъ, частнымъ тайшамъ, шуленгамъ и родоначальникамъ, отнынѣ всегда будетъ принимаемо во уваженіе, въ какомъ состояніи находится у нихъ земледѣліе и гдѣ будетъ оно лучше, тамъ и награда и отличіе будетъ удобнѣе» [1]).

«Старайтесь внушать и родовичамъ, что нѣтъ промысла ни лучше, ни постояннѣе, ни прибыточнѣе, какъ земледѣліе, и что единое вѣрное средство не только къ безбѣдной жизни, но и къ прочному богатству, есть земледѣліе».

«Внушите ламамъ,—прибавлено было Хоринскому и Селенгинскому тайшамъ,—что существенная ихъ обязанность есть поощрять земледѣліе, и что симъ однимъ могутъ они заслужить оказываемыя имъ милости».

Тогда же онъ требовалъ отъ тайшей (кромѣ Хоринскаго и Селенгинскаго), чтобы они къ августу донесли ему, какое количество хлѣба будетъ засѣяно всѣми вообще братскими, съ объясненіемъ, болѣе или менѣе противъ прежняго.

Такое лестное приглашеніе генералъ-губернатора польстило самолюбію бурятскихъ родоначальниковъ,—покрайней мѣрѣ, забайкальскихъ. Они усилили свою дѣятельность въ надзорѣ за посѣвами. По селенгинскому вѣдомству посѣвъ увеличился на 1200 десятинъ, или на $1/6$ прежняго посѣва. Къ удовольствію Сперанскаго и, безъ сомнѣнія, самихъ инородцевъ, урожай въ этомъ вѣдомствѣ былъ вдвое лучше прошлогодняго. Сперанскій счелъ нужнымъ дважды благодарить забайкальскихъ родоначальниковъ: въ іюлѣ—за ихъ распоряженія, и въ ноябрѣ и декабрѣ—за успѣхъ этихъ распоряженій [2]). По сю сторону Байкала успѣхъ его предписаній былъ не такъ удаченъ, можетъ быть потому, что самыя предписанія нѣсколько запоздали. Въ Балаганскомъ и Идинскомъ вѣдомствахъ посѣвъ былъ значительно ниже прошлогодняго: въ первомъ потому, что, осенью 1819 г., засыпано было снѣгомъ 1175 десят. несжатаго

[1]) Св. 26, № 8, пред. гл. тайшамъ селенг. и хоринск. 14 апрѣля, про имъ 29 мая 1820 г.

[2]) Св. 26, № 8, предп. 15 іюля, 29 ноября и 6 декабря 1820 г.

хлѣба; въ послѣднемъ, по объясненію тайши, вслѣдствіе неурожая въ предъидущемъ году, и происшедшаго отъ того недостатка сѣмянъ.

На дальнемъ сѣверѣ, на прибрежныхъ тундрахъ Ледовитаго моря, бродятъ малочисленныя племена Ламутъ, Тунгусовъ, Юкагиръ и Чуванцевъ. Бытъ ихъ также бѣденъ и суровъ, какъ и окружающая ихъ природа. Къ этимъ-то племенамъ, во время Сперанскаго, судьба забросила нѣсколько любознательныхъ людей, которые пролили нѣкоторый свѣтъ на ихъ темное существованіе. Подробныя свѣдѣнія объ этихъ инородцахъ приведены въ путешествіи Врангеля; здѣсь мы помѣщаемъ извлеченіе изъ замѣтокъ, писанныхъ докторомъ Киберомъ собственно для Сперанскаго.

«Между Колымой и Индигиркой, говоритъ Киберъ, обитаютъ три племени: Ламуты, Тунгусы и Юкагиры. Численность ихъ, по весьма несовершенному счету, составляетъ до 800 чел., кромѣ женщинъ. Они раздѣляются на шесть родовъ; каждый родъ управляется князькомъ, котораго утверждаетъ правительство; всѣ шесть состоятъ подъ начальствомъ одного родоначальника. Ламутовъ четыре рода, Тунгусовъ и Юкагиръ по одному. Ламуты замѣтно отличаются отъ другихъ. У нихъ маленькіе тусклые глаза, лицевая кость широкая и высунутая и очень маленькой носъ. Они, кажется, составляютъ одинъ народъ съ охотскими Ламутами, которые, какъ я слышалъ, ведутъ тотъ же образъ жизни. Языкъ ихъ богатъ и звученъ, особенно въ устахъ женщинъ. Въ немъ много гласныхъ; рѣдко встрѣчается Z. Тунгусы большею частью высланы въ наказаніе изъ окрестностей Олекмы и Амура; они образуютъ отдѣльный родъ. Они не знаютъ ни слова на родномъ языкѣ и говорятъ обыкновенно по Юкагирски или по Ламутски.—Юкагиры,—остатокъ когда то довольно сильнаго народа. Слѣды его находятся близь Анюевъ, Омолона, у Колымы, въ окрестностяхъ Верхнеколымска, у Индигирки, Яны и проч. Большую часть юкагиръ, по свѣжему преданію, истребила оспа. Начальникъ ихъ разсказывалъ мнѣ, что число ихъ уменьшилось также отъ продолжительныхъ и жестокихъ несогласій. Юкагиры сохранили свой особенный языкъ и различныя его нарѣчія.

«Эти племена, различные по происхожденію и названію, связаны между собою необходимостью. Семейства разныхъ родовъ соединяются вмѣстѣ для промысла. Нравы и образъ жизни ихъ одинаковы. Почти всѣ ихъ средства къ существованію состоятъ исключительно въ оленяхъ. Дикій олень даетъ имъ одежду и пищу; домашній—ихъ вѣрный слуга. На домашнемъ оленѣ они перевозятъ

тяжести (для собакъ и лошадей здѣсь не было бы пищи), съ нимъ охотятся на дикихъ оленей, его употребляютъ въ пищу, въ случаѣ голода. Самый образъ жизни ихъ обусловленъ свойствами оленя, который неспособенъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ.

«Они живутъ въ юртахъ. Зимнія юрты состоятъ изъ нѣсколькихъ жердей, покрытыхъ *ровдугой* (выдѣланная оленья кожа). Кожи, приготовленныя для шалашей, называются *чумами*. При перекочевкахъ, чумы перевозятся на оленяхъ; спускаясь изъ лѣса въ долины, берутъ и жерди. Вверху, на три фута въ окружности, дѣлается отверстіе для дыма. Юрта ставится и снимается въ полчаса. Вокругъ юрты дѣлается снѣжная завалина. Юрты нисколько не защищаютъ жителей отъ непогоды. Сильный вѣтеръ часто ихъ сноситъ. Часто не бываетъ дровъ; тогда для отопленія употребляются березовыя и ивовыя вѣтви, и чтобы поддержать огонь, устроиваютъ небольшіе мѣха. Это производитъ такой дымъ, что ничего нельзя видѣть. Огонь въ юртѣ поддерживается постоянно. Въ юртѣ могутъ помѣститься человѣкъ двадцать,—по десяти съ каждой стороны. Стоять можно только близъ огня; далѣе нужно сидѣть. (Сидятъ съ поджатыми накрестъ ногами) [1]. Лѣтнія юрты устроиваются нѣсколько иначе: въ нихъ не держатъ огня. Устройствомъ юртъ занимаются женщины, мужчины принимаютъ на себя этотъ трудъ только въ крайнихъ случаяхъ.

«Единственное украшеніе юрты—небольшой ящикъ, въ которомъ хранятся образа. Я никогда не видалъ его открытымъ. Говорятъ, его открываютъ только разъ въ годъ, когда изъ Нижнеколымска пріѣзжаетъ священникъ. На полу, около стѣнъ, разосланы оленьи кожи; онѣ служатъ и ковромъ и постелью. На палкѣ повѣшенъ котелъ для варенія пищи. Простая доска служитъ столомъ. Остальная утварь и провизія хранится въ саняхъ [2].

«Одежда ихъ оригинальна. Самое точное описаніе не дастъ объ ней истиннаго понятія. Бѣлья у нихъ нѣтъ. Платье дѣлается изъ выдѣланныхъ оленьихъ кожъ. Лѣтомъ носятъ платье изъ шкуръ съ короткою шерстью, зимою—изъ болѣе мохнатыхъ. Оба пола носятъ одинакую одежду; только у женщинъ къ ней придѣлываютъ раз-

---

[1] Для Кибера однакожъ устроивали большія юрты, гдѣ могли помѣститься 50 — 70 чел. и можно было ходить прямо и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ огня.

[2] Въ другомъ мѣстѣ Киберъ говоритъ объ утвари, что ее составляютъ «два котла—у зажиточныхъ есть уже самовары для чаю, который они очень любятъ, крючекъ для вынимания говядины изъ котла,—онъ привязывается къ палкѣ, – деревянный горшокъ, желѣзный ковшъ, кривой ножикъ съ ручкою длиною въ полтора фута, называемый *пальмой*, нѣсколько топоровъ, лопатъ, деревянныхъ тарелокъ, блюдъ и ложекъ. Для вытиранія посуды, вмѣсто полотенцевъ, употребляются скобленныя ивовыя прутья».

ныя побрякушки. Штаны и чулки дѣлаются изъ шкуры молодаго оленя, шерстью внизъ; чулки очень длинны и покрываютъ даже колѣна. Такіе же длинные сапоги дѣлаются изъ шкуръ мѣхомъ вверхъ, а подошвы — изъ кусковъ кожи, которая находится подъ ногами оленей (?); эти подошвы не только держатъ тепло, но еще мѣшаютъ ногѣ скользить. Верхняя часть сапога, выше ступни, перевязана выкрашенными въ красный цвѣтъ ремнями изъ кожи морскихъ животныхъ. Такіе же сапоги, но только не выше икры, носятъ почти всѣ обитатели сѣверной Сибири. Сапоги и чулки привязываются къ штанамъ ремнями.

«На верхнюю часть тѣла надѣваютъ двѣ одежды — одна, четыреугольный кожанный нагрудникъ, связанный ремнями на шеѣ и на брюхѣ. Нагрудникъ обшивается оленьимъ волосомъ, шелкомъ, ремнями изъ тюленьей кожи и украшается бусами. У женщинъ онъ шире мужскаго и спускается до колѣнъ. Сверхъ нагрудника надѣвается двойное платье: исподняя часть его, шерстью внутрь, сдѣлана изъ шкуры молодаго оленя, верхняя — изъ шкуры стараго, шерстью наружу. Оно почти также коротко, какъ наши фраки; спереди разрѣзано и покрываетъ только грудь и половину живота; сзади доходитъ только до подколѣнка. Вмѣсто пуговицъ — ремни. Воротника нѣтъ, и шея остается открытой. Франты обшиваютъ края платья разными узорами. Съ средины спины, у мужчинъ сзади, а у женщинъ по бокамъ, опускается хвостъ изъ тюленьей кожи, раздвоенный въ концѣ. Рукава разрѣзные, чтобы руки могли свободнѣе дѣйствовать.

«Главное ихъ украшеніе — круглая кожанная шапка. Она красиво вышита шелкомъ, конскимъ волосомъ, оленьею шерстью, и часто бываетъ украшена множествомъ бусъ разнаго цвѣта и величины. Шапки они никогда не снимаютъ. Нѣкоторые повязываютъ голову цвѣтнымъ бумажнымъ платкомъ, и уже на него надѣваютъ шапку. Выходя изъ дому, надѣваютъ на эту шапку другую, большую, изъ лисьихъ, собачьихъ и пр. лапъ; она закрываетъ щеки и уши [1]).

---

[1]) Въ дополненіе къ сказанному, Киберъ представляетъ еще слѣдующее описаніе наряда у этихъ племенъ. «За поясомъ у мужчинъ, находятся — съ одной стороны ручной ножикъ, а съ другой — огниво и мѣшечекъ съ кремнемъ и трутомъ. Тунгусы никогда не разстаются съ своимъ огнивомъ; это для нихъ вещь первой необходимости. Къ ножу привѣшаны ремни, а на нихъ разныя мелочи, кожанныя или желѣзныя коробочки, треугольные куски жести, мѣди и желѣза, величиною съ карманные часы, украшенные сквозною рѣзьбой и дутыми фигурами. У богатыхъ — серебряныя монеты. Шумъ и звонъ отъ этихъ погремушекъ слышны за четверть версты. И мужчины, и женщины носятъ косы; на концѣ косы привязываютъ мѣдныя кольца, бляхи,

«Они питаются мясомъ и почти не употребляютъ растеній. Ѣдятъ два раза въ сутки,—просыпаясь и ложась спать. Вилокъ не употребляютъ; кусокъ разрѣзываютъ, прежде, чѣмъ положить его въ ротъ. Колымскіе ламуты, тунгусы и юкагиры, въ отличіе отъ своихъ анюйскихъ земляковъ, ѣдятъ очень мало; но также, какъ и тѣ, обходятся безъ хлѣба и соли. Они выходятъ на рыбную ловлю только тогда, когда не могутъ поймать оленей, хотя озера очень рыбныя: русскіе и якуты часто по цѣлому мѣсяцу ловятъ въ нихъ рыбу. Рыбная ловля у тунгусовъ невыгодна, ибо сѣти у нихъ очень плохи. Они, какъ и всѣ обитатели сѣверной Сибири, любятъ ѣсть сырую мерзлую лососину (salmo nasus) и стерлядь, употребляемыя съ солью. Говорятъ, что онѣ предохраняютъ отъ скорбута.

«Въ послѣдніе десять лѣтъ не было рыбы, и инородцы, какъ и русскіе на Колымѣ, часто подвергались голоду; многіе принуждены были убить своихъ ручныхъ оленей, обѣднѣли и измѣнили свой образъ жизни. Одни водворялись при рѣкахъ, другіе пошли въ услуженіе къ русскимъ и якутамъ. Ламутскій родъ уменьшился на половину. Какъ ни жалка свобода въ этой странѣ, но потеря свободы дѣлаетъ ихъ очень несчастными.

«Табакъ для нихъ—предметъ первой необходимости. Мужчины и женщины, даже дѣти 6-ти лѣтъ, страстно его курятъ и нюхаютъ. Они глотаютъ дымъ — общій обычай у всѣхъ жителей сѣвера восточной Сибири [1]). Всѣ сѣверные инородцы употребляютъ черкасскій табакъ. Его предпочитаютъ лучшему канастеру и виргинскому. Черкасскій табакъ составляетъ важнѣйшую отрасль торговли на сѣверѣ Сибири. Онъ очень крѣпокъ и производитъ сильное наркотическое ощущеніе. Его покупаютъ очень дорого. Черкасскій табакъ, стоющій 10 и 15 к. фунтъ, продается здѣсь по 5 руб., и эту цѣну не находятъ чрезмѣрною. Но жадные барышники требуютъ за одинъ листъ табаку, вѣсомъ едва 1/4 унціи, песцовую

нитки бусъ и проч. Вокругъ шеи носятъ хвосты—мужчины лисьи, а женщины бѣличьи. Нѣкоторые мужчины и всѣ женщины носятъ въ ушахъ серьги. Почти каждая женщина носитъ на груди довольно большую (величиною съ блюдечко) мѣдную или серебряную бляху; она литая и изображаетъ разныхъ животныхъ — чаще всего лошадей. Такія бляхи, говорятъ, давно уже больше не дѣлаются и переходятъ по наслѣдству; онѣ, кажется, китайской работы. Носятъ также серебряныя ожерелья. Которая женщина богаче и страннѣе разукрашена, та и красивѣе въ глазахъ тунгусовъ».

[1]) Трубки, очень маленькія, сдѣланы изъ мѣди. Ихъ называютъ ганзой. Чубукомъ служитъ просверленная насквозь деревянная палочка. Увѣряютъ, что глотанье дыма производитъ чрезвычайно сладострастное ощущеніе во всемъ организмѣ. Если глотаютъ слишкомъ много, до одуренія, то происходитъ *incontinentia secretionis alvi et urinae*. Это заставляетъ меня думать, что затягиванье табачнымъ дымомъ было бы очень полезно въ болѣзняхъ мочеваго пузыря, и очень дѣйствительно въ *ileus*.

шкуру, стоющую 250 к. Тунгусы и ламуты не гоняются за цѣной, лишь бы доставить себѣ удовольствіе курить. Но черкасскій табакъ слишкомъ крѣпокъ; его мѣшаютъ съ крошенной корой лиственницы или ивы.

«Другая страсть, часто гибельная для нихъ, — это страсть къ водкѣ. Эта водка, — смѣсь астраханской фруктовой водки, горчицы, воды и сивушнаго масла, продается даже въ Нижнеколымскѣ по 20 р. ведро (mesure). Правительство рѣшительно запрещаетъ продавать инородцамъ водку, какъ товаръ; но ламуты, тунгусы и юкагиры платятъ вдвое и втрое, лишь бы достать ее, и приходятъ въ Нижнеколымскъ только длятого, чтобъ напиться. Женщины также напиваются. Пьяные очень смирны.

«Тунгусы, ламуты и юкагиры вообще здоровы и хорошо сложены. Между ними находятся высокіе и стройные люди. Женщины довольно высоки, но не считались-бы въ Европѣ хорошенькими. Рѣдко встрѣчаются между ними пріятныя физіономіи, такъ обыкновенныя у мужчинъ. Образъ жизни сильно укрѣпляетъ здоровье этихъ инородцевъ. Съ дѣтства привыкнувъ къ морозамъ, они дѣлаются чувствительны къ нимъ только тогда, какъ начинаютъ старѣть. Они достигаютъ глубокой старости; въ 60 лѣтъ они еще бодры и участвуютъ въ охотѣ. Сильныя болѣзни и Lues очень рѣдки. Они много страдаютъ глазами. Оспа произвела между ними большое опустошеніе. Существуетъ также катарръ легкихъ.

«Жизнь ихъ очень дѣятельна. Они одѣваются тотчасъ какъ встанутъ; ѣдятъ, выкуриваютъ нѣсколько трубокъ и идутъ на охоту; возвращаются поздно. Дѣти, которыя не могутъ еще сопровождать отцовъ на охоту, выходятъ рано утромъ пасти ручныхъ оленей, и возвращаются въ юрту только ѣсть и пить. Женщины домовничаютъ, поддерживаютъ огонь и кормятъ дѣтей. (Обыкновенно кормятъ грудью до тѣхъ поръ, пока дѣти не будутъ въ состояніи бѣгать. Этотъ вредный (?) обычай существуетъ также у якутовъ и у русскихъ). Кромѣ того женщины шьютъ платье и ходятъ за домомъ. Мужъ, уходя, опредѣляетъ мѣсто остановки и беретъ только тѣхъ оленей, которые нужны для охоты. Жена снимаетъ юрту, укладываетъ все въ сани, собираетъ оленей, запрягаетъ ихъ и идетъ къ назначенному мѣсту, и старается, чтобы мужъ вечеромъ нашелъ уже готовую юрту. Обязанности женщинъ тяжелы и должны производить вліяніе на ихъ наружность, которая очень некрасива.

«Ясакъ они платятъ въ Среднеколымскъ, красными лисицами,

песцами или деньгами. Кромѣ того, съ нихъ собираются еще такъ называемыя полковыя деньги по раскладкѣ, присылаемой изъ Якутска. Разъ въ годъ эти племена, или по крайней мѣрѣ ихъ родоначальники, собираются въ назначенномъ отъ коммисара мѣстѣ, для уплаты ясака и другихъ налоговъ и для разбора несогласій. Уже много лѣтъ назначается для того мѣсто на берегу р. Алазама, называемое *четыре* (?), [1]) около 210 в. къ сѣверовостоку отъ Средне-колымска. Собраніе происходитъ въ Николинъ день, 6-го декабря. Тогда собираются вмѣстѣ до 100 юртъ. Обыкновенно сюда пріѣзжаютъ и нѣсколько купцовъ, чтобы промѣнивать табакъ, желѣзныя вещи и другія мелочи на лисицу, соболя и олепьи кожи.

«Но вообще здѣшніе тунгусы, ламуты и юкагиры мало имѣютъ сношеній съ русскими. Они боятся всѣхъ постороннихъ, — особенно чиновниковъ. Русскіе въ Сибири даютъ понять всѣмъ азіятцамъ, что они азіятцы, дикари или происходятъ отъ дикарей, и что только русскіе цивилизованы. Однакожъ русская цивилизація здѣсь не далеко ушла, и вліяніе ея на дикихъ весьма печально.

«Удаляясь отъ русскихъ, эти племена болѣе всѣхъ другихъ, за исключеніемъ чукчей и частію корякъ, сохранили свой народный характеръ. Они очень привязаны къ своему образу жизни. Хозяинъ жалкой юрты и нѣсколькихъ ручныхъ оленей, которому звѣриный промыселъ даетъ достаточныя средства къ существованію, уплатѣ податей и покупкѣ табаку, не промѣняется участью ни съ кѣмъ въ мірѣ. У ламутъ самое сильное проклятіе злѣйшему врагу: «чтобы тебѣ жить по русски!» Характеръ ихъ сходенъ съ природой оленей. Они живы и непостоянны; имъ тяжело прожить недѣлю на одномъ мѣстѣ. Имъ всего досаднѣе, когда болѣзнь заставляетъ ихъ оставаться въ бездѣйствіи. Ламуту, каторый страдалъ хронической болѣзнью, я совѣтовалъ провести мѣсяцъ въ Нижнеколымскѣ. Я обѣщалъ ему пищу, удобное помѣщеніе и выздоровленіе, которое было сомнительно, если онъ останется въ своей холодной юртѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «я трехъ дней не могу прожить на одномъ мѣстѣ; какъ же провести мѣсяцъ въ Нижне-Колымскѣ? я умру тамъ.» Если по худому промыслу оленей, они не могутъ оставить рыбнаго озера, которое снабжаетъ ихъ пищей, то часто дѣлаютъ небольшія перекочевки вокругъ озера, лишь бы не оставаться на одномъ мѣстѣ, а иногда даже оставляютъ озеро, въ сомнительной надеждѣ найти оленей. «Гдѣ ты

---

[1]) Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано, что сборное мѣсто называется Шегиръ и находится на р. Алазеѣ (Сиб. В. 1824 часть 1 ст. 46).

думаешь быть чрезъ шесть дней?» — спросилъ я одного Тунгуса. Почти съ досадой, онъ отвѣчалъ, что не можетъ этого знать.

«Въ основѣ ихъ характера лежитъ доброта и веселость. Говорятъ они всегда съ большимъ оживленіемъ; предметъ разговора — олени или собаки. Рѣдко можно услышать между ними недоразумѣнія и споры. Будущее ихъ вовсе не занимаетъ. Они вовсе не глупы. Между ними попадаются умные и разсудительные люди. Всѣ они знаютъ разныя нарѣчія якутскаго, ламутскаго, и юкагирскаго языковъ, многіе знаютъ и по русски. Они страстно любятъ шахматную игру, и нѣкоторые играютъ мастерски. У нихъ есть остроумные ходы.

«Имъ неизвѣстны музыкальные инструменты, кромѣ шаманскаго бубна овальной формы, покрытаго выдѣланной оленьей кожей. Чтобы произвести звукъ, отъ котораго они приходятъ въ такой ужасъ, нужно согрѣть и высушить бубенъ, на огнѣ. Звукъ этотъ сравниваютъ съ звукомъ цимбалъ. Пѣсни ихъ похожи на якутскія: они однообразно напѣваютъ импровизаціи, о чемъ случится. Угостивши тунгуску рюмкой водки, я попросилъ ее спѣть; она исполнила это безъ дальнихъ церемоній. Она начала похвалами достоинствамъ и оживляющему свойству водки, не упустила похвалить только что выпитую, описала счастливое состояніе, въ которое она приведена водкой, и наконецъ сравнила все свое существованіе съ тихимъ теченіемъ Колымы. Другая пѣла хвалу купцу, который вѣритъ въ долгъ ея мужу; третья — русскому мѣщанину, который кормилъ ее въ голодовку. — Обыкновенный танецъ ихъ — составить кругъ и держаться за руки, однакожъ безъ сильныхъ тѣлодвиженій. Этотъ танецъ сопровождается чѣмъ то въ родѣ пѣсни или скорѣе ворчанья (hurlement).

«Они въ высшей степени гостепріимны. Никто не оставляетъ ихъ юрты безъ угощенія. Они считаютъ грѣхомъ брать плату за пищу, хотя и принуждены покупать ее очень дорого у русскихъ, во время голодовки. Имъ тогда продаютъ по рублю одну salmo savaretus, которою едва можно наѣсться, тогда какъ между русскими она продается по 10 коп. Они дѣлятся послѣднимъ кускомъ; можно сказать, что они смотрятъ на добычу съ промысла, какъ на общее и священное достояніе.

«Ихъ упрекаютъ въ лукавствѣ. Жадность купцовъ и другихъ, которые стараются нажиться на ихъ счетъ, заставляетъ ихъ тщательно скрывать ихъ запасъ мягкой рухляди и увѣрять, что у нихъ былъ плохой промыселъ. Тунгуса, богатаго и бѣднаго, всегда обманываютъ въ мѣнѣ. Онъ не умѣетъ торговаться и отдаетъ, за

нѣсколько нужныхъ ему вещей, все, что у него просятъ, или все, что имѣетъ.

«Нижнеколымскій священникъ посѣщаетъ ежегодно только Тунгускій и Юкагирскій роды. Но и тутъ образъ жизни инородцевъ не позволяетъ ему видѣть ихъ всѣхъ. Остальные роды принадлежатъ къ Зашиверской церкви: въ слѣдствіе отдаленности, священникъ не посѣщаетъ ихъ по нѣскольку лѣтъ сряду. Правду сказать, они плохіе христіане. Они крестятъ дѣтей, Священникъ благословляетъ ихъ браки: но они, какъ якуты и другіе азіятскіе народы, сохраняютъ обычаи, — отдавать дочерей только за тѣхъ, кто заплатитъ такъ называемый *калымъ;* женихъ платитъ отцу невѣсты извѣстное число оленей, иногда даже денегъ. Словомъ, отецъ продаетъ свою дочь. Даже и хорошіе христіане не могутъ оставить этотъ обычай. Ни на любовь, ни на недостатки жениха не обращается вниманія: дѣвушка достается тому, кто больше заплатитъ. У ламутъ, тунгусовъ и юкагиръ, дочь зажиточныхъ родителей продается за 20 оленей, дочь богачей за 40 и болѣе. Иногда женихъ работаетъ нѣсколько лѣтъ, чтобы накопить выкупъ за невѣсту. Калымъ заплаченъ, и женихъ имѣетъ право считать дѣвушку своею женою безъ всякихъ другихъ обрядовъ. Обрядъ вѣнчанія совершается часто вмѣстѣ съ крещеніемъ уже нѣсколькихъ дѣтей.

«Религіозность выражается у нихъ знаменіемъ креста. Они дѣлаютъ его однакожъ только тогда, когда приходятъ въ Нижнеколымскъ, или когда ихъ посѣщаютъ русскіе. Они крещены слишкомъ 30 лѣтъ назадъ и ничего почти не помнятъ о своей языческой религіи. Одинъ старый тунгусъ, котораго я спрашивалъ объ этомъ, сказалъ мнѣ: «хотя мы и не были крещены, но у насъ былъ Богъ».

«Священникъ, правда, исповѣдуетъ ихъ каждый годъ; но здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, исповѣдь состоитъ только въ религіозныхъ обрядахъ.—собственно говоря, только въ платѣ Священнику, такъ какъ женщины, дѣти и даже многіе изъ взрослыхъ мужчинъ не знаютъ по русски. Эти племена еще нѣсколько привязаны къ шаманамъ; хотя архіерей сожегъ большую часть шаманскихъ одеждъ и принадлежностей, однакожъ они еще кой гдѣ попадаются. Здѣшніе шаманы ни въ чемъ не отличаются отъ другихъ. Вліяніе ихъ начинаетъ уже слабѣть и, вѣроятно, скоро совсѣмъ изчезнетъ. Тѣмъ болѣе странно, что этимъ колдунамъ вѣрятъ русскіе. Они тихонько призываютъ къ себѣ шамановъ, платятъ имъ и просятъ ихъ пособія всякій разъ, когда считаютъ себя околдованными или въ случаѣ болѣзни скота.

«У нихъ странный календарь: палка съ нарѣзками. На одной сторонѣ сдѣлано столько нарѣзокъ, сколько дней въ году. Нарѣзки, для означенія воскресенья, шире другихъ. Съ другой стороны нарѣзаны праздничные дни, соотвѣтственно днямъ недѣли. Каждый годъ, когда посѣщаетъ ихъ священникъ, они соскабливаютъ эту сторону и означаютъ на ней церковные и царскіе праздники на слѣдующій годъ. Отъ этихъ праздниковъ здѣсь вообще ведутъ счетъ и русскіе и якуты. Они не знаютъ ни мѣсяцевъ, ни чиселъ; но очень хорошо знаютъ, сколько дней отъ одного праздника до другаго.

«Главный ихъ промыселъ, послѣ оленьяго, песцы. Они водятся на прибрежьяхъ Ледовитаго моря. Песцы бываютъ двухъ родовъ, бѣлые и голубые. Ихъ убиваютъ отъ 5 до 7 тысячъ въ годъ. Песцы единственный промыселъ этихъ племенъ. Красная лисица рѣдко здѣсь попадается; за соболемъ, бѣлкой и проч. охотятся только тогда, когда они появляются въ окрестныхъ лѣсахъ. Эти племена совершенно пренебрегаютъ другими промыслами, которые могли бы обогатить ихъ, напр., мамонтовой костью, которой здѣсь еще много. Частію они слишкомъ заняты охотой, частію перевозка костей была бы затруднительна. Черепа носороговъ попадаются довольно рѣдко. Охота за перелетными птицами маловажна.

«У нихъ нѣтъ огнестрѣльнаго оружія; правительство не продаетъ здѣсь ни пороху, ни свинцу. Порохъ достаютъ потихоньку, по 10 р. фунтъ. Единственное ихъ оружіе,—лукъ и стрѣлы. Часто они не употребляютъ и ихъ, и охотятся съ собаками, которыхъ бываетъ 2—3 у каждаго семейства; собаки той же породы, какъ и у русскихъ. Эти собаки преслѣдуютъ звѣря до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ отъ усталости.

«Ламуты, тунгусы и юкагиры, хотя совершенно необразованы и боятся даже названія чиновниковъ, питаютъ глубокое уваженіе къ Е. И. В. Когда убьютъ черную или чернобурую лисицу, — непремѣнно представятъ ее коммисару съ просьбой — почтительнѣйше повергнуть ее предъ Государемъ. Такъ, во время нашего пребыванія, сдѣлалъ Тунгузскій князекъ» [1]).

Описаніе инородцевъ, бродящихъ по большому и малому Анюямъ, представляло нѣкоторыя особенности.

«Здѣсь, говоритъ Киберъ, живутъ юкагиры и чуванцы, бродящіе съ стадами домашнихъ оленей въ горахъ, сосѣднихъ съ

[1]) Изложеніе это сдѣлано по Французскому переводу замѣтокъ Кибера. Св. 348, № 11, т. 2.

Чукотской границей; ламуты, живущіе частію въ горахъ, частію по правому берегу большаго Анюя, и наконецъ Якутское племя по протяженію той же рѣки.

«Здѣшніе якуты и юкагиры во всемъ—въ одеждѣ, нравахъ, порядкахъ, даже въ языкѣ — похожи на русскихъ обывателей-казаковъ, мѣщанъ и крестьянъ. Якуты утратили свою монгольскую физіономію и нисколько не похожи на своихъ среднеколымскихъ земляковъ. Они совершенно забыли свой языкъ и говорятъ по русски, живутъ не въ землянкахъ, а также, какъ и здѣшніе русскіе. Шаманы,—жрецы или вѣрнѣе колдуны, давно уже неизвѣстны между ними. Юкагиры еще сохранили свой языкъ; но говорятъ по русски также бойко, какъ и на родномъ языкѣ.

«Здѣсь сохранилось темное преданіе объ Юкагирскомъ племени, которое жило подъ именемъ *Омокъ*, по протяженію Колымы. Еще существуетъ одно семейство, которое считаетъ себя потомками омоковъ. Одинъ 80 лѣтній старикъ увѣрялъ, что онъ знаетъ нѣсколько словъ по омокски. Омоки, говорятъ, были многочисленный народъ, который исчезъ вскорѣ послѣ появленія русскихъ. По преданію, большая часть его удалилась со своими оленями за море. На Медвѣжьихъ островахъ дѣйствительно находятъ человѣческія жилища, странной постройки и чрезвычайно древнія. Впрочемъ, вѣроятнѣе,—что большая часть омоковъ была истреблена оспой и сифилисомъ.

«Ламуты говорятъ тоже особеннымъ языкомъ. Обѣднѣвшіе оленями поселились по протяженію большаго Анюя. Другіе проводятъ зиму и лѣто въ горахъ съ своими оленями, и въ образѣ жизни похожи на тунгусовъ, обитающихъ между Колымой и Индигиркой.

«У юкагировъ прежде были ручные олени; но они замѣнили ихъ собаками, которыхъ русскіе обыватели употребляютъ какъ и около Охотска, и къ которымъ юкагиры привыкли.

«Всѣ эти народы существуютъ звѣринымъ и рыбнымъ промысломъ. Послѣдній не такъ постояненъ, и не такъ важенъ какъ у живущихъ близъ Колымы.

«Оленья охота очень важна для жителей. Кромѣ рыбы, олени составляютъ единственную ихъ пищу. Отъ этого населеніе часто подвергается голоду, если рѣки замерзаютъ слишкомъ рано или вскрываются слишкомъ поздно и олени могутъ проходить по льду. Иногда также олени проходятъ выше или ниже того мѣста, гдѣ ихъ ожидаютъ. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ инородцы особенно часто подвергаются страшному голоду во время зимы. Одна изъ причинъ этого—ихъ безпечность. Нужда тогда доходитъ дотого, что они

варятъ и жуютъ оленьи кожи, которыя служили имъ постелью, и добываютъ изъ нихъ отвратительную на вкусъ студень. Очень важный недостатокъ составляетъ неимѣніе соли, которой получается здѣсь слишкомъ мало для засола рыбы и мяса. Они принуждены также обходиться безъ хлѣба, по чрезвычайной дороговизнѣ муки (пудъ ржаной муки обыкновенно стоитъ въ нынѣшнемъ году 18 р. 30 к.). На моихъ глазахъ одно семейство на маломъ Анюѣ, убившее 200 оленей, съ большимъ трудомъ перебивалось до мая мѣсяца, чтобы не подвернуться голоду. Прибавьте къ этому чрезвычайное гостепріимство юкагировъ. Хорошо или худо кончилась охота,— на всякаго посторонняго, безъ исключенія, смотрятъ какъ на члена семейства, пока существуютъ припасы. Если охота у однихъ юкагировъ была удачна, другіе идутъ къ нимъ и часто кормятся ими всю зиму.

«Кромѣ оленей, животное царство мало доставляетъ пищи населенію. Жители убиваютъ однакоже лебедей, гусей, утокъ, морскихъ курицъ, зайцевъ, но въ небольшомъ числѣ; они слишкомъ заняты главной своей охотой. Изъ растеній ничего не употребляется, хотя и есть нѣкоторыя травы; я думаю даже, что здѣсь удались бы овощи, напримѣръ, капуста. Недостатокъ земледѣльцевъ и краткость суроваго лѣта, вѣроятно, служатъ причиной, что здѣсь ничего не сѣютъ.

«Обитатели обоихъ Анюевъ гостепріимны, веселы, добры, но лукавы. Послѣ охоты, если годъ былъ изобильный, каждый вечеръ слышатся въ ихъ домахъ звуки скрыпки, которую сами они дѣлаютъ въ нѣсколько часовъ. Цѣлый день на огнѣ стоятъ котлы съ мясомъ. Богатые много курятъ, пьютъ чай и не думаютъ о будущемъ.

«Въ продолженіе зимы промышляютъ пушнаго звѣра. Для этого употребляютъ разные способы. Съ тѣхъ поръ, какъ они узнали огнестрѣльное оружіе, луки и стрѣлы почти оставлены. Ламуты, тунгусы и чуванцы превосходно владѣютъ послѣдними. Они дѣлаютъ также разныя ловушки и привлекаютъ туда звѣря отравленными приманками. Пушной звѣрь служитъ имъ, частію для уплаты подати, частію для пріобрѣтенія необходимыхъ предметовъ, которые однакожъ сдѣлались для нихъ вредными,—чаю и водки. Они покупаютъ ихъ у купцовъ, которые каждую зиму пріѣзжаютъ въ Нижнеколымскъ для торговли съ чукчами».

О чуванцахъ сказано у Кибера очень немного. По сходству языка, онъ относитъ Колымскихъ чуванцевъ къ Юкагирскому племени. Но языкъ и жилища горныхъ чуванцевъ, живущихъ по р. Огаркѣ, правому притоку большаго Анюя, по его словамъ, значи-

тельно разнятся отъ Юкагирскихъ и походятъ скорѣе на Чукотскія и Кодьякскія, можетъ быть, вслѣдствіе сосѣдства и связей этихъ чуванцевъ съ чукчами [1].

Чукотскій народъ, какъ извѣстно, до послѣдняго времени находился только въ номинальной зависимости отъ Россіи. Въ старину мы утверждали его старшинъ, дарили имъ кортики; но наше утвержденіе въ глазахъ ихъ ничего не значило, а на почетные кортики они смотрѣли, какъ на обыкновенные подарки. Разъ въ годъ, обыкновенно въ февралѣ, они выходили для мѣноваго торга на два опредѣленные пункта,—къ крѣпости Островной на западѣ и къ Анадырску на востокѣ. Сюда пріѣзжали къ этому времени наши коммисары и купцы, и открывалась ярмарка. Островная состояла въ вѣдѣніи Колымскаго коммисара, сюда пріѣзжали преимущественно Якутскіе купцы. Въ Анадырскѣ, подъ надзоромъ Гижигинскаго коммисара, торговали Камчатскіе и Охотскіе купцы и Гижигинскіе мѣщане.

Коммисары подробно доносили губернатору о всѣхъ своихъ сношеніяхъ и разговорахъ съ чукчами. Изъ свѣдѣній, собранныхъ этимъ путемъ во время Сперанскаго, особенное вниманіе его обратило на себя извѣстіе о какомъ-то иностранномъ суднѣ, подходившемъ въ 1819 г. къ Чукотскому берегу, и производившемъ торговлю съ чукчами. По догадкамъ Сперанскаго, это было Американское судно Санъ-Мартинъ [2]. Американцы открыли въ Беринговомъ проливѣ торговлю съ чукчами; они вымѣнивали чернобурыхъ лисицъ, куницъ и моржевый зубъ на табакъ и ромъ. Это имѣло вредное вліяніе на нашу расторжку съ чукчами 1820 г.: она была маловажна и продолжалась всего только полторы сутки. [3] Но эта неудача вознаградилась успѣхомъ ярмари въ Островной 1821 г., которая была особенно замѣтна по богатству и почетности посѣтившихъ ее чукчей. [4]

На подарки чукчамъ во время этихъ свиданій ассигновалось ежегодно по 500 р. Вся эта сумма поступала въ распоряженіе Колымскаго коммисара. Гижигинскій коммисаръ, чтобы не отстать отъ товарища и выполнять заведенный издавна обычай, принужденъ былъ дѣлать чукчамъ подарки на собственный счетъ. Спе-

---

[1] Св. 348, N 11, т. 2-й Спб. Вѣстникъ. 1823 и 1824 г.
[2] Св. 43, №2.
[3] Переписка: письмо къ Кочубею 29 сентября 1820 г.
[4] Св. 348, № 11, т. 2, письмо Миницкаго 21 іюля 1821 г.

ранскій распорядился, раздѣлить назначенную на подарки сумму поровну между обоими коммисарами [1].

Въ 1820 г., чукчи бывшіе въ Островной, жаловались на то, что они долго принуждены были ждать Колымскаго коммисара и русскихъ купцовъ. Эту жалобу бывшій въ Островной священникъ сообщилъ преосвященному Михаилу, а Михаилъ — Сперанскому. Оказалось, какъ донесъ Мишицкій на запросъ Сперанскаго, что коммисаръ запоздалъ въ ожиданіи Якутскихъ купцовъ, а купцы— за дурной дорогой. Мишицкій обѣщался пригласить купцовъ, чтобы они пріѣзжали на ярмарку въ свое время; а коммисару предписать, чтобы онъ выѣзжалъ въ Островную съ наличными купцами тотчасъ, какъ только узнаетъ о приходѣ Чукчей,—не ожидая остальныхъ купцовъ [2].

Въ 1821 и 1822 г., Островную посѣтили чрезвычайно рѣдкіе гости,—ученые путешественники. Это были члены экспедиціи Врангеля, Матюшкинъ и Киберъ. Тогда же былъ у нихъ и англичанинъ Кохрэнъ. Замѣчанія Матюшкина помѣщены въ «путешествіи» Врангеля; отзывъ самихъ чукчей о сѣверной экспедиціи будетъ приведенъ нами въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы приводимъ выдержки изъ замѣчаній Кохрэна и Кибера. Выдержки эти будутъ тѣмъ умѣстнѣе, что чукчи, въ послѣднее время, обратили на себя особенное вниманіе и правительства, и общества.

«Я надѣялся, пишетъ Кохрэнъ, что чукчи позволятъ мнѣ отправиться съ ними къ Берингову проливу, но ошибся. За это позволеніе требовалось 40—50 п. табаку. Я не могъ выполнить такого громаднаго требованія [3]. По крайней мѣрѣ я убѣдился, что за 50 п. табаку нетрудно будетъ получить такое позволеніе, какъ скоро встрѣтится въ томъ надобность. Начальники долго будутъ отказываться, но, разъ давши слово, свято его выполнятъ. Но путешественникъ по этой странѣ долженъ быть благоразуменъ и остороженъ въ поведеніи, способенъ переносить большія трудности и презирать грубыя оскорбленія.

«Я собралъ объ этой странѣ вѣрныя географическія свѣдѣнія. Они отчасти подтверждаются результатами экспедиціи б. Врангеля и окончательно опровергаютъ нелѣпую мысль о соединеніи двухъ материковъ.

На ярмаркѣ было три начальника, или тоена, кромѣ богатыхъ

---

[1] Св. 13, № 2.

[2] Св. 43, № 8, доп. 22 декабря 1820 г. № 1219.

[3] Въ своемъ мѣстѣ мы приводимъ тѣ обстоятельства, въ слѣдствіе которыхъ чукчи отказались принять къ себѣ Кохрэна.

купцовъ, которые также называются тоенами. Первый, Еврашка, кочуетъ по Чауну, Паклѣ и четыремъ рѣкамъ (Quarta Rivers) и по странѣ къ Шелагскому Носу. Второй, Валетка,—по Кайсу, Экпкту и восточному берегу отъ сѣвернаго мыса къ Калючиной губѣ. Послѣдній, Капарда,—на Чукотскомъ Носѣ и въ бухтѣ св. Лаврентія. Въ управленіи перваго находятся чукчи, кочующіе на оленяхъ; втораго—рыбаки, а третьяго—торгаши. Одни дружелюбны, другіе смѣлы и отважны, третьи многочисленны и богаты. Чукчи, кочующіе по Анадыру, также богаты, но ихъ немного. Сѣверные родичи, изъ корыстныхъ видовъ, не пускаютъ ихъ въ Островную, и они торгуютъ только по Гижигѣ и Анадыру. Весь этотъ народъ, такъ сказать, заключенъ между Чауномъ, Восточнымъ берегомъ и двумя носами. Эти пункты находятся между собою на равномъ разстояніи, около 200 верстъ, и сообщеніе между ними производится въ нѣсколько дней. Мѣха достаютъ у Коргольскаго племени, которое живетъ на Американскомъ берегу, противъ бухты св. Лаврентія. За мѣхами плаваютъ лѣтомъ, на байдарахъ. Корголы, говорятъ, многолюднѣе чукчей, но не умѣютъ считать далѣе сотни. Изъ всего мною слышаннаго я заключаю, что всѣ четыре племени чукчей (каждое говоритъ особымъ языкомъ) не превосходятъ 4—5т. душъ. Они номинально независимы, но въ дѣйствительности платятъ ясакъ (?). Въ существованіи своемъ они совершенно зависятъ отъ Россіи; они охотно разстанутся съ своей независимостью, чтобы сохранить торговлю. Они аккуратно посѣщаютъ ярмарку; въ нынѣшній разъ на ней было 68 мужчинъ, 60 женщинъ и до 30 дѣтей, съ 200 нартъ и 500 оленей. Произведенія ихъ земли ограничиваются оленьими и моржевыми шкурами; всѣ мѣха, привозимые на ярмарку — Американскіе.—Общая цѣнность ввоза составляетъ 250—300.000 руб. Вывозъ состоитъ изъ табаку, огромнаго количества желѣзныхъ вещей, и большаго числа бусъ, бумажныхъ тканей и (по секрету) водки, всего на сумму 120 — 150 тысячъ руб. Чистой прибыли получается 120%. Выгоды могутъ быть гораздо больше; но слишкомъ много зависти, слишкомъ многіе торгуютъ одинъ противъ другаго и слишкомъ многіе заодно (?).

На ярмаркѣ продается только половина привозимаго табаку и вымѣнивается менѣе половины привозимыхъ чукчами мѣховъ; самые цѣнные мѣха остаются у чукчей. Въ нынѣшнюю ярмарку было вывезено 400 и осталось 300 п. табаку. Я отношу это къ тому, что чукчи не имѣли средствъ увезти болѣе. Одинъ олень можетъ везти три пуда; допуская, что съ ярмарки вывозится 400

пуд. табаку и столько же желѣзныхъ вещей, потребовалось бы подъ всю тяжесть 300 оленей. 100 нужно на перевозку женщинъ, дѣтей и имущества, и только 100 останется на провизію и разныя мелочи. Юкагиры до сихъ поръ ведутъ значительную контрабанду (?). Навьюченный олень идетъ до Носа 75—90 дней, считая по 8—10 верстъ въ сутки. Чукчи хорошо знаютъ о количествѣ привозимаго табаку. Они придерживаютъ дорогіе мѣха, пока не продадутъ всю моржевую кость (?). На Анадырской ярмаркѣ сбывается даже менѣе половины привозимаго табаку, потому что она менѣе здѣшней загромождена Чукотскимъ товаромъ.

«У чукчей нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи земли къ сѣверу отъ ихъ страны. Море втеченіи десяти мѣсяцевъ покрыто льдомъ; на немъ, кромѣ ледяныхъ горъ, ничего не видно. Ледъ разбивается только въ Августѣ и Сентябрѣ, но не столько, чтобы корабль могъ безопасно пройти. Большія стада дикихъ оленей блуждаютъ по морскому берегу отъ одного мыса къ другому, но не приходятъ къ сѣверу изъ-за моря. Чукчи называютъ Шелагскій носъ *Эрри*; также называются и начальники или старшины. Къ западу отъ него находится большая глубокая бухта, въ которую впадаютъ Чаунъ и Пакля. Въ этой бухтѣ два острова: ближайшій, небольшой, называется Айонъ; онъ богатъ моржевою костью; другой, очень большой, Глери, богатъ мохомъ. На послѣднемъ живутъ и зимой и лѣтомъ; зимою для охоты за звѣремъ, а лѣтомъ —для пастьбы ручныхъ оленей. На южной сторонѣ бухты находится высокая скала.

«Жилыя мѣста по Чуану и Паклѣ находятся отъ Шелагскаго Носа только на разстояніи одного дня ѣзды на оленяхъ, или около 70 в. Шелагскій мысъ неслишкомъ вдается въ море; это высокій полуостровъ, съ узкимъ и возвышеннымъ перешейкомъ. На западѣ его Чуанъ и Пакля, на востокѣ — Кайса и Экикта. На восточной сторонѣ также находится бухта, но безъ острововъ; берегъ склоняется нѣсколько вправо, то есть къ югу. Въ Чаунъ впадаетъ съ востока небольшая быстрая рѣчка Погидша. Страна дотого гориста, и такъ обильно покрыта снѣгомъ, что навьюченный олень не можетъ идти въ прямомъ направленіи. Нужно пробираться долинами до Пакли; тамъ, почти подъ прямымъ угломъ отъ NW къ W поворачиваютъ влѣво. Въ сѣверныхъ рѣкахъ много рыбы, а на восточномъ морскомъ берегу много моржей и морскихъ собакъ. Много рыбы и въ бухтѣ св. Лаврентія; эта бухта — единственное мѣсто на Чукотскомъ берегу, удобное для якорной стоянки.

«У чукчей нѣтъ никакихъ преданій объ ихъ происхожденіи, и о

томъ, давноли они здѣсь поселились. Они ничего не знаютъ о Шелагскомъ народѣ, который когда то будто бы обиталъ въ ихъ странѣ. Они однакожъ признаютъ, что слово *Конай* часто дается человѣку, какъ имя. Имъ ничего неизвѣстно о народахъ Татарскаго племени. Въ ихъ языкѣ нѣтъ ни одного слова, сколько нибудь похожаго на слова азіатскаго происхожденія. Характеръ ихъ языка —чисто американскій. Ихъ наружность, привычки, обычаи, одежда, бритыя головы, татуировка, отважность и смѣлость—все это убѣдительно доказываетъ ихъ американское происхожденіе. Ростъ ихъ обыкновенный, но широкая одежда даетъ имъ видъ великановъ. Они довольно красивы, грубы и дики нравомъ, опрятны въ одеждѣ, не подвержены никакимъ болѣзнямъ и живутъ до глубокой старости. Двое изъ начальниковъ, которыхъ я видѣлъ, были старше 70 лѣтъ, а все еще сильны и крѣпки. Они не такъ пристрастны къ горячимъ напиткамъ, какъ думаютъ: мѣховъ своихъ они не мѣняютъ на вино. Они завистливы, подозрительны, сладострастны и жадны, но честны и гостепріимны. Они уважаютъ своихъ начальниковъ. Между ними нѣтъ полнаго равенства. Начальники и богачи живутъ каждый отдѣльно, въ небольшихъ чистенькихъ палаткахъ, а остальные тѣснятся въ одной большой. Они способны, изобрѣтательны и трудолюбивы. Они хорошіе ремесленники. Чистота и даже изящество отдѣлки ихъ нартъ, оружія, палатокъ, платья и украшеній, служатъ явными признаками ихъ искусства. Ихъ бережливость доказываетъ заботу о будущемъ. У нихъ нѣтъ религіи, но много колдуновъ. Многіе ежегодно крестятся. Они могутъ имѣть нѣсколько женъ; убивать своихъ женъ за невѣрность, а также и принуждать ихъ къ невѣрности. Они вполнѣ поглощены торговлей — и быстро приближаются къ подчиненію Россіи; но стараются казаться вѣрующими въ свою независимость, скрываютъ свои слабости и преувеличиваютъ свою силу» [1]).

Гораздо обстоятельнѣе были замѣтки Кибера, хотя и онѣ носятъ отрывочный характеръ. Въ общемъ, онѣ сходны съ описаніемъ Кохрэна; но въ частности встрѣчаются нѣкоторыя рѣзкія противорѣчія съ показаніями Кохрэна. «Чукчи,—говоритъ Киберъ, больше всѣхъ другихъ племенъ сѣверной Азіи сохранили свою оригинальность. Они живутъ совершенно отдѣльно отъ другихъ народовъ, отличаются отъ нихъ наружностью и принадлежатъ, повидимому, къ американской расѣ. У нихъ нѣтъ этихъ узень-

[1]) Св. 349 № 15. Изложеніе сдѣлано по устному переводу А. Е. Растильцева. См. прилож.

кихъ глазъ, скулистаго лица, низкаго лба,—ни одного изъ отличительныхъ признаковъ монгольскаго происхожденія. Напротивъ, черты ихъ выразительны, волосы жесткіе и черные и т. д., физіономія ихъ вообще довольно пріятна.

«Не только наружность, но и нравы ихъ обнаруживаютъ американское происхожденіе: они очень сходны съ американскими и совершенно различны отъ азіятскихъ. Наконецъ, большая часть чукчей, обитающихъ по берегамъ Ледовитаго моря, между Чукотскимъ Носомъ и Анадыромъ, говорятъ, по мнѣнію знающихъ людей, Кадьякскимъ языкомъ.

«Чукчи сами себя называютъ Четко, т. е. человѣкъ; кромѣ этого ничѣмъ не объясняется, откуда взялось названіе чукчей. Они сами раздѣляютъ себя на оленныхъ и сидячихъ. Послѣдніе раздѣляются:

«1) На такихъ, которые, повидимому, никогда не имѣли оленей, обитаютъ по берегамъ Ледовитаго моря и къ западу отъ Тихаго океана, питаются китами, тюленями и моржами и говорятъ Кадьякскимъ языкомъ.

«2) На тѣхъ, которые имѣли прежде оленей, лишились ихъ по разнымъ несчастнымъ случаямъ и были принуждены искать пищи на берегахъ Ледовитаго моря. Они говорятъ языкомъ оленныхъ чукчей.

«Пространство, занятое чукчами, граничитъ къ востоку съ океаномъ и Ледовитымъ моремъ; на югѣ ограничиваетъ его Анадыръ; на западѣ граница проходитъ близъ обоихъ Анюевъ и Чаунскаго мыса. Это пространство замѣтно отличается и отъ сосѣднихъ земель, и отъ тѣхъ, которыя лежатъ подъ одной широтой съ нимъ. Естественную границу его, повидимому, составляетъ Колыма. По всему его протяженію съ S W къ N O идутъ высокія горы. Здѣшніе берега Ледовитаго моря поразительно отличаются отъ береговъ его влѣво отъ Колымы и Индигирки. Скалы тянутся отъ Колымы до Чукотскаго Носа; изъ нѣкоторыхъ песчаныхъ мѣстъ вытекаютъ рѣки — Березовая, Баранина, Верконъ (Верховая?) Екехта (Эльхаулъ?) и Амгуема. Отлогости скалъ по морскому берегу во многихъ мѣстахъ живописны, особенно на западной сторонѣ Колючиной губы. Въ числѣ горныхъ породъ находятся огромныя залежи сланца и гранита, кварцевыя копи и разные роды смѣшаннаго порфира. На Чукотскомъ Носѣ находится прекрасный гранитъ и кровавикъ (Lapis haematiles). Мнѣ доставили также разные виды яшмы и нѣсколько кристалловъ кварца. Минералогическія изслѣдованія въ этой землѣ могли бы имѣть большой интересъ

для науки; но я былъ тамъ въ мало удобное для изслѣдованій время.

«Здѣсь вовсе нѣтъ лѣса. Это тѣмъ удивительнѣе, что другія страны сѣверной Азіи, лежащія подъ той же широтой, покрыты лѣсомъ. Онъ появляется только около р. Анадыра. Берега Ледовитаго моря производятъ только разные виды ивъ, вышиною въ нѣсколько дюймовъ, и крошечныя березы. Морскія животныя у Чукотскихъ береговъ разнообразнѣе, нежели между Колымой и Леной. Китъ (Balaena misticetus), рѣдкій въ окрестностяхъ Шелагскаго мыса и большаго Баранова камня, находится въ большомъ числѣ въ Колючинской губѣ. Жители острова Burney ловятъ иногда Кашелотовъ (Phiseter macrocephalus). Я видѣлъ также рогъ морскаго единорога, (monodon narhwal), котораго жители убили въ прошедшемъ году. Много моржей (trichechus rasmarus), клыки которыхъ доставляютъ превосходную кость, а изъ кожи чукчи дѣлаютъ очень крѣпкіе и прочные ремни. Нужно впрочемъ замѣтить, что это животное водится въ большемъ числѣ только *въ Якапѣ* (такъ называютъ чукчи часть Ледовитаго моря, почти на срединѣ между Шелагскимъ мысомъ и Колючиной губой) и очень рѣдко къ западу отъ Якапа. Это заставляетъ думать, что въ морѣ есть мелкія мѣста, чрезъ которыя не могутъ проходить большія животныя. Это подтверждается и разсказами чукчей, что въ ясные лѣтніе дни видны къ сѣверу скалы. Въ большемъ количествѣ водится и тюлень, важный для чукчей. На сѣверныхъ берегахъ часто находятъ касатокъ (delphinus orca). Чукчи очень мало занимаются рыбной ловлей, и потому не могли дать мнѣ удовлетворительныхъ свѣдѣній о рыбахъ Ледовитаго моря. Царство млекопитающихъ вообще то же, какъ и въ окрестныхъ странахъ. Попадается еще каменный баранъ, но соболя нѣтъ въ этой безлѣсной странѣ. О мѣстныхъ рыбахъ и птицахъ я не могъ узнать ничего особеннаго.

«Оленные чукчи живутъ во внутренности страны. Они гораздо многочисленнѣе сидячихъ. Можно положительно утверждать, что чукчи, относительно, есть самое многочисленное племя на сѣверѣ Азіи. Правда, число ихъ нельзя опредѣлить съ точностью; однакожъ, удвоивъ 10.000 чел. о которыхъ Биллингсъ говоритъ въ своемъ путешествіи, мы будемъ близки къ истинѣ. Чукчей раздѣляютъ еще на Анадырскихъ, живущихъ около р. Анадыра; Носовыхъ—въ окрестностяхъ Чукотскаго Носа, Бѣломорскихъ, между Чукотскимъ и Шелагскимъ мысами, и наконецъ Чаунскихъ, въ окрестностяхъ губы того же названія.

«Здѣсь я долженъ упомянуть о Шелагахъ. Этотъ народецъ,

совершенно исчезнувшій нынѣ на сѣверѣ Азіи, жилъ когда-то въ окрестностяхъ Шелагскаго мыса и Чаунской губы. Чукчи еще очень хорошо помнятъ шелаговъ. Они утверждаютъ, что шелаги говорили особеннымъ языкомъ; одеждой и образомъ жизни походили на ламутъ, тунгусовъ, и юкагиръ; что они ушли къ востоку отъ Чаунской губы и съ тѣхъ поръ чукчи ничего объ нихъ не слышали. Чукчи называютъ шелаговъ *чавани*, и Чаунскую губу, *Чаванъ*; а Шелагскій мысъ, напротивъ Экри (еегі). Это заставляетъ предполагать, что шелаги жили у Чаунской губы. Въ окрестностяхъ Колымы также помнятъ шелаговъ, но смутно. Они будто бы вели вѣчную войну съ тунгусами и юкагирами, и наконецъ были совершенно истреблены; можетъ быть, и сами шелаги принадлежали къ Юкагирскому племени.

«Лѣсъ, котораго лишены чукчи, крайне необходимъ въ этой полярной странѣ. Поэтому они собираютъ лѣсъ, который выбрасывается на берега Ледовитаго моря. Къ востоку отъ Шелагскаго Носа лѣсъ, вѣроятно, выносится изъ Американскихъ рѣкъ; тамъ встрѣчаются ель, сосна, разные роды тополя. На западъ отъ мыса попадается только лиственица, которую ежегодно приносятъ во множествѣ Колыма, Индигирка и Лена. Недостатокъ лѣсу заставляетъ чукчей придумывать разныя средства для защиты отъ чрезмѣрнаго холода.

«На всемъ сѣверѣ Азіи только одни чукчи не подвергаются голоду, какъ якуты, юкагиры, ламуты, тунгусы, чуванцы и даже русскіе, хотя земли ихъ гораздо богаче Чукотскихъ рыбными рѣками и озерами и проч. Причина та, что чукчи болѣе пастухи, нежели звѣроловы, въ отличіе отъ другихъ племенъ сѣверной Азіи. Общій интересъ и согласіе между ними также много способствуютъ этому.

«Оленные чукчи также правильно содержатъ ручныхъ оленей, какъ мы свой домашній скотъ. Чукчи не кочуютъ безпрестанно, какъ другія племена; они передвигаются только для того, чтобы найти новые луга для своихъ многочисленныхъ стадъ. Странно слышать, какъ чукча, имѣющій нѣсколько сотъ оленей, называетъ себя бѣднякомъ. Зажиточные считаютъ ихъ тысячами, а богатые часто не знаютъ имъ и счету. Чукчи содержатъ оленей систематически (sic) и почти исключительно заняты ими; часть оленей откармливаютъ для побойки въ назначенное время. Откормленные олени дѣлаются очень жирны. Конецъ апрѣля, когда самки родятъ дѣтенышей, есть самое важное время для чукчей во всемъ году. Тогда ведутъ стада на равнину, чтобы сѣверные вѣтры, которые

часто дуютъ въ этой странѣ, не могли погубить дѣтенышей. Тогда же убиваютъ откормленныхъ, выбираютъ для откармливанія новыхъ и проч.

«Чукчи также мастерски употребляютъ этихъ животныхъ въ ѣздѣ. Они запрягаютъ всегда по два оленя въ нарту (нарты ихъ походятъ на тунгускія, но красивѣе: вмѣсто полозьевъ кладутъ подъ нихъ китовый усъ, который легче скользитъ по льду и снѣгу. Вожжи и бичъ очень красивы. Чукотскіе олени, повидимому, принадлежатъ къ особой породѣ. Ноги у нихъ короче, и вообще животное меньше, нежели олени у Ламутъ и Тунгусовъ.

«Чукчи употребляютъ оленей только какъ упряжное, а не какъ вьючное животное. Это заставляетъ ихъ проводить лѣто въ одномъ мѣстѣ, пока новый снѣгъ не позволитъ имъ передвинуться. Этимъ они отличаются отъ другихъ племенъ.

«Они не очень любятъ звѣриный промыселъ. Занимаются имъ очень не многіе, хотя въ странѣ водятся изобильно дикіе олени, лоси, лисица, дикій баранъ, песецъ, черные и бѣлые медвѣди. Они однакожъ охотятся за бѣлымъ медвѣдемъ, мясо котораго находятъ очень вкуснымъ. Они употребляютъ лукъ и стрѣлы; но вообще они дурные стрѣлки. Главное ихъ оружіе—копья разнаго рода и величины. Чукчи сильны, но не ловки [1]).

«Они мало расположены къ рыбной ловлѣ. Занимаются сею только на досугѣ отъ ухода за оленями, напр. осенью. Рыбу ловятъ удочкой, изъ моржеваго зуба или изъ крѣпкой рыбьей кости; удочка привязывается къ шнурку, искусно сдѣланному изъ китоваго уса. Въ большихъ рѣкахъ они иногда ловятъ рыбу сѣтями и запрудами.

---

[1]) «Съ копьемъ они ходятъ и на поиски бѣлыхъ медвѣдей. Медвѣдь не боится людей; а потому охотникъ идетъ къ нему на встрѣчу и убиваетъ его, протыкая копьемъ, на что нужна значительная сила. Бѣлый медвѣдь гораздо крѣпче чернаго, но тяжелъ и неповоротливъ, а это значительно уменьшаетъ опасность охоты.

«Кстати укажу здѣсь на ихъ способъ истреблять волковъ, которые наносятъ большой вредъ ихъ стадамъ. Они берутъ тонкій китовый усъ, заостриваютъ его съ обоихъ концовъ, связываютъ ихъ ниткой и обливаютъ водой, пока отъ холода не образуется на немъ ледяная кора. Тогда разрываютъ нитку, посыпаютъ эту ледяную кору камнемъ, и разбрасываютъ такія приманки по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ проходятъ волки. Волки жадно бросаются на приманку. Но лишь только ледъ растаетъ и эластическіе концы китоваго уса разойдутся, они задыхаются или пропадаютъ отъ потери крови.

«Птицъ убиваютъ на лету, изъ пращи особаго рода. Отъ 10 до 12 костяныхъ многоугольныхъ кусковъ, величиной съ орѣхъ, вырѣзанныхъ изъ моржеваго зуба или изъ оленьяго рога, привязаны, каждый отдѣльно, къ шнуркамъ, длиною въ полсажени. Концы шнурковъ связываются, и охотникъ, держа въ правой рукѣ кости, а въ лѣвой концы шнуровъ, бросаетъ въ птицу на лету. Концы, которыми привязаны кости, разлетаются и спутываются въ крыльяхъ птицы, и она падаетъ на землю.

«На топливо, по недостатку лѣса, употребляютъ сало тюленей и другихъ морскихъ животныхъ. Оленные Чукчи вымѣнваютъ этотъ важный предметъ у сидячихъ; но иногда и сами приходятъ весной на берега, проводятъ тамъ лѣто и промышляютъ тюленей и моржей [1]).

Образъ жизни Чукчей совершенно различенъ отъ образа жизни другихъ народовъ сѣверной Азіи. Палатки ихъ очень высоки и обширны, имѣютъ только одинъ входъ и не всегда бываютъ непремѣнно круглыя. Сидячіе Чукчи дѣлаютъ ихъ изъ оленьей или моржевой кожи. Нѣсколько семействъ живутъ въ одной палаткѣ; для этого она раздѣляется на нѣсколько небольшихъ четырехугольныхъ палатокъ по числу семействъ; эти палатки называются здѣсь *пологъ*. Этотъ пологъ вышиною въ ростъ человѣка: въ немъ могутъ помѣщаться отъ четырехъ до шести человѣкъ. Кожи на стѣнахъ лежатъ шерстью вверхъ; полъ также покрытъ кожами. Такимъ образомъ, чукотское семейство помѣщается въ мѣховомъ ящикѣ. Въ палаткѣ постоянно горитъ лампа, сдѣланная изъ аспида. Вмѣсто масла служитъ китовый или тюленій жиръ, а вмѣсто свѣтильни,—сухой мохъ. Эта лампа даетъ много тепла, которое еще усиливается отъ соединенія многихъ людей въ одномъ помѣщеніи. Жаръ такъ силенъ, что даже въ величайшіе морозы, которые доходятъ до 40° R, Чукчи не могутъ быть въ юртѣ одѣтыми. Мужчины обыкновенно сидятъ совершенно нагіе, а женщины полуодѣтыя. Лампы издаютъ невыносимую вонь, которая еще усиливается человѣческими испареніями, такъ что непривычному человѣку невозможно надолго оставаться въ юртѣ. Чукчи считаютъ однакоже себя очень счастливыми, что изобрѣли такое простое и теплое убѣжище отъ чрезмѣрнаго холода. Обыкновенно, въ одной большой юртѣ бываетъ четыре полога; это зависитъ однакожъ отъ числа и многолюдности семействъ. Огонь среди большой па-

---

[1]) «Зимняя ловля: караулятъ тюленя, когда онъ, пробившись сквозь ледъ, грѣется на солнцѣ. Охотникъ ложится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него на брюхо, съ копьемъ, остріе котораго прикрѣплено такъ, что его легко можно отдѣлить отъ древка. Къ острію привязана крѣпкая и длинная веревка. Охотникъ ползкомъ подвигается къ тюленю и обманываетъ его разными способами, взрывая руками (?) ледъ и подражая крику животнаго. Приблизившись, онъ пускаетъ въ него копье. Тюлень тотчасъ бросается въ щель, но остріе, привязанное къ веревкѣ, уходитъ съ нимъ подъ ледъ. Охотникъ вытаскиваетъ его изъ щели, расширивъ щель другимъ концомъ копья, на которомъ находится родъ молотка изъ моржевой кости. Ловятъ тюленей и ременною сѣтью. Сѣть вяжется также, какъ и въ Россіи, только петли у нея больше. Вмѣсто бичевы употребляютъ тонкіе и длинные китовые ремни, концы которыхъ крѣпко связаны, и которые не такъ гибки, какъ веревки, но такъ крѣпки, что животное не можетъ разорвать ихъ зубами.

латки раскладывают только для того, чтобы варить кушанье; поддерживают его ивовыми сучьями и выкидным лѣсомъ, когда находятся близъ моря. Если нѣтъ лѣсу, то варятъ на лампахъ.

«Близъ палатки, въ нартахъ, хранится имущество, оружіе и припасы. Утварь ихъ очень проста: котелъ,—необходимѣйшая вещь для Чукчей,—топоръ, деревянная чаша и нѣсколько желѣзныхъ вещей.

«Они вообще употребляютъ животную пищу; главная,—это вареное оленье мясо. Горячей пищи они никогда не ѣдятъ. Говядина разрѣзывается на мелкіе куски; наваръ студятъ и потомъ пьютъ или трубочкой, сдѣланной изъ оленьей кости, или изъ деревянныхъ чашекъ, для утоленія жажды. Они находятъ это питье очень здоровымъ. Къ соли они чувствуютъ отвращеніе. Кромѣ оленьяго, ѣдятъ мясо тюленя, моржа, кита и бѣлаго медвѣдя. Они особенно любятъ сало и вообще ѣдятъ очень жирно. Сырая китовая кожа составляетъ для нихъ лакомство. Эта кожа вкусомъ походитъ на стерлядь. Они ѣдятъ совершенно сырой жиръ тюленя, оленя и кита. Нельзя сказать, чтобы они были неумѣренны въ пищѣ, какъ другіе дикіе народы. Никогда не подвергаясь голоду, они привыкли ѣсть правильно. Они любятъ есть снѣгъ и увѣряютъ, что онъ очень здоровъ: вѣроятно онъ предохраняетъ отъ скорбута. Лѣтомъ они ищутъ вѣтви черноголовника (sanguisorbes), которыя собираетъ mus oeconomus.

«Они всегда здоровы и тучны, можетъ быть оттого, что употребляютъ пищу на половину сырую. Сильныя болѣзни у нихъ рѣдки. Кое гдѣ случается венерическая болѣзнь. Тѣ, которые подвергаются этой болѣзни, обыкновенно дѣлаются ея жертвами.

«Чукчи любятъ тепло, и изобрѣли одежду, которая защищаетъ отъ жесточайшаго холода и до того соотвѣтствуетъ климату, что послужила образцомъ для другихъ народовъ. Зимнюю одежду мужчинъ составляютъ штаны и верхнее платье. Штаны длинные и широкіе, доходятъ до пояса и связываются вокругъ тѣла. Ихъ шьютъ изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ. Въ сильные морозы надѣваются еще подштанники изъ шкуры молодыхъ оленей. Обувь, которая доходитъ только до пятки (jointure de pieds), дѣлается изъ куска кожи съ оленьихъ ногъ. Штаны крѣпко связаны сверхъ обуви. Богачи обшиваютъ штаны волчьими лапами, у которыхъ они не отрѣзываютъ когтей. Сидячіе Чукчи дѣлаютъ штаны и обувь изъ тюленьей шкуры. Сверху надѣваютъ родъ двойной широкой рубашки, изъ оленьей кожи. Она спускается до колѣнъ и не разрѣзана спереди. Рукава такъ широки, что можно свободно вы-

*

нимать изъ нихъ руки. Подкладка дѣлается обыкновенно изъ шкуры молодыхъ оленей, шерстью къ тѣлу. Поясомъ служитъ ремень; и когда человѣкъ вынимаетъ свои руки изъ рукавовъ къ тѣлу, онъ входитъ такъ сказать въ мѣшокъ, въ которомъ прячетъ предметы первой необходимости, табакъ, трубку, табакерку, трубку для питья, трутъ и проч. Къ поясу привязывается ножикъ, въ родѣ кинжала. Отправляясь въ путь, Чукчи обыкновенно привязываютъ къ поясу кусокъ ласточьей кожи, какъ талисманъ для успѣшнаго путешествія. У нихъ также въ обычаѣ привязывать къ поясу крючья и ложки. Воротникъ рубашки сдѣланъ изъ тюленьей кожи; богатые дѣлаютъ его изъ волчьей шкуры, которой длинная шерсть падаетъ на плеча. Сверху это платье выпушено всевозможными мѣхами—собакой, мышью, и чѣмъ то въ родѣ бобра, которое они покупаютъ у Американцевъ. Но лучшимъ мѣхомъ считается у Чукчей волчій; они предпочитаютъ его лучшему соболю и лисицѣ. Эта одежда ничуть небезобразна, хотя Чукчи и кажутся въ ней толстыми. Она очень тепла и легка; но имѣетъ тотъ недостатокъ, что шерсть вылѣзаетъ, особенно изъ шкуръ старыхъ оленей.

«Чукчи брѣютъ голову. Этимъ они отличаются отъ всѣхъ народовъ сѣверной Азіи, которые очень уважаютъ косу. Они носятъ двѣ шапки. Одна дѣлается изъ ногъ молодыхъ оленей, и покрываетъ голову, уши и часть щекъ. Богатые дѣлаютъ ее изъ кожи съ головы волка или рыси, у которой они стараются сберечь уши. Эта шапка обшита бобромъ и проч. На нее надѣваютъ другую, пошире, изъ волчьихъ лапъ или шкуры молодаго оленя, которую связываютъ у подбородка и которая имѣетъ круглую форму головы. Она обыкновенно обшита ремнями изъ волчьей шкуры. При сильномъ вѣтрѣ, носятъ еще на головѣ такъ называемую *варварку*. Она состоитъ изъ шапки, которая покрываетъ и грудь и оставляетъ на лицѣ лишь небольшое отверстіе. Она походитъ на большой воротникъ, дѣлается изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ, выкрашенной въ красный цвѣтъ орѣховою корою и обшивается волчьимъ мѣхомъ. Шея у Чукчей всегда открыта. На груди носятъ родъ рубашки изъ оленьей кожи, которую завязываютъ на шеѣ ремнемъ. Рукавицы дѣлаются изъ кожи съ оленьихъ ногъ. Вообще мужская одежда не обременена никакими безполезными украшеніями и вполнѣ соотвѣтствуетъ климату.

«Въ жестокіе морозы, сверхъ обыкновенной одежды, надѣваютъ еще знаменитую *кухлянку*,—одежду, которую, по ея полезности, заняли у Чукчей Русскіе, Якуты и большая часть сосѣднихъ на-

родовъ. Кухлянка—родъ широкой и длинной двойной рубашки изъ оленьихъ шкуръ, которая покрываетъ тѣло отъ шеи до ногъ. Она снабжена сзади широкимъ капишономъ, которымъ покрываютъ голову въ сильные морозы. Кусокъ четырехъугольной кожи, привязанный къ груди, закрываетъ лицо въ случаѣ слишкомъ пронзительнаго вѣтра. Кухлянка такъ широка, что въ ней легко можно даже раздѣться. Она чрезвычайно тепла, даже при 40° морозу. Она очень удобна для тѣхъ народовъ, которые ѣздятъ въ нартахъ, но верхомъ ѣздить въ ней неловко.

«Лѣто здѣсь едва замѣтно, и потому лѣтняя одежда состоитъ только изъ менѣе пушистыхъ шкуръ и не имѣетъ подкладки. Носятъ также *камлейки*, изъ дубленой оленьей кожи. Камлейки надѣваются для защиты отъ дождя и сырости. Ихъ носятъ также и другіе народы на сѣверѣ Сибири,—Якуты, Русскіе, Юкагиры, Чуванцы и проч. Сидячіе Чукчи дѣлаютъ камлейки изъ китовыхъ или моржевыхъ кишокъ въ родѣ тѣхъ, какія носятъ Алеуты.

«Женская одежда, напротивъ, очень безобразна. Если не ошибаюсь, она походитъ на одежду Гренландскихъ женщинъ. Она безобразитъ и лицо и станъ. Между женщинами, однакожъ, попадаются хорошенькія, а этого нѣтъ у Тунгусовъ и Ламутъ. Сколько мнѣ извѣстно, въ сѣверной Азіи однѣ только чукотскія женщины татуируютъ себѣ лицо и руки [1]). Женская одежда, кромѣ обуви, состоитъ только изъ одного платья. Оно сдѣлано изъ оленьей кожи, въ видѣ мѣшка, съ широкими рукавами, и разрѣзано спереди. Нижняя часть платья, разрѣзанная и связанная вмѣстѣ, образуетъ широкіе штаны, которые завязываются у колѣнъ. Рукава очень широки, чтобы женщина, которая обыкновенно сидитъ въ пологѣ съ открытою грудью, могла ихъ снимать. Воротникъ опушенъ собачьимъ или волчьимъ мѣхомъ. Платье сшито шерстью вверхъ. Сапоги дѣлаются изъ кожи оленьихъ ногъ, доходятъ до колѣнъ и обшиты бахрамой. Женщины, по чувству стыдливости, всегда держатъ платье передъ грудью, чтобы оно не свалилось совершенно; въ этомъ неудобномъ положеніи онѣ выполняютъ всѣ домашніе

---

[1]) «Для этого они накалываютъ кожу иглой. Лицо татуируется такъ: нѣсколько линій идутъ отъ нижней губы къ подбородку и оканчиваются у лицеваго угла. Отъ средины лба, или нѣсколько ниже (a peu près) спускаютъ двѣ линіи до ноздрей. Щеки татуированы кругами съ удивительною правильностію. На рукахъ нарѣзываются всякаго рода черты и фигуры. Эта живопись отъ времени стирается, и потому ее заботливо возобновляютъ. Женщины также часто разрисовываютъ лицо кровавикомъ (lapis-haematites, или графитомъ (graphit). Дѣти и молодые мужчины татуируютъ себѣ или носъ, или лобъ, чертой или крестомъ, безъ всякой правильности. Это дѣлается въ слѣдствіе суевѣрія: они думаютъ, что эти каракули предохраняютъ отъ болѣзни, отъ колдовства и проч.

работы. Волосы заплетаются въ двѣ косы, съ бусами, и спускаются около ушей. Вокругъ шеи надѣты длинныя нити бусъ и серегъ; ихъ носятъ и нѣкоторые мужчины. Бусы предпочитаются свѣтлосиніе или бѣлые, какъ у Тунгусовъ, Ламутъ и проч. На рукахъ носятъ запястья изъ бусъ или желѣза. Къ сапогамъ, на голѣняхъ, привязываютъ бусы и проч.

«Выходя изъ дому, женщины надѣваютъ *кухлянку* того же покроя, какъ мужская, подлиннѣе и шире. Она дѣлается изъ оленьяго мѣха, шерстью внизъ; верхняя дубленая часть одежды, окрашивается въ красный цвѣтъ орѣховой корой. Выпушка изъ собачьей кожи и пр. Женщины, одѣтыя въ кухлянку, кажутся малы и безобразны.

«Дѣтей своихъ носятъ онѣ на спинѣ, поддерживая ихъ за ноги. Дѣти одѣты также, какъ взрослые.

«Чукчи, по своимъ нравамъ и обычаямъ, замѣтно отличаются отъ другихъ азіятскихъ народовъ. У нихъ существуетъ многоженство. Чукча, смотря по средствамъ, имѣетъ нѣсколько женъ, которыя повидимому пользуются равными правами и живутъ въ добромъ согласіи. Многоженство, однакожъ, не всеобщій обычай. Я видѣлъ много Чукчей, имѣвшихъ только по одной женѣ. Никогда не бываетъ болѣе пяти женъ. Калымъ и другіе брачные обычаи неизвѣстны. Мужъ пользуется неограниченною властью надъ женами и дѣтьми. Утверждаютъ, что Чукчи не обращаютъ большаго вниманія на поведеніе своихъ женъ и дочерей; но это неправда. Онѣ были бы неизбѣжно убиты, если бы попались на мѣстѣ преступленія. Браки, впрочемъ, не считаются здѣсь священными. Если жена безплодна, то это служитъ уважительной причиной прогнать ее и взять другую.

«Смерть дѣтей въ раннемъ возрастѣ также служитъ причиной развода.

Весьма замѣчателенъ обычай обмѣна женъ между мужьями. Всякій Чукча выбираетъ себѣ друга, съ которымъ онъ обыкновенно живетъ вмѣстѣ и на котораго разсчитываетъ въ счастіи и въ несчастіи. У друзей все общее, даже жены. Это долженъ быть очень древній обычай. Когда Чукча желаетъ выразить кому нибудь свою дружбу, онъ говоритъ—«мы друзья на обмѣнъ женъ».

«Дѣти, рожденныя отъ разныхъ женъ, пользуются одинаковыми правами. Родители имѣютъ надъ ними безусловную власть; они устроиваютъ и рѣшаютъ ихъ браки.

«Между ними, кажется, существуетъ рабство. Я не могъ совершенно разъяснить этотъ вопросъ; но я узналъ, что цѣлыя семейства,

ихъ дѣти и внуки, обязаны жить у одного владѣльца оленьяго стада, не могутъ уйти отъ него, и что онъ пользуется надъ ними исполнительною (exécutif) властью. Въ замѣнъ этого онъ обязанъ кормить и одѣвать ихъ.

«Чукотскіе начальники называются *Ермечанами*. Они не пользуются однакоже большимъ уваженіемъ. Вліяніе ихъ обыкновенно зависитъ отъ ихъ богатства и физической силы, очень рѣдко отъ ихъ ума. Кромѣ того оленные Чукчи пользуются нѣкотораго рода властью надъ сидячими. Послѣдніе большею частью бѣдны и получаютъ одежду, табакъ и разныя вещи отъ оленныхъ Чукчей; на нихъ смотрятъ, какъ на работниковъ, и часто требуютъ отъ нихъ работы, жиру, ремней и проч.

«Чукчи не признаютъ себя русскими подданными, хотя правительство утверждаетъ ихъ тоеновъ и даритъ ихъ кортиками и медалями. Они дѣйствительно платятъ маленькій ясакъ, но для того только, чтобъ поддерживать мѣновую торговлю съ русскими купцами, которая производится въ присутствіи коммисара и о которой они столько же заботятся, какъ о содержаніи своихъ оленей. Это народъ коммерческій. Съ незапамятныхъ временъ они ведутъ торговлю съ американскими племенами, живущими противъ Чукотскаго Носа. Послѣдніе страстно любятъ русскій табакъ и могутъ доставать его только отъ Чукчей. Въ обмѣнъ, они отдаютъ множество куницъ, лисицъ, рысей, выдръ, медвѣдей и проч. Очень ошибаются думая, что эти мѣха составляютъ продуктъ собственнаго промысла Чукчей. Чукчи почти не занимаются звѣринымъ промысломъ. Мѣха они достаютъ торговлей и пріобрѣтаютъ ихъ больше всякаго другаго народа въ Сибири. Нѣсколько разъ иностранные корабли пытались завести мѣну съ Американцами къ сѣверу отъ Берингова пролива; но они не могли подорвать торговли Чукчей, ибо не имѣли Черкасскаго табаку. Всѣ эти мѣха переходятъ къ русскимъ купцамъ, которые каждую весну пріѣзжаютъ изъ Якутска въ Островную, за 220 в. отъ Нижнеколымска. Сюда собираются около ста человѣкъ Чукчей, съ женами и дѣтьми.

«У Чукчей есть природная склонность къ торговлѣ. Нужно замѣтить, что они вымѣниваютъ только предметы первой необходимости, напр. желѣзныя вещи и проч. Золото и серебро цѣнятся у нихъ менѣе, чѣмъ желѣзо. Они покупаютъ и съѣстные припасы, если находятъ это выгоднымъ.

«Чукчи совершенно ошибочно пользуются на сѣверѣ Сибири репутаціей воинственнаго народа. Они,—народъ пастушескій и торговый. Въ незапамятныя времена они выдумали свое военное платье

о которыхъ я упомяну въ другомъ мѣстѣ,—единственно для защиты отъ нападеній Корякъ, Шелаговъ и Юкагиръ. По слухамъ, между ними существуетъ величайшее согласіе. Многолюдный и дружный народъ; они стараются упрочить свою независимость. Положеніе страны, однакожъ, долго еще будетъ препятствовать ихъ развитію.

«Удивительно, что они допускаютъ педерастію. Эти несчастныя созданія въ женской одеждѣ предаются открыто своему постыдному ремеслу. Я очень удивился, узнавъ, что они женятся. Этотъ обычай, общій на сѣверныхъ берегахъ Америки, указываетъ на американское происхожденіе Чукчей.

«Существуетъ еще слѣдующій отвратительный обычай. Когда Чукча одряхлѣетъ и думаетъ, что ему остается недолго жить, онъ требуетъ отъ своихъ дѣтей или родственниковъ, чтобы они его зарѣзали. Особенно соблюдаютъ этотъ обычай тѣ, кои пользуются общимъ уваженіемъ,—тоены и проч. Обыкновенно имъ перерѣзываютъ шейную артерію. Мнѣ разсказали много случаевъ такого убійства, совершенныхъ въ 1822 г.; этимъ они вѣроятно сокращаютъ свою жизнь на нѣсколько лѣтъ. Въ этомъ варварскомъ обычаѣ, которому подобнаго нѣтъ ни у какого другаго азіятскаго народа, исключая индѣйскихъ женщинъ, которыя имѣютъ однакожe другой поводъ всходить на костеръ,—я нахожу новое доказательство ихъ американскаго происхожденія.

«Чукчи въ высшей степени суевѣрны. Шамановъ очень много; между здѣшними русскими Чукчи считаются большими колдунами. Во всякомъ семействѣ навѣрное найдется шаманъ. Здѣшніе шаманы отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что не отпускаютъ волосъ и не носятъ особенной одежды. Для своего колдовства они довольствуются небольшимъ бубномъ, обтянутымъ моржевой кожей. Небольшая красивая тросточка изъ китоваго уса служитъ имъ барабанной палкой (жезломъ). По своей эластичности, она производитъ дрожащій звукъ, который шаманъ измѣняетъ по произволу. Для колдовства шаманъ садится совершенно нагой въ пологъ; огонь гасится; всѣ желѣзныя вещи и все, что можетъ ранить шамана, тщательно убирается. Шаманъ начинаетъ пѣть и бить въ бубенъ, сначала весьма тихо, потомъ громче и громче и наконецъ чрезвычайно громко; возбудивъ такимъ образомъ свое воображеніе, онъ отвѣчаетъ на вопросы и пророчитъ. Его колдовство состоитъ въ томъ, что посредствомъ бубна онъ будто бы вызываетъ духовъ, съ которыми имѣетъ связи, и которыхъ онъ будто бы видитъ. Чукчи совѣтуются съ своими шаманами о всякой мелочи. Шаманы играютъ большую роль при отправленіи въ путь,

при появленіи разныхъ феноменовъ и въ случаѣ болѣзни. Чукчи, какъ и всѣ обитатели сѣверной Азіи, не исключая и русскихъ, вѣрятъ, что между ними существуютъ злые люди, которые могутъ ихъ испортить. Если кто нибудь умретъ въ молодости отъ неизвѣстной причины, то думаютъ, что онъ былъ испорченъ; шаманы стараются подтвердить это [1]).

«Чукотскіе шаманы пользуются большой славой у русскихъ. Между другими глупостями увѣряютъ, будто отъ ихъ воли зависитъ хорошая и дурная погода.

«Чукчи набожно чтутъ память умершихъ родственниковъ, и бросаютъ табакъ и сало на ихъ могилы. Они привѣтствуютъ усопшихъ, вѣжливо приглашаютъ ихъ вкусить принесенные подарки, просятъ ихъ расположенія и проч.

«Ворона, повидимому, пользуется у нихъ уваженіемъ, можетъ быть потому, что это единственная птица, которая зимуетъ въ этой странѣ, и что голосъ ея имѣетъ для нихъ что то знаменательное. Напр. шаманъ, который въ моемъ присутствіи дѣлалъ свои предсказанія въ темномъ пологѣ, съ удивительнымъ искуствомъ подражалъ полету и крику вороны. Онъ сказалъ мнѣ, что одинъ духъ явился ему въ видѣ вороны и открылъ ему разныя вещи и проч. Чукчи вѣрятъ въ сны. Появленіе вороны во снѣ есть важное предзнаменованіе.

«Увѣряютъ, что Чукчи пристрастны къ кражѣ,—порокъ, общій всѣмъ дикимъ и невѣжественнымъ народамъ. Каждый годъ бываетъ нѣсколько праздниковъ, особенно когда олени родятъ дѣтенышей и когда бьютъ откормленный скотъ. Любимое ихъ развлеченіе—это бѣгъ оленей. Побѣдители получаютъ награду [2]).

У Чукчей есть много народныхъ плясокъ. Въ пляскѣ они почти всегда остаются на одномъ мѣстѣ, не дѣлаютъ большихъ движеній

[1]) «Въ прошедшемъ году былъ такой случай. На Чаунскомъ мысѣ жилъ богатый и уважаемый Чукча, по имени Аплоль. Племянникъ его внезапно потерялъ двухъ сыновей. Во время ихъ болѣзни онъ, въ глубокой печали, просилъ совѣта у шамана. Этотъ, будучи не въ состояніи вылечить ихъ, объявилъ, что они испорчены Аплолемъ. Несчастный отецъ отмстилъ за своихъ сыновей, убивши дядю ночью. Аплоль пользовался уваженіемъ и потому смерть его надѣлала шуму. Старшій сынъ его собралъ свое семейство и требовалъ мести за отца. Убійца, узнавъ объ этомъ и видя, что онъ долженъ будетъ уступить силѣ, объявилъ, что онъ готовъ подвергнуться смертной казни, но проситъ только годъ жизни. На это согласились. Въ то время онъ собралъ свои стада и исчезъ. Одинъ этотъ фактъ доказываетъ, съ какими ужасными послѣдствіями сопряжено суевѣріе у дикихъ народовъ.

[2]) «На ровной дорогѣ и въ ясное время олень пробѣгаетъ 15 верстъ въ полчаса. Олени не выносятъ большихъ разстояній, по этому Чукчи путешествуютъ медленно; часто они дѣлаютъ не болѣе 15 вер. въ сутки. Отъ Чукотскаго Носа до Островной они идутъ полгода, перемѣняя еще на полпути оленей.

ногами, и издавая безпорядочные звуки, производятъ движеніе тѣломъ, руками и головой.

«Потребности Чукчей прежде были весьма ограничены. Они жили тогда совершенно отдѣльно отъ другихъ народовъ и даже тщательно избѣгали ихъ. Желѣзныхъ вещей у нихъ не было. Топоры и ножи были каменные, какіе и теперь еще попадаются у бѣдныхъ; рыбьи кости служили иглами и т. п. Табакъ сблизилъ ихъ съ Русскими. Это растеніе имѣетъ для нихъ невѣроятную прелесть.

«Они дѣлаютъ каждый годъ по нѣскольку сотъ верстъ и приходятъ на ярмарку, чтобы купить, часто очень дорого, табакъ, который составляетъ главный предметъ ихъ торговли съ Корголами. Чукча, имѣющій нужду въ табакѣ, охотно платитъ, за одинъ листъ табаку цѣлаго песца (isatis), стоющаго въ Якутскѣ р. 50 к. (асс.). Хотя соперничество купцовъ въ Островной доставляетъ Чукчамъ возможность выгодной мѣны, однакожъ Якутскіе купцы богатѣютъ отъ этой торговли. Въ ней участвуютъ также Чуванцы, Юкагиры и проч. Торгъ этотъ заслуживаетъ большаго вниманія. Желательно, чтобы предметы первой необходимости продавались не такъ дорого.

«Купцы познакомили Чукчей съ водкой. Правда, продавать ее на ярмаркѣ строго запрещено; но любители достаютъ ее потихоньку, на вѣсъ золота. Говорятъ, что Чукчей снабжаютъ водкой также корабли, которые иногда приходятъ къ Берингову проливу. Чукчи, въ пьяномъ состояніи, говорятъ, очень скромны и спокойны.

«Синодъ распорядился окрестить Чукчей. Ежегодно Нижнеколымскій священникъ пріѣзжаетъ на ярмарку, чтобъ обращать ихъ. Но сказать правду, христіанство тамъ процвѣтетъ нескоро. Для формы, всѣ Чукчи, приходящіе на ярмарку, бываютъ крещены; но они крестятся только тогда, когда имъ даютъ табаку, желѣзныхъ вещей и проч. Ни одинъ Чукча не крестится по убѣжденію; лишь только получитъ подарки,—отправляется во свояси и забываетъ и крещеніе, и данное при крещеніи имя. Какое вліяніе можетъ имѣть священникъ на умы Чукчей, когда во время своего пребыванія на ярмаркѣ они думаютъ только о земныхъ предметахъ? Не зная ихъ языка, принужденный прибѣгать къ посредству невѣжественнаго толмача, можетъ ли онъ сдѣлать для нихъ понятнымъ высокое ученіе христіанства? До сихъ поръ существуетъ только обрядъ крещенія. Должно надѣяться, что время разовьетъ этотъ зародышъ.

«Языкъ оленныхъ грубъ: въ немъ мало гласныхъ и много губныхъ звуковъ. Говорятъ, онъ похожъ на Корякскій.

«Сидячіе Чукчи говорятъ на двухъ языкахъ, на Чукотскомъ и Кадъякскомъ. Говорящіе на родномъ языкѣ живутъ по протяженію Ледовитаго моря до Чукотскаго Носа; а тѣ, которые говорятъ по Кадъякски, — отъ этого мыса до устья р. Анадыра. Разница въ обычаяхъ доказываетъ, что послѣдніе составляли нѣкогда особое племя. Они живутъ не въ палаткахъ, а въ землянкахъ. Слѣды подобныхъ жилищъ мы нашли во время нашего путешествія къ Колючиной губѣ. Здѣсь, по разсказамъ, они принадлежали одному роду сидячихъ Чукчей, которые, послѣ войны съ оленными, ушли за море, въ неизвѣстную землю; Чукчи еще живо помнятъ это событіе.

«Сидячіе Чукчи, говорящіе языкомъ оленныхъ, живутъ въ деревняхъ изъ юртъ. Первая деревня попадается у Сѣвернаго мыса, по направленію отъ запада къ востоку. Туземцы называются Ирканпія и вспоминаютъ еще, какъ они видѣли два корабля Кука.

«Сидячіе Чукчи не торгуютъ съ Американцами, и потому бѣднѣе оленныхъ. Все нужное для себя они покупаютъ у послѣднихъ. Они не лишены торговыхъ способностей; мы часто имѣли случай наблюдать это во время нашего путешествія въ Колючиной губѣ. Они продаютъ оленнымъ Чукчамъ продукты рыбной ловли на Ледовитомъ морѣ, а эти сбываютъ ихъ въ Островной. Главный предметъ торговли. — моржи, доставляющіе прекрасную кость. Во время случки ихъ выгоняютъ на берегъ ударами бича и потомъ убиваютъ копьями. Изъ кожи этого животнаго дѣлаются крѣпкіе и прочные ремни, подошвы къ обуви и проч. Мясо и жиръ ихъ употребляются въ пищу. Сидячіе, по бѣдности, не могутъ пріобрѣтать необходимыя желѣзныя вещи, и дѣлаютъ изъ моржевыхъ зубовъ чашки для питья, молотки для разбиванія льда, удочки и проч. Изъ внутренностей моржа дѣлается лѣтняя одежда. Главное занятіе ихъ состоитъ въ ловлѣ тюленей. Изъ кожи этого животнаго они дѣлаютъ одежду, сѣти, ремни, обувь и нѣчто въ родѣ чемодана. Оленьи кожи они достаютъ отъ оленныхъ Чукчей.

«Важнѣйшій промыселъ сидячихъ Чукчей, который могъ бы обогатить ихъ и ввести въ связи съ другими народами, — это китовый. Китовъ много водится между Колючиной губой и Камчаткой. Ихъ убиваютъ съ лодокъ, острогой. Не смотря на небрежность, съ какою Чукчи занимаются китовою ловлей, въ 1822 г., убито въ одной Колючиной губѣ около 50-ти китовъ.

Сидячіе ѣздятъ на собакахъ, которыхъ запрягаютъ по 4 — 6 въ рядъ и управляютъ ими бичемъ. Говорятъ, что Американцы употребляютъ тотъ же способъ ѣзды. Упряжь и сани похожи на

употребляемые при ѣздѣ на оленяхъ, но не такъ удобны для дальней ѣзды, какъ парты, употребляемыя здѣсь русскими [1])».

Таковы были свѣдѣнія о Чукчахъ, доставленныя Сперанскому изъ разныхъ источниковъ [2]).

На другомъ концѣ Сибири, на обширномъ пространствѣ къ югу отъ Сибирской линіи, кочевалъ пастушескій народъ, почти столько же независимый, но болѣе дикій и несравненно болѣе многочисленный, нежели Чукчи. На этотъ народъ было обращено особенное вниманіе нашего правительства; онъ возбуждалъ даже наши опасенія. Это были Киргизы такъ называемый Средней орды. Когда-то Киргизы и кочевавшіе на Востокъ онъ нихъ Калмыки были чрезвычайно безпокойными для насъ сосѣдями. Эти два народа, то враждовали между собой, то дѣлали разорительные набѣги на русскія заселенія. Именно для защиты отъ нихъ и была учреждена Сибирская линія. Съ учрежденіемъ линіи набѣги прекратились. Въ половинѣ XVIII столѣтія Калмыки были покорены и совершенно усмирены Китаемъ и лишились возможности къ сшибкамъ съ Киргизами. Воинственный духъ послѣднихъ, не имѣя пищи, постепенно уничтожился. Войны обратились въ мелкія междоусобія, а битвы — въ баранты. Сибирскіе Киргизы ни сколько не были уже похожи на Оренбургскихъ, воинственный духъ которыхъ поддерживался постоянными войнами, то съ Хивинцами, то съ Бухарцами. Въ 1819 г., по разсказамъ, во всей средней ордѣ съ трудомъ можно было найти двѣсти ружей, и то съ фитилями; даже стрѣлы замѣнились арканомъ и плетью. Киргизы управлялись ханами, власть которыхъ, ничтожная въ мирное время, имѣла нѣкоторое значеніе только при опасности внѣшняго нападенія. Съ прекращеніемъ этой опасности ханы, болѣе ненужные, пришли въ презрѣніе; всѣ роды раздѣлились; слабое и прежде единство орды совершенно исчезло.

Многолюдный народъ (считали отъ 100,000 до 200,000 кибитокъ), отъ безначалія и неустройства, постепенно приходилъ въ нищету; наша военная сила, расположенная по линіи для защиты отъ набѣ-

---

[1]) Св. 348, № 11 г. 2.

[2]) О Чукчахъ, между прочимъ, была любопытная переписка еще при Пестелѣ. Князь Голицынъ хотѣлъ наградить нѣкоторыхъ изъ Носовыхъ Чукчей за принятіе христіанства званіемъ тойоновъ и кортиками. Пестель отвѣчалъ ему на это, 7 сентября 1815 г., что Чукчи вовсе не знаютъ званія тойоновъ; что званіе это не Чукотское, а Якутское, и что они вовсе не подчинены двумъ крестившимся Чукчамъ. Поэтому Пестель полагалъ наградить послѣднихъ кортиками.

говъ, почти цѣлое столѣтіе оставалась въ полномъ бездѣйствіи [1]). По разсказу современника, можетъ быть нѣсколько преувеличенному, воинственные когда-то Киргизы были уже до того робки, что сотнями бѣгали при видѣ одного вооруженнаго казака [2]). Киргизскіе ханы давали присягу на подданство Россіи; но подданство это было чисто номинальное, а при ничтожности ханской власти и не могло быть дѣйствительнымъ. Тѣ же ханы, и почти въ тоже время, присягали и Китайскому правительству. На дѣлѣ Киргизскій народъ былъ независимъ. Только Киргизы, переселившіеся на внутреннюю сторону линіи, по необходимости подчинились мѣстной власти. Время отъ времени Киргизы посылали въ Петербургъ депутаціи съ изъявленіемъ покорности. Депутаціи эти, повидимому, устроивались линейнымъ начальствомъ и не имѣли существеннаго значенія.

Киргизская степь доставляла значительныя торговыя выгоды. Изъ степи мы получали дешевыхъ лошадей и произведенія скотоводства, а туда сбывали разныя издѣлія. Торговля эта могла бы получить несравненно большее развитіе; вмѣсто того, по мѣрѣ разстройства Киргизъ, она постепенно упадала. Самое переселеніе Киргизъ внутрь линіи, изъ лучшихъ мѣстъ на весьма посредственныя, имѣло цѣлью спасти остатки ихъ скотоводства отъ баранты и междоусобій [3]).

Сперанскій познакомился съ Киргизами во время перваго посѣщенія Омска. Мы уже говорили, что Киргизы по этому поводу сдѣлали пиръ. Вотъ какъ описываетъ его Сперанскій: «Праздникъ Киргизовъ состоялъ: 1) Въ ристаніи ихъ—лошади и всадники ничтожные. 2) Въ барантѣ. Одинъ киргизъ подхватываетъ барана, мчитъ его, а другіе за нимъ гонятся и отбиваютъ. Бѣдный баранъ обыкновенно при семъ бываетъ истерзанъ. Между тѣмъ двѣ партіи похитителей и ихъ противниковъ на бѣгу и преслѣдованіи хлещутъ другъ друга немилосердно плетью. 3) Въ представленіи, ка-

---

[1]) «Обозрѣніе» и пр. 62—72.—Отчетъ: предварительныя свѣдѣнія къ образованію Сиб. Управленію.

[2]) Геденштромъ: Матеріалы, I.—По словамъ Геденштрома, киргизовъ прославили ворами и разбойниками; а между тѣмъ настоящіе воры и разбойники бывали не они, а линейные казаки, которые выжидали малѣйшаго предлога, чтобы напасть на аулы, ограбить ихъ и потомъ выставить свой разбойничій набѣгъ за воинскій подвигъ. Онъ особенно указываетъ на одного служившаго въ степи казачьяго офицера, который дослужился потомъ до генеральства. Впрочемъ разсказъ Геденштрома вообще относится къ нѣсколько позднѣйшему времени, именно къ тридцатымъ годамъ, когда мы стояли уже твердою ногою въ степи.

[3]) „Обозрѣніе" и пр. 62—75. — Отчетъ: предварительныя свѣдѣнія къ образованію Сибирскаго управленія.

кимъ образомъ Киргизы избираютъ себѣ невѣстъ. Молодая дѣвка на конѣ преслѣдуется однимъ или двумя женихами и отбивается отъ нихъ плетью. Тотъ, кто не смотря на удары, обоймеtъ рукою по грудямъ бѣглянку, долженъ быть ея женихъ. 4) Въ обѣдѣ. Сваривъ въ котлѣ нѣсколько барановъ, раздаютъ мясо, изрѣзанное на большіе куски, сидящимъ въ кругу Киргизамъ. Каждый пожираетъ свою часть и грызетъ самыя кости съ жадностью. Потомъ поятъ ихъ кумысомъ, обнося нѣсколько чашекъ также въ кружокъ». Понятно, что такой пиръ долженъ былъ возбудить отвращеніе въ Сперанскомъ [1]).

Сперанскаго особенно занималъ вопросъ о происхожденіи слова Киргизъ-кайсакъ, какъ оффиціально назывались у насъ Киргизы. По его изслѣдованіямъ, Киргизы сами себя никогда такъ не называли. Они называли себя *казыкъ* — что̀ значило: человѣкъ бездомный, живущій въ юртѣ. Тоже, по замѣчанію Сперанскаго, были и казаки,—«родъ людей бездомовыхъ, безсемейныхъ, неосѣдлыхъ и кочующихъ». Слово казыкъ значило колъ, на которомъ утверждается юрта. Слово киргизъ было испорченное кыргызъ; оно состояло изъ двухъ словъ: кыръ—степь, и гызъ—обитатель, и значило «степной житель». Сперанскій замѣтилъ еще, что Киргизы вообще боятся всего огнестрѣльнаго [2]).

На обратномъ пути изъ Барнаула въ Тобольскъ, проѣзжая Сибирскую линію, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ случай не разъ еще встрѣчаться съ Киргизами; это были уже Киргизы въ извѣстной степени обрусѣвшіе, — кочевавшіе внутри линіи. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, дѣлалъ ли Сперанскій какія либо распоряженія въ отношеніи къ Киргизамъ. Во всякомъ случаѣ, эти распоряженія, при совершенномъ спокойствіи степи, не могли быть ни многочисленны, ни важны. Притомъ Киргизы находились въ управленіи не гражданскихъ, а военныхъ властей, и на дѣлѣ пользовались почти полною независимостью отъ насъ. Въ отношеніи къ Киргизамъ были нужны общія мѣры, которыя мы и приведемъ въ своемъ мѣстѣ [3]).

---

[1]) Рукописи Н. Н. Б., Дневникъ.—Р. А. 1868, № 11.

[2]) Тамъ же.

[3]) Любопытное описаніе Киргизскаго быта помѣщено въ Сибирскомъ Вѣстникѣ Спасскаго за 1820 годъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Охраненіе личной свободы.— Свобода торговли.— Хлѣбная торговля.— Другія торговыя дѣла.

Мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній о томъ, что именно сдѣлано было Сперанскимъ къ охраненію личной свободы населенія. Общихъ мѣръ по этому предмету, сколько намъ извѣстно, предпринято не было; но немногія частныя распоряженія вполнѣ выясняютъ взглядъ Сперанскаго. Онъ былъ рѣшительный врагъ того полицейскаго *хватанья*, до котораго были такіе большіе охотники многіе администраторы, не только его, но и позднѣйшаго времени; онъ отнюдь не видѣлъ въ стѣсненіи личной свободы панацеи противъ всевозможныхъ преступленій.

Между тѣмъ мѣстныя сибирскія власти были, повидимому, большіе охотники до личнаго задержанія. Такъ еще при ревизіи Томской исполнительной экспедиціи Сперанскій нашелъ, что по искамъ, предъявленнымъ на купца Мыльникова, экспедиція, вопреки установленнымъ правиламъ, задержала Мыльникова и остановила выдачу ему паспорта, тогда какъ иски были обезпечены имуществомъ Мыльникова. Неправильное задержаніе тогда же было отмѣнено [1]).

Въ Красноярскѣ оказались фальшивыя ассигнаціи. Подозрѣніе въ выпускѣ ихъ упало на проѣзжавшихъ черезъ городъ ямщиковъ. Городничій заключилъ ихъ подъ стражу. Илличевскій, донося о томъ Сперанскому, просилъ разрѣшенія отправить дѣло на рѣшеніе уѣзднаго суда. Сперанскій нашелъ, что ямщики никакими обстоятельствами въ сбытѣ ассигнацій не уличены, и потому предписалъ городничему освободить ихъ немедденно, «дабы ни въ какомъ случаѣ свобода торговли не могла быть стѣсняема безъ важныхъ очевидныхъ причинъ. — Я уже и прежде имѣлъ случай примѣтить вамъ и разъяснить, (приписываетъ Сперанскій), что розыски и аресты по фальшивымъ ассигнаціямъ, основанныя на однихъ подозрѣніяхъ, строго воспрещены высшимъ правительствомъ [2])». При производствѣ слѣдствія о злоупотребленіяхъ Геден-

[1]) Переписка: пред. Томскому губ. правленію въ Іюлѣ 1819 г.
[2]) Св. 143, № 30; предп. 19 Ноября 1819 г.

штрома, между прочимъ открылось, что Хоринскій главный тайша Галсоновъ былъ вынужденъ дать Геденштрому долговое обязательство въ 17.670 р. По отзыву Геденштрома, обязательство это было передано имъ Верхнеудинскому купцу Сибирякову. Сперанскій предписалъ Верхнеудинскому городничему истребовать это обязательство отъ Сибирякова, но Сибиряковъ отозвался, что оно у него потерялось. Городничій распорядился задержать Сибирякова въ Верхнеудинскѣ, тогда какъ онъ имѣлъ надобность отлучиться по своимъ дѣламъ въ Кяхту. Сперанскій замѣтилъ городничему, что ему надлежало только донести объ отзывѣ Сибирякова, отнюдь не воспрещая ему выѣзда, и поставилъ это ему на видъ, на тотъ конецъ, дабы на будущее время въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ былъ осторожнѣе и осмотрительнѣе. —Сперанскій только предложилъ губернскому правленію, что если это обязательство поступитъ ко взысканію, то представить его къ нему, не приступая ко взысканію [1]).

Гораздо значительнѣе были тѣ мѣры, которыя клонились къ охраненію свободы торговли. Къ этому могли побуждать его не однѣ только заботы о матеріальномъ благосостояніи страны. Сперанскій всегда придавалъ промышленности и торговлѣ огромное значеніе для народнаго развитія. По его мнѣнію, въ нихъ, какъ и въ просвѣщеніи, скрывались сѣмена народной свободы. Эта мысль была выражена еще въ его планѣ государственнаго преобразованія. Какъ другъ и защитникъ народной свободы, онъ естественно былъ другомъ и защитникомъ и ведущихъ къ ней путей [2]). Но сибирская торговля находилась до него въ жалкомъ положеніи; частію въ слѣдствіе прежняго законодательства, частію по произволу мѣстныхъ властей, она подвергалась разнымъ ограниченіямъ и поборамъ. Чиновники, особенно въ отдаленныхъ мѣстахъ, сами занимались торговлей и потому имѣли сильный личный интересъ въ стѣсненіи торговли частныхъ людей. Особенно подвергалась стѣсненію торговля съ инородцами. По инструкціи Щербачеву 1763 г., торгующимъ, для отвращенія притѣсненій и обмановъ инородцевъ, позволено было въѣзжать въ стойбище ихъ только во время ярмарокъ. Не видно, чтобы это запрещеніе когда нибудь строго соблюдалось; а послѣдующими узаконеніями, особенно указомъ 1787 г. о неограниченной свободѣ внутренняго хлѣбнаго торга, оно совершенно оставлено безъ дѣйствія. Но въ 1810 г. Иркутское губернское

---

[1]) Св. 153, № 12; пред. 8 мая 1820 г.

[2]) Вѣстникъ Европы, Іюнь 1870 г. 674—675.

начальство нашло нужнымъ возобновить его. Иркутскія запретительныя мѣры скоро были введены и въ другихъ губерніяхъ. Тобольскимъ купцамъ запрещено было заводить въ Березовѣ хлѣбныя лавки для Остяковъ. Въ Томской губерніи нельзя было, безъ особеннаго дозволенія, купить и продать ни скота, ни хлѣба, ни лѣса изъ одного уѣзда въ другой и особенно въ другую губернію. Вся почти внутренняя торговля была въ зависимости отъ произвола земскихъ чиновниковъ [1]). Въ 1817 г. комитетъ министровъ нашелся въ необходимости разъяснить, что высшее правительство никогда не имѣло въ виду стѣснять торговлю съ инородцами, за исключеніемъ вредныхъ для нихъ вещей (вина, табаку). Торговля эта, тѣмъ не менѣе, осталась въ прежнемъ положеніи. Земскіе чиновники или вовсе не допускали къ ней частныхъ торговцевъ подъ разными предлогами (напр., что ясакъ еще не собранъ или не наступило время ярмарки), или допускали только по собственному выбору, на условіяхъ выгодныхъ для себя, но обременительныхъ и для торговли, и для инородцевъ [2]).

Сперанскій, въ послѣдствіи, яркими чертами описалъ тогдашнее положеніе Сибирской торговли съ инородцами:

«Въ Сибири, относительно торговли съ инородцами, существовали до 1819 г. двѣ системы. Одну изъ нихъ можно назвать запретительною, другую свободною. Запретительную систему вводили и при удобныхъ случаяхъ старались укоренить разные чиновники полицейскаго управленія. Системы свободной всегда просили, и иногда въ своемъ домогательствѣ успѣвали, купечество, вообще промышленники, и сами инородцы. Полиція представляла, что торговцы и промышленники обманываютъ инородцевъ, пользуясь ихъ незнаніемъ цѣны вещей продаваемыхъ или промѣниваемыхъ; что инородцы не умѣютъ защищаться противъ притѣсненій частныхъ людей; что при свободѣ торговли нельзя усмотрѣть, соблюдается ли опредѣленное въ законѣ запрещеніе ввозить къ инородцамъ горячіе напитки, нельзя ожидать, чтобъ инородцы платили въ казну ясакъ исправно, звѣрями окладными и лучшей доброты, и наконецъ нельзя продавать инородцамъ хлѣбъ съ выгодою для казны изъ запасныхъ ея магазиновъ, и взыскивать съ удобностью долги за сей хлѣбъ, проданный имъ во время неуловомъ звѣря или рыбы, и подобныхъ обстоятельствъ, въ законѣ опредѣленныхъ. Противъ сихъ предлоговъ мѣстной полиціи торговцы и промышлен-

---

[1]) Отчетъ.

[2]) Обозрѣніе и проч. 132—133.

ники представляли, что ограниченія въ торговлѣ съ инородцами могли быть допускаемы прежде, но не нынѣ, когда число торгующихъ уже не малое и слѣдовательно есть соревнованіе; что причины, побуждающія чиновниковъ полицейскихъ настоять о запрещеніи, суть выгоды не казенныя, но ихъ собственныя, ихъ собственная торговля съ инородцами, и что наконецъ установленная сими чиновниками выдача билетовъ частнымъ лицамъ на проѣздъ въ кочевья инородческія для торговли, есть ничто иное, какъ собственный ихъ корыстолюбивый разсчетъ. Инородцы съ своей стороны жаловались на разоренія, торговлею чиновниковъ имъ причиняемыя, жаловались на продажу непомѣрными цѣнами вещей необходимыхъ, на несправедливость донесенія полиціи относительно платежа ясака и проч.» [1]).

Сперанскій призналъ необходимымъ постановить общія для всей Сибири правила о свободѣ внутренней торговли, въ подтвержденіе и поясненіе существующихъ узаконеній. По содержанію ихъ можно достаточно судить о томъ, какія многоразличныя злоупотребленія вкрались въ это дѣло. Вотъ эти:

«*Подтвердительныя правила о свободѣ внутренней торговли.*

«1) Всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ подтверждается не дѣлать ни малѣйшаго стѣсненія внутренней торговлѣ.

«2) Никто не долженъ воспрещать привоза сельскихъ произведеній и продажи оныхъ въ городахъ и селеніяхъ добровольными цѣнами. Всѣ разспросы и розысканія, собственныя ли сіи произведенія, или купленныя у другихъ, строго запрещаются.

«3) Запрещается въ городахъ губернскихъ и уѣздныхъ на привозимыя сельскія произведенія, какого бы рода и въ какомъ бы количествѣ оныя ни были, налагать пошлины и поборы.

«4) Запрещается налагать пошлины и поборы съ извощиковъ и съ купеческихъ кладей, проходящихъ, или на время останавливающихся, или грузящихся. Изъ сего исключается токмо умѣренная плата съ кладей, охраняемыхъ въ гостиныхъ дворахъ, или при оныхъ.

«5) Запрещается на перевозахъ взимать плату выше установленной. Исправность перевозовъ, содержаніе въ достаточномъ числѣ судовъ, плотовъ и при нихъ рабочихъ людей и безостановочное движеніе кладей, возлагается на точную отвѣтственность въ городахъ—городничихъ и городскихъ головъ, а въ селеніяхъ и уѣздахъ—волостныхъ головъ и старшинъ.

---

[1]) 2-е П. С. З. 4922.

«6) Всѣ произведенія одного уѣзда свободно могутъ быть доставляемы и продаваемы въ другомъ. Всякая остановка и стѣсненіе въ торговомъ сообщеніи одного уѣзда съ другимъ строго воспрещается.

«7) Всѣ произведенія одной губерніи свободно могутъ быть доставляемы въ другую. Всякая остановка и стѣсненіе въ торговомъ сообщеніи между губерніями, точно также какъ и между уѣздами, строго запрещается.

«8) На шлагбаумахъ и заставахъ запрещается дѣлать свободному проѣзду торгующихъ и сельскихъ обывателей съ ихъ произведеніями какія либо остановки.

«9) Существовавшій въ Иркутскѣ на заставахъ сборъ десяти копѣекъ съ дуги вмѣстѣ съ симъ отмѣняется и запрещается.

«10) На основаніи общихъ законовъ о свободѣ внутренней торговли безпрепятственно дозволяется торговать съ ясачными, привозить къ нимъ во всякое время хлѣбъ и всѣ жизненныя и другія потребности, исключая запрещенныхъ, а особливо вина.

«11) Напротивъ земскимъ и другимъ чиновникамъ строго запрещается производить торговлю съ ясачными, подъ какимъ бы то именемъ или предлогомъ ни было.

«12) Никто не обязанъ для покупки у ясачныхъ, кочующихъ на Красноярскихъ степяхъ и въ другихъ мѣстахъ, скота и прочихъ ихъ промысловъ, пріобрѣтать, или испрашивать какихъ-либо билетовъ или особенныхъ отъ начальства дозволеній.

«13) Каждому дозволяется торговать какъ своимъ собственнымъ, такъ и покупнымъ скотомъ, на основаніи общихъ законовъ. Никто не обязанъ испрашивать какого либо особеннаго дозволенія на прогонъ скота собственнаго, или покупнаго, обыкновенными большими или проселочными дорогами. Одни узаконенныя свидѣтельства о благосостояніи и цѣлости его отъ болѣзни остаются въ своей силѣ.

«14) Никто не можетъ быть принуждаемъ къ покупкѣ хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ, какъ то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было введено. Казенные магазины учреждены въ пособіе, а не къ стѣсненію промышленности.

«15) Порядокъ заготовленія хлѣба для казенныхъ потребностей закупкою онаго, чрезъ земскихъ исправниковъ и засѣдателей, отмѣняется.

«16) Заготовленіе хлѣба на всѣ казенныя потребности, какъ-то: по провіантскимъ магазинамъ, по магазинамъ запаснымъ, по Тельминской фабрикѣ, по заводамъ винокуреннымъ и солянымъ,

производить отнынѣ отдѣльно съ торговъ подрядами на общихъ правилахъ, если же желающихъ не явится, или цѣны будутъ несоразмѣрны, то посредствомъ коммисіонеровъ, коихъ каждая часть имѣетъ отряжать прямо отъ себя въ селенія, безъ всякаго участія земскихъ чиновниковъ въ покупкѣ, кромѣ установленныхъ закономъ пособій» [1]).

Каждая статья этихъ правилъ была основана имъ на вѣрной жалобѣ, или на происшествіи, обнаруженномъ слѣдствіемъ.

Правила эти были, 17 ноября 1819 г., разосланы для исполненія не только губернскому, но и Иркутскому военному начальству (бригадному командиру и коменданту). Начальникамъ отдаленныхъ мѣстностей, Охотскому и Камчатскому, они были сообщены съ тѣмъ, чтобы примѣнять ихъ къ дѣлу на сколько позволятъ мѣстныя обстоятельства и особенное положеніе края, «имѣя въ виду главный предметъ сихъ правилъ, чтобъ всемѣрно благопріятствовать всякому свободному движенію торговли и удалить всѣ препятствія, какія при прежнемъ управленіи нерѣдко возникали изъ ложнаго понятія о ярмаркахъ, о сборѣ ясака и тому подобныхъ мѣрахъ».—«Я увѣренъ, писалъ имъ Сперанскій, что сіи стѣснительныя мѣры, при благоразумномъ вашемъ управленіи, никогда не будутъ имѣть мѣста». Сперанскій признавалъ эти правила до такой степени важными, что нашелъ нужнымъ сообщить офиціально министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а частнымъ образомъ,—пріятелю своему Столыпину, которому онъ отдавалъ обстоятельный отчетъ о своей Сибирской административной дѣятельности [2]).

Правила эти имѣли чрезвычайно важныя послѣдствія для Сибирской торговли. Они впервые открыто и рѣшительно высказали въ Сибири начало свободы внутренней торговли, до сихъ поръ заброшенное въ этой странѣ, хотя оно давно уже было принято нашимъ законодательствомъ. До изданія Свода Законовъ, они имѣли силу мѣстнаго закона. Такъ въ 1823 г. Красноярскіе купцы подали Лавинскому просьбу о дозволеніи имъ торговать со вновь открытыми въ Енисейской губерніи городами. Лавинскій спрашивалъ объ этомъ мнѣнія Енисейскаго губернатора Степанова. Степановъ прямо отвѣчалъ, что просьба эта разрѣшается 6 и 12 ст. правилъ Сперанскаго; такъ разрѣшилъ ее и Лавинскій [3]).

---

[1]) Св. 43, № 5.—Отчетъ гл. 4, прил. подъ буквою Т.
[2]) Св. 43, № 5.—Письмо къ Столыпину отъ 3 декабря 1819 г.
[3]) Св. 43, № 1.

Независимо отъ этихъ общихъ мѣръ, Сперанскій дѣятельно подтверждалъ и разъяснялъ начало свободы торговли въ частныхъ своихъ распоряженіяхъ. Мы уже видѣли, что распоряженіе объ освобожденіи ямщиковъ, задержанныхъ въ Красноярскѣ по поводу фальшивыхъ ассигнацій, было именно мотивировано тѣмъ, что свобода торговли не должна быть стѣсняема безъ важныхъ и очевидныхъ причинъ. Иркутская полиція дѣлала нѣкоторыя стѣсненія въ ввозѣ съѣстныхъ припасовъ. Сперанскій, 14 іюля 1820 г., посылаетъ къ Зеркалееву два приказа полиціи, въ которыхъ заключались «предписанія, съ установленнымъ порядкомъ о свободѣ торговли несовмѣстныя», и предписываетъ, чтобъ полиція «никакихъ приказовъ на шлагбаумахъ о пропускѣ или запрещеніи не давала, безъ точнаго приказанія отъ губернатора, и вообще относительно ввоза и вывоза изъ города жизненныхъ потребностей наблюдать, чтобъ ни малѣйшаго никому стѣсненія не было».

Въ 1820 г. Иркутская городская дума, ссылаясь на Городовое Положеніе, просила губернское правительство запретить мѣщанину Третьякову судоходство по Ангарѣ и Байкалу. Губернское правительство отказало ей по силѣ законовъ, которыми мѣщанамъ именно позволено было судоходство. Дума, 10 марта 1820 г., просила Сперанскаго отмѣнить распоряженіе губернскаго правительства, «ограничить Третьякова», но не получила отвѣта [1]. Сперанскій, разсмотрѣвъ объясненія губернскаго правительства, нашелъ ихъ правильными и предложилъ правительству, чтобы Третьякова въ рыбопромышленности не стѣснять [2]. Около того же времени дума, по совершенному недостатку въ Иркутскѣ мѣщанскихъ промысловъ и по невозможности основать здѣсь разныя вѣтви промышленности, присвоенныя мѣщанамъ по городовому положенію, проситъ подтвердить навсегда мѣщанамъ и гражданамъ мелочную торговлю въ городѣ и уѣздѣ разными товарами, которыми снабжаетъ ихъ купечество. Сперанскій, 24 іюля 1820 г., даетъ знать Зеркалееву, что онъ принимаетъ на себя ходатайствовать объ этомъ подтвержденіи, а между тѣмъ предписываетъ оставить торговлю на прежнемъ положеніи, «тѣмъ болѣе, что, по мѣстному положенію губерніи, по разсѣянности населенія и по свойству товаровъ, пресѣченіе сего торга могло бы произвести въ общемъ движеніи здѣшней торговли весьма важныя неудобства и затрудненія». Здѣсь Сперанскій рѣшается даже затронуть интересы фиска.

---

[1]) Св. 44, № 38.

[2]) Св. 161, № 160, предп. 23 іюня 1820 г.

Нарымскій исправникъ запретилъ нѣкоторымъ крестьянамъ покупку рыбы въ тамошнемъ уѣздѣ. Узнавъ объ этомъ Сперанскій, 20 декабря 1820 г., поручаетъ Илличевскому потребовать отъ исправника отвѣта въ этомъ поступкѣ и наблюдать за точнымъ исполненіемъ правилъ о свободѣ торговли. 3 января 1821 г. онъ одобряетъ распоряженіе Нижнеудинскаго исправника о томъ, чтобы въѣздъ на сугланъ къ Карагасамъ былъ дозволенъ людямъ всякаго званія; исправникъ удостовѣрялъ, что въ слѣдствіе этой мѣры Карагасы будутъ не такъ бѣдны, какъ были [1]. Еще въ первый проѣздъ чрезъ Нижнеудинскъ, онъ встрѣтилъ домогательство городскихъ жителей о томъ, чтобы между ними и Карагасами были разграничены мѣста, гдѣ долженъ производиться промыселъ дикихъ козъ. Сперанскій распорядился, чтобы промыселъ этотъ былъ совершенно свободенъ [2].

Тѣмъ не менѣе правила 17 ноября 1819 г. исполнялись далеко не со всею точностію. Самъ Сперанскій, частію по уваженію мѣстныхъ обстоятельствъ, частію, вѣроятно, уступая настойчивымъ ходатайствамъ нѣкоторыхъ лицъ, допускалъ нѣкоторыя отступленія отъ нихъ. Отступленія эти особенно относились къ 4 ст. правилъ. Она запрещала сборы съ извощиковъ и купеческихъ кладей. Иркутская городская дума, отъ 22 ноября 1819 г., донесла Сперанскому, что при слушаніи этихъ правилъ въ думѣ голова объявилъ приказаніе Сперанскаго, что установленный сборъ съ приходящихъ и отходящихъ купеческихъ возовъ съ товарами дозволенъ и остается на прежнемъ положеніи, «дабы чрезъ то не были ослаблены городскіе доходы». Вслѣдъ за тѣмъ обратились съ подобными ходатайствами Кяхтинская и Киренская ратуши и Нерчинскій магистратъ. Магистратъ просилъ оставить въ своей силѣ сборъ съ купеческихъ кладей (по 60 к.), но не получилъ отвѣта. Киренская ратуша, по общественному приговору, просила разрѣшить ей сборъ съ проходящихъ судовъ, за привалъ и отвалъ, а также съ проходящихъ возовъ, по бѣдности и малочисленности населенія. На это, 5 мая 1820 г., дано ей знать, что такой сборъ противенъ правиламъ о свободѣ торговли, и согласиться на него Сперанскій не можетъ. Въ послѣдствіи, по ходатайству Киренскихъ жителей, губернское правительство снова представляло о возобновленіи въ Киренскѣ повознаго сбора. Сперанскій отвѣчалъ, что этотъ сборъ, какъ стѣсняющій сво-

[1] Св. 43, № 5.
[2] Св. 43, № 4, донес. Ир. губ. пр. 4 октября 1819 г.

боду торговли, не можетъ быть разрѣшенъ безъ представленія высшему правительству, но приступить къ этому онъ не находитъ себя вправѣ потому, что и вопросъ — оставить ли въ настоящемъ положеніи, или уничтожить существующій уже по нѣкоторымъ городамъ Иркутской губерніи сборъ съ купеческихъ кладей, находится въ разсмотрѣніи комитета по Сибирскимъ дѣламъ [1]. Сколько извѣстно, вопросъ этотъ въ комитетѣ остался неразрѣшеннымъ.

Кяхтинская ратуша просила, по уваженію «изнеможенія» тамошняго общества и относимыхъ имъ повинностей, оставить существовавшіе тамъ сборы съ возовъ и за непривозъ хряща (булыжника) и возвратить изъ суммъ городской думы 2.712 р. $90\frac{1}{2}$ к., взятыхъ изъ Кяхтинскихъ городскихъ суммъ на расходы по устройству Иркутска въ 1815 и 1817 годахъ. Съ декабря мѣсяца ратуша не получала никакого отвѣта. Въ мартѣ 1820 г. Кяхтинскій бургомистръ Игумновъ прислалъ Сперанскому письмо, въ которомъ просилъ уважить ходатайство ратуши. Но только наканунѣ отъѣзда изъ Иркутска, 31 іюля, Сперанскій далъ ей предписаніе, въ которомъ, принявъ въ уваженіе, что сборъ установленъ съ согласія самаго торгующаго общества и что въ замѣнъ того общество исправляетъ повреждаемую обозами дорогу по Иркутскому тракту и между крѣпостью и Кяхтинской слободой, — оставилъ этотъ сборъ во всей силѣ и дѣйствіи, «впредь до общаго по сей части положенія» [2].

---

[1]) Св. 191, № 20, предп. 27 января 1822 г.

[2]) Св. 43, № 5.—Приведемъ нѣсколько случаевъ изъ послѣдующаго времени, чтобы показать, какія колебанія понятій о свободѣ торговли существовали въ мѣстномъ начальствѣ даже послѣ изданія Сибирскаго учрежденія.

Въ 1824 г. дошло до свѣдѣнія Лавинскаго, что Енисейскій исправникъ запретилъ крестьянамъ Елэнской и Анцыферовской волости наниматься въ извозы безъ позволенія земскаго суда. Окружному начальнику поручено было удостовѣриться въ этомъ. Оказалось, со словъ исправника, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ это ограниченіе, потомъ будто бы, что крестьяне для извозовъ бросили хлѣбопашество и отъ этого пришли въ бѣдность. Окружный начальникъ находилъ, что «при нѣкоторомъ возвышеніи цѣнъ за перевозку купеческой клади ни одинъ торговецъ не могъ чувствовать ни малѣйшаго отягощенія (?), а крестьяне получили бы облегченіе во взносѣ податей и повинностей». Тѣмъ дѣло и кончилось. Не было даже сдѣлано распоряженія объ отмѣнѣ произвольной мѣры исправника. (Св. 43, № 15.)

Тотъ самый Енисейскій губернаторъ, который въ 1823 г. приводилъ подтвердительныя правила Сперанскаго о торговлѣ, какъ законъ, въ 1824 году поступалъ вопреки даже положительнаго закона. Осматривая губернію на пути въ Туруханскій край, Степановъ нашелъ нѣсколько Туруханскихъ мѣщанъ, ѣхавшихъ торговать хлѣбомъ. По его мнѣнію, такая торговля производилась несогласно съ Городовымъ Положеніемъ (141 и 142 §§) «и съ оступаніемъ Енисейскому окружному начальству, которое не только воспретило имъ слѣдовать съ барками нагруженными хлѣбомъ, но отобрало самые билеты, несправедливо градскою думою выданные.» Чтобы «пресѣчь сіе зло

Съ общими мѣрами къ охраненію свободной торговли имѣли тѣсную связь особенныя мѣры къ охраненію торговли и промыш-

---

употребленіе». Степановъ распорядился конфисковать хлѣбъ 524 п. 30 ф., и помѣстить его въ запасные магазины. Лавинскій, получивъ объ этомъ донесеніе отъ самого Степанова, сначала оставилъ настоящее обстоятельство безъ вниманія но когда нѣкоторые мѣщане подали ему жалобу на произвольныя дѣйствія губернатора, то онъ, уже въ февралѣ 1825 г., поставилъ на видъ губернатору, что дѣйствія его неосновательны и несправедливы, что §§ 9, 523 и 527 Сиб. учр. именно вмѣнено общему губ. управленію въ особенную обязанность охраненіе свободной торговли жизненными припасами. Лавинскій однакожь не возвратилъ хлѣба мѣщанамъ; онъ распорядился только, чтобы имъ были выданы деньги по цѣнамъ, по какимъ обходился хлѣбъ казнѣ съ доставкою въ Имбатское селеніе. (Св. 43, № 16.)

Въ январѣ 1826 г., Иркутскій губернаторъ доносилъ генералъ-губернатору, что Канскій исправникъ Шевелевъ запретилъ крестьянамъ Бирюсинской волости заниматься извозомъ кладей, слѣдующихъ изъ Иркутска въ Томскъ, и что этимъ запрещеніемъ крестьяне поставлены въ весьма затруднительное положеніе. Здѣсь оказывалось, кромѣ неправильнаго распоряженія, еще и превышеніе власти: Бирюсинская волость принадлежитъ къ Нижнеудинскому, а не къ Канскому округу. Лавинскій поручилъ губернатору отмѣнить это распоряженіе, а отъ Шевелева потребовалъ въ немъ объясненія. Шевелевъ донесъ, что онъ не запрещалъ вовсе извоза Бирюсинскимъ крестьянамъ, а только уравнилъ выгоды ихъ и Иланскихъ крестьянъ: что первые вовсе отбили извозъ у послѣднихъ, а потому онъ позволилъ имъ возить товары только до извѣстнаго мѣста. Хотя въ дѣйствіяхъ Шевелева, даже и въ томъ видѣ, какъ самъ онъ представилъ ихъ, было очевидно незаконное вмѣшательство власти въ извозную промышленность, но Шевелевъ не былъ подвергнутъ никакой отвѣтственности. (Св. 26, № 20.)

Въ 1823 г. Верхнеудинскій земскій судъ доносилъ Иркутскому губернскому правленію, что мѣщанинъ Яковъ Сидоровъ проложилъ дорогу по Селенгѣ и поставилъ вѣхи съ цѣлью, чтобы проѣзжающіе по рѣкѣ обозы миновали селенія и приставали къ нему. Сидоровъ говорилъ, что онъ проложилъ дорогу къ своему зимовью для возки сѣна. Земскій судъ запрещалъ и сламывалъ вѣхи, а Сидоровъ снова ихъ ставилъ. Губернское правленіе, отъ 22 мая 1823 г., предписало Верхнеудинскому городовому суду объявить Сидорову, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ прокладывать дорогу и ставить вѣхи самопроизвольно не осмѣливался, подъ опасеніемъ за противное законнаго взысканія. (Дѣло Ирк. губ. пр., св. 102, № 82.)

Въ ноябрѣ 1829 г. Иркутскій 1-й гильдіи купецъ Александръ Свѣшниковъ, съ товарищами, подалъ предсѣдательствовавшему тогда въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, Иркутскому губернатору Цейдлеру прошеніе о выдачѣ имъ привилегіи на построенную ими близъ Иркутска крупчатку. Кромѣ того Свѣшниковъ просилъ позволить ему отыскивать камни для жернововъ, гдѣ бы они ни нашлись, безъ всякой платы за мѣсто, добычу и отдѣлку камней. Совѣтъ главнаго управленія, хотя и находилъ, что крупчатка Свѣшникова не представляетъ никакого новаго изобрѣтенія, но изъ *уваженія къ пользѣ*, какую она приноситъ, полагалъ *воспретить* другимъ лицамъ постройку новыхъ подобныхъ мельницъ въ теченіи 10-ти лѣтъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, 15 марта 1832 г., увѣдомилъ, что крупчатка не есть новое изобрѣтеніе и такія мельницы существуютъ уже въ самой Иркутской губерніи, что монополія въ такомъ дѣлѣ вредитъ промышленности и возвышаетъ цѣну на первую жизненную потребность, что вольный привозъ крупчатки въ Иркутскую губернію, по отдаленности ея, стоитъ несравненно дороже мѣстнаго производства, и невыгода эта нисколько не устранится, если мѣстныя заведенія не въ состояніи будутъ уничтожить этого соперничества, а единственное къ тому средство — полная свобода распространенія такихъ заведеній, что крупчатка устроена Свѣшниковымъ въ 1829 г. чисто изъ коммерче-

ленности хлѣбомъ. Хлѣбная торговля всегда была слабою струной мѣстнаго Сибирскаго управленія. Еще въ инструкціи Селифонтову говорится, что, не смотря на необыкновенный урожай, «рѣдкость хлѣба ощутительна и цѣны все еще возвышаются. Обыкновенно такія послѣдствія имѣютъ свое начало въ стѣснительныхъ мѣрахъ, отнимающихъ у земледѣльца довѣріе и угрожающихъ его спокойствію».—«Вы конечно не допустите — писано было Селифонтову, чтобы мѣры таковыя гдѣ либо подъ начальствомъ вашимъ были дозволяемы; напротивъ, вы потщитесь доставить земледѣльцамъ всю увѣренность, что плоды трудовъ его ни подъ какимъ видомъ отторгнуты или вынуждены у него быть не могутъ» [1].

Но при Пестелѣ эти слова инструкціи оставались мертвою буквой, между тѣмъ, какъ съ особеннымъ усердіемъ приводились въ исполненіе тѣ статьи ея, которыя могли стѣснить и поработить Сибирское населеніе. Дѣятельность Трескина по этому предмету совершенно парализировала хлѣбную торговлю. Трескинъ, своими операціями по казеннымъ запаснымъ магазинамъ, образовалъ въ пользу этихъ магазиновъ огромную монополію. Дѣйствуя чрезъ исправниковъ, онъ стѣснялъ закупы хлѣба всѣмъ казеннымъ вѣдомствамъ и заставлялъ ихъ обращаться за покупкой его въ магазины, а самъ покупалъ его у крестьянъ по его произвольнымъ цѣнамъ. Движеніе хлѣба было стѣснено до крайности. Вывозить хлѣбъ изъ одного уѣзда въ другой позволялось только въ крайнихъ случаяхъ, въ видѣ особенной милости. Понятно, что такая система, гдѣ вся хлѣбная торговля находилась въ однихъ рукахъ, не могла содѣйствовать успѣхамъ земледѣлія. Точно также не могла принести большой пользы и принятая Трескинымъ система распространенія земледѣлія: это была система самаго мелочнаго надзора и карательныхъ мѣръ, а не свободы и поощреній. Понятно, что при такихъ условіяхъ земледѣліе могло только увеличиваться, а не улучшаться; могло увеличиться количество запашки, но тѣмъ хуже, особенно при недостаткѣ рукъ, была самая обработка земли. Отсюда донесенія о частыхъ неурожаяхъ. Можно почти положительно ска-

скихъ разсчетовъ, что ходатайствомъ Сѣвнинкова о дозволеніи безплатно отыскивать ломки нарушаются права частныхъ владѣльцевъ. По этому министръ (Булдовъ) не нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайству генералъ-губернатора. Если предпріятіе Сѣвнинкова съ товарищами полезно, то можно оказать имъ поощреніе «другимъ образомъ, не стѣсняя народной промышленности». (Св 44, № 17.) Таковы были уроки политической экономіи, которые министерство было въ необходимости давать Сибирскимъ начальствамъ, не смотря на положительныя правила о свободѣ промышленности и торговли, провозглашенныя въ Сибирскомъ учрежденіи.

[1]) П. С. З. 20771.

зать, что во все время тринадцатилѣтняго управленія Трескина Иркутскою губерніей, онъ ни разу не доносилъ, что урожай въ ней хорошъ. Это умышленное скрытіе урожаевъ имѣло еще ту цѣль, чтобы, съ одной стороны, имѣть предлогъ, при покупкѣ хлѣба, выказывать въ уплату за него высокія цѣны, приводить небывалыя затрудненія и тѣмъ выставлять свои заслуги, съ другой— имѣть право перепродавать хлѣбъ въ другія мѣста еще болѣе высокими цѣнами. Произвольныя дѣйствія, нарушеніе законовъ и систематическій обманъ правительства нигдѣ не были доведены при Трескинѣ до такого развитія, какъ именно въ дѣлахъ народнаго продовольствія. Въ другихъ частяхъ края не было тѣхъ злоупотребленій дѣятельностью запасныхъ магазиновъ, какъ у Трескина, но и тамъ существовали разнаго рода стѣснительныя мѣры, особенно при торговлѣ хлѣбомъ чиновниковъ съ инородцами въ дальнихъ мѣстахъ.

Такое положеніе дѣлъ неизбѣжно должно было обратить на себя строгое вниманіе Сперанскаго. Въ своихъ «подтвердительныхъ правилахъ» онъ посвятилъ три статьи исключительно мѣрамъ противъ злоупотребленій дѣятельностью казенныхъ запасныхъ магазиновъ во вредъ свободѣ хлѣбнаго торга. Во многихъ другихъ статьяхъ, онъ строго запрещаетъ стѣснять свободное движеніе сельскихъ произведеній.

Изъ частныхъ распоряженій, относящихся къ этому предмету, особенно любопытно слѣдующее. Въ 1819 г. Киренскій округъ страдалъ отъ недостатка въ хлѣбѣ. Трескинъ, по представленію исправника, распорядился выдать тамошнимъ почтсодержателямъ впередъ деньги за вторую половину года. Въ донесеніи своемъ объ этомъ онъ между прочимъ писалъ, что исправникъ, для обезпеченія подрядчиковъ въ овсѣ, распорядился «предостеречь отъ продажи въ партикулярныя руки родившійся у крестьянъ овесъ». На этомъ донесеніи положена резолюція: «Деньги выдать нужно; но распоряженіе исправника, воспрещающее крестьянамъ продавать овесъ въ другія руки, кромѣ извощиковъ, нынѣ же отмѣнить и, сдѣлавъ ему замѣчаніе за сей стѣснительный распорядокъ, остеречь, чтобъ впредь сего ни подъ какимъ видомъ не дѣлалъ». Въ такомъ смыслѣ и было дано предписаніе Трескину [1]).

Кромѣ того, по разнымъ случаямъ, онъ дѣлалъ и частныя подтвержденія по этому предмету; они, большею частію, отно-

[1]) 20 сентября 1819 г. При этомъ сказано, что распоряженіе исправника,—мѣра, стѣсняющая свободную торговлю.—Св. 63,—дѣло о наводненіяхъ.

сились къ казеннымъ хлѣбнымъ закупамъ. Именно казенныя заготовленія давали въ Трескинскія времена мѣстному начальству поводъ къ разнымъ стѣсненіямъ хлѣбной торговли. Понятія и привычки, установившіяся многолѣтними злоупотребленіями, не могли исчезнуть отъ одного предписанія. Они постоянно выходили наружу, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ затруднительнѣе были обстоятельства. Такъ, въ мартѣ 1820 г., Иркутскій исправникъ жалуется на «упорство крестьянъ, которые выдерживали цѣны».—«Я вижу, отвѣчалъ ему Сперанскій, что вы еще не совсѣмъ вошли въ истинный смыслъ свободнаго хлѣбнаго торга. Винить крестьянъ, что они, имѣя хлѣбъ, не хотятъ его продавать несходными для нихъ цѣнами, есть тоже, что винить купца, что онъ желаетъ сколь можно дороже продать свои товары. Тутъ нѣтъ упорства, а просто разсчетъ, въ коемъ каждый свободенъ. Вы посланы покупать хлѣбъ, а не собирать его нарядомъ» [1]).

Покупка хлѣба для казны зимою 1819 и 1820 г. шла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не совсѣмъ успѣшно. По объясненію Зеркалеева, это происходило оттого, что бусовщики (сплавщики хлѣба по Ленѣ) успѣли закупить хлѣбъ въ то время, когда казна производила торги. Онъ полагалъ запретить крестьянамъ Иркутскаго и Нижнеудинскаго уѣздовъ продавать изъ будущаго урожая хлѣбъ въ частныя руки, до тѣхъ поръ, пока не внесутъ въ экономическіе магазины слѣдующаго съ нихъ количества хлѣба и не удовлетворятся всѣ казенныя потребности. «Я, писалъ ему Сперанскій, нахожу сію мѣру противною, какъ прежнимъ узаконеніямъ, такъ и въ особенности положенію государственнаго совѣта, въ 6 день мая 1819 года Высочайше утвержденному, коимъ совершенно разрѣшена свобода хлѣбнаго внутренняго торга. Правило сіе должно быть во всей точности соблюдаемо» [2]). Въ 1821 году Нерчинская горная экспедиція покупала въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ хлѣбъ для Петровскаго желѣзнаго завода. Тотъ же Зеркалеевъ позволилъ ей эту покупку въ однихъ только ближайшихъ къ заводу селеніяхъ— Мухоршибирской волости. Сперанскій нашелъ, что такая мѣра «ограничиваетъ торговлю хлѣбомъ, которая должна быть повсемѣстно свободна», и поручилъ Зеркалееву, если горное начальство встрѣтитъ подобную надобность, «позволить ему закупать хлѣбъ тамъ, гдѣ оно признаетъ для себя выгоднѣе» [3]).

---

[1]) Св. 213, № 4, предп. 16 марта 1820 г.
[2]) Св. 213, № 7, предп. 26 мая 1820 г.
[3]) Св. 213, №..., предп. 5 апрѣля 1821 г.

Впрочемъ, и здѣсь Сперанскій не вполнѣ выдерживалъ предписанныя самимъ имъ правила. Недостатокъ чиновниковъ вынудилъ его поручать закупъ хлѣба для казенныхъ магазиновъ земскимъ исправникамъ; на нихъ же, по ходатайству Иркутской казенной экспедиціи, возложена была покупка хлѣба для винокуренныхъ заводовъ; командированные отъ экспедиціи чиновники производили эту покупку весьма неуспѣшно.

Въ 1818 г. Иркутскій магистратъ конфисковалъ привезенные въ Иркутскъ разными иногородными купцами товары, подъ тѣмъ предлогомъ, что купцы производили ими незаконную торговлю. Губернское правительство отмѣнило это распоряженіе и предало членовъ магистрата суду; но въ то же время распорядилось, чтобы товары иногородныхъ отнюдь не развозились по домамъ, а непремѣнно складывались въ гостиномъ дворѣ [1]). Вопросъ о торговлѣ иногородныхъ принадлежалъ, во время Сперанскаго, къ числу животрепещущихъ вопросовъ въ Иркутскѣ. Дѣло объ этомъ, по апелляціи одного изъ замѣшанныхъ въ немъ, Никанора Трапезникова, находилось въ разсмотрѣніи Сената. Въ канцеляріи Сперанскаго составлена была по этому дѣлу, 25 апрѣля 1822 г., особая записка. Сперанскій оставилъ ее безъ движенія, до рѣшенія дѣла въ Сенатѣ, и уже только черезъ два года, отъ 17 іюня 1824 г., сообщилъ ее, для соображенія, Лавинскому [2]).

Кяхтинское купечество, по обыкновенію, заявляло объ убыткахъ, которые несетъ оно отъ чайной торговли, и просило разныхъ облегченій. На этотъ разъ оно просило разсрочки платежа пошлинъ и сбавки пошлинъ на зеленые чаи. Московскіе купцы (Колесовъ, Шапошниковъ, Хлопонинъ, Холодиловъ, Чаплинъ), также просили объ отсрочкѣ платежа кяхтинскихъ пошлинъ—половины на годъ, а половины на два года. Сперанскій сообщилъ эти просьбы на разсмотрѣніе министра финансовъ 16 іюля 1822 г., и прибавилъ, что показаніе купцовъ объ убыткахъ совершенно основательно, и нужды ихъ достойны вниманія правительства [3]). Сперанскій сослался на личное удостовѣреніе; но мнѣніе его не подкрѣплено никакими разсчетами, по которымъ можно было бы судить о степени справедливости такого вывода.

Въ концѣ 1821 г. возникъ вопросъ: имѣетъ ли право Аспашевъ производить внутреннюю торговлю въ Иркутской округѣ. Губернское правительство разрѣшило вопросъ въ пользу Аспашева, но

[1]) Св. 149, № 1.
[2]) Св. 348, № 13.
[3]) Св. 349, № 44, прилож.

тѣмъ не менѣе просило разрѣшенія Сперанскаго на будущее время. Сперанскій однакожъ уклонился отъ прямого разрѣшенія вопроса. Онъ отвѣчалъ—22 Марта 1822 г.—что возбужденное магистратомъ сомнѣніе въ правахъ Аснашева уже разрѣшено правительствомъ, и потому онъ не находилъ нужнымъ дѣлать объ этомъ еще какое нибудь постановленіе, тѣмъ болѣе, что Аснашевъ уже выѣхалъ изъ Иркутска, «чѣмъ и вопросъ на настоящее время самъ собою разрѣшается» [1]).

Именнымъ указомъ 22 Сентября 1782 г. установленъ былъ сборъ съ каждаго пошлиннаго рубля: за вымѣненные у китайцевъ товары по 2 к., а за отпущенные за границу по 1 к. Сборъ этотъ сначала назначался въ пользу городовъ и отсылался въ Иркутскій приказъ общественнаго призрѣнія. Указомъ 15 Марта 1800 г. сборъ этотъ подтвержденъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ употреблялся «въ пользу общественныхъ заведеній китайскаго торга на Кяхтѣ». Хранить его предписано въ казенной палатѣ; употреблять на надобности Кяхтинскаго торга: на заведеніе перевозныхъ черезъ Байкалъ судовъ, на построеніе и починку гостиннаго въ Кяхтѣ двора и складочныхъ амбаровъ въ Троицкосавской крѣпости. Сперанскій, отъ 5 мая 1820 г., требовалъ отъ казенной экспедиціи свѣдѣній о томъ, сколько поступило въ экспедицію этого сбора съ 1800 г., сколько и на какія надобности употреблено и сколько остается [2]). Свѣдѣній этихъ мы не нашли, и неизвѣстно, какое употребленіе сдѣлалъ изъ нихъ Сперанскій.

Въ октябрѣ 1819 г., Иркутская казенная экспедиція получила отъ нашего консула на Филиппинскихъ островахъ, надворнаго совѣтника Добеля, просьбу о дозволеніи ему записаться по Камчаткѣ въ купцы 2-й гильдіи. Экспедиція затруднилась согласиться на эту просьбу, по тремъ причинамъ: Добель состоялъ въ государственной службѣ; неизвѣстно, принялъ ли онъ русское подданство; нѣтъ въ виду закона о томъ, могутъ ли иностранцы, при торговлѣ въ Камчаткѣ и Охотскомъ портѣ, записываться въ гильдіи. Сперанскій, 28 ноября 1819 г., увѣдомилъ экспедицію, что «генеральный консулъ Филиппинскихъ острововъ, надв. совѣт. Добель, хотя и состоитъ въ государственной службѣ, но по обязанностямъ, на него возложеннымъ, торговыя связи для него и дозволены, и необходимы». Въ подданство Добель вступилъ еще въ 1818 г. Поэтому Сперанскій предложилъ экспедиціи удовлетворить просьбу Добеля «неотлагательно» [3]).

---

[1]) Св. 63, № 24.
[2]) Св. 116, № 4.
[3]) Св. 348, № 13.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Народное продовольствіе.—Иркутская губернія. — Якутскъ, Охотскъ, Камчатка.—Тобольская и Томская губерніи.— Туруханскій край.

Народное продовольствіе всегда составляло одинъ изъ самыхъ настоятельныхъ вопросовъ на сѣверѣ и востокѣ Сибири. Суровость климата уничтожаетъ въ тѣхъ странахъ всякую возможность къ развитію хлѣбопашества; дальность разстояній и трудность сообщеній затрудняютъ снабженіе края съѣстными припасами изъ хлѣбородныхъ мѣстностей; крайняя разбросанность и бродячая жизнь населенія часто лишаютъ его возможности запасаться продовольствіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учреждены его склады. Все это постоянно вызывало заботы правительства о продовольствіи этихъ мѣстностей.

Но, и кромѣ крайнихъ оконечностей Сибири, значительная часть ея, а именно тогдашняя Иркутская губернія находилась во времена Сперанскаго, и отчасти нынѣ еще находится, въ весьма неудовлетворительныхъ условіяхъ въ отношеніи къ продовольствію. Климатъ ея гораздо суровѣе, нежели подъ тѣми же широтами въ Западной Сибири; сообщенія затруднительны; значительная часть населенія, принадлежа къ кочевымъ инородцамъ, въ прежнее время весьма мало занималась хлѣбопашествомъ. Между тѣмъ необходимость снабжать хлѣбомъ отдаленныя мѣста требуетъ здѣсь усиленной хлѣбной производительности.

Мы уже говорили о томъ, что народное продовольствіе Иркутской губерніи было чрезвычайно стѣснено тѣми мѣрами, какія были приняты Трескинымъ для стѣсненія частной хлѣбной торговли. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности этихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что онѣ большею частію были часто личныя, и въ письменныхъ распоряженіяхъ и донесеніяхъ изображались совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ были въ дѣйствительности. Укажемъ только на нѣкоторые поводы къ этимъ мѣрамъ.

Съ дѣлами народнаго продовольствія были тѣсно связаны казенныя заготовленія хлѣба; заготовленія эти производились для провіантскаго вѣдомства, казенныхъ запасныхъ магазиновъ и винокуренныхъ заводовъ. По провіантскимъ заготовленіямъ были испытаны подряды, но безъ успѣха; были испытаны коммисіи, но и онѣ

не имѣли успѣха; поэтому Пестель возложилъ это дѣло вполнѣ на попеченіе губернаторовъ, предоставя имъ свою власть по утвержденію цѣнъ и производство покупокъ хозяйственнымъ образомъ. Главный закупъ провіанта производился въ Тобольскѣ. Здѣсь губернаторъ распоряжался покупкою большею частію чрезъ Тобольское провіантское депо, и только иногда чрезъ губернскихъ и земскихъ чиновниковъ. Въ Иркутской губерніи закупы были возложены исключительно на чиновниковъ земской полиціи.—Казенные запасные магазины состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи губернаторовъ, по распоряженію которыхъ и производились заготовленія хлѣба для магазиновъ. Къ этимъ заготовленіямъ, по необходимости, примкнула и покупка хлѣба на винокуреніе. Въ Тобольскѣ на всѣ поставки открывались торги въ казенной палатѣ; на торги почти никогда никто не являлся; затѣмъ разсылались коммиссіонеры и земскіе чиновники. Они производили покупку обыкновенно по справочнымъ цѣнамъ, основаніемъ которыхъ были свѣдѣнія, доставленныя тѣми же земскими исправниками. По Иркутской губерніи «признано было излишнимъ стѣснять себя торгами и коммисіонерами». Здѣсь составлялась смѣта всѣхъ казенныхъ потребностей въ хлѣбѣ; затѣмъ общее количество ихъ расписывалось по уѣздамъ, а исправники разлагали его на крестьянъ по ихъ состоянію и платили произвольныя цѣны. По Томской губерніи заготовленія были незначительны [1]).

При такихъ обстоятельствахъ, главнымъ предметомъ попеченій Сперанскаго по народному продовольствію, естественно, было возстановленіе законнаго порядка въ производствѣ торговъ на хлѣбныя заготовленія. Въ этомъ отношеніи. опытъ 1820 г. показалъ, что, не прибѣгая къ мѣрамъ вымогательствъ и самовластной раскладки, можно удовлетворить всѣмъ казеннымъ потребностямъ за сходную цѣну, и даже съ пріобрѣтеніемъ значительныхъ выгодъ. 1821 годъ былъ менѣе удаченъ, отъ скуднаго урожая и сильныхъ наводненій по Иркутской губерніи, и посредственныхъ урожаевъ въ южной части Тобольской губерніи, куда обратились съ требованіемъ на хлѣбъ ближайшіе уѣзды Оренбургской и Пермской губерній, застигнутыхъ неурожаемъ; цѣны возвысились, желающихъ къ торгамъ было мало [2]).

Ниже мы приведемъ подробности нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ Сперанскимъ по продовольствію, особенно въ Иркутской губерніи.

---

[1]) Отчетъ.

[2]) Отчетъ.

20 января 1805 г. было Высочайше утверждено положеніе о казенныхъ запасныхъ магазинахъ Иркутской губерніи. Магазины эти подчинены непосредственному вѣдѣнію губернатора. На образованіе ихъ отпущено изъ казны заимообразно 200.000 р. Трескинъ засталъ это дѣло въ самомъ его началѣ. Онъ принялся за него такъ усердно, что въ нѣсколько лѣтъ не только успѣлъ заплатить казенный долгъ, но и составилъ особый значительный капиталъ, который къ 1820 году составлялъ въ деньгахъ, хлѣбѣ и имуществѣ 782.000 р.[1]). Такого успѣха онъ достигъ исключительно тѣмъ, что, стѣсняя не только частные, но и казенные закупы, захватывалъ принудительными мѣрами весь хлѣбъ, черезъ исправниковъ, въ казенные запасные магазины, и за тѣмъ продавалъ его въ казну и частнымъ людямъ съ огромными барышами. Такія операціи имѣли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ упадокъ частной хлѣбной торговли и безпрерывныя столкновенія Трескина по закупу хлѣба съ разными казенными вѣдомствами. Злоупотребленія по оборотамъ казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ не разъ доходили до свѣдѣнія высшаго правительства и были однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненій противъ Трескина.

Министръ юстиціи, кн. Лопухинъ, отъ 19 февраля 1807 г., объявилъ Пестелю Высочайшее повелѣніе, чтобы онъ, при покупкѣ и заготовленіи во ввѣренныхъ ему губерніяхъ провіанта и фуража для войскъ и на прочія надобности, наблюдалъ въ совершенной точности Высочайшіе указы мая 1803 и 15 января 1805 г. и, между прочимъ, главнѣйшею себѣ обязанностью поставлялъ то, чтобы неумѣрными или неблаговременными закупами не возвысить цѣны на хлѣбъ въ томъ краѣ, гдѣ продовольствіе ничѣмъ другимъ, какъ особымъ только благоразуміемъ мѣстнаго начальства, обезпечено быть не можетъ [2]).

Слѣдствіемъ этого Высочайшаго повелѣнія было только краснорѣчивое воззваніе Трескина къ народу о необходимости заниматься земледѣліемъ. Система закуповъ осталась прежняя — именно та самая, которая вела къ монополіи казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, и затѣмъ къ возвышенію цѣнъ. Во время закупа хлѣба въ 1811—12 г. были приняты мѣстнымъ начальствомъ разныя стѣснительныя мѣры противъ закупа Нерчинскою горною экспедиціею хлѣба въ селеніяхъ губернскаго вѣдомства. Положеніемъ комитета министровъ 24 сентября 1812 г. опредѣлено было—дозво-

[1]) Хлѣба на 437.851 р. 14¼ к., наличныхъ денегъ 344.641 р. 72½ к., всего 782.492 р. 86¾ коп.

[2]) [illegible] 212, № 1

лить покупку хлѣба для Нерчинскихъ заводовъ въ удобныхъ мѣстахъ по вольнымъ цѣнамъ и безъ всякаго стѣсненія поселянамъ [1]). Въ 1813 г. возникли столкновенія Трескина съ Иркутскою казенной экспедиціей, которую онъ стѣснялъ въ покупкѣ хлѣба для винокуренныхъ заводовъ [2]).

Во время неурожаевъ, бывшихъ съ 1811 г., Трескинъ, въ числѣ разныхъ мѣръ къ обезпеченію продовольствія, собственною властью запрещалъ отпускъ хлѣба и скота за границу, хотя было очевидно, что никто и не станетъ продавать ихъ за границу, при выгодной продажѣ на мѣстахъ [3]).

Нельзя, впрочемъ, винить исключительно Трескина въ томъ, что онъ ввелъ казенную монополію и стѣснительныя мѣры въ хлѣбной торговлѣ. Нѣкоторыя дѣйствія его въ этомъ родѣ были въ виду высшаго правительства, но не подвергались порицанію.

Въ 1818 г. выбило кобылкой хлѣбъ въ Нижнеилимской волости Киренскаго уѣзда. Жители лишились средствъ къ продовольствію. Трескинъ распорядился купить въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ 2000 п. хлѣба для бѣднѣйшихъ жителей. Въ то же время онъ разрѣшилъ и самимъ Нижнеилимскимъ жителямъ покупать хлѣбъ въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ и установилъ порядокъ наблюденія за этой покупкой и продажей. Объ этихъ распоряженіяхъ было доведено до свѣдѣнія комитета министровъ. Изъ нихъ было очевидно, что торговля хлѣбомъ между частными лицами составляетъ исключеніе, и допускается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и то съ извѣстными ограниченіями. Комитетъ министровъ не сдѣлалъ однакожъ объ этомъ никакого замѣчанія [4]). Еще разительнѣе, въ этомъ отношеніи, мѣры къ продовольствію крестьянъ Киренскаго округа, утвержденныя положеніемъ комитета 26 мая 1814 г. Здѣсь Трескинъ оффиціально принялъ на себя продовольствіе цѣлаго уѣзда. Мѣры, утвержденныя комитетомъ, прямо вели къ хлѣбной монополіи казенныхъ магазиновъ: онѣ возлагали на капиталъ этихъ магазиновъ всѣ операціи не только по продовольствію жителей, но даже и по засыпкѣ хлѣба въ сельскіе магазины [5]). Вина Трескина состояла не столько въ томъ, что онъ не умѣлъ понять весь вредъ, происходящій отъ казенной монополіи въ народномъ продовольствіи, сколько въ злоупотребленіяхъ, какія дозволяла себѣ мѣст-

[1]) Св. 221, № 151.
[2]) Св. 203, № 4.
[3]) Св. 203, №№ 3 и 4.
[4]) Св. 212, № 8.
[5]) Св. 212, № 3.

ная администрація, и во главѣ ея самъ Трескинъ, стараясь, изъ личныхъ выгодъ, всѣми мѣрами усилить эту монополію.

Трескинскія мѣры совершенно убили хлѣбную торговлю въ губерніи. Онѣ не могли обезпечивать и народнаго продовольствія. Въ то время, какъ Трескинъ, спекуляціями на хлѣбъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ, составлялъ въ пользу ихъ огромный капиталъ, люди въ дальнихъ мѣстахъ края буквально умирали съ голода; одинъ, два неурожайные года могли поставить всю губернію въ крайне затруднительное положеніе. Именно въ такомъ положеніи засталъ губернію Сперанскій.

Дѣятельность Сперанскаго по продовольствію Иркутской губерніи можетъ быть раздѣлена на общія и частныя мѣры. Но вообще между тѣми и другими трудно положить рѣзкую границу. Общія мѣры иногда отмѣнялись или дополнялись частными. Нѣкоторыя изъ частныхъ мѣръ относились къ нѣсколькимъ разнымъ мѣстностямъ. Заготовленіе хлѣба для казенныхъ потребностей находилось въ тѣсной связи съ обезпеченіемъ продовольствія. Все это такъ переплеталось между собой, что каждое изъ дѣлъ о хлѣбныхъ закупахъ, взятое отдѣльно, представляетъ порядочный хаосъ; только общая совокупность ихъ составляетъ нѣчто стройное и даетъ возможность изложить ихъ хотя въ нѣсколько систематическомъ порядкѣ.

Общія мѣры начались съ распоряженія (8 ноября 1819), которымъ поручено было Зеркалееву заготовить, посредствомъ подряда, 43342 п. хлѣба для казенныхъ запасныхъ магазиновъ. Пропорцію хлѣба, назначенную для Якутскаго края, надлежало закупить въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ. Еслибы это оказалось невозможнымъ, то, по предположенію Зеркалеева, разрѣшено взять недостающую пропорцію изъ Нижнеслободскаго магазина. Еслибы въ Иркутскій магазинъ понадобилось хлѣба болѣе противъ первоначальнаго назначенія, то потребность эту надлежало удовлетворить изъ Уянскаго магазина Нижнеудинскаго уѣзда [1]). Хлѣбъ, какъ для казенныхъ запасныхъ магазиновъ, такъ и для другихъ казенныхъ потребностей, надлежало заготовлять съ торговъ.

Заготовленіе хлѣба съ торговъ встрѣчало однакожъ важныя препятствія. Трескинская система совершенно убила торги. Народъ привыкъ дожидаться пріѣзда полицейскихъ чиновниковъ. При такихъ обстоятельствахъ, совершенно естественно, что Иркут-

---

[1]) Св. 213, № 4.

ская казенная экспедиція, въ сентябрѣ 1819 г., обратилась къ Сперанскому съ вопросомъ, какимъ способомъ произвести ей заготовленіе хлѣба для винокуренныхъ и солеваренныхъ заводовъ: «чрезъ земскихъ ли исправниковъ, кои до сего времени производили таковую покупку, по порученію гражданскаго губернатора, или другими средствами». — Сперанскій предложилъ экспедиціи заготовить хлѣбъ подрядомъ съ торговъ; а если желающихъ не явится, то поручить чиновникамъ вѣдомства экспедиціи закупъ хлѣба прямо у земледѣльцевъ, «на тѣхъ правилахъ, какія она признаетъ полезнѣйшими для казны и сообразными съ мѣстными обстоятельствами» [1]). Съ торговъ куплено было у сельскихъ и инородческихъ обществъ 34536 п. муки и 2187 п. ржи, съ поставкою: въ Александровскій заводъ 1 р. 20 к.—1 р. 50 коп., Илгинскій 2 р., Иркутскій солеваренный 1 р. 20 коп. По разсчету экспедиціи, нужно было докупить еще до 140000 п. По недостатку членовъ, экспедиція просила командировать, для покупки хлѣба, губернскаго стряпчаго или другихъ чиновниковъ, менѣе обремененныхъ дѣломъ. Неизвѣстно, что отвѣчалъ на это Сперанскій; но въ январѣ 1820 г. хлѣбъ покупали совѣтникъ экспедиціи Лестихинъ и ассесоръ Ивановъ. Покупка шла неуспѣшно; хлѣба въ заводахъ оставалось уже мало, и потому экспедиція просила возложить покупку на членовъ земской полиціи. Сперанскій, 4 марта 1820 г., отвѣчалъ ей изъ Верхнеудинска, съ нарочнымъ, что если она находитъ такой способъ заготовленія совершенно необходимымъ, то отъ нея зависитъ, по сношенію съ исполнительной экспедиціей, привести его немедленно въ исполненіе [2]). Между тѣмъ, «удостовѣрясь на мѣстѣ, что многія селенія и волости Верхнеудинскаго уѣзда изъявили желаніе на продажу хлѣба, остающагося у нихъ въ избыткѣ», Сперанскій предложилъ Верхнеудинскому общему присутствію немедленно открыть торги на продажу въ винокуренные заводы до 25000 п. хлѣба [3]). По этому поводу онъ написалъ Верхнеудинскому городничему Измайлову слѣдующее письмо: «Изъ прилагаемаго при семъ предложенія Верхнеудинскому общему присутствію, усмотрите вы порядокъ, на коемъ признано нужнымъ открыть торги на поставку сюда хлѣба. Я совершенно полагаюсь на ваше содѣйствіе и извѣстную мнѣ дѣятельность. Кажется, крестьяне найдутъ сами въ томъ выгоды по значительному количеству избытковъ, у нихъ безъ продажи остаю-

[1]) Св. 213, № 11/4, предп. 7 октября 1819 г.
[2]) Св. 213, № 11/4, предп. 4 марта 1820.
[3]) Предп. 13 марта 1820 г.

щихся. Сплавъ здѣсь легко учредится; есть уже и желающіе. Количество можетъ быть и болѣе 25000 п., если цѣны будутъ выгодны. Я прошу васъ донести мнѣ о теченіи сихъ торговъ, назначивъ сроки самые краткіе и принявъ мѣры, чтобы они съ точностью оглашены были во всѣхъ хлѣбныхъ волостяхъ. Не отвергайте предложеній на поставку и высшаго количества. Оно можетъ простираться и до 100000, но сего оглашать не нужно. Назначеніе пристаней будетъ зависѣть отъ вашего усмотрѣнія. Далѣе Стрѣлки, гдѣ впадаетъ Чикой, кажется, сплаву быть не можетъ» [1]. Вслѣдъ затѣмъ онъ утвердилъ нѣкоторыя предположенія Измайлова о порядкѣ доставки этого хлѣба [2]. Желающихъ однакожъ не оказалось.

Вслѣдствіе этого, покупка хлѣба для заводовъ перенесена была въ Томскую губернію. Предположеніе это возникло въ казенной экспедиціи и Сперанскій утвердилъ его. Для этой покупки надлежало послать коммисіонера отъ экспедиціи; но «не имѣя въ виду чиновника къ тому способнаго и другой службой не занятаго въ здѣшней губерніи», Сперанскій поручилъ ее распоряженію Илличевскаго. Ему предоставлено, или открыть на эту поставку торги, или пригласить къ ней того же поставщика, который и въ Томской губерніи принялъ на себя эту обязанность за цѣны весьма выгодныя для казны. Сперанскій указалъ только главныя статьи условій: первая и важнѣйшая изъ нихъ была та, чтобы въ Александровскій и Николаевскій заводы поставить 120000 пудъ хлѣба [3].

Впослѣдствіи Сперанскій призналъ возможнымъ уменьшить эту покупку до 50000 п. Основаній къ такому сокращенію было два: первое, что покупка хлѣба въ Томской губерніи была нужна только на первоначальное дѣйствіе заводовъ, а потомъ необходимая пропорція хлѣба могла пополниться покупкой изъ будущаго урожая въ Иркутской губерніи; второе,—опасеніе, что, при значительности разстоянія заводовъ отъ Красноярской округи, цѣны хлѣба,

---

1) Св. 213, № 11/4, предп. 13 марта 1820.

2) Предп. 18 марта 1820 г.

3) Прочія условія состояли въ слѣдующемъ: «1) Срокъ сей поставкѣ назначить такъ, чтобы къ 1-му сентября поставлено было въ тѣ заводы по крайней мѣрѣ 35000 пудъ, а остальные 85000 пудъ втеченіи послѣдующихъ мѣсяцевъ къ 1-му декабря сего года. 2) Само собою разумѣется, что отъ поставщика зависѣть будетъ поставить хлѣбъ и ранѣе сентября мѣсяца, пользуясь свободнымъ отъ работъ временемъ. 3) Задаточныя деньги, если по существу условій должно будетъ ихъ допустить, произвесть по распоряженію Томской казенной экспедиціи на счетъ Иркутской таковой же экспедиціи. 4) Контракты на сію поставку, не производя въ дѣйствіе, представить ко мнѣ на утвержденіе. (Св. 213, № 11/4, предп. 20 апрѣля 1820 г.).

съ доставкою, едва ли будутъ соразмѣрны съ Иркутскими. Илличевскому предписано было ограничиться этимъ количествомъ. Увеличить его предоставлено только въ такомъ случаѣ, если покупныя цѣны, съ доставкою, представятъ значительныя выгоды въ сравненіи съ Иркутскими. Тогда же Сперанскій предписалъ казенной экспедиціи не упускать случаевъ къ покупкѣ хлѣба, если на продажу его будутъ являться поселяне съ общественными одобреніями [1]).

Кромѣ того, Сперанскій предложилъ экспедиціи, если она признаетъ нужнымъ, купить въ провіантскомъ коммисіонерствѣ 16500 п. хлѣба, купленнаго для Нерчинскихъ магазиновъ съ доставкою въ Верхнеудинскъ, такъ какъ надобность въ немъ миновалась (по случаю предположенія купить хлѣба въ Нерчинской округѣ [2]). Вслѣдъ затѣмъ Зеркалеевъ открылъ возможность произвести еще покупку хлѣба у крестьянъ Бадайской волости. Сперанскій разрѣшилъ ее, подъ особеннымъ наблюденіемъ Зеркалеева, чтобы хлѣбъ былъ поставленъ изъ прежняго, а не изъ будущаго урожая, не мерзлый, и доставленъ въ заводъ именно втеченіи іюня и іюля, «яко времени для крестьянъ отъ полевыхъ работъ еще свободнаго». На задатки и на выдачу впередъ половинныхъ денегъ, если иначе крестьяне не согласятся, разрѣшилъ доставить къ коммисіонеру отъ 25 до 30.000 р. [3]).

Между тѣмъ одинъ изъ крестьянъ Верхнеудинскаго уѣзда (Заиграевъ), который сначала вызывался было на поставку хлѣба для заводовъ, впослѣдствіи отъ нея отказался. Казенная экспедиція хотѣла принудить его къ поставкѣ, или купить хлѣбъ на его счетъ. Сперанскій нашелъ это несправедливымъ. «Настоящаго контракта по сему предмету съ нимъ не было еще заключено; а хотя онъ данною подпискою и вызывался на поставку того хлѣба, но со стороны казны не получилъ разрѣшенія къ тому времени, въ которое онъ предполагалъ произвесть оную выгодными для себя средствами». Для отвращенія недостатка въ хлѣбѣ и чтобы не прервать тѣхъ распоряженій, какія были уже сдѣланы къ перевозкѣ зауслoвленнаго у Заиграева хлѣба изъ Верхнеудинска въ Иркутскъ, Сперанскій предложилъ экспедиціи поручить Верхнеудинскому общему присутствію купить нужное количество изъ другихъ рукъ, потому что въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ цѣны на хлѣбъ

---

[1]) Св. 213, № 11/4, предп. 8 мая 1820 г.

[2]) Св. 213, № 11/4, предп. 27 мая 1820 г.

[3]) Св. 213, № 11/4, предп. 31 мая 1820 г., черновое написано Сперанскимъ карандашемъ на представленіи Зеркалеева.

были не высоки, слѣдовательно должны быть тамъ и запасы къ вольной продажѣ [1]).

Чтобы еще болѣе облегчить продовольствіе Иркутской губерніи, Сперанскій распорядился остановить дѣйствіе Илгинскаго винокуреннаго завода и заготовить на заводахъ Томской губерніи вино, которое поставлялось съ этого завода.

Въ томъ же 1819 г. начальникъ Нерчинскихъ заводовъ просилъ о позволеніи закупить 10500 п. хлѣба для Петровскаго завода въ Верхнеудинской округѣ и о сохраненіи изъятія Нерчинскаго уѣзда въ пользу заводовъ отъ постороннихъ закуповъ. Сперанскій отвѣчалъ, что покупка хлѣба для всѣхъ казенныхъ частей, какъ уже извѣстно изъ его циркулярнаго предписанія, разрѣшена повсемѣстно, слѣдовательно нѣтъ никакого затрудненія въ просимой имъ покупкѣ. Изъятіе въ пользу заводовъ остается въ своей силѣ. «Коммисіонерамъ всѣхъ другихъ частей, прибавлялъ онъ въ собственноручной припискѣ, запрещено отъ меня дѣлать покупки въ Нерчинскомъ уѣздѣ; но если бы паче чаянія и затѣмъ кто либо туда явился, то отъ васъ зависѣть будетъ запретить продажу и мнѣ дать знать» [2]). Тогда же было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы заводскимъ коммисіонерамъ оказывалось содѣйствіе въ покупкѣ хлѣба въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ [3]).

Въ четвертой главѣ нашего труда мы уже привели тѣ наставленія, которыми Сперанскій, отправляясь сначала въ Тобольскъ, а потомъ въ Петербургъ, счелъ нужнымъ снабдить Иркутское губернское начальство въ отношеніи продовольствія. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи предписаніе Цейдлеру отъ 7 сентября 1821 г. Сущность указаній Сперанскаго вообще состояла въ свободѣ хлѣбнаго торга, ограниченіи винокуренія и въ благовременности казенныхъ закуповъ.

Въ сентябрѣ 1820 г. Зеркалеевъ представилъ Сперанскому подробное исчисленіе о потребности въ казенномъ заготовленіи хлѣба на 1821 г. Сперанскій нашелъ его слишкомъ великимъ. Назначе-

[1] Св. 213, № 14, предп. 21 іюля 1820 г.

[2] Св. 213, № 16, предп. 22 ноября 1819 г.

[3] Св. 213, № 16, предп. 29 ноября 1819 г. Въ отношеніи къ продовольствію Нерчинскаго края, здѣсь кстати будетъ упомянуть о весьма полезной мѣрѣ, которая была принята во время Сперанскаго, хотя и не ему обязана своимъ осуществленіемъ. Въ 1786, 1791 и 1792 годахъ былъ купленъ казной хлѣбъ для пособія Нерчинскимъ заводскимъ и губернскимъ крестьянамъ, терпѣвшимъ отъ неурожаевъ. Хлѣба этаго въ 1819 г. оставалось въ недоимкѣ за крестьянами еще 140000 пуд.—Гр. Гурьевъ, отъ 14 іюля 1819, увѣдомилъ Сперанскаго, что недоимка сложена по Высочайшему повелѣнію. (Св. 222, № 7).

но было излишних 100.000 п. для провіантскаго вѣдомства и 31.000 п. для Илгинскаго завода, который былъ уже остановленъ. За исключеніемъ этихъ излишковъ, все, назначаемое къ заготовленію, количество хлѣба должно было составлять до 700000 п. Сперанскій поручилъ Зеркалееву заготовить этотъ хлѣбъ съ торговъ. «Судя по хорошему нынѣ урожаю хлѣба, что сверхъ оффиціальныхъ донесеній подтверждаютъ и частныя свѣдѣнія, сіе количество очень удобно и выгодно искуплено быть можетъ». Сперанскій указывалъ и другую невѣрность въ исчисленіи Зеркалеева. Въ исчисленіи было показано, что для наполненія сельскихъ магазиновъ нужно болѣе 900000 п., между тѣмъ, по другимъ даннымъ, представленнымъ отъ самого же Зеркалеева, на это нужно было только 226000 п. Вся потребность изъ урожая 1820 г., вмѣсто исчисленныхъ Зеркалеевымъ 1700000 п., составляла только 926000 п. Сперанскій требовалъ отъ Зеркалеева свѣдѣній, на чемъ основанъ его разсчетъ хлѣба, слѣдующаго въ магазины [1]).

Самъ Сперанскій, находясь сначала въ Тобольскѣ, а потомъ въ Петербургѣ, не имѣлъ возможности непосредственно наблюдать за ходомъ подрядовъ. Находя, что представленіе къ нему на утвержденіе, въ Тобольскъ, вынрошенныхъ на торгахъ цѣнъ замедлитъ подряды, Сперанскій, по представленію казенной экспедиціи, разрѣшилъ Зеркалееву утверждать вмѣсто него контракты на сумму, превышающую 10.000 р. На попеченіи Зеркалеева оставлено, чтобы цѣны при подрядахъ были какъ можно выгоднѣе [2]).

На торги однакожъ мало являлось желающихъ: по выраженію Цейдлера, этотъ способъ заготовленія былъ «совершенно новъ» для губерніи. Зеркалеевъ возложилъ покупку хлѣба на земскихъ чиновниковъ. Сперанскій нашелъ это основательнымъ, тѣмъ болѣе, что подобный способъ былъ уже употребленъ въ минувшемъ году и что,—писалъ онъ—«сей способъ ни мало не противорѣчитъ даннымъ мною на подобные случаи правиламъ. Само собою разумѣется, что ежели на торги для поставки въ какое либо казенное заведеніе хлѣба никто въ казенную экспедицію не является, то необходимо командировать въ уѣздъ коммисіонеровъ, каковую должность могутъ занять и благонадежные земскіе чиновники». Къ этому прибавленъ PS: «Нижнеудинскому исправнику я и съ своей стороны подтверждаю вмѣстѣ съ симъ, чтобъ онъ употребилъ все извѣстное его усердіе и расторопность; отъ усмотрѣнія в. в. зависитъ отряжать и другихъ чиновниковъ для закуповъ

[1]) Св. 213, № 14/9, предп. 11 октября 1820 г.

[2]) Тамъ же, 11 октября 1820 г.

хлѣбныхъ: ибо коль скоро торги даны и желающихъ нѣтъ или мало, то все заготовленіе переходитъ по общему закону на коммиссіонеровъ и дѣятельныя мѣры губернскаго начальства» [1]. Въ предписаніи Выдрину, Сперанскій выразилъ свою надежду на успѣхъ возложенной на него покупки и прибавилъ PS: «Если для личныхъ донесеній вы найдете нужнымъ быть въ Иркутскѣ, то, подобно прошедшему году, вамъ сіе безпрепятственно дозволяется».

Изъ полученныхъ Сперанскимъ свѣдѣній о посѣвѣ и урожаѣ по Иркутской губерніи хлѣба въ 1820 г., оказывалось, что за отчисленіемъ хлѣба на посѣвъ и продовольствіе жителей, оставалось его еще 224310 четвертей, или до 1700000 п. «Сіе еще болѣе убѣждаетъ меня, — писалъ Сперанскій, — въ томъ, что изъ сего остатка легко могутъ быть удовлетворены всѣ казенныя потребности, даже въ предполагаемой вами пропорціи, которая вѣроятно можетъ быть и уменьшена» [2].

Затрудненія въ покупкѣ хлѣба однакоже продолжались. Зеркалеевъ находилъ невозможнымъ закупить весь хлѣбъ изъ первыхъ рукъ. Онъ приторговалъ 73000 п., для Киренскихъ и Якутскихъ провіантскихъ и запасныхъ магазиновъ, у купца Литвинцева и крестьянина Ларіонова, но дороже справочныхъ цѣнъ. Сперанскій разрѣшилъ эту покупку, отозвавшись на счетъ цѣнъ, что это разрѣшено по необходимости и только на текущій годъ, «отнюдь не распространяя» на будущее время. На томъ же основаніи онъ согласился на отдачу Литвинцеву заготовленія морскихъ продовольственныхъ припасовъ (для Охотскаго порта), если распоряженіе Зеркалеева о пріисканіи желающихъ на поставку ихъ болѣе выгодными цѣнами будетъ безуспѣшно. «Впрочемъ, прибавилъ Сперанскій, изъ свѣдѣній вами представленныхъ видно, что въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ закупъ хлѣба сдѣланъ въ весьма маломъ количествѣ, между тѣмъ какъ урожай тамъ былъ хорошъ. Я прошу в. в. употребить дѣятельныя мѣры, дабы закупъ по сему уѣзду шелъ успѣшнѣйшимъ образомъ, независимо отъ тѣхъ распоряженій, въ слѣдствіе коихъ происходитъ онъ по Нижнеудинскому и Красноярскому уѣзду» [3]. На другое представленіе Зеркалеева о затрудненіяхъ въ покупкѣ хлѣба, Сперанскій отвѣчалъ ему выраженіемъ увѣренности, что онъ съумѣетъ устранить эти затрудненія, — «тѣмъ болѣе, прибавлялъ Сперанскій, что главное обстоятельство,

---

1) Тамъ же, 22 ноября 1820 г. (Св. 15, № 31).

2) Св. 203, № 2, предпис. 13 декабря 1820 г., черновое руки Крестникова.

3) Св. 213 № 1/5, предп. 10 января 1821 г.

приводившее васъ въ затруднительное положеніе, а именно выпрашиваемыя продавцами цѣны выше среднеустановленныхъ, разрѣшено уже мною». Онъ снова однакожъ повторялъ, что это разрѣшеніе относится только къ 1821 г. [1]).

На 1821 г. Зеркалеевъ распорядился купить до 50000 п. зерноваго хлѣба, для ссуды крестьянамъ Иркутскаго уѣзда на посѣвы. Сперанскій одобрилъ это распоряженіе. Онъ просилъ только Зеркалеева наблюсти, чтобы хлѣбъ этотъ выданъ былъ только бѣднымъ людямъ, по удостовѣренію обществъ, и въ свое время взысканъ или натурою, или деньгами, во что онъ обойдется казнѣ съ доставкою на мѣстѣ [2]). Хлѣба было дѣйствительно куплено 50000, но доставлено и роздано крестьянамъ только 25000 п. [3]).

Участіе Сперанскаго въ хлѣбныхъ операціяхъ на 1822 г. было весьма незначительно. Заготовленія эти производилъ Цейдлеръ, на основаніи тѣхъ полномочій, какія далъ Сперанскій при отъѣздѣ изъ Сибири, сначала Зеркалееву, потомъ ему. Цейдлеръ донесъ только въ мартѣ 1822 г., объ успѣхѣ своихъ распоряженій. Онъ: 1) Сдѣлалъ вызовъ желающихъ, съ исполненіемъ предписанныхъ Сперанскимъ правилъ. Кромѣ общаго одобренія, при торгахъ требовалось еще особенное удостовѣреніе о состоятельности подрядчиковъ. Эту мѣру Цейдлеръ призналъ необходимою для того, чтобы не входили въ подряды недоимщики. 2) Старался соглашать подрядчиковъ, чтобы они оставляли въ казнѣ половину контрактной суммы. Торги однакоже не имѣли успѣха; весь хлѣбъ на 1822 г. былъ заготовленъ коммисіонерами. Совѣтникъ Елисеевъ представилъ любопытное мнѣніе о средствахъ улучшить хлѣбные закупы. Онъ находилъ, что крестьяне захватываютъ въ свои руки хлѣбъ посредствомъ заранѣе сдѣланныхъ денежныхъ задолженій крестьянамъ. Елисеевъ признавалъ необходимымъ дѣлать такія же задолженія отъ казны.—На всѣ эти представленія Сперанскій отвѣчалъ только, что цѣны онъ утверждаетъ [4]).

Къ числу мѣръ, относящихся до народнаго продовольствія по Иркутской губерніи, нужно отнести еще слѣдующія:

Кяхтинскіе жители нерѣдко терпѣли отъ недостатка въ хлѣбѣ. Неурожаи въ Забайкальскомъ краѣ повторялись очень часто [5]). Цѣна

[1]) Предп. 24 января 1821 г.

[2]) Св. 213, № 14/9, предп. 5 апрѣля 1821 г.

[3]) Св. 15, № 31. Хлѣбъ покупался на счетъ капитала казенныхъ запасныхъ магазиновъ. Мы не знаемъ, входилъ ли онъ въ счетъ тѣхъ 70000 п., которые взялся доставить въ Иркутскъ Малеевъ (мы говоримъ объ этомъ ниже); кажется, нѣтъ.

[4]) Св. 214, № 27, предп. 5 мая 1822 года.

[5]) Особенно въ Нерчинскомъ краѣ «по столѣтнему опыту, изъ десяти лѣтъ одинъ годъ бываетъ урожайный».—(Отчетъ, отд. о Нерчин. Горн. упр.)

на хлѣбъ въ 1815 г. доходила до 10 р. пудъ. Собственнаго хлѣбопашества у нихъ было недостаточно. Въ 1820 г., во время пребыванія Сперанскаго въ Кяхтѣ, по предложенію тамошняго бургомистра, Николая Матвѣевича Игумнова, тамошнее общество, «одушевляясь, — какъ писалъ Игумновъ въ донесеніи Сперанскому,— особеннымъ попеченіемъ в. в. къ устроенію въ Высочайше ввѣренныхъ вамъ губерніяхъ благотворительныхъ заведеній», учредило, кромѣ запаснаго магазина въ Троицкосавскѣ, общественный магазинъ въ Усть-Кяхтинской слободѣ, названный Михайловскимъ. На устройство магазина пожертвовано 1.140 р. деньгами и 1030 п. зерноваго хлѣба [1]. Сперанскій, на оффиціальное донесеніе объ этомъ Игумнова, отвѣчалъ ему очень любезнымъ письмомъ [2]. Завѣдываніе магазиномъ онъ возложилъ исключительно на попеченіе Кяхтинской ратуши. Ей предоставлено было учредить весь порядокъ управленія магазиномъ и образъ раздачи хлѣба въ ссуду или за проценты, по ея усмотрѣнію. Ратуша обязана была только ежегодно доносить губернатору о состояніи магазина. «Ни городское, ни земское начальство, безъ нея не должны въ немъ участвовать», говорилъ Сперанскій въ письмѣ къ Игумнову [3]. Зеркалееву дано знать объ учрежденіи магазина, 7 мая 1820 г., только «для вѣдома».

Главный Тунгусскій родоначальникъ, князь (Александръ Степановичъ) Гантимуровъ, просилъ освободить его родовичей отъ взноса хлѣба въ сельскіе магазины. Онъ представлялъ, что Тунгусы вовсе не занимаются хлѣбопашествомъ. Сперанскій отвѣчалъ ему частнымъ письмомъ: «Просьбу в. с. отъ 27 м. января, по предмету увольненія подвѣдомственныхъ вамъ Тунгусовъ отъ взноса въ экономическіе запасные магазины хлѣба, я разсматривалъ; но имѣя въ виду Высочайшія повелѣнія объ учрежденіи таковыхъ магазиновъ, я не могу сдѣлать никакого распоряженія объ уничтоженіи оныхъ въ вѣдомствѣ вашемъ, почему и должны подчиненные вамъ родовичи наполнять сіи магазины положеннымъ количествомъ хлѣба по возможности.—По просьбѣ же объ опредѣленіи сына вашего въ службу по иновѣрческой конторѣ я не примину въ свое время сдѣлать надлежащее распоряженіе» [4].

---

[1]) Св. 15, № 24.

[2]) Св. 15, № 24, 20 марта 1820. См. приложеніе.

[3]) Св. 15, № 24, предп. Кяхт. ратушѣ 20 марта 1820 г.

[4]) Св. 222, № 6. Письмо отъ 7 апрѣля 1820 г. Послѣднія слова относились къ другой просьбѣ кн. Гантимурова, полученной въ то же время.

Одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ обезпеченію продовольствія состоитъ въ развитіи хлѣбопашества. Трескинъ отличался особенною дѣятельностью по этому предмету; но это была дѣятельность принудительная,—дѣятельность мелочнаго полицейскаго вмѣшательства и Лоскутовскихъ нагаекъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ именно указывало, что правила, предписанныя Трескинымъ, стѣснительны для старожиловъ и инородцевъ и могутъ быть годны только для ссыльно-поселенцевъ [1]). Если таковы были письменныя правила, бывшія въ виду правительства, то можно судить, каково было практическое примѣненіе ихъ въ Трескинское время.

Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, нельзя винить исключительно Трескина. Принудительныя мѣры къ распространенію хлѣбопашества проходятъ чрезъ всю Сибирскую исторію. Трескинъ только продолжалъ эти мѣры, завѣщанныя ему еще отъ воеводъ и Сибирскаго Приказа. Сперанскій избралъ другой путь. Это былъ путь не принужденія и застращиваній, а поощреній и ласки. Намъ уже извѣстны тѣ распоряженія, какія сдѣланы имъ по этому предмету между бурятами.

Вообще посѣвы и урожаи хлѣба и потребности въ немъ по Иркутской губерніи, за время Сперанскаго, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	1819.		1820.		1821.	
	Озимаго.	Яроваго.	Озимаго.	Яроваго.	Озимаго.	Яроваго.
Четвертей:						
Посѣяно	93118 5 ч. 6 г.	240524 2—2¼	79321 7 4	207039 2—1	79704 4—1¾	185692 3—2¾
Родилось	362115 1—6	590384 1—6	335871 5	510869 7⅜	341977 4—7¾	540755 3 -¼
Изъ этого отчислено:						
на посѣвъ	83279 6—½	214925 6—2	73987 1—5¼	282480 2—1½	82255 6—¾	197368 4—2⅝
на продовольствіе. . . .	152503 6—4¼	270205 3¼	131389 6—4¼	232946 4	155660 5—7½	239735 7—½
Остатокъ урожая обоихъ хлѣбовъ совокупно составлялъ	231516—3.		225467—8—4¾.		207713—5.	
Накошено сѣна	5616424 копны.		5754983 копны.		5781826 копенъ.	

[1]) Св. 26, № 4.

Изъ этого видно, что посѣвы и урожаи, въ сравненіи съ 1819 г., въ послѣдующіе два года нѣсколько уменьшились. Это можно приписать, отчасти, отсутствію тѣхъ принудительныхъ мѣръ, которыя принимались въ Трескинское время, а отчасти большимъ остаткамъ родившихся хлѣбовъ. Въ три года накопился остатокъ слишкомъ въ 600000 четвертей. При отсутствіи сбыта, это обстоятельство не могло не имѣть вліянія на уменьшеніе запашки. Уже въ 1819 г. посѣвъ и урожай хлѣба были нѣсколько менѣе противъ 1818 г. Нельзя также не замѣтить, что въ тѣ времена, какъ и нынѣ, въ Иркутской губерніи яровые посѣвы рѣшительно преобладали надъ озимыми [1]). Для народнаго продовольствія особенно ощутителенъ былъ недородъ хлѣба въ наиболѣе хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Такъ въ 1820 г. урожай хлѣба въ Иркутскомъ, Верхнеудинскомъ и Нижнеудинскомъ уѣздахъ былъ менѣе 1819 г. на 88000 четвертей. Въ 1821 г. урожай по Иркутскому и Верхнеудинскому уѣздамъ былъ весьма удовлетворителенъ, но по Нижнеудинскому—еще менѣе 1820 г. [2]).

Запасы, которыми обезпечивалось продовольствіе Иркутской губерніи и Якутской области, находились въ слѣдующемъ состояніи:

Собственно въ Иркутской губерніи находилось 13-ть казенныхъ магазиновъ [3]); въ Якутской области—18-ть [4]).

Выше мы уже привели цифры состоянія капитала казенныхъ запасныхъ магазиновъ къ 1820 году. Къ 1822 г. онъ, кромѣ разныхъ заведеній, составлялъ въ хлѣбѣ, деньгахъ и долгахъ 820.044 р. 81¾ к. Втеченіи одного 1821 г. онъ пріобрѣлъ чистой прибыли 19.356 р. 3 к. [5]).

Къ 1820 году въ магазинахъ Иркутской губерніи оставалось на лицо хлѣба 165982 п. 33¾ ф., въ томъ числѣ собственно въ Иркутскомъ 56478 п. 26 ф.; въ магазинахъ Якутской области 73343 п. 25¾ ф., изъ нихъ въ Якутскомъ, откуда

[1]) Св. 203, № 6.

[2]) Св. 15, № 34.

[3]) Иркутскій, Нижнеслободскій (Иркутскаго уѣзда), Верхнеудинскій, Уянскій (Нижнеудинскаго), Киренскій, Преображенскій или Нижнетунгусскій, Витимскій, Мукуръ-Ирпинскій, Нижнеилимскій, Подкаменскій, Марковскій, Орлинскій (въ Киренскомъ уѣздѣ) и Нерчинскій, который, впрочемъ, былъ учрежденъ временно.

[4]) Олекминскій, Березовскій, Мархинскій, Синьскій, Якутскій, Среднеколымскій, Удской, Зашиверскій, Жиганскій, Буллухскій, Сихтяхскій, Боронукскій (Верхоянскій), Ожогинскій, Устьянскій Нельканскій, Алданскій, Уллунахскій, Аллахъ-Юнскій.

[5]) Св. 222, № 8, донес. Цейдлера 10 іюня 1822 г.

развозился хлѣбъ въ другія мѣста, 48209 п. 22¼ ф. Изъ этого видно, что въ Иркутскѣ,—городѣ, находящемся въ центрѣ хлѣбородныхъ мѣстъ,—было заготовлено казною хлѣба почти столько же, сколько для всей безхлѣбной Якутской области, и гораздо больше того, сколько запасено было въ Якутскѣ для продовольствія жителей и снабженія другихъ мѣстъ [1]).

Съ 1812 по 1820 (включительно) было роздано безденежно хлѣба 2742 п. 16 ф. на 5.269 р. 2½ к. Большая часть этого хлѣба (именно, 1848 п.) была опять таки роздана Иркутскимъ жителямъ. Кромѣ того, произведено разныхъ безвозвратныхъ выдачъ (на покупку хлѣба и оленей, исключено изъ недоимки и т. п.) 31.296 р. 15¼ к.; слѣд. всѣ безвозвратныя пособія обошлись запасному капиталу въ 36.565 р. 17¾ к.

Всего казеннаго запаснаго хлѣба, втеченіи девяти лѣтъ (1811—1819) было сплавлено 467524 п. 35 ф. [2]).

Частнаго хлѣба было сплавлено въ 1817 г. 112550 п., въ 1818 г. 166100 п., въ 1819 г. 80550 п. и въ 1820 г. до 50000 п. [3]).

Сельскихъ магазиновъ считалось къ 1820 г. 553, на 145838 рев. душъ. Въ нихъ состояло хлѣба:

	озимаго.			яроваго.		
налицо	122810 ч.	4 ч.	6 г.	20521	—	6⅝
въ недоборѣ	1032 —	7	7½	141	—	
въ ссудахъ	37571 —	3 —	4¼	4438	3	7⅝
	161415 —	—	1¾	25100	4	6¼ [4]).

По свѣдѣніямъ за 1821 годъ, сельскихъ магазиновъ считалось уже 630 на 153.696 рев. душъ, а хлѣба въ магазинахъ:

	озимаго.			яроваго.		
на лицо	142.349 ч.	—»ч.—	⅛ г.	36.307	— 5 —	7¾

---

[1]) Втеченіи 1820 года эти цифры значительно измѣнились. Въ маѣ—іюнѣ этого года состояло на лицо въ магазинахъ Иркутской губерніи—105775 п. 25¾ ф., въ т. ч. въ Иркутскомъ 37900 п. Назначено было къ сплаву въ магазины Киренскаго уѣзда 27250 п. слѣдовательно все количество казенныхъ запасовъ Иркутской губерніи должно было составлять 133025 п. 25¾ ф. Въ магазинахъ Якутской области оставалось 35037 п. 14¾ ф. и было отправлено 33064 п., что составляло всего 68101 п. 14¾ ф.—всего на лицо 140812 п. 10¼ ф., отправлено 60314.

[2]) Кромѣ того, въ 1815—1818 г., было сплавлено хлѣба провіантскаго вѣдомства 145725 п. ¾ ф. О сплавѣ провіантскаго хлѣба за прежнее время, по 1815 г., свѣдѣній въ канцеляріи губернатора не было, а въ 1819 г. онъ не сплавлялся потому, что хлѣбъ для провіантскаго вѣдомства былъ отпущенъ изъ Якутскаго запаснаго магазина.

[3]) По частнымъ свѣдѣніямъ—отъ 70 до 80000 пуд.

[4]) Св. 55, № 9.

въ недоимкѣ 559 ч. — 1 ч. $4\frac{1}{2}$ г. 59 ч.— 4 ч.—$6\frac{5}{8}$ г.
въ ссудѣ 40.136 — 7 — $7\frac{3}{8}$ 2.316 — $4\frac{3}{8}$ [1]).

Изъ этого видно, что и общественные запасы далеко не вполнѣ обезпечивали губернію въ случаѣ неурожая. Озимовыхъ едва было достаточно на обсѣмененіе полей, а яровыхъ недостаточно и дляэтого. Нельзя также не замѣтить странности, общей Иркутской губерніи со всѣми другими частями Сибири и до сей поры сохранившей свою силу: въ то время, какъ посѣвы яроваго хлѣба вдвое и даже втрое превышаютъ посѣвы озимаго, общественные запасы яроваго, почти ничтожны противъ запасовъ озимаго.

Частныя мѣры Сперанскаго, по продовольствію Иркутской губерніи, относятся преимущественно къ $18^{19}/_{20}$, г. т. е. ко времени пребыванія его въ Иркутскѣ. Для удобнѣйшаго обозрѣнія, мы раздѣлимъ ихъ на три части, почти независимыя одна отъ другой: а) продовольствіе Иркутска, б) продовольствіе Иркутскаго и Киренскаго уѣздовъ, и в) продовольствіе отдаленныхъ мѣстъ Якутской области, Охотскаго и Камчатскаго края.

I. Продовольствіе Иркутска.

Мы уже говорили подробно о тѣхъ мѣрахъ, какія были приняты Сперанскимъ вообще для охраненія свободной промышленности и торговли хлѣбомъ. Собственно въ отношеніи къ Иркутску онъ не ограничился только этими мѣрами. Онъ пытался ввести въ Иркутскѣ правильную, то есть, лавочную хлѣбную торговлю. Поводомъ къ этому, повидимому, былъ весьма незначительный и непостоянный подвозъ хлѣба на рыночную продажу, и общая привычка къ покупкѣ хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ. 19 Іюня 1820 г. Сперанскій далъ Иркутской городской думѣ слѣдующее предложеніе:

«По представленнымъ мнѣ свѣдѣніямъ, разсматривая способы продовольствія города Иркутска хлѣбомъ, я нахожу, что, съ давняго времени уклонясь отъ общаго и всѣмъ городамъ свойственнаго порядка, они не представляютъ для средняго и бѣднаго состоянія обывателей ни выгодныхъ цѣнъ, ни надлежащей вѣрности.

«Способы, въ употребленіе введенные, состоятъ въ томъ, что зажиточные люди составляютъ каждый для себя благовременно

---

[1]) Св. 223, № 9. Здѣсь не включены магазины крестьянъ горнозаводскаго вѣдомства.

запасы, средняго же состоянія и недостаточные обыватели покупаютъ хлѣбъ или съ возовъ, случайно и непостоянно привозимыхъ на рынокъ, или изъ казенной лавки. Частныхъ же мучныхъ лавокъ, или такъ называемыхъ лабазовъ, и слѣдовательно постоянной вольной продажи, совсѣмъ не существуетъ. Неудобства, отъ сего происходящія, весьма важны: 1) При маломъ привозѣ муки на рынокъ, цѣны ея, къ отягощенію обывателей, непомѣрно возвышаются. 2) Казенные магазины, учрежденные во всѣхъ другихъ городахъ единственно въ помощь обывателей самаго бѣднаго состоянія и для умѣренія только цѣнъ при чрезмѣрномъ ихъ возвышеніи, здѣсь, напротивъ того, вступили въ обязанность общаго почти продовольствія и приняли на себя торговлю, для частныхъ людей стѣснительную, съ общимъ порядкомъ несогласную.

«*Извѣстно, что въ Иркутскѣ существовала нѣкогда вольная хлѣбная торговля, были частные запасы и частная постоянная продажа.*

«Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ, отъ коихъ сей порядокъ продовольствія измѣнился, я считаю обязанностью предложить Иркутской городской думѣ слѣдующее:

«1) Какъ по 167 статьѣ городоваго положенія «городской думѣ предлежитъ между прочимъ попеченіе доставить жителямъ города нужное пособіе къ ихъ прокормленію, или содержанію»; то Иркутская городская дума и не оставитъ нынѣ же приступить къ мѣрамъ, коими бы можно было возстановить въ городѣ частную постоянную торговлю хлѣбомъ, заведеніемъ вольныхъ мучныхъ лавокъ.

«2) Всѣхъ частныхъ людей, кои пожелаютъ основать сей родъ торговли, дума не оставитъ отъ имени правительства положительно удостовѣрить, что ни въ образѣ закупки хлѣба по уѣздамъ, ни въ цѣнахъ его продажныхъ въ городѣ, ни малѣйшаго стѣсненія не будетъ, и что напротивъ правительство будетъ сохранять ненарушимо то правило, чтобъ торговля внутренними произведеніями, и особливо жизненными припасами, какъ въ уѣздѣ, такъ и въ городѣ, была всѣмъ тѣмъ, кои имѣютъ на нее законное право, совершенно свободна.

«3) Извѣстно, что многія стѣснительныя для частныхъ торгующихъ мѣры мѣстными начальствами иногда допускаются подъ предлогомъ перекупа. Въ истинномъ и законномъ смыслѣ перекупъ бываетъ, когда одно, два или три и болѣе торгующихъ лицъ произведенія, изъ деревень въ городъ идущія и дѣйствительно уже отправленныя, перекупая со стачкою на дорогѣ и такимъ образомъ захватывая все въ однѣ руки, не допускаютъ другихъ къ покупкѣ

изъ первыхъ рукъ и сами налагаютъ на сіи произведенія цѣны чрезвычайныя. Посему покупка и заготовленіе частными людьми хлѣба въ уѣздахъ, въ свое время чинимыя, и поставка его на мѣста подрядами или на условіяхъ, никогда не можетъ и не должна быть называема перекупомъ. Каждый, имѣющій право по закону, свободенъ покупать его въ уѣздѣ и продавать въ городѣ безъ всякаго ограниченія, ни въ цѣнахъ, ни въ количествѣ, и единственное ограниченіе непомѣрнаго возвышенія цѣнъ суть казенные магазины.

«4) Какъ по долговремянной отвычкѣ отъ сего рода торговли и по укоренившемуся недовѣрію люди, торгующіе съ посредственными капиталами, вѣроятно, будутъ имѣть опасеніе заводить сію торговлю, то дѣло благонамѣреннаго и имянитаго гражданства будетъ примѣромъ своимъ и участіемъ ободрять сего рода предпріятія, проложить другимъ путь и такимъ образомъ содѣйствовать общему добру не столько для своей пользы, сколько для чести сословія, которое не должно попускать, чтобъ одинъ изъ первыхъ городовъ Сибири—одинъ, не только въ Сибири, но и въ цѣлой, можетъ-быть, Россіи, зависѣлъ въ продовольствіи своемъ отъ одной казенной хлѣбной лавки, устроенной для бѣдныхъ, и отъ скуднаго случайнаго и невѣрнаго рыночнаго привоза.

«5) Городская дума не оставитъ мнѣ донести о тѣхъ, кои объявятъ себя желающими съ будущаго 1821 года содержать мучныя лавки и въ какомъ количествѣ пудъ, дабы, судя по тому, распорядить количество заготовленія для запасныхъ казенныхъ магазейновъ» [1]).

Предложеніе это не имѣло того успѣха, какого желалъ Сперанскій. Пять членовъ думы, заслушавъ его, открыли между собой подписку и обязались купить, для продажи, 12000 п. Но городское общество выказало вполнѣ свои буржуазныя стремленія: оно постановило, что предоставляетъ думѣ заготовить 10000 п. хлѣба и болѣе, но проситъ, «чтобы закупы хлѣба для казны и для отправки въ другіе уѣздные города производились не ближе 150 в. отъ Иркутска». Предложеніе Сперанскаго было очевидно не понято: вмѣсто предложенной имъ частной хлѣбной торговли, предполагалась торговля общественная; вмѣсто казенной монополіи, которую старался искоренить Сперанскій, предполагалось ввести монополію городскаго общества [2]).

[1]) Св. 43, № 6.
[2]) Св. 43, № 6.

Сперанскій не могъ быть доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Отъ 31 іюля 1820 г. онъ увѣдомилъ Зеркалеева, что дума предлагаетъ условія, невозможныя къ исполненію, и что 12000 п., на которые 5 человѣкъ обязались завести хлѣбную торговлю, количество слишкомъ маловажное для обезпеченія продовольствія. «Настоящій порядокъ продовольствія, писалъ онъ, долѣе терпимъ быть не можетъ. Нельзя, даже и въ маломъ уѣздномъ городѣ, продовольствіе столь необходимой жизненной потребности, какъ хлѣбъ, поставить въ зависимость отъ однихъ казенныхъ запасовъ и отъ случайнаго и невѣрнаго рыночнаго привоза». Онъ признавалъ необходимымъ вновь объявить, чрезъ полицію, всѣмъ обывателямъ, что желающіе заводить мучныя лавки въ городѣ не встрѣтятъ никакого стѣсненія ни въ закупѣ его по селеніямъ, ни въ продажѣ по вольнымъ цѣнамъ въ городѣ,—лишь бы хлѣбъ для перепродажи не покупался въ самомъ городѣ. Но онъ самъ сознавалъ, что на исполненіе этого приглашенія «нельзя съ вѣроятностію положиться». Поэтому онъ находилъ необходимымъ заготовить хлѣбъ для Иркутскаго запаснаго магазина и открыть въ немъ продажу; но предлагалъ закрыть ее, какъ только откроется постоянная частная лавочная продажа [1].

Это распоряженіе только возбудило оживленную и рѣзкую переписку между думой и Зеркалеевымъ, но нисколько не подвинуло осуществленіе мысли Сперанскаго.—Дума, подъ видомъ введенія частной торговли, заняла изъ казенныхъ магазиновъ 7500 п. хлѣба и продала его дороже той цѣны, по какой онъ продавался изъ магазиновъ. Зеркалеевъ нѣсколько разъ, но безъ успѣха, лично подтверждалъ головѣ, — закупить хлѣбъ заблаговременно. Въ январѣ 1821 г. онъ письменно предложилъ думѣ принять мѣры къ введенію лавочной торговли. На это онъ получилъ отвѣтъ, что для покупки, какъ 7500 п. въ возвратъ занятаго изъ магазиновъ, такъ и предположенныхъ членами 12000 п., былъ командированъ членъ думы, но онъ едва успѣлъ купить хлѣбъ для возврата въ магазины; что, не имѣя наличныхъ денегъ, дума сама собою никакихъ мѣръ принять не можетъ; что народное продовольствіе, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, зависитъ отъ распоряженій начальства, «котораго есть прямая въ томъ обязанность», тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи его находится значительная сумма денегъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ, почему дума и просила объ этомъ губернатора. Зеркалеевъ замѣтилъ ей: а) неправильность

[1]) Св. 43, № 6.

выраженія, что продовольствовать жителей обязано начальство, тогда какъ, по городовому положенію, это прямо лежитъ на обязанности думы; б) что еслибы дума дѣйствительно заботилась ввести лавочную торговлю, то на пожертвованныя деньги закупила бы хлѣбъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ, гдѣ можно было купить его съ доставкою до Иркутска по 2 р. пудъ, а вмѣсто того она распорядилась закупить въ Иркутскомъ и Нижнеудинскомъ уѣздахъ только на вырученныя за занятый хлѣбъ деньги; в) что на казенные магазины нельзя надѣяться, такъ какъ часть хлѣба изъ нихъ, по необходимости, будетъ обращена на казенныя потребности и на продовольствіе жителей, потерпѣвшихъ отъ неурожая, а незначительный остатокъ будетъ обращенъ на продажу чиновникамъ и другимъ лицамъ, а не гражданамъ, о которыхъ должна заботиться дума; г) что она не должна надѣяться на новый заемъ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, по совершенной безполезности для гражданъ той операціи, какую она сдѣлала съ занятымъ прежде хлѣбомъ. Тогда дума распорядилась послать гласнаго за покупкой хлѣба въ Верхнеудинскій уѣздъ; но какъ у нея было свободныхъ денегъ только 10.000 р., то она просила у Зеркалеева въ займы изъ запасныхъ магазиновъ до 20.000 р.; притомъ, оправдываясь въ взводимомъ на нее бездѣйствіи, дума писала, что объ урожаѣ хлѣба въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ она «не была свѣдома» и что занятый ею хлѣбъ продавался по 1 р. 60 к., тогда какъ въ вольной продажѣ онъ былъ по 2 р. 50 к. пудъ. Зеркалеевъ не нашелъ возможнымъ выдать ей денежную ссуду, а предложилъ закупить хлѣбъ на наличныя деньги и на тѣ, которыя обѣщаны въ пожертвованіе. Верхнеудинскому исправнику онъ предписалъ содѣйствовать ей въ покупкѣ. Но гласный думы закупилъ только 2700 п., по 2 р. 35 к. и выше; онъ, по словамъ Зеркалеева, дѣйствовалъ совершенно небрежно. Между тѣмъ какъ частные люди, такъ и казна, покупали хлѣбъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ свободно и выгодно; тамъ продано было всего 500000 п. Крестьянинъ Заиграевъ вызывался продать до 10000 п. хлѣба за довольно сходную цѣну, почему Зеркалеевъ и предложилъ думѣ войти въ условія съ Заиграевымъ. Но и эта мѣра, повидимому, не имѣла успѣха.

Новый Иркутскій губернаторъ Цейдлеръ, письмомъ отъ 1 октября 1821 г., извѣщалъ Сперанскаго, что дума не могла дѣйствовать удовлетворительно, по неимѣнію свободнаго капитала и по затрудненіямъ въ покупкѣ и перевозкѣ хлѣба. Цейдлеръ предложилъ думѣ собрать отъ лучшихъ гражданъ, добровольной подпи-

ской, до 50.000 р. На эти деньги онъ хотѣлъ купить хлѣбъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ для казенныхъ магазиновъ по той же цѣнѣ; продажу хлѣба надлежало производить въ нѣсколькихъ лавкахъ и постепенно уменьшать продажную цѣну, накладывая только 10 к. прибыли; многіе изъ общественниковъ уже согласились на это.

Такимъ образомъ мысль Сперанскаго по прежнему осталась непонятой. Вмѣсто частной хлѣбной торговли, о заведеніи которой предлагалъ Сперанскій, и дума, и Зеркалеевъ, и Цейдлеръ думали только о заведеніи общественной торговли. Въ добавокъ, губернаторъ принималъ на себя обязанность коммисіонера думы по этой торговлѣ. Но все же это было лучше, нежели монополія казенныхъ магазиновъ. Сперанскій, повидимому, уже убѣдился въ безуспѣшности своихъ стараній о заведеніи въ Иркутскѣ частной лавочной торговли. Онъ былъ доволенъ и тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать Цейдлеръ.—«Изъ письма вашего, отъ 1 октября минувшаго года, писалъ онъ ему, я съ удовольствіемъ вижу попечительность вашу о заведеніи въ Иркутскѣ общественныхъ мучныхъ лавокъ. Капиталъ 50.000 р., на взносъ коего общество изъявило согласіе, полагаетъ заведенію оныхъ прочное основаніе. Такимъ образомъ предметъ сей, столько меня занимавшій, по своимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ, получаетъ желаемый успѣхъ отъ благоразумныхъ мѣръ, вами принятыхъ. Я прошу ваше превосходительство о дальнѣйшихъ вашихъ распоряженіяхъ по сему заведенію меня увѣдомить» [1]).

Вслѣдъ затѣмъ отъ Цейдлера получено было и оффиціальное донесеніе о пожертвованіи 50.000 р., съ именами жертвователей. Цейдлеръ распорядился на эти деньги купить хлѣбъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ. Сперанскій, 23 декабря, поручилъ Цейдлеру, благодарить жертвователей и «увѣрить ихъ, что о столь благотворительномъ подвигѣ онъ не оставитъ въ свое время довести до свѣдѣнія Государя Императора» [2]).

На пожертвованныя деньги учрежденъ былъ при думѣ общественный запасный магазинъ, изъ котораго и нынѣ производится продажа городскимъ обывателямъ хлѣба въ неурожайные годы. Но частная лавочная торговля, существовавшая когда-то въ Иркутскѣ и убитая монопольными мѣрами Трескина, не развилась и до сего времени. Въ Иркутскѣ и донынѣ преобладаетъ рыночная продажа хлѣба. Сперанскій еще разъ имѣлъ случай убѣдиться

[1]) Св. 43, № 6. Письмо къ Цейдлеру, отъ 18 ноября 1821 г.
[2]) Св. 43, № 6.

въ невозможности, вводить какую нибудь отрасль торговли административными мѣрами.

— · —

Впрочемъ, въ 1820 г., обстоятельства и не благопріятствовали открытію въ Иркутскѣ частной лавочной торговли. Для заведенія такой торговли нужна закупка хлѣба въ урожаіные годы по дешевымъ цѣнамъ. 1820 г. не принадлежалъ къ числу урожайныхъ; наводненія уничтожили часть запасовъ и испортили множество мельницъ. Зерновой хлѣбъ по селеніямъ былъ довольно дешевъ, но молоть его было негдѣ [1]). Это неизбѣжно должно было возвысить цѣны. Частію по этой причинѣ, частію вслѣдствіе нѣкоторыхъ неправильныхъ дѣйствій мѣстнаго начальства, Сперанскій принималъ разныя мѣры къ обезпеченію продовольствія Иркутскихъ жителей. Эти мѣры тѣсно связаны съ распоряженіями объ охраненіи свободной торговли хлѣбомъ.

Еще въ апрѣлѣ 1820 г. Сперанскій, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, что продажа хлѣба изъ казенной лавки «ограничена и временемъ, и количествомъ», поручилъ Зеркалееву, чтобы продажа эта, «по настоящей распутицѣ», производилась каждый день, съ утра до вечера, безъ ограниченія въ количествѣ отпуска. Каждое лицо могло требовать до трехъ пудъ. «Запасы здѣсь, писалъ Сперанскій, столь значительны, что выпускъ таковой не можетъ бытія ихъ ослабить» [2]).

Между тѣмъ Иркутскій преосвященный Михаилъ обратился къ Сперанскому съ просьбой отпускать хлѣбъ изъ казеннаго магазина по цѣнѣ, какая только будетъ возможна. Любопытна форма резолюціи на эту просьбу: «*Ему*. Хотя магазины здѣсь по чрезвычайному расходу и недостаточны, но дабы оказать семинаріи всевозможную помощь, я приказалъ отпустить до двухъ сотъ пудовъ, по цѣнѣ установленной» [3]).

Тогда же Иркутскій комендантъ представлялъ, что семейные солдаты гарнизоннаго полка и артиллерійскаго гарнизона терпятъ иногда крайность въ пропитаніи, вслѣдствіе малаго привоза и дороговизны хлѣба въ вольной продажѣ. Сперанскій, по ходатайству коменданта, разрѣшилъ его завести запасные магазины, при гарнизонномъ полку на 2000, а при артиллерійскомъ гарнизонѣ на 500 пудъ, и закупать этотъ хлѣбъ по селеніямъ [4]).

---

[1]) Переписка: письма къ Кочубею и Голицыну 28 іюля 1820 г.
[2]) Св. 222, № 8, предп. 14 апрѣля 1820 г.
[3]) Св. 213, № 7. Письмо преосв. 29, отвѣтъ 31 мая 1820.
[4]) Св. 15, № 29, предп. 28 іюня 1820 г.

Мы уже упоминали о предложеніи Зеркалееву отъ 30 іюля 1820 г., по поводу неудовлетворительныхъ распоряженій думы къ открытію частной торговли. Въ этомъ самомъ предложеніи Сперанскій распорядился закупить для Иркутскаго казеннаго магазина отъ 80 до 100000 п. хлѣба и открыть два рода хлѣбной продажи: одну собственно для бѣдныхъ, другую для всѣхъ безъ различія, въ двухъ отдѣльныхъ лавкахъ. Продажу для бѣдныхъ производить только пудами, по покупнымъ цѣнамъ, съ наложеніемъ 6%; общую не только пудами, но и мѣшками, «по здѣшнему обычаю» [1]), съ небольшимъ пониженіемъ противъ рыночныхъ цѣнъ. Вообще имѣть въ виду, что общая продажа учреждается только по необходимости, и потому прекращать ее каждый разъ, когда рыночныя цѣны будутъ низки или существуетъ въ достаточномъ количествѣ частная лавочная торговля [2]).

Вмѣсто того, чтобы въ точности исполнить эти распоряженія. мѣстное начальство признало нужнымъ установить разныя понудительныя и запретительныя мѣры.

Иркутское губернское правительство, въ октябрѣ 1820 г., находило, что рыночная торговля въ Иркутскѣ очень слаба, оттого, что «зажиточные крестьяне изъ корыстныхъ видовъ захватываютъ въ однѣ руки всѣ избытки хлѣба». Оно предписало земскимъ полиціямъ наблюдать, чтобы захватовъ въ однѣ руки и «воспрещенныхъ извѣстными узаконеніями перекуповъ хлѣба» отнюдь не было, особенно въ ближайшихъ къ городу мѣстахъ; независимо отъ того «всемѣрно» стараться и внушать земледѣльцамъ, чтобы для общей пользы сами привозили хлѣбъ на рынки [3]).

Эти распоряженія были рѣшительнымъ поворотомъ назадъ къ Трескинской системѣ. Наблюденіе за незахватомъ хлѣба прямо вело къ стѣсненію свободной торговли, а «всемѣрное» стараніе и внушеніе крестьянамъ слишкомъ близко граничило съ тѣми поощрительными мѣрами, которыя въ подобныхъ случаяхъ употреблялъ Лоскутовъ.

Сперанскій не рѣшился совершенно отмѣнить распоряженій губернскаго правительства; но они вынудили его дать, 8 ноября 1820 г., два строгія предложенія: одно—прямо правительству, другое—Зеркалееву, который тоже позволилъ себѣ нѣкоторыя произвольныя мѣры:

---

[1]) Продажа мѣшками производилась тогда безъ вѣсу.
[2]) Св. 43, № 6. См. прилож.
[3]) Св. 43, № 6.

«Разсмотрѣвъ дошедшее ко мнѣ опредѣленіе Иркутскаго губернскаго правительства, писалъ онъ первому, о прекращеніи такъ наз. *захватовъ въ однѣ руки* по селеніямъ хлѣба, я нахожу оное съ законными постановленіями не согласнымъ, по слѣдующимъ причинамъ:

«*Во первыхъ*. Дѣйствительность таковыхъ захватовъ ничѣмъ не доказана. Слухи и пересказы не суть доказательства. Правительству надлежало прежде удостовѣриться въ нихъ, и, обнаруживъ виновныхъ, предать ихъ суду по закону.

«*Во вторыхъ*. Захватъ есть насиліе. Свободную продажу и покупку хлѣба, между крестьянами по доброй ихъ волѣ производимую, ни въ какомъ случаѣ не можно и не должно называть захватомъ. А посему и покупка зажиточными крестьянами по селеніямъ хлѣба никакъ не можетъ быть признана захватомъ; напротивъ, она есть правильная и законная торговля, всѣмъ состояніямъ дозволенная, въ какомъ бы количествѣ и на какихъ бы условіяхъ, то есть съ задатками-ли, или безъ задатковъ, она ни была производима.

«*Въ третьихъ*. Самая закупка въ однѣ руки большихъ количествъ не есть захватъ, ни исключительная торговля или монополія. Законъ воспрещаетъ монополію; но торговлю хлѣбную тогда только можно назвать симъ именемъ, когда *одно лицо* въ цѣломъ уѣздѣ, само собою или чрезъ повѣренныхъ своихъ, закупитъ весь хлѣбъ, воспретивъ или какимъ либо другимъ образомъ сдѣлавъ торговлю сію для всѣхъ другихъ неприступною; такъ напр. тѣ закупки, кои до 1819 г. губернское начальство производило въ уѣздахъ чрезъ земскихъ чиновниковъ, были монополія. Когда же три, четыре, десять человѣкъ зажиточныхъ крестьянъ покупаютъ въ уѣздѣ хлѣбъ, не исключая другъ друга, и никому не препятствуя вмѣстѣ съ ними, тогда нѣтъ ни захвата, ни монополіи. Случай, приводимый въ опредѣленіи губернскаго правительства, есть точно сего рода, и слѣдовательно нѣтъ въ немъ никакого признака монополіи.

«*Въ четвертыхъ*. Какъ губернское правительство не имѣетъ никакой власти издавать новые законы, а обязано исполнять и блюсти за исполненіемъ законовъ уже изданныхъ; изданными же законами, какъ общими, такъ и частными, постановлена и многократно была подтверждаема общая и неограниченная свобода хлѣбной торговли: то губернское правительство и не имѣло никакого права стѣснять ее своими постановленіями. Самая 96 статья учрежденія, приводимая губернскимъ правительствомъ, именно предписываетъ

ему блюсти, между прочимъ, чтобъ законы о торговлѣ были исполняемы: и въ семъ только одномъ смыслѣ и можетъ быть статья сія приложена къ настоящему дѣлу.

«Изъяснивъ причины, по коимъ постановленіе губернскаго правительства считаю несогласнымъ съ законами, нахожу нужнымъ изъяснить здѣсь и тѣ послѣдствія, кои отъ него возникнуть могутъ:

«1) Назвавъ покупку зажиточными крестьянами хлѣба захватомъ, и не опредѣливъ, что есть захватъ и до какого количества покупка хлѣба можетъ простираться, не подвергаясь сему именованію, губернское правительство тѣмъ самымъ всѣхъ крестьянъ, торгующихъ и промышляющихъ хлѣбомъ, отдало въ руки земской полиціи. Отъ чиновниковъ ея зависѣть будетъ, подъ предлогомъ захвата, одному запретить, другому дозволить хлѣбную торговлю. И такимъ образомъ, боясь мнимой монополіи, правительство само дало случай ввести монополію дѣйствительную.

«2) Отъ сего неминуемо должно будетъ произойти возвышеніе цѣнъ при торгахъ казенныхъ: ибо когда каждый имѣетъ свободу, по своему усмотрѣнію, закупать хлѣбъ, тогда и къ торгамъ казеннымъ являются многіе желающіе; когда же покупаютъ хлѣбъ тѣ только, коимъ полиція сіе позволитъ, тогда и цѣны его при торгахъ неминуемо возвышаются.

«Такимъ образомъ мѣры, принятыя правительствомъ, ни въ началѣ, ни въ послѣдствіяхъ, не могутъ быть одобрены.

«Вмѣсто сихъ мѣръ надлежало бы прежде всего разсмотрѣть подробнѣе самый случай, который подалъ къ нимъ поводъ. Случай сей состоялъ въ томъ, что цѣны на хлѣбъ, привозимый въ городъ Иркутскъ на ежедневную продажу, начали возвышаться. Здѣсь во первыхъ должно было разсмотрѣть пространство сего возвышенія: губернское правительство нашло бы, что дороговизна не простиралась не только на всѣ уѣзды, но даже и на самый уѣздъ Иркутскій, и слѣдовательно была мѣстная, а посему отъ мѣстныхъ же причинъ она и происходила. Ихъ легко можно было найти: 1) Въ 13-лѣтней привычкѣ скупать весь хлѣбъ въ одни казенные запасы и изъ нихъ довольствовать не бѣдныхъ, для коихъ одних запасы сіи устроены, но бѣдныхъ и богатыхъ, т. е. цѣлый городъ. 2) Въ совершенномъ недостаткѣ всякой частной лавочной или лабазной мучной продажи, которая, не взирая и на обязанности законныя, и на внушенія мои, доселѣ не восприяла и начала: ибо маловажную продажу бѣднымъ мѣщанамъ изъ думы и началомъ къ тому признать не можно. 3) Въ сокращеніи выпуска хлѣба изъ казенныхъ

магазиновъ, къ чему не было никакихъ причинъ основательныхъ: ибо управленіе магазиновъ, имѣя въ распоряженіи своемъ значительные капиталы, всегда могло хозяйственнымъ распорядкомъ и закупкою на мѣстахъ чрезъ своихъ коммисіонеровъ снабжать себя хлѣбомъ не только достаточно, но и съ избыткомъ, тѣмъ болѣе, что магазины сіи, бывъ основаны на правилахъ частной торговли, не обязаны всегда пріобрѣтать прибыль, но могутъ и должны терпѣть иногда и убытокъ, легко впрочемъ замѣняемый прибыткомъ въ другое время и въ другихъ обстоятельствахъ. 4) Наконецъ надлежало обратить вниманіе и на состояніе мельницъ въ уѣздѣ. Въ проѣздъ мой, тому не съ большимъ два мѣсяца, я слышалъ повсемѣстныя жалобы по селеніямъ, что, за разрушеніемъ мельницъ бывшимъ въ іюлѣ наводненіемъ, помолъ вездѣ почти остановился, и цѣна его въ нѣкоторыхъ селеніяхъ простиралась до 50 к. съ пуда.

«Разсмотрѣніемъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ легко можно было открыть истинныя причины дороговизны хлѣба въ городѣ Иркутскѣ и найти дѣйствительныя средства къ ихъ отвращенію, не выводя изъ частнаго случая общихъ послѣдствій, и не покушаясь отвратить мѣстное и случайное неудобство общимъ стѣсненіемъ промышленности и ослабленіемъ закона, который ни въ какомъ случаѣ, безъ Высочайшей воли, не можетъ быть никѣмъ ни отмѣненъ, ни произвольно изъясняемъ.

«Впрочемъ всѣ дѣйствительныя и законныя мѣры къ удержанію цѣнъ хлѣба въ надлежащей умѣренности еще въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцѣ были приняты. Онѣ состояли въ томъ, чтобъ уменьшить казенную потребность хлѣба въ Иркутской губерніи болѣе, нежели на 500000 пудъ, переводомъ 100000 ведръ выкуриваемаго вина въ Томскую губернію, такъ что во все теченіе сего года на Иркутскихъ заводахъ не болѣе 80000 выкурить остается.

«Всѣ сіи уваженія я счелъ нужнымъ поставить въ виду Иркутскаго губернскаго правительства на тотъ конецъ, первое, чтобъ оградить его отъ отвѣтственности въ подобныхъ случаяхъ на будущее время, и второе, чтобъ въ дѣйствительномъ приложеніи изданнаго имъ по сему предмету указа, оно всемѣрно старалось умѣрить всѣ вредныя его послѣдствія».

Тогда же онъ писалъ Зеркалееву:

«Случайная дороговизна хлѣба въ городѣ Иркутскѣ подала губернскому правительству поводъ къ такому распоряженію, коего, яко несогласнаго съ законами, я одобрить не могу. Въ предложеніи, при семъ прилагаемомъ, означивъ причины, по коимъ мѣру

сію считаю я незаконною, я счелъ нужнымъ указать и на тѣ распоряженія, кои губернскому правительству въ семъ обстоятельствѣ принять бы надлежало. Въ числѣ ихъ главнѣйшее есть умноженіе выпуска хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ. Ваше высокородіе предъидущими предписаніями совершенно были къ сему уполномочены. Въ деньгахъ недостатка нѣтъ; когда же въ губерніи есть хлѣбъ и есть деньги, то магазины всегда наполнить можно,— остается употребить дѣятельность и распорядокъ. Въ предписаніи моемъ отъ 30 іюля означено, сколь тщетно надѣяться на случайный привозъ хлѣба на рынокъ крестьянами. Настоящее происшествіе оправдало въ полной мѣрѣ сію истину. Въ томъ же самомъ предписаніи означены и средства вѣрнѣе обезпечить продовольствіе города, и именно учредить двѣ казенныя лавки, одну для бѣдныхъ, другую для всѣхъ вообще обывателей. Хотя же предполагаемо было открыть послѣднюю лавку съ будущаго новаго года; но когда привозы хлѣба стали сокращаться и цѣна начала возрастать, тогда уже отъ васъ зависѣло ускорить симъ открытіемъ.

«Вмѣсто того вы признали удобнѣйшимъ, безъ разрѣшенія моего и даже безъ вѣдома, на другой же день моего отъѣзда закрыть совсѣмъ и ту лавку, изъ коей хлѣбъ продавался бѣднымъ. Нельзя было вѣрнѣе принять средство къ тому, чтобъ цѣны возвышались. Когда же возвышеніе доведено было до значительной степени, тогда, положась на одни слухи, начали искать виновныхъ, и не отыскавъ ихъ, не узнавъ, гдѣ, когда, кто изъ крестьянъ производилъ закупки хлѣба, положили почти общее запрещеніе на всякую торговлю хлѣба между крестьянами. Сими средствами можно среди самаго большаго обилія произвесть недостатокъ и дороговизну.

«Привозъ на рынокъ хлѣба могъ сократиться безъ всякихъ перекуповъ, отъ двухъ весьма естественныхъ причинъ: 1) отъ худаго состоянія мельницъ, разрушенныхъ бывшимъ наводненіемъ, 2) отъ того, что крестьяне, не имѣя нужды въ деньгахъ, выдерживали цѣны, въ ожиданіи еще большаго ихъ возвышенія. Въ первомъ случаѣ надлежало распорядить, чтобъ мельницы были исправлены общимъ содѣйствіемъ всѣхъ волостей, гдѣ онѣ находятся, хотя бы онѣ и частнымъ людямъ принадлежали. Во второмъ вы имѣли готовое средство побудить крестьянъ къ продажѣ: а именно строгое взысканіе казенныхъ недоимокъ. На первую половину недоимокъ сихъ по губерніи, вамъ ввѣренной, состоитъ до 117.000 р. Мѣру сію тѣмъ болѣе можно было употребить, что и безъ особенныхъ обстоятельствъ взысканіе недоимки есть одна изъ главныхъ обязанностей вашихъ.

«По всѣмъ симъ уваженіямъ я долженъ бы былъ отмѣнить положеніе губернскаго правительства и постановить совсѣмъ тому противное; но не рѣшаюсь на сіе по той весьма важной причинѣ, чтобъ не ослабить должное къ оному повиновеніе и не ввести обывателей въ недоумѣніе, кого имъ слушать и какъ поступать въ продажѣ хлѣба,—и потому ограничиваюсь на сей разъ слѣдующими мѣрами:

«1) Поручить особенному вашему наблюденію, дабы исполненіе по означенному постановленію губернскаго правительства производимо было со всею возможною осмотрительностью и дабы въ частной хлѣбной торговлѣ никому стѣсненія не было.

«2) По полученіи сего приступить немедленно къ заготовленію хлѣба въ казенные магазины въ достаточномъ количествѣ, чтобъ назначенную предписаніемъ моимъ 30 іюля общую продажу хлѣба изъ двухъ лавокъ открыть по крайней мѣрѣ съ декабря мѣсяца. Если сроки торговъ, въ казенной экспедиціи назначенные, удалены, то можно употребить къ сему коммисіонеровъ по усмотрѣнію вашему.

«3) Приступить строго ко взысканію недоимокъ, коихъ попущеніе ни въ какомъ случаѣ не должно быть терпимо.

«4) Если при послѣднихъ торгахъ цѣны на хлѣбъ будутъ высоки, то употребить къ закупкѣ коммисіонеровъ, какъ то и въ общемъ и частныхъ моихъ предписаніяхъ было назначено.

«5) Въ еженедѣльной вѣдомости о цѣнахъ хлѣба при концѣ означать, сколько хлѣба выпущено изъ казенныхъ лавокъ и по какой цѣнѣ» [1]).

30 марта 1821 г. Литвинцевъ, исправлявшій тогда, за отсутствіемъ Вериги́на, должность прокурора, подалъ въ губернское правительство предложеніе о томъ, что продовольствіе городскихъ и сельскихъ жителей находится въ затруднительномъ положеніи [2]).

---

[1]) Св. 43, № 6.

[2]) Причинами этого затрудненія Литвинцевъ признавалъ: недостатокъ сѣмянъ въ 1820 г., отчего посѣвы уменьшились; поврежденіе въ 1819 и 1820 г. хлѣбовъ отъ мороза; строгое взысканіе въ эти два года зяблаго хлѣба въ магазины; прекращеніе продажи хлѣба изъ казеннаго магазина; скупъ хлѣба на рынкѣ Якутскими подрядчиками; отдачу доставки хлѣба изъ Верхнеудинскаго уѣзда, безъ торговъ, Кузнецову и Малееву; нарушеніе ими контракта, вскрытіе Ангары и затрудненіе въ подвозѣ; предстоящее вскрытіе Байкала; распутицу. Литвинцевъ указывалъ и на послѣдствія всего этого. Отъ отдачи подряда Кузнецову и Малееву крестьяне Ильинской волости Верхнеудинскаго уѣзда лишились обыкновенной своей промышленности (извоза); они встрѣтили затрудненіе въ платежѣ податей и повинностей. Встрѣтилась остановка въ перевозкѣ купеческихъ кладей, оттого что начальство заставляетъ крестьянъ везти хлѣбъ Кузнецова. Далѣе онъ указывалъ—скопленіе нищихъ крестьянъ въ Иркутскѣ,

Литвинцевъ просилъ губернское правительство обратить вниманіе на это и принять необходимыя мѣры. Правительство отказалось разсматривать этотъ вопросъ и передало его губернатору, въ канцеляріи котораго сосредоточивались всѣ дѣла по продовольствію. Зеркалеевъ отвѣчалъ губернскому правительству ругательствами на Литвинцева [1]).

Но не такъ взглянулъ на дѣло Сперанскій. Получивъ протестъ Литвинцева, онъ, 6 мая 1821 г., вновь писалъ Зеркалееву, что выпускъ хлѣба изъ Иркутскаго запаснаго магазина производится въ весьма недостаточномъ количествѣ для народнаго продовольствія, и отъ этого происходитъ дороговизна вольнаго хлѣба и стѣсненіе въ продовольствіи. Онъ просилъ Зеркалеева принять по этому поводу дѣятельнѣйшія мѣры и повторялъ прежнее распоряженіе свое объ открытіи двухъ родовъ продажи хлѣба изъ магазиновъ. Зеркалеевъ, отъ 17 іюня, оправдывался тѣмъ, что дороговизна происходитъ отъ плохого урожая, а не отъ недостаточнаго выпуска хлѣба изъ магазиновъ; что съ апрѣля по 16 іюня продано изъ магазиновъ 10000 п. (по 2 р. 20 к.), и что по многолѣтнему опыту ему извѣстно, что, при всемъ желаніи и стараніи начальства, вовсе нельзя ожидать совершеннаго пониженія рыночныхъ цѣнъ до новаго урожая. Но это донесеніе явно противорѣчило донесенію того же Зеркалеева, отъ 2 іюня; здѣсь онъ говорилъ, что дума не приняла мѣръ къ устройству мучныхъ лавокъ, и потому онъ приказалъ свободно продавать хлѣбъ всѣмъ изъ казенныхъ магазина и лавки. Ясно, что до іюня эта продажа не была свободна [2]).

Самое важное мѣсто въ протестѣ Литвинцева занимала неисправность подрядчика Малеева. Малеевъ, повѣренный и родственникъ откупщика Кузнецова, принялъ на себя доставку 70000 п. хлѣба въ Иркутскъ изъ Верхнеудинскаго уѣзда и не исполнилъ этого обязательства. Литвинцевъ признавалъ эту неисправность одною изъ главныхъ причинъ дороговизны хлѣба въ Иркутскѣ. Зеркалеевъ рѣшился однакожъ сдѣлать Малееву снисхожденіе: вмѣсто условленныхъ 70000 п., онъ позволилъ Малееву перевезти

умноженіе преступленій особенно по Иркутскому уѣзду; сомнѣніе, чтобы жители этого уѣзда пріобрѣли для посѣвовъ даже посредственное количество хлѣба; вѣроятное уменьшеніе оттого хлѣбопашества и скотоводства; общее возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ до 3 р. 50 к. Затхлый хлѣбъ въ магазинахъ напрасно занимаетъ мѣсто, и негоденъ для посѣвовъ, а крестьяне лишены возможности употреблять его въ пищу.

[1]) Св. 149, № 2.

[2]) Св. 43, № 6.

зимнимъ путемъ только 30000. Этотъ поступокъ вызвалъ рѣзкое замѣчаніе со стороны Сперанскаго. «Съ таковымъ распоряженіемъ, писалъ онъ Зеркалееву, я не могу согласиться; ибо контракты во всякомъ случаѣ, на основаніи указа 8 декабря 1776 г., должны быть свято и ненарушимо соблюдаемы и имѣть силу и твердость наравнѣ, какъ бы за подписаніемъ Императорскаго Величества руки были. А потому всѣ непріятныя послѣдствія, какія отъ вашего распоряженія или произошли уже, чему и есть опыты—дороговизна хлѣба въ Иркутскѣ, или на будущее время произойти могутъ, остаются на вашей отвѣтственности. PS: Къ сему присоединить должно весьма недостаточный выпускъ хлѣба для народнаго продовольствія изъ Иркутскихъ запасныхъ магазиновъ, о чемъ вмѣстѣ съ симъ слѣдуетъ особенное предписаніе». На новое представленіе Зеркалеева Сперанскій повторилъ свое первое предписаніе [1]).

Зеркалеевъ, повидимому, оскорбился этимъ замѣчаніемъ. Онъ прислалъ Сперанскому довольно дерзкую бумагу. По словамъ его, отъ неисправности Малеева не могъ быть сокращенъ выпускъ хлѣба изъ Иркутскихъ запасныхъ магазиновъ: въ нихъ находилось хлѣба болѣе 20000 п. Возвышеніе рыночной цѣны произошло собственно отъ неурожая. Онъ раскаявался въ своемъ усердіи,—доставить жителямъ хлѣбъ по возможно выгоднымъ цѣнамъ, что навлекло на него замѣчаніе Сперанскаго. Онъ былъ «далекъ отъ всякаго поползновенія для своихъ выгодъ», совершенно лишнихъ для него при небольшемъ состояніи, одиночествѣ и настоящихъ лѣтахъ. Взаключеніе онъ писалъ, что впредь до разрѣшенія Сперанскаго — подвергать ли Малеева установленному вычету за просрочку, онъ не можетъ самъ собою приступить къ этому [2]). Сперанскій сухо отвѣчалъ, что Малеевъ, какъ непоставившій въ свое время хлѣба по контракту, долженъ быть подвергнутъ узаконенному вычету за неустойку [3]).

Продовольствіе мясомъ города Иркутска издавна находилось въ особенномъ положеніи. Еще Леццано принималъ по этому поводу нѣкоторыя, далеко неполезныя для жителей, мѣры. Онъ заусловливалъ нѣкоторыхъ торговцевъ продавать мясо по извѣстной цѣнѣ,

[1]) Св. 213, № 14/9, предп. 6 мая и 20 мая 1821 г.
[2]) Св. 213, № 14/9, донесеніе 18 іюня 1821 г. См. приложеніе.
[3]) Предп. 4 августа 1821 г.

и въ замѣнъ того предоставлялъ имъ монополію мясной торговли. Той же системы держался и Трескинъ. Въ 1810 г. онъ подрядилъ на продовольствіе города мясомъ купцовъ Ланина, Попова и Кузнецова. Контрактъ на это былъ заключенъ на три года, считая съ 10 ноября 1810 г. Поставщики обязывались продавать мясо по таксѣ, назначенной контрактомъ. Въ числѣ прочихъ условій было постановлено: «Никто, кромѣ насъ и тѣхъ, кому собственно отъ насъ дано будетъ сіе позволеніе, не долженъ торговать онымъ (мясомъ) въ городѣ ни въ мясномъ ряду, ни въ домахъ и нигдѣ ни гуртомъ, ни въ розницу».—Полиція обязана была наблюдать за этимъ. Исключеніе дѣлалось только для мяса, привозимаго крестьянами на продажу изъ деревень, и Забайкальскаго мяса, привозимаго зимой бурятами; но и они должны были производить продажу непремѣнно на рынкѣ. Такимъ образомъ, три лица должны были держать въ своихъ рукахъ монополію мясной продажи для всего города. Этого мало: въ слѣдующемъ году, по просьбѣ мясниковъ, Трескинъ возвысилъ продажную цѣну на мясо, несмотря на то, что она опредѣлена была контрактомъ, а черезъ годъ возвысилъ ее еще болѣе [1]).

Несмотря на то, на слѣдующее трехлѣтіе никто не согласился принять на себя продажу мяса на тѣхъ условіяхъ, какія приняты были прежними поставщиками. Распоряженія по этому предмету, по предложенію Трескина, приняла на себя городская дума. Она учредила алдермановъ для надзора за продажей мяса и дала имъ подробную инструкцію. Эта инструкція была не менѣе стѣснительна для продовольствія города, какъ и монополія поставщиковъ. Такъ напримѣръ, мясо позволялось продавать только въ думскомъ мясномъ ряду. Однакожъ она такъ понравилась Трескину, что онъ распространилъ ее и на рыбную продажу [2]).

Намъ уже извѣстны тѣ мѣры, какія, почти тотчасъ послѣ пріѣзда въ Иркутскъ, принялъ Сперанскій для обезпеченія свободнаго обращенія жизненныхъ припасовъ. Дальнѣйшая дѣятельность собственно по мясной продажѣ въ Иркутскѣ ограничивалась немногимъ. Она состояла въ утвержденіи таксъ на мясо, причемъ Сперанскій однажды предложилъ, чтобы такса, на основаніи существовавшихъ тогда узаконеній, составлялась думой въ присутствіи коменданта; а въ другой разъ, уже изъ Петербурга, подтвердилъ, чтобы мясная продажа производилась на основаніи данныхъ имъ,

---

[1]) Св. 203, № 2.
[2]) Св. 203, № 2.

въ бытность въ Иркутскѣ въ 1819 г., правилъ [1]). Намъ неизвѣстно, были ли это тѣ самыя правила, которыя изданы имъ вообще для охраненія свободы торговли, или Сперанскій разумѣлъ здѣсь какія нибудь особенныя правила, собственно о мясной продажѣ.

Но мѣстныя власти начали уже входить въ духъ понятій Сперанскаго о свободѣ торговли. Купеческій сынъ Поповъ и мѣщанка Ланина открыли мясную продажу въ лавкахъ, устроенныхъ при собственныхъ ихъ домахъ; городская дума запрещала имъ эту продажу на томъ основаніи, что если позволить ее, то думскіе мясные ряды опустѣютъ и городъ лишится доходовъ отъ отдачи ихъ въ наемъ. Губернское правительство нашло, что указомъ 1783 г. дозволено, для продажи товаровъ, имѣть лавки какъ въ рядахъ, такъ и собственныя; что въ думскихъ рядахъ недостаточно погребовъ для храненія мяса и что увеличеніе доходовъ отъ отдачи лавокъ мясопромышленникамъ не столько приноситъ пользы городскимъ доходамъ, сколько обремененія обывателямъ отъ возвышенія цѣнъ на мясо, такъ какъ продавцы стараются «сугубо» вознаградить свои расходы на наемъ лавокъ. Поэтому губернское правительство положило разрѣшить Попову и Ланиной продажу мяса изъ собственныхъ лавокъ. Сперанскій, 1 мая 1821 г., утвердилъ эту полезную мѣру [2]). Къ сожалѣнію, она была отмѣнена при Лавинскомъ въ 1826 г., подъ тѣмъ страннымъ предлогомъ, что указъ 1783 г. говоритъ только о товарахъ, а не о мясѣ [3]). Она снова была введена уже въ пятидесятыхъ годахъ, при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, также не безъ сопротивленія со стороны думы.

Здѣсь кстати указать на цѣны мяса въ Иркутскѣ, существовавшія при Сперанскомъ. На 1820 г. была утверждена такса по 3 р. 20 к. на пудъ перваго сорта и 2 р. 80 коп. втораго; на 1822 г.—3 р. 40 к. и 3 р. 20 коп. [4]).

II. Продовольствіе Иркутскаго и Киренскаго уѣздовъ.

Въ Иркутской губерніи нѣсколько лѣтъ сряду происходили наводненія отъ разливовъ Ангары и Лены, или ихъ притоковъ. Слѣдствіемъ этихъ наводненій, заливавшихъ луга и поля, былъ недостатокъ продовольственныхъ средствъ въ разныхъ мѣстностяхъ.

---

[1]) Св. 203, № 7.
[2]) Св. 203, № 7.
[3]) Св. 41, № 21.
[4]) Св. 203, № 7

Наводненія повторились и въ 1819 г. Жители Киренской округи, совершенно раззоренные, особенно нуждались въ продовольствіи. Трескинъ предположилъ разрѣшить имъ ссуду хлѣба изъ сельскихъ магазиновъ [1]). Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній оказывалось, что жители Нижнеилимской, Карапчанской и нѣк. др. волостей нуждаются въ кормѣ для скота. Нижнеилимскіе жители терпѣли бѣдствіе другой уже годъ; еще въ 1818 г., какъ выше сказано, имъ были оказаны разныя пособія въ продовольствіи. Трескинъ, въ сентябрѣ 1819 г., доносилъ, что о доставленіи въ Нижнеилимскую волость хлѣба на посѣвъ и продовольствіе онъ сдѣлаетъ распоряженіе по полученіи свѣдѣній о потребности въ немъ. На этомъ донесеніи Сперанскій положилъ резолюцію: «Какъ время отправленія уже послѣднее, то лучше бы было, не ожидая новыхъ свѣдѣній, нынѣ же приступить къ отправленію соразмѣрно прежнихъ примѣровъ». Въ этомъ смыслѣ дано было и предложеніе Трескину, 24 сентября 1819 г. [2]). По разсчету Трескина, общая потребность жителей Нижнеилимской волости въ пособіи составляла 6200 п. (3500 п. муки на продовольствіе и 2700 п. зерноваго на посѣвъ). Закупъ этаго хлѣба Трескинъ поручилъ Нижнеудинскому исправнику Выдрину [3]). Сперанскій уволилъ Выдрина отъ занятій по Нижнеудинской слѣдственной коммисіи, въ которую онъ былъ командированъ, и настаивалъ о доставленіи ему свѣдѣній объ успѣхѣ покупки [4]). Между тѣмъ Киренскій земскій судъ доносилъ, что собственнаго хлѣба у Нижнеилимскихъ крестьянъ достанетъ только до января, что 6200 п. для нихъ недостаточно и нужно еще 2000 п. муки и 1800 п. зерновой ярицы. Сперанскій поручилъ Выдрину немедленно купить этотъ хлѣбъ въ Братской или другой волости, гдѣ найдетъ удобнѣе, и доставить въ Нижнеилимскую волость, и снова требовалъ свѣдѣній объ успѣхѣ покупки 6200 п. [5]). Требованіе это онъ повторилъ 11 декабря и въ PS. писалъ: «Не оставите мнѣ донести, когда именно начнется отправленіе хлѣба къ его назначенію. Если изъ Братской волости найдете вы нужнымъ быть въ Иркутскѣ, для личныхъ по дѣламъ управленія вашего изъясненій, то сіе зависѣть будетъ отъ васъ. Я совершенно увѣренъ, что вы дѣло сіе кончите съ свойственнымъ вамъ усер-

---

[1]) Св. 63, о наводн. въ Ирк. губ. донес. Трескина 9 іюля 1819 г.
[2]) Св. 63, о наводн.
[3]) Тамъ же, донес. 7 октября 1819 г.
[4]) Св. 213, № 7, предп. 29 октября и 3 декабря.
[5]) Св. [illegible], № 7, предп. 5 декабря 1819 г.

діемъ, зная, сколь оно нужно и не терпитъ отлагательства» [1]). Такимъ образомъ, въ видѣ награды за успѣшную покупку, Сперанскій давалъ ему возможность провести праздники въ Иркутскѣ, вмѣсто скучнаго Нижнеудинска.

Выдринъ успѣлъ купить только 6850 п. муки [2]) и вовсе не купилъ ярицы. Сперанскій однакожъ благодарилъ его за успѣхъ. Ярица въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ производился закупъ, была негодна къ посѣву, а покупка въ трактовыхъ волостяхъ, съ перевозкою, стоила бы весьма дорого. Сперанскій поручилъ Киренскому исправнику сообразить и немедленно донести ему: какимъ образомъ докупить остальное количество хлѣба, т. е. въ другихъ ли волостяхъ Нижнеудинскаго уѣзда и чрезъ тамошнее земское начальство, или предоставить покупку его самимъ Нижнеилимскимъ жителямъ, которые, будучи уже обезпечены въ продовольствіи, могли, на основаніи изданныхъ Сперанскимъ правилъ о свободѣ торговли, пріѣзжать за покупкою хлѣба на собственныя деньги въ тѣ селенія Нижнеудинскаго уѣзда, гдѣ признаютъ покупку болѣе выгодною. «PS: Впрочемъ, если вы признаете, что покупка самимъ обывателямъ, по дальнему разстоянію, будетъ невозможна, то донесть мнѣ обстоятельно и тогда можно будетъ, хотя и съ трудомъ и дорогою цѣною, но доставить изъ Нижнеудинскаго уѣзда сѣменной хлѣбъ, дабы не оставить крестьянъ безъ посѣва» [3]).

Покупкою хлѣба для Нижнеилимской волости далеко еще не обезпечивались нужды цѣлаго уѣзда. По свѣдѣніямъ, представленнымъ отъ земскаго суда, Орлинская и Макаровская волости могли пропитаться собственными средствами только до января, а Подкаменская — до мая 1820 г. На обезпеченіе ихъ въ продовольствіи и посѣвахъ нужно было заготовить 11250 п., въ томъ числѣ 7750 п. зерномъ, а остальное мукой; 8005 п. нужно было доставить къ январю. Сперанскій, по представленію земскаго суда, распорядился, чтобы это послѣднее количество хлѣба было отпущено крестьянамъ въ долгъ изъ казенныхъ магазиновъ Киренскаго и Нижнеслободскаго, съ уплатою денегъ къ ноябрю слѣдующаго года, и чтобы все, исчисленное судомъ, количество хлѣба, 11250 п., было закуплено съ торговъ и отправлено въ мѣста назначенія весною 1820 г., при самомъ началѣ открытія водянаго сообщенія. Но Сперанскій не согласился на ходатайство земскаго суда,—понизить противъ

[1]) Св. 213, № 7.

[2]) Въ Ядинской и Братской волостяхъ, съ доставкою 3685 п. въ с. Кочергинское, а остальныхъ въ Нижнеилимскій погостъ.

[3]) Предп. 5 января 1820 г.

вольной продажи отпускную цѣну хлѣба изъ магазиновъ, потому что покупка его, съ доставкою, стоила 2 р. 30¾ коп. Притомъ онъ указалъ, что никто не обязанъ покупать хлѣбъ изъ магазиновъ, если онъ продается дороже противъ вольной цѣны. Онъ замѣтилъ также суду, что открывшійся уже недостатокъ продовольствія въ Орлинской и Макаровской волостяхъ произошелъ нѣкоторымъ образомъ оттого, что мѣстное начальство не приняло своевременно мѣръ къ снабженію жителей хлѣбомъ, и что объ этомъ надлежало бы донести ранѣе [1]).

На основаніи этого распоряженія, надлежало отпустить изъ Киренскаго магазина 700 п. хлѣба, для продовольствія жителей ближайшей къ Киренску Макаровской волости. Но земскій судъ доносилъ Сперанскому, что этого количества недостаточно, что требованія крестьянъ объ отпускѣ хлѣба увеличиваются, и что даже тунгусы разныхъ родовъ, по недостаточному улову звѣрей, ищутъ въ казенныхъ магазинахъ пособія въ продовольствіи. Земскій судъ просилъ разрѣшенія: производить отпускъ хлѣба изъ Киренскаго магазина крестьянамъ Макаровской волости, безъ ограниченія количества, какъ было сдѣлано это для жителей Подкаменской волости, и отпускать его въ долгъ и ясачнымъ, съ платежемъ за него въ концѣ 1820 г. Сперанскій предписалъ Киренской для продовольствія города коммисіи производить отпускъ хлѣба изъ тамошняго магазина ясачнымъ и крестьянамъ Макаровской волости, по билетамъ земскаго суда, безъ ограниченія количества, смотря по надобности; но возложилъ на особенное наблюденіе исправника, чтобы этимъ хлѣбомъ пользовались одни недостаточные люди. «Коммисія, прописывалъ Сперанскій, должна имѣть только то въ виду, чтобъ при отпускѣ хлѣба не было злоупотребленія, т. е. перекупа, и чтобъ до новаго сплава было онаго достаточно» [2]).

Зеркалеевъ далъ Киренскому земскому суду строгія предписанія о порядкѣ выдачи билетовъ на полученіе хлѣба изъ городоваго магазина. Сперанскій одобрилъ эти предписанія и далъ знать продовольственной коммисіи, что затѣмъ нельзя уже предполагать, чтобы хлѣбомъ воспользовались люди достаточные, могущіе купить его въ вольной продажѣ [3]).

Мѣры эти однакоже невполнѣ обезпечили продовольствіе уѣзда. Въ концѣ марта Сперанскій получилъ донесеніе земскаго суда, съ

[1]) Св. 213, № 7, предп. 3 декабря 1819 г.
[2]) Св. 213, № 7, предп. 21 января 1820 г.
[3]) Св. 213, № 7, предп. 3 февраля 1820 г.

приговоромъ крестьянъ Орлинской волости, что, сверхъ поставленнаго уже и назначеннаго къ доставкѣ хлѣба, 11675 п., они нуждаются еще въ 11360 п. Часть этого хлѣба, 4740 п., крестьяне просили отпустить имъ немедленно изъ Нижнеслободскаго магазина, принимая доставку его на свой счетъ; остальное просили сплавить весною въ временные магазины, Шемановскій и Омолоевскій. Сперанскій спросилъ совѣтника, Щукина, обозрѣвавшаго Киренскій уѣздъ и Орлинскую волость,—справедливо ли представленіе суда. Щукинъ подтвердилъ, что пособіе совершенно необходимо. Сперанскій (25-го марта) поручилъ Зеркалееву послать въ тотъ же день, съ нарочнымъ, распоряженіе объ отпускѣ 4740 п. хлѣба изъ Нижнеслободскаго магазина, «дабы не упустить времени къ провозу его по р. Илгѣ». Остальной хлѣбъ Сперанскій поручилъ Зеркалееву сплавить весною изъ Нижнеслободскаго или другаго магазина, по его усмотрѣнію. Уплата денегъ за хлѣбъ отсрочена до ноября, а смотря по надобности, и далѣе. Нарочный обязанъ былъ объявить объ этихъ распоряженіяхъ и крестьянамъ Орлинской волости [1]).

Мѣстныя свѣдѣнія о потребности въ хлѣбѣ однакоже значительно разнорѣчили между собой. Въ одно время съ донесеніемъ земскаго суда, получены были донесенія исправника, въ которыхъ она исчислялась гораздо меньше противъ требованій земскаго суда. Сперанскій послалъ Щукину, бывшему въ то время въ Киренскѣ, предписаніе,—удостовѣриться точнѣе, которыя изъ этихъ донесеній справедливы. Но предписаніе не застало уже Щукина въ Киренскѣ [2]). Впослѣдствіи, при новыхъ требованіяхъ съ Приленскаго края, Сперанскій пользовался свѣдѣніями Щукина.

Офицерамъ и семейнымъ нижнимъ чинамъ Киренской инвалидной команды, по ихъ просьбѣ, разрѣшено было отпускать хлѣбъ изъ магазина, по стоющей казнѣ цѣнѣ. Они просили объ отпускѣ этого хлѣба безъ процентовъ; но Сперанскій разрѣшилъ его только съ процентами, и притомъ *въ надлежащей мѣрѣ* [3]). Въ февралѣ 1820 г. сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы ясачнымъ Киренскаго уѣзда отпускался порохъ и свинецъ для звѣринаго промысла [4]).

Сдѣлано было также пособіе жителямъ самаго Киренска. Здѣсь Сперанскій, или отъ безтолковости ходатайства, или отъ недосмо-

[1]) Св. 213, № 7, предп. 25 марта 1820 г.

[2]) Св. 213, № 7, предп. 20 марта 1820 г. № 364 см. прилож.

[3]) Предп. 17 марта 1820 г.

[4]) Св. 213, № 18, предп. 13 февраля 1820 г.

тра своей канцеляріи, впалъ въ забавную ошибку. Въ февралѣ 1820 г. Киренская ратуша прислала ему общественный приговоръ, съ просьбою объ отпускѣ жителямъ, по бѣдности ихъ, казеннаго хлѣба. Сперанскій отправилъ это донесеніе къ Щукину. Онъ писалъ, что мѣщане просятъ выдать имъ заимообразно отъ 10000 до 25000 п. хлѣба. Онъ просилъ Щукина внушить жителямъ, что такого количества выдать имъ нельзя, такъ какъ магазины учреждены только для подкрѣпленія въ продовольствіи. Мѣщане могутъ покупать хлѣбъ въ вольной продажѣ; пользоваться хлѣбомъ изъ магазина должны только бѣднѣйшіе. Щукинъ долженъ точно удостовѣриться, на мѣстѣ, о числѣ нуждающихся мѣщанъ и о количествѣ нужнаго имъ хлѣба. Притомъ должно сообразиться съ наличными запасами хлѣба въ магазинѣ; ожидаемая туда весною пропорція хлѣба будетъ составлять не болѣе, какъ отъ 5000 до 10000 п. «PS: Я бы желалъ, чтобы, не дѣлая имъ формальнаго отказа въ требуемой ссудѣ, удостовѣрились вы, до какой степени она необходима и не могутъ ли они обойтись безъ оной» [1]). Щукинъ нашелъ, что мѣщане дѣйствительно крайне нуждаются въ хлѣбѣ; но они просили не 10 и 25000 п., а только отъ 10 до 25 п. не упоминая, на семью, или на одно лицо. Они будутъ весьма благодарны, если имъ выдадутъ по 10 п. на семью, всего 490 п.— Сперанскій, разумѣется, тотчасъ разрѣшилъ эту выдачу [2]).

Недостатокъ въ хлѣбѣ встрѣчался не въ одномъ Киренскомъ уѣздѣ. Не въ лучшемъ положеніи находились и нѣкоторыя волости Иркутскаго уѣзда. Еще въ октябрѣ 1819 г. крестьяне Осинскаго участка и Идинскіе братскіе просили отсрочить имъ до будущаго урожая взносъ въ сельскіе магазины хлѣба, занятаго весною на посѣвы. Поводомъ къ просьбѣ было то, что неснятый съ полей хлѣбъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ заваленъ выпавшимъ необыкновенно рано снѣгомъ, а въ другихъ позябъ отъ раннихъ морозовъ. Со взносомъ хлѣба въ магазины, многіе братскіе могли потерпѣть нужду въ пропитаніи. Просьба ихъ была уважена [3]). Въ мартѣ 1820 г. былъ отсроченъ взносъ 5578 п. хлѣба крестьянамъ и братскимъ разныхъ Приленскихъ волостей [4]); а потомъ, «по крайнему недостатку въ хлѣбѣ»,—нѣкоторымъ селеніямъ Кудинской

---

[1]) Св. 213, № 7, предп. 13 февраля 1820 г.

[2]) Св. 213, № 7, предп. 10 марта 1820 г.

[3]) Св. 222, № 6, предп. 31 октября 1819 г. Св. 55, № 9-й.

[4]) Манзурской, Верхоленской, Илгинской, Харатскаго селенія и Верхоленскимъ братскимъ. Возвратъ занятаго хлѣба былъ отсроченъ крестьянамъ Верхоленской в. еще въ январѣ 1820 г. (Св. 55, № 9).

*

волости. Притомъ, на вопросъ Зеркалеева, приступить ли ко взысканію съ обществъ штрафа за непредставленіе къ законному сроку подписокъ о наличности хлѣба въ магазинахъ, Сперанскій, изъ уваженія къ недостаточному состоянію обществъ, освободилъ ихъ отъ штрафа, но велѣлъ строго подтвердить, что «неминуемо оному подвергнутся, если на будущее время сдѣлаютъ они подобное упущеніе» [1]). Не въ лучшемъ положеніи находились нѣкоторыя волости Иркутскаго уѣзда, ближайшія къ Киренску. «Нужнымъ считаю поставить въ виду в. в., писалъ Сперанскій въ упомянутомъ уже нами предписаніи Зеркалееву отъ 25 марта, что жители Иркутскаго уѣзда Верхоленскаго комисарства, волости, сосѣдственной съ Орлинскою (Верхоленской), чрезъ повѣренныхъ своихъ представили вамъ просьбу о снабженіи ихъ для продовольствія хлѣбомъ. Они ожидаютъ разрѣшенія по просьбѣ, а потому и прошу васъ о распоряженіи, какое вы по оной просьбѣ сдѣлаете, ихъ съ симъ же нарочнымъ увѣдомить». Крестьяне Илгинской волости просили пособія въ продовольствіи еще въ январѣ. Зеркалеевъ распорядился поручить одному изъ членовъ земскаго суда удостовѣриться ближайшимъ образомъ о количествѣ хлѣба, какое представится необходимымъ отпустить имъ изъ Нижнеслободскаго запаснаго магазина, съ тѣмъ чтобы пропорція эта не превышала 5000 п. и хлѣбъ отпускался только бѣднымъ жителямъ. Отпускать хлѣбъ Зеркалеевъ назначилъ по 1 руб. 50 коп. пудъ. При новомъ заготовленіи, хлѣбъ для Якутскихъ магазиновъ обходился, безъ доставки, по 1 руб. 80 коп., слѣдовательно Илгинскіе крестьяне должны были получать его дешевле 30 копѣйками противъ вольной покупки. Сперанскій одобрилъ всѣ эти распоряженія. Но, за назначенными уже отпусками хлѣба изъ Нижнеслободскаго магазина, въ немъ должно было остаться только 5488 п. хлѣба,— «весьма недостаточное количество».—Поэтому Сперанскій распорядился заготовить еще до 20000 пудъ и поручилъ Зеркалееву произвести въ казенной экспедиціи торги на поставку этого хлѣба [2]).

Въ маѣ 1820 г., разрѣшено было выдать крестьянамъ Манзурской волости 930 п. хлѣба изъ сельскихъ запасовъ, съ возвратомъ изъ перваго урожая. Кромѣ того, имъ былъ отпущенъ въ долгъ хлѣбъ изъ казны. Изъ хлѣба, который назначенъ былъ къ

[1]) Св. 222, № 6, предп. 13 и 17 марта 1820 г.

[2]) Св. 213, № 7, предписаніе 20 января 1820 г. Изъ Нижнеилимскаго магазина назначено было для сплава въ Якутскъ 22207 п., для жителей Орлинской волости Киренскаго уѣзда 7305 п. и для Илгинскихъ крестьянъ 5000 п.

покупкѣ въ Слободской магазинъ, велѣно было отпустить имъ заимообразно 3000 п. [1]) Торги въ казенной экспедиціи не имѣли успѣха. Недостатокъ хлѣба въ Иркутскомъ уѣздѣ и совершенная безнадежность къ покупкѣ тамъ 20000 п. хлѣба для Нижнеслободскаго, и 5—10000 для Киренскаго магазиновъ, побудили Зеркалеева принять другія мѣры къ заготовленію этого хлѣба. Онъ предполагалъ, не ожидая донесенія Киренскаго земскаго суда о количествѣ хлѣба, необходимаго для крестьянъ Макаровской волости, поручить Выдрину купить отъ 25000 до 30000 п. въ тѣхъ волостяхъ Нижнеудинской округи, гдѣ онъ признаетъ удобнѣе, «не исключая и поселенцевъ», съ поставкою въ Нижнеслободскій магазинъ 20000, а въ Киренскій 5—10000 сплавомъ по Ленѣ весною того же 1820 г. Сперанскій призналъ основательными представленныя Зеркалеевымъ причины невозможности закупить этотъ хлѣбъ въ Иркутскомъ уѣздѣ. Онъ призналъ за лучшее поручить Нижнеудинскому общему присутствію дать торги на поставку этого хлѣба [2]).

Но жители Нижнеудинскаго уѣзда не привыкли къ торгамъ. Желающихъ на поставку въ Нижнеслободскій магазинъ 20 т. п. въ общее присутствіе не явилось. Зеркалеевъ поручилъ покупку хлѣба Выдрину. На случай, если онъ не успѣетъ купить хлѣбъ съ доставкой въ Нижнеслободскій магазинъ, ему поручено было найти вощиковъ на доставку туда хлѣба изъ Уянскаго магазина, гдѣ въ немъ не было надобности, и затѣмъ купить хлѣбъ уже съ поставкою въ Уянскій магазинъ [3]).

Выдринъ, при всѣхъ стараніяхъ, успѣлъ купить только 14658 п. 20 ф. [4]). Болѣе онъ «никакъ и ни по какимъ цѣнамъ» не могъ отыскать. [5]) Доставка купленнаго хлѣба по Ленѣ и въ Киренскъ

---

[1]) Св. 213, № 7.

[2]) Въ общемъ присутствіи надлежало произвести торги и на поставку въ Нижнеилимскую волость 3150 п. недокупленной Выдринымъ ярицы, такъ какъ въ ней, по донесенію Киренскаго земскаго суда, жители имѣли необходимую нужду на посѣвъ. Доставку ярицы произвести въ магазины: Нижнеилимскій 2135 п. и Кочергинскій— 1015 п., но если поставка въ Нижнеилимскій магазинъ будетъ затруднительна и дорога, то все количество 3150 п. можно поставить въ одинъ Кочергинскій; оттуда крестьяне, по вскрытіи Илима, могутъ сами сплавить хлѣбъ въ свои жилища. Св. 213, № 7, пред. 31 января 1820 г.

[3]) Св. 213, № 7, предп. 17 марта 1820 г.

[4]) Въ Киренскій магазинъ 3737 п. 20 ф., Уянскій 10397 п., ярицы для Нижнеилимской волости 524 п.

[5]) Изъ Уянскаго магазина перевезено въ Нижнеслободскій 15772 п., затѣмъ осталось, съ вновь закупленнымъ хлѣбомъ, 14625 п. Изъ Нижнеслободскаго магазина было отпущено всего 46884 п. 20 ф., оставалось 8887 п. 20 ф., мукою.

отдана Зеркалеевымъ на подрядъ купцу Литвинцеву. Кромѣ того Литвинцевъ принялъ на себя и поставку недокупленнаго Выдринымъ хлѣба: въ Киренскій магазинъ 1262 п. 20 ф. и въ Орлинскую волость, назначенныхъ по послѣднему распоряженію Сперанскаго 5000 п. [1]).

Заготовленіе сѣменнаго хлѣба, по необходимости, пришлось отложить: да и крестьяне признавали его ненужнымъ. Одни изъ нихъ просили выдать имъ сѣмена изъ сельскихъ магазиновъ; другіе, зажиточные, надѣялись купить его сами.—Деньги за отпущенный изъ казны хлѣбъ предполагалось пополнять и прежде назначенныхъ на уплату ихъ сроковъ,—удержаніемъ платы за почтовую гоньбу, взысканіемъ изъ вырученныхъ отъ продажи звѣриныхъ шкуръ и вообще—когда будутъ у должниковъ деньги. Изъ сельскихъ магазиновъ предполагалось отпускать крестьянамъ лучшій сѣменной хлѣбъ и въ количествѣ, превышающемъ половину наличныхъ запасовъ, чтобы въ сѣменахъ у нихъ не было недостатка. Крестьянамъ Верхоленской волости Зеркалеевъ сначала предоставилъ изыскивать самимъ способы къ продовольствію и покупать хлѣбъ въ сосѣднихъ хлѣбородныхъ селеніяхъ: тогда еще не былъ извѣстенъ результатъ Выдринской покупки. Потомъ онъ распорядился отпускать бѣднѣйшимъ изъ нихъ хлѣбъ изъ Нижнеслободскаго магазина безденежно, а о прочихъ собиралъ свѣдѣнія [2]). Сперанскій нашелъ, что для жителей Макаровской и Орлинской волостей и Киренскаго магазина заготовлено почти все необходимое количество хлѣба; по Нижнеилимской волости, для которой не успѣли купить зерноваго хлѣба, затрудненіе это устраняется выдачею хлѣба на сѣмена изъ сельскихъ магазиновъ. Предположеніе о порядкѣ взысканія съ Нижнеилимскихъ крестьянъ денегъ, за отпущенный имъ хлѣбъ, Сперанскій находилъ основательнымъ, «если только не будетъ со стороны земскаго начальства насильнаго вынужденія». Онъ нашелъ возможнымъ распространить эту мѣру и на другихъ должниковъ [3]). Оказалось впрочемъ, что удерживать плату у почтъ-содержателей было неудобно. Мѣра эта приводилась въ исполненіе далеко не съ такою мягкостію, какъ указывалъ Спе-

---

[1]) Когда съ Литвинцевымъ былъ уже заключенъ контрактъ, то явились вощики, которые выпрашивали за доставку хлѣба по 45 и 50 коп. Это предложеніе, съ согласія Сперанскаго, оставлено было безъ послѣдствій, потому что условія Литвинцева, кромѣ цѣны (70 коп.), вообще были выгоднѣе предъявленныхъ вощиками: весь хлѣбъ обходился съ доставкою съ небольшимъ по 2 р. пудъ.

[2]) Св. 213, № 7, донесенія 1 апр. 1820 г.

[3]) Св. 213, № 7, предп. 16 апр. 1820 г.

ранскій. Въ іюлѣ 1820 г., повѣренный Бирюльскаго общества Манзурской волости, Насоновъ, жаловался Сперанскому, что казначейство удерживаетъ у крестьянъ всю плату за содержаніе Качугской станціи. По объясненію общества, оно лишалось отъ этого возможности продолжать содержаніе гоньбы. Сперанскій велѣлъ выдать деньги [1]; Зеркалеевъ однакожъ не послушался. Онъ отвѣчалъ, что не прежде велитъ выдать деньги, какъ получивъ общественный приговоръ о томъ, что всѣ крестьяне согласны не платить ничего изъ платы за гоньбу въ счетъ хлѣбнаго долга; что выдача денегъ Насонову дастъ и другимъ обществамъ поводъ просить отсрочки до будущаго урожая; а при неурожаѣ, до новаго и т. д. Возраженія не было [2].

Оказалось также, что и продовольствіе крестьянъ невполнѣ еще обезпечено, по крайней мѣрѣ, на случай новаго неурожая. Въ Нижнеслободскомъ магазинѣ оставалось только 8887 п. 20 ф. наличнаго хлѣба. Почти весь этотъ хлѣбъ нужно было выдать крестьянамъ Верхоленской волости. Зеркалеевъ писалъ, что неизвѣстность урожая и совершенное истощеніе запасовъ въ магазинахъ требуютъ принятія предварительныхъ мѣръ. У бусовщиковъ было на Ленскихъ пристаняхъ, для сплава по Ленѣ, отъ 60 до 70000 п. хлѣба. Зеркалеевъ предполагалъ склонить ихъ на уступку въ казну 25—35000 п., по собственнымъ цѣнамъ [3].

Покупку предполагалось произвести въ Нижнеслободской пристани, какъ ближайшей къ Нижнеслободскому магазину. Нельзя не видѣть въ этомъ предположеніи явной несообразности: хлѣбъ, для обезпеченія продовольствія жителей Приленскаго края, предполагалось купить въ казну у людей, которые готовились отправлять его на продажу именно этимъ жителямъ. Сперанскій однакожъ одобрилъ предположеніе Зеркалеева [4], но оно не имѣло такого успѣха, какъ ожидалъ Зеркалеевъ. Приторговано только 19190 п., по 2 р. 50 к. Сплавщики дешевле не уступали. Изъ этого хлѣба Зерка-

[1]) Св. 213, № 7, предп. 10 іюля 1820 г.

[2]) Св. 213, № А, донес. 13 іюля 1820 г.

[3]) Онъ надѣялся на успѣхъ потому, что сплавщики хлѣба не могли уже ожидать продажи его ни на пути къ Якутску Киренскимъ жителямъ, которые были обезпечены хлѣбомъ отъ казны, ни въ самомъ Якутскѣ, гдѣ къ извѣстному уже остатку въ 39000 п. сплавляется Басниным болѣе 20000 п., слѣд.—будетъ болѣе 60000 п. Онъ находилъ невозможнымъ удѣлить въ Слободскій магазинъ часть хлѣба изъ сплавляемаго Баснинымъ, потому что изъ Якутска снабжаются хлѣбомъ отдаленныя мѣста Якутскаго и Охотскаго края, а иногда и Камчатка. Казенный хлѣбъ долженъ продаваться по 2 р. 50 коп., а сплавщикамъ нужно продать его несравненно дешевле, и потому Зеркалеевъ надѣялся купить у нихъ съ небольшимъ по 2 р.

[4]) Св. 231, № 7, 23 апрѣля 1820 г.

леевъ распорядился сложить 9690 п. въ Верхоленскій магазинъ и отпускать на продовольствіе крестьянамъ Манзурской волости; остальной назначенъ былъ въ Нижнеслободскій магазинъ, гдѣ съ прежнимъ хлѣбомъ составилось до 17000 п. [1]).

Къ торгамъ на доставку хлѣба въ Якутскъ и Киренскъ явился одинъ только желающій, купецъ Басннъ. Но послѣ торговъ явился къ Сперанскому другой доставщикъ, мѣщанинъ Андріянъ Третьяковъ. Онъ изъявилъ желаніе торговаться не только на доставку, но и на закупку хлѣба, съ доставкою на мѣста. Сперанскій, 14 декабря 1819 г., велѣлъ назначить новые торги, «поступивъ впрочемъ на основаніи существующихъ узаконеній», и вѣроятно Третьяковъ надѣялся, что предложеніе его будетъ принято безъ торговъ: онъ не представилъ ни залоговъ, ни поручительствъ, и торги не состоялись. Между тѣмъ Басннъ, по личному убѣжденію Сперанскаго, согласился принять на себя покупку 25000 п. хлѣба, съ доставкою на мѣста, по 2 р. 50 коп. за пудъ, дешевле выпрошенной прежде цѣны по 10 коп. съ пуда; но за перевозку хлѣба изъ Нижнеслободскаго магазина не согласился взять менѣе 70 к. съ пуда. Сперанскій, 16 декабря, распорядился оставить за Басннымъ какъ поставку, такъ и перевозку хлѣба [2]).

Впослѣдствіи встрѣтилась необходимость нѣсколько измѣнить назначенія хлѣба въ Приленскіе магазины. Олекминскій коммисаръ представлялъ о необходимости прибавить пропорціи хлѣба въ Березовскій и Мархинскій магазины тамошней округи. Покупать было уже поздно. Зеркалеевъ согласилъ Басннна удѣлить то количество, какое Миллеръ признаетъ нужнымъ, изъ назначеннаго къ сплаву въ Олекминскій магазинъ: здѣсь, и за удѣленіемъ, оставалось еще много хлѣба. Сперанскій одобрилъ это распоряженіе [3]).

Въ іюнѣ 1820 г., при отправленіи въ Якутскъ опредѣленнаго туда исправникомъ, Заборовскаго, Сперанскій поручилъ ему удостовѣриться о продовольственныхъ средствахъ Приленскихъ жите-

[1]) Общій неуспѣхъ покупки хлѣба въ этомъ году Зеркалеевъ объяснялъ тѣмъ, что бусовщики успѣли закупить хлѣбъ въ то время, когда казна производила торги. Сперанскій, въ предписаніи отъ 26 мая 1870 г., о которомъ мы уже говорили, указалъ Зеркалееву на незаконность этого предположенія.

[2]) Св. 213, № 7.

[3]) Св. 213, пред. 23 апрѣля 1820 г.—Тогда же Зеркалеевъ доносилъ и о распоряженіяхъ своихъ по взысканію недоставленнаго хлѣба. Между прочимъ онъ писалъ, что уже 37 лѣтъ служитъ въ Сибири и знаетъ по многимъ опытамъ, какъ много пользы можетъ принести въ дѣлахъ этого рода дѣятельность земскаго начальства.

лей и о томъ, дошли ли къ нимъ пособія. Заборовскій писалъ, что всходы хлѣбовъ хороши, но у Киренскихъ жителей поля затоплены наводненіемъ. Казеннаго хлѣба, особенно по Иркутскому уѣзду, выдается чрезвычайно мало. Киренскіе жалуются вообще менѣе Иркутскихъ. Но въ Илимской волости крестьяне еще не получали пособія, и бѣднѣйшіе изъ нихъ голодаютъ дня по три и болѣе [1]. «Донесеніе сего чиновника,—тотчасъ же написалъ Сперанскій Зеркалееву,—какъ посторонняго и слѣдовательно безпристрастнаго, нельзя не принять за достовѣрное. Быть можетъ, что доставленный на мѣсто хлѣбъ почему либо не былъ выданъ нуждающимся въ ономъ жителямъ». Сперанскій поручилъ Зеркалееву немедленно принять мѣры къ обезпеченію ихъ продовольствія. Въ PS. онъ прибавлялъ: «Въ томъ же самомъ донесеніи исправникъ упоминаетъ, что и Иркутскіе пограничные къ Киренскому уѣзду жители нуждаются въ хлѣбѣ» [2].

Въ маѣ 1820 г. Зеркалеевъ, представляя министру внутреннихъ дѣлъ годовую вѣдомость о состояніи сельскихъ магазиновъ, просилъ объ отсрочкѣ, до новаго урожая, взноса занятаго хлѣба (до 20000 четв.). Сперанскій замѣтилъ Зеркалееву, что представленія подобнаго рода, какъ и о всѣхъ предметахъ, требующихъ разрѣшенія министровъ, должны идти чрезъ него; «на семъ основаніи и прочіе гражданскіе губернаторы обыкновенно взносятъ свои представленія» [3].

По этому поводу онъ послалъ министру общій очеркъ продовольственныхъ мѣръ по губерніи. «Обстоятельство сіе (отсрочка возврата ссуды), писалъ онъ, при общемъ соображеніи способовъ продовольствія сей губерніи, еще въ концѣ минувшаго года принято было здѣсь въ соображеніе и тогда же рѣшено, но по недавнему вступленію г. вице-губернатора въ управленіе губерніею было ему неизвѣстно. Главная причина, по коей признано было нужнымъ дѣлать отсрочку, состояла не въ худомъ урожаѣ, а въ двухъ обстоятельствахъ: 1) въ томъ, что выпавшимъ во время самой жатвы раннимъ глубокимъ снѣгомъ во многихъ мѣстахъ завалило хлѣбъ; 2) въ томъ, что чрезвычайнымъ разлитіемъ Лены и другихъ рѣкъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцѣ всѣ почти поля и луга были потоплены и хлѣбъ и трава истреблены. Отъ сего потерпѣли волости Иркутскаго уѣзда, въ верховьяхъ Лены лежащія, и весь Киренскій уѣздъ, коимъ Лена протекаетъ. Истребленія сіи до того прости-

---

[1] Св. 213, письмо 26 іюня 1820 г. См. прил.

[2] Св. 213, № 7, предп. 10 іюля 1820.

[3] Св. 222, № 6, предп. 26 мая 1820 г.

ралисѣ, что не токмо нельзя было помышлять о взысканіи прежнихъ недоимокъ въ сельскіе магазины, но и надлежало самое продовольствіе обывателей обезпечить ссудою изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ, для чего и отпущено до 53620 п. Впрочемъ принятыми мѣрами, особенно же свободою и открытою всѣмъ гласностью и соревнованіемъ торговъ, не только весь недостатокъ къ продовольствію отвращенъ и всѣ казенныя потребности провіантскія, винокуренныя и казенныхъ запасныхъ магазиновъ удовлетворены: но и въ цѣнахъ, въ сравненіи съ прошедшимъ урожайнымъ годомъ, сдѣлано значительное сбереженіе, о чемъ въ свое время буду имѣть честь донести подробно. Небольшую только часть хлѣба, въ дополненіе и въ запасъ будущаго винокуренія, надлежало купить въ Томской губерніи, къ чему и сдѣланы уже всѣ нужныя распоряженія»[1]. Министръ отвѣчалъ, что объ отсрочкѣ взноса годовой пропорціи и возврата ссуды надлежало войти съ представленіемъ въ сенатъ: но какъ взысканіе уже остановлено, а въ перепискѣ пройдетъ и самое время отсрочки, то онъ и не считалъ нужнымъ испрашивать на нее разрѣшенія сената[2].

Еще не всѣ мѣры по обезпеченію продовольствія на 1820 г. были приведены въ исполненіе, какъ встрѣтилась необходимость въ новыхъ. Наводненія, разоривъ жителей, потребовали для нихъ пособій. Въ маѣ 1820 г. разливъ Лены, при проходѣ льда, надѣлалъ значительныя поврежденія какъ въ Киренскѣ, такъ и въ ближайшихъ къ нему селеніяхъ Макаровской волости. Наводненіе уничтожило между прочимъ посѣвы хлѣбовъ и овощей. Зеркалеевъ не считалъ этого происшествія чрезвычайнымъ: Лена каждую весну производила такія опустошенія. Однакожъ онъ распорядился привести въ извѣстность убытки жителей, и узнать не нуждаются ли бѣднѣйшіе изъ нихъ въ продовольствіи. Онъ полагалъ разрѣшить продовольственную коммисію отпускать хлѣбъ нуждающимся безденежно, по удостовѣреніи въ ихъ бѣдности. Впрочемъ онъ не опасался общаго недостатка въ продовольствіи: предполагалось, что частныя лица отправятъ на продажу по Ленѣ до 100000 п. хлѣба. Но сколько было дѣйствительно приготовлено и отправлено, онъ не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній и распорядился собрать ихъ чрезъ чиновниковъ, которымъ поручена была покупка хлѣба (у

[1] Св. 222 № 6, отн. 5 мая 1820 г.
[2] Св. 222 № 6, отн. м. в. д. 17 іюня 1820 г.

бусовщиковъ)[1]. Сперанскій немедленно разрѣшилъ Зеркалееву выдать жителямъ, разорившимся отъ наводненія, хлѣбъ: городскимъ— изъ городского казеннаго магазина, а уѣзднымъ — изъ сельскихъ, безденежно. Онъ просилъ только Зеркалеева строго распорядиться, чтобы этимъ пособіемъ воспользовались лишь люди, дѣйствительно бѣдные и неимѣющіе другихъ средствъ къ продовольствію[2]).

Наводненіе 1820 г. вызвало необходимость оказать пособіе и жителямъ Нижнеудинскаго уѣзда. Многія селенія этого уѣзда остались безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Особенно тяжело было положеніе жителей Картапцевскаго и Тулуновскаго селеній. Нижнеудинскій исправникъ распорядился выдать имъ половину сѣменнаго хлѣба, бывшаго на лицо въ сельскихъ магазинахъ, частію на посѣвъ, частію на пропитаніе. Сверхъ того, по его представленію, Сперанскій, отъ 15 іюля 1820 г., разрѣшилъ выдавать хлѣбъ изъ Уянскаго казеннаго магазина совершенно нуждающимся жителямъ уѣзда, съ тѣмъ только, чтобъ онъ велъ вѣрный счетъ этимъ выдачамъ и доводилъ объ нихъ до свѣдѣнія Губернатора[3]). «Полагаясь на ваше усердіе, писалъ Сперанскій Выдрину, я остаюсь увѣреннымъ, что при семъ отпускѣ соблюдена будетъ вся справедливость, и дѣйствительно нуждающіеся въ пропитаніи будутъ обезпечены». Выдачу хлѣба надлежало произвести въ видѣ ссуды. «Первымъ срокомъ сего возврата—писалъ Сперанскій Зеркалееву 16 іюля—назначаю я ноябрь мѣсяцъ будущаго 1822 г. Впрочемъ, если крестьяне не будутъ въ состояніи взнести позаимствованный хлѣбъ, можно срокъ сей и еще отложить по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ»[4]).

Въ ноябрѣ 1820 г. Сперанскій поручилъ Зеркалееву наблюсти, чтобы занятый въ 1819 году изъ сельскихъ и казенныхъ магазиновъ хлѣбъ, «на точномъ условіи займа», возвращенъ былъ изъ урожая того года. Если хлѣбъ еще не поступилъ въ магазины, то Зеркалеевъ долженъ былъ побудить ко взносу его жителей. Но за этимъ формальнымъ распоряженіемъ слѣдовала приписка: «Если, по усмотрѣнію вашему, будетъ невозможно или слишкомъ обременительно для обывателей взнесть хлѣбъ, данный имъ прошедшаго года въ ссуду изъ Киренскихъ магазиновъ, то в. в. не оставите, о

[1]) Св. 213, № 7, предп. отъ 16 іюня 1820 г.
[2]) Св. 213, № 7, донес. 14 іюня 1820 г.
[3]) Св. 213, № 7, предп. отъ 16 іюня 1820 г.
[4]) Св. 63 о наводн. См. также прилож.
[5]) Св. 63 о наводн.

семъ. съ изъясненіемъ обстоятельствъ, сдѣлать мнѣ особенное представленіе. Причемъ должно сообразить, не удобнѣе ли будетъ для сихъ крестьянъ взнести вмѣсто хлѣба деньгами, по существовавшей во время ссуды цѣнѣ. Для магазиновъ же отъ сего не будетъ убытка, ибо на счетъ сихъ денегъ можно будетъ хлѣбъ купить вѣроятно по тѣмъ же цѣнамъ, и можетъ быть и дешевле. Если же цѣны хлѣба нынѣшній годъ съ торговъ окажутся выше, тогда должно уже будетъ взносить по симъ послѣднимъ цѣнамъ [1]).

III. *Продовольствіе отдаленныхъ мѣстъ.*

Продовольственныя средства этихъ мѣстъ были крайне неудовлетворительны. Жители питались преимущественно звѣриною и рыбною ловлей. Въ случаѣ неулова звѣря и рыбы, они не имѣли никакихъ средствъ пропитанія. Мѣстные начальники не могли принимать своевременно необходимыхъ мѣръ, потому что не имѣли на это достаточныхъ полномочій. Случаи голодной смерти были нерѣдки. Они обращали на себя особенное вниманіе высшаго правительства. Въ маѣ 1816 года 13 корякъ умерли съ голоду около Туманскаго селенія. По этому поводу комитетъ министровъ, журналомъ 5 іюня 1817 г., вмѣнилъ въ обязанность мѣстному начальству, «чтобы мѣры, въ разсужденіи выдачи, въ несчастное время, казеннаго хлѣба безденежно, или за умѣреннѣйшія цѣны противъ стоющей для казны, исполняемы были въ точности, подъ отвѣтственностью губернаторовъ какъ за бѣдствіе Сибирскаго народа, такъ и за недостатокъ хлѣба въ запасныхъ магазинахъ» [2]). Посланное лѣтомъ 1816 года изъ Охотска въ Гижигу, съ казеннымъ и частнымъ грузомъ, судно Іоаннъ, въ сентябрѣ того же года подошло къ самой Гижигинской губѣ и вдругъ было унесено бурей въ открытое море. На Іоаннѣ было все необходимое для пищи и содержанія жителей и потому неприходъ его, какъ доносилъ начальникъ Охотскаго порта, поставилъ жителей въ гибельное положеніе по продовольствію. Имъ оказаны были нѣкоторыя денежныя пособія, преимущественно на счетъ частныхъ пожертвованій (всего 5000 р.). Комитетъ министровъ замѣтилъ, что «въ самое бѣдственное время запасные городскіе магазины не приносятъ существенной пользы, когда жители должны покупать хлѣбъ изъ оныхъ, не имѣя у себя денегъ», и поручилъ Пестелю составить та-

[1]) Св. 222, № 6, предп. 14 ноября 1820. Приписка вдвое больше самаго предписанія.
[2]) Св. 212, № 7, отн. мин. пол. 28 іюня 1817. № 617.

кое положеніе, которое болѣе соотвѣтствовало бы цѣли учрежденія магазиновъ въ такомъ отдаленномъ краю, хотя и съ пожертвованіемъ отъ казны [1]).

Въ 1818 г. Гижигинскій коммисаръ Крузе опасался недостатка тамъ въ продовольствіи. За эти опасенія Трескинъ объявилъ ему строгое замѣчаніе. Но послѣдствія оправдали предусмотрительность Крузе.

Въ 1817 г. былъ недостатокъ въ продовольствіи въ Тауйскѣ и Ямскѣ. Въ 1818 г. недостатокъ въ продовольствіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Охотскаго края былъ отвращенъ не правительственными, а частными мѣрами. посредствомъ пожертвованій; особенно значительны были пожертвованія коряками оленей. Однакожъ онъ былъ отвращенъ не вдругъ. Особенно терпѣли поселенцы Якутско-Охотскаго тракта. Гижигинскимъ жителямъ выдавалось пособіе изъ запасныхъ магазиновъ.

Въ началѣ 1819 г. по всей Охотской области жители, особенно тунгусы, терпѣли крайній недостатокъ въ продовольствіи. Министръ полиціи требовалъ свѣдѣній о мѣрахъ, какія по этому случаю приняты мѣстнымъ начальствомъ.

Зимою 1816 г. умерли въ Камчаткѣ 10 тунгусовъ отъ недостатка въ продовольствіи. Мѣстное начальство приняло нѣкоторыя мѣры къ обезпеченію продовольствія. По разсмотрѣніи этого случая въ комитетѣ министровъ, объявлено комитету, 20 ноября 1817 г. Высочайшее замѣчаніе, «что ежели Иркутское начальство послѣ случившагося несчастія начало изыскивать способы къ отвращенію недостатка въ продовольствіи жителей, то могло оно и до несчастія изыскать сіи же способы, и тѣмъ отвратить гибель тунгусовъ» [2]). Комитетъ положилъ отпустить въ пособіе Камчатскимъ жителямъ 10.000 р. изъ государственнаго казначейства и предоставить генералъ-губернатору, «по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ сдѣлать надлежащее распоряженіе объ отвращеніи всякаго тамъ недостатка въ продовольствіи» [3]).

Начальникъ Камчатки, Рикордъ, вслѣдствіе особеннаго требованія Аракчеева, доносилъ ему, 31 мая 1818 г., что при вступленіи въ должность онъ нашелъ въ Петропавловскомъ портѣ богатые запасы хлѣба до 10000 п. къ 1 сентября 1817 года, но управлявшій Камчаткой, Рудаковъ, не могъ воспользоваться имъ для по-

---

[1]) Отн. мин. пол. 8 мая 1817 г. № 285. Св. 212, № 7.

[2]) Отн. мин. пол. 7 декабря 1817 г., № 1010.

[3]) Отн. мин. пол. 13 декабря 1817 г., № 1023.

собія голодавшимъ Камчадаламъ потому, что не имѣлъ разрѣшенія на перевозку хлѣба въ другія мѣста. Рудаковъ выдалъ Камчадаламъ только небольшое количество привезеннаго въ давнее время зерноваго хлѣба, негоднаго для посѣвовъ и уже испорченнаго.

Трескинъ и Пестель старались оправдать свои дѣйствія по продовольствію: они составляли по этому поводу огромныя записки. Наконецъ они даже старались скрывать или смягчать передъ правительствомъ истинное положеніе дѣлъ. Выше уже было упомянуто о замѣчаніи, которое Трескинъ сдѣлалъ коммисару Крузе. По поводу донесенія Рикорда о затрудненіяхъ въ продовольствіи Камчатки, Трескинъ доказывалъ, что факты, изложенные въ этомъ донесеніи, слишкомъ преувеличены.

Не въ лучшемъ положеніи было продовольствіе и въ отдаленныхъ мѣстахъ Якутской области. Въ 1816 г. былъ недостатокъ продовольствія въ Зашиверскомъ коммисарствѣ. Въ концѣ 1817 г. опасались затрудненій въ продовольствіи жителей Средне-Колымскаго уѣзда и принимались мѣры къ обезпеченію продовольствія Удскаго края. Въ началѣ 1819 г. [1]) Трескинъ доносилъ Пестелю о недостаткѣ въ пропитаніи по Среднеколымскому коммисарству отъ непромысла рыбы и оленей, и о принятыхъ Минипкимъ по этому поводу мѣрахъ (въ числѣ ихъ любопытно распоряженіе устроить для бѣднѣйшихъ жителей общій столъ). Впрочемъ, по мнѣнію Трескина, наличныхъ запасовъ въ томъ краѣ было достаточно для продовольствія жителей.

Но въ то же время Миницкій писалъ, что жители Среднеколымскаго, Зашиверскаго, Жиганскаго и Удскаго коммисарствъ третій уже годъ терпятъ великій недостатокъ въ продовольствіи. Областное правленіе доносило о крайности въ пропитаніи тунгусовъ, кочующихъ близъ Нелькана, отъ неулова рыбы и неимѣнія звѣриныхъ промысловъ. Трескинъ издалъ особыя правила для продовольствія жителей, и представилъ ихъ (18 марта 1819 г.) на разсмотрѣніе Пестеля. Эти правила выражали сомнѣніе въ дѣйствительности нужды и ограничивали выдачу хлѣба, между прочимъ потому, что «кочующій народъ, пріобучивъ себя безпрепятственно и почти даромъ довольствоваться казеннымъ хлѣбомъ, о коемъ до извѣстнаго времени не имѣлъ онъ никакого понятія, оставитъ вовсе соотвѣтственныя образу жизни средства къ сысканію себѣ пропитанія и, облѣнившись совершенно, долженъ будетъ по необходимости имѣть существенную потребность въ хлѣбѣ». Между

[1]) Донес. 26 февраля 1819 г.

прочимъ предписывалось, «искоренить наклонность въ кочующемъ народѣ въ употребленіи хлѣба и остерегаться подавать къ тому малѣйшій какой либо поводъ». Такой глубиной отличался взглядъ человѣка, котораго поклонники его и донынѣ признаютъ за великаго администратора.

А между тѣмъ Миницкій доносилъ, что 142 души тунгусовъ Ламутскаго рода были розданы на пропитаніе къ якутамъ Дюпсинской волости, къ которой они были приписаны, и только этимъ средствомъ отвращена у нихъ въ 1819 г. голодовка [1]. Въ концѣ августа 1818 г. къ Широкому урочищу Колымскаго коммисарства пришли двѣ семьи ламутъ и объявили, что у нихъ четыре человѣка умерли съ голода. Сперанскій, отъ 30 мая 1819 г., поручилъ Трескину доставить ему, какъ можно поспѣшнѣе, подробныя свѣдѣнія объ этомъ случаѣ; намъ неизвѣстно, въ чемъ заключался отвѣтъ [2].

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ мѣстнымъ начальствомъ къ обезпеченію продовольствія жителей отдаленныхъ мѣстъ, было учрежденіе, въ 1817 г., рыбныхъ магазиновъ, также на счетъ частныхъ пожертвованій. Пестель доносилъ объ этихъ магазинахъ, какъ о мѣрѣ весьма полезной. Такою, повидимому, признавалъ ее и комитетъ министровъ. По 18 января 1819 г. объявлено комитету, что Государь «находитъ это распоряженіе весьма недостаточнымъ и даже безполезнымъ, полагая, что запасы изъ рыбы неудобны для храненія, а потому и повелѣваетъ комитету сіе представленіе вновь внимательнѣе разсмотрѣть и сдѣлать заключеніе». Министръ полиціи потребовалъ отъ Пестеля, 6 февраля 1819 г. (№ 32), подробныхъ свѣдѣній по настоящему вопросу. На это отвѣчалъ уже Сперанскій, и отвѣчалъ гораздо позже, именно 11 февраля 1820 г. (№ 31). Вотъ его отвѣтъ:

«По первому отношенію министерства полиціи, я входилъ въ подробное разсмотрѣніе дѣла объ учрежденіи рыбныхъ запасныхъ магазиновъ по отдаленнымъ мѣстамъ Якутскаго края.

«Изъ дѣлъ видно, что магазины сіи дѣйствительно въ разныхъ мѣстахъ заведены и существуютъ съ пользою; но считать ихъ единственнымъ и главнымъ обезпеченіемъ продовольствія невозможно: они могутъ только входить въ составъ другихъ мѣръ и имъ содѣйствовать во время такъ называемой въ томъ краѣ голодовки. Въ чемъ же именно должны состоять запасныя мѣры продоволь-

---

[1] Св. 213, № 9, донесеніе Трескина 26 марта 1819 г.
[2] Св. 62, № 19.

ствія, въ какихъ мѣстахъ нынѣ состоять и гдѣ вновь учреждены быть могутъ хлѣбные запасы, о томъ составляется нынѣ полное положеніе, по окончаніи коего во всѣхъ обширныхъ его подробностяхъ и исчисленіяхъ, я буду имѣть честь представить оное на усмотрѣніе вашего сіятельства».

Нельзя не сказать, что вообще обезпеченіе продовольствія въ отдаленныхъ мѣстахъ, особенно въ отношеніи къ бродячему населенію, представляло чрезвычайныя трудности. Тунгусы бродили на огромныхъ пространствахъ, иногда по нѣскольку лѣтъ не возвращаясь въ мѣста, къ которымъ они приписаны. Въ числѣ мѣръ, предпринятыхъ Трескинымъ вслѣдствіе приведенныхъ уже Высочайшихъ повелѣній, предполагалось учредить запасный магазинъ въ Нижнеангарскѣ (Верхнеудинскаго уѣзда), для приписанныхъ тамъ тунгусовъ. На это Геденштромъ доносилъ [1], что сами тунгусы признаютъ эту мѣру безполезной, потому что они скитаются, то вблизи Лены даже до Олекминска, то не подалеку отъ Удскаго острога, то по Амуру, то въ вершинахъ Нерчи и Олекмы, и только разъ въ годъ собираются въ Ангарскія зимовья и къ Баунтовскому озеру для сдачи ясака. Такое донесеніе могло быть внушено Геденштрому и Трескинымъ, которому нужно было оправдать предъ правительствомъ извѣстные уже случаи голодной смерти, и въ понятіяхъ котораго вообще обезпеченіе существованія такихъ дикарей, какъ тунгусы, не имѣло особенной цѣны. Но мы увидимъ также, что и въ Якутской области подобное бродяжество тунгусовъ на весьма большихъ пространствахъ было очень обыкновенно.

Втеченіи 1819 г. и первой половины 1820 г., т. е. до отъѣзда изъ Иркутска, Сперанскій, по представленіямъ мѣстныхъ начальствъ, разрѣшилъ безвозвратныхъ выдачъ изъ суммъ казеннаго хлѣбнаго запаснаго капитала жителямъ отдаленныхъ мѣстъ, нуждавшимся въ продовольствіи, всего 10.222 р. Въ отношеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ въ іюлѣ 1820 г. онъ проситъ объ утвержденіи этихъ выдачъ. «Капиталъ здѣшнихъ запасныхъ магазиновъ, писалъ онъ министру, въ хлѣбѣ и въ наличныхъ деньгахъ составляетъ 782.498 р. [2]). Вся сія столь значительная сумма есть собственное пріобрѣтеніе прибылей отъ обращенія и продажи хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ произшедшее, и издержка изъ сего

[1]) Отн. 31 декабря 1817 г. № 1221.

[2]) «Первоначальный капиталъ запасныхъ магазиновъ состоялъ изъ 200.000 р., кои давно уже возвращены въ казну, настоящій же капиталъ 784.000 р. есть произведеніе однихъ прибылей» примѣчалъ Сперанскій.

капитала съ небольшимъ 10.000 р. не можетъ быть для него обременительною. Впрочемъ самое существенное сего капитала назначеніе въ томъ и состоитъ, чтобы прибыли, пріобрѣтаемыя имъ продажею хлѣба въ одномъ мѣстѣ, обращать въ пособіе обывателей въ другомъ, по усмотрѣнію дѣйствительной нужды».

Мѣры эти утверждены положеніемъ комитета министровъ 21 сентября 1820 г. [1]).

Ниже мы приводимъ свѣдѣнія какъ о тѣхъ пособіяхъ, которыя вошли въ составъ 10.000 р., такъ и о тѣхъ, которыя были разрѣшены уже уже послѣ іюля 1820 г.

Въ Якутской области и затрудненія въ продовольствіи, и мѣры къ устраненію ихъ, были довольно значительны. Въ сѣверной части области жители, вслѣдствіе неулова рыбы съ 1817 г., лишились всѣхъ своихъ собакъ, обѣднѣли въ звѣриныхъ промыслахъ, продовольствовались почти исключительно изъ казенныхъ магазиновъ и сильно въ нихъ задолжали [2]). Затруднительность положенія ихъ увеличивалась тѣмъ, что съ 1821 по 1824 г. находились между ними двѣ ученыя экспедиціи (Врангеля и Анжу), содержаніе которыхъ требовало большаго напряженія мѣстныхъ средствъ. Поразительную картину голода и нищеты въ Колымскомъ краѣ оставилъ намъ Врангель [3]). Голодъ былъ такъ великъ, что офицеры и нижніе чины экспедиціи Врангеля удѣляли въ пособіе бѣднымъ жителямъ часть своихъ скудныхъ запасовъ. Голодовку въ 1822 г. Цейдлеръ надѣялся отвратить собственными средствами. Коммисаръ отправилъ, для пособія жителямъ, до 382 п. 25 ф.

Назначеніе экспедиціи къ Ледовитому морю усилило потребность въ тѣхъ краяхъ въ хлѣбѣ. Вмѣсто 1101 п., первоначально назначавшихся къ перевозкѣ изъ Якутска въ Колыму на 1821 г., Сперанскій распорядился перевезти 1501 п., изъ нихъ 500 п. для экспедиціи. Въ доставкѣ этого добавочнаго хлѣба встрѣтились затрудненія, которыя были устранены только съ большими усиліями.

Въ 1820 г. изъ Якутскихъ запасныхъ магазиновъ назначено было къ отпуску въ отдаленныя мѣста 18000 п. Это распоряженіе было основано на томъ предположеніи, что, для продовольствія

---

[1]) Св. 213, № 9.

[2]) Св. 348, № 11 донес. Миницкаго 23 февраля 1820 г.

[3]) Путеш. Вран. т. I, 245, 240; II, 105—106, 179, 143—145. Св. 125, № 12, донес. Цейдлера 8 іюля 1822 г.

жителей, было достаточно частнаго хлѣба, котораго, по слухамъ, отправлено было въ Якутскъ немногимъ менѣе прошлогодняго. Затѣмъ къ августу 1820 г. запаснаго хлѣба оставалось въ Якутскѣ только 6166 п. 8½ ф. Но вольнаго хлѣба доставлено было мало, и даже въ это время, когда цѣны на него обыкновенно бывали дешевле, онъ продавался отъ 3 р. 90 к. до 4 р. п. Миницкій опасался затрудненій въ продовольствіи, и даже бѣдствій. Онъ просилъ обратить на мѣстное продовольствіе 18000 п., назначенные къ отсылкѣ въ отдаленныя мѣста, а въ замѣнъ ихъ отправить туда такое же количество хлѣба изъ провіантскаго магазина. Предположеніе это утверждено Сперанскимъ 26 сентября 1820 г., «по примѣру 1818 г.», какъ сказано въ предписаніи его Якутскому коммисіонерству, съ тѣмъ только, чтобы провіантскій хлѣбъ, какъ лежалый, былъ отпускаемъ въ продажу, а запасный хлѣбъ былъ отправленъ по назначенію. Онъ возложилъ на особенное попеченіе Миницкаго, чтобы хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ отпускался только лицамъ самаго бѣднаго состоянія, которыя не имѣютъ средствъ покупать его съ вольной продажи. Тогда же онъ предложилъ Зеркалееву, при отправленіи въ 1821 г. хлѣба для Якутскаго магазина, отправить и 18000 п., въ возвратъ занятаго изъ провіантскихъ магазиновъ [1]).

Тунгусы Мемяльскаго рода, князца Голикова, отъ худаго промысла рыбы и звѣря были доведены дотого, что не могли не только оплачивать ясакъ, но и пропитывать себя. Сперанскій, по представленію областнаго начальника, распорядился отпустить 5.000 р. на покупку для нихъ оленей, свинцу и пороху, и сверхъ того сложить съ нихъ долгъ въ запасные магазины, за выданный имъ заимообразно хлѣбъ, 225 рублей.

Зашиверскаго коммисарства, Жалжанскаго Ламутскаго рода, князецъ Готиловъ съ родовичами, употребивъ въ пищу ѣзжалыхъ своихъ собакъ и предвидя невозможность далѣе пропитываться въ своихъ жилищахъ отъ неулова рыбы, удалились отъ нихъ, и въ октябрѣ 1819 г. прибыли, почти нагіе, въ наслегъ Зашиверскихъ якутовъ Эльгетскаго улуса. Якуты сначала помогли имъ, но потомъ представляли невозможность пропитывать ламутъ потому, что звѣря и рыбы у нихъ едва было достаточно и для собственнаго пропитанія. Сперанскій, по представленію областнаго начальника, разрѣшилъ отпускать ламутамъ хлѣбъ изъ Зашиверскаго магазина безденежно, сколько будетъ нужно на необходимое пропитаніе [2]).

---

[1]) Св. 213, № 9.
[2]) Св. 213, № 9.

Въ 1819 г. якуты, ламуты и юкагиры Устьянскаго улуса, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, терпѣли нужду въ пропитаніи и не въ состояніи были заплатить деньги за выданный имъ хлѣбъ 67 п. 20 ф. на 445 р. 50 к. Недоимку эту, въ сентябрѣ 1820 г., велѣно исключить [1]). Областное правленіе просило еще сложить 7.375 р. 45 к. съ Колымскихъ жителей, за хлѣбъ, выданный имъ въ 1819 и 1820 годахъ. Но Сперанскій нашелъ возможнымъ только разсрочить эту недоимку на два или на три года. Онъ указалъ на то, что возможность взыскать этотъ долгъ доказывалась взаимнымъ ручательствомъ жителей внести деньги къ новому году [2]).

Кромѣ того, по распоряженію Мипицкаго, оказаны были въ 1820 г. пособія хлѣбомъ поселянамъ Охотскаго тракта и якутамъ Дюпсинскаго улуса и Баянгатайскимъ тунгусамъ, по крайне недостаточному состоянію [3]).

Для Голиковскихъ тунгусовъ, вмѣсто назначенныхъ на покупку оленей и пр. 5.000 р., было израсходовано только 2.744 р. 12½ к., слѣдовательно оставалось въ экономіи 2.255 р. 87½ к. Между тѣмъ въ Оймеконѣ терпѣли крайнюю бѣдность тунгусы Годниканскаго рода, бывшаго князца Рябина. Они питались «отъ человѣколюбія якутовъ» Борогонскаго и Кангаласскаго улусовъ. Зеркалеевъ распорядился отпустить имъ на покупку оленей, пороха и проч.— 1.000 р. изъ остатковъ отъ суммы, ассигнованной для Голиковскихъ тунгусовъ. Въ то же время онъ просилъ вознаградить якутовъ за убытки отъ продовольствія Годниканскихъ тунгусовъ, составлявшіе, по мѣстному исчисленію, до 3.500 р. Сперанскій разрѣшилъ употребить на это 1.000 р. изъ остатковъ отъ той же суммы. Остальныя 255 р. онъ предназначилъ на пособіе въ продовольствіи на будущіе подобные случаи. Впослѣдствіи деньги эти были обращены въ пособіе тунгусамъ Мемяльскаго улуса, которымъ выдано 401 р. 50 к. Распоряженіе это было утверждено съ тѣмъ, чтобы передержка противъ всей ассигнованной на тунгусовъ суммы 5.000 р. обращена была на запасный капиталъ [4]).

Тунгусы Ламынжинскаго рода находились въ такомъ же бѣдственномъ состояніи, какъ и Мемяльскіе. Мипицкій испрашивалъ имъ такого же рода пособія, и просилъ сложить съ нихъ 644 р. 60 к. казенной недоимки. Сперанскій, 7 іюля 1821 г., разрѣ-

---

[1]) Св. 213, № 9, предп. 19 сентября 1820 г.

[2]) Св. 213, № 9, предп. 26 октября 1820 г.

[3]) Св. 213, № 9, донес. Мипицкаго.

[4]) Св. 213, № 9, предп. 24 января 1821 г.

шилъ: 1) купить для нихъ нужныя пособія на сумму 1.500 р. Эту сумму онъ призналъ достаточною, по малозначительности предположенныхъ пособій въ сравненіи съ тѣми, какія были назначены Мемяльскимъ тунгусамъ, и 2) избавить ихъ съ 1821 г. отъ взноса денегъ на земскія повинности до тѣхъ поръ, пока не поправятся. Онъ предлагалъ взыскивать казенныя недоимки по возможности, потому что сложить ихъ, по законамъ, было нельзя [1].

Въ томъ же году было принято на счетъ капитала запасныхъ магазиновъ 408 р. $37\frac{1}{2}$ к. за хлѣбъ, выданный Зашиверскимъ жителямъ въ апрѣлѣ и маѣ 1820 г. Въ слѣдующемъ году (14 февраля) утверждены распоряженія Цейдлера по поводу неулова, въ лѣто 1821 г., рыбы и другихъ естественныхъ причинъ: 1) о довольствіи якутовъ Эльгешскаго улуса казеннымъ хлѣбомъ, за половинную цѣну; 2) о томъ, чтобы для ламутъ Ежанскаго рода, кромѣ пособія изъ частныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ ихъ пользу, были куплены олени, порохъ и свинецъ, на сумму не свыше 1.500 р., съ возвратомъ долга, и производился имъ отпускъ казеннаго хлѣба, бѣднымъ—безденежно [2].

Кромѣ пособій отъ казны, инородцы получали значительныя пособія въ продовольствіи и отъ частныхъ лицъ. Особенно заслуживаетъ вниманія, въ этомъ отношеніи, дѣятельность родоначальниковъ. Въ 1820 г., по бѣдности жителей Удскаго края, Миницкій представлялъ о покупкѣ для нихъ 11-ти коровъ и 2-хъ порозовъ (быковъ) на счетъ казны, съ разсрочкой возврата затраченной суммы на нѣсколько лѣтъ. На это предполагалось употребить деньги изъ 11.000 р. поселенческой суммы. Сперанскій, 5 ноября 1819 г., вполнѣ одобрилъ это предположеніе. Но коровъ и порозовъ, суммою на 2.400 р., пожертвовалъ голова Мегинскаго улуса, Поповъ; онъ же принялъ на себя и доставку ихъ на мѣсто [3]. Тунгускіе князцы Алексѣй Пономаревъ и Алексѣй Громовъ и Якутскій князецъ Михайло Поповъ въ 1819 и 1820 г. снабжали отдаленныхъ бѣднѣйшихъ тунгусовъ и якутовъ оленями и другими запасами, а ближайшихъ принимали къ себѣ и дѣлили съ ними собственные запасы. Громовъ и Пономаревъ вносили и ясакъ за ближайшіе изъ Якутскихъ родовъ. Князецъ и голова Кривошапкинъ болѣе двухъ мѣсяцевъ содержалъ до 40 человѣкъ своихъ родовичей. Голова и князецъ Поповъ пожертвовалъ для Удскихъ жителей скота цѣною до 3.000 р. Голова Батурускаго улуса, Григорій Старостинъ, въ

[1] Св. 213, № 9.
[2] Св. 213, № 9.
[3] Св. 213, № 9.

1818 г. пожертвовалъ 780 р. въ пользу поселянъ Охотскаго тракта и тотчасъ же доставилъ имъ купленный на эти деньги провіантъ, а въ 1820 г. поставилъ имъ до 150 п. хлѣба безъ всякой платы. Наконецъ сынъ Ламутскаго князца, Якимъ Корякинъ, нѣсколько разъ вывозилъ на свой счетъ изъ лѣсовъ цѣлый родъ голодавшихъ тунгусовъ, пропитывалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока это было нужно, снабжалъ ихъ безплатно оленями и посылалъ въ ихъ кочевья припасы [1]).

Въ Охотскомъ краѣ. Тотчасъ по назначеніи Сперанскаго Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, министръ полиціи (31 марта 1819 г.) сообщилъ ему находившіяся въ министерствѣ свѣдѣнія о затруднительномъ положеніи Охотскаго края въ продовольствіи и о мѣрахъ, принятыхъ мѣстнымъ начальствомъ, и, «по важности сего обстоятельства», просилъ его «немедленно войти въ разсмотрѣніе состоянія Охотскаго края по продовольствію и распорядиться къ обезпеченію въ ономъ жителей, если прежнія распоряженія окажутся недостаточными». Сначала Трескинъ доносилъ [2]), что вообще положеніе Охотскихъ жителей не представляетъ той крайности, какую описывалъ Ушинскій 24 іюня 1825 г.; онъ писалъ, уже съ донесенія Охотскаго начальника, что продовольствіе тамъ находится въ возможно *лучшемъ* положеніи; а къ маю, т. е. ко времени рыбнаго промысла, должно кончиться попеченіе начальства. Вѣроятно это и было причиной, что Сперанскій, получивъ донесенія Трескина вслѣдъ за требованіемъ министерства, не обратилъ на послѣднее особеннаго вниманія. Около того же времени Трескинъ представилъ особую записку, гдѣ описывалъ трудность сообщеній съ отдаленными мѣстами, въ доказательство «невозможности снабжать хлѣбомъ скитающихся народовъ и собирать отъ родоначальниковъ ихъ нужныя свѣдѣнія» [3]). 26 августа 1819 г. Трескинъ снова писалъ, что съ мая появилась рыба и продовольствіе Охотскихъ жителей отъ казны прекращено. Въ Тауйской крѣпости хлѣбъ хранился на крайній случай. Кромѣ того, какъ въ этой, такъ и въ Ямской крѣпости, Ушинскій предполагалъ возобновить рыбные запасы, уничтоженные во время голодовки. Но всѣ эти предположенія были слишкомъ гадательны, какъ увидимъ ниже.

---

[1]) Св. 85, № 26.

[2]) 16 апрѣля 1819, № 2010.

[3]) Св. 213, № 10-й, донес. 11 іюля 1819 г.

30 іюля Трескинъ уже доносилъ о бѣдственномъ положеніи тунгусовъ, отправляющихъ почтовую и обывательскую гоньбу по Якутскому зимнему тракту. Тунгусы эти, не имѣя средствъ къ пропитанію, вслѣдствіе неудачи промысловъ, съѣли своихъ ѣзжалыхъ оленей. Продолжать отправленіе гоньбы они не имѣли никакой возможности. Сперанскій, по ходатайству мѣстнаго начальства, распорядился отпустить 4.000 р. на покупку имъ оленей [1]).

«Съ симъ пособіемъ, писалъ онъ Ушинскому [2]), и при дѣятельномъ вашемъ попеченіи, я надѣюсь, что состояніе сихъ людей поправится».

«Вмѣстѣ съ симъ считаю нужнымъ просить васъ, составивъ подробную записку о дѣйствительныхъ нуждахъ ввѣреннаго вамъ управленія, и о средствахъ, какія по мѣстному положенію признаете вы наилучшими, прислать оную ко мнѣ, дабы, обозрѣвъ сіи предметы въ совокупности, можно было принять мѣры къ лучшему ихъ устройству».

Ушинскій распорядился отправить въ Тауйскъ 44 п. муки и просилъ разрѣшенія на расходъ денегъ на эту перевозку. Сперанскій (5 февраля 1820 г., № 79) призналъ это распоряженіе основательнымъ и требовалъ свѣдѣній, доставленъ ли туда хлѣбъ и достаточно ли обезпечены инородцы, живущіе около Тауйскаго форпоста. Хлѣбъ былъ доставленъ; его велѣно раздавать нуждающимся, и, сверхъ того, оставлено жителямъ 100 р. на покупку скота. Ямскіе жители, которые прежде также терпѣли недостатокъ въ продовольствіи, теперь имѣли уже достаточное количество запасовъ. Изъ 4.000 р., выданныхъ на покупку оленей для Тунгусовъ, Ушинскій успѣлъ сберечь для будущихъ покупокъ 875 р.

Гижигинскимъ казакамъ, во время голодовки 1815—1817 года, выдавался хлѣбъ изъ вѣдомства казенной экспедиціи. Хлѣбъ этотъ, еще по положенію комитета министровъ 22 мая 1817 г., велѣно было принять насчетъ казны. Между тѣмъ Гижигинскій коммисаръ Бруже, въ обезпеченіе слѣдовавшихъ за этотъ хлѣбъ денегъ, удерживалъ ихъ изъ жалованья казаковъ. Удержанная такимъ образомъ сумма составила 3.944 р. 33¼ к. Съ 16 апрѣля 1818 г. по 1820 г. Гижигинскимъ жителямъ выдано было въ пособіе 813 п. ¼ ф. муки на 6.548 р. 96½ к. Сперанскій, вслѣдствіе представленія начальника Охотскаго порта, распорядился

[1]) Св. 239, № 9.

[2]) Св. 213, № 7, предп. 5 октября 1819 г.

весь этотъ хлѣбъ принять на счетъ запаснаго капитала, а удержанныя у казаковъ деньги немедленно роздать по принадлежности [1]).

Тотъ же невыходъ въ рѣку рыбы, который былъ причиной голодовки Гижигинскихъ жителей въ предъидущіе годы, побудилъ мѣстное начальство отнести на попеченіе казны продовольствіе бѣднѣйшихъ изъ нихъ, съ ноября 1819 до лѣта 1820 года. Всего, съ января по іюнь 1820 г., выдано имъ 232 п. $32^{3}/_{4}$ ф. на 1.908 р. $53^{3}/_{4}$ к. Кромѣ того Ушинскій доносилъ, что въ Гижигѣ запасъ хлѣба вѣдомства казенной экспедиціи, по неулову рыбы, не можетъ быть достаточенъ на пропитаніе бѣдныхъ жителей. Сперанскій, въ предписаніи Ушинскому, отъ 20 апрѣля 1820 г., вполнѣ одобрилъ распоряженіе Крузе о выдачѣ хлѣба бѣднѣйшимъ жителямъ, а по поводу опасеній Ушинскаго о недостаткѣ хлѣба писалъ: «На сей случай имѣете уже вы полное разрѣшеніе, изъясненное въ предписаніи моемъ, отъ 20 марта, № 173, коимъ предоставляется вамъ право употреблять возможныя средства, чтобы край сей былъ обезпеченъ жизненными потребностями въ такомъ количествѣ, какого народная нужда требовать будетъ; слѣдовательно зависитъ отъ усмотрѣнія уже вашего, до какого количества нужно увеличить пропорцію отправляемаго туда хлѣба. Въ такомъ же случаѣ, если состоящаго налицо въ Охотскихъ магазинахъ хлѣба, принадлежащаго казенной экспедиціи, на сіе не будетъ достаточно, то можете позаимствовать изъ запасовъ другого вѣдомства». Деньги за розданный жителямъ хлѣбъ Сперанскій, по ходатайству Ушинскаго, распорядился въ послѣдствіи принять насчетъ капитала запасныхъ магазиновъ.

Кромѣ того и вообще въ Охотскомъ краѣ, вслѣдствіе скуднаго промысла рыбы зимою $18^{19}/_{20}$ г., выдавался жителямъ хлѣбъ, частію въ одолженіе, частію безденежно. Ушинскій представлялъ еще о томъ, чтобы и сумы, въ которыхъ привозится хлѣбъ въ Охотскъ, выдавались безденежно вмѣстѣ съ хлѣбомъ, такъ какъ цѣна ихъ уже входитъ въ цѣну хлѣба. Но въ этомъ ему отказано потому, что заготовленіе сумъ было вообще весьма затруднительно для казны. Къ этому отказу былъ однакожъ прибавленъ слѣдующій PS: «Впрочемъ, какъ могутъ быть случаи, въ коихъ дѣйствительно людямъ весьма бѣднымъ нельзя достать нужнаго для раз-

[1]) Св. 213, № 7, предп. 20 апрѣля 1820 г., № 271.—Въ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ, іюля 1820 г., о которомъ мы уже упоминали, Сперанскій говоритъ объ отпускѣ Гижигинскимъ жителямъ хлѣба за это время только на 997 р. $12^{3}/_{4}$ коп. Мы не могли разъяснить причины этой разницы.

даваемой имъ муки помѣщенія: то и предоставляю таковые случаи ближайшему вашему хозяйственному усмотрѣнію, бывъ увѣренъ, что уступка имъ сумъ будетъ ограничена дѣйствительною необходимостью» [1].

Въ томъ же году Сперанскій разрѣшилъ принять на счетъ запаснаго капитала 1.434 р., употребленные, въ 1819 г., на продовольствіе Гижигинскихъ жителей, на основаніи положенія комитета министровъ 1817 г. [2].

До какой степени Сперанскій заботливо собиралъ свѣдѣнія о состояніи и продовольственныхъ средствахъ Охотскаго края, видно изъ того, что въ 1820 г. онъ словесно поручилъ какому-то Курскому мѣщанину Сергѣю Климову, жившему въ Иркутскѣ, доставить ему письменныя свѣдѣнія объ этомъ. Но Климовъ зналъ только то, что въ 1819 г. по всей Охотской округѣ промыселъ рыбы былъ бѣденъ, происходилъ недостатокъ въ продовольствіи, и что этотъ недостатокъ отчасти былъ устраненъ тѣмъ, что въ селеніи Паренскомъ, въ 180 верст. отъ Гижиги, по тракту къ Камчаткѣ, было выброшено моремъ до десяти китовъ [3].

Въ продовольствіи самаго Охотска на зиму $18^{20}/_{21}$ г. встрѣтилось неожиданное подспорье. Въ половинѣ октября 1820 г., «къ общему удовольствію Охотскихъ жителей, въ 25 верстахъ отъ Охотска выкинуло на берегъ кита, длиною до 8 саж. Тѣло его было свѣжее, здоровое, въ пищу годное». По распоряженію Упинскаго, нарѣзано съ кита до 882 п. жиру. Половина его обращена на продовольствіе мѣстныхъ жителей; другая оставлена для обезпеченія продовольствія приходившихъ съ горъ тунгусовъ, нуждавшихся въ пищѣ [4]. Эта предосторожность оказалась весьма нелишнею. Въ мартѣ 1821 г., жившіе около Охотска тунгусы, издержавъ съѣстные припасы, явились къ Упинскому съ просьбою о продовольствіи ихъ хлѣбомъ [5]. Въ іюнѣ и іюлѣ того же года въ Охотскѣ были почти безпрерывные дожди; рѣки разлились; Якутскія тяжести шли весьма медленно, подвергались подмочкѣ и поврежденію. Рыба изъ моря вверхъ по Охотѣ и Кухтую прошла по срединѣ этихъ рѣкъ, и жители лишились возможности запастись ею [6].

---

[1] Св. 212, № 7.

[2] Предп. 22 іюля 1821 г.—Св. 213, № 9.

[3] Письмо Климова 20 іюня 1820 г.—Св. 212, № 7.

[4] Св. 125, № 12.

[5] Св. 125, № 12.

[6] Св. 125, № 12.

Въ 1820 г. въ Охотскомъ краѣ опять былъ худой промыселъ рыбы. Бѣднѣйшіе изъ якутовъ и тунгусовъ питались въ 1821 г. казеннымъ хлѣбомъ, котораго выдано было на 1.178 р. 32¾ к. Ушинскій просилъ принять эту сумму на счетъ запаснаго капитала. Въ то же время онъ представлялъ, что принятое по распоряженію Трескина правило, требовать отъ тѣхъ, которые имѣютъ нужду въ возвратномъ пособіи хлѣбомъ, удостовѣренія родоначальниковъ или заслуживающихъ довѣрія родовичей о бѣдномъ ихъ состояніи,—невыполнимо: тунгусы и якуты, кочуя отдѣльно отъ своихъ родоначальниковъ, являлись въ Охотскій портъ и просили пособія по одиночкѣ; мѣстный начальникъ не имѣлъ никакой возможности собирать удостовѣренія, а пособіе требовалось безотлагательно. Ушинскій просилъ объ отмѣнѣ этого правила, съ тѣмъ, чтобы снабженіе нуждающихся хлѣбомъ было возложено на попеченіе и отвѣтственность мѣстнаго начальника. Сперанскій, 2 сентября 1821 г., разрѣшилъ это, съ тѣмъ только, чтобы губернатору представлялись вѣдомости о томъ, сколько, кому и на какую сумму выдано хлѣба. Тогда же онъ распорядился принять 1.178 р. 32 к., за израсходованный хлѣбъ на счетъ запаснаго капитала, «на основаніи извѣстнаго положенія комитета министровъ» [1].

На основаніи тѣхъ же распоряженій высшаго правительства, Сперанскій разрѣшилъ губернатора принять на счетъ этого капитала 1.204 р. 78 к., употребленныхъ на продовольствіе жителей Охотской округи съ 1820 г. (23 сентября 1821 г.), и утвердилъ (23 декабря) распоряженіе Цейдлера о принятіи на счетъ того капитала 684 р., употребленныхъ Охотскимъ князцемъ Летлевымъ на пропитаніе родовичей Тунгускаго князца Аммосова, во время бывшей у нихъ голодовки. Еще раньше того принято было Зеркалеевымъ на счетъ запаснаго капитала 2.884 р. 59¼ к., употребленныхъ Гижигинскимъ коммисаромъ Крузомъ на продовольствіе оленныхъ корякъ [2].

Хлѣбъ въ магазины Тауйскій и Ямскій не могъ быть отправленъ ранѣе лѣта 1821 г., т. е. до общаго отправленія судовъ въ Гижигу и Камчатку [3]. Изъ Ямской крѣпости возвратился между тѣмъ коммисаръ Зыряновъ. Онъ доносилъ Ушинскому, что тамошніе жители, какъ русскіе, такъ и инородцы, не имѣютъ нужды въ

---

[1]) Св. 213, № 9.
[2]) Св. 213, № 9.
[3]) Св. 15 дѣло о Гижигѣ.

пропитаніи. Лѣтомъ и осенью они довольствуются запасами свѣжей и сушеной рыбы, «а также птицами, морскими звѣрями и всякими земляными произведеніями», до новыхъ промысловъ, безъ недостатка [1]). Промыселъ рыбы въ Гижигѣ лѣтомъ 1821 г. былъ лучше прежнихъ пяти лѣтъ, но не могъ еще вполнѣ обезпечить продовольствія. Бѣдные жители, особенно неимѣвшіе способовъ къ промыслу, до половины ноября питались пособіемъ зажиточныхъ; съ половины ноября, когда запасы уже истощились, 24 человѣка продовольствовались на счетъ частныхъ пожертвованій [2]). Хлѣбъ отпускался изъ казенныхъ магазиновъ, и бѣднѣйшимъ безденежно [3]). Но вообще въ 1821 г. промыселъ рыбы въ Охотскомъ морѣ былъ изобильный, и затрудненія въ продовольствіи значительно уменьшились [4]).

Едва ли не послѣднимъ актомъ попеченій Сперанскаго о продовольствіи отдаленныхъ мѣстъ было предписаніе его Цейдлеру, отъ 2 декабря 1821 года. Начальникъ Охотскаго порта представилъ Зеркалееву требовательныя вѣдомости о суммахъ, провіантѣ, припасахъ и матеріалахъ, нужныхъ для Охотскаго и Петропавловскаго портовъ на 1822 годъ. «Озабочиваясь, чтобы означенные порты снабжены были всѣмъ необходимымъ въ свое время, писалъ Сперанскій Цейдлеру, я прошу ваше превосходительство, соображаясь съ предъидущими распоряженіями, употребить возможныя средства, чтобы требованія начальника Охотскаго порта удовлетворены были немедленно; въ особенности сумма, провіантъ и разные припасы доставлены были непремѣнно въ полныхъ количествахъ». Въ заключеніе онъ требовалъ подробную вѣдомость о всемъ томъ, что будетъ отправлено [5]).

Въ Камчаткѣ. Начальникъ Камчатки Рикордъ, 5 Декабря 1818 г., доносилъ губернатору, что онъ «поставленъ въ крайне непріятное для него положеніе и затруднительность, доносить съ каждою почти почтою о здѣшнихъ недостаткахъ жизненныхъ потребностей». Лѣтомъ, 1818 г., въ Камчаткѣ опять былъ неуловъ рыбы; вредныя послѣдствія его отвращены были дѣятельными мѣрами Рикорда; хлѣба, по его отзыву, было достаточно. Но 27 января 1819 г. (№ 40) онъ уже доноситъ, что въ селеніяхъ къ Верхнекамчатску свирѣпствуетъ голодъ и онъ опасается погубныхъ послѣдствій; въ селе-

---

[1]) Св. 125, № 12.

[2]) Барановъ пожертвовалъ 30 р., прочіе 260 р., Коряки 11 пуд. рыбы.

[3]) Св. 125, № 12.

[4]) Донес. Цейдлера 16 ноября 1821 г. Св. 212, № 7.

[5]) Св. 214, № 24.

ніяхъ до Нижнекамчатска, хотя также былъ голодъ, но жители были уже обезпечены хлѣбомъ.

Между тѣмъ Трескинъ (отъ 16 апрѣля 1819 г., № 2044) доносилъ, что Камчатскіе жители не только въ настоящее время не нуждаются въ продовольствіи, но и будущее продовольствіе ихъ совершенно обезпечено казенными запасами. Справедливость такого донесенія была болѣе нежели сомнительна. По разсчету Сперанскаго, въ Камчаткѣ, къ 1820 г., должно было оставаться не болѣе 7000 п., тогда какъ обыкновенный ежегодный расходъ по военному и гражданскому вѣдомствамъ составлялъ до 8000. Въ 1818 и 1819 годахъ, изъ назначеннаго къ отправкѣ въ Камчатку изъ Охотскаго порта количества хлѣба, не было отправлено болѣе 5000½ п. Сперанскій нашелъ нужнымъ усилить отправку въ 1820 г. хлѣба въ Камчатку до 8000 п., предполагая притомъ, что и недосланные 5000½ п. отправлены туда осенью 1819 г., или будутъ отправлены немедленно весною 1820 г. Сперанскій потребовалъ отъ Уппнскаго объясненія причинъ, по которымъ онъ не отправилъ своевременно этотъ послѣдній хлѣбъ и обязывалъ его «принять на будущее время за правило, всѣ назначенія, слѣдующія въ Камчатку, особливо хлѣбныя, всемѣрно стараться отправлять въ свое время. Между тѣмъ, если бы въ теченіи времени вошли отъ начальника Камчатки и новыя требованія хлѣба, не входящія въ настоящее назначеніе, то удовлетворять ихъ изъ Охотскихъ запасовъ по самой крайней возможности» [1]. Но Уппнскій отвѣчалъ на это, что недоставка въ 1818 и 1819 г. хлѣба въ Камчатку произошла отъ малочисленности и негодности судовъ и оттого, что всѣ суда были отправлены съ полнымъ грузомъ, отмѣнить котораго онъ никакъ «не могъ, даже и купеческихъ товаровъ, о коихъ было особенное предписаніе отъ г. бывшаго гражданскаго губернатора, чтобы непремѣнно брать товары купеческіе».— «Почему и нынѣ пропорцію хлѣба усилить высылкою въ Камчатку, до постройки новыхъ транспортовъ, я никакъ не могу», прибавилъ Уппнскій [2]. Такимъ образомъ продовольствіе Камчатки должно было оставаться въ прежнемъ необезпеченномъ положеніи. Впрочемъ, во время управленія Сперанскаго, запасовъ въ Камчаткѣ было достаточно и продовольствіе не требовало уже никакихъ особенныхъ мѣръ, кромѣ постройки новыхъ судовъ, о чемъ съ особенною настойчивостью и успѣхомъ представлялъ Сперанскій министрамъ внутреннихъ дѣлъ

[1] Св. 213, № 15, предпис. 5 дек. 1819. См. прилож.

[2] Св. 213 № 15, донес. 5 февр. 1820 г.

и морскому. Кромѣ того насчетъ капитала запасныхъ магазиновъ принято 249 р. 53¼ к. за хлѣбъ, выданный бѣднѣйшимъ жителямъ въ 1818 г., и разрѣшено Рикорду покупать для бѣдныхъ Камчадаловъ скотъ насчетъ экономической суммы [1]).

Тобольская и Томская губерніи, въ отношеніи къ продовольствію, находились несравненно въ лучшемъ положеніи, нежели Иркутская. Постоянные, изобильные урожаи дѣлали здѣсь невозможными тѣ общія затрудненія въ продовольствіи, какія постигали Иркутскую губернію; въ безхлѣбныя мѣстности продовольствіе доставлялось изъ самыхъ хлѣбородныхъ, сплавомъ по двумъ огромнымъ рѣкамъ Оби и Енисею. Задрудненія въ продовольствіи этихъ мѣстностей могли быть слѣдствіемъ только или непредусмотрительности, или какихъ нибудь особенныхъ чрезвычайныхъ обстоягельствъ; бѣдственное положеніе, въ какомъ находилось продовольствіе отдаленныхъ частей Туруханскаго края, происходило именно частію отъ безпечности, частію отъ злоупотребленій мѣстныхъ властей. Наконецъ здѣсь не было монопольной Трескинской системы, а частныя попытки мелкихъ чиновниковъ къ монополіи могли приносить только случайный вредъ.

Въ 1818 г. въ Тобольской губерніи, на 249004 рев. души муж. и 271192 д. женскаго пола, было хлѣба:

	озимаго	яроваго
посѣяно	144592 ч. 7 ч.	412.710 ч. 3 ч.
родилось	731699 ч. 7 ч.	3.194.827 ч.

Изъ урожая отчислялось:

На посѣвъ	102695 ч. 1 ч. ½ г.	521813 ч. 1 ч.
На продовольствіе . .	520196 ч.	1040392 ч.
Затѣмъ оказывалось въ избыткѣ	184951	1706362 ч.
Въ недостаткѣ нѣкоторымъ уѣздамъ . . [2])	77052 ч.	73745 — 7 ч.
Слѣдовательно, по всей губерніи считалось въ избыткѣ	107899 ч.	632616 ч. 1 ч.

---

[1]) Св. 14, № 17. Св. 123, № 15. Св. 125, № 8. Св. 213, № 9.

[2]) Тобольскому, Тюменскому и Туринскому. На продовольствіе отчислялось по 1 ч. озим. и 2 ч. яроваго на каждую ревизскую душу. Березовскій уѣздъ, въ которомъ хлѣбопашество не производилось, вовсе не входилъ въ счетъ.

Изъ этого общаго избытка слѣдовало еще отчислить 101059 ч. на продовольствіе войскъ и 75000 ч. на дѣйствіе четырехъ винокуренныхъ заводовъ. Затѣмъ оставалось 564456 ч. совершенно свободнаго хлѣба, для продовольствія Березовскаго уѣзда, для оборота внутри и сбыта внѣ губерніи. Продовольствіе малочисленнаго русскаго населенія Березовскаго уѣзда обезпечивалось частію привозныиъ вольнымъ хлѣбомъ, частію казенными запасными магазинами; остяки продовольствовались своими промыслами, и только въ случаяхъ неудачи ихъ, обращались къ пособію казенныхъ магазиновъ. Частный недостатокъ хлѣба въ нѣкоторыхъ уѣздахъ съ избыткомъ возмѣщался общимъ изобиліемъ его по губерніи [1]:

Таковы были продовольственныя средства Тобольской губерніи въ первый годъ управленія Сперанскаго. Ясно, что и значительно меньшій въ этомъ году урожай противъ предъидущаго года не могъ возбудить какихъ либо серьезныхъ затрудненій въ продовольствіи.

Въ 1819 г. было:

	озимаго	яроваго
посѣяно	102695 ч. 1 ч.	521817 ч. 4 ч.
родилось	351154 —	1494651 ч. 1. [2]).

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ распредѣляло губернское начальство потребности изъ этого урожая, но если принять для этого цифры 1818 г., то общая потребность по губерніи составитъ 2361155 ч., т. е., на покрытіе ея недоставало хлѣба изъ урожая 1819 г. 515350 ч., все еще значительно менѣе того, что оставалось въ избыткѣ отъ урожая 1818 г.

Система обезпеченія продовольствія посредствомъ казенныхъ и общественныхъ запасовъ также была весьма удовлетворительна.

Учрежденіе казенныхъ магазиновъ въ Тобольской губерніи относится еще къ началу второй половины прошедшаго столѣтія. На это было отпущено въ 1768 г. 100.000 рублей, по представленію Сибирскаго губернатора Чичерина. Впослѣдствіи, по указу 9 ноября 1783 г., изъ отпущенной на магазины Тобольской губерніи суммы было отчислено 50 000 р. на заведеніе магазиновъ Пермской губерніи. Несмотря на то, капиталъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ Иркутской губерніи составлялъ въ 1804 г. уже 84.727 р. 75¼ коп. Изъ нихъ, при открытіи Томской губерніи, отчислено въ эту губернію, въ хлѣбѣ, деньгахъ и магазинахъ,

---

[1]) Св. 55, № 9, дѣло 14-е.

[2]) Св. 55, № 9, дѣло 15-е.

32.627 р. $15\frac{1}{4}$ к. Тѣмъ не менѣе въ 1819 г. капиталъ этотъ составлялъ уже:

въ деньгахъ		76.825 р. $18\frac{3}{4}$ к.
въ хлѣбѣ:	наличномъ	52.009 — $45\frac{1}{2}$ к.
	долговомъ	71.265 — $33\frac{1}{2}$ —
		200.099 р. $97\frac{1}{2}$ к. [1])

А къ 1 декабря 1820 г. [2]):

въ деньгахъ		56.400 р. $94\frac{1}{4}$ к. [3])
въ хлѣбѣ:	наличномъ	186.999 — $28\frac{1}{2}$ —
	долговомъ	88.733 — 90 —
		332.134 р. 13 к.

Хлѣбъ продавался на наличныя деньги и въ долгъ. По недостатку денегъ у инородцевъ, въ 1815 г., было разрѣшено продавать имъ хлѣбъ на мягкую рухлядь. Принятая въ уплату за хлѣбъ рухлядь немедленно продавалось въ Березовѣ съ публичнаго торга, при старшинѣ той волости, изъ которой поступила рухлядь; излишекъ противъ слѣдовавшей въ казну суммы возвращался инородцамъ.

Всего въ Тобольской губерніи [4]) было восемь казенныхъ магазиновъ.

Въ ноябрѣ 1820 г., Сперанскій потребовалъ свѣдѣній о томъ, сколько, втеченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, было выдано жителямъ хлѣба изъ магазиновъ безденежно. Фонъ-Бриннъ отвѣчалъ, что такихъ выдачъ по его губерніи вовсе не было. Одно уже это доказываетъ, въ какомъ удовлетворительномъ положеніи вообще находилось продовольствіе губерніи.

Сельскихъ запасныхъ магазиновъ, на 204433 ревизск. души, считалось 368. Въ нихъ къ 1820 г. состояло хлѣба:

	озимаго	яроваго
на лицо	265.513 ч. — ч. $4\frac{3}{4}$ г.	52.932 ч. 7 ч. $3\frac{3}{4}$
въ недоборѣ	334 — 6 — 4 —	41 — 7 — $1\frac{1}{2}$

[1]) Св. 55, № 9. Впрочемъ счеты капитала за 1811—19 г. не было обревизованы. По другимъ свѣдѣніямъ считалось хлѣба наличнаго на 82.647 р. $37\frac{1}{2}$ к., долговаго на 69.569 р. $21\frac{1}{2}$; денегъ при магазинахъ (а не въ казначействахъ) 3.459 р. $6\frac{1}{2}$ к., итого 155.675 р. $65\frac{1}{2}$ к., но и этотъ счетъ не признавался положительнымъ.

[2]) Св. 55, №9, Тобольскій, Самарскій и Дельяновскій – Тобольскаго уѣзда; Березовскій Сургутскій, Кончинскій, Обдорскій и Кушеватскій— въ Березовскомъ.

[3]) Впрочемъ, по неизвѣстности, замѣнены ли изъ запасной суммы тѣ деньги, которыя были отпущены на счетъ ея изъ другихъ суммъ, было неизвѣстно, всѣ ли эти деньги принадлежатъ запасному капиталу. Притомъ увеличеніе капитала въ одинъ годъ слишкомъ на 50% весьма сомнительно.

[4]) Св. 55, № 9. Всего исключено со счетовъ: въ 1820 г., по сенатскому указу, 141 р. 4 к. недоимки, считавшейся на чиновникѣ Рѣдкинѣ еще съ 1793 года, въ 1818 г.— 11053 п. 25 ф. сгорѣвшаго въ 1806 г. въ Березовскомъ магазинѣ хлѣба.

въ заимообраз-
ной ссудѣ 5616 — 2 — 5¾ — 1128—6—1.

271464 ч. 1 ч. 6½ г. 54.103—5— ½ г.

Большая часть Томской губерніи находилась еще въ лучшемъ положеніи, нежели Тобольская. За исключеніемъ Туруханскаго и частію Нарымскаго уѣздовъ, она представляла картину необыкновенно богатыхъ урожаевъ. Частные неурожаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служили поводомъ въ заведенію тамъ магазиновъ, и слѣдовательно къ обезпеченію этихъ мѣстъ па будущее время. Но уже съ 1816 г. урожаи хлѣба въ этой губерніи постоянно превышали два милліона четвертей и представляли огромные избытки. Статистическія данныя того времени представляютъ слѣдующія свѣдѣнія:

Въ 1818 г. число душъ
муж. женск.
губ. вѣд. 91796 90228 посѣяно: родилось:
заводск. — 86795 — 90284. озим. яроваго озимаго яроваго.
359.103 122.902 ч. 7 г. 316.956 ч. 3. ч. 7 г. 827.137—21316.500 3—3
Въ 1819 г. 118951 — 6 — 2 314524 — 6 — 769.390 — 1 — 7 1.180.384 7 — 1.
Въ 1820 г. 115.630 — 2 — 327.165 — 1 — 2½ 688.423. 5 — 7 1.417.427 7 — 1

Подробнаго расчета о потребностяхъ въ хлѣбѣ по Томской губерніи за это время мы не нашли. Но уже въ донесеніяхъ объ урожаѣ 1818 г. Илличевскій писалъ, что хлѣба, за отдѣленіемъ на посѣвъ, будетъ совершенно достаточно на продовольствіе всего населенія, «не исключая и ясачныхъ», на продовольствіе войскъ, на производство винокуренія на трехъ заводахъ и на прочія надобности [1]). Въ дѣйствительности, безъ сомнѣнія, были огромные остатки: ибо если отчислять на посѣвы, сообразно съ дѣйствительнымъ расходомъ, по 440000 четв., на продовольствіе, по примѣру Тобольской губерніи, по 3 четв. на душу, т. е. 1,077,000, и на войска и винокуреніе, по примѣру Тобольской губерніи, до 176000 четв. (что было слишкомъ много, такъ какъ и войскъ, и заводовъ было въ Томской губерніи менѣе, нежели въ Тобольской), то потребность въ хлѣбѣ должна была составлять 1693000 четв., и избытки въ хлѣбѣ должны были составлять ежегодно отъ 400 до 450000 четвертей на населеніе, почти вдвое меньшее противъ населенія Тобольской губерніи.

Капиталъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ Томской губерніи, какъ уже сказано, образовался изъ 32.627 р. 15¼ к., отчислен-

¹) Св. 55, № 9, дѣла 14 и 15.

ныхъ изъ Тобольскаго капитала. Въ 1820 г. на счетъ этого капитала существовали 47 магазиновъ [1]). Но главными считались только Туруханскій, Имбатскій, Енисейскій, Нарымскій, изъ которыхъ хлѣбъ развозился въ другіе, Кузнецкій, и въ домѣ Молчановой Богородскаго коммисарства. Въ два послѣдніе магазина уже въ 1820 г. было признано излишнимъ заготовлять хлѣбъ, по изобильному вообще урожаю въ Томской губерніи, и особенно въ Кузнецкомъ уѣздѣ.

Весь капиталъ къ 1820 г. составлялъ въ деньгахъ 15.469 р. $92\frac{1}{2}$ к., хлѣба наличнаго на 53.463 р. $68\frac{1}{2}$ к.

Втеченіи десятилѣтія 1810—1820 г. было роздано изъ магазиновъ безденежно всего 22750 п. $16\frac{3}{4}$ ф. хлѣба, на 26.823 р. $3\frac{1}{4}$ к.

Кромѣ казенныхъ магазиновъ, въ Томскѣ, Енисейскѣ и Красноярскѣ находились общественные магазины, состоявшіе въ вѣдѣніи городскихъ думъ. Въ нихъ считалось хлѣбомъ и деньгами 17.666 р. $29\frac{1}{4}$ к. Въ Красноярскѣ же и на Абаканской границѣ Красноярскаго уѣзда были общественные казачьи магазины, первый въ вѣдѣніи городничаго, а второй Абаканскаго пограничнаго дозорщика. Въ этихъ магазинахъ находился только хлѣбъ—всего 4550 п. Какъ городскіе, такъ и казачьи общественные магазины были учреждены въ 1813—1816 г., какъ объяснялъ Илличевскій, по распоряженію и побужденію мѣстнаго начальства.

Для казенныхъ магазиновъ было заготовлено въ 1819 г. 44200 п., для общественныхъ 6015 п. 10 ф. [2]), всего 50215 п. 10 ф. Заготовленіе хлѣба обходилось казнѣ отъ $17\frac{3}{4}$ к. до 1 р. 50 к. пудъ [3]).

---

[1]) Туруханскій, Курейскій, Львіій, Таймурскій, Устьтурыжскій, Таминскій, Устькурейскій, Карасинскій, Луапскій, Авамскій, Плахинскій, Хантайскій, Дудинскій, Хетскій, Толстоносовскій, Байшинскій у церкви, у часовни, у р. Блудной, Имбатскій, Новоселовскій, Нижнеимбатскій, Новоабакановскій—въ Туруханскомъ уѣздѣ. Два Нарымскихъ (одинъ временный для Ясачныхъ) и Тогурскій—въ Нарымскомъ; Енисейскій, Маковскій, Ярцовскій, Каменскій, Пржинеевскій, Кежемскій, Назимовскій, Вороговскій, Подкаменнотунгусскій, Чедобскій, Бедобинскій, Бидейскій, Яркинскій, Петропавловскій, Усницкій (Усть-Ингскій), Понамаревскій, Шадринскій, Никулинскій, Зоинскій—въ Енисейскомъ; Кузнецкій городской—въ Кузнецкомъ и временный Майковскій (Молчановскій) въ Томскомъ уѣздѣ.

[2]) Въ Енисейскій и Красноярскіе (городовой и казачьи) общественные магазины хлѣба не заготовлялось.

[3]) Для Туруханскаго магазина въ 1 р. 23 к., для Имбатскаго въ 1 р. $13\frac{1}{2}$ к., въ магазины, состоявшіе въ вѣдѣніи смотрителя поселенцевъ Давыдова, въ 90 к. и 1 р. 50 к., въ магазины Нарымскаго уѣзда въ 86 к. и 1 р. 20 к., въ магазины Богучанскаго коммисарства отъ 75 к. до 1 р. 11 к., Еланскаго отъ $71\frac{3}{4}$ до 1 р. $7\frac{3}{4}$ к. пудъ.

Вольными продавцами было сплавлено хлѣба по Енисею въ Туруханскій уѣздъ 30357 п. отъ 70 до 80 к., въ Нарымскій по Оби, 19978 п. отъ 75 к. до 1 р. 25 к., въ Богучанское коммисарство Енисейскаго уѣзда 2388 п. отъ 55 к. до 1 р. 50 к., въ Богородское коммисарство 500 п. отъ 55 до 60 к. Всего въ отдаленныя мѣста было доставлено на вольную продажу 53223 п. Кромѣ того, въ Нарымъ привозился хлѣбъ на продажу изъ ближайшихъ селеній Богородскаго коммисарства. Жители городовъ Томска и Енисейска продовольствовались хлѣбомъ изъ ближайшихъ селеній, и частію изъ общественныхъ магазиновъ. Прочіе уѣзды Томской губерніи не только не нуждались въ хлѣбѣ, но еще сбывали часть своихъ запасовъ въ другія мѣста.

Сельскихъ запасныхъ магазиновъ считалось въ Томской губерніи, на 159710 рев. душъ 788. Въ нихъ числилось хлѣба:

	озимаго	яроваго
на лицо	235152 ч. — » — 4 г.	131606 — 4 — 1½
въ недоимкѣ	472 — 7 — 4½	59 — » — 7½
	235625 — » — ½	131665 — 5 — 1 [1]).

Къ мѣрамъ обезпеченія продовольствія относилась и продажа въ Енисейскѣ пороха, предмета крайне необходимаго въ этой звѣроловной странѣ. Продажей его, по собственной волѣ, занималась Енисейская городская дума. Порохъ продавался по вольной цѣнѣ. Сперанскій [2]) разрѣшилъ думу, изъ вырученной за порохъ суммы употребить 500 р. на отстройку больницы, а на будущее время доходы отъ продажи его зачислять въ городской доходъ.

Сперанскій, повидимому, нѣсколько сомнѣвался въ вѣрности цифръ, показанныхъ въ донесеніяхъ мѣстнаго начальства о состояніи магазиновъ. Онъ возлагалъ на отвѣтственность губернскаго правительства и особенно губернатора, чтобы положеніе магазиновъ въ самомъ дѣлѣ было таково, какъ показано въ вѣдомостяхъ [3]).

Въ первой главѣ нашего труда мы уже говорили о томъ бѣдственномъ положеніи, въ какомъ находилось продовольствіе сѣверныхъ частей Томской губерніи. Самъ Илличевскій, въ донесеніяхъ

¹) Въ ссуду нисколько роздано не было.

²) Предписаніемъ, даннымъ въ Енисейскѣ 13 августа 1819 г. Св. 107, № 39. См. прилож.

³) Переписка: пред. Томск. губ. прав. іюля 1819 г.

своихъ Сперанскому, подтверждалъ этотъ фактъ. Онъ доносилъ, что голодовка въ Туруханскомъ краѣ продолжалась съ 1805 г., т. е. съ самаго открытія Томской губерніи, по 1813 г. включительно[1]). Въ 1805 г. умерло съ голоду 18 мужчинъ и 13 женщинъ тунгусовъ, вышедшихъ изъ Жиганскаго улуса Якутской области. Въ 1807 г. умерло съ голоду 31 человѣкъ. Въ 1808 г. умерла дочь крестьянина Попова, а самъ онъ опухъ съ голоду. Въ 1810 г. тунгусъ Налченовъ убилъ и съѣлъ двухъ дочерей и до 40 человѣкъ погибло съ голоду [2]). Эти свѣдѣнія, сообщенныя въ донесеніи Иличевскаго, мы можемъ дополнить тѣмъ, что въ томъ же 1811 г. другой якутъ (тунгусъ), Гилядъ, съ голода убилъ и съѣлъ свою жену, и былъ голодъ въ Илимпейской волости собственно оттого, что туда назначено было къ доставкѣ на этотъ годъ только 80 пудъ хлѣба, но и изъ нихъ 12 п. утрачено дорогой [3]). Сообщая эти факты, происходившіе до его управленія, Иличевскій забылъ упомянуть о тѣхъ, которые случились при немъ, въ 1815—1816 г., и о которыхъ мы уже говорили. Доставка хлѣба въ затундренныя мѣста [4]) производилась изъ Туруханска казеннымъ распоряженіемъ, подъ присмотромъ казаковъ. Она сопровождалась величайшими затрудненіями. Въ 1820 г., напримѣръ, хлѣбъ, отправленный на Тазъ, дошелъ только до Баишинскаго зимовья (150 в. отъ Туруханска). Хлѣбъ на Тазъ отправлялся сначала на судахъ на 300 слишкомъ верстъ вверхъ по Турухану, гдѣ болотистый и вязкій грунтъ почти на каждомъ шагу останавливалъ работниковъ, потомъ сухимъ путемъ, опять болѣе 300 в., до р. Блудной, наконецъ, опять водою по Блудной, за тундру къ рѣкамъ Дудыптѣ, Боганидѣ, Хатангѣ и Анабару (на 1400 в.). Сухопутная доставка производилась зимою, потому что лѣтомъ никакое сообщеніе съ тѣми мѣстами невозможно. Везли его въ партахъ. Далеко не всѣ олени были способны къ перевозкѣ тяжестей на такомъ огромномъ разстояніи. Работники самоѣды часто выходили изъ повиновенія. Жестокія пурги подвергали обозы величайшей опасности. Въ 1820 г. хлѣбъ отправленъ былъ на 28 партахъ, подъ присмотромъ казака Дорофеева. Обозъ этотъ, вслѣдствіе пургъ, вышелъ только 15 ноября. Едва вступилъ онъ въ первую Енисейскую тундру, какъ

[1]) Изъ одного мѣста, въ донесеніи 17 сентября 1819 г., должно заключить, что нѣчто подобное было и въ Сургутскомъ и Березовскомъ уѣздахъ Тобольской губ. и въ прилегающихъ къ Туруханскому краю мѣстахъ Иркутской губ.

[2]) Св. 61, № 81. Донесенія 17 сентября 1810, 21 октября 1820 и 21 апрѣля 1821 г.

[3]) Св. 140, № 235.

[4]) Пустыня, лежащая къ сѣверо-востоку отъ Туруханска.

его застигла новая пурга. Дорофеевъ двои сутки пробылъ подъ снѣгомъ. На третьи сутки самоѣды отыскали его и, отрывъ изъ подъ снѣгу, нашли «ослабѣвшаго отъ холода въ силахъ, умѣ и разсудкѣ»; одежда и обувь его измокли и обледенѣли. Вслѣдствіе постоянныхъ пургъ, обозъ двигался чрезвычайно медленно. На 25 декабря обозъ, раздѣленный на нѣсколько отрядовъ, находился недалеко отъ зимовья Веденскаго [1]. «Вдругъ настала темная ужасная пурга, ниспровергающая, стремленіемъ неизъяснимой бури, все, что ни встрѣчалось на землѣ и въ воздухѣ, и несущая съ сильнымъ движеніемъ и шумомъ необъятное множество снѣговъ и льдянистыхъ частицъ, недозволяющихъ ни глазъ раскрыть, ни удержаться на мѣстѣ». Обозъ былъ разсѣянъ; Дорофеевъ остался съ однимъ работникомъ. Онъ попытался искать спасенія въ снѣгу и, зарывшись въ немъ, опять пролежалъ двои сутки. Потомъ онъ сталъ искать работниковъ и хлѣбъ и ничего не могъ найти. Опасаясь умереть съ голоду и холоду, онъ рѣшился пуститься съ работникомъ въ путь на двухъ оленяхъ, самъ не зная куда, и искать признаковъ, по которымъ онъ могъ бы угадать дорогу въ Веденское. Къ счастью, онъ наѣхалъ прямо на это зимовье, и на пути отыскалъ 16 оленей. Остальные трое рабочихъ подвергались такой же опасности: они съ обозомъ пролежали на пустомъ мѣстѣ трои сутки, сколько отъ изнуренія, столько и по неимѣнію моха для оленей (пурга захватила обозъ на каменистомъ мѣстѣ). Олени разбрелись, разбили нѣсколько мѣшковъ, съѣли и разсыпали до 15 пудовъ хлѣба. Дорофеевъ едва 29 декабря розыскалъ людей и обозъ; но пять оленей пропали безъ вѣсти. Корсаковъ, въ это время уже удаленный отъ должности исправника, поѣхалъ въ Веденское, чтобы принять мѣры къ дальнѣйшей доставкѣ хлѣба [2]. По словамъ Илличевскаго, Дорофеевъ уже три года доставлялъ хлѣбъ за тундру, всегда подвергался такимъ опасностямъ и разстроилъ въ этихъ доставкахъ свое здоровье.

Для устраненія этихъ неудобствъ, при Сперанскомъ производились розысканія для открытія водянаго сообщенія Енисея съ Тазомъ посредствомъ рѣчекъ Пакулихи и Никольтока, но результатъ ихъ намъ неизвѣстенъ.

Съ неменьшими затрудненіями производилась доставка и въ сѣверо-восточную часть уѣзда. Нужно было тянуться бичевою вверхъ по Тунгускѣ 1166 в., между порогами и подводными

---

[1] При истокѣ р. Пясиной.

[2] Св. 61, № 81.

каменьями. Судно, подходя къ опаснымъ мѣстамъ, выгружалось; грузъ переносился людьми и потомъ опять нагружался. Это повторялось нѣсколько разъ [1]).

Впрочемъ Ильичевскій увѣрялъ, что онъ оказалъ большія услуги продовольствію Туруханскаго края. Въ 1811 и 1812 г., туда отправлялось хлѣба по 966 пуд., а раньше—и того менѣе. Онъ увеличилъ отправку хлѣба до 8—12000 п.; сверхъ Туруханскаго и Имбатскаго магазиновъ, основалъ еще магазины: на Толстомъ Носѣ и въ Дудиной на 5000, а при Сперанскомъ, въ 1820 г., на 8000 п., и на Блудной въ 4000 п.; завелъ оленей для затундренной перевозки, дѣлалъ распоряженія о перевозкѣ хлѣба изъ Туруханска въ уѣздъ и отыскивалъ легчайшія сообщенія съ Тазомъ [2]).

Осипову, при посылкѣ его въ Туруханскій край, на первомъ планѣ было поставлено обозрѣніе продовольственныхъ средствъ въ краѣ и изысканіе способовъ къ лучшему устройству ихъ. Осиповъ оказалъ краю важныя услуги въ этомъ отношеніи. Въ 1819 г. казенный хлѣбъ по Тазу и Енисею продавался весьма дорого. Въ покупкѣ онъ стоилъ, съ положеніемъ 8-й части прибыли, по 1 р. 67¼ к., а продавался на звѣря, по 10 и 15 бѣлокъ или горностаевъ, т. е. отъ 3 р. 50 до 7 р. 50 к. пудъ.

Это была еще не высшая степень дороговизны. Въ 1813 г. сухари, сушеная рыба и ячмень продавались въ Нарымскомъ уѣздѣ по 35 и 40 бѣлокъ, а въ Туруханскомъ по 5 и 6 песцовъ, т. е. до 20 р. пудъ [3]). На пространствѣ отъ Вяткина Зимовья до р. Анабара каждую весну оказывался недостатокъ въ хлѣбѣ. Осиповъ нашелъ, по Хети и Хатангѣ, бѣдствовавшихъ отъ голода якутовъ. Хлѣбъ за тундрой продавался въ казнѣ по 1½, а у частныхъ лицъ по 2 песца за пудъ и притомъ безъ всякаго кредита (песецъ стоилъ 3 р. 10 к.). Неуловъ звѣря вызывалъ необходимость въ казенномъ пособіи, а казеннаго хлѣба было налицо только 55 пудовъ. Осиповъ распорядился роздать весь этотъ хлѣбъ нуждающимся и занялъ у торговцевъ и жителей, для раздачи, 254 п. 10 ф.—Онъ убѣдилъ крестьянина Лаптукова доставить по Анабарѣ 250 п. изъ Дудинскаго магазина. Лаптуковъ взялся доставлять сюда хлѣбъ въ 1821—1824 г. безплатно; другіе жители тоже принесли посильныя пожертвованія [4]).

Еще важнѣе была дѣятельность Осипова по продовольствію жи-

[1]) Св. 55, № 9, дѣло 17.
[2]) Донесеніе 25 ноября 1820 г. Св. 61, № 81.
[3]) Св. 55, № 9, дѣло 17.
[4]) Св. 61, № 81. Донес. Осип. 8 февр. 1820 г. См. прилож. къ гл. III.

телей по р. Тазу и внизъ по Енисею. По убѣжденію его, Туруханскій мѣщанинъ Ильинъ принялъ на себя зимнюю перевозку казеннаго хлѣба по р. Блудной на Таговскую тундру втеченіи 10 лѣтъ, по 500 п. ежегодно. Сперанскій объявилъ Ильину благодарность и обѣщался ходатайствовать о наградѣ ему.

Тогда же (5 іюня) Осиповъ доносилъ Сперанскому о чрезвычайной дороговизнѣ продажныхъ цѣнъ на хлѣбъ и о другихъ обстоятельствахъ, затруднявшихъ полученіе его инородцамъ. Онъ представлялъ и нѣкоторыя предположенія о облегченіи инородцамъ средствъ къ пріобрѣтенію хлѣба. Сперанскій, отъ 28 іюля, отправилъ донесеніе Осипова къ Пиличевскому, съ тѣмъ чтобы онъ представилъ ему свои соображенія по этому предмету лично, по пріѣздѣ Сперанскаго въ Томскъ. Но Пиличевскій не счелъ за нужное слишкомъ торопиться этимъ дѣломъ. Онъ представилъ Сперанскому свои соображенія только 5 ноября 1820 г., когда тотъ давно уже находился въ Тобольскѣ. Онъ вообще опровергалъ замѣчанія Осипова. Денежная цѣна хлѣба одна, а цѣны на шкуры назначаются разныя,—такъ желали сами инородцы. Прибыль на цѣну хлѣба Осиповъ исчислилъ невѣрно, принявъ въ соображеніе одни только расходы по перевозкѣ. Цѣну на звѣрныя шкуры, при вымѣнѣ ихъ на хлѣбъ, Осиповъ полагаетъ назначить однообразныя, но это неосновательно, потому что цѣны на звѣря измѣняются. Въ пріемѣ рухляди за хлѣбъ мѣстное начальство руководствуется положеніемъ Комитета Министровъ 5 іюня 1817 г. Донесеніе Осипова, что хлѣбъ изъ Туруханскаго магазина не раздавался, противорѣчитъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ. Вопросъ объ увеличеніи отправки хлѣба въ сугланныя мѣста не оставляется безъ вниманія: объ этомъ дѣлаются внушенія мѣстнымъ властямъ, но доставка туда хлѣба вообще затруднительна. Хлѣбъ продается дорого по необходимости, — потому что дорого обходится въ покупкѣ. Осиповъ предполагаетъ принимать за хлѣбъ вмѣстѣ съ рухлядью гусиный и лебяжій пухъ; но это предположеніе неосновательно.

Вообще бумага Пиличевскаго была ничто иное, какъ канцелярская отписка. Повидимому, такъ посмотрѣлъ на нее и Сперанскій; ни изъ чего не видно, чтобы онъ придалъ ей какое нибудь значеніе.

Письмомъ, отъ 22 іюня 1820 г., Осиповъ извѣстилъ Сперанскаго, что для успѣшнаго снабженія отдаленныхъ мѣстъ хлѣбомъ недоставало важнѣйшаго — мѣшковъ для набивки его и нѣкоторыхъ другихъ матеріаловъ. Отъ этого останавливалась отправка

его на Тазъ. Осиповъ обратился въ Енисейскъ къ исправнику Генцу и городскому головѣ, купцу Хорошеву, съ просьбою о доставленіи ему мѣшковъ и прочаго. Тогда же Осиповъ представилъ и формальное донесеніе о нераспорядительности Илличевскаго по продовольствію. Онъ доносилъ также, что исправникъ и городничій вовсе не заботятся о набивкѣ въ мѣшки хлѣба, назначеннаго къ отправкѣ въ отдаленныя мѣста, хотя ее и надлежало кончить не позже 1 августа. Имѣя въ виду заявленіе тунгусовъ, что хлѣба посылается къ нимъ слишкомъ мало, Осиповъ распорядился къ четыремъ лодкамъ, назначеннымъ для сплава хлѣба, прибавить еще одну и предположилъ отправить 800 п. хлѣба изъ Дудинскаго магазина къ р. р. Боганидѣ, Хети и Хатангѣ. Получивъ письмо Осипова, Сперанскій счелъ необходимымъ просить и отъ себя Генца и Хорошева, письмами отъ 27 іюля, исполнить просьбу Осипова. Но они исполнили ее еще до полученія писемъ Сперанскаго. 1 августа мѣшки были получены Осиповымъ изъ Енисейска. Но «не успѣли загладить одной непріятности, а другая тутъ и есть»—писалъ Осиповъ. Два судна, купленныя чиновниками для доставки хлѣба, оставались безъ всякаго надзора. Одно изъ нихъ, уже только по распоряженію Осипова, было отведено въ удобное мѣсто; другое обмелѣло, и его «съ большою силою собравшагося народа едва могли въ три дня снять съ мѣста».— «Такъ всѣ здѣшніе чиновники отправленіемъ службы занимаются» прибавилъ Осиповъ. Онъ не могъ надивиться крайней небрежности ихъ въ такомъ важномъ предметѣ, какъ народное продовольствіе. Мы уже говорили, что отправка хлѣба на Тазъ въ 1820 г. запоздала и что онъ долженъ былъ зимовать въ Баишинскомъ зимовьѣ.

Тогдашніе способы къ обезпеченію продовольствія были крайне отяготительны для жителей и не достигали своей цѣли. Однимъ изъ самыхъ вредныхъ обстоятельствъ въ этомъ отношеніи было то, что (кромѣ Верхнеимбатскаго магазина въ 700 в. отъ Енисейска) хлѣбъ для Туруханскаго края получался въ Туруханскѣ и отправлялся далѣе весьма поздно, и суда замерзали на пути. Еще въ письмѣ отъ 16 декабря 1819 г., Осиповъ высказывалъ свою мысль, что хлѣбъ въ мѣста, находящіяся ниже Туруханска, было бы выгоднѣе сплавлять не казеннымъ распоряженіемъ изъ Туруханска, какъ дѣлалось прежде, а подрядомъ изъ Енисейска. По возвращеніи въ Енисейскъ, онъ привелъ эту мысль въ исполненіе. Онъ заключилъ съ мѣщанами Фунтусовыми условіе на доставку въ разныя мѣста ниже Туруханска 15000 п. сплавомъ прямо изъ Енисейска, по 85 коп. за пудъ, срокомъ не позже іюня 1821 г.

Письмо его къ Сперанскому по этому поводу, отъ 21 октября 1820 г., дышетъ неподдѣльною радостью. Хлѣбъ, съ наложеніемъ процентовъ, долженъ былъ стоить около 96 коп. «Это цѣна неслыханная, говоритъ онъ, тогда какъ азіатцамъ выдавалось за одного песца, стоющаго 3 р. 40 коп., хлѣба одинъ пудъ».— «Важнѣе всего, что люди будутъ живы, довольны и покойны». — Еще ранѣе онъ заподрядилъ купцовъ Хорошева, Дементьева и Попова поставить, въ 1821 г., 15000 п. хлѣба въ Туруханскій и 10000 п. въ Имбатскій магазины, по 70 коп.

Сперанскій нашелъ эти распоряженія, особенно первое, весьма полезными, и вполнѣ утвердилъ ихъ. «Я прошу ваше превосходительство, писалъ онъ Илличевскому 8 Ноября 1820 г., дабы и на будущее время поставка хлѣба въ Туруханскъ и въ отдаленныя мѣста уѣзда производима была на семъ же основаніи. Выгода отъ сего очевидна; обитатели всегда благовременно будутъ обезпечиваемы въ своемъ продовольствіи».

Но Илличевскому, повидимому, не понравились распоряженія Осипова. Въ длинномъ донесеніи, отъ 25 ноября 1820 г. (Илличевскій вообще любилъ разглагольствовать), онъ представлялъ, вопервыхъ, неисполнимость условія Фунтусовыхъ; вовторыхъ, что заподрядомъ у нихъ не всѣ отдаленныя мѣста обезпечены хлѣбомъ, и втретьихъ, собственныя свои заслуги по народному продовольствію. Изъ прежнихъ свѣдѣній ему было «удостовѣрительно» извѣстно, что ранѣе первыхъ чиселъ августа отправка неблагонадежна. Енисей вскрывается только между 15 и 25 мая; около Туруханска бываетъ почти ежегодное наводненіе, — рѣка разливается до 50 верстъ и остается въ разливѣ до іюля и далѣе. Въ іюнѣ плаваніе отъ Енисейска къ Туруханску на большихъ судахъ возможно только съ большою осторожностью, а на баркахъ и лодкахъ, а также ниже Туруханска, — весьма опасно, и никто на это не рѣшится, такъ какъ разливъ скрываетъ фарватеръ. Около каменныхъ береговъ Енисея находятся весьма опасные подводные камни, а рѣка покрыта островами, которые во время разлива скрываются подъ водой. Сильные вѣтры и бури заносятъ суда между лѣсовъ на подводные камни и скрытые острова. Суда, устроенныя весьма непрочно, подвергаются гибели. Примѣровъ этому множество,— между прочимъ, отправленное въ 1818 г. Стыровымъ судно съ лѣсомъ. Чѣмъ ниже, тѣмъ опаснѣе; въ лучшее время съ трудомъ доходятъ до Толстаго Носа. Около Толстаго Носа становятся ощутительными приливы и отливы; непогоды дѣйствуютъ съ яростью. При такихъ опасностяхъ, никто изъ торгующихъ не рѣшается

сплавлять хлѣбъ далѣе Туруханска до убыли воды; да и тогда ждутъ, чтобъ берега Енисея обсохли и представили бечевникъ, необходимый при противныхъ вѣтрахъ. Но это возможно не ранѣе августа, особенно по р. р. Турухану, Блудной и Нижней Тунгускѣ, гдѣ нужно вести хлѣбъ все вверхъ, т. е. бечевникомъ. Поэтому нельзя располагать по Енисею во всякое время «дѣлать что хотятъ». Суда не приходили вовремя только въ 1812 г., отъ поздней отправки, да отъ худыхъ распоряженій исправника Бутыркина; но хлѣбъ дошелъ, хотя и поздно. Если найдутся люди, то Илличевскій всегда готовъ располагать поставку хлѣба такъ, какъ сдѣлалъ Осиповъ; но дѣло Осипова съ Фунтусовыми — дѣло «неимовѣрное», и онъ желаетъ ему успѣха. Кромѣ того въ условіе съ Фунтусовыми не включена поставка хлѣба собственно въ Туруханскій магазинъ и по р. Нижней Тунгускѣ, а хлѣбъ туда необходимо нуженъ. Точно также нуженъ онъ въ зимовья Новоселовское, Нижнеимбатское и Новобаклановское. Илличевскій просилъ Сперанскаго поручить Осипову заготовленіе туда хлѣба или сдѣлать объ этомъ какое нибудь другое распоряженіе. Въ отвѣтъ на это Сперанскій, отъ 5 декабря 1820 г., поручилъ ему распорядиться доставленіемъ въ зимовья необходимаго количества хлѣба; для Туруханскаго и Верхнеимбатскаго магазиновъ, какъ мы говорили, хлѣбъ былъ уже заподряженъ Осиповымъ [1]).

Мѣры, принятыя Осиповымъ, были важны не для одного только обезпеченія продовольствія отдаленныхъ мѣстъ. Съ того времени Туруханскъ потерялъ и то ничтожное экономическое значеніе, которое онъ имѣлъ прежде, какъ мѣсто склада и перегрузки казеннаго хлѣба.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Продовольствіе солью.—Иркутская губернія.—Охотскъ и Камчатка.—Борзинское озеро.—Общія мѣры.

Дѣла казеннаго управленія въ Сибири вообще находились на общемъ основаніи; только дѣла соляного управленія, какъ и мѣры продовольствія, болѣе зависѣли отъ губернаторовъ, нежели въ другихъ губерніяхъ. Это имѣло свои выгоды и невыгоды. Съ одной стороны, такой порядокъ предупреждалъ безполезные споры, но

[1]) Св. 61, № 81.—См. Прилож.

съ другой онъ не оставлялъ уже мѣста никакому надзору; губернаторъ не могъ возражать противъ имъ же утвержденныхъ мѣръ; генералъ-губернаторъ по необходимости долженъ былъ защищать губернаторовъ, потому что самъ онъ присвоилъ имъ эту власть [1]).

Продовольствіе Сибири солью лежало почти исключительно на попеченіи казны. Въ Иркутской губерніи соль заготовлялась преимущественно на заводахъ: Иркутскомъ—для ближайшихъ уѣздовъ и частію для Верхнеудинскаго; Селенгинскомъ—для Забайкалья; Устькутскомъ—для Киренскаго уѣзда и Якутской области. За Байкаломъ находилось Борзинское соляное озеро; но садка соли на немъ была непостоянна и въ послѣднее время весьма уменьшалась. Охотскъ и Камчатка получали соль съ Охотскаго солевареннаго завода. Томская губернія получала соль, частію съ Троицкаго завода, находящагося въ Енисейской округѣ, а большею частію съ Коряковскаго и другихъ (Боровыхъ, Алеусскихъ, Степнаго) самосадочныхъ озеръ; Тобольская—съ Коряковскаго озера. На заводахъ работали каторжные. Развозка соли на мѣста продажи производилась частію подрядомъ, частію чрезъ казенныхъ коммисіонеровъ. Соль на мѣстахъ продавалась или изъ казенныхъ магазиновъ, или изъ стоекъ, въ которыхъ она находилась на отвѣтственности обществъ.

Втеченіи двѣнадцати лѣтъ (1810—1821) было:

	доставлено соли въ мѣста продажи	продано	получено прибыли	убытка
по Иркутской губерніи:				
въ девятилѣтіе 1810—1818 г.	1834063 п. 15 ф.	1617626 п. 18 ф.	847.492 р. 68 к	1,211.203 р. 38½ к.
въ 1820 г.	135384 — — —	— — — —	39.966 — 56¼ —	334.474 — 95¾ —
— 1821 г.	82536 — 30 —	— — — —	55.281 — 36¾ —	23.273 — 33½ —
въ Томской губерніи:				
съ 1810—1818 г.	2093285 п.	1527773 п. 33½ ф.	844.687 р. 60½ к.	
въ Тобольской	2315095 —	1920212 — 25 —	1.079.925 — 12¾ —	

На 1820 г. по Иркутской губерніи назначено было въ продажу соли 149917 п. Она обошлась казнѣ въ 410.478 р. 45 к., а продажная цѣна назначена была по 2 р. 74 к.

Въ Томской губерніи въ 1817 и 1818 г. было отпущено въ вольную продажу 153.073 п. 20 ф. и получено прибыли 480.044 р. 56¼ к.

Въ Тобольской въ 1813—1818 г. доставлено въ магазины для вольной продажи 1200000 п., продано 364098 п., получено прибыли

[1]) Отчетъ.

192.520 р. 38 к.; съ Коряковскаго озера, изъ бугровъ и пристаней на немъ, продано 90199 п. и получено прибыли 231.610 р. 51 к.

Изъ этого видно, что, за исключеніемъ Иркутской губерніи, вездѣ была уже введена вольная продажа, и что соляная операція приносила, по Тобольской и Томской губерніямъ, огромную прибыль, а по Иркутской,—огромный убытокъ. [1]) Въ послѣднее время предъ Сперанскимъ убытокъ этотъ доходилъ до 440.000 р. въ годъ [2]).

Продажныя цѣны на 1822 г. были утверждены: въ Тобольской губерніи 1 р. 20 к., 1 р. 30 к., 1 р. 80 и 1 р. 90 к. (послѣдняя въ Курганѣ); въ Томской 1 р. 20, 1 р. 30 к., 1 р. 40 к. и 1 60 к.; въ Иркутской губерніи и Якутской области повсемѣстно по 2 р. 20 к. [3]).

Убытки отъ соляной операціи по Иркутской губерніи вообще происходили отъ образа устройства заводовъ, отъ слабости разсоловъ и отъ развозки соли по дальнимъ разстояніямъ. Кромѣ того существовали нѣкоторыя случайныя причины: 1) высокія цѣны развозки; 2) неумѣренное назначеніе ежегодной пропорціи; 3) излишнее число стоекъ.

«Первой причины убытка, писалъ Сперанскій министру финансовъ 3 ноября 1819 г.,—возвышенія цѣнъ провозныхъ, отвратить уже невозможно. Цѣны основаны на контрактахъ, кои съ 1818 г. на четыре года заключены, предмѣстникомъ моимъ утверждены и два года уже находятся въ полномъ дѣйствіи.

«Остается искать средствъ поправленія въ двухъ послѣднихъ распоряженіяхъ.

«При первомъ воззрѣніи на пропорціи соли открывается, что онѣ превышаютъ дѣйствительную нужду. Количество соли ежегодно, а особливо въ послѣдніе годы назначаемое, превышало 200000 п., а число обывателей, довольствующихся солью, едва составляетъ 100000 душъ, ибо примѣтить должно, что 158000 ясачныхъ или совсѣмъ не употребляютъ, или употребляютъ весьма мало соли; доказательствомъ сему служитъ то, что по всей Якутской области, гдѣ считается до 71000 ясачныхъ, выходитъ только

---

[1]) Св. 2, № 10

[2]) Св. 208, № 2.

[3]) П. С. З., 28849.

до 7000 пудъ. Казенная экспедиція росписанія свои основываетъ на наличныхъ вѣдомостяхъ и требованіяхъ приставовъ; но по опытамъ извѣстно, до какой степени требованія сіи подвержены злоупотребленіямъ, особливо тамъ, гдѣ пудъ соли съ провозомъ стоитъ до шести рублей, а продается не дороже двухъ.

«Соляныя стойки первоначально учреждены были въ одныхъ отдаленныхъ мѣстахъ, по причинамъ довольно уважительнымъ; но впослѣдствіи размножены безъ всякаго основанія. Въ самомъ Иркутскомъ уѣздѣ, коего населеніе, удобность сообщеній, самое даже пространство, ничѣмъ почти не отличаются отъ обыкновеннаго Россійскаго уѣзда,—заведены стойки. Два важныя неудобства произошли отъ сего учрежденія. *Первое*—отягощеніе казны дорогими перевозками; *второе*—отягощеніе мірскихъ обществъ содержаніемъ сихъ стоекъ: ибо на нихъ попеченіи лежитъ храненіе, продажа усышка и утечка соли. Многія изъ нихъ, особливо общества бурятскія, вошли ко мнѣ съ просьбами избавить ихъ отъ сихъ стоекъ, для нихъ совершенно безполезныхъ и крайне отяготительныхъ» [1]).

Здѣсь замѣтимъ, что, по уставу о соли 1781 г., существовавшія прежде соляныя стойки были отмѣнены, и продажа соли должна была производиться только изъ магазиновъ. На этомъ основаніи она производилась нѣсколько лѣтъ и въ Сибири. Но, по Высочайше утвержденному 26 іюля 1803 г. докладу министра внутреннихъ дѣлъ, стойки въ Сибири были возобновлены. Притомъ мѣстная усышка и утечка соли были отнесены на обывателей. Впослѣдствіи число стоекъ въ Иркутской губерніи чрезвычайно размножилось, а назначеніе къ перевозкѣ туда слишкомъ большихъ пропорцій соли неизбѣжно усиливало расходы обществъ по усышкѣ и утечкѣ.

На основаніи этихъ соображеній, тогдаже предложено было казенной экспедиціи: при составленіи годичныхъ росписаній на развозъ соли, не принимать за основаніе назначеній одни только требованія приставовъ, такъ какъ многократные опыты доказали, что подъ этими требованіями часто скрываются злоупотребленія; вновь назначенную на 1820 г. пропорцію, составлявшую до 146000 п., какъ можно уменьшить, такъ какъ, по всѣмъ разсчетамъ, соли было къ этому году на лицо до 348000 п., а въ селеніяхъ, какъ видно изъ жалобъ, соль по нѣскольку лѣтъ оставалась безъ продажи, къ крайнему отягощенію мірскихъ обществъ усыш-

---

[1]) Св. 208, № 2.—Отп. 3 ноября 1819. г.

кою и утечкою; разсмотрѣть самое положеніе стоекъ, и тѣ изъ нихъ, которыя по развозу соли наиболѣе убыточны, а по расходу маловажны—болѣе солью не наполнять и закрыть, когда выйдетъ наличная; для скорѣйшаго упраздненія стоекъ, подтвердить, чтобы соль отпускалась въ продажу безъ всякаго ограниченія въ количествѣ, и дозволить купившимъ ее свободную продажу въ селеніяхъ по вольнымъ цѣнамъ [1]).

Распоряженія Сперанскаго имѣли весьма удовлетворительный результатъ. Казенная экспедиція нашла возможнымъ, не только уменьшить количество развозки соли на 1820 г., но и закрыть значительную часть стоекъ. Согласно съ этимъ предположеніемъ, Сперанскій, отъ 17 декабря 1819 г., предложилъ ей: 1) исключить изъ назначенія на 1820 г. 27088 п.; 2) соль изъ мѣстъ казенной продажи продавать желающимъ, безъ всякаго стѣсненія или ограниченія. «Симъ, писалъ Сперанскій, уменьшатся тягостныя издержки казенной перевозки, прекратятся стѣсненія обывателей и возстановится сила закона, дозволяющаго каждому и при казенной продажѣ, соль, въ магазинѣ купленную, развозить и продавать въ розницу по селеніямъ». 3) Изъ 58 стоекъ упразднить 12, «яко ненужныя и для казны отяготительныя», по распродажѣ въ нихъ соли и по прежнимъ примѣрамъ, чтобы число стоекъ увеличивалось и уменьшалось по мѣрѣ надобности. Отъ этого убытокъ отъ развозки соли сокращался важною суммою, 113.802 р.; а съ сокращеніемъ расходовъ отъ уменьшенія назначенія соли—75.763 р., всего сберегалось въ годъ болѣе 189.000 р., даже при прежнихъ невыгодныхъ кантрактахъ на перевозку. Чтобы еще болѣе усилить это сбереженіе, Сперанскій поручилъ экспедиціи обратить особенное вниманіе на выварку соли въ Селенгинскомъ заводѣ; принять мѣры, чтобы на Иркутскомъ заводѣ вываривалась соль какъ можно добротнѣе, «чѣмъ и расходъ ея и издержки перевоза уменьшатся»; обратить особенное вниманіе на Борзинское озеро, и съ наступленіемъ удобнаго времени сдѣлать ему вновь «вѣрное обозрѣніе и изслѣдованіе причинъ, по коимъ садка его затрудняется». Кромѣ того велѣно было тогда же сдѣлать распоряженіе по просьбѣ Аларскихъ бурятъ, объ избавленіи ихъ отъ содержанія Бѣльской стойки, въ которой они не имѣли никакой надобности [2]). «Съ окончаніемъ сихъ

[1] Сообразно съ этими распоряженіями, Сперанскій, 7 января 1820 г., утвердилъ за купцомъ Сычевымъ развозку соли въ Якутскій магазинъ и стойки Киренскаго уѣзда на одинъ только 1820 г., и притомъ исключилъ Сполошенную стойку, которая была уже предположена къ уничтоженію. Св. 208, № 2; предп. 9 ноября. Св. 212, № 67.

[2]) Св. 208, № 2.

отяготительныхъ контрактовъ и при лучшемъ устройствѣ самыхъ солеваренныхъ заводовъ, писалъ Сперанскій Гурьеву, надѣяться можно, что часть сія по крайней мѣрѣ не будетъ приносить казнѣ убытковъ; а при введеніи вольной соляной продажи, безъ сомнѣнія, можетъ приносить и значительный доходъ». Онъ извѣщалъ также, что о вольной продажѣ соли дѣлаются предварительныя соображенія въ казенныхъ палатахъ; отдаленныя мѣста, «само собою разумѣется», не входятъ въ это положеніе [1]).

Впослѣдствіи, закрыты еще двѣ стойки—въ Батурусскомъ и Борогонскомъ улусахъ, на р. Чурапчѣ и Мюрѣ, какъ обременительныя для жителей [2]).

Впрочемъ казенная экспедиція не долго держалась такой аккуратности въ назначеніи количествъ развозки. По росписанію экспедиціи о развозѣ соли на 1821 г., утвержденному Сперанскимъ, назначено было въ вѣдомство Нерчинской горной экспедиціи, съ трехмѣсячнымъ запасомъ, 45860 п., а въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ 59830 п. Расходъ, по 10-ти-лѣтней сложности, составлялъ только 42000 п. въ горномъ вѣдомствѣ и 43000 въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ. Но въ вѣдомство горной экспедиціи, по назначенію ея, казенная экспедиція распорядилась перевезти еще 7064 п. 22 ф., а для Верхнеудинскаго уѣзда прибавлено экспедиціей 16690 п.— 24 января 1821 г. Сперанскій потребовалъ отъ казенной экспедиціи объясненія причинъ этой прибавки, «съ значительнымъ убыткомъ сопряженной». О прибавкѣ въ заводское вѣдомство онъ потребовалъ свѣдѣній и отъ горной экспедиціи; притомъ прибавилъ въ PS: «Неизлишнимъ считаю до свѣдѣнія экспедиціи довести, что продовольствіе солью Нерчинскихъ заводовъ съ приписными къ нимъ крестьянами дѣлаетъ казнѣ чистаго убытка въ годъ до 150.000 р., и г. министръ финансовъ отъ всѣхъ казенныхъ палатъ подъ моимъ наблюденіемъ требуетъ строгаго отчета въ избыточномъ назначеніи соли, когда оно сопряжено съ казенными убытками». Впрочемъ онъ не обратилъ особеннаго вниманія на представленныя экспедиціями объясненія: они были помѣчены къ свѣдѣнію [3]).

Распоряженіе о закрытіи стоекъ не вездѣ было принято съ удовольствіемъ. Селенгинскъ находился только въ 35 в. отъ солеваренцаго завода. Стойка въ Селенгинскѣ была уничтожена; но

---

[1]) Гр. Гурьевъ, отъ 26 февраля 1820 г., изъявилъ Сперанскому свое удовольствіе по поводу принятыхъ мѣръ и предположеній. Св. 2, № 10. Отношеніе 1819 декабря 1819.

[2]) Св. 2, № 10, донес. казенной экспедиціи 21 апрѣля 1821 г.

[3]) Св. 208, № 7.

мѣстная ратуша находила это крайне обременительнымъ для жителей. Она просила возобновить соляную стойку, на томъ основаніи, что жители встрѣчаютъ затрудненіе въ покупкѣ соли съ завода, а желающихъ заняться вольной продажей ея въ городѣ не оказывается. Она повторяла это ходатайство не одинъ разъ, и Цейдлеръ, находя его уважительнымъ, представлялъ о томъ (22 марта 1822 г.) Сперанскому; но представленіе это оставлено безъ послѣдствій.

Не обошлось и безъ доносовъ. Въ концѣ 1820 г. совѣтникъ казенной экспедиціи Тукалевскій, засыпавшій Сперанскаго своими доносами по винной части, представилъ доносъ и по соляной. Онъ доносилъ, что въ Иркутскомъ магазинѣ растрачено до 370 п. соли и что ассесоръ экспедиціи Сѣнотрусовъ утаилъ взысканныя съ пристава за эту соль деньги. Сперанскому, повидимому, уже надоѣли доносы. 3-го января 1821 г. онъ отправилъ донесеніе Тукалевскаго къ Зеркалееву, «на разсмотрѣніе и рѣшеніе», безъ всякихъ замѣчаній съ своей стороны [1].

Между тѣмъ оканчивались сроки контрактовъ, заключенныхъ на перевозку соли съ 1818 года. 23 Іюня 1820 г. Сперанскій поручилъ казенной экспедиціи вызвать желающихъ на развозъ соли съ 1822 г. Притомъ онъ распорядился включить въ контрактахъ, что нѣкоторыя стойки предположено упразднить; «чтобы казна въ семъ случаѣ не понесла убытка—выдачею задаточныхъ денегъ удержаться до самой поставки: ибо между тѣмъ предположеніе о вольной продажѣ соли можетъ во всѣхъ частяхъ быть приведено въ дѣйствіе».

Дѣло это продолжалось довольно долго. Только въ половинѣ 1821 г. были наконецъ заключены контракты и представлены на утвержденіе Сперанскому. «Въ свое время, писалъ онъ по этому случаю къ министру, я имѣлъ честь доносить вашему сіятельству о распоряженіяхъ, принятыхъ мною по развозкѣ соли по Иркутской губерніи. Они кратко состояли въ томъ, *первое*, чтобъ оптовые контракты, при предмѣстникѣ моемъ на перевозку сіи заключенные, по истеченіи сроковъ превратить въ раздробительные; *второе*, чтобъ при семъ раздробленіи понизить сколько можно цѣны чрезмѣрно для казны обременительныя. Всѣ нужныя къ сему мѣры еще въ бытность мою въ Иркутскѣ были приняты и какъ тамошней казенной экспедиціи, такъ и гражданскому губернатору, даны

[1] Св. 208, № 7/10. Послѣднія два слова написаны, въ черновой, рукою Сперанскаго, вмѣсто зачеркнутыхъ: «прошу о послѣдующемъ донести».

подробныя наставленія. Нынѣ изъ полученныхъ мною донесеній явствуетъ: 1) что по торгамъ, въ губернскомъ правительствѣ состоявшимся кромѣ Киренскаго уѣзда и Якутской области, гдѣ торги еще не окончены, развозка соли раздѣлена на 22 подряда и что всѣ сіи подряды надлежащими залогами обезпечены; 2) что въ цѣнахъ, какъ и изъ сравнительной вѣдомости, при семъ прилагаемой, видно, сдѣлано пониженія противъ прежняго контракта до 368.200 р. въ годъ» [1].

Въ поясненіе этого донесенія скажемъ, что въ четырехлѣтіе 1818—1821 г. главнымъ подрядчикомъ на перевозку соли былъ Сибиряковъ (сынъ сосланнаго). Онъ развозилъ соль по всему Забайкалью; вообще же по Иркутской губерніи перевозка распредѣлялась между 12 подрядчиками (въ числѣ которыхъ были и крестьянскія общества, но только на перевозку соли въ свои мѣста). Въ новомъ подрядѣ приняли между прочимъ участіе и люди съ весьма умѣреннымъ состояніемъ [2].

Чтобы еще болѣе удешевить расходы по заготовленію соли для Иркутской губерніи, Сперанскій предположилъ продовольствовать Нижнеудинскій уѣздъ солью съ Троицкаго завода Томской губерніи, на которомъ можно было вываривать гораздо больше того количества соли, какое нужно было для продовольствія Енисейской округи и ближайшихъ къ ней мѣстъ. Для Нижнеудинскаго уѣзда требовалось не болѣе 20000 п. въ годъ. Поставка сюда соли изъ Енисейскаго уѣзда обходилась дешевле и соль была добротнѣе, нежели на Иркутскихъ заводахъ: выварка соли на Троицкомъ заводѣ стоила до $9^1/_4$ к., а перевозка его до Поймы могла стоить до 40 к. пудъ. 31 Марта 1820 г. Сперанскій распорядился, усилить выварку соли на этомъ заводѣ, такъ, чтобы онъ могъ удѣлять ежегодно до 20000 п. для Иркутской губерніи, и произвести торги на перевозку этого количества къ 1821 г. въ селеніе Пойму, Нежнеудинскаго уѣзда. Предполагая, что торги будутъ возложены на Енисейское общее присутствіе, Сперанскій поручилъ Енисейскому исправнику употребить въ этомъ дѣлѣ все свое усердіе и дѣятельность. Но здѣсь встрѣтились неожиданныя затрудненія.

Желающихъ взять на себя перевозку соли, не смотря на сдѣланныя Томскою казенною экспедиціей распоряженія, до сентября 1820 г. не оказывалось. Томская экспедиція просила Иркутскую

---

[1]) Св. 208, № 7. Отп. 1 сентября 1821 г.

[2]) Св. 208, № 7. Горновскій; крестьне: Тарбагатайской волости—Заиграевъ, Лосевъ; Кудинской—Николай Шираевъ; Оекской—Середкины съ товарищами.

пріискать вощиковъ въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ. Но Иркутская экспедиція нашла, что въ сентябрѣ, по случаю рабочаго времени и краткости срока, оставшагося для перевозки (съ 15 ноября по мартъ), отыскивать вощиковъ въ Иркутской губерніи безполезно. Между тѣмъ запасы соли въ Нижнеудинскомъ магазинѣ истощились и въ продовольствіи можетъ произойти остановка. Притомъ доставка 20000 п. соли съ Троицкаго завода не нужна и была бы для казны отяготительна: въ Нижнеудинскій магазинъ и Кимильтейскую стойку, вмѣсто этого количества, нужно отпустить только 4750 п.; на доставку ихъ, вмѣсто 18.700 р., исчисленныхъ на перевозку съ Троицкаго завода, потребуется только 7.620 р. Поэтому экспедиція распорядилась, отмѣнивъ доставку соли для Нижнеудинскаго уѣзда съ Троицкаго завода, отпустить 4750 п. изъ Иркутскаго магазина, для доставки въ Нижнеудинскій магазинъ и Кимильтейскую стойку.

«Разсмотрѣвъ представленіе сей экспедиціи, отъ 7 сентября подъ № 6792, писалъ ей по этому поводу Сперанскій, я нахожу:

«1) Что первоначальное назначеніе соли въ Нижнеудинскій уѣздъ на 1821 г. основано было на исчисленіи, отъ самой экспедиціи представленномъ. Количество соли по сему исчисленію составляло 11000 пудовъ. Нынѣ, напротивъ, экспедиція представляетъ, что сія потребность составляетъ не болѣе 4750 п. Слѣдовательно одно изъ сихъ изчисленій было неправильно.

«2) Изъ сравнительной вѣдомости, при семъ прилагаемой, экспедиція усмотритъ, что отъ перевозки 20000 пудовъ изъ Троицкаго завода казна можетъ имѣть прибыли до 32000 р., а напротивъ поставкою того же самаго количества изъ Иркутскаго понесетъ убытка до 24.000 р.

«3) Сверхъ сего экспедиціи изъ дѣлъ извѣстно, что соль Иркутскаго завода поставляется низкой доброты, худо вывареная и текучая. На сіе въ проѣздъ мой чрезъ Нижнеудинскій уѣздъ вновь принесены были отъ крестьянскихъ обществъ основательныя жалобы.

«По всѣмъ симъ причинамъ предлагаю:

«1) Соль для Нижнеудинскаго уѣзда непремѣнно ставить изъ Троицкаго завода по прежнему распоряженію, котораго экспедиція сама собою отмѣнить и не должна была и не могла.

«2) Потребность сей соли ограничить послѣднимъ изчисленіемъ, отъ экспедиціи представленнымъ, и именно 4750 пудами или для круглости счета 5000 пудами.

«3) Перевозку сей соли въ Пойму произвесть по первому зимне-

му пути, возложивъ прінсканіе вощиковъ на Нижнеудинскаго исправника. Неявка ихъ въ Енисейскѣ не можетъ служить предлогомъ невозможности или затрудненія: ибо легко понять, что вызовъ вощиковъ въ лѣтнюю рабочую пору не могъ быть успѣшенъ» [1]).

Тогда же онъ предписалъ Нижнеудинскому и Енисейскому исправникамъ вызвать желающихъ на эту поставку, а исправляющему должность Иркутскаго Губернатора предоставилъ утвердить тѣ условія, которыя онъ призналъ выгодными.

Енисейскій исправникъ нашелъ вощиковъ на всѣ 20000 пудовъ, по 30 к. за пудъ [2]).

Въ 1820 г. Иркутская казенная экспедиція представляла объ удаленіи отъ должности смотрителя Иркутскаго солеваренпаго завода, Портнягина, за разные безпорядки. Въ отвѣтѣ своемъ Сперанскій, между прочимъ, указывалъ экспедиціи на то, что на Иркутскомъ заводѣ, какъ ему извѣстно, вываривается соль весьма слабая и грязная, и употребляется въ пищу только по необходимости. Онъ предложилъ экспедиціи принять дальнѣйшія мѣры къ приведенію завода въ лучшее устройство и къ улучшенію на немъ солеваренія [3]).

14 декабря того же года, во время рѣкостава, Ангара разлилась такъ сильно, что затопила заводскіе варницы и солевареніе на заводѣ было остановлено [4]).

Садка соли, между прочимъ, производилась въ соляныхъ ключахъ по рѣкѣ Вилюю. Во время Сперанскаго садка на прежнемъ ключѣ значительно уменьшилась. Въ замѣнъ его отыскапъ былъ новый, въ разстояніи не далѣе 300 в. отъ Верхневилюйскаго коммисарства. Ключъ этотъ, по мѣстнымъ донесеніямъ, протекалъ на протяженіи пяти верстъ, въ ложбинѣ, «съ восточной стороны, на полдень»; по сторонамъ его находились мелкія соляныя озера. Мѣстность ключа была гористая, провозъ оттуда соли чрезвычайно труденъ и возможенъ только зимой. Тѣмъ не менѣе казенная экспедиція просила разрѣшенія на перевозку съ этого ключа соли

---

[1]) Предп. 27 сентября 1820 г., № 374.
[2]) Св. 208, № 4.
[3]) Св. 83, № 157. Предп. 7 апрѣля 1820 г.
[4]) Св. 212, № 68.

для Верхоянскаго коммисарства. Сперанскій, отъ 28 мая 1820 г. утвердилъ это представленіе, основываясь на томъ, что садка соли въ прежнемъ ключѣ значительно уменьшилась, и что перевозка соли изъ новаго ключа будетъ обходиться дешевле, нежели изъ прежняго [1]).

Въ 1819 г. казенная экспедиція, основываясь на донесеніи Охотскаго начальника, что находившейся въ тамошнемъ магазинѣ соли, 1534 п. 11 ф., достанетъ безъ малаго на три года, предполагала остановить на одинъ годъ выварку ея на Охотскомъ заводѣ. Сперанскій, согласно съ мнѣніемъ Трескина, разрѣшилъ эту остановку съ тѣмъ, чтобы обезпеченіе продовольствія солью жителей Охотскаго и Камчатскаго края, до новой выварки, оставлено было на отвѣтственности Охотскаго начальника, и чтобы, пользуясь этой остановкой, успѣно было заготовленіе дровъ и заводъ былъ исправленъ къ безостановочному дѣйствію на будущее время [2]).

Между тѣмъ министръ финансовъ требовалъ свѣдѣній о причинахъ чрезвычайнаго возвышенія стоимости производства соли въ этомъ заводѣ. Мѣстное начальство относило это къ возвышенію цѣнъ на всѣ вещи и матеріалы, особенно на провіантъ, къ увеличенію числа ссыльныхъ, присылаемыхъ на заводъ безъ особенной необходимости; къ увеличенію дачи провіанта ссыльнымъ и назначенію выдачи ихъ женамъ и дѣтямъ. Сперанскій призналъ эти причины справедливыми и увѣдомилъ о томъ министра 1 августа 1821 г. Въ то же время онъ распорядился, чтобы губернское правительство отправляло ссыльныхъ въ Охотскій заводъ только тогда, когда тамошній начальникъ признаетъ это нужнымъ и будетъ требовать ихъ присылки [3]).

Въ 1821 г. въ Петропавловскій портъ вошелъ корабль короля Сандвичевыхъ острововъ, «Гайдеруа», съ 2000 п. соли. Рикордъ купилъ эту соль по 2 р. пудъ. Представлялась возможность пріобрѣтать ее и на будущее время не дороже 2 р. 50 к. Между тѣмъ выварка соли на Охотскомъ заводѣ обходилась казнѣ обыкновенно по 10 р.; въ 1817 и 1818 г. обошлась *только* по 8 р. пудъ. Кромѣ того, пересылка ссыльныхъ отъ Иркутска до Охотска для работъ на этомъ заводѣ сопряжена была съ большими затрудненіями, а побѣги ихъ, какъ съ дороги, такъ и съ завода, были причиною гра-

---

[1]) Св. 212.

[2]) Св. 208, № 3. Предп. 24 сентября 1819 г.

[3]) Св. 208, № 8.

бежей и другихъ безпорядковъ. Сперанскій поручилъ Ушинскому, въ случаѣ нужды, заимствовать изъ Камчатки привезенную туда «добротную» соль и тѣмъ избавить казну отъ великихъ издержекъ за соль, приготовляемую въ Охотскѣ. Ушинскій находилъ излишнимъ такое заимствованіе, потому что въ Охотскѣ было много соли съ собственнаго завода. «Я согласенъ съ вами, отвѣчалъ ему на это Сперанскій 26 мая 1822 г., что портъ не имѣетъ нужды въ соли нынѣ, и по наличному запасу теперь приготовленной на его заводѣ не будетъ имѣть въ ней нужды еще до двухъ лѣтъ, какъ изъ донесенія вашего видно. Въ предписаніи моемъ, отъ 24 декабря 1821 г., № 475, также не было той мысли, чтобъ нынѣ, безъ потребности для Охотска, заимствовать соль изъ Камчатки. Но предполагаемо было и теперь предполагается, что если вслѣдствіе Высочайшаго разрѣшенія и впредь съ Сандвичевыхъ острововъ или и Доблемъ изъ Макао и другихъ мѣстъ будетъ привозима соль въ Камчатку, то представляется казнѣ возможность, отъ употребляемыхъ доселѣ на добываніе соли на Охотскомъ заводѣ великихъ издержекъ освободить себя перевозкою туда сей жизненной потребности на будущее время изъ Камчатки: ибо сія иностранная соль, судя по той цѣнѣ, по какой она куплена въ Камчаткѣ въ прошедшій разъ (по 2 р. 50 к. пудъ), конечно не много чѣмъ дороже будетъ обходиться и въ Охотскѣ, тогда какъ на заводѣ его приготовляемая стоитъ казнѣ болѣе 10 руб. каждый пудъ. Посему я прошу ваше в-діе войти въ подробныя о семъ предметѣ изъясненія съ г. начальникомъ Камчатки и, если представится возможность, положить на мѣрѣ обезпеченіе Охотска солью навсегда изъ Камчатки, и тѣмъ совершенно уничтожить солевареніе его» [1]).

Вслѣдъ затѣмъ, вопросъ о продовольствіи отдаленныхъ мѣстъ солью разсматривался въ Тарифномъ комитетѣ вмѣстѣ съ общимъ вопросомъ о продовольствіи тѣхъ мѣстъ и объ иностранной торговлѣ въ нихъ. Сперанскій предлагалъ возложить на Американскую Компанію поставку въ Камчатку съ Сандвичевыхъ острововъ отъ 2 до 3000 пуд. соли. Когда вопросъ этотъ былъ въ Тарифномъ комитетѣ отложенъ, Сперанскій обратился къ гр. Гурьеву съ настоятельнымъ представленіемъ о необходимости закрыть Охотскій заводъ. Кромѣ дороговизны, какъ главнаго повода къ уничтоженію завода, онъ представлялъ еще слѣдующія обстоятельства: «Къ производству работъ на Охотскомъ заводѣ употребляются ссыльные; непремѣнное число ихъ до 100 человѣкъ. Не говоря о томъ,

[1]) Св. 349, № 18. Предп. 26 мая 1822 г.

какое отягощеніе составляетъ самое препровожденіе ихъ туда отъ Якутска, и что они по прибытіи часто дѣлаются за увѣчьями или старостію лѣтъ къ работѣ неспособными, увольняются на свое пропитаніе по городу и уѣзду и тѣмъ умножаютъ только число безполезныхъ людей [1]) въ странѣ малолюдной, и такъ сказать безхлѣбной—одно содержаніе ихъ подъ стражею при заводѣ не представляетъ возможности: собственно для караула ихъ отдѣляется до 80 человѣкъ казаковъ и матросовъ [2]). Не смотря на сіе нельзя прекратить ихъ безпрестанныхъ побѣговъ. Отсюда разбои и грабежи. Сперва идутъ они по тракту отъ Охотска къ Якутску, грабятъ купеческіе обозы, нападаютъ на малолюдныя селенія, потомъ пускаются по инородческимъ наслегамъ, отнимаютъ все — и оружіе и запасы и проч. и проч. — и скрываются въ непроходимыхъ горахъ и чащахъ лѣсовъ до новыхъ разбоевъ: преслѣдованіе ихъ тамошнею полиціею всегда безуспѣшно и всегда будетъ для нихъ совершенно ничтожно, какъ по малочисленности ея, такъ и потому, что убѣжища ихъ суть пространства горъ и лѣсовъ необъятныя и ненаселенныя. Посему самому Охотское и Якутское начальства, и настоящее и прежде бывшее, соединяя сіе обстоятельство съ прочими неудобствами производства въ Охотскѣ солеваренія, всегда требовали прекращенія его въ томъ краѣ, или перенесенія на другое мѣсто. Въ недавно полученномъ мною представленіи отъ нынѣшняго Якутскаго областнаго начальника, въ подлинникѣ у сего препровождаемомъ, ваше сіятельство усмотрѣть изволите настоятельное требованіе по сему же предмету. Онъ предполагаетъ перевести заводъ изъ Охотска въ Камчатку. Предположеніе сіе хотя не можетъ быть принято даже и по тому уваженію, сверхъ многихъ другихъ, что если нѣтъ способовъ въ Охотскѣ къ отвращенію отъ побѣговъ ссыльныхъ съ завода, то въ Камчаткѣ еще менѣе можно будетъ имѣть ихъ по меньшему числу стражи; но я считаю нужнымъ препроводить донесеніе сіе въ благоусмотрѣніе вашего сіятельства, какъ новое доказательство того неудобства, съ какимъ сопряжено существованіе Охотскаго завода и новое настояніе о его уничтоженіи» [3]).

Это настояніе осталось однакоже въ то время безъ дальнѣйшихъ

[1]) По свѣдѣніямъ, число таковыхъ ссыльныхъ въ одномъ Охотскѣ нынѣ до 50 человѣкъ. (Пр. Спер.).

[2]) Отдѣленіе такой стражи на одинъ сей предметъ изъ наличныхъ 188 человѣкъ казаковъ и матросовъ есть само по себѣ отягощеніе. (Пр. Спер.)

[3]) Св. 349, № 18, отп. 21 іюля 1822 г.

послѣдствіи. Исполненіе его зависѣло отъ хода предположеній о мѣрахъ снабженія отдаленныхъ мѣстъ солью. Такъ, 29 іюля 1829 г., Лавинскій писалъ Цейдлеру, что по предположенію Сибирскаго комитета предназначается потребную для Камчатки соль получать чрезъ Россійско-Американскую Компанію съ Сандвичевыхъ острововъ и потому состояніе и положеніе Охотскаго завода можетъ измѣниться. Охотскій заводъ уничтоженъ только въ 1837 г. [1]).

На юго-востокѣ Забайкалья, около р. Онона, близъ китайской границы, находится Борзинское самосадочное озеро. Когда-то оно давало огромное количество соли. Въ 1772 г., напримѣръ, было добыто ея 85500 п. Но въ послѣдніе годы садка соли значительно уменьшилась. Въ 1813 г. было добыто 6921 п. 3 ф., въ 1817 г.— 2402 п. 2 ф., въ 1819 г.—318 п. 20 ф., въ 1820 г.—только 90 п.— Въ промежуточные годы вовсе не было садки. Соль развозилась сухопутно, вольнымъ подрядомъ, въ Нерчинскъ, Большой заводъ, Тургинскую и Чиндантскую стойки [2]). Озеро это было чрезвычайно важно для жителей Нерчинскаго края, отдаленныхъ отъ другихъ мѣсторожденій соли; тѣмъ болѣе непостоянство и уменьшеніе садки на немъ должны были обратить на себя вниманіе. Заводскіе крестьяне, страдая отъ неурожаевъ, терпѣли и отъ недостатка соли. Доставка ея съ Селенгинскаго и Иркутскаго заводовъ была убыточна для казны и тягостна для народа.

Мы уже видѣли, что Сперанскій еще въ декабрѣ 1819 г. указалъ казенной экспедиціи на необходимость тщательно изслѣдовать Борзинское озеро. Вскорѣ послѣ обозрѣнія Забайкалья, 31 мая 1820 г. онъ поручилъ Нерчинскому городничему Елину подробно осмотрѣть это озеро; свѣрить съ натурой посланное ему описаніе; изыскать причины неравномѣрности садки соли; если откроется садка, и будетъ «благонадежна», то сдѣлать необходимыя распоряженія. Между прочимъ указывалось на то, что Борзинская соль, смѣшанная съ гужиромъ, имѣетъ особенный видъ; поручалось испытать, можетъ ли она быть очищена домашнею переваркой.

---

[1]) Св. 106, № 21.

[2]) По словамъ Нерчинскаго горнаго начальника Фриша, озеро находилось отъ Большаго завода только въ 320 в., а отъ Кличкинскаго рудника около 150 в.; по другимъ свѣдѣніямъ—отъ Большаго завода 523 в., отъ Тургинской стойки 866 в. Въ запискѣ Сперанскаго разстояніе его показано: отъ Иркутска 997, Нерчинска 274, Чиндантско-Турутуевскаго караула 80 в., китайской границы 30 в.; озеро находится между караулами Чиндантскимъ (14 в.) и Кулутаевскимъ (30 в.); форма его—овальная; окружность 3 в. 172 саж.

Вообще Елину поручалось сообщить все, что онъ найдетъ или придумаетъ «къ усовершенію сей весьма важной части соляной промышленности».

Вслѣдъ затѣмъ Нерчинскій горный начальникъ Фришъ доносилъ Сперанскому (30 іюня 1820 г.), что если бы количество соли на Борзинскомъ озерѣ было всегда избыточно, или, по крайней мѣрѣ, одинаково надежно, то перевозка оттуда соли могла бы дать порядочный промыселъ бѣднымъ жителямъ, и облегчить Иркутскія и Верхнеудинскія варницы. Для того, чтобы точнѣе изслѣдовать причины неравномѣрной садки соли и отыскать мѣсторожденія каменной соли, которыя, по мнѣнію Фриша, находились ниже поверхности дна озера,—онъ полагалъ передать озеро въ вѣдѣніе горной экспедиціи.

На основаніи собранныхъ по этому предмету свѣдѣній, Сперанскій составилъ подробную записку о Борзинскомъ озерѣ [1]). «Учрежденіе при озерѣ солеваренного завода,—говорилъ онъ между прочимъ,—по недостатку лѣсовъ, невозможно. Всѣ наблюденія, доселѣ надъ садкою соли въ семъ озерѣ сдѣланныя, ведутъ къ тому заключенію, что въ глубинѣ его или въ окрестности долженъ быть слой каменной соли, покрытый толстымъ пластомъ глины. Сколь ни вѣроятны сіи предположенія, но доселѣ еще не было сдѣлано о нихъ никакихъ изысканій. Въ 1813 г. извѣданы были и нѣкоторые увалы и долины въ окрестности озера; но время и средства, для сего употребленныя, были слишкомъ недостаточны, чтобы привести къ какому либо вѣрному заключенію. Для сего нужны ежегодныя и постоянныя испытанія буреніемъ, какъ въ озерѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, производимое людьми свѣдущими и опытными въ геогнозіи. Нерчинское уѣздное управленіе не имѣетъ къ сему никакихъ способовъ. Самое разстояніе озера отъ Нерчинска и чрезмѣрно гористыя сообщенія сему препятствуютъ. Напротивъ, Нерчинское горное начальство, и по близости озера къ его заводамъ, особенно къ Кутомарскому, и по сходству сихъ изысканій съ горными науками, имѣетъ всѣ средства принять на себя и совершить дѣло сіе съ успѣхомъ» [2]). На основаніи этихъ предположеній, издано было 23 января 1822 г. положеніе о Борзинскомъ соляномъ озерѣ [3]). Озеро передано въ горное вѣдомство; чиновникамъ, за отысканіе каменной соли, назначены награды. Положеніе это остается въ своей силѣ, съ тѣмъ только, что въ 1852 г. озеро снова

[1]) Описаніе Борзинскаго солянаго самосадочнаго озера. Св. 208, № 6, л. 29—47.

[2]) Св. 208, № 6.

[3]) П. С. З. № 28881.

перешло въ гражданское вѣдомство [1]). Неизвѣстно впрочемъ, на много ли подвинулись научныя изслѣдованія объ озерѣ отъ изданія этого положенія. Мысль объ этомъ Фриша и Сперанскаго едва ли осуществилась. Напротивъ, уже въ 1830 г. предполагалось отдать озеро въ частное содержаніе чиновнику Разгильдѣеву. Это не состоялось единственно по невыгодности условій, предложенныхъ Разгильдѣевымъ [2]).

Важнѣйшею изъ мѣръ по соляной части, принятыхъ въ Сибири во время Сперанскаго, было введеніе вольной продажи соли.

Еще 5 ноября 1811 г., когда Сперанскій былъ государственнымъ секретаремъ и принималъ самое дѣятельное участіе въ финансовыхъ мѣрахъ, Высочайше утверждено было мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ предполагалось ввести повсемѣстно вольную продажу соли. По мнѣнію совѣта, Высочайше утвержденному 4 января 1818 г., поручено было министру финансовъ войти въ сношеніе съ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ о мѣрахъ къ исполненію этого предположенія. Вслѣдъ затѣмъ [3]) издано было положеніе, дѣйствующее, въ главныхъ чертахъ, еще и донынѣ; но оно не распространялось на Сибирь. Трескинъ и Пестель, постоянные поборники казеннаго хозяйства и продовольствія народа мѣрами правительства, находили невозможнымъ ввести вольную продажу соли въ Сибири. Они находили, что при вольной продажѣ, и при огромныхъ пространствахъ, обыватели будутъ принуждены ѣздить за солью за нѣсколько сотъ верстъ, а бѣдные покупать ее у тѣхъ, кто привезетъ; что въ Сибири учреждено 50 соляныхъ стоекъ, куда соль доставляется тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ казенные магазины, только безъ убытка для казны, потому что усышка и утечка соли относится на счетъ поселянъ; что при введеніи вольной продажи придется оставить одни городскіе магазины, а стойки уничтожить; отъ этого возвысится продажная цѣна на соль; отъ дороговизны ея уменьшится, а у инородцевъ, недавно привыкшихъ къ соли, и вовсе прекратится потребленіе ея, а отдаленныя мѣста останутся совершенно безъ соли; наконецъ, что Иркутская губернія, по огромности ея протяженія, вовсе не похожа на другія, гдѣ эта мѣра возможна [4]). Трескинъ и Пестель оче-

[1]) П. С. З. № 26854.
[2]) Св. 209, № 13.
[3]) 5 августа 1818 г. П. С. З. № 27448.
[4]) Св. 2, № 10, отн. къ мин. фин. 31 мая 1818 г.

видно не понимали, что вольная продажа соли можетъ быть совмѣстна съ казенною, и что въ отдаленныхъ мѣстахъ, во всякомъ случаѣ, послѣдняя можетъ быть оставлена въ своей силѣ. Неизвѣстно, въ какой степени это непониманіе находилось въ связи съ развозкой соли, которая по Иркутской губерніи составляла весьма выгодную монополію Сибирякова сына.

Сперанскій нашелъ нужнымъ снова возбудить и разсмотрѣть во всей подробности вопросъ о вольной продажѣ соли. Уже въ приведенномъ нами отношеніи къ министру финансовъ, отъ 3 ноября 1819 г., онъ, между прочимъ, писалъ: «Разсматривая порядокъ солянаго продовольствія въ Сибири въ общемъ его видѣ и пріемля въ уваженіе обиліе соляныхъ озеръ и источниковъ въ Томской губерніи, такъ какъ и удобность доставленія и развозки соли водянымъ путемъ, не могу я согласиться съ мнѣніемъ, чтобы введеніе здѣсь вольной соляной продажи, съ значительными выгодами и для казны и для обывателей, было невозможно. Свѣдѣнія, мною доселѣ по сей части собранныя, ведутъ меня къ сему заключенію; дополнивъ ихъ потребными разсчетами и подробностями, я надѣюсь въ свое время представить вашему высокопревосходительству о семъ полное предположеніе» [1]. Вслѣдъ затѣмъ онъ занялся собраніемъ «этихъ разсчетовъ и подробностей». 12 ноября 1819 г., онъ обратился съ слѣдующимъ предложеніемъ къ казенной палатѣ и экспедиціямъ:

«Мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено сдѣлать соображеніе о введеніи въ сибирскихъ губерніяхъ вольной продажи соли.

«Главныя основанія вольной продажи соли состоятъ въ слѣдующемъ:

«1) Поелику соляные источники, то есть озера и варницы, не только въ Сибири, но и во всѣхъ губерніяхъ, состоятъ въ мѣстахъ удаленныхъ отъ мѣстъ продовольствія, то для сего учреждаются, на извѣстныхъ пунктахъ и, по большей части, на рѣкахъ судоходныхъ, главные запасные магазины.

«2) Изъ сихъ главныхъ запасныхъ магазиновъ казна, посредствомъ соляныхъ коммисій, наполняетъ губернскіе и уѣздные магазины и содержитъ ихъ всегда въ достаточномъ количествѣ.

«3) Но вмѣстѣ съ симъ допускаетъ всѣмъ желающимъ, какъ изъ главныхъ запасныхъ, такъ и изъ уѣздныхъ магазиновъ и отъ самыхъ источниковъ, отпускъ соли на вольную продажу за извѣст-

---

[1]) Св. 208, № 7.

ную и ежегодно установляемую плату, предоставляя имъ, впрочемъ, развозя сію соль по всѣмъ губерніямъ и уѣздамъ безъ различія, продавать ее по цѣнамъ вольнымъ.

«4) Сіи цѣны ограничиваются тѣмъ единственно, что въ то же самое время казна содержитъ свои уѣздные магазины всегда открытыми по извѣстной и ежегодно установляемой цѣнѣ.

«5) Цѣна сія слагается: 1) изъ того, что заготовленіе соли самой казнѣ стоитъ; 2) изъ провоза; 3) изъ умѣреннаго въ пользу ея дохода.

«6) Очевидно, что, при семъ назначеніи, цѣны въ мѣстахъ, къ источникамъ близкихъ, были бы весьма низки, а въ мѣстахъ удаленныхъ слишкомъ высоки, и слѣдовательно обращались бы или въ убытокъ казнѣ, или въ отягощеніе народу; для отвращенія сего неудобства, которое впрочемъ и въ другихъ губерніяхъ точно также какъ и въ Сибирскихъ могло бы существовать, плата съ соли, отпускаемой вольнымъ промышленникамъ, при источникахъ возвышается, а, напротивъ, при главныхъ магазинахъ понижается и тѣмъ приводится въ равновѣсіе.

«На сихъ главныхъ основаніяхъ и на соображеніи состоявшихся доселѣ о соляномъ промыслѣ подробныхъ постановленій, казенная палата не оставитъ разсмотрѣть и составить предположенія:

«1) Въ какихъ мѣстахъ должны быть учреждены главные запасные магазины.

«2) По какимъ цѣнамъ, судя по сложности пяти или шести прошедшихъ лѣтъ, соль можетъ въ нихъ самой казнѣ обходиться.

«3) По какимъ цѣнамъ соль вольнымъ промышленникамъ какъ отъ источниковъ, такъ и изъ главныхъ и изъ уѣздныхъ магазиновъ можетъ быть отпускаема, чтобъ цѣны ея въ ближайшихъ мѣстахъ не были слишкомъ низки, а въ отдаленныхъ слишкомъ высоки, чтобъ частные люди находили бы свои выгоды въ развозкѣ соли и чтобы казна, освободясь отъ мелочной продажи и содержа свои уѣздные магазины единственно для умѣренія цѣнъ, получала бы главный свой доходъ отъ продажи оптовой.

«4) Само собою разумѣется, что при семъ распорядкѣ стойки, коихъ содержаніемъ мірскія общества нынѣ во многихъ мѣстахъ крайне отягощаются, будутъ уже излишни, исключая мѣстъ самыхъ отдаленныхъ, куда частная промышленность проникнуть не можетъ, и гдѣ, по необходимости, должно ограничиться одною казенною продажею; но какъ съ одной стороны мѣстъ сихъ не много,

и расходъ соли въ нихъ и по малому населенію и по роду обывателей незначителенъ, то и убытокъ будетъ маловаженъ.

5) Сіи соображенія, съ принадлежащими къ нимъ исчисленіями, предлагаю казенной палатѣ изготовить и представить ко мнѣ къ 15 числу генваря будущаго года, присовокупивъ къ онымъ вѣдомости по формѣ а, о настоящемъ положеніи солянаго продовольствія».

Тобольскому губернатору фанъ-Бриицу, долго служившему вице-губернаторомъ, тогда же поручено было содѣйствовать казенной палатѣ по этому предмету всѣми его свѣдѣніями и опытностію.

Сообщая, 17 декабря 1819 г., министру финансовъ о своихъ распоряженіяхъ къ уменьшенію убытковъ казны отъ соляной продажи, Сперанскій снова писалъ, что эта часть, при введеніи вольной соляной продажи, безъ сомнѣнія можетъ приносить и значительный доходъ. Онъ прибавлялъ однакожъ, что отдаленныя мѣста, «само собою разумѣется», въ это положеніе не входятъ.

Палата и экспедиціи представили самыя подробныя свѣдѣнія о положеніи соляной части въ губерніяхъ и вообще высказывались въ пользу вольной продажи. Тобольскій губернаторъ указывалъ, также, что сибирская соль нужна для Пермской и Оренбургской губерніи и поэтому нужно заботиться о возможномъ удешевленіи цѣнъ на нее. Не смотря на то, Сперанскій нашелъ нужнымъ подвергнуть этотъ вопросъ еще особому обсужденію. Онъ обратился съ письмами къ Тобольскому и Томскому вице-губернаторамъ. Мы приводимъ вполнѣ это замѣчательное посланіе, помѣченное 1 іюня 1820 г.

«Между разными предположеніями къ лучшему устройству Сибири есть два, въ коихъ особенное содѣйствіе ваше будетъ мнѣ нужно.

«Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что давно уже начата была переписка между г. министромъ финансовъ и предмѣстникомъ моимъ о введеніи въ Сибири вольной соляной продажи и казенной винной продажи. Переписка сія нынѣ и съ большимъ еще настояніемъ возобновилась.

«Я разсматривалъ во всей подробности всѣ мѣстныя возраженія и не нашелъ въ нихъ ничего неразрѣшимаго. Изъ всѣхъ Сибирскихъ губерній Иркутская, безъ сомнѣнія, представляетъ наиболѣе трудностей; но, по внимательномъ ихъ на мѣстѣ соображеніи, я нашелъ, что и сіи трудности не суть непреодолимы. Все дѣло состоитъ въ нѣкоторыхъ изъ общихъ правилъ исключеніяхъ изъ, кои допустить по необходимости будетъ должно.

«Соображенія сіи по Иркутской губерніи почти окончены; я началъ съ сей губерніи именно для того, что она съ перваго взгляда представляетъ болѣе несходностей.

«По прочимъ губерніямъ собраны также главныя и существенныя свѣдѣнія; но нужно сообразить ихъ на мѣстѣ и сколь можно точнѣе. Трудъ сей никто не можетъ совершить съ лучшимъ успѣхомъ, какъ вы. Здѣсь назначу я одни первоначальныя его черты.

«*1) О соли.* Введеніе вольной соляной продажи основано на одной главной мысли: оптовая продажа принадлежитъ казнѣ; розничная вольнымъ промышленникамъ, всѣмъ безъ изъятія. Казенная продажа имѣетъ свои установленныя цѣны; въ розничной цѣны вольныя. Цѣны казенной продажи установляются соразмѣрно издержкамъ, казною на провозъ употребляемымъ, съ прибавленіемъ нѣкоторой прибыли. Сія прибыль такъ располагается, чтобъ вольнымъ промышленникамъ была нѣкоторая выгода развозить соль по селеніямъ, но чтобъ выгоду сію никогда не могли они слишкомъ возвышать въ отягощеніе народу. Для чего установляются два рода магазиновъ: одни—большіе или первоклассные, другіе—средніе; въ Сибири можно еще прибавить—малые. Первые магазины учреждаются единственно для оптовой складки и для большихъ оптовыхъ отпусковъ; вторые и третьи учреждаются для умѣренія цѣнъ вольной продажи. Посему первые располагаются въ мѣстахъ удобныхъ къ дальнѣйшей развозкѣ и обширному сообщенію. Вторые такъ располагаются, чтобъ они не слишкомъ были близки другъ отъ друга, чтобъ пресѣчь вольный промыселъ, ни слишкомъ далеки, чтобъ доставить ему неумѣренное или своевольное въ цѣнахъ возвышеніе; словомъ, они такъ располагаются, чтобъ каждый обыватель могъ по своему разсчету снабдить себя солью или отъ вольнаго промышленника, или изъ казеннаго магазина, если цѣны перваго будутъ неумѣренны.

«Посему все соляное управленіе дѣлится на три главныя части: 1) Управленіе соляными источниками, т. е. извлеченіе соли на озерахъ и выварка ея на заводахъ. 2) Доставленіе ея въ магазины. 3) Оптовая продажа изъ магазиновъ. Первая и въ новомъ предположеніи не имѣетъ нужды въ перемѣнахъ, кромѣ тѣхъ, кои и при настоящемъ порядкѣ могутъ послужить къ ея усовершенію. Здѣсь должно токмо ввести правиломъ, чтобъ соль ни подъ какимъ видомъ ни оптомъ, ни въ розницу на самыхъ источникахъ и варницахъ не продавалась. Опытъ въ Россіи обнаружилъ тутъ многія злоупотребленія. Вторая часть въ существѣ своемъ остается также почти безъ перемѣны. Развозка соли можетъ быть располагаема

подрядомъ или коммисіями. Учреждать для сего особенную солеваренную коммисію, кажется, будетъ не нужно. Третья часть требуетъ одного мѣстнаго приложенія правилъ, въ Россіи вообще принятыхъ. Тутъ должно опредѣлить: 1) Мѣста для магазиновъ всѣхъ трехъ размѣровъ. 2) Назначить пропорціи соли по среднимъ расходамъ и по соображенію съ населеніемъ. Въ общемъ большомъ счетѣ полагается достаточнымъ соли 18 ф. въ годъ на ревизскую душу. 3) Сдѣлать примѣрное исчисленіе разныхъ цѣнъ, по коимъ изъ сихъ магазиновъ соль можетъ быть продаваема сообразно цѣнамъ провознымъ и той прибыли, которую нынѣ казна отъ продажи соли получаетъ.

«2) *О винѣ.* Послѣднимъ учрежденіемъ, для С.-Петербургской губерніи изданнымъ, управленіе винной продажи постановлено на тѣхъ же самыхъ правилахъ, на коихъ стоитъ соляная. Правила весьма просты и удобоисполнительны. Они легко могутъ быть приложены къ Сибирскимъ губерніямъ. Изъятія должны быть постановлены для однихъ отдаленныхъ краевъ, какъ-то: для Камчатки, Охотска, Якутска, Туруханска, Нарыма, Березова, и части Тобольскаго и Туринскаго уѣздовъ, изъ коихъ въ нѣкоторыя ввозъ вина вовсе слѣдуетъ запретить, а въ другихъ оставить исключительно въ казенномъ управленіи.

«На сихъ главныхъ основаніяхъ положено устроить обѣ сіи части:—одну съ 1822 года, а другую съ 1823 г. Хотя срокъ сей кажется и отдаленъ, но предварительное образованіе втеченіи нынѣшняго лѣта должно быть кончено. А посему, чѣмъ скорѣе изволите вы заняться сею работою, тѣмъ будетъ она успѣшнѣе.

«Излишне было бы, по извѣстному вашему образу мыслей, представлять вамъ въ семъ трудѣ какія либо особенныя побужденія. Ограничиваюсь двумя примѣчаніями: 1) Что сношенія сіи, бывъ основаны на личной довѣренности, должны до времени оставаться безъ огласки. 2) Что они дѣлаются по препорученію и желанію министра финансовъ, и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ трудъ вашъ не можетъ быть устраненъ отъ его вниманія и лишиться принадлежащей оному справедливости. Если нужно въ семъ личное мое ручательство, то представляю вамъ его съ удовольствіемъ и увѣренностью».

Вслѣдъ затѣмъ, 29 іюля, учреждено было въ Иркутскѣ, изъ Зеркалеева и совѣтниковъ экспедиціи, Дорофеева и Тукалевскаго, особое присутствіе, для разсмотрѣнія предположеній объ устройствѣ соляной и винной части.

По этому поводу доставлено было къ Сперанскому множество

новыхъ свѣдѣній [1]). Доставлены были и новыя предположенія. Тобольскій вице-губернаторъ признавалъ необходимымъ примѣнить къ Сибири, въ отношеніи продажи соли, во всей силѣ положеніе 5 августа 1818 г. Онъ жаловался на недостатокъ надежныхъ чиновниковъ для перевозки соли и предполагалъ производить эту перевозку подрядомъ. Онъ предполагалъ также имѣть въ оптовыхъ магазинахъ не половинную, какъ полагала казенная палата, а полную пропорцію соли, и разрѣшить оптовую продажу изъ магазиновъ, лежащихъ на Коряковской пристани. Иркутское особое присутствіе признавало возможнымъ ввести въ дѣйствіе уставы—12 апрѣля 1817 г. по винной и 5 августа 1818 г. по соляной части. Оно также указывало на недостатокъ въ благонадежныхъ чиновникахъ, который, по мнѣнію его, надлежало устранить въ Сибири прежде введенія казенной винной и вольной соляной продажи. Присутствіе предполагало закрыть 49 стоекъ и одинъ магазинъ [2]).

Всѣ эти свѣдѣнія и предположенія разсмотрѣны были Сперанскимъ съ величайшимъ вниманіемъ. Это видно изъ множества помѣтокъ его руки, сдѣланныхъ на поляхъ. Онъ даже составлялъ черновыя вѣдомости о движеніи соляной продажи. Наконецъ, всѣ эти предположенія, различныя въ частностяхъ, но совершенно согласныя въ главныхъ основаніяхъ, были обработаны въ стройный проектъ. Сперанскій представилъ его министру финансовъ 28 ноября 1820 г. «Предположеніе сіе, писалъ онъ, раздѣляется на четыре части; изъ нихъ *въ первой* представляется настоящее положеніе соляного управленія, съ принадлежащими къ тому свѣдѣніями; *во второй* содержится введеніе къ будущему устройству; въ *третьей* излагаются постоянныя правила сего устройства; въ *четвертой* нѣкоторыя единовременныя распоряженія. Въ составленіи сего предположенія принято было главнымъ образомъ, чтобъ соляное управленіе, которое во всѣхъ трехъ сибирскихъ губерніяхъ доселѣ оставалось, съ нѣкоторыми частными перемѣнами, въ прежнемъ положеніи, привести къ общему порядку, уставомъ о соли 1818-го года введенному, допустивъ тѣ только изъятія, кои, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, необходимы. Притомъ принимаемы мною были въ соображеніе всѣ мѣстныя свѣдѣнія, отъ Тобольской казенной палаты, отъ Томской и Иркутской казенныхъ экспедицій

---

[1]) Въ числѣ ихъ, между прочимъ, любопытны—топографическое и статистическое описаніе соляныхъ озеръ Семипалатинской дистанціи землемѣра Звѣрева, а также записка о добычѣ соли въ Томской губерніи и другія бумаги, частію безъ подписи, вѣроятно взятыя Сперанскимъ во время пребыванія его въ Томскѣ.

[2]) Предположенія Горлова, Томскаго вице-губернатора, не отысканы.

и отъ гражданскихъ губернаторовъ, мнѣ представленныя. Свѣдѣнія сіи весьма многосложны и разнообразны, но всѣ они согласны въ двухъ существенныхъ предметахъ; а именно, что часть сія въ Сибирскихъ губерніяхъ требуетъ исправленія, и что исправленія сего должно искать въ соображеніи ея съ общими правилами, въ новомъ уставѣ о соли изображенными. Срокомъ ко введенію сего устава полагается 1822 г., слѣдственно цѣлый годъ оставляется для нужныхъ приготовленій; время сіе будетъ достаточно; но, судя по разстояніямъ, не будетъ излишно.

«Вмѣсто проекта штатовъ солянаго управленія, представляется здѣсь одно примѣрное росписаніе. Одинъ опытъ можетъ привести въ точную извѣстность всѣ потребности сего управленія и показать, что можно будетъ въ семъ росписаніи убавить или дополнить».

Намъ неизвѣстенъ проектъ Сперанскаго. Должно думать, что онъ, по крайней мѣрѣ въ формѣ, подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ въ министерствѣ. При письмѣ 27 сентября 1821 г. графъ Гурьевъ послалъ къ Сперанскому проекты: а) правилъ солянаго управленія въ Сибири; б) положенія о Борзинскомъ озерѣ; в) росписанія магазиновъ и стоекъ; г) штата; д) указа сенату. «Всѣ сіи бумаги, писалъ Гурьевъ, основаны на вашихъ предположеніяхъ»;—только въ штатѣ исключены были оклады жалованья, такъ какъ назначеніе ихъ зависѣло отъ министра финансовъ; но въ общее росписаніе онъ внесетъ тѣ оклады, какіе назначены Сперанскимъ. Министръ просилъ разсмотрѣть эти бумаги и прислать къ нему съ своими замѣчаніями. Такимъ образомъ это былъ контръ - проектъ, по которому требовалось заключеніе генералъ-губернатора. Во всякомъ случаѣ онъ не отличался существенно отъ собственныхъ предположеній Сперанскаго. Сперанскій тотчасъ же (1 октября) отвѣчалъ, что находитъ эти проекты совершенно сообразными съ мѣстнымъ положеніемъ края и выгодными какъ для казны, такъ и для обывателей [1]).

«Правила для солянаго управленія въ Сибири» изданы 23 января 1822 г. [2]). Продажа соли въ Сибири установлена вольная и казенная. На Сибирь распространено дѣйствіе общаго устава о соли. Добываніе соли изъ казенныхъ источниковъ производится изъ озеръ вольнонаемными, а на заводахъ—рабочими изъ ссыльныхъ. Развозъ соли въ мѣста продажи производится распоряже-

[1]) Св. 2, № 10.

[2]) П. С. З. № 28880.

ніемъ казны, но для тѣхъ стоекъ, куда соль развозилась прежде попеченіемъ крестьянскихъ обществъ, этотъ порядокъ остается въ своей силѣ. Оптовые подряды на развозъ казенной соли не должны быть допускаемы; она развозится или чрезъ казенныхъ коммисіонеровъ, или вольнымъ наймомъ, или раздробительными подрядами. По мѣрѣ расширенія вольной продажи, развозъ соли въ стойки и самое существованіе ихъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, могутъ быть вовсе отмѣнены. Казенная продажа соли производится, по особому росписанію, изъ магазиновъ оптовыхъ и мѣстнаго продовольствія и изъ стоекъ. Право вольной продажи соли предоставляется людямъ всѣхъ состояній, за исключеніемъ служащихъ по соляному управленію чиновниковъ и служителей и ихъ семействъ.

Въ мѣстахъ продажи соли были сдѣланы значительныя измѣненія. Число оптовыхъ магазиновъ вообще увеличено, а число мѣстъ раздробительной продажи значительно уменьшено [1]). Увеличеніе числа оптовыхъ магазиновъ служило ручательствомъ за то, что правительство твердо намѣрено расширить средства къ развитію вольной торговли солью. Если въ Иркутской губерніи нѣсколько увеличилось число магазиновъ мѣстнаго продовольствія, то потому только, что вмѣсто нѣсколькихъ стоекъ учреждалось по одному магазину. Между прочимъ учрежденъ былъ магазинъ и въ Селенгинскѣ, жители котораго такъ сокрушались о закрытіи у нихъ стойки [2]).

Основныя черты этихъ правилъ остаются въ своей силѣ и въ настоящее время. Только управленіе соляною частью, съ 1869 г., перешло изъ вѣдомства казенныхъ палатъ въ акцизныя управленія, и въ разное время сдѣланы нѣкоторыя, впрочемъ незначительныя, частныя дополненія общихъ правилъ.

[1]) Въ Тобольской губерніи, вмѣсто одного Тобольскаго, учреждены еще три—въ Усть-Ишимѣ, въ Ялуторовскѣ и Тюмени. Въ Томской и Иркутской вовсе не было оптовыхъ магазиновъ: въ первой назначенъ магазинъ при Коряковской пристани, одинъ или два на пути отъ Алеусскихъ озеръ въ Томскій и Каинскій уѣзды, одинъ или два по направленію отъ сѣверныхъ Боровыхъ озеръ на Оби, магазинъ по направленію пути отъ оз. Степнаго къ Енисею, и одинъ или два по направленію солевозныхъ путей въ Тасеевское, Богучанское и Канское коммисарства. Въ Иркутской губерніи—Иркутскій, въ Кабанскомъ острогѣ Верхнеудинскаго и въ сел. Ноймѣ Нижнеудинскаго уѣздовъ. За то число мѣстъ раздробительной продажи было значительно уменьшено, и именно:

	было: магазиновъ	было: стоекъ	оставлено: магазиновъ	оставлено: стоекъ
Въ Тобольской губерніи	10	2	7	2
— Томской —	16	6	16	5
— Иркутской —	9	60	12	24

[2]) П. С. З. 28880.

Трудно рѣшить, насколько пользы Сибири принесло это новое положеніе. На это нужны статистическія данныя, которыхъ мы не имѣемъ. Вообще частная соляная торговля развивается здѣсь довольно медленно [1]; тѣмъ не менѣе она развивается, а этого не могло бы быть при прежней казенной монополіи. Во всякомъ случаѣ, если и существуютъ какія нибудь задержки по этой части, то онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть слѣдствіемъ ни буквы, ни тѣмъ менѣе духа правилъ, изданныхъ по мысли Сперанскаго.

—

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Питейные откупа.—Несогласія.—Винокуреніе.—Предположенія.

Винная продажа въ Сибири отдана была сенатомъ на откупъ на четырехлѣтіе съ 1819 по 1823 годъ. По малому числу желающихъ, контрактъ съ откупщиками предоставлялъ имъ чрезвычайныя выгоды: дозволеніе курить вино на частныхъ заводахъ и продавать его, сверхъ установленной пропорціи, безъ особой за то платы; откупщикъ, продавъ все контрактное вино, могъ, не требуя болѣе вина, продавать однѣ водки по произвольнымъ цѣнамъ. Пропорціи казеннаго вина назначены были слишкомъ малы; содержатели, особенно въ Тобольской и Томской губерніяхъ, могли распродавать огромныя количества своего вина, почти ничего не платя за это въ казну. Но кромѣ этихъ выгодъ, дозволенныхъ контрактами, въ питейной продажѣ существовали и большія злоупотребленія. Сидѣльцы почти вездѣ продавали вино незаконной доброты и выше установленныхъ цѣнъ. За это злоупотребленіе, если оно открывалось, содержатель обязанъ былъ только заплатить вдвое за проданное такимъ образомъ вино; а какъ въ этомъ подлогѣ можно было уличать сидѣльца только въ мелкихъ раздробительныхъ продажахъ, то штрафъ и не могъ быть значителенъ. Въ Томской губерніи одинъ и тотъ же содержатель, или, по крайней мѣрѣ, одинъ и тотъ же торговый домъ, ставилъ по подрядамъ хлѣбъ на винокуренные заводы, производилъ на нихъ винокуреніе и содержалъ большую часть откупа. Все это должно было терпѣть по необходимости: къ торгамъ никто не являлся; капиталистовъ въ Сибири было не много, и тѣ были заняты другими дѣлами. Такой порядокъ былъ убыточенъ для казны и весьма тягостенъ для народа [2].

---

[1] Такъ въ Иркутскѣ казенная продажа соли закрыта только съ 1870 г.

[2] Отчетъ.

Томскимъ откупщикомъ былъ генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ; Иркутскими—купцы Патюковъ и Кузнецовъ. Кто содержалъ откупъ въ Тобольскѣ, мы не знаемъ.

Въ залогъ отъ Патюкова и Кузнецова было принято имѣніе генеральши Бахметевой въ 2484 души. Право на залогъ имѣнія было дано Бахметевою Патюкову только по 25 іюня 1819 г. По истеченіи этого срока Бахметева отказалась отдать имѣніе въ залогъ на дальнѣйшее время. Кузнецовъ и Патюковъ обязались представить новые залоги, но этого не исполнили. Съ утвержденія Сперанскаго, казенная экспедиція предположила взять откупа въ казенное управленіе и вызвать на содержаніе ихъ новыхъ желающихъ. Мѣра эта произвела свое дѣйствіе. 9 февраля содержатели внесли въ пополненіе залога 100.000 руб., въ томъ числѣ 85.000 наличными и 15.000 билетами, и обязались вслѣдъ затѣмъ внести и остальные 30.000 р. «Такимъ образомъ, писалъ Сперанскій графу Гурьеву, и первоначальное допущеніе залога невѣрнаго исправлено, и откупъ поставленъ будетъ въ законное его положеніе» [1]).

Вопросъ о залогахъ этимъ еще не кончился. Имѣніе Патюкова состояло подъ запрещеніемъ по разнымъ взысканіямъ; въ то же время оно было принято и въ залогъ по откупу. По поводу передачи откупа Патюковымъ Кузнецову, о которой будетъ говорено ниже, палата требовала отъ губернскаго правительства, чтобы оно сдѣлало заключеніе о залогахъ. Губернское правительство спрашивало разрѣшеніе Сперанскаго: можетъ ли капиталъ Патюкова, состоящій подъ запрещеніемъ, быть въ то же время и залогомъ по откупамъ, и не слѣдуетъ ли обязать Кузнецова замѣнить эти залоги другими. Сперанскій нашелъ, что всѣ требованія присутственныхъ мѣстъ о наложеніи запрещеній на имѣніе Патюкова были въ виду прежде, нежели онъ допущенъ къ содержанію откуповъ, и что уступка Патюковымъ откупа Кузнецову не сдѣлала никакой существенной перемѣны въ свойствѣ залоговъ. Количество и свойство ихъ остались прежнія; сверхъ того, по распоряженію правительства, взятъ подъ запрещеніе Ирбинскій заводъ Патюкова, не бывшій прежде подъ запрещеніемъ. Но какъ дѣло это болѣе относилось къ казенной, нежели къ исполнительной экспедиціи, то Сперанскій поручилъ губернскому правительству разсмотрѣть его въ общемъ присутствіи обѣихъ экспедицій и гражданской и уголовной палатъ [2]). Большинство членовъ общаго при-

[1]) Отнош. 11 февраля 1820 г.
[2]) См. прилож. Предп. отъ 3 январл 1821 г., № 1.

сутствія признало залогъ Патюкова благонадежнымъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ оставался на виду и въ полной суммѣ, для обращенія впослѣдствіи на уплату поступившихъ на Патюкова исковъ. Сперанскій, отъ 28 февраля 1822 г., предложилъ губернскому правительству привести положеніе общаго присутствія въ исполненіе по большинству голосовъ, по 6-й главѣ генеральнаго регламента [1]). Впрочемъ откупъ, по истеченіи четырехлѣтія, расплатился исправно.

Между тѣмъ откупщикамъ дѣлались возможныя снисхожденія, не противныя откупнымъ условіямъ. Такъ, въ сентябрѣ 1819 г., откупщики просили разрѣшенія отправить въ Верхнеудинскъ 10000 в. вина сверхъ назначеннаго по росписанію. Казенная экспедиція затруднилась разрѣшить это ходатайство. Сперанскій нашелъ, что эта перевозка, въ существѣ, составляетъ только передвиженіе вина изъ одного казеннаго магазина въ другой, что ее предполагается произвести на счетъ откупщиковъ и что мѣра эта необходима для того, чтобы не пропустить послѣдняго удобнаго времени къ перевозкѣ за Байкалъ и тѣмъ не остановить тамъ винной продажи [2]). Онъ разрѣшилъ экспедиціи эту перевозку. Вслѣдъ затѣмъ экспедиція вошла съ представленіемъ объ отпускѣ откупщикамъ, по ихъ просьбѣ, 30500 в. вина для передвойки въ спиртъ. Сперанскій потребовалъ отъ экспедиціи разныхъ дополнительныхъ свѣдѣній. Сущность ихъ должна была состоять въ разъясненіи, какимъ образомъ экспедиція понимала въ подобныхъ случаяхъ разные §§ откупныхъ условій. Получивъ эти свѣдѣнія, Сперанскій, отъ 29 декабря, предложилъ экспедиціи поступить въ настоящемъ случаѣ «не иначе, какъ на прежнемъ основаніи и въ точной сообразности съ контрактомъ» [3]). Вслѣдъ затѣмъ [4]), онъ разрѣшилъ новое представленіе экспедиціи объ отпускѣ откупщикамъ вина для передвойки въ спиртъ, указавъ на то, что отпускъ обезпечивается съ одной стороны залогомъ, состоящимъ изъ каменнаго дома, а съ другой — казеннымъ присмотромъ.

Но уже въ концѣ 1819 г. возникли несогласія между Патюковымъ и Кузнецовымъ. Патюковъ жаловался, что Кузнецовъ не допускаетъ къ управленію дѣлами повѣреннаго Патюкова, мѣщанина Дятлева. Сперанскій, отъ 28 января 1820 г., предложилъ Зеркалееву принять мѣры къ прекращенію безпорядковъ и ограж-

---

[1]) Св. 228, № 5.

[2]) Предп. 23 сентября 1819 г.

[3]) Предп. 19 и 29 декабря 1819 г.

[4]) Отъ 20 апрѣля 1820 г.

денію обоюдныхъ пользъ содержателей. «Нужно, писалъ онъ, сегодня же положить мѣру, дабы не могло что нибудь быть сокрыто». На этотъ разъ несогласіе было прекращено тѣмъ, что откупщики раздѣлились. Патюковъ оставилъ себѣ одинъ только Нижнеудинскій уѣздъ, а весь остальной откупъ по губерніи предоставилъ исключительно Кузнецову. Но въ заключенномъ между ними по этому поводу контрактѣ были допущены отступленія отъ откупныхъ условій. Сперанскій, отъ 4 мая 1820 г., предложилъ экспедиціи войти ближе въ разсмотрѣніе этого обстоятельства. Впрочемъ, спорная статья была вскорѣ разъяснена, и Сперанскій, отъ 12 мая, разрѣшилъ передачу откупа [1]).

Этой сдѣлкой не прекратились ссоры между бывшими компаніонами. Въ августѣ 1821 г., повѣренный и родственникъ Кузнецова, Малеевъ, пріѣхалъ въ Нижнеудинскъ и началъ самовольно отбирать у повѣренныхъ Патюкова вино и деньги и вообще распоряжаться дѣлами откупа. Когда уѣздное общее присутствіе хотѣло остановить Малеева отъ самоуправства, то онъ, пьяный, нанесъ, въ присутствіи, разныя оскорбленія его членамъ и сверхъ того толкнулъ часоваго, стоявшаго у виннаго подвала. «Хотя, писалъ Динаталь Сперанскому, и слѣдовало поступить съ нимъ по уставу благочинія, но какъ извѣстно, что ему въ Иркутскѣ благопріятствуютъ весьма многіе начальники и дабы не могли сочесть къ каковому либо притязанію, оставилъ (Динаталь) безъ всякаго содѣйствія (преслѣдованія)». Общее присутствіе однакожъ донесло о поступкахъ Малеева губернскому правительству. Динаталь, частнымъ письмомъ, просилъ защиты Сперанскаго, «дабы и другой кто не могъ самовольно и столь дерзко поступить» [2]). Въ то же время и Патюковъ прислалъ Сперанскому жалобу на то, что Кузнецовъ нарушилъ условіе, завладѣлъ Нижнеудинскимъ откупомъ и разстроилъ дѣла, и что Иркутская экспедиція, будтобы по недостатку вина въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, дозволила распоряжаться

[1]) Вотъ сущность условій передачи: 1) Кузнецовъ уплачиваетъ Патюкову 105.000 р. (изъ нихъ часть была уже уплачена, а остальная по окончаніи откупа) и принимаетъ на себя платежъ откупной суммы за оставшійся за Патюковымъ Нижнеудинскій уѣздъ, всего за четырехлѣтіе 117.500 р. 2) Отданный Патюкову и Кузнецову по Высочайшему повелѣнію желѣзный заводъ, со всѣмъ употребленнымъ на возобновленіе его капиталомъ, остается за однимъ Патюковымъ. 3) Изъ представленныхъ въ обезпеченіе откупа залоговъ считается собственностью Патюкова 100.000 р., они остаются въ залогѣ до окончанія откупа. Несогласная съ откупными условіями статья состояла въ томъ, чтобы, въ случаѣ недокурки вина на казенныхъ заводахъ, Патюковъ получалъ вино по разсчету, съ платежемъ, сверхъ слѣдующихъ въ казну 3 р., еще Кузнецову 1 р. за ведро. Св. 228, № 5.

[2]) См. прилож.

тамъ Кузнецову [1]). Сперанскій, отъ 20 октября 1821 г., поручилъ губернатору разсмотрѣть жалобу Патюкова и оказать ему справедливость, а Малеева подвергнуть взысканію за дерзость. Цейдлеръ, отъ 26 ноября 1821 г., доносилъ, что въ откупѣ Патюкова были безпорядки; что, впрочемъ, уже сдѣлано распоряженіе о передачѣ откупа Патюкову съ тѣмъ, что если онъ вновь дозволитъ безпорядки, то будетъ отрѣшенъ отъ управленія. Жалоба общаго присутствія на Малеева оказалась будто бы несправедливой. Поводомъ къ этой жалобѣ, по словамъ Цейдлера, было «извѣстное неблагородное поведеніе нѣкоторыхъ изъ Нижнеудинскихъ чиновниковъ, личности между ними и происходящіе отъ того безпорядки и упущенія». Патюковъ былъ очень доволенъ покровительствомъ ему Сперанскаго въ этомъ дѣлѣ. «Кажется, недоброжелатели мои послѣ сего должны удержаться», писалъ онъ Сперанскому 26 сентября 1821 г. [2]).

Въ 1822 г. возникли новыя жалобы. На этотъ разъ уже Кузнецовъ жаловался на Патюкова. Послѣдній долженъ былъ Кузнецову 23.348 р. за вино, отпущенное въ 1820 г. Патюкову по особому условію. Кузнецовъ просилъ отчислить ему эти деньги изъ откупнаго залога въ 100.000 р., принадлежавшаго Патюкову. Сперанскій, отъ 22 марта 1822 г., отправилъ эту просьбу къ Цейдлеру, съ тѣмъ, чтобы тотъ предложилъ ее на обсужденіе казенной экспедиціи; «а если представится невозможнымъ удовлетворить просьбу Кузнецова, то предоставить удовлетвореніе сего иска надлежащему судебному мѣсту» [3]).

Въ октябрѣ 1820 г. возникли сильныя несогласія между откупомъ и Иркутскимъ губернскимъ начальствомъ. Поводомъ къ нимъ были злоупотребленія откупа. Повѣренный Кузнецова, Малеевъ, предъявлялъ къ служащимъ по откупу множество «бездѣльныхъ» притязаній. Между прочимъ онъ выводилъ на Забайкальскаго повѣреннаго, Дальскаго мѣщанина Попова, что онъ, въ 1820 г., продавалъ вино въ Чертовкинской пристани, гдѣ это не полагалось, примѣшивалъ воду въ вино въ Кабанскомъ и Верхнеудинскомъ магазинахъ и портилъ по всему Забайкалью водки. Губернское правительство нашло всѣ эти обвиненія или ничтожными, или затѣйливыми, а выводы откупа объ убыткахъ — бездоказатель-

[1]) См. прилож.
[2]) Св. 229, № 11.
[3]) Св. 228, № 3.

ными. Объ этомъ оно доносило, 13 октября 1820 г., на разрѣшеніе Сперанскаго. Въ то же время, 7 октября, вслѣдствіе жалобъ на продажу недогарнаго вина, губернское правительство распорядилось усилить надзоръ за правильностью продажи питей. Кузнецовъ немедленно остановилъ продажу по кабакамъ вина въ Иркутскѣ и ближайшихъ къ нему дистанціяхъ, оставилъ тамъ только продажу коньяку и виртембергской водки по дорогимъ цѣнамъ, и все вино вывезъ на водочный заводъ, а самъ послалъ Сперанскому жалобу на «притѣсненія» губернскаго правительства.

Сперанскій, узнавъ въ Тобольскѣ объ остановкѣ продажи, предписалъ казенной экспедиціи, отъ 8 ноября 1820 г., представить ему съ первою почтой объясненія о причинахъ остановки и о томъ, было ли своевременно сдѣлано распоряженіе объ открытіи винокуренія [1]). Тогда же онъ потребовалъ отъ Зеркалеева объясненій противъ жалобъ Кузнецова.

Почти въ то же время и Иркутское губернское правительство доносило объ остановкѣ продажи и о томъ, что Малеевъ, «или ближе, самъ откупщикъ», отказался дать подписку о прекращеніи безпорядковъ.

Сперанскій, отъ 30 ноября 1820 г., указалъ правительству на то, что содержатель обязанъ платить за простойные дни по откупнымъ условіямъ и дать подписку въ надзорѣ за сидѣльцами, «потому, что онъ, а не правительство, людей сихъ опредѣляетъ и отрѣшаетъ. Подписка сія,—пояснялъ онъ,—не есть позывъ его къ суду за ихъ преступленіе, но есть подтвержденіе обязанности его въ выборѣ людей надежныхъ и въ надзорѣ за ними» [2]).

Между тѣмъ въ казенной экспедиціи происходили распри между совѣтникомъ камерной части, Тукалевскимъ, и прочими членами. По поводу предписанія Сперанскаго отъ 8 ноября, Тукалевскій составилъ докладъ, въ которомъ выставлялъ дѣйствія экспедиціи въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Экспедиція отвергла этотъ докладъ и составила новый, на основаніи котораго и было отправлено донесеніе къ Сперанскому. Тукалевскій также отправилъ къ нему свой докладъ и разныя приложенія къ нему, при частномъ письмѣ, гдѣ раскрывалъ истинныя причины простоя въ продажѣ и весьма не лестными красками рисовалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товари-

---

[1]) См. прилож.

[2]) Тогда же онъ требовалъ отъ исполнительной экспедиціи нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній.

цей [1]). Тукалевскій оправдывалъ откупъ и винилъ казенную экспедицію въ медленномъ производствѣ винокуренія, вслѣдствіе 2-хъ-мѣсячныхъ споровъ о Прейсманѣ. Прокуроръ былъ за Тукалевскаго и за откупъ. Самъ Кузнецовъ, въ огромномъ письмѣ къ Сперанскому отъ 25 октября, доказывалъ неправильность распоряженій губернскаго правительства по двумъ предметамъ: а) по найденной добросовѣстными и подтвержденной магистратомъ продажѣ недогарнаго вина, и б) по притязаніямъ Малеева къ Забайкальскому повѣренному Попову. Кузнецовъ писалъ, что онъ, «находится въ опасности продолжать производство откупныхъ дѣлъ». Кузнецовъ просилъ оградить откупъ отъ всякихъ притязаній, такъ какъ онъ «сопряженъ съ величайшими казенными пользами», отмѣнить какъ распоряженія губернскаго правительства, «такъ и самое, при неблагорасположеніи онаго, вліяніе на откупъ, возрастающее постепенно и угрожающіе опасностью для дальнѣйшаго производства». Сперанскій не придавалъ жалобамъ Кузнецова особеннаго значенія. Объясненія противъ первой жалобы, присланныя Зеркалеевымъ 20 декабря 1820 г., приняты «къ свѣдѣнію».

Тѣмъ не менѣе, какъ изъ тѣхъ, такъ и изъ другихъ бумагъ были очевидны двѣ причины остановки въ продажѣ: 1-е, что экспедиція, занимаясь спорами о винокурѣ Прейсманѣ, замедлила на два мѣсяца открытіе винокуренія; 2-е, что откупщикъ взялъ изъ питейныхъ домовъ развезенное уже туда для продажи вино и передалъ его въ водочный заводъ для передѣлки на водку. Сперанскій распорядился произвести по этому предмету строгое слѣдствіе и тогда же увѣдомилъ о томъ министра финансовъ «на случай, если бы это дѣло дошло до разсмотрѣнія министра» [2]). Кузнецовъ могъ и на Сперанскаго послать къ министру жалобу въ такомъ же родѣ, какъ прислалъ Сперанскому на губернское правительство.

Впрочемъ дѣло это, повидимому, кончилось ничѣмъ. Экспедиція оправдывалась тѣмъ, что начинать винокуреніе слишкомъ рано не было надобности, такъ какъ на заводахъ оставалось еще довольно много вина; откупщикъ—тѣмъ, что экспедиція не отпустила ему 19000 в. такъ называемой условной пропорціи [3]).

Между тѣмъ имѣніе Попова было засеквестровано. Въ январѣ 1821 г. онъ жаловался на бездѣйствіе мѣстнаго начальства въ его

---

[1]) См. прилож.

[2]) Св. 228, № 4. Отнош. 18 декабря 1820 г. См. прилож.

[3]) См. прилож. Св. 228, № 4.

дѣлѣ съ Малеевымъ. Поповъ просилъ дать ходъ этому дѣлу «безъ проволочки» и освободить имѣніе его изъ подъ секвестра [1]).

Другое несогласіе, вскорѣ послѣ того, возникло по поводу продажи откупщикамъ спирта въ отдаленныя мѣста, и разсчета слѣдующей за спиртъ платы. Здѣсь опять Тукалевскій стоялъ за откупъ, но стоялъ уже не одинъ, а вмѣстѣ съ большинствомъ членовъ. Напротивъ, Дорожеевъ и Сѣнотрусовъ, которыхъ Тукалевскій такъ хорошо отдѣлалъ въ письмѣ къ Сперанскому, стояли противъ откупа. Вопросъ состоялъ въ томъ, можно ли допускать продажу спирта и должно ли при отпускѣ его плату за него получать по количеству употребленнаго на выдвойку его вина (а не по количеству самаго спирта, какъ полагали Дорофеевъ и Сѣнотрусовъ). Такъ какъ, съ одной стороны, такой порядокъ существовалъ уже съ давняго времени; а съ другой, срокъ откупа уже оканчивался, то Сперанскій и признавалъ за лучшее, оставить этотъ порядокъ въ своей силѣ; однакожъ представилъ объ этомъ, отъ 24 февраля 1822 г., на разсмотрѣніе министра финансовъ [2]). Представленія экспедиціи по этимъ вопросамъ оставались безъ движенія въ канцеляріи Сперанскаго, одно—цѣлый годъ, а другое—около полугода [3]).

По вопросу о взысканіи съ откупщиковъ 4.651 р. 1½ к. за передвойку спирта въ казенной палатѣ опять возникло разногласіе, которое она, 22 февраля 1821 г., представляла на разрѣшеніе Сперанскаго, и опять онъ распорядился окончить это дѣло по 6 главѣ генеральнаго регламента [4]).

Точно также разрѣшены 24 февраля 1822 г. и разногласія, представленныя экспедиціею 17 и 23 іюня 1821 г. по вопросамъ, съ кого взыскивать излишнюю противъ положенія трату при пере-

[1]) О злоупотребленіяхъ по откупу производилось и другое слѣдствіе, по замѣчаніямъ стряпчаго Петрова. Дѣло это было правительствомъ прекращено 6 апрѣля 1821 г. Совѣтникъ Елисеевъ подалъ особое мнѣніе. (Св. 228, № 4) —Чуть ли не по дѣлу Попова мнѣ извѣстенъ слѣдующій случай. Въ сороковыхъ годахъ въ Иркутскомъ губернскомъ судѣ производилось спорное дѣло Кузнецова съ однимъ изъ его бывшихъ повѣренныхъ. Кузнецовъ былъ неправъ, и съ него слѣдовало значительное взысканіе въ пользу его противника; но Кузнецовъ, тогда уже старикъ, пользовался въ Иркутскѣ огромнымъ уваженіемъ. Судьи опасались оскорбить его рѣшеніемъ дѣла не въ его пользу, и сочли нужнымъ предупредить его объ этомъ рѣшеніи. Кузнецовъ тотчасъ же внесъ всю сумму, какая съ него слѣдовала, съ тѣмъ только, чтобы дѣло всетаки было рѣшено въ его пользу. Судьи придумали какое то среднее рѣшеніе, по которому всѣ остались правы.

[2]) Св. 228, № 4. См. прилож.

[3]) Св. 228, № 3.

[4]) Св. 228, № 3.

возкѣ вина или спирта и проч., и объ отпускѣ откупу вина на 1822 г. [1]).

Полемика, происходившая между членами казенной экспедиціи по поводу всѣхъ этихъ вопросовъ, довольно характеристична.

Представленіе о продажѣ спирта въ натурѣ было отправлено экспедиціею 2 февраля 1821 г. Вслѣдъ затѣмъ, въ мартѣ, экспедиція послала по тому же предмету «обширное» донесеніе, въ которомъ выводила неправильность и непослѣдовательность мнѣній Дорофеева и Сѣнотрусова. Эти послѣдніе, съ своей стороны, прислали огромный оправдательный рапортъ противъ донесенія экспедиціи. Въ рапортѣ, между прочимъ, говорилось о Сѣнотрусовѣ, бывшемъ секретарѣ, что онъ, «по извѣстному безсилію и незначительности, не только чиновниковъ сего класса, но и высшаго званія, при управленіи бывшаго начальства, не могшаго препятствовать дѣйствіямъ онаго, по необходимости изъявлялъ согласіе на распоряженія, противныя настоящему его мнѣнію, и этого согласія нельзя ставить ему въ вину. Обязываемся удостовѣрить особу вашу, писалъ Дорофеевъ и Сѣнотрусовъ, что, будучи движимы честію, духомъ и правилами, вперенными въ насъ во время личнаго здѣсь управленія вашего высокопревосходительства, мы всѣми силами потщимся заслуживать обѣщанное намъ справедливое начальничье покровительство ваше». Вслѣдъ затѣмъ они представили Сперанскому, отъ 22 марта 1821 г., доносъ на то, что въ докладахъ камерной части упускаются законы и факты; писали о своихъ настояніяхъ и объ упущеніяхъ и бездѣйствіи экспедиціи по этому предмету.

Дорофеевъ и Сѣнотрусовъ подали особыя мнѣнія по дѣламъ о вывозѣ вина изъ питейныхъ заведеній, о незаконной продажѣ водокъ дорогими цѣнами, о простоѣ въ продажѣ питей, о противодѣйствіи распоряженіямъ исполнительной экспедиціи со стороны казенной [2]). Экспедиція, отъ 17 іюня 1821 г., жаловалась на это Сперанскому. Она просила—«упомянутыхъ экспедиціи членовъ, множествомъ мнѣній ихъ ее напрасно обременяющихъ и причиняя въ производствѣ дѣлъ остановку и даже дерзкими словъ выраженіями въ мнѣніяхъ ихъ, достоинство экспедиціи оскорбляющихъ, силою власти ограничить». По дѣлу о перевозкѣ спирта въ отдаленныя мѣста они подали новое мнѣніе о томъ, чтобы спиртъ этотъ

---

[1]) Св. 228, № 4.

[2]) Кромѣ того они подавали особое мнѣніе о 19-ти Селенгинскихъ оброчныхъ статьяхъ.

заносить въ недоимку. Экспедиція, отъ 24 іюня 1821 г., въ дополненіе къ прежнимъ своимъ донесеніямъ о мнѣніяхъ Дорофеева и Сѣнотрусова, доносила Сперанскому на благоусмотрѣніе и объ этомъ. Она писала, что мнѣніе ихъ «нельзя не почесть вымысломъ, не на правильныхъ причинахъ, а основаннымъ на одномъ токмо ихъ воображеніи, отъ личнаго неблагорасположенія происходящимъ по дѣламъ откупа къ напрасному обремененію сей экспедиціи» [1]. Въ донесеніяхъ 29 іюля и 22 сентября 1821 года экспедиція писала новыя жалобы на Дорофеева и Сѣнотрусова. Эти, съ своей стороны, послали 6 августа 1821 г. новое оправданіе. Въ распри вмѣшался прокуроръ. Полемика доходила даже до неприличія. Между тѣмъ, мнѣнія Дорофеева и Сѣнотрусова вовсе не стоили того ожесточеннаго преслѣдованія, какому подвергала ихъ экспедиція. Большая часть этихъ мнѣній была очевидно неосновательна. Такъ напримѣръ, въ нихъ между прочимъ предполагалось, взыскивать съ откупщиковъ усышку и утечку за то вино, которое уже было ими оплачено и только оставалось на храненіи въ казенныхъ подвалахъ, т. е. брать съ одного вола по двѣ шкуры [2]. Едва ли не эти взаимные доносы членовъ экспедиціи побудили Сперанскаго включить въ Сибирское учрежденіе статью, что члены рѣшительныхъ присутствій не имѣютъ права предъявленія (представленія начальству неуваженныхъ мнѣній).

Въ 1821 г. казенная экспедиція встрѣтила затрудненія въ разсыропкѣ спирта, привезеннаго въ Киренскъ. Палата полагала вывезти этотъ спиртъ въ Якутскъ и другія отдаленныя мѣста и представляла о томъ на разрѣшеніе Сперанскаго. Зеркалеевъ, съ своей стороны, распорядился, чтобы вмѣсто этого спирта было доставлено въ Киренскъ полугарное вино. Сперанскій одобрилъ это распоряженіе и предложилъ казенной экспедиціи, отъ 24 февраля 1822 г., о скорѣйшемъ его исполненіи [3].

Между тѣмъ въ экспедиціи возникъ новый вопросъ о томъ, нужно ли и въ какихъ количествахъ отправлять въ отдаленныя мѣста вино и спиртъ въ запасъ 1823 г. Сперанскій, 3 марта 1822 г., передалъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе министерства финансовъ [4].

---

[1]) На этомъ донесеніи положена резолюція: «какъ представленіе сіе не требуетъ дальнѣйшаго распоряженія по рѣшенію дѣла большинствомъ голосовъ: то и принять къ свѣдѣнію, приложивъ къ дѣлу». Св. 348, № 13.

[2]) Св. 228, № 4.

[3]) Св. 228, № 4.

[4]) Св. 228, № 4.

По Иркутской губерніи, въ трескинское время, дѣла по винокуреннымъ заводамъ долго служили предметомъ безпрерывныхъ столкновеній между губернаторомъ и казенною экспедиціей. Трескинъ старался захватить себѣ власть надъ винокуренными заводами, а экспедиція отстаивала свои права. Особенно рѣзко высказывались эти столкновенія въ заготовленіяхъ хлѣба для заводовъ. Трескинъ, захвативъ въ свои руки монополію хлѣбной торговли въ губерніи, ставилъ экспедицію въ затруднительное положеніе и вынуждалъ ее къ жалобамъ. Вице-губернаторы—Семевскій и Левицкій,—не могли выдержать этой борьбы и принуждены были оставить свое мѣсто. Левицкій пустился въ доносы, которые имѣли слѣдствіемъ преданіе суду какъ самого его, такъ и Трескина.

Трескинъ самымъ наглымъ образомъ нарушалъ всѣ правила, всѣ формы, существовавшія для сношеній губернаторовъ съ казенными палатами; онъ не хотѣлъ, напримѣръ, разсматривать вопросы о винокуреніи въ общемъ присутствіи съ членами экспедиціи, отзываясь, что ему нѣкогда являться въ общее присутствіе. Пестель, по обыкновенію, горячо защищалъ его. Тѣмъ не менѣе, положеніемъ комитета министровъ, 16 января 1814 г., Трескину вмѣнено было въ обязанность обсуждать подобные вопросы въ общемъ присутствіи съ казенной экспедиціей. Раздраженіе между мѣстными властями отражалось и на ихъ начальникахъ. Пестель, точнѣе, Трескинъ, составилъ проектъ о томъ, чтобы для надзора за винокуреніемъ былъ опредѣленъ особый директоръ, подъ главнымъ начальствомъ губернатора. Министръ финансовъ не согласился на это, на томъ основаніи, что заводы состоятъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ вице-губернатора. По поводу этого отказа Пестель рѣшился даже на инсинуацію противъ министра. Въ запискѣ, поданной въ комитетъ по Сибирскимъ дѣламъ, 7 декабря 1813 г., онъ между прочимъ писалъ, что «всѣ вообще распоряженія по винокуренію и самая выкурка для отпуска содержателямъ питейныхъ сборовъ на продажу, отъ министерства сего предоставлены въ непосредственное вѣдѣніе единственно казенной экспедиціи, и особенно вице-губернатора Левицкаго, *что вѣроятно было изъ главныхъ и побудительныхъ причинъ несогласія* онаго министерства на предположеніе Пестеля [1]. Съ отъѣздомъ Левицкаго, въ вице-губернаторы поступилъ безгласный Зеркалеевъ. Трескинъ могъ распоряжаться винокуренными заводами, какъ ему было угодно.

[1] Св. 203, № 4.

Но зоркій глазъ слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями въ самой экспедиціи. Сперанскій былъ еще на пути къ Иркутску, какъ къ нему поступилъ доносъ о злоупотребленіяхъ по винной части. Доносъ этотъ былъ присланъ въ августѣ 1819 г., именно отъ совѣтника, завѣдывавшаго винною частью, Тукалевскаго. Это былъ доносъ о злоупотребленіяхъ винокура Александровскаго и Николаевскаго заводовъ, Смирнова, именно о корчемствѣ его виномъ [1]).

Въ началѣ своего труда мы уже говорили о Смирновѣ и его значеніи и силѣ въ Иркутскѣ. «Искоренивъ въ 1818 г. разныя злоупотребленія со стороны правителя по Илгинскому заводу, впрочемъ съ величайшими препонами и огорченіями, я не смѣлъ касаться Смирнова: ибо покушеніе сіе, кромѣ безуспѣшности, навлекло бы мнѣ личную опасность»—писалъ Тукалевскій въ донесеніи отъ 30 іюля 1819 г. По словамъ Тукалевскаго, Смирновъ научился винокуренію уже въ Иркутскѣ у винокура Куклина. Смирновъ, при пріемѣ въ заводъ такъ называемаго неодобреннаго хлѣба, требовалъ и получалъ на него надбавки по 5 ф. на пудъ.

Въ 1819 г. оканчивался срокъ прежнихъ контрактовъ съ Смирновымъ на производство винокуренія. Казенная экспедиція заключила 19 сентября 1819 г. новые контракты и представила ихъ на утвержденіе Сперанскаго: одинъ съ Куклинымъ, на винокуреніе на Илгинскомъ, а другой съ Смирновымъ—на Александровскомъ и Николаевскомъ заводахъ. Тукалевскій оставался при мнѣніи, что контракта съ Смирновымъ заключать не слѣдуетъ. Въ новомъ контрактѣ Смирновъ брался курить вино изъ хлѣба прежняго заготовленія, признаннаго недобротнымъ, не иначе, какъ съ надбавкой по 5 ф. на пудъ. Сперанскій нашелъ, что прежде заключенія контракта съ Смирновымъ надлежало бы привести въ ясность заявленныя на него Тукалевскимъ подозрѣнія; «но какъ время винокуренія уже настало, другихъ винокуровъ въ виду нѣтъ, отдать же винокуреніе на всѣхъ заводахъ въ однѣ руки Куклина было бы неудобно, да и залоговъ достаточныхъ къ сему онъ не имѣетъ», то Сперанскій 25 сентября утвердилъ контракты, но съ тѣмъ: 1) чтобы контрактъ съ Смирновымъ былъ заключенъ на одинъ годъ, а не на два; 2) чтобы Смирновъ, втеченіи контрактнаго срока, непремѣнно обучилъ казенныхъ учениковъ, конс. 1811 г. находятся уже на заводахъ; 3) неослабно наблюдать за винокуреніемъ; 4) хлѣбъ, признанный недобротнымъ, снова испытать при членѣ

[1]) Тукалевскій сначала представилъ этотъ доносъ казенной экспедиціи и губернскому правительству, но онъ былъ ими отвергнутъ.

экспедиціи и постороннемъ винокурѣ, и «не при самомъ открытіи винокуренія, когда выходы вина обыкновенно бываютъ слабы, но спустя нѣсколько перевалов, когда уже винокуренная посуда обдержится и придетъ въ обыкновенное свое положеніе». Если при этомъ хлѣбъ дѣйствительно по выходамъ вина окажется недоброт-нымъ, то сдѣлать «соразмѣрную» надбавку. Если же откроется противное, то представить дѣло на разсмотрѣніе Сперанскаго, а винокуреніе производить изъ хлѣба, неподлежащаго сомнѣнію.

Назначенная Сперанскимъ повѣрка была, въ ноябрѣ 1819 г., поручена совѣтнику казенной экспедиціи Лестихину. Изъ одного предписанія Сперанскаго (отъ 15 января 1820 г.) видно, что Лестихинъ былъ уполномоченъ вообще къ обозрѣнію и повѣркѣ дѣйствія заводовъ. Испытаніе хлѣба производилось на Александровскомъ заводѣ. Опыты винокуренія производилъ Тобольскій мѣщанинъ Исаія Прейсманъ. Смирновъ жаловался, что его не допускаютъ къ опытамъ. Казенная экспедиція распорядилась допускать его въ винницу. Лестихинъ представлялъ Сперанскому о неудобствахъ, какія влекло за собой исполненіе такого распоряженія. «Разсмотрѣвъ донесеніе ваше и разсчетъ опытовъ винокуренія, произведенныхъ винокуромъ Прейсманомъ, отвѣчалъ ему Сперанскій, отъ 20 ноября 1819 г., всѣ распоряженія ваши въ полной мѣрѣ одобряю, препоручая вамъ привести ихъ въ точное исполненіе, не смотря ни на какія предписанія тому противныя. Смирновъ никакого не имѣетъ права усиливаться быть допущеннымъ въ сусловарню и дѣлать какое либо и малѣйшее въ опытахъ Прейсмана помѣшательство. По окончаніи сихъ опытовъ можно еще будетъ разсмотрѣть, кому изъ двухъ винокуровъ надежнѣе и выгоднѣе для казны будетъ поручить все производство винокуренія».

Опыты увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Прейсманъ выкуривалъ и брался выкуривать по 7 ведеръ изъ четверти неодобреннаго хлѣба безъ всякой надбавки. (Онъ выкуривалъ даже по $7^1/_8$ ведр.; между тѣмъ Смирновъ обязывался выкурить только по $6^5/_8$ ведр., съ надбавкой по 5 ф. на пудъ хлѣба неодобреннаго).

Это побудило Сперанскаго нарушить контрактъ, заключенный съ Смирновымъ. Можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду и другія обстоятельства, которыя не позволяли ему оставлять Смирнова въ Александровскомъ заводѣ. Въ предписаніи, отъ 29 ноября 1819 г., онъ писалъ казенной экспедиціи, что контрактъ съ Смирновымъ былъ заключенъ именно съ тѣмъ условіемъ, чтобы сдѣлать опытъ обракованному хлѣбу; что опытъ этотъ показалъ рѣшительнымъ образомъ, что хлѣбъ къ винокуренію годенъ и что Прейсманъ вы-

куриваетъ изъ него болѣе вина, нежели Смирновъ изъ одобреннаго имъ хлѣба; а потому контрактъ съ Смирновымъ тѣмъ самымъ уже и дѣлается ничтожнымъ. Онъ предписалъ экспедиціи—устранить Смирнова отъ винокуренія, допустить Прейсмана и заключить съ послѣднимъ контрактъ; Смирнова и его прислугу выслать изъ завода [1]). О послѣднемъ распоряженіи Сперанскій тогда же извѣстилъ Лестихина. Вслѣдъ затѣмъ, отъ 11 января 1820 г., онъ снова писалъ Лестихину, что Смирнову велѣно выѣхать изъ завода, и просилъ Лестихина позволить Смирнову оставить на заводѣ, до будущаго лѣта, принадлежавшій ему скотъ, съ двумя служителями.

Выходы вина скоро достигли $7^2/_8$ ведр. съ долями. Хлѣбная накладка, по 5 ф. съ пуда, по словамъ Лестихина, «сдѣлана была напрасно, въ отягощеніе крестьянъ». Вслѣдъ затѣмъ Лестихину поручено было устройство винокуренія и на Николаевскомъ заводѣ. По этому поводу Сперанскій далъ Лестихину, 11 декабря 1819 г., слѣдующее предписаніе:

«Успѣхи винокуренія, продолжающіеся на Александровскомъ заводѣ, приписывая вашему благоразумному распорядку и особенному усердію къ пользамъ казны, я поручаю и прошу васъ установить такой же порядокъ и на Николаевскомъ заводѣ.

«Казенная экспедиція представляетъ мнѣ, что на семъ заводѣ запасъ хлѣба малозначущъ, а желающихъ поставщиковъ здѣсь не явилось. А какъ хлѣбъ на заводъ сей всегда покупаемъ былъ изъ близъ лежащихъ волостей, то казенная экспедиція и расположилась сдѣлать порученіе на сію закупку. Съ моей стороны одобряя сіе распоряженіе, я прошу васъ употребить все попеченіе ваше, чтобъ остановки въ хлѣбѣ не было».

На основаніи доставленныхъ Лестихинымъ и винокуромъ Прейсманомъ свѣдѣній, Сперанскій, отъ 15 января 1820 г., далъ казенной экспедиціи окончательное предписаніе, какъ объ устройствѣ винокуренія на заводахъ, такъ и по нѣкоторымъ другимъ предметамъ. Приводимъ вполнѣ это во многихъ отношеніяхъ замѣчательное предписаніе:

«Разсмотрѣвъ свѣдѣнія, представленныя мнѣ о состояніи винокуренныхъ заводовъ Александровскаго и Николаевскаго, согласно представленію совѣтника Лестихина, который, бывъ уполномоченъ отъ экспедиціи къ обозрѣнію и повѣркѣ дѣйствій заводовъ, исполнилъ сіе порученіе съ отличнымъ усердіемъ, пользою и успѣхомъ, считаю нужнымъ предложить казенной экспедиціи:

---

[1]) Св. 241, № 6.

1) Какъ хлѣбъ, обракованный въ сихъ заводахъ прежнимъ винокуромъ, оказался по опыту къ винокуренію совершенно годнымъ, то наддача на сей хлѣбъ, отъ поставщиковъ взыскиваная, сама собою уже признается незаконною; а потому и слѣдуетъ причитающіяся на сей наддаточный хлѣбъ деньги, по вѣдомости Лестихина, при семъ прилагаемой, составляющія всего 24.225 р. 46 коп., поставщикамъ возвратить, взыскавъ въ то число съ винокура Смирнова за отпущенный ему хлѣбъ 13.937 р. 74 коп.

«2) Возвратъ сихъ денегъ бурятскимъ и крестьянскимъ обществамъ, для удобности въ разсчетахъ, произвесть замѣномъ имъ всей суммы въ казенныя и земскія подати на первую половину сего года.

«3) Хлѣбъ, въ число сей наддаточной поставки еще не выставленный, всего по вѣдомости 2601 п. 3¼ ф., съ нихъ не взыскивать, яко не слѣдующій и излишній.

4) О таковомъ разсчетѣ съ поставщиками дать имъ знать немедленно чрезъ земскій судъ, приложа и вѣдомость, съ какого именно общества сколько невыставленной муки слагается и сколько денегъ, за излишне поставленную имъ, въ подати зачитается.

«5) Недостатокъ въ заводахъ дровъ, г. совѣтникомъ Лестихинымъ усмотрѣнный, нужно отвратить наймомъ крестьянъ, потому что лошадей у рабочихъ недостаточно и онѣ уже измучены, а лѣто прошедшее и осень были дождливыя и къ таковымъ работамъ неспособныя; на будущее же время купить въ Александровскій заводъ до 70 лошадей и раздать ихъ тѣмъ рабочимъ, у коихъ есть дѣти на возрастѣ, которыя въ одно лѣто заработаютъ заплаченныя за нихъ деньги вывозкою дровъ, и послѣ уже заводъ не будетъ нуждаться въ оныхъ.

«6) Рабочихъ людей, остающихся еще у винокура Смирнова, отобрать въ заводѣ и въ городѣ и употребить въ казенныя работы, предоставя ему для присмотра за его скотомъ, въ заводѣ остающимся, нанять вольнопромышленныхъ.

7) Барда оставаться должна въ распоряженіи винокура до тѣхъ поръ, пока тонкая оной влага поднята будетъ машиною въ ларь, сверху оной устроенный; оставшаяся же гуща должна выпущена быть изъ машинной въ лари, устроенные на улицѣ при винницѣ, для надѣла рабочихъ, имѣющихъ скотъ.

«8) Винокуру Прейсману, на проѣздъ изъ завода въ заводъ и въ городъ Иркутскъ, а изъ онаго паки въ заводъ, дать годовую подорожную и дозволить ему для необходимыхъ подѣлокъ выбрать надежнаго казака изъ числа состоящихъ при заводѣ; если же ка-

заки сіи окажутся слабыми въ поведеніи, то ихъ возвратить къ командѣ, а на мѣсто ихъ нарядить другихъ изъ полку, въ числѣ, положенномъ въ росписаніи.

«9) Винокуру Преісману предоставить также выбрать казака или урядника въ смотрители при сливной; подвалъ же долженъ оставаться въ вѣдѣніи правителя.

«10) Предписать, чтобъ содержаніе почтовыхъ лошадей обращалось въ пользу рабочихъ, а не въ пользу заводскаго начальства.

«11) Въ Николаевскомъ заводѣ, согласно представленію г. совѣтника Лестихина, устроить возвратную машину для воды, чтобъ въ оной недостатка не было.

«12) Домъ бывшій винокура Смирнова, занимаемый нынѣ правителемъ завода, очистить для житья винокуру Преісману.

«13) Хлѣбопріемщика и матеріальнаго, какъ они усмотрѣны безнадежными, смѣнить другими».

Лестихинъ, между прочимъ, доносилъ, что для заводскихъ рабочихъ надлежитъ завести необходимую одежду. Сперанскій и объ этомъ предложилъ казенной экспедиціи. Увѣдомляя о томъ, 29 ноября 1819 г., Лестихина, Сперанскій прибавилъ слѣдующій PS: «прошу васъ объявить всѣмъ рабочимъ, что одежда имъ будетъ сдѣлана и вообще начальство занимается облегченіемъ ихъ участи повозможности».

Независимо отъ предложенія, даннаго казенной экспедиціи, Сперанскій, отъ 23 января 1820 г., подтвердилъ и отъ себя Иркутскому земскому суду, чтобы онъ объявилъ крестьянамъ о сдѣланной съ нихъ скидкѣ хлѣба и склонялъ ихъ къ поставкѣ на заводы дровъ по умѣреннымъ цѣнамъ; но чтобы въ послѣднемъ случаѣ судъ «не дѣлалъ крестьянамъ какого либо наряда или принужденія къ поставкѣ въ заводы дровъ, но, объявя имъ о семъ, предоставилъ на ихъ волю».

17 марта 1820 г. винокуреніе на Николаевскомъ заводѣ было остановлено по недостатку хлѣба.

Казенная экспедиція предположила взыскать съ Смирнова, сверхъ назначенной Сперанскимъ суммы, еще 1.304 р. 97 к. за 1010 п. 10 ф. надбавочнаго хлѣба, отпущеннаго ему изъ урожая 1817 года. Смирновъ просилъ Сперанскаго сложить съ него это взысканіе, такъ какъ хлѣбъ былъ «утвержденъ» въ свое время въ негодности свидѣтельствомъ чиновниковъ. Сперанскій требовалъ объ этомъ заключенія экспедиціи. По ближайшему разсчету оказалось, что этотъ хлѣбъ дѣйствительно былъ изъ урожая 1817, а

не 1818 г., что надбавка его сдѣлана была не по 5, а только по 2 ф. на пудъ, и что взысканіе денегъ за него наложено было экспедиціей только потому, что она не имѣла точныхъ свѣдѣній о раздѣленіи надбавочнаго хлѣба по годамъ поставокъ. Сперанскій, отъ 4 мая 1820 г., распорядился ограничиться только наложеннымъ прежде взысканіемъ съ Смирнова 13.937 р. 74 к. [1]).

Прейсманъ, однакожъ, былъ хорошъ только до тѣхъ поръ, пока не заключили съ нимъ контракта. Можетъ быть, впрочемъ, къ нему, какъ сопернику Смирнова, неблаговолила казенная экспедиція. Сначала экспедиція доносила, что Прейсманъ прикосновенъ къ дѣлу о растратѣ заводскаго хлѣба и «показалъ себя въ поступкахъ дерзкимъ». Сперанскій предложилъ ей, 7 іюля 1820 г., не приступать безъ особаго разсмотрѣнія къ перемѣнѣ винокура, который въ одно винокуреніе принесъ значительныя пользы, тѣмъ болѣе, что и замѣнить его трудно. Впослѣдствіи, при разсчетѣ съ Прейсманомъ за винокуреніе, открылись разные безпорядки, недостатки и недогаръ въ винѣ. Поэтому экспедиція, по большинству голосовъ, распорядилась смѣнить Прейсмана и опредѣлить винокуромъ Куклина. Опредѣленіе это экспедиція привела въ исполненіе и донесла о томъ Сперанскому 27 октября 1820 г. Врагъ Смирнова и защитникъ Прейсмана, Тукалевскій, вмѣстѣ съ ассесоромъ Ивановымъ подалъ особое мнѣніе въ пользу Прейсмана. Съ своей стороны Зеркалеевъ писалъ Сперанскому, что Куклинъ три года курилъ вино и всегда былъ исправенъ; Зеркалеевъ просилъ утвердить заключеніе палаты. Сперанскій, отъ 15 ноября 1820 г., отвѣчалъ, что Зеркалеевъ проситъ о томъ, что казенная экспедиція уже привела въ исполненіе, а потому онъ оставляетъ это дѣло въ томъ положеніи, «въ какомъ оно по большинству голосовъ въ казенной экспедиціи постановлено» [2]). Съ увольненіемъ Сперанскаго отъ должности Сибирскаго генералъ-губернатора, Смирновъ снова былъ допущенъ къ винокуренію въ періоды 1822—23 и 1823—24 годовъ [3]).

Въ разсчетѣ съ Куклинымъ и товарищемъ его Семинаристовымъ также не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Они между прочимъ условились, что при разсыропкѣ спирта будетъ получаться вина болѣе того количества, какое опредѣлялось по таксѣ для внутреннихъ губерній. Обязательства этаго они не выполнили, и потому экспедиція сдѣлала на нихъ начетъ. Но сама же

[1]) Св. 241, № 106.
[2]) Св. 241, № 6.
[3]) Св. 229, № 6.

экспедиція представляла о томъ, чтобы этотъ начетъ былъ съ нихъ сложенъ. Сперанскій, отъ 3 марта 1822 г., отвѣчалъ ей, что условіе винокуровъ не можетъ быть принимаемо въ видѣ законнаго контракта, такъ какъ оно не обезпечено ни надлежащимъ залогомъ, ни поручительствомъ, а есть одинъ только опытъ, для удостовѣренія, можетъ ли изъ спирта выдти предполагаемое количество вина; а потому за невыполненіе условія было бы несправедливо поступить, какъ съ нарушителями контракта.

По дѣламъ винокуренныхъ заводовъ за время Сперанскаго любопытна еще переписка о растратѣ хлѣба въ Александровскомъ заводѣ. Растрата эта была открыта въ 1820 г. Тукалевскимъ и ассесоромъ экспедиціи Ивановымъ. Въ это дѣло были замѣшаны многія лица. Смирновъ обвинялся въ томъ, что онъ продавалъ хлѣбъ въ городъ, употреблялъ его для себя и для своего скота и проч.; хлѣбопріемщикъ Токаревъ—въ злоупотребленіяхъ при пріемѣ хлѣба; смотритель завода Виноградскій—въ *понаровкѣ* и соучастіи. Кромѣ хлѣба, открывался недостатокъ и въ разномъ другомъ имуществѣ. Дѣло это въ свое время сильно занимало Иркутское общество. Казенная палата полагала подвергнуть преслѣдованію не только обвиняемыхъ, но и тѣхъ, кто производилъ свидѣтельства. Сперанскій былъ объ этомъ другаго мнѣнія. По современному извѣстію, онъ обѣщалъ Смирнову, что его пальцемъ не заденутъ, а нужно только открыть «настоящихъ воровъ» [1]. Впослѣдствіи онъ раздумалъ преслѣдовать и дѣйствительно виновныхъ. На представленіе экспедиціи по этому предмету онъ, 17 января 1821 г., отвѣчалъ: «главнѣйшій предметъ сего дѣла, которымъ оно должно ограничиться, есть цѣлость казны. Вслѣдствіе чего предлагаю экспедиціи, если недостатки казенные пополнены или обезпечены надежными мѣрами, оставить дальнѣйшее изслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что при настоящемъ положеніи дѣлъ и при недостаткѣ чиновниковъ и употребить къ сему некого, и что новое слѣдствіе произведетъ только новыя запутанности и разстройство въ заводѣ, изъ ссыльныхъ составленномъ. Если же пополненіе недостатковъ остается подъ сомнѣніемъ или по неизвѣстности о состояніи виновныхъ или по возникшимъ между ними спорамъ, то для приведенія случая сего въ ясность нарядить особыхъ чиновниковъ, но предварительно представить объ нихъ на утвержденіе мое;

[1]) Миллеръ.

а между тѣмъ, такъ какъ казенная экспедиція изъясняетъ, что чиновники, имѣющіе на своихъ рукахъ хлѣбъ, часто подвергаются взысканію невинно за недостатокъ, происходящій отъ раструски и мышеяду, то я не оставлю, сообразивъ сей предметъ вообще и по другимъ Сибирскимъ заводамъ, войти, куда слѣдуетъ, съ представленіемъ [1]).

Въ Тобольской и Томской губерніяхъ состояніе винокуренныхъ заводовъ вообще было удовлетворительно. Хотя способы винокуренія далеко отстали отъ введенныхъ въ Россіи, но работы производились ссыльными, лѣсъ считался ни во что, хлѣбъ былъ дешевъ, и потому винокуреніе приносило казнѣ порядочную прибыль [2]). Въ 1806 г. на Томскихъ заводахъ было выкурено 145851 $\frac{1}{16}$ в., въ 1807 г. — 134810 $\frac{2}{8}$ в., а въ 1818 г. уже 260048, въ 1819 — 211610, въ 1820—204125 в.—Совсѣмъ въ другомъ положеніи находились Иркутскіе заводы. Они постоянно встрѣчали затрудненія въ покупкѣ хлѣба; особенно въ 1820 г., вслѣдствіе значительныхъ закуповъ, которые потребовались для обезпеченія продовольствія жителей Киренскаго округа. Въ закупѣ хлѣба для Иркутскихъ заводовъ, а затѣмъ и въ выкуркѣ на нихъ вина, могли встрѣтиться значительныя затрудненія. Всѣ эти обстоятельства и принятыя по поводу ихъ мѣры подробно объяснены въ слѣдующемъ отношеніи Сперанскаго къ министру финансовъ, отъ 14 іюля 1820 г.

«Способы продовольствія Иркутской губерніи, по количеству потребностей воинскихъ командъ въ ней расположенныхъ, по содержанію значительныхъ казенныхъ запасовъ, по производству винокуренія, по нуждамъ края Якутскаго, Охотскаго и Камчатскаго, всегда требовали особеннаго вниманія начальства. Злоупотребленія, кои съ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ обыкновенно въ торговлѣ его возникаютъ, не иначе могутъ быть отвращены, какъ распорядкомъ точнымъ и благовременнымъ.

«Въ минувшемъ году, по опустошеніи разлитіемъ Лены полей и луговъ во всей почти населенной сторонѣ Киренскаго уѣзда и части Иркутскаго, здѣшнее начальство принуждено было сдѣлать весьма значительныя ссуды изъ запасныхъ магазиновъ для необходимаго продовольствія обывателей.

---

[1]) Св. 223, № 10.

[2]) Отчетъ.

«Нынѣ получены донесенія, что вмѣсто ожидаемаго поправленія Киренскаго края, постигли его новыя бѣдствія. Разлитіе Лены, Киренги и Кута, отъ спершихся при проходѣ ихъ льдовъ, истребило около Киренска поля съ насѣяннымъ озимымъ хлѣбомъ на значительное разстояніе, и сверхъ того причинило обывателямъ,—разореніемъ домовъ, хлѣбныхъ амбаровъ и гибелью скота,—великіе убытки.

«Хотя для продовольствія Киренскаго и Якутскаго края, съ открытіемъ Лены, отправлено отсюда, сверхъ казенныхъ запасовъ, въ Якутскъ плывущихъ, значительное количество хлѣба частными промышленниками на вольную продажу; но какъ сею продажею не могутъ воспользоваться разоренные обыватели, то большая ихъ часть и должны будутъ заимствовать продовольствіе изъ казенныхъ магазиновъ. Отсюда необходимость—составить въ нихъ благовременно знатные запасы.

«Послѣ заготовленій, минувшею зимою сдѣланныхъ, количество остатковъ хлѣба, обращающихся въ губерніи, не можетъ быть значительно. Новый урожай хотя и обѣщаетъ сначала обильную жатву, но надежды сіи, по непостоянству здѣшнихъ погодъ и по продолжающимся дождямъ, не могутъ быть вѣрны; нужды же, напротивъ, нынѣ уже открывшіяся, достовѣрны и обширны. Изъ всѣхъ мѣстъ получаются извѣстія о чрезмѣрныхъ наводненіяхъ; въ Иркутскомъ уѣздѣ сообщенія большою Московскою дорогою пресѣклись; почты идутъ дальними по горамъ объѣздами и приходятъ недѣлею позже; въ самомъ Иркутскѣ вода, спершаяся отъ Ангары, Иркута и Ушаковки, идетъ по улицамъ. Между тѣмъ по извѣстіямъ, съ послѣднею почтою полученнымъ, Нерчинскій край страдаетъ засухою и кобылкою.

«Въ семъ положеніи дѣлъ Иркутская казенная экспедиція, разсчитывая остатки хлѣба, на винокуренныхъ заводахъ при окончаніи винокуренія на лицо состоявшаго, представляла мнѣ о затрудненіяхъ, кои могутъ ей предстоять при открытіи будущаго винокуренія.

«При разсмотрѣніи положенія заводовъ я нашелъ, что запасы ихъ, всегда малосильные, ослабли еще болѣе оттого, что въ двѣ минувшія садки выкурено 40000 в. вина болѣе той пропорціи, которая постановлена въ контрактѣ.—Сіе сдѣлано по требованію откупщика, хотя и правильно и для казны неубыточно, но при слабомъ состояніи запасовъ не совсѣмъ разсчетливо.

«Чтобъ пособить заводамъ въ сихъ затрудненіяхъ, разные употреблены были способы, и соединеніемъ ихъ дѣйствіе заводовъ, на

*

первые четыре мѣсяца винокуренія, когда подвозъ хлѣба бываетъ малозначущъ, обезпечено.

«По вникая далѣе въ состояніе здѣшняго винокуренія и сообразжая его съ сосѣдственнымъ Томскимъ, я нашелъ:

«1) Что при равныхъ способахъ въ дровахъ и работникахъ, Томскіе заводы идутъ несравненно успѣшнѣе и для казны выгоднѣе потому, что тамъ хлѣбъ вдвое и втрое дешевле.

«2) Что по обстоятельствамъ выше описаннымъ должно предполагать, что и въ будущемъ году цѣны хлѣба въ Иркутскѣ будутъ довольно высоки; по знатнымъ же заготовленіямъ, кои необходимо должно будетъ сдѣлать для продовольствія Киренскаго края, оно еще болѣе могутъ возвыситься.

«3) Что Томскіе заводы, при настоящемъ ихъ устройствѣ, какъ изъ доставленныхъ мнѣ свѣдѣній видно, легко могутъ безъ прибавки посуды выкурить вина до 300000 в., между тѣмъ какъ настоящая потребность сей губерніи по контракту составляетъ 171500 ведръ, а добавочныя требованія откупщиковъ простираются не болѣе 65000; запасы хлѣба на нихъ весьма значительны, и настоящей урожай обѣщаетъ обильную жатву.

«4) Что поставка сего вина сюда зимнимъ путемъ, особливо съ завода Каменскаго, не затруднительна и по всѣмъ разсчетамъ, на мѣстѣ сдѣланнымъ, оно обойдется дешевле и для казны выгоднѣе, нежели вино здѣшняго производства, особливо, если оно доставлено будетъ спиртомъ, что именно здѣсь и нужно для всей области Якутской, Охотска и Камчатки.

«5) Что изъ трехъ здѣшнихъ заводовъ Ильинскій (sic), отстоящій отъ губернскаго города болѣе 400 верстъ, удаленъ отъ надзора, и бывъ устроенъ на границѣ Киренскаго уѣзда въ мѣстѣ неурожайномъ, куда хлѣбъ доставляется за 400 и за 500 в. большею частію сухопутно, выкуривалъ до 45000 в. вина съ значительнымъ для казны убыткомъ, и именно оно обходилось заводу по 330 коп., а сдавалось откупщику по три рубля, и слѣдовательно съ потерею на каждомъ ведрѣ по 30 коп.

«По симъ предварительнымъ свѣдѣніямъ я предложилъ обѣимъ казеннымъ экспедиціямъ, Иркутской и Томской, войти въ сношеніе и сообразить, до какой степени Томское казенное винокуреніе можетъ пособить Иркутскому.

«Изъ сношеній сихъ открылось, что пособіе сіе можетъ простираться до 100000 в., обстоятельство для Иркутской казенной экспедиціи весьма выгодное: ибо оно можетъ и освободить ее отъ убыточнаго Ильинскаго завода, и пособить ея запасамъ, и пони-

зить здѣсь цѣны на хлѣбъ, и доставить вино дешевле, нежели отъ собственнаго винокуренія ожидать ей было можно.

«На семъ основаніи Иркутская экспедиція, согласно предложенію моему, распорядилась: 1) винокуренія въ будущемъ году на Ильинскомъ заводѣ не производить; 2) заводъ сей, не уничтожая, оставить въ настоящемъ его положеніи; 3) рабочихъ размѣстить въ недостающій комплектъ къ другимъ заводамъ, оставя при ономъ нужное только число для охраненія, и то женатыхъ и при немъ уже водворившихся; 4) винокуреніе на двухъ другихъ заводахъ расположить въ будущемъ году судя по цѣнамъ хлѣба такъ, что ежели онѣ будутъ выгодны, то выкурить болѣе; ежели же будутъ высоки, то выкурить то только количество, какое будетъ нужно въ положенную пропорцію за пособіемъ отъ Томскаго винокуренія.

«Пропорція сія составляетъ здѣсь всего 180000 ведръ, и два завода, Александровскій и Николаевскій, въ удобныхъ и хлѣбородныхъ мѣстахъ учрежденные, одни могутъ ее поставить безъ всякаго отягощенія. Ильинскій заводъ и въ самомъ началѣ учрежденъ былъ по настоянію откупщиковъ единственно для облегченія имъ перевозки спирта въ Якутскъ, причемъ не принято въ соображеніе, что спиртъ откупщикамъ перевозить изъ Иркутска легче, нежели казнѣ ставить туда хлѣбъ.

«Впрочемъ настоящій опытъ покажетъ вѣрнѣе, до какой степени и на будущее время здѣшнее винокуреніе можно будетъ согласить съ Томскимъ и рѣшить вопросъ, должно ли поддерживать Ильинскій заводъ, или совсѣмъ уничтожить. Предметъ сей въ свое время войдетъ въ общее предположеніе о питейной части въ Сибири; нынѣ же я счелъ нужнымъ донести вашему высокопревосходительству предварительно о тѣхъ только мѣрахъ, кои въ видѣ временнаго пособія по здѣшнему винокуренію приняты».

Томскому губернатору поручено было распорядиться выкурить 20000 в. спирта 4-хъ пузырьковой доброты, чтобы можно было отправить половину его къ 1 октября, а другую въ октябрѣ; открыть съ торговъ цѣны на перевозку спирта и увѣдомить о томъ Сперанскаго предварительно, чтобы можно было заранѣе сообразить, гдѣ дешевле будутъ выпрошены цѣны за перевозку. Вино, по разсчетамъ Сперанскаго, должно было обойтись по 1 р. 70 коп. ведро—рублемъ дешевле заготовлявшагося на Иркутскихъ заводахъ. Томскій вице-губернаторъ, Горловъ, не одобрилъ распоряженія Сперанскаго о выкуркѣ вина въ 4-хъ пузырьковомъ спиртѣ. Иркутская казенная экспедиція также находила эту выкурку невыгодною. По этому Сперанскій, письмомъ къ Горлову отъ

30 іюня, предоставилъ ему распоряжаться выкуркой по своему усмотрѣнію [1]). Между тѣмъ онъ предложилъ казенной экспедиціи отложить винокуреніе на Ильинскомъ заводѣ, а затѣмъ и заготовленіе для него дровъ [2]).

Въ дровахъ этотъ заводъ встрѣтилъ большое затрудненіе. Крестьяне не согласились брать менѣе 2 р. 50 коп. за сажень, а у заводскихъ рабочихъ не было ни порядочныхъ лошадей, ни сбруи [3]). По Александровскому заводу, въ апрѣлѣ 1820 г., оставалось мало въ запасѣ и хлѣба, и дровъ, и бочекъ. Съ разрѣшенія Сперанскаго, здѣсь винокуреніе было остановлено уже съ конца апрѣля, тѣмъ болѣе, что наличнаго вина на заводахъ было достаточно на удовлетвореніе откупа [4]). Вслѣдъ затѣмъ экспедиціи было предложено принять удобнѣйшія мѣры къ заготовленію дровъ наймомъ или прибавкою рабочимъ такой платы, которая не была бы для нихъ обременительна [5]). На будущее винокуреніе часть хлѣба велено было заготовить въ Томской губерніи.

Въ одно время съ приведеннымъ выше отношеніемъ къ министру, Сперанскій далъ соотвѣтствующія предписанія Томской и Иркутской казеннымъ экспедиціямъ. Первой онъ поручилъ распорядиться, чтобы на трехъ Томскихъ заводахъ (Каменскомъ, Боготольскомъ и Краснорѣчинскомъ) было выкурено для Иркутской губерніи 100000 в. Въ тоже время онъ обязывалъ экспедицію удовлетворить просьбу коммисіонера содержателя питейныхъ сборовъ, князя Голицына, объ отпускѣ ему 35000 в. прибавочнаго вина, «тѣмъ болѣе, что для другого содержателя назначается также въ прибавку до 30000 в. и что предпочтительное удовлетвореніе одного изъ двухъ винныхъ содержателей было бы и неуравнительно, и несправедливо». Всего на Томскихъ заводахъ назначалось къ выкуркѣ до 336500 в. Сперанскій не находилъ этого количества чрезмѣрнымъ, такъ какъ, «съ одной стороны, заводы Томскіе доведены до наилучшаго устройства, и всѣ свѣдѣнія и состоящія нынѣ на хлѣбъ цѣны ожидаютъ обильную жатву». Но если бы экспедиція впослѣдствіи нашла, что заводы не въ состояніи выкурить всего назначеннаго имъ количества, то обязана была заблаговременно увѣдомить о томъ Иркутскую экспедицію, которая въ такомъ случаѣ должна была усилить винокуреніе на Иркутскихъ заво-

[1]) См. прилож.
[2]) См. прилож.
[3]) Св. 228, № 3.
[4]) Св. 213, № 11. Предп. 20 апрѣля 1820 г.
[5]) Св. 203, № 4. Предп. 25 апрѣля. См. прилож.

дахъ. На обязанности Томской экспедиціи лежало производство выкурки и перегонка вина въ спиртъ; пріемъ спирта на заводахъ, отправленіе его и доставка на мѣста, возлагались на Иркутскую экспедицію. Послѣдней Сперанскій предписалъ: «снестись и со взаимною удобностью постановить сроки, на кои вино съ каждаго завода въ опредѣленныхъ пропорціяхъ должно быть принимаемо, начавъ сіи сроки не прежде, какъ съ перваго зимняго пути». На Иркутскихъ заводахъ оставалось къ выкуркѣ до 80000 в. Въ случаѣ невозможности выкурить на Томскихъ заводахъ назначенное имъ количество, въ счетъ 100000 в., Иркутская экспедиція, какъ выше сказано, обязывалась докурить недостающее на Иркутскихъ заводахъ, «къ чему какъ настоящее количество хлѣба, такъ и будущія заготовленія, доставятъ ей надежные способы и удобность» [1].

Томская экспедиція составила подробный распорядокъ выкурки и сдачи вина, но представила его на утвержденіе Сперанскаго. Всѣ предположенія ея были утверждены предписаніемъ отъ 28 іюля 1820 г. Съ своей стороны министръ финансовъ, въ отношеніи къ Сперанскому отъ 4 сентября, нашелъ принятыя имъ мѣры основательными, «съ соблюденіемъ при томъ пользы казенной и обитателей Иркутской губерніи». Онъ изъявилъ Сперанскому совершенную благодарность за пособіе Иркутскимъ заводамъ въ закупахъ хлѣба и за попеченіе о доставленіи отъ нихъ большихъ выгодъ.

Для Иркутской губерніи курилось на Краснорѣчинскомъ заводѣ 27000 и на Каменскомъ 73000 в. Втеченіи 1820 г. выкурено: на первомъ 16591 $^7/_8$, на второмъ 45765 в., остальное курилось въ 1821 г.

Вино на Каменскомъ заводѣ обошлось, съ доставкою, 2 р. 27 коп., тогда какъ на Иркутскихъ оно стоило 2 р. 76 к. Для пріема вина былъ командированъ совѣтникъ Иркутской экспедиціи Серебряковъ. Илличевскій, отъ 2 декабря, жаловался на то, что Серебряковъ 20 ноября проѣхалъ чрезъ Каменскій заводъ прямо въ Енисейскъ и до 24 не возвращался на заводъ, и вообще на вялость дѣйствій Серебрякова. Сперанскій, 13 декабря, послалъ Серебрякову строгое предписаніе: «Извѣстился я, что вы, бывъ командированы въ Каменскій заводъ для принятія спирта, медлите приступить къ тому и теряете время въ безполезныхъ разъѣздахъ, не смотря на то, что спиртъ и вощики готовы. Если отъ бездѣйствія вашего казна понесетъ убытки, то вы не только подвергне-

[1]) См. прилож.

тесь взысканію за оные, но и преданы будете суду по законамъ. Предостерегая васъ на сей случай, я надѣюсь, что съ полученія сего не замедлите вы обратиться къ исполненію сдѣланнаго вамъ порученія». Это предписаніе отправлено было къ Илличевскому, съ тѣмъ, чтобы онъ выдалъ его Серебрякову, если тотъ находится еще въ Томской губерніи, а въ противномъ случаѣ возвратилъ. Тогда же предложено было Зеркалееву «взять» съ Серебрякова объясненіе и при разсмотрѣніи счетовъ его принять въ соображеніе то обстоятельство, что Серебряковъ «жилъ съ 10-ю казаками въ Томской губерніи безъ дѣла, хотя спиртъ и возчики готовы». Серебряковъ прислалъ къ Сперанскому оправданіе, въ которомъ писалъ, что онъ принялъ вино тотчасъ, но не могъ отправить его, ибо ледъ на Ангарѣ еще не укрѣпился, а съ 1 декабря по 5 января принялъ и отправилъ все заготовленное тогда вино, 34000 в. Дѣло это было разрѣшено предписаніемъ Сперанскаго Илличевскому, отъ 10 іюня 1821 г., что отъ медленности Серебрякова не было вредныхъ послѣдствій и спиртъ дошелъ въ назначенныя мѣста въ свое время, и что, слѣдовательно, дальнѣйшая переписка объ этомъ излишня.

Закупъ хлѣба для казенныхъ потребностей изъ урожая 1820 г. шелъ по Иркутской губерніи очень туго. Нельзя было надѣяться, чтобы Иркутскіе заводы успѣли купить все, необходимое для нихъ количество хлѣба. Иркутская казенная экспедиція вошла съ представленіемъ къ Сперанскому о томъ, чтобы и на 1822 г., по примѣру предъидущаго, часть вина для Иркутской губерніи, и именно 100000 в., была выкурена на Томскихъ заводахъ. Сперанскій распорядился, чтобы, при торгахъ на покупку хлѣба для Томскихъ заводовъ, было заготовлено, сверхъ назначеннаго уже для Томской губерніи, еще и то количество хлѣба, какое нужно на выкурку 100000 в. вина для Иркутской губерніи [1]). Увѣдомляя министра финансовъ объ успѣхѣ выкурки для Иркутской губерніи вина на Томскихъ заводахъ въ 1820 г., Сперанскій, въ отношеніи отъ 1 января 1821 г., извѣстилъ его и о новомъ своемъ распоряженіи.

Онъ говоритъ, что на Томскихъ заводахъ будетъ выкурено до 120000 в. вина и на покупку хлѣба сдѣланы уже въ Томскомъ губернскомъ правительствѣ подряды. «Цѣны, пишетъ онъ, хотя и превышаютъ прошлогоднія, но вообще кажутся еще довольно умѣренными, чтобы обѣщать не безвыгодное для казны винокуреніе». Всего для Иркутской губерніи требовалось 180000 в.; за отчисле-

---

[1]) Предп. Томскому губ. пр., 3 января 1821 г.

ніемъ 120000 в. на Томскіе заводы, оставалось выкурить на Иркутскихъ только 60.000 [1]). Иркутской экспедиціи тогда же предписано было войти въ сношеніе съ Томскою по этому предмету. «Положеніе о семъ, писалъ Сперанскій, должно сдѣлать нынѣ же, дабы не упустить времени удобнаго къ заготовленію хлѣба». 10 января 1821 г. Сперанскій предложилъ Томскому губернскому правительству, къ назначенной прежде пропорціи вина для Иркутскихъ заводовъ 100000 в. прибавить еще 20000, а если можно, то и 50000 в., и купить хлѣба на все это количество. Министръ финансовъ, отъ 26 февраля 1821 г., одобрилъ и новое распоряженіе Сперанскаго о переводѣ выкурки.—Въ пропорцію 1821—2 г. на Каменскомъ заводѣ было выкурено для Иркутской губерніи 90000, на Краснорѣчинскомъ 30000 в.

Въ іюлѣ 1821 г. Иркутская экспедиція нашла, что заготовленнаго для Иркутской губерніи на этотъ годъ вина будетъ недостаточно. Она обратилась въ Томскую экспедицію съ требованіемъ о выкуркѣ на Томскихъ заводахъ и передвойкѣ въ спиртъ 20000 в. вина. Томская экспедиція исполнила это требованіе. Она произвела и вызовы желающихъ на перевозку спирта и просила Иркутскую экспедицію ускорить присылкою чиновника для пріема спирта. Чтобы исполнить требованіе Иркутской экспедиціи, Томская экспедиція отказала въ нѣкоторыхъ статьяхъ своимъ откупщикамъ и вообще измѣнила предполагавшійся ею прежде порядокъ выкурки и отпуска вина. Спирта уже было приготовлено 3000 в. Вдругъ она получила отъ Иркутской экспедиціи увѣдомленіе, что вино это предполагается принять и перевезти только зимнимъ путемъ, вмѣстѣ съ прочимъ, назначеннымъ для Иркутской губерніи. Этимъ совершенно измѣнился устроенный Томскою экспедиціею порядокъ. Кромѣ того должно было терпѣть отъ усышки и утечки въ спиртѣ, который долженъ былъ оставаться въ заводѣ. «Изъ сего слѣдуетъ заключить, писалъ Сперанскій Иркутской экспедиціи, отъ 11 ноября 1821 г., что требованіе Иркутской казенной экспедиціи на полученіе съ Томскихъ заводовъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ вина не сообразно было ни съ временемъ, ни съ обстоятельствами, и потому единственно навлекло убытокъ казнѣ и нѣкоторое разстройство въ дѣйствіяхъ Томской казенной экспедиціи; но послѣдствія, отъ сего быть могущія, должны остаться на отвѣтственности виновныхъ; а я нахожу справедливымъ предложить Иркутской казенной экспедиціи, во первыхъ, чтобъ она въ дѣлахъ сего рода дѣйство-

---

[1]) См. прилож.

вала на будущее время постоянно, и потому, во вторыхъ, пріемъ и перевозку спирта въ настоящее дѣйствіе винокуренія съ Томскихъ заводовъ въ пособіе Иркутской губерніи распорядила произвесть сообразно предписаннымъ на сей случай правиламъ, т. е., чтобъ Томская казенная экспедиція заблаговременно знала, къ какому точно времени и сколько именно должно ей приготовить спирта, чтобъ оный принимаемъ былъ чиновникомъ со стороны Иркутской экспедиціи въ назначенный срокъ, и чтобъ посему симъ послѣднимъ заблаговременно приготовлены были возчики, къ выгодному найму которыхъ, какъ въ дѣлѣ казенномъ, чиновникъ можетъ и долженъ требовать пособія Томскаго губернскаго начальства» [1].

Вообще Сперанскій находилъ, что Иркутскіе заводы, по недостатку устройства и надзора и по высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, не могли быть съ пользою содержимы. Они могли курить вино безъ убытка только по злоупотребленіямъ, т. е. изъ такого хлѣба, который былъ не купленъ, а взятъ у крестьянъ по низкимъ и произвольнымъ цѣнамъ. По его мнѣнію, вино для Иркутской губерніи должно было производиться въ Красноярскомъ уѣздѣ, чтобы въ одно время пособить и Иркутской дороговизнѣ, и Красноярской дороговизнѣ, весьма тягостной для крестьянъ [2]). Но эта мысль не получила дальнѣйшаго развитія. Иркутскіе откупа впослѣдствіи получали вино съ Каменскаго завода только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Съ развитіемъ золотопромышленности въ Енисейской губерніи и съ возвышеніемъ тамъ цѣнъ на хлѣбъ, сдѣлалось невыгоднымъ и винокуреніе на Каменскомъ заводѣ; онъ былъ закрытъ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Съ того времени казна начала пріобрѣтать иногда для Иркутскихъ откуповъ вино и въ Томской губерніи, но только съ частныхъ заводовъ. Но вообще въ Иркутской губерніи существовало и постепенно усиливалось собственное казенное винокуреніе; оно прекратилось только съ уничтоженіемъ откуповъ.

Выше мы говорили о тѣхъ неудобствахъ, какія происходили отъ отдачи въ Сибири питейной продажи на откупъ. Мы говорили также, что Сперанскаго, между прочимъ, занималъ и проектъ введенія въ Сибири вольной винной продажи, на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ она была введена въ С.-Петербургской губерніи. Не знаемъ, ему, или графу Гурьеву, принадлежитъ эта мысль; но ду-

[1]) Св. 228, № 3.

[2]) Отчетъ.

маемъ, что послѣднему: введеніе акцизной системы внутри Россіи началось по его мысли. Мнѣніе это подтверждается и приведеннымъ въ предъидущей главѣ письмомъ Сперанскаго къ вице-губернаторамъ. Дальнѣйшей переписки по этому предмету мы не нашли, но акцизная система была введена во внутреннихъ губерніяхъ, а въ Сибири оставлены откупа. При обсужденіи въ комитетѣ министровъ вопроса объ отдачѣ въ содержаніе Сибирскихъ откуповъ на 4-хъ-лѣтіе съ 1823 г., министръ финансовъ находилъ полезнымъ, чтобы и въ Сибири была введена акцизная система, распространенная въ то время уже на всю внутреннюю Россію. «Способъ взиманія сборовъ посредствомъ откуповъ уже повсемѣстно и рѣшительно признанъ неудобнымъ,—доносилъ онъ комитету,—какъ невыгодный для казны и стѣснительный для народа»; министръ однакоже находилъ, что для разрѣшенія этого вопроса собрано еще недостаточно данныхъ. По положенію комитета, Высочайше утвержденному 30 ноября 1821 г. [1]), откупа Сибирскіе возобновлены еще на четырехлѣтіе. По откупнымъ условіямъ на 1823—1827 г., Иркутская губернія была отдана на откупъ вся вообще; Томская и Тобольская по уѣздамъ, и при томъ по прежнему раздѣленію, а не по новому. Продажа вина не допускалась: во всей Якутской округѣ, кромѣ Якутска: въ Охотскѣ и Камчаткѣ; въ разныхъ волостяхъ Тобольскаго и Туринскаго уѣздовъ; въ Березовскомъ уѣздѣ—кромѣ Березова, Сургута и. с. Кондинскаго; въ Туруханскомъ—кромѣ Туруханска; во всѣхъ редутахъ и форпостахъ по Сибирской линіи, —кромѣ Корякова [2]).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Тельминская суконная фабрика.—Частные заводы.

Тельминская суконная фабрика находится въ 607 в. отъ Иркутска, при впаденіи рч. Тельмы въ Ангару. Она была основана въ 1731 г. купцомъ Бобровскимъ. Въ 1773 г. она была продана купцу Серебрякову, а потомъ взята отъ него въ секвестръ за казенный долгъ. Въ 1793 г. фабрика эта была куплена съ аукціона коммисаріатскимъ вѣдомствомъ, за 9.538 р. 94 к., и передана въ

[1]) П. С. З. 28824.
[2]) П. С. З. 29076.

управленіе коммисіонеру, впослѣдствіи генералъ-маіору, Новицкому. При ней уже состояло тогда 87 д. приписныхъ крестьянъ; суконъ выдѣлывалось отъ 6 до 10000 ар. Въ 1797 г. она поступила въ вѣдѣніе государственной мануфактуръ-коллегіи: для работъ на ней велѣно было выбрать способныхъ людей изъ ссыльныхъ обоего пола; къ фабрикѣ приписана Еланктуйская слобода (375 д. м. п. и 338 ж.). Ссыльныхъ, на этомъ основаніи, поступило на фабрику 1182 м. и 493 ж. пола. Новицкій управлялъ фабрикою до 1809 года. При немъ дѣйствія фабрики постепенно распространялись; въ то же время увеличивались и рабочія ея силы: на основаніи указа 26 сентября 1800 г., на фабрику вновь поступило до 900 чел. ссыльныхъ.

Лецкано предполагалъ перевести фабрику на островъ Ольхонъ, на Байкалѣ, но Селифонтовъ не одобрилъ этой мысли. 21 декабря 1804 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о обращеніи фабрики снова въ коммисаріатское вѣдомство. По Высочайше утвержденному 8 декабря 1810 г. мнѣнію государственнаго совѣта она опять поступила въ гражданское вѣдомство и подчинена главному начальству Сибирскаго генералъ-губернатора; къ ней прибавлено еще 444 рабочихъ.

Фабрика существовала собственно для снабженія сукнами войскъ Сибирскаго корпуса. Впрочемъ, на ней кромѣ суконнаго, дѣлались, время отъ времени, опыты и другихъ производствъ, напр. стеклянаго.

Послѣ Новицкаго фабрикою управлялъ Соколовскій, который въ 1819 г. состоялъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Таковъ общій очеркъ исторіи фабрики до управленія Сперанскаго [1]).

Въ іюнѣ 1820 г. Соколовскій подалъ просьбу объ увольненіи его въ отпускъ. «Какъ поступленіе сей фабрики въ другое управленіе предполагаетъ сдачу всѣхъ ея капиталовъ, строеній и имущества, а сдача сія не можетъ быть произведена безъ предварительной ревизіи», то Сперанскій составилъ особую коммисію изъ полковника Платонова, ассесора гражданской палаты Коссовича и засѣдателя совѣстнаго суда Бенскаго. Коммисіи, отъ 11 іюня 1820 г., было поручено «обревизовать и повѣрить съ книгами и документами всѣ наличные капиталы, зданія, матеріалы сей фабри-

[1]) Св. 47, № 11, записка о Тельм. фабрикѣ.

ки.—словомъ все ея имущество», и донести о послѣдствіяхъ ревизіи. Коммисія нашла, что шерсти на фабрикѣ заготовлено слишкомъ много въ сравненіи съ потребностью; что шерсть вообще груба и несиковата; что цѣна шерсти, при заключеніи послѣдняго контракта, вдругъ возвысилась болѣе нежели вдвое, и что въ февралѣ 1820 г. Соколовскій представилъ Сперанскому о заключеніи контракта на поставку шерсти съ Ольхонскими бурятами, не объяснивъ, что въ шерсти былъ значительный избытокъ. Сперанскій потребовалъ отъ Соколовскаго объясненій [1]). Неизвѣстно, въ чемъ они заключались; но 24 іюля Сперанскій далъ знать Соколовскому, что, по просьбѣ его, онъ представилъ министру финансовъ объ увольненіи его отъ службы, а между тѣмъ, въ уваженіе описанныхъ имъ «домашнихъ обстоятельствъ и настоятельныхъ нуждъ», увольняетъ его въ отпускъ въ Смоленскую губернію. Управленіе фабрикой поручено было Платонову. Совершенно отдѣланныя сукна Соколовскій обязанъ былъ сдать въ коммисаріатъ при себѣ. Платонову дано была подробное наставленіе о порядкѣ пріема фабрики. Онъ обязанъ былъ донести Сперанскому о состояніи, въ какомъ приметъ фабрику, «дабы, писалъ Сперанскій, съ одной стороны заслугамъ бывшаго ея директора отдать надлежащую справедливость, а съ другой и недостатки, какіе въ ней оказаться могутъ, не пали на вашу отвѣтственность» [2]).

При сдачѣ фабрики, возникли между Соколовскимъ и Платоновымъ разныя недоразумѣнія. Оба жаловались Сперанскому, а Соколовскій — и Зеркалееву. Послѣдній распорядился, для приведенія этихъ жалобъ въ ясность, командировать на фабрику особыхъ чиновниковъ отъ гражданскаго и военнаго вѣдомства. Платоновъ не признавалъ за Зеркалеевымъ подобнаго права. Но Сперанскій нашелъ распоряженіе Зеркалеева правильнымъ,«ибо происшедшее несогласіе, особенно въ такомъ дѣлѣ, которое сопряжено съ казеннымъ интересомъ, нельзя отвратить иначе, какъ посредствомъ постороннихъ чиновниковъ».—«Послѣ сего, писалъ онъ Платонову 25 октября 1820 г., ежели порядокъ, по коему расположили вы пріемъ фабрики, и перемѣненъ будетъ, то всякое упущеніе не останется уже на вашей отвѣтственности». Онъ предписалъ Платонову исполнить въ точности распоряженіе Зеркалеева и на будущее время во всѣхъ случаяхъ по управленію фабрикою, нетерпящихъ отлагательства, входить къ нему съ представленіями.

[1]) 47, № 11. Предп. 7 іюля 1820 г. См. прилож.
[2]) Св. 47, № 11. См. прилож.

Вслѣдъ затѣмъ онъ вновь получилъ отъ Зеркалеева донесеніе, что Платоновъ не исполняетъ его предписаній, и что, до полученія разрѣшенія Сперанскаго, Зеркалеевъ остановилъ свое распоряженіе о приведеніи въ ясность жалобъ Соколовскаго. Землякъ и старинный сослуживецъ Соколовскаго, Зеркалеевъ вообще защищалъ его и обвинялъ Платонова. Послѣдній напротивъ доносилъ, что у Соколовскаго оказался недостатокъ въ суквахъ и шерсти. Платоновъ требовалъ отъ Соколовскаго обезпеченія въ недостаткѣ. Сперанскій, отъ 8 ноября 1820 г., сообщилъ Зеркалееву о содержаніи своего предписанія Платонову отъ 25 октября. Онъ находилъ, что затѣмъ не должно уже встрѣчаться никакихъ затрудненій въ настоящемъ дѣлѣ. Сперанскій замѣтилъ однакожъ Зеркалееву, что «разбирательство по Тельминской фабрикѣ достаточно было бы произвести черезъ гражданскихъ чиновниковъ. P.S. Разумѣется само собою, что если между тѣмъ споры по пріемѣ фабрики окончены, то нѣтъ и причины наряжать коммисію». Сперанскій писалъ и Платонову. Онъ находилъ, что причины, которыя представлялъ Соколовскій въ объясненіе недостатка въ суквѣ и шерсти, подлежатъ еще разсмотрѣнію; что до окончанія этого разсмотрѣнія нѣтъ основаній ни задерживать Соколовскаго на фабрикѣ, ни требовать обезпеченія, тѣмъ болѣе, что въ Иркутской губерніи у него не было никакого имѣнія, которое онъ могъ бы представить въ обезпеченіе; а если, по разсмотрѣніи дѣла, онъ долженъ будетъ подвергнуться взысканію, «то отъ онаго нигдѣ избѣжать не можетъ.» Поэтому Сперанскій предложилъ Платонову выдать Соколовскому квитанцію во всемъ принятомъ отъ него. «Въ квитанціи, приписывалъ онъ, можно именно включить, что два вышеозначенныя обстоятельства предоставлены разсмотрѣнію высшаго начальства» [1].

Соколовскій однакожъ остался недоволенъ этимъ распоряженіемъ. 29 декабря 1820 г.; онъ прислалъ къ Сперанскому письмо, въ которомъ жаловался на выдачу ему неправильной квитанціи и на то, что Платоновъ, медленностью въ пріемѣ фабрики, нанесъ ему большие убытки. Онъ насчитывалъ этихъ убытковъ 12.194 р. 81¼ к. На одну переписку съ Платоновымъ онъ израсходовалъ будто бы 1.200 р. Соколовскій исчислялъ при этомъ свои заслуги по управленію фабрикой. Въ то же время сестра его, какая - то

---

[1]) Св. 47, № 11. См. прилож.

Аксинья Яфимовичева, писала къ Сперанскому о томъ, что братъ ея терпитъ безвинно послѣ 34-хъ-лѣтней службы въ Сибири [1]).

Дѣло о Соколовскомъ тянулось довольно долго. Неизвѣстно, были ли за Соколовскаго сильныя ходатайства, или дѣйствительно не въ чемъ было обвинять его; но дѣло кончилось его оправданіемъ. Положеніемъ Сибирскаго комитета 12 января 1822 г. опредѣлено: 1) не относить къ неисправностямъ Соколовскаго недостатки въ добротѣ шерсти; 2) не подвергать его взысканію за маломѣрность половинокъ; 3) не подвергать его преждевременному взысканію за отпускъ одному унтеръ-офицеру 1.500 р. и за дрова, находящіяся въ лѣсу; 4) дать ему чистую квитанцію, включивъ въ нее и услуги его фабрикѣ [2]).

На дѣйствіе фабрики въ 1819 г. назначено было 120.000 р. Въ то число было замѣнено передержки (выданныхъ въ предъидущемъ году) 26.783 р. 30½ к. и выдано въ 1819 г. 40.000 р. На 1820 г. нужно было выдать Братскимъ на поставку шерсти, хлѣба и проч. 30.000 р.; на дѣйствіе фабрики, по примѣрному исчисленію, требовалось 100.000 р. На 1821 г. потребность въ расходахъ была исчислена въ 100.000 р. Деньги эти, по распоряженію Сперанскаго, казенная палата должна была отпускать по требованіямъ директора фабрики.

Ревизія фабричной отчетности производилась прежде особой коммисіей, а не въ казенной экспедиціи. Экспедиція находила, что она не можетъ производить этой ревизіи, по неимѣнію для того правилъ и необходимыхъ свѣдѣній. Она просила избавить ее на 1820 г., отъ этой обязанности, и спрашивала, куда должны быть представлены книги за 1818 г. Сперанскій, отъ 24 сентября 1819 г. отвѣчалъ, что онъ не оставитъ «принять мѣры, чтобы ревизія всѣхъ движеній по фабрикѣ поставлена была въ сообразный симъ заведеніямъ порядокъ», а между тѣмъ предложилъ держаться при ревизіи прежняго порядка. Однакожъ этотъ вопросъ болѣе при немъ не возобновлялся.

Въ 1820 г., при пріемѣ фабричныхъ суконъ въ коммисаріатское вѣдомство, забраковано было 149 половинокъ сѣраго сукна, за рѣдкостью и недовалкою. Директоръ фабрики Соколовскій находилъ эту забраковку неправильною и просилъ переосвидѣтельство-

---

[1]) Яфимовичева, по словамъ ея, посылала къ Сперанскому нѣсколько писемъ, и изъ нихъ одно черезъ Наталью Ивановну Куракину.

[2]) Св. 47, № 11.

вать сукна. Сперанскій, отъ 15 Марта 1820 г., распорядился, чтобы назначить для переосвидѣтельствованія суконъ двухъ оберъ-офицеровъ съ военной стороны и двухъ членовъ думы или магистрата съ гражданской. Сукно однакожъ оказалось недоваляннымъ, и Соколовскій сложилъ по аршину на половинку.

Шерсти для фабрики заготовлялось ежегодно до 2375 пуд. Заготовленіе производилось отчасти подрядомъ, отчасти чрезъ коммисіонеровъ. Въ 1820 г. коммисіонеры доставили 138 п. 25 ф. лишней шерсти. Сперанскій, 26 мая 1820 г., отказалъ въ пріемѣ ея, на томъ основаніи, что за избыткомъ шерсти на фабрикѣ не было надобности покупать ее болѣе условленнаго у Братскихъ количества.

Въ предупрежденіе порчи шерсти, заготовленной въ прежніе годы въ слишкомъ большомъ количествѣ, Сперанскій, 7 августа 1820 г., разрѣшилъ Платонова усилить выдѣлку суконъ, употребивъ на нее пропитанныхъ фабричныхъ. Съ тою же цѣлью, 19 апрѣля 1821 г., онъ разрѣшилъ Платонова покупать у бурятъ шерсть для сдабриванія бывшей уже въ запасѣ; но распорядился представлять ему на предварительное разрѣшеніе о цѣнахъ, по какимъ будетъ покупаться шерсть. Еще въ 1820 г., онъ разрѣшилъ отпускать чиновникамъ, командируемымъ въ селенія для пріема шерсти, деньги на содержаніе ихъ и состоящихъ при нихъ служителей, но не болѣе 200 р. въ годъ.

Хлѣба на продовольствіе фабричныхъ рабочихъ заготовлялось ежегодно до 20000 п. Платоновъ признавалъ болѣе удобнымъ и выгоднымъ покупать его черезъ своихъ коммисіонеровъ, нежели съ торговъ въ казенной экспедиціи. Сперанскій нашелъ это предложеніе и съ своей стороны основательнымъ, тѣмъ болѣе, что пропорція хлѣба была незначительна. Онъ распорядился только (8 ноября 1820 г.), чтобы Платоновъ о количествѣ хлѣба и о цѣнахъ на него каждый разъ доводилъ до свѣдѣнія Зеркалеева.

Ко времени Сперанскаго относится и разрѣшеніе на фабрикѣ нѣкоторыхъ значительныхъ построекъ. Въ 1821 г. Платоновъ просилъ разрѣшенія исправить «ветхости» въ каменныхъ свѣтлицахъ, гдѣ производилось сукнодѣліе, и построить каменный флигель для теплорамной. На исправленіе исчислено было 2.204 р., а на постройку 8.783 р. Исправленіе свѣтлицъ было разрѣшено, а о постройкѣ теплорамной Сперанскій. отъ 8 апрѣля 1822 г., представлялъ на разрѣшеніе министра финансовъ. Постройка эта была разрѣшена министромъ съ тѣмъ, чтобы употребленная на нее

сумма была возвращена втеченіи года, надбавкой на продажную цѣну суконъ по 22 к. на аршинъ [1]).

Однимъ изъ важнѣйшихъ распоряженій по фабрикѣ была посылка одного изъ фабричныхъ чиновниковъ въ Москву. Мысль объ этомъ принадлежитъ Платонову. 8 ноября 1820 г. Сперанскій разрѣшилъ ему командировать одного изъ коммисіонеровъ для покупки красокъ и другихъ матеріаловъ. Выборъ палъ на коммисіонера Таланкина. Таланкинъ накупилъ въ Москвѣ множество разныхъ вещей, которыя отправилъ на 22 возахъ до Тюмени. Самъ онъ, по распоряженію Сперанскаго, долженъ былъ явиться въ Петербургъ, и потому Сперанскій, 1 апрѣля 1821 г., распорядился, чтобы отправка вещей изъ Тюмени на фабрику была возложена на Томскаго городничаго [2]).

При посылкѣ Таланкина Сперанскій поручилъ ему изучить суконное производство на лучшихъ фабрикахъ. Между прочимъ онъ поручилъ ему быть въ селѣ Разсказовѣ, на фабрикѣ Полторацкаго [3]), и далъ ему рекомендательное письмо къ Полторацкому. Таланкинъ пробылъ на фабрикѣ Полторацкаго три дня, и составилъ, подъ его руководствомъ, двѣ записки о подробностяхъ суконнаго производства. Полторацкій отдавалъ справедливость способностямъ Таланкина, но указалъ на то, что заведеніе одной какой нибудь машины, безъ полнаго комплекта ихъ, — есть ни къ чему неведущая полумѣра. Онъ вызывался снабдить фабрику собраніемъ машинъ. Вызовъ этотъ, какъ увидимъ ниже, остался безъ послѣдствій [4]). Таланкину поручено было также осмотрѣть и Павловскую фабрику, и тоже дано рекомендательное письмо къ ея директору [5]). Таланкинъ, еще находясь въ Петербургѣ, получилъ должность смотрителя фабрики [6]).

---

[1]) Св. 47, № 13. Кромѣ того Трескинъ, отъ 19 августа 1819 г., просилъ разрѣшенія Сперанскаго купить въ Тельминскомъ селеніи три частныя лавки для помѣщенія въ нихъ воинскаго цейхгауза. Резолюція—«оставить безъ послѣдствій». На такое же представленіе директора фабрики Сперанскій, отъ 26 ноября 1819 г., отвѣчалъ, что «зданія строенія, имѣющіяся въ фабрикѣ для воинскихъ помѣщеній» онъ не считаетъ нужнымъ покупать лавки и заводить особенное зданіе для цейхгауза. Но 10 іюня 1820 г. директоръ вновь представлялъ о покупкѣ лавокъ и подробно объяснялъ необходимость въ нихъ. Сперанскій, отъ 17 іюня 1820 г., разрѣшилъ эту покупку, тѣмъ болѣе, что и цѣна лавокъ была очень недорога — 750 руб. Св. 1, № 1.

[2]) Св. 45, № 5.

[3]) Александра Марковича.

[4]) Св. 46, № 6.

[5]) См. прилож.

[6]) Св. 45, № 4.

Слѣдствіемъ командировки Талапкина были — заведеніе новыхъ аппаратовъ для суконнаго производства, улучшеніе выдѣлки суконъ и значительное улучшеніе стекляннаго производства, которое до того времени находилось въ весьма плохомъ состояніи.

Въ 1814 г. Пестель купилъ для фабрики у оберъ-камергера Витовтова чесальную и прядильную машины за 10.000 р. и потребовалъ отъ военнаго министерства 15.000 р. на покупку и пересылку машины. Деньги, 10.000 р., были уплачены Витовтову въ два срока. Для пріема машины были посланы въ Петербургъ унтеръ-офицеръ Сухановъ и трое мастеровыхъ. Но Витовтовъ, подъ разными предлогами, уклонился отъ доставки машины. Пестель только 22 апрѣля 1820 г. сообщилъ Сперанскому о существѣ переписки о машинѣ и прислалъ дѣло объ ней и остававшіеся у него 5.000 р. «Если бы, смиренно писалъ онъ, показаться могло, что я могъ имѣть менѣе снисходительности къ г. Витовтову, то въ оправданіе мое долженъ я сказать, что несчастное положеніе его дѣлъ, всякое сострадательное чувство конечно къ тому побудило бы». Деньги были доставлены переводомъ чрезъ Россійско-Американскую Компанію; Сперанскій распорядился передать ихъ Платонову [1]).

Самъ Витовтовъ писалъ къ Пестелю, что о машинѣ увѣдомитъ прямо отъ себя Сперанскаго. Не получая этого увѣдомленія, Сперанскій, отъ 7 іюля 1820 г., передалъ обстоятельства дѣла на разсмотрѣніе министра финансовъ.

Между тѣмъ Сухановъ, находясь въ Петербургѣ, истратилъ изъ выданныхъ ему денегъ 5.823 р. 69 к. и допустилъ разные неправильные расходы. У Суханова оставалось еще 1.401 р. 31 к. Платоновъ просилъ разрѣшенія Сперанскаго, какъ поступить съ неправильными расходами Суханова. Сперанскій, отъ 6 декабря 1820 г., отвѣчалъ, что по этому дѣлу нужно ждать разрѣшенія министра. Сухановъ и мастеровые получали въ Петербургѣ увеличенное жалованье, первый по 25 р., а послѣдніе по 20 р. въ мѣсяцъ. Платоновъ распорядился выдавать имъ жалованье по фабричному положенію: Суханову по 100 р. въ годъ, съ провіантомъ, а мастеровымъ по 10 р. въ мѣсяцъ безъ провіанта. Узнавъ объ этомъ, Сперанскій написалъ, что по дороговизнѣ, какая существуетъ въ Петербургѣ на всѣ припасы, жалованье это недостаточно, и распо-

---

[1]) Не объ этихъ ли деньгахъ Штейнгель пишетъ, что Пестель униженно выпрашивалъ ихъ у Россійско-Американской Компаніи? См. «Чтенія» 1859, т. 3 й.

рядился (27 декабря 1820 г.) производить его по прежнему положенію. «Издержка сія, прибавлялъ онъ въ PS., не можетъ долго продолжаться; ибо я отнесся уже къ министру финансовъ о возвращеніи сихъ людей на службу».

Отъ министра однакожъ долго не было отвѣта. Онъ полученъ только въ концѣ декабря. Машина у Витовтова была, но нужно было исправить ее и сдѣлать къ ней карды. Эти работы принималъ на себя механикъ Гейтенъ. Министръ спрашивалъ объ этомъ мнѣнія Сперанскаго. Графъ Гурьевъ полагалъ принять эти расходы на счетъ фабрики. Сперанскій вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Гурьева. «Считаю долгомъ донести, писалъ онъ, отъ 8 января 1821 г., во 1-хъ, что машина сія для фабрики необходима; во 2-хъ, что фабрика безъ большаго стѣсненія можетъ понести новую до 6.000 р. издержку. Посему мнѣ остается только просить ваше сіятельство приказать съ механикомъ Гейтеномъ сдѣлать надлежащія вѣрныя условія». Отправку машины Сперанскій возложилъ на коммисіонера фабрики, Талашкина, котораго онъ посылалъ тогда въ Москву «для познанія красокъ и другихъ матеріаловъ». — «По расторопности его, прибавлялъ Сперанскій, я надѣюсь, что онъ исполнитъ сіе порученіе съ успѣхомъ» [1]).

Гейтенъ принялъ на себя обязательство исправить машины, сдѣлать ворсочесальныя ножницы, рисунокъ вновь изобрѣтеннаго одночесальнаго суконнаго станка, съ описаніемъ, и модель челнока. За все это, съ укупоркою вещей и доставкою ихъ въ Нижній-Новгородъ, онъ выпросилъ 8.500 р. Если вещи будутъ приняты отъ него въ Москвѣ, то онъ уступалъ 500 р. Сперанскій нашелъ болѣе выгоднымъ для казны, чтобъ Гейтенъ доставилъ вещи въ Нижній. «Во время Нижегородской ярмарки, откуда Иркутское купечество отправляетъ большіе обозы, удобнѣе отыскать надежныхъ вощиковъ и можно болѣе быть увѣреннымъ, что тягости сіи доставлены будутъ въ свое время и въ цѣлости». 19 апрѣля 1821 г. Сперанскій предписалъ Талашкину, уже бывшему въ Петербургѣ, отправиться въ Москву, отыскать тамъ Гейтена, принять отъ него вещи и наблюсти за укладкой и укупоркой ихъ. Такъ какъ вещи до Казани и далѣе должны были идти сухимъ путемъ, то ихъ надлежало уложить какъ можно раздробительнѣе и въ ящикахъ, удобныхъ для перевозки. Отправить вещи изъ Нижняго на фабрику Талашкинъ долженъ былъ черезъ бывшихъ въ Москвѣ Иркутскихъ купцовъ Трапезникова и Баснина [2]). Сперанскій далъ

[1]) Св. 46, № 6.

[2]) Трапезниковъ—Никаноръ Петровичъ; Баснинъ — Петръ Тимоѳеевичъ.

Таланкину письма къ нимъ. — Гейтену слѣдовало додать за работы 4.500 р. Сперанскій просилъ министра распорядиться, чтобы деньги эти были выданы Гейтену по пріемѣ отъ него вещей и отправленіи ихъ въ Нижній [1]).

Машины однакожъ были еще не готовы. Таланкинъ доносилъ, что онѣ будутъ кончены только въ половинѣ іюля. Сперанскій, отъ 17 мая 1821 г., поручилъ Таланкину дождаться въ Москвѣ окончанія отдѣлки машинъ и, принявъ ихъ отъ Гейтена, отправить при себѣ черезъ Нижній на фабрику.

Между тѣмъ Таланкинъ, кромѣ заказанныхъ уже Гейтену машинъ, нашелъ нужнымъ купить еще трепальную и скобочную машину. Гейтенъ просилъ за нее 1.250 р. «Полагаясь на опытность Таланкина», Сперанскій разрѣшилъ ему эту покупку.—«Во избѣжаніе разсчетовъ», онъ нашелъ неумѣстнымъ вновь входить въ сношеніе съ министромъ финансовъ объ ассигнованіи суммы на эту покупку; онъ предписалъ Таланкину предложить Гейтену— подождать присылки денегъ изъ фабрики; если тотъ согласится, то машину принять и отправить вмѣстѣ съ другими. Платонову [2]). было предписано, деньги за машину выслать немедленно по полученіи отъ Таланкина увѣдомленія объ условіяхъ покупки.

Весь расходъ на покупку машинъ составлялъ 22.825 р. Для покрытія этой издержки, Платоновъ придумалъ сдѣлать на фабрикѣ другой такой же аппаратъ въ 4.000 р.; стоимость обоихъ аппаратовъ разложить на нихъ поровну, и отдѣлять 5% стоимости издѣлій на починку аппаратовъ и погашеніе расходовъ на ихъ покупку. Это предположеніе Сперанскій утвердилъ 8 апрѣля 1822 г. Въ сентябрѣ того же года Лавинскій, съ тою же цѣлью уравненія расхода на покупку машинъ, распорядился сдѣлать еще третій экземляръ аппаратовъ [3]).

По сношенію Пестеля съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, на фабрику былъ присланъ съ Императорскаго стекляннаго завода мастеръ Никитинъ. Онъ оказался негоднымъ для

---

[1]) Св. 46, № 6, бумаги 19 апрѣля 1821 г. См. прилож.

[2]) Отъ 31 іюля 1821 г.

[3]) Св. 46, № 6. Въ дѣлѣ этомъ любопытно еще то, что Сухановъ, о которомъ мы уже упоминали, оставался въ Москвѣ даже послѣ отправки машинъ, размоталъ казенныя деньги и пытался въ 1822 г. удавиться.

дѣла. Вмѣсто того, чтобы заниматься своимъ дѣломъ, онъ занимался сочиненіемъ жалобъ на Соколовскаго [1]).

По безполезности Никитина для фабрики, Сперанскій, еще въ октябрѣ 1819 г., предписалъ Соколовскому составить разсчетъ о расходахъ, нужныхъ на отправленіе его обратно. 3 декабря 1819 г. находя, что Никитинъ, «по настоящему состоянію стеклянныхъ работъ и по собственному своему положенію», уже не нуженъ для фабрики, Сперанскій распорядился отправить его въ Петербургъ, снабдивъ прогонами и всѣмъ нужнымъ на дорогу. (Предъ отъѣздомъ Никитинъ долженъ былъ явиться къ Сперанскому [2]). Объ отсылкѣ Никитина Сперанскій увѣдомилъ министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Послѣднему онъ писалъ, что Никитинъ «безполезенъ» для фабрики и онъ счелъ «приличнымъ» отослать его назадъ. Министръ спрашивалъ, какъ велъ себя Никитинъ, и что дѣлаетъ другой мастеръ, Стражевъ, присланный для дѣланія посуды. Сперанскій, въ отвѣтъ на это, отправилъ къ министру, отъ 31 марта 1820 г., донесеніе Соколовскаго. Послѣдній доносилъ, что Никитинъ велъ себя весьма посредственно, вовсе не зналъ дѣла и нанесъ фабрикѣ убытки. Стражевъ, по словамъ его, велъ себя порядочно, исполнялъ свое дѣло усердно и нуженъ былъ фабрикѣ по крайней мѣрѣ еще на годъ [3]).

Стеклянное производство было далеко не въ завидномъ положеніи. Оно шло въ убытокъ для фабрики. Сперанскій, по представленію Платонова, разрѣшилъ его даже пріостановить дѣйствіе стекляннаго завода, пока не распродастся прежнее стекло, и открыть продажу его не только при фабрикѣ, но и въ городѣ. Между тѣмъ потребность края въ стеклѣ была огромная. «Въ проѣздъ мой до Красноярска примѣчено, говоритъ Сперанскій въ предписаніи изъ этого города, что крестьяне крайне нуждаются въ оконичныхъ стеклахъ и охотно покупали бы ихъ, если бы продавали ихъ на разницу по селеніямъ, а особливо вставленныя въ готовыя оконничныя рамы, кои могутъ на фабрикѣ въ маломъ размѣрѣ на крестьянскую руку легко быть приуготовлены. Стекла фабричныя обыкновенно идутъ не далѣе Тулуна, гдѣ ихъ всѣ раскупаютъ» [4]).

Таланкинъ пригодился и здѣсь. При поѣздкѣ его въ Москву, Платоновъ поручилъ ему изучить и стеклянное производство. Талан-

---

[1]) Въ кивери одного солдата оказалось подметное письмо съ угрозами; составленіе этого письма, повидимому, приписывалось Никитину.

[2]) Св. 47, № 10.

[3]) Св. 47, № 10.

[4]) Св. 45, № 5.

кинъ долженъ былъ посѣтить лучшіе стеклянные заводы и употребить «всѣ возможные способы». Сперанскій призналъ нужнымъ вызвать его въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы онъ занялся на Императорскомъ стеклянномъ заводѣ. Здѣсь, съ разрѣшенія министра финансовъ, Таланкинъ работалъ около двухъ мѣсяцевъ. Вопросъ состоялъ въ томъ —какимъ образомъ научиться дѣлать бѣлое стекло изъ Сибирскихъ матеріаловъ? до тѣхъ поръ оно никакъ неудавалось. Таланкинъ успѣлъ въ этомъ. На Императорскихъ заводахъ онъ научился дѣлать бѣлое стекло изъ Сибирскихъ матеріаловъ въ небольшихъ количествахъ. Возвратясь на фабрику, онъ сталъ приготовлять его и въ большихъ массахъ. Платоновъ открылъ въ Иркутскѣ лавку для продажи стекла и въ концѣ декабря 1821 г. представилъ образцы его Сперанскому. Послѣдній былъ очень доволенъ.

«Вашему сіятельству извѣстно, писалъ онъ министру финансовъ, отъ 26 января 1822 г., что на устроенномъ па Иркутской суконной фабрикѣ стекляномъ заводѣ, при всемъ стараніи начальства, втеченіи многихъ лѣтъ не было изыскано еще способа выдѣлывать посуду изъ бѣлаго стекла; выработка же хрусталя почиталась невозможною, что̀ всѣми приписывалось качеству матеріаловъ».—Извѣщая затѣмъ о командировкѣ Таланкина, онъ продолжалъ: «Нынѣ директоръ Тельминской фабрики мнѣ доноситъ, что означенный смотритель Таланкинъ, по возвращеніи въ фабрику, могъ столько изъяснить о томъ, какимъ образомъ съ употребленіемъ Сибирскихъ матеріаловъ можно выдѣлывать бѣлое стекло, и устроилъ тамъ стекляный заводъ до того, что по нѣсколькимъ опытамъ начали производить выдѣлку онаго въ большихъ массахъ, съ лучшею отдѣлкою, чистоту коего изволите усмотрѣть изъ препровождаемаго при семъ обращика.

«Отдавая должную справедливость усердію смотрителя 10-го кл. Таланкина и трудамъ, имъ понесеннымъ на пріобрѣтеніе искусства выдѣлывать бѣлое стекло въ Иркутскѣ, которое какъ для казны, такъ и для жителей тамошняго края принесетъ большія пользы, я считаю справедливымъ наградить его въ поощреніе на будущее время. По принятымъ правиламъ, хотя и должно бы ограничиться испрашиваніемъ ему слѣдующаго чина, но такъ какъ уже по выслугѣ лѣтъ представленъ онъ къ награжденію онымъ въ правительствующій сенатъ, то я имѣю честь просить ваше сіятельство о исходатайствованіи означенному Таланкину, за столь полезное исполненіе возложеннаго на него порученія, награжденія орденомъ

Св. Анны 3 степени» [1]). Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это ходатайство.

Распоряженія Сперанскаго о фабричныхъ людяхъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Законъ не опредѣлялъ, въ теченіи какого времени люди эти должны находиться въ фабричной работѣ. Приписные крестьяне находились въ одинаковомъ положеніи съ ссыльными; дѣти тѣхъ и другихъ, достигнувъ извѣстнаго возраста, поступали въ фабричныя работы. Сперанскій, по представленію директора фабрики, далъ ему отъ 24 марта 1820 г. слѣдующее предписаніе:

«Уваживъ причины, въ представленіи вашемъ изображенныя, и основываясь на разрѣшеніи отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, еще къ предмѣстнику моему послѣдовавшемъ, нахожу справедливымъ, для улучшенія и облегченія участи людей, состоящихъ при фабрикѣ, постановить:

«1. Старофабричныхъ крестьянъ, которые, работая наряду съ ссыльными, не имѣли доселѣ никакихъ особенныхъ выгодъ, впредь увольнять отъ казенныхъ работъ на продолжительнѣйшій срокъ, нежели на каковой увольняются ссыльные, именно увольнять ихъ, вмѣсто двухъ, на четыре мѣсяца въ каждый годъ, т. е. съ 15 апрѣля по 15 іюня и съ 20 іюля по 20 октября.

«2. Какъ старофабричнымъ, такъ и новофабричнымъ, свѣчи, употребляемыя ими по вечерамъ при казенныхъ работахъ, отпускать на счетъ фабрики, не дѣлая съ нихъ никакого за сіе взысканія.

«3. Всѣхъ тѣхъ старо-и новофабричныхъ, которые имѣютъ дѣтей до шести душъ и болѣе, увольнять отъ казенныхъ работъ, хотя бы они были и не совсѣмъ престарѣлые; мѣста же ихъ замѣнять малолѣтками, приходящими въ 15-лѣтній возрастъ.

«4. Состоящимъ въ штатѣ фабрики 3 унтеръ-офицерамъ и 19 рядовымъ, получающимъ весьма бѣдное жалованье, по уваженію настоящей дороговизны и потому, что они находятся при фабрикѣ безотлучно, не пользуясь никакими отпусками для постороннихъ работъ, давать провіантъ и аммуницію на счетъ прибылей фабрики».

На фабрикѣ, не смотря на большое число приписныхъ къ ней людей, мало было такихъ мастеровыхъ, которые дѣйствительно

[1]) Св. 45, № 3.

могли бы приносить ей пользу. Директоръ фабрики, Соколовскій, просилъ позволенія—останавливать нужныхъ ему мастеровыхъ изъ проходящихъ партій, хотя бы на фабрикѣ и находился полный комплектъ людей. Неспособныхъ къ работѣ и людей дурнаго поведенія, Соколовскій просилъ распредѣлять, по представленію его, по другимъ заводамъ. Объ исполненіи этого Сперанскій предложилъ губернскому правительству 1 іюня 1820 г. [1]).

По представленію Платонова Сперанскій разрѣшилъ его усилить выдѣлку суконъ и для этого, втеченіи одной зимы, (1820/21 г.) употребить тѣхъ изъ пропитанныхъ, которые окажутся годными къ работѣ. « Вы не оставите, писалъ онъ, при семъ имъ внушить, что сіе дѣлается единовременно и по необходимости, и что послѣ сего они останутся при фабрикѣ на прежнемъ положеніи». Плату за работу онъ предписалъ также возвысить, по усмотрѣнію Платонова [2]). Платоновъ, кромѣ того, вытребовалъ изъ селеній людей, распущенныхъ Соколовскимъ на вольныя работы. Изъ нихъ и изъ пропитанныхъ, по возвращеніи послѣднихъ со страды, онъ выбралъ 100 человѣкъ, годныхъ еще къ работамъ. Сперанскій, отъ 8 ноября 1820 г., отдалъ ему справедливость за это «основательное и полезное» распоряженіе.

Многіе изъ новофабричныхъ, по недостатку на фабрикѣ женщинъ, оставались не женатыми. Отъ этого, не имѣя возможности завестись домами, они впадали въ преступленія и дѣлались «безполезными» для себя и для фабрики. Сперанскій, по представленію Платонова, сдѣлалъ 25 ноября 1820 г. распоряженіе, чтобы ему позволено было выбирать изъ проходящихъ партій женщинъ не старѣе 30 лѣтъ въ такомъ количествѣ, какое признаетъ онъ нужнымъ для выдачи замужъ за фабричныхъ.

10 іюня 1821 г. онъ распорядился, по представленію Платонова, уволить 110 человѣкъ на вольное пропитаніе, по старости лѣтъ и неспособности къ работѣ; а 105 человѣкъ, которые, по дурному поведенію, не только не приносили пользы фабрикѣ, но были ей въ тягость,—перевести на другіе заводы, гдѣ они могли быть менѣе вредны, на пополненіе же комплекта позволить Платонову выбрать изъ поселенцевъ, способныхъ къ фабричной работѣ. Любопытно бы знать, сколько изъ числа людей, которыхъ Платоновъ представлялъ при этомъ къ исключенію за неспособностью, было такихъ, которыхъ самъ онъ въ предъидущемъ году призналъ спо-

---

[1]) Св. 33, № 12.

[2]) Св. 45, № 5. Предп. 7 августа 1820 г.

собными къ работамъ изъ числа пропитанныхъ. Нельзя также не обратить вниманія на то, что въ настоящемъ случаѣ Сперанскій позволялъ Платонову выбирать на фабрику людей даже изъ числа поселенцевъ, то есть людей неосужденныхъ къ работѣ.

Наконецъ, въ отношеніи къ фабричнымъ рабочимъ любопытно слѣдующее распоряженіе Сперанскаго. Губернское правительство предписало Платонову выключить изъ фабрики дѣтей уволеннаго изъ нея на пропитаніе Димитрія Порохова, позволить имъ продать домъ и все имущество и отпустить ихъ на жительство въ Тинскую волость, Нижнеудинской округи, такъ какъ отецъ ихъ поступилъ на фабрику изъ числа слѣдующихъ на поселеніе. Директоръ фабрики весьма справедливо находилъ, что если допустить выключку изъ фабрики подобныхъ рабочихъ и ихъ дѣтей и дозволить имъ, по собственнымъ видамъ и желаніямъ, избирать себѣ въ разныхъ мѣстахъ жительство, то и старофабричные рабочіе крестьяне, съ ихъ семействами, обратятся тотчасъ къ подобнымъ просьбамъ, отчего фабрика никогда не будетъ имѣть достаточно способныхъ людей и населеніе ея уменьшится.

Сперанскій предложилъ губернскому правительству остановить распоряженіе о выключкѣ изъ фабрики дѣтей Порохова, «долженствующихъ навсегда оставаться тамъ жительствомъ, слѣдуя правилу сему въ подобныхъ случаяхъ и на будущее время» [1]).

Въ 1821 г. командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, Капцевичъ, предположилъ завести при Омскомъ казачьемъ училищѣ суконную фабрику, на 6 становъ. Онъ просилъ Сперанскаго удѣлить ему, для устройства фабрики, до 11 человѣкъ мастеровыхъ изъ Тельминской фабрики, списокъ которыхъ сообщилъ ему Соколовскій. Капцевичъ брался доставить этихъ людей на свой счетъ впередъ и обратно и дать имъ «пристойное» жалованье. Сперанскій, отъ 8 апрѣля 1821 г., поручилъ Платонову, если фабрика можетъ обойтись нѣкоторое время безъ этихъ людей, то выслать ихъ къ Капцевичу «чрезъ внутреннюю стражу или тѣми средствами, какія признаетъ онъ (Капцевичъ) удобнѣе».—«Если, приписывалъ Сперанскій, люди сіи для фабрики необходимы, то представить объ нихъ съ вашими отмѣтками и предназначить другихъ, коихъ безъ разстройства фабрики уволить на время было бы можно». Платоновъ исполнилъ требованіе Капцевича. Изъ просимыхъ имъ людей онъ не могъ выслать только одного, именно бердовщика, и не

[1]) Св. 33, № 22. Предп. 10 іюня 1821 г.

могъ потому собственно, что на фабрикѣ былъ всего одинъ бердовщикъ. Въ замѣнъ его, Платоновъ отправилъ готовыя берда [1]).

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, въ какой степени была развита частная фабрично-заводская промышленность по Тобольской и Томской губерніямъ, но въ Иркутской она находилась не въ блистательномъ состояніи. Всего болѣе было кожевенныхъ заводовъ.

Въ 1820 г. ихъ считалась 38, въ томъ числѣ 9 въ Иркутскѣ и 4 въ Верхнеудинскѣ (остальные въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ); въ 1821 г. число ихъ увеличилось пятью (въ Верхнеудинскѣ двумя). Въ Иркутскомъ уѣздѣ находились фаянсовый и стекольный заводы Солдатова. Наконецъ, въ Иркутскѣ находились еще мыловаренные и свѣчные заводы и табачныя заведенія (для молотья нюхательнаго табаку). Мыловаренныхъ заводовъ считалось въ 1820 г. 6, въ 1821 г. 7, табачныхъ заведеній—въ 1820 г. одно, въ 1821 г. три, свѣчныхъ заводовъ два.

Самымъ крупнымъ изъ частныхъ заведеній была Тальцинская фабрика, имѣвшая, впрочемъ, особенныя права [2]).

Въ Тобольской губерніи самымъ производительнымъ городомъ была Тюмень, въ которой, впрочемъ, находились большею частью также только кожевенные заводы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Земскія повинности.—Почтовая и обывательская гоньба.—Дорожная повинность.—Смѣты и раскладки.—Рекрутскія дѣла.

Дѣла по отправленію земскихъ повинностей требовали особенныхъ попеченій генералъ-губернатора. Денежныя земскія повинности были чрезвычайно тяжелы и неуравнительны. Въ Иркутской губерніи сборъ на нихъ составлялъ по 5 р. съ души и равнялся общей сложности всѣхъ казенныхъ податей, а по Тобольской платилось по 50 коп., хотя Иркутская губернія была несравненно бѣднѣе Тобольской. Правила о земскихъ повинностяхъ, изданныя въ 1805 г., по многимъ причинамъ, не могли примѣняться къ Сибири. Особенно отяготительно было содержаніе почтъ, подводъ для земскихъ сообщеній, и дорогъ. Послѣ земскихъ повинностей, наи-

[1]) Св. 17, № 12.
[2]) Св. 15, № 31.

болѣе злоупотребленій открывалось въ такъ называемыхъ волостныхъ повинностяхъ, по неопредѣленности ихъ и недостатку надзора въ учетѣ; жалобы на неправильности въ этомъ отношеніи были повсемѣстны. Наконецъ, трудность устройства земскихъ повинностей усложняли нѣкоторыя особенныя, случайныя обстоятельства.

Къ разряду волостныхъ повинностей принадлежали всѣ расходы на волостныя и сельскія надобности. Счетъ этихъ расходовъ вносился въ такъ называемыя *темныя книжки*—безобразныя, измаранныя тетради съ вырванными листами, а иногда и просто лоскутки бумаги. Тутъ, съ показаніями истинными, вѣроятными, включались показанія очевидно ложныя, и вообще повѣрить эти расходы не было никакой возможности.

Ниже мы приведемъ подробности нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ Сперанскимъ къ возможному, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, устройству земскихъ повинностей. Вотъ краткое исчисленіе этихъ мѣръ: уменьшено число почтовыхъ подводъ, составлены правила о пользованіи ими, составлены правила о подводахъ для земскихъ сообщеній, разсмотрѣны и размѣрены дорожные участки и распредѣлены между ними селенія. Частію вслѣдствіе этихъ мѣръ, частію вслѣдствіе болѣе внимательнаго составленія смѣтъ, сумма земскихъ повинностей на 1820 г. уменьшилась въ Иркутской губерніи противъ 1819 г. на 308.993 р.; на 1821 г., противъ 1820 г., по Томской на 93.238 р., по Иркутской на 67.922 р.; всего въ два года на 470.153 р. По Тобольской губерніи нельзя было уменьшить расходы потому, что здѣсь смѣты были утверждены на трехлѣтіе съ 1819 по 1822 г.; впрочемъ по Тобольской губерніи и повинности были довольно умѣренны: важнѣйшая, почтовая, отправлялась ямщиками.—Полное устройство волостныхъ повинностей было возможно только съ изданіемъ подробнаго Положенія для волостныхъ правленій; но и здѣсь тягость повинностей была облегчена тѣмъ, что губернскимъ правленіямъ предписано было составить подробныя табели этихъ повинностей, которыя съ 1820 г. были разосланы по волостямъ для пополненія [1]).

На трехлѣтіе съ 1819 г. мѣстное начальство Иркутской губерніи составило чрезвычайно высокую смѣту денежныхъ земскихъ повинностей. Министръ финансовъ находилъ, что смѣта эта не

[1]) Отчетъ.

могла быть удовлетворена безъ совершеннаго разстройства обывателей. По Высочайше утвержденному 24 февраля 1819 г. мнѣнію большинства членовъ государственнаго совѣта, Сибирскій генералъ-губернаторъ былъ уполномоченъ, «согласить прежнихъ содержателей станцій продолжать содержаніе оныхъ по прежнимъ контрактамъ и цѣнамъ, или даже сдѣлать въ сихъ послѣднихъ нѣкоторую прибавку на одинъ текущій годъ изъ остатковъ отъ прошлаго трехлѣтія, а втеченіи настоящаго года заняться симъ дѣломъ во всей подробности, предполагая, что нужно правительству, для пользы тамошняго края, нѣкоторыя повинности взять на содержаніе казны». Сенатскій указъ объ этомъ Пестель получилъ уже при самой смѣнѣ, и не сдѣлалъ по немъ никакого распоряженія. Новый генералъ-губернаторъ могъ сдѣлать распоряженіе только 7 іюня изъ Тобольска [1]). Понятно, что уже одно позднее полученіе такого важнаго распоряженія на мѣстѣ должно было значительно затруднить выполненіе тѣхъ статей денежныхъ повинностей, на которыя были заключены контракты по новымъ цѣнамъ на 1819 годъ. Это дѣло, впрочемъ, уладилось довольно удачно.

По смѣтѣ земскихъ повинностей Иркутской губерніи на трехлѣтіе съ 1819 г. назначалось, между прочимъ, отнести на счетъ земскаго сбора значительное число почтовыхъ обывательскихъ подводъ, содержавшихся прежде натурою. На эти подводы были наняты уже подрядчики и имъ выдана въ задатокъ полугодовая плата. Но, въ декабрѣ 1818 г., Пестель распорядился, чтобы земскія повинности были оставлены на томъ же основаніи, какъ существовали въ истекшемъ трехлѣтіи. Губернское начальство распорядилось, чтобы почтовыя и обывательскія станціи, содержаніе которыхъ слагалось на этомъ основаніи съ земскаго сбора, переданы были въ содержаніе тѣмъ обществамъ, которыя содержали ихъ и ранѣе. Эту передачу надлежало произвести или тотчасъ же, если подрядчики внесутъ взятыя ими въ задатокъ деньги; или, если они внести деньги будутъ не въ состояніи, то оставить за ними содержаніе подводъ, на то время, за какое они забрали деньги, а деньги взыскать съ обществъ. Всего за эти излишнія подводы было выдано 135.680 р. Изъ нихъ, къ августу 1819 г., обращено въ казну 58.056 р. 21½ к., оставалось въ долгу 77.623 р. 78½ к.—Исправнѣе всѣхъ въ уплатѣ долга былъ Киренскій уѣздъ: въ немъ, изъ 21.050 р. было уже возвращено 19.903 р. 75 к.; самый богатый,

[1]) Св. 190, № 17.

Иркутскій уѣздъ былъ въ то же время и самый неисправный: изъ 35.860 р. было уплачено только 4.472 р. 45½ к. [1]).

Какъ значительно измѣнялась сумма расходовъ земства отъ включенія и потомъ исключенія новыхъ почтовыхъ и обывательскихъ паръ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсчета:

	почтовыхъ			обывательскихъ		
		на сумму			на сумму	
	паръ	руб.	к.	паръ	руб.	к.
Содержалось въ трехлѣтіе		годовыя			годовыя	
Съ 1810—1812 г.	937½	298.160	—	—	—	—
— 1813—1815 —	1.008½	410.151	—	70	34.665	—
Требовалось: въ трехлѣтіе						
Съ 1816—1818 г.	1.016	590.203 50	—	78	65.177 50	—
По первоначальнымъ торгамъ на трехлѣтіе						
Съ 1819 г.	1.046	751.360 —	—	624½	453.110 —	—
Окончательно назначено на 1819 г.	1.016	733.692 20	—	185½	152.940 —	—

Впрочемъ и эти суммы были далеко выше тѣхъ, какія платились за содержаніе станцій въ предъидущее трехлѣтіе [2]).

Войти своевременно съ представленіемъ о смѣтѣ на будущее трехлѣтіе не было никакой возможности. Министръ финансовъ, отъ 31 іюля 1819 г., писалъ, что земскія повинности по Иркутской губерніи съ 1813 года постоянно увеличивались и дѣлалъ, нѣкоторыя общія замѣчанія на смѣту 1819 г., между прочимъ о сборѣ съ ясачныхъ, которыхъ мѣстное начальство предполагало вовсе освободить отъ повинностей. Этотъ послѣдній предметъ могъ потребовать обширныхъ соображеній; а потому, если Сперанскій не найдетъ возможнымъ сдѣлать къ концу года положеніе на все трехлѣтіе, — министръ просилъ его сообщить мнѣніе о порядкѣ исправленія повинностей на одинъ 1820 годъ [3]).

Сперанскій, 13 ноября 1819 г., по краткости времени и сложности дѣла, сдѣлалъ распоряженія на одинъ только 1820 годъ. Въ то же время онъ принялъ и нѣкоторыя общія мѣры для облегченія обывателей въ земскихъ повинностяхъ.

---

[1]) Св. 191, № 2, отнош. министерства финансовъ.

[2]) Св. 55, № 9, дѣло 12.

[3]) Св. 55, № 9, дѣло 12.

Мѣры эти относились къ двумъ важнѣйшимъ статьямъ повинностей. Для предупрежденія злоупотребленій во взиманіи подводъ, изданы были особыя правила, какъ для почтовой, такъ и для обывательской гоньбы. Первыя состояли въ слѣдующемъ:

«*Подтвердительныя правила о почтовой гоньбѣ.*

«1) Никто не имѣетъ права требовать почтовыхъ лошадей болѣе числа, означеннаго въ подорожной.

«2) Никто не имѣетъ права требовать почтовыхъ лошадей, когда всѣ онѣ по книгѣ значатся въ разгонѣ. Въ семъ случаѣ каждый можетъ нанимать вольныхъ, или ожидать возврата.

«3) Строго запрещается употреблять почтовыхъ лошадей земскимъ и другимъ всякаго рода чиновникамъ и казакамъ. Содержатель, который на почтовыхъ лошадяхъ безъ платы и подорожной повезетъ кого бы то ни было, будетъ судимъ и наказанъ».

Неизвѣстно, были ли эти правила распространены на всю Сибирь, или изданы для одной только Иркутской губерніи; но въ послѣдней ихъ и до настоящаго времени можно увидѣть на стѣнахъ нѣкоторыхъ станцій [1].

По поводу обывательской гоньбы было дано губернскому правительству такое предписаніе [2]:

«По свѣдѣніямъ и жалобамъ, ко мнѣ вошедшимъ, разсмотрѣвъ настоящій порядокъ отправленія такъ называемой *обывательской гоньбы*, я нахожу:

«1) Что отправленіе сей повинности наймомъ хотя и представляетъ нѣкоторую уравнительность въ сборѣ потребныхъ на сіе суммъ; но какъ, съ одной стороны, дѣла полицейскаго управленія часто требуютъ наряда подводъ и по проселочнымъ дорогамъ, гдѣ содержать ихъ наймомъ по всѣмъ селеніямъ невозможно; а съ другой, какъ нельзя ни предвидѣть, ни опредѣлить, по большимъ ли дорогамъ, или уѣзднымъ и проселочнымъ встрѣтится болѣе нуждъ и отправленій по дѣламъ земскаго управленія: то отсюда и происходитъ то важное и многолѣтнимъ опытомъ дознанное неудобство, что при содержаніи подводъ наймомъ и при общемъ платежѣ за нихъ значительныхъ суммъ, селенія, на проселочныхъ дорогахъ лежащія, не избавляются отъ обязанности отправлять сію повинность сверхъ того и по очереди, и даже случается, что тамъ, гдѣ менѣе подводъ наемныхъ содержится, или и совсѣмъ ихъ нѣтъ, болѣе бываетъ разгона по очереди и напротивъ.

[1]) Св. 191, № 2.—Отчетъ. По редакціи отчета должно заключить, что правила эти были предписаны къ исполненію по всей Сибири.

[2]) 13 ноября 1819 г., № 411.

«2) Что дозволеніе, почти неограниченное, въ употребленіи обывательскихъ подводъ, съ одной стороны, непомѣрно возвысило цѣну наемныхъ лошадей тамъ, гдѣ онѣ содержатся наймомъ, и произвело одинъ изъ самыхъ значительныхъ по губерніи налоговъ, а съ другой, сугубо обременило обывателей тамъ, гдѣ и деньги въ общій сборъ взимаются по душамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повинность сія отправляется личными очередями.

«Въ отвращеніе сихъ важныхъ неудобствъ, впредь до общаго о всѣхъ земскихъ повинностяхъ положенія, предлагаю Иркутскому губернскому правительству:

«1) На 1820 годъ учредить обывательскую гоньбу очередями, на основаніи правилъ, при семъ прилагаемыхъ.

«2) Тамъ, гдѣ по малочисленности селеній, на трактѣ лежащихъ, и по невозможности приписать къ нимъ другія, невозможно будетъ содержать подводъ очередями, учредить содержаніе ихъ наймомъ; для сего губернское правительство, составивъ нынѣ же списокъ сихъ селеній и назначивъ самое умѣренное число подводъ, должно открыть немедленно на нихъ торги или присоединить ихъ къ торгамъ почтовымъ, не смѣшивая однакоже однѣхъ подводъ съ другими, и внесть сію издержку въ общую смѣту денежныхъ земскихъ повинностей.

«3) По области Якутской, по Охотскому и Камчатскому управленію, повинность сія оставляется на прежнемъ положеніи, впредь до усмотрѣнія.

«4) Правила сіи губернское правительство не оставитъ, напечатавъ въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, разослать нынѣ же повсемѣстно не только по земскимъ и городскимъ полицейскимъ управленіямъ, но и по волостнымъ правленіямъ и инородческимъ конторамъ, для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія».

Изъ этого видно, что въ то время Сперанскій признавалъ еще болѣе удобнымъ для мѣстнаго населенія отправлять обывательскую гоньбу натурою, по очередямъ, нежели наймомъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, взглядъ его на этотъ предметъ измѣнился.

Правила для обывательской гоньбы, о которыхъ упоминалось въ этомъ предложеніи, были впослѣдствіи распространены и на всю Сибирь. Они ограничивали случаи разъѣздовъ на земскихъ лошадяхъ и въ точности опредѣляли, когда можно брать этихъ лошадей безъ бланковыхъ билетовъ или безъ прогоновъ. Правила эти подтверждены впослѣдствіи Положеніемъ о земскихъ повинностяхъ 1822 г. и вошли буквально въ дѣйствующій нынѣ сводъ за-

коновъ, въ главу «о подводахъ для земскихъ сообщеній въ Сибири». Однимъ изъ важнѣйшихъ достоинствъ ихъ было то, что они установляли строгую отчетность въ выдачѣ билетовъ на обывательскія подводы [1]).

Прежній произволъ въ требованіи подводъ былъ ограниченъ. Это возбудило въ началѣ нѣкоторыя недоразумѣнія и притязанія. Требовали даровыхъ подводъ осенные ученики, требовали ихъ на отвозъ питомцевъ воспитательнаго дома въ селенія и на разъѣзды смотрителя этого дома, требовали фельдфебели, вмѣсто одноконной, двуконныя подводы. Были и нѣкоторыя недоговорки въ самыхъ правилахъ. Сперанскому пришлось отклонять притязанія и разъяснять недоразумѣнія [2]).

Билеты на обывательскія подводы, по представленію Зеркалеева, разрѣшено было выдавать лицамъ, производящимъ постоянные разъѣзды, на одинъ годъ [3]).

Общее число обложенныхъ земскимъ сборомъ душъ составляло въ 1819 г. (включая купцовъ) въ Иркутской губерніи 151,663. Нерчинскіе заводскіе крестьяне не входили въ раскладку (крестьянъ губернскаго вѣдомства было въ Нерчинскомъ уѣздѣ 7,426 душъ).

Торги на почтовую и обывательскую гоньбу на 1820 г., и вообще исполненіе въ этомъ году земскихъ повинностей по Иркутской губерніи, производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Сперанскаго; въ слѣдующіе годы онъ принималъ въ нихъ, большею частью, только случайное участіе.

Обывательская гоньба вообще была отдѣлена отъ почтовой.

Въ ноябрѣ 1819 г. Сперанскій распорядился произвести въ казенной экспедиціи торги на гоньбу по Иркутскому уѣзду. Выпрошенныя за гоньбу цѣны большею частью были утверждены. За обывательскую гоньбу выпрашивали дороже, нежели за почтовую.

---

[1]) Свод. зак. 1857 г., т. IV, уст. земс. пов. —Отчетъ. И здѣсь изъ отчета видно, что правила эти были предписаны для общаго исполненія по Сибири.

[2]) Объ осенныхъ ученикахъ онъ писалъ, что билетовъ на обывательскія подводы имъ не положено давать потому, что они могутъ ѣздить изъ селенія въ селеніе на т. н. *между-дворныхъ* подводахъ, и что на неопредѣленное время нельзя давать билетовъ. Впрочемъ онъ разрѣшилъ выдать билетъ на 4 мѣсяца. При отправленіи питомцевъ воспитательнаго дома въ селенія и при разъѣздѣ смотрителей для осмотра ихъ давать обывательскихъ подводъ не слѣдуетъ потому, что должно давать почтовыхъ, съ платою прогоновъ на счетъ приказа. (Св. 191, № 2. Предп. 31 января 1821 г., №№ 149 и 151).

[3]) Св. 191, № 2, предлож. 13 февраля 1820 г.

Допущенный съ издавна произволъ въ земскихъ разъѣздахъ дѣлалъ эту гоньбу крайне отяготительною. Новыя правила, хотя и были изданы, но не успѣли еще произвести своего дѣйствія. Въ самомъ Иркутскѣ даже вовсе не явилось желающихъ на содержаніе обывательскихъ подводъ; оно, какъ и въ прежніе годы, отдано было на попеченіе общества. При этомъ велѣно было потребовать отъ думы разсчета въ суммѣ, отпущенной ей прежде на этотъ предметъ (50.000 руб.). Губернское правительство насчитало на думѣ 23.197 р. 94 к. и представило Сперанскому о взысканіи этой суммы съ думы въ земскій сборъ. Разсчетъ этотъ, повидимому, былъ притязательный: на представленіе объ немъ губернскаго правительства (отъ 24 марта 1820 г.) сдѣлана помѣта: «къ свѣдѣнію».

Китойскіе братскіе (братскими вообще именовались тогда *буряты*) просили облегченія въ обывательской гоньбѣ и содержаніи дорогъ,— ихъ велѣно уравнять съ другими. Крестьяне Тугутуйскаго селенія просили отнести земскую гоньбу на Оекской и Жердовской станціяхъ на денежный сборъ; другіе крестьяне и инородцы—дозволить имъ отправлять гоньбу наймомъ. Сперанскій согласился на разрѣшеніе найма, потому что «вмѣшиваться во внутренній распорядокъ сей повинности, между крестьянами, когда онъ учреждается общимъ ихъ согласіемъ, начальству нѣтъ нужды» [1]).

Для торговъ на почтовую и обывательскую гоньбу по другимъ уѣздамъ составлены были особыя уѣздныя присутствія; торги назначены были на одинъ 1820 годъ, а не на цѣлое трехлѣтіе. Сперанскій находилъ это выгоднымъ: «подрядчики, судя по непостоянному урожаю хлѣба и травъ въ Сибирскихъ губерніяхъ, не могутъ сдѣлать точнаго соображенія о томъ, что будетъ стоить въ трехлѣтіе содержаніе лошадей».—Эту мысль внушилъ ему Кяхтинскій бургомистръ Баснинъ. Впрочемъ, послѣ годичнаго опыта, мысль эта, какъ извѣстно, была оставлена.

Успѣхъ торговъ былъ довольно удовлетворителенъ. Дѣло шло вяло только въ Нижнеудинскѣ, гдѣ вообще въ населеніи замѣтна была большая апатія, нежели въ другихъ мѣстахъ. Сперанскій нашелся въ необходимости послать въ Нижнеудинскъ особаго чиновника (Зинова) съ званіемъ члена общаго присутствія. Ему поручено было постараться найти подрядчиковъ за умѣренныя цѣны, въ чемъ онъ и успѣлъ. По росписанію обывательской гоньбы назначено было отправлять ее на четырехъ станціяхъ наймомъ на счетъ земскаго сбора, а на прочихъ по очереди [2]).

[1]) Св. 191, № 11. Предп. 24 марта 1820 г.

[2]) Св. 191, № 15.

31

Не совсѣмъ успѣшно шелъ заподрядъ лошадей и на станціяхъ Киренскаго и Якутскаго уѣздовъ. Въ первомъ, по уваженію бѣдности жителей, которые, кромѣ того, много терпѣли въ эти годы отъ чрезмѣрныхъ наводненій р. Лены — позволено было 8 ноября 1819 г. возвысить нѣсколько на 1820 годъ плату за почтовую гоньбу (до 750 р. за пару) и выдавать половину платы при заключеніи контрактовъ, а другую въ два срока, по равной части. Обывательская гоньба была законтрактована здѣсь по 1822 годъ, и потому Сперанскій оставилъ ее въ прежнемъ положеніи. 3 Февраля 1820 г. утверждено было росписаніе общаго присутствія объ обывательскихъ подводахъ; притомъ 31 станція отнесена на счетъ земскаго сбора. Часть обывательской гоньбы была отнесена на счетъ этого сбора и въ 1821 и 1822 годахъ. Нѣкоторымъ обществамъ дозволено было отбывать гоньбу наймомъ отъ себя. Но по чрезвычайному возвышенію цѣнъ на нѣкоторыя (вновь учрежденныя) обывательскія станціи, онъ поручилъ (13 февраля 1820 г., № 208) совѣтнику Щукину убѣдить подрядчиковъ на пониженіе, или сообразить, не выгоднѣе ли будетъ предоставить содержаніе станцій самимъ обществамъ. Щукинъ уторговалъ 8.550 р. При опредѣленіи въ Киренскъ новаго исправника, Лосева, Сперанскій (15 мая 1820 г., № 592) поручилъ ему обратить особенное вниманіе на почтовую и обывательскую гоньбу. Контракты на содержаніе подводъ Сперанскій разрѣшилъ на 1821 г. заключить на прежнемъ основаніи, т. е. съ уплатою денегъ впередъ за каждые полгода, такъ какъ содержаніе подводъ принимали на себя общества, подъ круговую поруку.

По Верхнеудинскому уѣзду торги на Кяхтинскую почтовую гоньбу Сперанскій, 8 ноября 1819 г., разрѣшилъ произвести въ Кяхтинской ратушѣ. По этому поводу Кяхтинскій бургомистръ Петръ Баснинъ представилъ свои замѣчанія: а) что заключать подряды на содержаніе почтовыхъ станцій на цѣлое трехлѣтіе неудобно; удобнѣе заключать ихъ на одинъ годъ, съ 1 іюля; б) что вызывать жителей въ городъ на торги на сельскія станціи неудобно—удобнѣе производить торги въ волостныхъ правленіяхъ, и в) что подрядчикамъ удобнѣе получать деньги за гоньбу не изъ казначействъ, а изъ волостныхъ правленій. Первое предположеніе было принято и потомъ, нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, вошло въ положеніе о земскихъ повинностяхъ. Второе также вошло въ уставъ о земскихъ повинностяхъ. Третье осталось безъ послѣдствій.

Мѣщане на Кяхтинскихъ торгахъ выпросили цѣны, хотя и

ниже прежнихъ, но выше тѣхъ, какія были тогда же выпрошены на торгахъ въ Верхнеудинскомъ окружномъ присутствіи. Сперанскій (24 ноября 1819 г.) предписалъ ратушѣ предложить Кяхтинскимъ мѣщанамъ, не понизятъ ли они свои цѣны противъ Верхнеудинскихъ, если понизятъ, то заключить съ ними контрактъ, иначе подрядъ будетъ отданъ крестьянамъ, торговавшимся въ Верхнеудинскѣ. Разрѣшая произвести торги въ ратушѣ, онъ «имѣлъ въ виду единственно общественную пользу».—Ратуша оставила гоньбу за крестьянами.

Вообще, на 1820 г. торги собственно на почтовую гоньбу шли въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ очень удачно. Противъ цѣнъ 1819 г. сбережено до 40.000 р. Сперанскій (29 ноября 1819 г.) благодарилъ за этотъ успѣхъ тамошнее общее присутствіе.

Гораздо туже шло дѣло съ обывательской гоньбой. Тамъ, гдѣ она отправлялась наймомъ, выпрашивались высокія цѣны. Верхнеудинскіе подрядчики прямо говорили, что взять за обывательскую гоньбу ту же плату, какъ за почтовую, «безъ крайняго для себя отягощенія они не могутъ». Въ заподрядѣ на обывательскія станціи по Кругоморскому тракту Сперанскій принималъ даже личное участіе. Въ Кяхтѣ обывательская гоньба, по неуспѣху торговъ, возложена была на отвѣтственность общества. Жители просили отнести ее на счетъ земскаго сбора; имъ отказано, за сдѣланнымъ распоряженіемъ (17 марта 1820 г.). Крестьяне Верхнеудинскаго уѣзда просили принять обывательскую гоньбу на счетъ земскаго сбора и облегчить Мухоршибирскую волость въ отправленіи земскихъ повинностей. Губернское правительство находило эти просьбы «не неосновательными». Нѣкоторымъ обществамъ разрѣшено было отправлять гоньбу, вмѣсто натуральной повинности, наймомъ на счетъ обществъ. Верхнеудинское общее присутствіе составило новое росписаніе обывательской гоньбы. Губернское правительство сдѣлало на него нѣкоторыя замѣчанія. Сперанскій, 21 апрѣля 1820 г., вполнѣ одобрилъ заключеніе правительства, и только дополнилъ, чтобы, какъ воинской стражѣ, возвращающейся изъ заводовъ по препровожденіи туда арестантовъ, такъ и нижнимъ чинамъ Селенгинскаго гарнизоннаго полка, перемѣщаемымъ изъ роты въ роту, давать пару лошадей на 12 человѣкъ.

Изъ жителей Верхнеудинскаго уѣзда съ жалобою на тягость повинностей обращались къ Сперанскому, между прочимъ, атаманы пограничнаго бурятскаго войска. Они просили освободить ихъ подростковъ отъ общественныхъ земскихъ повинностей. Зеркалееву (1 іюля 1820 г.) поручено было сообразить, кто наиболѣе

обремененъ повинностями: ясачные братскіе, или казаки. Намъ неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло [1]).

Къ дѣламъ о подводной гоньбѣ относится, между прочимъ, распоряженіе Сперанскаго по жалобѣ главнаго Шуленги китойскихъ братскихъ. Шуленга жаловался, что поселенцы Мотскаго селенія требуютъ съ его братскихъ болѣе тысячи рублей за выставленныя будто бы первыми, вмѣсто послѣднихъ, обывательскія подводы при проѣздѣ въ 1819 и 1820 г. китайскихъ курьеровъ въ Иркутскъ и обратно. Шуленга просилъ освободить братскихъ отъ этого взысканія. Сперанскій, отъ 23 іюня 1820 г., передалъ эту жалобу на распоряженіе Зеркалеева и поручилъ ему разсмотрѣть, во 1-хъ, по какому разсчету поселенцы требовали съ братскихъ деньги за провозъ курьеровъ, тогда какъ послѣдніе ѣхали на казенныхъ прогонахъ, и во 2-хъ, не кроется ли злоупотребленій въ платежѣ прогоновъ за проѣздъ курьеровъ. «Быть могло, что оные не вполнѣ, или вовсе выдаваемы не были» [2]).

Большая часть дорогъ въ Сибири была устроена ссыльными и поселенія на этихъ дорогахъ были водворены именно съ цѣлью содержанія на нихъ сообщеній. Такимъ образомъ, содержаніе почтовой гоньбы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составляло повинность придорожнаго населенія, хотя и производилось за извѣстную плату. Но были мѣстности, гдѣ плата за гоньбу составляла единственное средство существованія поселенцевъ. Таковы именно были многія мѣстности по Киренско-Якутскому тракту, и весь Якутско-Охотскій трактъ. Между тѣмъ здѣсь поселенцы встрѣчали соперниковъ въ содержаніи гоньбы—и именно якутовъ. Такъ въ началѣ 1820 г. поселенцы нѣкоторыхъ станцій въ Олекминской округѣ жаловались Сперанскому, что почтовая и обывательская гоньба на ихъ станціяхъ была отдана якутскому князцу Рыкунову. По словамъ поселенцевъ, это лишало ихъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Поселенцы просили оставить гоньбу за ними. Въ просьбѣ этой было отказано, такъ какъ контракты съ Рыкуновымъ были уже утверждены; но съ 1821 г. велѣно было отдать станціи поселенцамъ. Однакожъ въ бумагѣ о томъ Мипцкому Сперанскій нашелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую приписку: «Можетъ быть не представится ли возможности помочь симъ бѣднымъ людямъ и въ ны-

---

[1]) Св. 191, № 12.
[2]) Св. 112, № 10.

нѣшнемъ году, склонивъ къ тому добровольно князца Рыкунова» [1]).

На другихъ 12-ти станціяхъ купецъ Андреевъ понизилъ на торгахъ цѣны на 1821 г. до того, что поселенцы принуждены были отъ торговъ отказаться. Разсчетъ Андреева былъ вѣренъ: поселенцы, не имѣя другихъ средствъ къ существованію, были бы принуждены снять у него станціи еще за меньшую цѣну, или обратиться въ вѣчныхъ ему работниковъ. Можетъ быть, тѣмъ же разсчетомъ руководился и Рыкуновъ въ предъидущемъ случаѣ. Сперанскій нашелъ эту жалобу справедливою: онъ предписалъ областному начальнику оставить станціи за поселенцами по цѣнамъ Андреева; а если они на это не согласятся, то сдѣлать прибавку, лишь бы въ общей сложности расходъ на гоньбу не превышалъ 1820 г. [2]).

Цѣны на содержаніе станцій по Якутской области на 1820 г., за немногими исключеніями, были ниже цѣнъ 1819 г. Утверждая ихъ, Сперанскій распорядился объявить содержателямъ станцій по Охотскому тракту, что «въ несчастномъ случаѣ падежа скота отъ язвы они не будутъ подвергнуты суду за неполное число по контракту почтовыхъ лошадей, лишь бы только почта не имѣла въ своемъ дѣйствіи остановки» [3]).

Но цѣны на 1821 г. были випрошены по Якутской области на 15.000 р. выше 1820 г. Сперанскій, 15. іюня 1820 г., поручилъ Миницкому объявить содержателямъ, что допустить такое возвышеніе цѣнъ невозможно, и приписалъ: «о числѣ паръ нѣтъ необходимости входить съ содержателями въ состязаніе, лишь бы цѣны были умѣренны, и по крайней мѣрѣ не выше настоящихъ. Я прошу сколь можно ускорить симъ дѣломъ, ибо оно должно быть благовременно представлено государственному совѣту [4]).

Впрочемъ, почтовая гоньба по Якутскому тракту вообще содержалась очень патріархально. Почтовыя станціи подвергались осмотру не только земскихъ чиновниковъ, но даже волостныхъ начальниковъ и писарей, что̀, разумѣется, обременяло почтсодержателей. Но этотъ добровольный контроль волостныхъ властей нисколько не содѣйствовалъ къ улучшенію порядка на станціяхъ. Не только въ содержаніи станцій, но и въ заключеніи контрактовъ допускались отступленія отъ почтовыхъ правилъ. Почтовое на-

---

[1]) Св. 190, № 17. Предп. 20 марта 1820 г.

[2]) Св. 191, № 17. Предп. 20 іюля 1820 г.

[3]) Св. 191, Арх. № 17. Предп. обл. прав. 20 января 1820 г., № 79.

[4]) Св. 91, № 17. Предп. 15 іюня 1820 г.

чальство особенно указывало на то, что почтовыя лошади содержались не на почтовыхъ дворахъ и употреблялись на перевозку купеческихъ кладей. По представленію почтъ-директора, Сперанскій поручилъ Миницкому наблюдать за исполненіемъ почтовыхъ правилъ [1]).

По Якутско-Охотскому тракту существовали безпорядки другого рода. Здѣсь содержатели, тунгусы, терпѣли притѣсненія отъ станціонныхъ смотрителей. Смотрители налагали на оленей чрезмѣрную тяжесть: брали почтовыхъ оленей подъ свозъ собственной тяжести—преимущественно товаровъ, которыми торговали почтальоны во время своихъ проѣздовъ; самовольно смѣняли и нанимали ямщиковъ. Каждый смотритель три раза въ годъ ѣздилъ на оленяхъ въ Якутскъ на легкѣ, а оттуда возвращался съ тяжестью. Всѣ эти притѣсненія были тѣмъ болѣе обременительны для тунгусовъ, что они отправляли почтовую гоньбу безъ всякой платы, въ качествѣ личной повинности.

Обо всемъ этомъ доносилъ Сперанскому начальникъ Охотскаго порта. Сперанскій спрашивалъ Сибирскаго почтъ-директора, Осипова, какими мѣрами можно прекратить безпорядки. Онъ находилъ что слѣдствій объ нихъ, по отдаленности, производить невозможно и нужно вѣрить донесеніямъ мѣстнаго начальства. Сперанскій полагалъ предписать Охотскому почтовому экспедитору — немедленно, по требованію мѣстнаго начальства, удалять отъ должности смотрителей, на которыхъ будутъ принесены жалобы [2]). Почтъ-директоръ согласился на это, съ тѣмъ только, чтобы жалобы на смотрителей разсматривались Охотскимъ начальникомъ вмѣстѣ съ Якутскимъ почтмейстеромъ, или Охотскимъ экспедиторомъ. Но Сперанскій нашелъ, что если удаленіе смотрителей будетъ зависѣть отъ общаго разсмотрѣнія гражданскаго и почтоваго начальства, то могутъ возникнуть разногласія и затрудненія высшему надъ ними начальству. Онъ распорядился, чтобы, смотрители, на которыхъ будутъ принесены жалобы, были сначала удалены, и потомъ уже поступки ихъ разсматривались для опредѣленія мѣры взысканія [3]).

Какъ ни крута кажется подобная мѣра, но она, очевидно, была необходима. Бѣдные, загнанные тунгусы не могли приносить несправедливыхъ или маловажныхъ жалобъ. Они жаловались только тогда, когда мѣра терпѣнія ихъ была переполнена. Ясно, что въ

[1]) Св. 191, № 17. Пред. 5 января 1820 г.
[2]) Св. 130, № 27. Пред. 9 іюня 1820 г.
[3]) Св. 130, № 27. Пред. 28 іюля 1820 г. № 584.

такихъ случаяхъ было необходимо прежде всего устранить возможность дальнѣйшаго вреда, и потомъ уже обсуждать юридическія свойства вреда, дѣйствительно совершеннаго.

По Томской губерніи, мѣры къ лучшему устройству земскихъ повинностей были изложены въ общемъ предложеніи объ исправленіи найденныхъ при ревизіи безпорядковъ. Мѣры эти относились къ повинностямъ, денежнымъ общимъ, денежнымъ волостнымъ и къ повинностямъ личнымъ (натуральнымъ).

По общимъ денежнымъ повинностямъ главныя распоряженія относились къ составленію смѣтъ. Смѣту было предписано составить на одинъ 1820 г., представить Сперанскому не позже сентября 1819 г. и тогда же приступить къ раскладкѣ; въ смѣту надлежало включить и остатки отъ предъидущаго трехлѣтія. Предписывалось поспѣшить открытіемъ торговъ на почтовую гоньбу, такъ, чтобы можно было кончить ихъ къ времени составленія смѣты, и сумму на этотъ предметъ опредѣлить съ точностью, а не гадательно, чтобы избѣжать обременительныхъ для крестьянъ разсчетовъ въ случаѣ недостатка смѣтной суммы; къ торгамъ непремѣнно вызвать всѣхъ волостныхъ головъ и повѣстить во всѣхъ городахъ, волостяхъ и лучшихъ селеніяхъ. Смѣту надлежало составить по торгамъ, въ общемъ присутствіи губернскаго правительства; при этомъ разсмотрѣть, нельзя ли смѣту ограничить однимъ только содержаніемъ почтовыхъ лошадей, исключивъ обывательскихъ, какъ чрезмѣрно обременительныхъ и неупотребляемыхъ нигдѣ въ другихъ губерніяхъ; если это окажется возможнымъ, то для полицейскихъ разъѣздовъ, для помощи казакамъ и прокормленія колодниковъ и рекрутскихъ партій, установить между селеніями очередь, приписавъ, по удобству, побочныя селенія къ трактовымъ.

Въ волостныхъ денежныхъ повинностяхъ было наиболѣе допущено неопредѣленности и этимъ подаѳъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Сперанскій предписалъ составить подробное росписаніе всѣхъ необходимыхъ волостныхъ издержекъ, и между прочимъ «на мелкія случайныя издержки, на вино и съѣстные припасы разсыльщикамъ и даже самимъ членамъ земскаго суда, когда они по дѣламъ бываютъ въ волостяхъ: ибо лучше опредѣлить сіи издержки явно и съ учетомъ, нежели попустить вносить ихъ въ такъ называемыя *темныя тетради*». Росписаніе надлежало приготовить къ сентябрю; затѣмъ разсмотрѣть, напечатать, обнародовать, и съ

1 января 1820 г. ввести въ полное дѣйствіе, и потомъ строго запретить всѣ мірскіе приговоры о какой бы то ни было денежной складкѣ. Надлежало также опредѣлить и сумму на расходы для зазаконной сдачи рекрутъ.

Къ личнымъ повинностямъ принадлежали разъѣзды полицейскихъ чиновниковъ, помощь (конвою) въ препровожденіи колодниковъ и рекрутъ и устройство дорогъ. По первымъ двумъ родамъ повинностей, какъ уже сказано, велѣно было учредить очереди; притомъ строго наблюдать, чтобы земскіе чиновники «не разъѣзжали съ толпою казаковъ и приказныхъ цѣлою свитою». Для исправника съ казакомъ назначена одна тройка; канцелярскихъ служителей должны были замѣнять волостные писаря, которые безъ затрудненія могли справлять «небольшое земское письмоводство». Для колодниковъ велѣно назначать по одной подводѣ на 12-ть человѣкъ. По дорожной повинности, велѣно повѣрить и дополнить составленную уже карту большой дороги; строго наблюдать, чтобы дорога шла по прежнему направленію и не была измѣняема по произволу землемѣровъ, какъ это было замѣчено въ Канскомъ уѣздѣ; канавъ, до времени, нигдѣ не дѣлать, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лежать гати; войти съ представленіемъ о способахъ къ лучшему устройству Кемчугской дороги, на которую была ассигнована особая сумма.

Въ томъ же предложеніи говорилось о нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностяхъ по городу Томску. Здѣсь, между прочимъ, были учреждены ночные караулы изъ обывателей. Сперанскій находилъ эту повинность излишнею, такъ какъ по городу ходили военные патрули и, кромѣ того, можно было учредить дозоръ изъ казаковъ. Много было также жалобъ на неуравнительность военнаго постоя. Сперанскій поручилъ губернскому правительству обсудить оба эти обстоятельства при головѣ и бургомистрѣ и при этомъ изыскать средства къ лучшему устройству постойной повинности [1]).

Комитетская раскладка по Иркутской губерніи на 1820 г., за исключеніемъ Тункинскихъ тунгусовъ, составляла 725.187 р. 36¼ к. По поводу этой раскладки Сперанскій сдѣлалъ, 5 мая 1820 г., два замѣчанія: 1) что обывателей удобнѣе раздѣлить по платежу на пять разрядовъ, а не на четыре; 2) что сборы съ куп-

[1]) Переписка: предлож. Томскому губ. пр. іюля 1819 г.

цовъ должно утвердить съ гильдейскаго рубля, или капитала. Раскладка была исправлена по этимъ замѣчаніямъ и 11 мая утверждена [1]).

Смѣта на 1820 г., приведенная въ исполненіе прежде, нежели она была утверждена, была простою формальностью. Съ 1821 г. смѣты земскихъ повинностей по Иркутской и Томской губерніямъ Сперанскій призналъ нужнымъ составить на одинъ только этотъ годъ, для того, чтобы уравнять ихъ съ Тобольской губерній, гдѣ съ 1821 г. оканчивался трехлѣтній срокъ прежней смѣты. По этимъ смѣтамъ, предполагалось сбереженія по Томской губерніи на 93.238 р.—отъ сокращенія обывательской гоньбы, такъ какъ опытъ 1820 г. показалъ, что ее можно отправлять натурой, кромѣ малолюдныхъ селеній. По Иркутской губерніи предполагось сбереженія противъ смѣты 1820 г. на 67.922 р. Смѣты эти также приведены въ исполненіе прежде утвержденія ихъ, по тѣмъ же причинамъ, какъ и смѣта на 1820 годъ.

Если сравнить Иркутскія смѣты 1820 и 1821 г. съ смѣтами 1819 г., то сбереженія окажутся еще значительнѣе. По комитетскимъ исчисленіямъ 1818 г. предполагалось къ раскладкѣ на 1819 г. 1.473.680 р. Дѣйствительно собрано было: по положеніямъ 771.398 р. 33¼ к., сверхъ положенія (на общественныя нужды) 404.624 р. 24¼⅛ к. [2]), на общественные сборы и изъ другихъ источниковъ (?) 436.797 р. 99¼⅛ к. Натуральныя повинности, кромѣ Якутской области и другихъ отдаленныхъ мѣстъ, обходились въ 835.034 р. 72 коп. [3]). Между тѣмъ на 1820 г. исчислено было только 754.158 р. 47¼ к., менѣе 1819 г. на 719.522 р., а противъ 1818 на 308.993 р. На 1821 г. назначено было еще менѣе: только 679.567 р. 70¼ к. По Якутской области сумма была нѣсколько выше прежней раскладки, и именно, на 1820 г. 203.705 р. —болѣе противъ 1819 г. на 6399 р., а на 1821 г. въ 211.150 р. 82½ к., — вслѣдствіе наводненій, потребовавшихъ чрезвычайныхъ расходовъ на исправленіе мостовъ, и возвышенія цѣнъ на гоньбу.

Государственный совѣтъ, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 7-го марта 1821 г., не только утвердилъ всѣ эти смѣты (Иркутскую на 1820 г. и 1821 г. и Томскую на одинъ 1821 г.), но и согласился съ министромъ финансовъ, что столь «значительное и благодѣтельное уменьшеніе въ повинностяхъ Томской и особливо

[1]) Св. 191, № 11.

[2]) Въ томъ числѣ на училища 3.401 р. 51¾ к.

[3]) Св. 190, № 9.

Иркутской губерніи слѣдуетъ по справедливости отнести къ старанiямъ и попечительности Сибирскаго генералъ-губернатора»[1]. Сумма всѣхъ повинностей по Иркутской губерніи, кромѣ сбора по комитетскому положенію, составляла 704.713 р. 52¼ к.

Наконецъ 3 октября 1821 г. (№ 54) представлена министру финансовъ, при обширномъ донесеніи, смѣта и раскладка на 1822 годъ, уже по всѣмъ тремъ Сибирскимъ губерніямъ. Въ представленіи своемъ Сперанскій писалъ, что составленіе положенія о земскихъ повинностяхъ уже кончено; но такъ какъ эта работа требуетъ разсмотрѣнія въ Сибирскомъ комитетѣ, то онъ и представилъ смѣту и раскладку не на трехлѣтіе, а на одинъ годъ. Смѣта по Тобольской губерніи составляла 244.000 р.,—выше 1821 г. на 177.391 р., потому что предполагалось произвести разные временные расходы: въ числѣ ихъ первое мѣсто занимала постройка въ Омскѣ конно-артиллерійскихъ конюшенъ, а затѣмъ — постройка почтовыхъ домовъ. За исключеніемъ этихъ расходовъ, вся сумма повинностей составляла бы только 62.377 р.—по 29 к. съ души и по ⅓ % съ объявленнаго капитала. Впрочемъ, въ счетъ 244.000 р. предполагалось употребить 100.000 р., изъ остатковъ прежнихъ лѣтъ. По Томской губерніи назначалось 240.000 р., болѣе смѣты 1820 г. на 35.000 р., по случаю постройки почтовыхъ домовъ. Безъ этой постройки, смѣта составляла бы только 211.765 р. Къ дѣйствительному сбору предполагалось только 212.000 р.; остальное должно было поступить изъ остатковъ, которыхъ считалось до 85.000 р. Смѣта Иркутской губерніи простиралась до 659.000 р., меньше 1821 г. на 21.000 р., потому что почтовые домы были уже устроены прежде. Жители Киренскаго уѣзда не могли исправлять обывательской гоньбы натурою на многихъ станціяхъ, и потому Сперанскій ходатайствовалъ о пособіи имъ изъ остатковъ земскаго сбора. Причинами разницы Иркутской губерніи отъ прочихъ въ цифрахъ земскихъ повинностей Сперанскій представлялъ: разстоянія; происходящую отъ этого разность въ числѣ почтовыхъ и обывательскихъ подводъ; вслѣдствіе разсѣянности населенія нельзя содержать ихъ вездѣ натурой. Въ Тобольской губерніи вся почтовая повинность отправляется ямщиками; въ Иркутской ихъ нѣтъ, а въ Томской очень мало, и тѣ живутъ въ отдаленіи отъ большой дороги. Съ 1819 г. повинности постепенно уменьшались: по Иркутской губерніи отъ 126.3000 р. до 657.943 р., по Томской и Тобольской уменьшились бы—въ первой отъ 297.000 р. до

[1]) Св. 191, № 2.

211.765 р., а по второй отъ 202.000 до 62.377 р., если бы на 1822 г. не было новыхъ и чрезвычайныхъ расходовъ. Но по всѣмъ губерніямъ въ три года повинности уменьшились на 411.000 р., и сверхъ того сбережено и состоитъ наличо остатковъ въ 1822 году 410.000 р., — всего уменьшенія и сбереженія 821.082 р. Эти смѣты и раскладки Сперанскій также распорядился привести въ дѣйствіе, если на мѣстѣ не получится утвержденія ихъ въ новому году [1].

Въ дополненіе къ этому, представлены были въ министерство смѣта и раскладка по Якутской области. Также какъ и по прочимъ губерніямъ, и по тѣмъ же причинамъ, онѣ были составлены на одинъ 1822 годъ и приведены въ дѣйствіе прежде утвержденія, «по примѣру прежнихъ лѣтъ». Смѣта составляла 231.000 р. и превышала 1821 г. на 20.000 р. Превышеніе произошло отъ того, что введены были новые предметы повинностей: содержаніе въ Якутскѣ перевоза черезъ р. Лену, котораго городскіе жители не могли содержать по бѣдности и прибавка 56 обывательскихъ подводъ по тракту отъ Якутска къ Зашиверску и Колымску, такъ какъ отправлять въ этихъ дикихъ и ненаселенныхъ мѣстахъ гоньбу натурой было невозможно; опытъ доказалъ раззорительность этого способа, особенно при усиленіи сообщеній по случаю экспедиціи описи береговъ Ледовитаго моря [2].

Мы не нашли заключенія государственнаго совѣта по смѣтѣ 1822 г. Изъ дѣлъ видно только, что она оставалась въ своей силѣ, слѣдовательно не была измѣнена. Смѣты и раскладки на 1823 г. по Иркутской губерніи были составлены уже по распоряженію Лавинскаго. Съ 1824 г. входилъ въ дѣйствіе новый уставъ о земскихъ повинностяхъ въ Сибири. Съ этого же времени были утверждены и первыя, отдѣльныя по каждой части Сибири, смѣты земскихъ повинностей. Для сравненія съ приведенными уже цифрами, приведемъ здѣсь цифры, утвержденныя на трехлѣтіе 1824—1826 г. по Восточной Сибири. Сборовъ на все трехлѣтіе ожидалось къ поступленію по Иркутской губерніи 2.557.760 р., Енисейской 1.105.300 р. 78 к., Якутской области 685.846 р. 84 к., и того 4.348.808 р. 18½ к. Въ числѣ расходовъ были введены новые на подводы для земскихъ сообщеній 1.302.357 р. 99 к., этапные 83.487 р. 7½ к., на отопленіе и освѣщеніе воинскихъ и тюремныхъ помѣщеній 81.375 р. 84 к. [3].

---

[1] Св. 191, № 2, отн. къ м. ф.

[2] Св. 191, № 17, отнош. 31 октября 1821 г., № 58.

[3] Св. 192, № 27.

Обратимся къ частнымъ распоряженіямъ.

Въ селеніяхъ Красноярскаго и Енисейскаго уѣздовъ издавна поселились мѣщане, обзавелись домами и занимались земледѣліемъ. Города привлекали ихъ къ городскимъ службамъ и повинностямъ, что было для нихъ чрезвычайно обременительно. Указомъ 7 августа 1806 г. велѣно было исключить ихъ изъ мѣщанскаго оклада. Они были перечислены въ крестьянскій окладъ и обложены всѣми повинностями этого сословія; но по настоянію городовъ, къ которымъ они прежде принадлежали, и по распоряженію или попущенію начальства, они были оставлены въ прежнихъ отношеніяхъ къ городамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ указѣ не было сказано— исключить ихъ изъ мѣщанскаго званія. Такимъ образомъ, оставаясь при одномъ крестьянскомъ окладѣ казенныхъ податей, они несли двойныя повинности—и городскія, и земскія. Пестель разъяснялъ Томскому губернскому правительству истинный смыслъ указа, но дѣло, подъ разными предлогами, оставалось въ прежнемъ положеніи. Въ 1819 г. эти мѣщане лично жаловались Сперанскому и настоятельно просили освободить ихъ отъ двойныхъ повинностей. Сперанскій распорядился исполнить это и въ то же время разрѣшилъ (намъ неизвѣстно какъ) встрѣченное экспедиціею затрудненіе на счетъ земскихъ сборовъ [1]).

Самою слабою стороною земскихъ повинностей того времени было то, что онѣ распредѣлялись несоразмѣрно съ средствами плательщиковъ. Примѣровъ этому встрѣчается множество. Особенно отягощены были крестьяне вѣдомства Нерчинской горной экспедиціи. Выполняя всѣ заводскія работы, возложенныя на нихъ по манифесту 1779 г., они, въ то же время, платили государственныя подати и денежный сборъ на земскія повинности, содержали подводы на 18-ти станціяхъ между Нерчинскомъ и Читой, между заводами и рудниками, и междудворныя; на нихъ лежали: казенное заводское хлѣбопашество, исправленіе дорогъ, мостовъ и перевозовъ, поставка въ пограничныхъ крѣпостяхъ дровъ и свѣчъ, квартиры для воинскихъ чиновъ. Сколько отъ этихъ причинъ, столько же отъ частыхъ неурожаевъ и отъ скотскаго падежа (Сибирской язвы), они находились «въ посредственномъ состояніи, а можно сказать противъ всѣхъ, принадлежащихъ губернскому вѣдомству, и въ худшемъ положеніи» [2]). Жалкое положеніе ихъ засвидѣтельствовалъ, въ своемъ дневникѣ, самъ Сперанскій [3]). Для облегченія

[1]) Переписка, отнош. къ М. Ф. безъ числа.
[2]) Св. 191, № 16; донес. нач. Нерч. зав. 27 ноября 1819 г.
[3]) Корфъ II.

ихъ въ повинностяхъ, на содержаніе дорогъ отъ Борщовскаго хребта (близъ Бянкиной) до Читы причислены были, въ помощь заводскимъ, крестьяне губернскіе и трактовые поселенцы. Но на исключительной повинности заводскихъ крестьянъ оставалось еще содержаніе почтовыхъ дорогъ и лошадей слишкомъ на 500 в. отъ Нерчинскаго завода до Читинскаго острога, «крайне и болѣе всего имъ отяготительное». Содержать эту повинность наймомъ было для нихъ невозможно, потому что наемъ обходился бы по 7 р. съ ревизской души, а съ годныхъ работниковъ—и гораздо дороже [1]).

Затруднительное положеніе заводскихъ крестьянъ по отправленію повинностей находилось въ виду правительства еще при составленіи смѣты земскихъ повинностей на 1819 г., но они оставлены были на прежнемъ основаніи потому, что вся смѣта на этотъ годъ осталась прежняя. Только отъ кабинета предписано было начальнику заводовъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе положенія заводскихъ крестьянъ и изыскать средства къ облегченію ихъ повинностей [2]).

Въ ноябрѣ 1819 г. начальникъ Нерчинскихъ заводовъ Анстовъ описалъ Сперанскому бѣдственное положеніе заводскихъ крестьянъ и просилъ облегчить ихъ въ поставкѣ дровъ и свѣчъ и въ содержаніи подводъ, раздѣливъ послѣднюю повинность между ними и губернскими крестьянами [3]). Сперанскій распорядился отнести на денежный сборъ дрова и свѣчи, которыя поставляли крестьяне натурой [4]). Кромѣ того онъ предполагалъ отнести на земскій сборъ содержаніе почтовой гоньбы на 10-ти станціяхъ между Бянкиной и Читой, но не исполнилъ этого потому, что представленіе Анстова поступило уже тогда, когда распоряженіе о почтовой гоньбѣ на 1820 г. было сдѣлано. Сперанскій предполагалъ оказать крестьянамъ пособіе изъ остатковъ земскаго сбора отъ 1820 г., но остатковъ не оказалось. На 1821 г. нельзя было оказать крестьянамъ никакого пособія потому, что обыватели Киренскаго уѣзда, доведенные въ послѣдніе два года до разстройства убытками отъ наводненій, требовали облегченія въ сборѣ; отъ этого раскладка на прочихъ жителей неминуемо должна была увеличиться; она сдѣлалась бы обременительною, если бы было отнесено на земскій сборъ еще содержаніе 10-ти Нерчинскихъ станцій. Притомъ распорядокъ земскихъ повинностей учреждался на одинъ только годъ;

---

[1]) Св. 191, № 16, доп. Анстова.
[2]) Св. 190, Арх. № 17, отнош. мин. полиціи октября 1819 г.
[3]) Св. 191, № 16, доп. Анстова 27 ноября 1819 г.
[4]) 332½ саж. дровъ и 1 т. 27¼ ф. свѣчъ.

слѣдовательно, если бы и была возможность доставить заводскимъ крестьянамъ какое нибудь маловажное пособіе, то оно не могло бы ихъ поправить.

Въ концѣ 1820 г. Сперанскій объяснилъ горной экспедиціи все это и обѣщалъ, при введеніи съ 1822 г. общаго по Сибирскимъ губерніямъ распорядка по земскимъ повинностямъ, принять въ особенное соображеніе положеніе заводскихъ крестьянъ и оказать имъ всевозможное облегченіе [1]).

Вообще сокращеніе расходовъ на земскія повинности, во всѣхъ ихъ видахъ, было предметомъ постоянныхъ попеченій Сперанскаго. Даже оставя управленіе краемъ, онъ обращалъ особенное вниманіе на этотъ предметъ. Такъ, изъ вѣдомости о волостныхъ повинностяхъ, на 1822 г., представленной новымъ Тобольскимъ губернаторомъ Осиповымъ, онъ увидѣлъ, что сборы на этотъ предметъ уменьшились слишкомъ на 37.000 р. противъ предъидущаго года, и тотчасъ послалъ Осипову благодарственную бумагу отъ 2 іюня 1822 г. «Я не могу, писалъ онъ притомъ, не отдать совершенной признательности дѣятельнымъ попеченіямъ вашимъ о благосостояніи управляемой вами губерніи» [2]).

Къ дѣламъ о земскихъ повинностяхъ относится и слѣдующее обстоятельство. Командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса требовалъ суммъ на канцелярскіе расходы по гауптвахтамъ и ордонансъ-гаузамъ, и на содержаніе какъ ихъ, такъ и кордоновъ по Сибирской линіи. Графъ Кочубей спрашивалъ объ этомъ мнѣнія Сперанскаго. Послѣдній, отъ 22 іюля 1822 г., отвѣчалъ, что «всѣ подобныя статьи нѣтъ возможности отнести на счетъ городовыхъ и крѣпостныхъ жителей, по неимуществу ихъ и по недостатку городовыхъ доходовъ, то и остается обратить оныя на общія земскія повинности». Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ Капцевичу, какъ главному начальнику западной Сибири, что отъ него зависитъ удовлетворить потребности Омскаго ордонансъ-гауза изъ остатковъ сбора на земскія повинности и просить содѣйствія Лавинскаго о томъ же въ отношеніи къ Иркутскому ордонансъ-гаузу; а потомъ какъ эти статьи, такъ и содержаніе гауптвахтъ и кордоновъ на Сибирской линіи, войдутъ въ смѣту на новое трехлѣтіе [3]).

---

[1]) Св. 190, № 9. Предп. Перм. экспед. 13 декабря 1820 г.
[2]) Св. 348, № 13.
[3]) Св. 347, № 13.

Именнымъ указомъ 13 сентября 1817 г., предписаны были правила для устройства дорогъ, городовъ и селеній. Дороги, по разъясненію министерства полиціи 25 іюля 1818 г., надлежало исправлять въ удобное для поселянъ время. Трескинъ, всегда дѣятельный во всемъ, что относилось къ внѣшнему порядку, принялъ энергическія мѣры къ исполненію новыхъ правилъ. Мѣры эти, какъ и вообще трескинскія мѣры, были сопряжены съ крайнимъ отягощеніемъ для мѣстнаго населенія. Но обстоятельства были не таковы, чтобы можно было довести дороги до высокаго совершенства. Наводненія, съ одной стороны разоряли крестьянъ, а съ другой—уничтожали мосты и портили дороги, отчего усиливалась тяжесть дорожной повинности. Кромѣ того, повинность эта и распредѣлена была весьма неуравнительно. Въ 1820 г. Иркутскій исправникъ доносилъ, что дороги, хотя и были исправлены, но отъ дождей повреждены снова и вся работа оказалась безполезной. Притомъ онъ жаловался на Тункинскаго тайшу, что тотъ выслалъ на дорогу 260 рабочихъ, но безъ всякихъ инструментовъ, и они ничего не дѣлали [1]). Крестьяне Манзурской волости жаловались, что исправленіе дороги вообще для нихъ обременительно, и что они принуждены исправлять участокъ, прилегающій къ землямъ Верхоленскихъ братскихъ (между Манзурскимъ и Бирюльскимъ селеніями). Они просили избавить ихъ отъ исправленія этого участка, или по крайней мѣрѣ уволить ихъ на время сельскихъ работъ. Сперанскій согласился на послѣднее, и предписалъ о томъ земскому суду, съ слѣдующимъ PS: «По уваженію же разстроеннаго неурожаемъ и другими бѣдствіями состоянія сихъ волостей, земскій судъ не оставитъ сдѣлать имъ и въ самомъ количествѣ полагаемаго на нихъ участка дорогъ всевозможное облегченіе» [2]).

Въ томъ же родѣ были распоряженія его и по Нижнеудинскому уѣзду. Здѣсь, по распоряженію губернскаго начальства и съ согласія обществъ, исправленіе большой дороги съ 1818 г. было возложено на три придорожныя волости [3]) и на казенныя поселенія; прочія волости, а также ясачные, были освобождены отъ исправленія дороги натурой, и въ замѣнъ того обложены денежнымъ сборомъ въ пользу обществъ, отправляющихъ натуральную повин-

---

[1]) Св. 13, № 15; доп. испр. 13 іюля 1820 г.

[2]) Св. 13, № 15. Предп. 21 іюля 1820 г.

[3]) Кимильтейскую, Тулуновскую и Бирюсинскую.

ность. Собранная на этомъ основаніи сумма была въ 1818 г. выдана придорожнымъ обществамъ [1]).

Жители Бирюсинскаго коммисарства были въ этомъ году разорены наводненіемъ. Въ пособіе имъ выдано отъ казны 10.000 р., раздача которыхъ произведена уже въ 1819 г. Между тѣмъ, уже въ 1818 г., вмѣсто испорченной наводненіемъ дороги отъ р. Озерной до Конторскаго селенія, жители выстроили новую дорогу, которая обошлась имъ вдвое дороже назначенной на вспоможеніе имъ суммы. Причинами этой постройки было выставлено то, что новая дорога удобнѣе и что поправка старой обошлась бы дороже постройки новой. По словамъ Лоскутова, новая дорога была *пятикратно* легче прежней [2]).

Наводненіемъ 1819 г. въ этомъ уѣздѣ снесены были два моста и испорчены другіе мосты и гати въ іюлѣ мѣсяцѣ, передъ самымъ пріѣздомъ Сперанскаго. Лоскутовъ, тогда еще не отрѣшенный отъ должности, захотѣлъ отличиться: онъ распорядился исправить дорогу какъ разъ въ страдную пору. Сперанскій, 6 августа 1819 г., послалъ ему изъ Красноярска предписаніе, «по уваженію наступившаго времени уборки съ полей хлѣба», произвести поправки только тамъ, гдѣ этого будетъ требовать самая крайняя необходимость. Лоскутовъ тотчасъ же распустилъ людей. Такимъ образомъ, исправленіе дорогъ въ 1819 г. было, какъ писалъ потомъ Сперан-

---

[1]) Св. 62, № 15. Св. 14, № 18. Позднѣйшія свѣдѣнія, впрочемъ, противорѣчатъ этому показанію. Изъ одного донесенія Цейдлера къ Лавинскому 1824 г. видно, что движеніе этого сбора было слѣдующее:

	поступило	въ расходѣ
Въ 1818 г. — —	8.703 р.	—
— 1819 — — —	10.012 —	10.515 р. 10 к.
— 1820 — — —	4.053 —	4.500 — — —
— 1821 — — —	4.051 —	6.025 — — —
— 1822 — — —	5.166 — 60 к.	3.665 — — —
— 1823 — — —	2.490 — 30 —	—
	34.475 р. 90 к.	24.705 р. 10 к.

Къ 1824 г. оставалось 9.770 р. 80 к. Съ 1824 г. сборъ этотъ былъ прекращенъ Св. 17, № 60.—Изъ этого видно, что въ 1818 г. денегъ крестьянамъ нисколько не раздавалось. Не были ли онѣ розданы за этотъ годъ въ началѣ 1819 г.

[2]) Св. 62, № 15. Въ дѣлахъ сохранился планъ дороги. Изъ него видно, что старая дорога переѣзжала р. Озерную нѣсколько ниже новой, шла все по берегу р. Бирюсы черезъ селеніе Бирюсинское, въ которомъ она отдѣлялась отъ рѣки только однимъ кварталомъ, переѣзжала р. Бирюсу близъ с. Перевознаго,—гдѣ былъ устроенъ перевозъ,—и потомъ шла почти прямо на д. Контору, гдѣ былъ мостъ черезъ рѣчку. Новая дорога переѣзжала (мостомъ) р. Озерную нѣсколько выше прежняго, потомъ брала влѣво, проходила по срединѣ с. Бирюсы, брала вправо, огибала большое болото и потомъ выходила на р. Бирюсу нѣсколько ниже устья р. Конторы; далѣе былъ перевозъ черезъ Бирюсу, и дорога шла вверхъ по берегу р. Конторы.

скій, «незначительное и кратковременное». При исправленіи не было ведено вѣрнаго учета людямъ и работамъ. Такимъ образомъ оставалось неизвѣстнымъ, кому надлежало уплатить собранныя на 1819 г., на приведенномъ выше основаніи, 8.219 р.—Сперанскій, по представленію преемника Лоскутова, Выдрина, разрѣшилъ его, 17 апрѣля 1820 г., не выдавая этихъ денегъ крестьянамъ, обратить ихъ на постройку двухъ новыхъ и починку двухъ старыхъ мостовъ, а если достанетъ денегъ, то и на постройку всѣхъ четырехъ вновь. Въ іюлѣ того же года онъ дозволилъ употребить изъ этой же суммы деньги на расчистку и исправленіе новой дороги и мѣста для перевоза черезъ рѣку Адзу [1]).

Наводненіе 1820 г. вновь вызвало нѣкоторыя мѣры по устройству дорогъ въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ. Вмѣсто большаго тракта, испорченнаго наводненіемъ, Выдринъ отыскалъ другую, довольно удобную дорогу; но она требовала исправленія. Сперанскій, по его представленію, разрѣшилъ его произвести это исправленіе на счетъ тѣхъ же 8.200 р., наймомъ Тулуповскихъ жителей, которымъ это могло служить нѣкоторымъ пособіемъ при разстройствѣ ихъ отъ наводненія. О расходѣ денегъ Выдринъ обязанъ былъ отсчитаться губернатору [2]).

Въ распоряженіяхъ Сперанскаго по дорожной повинности встрѣчаются довольно любопытныя противорѣчія. Кудинскіе братскіе просили о дозволеніи имъ отправлять эту повинность наймомъ. Сперанскій отвѣчалъ губернскому правительству (въ апрѣлѣ 1821 г.), что это было бы противно Высочайшему указу 18 февраля 1808 г., и въ случаѣ неисправности подрядчика, обратилось бы въ тягость самимъ бурятамъ. Притомъ по этому предмету составляется особое положеніе, которое будетъ въ свое время представлено на разрѣшеніе высшаго правительства. Но какъ губернское правительство распорядилось уже допустить подрядчика, и во время полученія отвѣта это уже было бы исполнено, то Сперанскій поручалъ ему наблюсти, чтобы подрядъ былъ достаточно обезпеченъ и выполненъ какъ должно; если откроются злоупотребленія, то они оставались на отвѣтственности губернскаго правительства [3]). Но въ 1822 г., съ такою же просьбой обратились Кударинскіе буряты. Сперанскій дозволилъ имъ исправлять дорогу наймомъ, впредь до особаго положенія; онъ только поручилъ губерн-

---

[1]) Св. 14, № 18; св. 17, № 16.
[2]) Св. 63, о наводн.
[3]) Св. 191, № 18. Предп. 30 апрѣля 1820 г.

скому правительству «строго наблюсти», чтобы при этомъ не было никакихъ злоупотребленій [1]).

Одно изъ важнѣйшихъ распоряженій Сперанскаго по дѣламъ этого рода относится къ устройству верстовыхъ столбовъ. Столбы устроивались натурою на счетъ общества. Трескинъ далъ по этому предмету строгія предписанія. Новый Нижнеудинскій исправникъ, Выдринъ, встрѣтилъ затрудненіе въ буквальномъ исполненіи этихъ предписаній. «О верстовыхъ столбахъ по Тобольской губерніи, писалъ по этому поводу Сперанскій къ Трескину отъ 8 сентября 1819 г., гдѣ устроеніе ихъ введено въ общій счетъ денежныхъ земскихъ повинностей, состоялось Высочайшее повелѣніе производить оное постепенно, такъ, чтобы въ первый годъ одинъ токмо столбъ на десятой верстѣ былъ поставленъ. Хотя и въ прочихъ Сибирскихъ губерніяхъ надлежало бы симъ же самымъ правиломъ руководствоваться, но какъ въ Иркутской губерніи дѣло сіе распоряжено уже иначе и доведено уже близко къ окончанію, то и остается уже въ довершеніи сего слѣдовать принятому плану; а потому, какъ по Нижнеудинскому, такъ и по прочимъ уѣздамъ, гдѣ версты уже обдѣланы, матеріалы къ крашенію ихъ куплены и подряды сдѣланы, нужно предписать, чтобъ окраска ихъ нынѣшнею осенью была окончена. Гдѣ же подрядовъ не сдѣлано и краски не готовы, тамъ дѣло сіе расположить постепенно, и вообще поставку столбовъ, даже и готовыхъ, ежели они не вошли въ подрядъ, отложить до будущаго года. На семъ основаніи можно будетъ разрѣшить и представленіе правящаго должность Нижнеудинскаго исправника».—Между тѣмъ Трескинъ доносилъ, что для окончанія окраски столбовъ Выдринъ не имѣетъ денегъ, а матеріалы, заготовленные для того Доскутовымъ, поступили въ опись его имѣнія. Сперанскій, того же 8 сентября, разрѣшилъ Выдрина взять всѣ эти матеріалы и употребить по назначенію, и представить ему исчисленіе о суммѣ, потребной на окончаніе работъ [2]).

Въ дѣлахъ находятся особенно подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ дорогъ въ Якутской области. Въ 1819 г. по трактамъ Якутскому и Охотскому были исправлены мосты, расчищены мѣста для проложенія дорогъ и заготовленъ лѣсъ для станціонныхъ домовъ. На станціяхъ заготовлено было достаточное количество сѣна. Кромѣ того, на Охотской дорогѣ сожигался палый скотъ, чѣмъ предупреждалась зараза на будущій годъ. Ми-

---

[1]) Св. 101, № 21. Предп. 12 мая 1822 г.

[2]) Св. 106, № 4.

ницкій заблаговременно устроилъ распорядокъ по дорожнымъ работамъ и на слѣдующій годъ. Сперанскій нѣсколько разъ благодарилъ его за эти распоряженія и изъявлялъ желаніе, чтобы они были исполнены въ точности [1]). Въ 1820 г. исправлена была дорога по Иркутскому тракту на 200, по Охотскому на 430 в. Въ слѣдующихъ годахъ также продолжалось постепенное исправленіе этихъ трактовъ [2]). Кромѣ того, въ 1821 г. былъ исправленъ Зашиверскій трактъ.

По поводу послѣдняго Сперанскій, въ декабрѣ 1820 г., писалъ Миницкому, что какъ ни малозначительны предположенныя имъ на 1821 г. исправленія по Иркутскому и Охотскому трактамъ, но какъ въ то же время предполагается расчистить на 350 в. Зашиверскій трактъ, то все это вмѣстѣ не можетъ не быть тягостнымъ для якутовъ, понесшихъ въ томъ году важные убытки отъ упадка лошадей. По этому, какъ ни былъ нуженъ Зашиверскій трактъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ (экспедиціи къ Ледовитому морю), но Сперанскій предлагалъ исправить его только тамъ, гдѣ это совершенно необходимо.

«Предоставляю вамъ въ полное ваше хозяйственное усмотрѣніе, приписывалъ Сперанскій, сколько и гдѣ нужно будетъ употребить якутовъ къ расчисткѣ дороги, бывъ увѣренъ, что все будетъ ограничено дѣйствительною нуждою и соображено съ силами обывателей» [3]). Миницкій однакоже не послушался: онъ отвѣчалъ, что Зашиверскій трактъ необходимъ и что онъ будетъ исправленъ въ одно лѣто, отчего обыватели избавятся отъ нарядовъ на будущіе годы [4]). Онъ отрядилъ на этотъ трактъ 20 рабочихъ. Они сдѣлали просѣку (въ три сажени) по прямому направленію отъ Алдана и Маи до Верхоянскаго хребта, на протяженіи 200 верстъ и устроили четыре жилыя избы. Путь былъ устроенъ отлично: въ этомъ удостовѣряли и купцы, и заѣзжіе, и формальное свидѣтельство. Съ такимъ же успѣхомъ устроивалась дорога и по ту сторону хребта, до Боронука и далѣе къ Зашиверску [5]).

Впрочемъ, усердіе Миницкаго иногда переходило границы благоразумія. Въ февралѣ 1820 г. Сперанскій получилъ отъ якутскихъ родоначальниковъ жалобу на мѣстное управленіе. Въ ней между прочимъ говорилось: «3 минувшаго января объявлено просите-

---

[1]) Св. 13, № 15. Предп. 5 и 19 ноября 1819 г., 17 марта 1820 г.

[2]) Св. 13, № 15, донес. Як. обл. нач. 4 октября 1820 г. и 24 сентября 1821 г.

[3]) Св. 191, № 17. Предп. 20 декабря 1820 г.

[4]) Св. 191, № 18, донес. 8 февраля 1821 г.

[5]) Св. 13, № 15, донес. Як. обл. нач. 9 ноября 1821 г.

*

лямъ въ присутствіи земскаго суда постановленіе, учиненное въ 11 день декабря 1819 г., по предложенію начальника Якутской области, съ изъясненіемъ въ ономъ таковаго жъ Сибирскаго генералъ-губернатора, относительно устроенія, по Высочайше утвержденнымъ рисункамъ, верстовыхъ столбовъ по трактамъ Иркутскому до Олекминскаго коммисарства и по Охотскому до рѣчки Алдана при каждыхъ 10 верстахъ по одному, равно и о перемѣнѣ таковыхъ же имѣющихся нынѣ при станціяхъ и перевозахъ».—«Во первыхъ, строго замѣчалъ по этому поводу Сперанскій Миницкому, отдаваемая мною попеченію вашему объ устройствѣ дорогъ по разнымъ трактамъ справедливость простиралась только на распоряженіе, сдѣланное уже вами по устройству оныхъ, а отнюдь не къ будущимъ со стороны вашей по сему предмету предположеніямъ; а во вторыхъ—правило объ учрежденіи верстовыхъ столбовъ, на 10-й верстѣ одного, относится собственно до Иркутской губерніи; Якутская же область, по своей чрезвычайной малонаселенности и весьма большому протяженію трактовыхъ дорогъ, требуетъ другого и гораздо облегчительнѣйшаго по сему постановленія». Онъ предписалъ немедленно отмѣнить распоряженіе о постройкѣ верстовыхъ столбовъ, впредь до особаго положенія, и объявить о томъ не только просителямъ, но и всѣмъ трактовымъ жителямъ [1]).

Важнѣйшею мѣрой Сперанскаго по дѣламъ дорожныхъ повинностей было составленіе и утвержденіе дорожныхъ участковъ. Къ сожалѣнію, намъ вовсе неизвѣстны подробности этой мѣры, кромѣ нѣкоторыхъ указаній въ приведенномъ выше предписаніи Томскому губернскому правительству [2]).

Устройство удобнаго сообщенія вокругъ Байкала давно уже обращало на себя вниманіе правительства. Сухопутное сообщеніе Иркутска съ Забайкальскимъ краемъ производилось сначала чрезъ Тунку; дорога представляла одно верховое сообщеніе, неудобное во всѣхъ отношеніяхъ. Съ 1780 года начались изысканія новаго пути. Въ 1796—1800 годахъ была назначена дорога по юго-западной сторонѣ Байкала, черезъ Хамаръ-Дабанскій хребетъ. Именнымъ указомъ 23 мая 1803 г. повелѣно было Селифонтову приступить къ окончательному устройству этой дороги. Расходы по устройству ея были отнесены на счетъ сборовъ съ таможенныхъ пошлинъ въ Кяхтѣ и Цурухайтуевскѣ [3]).

[1]) Св. 13, № 15. Предп. 13 февраля 1820 г. Миницкій оправдывался тѣмъ, что о верстовыхъ столбахъ къ нему былъ присланъ указъ губернскаго правительства, основанный на предписаніи Сперанскаго 8 сентября 1819 г. (Донес. 20 марта 1820 года).

[2]) Отчетъ.

[3]) П. С. З. 20773.

Неизвѣстно, почему именно было избрано это направленіе. Оно было труднѣйшее изъ всѣхъ, о которыхъ производились изысканія. Дорога эта представлялась высшему правительству то удобною къ проѣзду на телѣгахъ, то совершенно неудобною даже для верховой ѣзды. Въ 1805 г. она была кончена; но уже въ 1808 г. Трескинъ отзывался объ ней весьма невыгодно. Назначена была новая коммисія для изысканія удобнѣйшаго пути, но она не пришла ни къ какому положительному результату. Между тѣмъ Трескинъ занялся исправленіемъ Хамаръ-Дабанской дороги. Исправленіе производилось въ 1810, 1811 и 1812 годахъ, Селенгинскими и Тункинскими бурятами. Въ 1812 г. Трескинъ донесъ, что дорога совершенно исправлена, и что проѣздъ на телѣгахъ будетъ удобенъ. Устройство Хамаръ-Дабайской дороги современники считали однимъ изъ величайшихъ подвиговъ трескинской дѣятельности. Дорога шла отъ Иркутска на с. Култукъ, Торейскую вершину, станціи Норинскую, Енхорскую, Махаевскую и Липовскую, до Троицкосавска, на протяженіи, по маршрутамъ, въ 421 версту, а въ дѣйствительности гораздо болѣе [1]).

Исправленіе дороги производилось натуральною повинностью обывателей. Оно было чрезвычайно обременительно для мѣстнаго населенія. Въ 1810 — 1812 г., когда производилось капитальное исправленіе, оно обошлось Тункинскимъ братскимъ въ 44.500 р., не считая содержанія. Съ того времени ежегодное исправленіе дороги требовало наряда людей, которые отправлялись на работу за 150 и 250 верстъ. Они изнурялись сами и изнуряли свой скотъ, терпѣли разныя недостатки въ горахъ и въ пустыхъ, совершенно безплодныхъ мѣстахъ, и дорога исправлялась весьма слабо [2]).

Дорога и устроена была далеко не такъ прочно, какъ доносилъ и, можетъ быть, думалъ Трескинъ.

Въ ноябрѣ 1819 г. Геденштромъ, вытребованный Сперанскимъ въ Иркутскъ, проѣзжалъ верхомъ по кругобайкальскому тракту. Онъ нашелъ, что трактъ этотъ очень обветшалъ и требуетъ большихъ исправленій. Онъ доложилъ объ этомъ Сперанскому. Старая дорога была, по возможности, исправлена. Тогда же Геденштромъ предложилъ учредить новый трактъ кругомъ Байкала,—по берегу его, начиная отъ с. Култука, на Посольскій монастырь [3]). Кромѣ показанія Геденштрома, разныя мѣстныя извѣстія, хотя довольно

---

[1]) Св. 12, № 1; св. 456, № 5; св. 458, № 31. Записки Спб. отдѣла И. Р. геогр. общества, кн. II, отд. I, 101—107.

[2]) Св. 456, № 5. Записки Спб. отдѣла, кн. II, 106—107.

[3]) Геденштромъ. Матеріалы, I.

сбивчивыя, указывали на другія направленія дороги, менѣе трудныя, нежели направленіе по Хамаръ-Дабану. Сперанскій поручилъ Батенькову изслѣдовать ихъ. Батеньковъ произвелъ эти розысканія два раза, въ разное время. Наконецъ они привели его къ открытію пути, который, «по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ легче и выгоднѣе нынѣшняго»,—писалъ Сперанскій Бетанкуру [1]). Направленіе этого пути, въ основаніи, сходилось съ тѣмъ, которое было указано Геденштромомъ. Оно шло по байкальскому берегу отъ Култука чрезъ устья рѣкъ Мурино, Выдриной, Переемной и Языки, и оканчивалось селеніемъ Посольскимъ [2]).

Неизвѣстно, почему именно проектъ Батенькова въ то время не былъ принятъ: потому ли, что онъ требовалъ большихъ издержекъ; или, какъ думаетъ Геденштромъ, потому, что слишкомъ удалялъ Кяхту отъ Иркутска, въ сравненіи съ прежнимъ прямымъ путемъ черезъ Хамаръ-Дабанъ [3]).

Впослѣдствіи, вопросъ о выгоднѣйшемъ направленіи кругобайкальской дороги возникалъ нѣсколько разъ. Въ 1830 г. проектъ новаго пути представилъ подполковникъ Медвѣдевъ; въ 1836 г.—полковникъ Богдановъ; въ 1839 г.—маіоръ Латраверсъ; въ тоже время кяхтинскій купецъ Игумновъ, съ помощью кяхтинскаго купечества, устроилъ свою дорогу. Всѣ эти проекты и сооруженія имѣли ту особенность отъ проекта Батенькова, что предполагали дорогу не на Посольское селеніе и Верхнеудинскъ, а прямѣе на Кяхту; но всѣ они, въ большей или меньшей степени, принимали и проектъ Батенькова [4]). Устройство Игумновымъ дороги, которую кяхтинское купечество признавало весьма удовлетворительною, а инженеры совершенно негодною, надолго остановило осуществленіе другихъ проектовъ. Уже только въ пятидесятыхъ годахъ дорога эта окончательно признана неудобною и найдено необходимымъ проложить другой путь, и только въ шестидесятыхъ годахъ этотъ новый путь былъ устроенъ по тому самому направленію отъ Култука

---

[1]) Св. 367, № 1.

[2]) Св. 456, № 5; св. 458, № 31. Геденштромъ. Матеріалы I, Къ сожалѣнію, мы не могли отыскать подлиннаго дѣла Сперанскаго о кругобайкальской дорогѣ. Оно не помѣщено даже въ архивныхъ описяхъ. Сообщаемыя нами свѣдѣнія основаны только на отрывочныхъ показаніяхъ, встрѣчающихся въ дѣлахъ позднѣйшаго времени.

[3]) Геденштромъ. Матеріалы, I. По проекту Батенькова, разстояніе между Кяхтой и Иркутскомъ должно было составлять 665½ верстъ.

[4]) Именно отъ Иркутска до Култука 99 верстъ и потомъ отъ Култука: Игумновъ до Муриной 52½ версты, Медвѣдевъ до Выдриной 84 версты, Богдановъ до Языки 127 верстъ. Пространство отъ Языки до с. Посольскаго (91 верста) Богдановъ признавалъ весьма болотистымъ и неудобнымъ для дороги.

къ с. Посольскому, которое предлагали Геденштромъ и Батеньковъ [1]).

Въ самомъ Иркутскѣ, Сперанскаго особенно занимало сообщеніе чрезъ р. Ушаковку. Эта капризная рѣчка, ничтожная въ обыкновенное время, чрезвычайно разливается въ половодье. Наводненіе, бывшее въ 1819 г., должно было значительно испортить единственный существовавшій чрезъ нее мостъ, и безъ того уже весьма ветхій. Между тѣмъ, этотъ мостъ служилъ единственнымъ средствомъ сообщенія города не только съ зарѣчною его частію, но и съ Якутскимъ трактомъ, Александровскимъ заводомъ и расположенными въ той сторонѣ селеніями. Городское общество, повидимому, не обращало на это слишкомъ большаго вниманія. Сперанскій нашелъ необходимымъ дать, 22 мая 1820 г., слѣдующее предписаніе городской думѣ: «Изъ донесенія здѣшняго городничаго и изъ собственнаго моего обозрѣнія усмотрѣлъ я, что состоящій на рѣчкѣ Ушаковкѣ мостъ, по ветхости своей, угрожаетъ паденіемъ. Для предупрежденія несчастныхъ послѣдствій необходимо построить новый. Настоящее мѣстоположеніе моста не представляетъ удобности и выгодъ. Лучшее мѣсто для онаго моста есть—противъ Благовѣщенской улицы или мясныхъ рядовъ. Почему предлагаю городской думѣ, вообще съ городничимъ, распорядиться постройкою новаго чрезъ сіе мѣсто моста по чертежу, изъ употребляемыхъ при подобныхъ постройкахъ чертежей, подъ лит. А. Непосредственное наблюденіе за симъ предоставляется помощнику губернскаго архитектора Бронникову. Я приказалъ уже, дабы потребное для постройки моста число работниковъ дано было изъ здѣшняго рабочаго дома. Чѣмъ скорѣе приведенъ будетъ къ окончанію мостъ, тѣмъ лучше и полезнѣе».

Городская дума, повидимому, не слишкомъ торопилась исполнить это распоряженіе. 13 іюня 1820 г. Сперанскій нашелся въ необходимости подтвердить его. «Если дума, писалъ онъ, находитъ построеніе моста по чему либо неудобнымъ и непрочнымъ, то она обязана представить другія удобнѣйшія къ тому средства, возстановленіемъ ли прежней плотины, или другимъ способомъ. Но пресѣкать сообщенія между городомъ и его предмѣстьемъ, и на пути, ведущемъ на большую Якутскую дорогу, ни терпимо, ни отлагаемо далѣе быть не можетъ».

---

[1]) Св. 458, № 31.—Записки Спб. отдѣла, кн. II, 101—144.—Бывшій Иркутскій губернаторъ Пятницкій также предлагалъ свой проектъ кругобайкальской дороги; но это было не что иное, какъ только повтореніе проекта Батенькова (Св. 537, № 6). Кромѣ того было нѣсколько другихъ предположеній.

Между тѣмъ и Зеркалеевъ входилъ съ представленіемъ о необходимости укрѣпить плотину, еще болѣе испорченную новымъ наводненіемъ. «Городское общество, въ общемъ собраніи завтрашняго дня, должно рѣшить сей вопросъ»,—отвѣчалъ ему Сперанскій отъ 23 іюня.

Но собраніе общества было не на завтра, а того же 23 числа. Общество, признавая постройку моста необходимою, просило разрѣшенія сломать для этого остатки мельницы Курсина, снесенной наводненіемъ; мостъ построить «пониже лазарета отъ лѣтняго дома гражданскаго губернатора [1])»; по неимѣнію свободныхъ суммъ, ходатайствовать объ отнесеніи этой постройки на счетъ земскаго сбора [2]). Такимъ образомъ, общество, соглашаясь, повидимому, съ предположеніемъ Сперанскаго, отказывалось отъ исполненія его на дѣлѣ, потому что не давало на него денегъ. Оно не приняло и того направленія, какое было указано для моста Сперанскимъ. Тѣмъ дѣло это тогда и кончилось. Плотина въ направленіи, указанномъ Сперанскимъ, устроена была уже въ 1862 г., на сумму, пожертвованную г. Хаминовымъ.

Другая любопытная переписка въ этомъ родѣ относится къ перевозу черезъ Енисей въ Красноярскѣ. Она началась съ слѣдующаго предписанія Сперанскаго Красноярскому городскому головѣ, отъ 18 февраля 1820 года:

«Втеченіи минувшей осени доходили ко мнѣ многія жалобы на медленность и остановку купеческихъ кладей при переправѣ черезъ Енисей. Остановка сія главнымъ образомъ происходитъ отъ недостатка судовъ. А какъ обстоятельство сіе, по связи отправленій съ Байкальскимъ, весьма важно, то и считаю нужнымъ, чтобъ въ весеннее и осеннее время на Красноярскомъ перевозѣ, вмѣсто двухъ судовъ, содержалось четыре.

«Посему возлагаю на васъ, втеченіи февраля и марта непремѣнно устроить еще два судна. Предоставляю усмотрѣнію вашему—баркасы ли должно устроить или большія лодки, кои бы могли ходить и въ осеннее время, когда идетъ шуга.

«Деньги, потребныя на сіе построеніе, вы употребите заимообразно изъ городскихъ доходовъ; какимъ же образомъ возвратить ихъ, я не оставлю сдѣлать распоряженіе.

---

[1]) Противъ большой арсенальской улицы, гдѣ нынѣ губернаторская канцелярія. Курсинская мельница находилась на мѣстѣ нынѣшняго новаго моста противъ Большой улицы.

[2]) Св. 15, № 27.

«Сіи суда вы не оставите снабдить на весеннее и осеннее время и нужнымъ числомъ работниковъ.

«А дабы содержаніе сихъ судовъ не было для города отяготительно и даже приносило бы ему умѣренный доходъ, вы не оставите въ думѣ сообразить и мнѣ представить, какую таксу съ возовъ положить вообще за перевозъ будетъ нужно.

«Я полагаюсь въ точномъ исполненіи сего порученія на извѣстное мнѣ усердіе ваше къ общей пользѣ» [1].

Голова Терюкинъ, на усердіе котораго полагался Сперанскій, получилъ это предписаніе 23 февраля 1820 г., и передалъ его новому, Терскову. Послѣдній продержалъ его безъ всякаго движенія полтора мѣсяца, и отъ 9 апрѣля донесъ, что въ устройствѣ судовъ онъ встрѣчаетъ затрудненіе, по неимѣнію денегъ, лѣса и мастера. Безпорядки, бывшіе на перевозѣ, онъ оправдывалъ затрудненіями въ переправѣ во время хода шуги (льда) и проч. Въ то же время голова, донося о крайней невыгодности для города существовавшей тогда таксы на перевозъ, представлялъ на утвержденіе новую таксу [2]. Предполагалось въ лѣтнее время взимать съ воза по 1 р., съ лошади 25 к., весною и осенью—съ воза 1 р. 50 к., съ лошади 30 к., а во время прохода шуги—по 2 р. 50 к. съ воза и повозки и по 1 р. съ лошади. Сперанскій отвѣчалъ ему предписаніемъ, отъ 27 апрѣля 1820 г. «Представленныя вами въ донесеніи, отъ 9 сего мѣсяца № 257, препятствія къ устроенію къ существующимъ ны-

[1]) Св. 21, № 139.

[2]) Причемъ голова представилъ планъ Красноярскаго перевоза, за подписью землемѣра Звѣрева и головы Новикова. Планъ этотъ сохранился въ дѣлѣ. Изъ помѣщеннаго на немъ «изъясненія» видно, что во время весеннихъ разливовъ перевозъ этотъ дѣйствительно былъ очень труденъ. При переправѣ изъ города, пустые паромы подымались бичевою отъ береговой пристани вверхъ по берегу до 200 саженъ. Здѣсь они нагружались, и потомъ шли на гребляхъ къ противоположному берегу, гдѣ приставали на 4 версты ниже. Но здѣсь, по высотѣ берега, они не останавливались, а подымались вверхъ, по берегу, бичевою или на шестахъ, на $1\frac{1}{2}$ версты. Отсюда, по выгрузкѣ, они подымались вверхъ еще на 3 версты 100 саж. до такъ называемаго «Токарева вволоа». Здѣсь нагружались тяжести, слѣдовавшія изъ-за рѣки въ Красноярскъ. Паромъ пускался отсюда внизъ по рѣкѣ на гребляхъ, на 550 саж., до средняго Копнаго острова, потомъ подымался 150 саж. вверхъ по протокѣ возлѣ этого острова, далѣе плыли чрезъ протоку на гребляхъ на 100 саж. на нижній конецъ Большаго Копнаго острова, подымались до 800 саж. вверхъ возлѣ этого острова, и затѣмъ плыли на гребляхъ къ городовой пристани 26150 саж. Все протяженіе перевоза, впередъ и обратно, составляло въ полноводіе 14 верстъ 300 саж. Въ среднюю воду перевозъ составлялъ впередъ и обратно всего 11 верстъ 250 саж., а въ малую 5 верстъ 250 саж. Нынѣ перевозъ переведенъ на другое мѣсто, внѣ городской черты. Зимній путь чрезъ Енисей шелъ тогда отъ нижней части Красноярска (близъ устья Качи) чрезъ Большой Телячій островъ внизъ по рѣкѣ къ одноворкѣ, бывшей недалеко отъ ручья на противномъ берегу.

цѣ на Красноярскомъ перевозѣ карбазамъ еще двухъ новыхъ судовъ, могутъ быть отвращены, если только обратить на сіе большее вниманіе. Не уповательно, чтобы въ городѣ или по близости онаго не было мастеровыхъ для постройки сихъ судовъ и матеріала для оныхъ. Я надѣюсь, что вы по обязанности городскаго головы употребите все стараніе, чтобъ суда сіи были заготовлены, по крайней мѣрѣ къ тому времени, какъ стеченіе приходящихъ обозовъ увеличивается противу обыкновеннаго, и именно къ августу мѣсяцу; въ неисполненіи же сего отвѣтственность падетъ болѣе на васъ.

«Что касается до составленной для вознагражденія постройки новыхъ судовъ и починки старыхъ въ общемъ присутствіи таксы платежа за перевозъ черезъ Енисей, то она, безъ крайняго отягощенія съ кладями проѣзжающихъ, не можетъ быть приведена въ исполненіе. Дабы согласить и выгоды города съ выгодами проѣзжающихъ, я полагаю ввести таксу, существующую здѣсь въ Иркутскѣ, каковую, препровождая у сего къ вамъ, поручаю, если не встрѣтится важныхъ препятствій, привести въ дѣйствіе [1])».

Карбазы были построены, но такса найдена невыгодною по обширности и трудности перевоза въ извѣстное время до 15 верстъ и болѣе. Голова опять просилъ объ утвержденіи высокой таксы. По этому поводу послано ему новое предписаніе, отъ 28 іюля 1820 г.: «Изъ донесенія вашего отъ 16 сего мѣсяца № 485, съ удовольствіемъ усмотрѣлъ я, что попеченіемъ вашимъ изготовлены для перевоза черезъ Енисей два новые карбаза и, судя по времени, они теперь уже въ ходу. Что касается до встрѣчаемыхъ затрудненій касательно введенія въ Красноярскѣ таксы черезъ перевозъ такой, какая существуетъ здѣсь въ Иркутскѣ, нужнымъ считаю отозваться, что послѣ сдѣланнаго мною увеличенія бывшей въ Красноярскѣ таксы почти вдвое, я ни къ какому распоряженію по сему приступить не могу. Предполагаемая вами такса, будучи почти впятеро болѣе существующей въ Красноярскѣ, не можетъ не быть ощутительна для проѣзжающихъ, а вѣроятно и тягостна; время удостовѣритъ, достаточны ли будутъ собираемые съ перевоза доходы на удовлетвореніе всѣхъ по оному расходовъ; и ежели годичный опытъ покажетъ, что первые недостаточны, то и тогда будетъ еще возможно сдѣлать по соображенію нужную прибавку».

---

[1]) Иркутская такса на перевозъ черезъ Ангару была: съ воза съ товарами — въ обыкн. время 50 к., въ весеннее половодье 1 р.; съ проѣзжающихъ 25 к.; съ крестьянской телѣги—съ припасами 25 к., пустой 15 к.; съ скота 50 к.; съ пѣшехода 10 коп. (Св. 55, № 9, дѣло 10).

Проѣзжая чрезъ Красноярскъ въ августѣ 1821 г., Сперанскій лично занялся этимъ дѣломъ. Онъ удостовѣрился и въ плохомъ состояніи городскихъ доходовъ, и въ крайней обременительности для обывателей содержанія перевоза, который «не можетъ быть сравниваемъ съ Ангарскимъ». Онъ поручилъ головѣ изыскать новые источники городскихъ доходовъ. Голова, въ донесеніи отъ 9 августа, предполагалъ, прежде всего увеличить плату за перевозъ. Сперанскій призналъ вполнѣ справедливымъ возвысить плату за перевозъ, но не болѣе какъ вдвое. Онъ назначилъ въ обыкновенное время, съ каждаго воза съ товаромъ по 1 р., весною и осенью—по 1 р. 50 коп.; съ лошади по 1 р. Такса на прочіе предметы осталась та же, какъ и въ Иркутскѣ. Сперанскій поручилъ Илличевскому распорядиться, чтобы новая такса была написана на доскахъ и вывѣшена на обоихъ берегахъ Енисея, «подобно тому, какъ введено сіе повсемѣстно въ Иркутской губерніи», и чтобы плата съ крестьянской телѣги была одинакова, будетъ ли она съ лошадью, или безъ нея. «Вмѣстѣ съ симъ, писалъ Сперанскій Илличевскому, отъ 27 сентября 1820 г., ваше превосходительство не оставите внушить Красноярскому городничему, дабы онъ особенное обращалъ наблюденіе и смотрѣніе за исправнымъ содержаніемъ перевоза. Въ проѣздъ мой и во время пребыванія въ Иркутскѣ я встрѣтилъ многія жалобы на медленность и неисправность онаго. Если на будущее время поступятъ ко мнѣ подобныя жалобы, то вся отвѣственность падетъ на городничаго». Безъ сомнѣнія ни городничему, ни Илличевскому не было особенно пріятно выслушать такое наставленіе.

Кромѣ возвышенія таксы на перевозъ, Красноярскій голова, въ донесеніи отъ 9 августа 1820 г., предполагалъ, для улучшенія городскихъ доходовъ, установить плату съ проходящихъ чрезъ Красноярскъ возовъ, «по примѣру Иркутска», съ прогоняемаго скота и съ торгующихъ крестьянъ. 5 ноября 1820 г. онъ прибавилъ къ этому еще ходатайство объ увеличеніи мѣщанскаго общества причисленіемъ къ нему живущихъ въ городѣ крестьянъ. Всѣ эти ходатайства онъ повторялъ еще 20 іюля 1821 г., но не получалъ отвѣта [1]). Впослѣдствіи переписку объ установленіи платы съ проходящихъ возовъ возобновилъ Лавинскій, но безполезно.

---

[1]) Св. 21, № 39, прилож.

Рекрутскіе наборы, тягостные вездѣ, были особенно тягостны для Сибири. Здѣсь тягость ихъ увеличивали: а) невозможность, по отдаленности селеній, надзора и повѣрки очередей; отъ этого происходили пристрастныя назначенія по волостямъ; б) невозможность раздробить рекрутскія присутствія, по недостатку надежныхъ чиновниковъ, и особенно медиковъ; а пріемъ рекрутъ въ одномъ или двухъ мѣстахъ былъ сопряженъ съ весьма большими издержками. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, когда рекрутъ былъ забракованъ и вмѣсто него нужно было поставить новаго, дѣлалось для этого, въ два или три оборота, до 3000 верстъ. Болѣе всего терпѣлъ Киренскій уѣздъ. Здѣсь, на протяженіи 1500 в., 8300 душъ, обязанныхъ рекрутскою повинностью, должны были и отбывать эту повинность, и содержать сообщенія съ Якутскомъ; большая часть жителей была подвержена зобамъ; поэтому рекрутская повинность упадала на небольшое число семействъ и разоряла ихъ до основанія [1]).

Дѣла по рекрутской повинности шли своимъ порядкомъ и рѣдко вызывали распоряженія главной мѣстной власти. Мы можемъ сообщить по этому предмету весьма немногія свѣдѣнія. Въ декабрѣ 1819 г. былъ рекрутскій наборъ по 2 чел. съ 200 душъ. По Иркутской губерніи надлежало принять 269 человѣкъ. Всѣ они поступили бездоимочно; изъ нихъ 195 чел. въ Иркутское, а 74 чел. въ Верхнеудинское рекрутское присутствіе. Денежнаго сбора на рекрутъ слѣдовало 4.552 р.; изъ нихъ къ 1 января 1820 г. собрано 1.444, осталось въ недоимкѣ 2.208 руб.

Въ Иркутскѣ, еще до набора, былъ принятъ въ рекруты крестьянинъ Евдокимовъ, у котораго, послѣ набора, оказалась падучая болѣзнь. Сперанскій, по отношенію главнаго штаба, дѣлалъ распоряженія объ ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ Евдокимова и требовалъ свѣдѣній, почему онъ былъ принятъ прежде набора. Оказалось, что Евдокимовъ дѣйствительно страдаетъ падучей. Принять прежде набора онъ былъ потому, что былъ сданъ изъ Кимильтейской волости, за 300 в. отъ Иркутска. Отдатчикъ, съ 10-ю рекрутами, явился въ городъ 25 октября, за шесть дней до набора. Проживаніе въ городѣ съ 10-ю рекрутами и сторожами при нихъ было отяготительно для общества. Съ другой стороны, въ случаѣ негодности рекрутъ, отдатчику нужно было ѣхать назадъ, собрать и представить другихъ. «Судя по здѣшнимъ разстояніямъ, писалъ Сперанскій начальнику главнаго штаба, отъ

[1]) Отчетъ.

14 іюля 1819 г. я нахожу, что поступокъ рекрутскаго присутствія въ принятіи сихъ рекрутъ нѣсколько дней прежде срока не имѣетъ въ себѣ ничего предосудительнаго и для успѣха рекрутскихъ наборовъ и въ другихъ случаяхъ допускается».

Наборъ 1820 г. составлялъ 4 человѣка съ 500 душъ. По Иркутской губерніи, съ 96265 ревиз. душъ, потребовалось собрать 538 рекрутъ и на нихъ 9.360 р. денегъ. По 1 февраля 1821 г. было собрано 497 и зачтено 38, итого 535 рекрутъ; недоимочные три человѣка поступили въ февралѣ; денегъ по 1 февраля было собрано 6.464 р., оставалось въ недоимкѣ 2.896 р. Послѣдняя сумма поступила втеченіи 1821 г., осталось въ недоимкѣ только 54 р., на жителяхъ отдаленныхъ мѣстъ.

Къ набору 1820 г. относится одно распоряженіе Сперанскаго, которое проливаетъ любопытный свѣтъ на Сибирскую исторію того времени. Иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ жаловался на неправильное назначеніе въ рекруты его племянника, отецъ котораго былъ отправленъ при Пестелѣ съ доносомъ въ Петербургъ и остался тамъ до того времени. Сперанскій, въ предписаніи Зеркалееву, отъ 15 ноября 1820 г., уважилъ просьбу Саламатова, особенно потому, что братъ его оставался въ Петербургѣ «*не по своей волѣ*» [1].

Въ 1821 г. Иркутская казенная экспедиція отказалась возвратить въ провіантское вѣдомство 10.957 р. 68½ к., употребленныхъ на продовольствіе рекрутъ по 89 набору. Военный министръ находилъ отказъ неправильнымъ и писалъ о томъ Сперанскому. Сперанскій находилъ заключеніе министра основательнымъ; «но какъ казенная экспедиція представила свои причины отказа», то онъ, отъ 12 мая 1822 г., сообщилъ это обстоятельство на разрѣшеніе гр. Гурьеву [2].

По дѣламъ о рекрутской повинности въ Сибири Сперанскій собралъ весьма важныя свѣдѣнія. 13 февраля 1820 г. онъ предложилъ губернаторамъ, что находитъ «весьма нужнымъ» имѣть свѣдѣніе о числѣ рекрутъ, поступившихъ въ Сибирскихъ губерніяхъ съ того самаго времени, какъ въ нихъ учреждена рекрутская повинность. Онъ просилъ губернаторовъ «употребить все возможное попеченіе» о доставленіи ему этого свѣдѣнія. «Чѣмъ отдаленнѣе и чѣмъ въ большемъ числѣ лѣтъ можно отыскать сіи свѣдѣнія, писалъ онъ, тѣмъ будетъ лучше». По Тобольской губерніи

---

[1]) См. прилож.
[2]) Св. 197, № 4.

надлежало различить тѣ годы, когда она была соединена съ Томской губерніей, отъ тѣхъ, когда раздѣлилась.

Свѣдѣнія были доставлены. Но въ нихъ встрѣтилось важное недоразумѣніе: свѣдѣнія по Тобольской губерніи значительно разнились отъ свѣдѣній за другія губерніи. По этому поводу Сперанскій написалъ фанъ-Брину частное письмо:

«Милостивый государь мой, Францъ Абрамовичъ!

«Весьма благодаренъ вашему превосходительству за вѣдомость о поступившихъ въ Тобольской губерніи съ 1783 г. по настоящій годъ рекрутахъ.—Сличая ее съ вѣдомостями другихъ губерній, я нашелъ въ ней ту особенность, что число душъ рекрутской повинности подлежавшихъ, перемѣнялось въ Тобольской губерніи значительнымъ образомъ отъ одного года къ другому. Въ другихъ губерніяхъ перемѣны бываютъ отъ двухъ причинъ: 1) отъ перечисленія душъ изъ одной губерніи въ другую; 2)отъ ревизіи, которая обыкновенно пріумножаетъ число душъ, въ окладѣ состоящихъ. Перемѣна перваго рода обыкновенно бываетъ незначительна,а вторая относится только къ первому послѣ новой ревизіи году. Но по Тобольской губерніи пріумноженіе рекрутскихъ душъ не слѣдовало сему общему правилу. Не зная, какимъ образомъ изъяснить сію разность, обращаюсь къ вашему превосходительству съ просьбою, нельзяли въ дѣлахъ или преданіяхъ отыскать вѣроятную сему причину. Она важна какъ для общей исторіи постепеннаго населенія Сибири, такъ и для цѣли мною предположенной, чтобы если не отмѣнить, то покрайней мѣрѣ умѣрить рекрутскую повинность Сибири,—предположеніе, которое при Иванѣ Борисовичѣ было уже въ виду.

«Съ совершеннымъ и проч.»

13 мая 1820 г.
Иркутскъ.

Изъ этого письма видна и цѣль, для которой собирались свѣдѣнія. Цѣль эта не могла осуществиться вполнѣ, но была, какъ увидимъ ниже, достигнута по крайней мѣрѣ для сѣверныхъ окраинъ Сибири. Фанъ - Бринъ разъяснилъ недоразумѣніе Сперанскаго тѣмъ, что въ нѣкоторые годы поступали въ рекрутскій окладъ значительными массами поселенцы, состоявшіе на рекрутской льготѣ.

Оказалось, что по свѣдѣніямъ, какія только можно было отыскать, поступило до 1820 года въ рекруты:

По Иркутской губерніи съ 1747 г. . . .	13.923
По Тобольской — — 1783 — . . .	36.419

По Томской губерніи съ — 1804 г. . . .	7.050
Итого	57.392

Въ 1819 г., т. е. въ первый годъ управленія Сперанскаго, рекрутъ поступило въ два набора: въ Иркутской губерніи 269, Тобольской 881, Томской 306 [1]).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Поземельныя дѣла.—Подати.—Обмѣнъ ассигнацій.

Дѣла о поземельныхъ надѣлахъ, по крайней мѣрѣ по Иркутской губерніи, мало представляютъ особеннаго [2]). Самыя любопытныя переписки по этому предмету были слѣдующія:

а) Въ 1802 г., при осмотрѣ дѣйств. стат. сов. Лабы казенныхъ поселеній, Хоринскіе буряты согласились отдать подъ поселенія часть своихъ земель, съ обмѣномъ на другія. Именнымъ указомъ 29 іюня 1806 г. это предложеніе было принято, и между прочимъ повелѣно, всѣ земли Хоринскихъ бурятъ отмежевать и выдать грамоту и планъ немедленно; однажды навсегда опредѣлить пространство кочевья ихъ и окончить споры, издавна происходящіе и впредь происходить могущіе между ними, тунгусами и природными россійскими поселянами. Земли были обмежеваны и положены на планъ. Герольдмейстеръ Мансуровъ просилъ Сперанскаго истребовать у братскихъ деньги, слѣдующія на предварительные расходы по составленію грамоты. Сперанскій [3]) отвѣчалъ, что дѣла о земляхъ Хоринскихъ бурятъ подлежатъ особому разсмотрѣнію, и потому, до окончательнаго положенія объ нихъ, онъ считалъ бы нужнымъ выдачею имъ грамоты на эти земли пріостановиться. По этому онъ не требовалъ и денегъ за грамоту.

б) Якуты жаловались сенату, что водвореннымъ въ ихъ краю поселенцамъ отведены принадлежащія имъ, Якутамъ, земли. Сенатъ, въ 1818 году, требовалъ по этой жалобѣ заключенія Сибирскаго генералъ-губернатора. Иркутское губернское правительство находило: 1) что Якуты не представили никакихъ актовъ на спор-

---

[1]) Св. 55, № 9, дѣло 13.

[2]) Нужно замѣтить впрочемъ, что въ Иркутскомъ архивѣ нѣтъ цѣлой связи этихъ дѣлъ (202-й).

[3]) 23 декабря 1821 г., № 455. Св. 200, № 2.

ныя земли; 2) земли Якутской области никогда не приводились въ извѣстность; 3) по необъятному пространству земель, находящихся во владѣніи Якутовъ, они не могутъ потерпѣть никакого стѣсненія отъ отдачи части ихъ поселенцамъ; 4) послѣдніе поселены въ Якутской области по просьбѣ самихъ Якутовъ, для облегченія ихъ въ отправленіи почтовой гоньбы; 5) поселенцы, отъ разныхъ обстоятельствъ, пришли въ оскудѣніе, тѣмъ болѣе, что даже не всѣ еще они надѣлены законной 15-десятинной пропорціей земли. При такихъ обстоятельствахъ, единственное средство поселенцевъ къ существованію составляетъ почтовая и обывательская гоньба; но и тутъ Якуты дѣлаютъ имъ подрывъ, перехватывая за себя содержаніе станцій, съ цѣлью сдать ихъ поселенцамъ за половинную цѣну, или понижая цѣны за гоньбу до такой степени, что содержать ее за эту цѣну нѣтъ никакой возможности. Губернское правительство полагало, всѣ земли, отведенныя поселенцамъ, оставить въ ихъ владѣніи. Сперанскій донесъ сенату, что онъ совершенно согласенъ съ этимъ заключеніемъ [1].

в) Англійскіе миссіонеры, поселившіеся близъ Селенгинска, просили укрѣпить за ними тѣ земли, которыя они заняли своими постройками. Просьбу эту они, чрезъ Попова, представили къ князю Голицыну, а послѣдній потребовалъ по ней заключенія Сперанскаго [2]. Сперанскій призналъ нужнымъ сначала удостовѣриться, кому принадлежатъ эти земли. Онъ распорядился сдѣлать это «безъ огласки, дабы преждевременнымъ распоряженіемъ не поколебать собственности, если она принадлежитъ бурятамъ». Оказалось, что миссіонеры просили всего 42 дес. 1090 кв. саж., изъ нихъ: 34 дес. 397 саж. изъ выгона Селенгинскаго посада, а 8 дес. 643 кв. саж. изъ земель бурятъ разныхъ родовъ. Селенгинскому посаду можно было отвести такое же количество земли изъ пустопорожней, прилегавшей къ самымъ домамъ посада, а буряты, по множеству земель въ ихъ владѣніяхъ, не могли терпѣть стѣсненія отъ потери 8 десятинъ. По этому Сперанскій [3]) увѣдомилъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, что онъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій къ удовлетворенію просьбы миссіонеровъ. Земля отведена имъ по Высочайшему повелѣнію, объявленному комитету министровъ 14 января 1822 г., на томъ же

---

[1]) Св. 200, № 9, донес. 21 іюля 1821 г., № 136.
[2]) См. прилож.
[3]) См. прилож. отъ 9 ноября 1821 г., № 291.

основаніи, какъ и шотландскимъ поселенцамъ на Кавказѣ [1]). Впрочемъ отводъ земли миссіонерамъ производился очень медленно, и еще въ ноябрѣ 1823 г. не былъ конченъ по разнымъ межевымъ неисправностямъ [2]). Въ іюнѣ 1820 г. губернскій землемѣръ Лосевъ подалъ Сперанскому записку, въ которой объяснялъ негодность и безполезность большей части земель, лежащихъ около Иркутска, и просилъ отвести ему одинъ «болотистый и никуда негодный» участокъ, на берегу Ангары, надѣясь постепенно привести его въ лучшее состояніе. Сперанскій исходатайствовалъ ему, въ награду, не только 1000 десятинъ въ просимой имъ мѣстности, но еще орденъ Св. Владиміра 4-й ст. и поздравилъ съ этимъ старика очень любезнымъ письмомъ отъ 2 февраля 1822 г. [3]).

Вообще же всѣ просьбы и жалобы о земляхъ, поданныя Сперанскому, передавались отъ него на распоряженіе казенной экспедиціи. По этому поводу произошелъ одинъ любопытный случай, слѣдствіемъ котораго были: анекдотъ, оффиціальная бумага и законодательная мѣра. Выше уже было сказано, что Сперанскій, при ревизіи края, не стѣснялся формальностями. Къ такимъ отступленіямъ отъ формъ, и притомъ весьма обыкновеннымъ, принадлежалъ и пріемъ просьбъ, писанныхъ не по формѣ и на простой бумагѣ. Однажды Сперанскій препроводилъ въ казенную экспедицію множество такихъ просьбъ (полученныхъ, большею частью, за Байкаломъ), о земляхъ. Экспедиція нашла, что просьбы эти не подлежали принятію, распорядилась возвратить ихъ просителямъ и донесла о томъ генералъ-губернатору.

Совѣтникомъ хозяйственнаго отдѣленія казенной экспедиціи былъ Дорофеевъ, человѣкъ, по преданіямъ, умный и знавшій свое дѣло. Распоряженіе, о которомъ мы упомянули, онъ, говорятъ, сдѣлалъ собственно потому, что испугался громады просьбъ и труда, который былъ неминуемымъ слѣдствіемъ ихъ. Разсказываютъ, что Сперанскій вышелъ изъ себя, узнавъ объ этомъ распоряженіи. Онъ тотчасъ послалъ за Дорофеевымъ. Тотъ приходитъ. Сперанскій весь дрожитъ. Дорофеевъ видитъ, что будетъ буря.—«Какъ вы смѣли оставить безъ движенія тѣ просьбы, которыя я къ вамъ прислалъ?»—«Ваше высокопревосходительство, отвѣчаетъ Дорофеевъ:

[1]) Льгота на 30 лѣтъ отъ податей и повинности. По окончаніи льготныхъ лѣтъ, вмѣсто личныхъ податей, платить по 15 к. съ десятины удобной земли и исправлять земскія повинности на отведенныхъ земляхъ. Отъ всѣхъ другихъ налоговъ и повинностей, отъ военной и гражданской службы, а селенія отъ постоя освобождаются. Ни малѣйшій участокъ не могъ быть отчужденъ въ постороннія руки.

[2]) Св. 200, см. прилож.

[3]) Св. 200, № 18, см. прилож.

вы нашъ начальникъ, и мы всегда готовы исполнять ваши приказанія; но мы не могли дѣйствовать противозаконно. Измѣните законъ—и мы исполнимъ». Можно вообразить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ отвѣтъ на Сперанскаго, который именно старался водворить законность въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ властей. Правъ мошенникъ! сказалъ онъ, гораздо уже хладнокровнѣе: «Но что же дѣлать: мнѣ хотѣлось бы удовлетворить эти просьбы». «Ваше высокопревосходительство видите, что это нельзя».—«Но я сдѣлаю это законнымъ».—«Извольте; напишите, что это законно, и мы разсмотримъ».

Это, — продолжалъ разсказчикъ, — былъ положительно единственный случай, что Сперанскій назвалъ чиновника въ глаза мошенникомъ; но и тутъ это слово имѣло видъ шутки; также чуть-ли не единственный случай, что онъ вышелъ изъ себя [1].

Достовѣрность этого анекдота можетъ подлежать сомнѣнію; но несомнѣнно то, что Иркутской казенной экспедиціи была дана грозная бумага такого содержанія:

«Усмотрѣвъ изъ донесенія сей экспедиціи, отъ 17 апрѣля с. г., № 3205, что отъ разсмотрѣнія просьбъ, мною ей предложенныхъ, уклонилась она подъ тѣмъ предлогомъ, что просьбы сіи не имѣютъ во внѣшнемъ ихъ видѣ всей надлежащей формы, считаю нужнымъ замѣтить:

«1) Что просьбы отъ казенныхъ крестьянъ, ясачныхъ и другихъ людей, въ недостаткѣ земель, въ разныхъ обидахъ и притѣсненіяхъ, не экспедиціи принесены были, а мнѣ; слѣдовательно мнѣ, а не экспедиціи, должно было судить о ихъ формѣ.

«2) Изъ предложенія моего, отъ 17 марта, при коемъ препровождены подобныя симъ просьбы, числомъ 44, экспедиція должна была видѣть, что онѣ принесены и приняты были во время личнаго моего обозрѣнія Забайкальскаго края, въ самыхъ селеніяхъ крестьянъ и стойбищахъ ясачныхъ, гдѣ странно и несовмѣстно было бы требовать мнѣ отъ нихъ гербовой бумаги и всѣхъ обрядовъ, для формальныхъ прошеній установленныхъ.

«3) Посему, принимая просьбы сіи въ видѣ записокъ, а не формальныхъ прошеній, долгъ экспедиціи былъ войти въ разсмотрѣніе, оказать обиженнымъ защиту даже и тогда, когда бы онѣ просто дошли до ея свѣдѣнія, кольми же паче, когда онѣ предложены ей отъ ея начальства. Вообще неправильность внѣшней формы всегда исправить можно; а пресѣчь народныя жалобы невнимательностью къ нимъ или предлогами формы невозможно.

---

[1] Слышано отъ Н. И. Виноградскаго.

«По сему предлагаю:

«1) Просьбы, отъ меня препровожденныя возвративъ, если онѣ уже отосланы, непремѣнно разсмотрѣть, и чѣмъ каждая изъ нихъ будетъ рѣшена, мнѣ донести.

«2) На будущее время не озабочивать себя надзоромъ во внѣшней формѣ тѣхъ просьбъ, кои мною приняты и экспедиціи будутъ предложены; а вмѣсто того изъ самой многочисленности сихъ просьбъ вывести то простое заключеніе, что не приносили бы ихъ казенные крестьяне и ясачные въ такомъ множествѣ и по всѣмъ дорогамъ, если бы въ свое время къ нуждамъ ихъ болѣе обращено было вниманія и хозяйственнаго о нихъ попеченія» [1]).

Извѣстно также, что въ Сибирское Учрежденіе именно включено правило о томъ, что мѣстные начальники, при обозрѣніи губерній и областей, имѣютъ право принимать просьбы, писанныя не по формѣ и на простой бумагѣ.

Селенгинскіе буряты нѣсколько лѣтъ содержали, безъ переоброчки, 30-ть оброчныхъ статей, за 4.335 р. 25 к. На такомъ порядкѣ отданы были имъ эти статьи и на 1819 г. Но въ этомъ году, по предложенію прокурора, казенная экспедиція распорядилась произвести на оброчныя статьи торги и взыскать съ Бурятъ за прежнее время всю передачу, какая будетъ сдѣлана на торгахъ противъ платившейся ими суммы. Основаніемъ къ такому предположенію экспедиція приняла то, что инородцы несправедливо просили объ оставленіи за ними этихъ статей безъ переоброчки: они представляли о недостаткѣ у нихъ земли, тогда какъ дѣйствительно оказалось у нихъ удобныхъ земель болѣе 23¼ десятинъ на душу.

«На таковое положеніе,—писалъ Сперанскій Цейдлеру, отъ 9 марта 1822 г.,—я не могу изъявить моего согласія. Хотя у Бурятъ не оказалось недостатка въ земляхъ, но всетаки земли у нихъ почти на 7 десятинъ на душу менѣе установленной 30-ти-десятинной пропорціи. По обширному скотоводству у сего народа потребны и большія къ сему удобства: то весьма вѣроятно, что они имѣли и въ означенныхъ оброчныхъ статьяхъ дѣйствительную надобность; слѣдовательно и имѣли причины желать, чтобы оныя оставлены были за ними за выгодную цѣну. Если же все сіе могло быть опровергнуто, то казенная экспедиція, не основываясь на одной просьбѣ ихъ, должна была въ свое время обратить вниманіе на ихъ искательство и постановить преграду ихъ несправедливому жела-

[1]) Св. 200, № 11; Предп. 21 апрѣля 1820 г., № 20.

нію, не упуская изъ виду пользы казенной». По этому онъ распорядился, чтобы экспедиція сообразила это дѣло подробнѣе.

Между тѣмъ на торгахъ выдано было за оброчныя статьи 7.519 р. 25 к. Буряты просили, по несостоятельности ихъ къ платежу этой суммы, оставить статьи за ними за прежнюю цѣну. На этотъ разъ казенная экспедиція нашла, что статьи эти были отданы Бурятамъ въ 1819 г. безъ переторжки впредь до разсмотрѣнія о надѣлѣ ихъ 30 дес. пропорціей по Высочайше утвержденному, 22 августа 1802 г., мнѣнію государственнаго совѣта; что еще не всѣ земли, состоящія въ ихъ владѣніи, измѣрены, а по исчисленію оказывается у нихъ въ недостаткѣ до 150000 десятинъ. Если отобрать отъ нихъ эти земли, то «народъ сей, по обширному у него скотоводству, можетъ придти въ крайнее разстройство». По этому, и на основаніи указовъ 6 марта 1803 и 10 декабря 1819 г. экспедиція полагала оставить земли за Бурятами на прежнемъ оброкѣ. О томъ же просилъ и Цейдлеръ, «удостовѣрясь при личномъ обозрѣніи Верхнеудинскаго уѣзда, сколь велики ихъ нужды и недостаточно состояніе платить сумму, при переторжкѣ наддаииую». Сперанскій, отъ 7 іюня 1822 г. представилъ о томъ министру финансовъ [1]).

Кромѣ того, при Сперанскомъ разсматривались два, совершенно незначительныхъ, дѣла о городскихъ выгонахъ. Киренскіе жители жаловались на неудобство отведеннаго имъ выгона и просили замѣнить его другимъ; но губернское правительство нашло невозможнымъ удовлетворить это ходатайство. Подъ выгонъ Илимску предполагалось отвести 268 дес. 752 саж., о чемъ отъ Сперанскаго было представлено сенату 14 Іюля 1820 г. [2]). Изъ дневника его видно, что въ Томской губерніи происходилъ споръ между губернскимъ и горнымъ начальствомъ о принадлежности земель за Абаканомъ, на которыхъ жили калмыки и двоеданцы. Споръ этотъ былъ разрѣшенъ законодательнымъ порядкомъ, при изданіи Сибирскаго Учрежденія [3]).

По Иркутской губерніи было обмежевано земель: въ 1820 г. 94628 дес. 649 кв. саж.; въ 1821—4710 дес. $25^3/_4$ кв. саж. [4]).

Общее предположеніе о приведеніи въ извѣстность Сибирскихъ земель хотя и занимало Сперанскаго, но осталось неисполненнымъ по причинамъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

---

[1]) Св. 319, № 19.

[2]) Св. 200, № 3.

[3]) Дневникъ. П. С. З. 29124.

[4]) Св. 15, № 31.

Дѣятельность Сперанскаго по взиманію казенныхъ сборовъ, по самому роду дѣла, не могла быть значительна. Она ограничилась немногими распоряженіями и разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ жалобъ. Такъ, въ 1820 г., крестьяне изъ поселенцевъ Кускутской станціи жаловались на преждевременное обложеніе ихъ податьми. Оказалось, что они обложены уже чрезъ семь лѣтъ по приходѣ, слѣдовательно воспользовались трехлѣтней льготой, предоставленной имъ по положенію 1806 года [1]. Въ іюлѣ и августѣ 1821 г. накопилось недоимокъ, зависящихъ отъ губернскаго начальства, 90.000 руб. Сперанскій [2] просилъ Цейдлера употребить дѣятельнѣйшія мѣры «ко взысканію оныхъ и къ содержанію на будущее время недоимокъ въ умѣреннѣйшемъ состояніи». Къ январю 1822 г. эти недоимки уменьшились до 57.000 руб. (всѣхъ недоимокъ было 462.111 руб. 66½ коп., въ томъ числѣ состоявшихъ на отчетѣ губернскаго начальства 57.504 руб. 48 коп.).

Въ Гижигѣ, между прочимъ, поступало въ ясакъ такъ называемое оленье *гарно*: пыжики, недоросли, выдѣланныя ровдуги и оленьи кожи. Доставлять ихъ въ Иркутскъ было затруднительно, а между тѣмъ въ нихъ встрѣчалась надобность для солдатъ и пр. въ Охотскѣ. Сперанскій, 20 апрѣля 1820 г., распорядился, чтобы гарно продавалось съ аукціона на мѣстѣ [3]. Впослѣдствіи, по представленію Ушинскаго о крайней бѣдности Гижигинскихъ инородцевъ, онъ входилъ къ министру финансовъ съ представленіемъ о томъ, чтобы взносимое ими въ ясакъ гарно принималось по той самой цѣнѣ, по какой оно будетъ продано казною [4].

Нижнеудинскій исправникъ представлялъ, что 100 человѣкъ карагасъ умерли отъ оспы, и въ числѣ ихъ 34 человѣка самыхъ зажиточныхъ. Исправникъ просилъ объ уменьшеніи ихъ ясака. Сперанскій, отъ 2 декабря 1820 г., требовалъ объ этомъ мнѣнія Цейдлера. Послѣдній постарался уладить дѣло и донесъ, что новый исправникъ, Лосевъ, представилъ ему согласіе карагасъ, которымъ они, «безъ всякаго настоянія», приняли на себя платежъ ясака и за умершія души, до новой ревизіи [5].

Еще Пестель, по ходатайству Рикорда, представлялъ министерству финансовъ о томъ, чтобы изъ 1726 ревизскихъ душъ, чис-

---

[1] Св. 180, № 118.

[2] 1 сентября и 10 ноября 1821 г. Св. 180. Выше (въ главѣ о хлѣбной торговлѣ), мы привели уже предписаніе Сперанскаго Зеркалееву, въ которомъ предписывалось принять мѣры къ пополненію недоимокъ за 1820 годъ.

[3] Св. 181, № 110.

[4] Св. 180, № 9, прилож.

[5] Св. 180, № 13; Св. 348, № 13.

лившихся по Камчаткѣ, исключить 1208 изъ оклада; чтобы при всякой переписи, которая, по 68 § полож. о Камчаткѣ, должна была производиться каждыя 10 лѣтъ, считать дѣйствительными плательщиками только способныхъ, и чтобы было исключено со счетовъ 279 р. 67½ к. недоимки, числившейся на 3-хъ весьма малолюдныхъ селеніяхъ. «Будучи извѣстенъ, какъ уменьшилось число камчадалъ, могущихъ платить ясакъ безъ отягощенія, и какими затрудненіями сопровождается производимый нынѣ сборъ», Сперанскій, отъ 9 Іюня 1820 г., повторилъ ходатайство Пестеля [1]).

Между тѣмъ сенатъ, отъ 14 ноября 1819 г., согласно съ представленіемъ мѣстнаго начальства, предписалъ сложить ясакъ съ бѣдныхъ инородческихъ родовъ и разложить его на многолюдные [2]).

Въ 1820 г. Иркутское духовное начальство просило, чтобы служители архіерейскаго дома, увольняемые за старостью отъ службы при домѣ, были исключаемы изъ оклада податей. Казенная экспедиція не согласилась на это, по неимѣнію въ виду закона. Преосвященный Михаилъ, въ маѣ 1820 г., жаловался Сперанскому, но получилъ слѣдующій отвѣтъ (отъ 28 іюля 1820 г.): «Не могу не согласиться съ положеніемъ казенной экспедиціи: ибо нѣтъ въ виду яснаго закона, по коему бы можно было исключить ихъ изъ оклада безъ особаго на то разрѣшенія; и при всемъ желаніи сдѣлать вамъ угодное, я не могу иначе удовлетворить вашему объ нихъ ходатайству, какъ представить токмо о семъ на уваженіе высшаго начальства; до того же времени должны они оставаться въ теперешнемъ ихъ положеніи [3])».

Но важнѣйшимъ дѣломъ въ этомъ родѣ было опредѣленіе размѣровъ ясака посредствомъ особыхъ ясачныхъ коммисій, что̀ относится уже къ другому періоду дѣятельности Сперанскаго.

По именному указу, 1 мая 1819 г., срокъ на обмѣнъ крупныхъ ассигнацій стараго образца на новыя назначенъ былъ съ 1 іюля 1819 по 1 января 1820 г. Срокъ этотъ, по указу 8 октября 1819 г., продолженъ въ Сибири до 1 августа 1820 г. Для обмѣна мелкихъ ассигнацій, по указу 20 октября 1819 г., назначенъ былъ срокъ съ 1 января 1820 по 1 января 1821 г. Но обмѣнъ не успѣлъ совер-

1) Св. 180, № 7.
2) Св. 180, № 9.
3) Св. 108, № 7.

шиться къ назначенному сроку. Главною причиною этого была отдаленность многихъ мѣстъ и трудность сообщеній. Возникла не лишенная интереса переписка объ обмѣнѣ ассигнацій и послѣ срока.

Втеченіи 1819 г. по всей Имперіи производился обмѣнъ старыхъ ассигнацій на новыя, выпуска 1818 г. Тобольская казенная палата исчислила сначала потребность въ новыхъ ассигнаціяхъ 1.300.000 руб. Этой суммы оказалось недостаточно. Палата испросила дополнительный отпускъ въ 2.800.000 р.; принимая въ соображеніе оборотъ однѣхъ только казенныхъ суммъ, она полагала, что для обмѣна частныхъ капиталовъ будетъ назначенъ годовой срокъ. Но указомъ 1 мая 1819 г. на обмѣнъ ассигнацій былъ назначенъ общій полугодовой срокъ. Палата нашлась въ необходимости просить новаго дополнительнаго отпуска, и притомъ въ 3.000.000 рублей. Она представила о томъ министру финансовъ, а Сперанскаго просила подкрѣпить ея ходатайство. Донесеніе палаты застало Сперанскаго на пути въ Сибирь, въ Казани; онъ тогдаже снесся съ министромъ. «Хотя назначеніе палаты и кажется высокимъ, писалъ онъ по этому поводу, но, по объясненію моему съ здѣшнимъ купечествомъ, не совсѣмъ выходитъ изъ вѣроятности. Можно бы было нѣсколько точнѣе его опредѣлить, если бы здѣсь извѣстно было, что въ смежной Пермской губерніи, а особливо въ Екатеринбургѣ, гдѣ многія части здѣшней торговли сходятся и оканчиваются, сдѣлано достаточное назначеніе». Свѣдѣній изъ Иркутской и Томской губерній онъ не имѣлъ; еслибы тамъ оказалась надобность въ дополнительномъ назначеніи, то на покрытіе ея могъ быть обращенъ избытокъ Тобольской губерніи. Палата затруднялась, какъ поступать ей въ такомъ случаѣ, если будутъ поступать требованія на большія суммы ассигнацій прежде, нежели она получитъ дополнительный отпускъ. Она полагала принимать старыя ассигнаціи и выдавать предъявителямъ квитанціи. Сперанскій нашелъ такое средство не только многосложнымъ, но и очень удобнымъ для подлоговъ и злоупотребленій. Это привело его къ разсмотрѣнію вопроса о срокѣ. Назначеніе общаго срока имѣетъ свои выгоды въ началѣ обмѣна; но въ половинѣ или въ концѣ его, нужно будетъ отложить его для Сибири еще на полгода. До отдаленныхъ частей Сибири, далѣе Охотскаго порта, куда почта ходитъ только два раза въ годъ, самое постановленіе объ открытіи промѣна дойдетъ уже почти при истеченіи срока, а въ Американскихъ нашихъ владѣніяхъ—и еще позже. Между тѣмъ наши ассигнаціи обращаются какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Америкѣ, и

даже предпочтительно предъ монетой. Вообще въ Сибири не замѣтно разницы между цѣнностью серебра и ассигнацій; всѣ разсчеты идутъ на ассигнаціи безъ всякаго повышенія или пониженія. По этому не слѣдуетъ разрѣшать палатѣ выдачи квитанцій, а лучше обнадеживать предъявителя скорою высылкой ассигнацій или отсрочкой, записывая только предъявляемыя суммы въ перечневой счетъ [1]).

Ходатайство Сперанскаго о продолженіи срока на обмѣнъ крупныхъ ассигнацій было уважено: указомъ 8 октября 1819 г. срокъ этотъ былъ продолженъ для Сибири до 1 августа 1820 г. На обмѣнъ мелкихъ ассигнацій, по указу 20 октября 1819 г., назначенъ былъ годичный срокъ съ 1 января 1820 по 1 января 1821 г. Но и къ этимъ новымъ срокамъ обмѣнъ не успѣлъ еще окончиться, преимущественно по отдаленности многихъ мѣстъ и трудности сообщеній. Возникла не лишенная интереса переписка объ обмѣнѣ ассигнацій и послѣ новыхъ сроковъ.

Въ сентябрѣ 1820 г. въ Иркутскую казенную экспедицію было прислано 1.500.000 руб. ассигнацій новаго образца, кромѣ высланныхъ уже прежде. Срокъ для обмѣна крупныхъ ассигнацій уже минулъ, и потому эти деньги предполагалось употребить только на обмѣнъ квитанцій, выданныхъ за старыя ассигнаціи. Министръ увѣдомилъ объ этомъ Сперанскаго. Послѣдній потребовалъ отъ казенной экспедиціи свѣдѣній, сколько выдано этихъ квитанцій по 1 августа. Если бы гдѣ нибудь оказались невымѣненныя крупныя ассигнаціи стараго образца, то Сперанскій предписывалъ, невымѣнивая ихъ на новыя и не выдавая за нихъ квитанціи, только хранить ихъ, когда онѣ будутъ предъявлены въ казначейство, записывая имена предъявителей, и представить регистры имъ къ 1 января 1821 г. для испрошенія объ нихъ дальнѣйшихъ повелѣній [2]). Къ 1 февраля 1821 г. въ Сибири накопилось поступившихъ послѣ срока ассигнацій крупныхъ на 25.325 р. и предъявлено мелкихъ до 35.000 р. Почти вся послѣдняя сумма осталась у крестьянъ, жившихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, у Бурятъ и Тунгусовъ отъ медленности сообщеній, отъ «необразованности» народа и по другимъ причинамъ. Министръ финансовъ, находя, «по многимъ причинамъ», неудобнымъ ходатайствовать о новой отсрочкѣ для Сибири, согласился дозволить обмѣнъ, если и Сперанскій не встрѣ-

---

[1]) Переписка: оп. къ м. ф. 13 мая 1819 г.

[2]) Тутъ же требовалось свѣдѣніе, сколько дѣйствительно поступило въ промѣнъ старыхъ и сколько осталось въ избыткѣ новыхъ ассигнацій; крупныхъ—по 1 августа, мелкихъ—по 1 сентября.

тить къ тому препятствій, и предоставилъ ему сдѣлать распоряженія, чтобы Иркутская казенная экспедиція обмѣняла на новыя всѣ мелкія ассигнаціи, предъявленныя ей до полученія предписанія о томъ Сперанскаго. Послѣдній призналъ эту мѣру «весьма справедливою» и сдѣлалъ $^{8}/_{10}$ мая 1821 г. соотвѣтственное тому распоряженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ министру, что отъ Тобольскаго губернатора получено 875 р., предъявленныхъ недостаточными людьми, и просилъ разрѣшенія на обмѣнъ ихъ. Сперанскій писалъ, что хотя и было разрѣшено размѣнять ихъ въ Тобольскѣ, но это оказалось невозможнымъ, потому что всѣ ассигнаціи новаго достоинства, оставшіяся отъ размѣна, были уже возвращены въ банкъ.

Между тѣмъ въ Камчаткѣ поступило въ государственный доходъ крупныхъ старыхъ ассигнацій на 23.050 р. Иркутская экспедиція просила разрѣшенія на принятіе ихъ въ платежъ податей и повинностей и на продолженіе срока вообще на обмѣнъ ассигнацій по Камчатско-Охотской и Якутской области. Министръ предоставилъ Сперанскому сдѣлать распоряженіе, подобное предъидущему. При этомъ министръ замѣтилъ, что дозволеніемъ продолжать въ этихъ областяхъ срокъ обмѣна могутъ воспользоваться и жители другихъ губерній. Сперанскій, отъ 24 іюня 1821 г., разрѣшилъ экспедиціи принять въ подати и обмѣнять всѣ старыя ассигнаціи, которыя будутъ предъявлены въ этихъ трехъ областяхъ до полученія его предписанія на мѣстахъ, и затѣмъ воспретить пріемъ и размѣнъ всѣхъ ассигнацій, которыя будутъ предъявлены впослѣдствіи [1]).

Въ іюнѣ 1821 г., Тунгусскій князецъ Намтрюкъ внесъ въ Туруханское казначейство 210 р. бумажками стараго образца въ ясакъ за Илимпейскую волость. Министръ финансовъ разрѣшилъ принять эти деньги, если они окажутся не фальшивыми [2]).

31 декабря 1821 г., Сперанскій просилъ министра разрѣшить чиновнику Бронникову, въ Якутскѣ, обмѣнъ на 1.500 р. старыхъ ассигнацій, собранныхъ имъ съ инородцевъ въ уплату долговъ. Министръ отвѣчалъ, что эти ассигнаціи должны быть сначала освидѣтельствованы въ ассигнаціонномъ банкѣ и что, по Высочайшему повелѣнію 17 Іюня 1821 г., ассигнаціи, которыя будутъ представлены къ обмѣну послѣ 31 декабря, не должны быть принимаемы къ обмѣну въ банкѣ. Обмѣнъ этихъ денегъ былъ разрѣшенъ министромъ уже 16 ноября 1822 года.

---

[1]) См. прилож.
[2]) Св. 72, № 5. Предп. Сперанскаго Илличевскому 21 октября 1821 г.

Между тѣмъ Сперанскій, отъ 14 января и 24 февраля, предлагалъ Иркутской казенной экспедиціи представить ему 1.810 р., предъявленныхъ Якутами изъ отдаленныхъ мѣстъ. Деньги эти были представлены къ Сперанскому, а отъ него къ министру и обмѣнены уже въ октябрѣ 1822 г., о чемъ Сперанскій извѣстилъ Лавинскаго письмомъ отъ 17 октября.

6 іюля 1822 г. Сперанскій еще просилъ министра обмѣнять 1.265 р., представленныхъ отъ Якутовъ и Тунгусовъ изъ отдаленныхъ мѣстъ. Министръ просилъ представить эти ассигнаціи ему, для испрошенія Высочайшаго разрѣшенія, которое и было дано въ январѣ 1823 г.

20 мая 1822 г. Сперанскій просилъ Гурьева приказать размѣнять 875 р., посланныхъ въ банкъ Якутскимъ князцемъ Кириллинымъ. Онъ писалъ, что если бы Кириллинъ не отправилъ своихъ ассигнацій въ банкъ, то воспользовался бы разрѣшеніемъ министерства и обмѣнялъ ихъ на мѣстѣ. Гурьевъ сдѣлалъ распоряженіе объ обмѣнѣ и увѣдомилъ Сперанскаго, отъ 25 мая 1822 г., что новыя ассигнаціи не были высланы изъ банка только по неизвѣстности мѣстопребыванія Кириллина [1]).

Бывшій Борогонскій голова Аржаковъ просилъ обмѣнять ему 6.170 р., которыхъ онъ не успѣлъ обмѣнять въ свое время будто бы потому, что былъ болѣнъ до безчувственности. Сперанскій, 8 ноября 1822 г., поручалъ губернатору удостовѣриться въ справедливости его показанія. Высочайшее разрѣшеніе на обмѣнъ этихъ денегъ было испрошено министромъ 31 мая 1823 г.

Это была послѣдняя льгота. Въ 1826 г. пробовалъ просить объ обмѣнѣ ассигнацій купецъ Саламатовъ, но ему было рѣшительно отказано.

Сперанскій не всегда однакожъ брался за подобныя ходатайства. Въ февралѣ 1822 г., крестьянинъ Тарбагатайской волости (Верхнеудинскаго уѣзда) Медвѣдевъ просилъ Цейдлера обмѣнять ему 600 р., потому что онѣ были у него спрятаны и онъ, по старости, забылъ объ нихъ. Но Сперанскій, 16 мая 1822г., увѣдомилъ казенную экспедицію, что Медвѣдевъ «живя въ многолюдномъ селеніи и вблизи города, не могъ не знать объ окончательномъ срокѣ сего вымѣна», и сослался на предписаніе свое 8 мая 1821 г. [2]).

Въ операцію обмѣна ассигнацій вздумала вмѣшаться и дочь Сперанскаго. Какіе-то бѣдняки просили ее послать въ Сибирь для

[1]) Св. 349, № 31.
[2]) Св. 178.

размѣна 725 р. старыхъ ассигнацій. Ассигнаціи пришли уже слишкомъ поздно. Потомъ Сперанскій узналъ, что ихъ можно какъ-то размѣнять въ Петербургѣ, и отправилъ ихъ къ Столыпину. Онъ просилъ Столыпина «ради Бога» доставить ихъ къ его дочери, «чтобы она могла съ ними развязаться» [1]).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Народныя бѣдствія: болѣзни, наводненія.

Говоря о болѣзняхъ, существовавшихъ во время Сперанскаго, мы нашли полезнымъ упомянуть и о тѣхъ, какія существовали въ ближайшее передъ нимъ время. Это мы сдѣлали, отчасти, потому, что нѣкоторыя болѣзни въ періодъ Сперанскаго составляли только продолженіе прежнихъ; отчасти, съ цѣлью имѣть точку сравненія, для опредѣленія степени состоянія народнаго здоровья при Сперанскомъ. Сообщаемыя нами свѣдѣнія по этому предмету относятся исключительно къ Иркутской губерніи.

Въ 1817 г., въ Урлукской волости существовала горячка, «обыкновенная по климату», какъ писалось въ тогдашнихъ донесеніяхъ. Въ Якутскѣ сначала былъ кровавый поносъ, а потомъ, съ ноября, желчная горячка, которая иногда превращалась въ гнилую; она прекратилась только въ мартѣ 1818 г. Въ 1818 г. въ Иркутскѣ существовала простудная болѣзнь, «подобная бывшей въ 1815 г.». Трескинъ напечаталъ и распубликовалъ особыя правила о мѣрахъ къ прекращенію этой болѣзни [2]). Въ началѣ 1819 г., въ Камчаткѣ существовала повальная горячка, отъ которой погибло множество народа [3]).

Управленіе Сперанскаго, вообще говоря, было въ этомъ отношеніи довольно счастливо. Въ 1819 г. въ Иркутской губерніи была корь на дѣтей, но скоро прекратилась [4]). Въ 1820 г. въ Охотскѣ и окрестностяхъ его свирѣпствовали простудный кашель и потомъ эпидимическая горячка; «почти рѣдкій оную не ощущалъ». Больныхъ было 150 человѣкъ, изъ нихъ умерло двое. Въ 1821 г., въ Якутскѣ была натуральная оспа, завезенная изъ Иркутска. Она не нанесла большаго вреда. Миницкій принялъ мѣры,

[1]) Письмо къ Столыпину 7 декабря 1820 г.
[2]) Св. 104, № 8.
[3]) См. главу о Камчаткѣ.
[4]) Св. 104, № 103.

чтобы она не распространилась между Якутами. Въ томъ же году у Аларскихъ братскихъ появилась болѣзнь «съ черными пятнами»; но оказалось, что ею больны только 8 человѣкъ, и что это—ничто иное, какъ обыкновенный сифилисъ [1]).

1807 г. было замѣчено сильное развитіе сифилиса въ Камчаткѣ. На основаніи Высочайшаго указа 20 ноября 1807 г. туда, для излеченія этой болѣзни, былъ посланъ докторъ Шперъ. Онъ выѣхалъ изъ Камчатки, ничего не сдѣлавъ. Впослѣдствіи онъ представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свои предположенія о прекращеніи венерической болѣзни вообще въ Сибири. Гр. Кочубей, отъ 21 октября 1820 г., прислалъ эти предположенія къ Сперанскому; но онъ оставилъ ихъ безъ всякихъ послѣдствій [2]).

Впрочемъ сифилисъ распространенъ былъ въ Камчаткѣ менѣе, нежели показывалось по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ: молодые, неопытные врачи, нерѣдко принимали за сифилисъ цынгу [3]). Вообще мнѣніе о распространеніи сифилиса въ Сибири было слишкомъ преувеличено.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Тобольскъ, Сперанскій получилъ донесеніе Трескина отъ 16 апрѣля 1819 г., о сообщенныхъ ему Ушинскимъ слухахъ, что между Чукчами по Анадыру существуетъ зараза, которая можетъ перейти и на русскихъ, живущихъ въ Анадырской деревнѣ. Извѣстіе это было сомнительно. Сперанскій, чрезъ почтдиректора А. С. Осипова распросилъ бывшаго тогда въ Тобольскѣ Камчатскаго почтоваго экспедитора; но не узналъ ничего достовѣрнаго. «Съ первою почтою поспѣшаю изъявить вамъ мое опасеніе, писалъ Сперанскій Трескину отъ 31 мая, чтобъ мѣстное начальство не упустило чего нибудь нужнаго въ своихъ распоряженіяхъ. Въ обстоятельствѣ столь важномъ и малою вѣроятностью пренебрегать не должно; а потому и прошу васъ обратить на дѣло сіе всевозможное вниманіе, и снабдить Охотское начальство точными предписаніями на случай, если бы мѣстнымъ изслѣдованіемъ князя Шаховского [4]) донедшіе слухи хотя мало подтвердились». Ушинскому Сперанскій тогда же предписывалъ—если этотъ слухъ не будетъ опровергнутъ изслѣдованіемъ, «принять, какъ въ самомъ

---

[1] Св. 104, № 8, Св. 125, № 12, Св. 348, № 11, т. I, письмо Миницкаго отъ 10 февраля 1821 г.

[2]) Св. 104, № 11.

[3]) Отчетъ.

[4]) Шаховской находился тогда въ Гижигѣ.

Охотскѣ, такъ и въ приморскихъ по Гижигинскому коммисарству мѣстахъ, всѣ мѣры, карантиннымъ уставомъ на случаи сіи установленныя».

Эта тревога, впрочемъ, была совершенно напрасная. Оказалось, что слухъ о заразѣ у Чукчей не имѣлъ никакого основанія; что поводомъ къ нему былъ голодъ, постигшій одно изъ ихъ стойбищъ и что, наконецъ, это происшествіе случилось въ разстояніяхъ, весьма отдаленныхъ отъ нашей границы [1].

На дальнемъ сѣверѣ, въ Среднеколымскомъ и Зашиверскомъ коммисарствахъ, съ давняго времени свирѣпствовали двѣ ужасныя и родственныя между собой болѣзни. Это были проказа и сифилисъ. Особенно распространились онѣ съ 1810 г. Зараженные которою нибудь изъ этихъ болѣзней дѣлались непремѣнною ея жертвой [2]. Въ 1815 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, командированъ былъ въ Нижнеколымскъ, для прекращенія этихъ болѣзней, докторъ Ресленнъ. Этотъ искусный, добросовѣстный и преданный своему дѣлу человѣкъ принесъ огромную пользу страждущимъ; имя его и до сего времени съ благодарностью вспоминается въ томъ краѣ [3]. Къ сожалѣнію, благотворная его дѣятельность была непродолжительна; онъ умеръ въ 1817 г., жертвою суроваго климата. Смерть его, по словамъ Кубера, была невознаградимой потерей для Сибири. Вмѣсто него былъ посланъ въ Среднеколымскъ, въ томъ же году, лекарь Томашевскій. Минцкій, отъ 10 августа 1820 г., представилъ Сперанскому составленное Томашевскимъ описаніе сифилиса и проказы. «Я желалъ бы, отвѣчалъ ему Сперанскій отъ 11 октября 1820 г., чтобы сія послѣдняя болѣзнь, столь ужасная по своему гибельному для Якутовъ вліянію, была подробнѣйшимъ образомъ изслѣдована и точнѣйшимъ бы образомъ были опредѣлены средства къ ея прекращенію». Онъ поручалъ Минцкому «просить» отъ его имени доктора Кибера, назначеннаго въ экспедицію Врангеля, чтобы онъ занялся подробнымъ изслѣдованіемъ проказы и составилъ описаніе ея. «Я ему за то буду благодаренъ»—прибавлялъ Сперанскій [4].

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ исправлявшаго должность Якутскаго областнаго начальника, Ачкасова, Киберъ дѣйствовалъ весьма неудовлетворительно. Ачкасовъ доносилъ, отъ 8 февраля 1822 г., что Киберъ, по пріѣздѣ въ Среднеколымскъ 10 февраля

---

[1]) Св. 104, № 29; отнош. къ м. в. д. 21 октября 1819 г.
[2]) Св. 104, №№ 3, 10.
[3]) Анатовскій, Аргентовъ.
[4]) Св. 104, № 10, прилож.

1821 г., не сдѣлалъ никакихъ распоряженій по этому предмету и проѣхалъ въ Нижнеколымскъ. Оттуда, чрезъ Врангеля, Киберъ потребовалъ отъ коммисара: 1) удобнаго дома для помѣщенія двухъ больныхъ проказой; 2) исправнаго человѣка для прислуги въ домѣ; 3) двѣ ванны; 4) чтобы больные ни въ чемъ не нуждались; 5) чтобы къ нему, Киберу, былъ присланъ изъ Среднеколымска лекарскій ученикъ Климовскій, и 6) чтобъ въ Нижнеколымскъ были доставлены двое больныхъ, по его назначенію, съ урочища Буталахъ, гдѣ существовала больница. Коммисаръ Уваровскій все это исполнилъ; но на вопросъ его, какихъ больныхъ нужно выслать, Врангель отвѣчалъ, что домъ для нихъ не готовъ, и потому Киберъ больныхъ еще не требуетъ. Во время проѣзда Кибера въ Нижнеколымскъ князецъ Бережной представлялъ ему, для излеченія отъ болѣзни, свою жену и племянницу. Киберъ велѣлъ доставить ихъ въ Нижнеколымскъ. Бережной исполнилъ это еще весной, но Киберъ не оказалъ имъ никакого пособія и отослалъ обратно при запискѣ отъ 18 іюля, въ которой просилъ коммисара отпустить ихъ осенью въ новопостроенный госпиталь и, не помѣщая въ Среднеколымскій лазаретъ, позволить поселиться въ пустомъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей. Анкасовъ поручилъ чиновнику Гельмерсену, командированному для производства слѣдствія надъ Уваровскимъ, убѣдить Кибера, не пересылать больныхъ на разстояніи 450 верстъ, чтобы не подвергнуть ихъ крайнему разоренію, а другихъ заразѣ, и лечить ихъ въ существовавшихъ уже больницахъ, учрежденныхъ тамъ, гдѣ было болѣе зараженныхъ [1]).

Между Уваровскимъ и Врангелемъ были личности. Вообще коммисаръ смотрѣлъ непріязненно на экспедицію Врангеля, и потому донесеніе его о Киберѣ могло быть преувеличено. Но во всякомъ случаѣ Киберъ отнесся къ дѣлу довольно поверхностно. Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Нижнеколымскъ, какъ уже отправилъ къ Сперанскому свое донесеніе о проказѣ при письмѣ отъ 28 марта 1821 г. Одною изъ причинъ распространенія проказы онъ считалъ совершенное отсутствіе порядочнаго медицинскаго управленія въ краѣ. Больница, въ которой помѣщались больные, по словамъ Кибера, находилась въ жалкомъ положеніи. Она была выстроена въ болотистой мѣстности, въ 50 верстахъ отъ Среднеколымска, и состояла изъ 2-хъ юртъ и русской избы. Ровный и теплый воздухъ въ юртахъ былъ невозможенъ. Неуспѣхъ леченія болѣзни происходилъ отъ незнанія основныхъ причинъ ея: «описаніе Томашевскаго достаточно доказы-

---

1) Св. 104, № 10; донес. Анкасова 8 февраля 1822 г.

вастъ это». Не обращалось вниманія ни на чистоту, ни на діэту; медикаментовъ вовсе не было. Въ этомъ заключалась сущность донесенія Кибера. Оно оканчивалось насмѣшкой надъ терапевтикой Томашевскаго. О сущности болѣзни—ни слова [1]).

Въ замѣткахъ о своемъ путешествіи, которыя впослѣдствіи Киберъ представлялъ Сперанскому, онъ говоритъ нѣсколько словъ и о проказѣ. По словамъ его, это—не что иное, какъ видоизмѣненіе сифилиса. «Пища, отсутствіе ухода и дурное устройство жилищъ составляютъ почти неотвратимыя препятствія къ исцѣленію этой болѣзни. Однакожъ опытъ убѣдилъ меня, что ее можно радикально излечивать. Но вообще, здѣсь болѣе необходимы полицейскія, нежели терапевтическія мѣры». Киберъ говоритъ, что онъ составилъ подробное описаніе болѣзни. Намъ неизвѣстно, было ли оно издано. По словамъ Кибера, успѣхи этой болѣзни вообще были не такъ быстры, какъ обыкновенно думали. Она не сопровождалась такими страшными симптомами, какъ напр. siphilis. Тѣмъ не менѣе, ее страшно боялись: ибо не было примѣра, чтобы больной выздоровѣлъ. Всѣ опасались зараженнаго ею. По повѣрью Якутовъ, можно заразиться отъ одного вида этой болѣзни. Больнаго переносили въ жалкую хижину, пищу подавали ему на извѣстномъ разстояніи. Больной иногда десятки лѣтъ долженъ былъ проводить въ убійственномъ одиночествѣ. Болѣзнь эта, по замѣчанію Кибера, наслѣдственна; но невѣжественный народъ не въ состояніи понимать этого.

Киберъ занимался излеченіемъ и другой губительной для тѣхъ странъ болѣзни,—оспы. По пріѣздѣ его въ Лабазный острогъ, къ нему со всѣхъ сторонъ стеклись страждущіе этой болѣзнью. «Страшно было видѣть этихъ несчастныхъ,—пишетъ онъ въ своихъ замѣткахъ. Нельзя себѣ представить, какія бѣдствія производитъ эта болѣзнь втеченіи многихъ лѣтъ въ такомъ суровомъ климатѣ. Никакой врачъ не могъ придти на помощь этимъ несчастнымъ. Оспа здѣсь не походитъ на ту же болѣзнь въ Европѣ. Черты лица совершенно исчезаютъ; часто невозможно опредѣлить мѣста отдѣльныхъ частей носа, глазъ и проч. Вотъ какъ я лечилъ этихъ больныхъ. Я покрывалъ лѣтнюю избушку ивовыми вѣтвями, а стѣны и полъ ея—олеными кожами; клалъ больнаго *въ полóкъ*, и старался поддерживать огонь день и ночь. Не смотря на внѣшній холодъ, въ моемъ госпиталѣ было довольно тепло. Мои усилія увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ. Чрезъ 18 дней я оставилъ

---

[1]) Св. 104, № 10. См. прилож.

моихъ больныхъ сопровождавшимъ меня ученикамъ, почти совершенно здоровыми; этимъ, я думаю, они болѣе всего обязаны своему крѣпкому сложенію. Я не могъ возвратить имъ потерянные члены, но жизнь ихъ была на нѣкоторое время обезпечена. Одинъ больной, два года назадъ потерявшій зрѣніе, снова сталъ видѣть» [1]. Мы не можемъ судить, на сколько справедливы эти извѣстія, нѣсколько хвастливыя по своему тону.

Сперанскій, отъ 17 сентября 1821 г., отправилъ письмо и рапортъ Кибера о проказѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ. «Хотя свѣдѣнія, имъ доставленныя, писалъ Сперанскій, не довольно обстоятельны, изъ оныхъ однакоже видно, что обитатели сего края дѣйствительно страждутъ прилипчивыми болѣзнями и что медицинскія пособія тамъ почти ничтожны.

«Не бывъ въ состояніи судить о средствахъ, имъ предлагаемыхъ, я счелъ нужнымъ просить ваше сіятельство, не угодно ли будетъ бумаги сіи предложить медицинскому совѣту и истребовать его мнѣніе.

«Съ моей стороны я считаю нужнымъ слѣдующія примѣчанія:

«1. Устроить порядочную больницу въ пустынѣ почти необитаемой, въ разстояніи около 5000 верстъ отъ Иркутска, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни плотниковъ, ни печниковъ, или близкаго строеваго лѣсу и гдѣ морозы 35° есть вещь обыкновенная, не есть конечно дѣло легкое. Совсѣмъ тѣмъ не считаю я невозможнымъ, при попеченіи мѣстнаго Якутскаго начальства, сдѣлать что нибудь въ семъ родѣ лучшее, нежели что доселѣ существовало, если начальству сему доставлены будутъ отъ Иркутскаго приказа достаточныя денежныя средства.

«2. Снабдить сей госпиталь лекарствами также не есть дѣло удобное. Можно однакоже нѣкоторыя изъ веществъ, въ каталогѣ доктора Кибера означенныхъ, доставить изъ Петербурга. Я не могу опредѣлить число и родъ сихъ послѣднихъ безъ продолжительной съ Иркутскою управою переписки; но медицинскій совѣтъ мо-

---

[1] Киберъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о другихъ болѣзняхъ, существующихъ у сѣверныхъ инородцевъ. О глазныхъ болѣзняхъ: лѣтомъ глазъ поражается отсутствіемъ тѣни, зимою—ѣдкимъ дымомъ въ юртахъ и яркимъ отраженіемъ снѣга. Особенно много кривыхъ. У кривыхъ и больныхъ глазами существуетъ «странный» обычай—прикладывать ко лбу горячую пластинку. Болѣе общая болѣзнь катарръ легкихъ, который переходитъ въ родъ Phthysis. Впрочемъ эта болѣзнь, повидимому, не опасна, такъ какъ съ нею проживаютъ до 70 лѣтъ. У инородцевъ, живущихъ по Анюямъ - Якутовъ и Юкагиръ, сильно дѣйствуютъ оспа и сифилисъ. Особенно свирѣпствуетъ послѣдняя болѣзнь. Киберъ, по словамъ его, сдѣлалъ надъ нею любопытныя наблюденія.—Св. 348, № 11, т. II.

жетъ съ вѣроятностію означить, какія изъ сихъ лекарствъ могутъ находиться въ Иркутскѣ, и какія должно будетъ отправить отсюда (изъ С.-п.-бурга).

«3. Но всѣ сіи средства будутъ ничтожными безъ искуснаго и усерднаго лекаря. Томашевскій, о коемъ докторъ Киберъ упоминаетъ съ нѣкоторымъ униженіемъ, былъ въ томъ краю около 3½ лѣтъ, и, если вѣрить донесеніямъ мѣстнаго начальства, былъ тамъ не безъ пользы, истощилъ свое здоровье, и по совершенному его разстройству возвратился въ Якутскъ, какъ мѣсто, коего климатъ и образъ жизни, въ сравненіи съ Колымою, представлялся ему средствомъ къ возстановленію истощенныхъ силъ его» [1].

Одною изъ главныхъ причинъ эпизоотіи была изнурительная перевозка тяжестей изъ Якутска въ Охотскъ. Скотскіе падежи по этому тракту происходили каждый годъ; дѣйствіе ихъ было опустошительно. Особенно сильный падежъ существовалъ въ 1818 г. Зараза дѣйствовала не только на скотъ, но и на людей. Въ перевозкѣ тяжестей встрѣтились величайшія препятствія. Всего погибло въ этомъ году,—по одному счету 3692 гол., на 295.392 р. 55 к., кромѣ отнесенныхъ на счетъ Якутовъ расходовъ за перевозку тяжестей; по другому—4498 гол., въ томъ числѣ 4403 лошади, на 279.166 р. [2].

Въ этомъ году были изданы подробныя правила о прекращеніи заразы; но онѣ, повидимому, не приносили ни какой пользы, потому что не устраняли самой причины бѣдствія. Въ первыхъ числахъ іюня 1819 г. открылся падежъ на лошадей какъ по тракту между Якутскомъ и Охотскомъ, такъ и около Охотскаго порта. Болѣзнь называлась *шатунъ*. Она примѣтно уменьшилась къ августу, и прекратилась 4 августа. На станціяхъ пало 159 лошадей и 37 гол. рогатаго скота. Изъ частныхъ свѣдѣній Сперанскій, въ отношеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 1 октября 1819 г., заключалъ, что падежъ на скотъ былъ не менѣе существовавшаго въ предъидущемъ году когда однѣхъ лошадей погибло до 10000 [3]. Дѣйствительно, по подробному исчисленію оказалось, что въ этомъ году погибло по Охотскому тракту всего 4312 лошадей и 343 гол. другаго скота, на 350.512 р. 95 к. [4]. Въ 1820 г., вслѣдствіе измѣ-

---

[1]) Св. 104, № 10.
[2]) Св. 104, № 8.
[3]) Св. 104, № 30; св. 125, № 12.
[4]) Св. 104, № 8.

ненія способа перевозки тяжестей (большая часть ихъ была назначена къ отправкѣ зимой, когда зараза обыкновенно прекращается) погибло, всего 1714 лошадей, въ томъ числѣ лѣтомъ 40 л., а изъ погибшихъ зимою—28 не отъ заразы, а отъ усталости. Сумма потери въ лошадяхъ составляла 127.410 р., кромѣ того разныхъ другихъ убытковъ получено на 6.972 р. 28 к. Наконецъ въ 1821 г., когда лѣтней доставки вовсе не было, не было и заразы, и скотскаго падежа [1].

Скотскіе падежи въ другихъ мѣстахъ Иркутской губерніи были менѣе опустошительны и имѣли только частный характеръ. Такъ въ 1817 г. существовала въ Иркутскѣ и окрестностяхъ его, особенно въ Кудинской волости, болѣзнь на рогатый скотъ, названная въ современныхъ донесеніяхъ ракомъ на языкѣ. Въ томъ же году въ Киренскомъ уѣздѣ существовала болѣзнь на лошадей, которая въ мѣстныхъ донесеніяхъ названа чесоткой. Эта болѣзнь была заразительна—ею заражено было 90 лошадей. Она происходила отъ худыхъ кормовъ: было весьма мало сѣна, вслѣдствіе затопленія луговъ Леной. Въ разныхъ мѣстахъ между Верхнеудинскомъ и Нижнеудинскомъ въ 1816—1821 г. повторилась Сибирская язва, «имѣющая всегдашнее сѣдалище въ мѣстахъ болотистыхъ». Въ 1817 г. она похитила 151 лошадь и 21 гол. рогатаго скота. Въ 1818 г. въ Верхнеудинской округѣ, по р. Илѣ, у Хоринцевъ умерла отъ этой болѣзни одна женщина и пало 26 гол. разнаго скота; въ Нерчинскомъ уѣздѣ, по урочищамъ р. Обжога, близъ Ильинской волости, по тракту къ Акшинской крѣпости и по Городищенской волости, у тѣхъ же Хоринцевъ пало 62 лошади [2]. Неизвѣстно, существовала ли эта болѣзнь въ 1819 году; но въ 1820 г. она опять появилась у Хоринцевъ и по р. Агѣ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ. Въ то же время въ Улдуринскомъ селеніи Нерчинской округи пало 39 лошадей отъ болѣзни, которую тоже едвали не слѣдовало считать Сибирскою язвой. Въ 1821 г. въ Зиминской слободѣ открывалась Сибирская язва. Она скоро прекратилась въ Иркутскомъ уѣздѣ, за то открылась въ Верхнеудинскомъ. Въ 1822 г. въ Устьрубахинскомъ сел. Нижнеудинскаго уѣзда открылась болѣзнь на рогатый скотъ; она оказалась незаразительною и вскорѣ прекратилась [3]. Въ 1822 г. въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ существовала чума рогатаго скота [4].

[1]) Св. 213, № 15.
[2]) Св. 104, № 8.
[3]) Св. 63, № 23.
[4]) Св. 104, № 8.

Однимъ изъ самымъ гибельныхъ бѣдствій въ этомъ родѣ былъ также падежъ на собакъ въ мѣстахъ прилегающихъ къ Ледовитому морю. Эта необыкновенная въ томъ краѣ болѣзнь продолжалась съ 1821 по 1823 г. во все время продолженія экспедиціи Врангеля и Анжу. Она совершенно разорила жителей и много повредила успѣху экспедицій. Поразительное описаніе этого бѣдствія помѣщено у Врангеля. Другой очевидецъ, Киберъ, говоритъ объ немъ слѣдующее: «Собаки, принадлежащія къ породѣ *canis pastoralis*, замѣняютъ здѣсь вьючныхъ животныхъ. Въ Нижнеколымскѣ, по Анюямъ и Омолону, считалось ихъ 3000. Эпидемія истребила почти всѣхъ ихъ въ нѣсколько недѣль. Эта эпидемія въ первый разъ появилась въ здѣшнихъ мѣстахъ и неизвѣстна въ Европѣ. Признаки болѣзни: собака становится печальною, ничего не ѣстъ, глаза мутны, изъ носу течетъ слизь. Часто они сопровождаются болью въ желудкѣ. *Secretis aloi* прекращается; собака умираетъ въ конвульсіяхъ, большею частью въ сутки; но иногда страданія продолжаются нѣсколько дней и даже недѣль. Въ минувшемъ (1821) году эта болѣзнь свирѣпствовала по Индигиркѣ; сообщенія этого края съ Колымой не прерывались: послѣдствія можно было предвидѣть. Я думаю, что эпидемія эта происходитъ отъ *constitutia annua*. Заразительность ея опровергается тѣмъ, что она появилась одновременно въ разныхъ мѣстахъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ и совершенно разобщенныхъ между собой; что она уменьшилась съ прекращеніемъ морозовъ и возобновилась съ наступленіемъ холодовъ 1822 г.; а холодъ, по моему мнѣнію, скорѣе препятствуетъ, нежели содѣйствуетъ заразѣ. Начальникъ экспедиціи принялъ сильныя мѣры къ сохраненію своихъ собакъ для морскаго путешествія. Но онѣ долго еще чувствовали слѣды болѣзни, особенно слабость въ тѣлѣ и преимущественно въ спинѣ, которая какъ будто горбилась. Лечить больныхъ собакъ было невозможно, по недостатку средствъ. Antimonium, особенно *Tartarus emeticus*, повидимому, приносили пользу» [1]).

Въ 1820 г. въ Томской губерніи особенно свирѣпствовала обыкновенная эпизоотія этихъ краевъ—чума рогатаго скота. Это было единственно серьезное обстоятельство, тревожившее Сперанскаго во время возвращенія его чрезъ Томскую губернію изъ Иркутска. Къ прекращенію заразы были приняты всевозможныя мѣры, но за успѣхъ ихъ невозможно было ручаться. Втеченіи лѣта пало до 4000 головъ, по самой низкой цѣнѣ на 300.000 р. [2]).

---

[1]) Св. 348, № 11, т. II.

[2]) Переписка и письмо къ Кочубею 29 сентября 1820 г.

Наводненія въ прежнее время особенно часто случались по Иркутской губерніи. Въ 1816 г. отъ разлива р. Лены сильно потерпѣли Приленскіе жители Иркутскаго и Киренскаго уѣздовъ. Убытокъ по первому простирался до 170.775 р. 33 к., по послѣднему до 9.270 р. Трескинъ самъ осмотрѣлъ мѣстности, потерпѣвшія отъ наводненія. Онъ пригласилъ купечество къ пожертвованіямъ въ пользу потерпѣвшихъ. Кромѣ того было ассигновано отъ казны въ пособіе жителямъ Иркутскаго уѣзда 10.000 и Киренскаго—16.000 р. [1]).

Въ томъ же году Бирюсинское коммисарство потерпѣло наводненіе, которое въ восьми селеніяхъ нанесло убытковъ 13.918 р. 45 к. Незавидное вообще положеніе жителей этого коммисарства должно было еще болѣе ухудшиться. Встрѣтилась надобность въ пособіяхъ отъ казны. Ходатайство объ этомъ было основано на примѣрѣ разрѣшенной уже выдачи 20.000 р. Киренскимъ и Верхоленскимъ крестьянамъ. По положенію комитета министровъ 20 августа 1818 г. отпущено было жителямъ безвозвратно изъ государственнаго казначейства 10.000 р., подъ личною отвѣтственностью губернатора за безпристрастную раздачу этого пособія. Деньги, для раздачи, были вручены Лоскутову. Раздача пособія производилась уже въ 1819 г. Но въ то же время Лоскутовъ, вмѣсто испорченной наводненіемъ дороги отъ р. Озерной до конторскаго селенія, распорядился выстроить новую, которая стоила жителямъ вдвое дороже выданнаго имъ пособія [2]).

Наводненіе въ Иркутской губерніи повторилось и въ 1819 г. Въ іюнѣ, отъ сильныхъ дождей, рѣки Лена и Куленга разлились по Кудинскому и Верхоленскому коммисарствамъ. Онѣ поднялись на $3^3/_4$ арш. выше обыкновеннаго уровня, залили луга и селенія, истребили овощи, повредили дома, заборы, дороги, мосты, береговыя укрѣпленія. Въ Илгинскомъ казенномъ винокуренномъ заводѣ, наводненіемъ р. Коры, разнесло бывшій около рѣчки обрубъ и повредило плотину. Весь убытокъ по уѣзду исчислялся въ 310.689 р. $47^1/_2$ к. [3]).

Тогда же чрезвычайно разлились рѣки Лена и Киренга въ Киренскомъ уѣздѣ, особенно по Орлинской волости. Здѣсь вода поднялась до трехъ саженъ выше обыкновеннаго, неслась съ большимъ стремленіемъ, затопила сѣнокосы, пашни и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ огороды; снесла заборы; по тракту разрыты и снесены

[1]) Св. 212, № 8.
[2]) Св. 62, № 15.
[3]) Кромѣ того повреждено хлѣба отъ града и другихъ причинъ на 62.651 р.

мосты и завалины; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога была завалена подмытыми и обвалившимися съ горъ землею и лѣсомъ; всѣ работы по устройству верховой дороги (по берегу Лены) были совершенно разрушены; проѣздъ по тракту сдѣлался весьма затруднителенъ; исправленіе его требовало страшныхъ усилій и совершеннаго изнуренія крестьянъ. Убытокъ въ одной Орлинской волости составлялъ 25.803 р. 82½ к. Бѣднѣйшіе изъ жителей уѣзда подверглись конечному разоренію, они нуждались даже въ пропитаніи, и Трескинъ распорядился выдавать имъ въ ссуду хлѣбъ изъ сельскихъ магазиновъ. Вслѣдъ затѣмъ разлилась р. Кута. Наводненіе продолжалось безпрерывно полтора мѣсяца. Весь убытокъ Киренскаго уѣзда, частію отъ наводненія, частію отъ нѣкоторыхъ другихъ причинъ (градъ, морозъ и проч.) простирался до 250.430 р. 16¼ к. (въ одной Орлинской волости до 40.000 р.). Въ самомъ Киренскѣ р. Киренга поднималась на 1½ саж..; убытокъ доходилъ до 40.000 р. [1]).

Жители Нижнеилимской, Карапчанской и другихъ волостей нуждались въ кормѣ для скота, а первой и въ хлѣбѣ на посѣвы и собственное продовольствіе. Сперанскій, отъ 24 сентября 1819 г., распорядился немедленно доставить имъ хлѣбъ изъ другихъ волостей. Трескинъ распорядился выдать почтсодержателямъ впередъ деньги за вторую половину года.

Въ Иркутскѣ было наводненіе въ половинѣ іюля, отъ разлива р. Иды (Ушаковки). Наводненіемъ снесло половину дома мѣщанъ Курсиныхъ и унесло много принадлежавшаго имъ скота, посуды, платья и съѣстныхъ припасовъ; прорвало плотину у мельницы Курсиныхъ; повредило нѣкоторые другіе дома, снесло въ казачьей полковой заборы, затопило казачьи покосы. Убытокъ отъ наводненія исчисленъ былъ въ 11.071 р. 40 к. Для предупрежденія такихъ поврежденій на будущее время предположено было устроить на берегу Ушаковки деревянный обрубъ, и на это исчислено по смѣтѣ 7.227 р.

Въ Нижнеудинскѣ р. Уда вышла изъ береговъ и затопила городскія оброчныя статьи и казачьи покосы. То же наводненіе испортило въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ дороги и гати, снесло мосты, унесло подкошенную траву и проч. Убытокъ по этому уѣзду, за исключеніемъ исправленія дорогъ и пропитанія скота, исчислялся въ 3.947 р. 50 коп.

---

[1]) Между прочимъ былъ затопленъ весь кирпичъ, заготовленный въ кирпичныхъ сараяхъ.

Трескинъ отъ 20 октября 1819 г. представлялъ о томъ, чтобы Иркутскимъ и Нижнеудинскимъ казакамъ, сильно потерпѣвшимъ отъ наводненія, было произведено пособіе изъ казны; но это представленіе Сперанскій помѣтилъ «къ прочимъ дѣламъ» [1]).

По извѣстной привычкѣ Трескина и его клевретовъ преувеличивать затруднительное положеніе края можно сомнѣваться въ справедливости приведенныхъ нами цифръ убытковъ; но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть, что вредъ, нанесенный наводненіемъ, былъ весьма значителенъ.

Но еще ужаснѣе были наводненія 1820 г. Они посѣтили не одну Иркутскую, но и Томскую губернію. Мы имѣемъ объ нихъ любопытное отношеніе Сперанскаго къ графу Кочубею (отъ 14 іюля 1820 года).

«Наводненія, въ Сибирскихъ губерніяхъ ежегодно бывающія, втеченіи настоящаго года были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необыкновенно сильны. О важнѣйшихъ изъ нихъ я считаю долгомъ вашему сіятельству кратко донести:

«1) Первое наводненіе было въ городѣ Томскѣ, отъ протекающей рѣки Томи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, при проходѣ сей рѣки, льды спирались между островами, особливо же при впаденіи ея въ Обь; въ короткое время напоромъ ихъ составили огромные заплоты. Городъ Томскъ въ низменной его части обыкновенно болѣе или менѣе затопляется. Нынѣ, хотя вода была и велика, значительнаго однакоже вреда не причинила.

«2) Разлитіе Енисея въ Енисейскѣ было еще сильнѣе. Двѣ трети города были въ водѣ и сообщеніе въ нѣкоторыхъ улицахъ было лодками. Убытки, жителями потерпѣнные, хоть и значительны, но они могутъ сами собою безъ внѣшней помощи поправиться.

«3) Разлитіе Лены было болѣе бѣдственно. Отъ 5 минувшаго мая, № 25, я доносилъ вашему сіятельству, что жители бѣднаго Киренскаго края отъ наводненія въ минувшемъ году много потерпѣли, и что для продовольствія ихъ здѣшнее начальство принуждено было сдѣлать имъ ссуды изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ до 53000 пуд. хлѣба. Нынѣ, вмѣсто поправленія, при проходѣ Лены отъ спертія же (sic) льдовъ, то же бѣдствіе ихъ постигло.

«Предвидя, что они будутъ имѣть паки нужду въ ссудѣ, я принялъ всѣ мѣры къ усиленію казенныхъ тамъ магазиновъ. Но какъ

[1]) Св. 63, доп. о наводненіяхъ.

при посредственномъ урожаѣ минувшаго года, и при неизвѣстности урожая настоящаго, сильное заготовленіе могло бы возвысить цѣны, то я и счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ здѣшнемъ винокуреніи, а именно части вина, потребнаго для здѣшняго откупа, выкурить на Томскихъ заводахъ, гдѣ и хлѣбъ несравненно дешевле, и вино обойдется и съ перевозкою для казны выгоднѣе; о семъ съ сею же почтою донесъ я г. министру финансовъ.

«4) Другаго рода наводненіе, не отъ льдовъ, но отъ сильныхъ дождей, на сихъ дняхъ произошло и теперь еще продолжается въ самомъ Иркутскѣ. Рѣка Ангара при сліяніи съ Иркутомъ возвысилась до такой степени, до какой она тому 70 лѣтъ не доходила. Многія улицы наполнились водою. Сообщеніе по московской дорогѣ на двухъ станціяхъ прервалось. Всѣ мосты снесло, и почта проходитъ другою, окольною дорогою. О бѣдствіяхъ, въ уѣздѣ отъ сего происшедшихъ, нѣтъ еще подробныхъ донесеній.

«PS. При самомъ отправленіи сего донесенія получены изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ извѣстія о слѣдствіяхъ наводненія въ Иркутской губерніи. Многія волости потерпѣли разореніе; погибло множество скота и строеній. На р. Іѣ, впадающей въ Ангару, снесло совершенно цѣлое селеніе,—27 дворовъ безъ остатка; люди спаслись на карбазахъ и лодкахъ, погибъ одинъ 6-лѣтній мальчикъ. Луга большею частію затоплены и занесены иломъ и пескомъ; деревья мачтовой величины вырваны съ корнемъ и разбросаны по лугамъ. Множество мостовъ на большой московской дорогѣ разрушено. Самая дорога изрыта и во многихъ мѣстахъ сообщенія прерваны. Уѣздная почта проходитъ большими объѣздами, или переносится пѣшкомъ и потомъ перевозится въ лодкахъ. Кратко: бѣдствія необыкновенныя.

«Въ прокормленіи разоренныхъ семействъ и деревень принимаются всевозможныя мѣры пособіемъ, какъ изъ казенныхъ, такъ и изъ сельскихъ магазиновъ» [1]).

Эти свѣдѣнія намъ приходится дополнить очень немногимъ.

Наводненіе въ Иркутской губерніи повторилось въ тѣхъ же уѣздахъ, но еще съ большею силою, нежели въ предъидущемъ году. Снесенное наводненіемъ селеніе въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, о которомъ упоминалъ Сперанскій, было с. Карташевское. Мѣстный исправникъ избавилъ жителей его отъ обывательской гоньбы на 1821 г. Кромѣ того всѣмъ, потерпѣвшимъ отъ наводненія, былъ

[1]) Св. 63, № 21.

выданъ въ ссуду хлѣбъ изъ сельскихъ и казеннаго Уянскаго магазиновъ. Въ самомъ Нижнеудинскѣ вода залила улицы, оборвала берега и затопила луга; жители, и особенно казаки, остались, какъ писалъ Липаталь, «въ сѣпокошеніи безнадежны». На этотъ разъ Сперанскій призналъ нужнымъ сдѣлать Нижнеудинскимъ казакамъ какое нибудь пособіе. Изысканіе средствъ къ этому пособію онъ поручилъ Зеркалееву. Неизвѣстно, что придумалъ Зеркалеевъ [1]).

Не менѣе бѣдственныя послѣдствія произвело наводненіе и въ Киренскѣ и его уѣздѣ, особенно въ Макаровской волости. Лена, въ маѣ мѣсяцѣ, разлилась отъ прохода льда. Наводненіемъ вынесло посѣянные хлѣба и овощи, занесло поля иломъ, потопило скотъ, разнесло домы и амбары съ хлѣбомъ и другимъ имуществомъ. Зеркалеевъ не считалъ этого происшествія чрезвычайнымъ. Лена каждую весну производила такія опустошенія. Однакожъ онъ распорядился привести въ извѣстность убытки и оказать бѣднѣйшимъ жителямъ пособіе въ продовольствіи [2]). Киренскій городничій прислалъ Сперанскому объ этомъ наводненіи оригинальное донесеніе, изъ котораго видно, до какой степени безграмотно писались въ то время бумаги даже высшимъ лицамъ [3]).

Въ этомъ году наводненіе посѣтило и тѣ мѣстности, которыхъ оно не трогало въ предъидущихъ годахъ. Въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ р. Джида близъ Баянхосунскаго селенія поднялась на шесть аршинъ, затопила луга, острова, пашни, и снесла поскотину (ограду); подобнаго наводненія, по словамъ мѣстныхъ донесеній, не бывало тамъ съ 1752 г. Необыкновенное наводненіе, отъ разлива Лены, было также въ Олекминскомъ коммисарствѣ: затопило поля, унесло скотъ и юрты [4]).

Вообще, наводненіе 1820 г. считалось необыкновеннымъ въ Иркутской губерніи. «Бѣдствія дѣйствительно чрезвычайныя, пишетъ Сперанскій Кочубею. Старожилы помнятъ, что 70 лѣтъ назадъ были имъ подобныя.... Въ первый разъ въ жизни я видѣлъ силу горныхъ каменистыхъ рѣкъ, каковы здѣшнія. Протокъ ничтожный, втеченіи шести часовъ становится большою стремительною рѣкою. Домъ, гдѣ я живу, вокругъ залитъ водою. Вчера было здѣсь чрезвычайное молебствіе при необыкновенномъ стеченіи народа». Наводненіе и произведенныя имъ бѣдствія были од-

---

[1]) Св. 63 о наводненіи; см. прилож.
[2]) Св. 213, № 13.
[3]) Св. 213, № 13; см. прилож.
[4]) Св. 63, о наводненіяхъ.

ною изъ причинъ остановки Сперанскаго въ Иркутскѣ до августа 1820 г.: нужно было принять мѣры для пособія пострадавшимъ, кромѣ того, по испорченнымъ дорогамъ невозможно было двинуться; устроивать же ихъ сильнымъ нарядомъ крестьянъ въ рабочую пору, значило бы умножать ихъ бѣдствія [1]). Страшные слѣды наводненія поражали Сперанскаго даже въ августѣ во время проѣзда его по Нижнеудинскому уѣзду [2]).

29 іюля 1820 г. Сперанскій представилъ министру внутреннихъ дѣлъ вѣдомость объ убыткахъ, нанесенныхъ наводненіями. По Иркутскому уѣзду исчислено было ихъ 85.699 р. 35 к., Нижнеудинскому 81.326 р. 50 к. По Енисейскому уѣзду Томской губерніи подробныхъ свѣдѣній получено не было, но общая сумма убытковъ исчислялась примѣрно въ 24.000 р. «Сколь сіи убытки ни значительны, писалъ Сперанскій, но они не составляютъ еще всѣхъ по Иркутской и Томской губерніи, о коихъ не могло еще дойти подробныхъ свѣдѣній» [3]).

Замѣчательно, что при всемъ превосходствѣ наводненій 1819 и 1820 г. противъ бывшаго въ 1818 г., при всемъ разорительномъ дѣйствіи ихъ, особенно на Приленскихъ жителей, потерпѣвшихъ разореніе еще отъ прежняго наводненія, не встрѣтилось необходимости ни въ какихъ пособіяхъ отъ казны, ни въ какихъ чрезвычайныхъ мѣрахъ, хотя Сперанскій сначала и опасался необходимости въ нихъ [4]). Все обошлось мѣстными средствами, ссудами изъ хлѣбныхъ магазиновъ, облегченіями въ натуральныхъ повинностяхъ и т. п. Это подаетъ сильный поводъ къ убѣжденію, что и въ прежнее время въ пособіяхъ отъ казны не встрѣчалось необходимости, и что эти пособія не доходили по назначенію,—по крайней мѣрѣ вполнѣ.

Кромѣ того, зимою 1820 г., когда Ангара болѣе или менѣе разливается во время рѣкостава, разливъ ея былъ такъ силенъ, что водой залило варницы въ Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ (14 декабря) и солевареніе на немъ было остановлено [5]).

Въ 1821 г. Иркутская губернія отдохнула. Наводненіе въ ней уже не повторялось [6]).

---

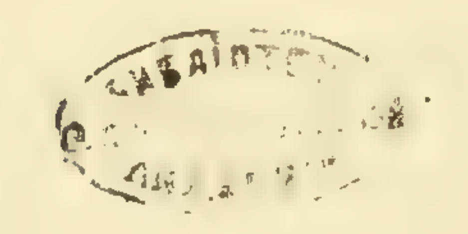
[1]) Дневникъ.
[2]) Св. 63, о наводненіи.
[3]) Переписка: письма: къ Кочубею 14 іюля 1820 г. и Голицыну 28 іюля 1820 г.
[4]) Письма: къ Кочубею и Голицыну 14 и 28 іюля 1820 г.
[5]) Св. 212, № 68.
[6]) Св. 63, № 23.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ОЧЕРКУ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО

ВО ВРЕМЯ ЕГО УПРАВЛЕНІЯ ОБѢИМИ ЧАСТЯМИ СИБИРИ

въ 1819 — 1821 годахъ.



ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1.

Его Императорскому Величеству

Сибирскаго генералъ-губернатора

всеподданнѣйшій рапортъ.

Чрезъ два года управленія моего Высочайше ввѣреннымъ мнѣ отъ Вашего Императорскаго Величества Сибирскимъ краемъ, перенеся всю тягость бремени начальствованія, утомляемаго сопротивленіями, преоборая укорененные здѣсь безпорядки, отвращая злоупотребленія и входя внимательно въ существованіе правъ общежитія гражданъ и поселянъ, неоднократно встрѣчался съ утѣсненными—подавалъ имъ помощь, находилъ несчастныхъ по превратности и случаямъ противъ воли ихъ—улучшалъ ихъ состояніе; но едва только коснулся раскрыть массу существеннаго зла и безпорядковъ, съ давняго времени подавляющихъ здѣсь основанія нравственности, нарушающихъ спокойствіе мирной гражданской жизни и похищающихъ достояніе слабаго; едва примѣтны были дѣйствія мои не въ пользу корыстолюбцевъ и порочныхъ, какъ со всѣми усиліями потекли неудовольствія на правоту мою, обнаружились предпріятія въ многоразличныхъ видахъ къ клеветамъ и помраченію истины. Терпѣніе и нелицепріятный судъ совѣсти полагали основаніе распорядкамъ моимъ, а истинное усердіе и вѣрноподданническая ревность къ службѣ Вашего Императорскаго Величества облегчали тягость правленія моего.

Въ таковомъ положеніи, Всемилостивѣйшій Государь! находился и нахожусь я въ краю отдаленнѣйшемъ, въ краю опредѣленномъ для наказанія, гдѣ по естественной удобности существуютъ пороки, гдѣ правила благоправія, не имѣя еще и чреды своей, затмѣваются злоупотребленіями, гдѣ порядокъ правосудія состоялъ только въ одной формѣ производства, и гдѣ напослѣдокъ никакъ не можетъ быть пріятно начальство учреждающее спокойствіе въ общежитіи и охраняющее собственность каждаго отъ хищничества сильныхъ. Никакая черта не въ состояніи изобразить утонченной здѣсь хитрости къ изысканію способовъ на беззаконныя стяжанія. При всѣхъ невѣ-

жествахъ и грубостяхъ, уловляются безъ упущенія всѣ случаи къ обогащеніямъ на счетъ простоты беззащитной; и можно изъяснить навѣрное, что доселѣ недостаточный и бѣдный не были допускаемы до состоянія средняго, а всегда повергались еще въ крайнѣйшую бѣдность и ничтожество. Подряды, откупа и перекупы запасовъ продовольствія были захвачены въ одни руки, и при величайшихъ налогахъ, малое число народа Сибирскаго края истощало избытки свои, въ крайности, за цѣну, опредѣляемую по произволу богатѣйшихъ, въ каковомъ порядкѣ общежитія часто видѣть можно исправнаго гражданина и зажиточнаго поселянина, въ короткое время наемниками у алчныхъ корыстолюбцевъ. Все сіе существовало въ превосходной степени и силится еще стремительно удержаться въ предѣлахъ своихъ, разными происками и кознями людей, тѣмъ обогащающихся; и я Всемилостивѣйшій Государь! при подкрѣпленіи малаго числа чиновниковъ, исполняющихъ съ точностію святость законовъ, едва успѣваю охранять спокойствіе, а наче въ отдаленнѣйшей части Сибири по Иркутской губерніи, гдѣ, при всемъ ревностнѣйшемъ усердіи къ службѣ и неутомимой дѣятельности тамошняго гражданскаго губернатора, умножаются время отъ времени безчисленныя дерзости, открывающія совершенно неповиновеніе начальству.

Иркутское гражданское общество, заключая въ себѣ съ давнихъ временъ извѣстное число безпокойныхъ и дерзкихъ людей, неоднократно подвергалось замѣчаніямъ высшаго правительства и даже самыя строгія взысканія не отвратили укоренившихся въ сословіяхъ онаго противъ начальства дерзостей и неповиновенія; недовѣріе въ отправленіи тѣми гражданами службъ общественныхъ побуждало уже и правительствующій сенатъ назначить къ исправленію почетныхъ должностей въ Иркутскѣ людей изъ другихъ городовъ; но производившія важнѣйшее вліяніе на общественное безпокойствіе, сосредоточивая собою всѣ безпорядки, уклонялись доселѣ отъ преслѣдованія вредныхъ ихъ предпріятій, а если когда и открывались лица дѣйствующихъ, то оныя находили чрезъ хитрые свои происки защиту отъ цѣлаго общества, именемъ котораго располагали они и свои дѣйствія къ собственнымъ своимъ непозволеннымъ прибыткамъ и оправдывались въ случаѣ обнаруженнаго преступленія.

Такимъ образомъ малое число людей изъ Иркутскихъ гражданъ, по преимущественному ихъ состоянію присвоивъ себѣ отличіе, вводили другихъ къ уваженію ихъ замысловъ, вооружаясь нерѣдко противъ безпорядковъ установленнаго надъ ними мѣстнаго начальства, пренебрегали дѣлаемыя съ нихъ взысканія и поколебавъ умы низкаго сорта людей, отважными своими предпріятіями, оставшимися по разнымъ въ пользу ихъ стеченіямъ безъ должнаго взысканія, утвердили тѣмъ мнѣніе о необходимости во всегдашнемъ изъ числа ихъ кого либо избраніи въ почетныя общественныя должности и какъ весь кругъ сихъ безпокойныхъ и дерзкихъ людей завелъ, между собою, родственныя связи, то чрезъ занятіе однимъ изъ нихъ всегда выгодной должности соблюдается польза всѣхъ вообще единомышленниковъ.

Съ прибытія моего въ Иркутскъ въ настоящемъ званіи, нерѣдко встрѣчались мнѣ самыя величайшія затрудненія, не только по дѣламъ службы, но

и по распорядкамъ, относящимся до благосостоянія народнаго, а особенно по части продовольствія жизненными припасами. Въ семъ случаѣ была бъ поводомъ малѣйшая слабость въ надзорѣ начальства, къ вредной монополіи, поелику главная промышленность первыхъ Иркутскихъ граждан состоитъ въ подрядахъ, откупахъ и перекупахъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ; расположеніемъ ихъ въ оборотахъ таковой торговли такъ бываютъ искусны, что при бдительномъ надзорѣ скрываются въ кругу давно заведенныхъ связей, съ тѣми изъ поселянъ, кои подобно имъ обогащаются непозволительною торговлею, и всѣ сіи предпріятія не прежде открываются, какъ при совершенной крайности, когда ощутителенъ бываетъ недостатокъ въ продовольствіи, тогда необходимость заставляетъ прибѣгать къ пособію перекупщиковъ, установляющихъ цѣну по своему желанію; чему важнѣйшимъ доказательствомъ служить можетъ произшедшій недостатокъ въ заготовленіи хлѣба для продовольствія войскъ въ прошедшемъ году. Провіантскіе поставщики, упустивъ удобное время для закупки хлѣба, не получивъ въ назначенный срокъ по условіямъ своимъ отъ казны денегъ при всѣхъ пособіяхъ мѣстнаго начальства заимообразно выдачею денегъ и отпускомъ хлѣба изъ запасныхъ магазейновъ и изъ винокуренныхъ заводовъ—нашлись въ необходимости искать помощи у Иркутскихъ купцовъ, изъ коихъ нѣкоторые, Сибиряковъ, Николай Баснинъ,—учинили съ повѣренными поставщиковъ условія, на поставку знатнаго количества хлѣба по цѣнамъ, какія только можно установить въ необходимости, и когда уже небыло ни какихъ средствъ произвесть закупку у поселянъ, то у подрядившихся открылись совсѣмъ неизвѣстные прежде источники къ продовольствію.

Замѣтивъ столь вредныя склонности къ корыстямъ сказанныхъ Иркутскихъ купцовъ—усугубилъ я мои наблюденія и за поведеніемъ ихъ; чрезъ сіе открылось мнѣ, что всякое общественное собраніе оканчиваетъ согласіе свое на уваженіи назначенія кого либо изъ извѣстныхъ и считающихся въ числѣ первыхъ граждан. Наиболѣе отличается во всѣхъ предпріятіяхъ, именемъ общества противъ дѣлаемыхъ со стороны правительства распоряженій, купецъ Михайло Сибиряковъ, съ давняго времени и всѣми бывшими начальниками Иркутской губерніи замѣченный въ сильномъ стремленіи къ безпокойству, замѣшательствамъ и всегдашней склонности къ ябедамъ, въ дѣйствіяхъ коего, при стремительномъ расположеніи ко всякому злу, не менѣе есть виновнымъ, подобнаго характера и склонности, тамошній же купецъ Николай Мыльниковъ; но, руководствуя перваго, а посредствомъ его и все Иркутское общество, хитростію своею успѣваетъ во всякомъ случаѣ скрывать собственное лицо, и потому всегда остается свободнымъ отъ законнаго преслѣдованія и взысканія; Сибиряковъ, по необузданной смѣлости и дерзновенію, многократно уже былъ судимъ за беззаконные поступки и освобождался отъ наказанія силою Всемилостивѣйшихъ манифестовъ, всегда получая подтвержденія даже и отъ правительствующаго сената о исправленіи поведенія своего—остался понынѣ съ прежнею предпріимчивостію къ возмущенію общественнаго безпокойствія и я уже принималъ мѣры къ удаленію вреднаго сего гражданина, потрясающаго основанія благоустройства и

домогающагося при всякомъ случаѣ избранія себя къ начальствованію, какъ въ подтвержденіе замѣчанія моего, Иркутское губернское правительство донесло мнѣ, что при выборахъ общественныхъ на наступившее трехлѣтіе, назначены были къ балотированію въ градскіе головы старшіе кандидаты купцы Михайло Саватѣевъ и Михайло Сибиряковъ, изъ коихъ избранъ былъ обществомъ и представленъ къ утвержденію въ должности главы послѣдней; но когда выборъ сей по порочнымъ поступкамъ Сибирякова губернскимъ правительствомъ былъ неодобренъ, то гильдейское, мѣщанское и цеховое общество, бывъ на сей случай въ собраніи, сдѣлали два постановленія, одно, что Сибиряковъ избранъ былъ совершенно безпристрастно, но перемѣняется Саватѣевымъ по волѣ начальства; а другое, что остальная часть мѣщанъ и цеховыхъ въ отмѣну прежняго выбора къ избранію на мѣсто Сибирякова другого приступить не можетъ.

А вслѣдъ засимъ оное правительство представило мнѣ о новомъ неповиновеніи Иркутскихъ городоваго магистрата и городской думы, послѣдовавшемъ при требованіи казенной экспедиціи, по установленнымъ въ общемъ губернскаго правительства присутствіи правиламъ, о бытіи одному изъ купеческаго общества для наблюденія за добротою и сортами при покупкѣ отъ казны товаровъ, нужныхъ для вымѣна у бухарцевъ ревеня, отъ чего и за подтвержденіями гражданскаго губернатора и правительства, оные магистратъ и дума отозвались, поставляя приглашеніе къ свидѣтельству товаровъ кого либо изъ купцовъ новымъ для общества обремененіемъ, хотя весьма извѣстно и ясно истолковано имъ было, что сіе свидѣтельство не обязываетъ приглашаемаго изъ купцовъ къ какой либо отвѣтственности, и что не болѣе предстоитъ въ семъ надобности, какъ три или четыре раза въ годъ, по три или по четыре часа при каждомъ случаѣ.

Изъ сего губернское правительство, видя явную ослушность къ начальству и самое неповиновеніе закону, хотя и въ правѣ было поступить съ обществомъ по 170 ст. городоваго положенія, равно учинить строгое взысканіе съ магистрата и градской думы, но какъ неповиновеніе оказано самому правительству, то оное и обратилось ко мнѣ на то съ жалобою, изобразивъ въ подробности всѣ прежнія.

Дѣянія Иркутскаго градскаго общества, завлекаемаго въ разныя противозаконныя предпріятія безпокойными и порочными людьми изъ своего сословія, а паче купцомъ Сибиряковымъ, преступленія коего многократно обременяли судебныя мѣста и высшее правительство, но онъ за всѣми подтвержденіями о исправленіи себя и взысканіями остается по нынѣ ожесточеннымъ въ своихъ предпріятіяхъ. Число извѣстныхъ дѣлъ, кромѣ скрытыхъ его происками, превосходитъ вѣроятіе, однакожъ они дѣйствительно были и онъ избавлялся отъ наказанія по однимъ только въ пользу его стеченіямъ. Существенная жъ важность дѣлъ суть слѣдующая:

1. Означенный Сибиряковъ былъ сужденъ за оставленіе въ безгласности дѣла о убивствѣ питейной конторы служителя Медвѣдникова мѣщаниномъ Ячменевымъ во время служенія его съ 777 по 780 годъ въ бывшемъ губернскомъ магистратѣ;

2) былъ прикосновененъ по дѣлу о покупкѣ во вредъ казны провіантъ-мейстеромъ Хрипковымъ и коллежскимъ совѣтникомъ Путятинымъ провіанта во время бытности его Сибирякова съ 1787 по 1790 годъ градскимъ головою;

3) въ 1787 году судился за обманъ при покупкѣ изъ казны съ купцомъ Щегоринымъ ревенной пыли и опилковъ;

4) въ 1793 году состоялъ подъ судомъ за скрытіе имѣнія казеннаго должника Димитрія Сибирякова;

5) состоялъ прикосновеннымъ по дѣлу въ искѣ тѣмъ Сибиряковымъ съ иркутскаго купца Рогова по векселямъ денегъ, по которому сказанной Михайло Сибиряковъ производилъ фальшивое по векселямъ взысканіе;

6) судился за причиненную квартальному надзирателю Пащенкову при отправленіи должности обиду;

7) судился за дерзкія слова противу указовъ Иркутской казенной палаты;

8) за дерзости, замѣченныя правительствующимъ сенатомъ противу его повелѣній, вообще съ Иркутскимъ градскимъ обществомъ,—о неудовлетвореніи бывшаго заводчика Сибирякова деньгами 4.000 рублями, сдѣлано строгое ему подтвержденіе, дабы впредь того дѣлать не отваживался;

9) за незаконное представленіе отъ имени градской думы о производимомъ купцами и мѣщанами судоходствѣ штрафованъ пенею 200 р.;

10) за неисполненіе Высочайшаго повелѣнія, при учрежденіи въ Иркутскѣ градской полиціи отрѣшенъ отъ должности градскаго главы;

11) лживо испросилъ Высочайшаго дозволенія на заведеніе въ домѣ своемъ полотняной фабрики, и о покупкѣ крѣпостныхъ людей, чего въ настоящее исполненіе не привелъ и напослѣдокъ все то уничтожилъ. Между тѣмъ избѣгалъ, противу другихъ гражданъ, общественныхъ повинностей;

12) въ именитые граждане записанъ не по прямымъ заслугамъ, а по проискамъ и противу согласія градскаго общества.

Дѣла сіи, имѣющія связь съ поступками Иркутскаго общества, подробно объяснены мною въ представленной выпискѣ, которая сверхъ многихъ моихъ замѣчаній показываетъ, что упомянутое общество, не только нынѣ, но и прежде сего въ дерзостяхъ своихъ неоднократно уже обнаружено, о чемъ и до свѣдѣнія правительствующаго сената доходило; купецъ же Сибиряковъ по разнымъ своимъ изворотамъ и дерзости оказываемой противу начальства имѣетъ не малое вліяніе на общество, изъ числа коего нѣкоторые съ нимъ въ связи по родству, другіе по разнымъ обязанностямъ, а многіе по единомыслію и склонности къ вреду, не менѣе и по предубѣжденію о его рѣшительныхъ противу начальства издавна оказываемыхъ поступкахъ—считаютъ его въ видѣ нѣкотораго ихъ руководителя и защитника; почему онъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ имѣя перевѣсъ, колеблетъ слабые умы и употребляетъ то въ свою пользу, со всегдашнимъ однакожъ противъ начальства возмущеніемъ къ неповиновенію, такъ и нынѣ произошло, что общество бывъ извѣстно о порочномъ состояніи Сибирякова подвергнувшаго себя законопротивными поступками въ бытность его прежде головою отрѣшенія отъ

сей должности, а общество подъ неоднократныя оштрафованія по указамъ правительствующаго сената, неостановилось и въ настоящее время избрать его головою.

Всемилостивѣйшій государь! при таковыхъ стеченіяхъ какой мѣстное начальство можетъ установить порядокъ общественный тамъ, гдѣ развратъ и самовольство состязаются съ законными распоряженіями? Гдѣ уже мѣры кроткихъ взысканій тщетно были испытываемы и гдѣ дерзость укоренилась въ средоточіи общественномъ? Одни только примѣры неупустительно строжайшаго взысканія съ неповинующихся могутъ подать способы и надежду возстановить по времени колеблемое развратомъ спокойствіе, котораго желаютъ многіе, но которое теряется въ собственномъ ихъ расположеніи къ заблужденіямъ.

А потому принявъ въ соображеніе прошедшія и настоящія обстоятельства, бывшія поводомъ многихъ безпорядковъ Иркутскаго общества, къ возобновленію въ ономъ спокойствія и къ приведенію въ настоящее повиновеніе законамъ и установленной власти уклоняющихся отъ сего; полагаю я подвергнуть оное взысканію въ 37 и 170 статьяхъ городоваго положенія изъясненному, равномѣрно городовой магистратъ и градскую думу оштрафовать чувствительными и примѣрно взысканіями. Купцовъ же Сибирякова, яко неоднократно уже сужденнаго за преступленія и назначаемаго къ изверженію изъ своего сословія, за явное возмущеніе и поползновеніе къ соблюденію непозволенныхъ своихъ корыстей въ примѣръ прочимъ; а Мыльникова въ предупрежденіе и вреднаго руководства, выслать изъ Иркутска въ уѣздный городъ сей же губерніи раздѣльно; съ лишеніемъ перваго добраго имени.

Но всѣ сіи обстоятельства совокупно съ мнѣніемъ моимъ повергая къ освященнѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, я дерзаю всеподданнѣйше испрашивать Высокомонаршаго на сіе утвержденія во уваженіе побудительныхъ причинъ много изъясненныхъ и къ отвращенію развратовъ не только отъ Иркутскаго общества, но и отъ всего Сибирскаго края.

№ 752.

Марта 31-го 1808 года.

Тобольскъ.

2.

Всемилостивѣйшій Монархъ [1])!

Милость и истина срѣтостеся присѣдятъ престолу твоему; правда и миръ облобызастеся лiютъ щедроты твои во вся предѣлы твоего владычества. Вся-

[1]) Этотъ и слѣдующіе четыре документа я получилъ отъ М. П. Шестунова, въ спискахъ, довольно неисправныхъ. Граматическія ошибки и нѣкоторыя явныя невѣрности исправлены; чего нельзя было исправить,—оставлено въ прежнемъ видѣ.

кое состояніе вѣрноподданныхъ пріосѣняется свыше монаршею твоею благостію. Кто возстанетъ изъ нихъ подъ толико благотворною державою! виновные ждутъ помилованія.

Два старца покрытые сѣдинами и удрученные болѣзнями, Иркутскіе граждане Сибиряковъ и Мыльниковъ, отдаленные отъ семействъ своихъ, первый въ Нерчинскъ, а другой въ Баргузинъ, хотя съ оставленіемъ ихъ званій, но не могутъ однакожъ такъ дѣйствовать къ пользамъ толь отдаленнаго отечественнаго края, какъ привыкли они съ давнихъ временъ, живучи вмѣстѣ (что видно изъ приложенной присемъ краткой записки), молятъ о возвратѣ своемъ въ нѣдра семействъ ихъ.

Дерзаетъ ходатайствовать за нихъ ихъ старшій сынъ и внукъ, припадающій къ освященному Монаршему Престолу, ожидающій великія и богатыя милости для многочисленнаго сѣтующаго и упадающаго семейства.

Всемилостивѣйшій Монархъ Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій.

3.

Два многочисленныя семейства просятъ благодѣтельныхъ особъ о милостивомъ воззрѣніи на бѣдствія двухъ семидесятилѣтнихъ старцевъ, почитавшихся въ числѣ первѣйшихъ Иркутскихъ гражданъ, которые, безъ всякаго слѣдствія и суда, по одному утѣснительному настоянію генералъ-губернатора Пестеля, исторжены изъ среды семействъ своихъ и заточены въ дальнѣйшіе уѣздные города Иркутской губерніи.

Вся вина сихъ несчастныхъ страдальцевъ заключалась въ принятомъ ими участіи къ доведенію до свѣдѣнія высшаго правительства причиняемыхъ Иркутскимъ гражданамъ отъ тамошняго губернатора Трескина обидъ и угнетеній. Жалоба ихъ заключалась въ слѣдующемъ: 1-е, въ томъ, что гг. генералъ-губернаторъ Пестель и губернаторъ Трескинъ приказали собирать въ полицію въ городѣ купеческихъ и мѣщанскихъ, а по деревнямъ крестьянскихъ дочерей, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы отдавать ихъ въ замужество за поселенцевъ, и что однимъ только отцамъ, матерямъ и родственникамъ извѣстно, чего стоила свобода, сопряженная съ безславіемъ несчастныхъ дѣтей ихъ. 2-е. Въ притѣснительной закупкѣ провіанта, для наполненія запасныхъ городовыхъ магазейновъ, которые наполняются не иначе, какъ раскладкою на крестьянъ, съ выдачею имъ платы за пудъ отъ 40 до 50 к., выпускъ же хлѣба изъ сихъ магазиновъ производимъ бываетъ тогда уже, когда цѣны на хлѣбъ до неимовѣрности возвысятся, и не дешевле отпускаютъ, какъ по 1 руб. и 1 р. 50 к. пудъ, отчего жители бѣднаго состоянія страдаютъ и разоряются! Таковыя притѣснительныя мѣры Иркутскихъ правителей обстоятельно были объяснены въ ихъ жалобѣ. Дѣло сіе Высочайше предоставлено было общему разсмотрѣнію гг. Министровъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ

но въ Иркутскѣ не было произведено по оному никакого слѣдствія, вѣроятно потому, что г-ну генералъ-губернатору нежелательно было допустить дать таковой жалобѣ законный ходъ, и небезопасно было для него, а равно и для г. Трескина, чтобы безпристрастный на мѣстѣ разборъ не обнаружилъ многихъ закрытыхъ отъ вышней власти дѣяній ихъ. Въ семъ соображеніи г. генералъ-губернаторъ поспѣшилъ самъ въ Петербургъ въ 1809 году, дабы совершенно уничтожить гласъ справедливости, усилилъ все, что только могло сблизить его къ своей цѣли. Между прочими, принятыми отъ него къ защищенію себя и губернатора мѣрами, вздумалъ онъ изъ числа жаловавшихся на него Иркутскихъ первостатейныхъ купцовъ Михайла Сибирякова и Николая Мыльникова описать правительству неспокойными гражданами, участвовавшими будто бы даже и въ доносахъ на бывшаго генералъ-губернатора Якобія, возведя на нихъ и другія преступленія, кои и въ мысль имъ никогда не приходили,—и сіе для того имъ было сдѣлано, чтобы тѣмъ удобнѣе преклонить правительство къ обѣщанному ихъ изгнанію. Уважая представленіе его, прежній Министръ Юстиціи, князь Лопухинъ, вопреки мнѣнію бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ князя Куракина, исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе: удалить обоихъ ихъ изъ Иркутска. Таковой успѣхъ былъ великимъ торжествомъ для обоихъ гг. губернаторовъ, достигшихъ чрезъ то совершенное внушить подобострастіе къ себѣ во всѣхъ прочихъ Иркутскихъ жителяхъ; но для добродѣтели и невинности можно ли было болѣе сего нанесть какой либо другой ударъ и угнетеніе?

Сынъ Сибирякова, находясь въ Петербургѣ безмала три года въ сердечномъ стѣсненіи, страхѣ и горести, ходатайствовалъ облегченія столь жестокой участи отцу своему и другому родственнику, но все тщетно. Подавалъ всеподданнѣйшую просьбу Государю Императору чрезъ г. статсъ-секретаря Молчанова, отъ коего внесена была оная въ коммисію прошеній и по собраннымъ вслѣдствіе того коммисіею справкамъ ни Сибиряковъ, ни Мыльниковъ не найдены ни въ чемъ виновными; прибѣгалъ онъ также къ разнымъ особамъ, представлялъ министерству полиціи убѣдительнѣйшія доказательства совершенной ихъ непричастности въ возводимыхъ на нихъ отъ генералъ-губернатора обвиненіяхъ; между прочимъ же, для вящшаго удостовѣренія правительства, что ни одинъ изъ нихъ ни-мало не участвовалъ въ дѣлѣ Якобіевскомъ, бывшій министръ юстиціи г. Державинъ,—по великодушію своему, принималъ на себя трудъ пересмотрѣть все сіе дѣло и не нашедши никакихъ тому слѣдовъ, писалъ двукратно къ бывшему государственному секретарю Сперанскому, прося его доложить о томъ Его Императорскому Величеству.

Членъ государственнаго совѣта г. адмиралъ Мордвиновъ и г. министръ полиціи, разсматривавшіе документы, представленные сыномъ Сибирякова, совершенно убѣждены о несправедливомъ представленіи генералъ-губернатора; но всѣ сіи особы не осмѣливаются настоятельно вступиться за истину и невинность, потому что сей вельможа проживаетъ въ Петербургѣ.

Четвертой уже годъ несчастные страдальцы томятся въ изгнаніи и два семейства ихъ, бывшія предъ симъ первѣйшими въ тамошнемъ краю, а нынѣ

высылкою старѣйшинъ своихъ приведенные въ совершенное разстройство и раззореніе, просять у благодѣтельныхъ особъ одной милости—исходатайствовать изъ единаго милосердія Монаршее повелѣніе возвратить сихъ несчастныхъ, безвинно обнесенныхъ предъ престоломъ, старцевъ, въ прежнія ихъ жилища, или законное слѣдствіе въ возведенныхъ г. генералъ-губернаторомъ несправедливыхъ обвиненіяхъ.

4.

Всемилостивѣйшій Государь!

Совершенно обезнадежанный, утопающій въ отчаяніи прижать къ сыновнему сердцу хотя на послѣднемъ шагѣ ко гробу старцевъ, отца моего и дѣда, кому возвѣщу печали мои? подножіе престола Вашего праведный Богъ указалъ мнѣ вѣрнымъ прибѣжищемъ.

Три года уже страдаютъ въ заточеніи сосланные изъ Иркутска въ отдаленные уѣздные города два первостатейныхъ купца, Сибиряковъ, отецъ, и Мыльниковъ, дѣдъ мой, за то только, что отважились, вмѣстѣ съ другими Иркутскими гражданами, довести до свѣдѣнія высшаго правительства превышающія терпѣніе злоупотребленія власти г. генералъ-губернатора Пестеля и губернатора Трескина: прочія преступленія, изведенныя на сихъ отягченныхъ и вразумленныхъ семидесятилѣтнею старостію, всегда до сего происшествія честныхъ гражданъ, оказались напрасными. Г. дѣйствительный тайный совѣтникъ Державинъ разсматривалъ дѣло бывшаго прежде въ Иркутскѣ генералъ-губернатора Якобія и не нашелъ замѣшанными въ оное купцовъ Сибирякова и Мыльникова; другія благодѣтельныя особы, близкія къ особѣ Вашего Императорскаго Величества, совсѣмъ находили невинными сіи жертвы; но никто не смѣлъ ходатайствовать Вашей Высокомонаршей милости, и я, оставивъ семейство свое въ разстройствѣ, влекущемъ за собою совершенное наше раззореніе, третій годъ живу въ столицѣ, безъ всякой надежды обратить вниманіе на невинность, тяжко убиваемую безчестіемъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Мученіе, мною претерпѣваемое, превосходитъ даже горесть и отчаяніе наказываемыхъ родителя и дѣда моего, хотя они въ неволѣ, а я свободенъ; законъ естественный, гражданскій и православной вѣры нашей, располагаетъ сердце ихъ ожидать отъ меня, сына, возможнаго пожертвованія успѣха, но слабый гласъ мой, самый сильнѣйшій вопль умираетъ какъ бы не родившись среди шума верховнаго града, лучь спасенія погасаетъ въ душѣ моей!

Позвольте, Ваше Императорское Величество, яко послѣдній и справедливѣйшій судія, припасть къ стопамъ Вашимъ! пусть останется участіе несчастныхъ старцевъ, въ бывшемъ ропотѣ противу необыкновенныхъ предпріятій гг. нынѣшнихъ Иркутскихъ губернаторовъ виновныхъ, но удостойте избa-

вить ихъ отъ столь несноснаго наказанія въ глубокой старости, толико долговременнаго; если же преступленіе превосходитъ Ваше милосердіе, то по долгу моему я осмѣливаюсь пожертвовать своею свободою и просить всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество о повелѣніи, обратить меня на мѣсто отлученія моихъ родителей. Облегчите участь нашу, я лишуся мирнаго съ ними сожительства, но за то многочисленное семейство наше будетъ имѣть отраду принять послѣднее ихъ дыханіе и закрыть навсегда вѣжды ихъ. Вѣчныя благословенія о имени Вашемъ сердецъ нашихъ прольются отъ подножія Монаршаго престола Вашего до престола царя царей.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій.

5.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Прибѣгаетъ къ милосердому воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества отдаленной Сибирской страны житель, коего отецъ и дѣдъ считавшіеся въ числѣ первѣйшихъ Иркутскихъ гражданъ, прожившіе безпорочно до семидесятилѣтней старости, безъ всякаго суда и законнаго приговора, по одному властолюбивому настоянію генералъ-губернатора Пестеля, исторжены изъ среды многочисленныхъ семействъ своихъ и заточены въ дальніе уѣздные города Иркутской губерніи.

Вся вина сихъ несчастныхъ страдальцевъ, по третьему уже году томящихся въ изгнаніи своемъ, заключалась въ принятомъ ими участіи къ доведенію до свѣдѣнія вышняго правительства причиняемыхъ Иркутскимъ гражданамъ отъ тамошняго губернатора обидъ. Дѣло сіе Высочайше предоставлено было общему разсмотрѣнію гг. Министровъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ; и какъ вскорѣ за тѣмъ г. генералъ-губернаторъ поспѣшилъ самъ сюда пріѣхать и между прочими принятыми отъ него къ защищенію губернатора мѣрами, вздумалъ изъ числа жаловавшихся на него гражданъ отца моего Сибирякова и дѣда Мыльникова описать правительству, яко неспокойныхъ и строптивыхъ гражданъ, которые якобы участвовали даже и въ доносахъ на прежде бывшаго генералъ-губернатора Якобія и во многихъ другихъ замѣчены преступленіяхъ, то уважая представленіе его, бывшій Министръ Юстиціи князь Лопухинъ, вопреки мнѣнію бывшаго Министра же Внутреннихъ Дѣлъ князя Куракина, исходатайствовалъ Высочайшую волю, чтобъ удалить обоихъ ихъ изъ Иркутска. Успѣхъ таковый великимъ былъ торжествомъ для гг. генералъ-губернатора и губернатора, достигшихъ чрезъ то совершенный внушить страхъ и подобострастіе къ себѣ во всѣхъ прочихъ жителяхъ той губерніи, а для добродѣтели и справедливости и едва ли можно было сдѣлать какой либо большій ударъ и угнетенія. Другой уже годъ нахожусь я здѣсь

въ сердечномъ стѣсненіи, страхѣ и горести; подавалъ просьбу къ государю Императору чрезъ г. статсъ-секретаря Молчанова, отъ коего внесена была оная въ коммисію прошеній и по забраннымъ ею въ слѣдствіе того справкамъ ни отецъ мой, ни дѣдъ не найдены ни въ чемъ виновными. Бралъ также прибѣжище къ разнымъ благомыслящимъ особамъ, представлялъ г. Министру полиціи убѣдительнѣйшія доказательства совершенной ихъ непричастности возводимымъ на нихъ отъ г. генералъ-губернатора обвиненіямъ; между прочимъ же, для вящшаго удостовѣренія правительства, что ни одинъ изъ нихъ ни мало не участвовалъ въ дѣлѣ Якобіевскомъ, бывшій Министръ Юстиціи Державинъ, по великодушію своему, принималъ на себя трудъ пересмотрѣть все дѣло сіе и не нашедши никакихъ тому слѣдовъ, писалъ двукратно къ г. государственному секретарю и потомъ къ статсъ-секретарю князю Голицыну, прося доложить о томъ Его Императорскому Величеству. Членъ государственнаго совѣта г. адмиралъ Мордвиновъ когда я обратился къ нему и сталъ просить его помощи, былъ столько снисходителенъ, что всѣ обстоятельства дѣла внимательно выслушалъ, разсматривалъ представленные мною въ доказательство безвинности изгнанниковъ документы, и признавши оные никакому не подверженными сомнѣнію, весьма удивлялся поступкамъ г. генералъ-губернатора, до самой непомѣрности притѣснившаго невинность и справедливость; однако участіе свое въ защитѣ ихъ ограничилъ одними токмо напоминаніями по сему дѣлу министру полиціи, который за всѣмъ тѣмъ въ недавнемъ времени рѣшительно отказалъ мнѣ въ дальнѣйшей надеждѣ и оставилъ безъ всякой отрады.

Всемилостивѣйшая государыня! По симъ соображеніямъ моимъ вижу я, что хотя и многіе изъ государственныхъ чиновъ удостовѣрены въ безвинности отца моего и дѣда, столь тяжко чрезъ г. генералъ-губернатора Пестеля угнетенныхъ, изнуренныхъ и раззоренныхъ; но поелику вельможа сей, проживая въ столицѣ, не дремлетъ и имѣетъ счастіе пріятъ быть благосклонно у двора; для того никто изъ нихъ и не имѣетъ дѣйствительной смѣлости вступиться со всею твердостію за истину и безвинность, опасаясь собственныхъ какихъ либо непріятностей: но Ваше Императорское Величество, сколько по благости сердца Вашего, столько и по непреложной супружеской ко Всемилостивѣйшему государю обязанности, не оставите конечно открыть предъ престоломъ завѣсу, помрачающую сущность истины и защитить утѣсняющую (?) и стонущую безвинность, когда гласъ ея никому болѣе не внятенъ по разсчетамъ спасенія.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ повергаю себя къ священнѣйшимъ вашимъ стопамъ.

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего

Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій.

— —

6.

Милостивый Государь мой,

Михайло Михайловичъ!

На отношеніе вашего превосходительства 17-го числа сего марта, съ приложеніемъ объясненія г. Сибирскаго генералъ-губернатора, о положеніи купца Сибирякова, по Высочайшей Волѣ Государя Императора ко мнѣ доставленныхъ, имѣю честь отозваться: во первыхъ долгомъ почитаю принесть Всемилостивѣйшему Государю всеподданнѣйшую мою благодарность за уваженіе письма моего къ вамъ, по коему взято съ того г. генералъ-губернатора объясненіе; во вторыхъ дерзну сдѣлать мои замѣчанія на тѣ объясненія, изъ коихъ онъ въ выпискѣ о Сибиряковѣ и Мыльниковѣ подъ литерою А между прочимъ такъ изъясняется: ни одинъ изъ начальствующихъ Иркутскою губерніею не избѣжалъ клеветъ Сибирякова и Мыльникова. Истину сего свидѣтельствуютъ дѣла прежняго генералъ-губернатора Якобія и генерала отъ инфантеріи Леццана, изъ коихъ первый, по ложнымъ доносамъ, долженъ былъ испытывать въ продолженіи тринадцати лѣтъ пребываніе его подъ слѣдствіемъ, а другой восемь лѣтъ.

Дѣла г. Леццана и прочихъ, въ выпискѣ подъ литерою Б упоминаемыхъ, я не знаю: но Якобія, бывшія по бытности моей при покойной Императрицѣ статсъ-секретаремъ въ производствѣ, у меня и по докладу моему окончательно рѣшенныя, мнѣ весьма извѣстны. *Въ нихъ никакого доносу отъ Сибирякова и Мыльникова на Якобія не значится.* Ваше превосходительство удостовѣритесь въ томъ сводомъ всѣхъ Иркутскихъ дѣлъ, присемъ для любопытства вашего приложеннымъ, и въ подчеркнутыхъ строкахъ красными чернилами сами увидите, что не на Якобія Сибиряковъ и Мыльниковъ доносили, но на нихъ доносимо было, что они въ связи были съ Якобіемъ, Мыльниковъ якобы въ жалобахъ на губернатора Ламба по наущенію Якобія, а Сибиряковъ и также Мыльниковъ, якобы въ соучастіи злоупотребленія по провіантскому дѣлу и въ покровительствѣ будто Якобіемъ. Но не смотря на всѣ недоброжелательства тогда сената Якобію: онъ и они въ клеветѣ сей оправданы; словомъ, Якобіевское дѣло взяло свое начало не отъ доноса Сибирякова и Мыльникова на Якобія, но отъ доноса надворнаго совѣтника Парфентьева по сплетнямъ, всѣмъ здѣсь извѣстнымъ и отсюда происшедшимъ, о которыхъ и упоминать стыдно; въ третьихъ, въ письмѣ своемъ къ вамъ онъ г. генералъ-губернаторъ между прочимъ касается и до меня, говоря, что удивило и оскорбило его письмо мое къ вамъ, въ которомъ якобы вопреки всякой справедливости и безпристрастія я обвинялъ и порицалъ службу его въ глазахъ самого Государя.

Я ссылаюсь на самое то къ вамъ мое письмо, въ которомъ единственно прибѣгалъ къ милосердому сердцу Монарха движимъ будучи ревностію о его славѣ и просилъ, какъ частный человѣкъ, его благость о свободѣ изъ ссылки несчастныхъ стариковъ, не оправдывая ихъ и не обвиняя его ни-

чѣмъ, но только удостовѣрялъ, что они по взятіи съ нихъ надежнаго поручительства ни строптивыми, ни вредными быть не могутъ. Чѣмъ же я тутъ могъ обидѣть и раздражить г. генералъ-губернатора? Не тѣмъ ли, что я прибѣгалъ къ милосердію обожаемаго мною Монарха? или тѣмъ, какъ я тамъ сказалъ, что на нихъ сторонѣ законъ *и безъ суда они наказаны*? Это правда, и теперь смѣю остаться при томъ, что заключеніе двухъ министровъ по одностороннему представленію г. генералъ-губернатора о ихъ ссылкѣ *безъ изслѣдованія на мѣстѣ* едвали полный есть судъ, который бы могъ удостовѣрить публику о подлинной ихъ винѣ. Многіе опыты и самое дѣло Якобія меня въ томъ сильно увѣрили и по выписаннымъ его г. генералъ-губернатора *двумъ несправедливымъ заключеніямъ* имѣю я кажется все право сомнѣваться въ истинѣ; не говоря о прочихъ дѣлахъ въ выпискѣ показанныхъ, о коихъ я, какъ выше сказалъ, не знаю и ничего сказать не могу. Пусть спросятъ просителя; онъ тогда убѣдительно докажетъ недоброхотство къ его семейству и причины къ тому, корень свой имѣющія, совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ. Заключаю тѣмъ, что страсти человѣческія, защищаемыя людьми сильными и при всемъ строгомъ изслѣдованіи и судѣ съ трудомъ прямое лицо свое показываютъ; время только одно иногда обнаруживаетъ и освѣщаетъ ихъ. Впрочемъ всякій имѣетъ свои правила; я бы по моимъ не токмо вознегодовалъ, но самъ бы просилъ *чтобы по представленіямъ отъ меня производимымъ былъ судъ*; не желать его, я бы совѣстился. По прочтеніи свода дѣлъ прошу его возвратить ко мнѣ, а присланныя отъ вашего превосходительства бумаги при семъ возвращаю. Пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію.

Вашего превосходительства,

Милостиваго Государя моего

покорный слуга.

Подписалъ Гавріилъ Державинъ.

7.

Милостивый Государь мой,

Михайло Михайловичъ.

Прочитавъ доставленное ко мнѣ при почтенномъ отношеніи вашего превосходительства отъ сего мѣсяца въ спискѣ письмо титулярнаго совѣтника Пѣтухова на Высочайшее имя, я повсюду видѣлъ въ немъ одну только ложь и дерзость, съ коими Пѣтуховъ, представляя положеніе свое въ увеличенномъ видѣ, силится новыми замыслами запутавъ свое дѣло остановить или хотя продлить ослабленіе законной надъ нимъ строгости, и рѣшился вновь оскорблять сибирское начальство.

Я не удивляюсь клеветѣ Пѣтухова на меня и Иркутскаго губернатора, которые соблюдая святость законовъ и дорожа спокойствіемъ обширнаго края, обязаны были, обнаруживъ всѣ противузаконныя его дѣянія, положить конецъ онымъ. Въ семъ случаѣ наглость, для свойствъ Пѣтухова нѣкоторымъ образомъ неизбѣжна, потому что сіе единственное есть мщеніе людей сего рода; но обращаясь къ г. дѣйствительному статскому совѣтнику Фонъ-Бриггъ, теперешнему Тобольскому губернатору, онъ ни прежде, во время управленія его Томскою губерніею, ни послѣ, никакого вліянія на дѣла Пѣтухова не имѣлъ. Дерзость сія тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть строго наказанною, что порицается лицо совершенно постороннее, и такой начальникъ губерніи, котораго служба всегда основана была на чести.

Вообще все письмо Пѣтухова состоитъ изъ показаній нелѣпыхъ, подвиговъ небывалыхъ и страданій неслучавшихся; ибо есть ли отрѣшенъ онъ отъ должности, то довелъ себя до сего противозаконными поступками, за кои два раза сужденъ былъ въ Иркутской уголовной палатѣ и по суду приговоренъ къ лишенію чиновъ и къ ссылкѣ на поселеніе. Производившееся о семъ дѣло находится теперь въ правительствующемъ сенатѣ. И такъ притѣсненіе ли то, когда все сіе навлечено самимъ имъ Пѣтуховымъ, и когда правосудіе должно было воспріять свою силу!

Пишетъ Пѣтуховъ, «что удаленъ онъ безъ повелѣнія Его Императорскаго Величества обманомъ и усиліемъ въ вѣчное заточеніе къ Ледовитому морю Томской губерніи въ Туруханскую округу и въ семъ голодномъ мѣстѣ претерпѣваетъ тяжкое изнуреніе». Но изъ представляемыхъ при семъ подъ литерами А, Б, В и С, бумагъ [1]) ваше превосходительство изволите усмотрѣть во всемъ пространствѣ, что ябеднической духъ Пѣтухова; предпринятые имъ ложные доносы; вредъ, какой бы онъ могъ сдѣлать, оставаясь въ Иркутскѣ, и присоединяясь къ партіи извѣстной правительству ябедниковъ купцовъ Сибирякова и Мыльникова, съ коими состоялъ онъ въ тѣсной связи, требовали въ исполненіе Высочайше данную 23 мая 1803 года, Сибирскому генералъ-губернатору инструкцію, на основаніи которой Пѣтуховъ, до рѣшенія дѣла въ правительствующемъ сенатѣ, уклоненъ въ городъ Туруханскъ подъ легкій надзоръ и живетъ тамъ совершенно свободно. И къ сему удаленію, дозволенному впрочемъ инструкціею, не прежде приступилъ я, какъ донеся по порядку министру юстиціи, чтобы довести сіе до Высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора.

Здѣсь справедливость требуетъ сказать, что имѣя въ инструкціи точное положеніе, что должно дѣлать съ ябедниками, Сибирскій край заражавшими, мнѣ въ званіи генералъ-губернатора тамошняго, къ сожалѣнію весьма много представлялось случаевъ употреблять мѣру, инструкціею сею назначенную; но сохраняя себя всегда въ предѣлахъ умѣренности, поступалъ я на сіе единственно токмо въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ и тогда только, когда отдалялся чрезъ сіе вредъ общественный и развратъ въ Сибири укоренившійся. Истина сего свидѣтельствуется самыми тѣми лицами, кои под-

[1]) Бумаги сіи суть тѣ же, кои подносятся и г. министру полиціи.

верглись законной строгости и кои суть теперешній дерзкій проситель Пѣтуховъ, Иркутскіе купцы Сибиряковъ и Мыльниковъ; люди, которые были первою и единственною причиною всѣхъ ужасныхъ безпорядковъ, Иркутскій край раздиравшихъ. Извѣстно, что участь сихъ недостойныхъ своего имени граждапъ опредѣлена Монаршею волею. Но впрочемъ не въ моихъ правилахъ посягать на стѣсненіе свободы невиннаго, защита коего для меня священна.

Говоритъ Пѣтуховъ, что жена и дѣти его разлучены противъ общаго ихъ и его согласія; однако въ продолженіи дѣла не видно было, чтобы первая хотѣла съ дѣтьми ѣхать къ нему, а напротивъ, располагавшись отправиться въ разные россійскіе города, и оставляя дѣтей въ Иркутскѣ, предоставляла оныхъ собственной ихъ судьбѣ.

Настоящая, принесенная отъ Пѣтухова всеподданнѣйшая просьба, противорѣчитъ показанію его, будто бы положеніе его столь стѣснено, что и писать онъ не можетъ. Обширность сей просьбы и многихъ другихъ, прежде отъ него посланныхъ; свобода, съ коею онѣ были составляемы, и новѣйшія свѣдѣнія, доходящія до меня изъ Томска о новыхъ затѣяхъ Пѣтухова уже и въ Туруханскѣ, подтверждаютъ ложь его жалобы, и я ожидаю только о семъ формальнаго донесенія.

Проситъ Пѣтуховъ взять его въ С.-Петербургъ или представить къ князю Алексѣю Борисовичу для подробныхъ объясненій; но я, по бытности моей въ Тобольскѣ предоставлялъ ему и даже убѣждалъ его говорить все, что онъ хочетъ, но Пѣтуховъ отзывался, что бумаги его въ Иркутскѣ, безъ коихъ ничего сказать не можетъ; въ Иркутскѣ не отвѣчалъ потому, что какъ говорилъ, сдѣлано имъ всеподданнѣйшее донесеніе Государю Императору; а теперь—полагая, что и нынѣ бумагъ иркутскихъ не имѣетъ при себѣ,—желаетъ говорить о всемъ уже здѣсь. Какъ же согласить сіи противорѣчія?

Пѣтуховъ, продолжая неистовую свою дерзость, осмѣлился испрашивать, чтобъ даже не забирать о немъ никакихъ справокъ, а счесть его справедливымъ по однимъ словамъ его. Онъ проситъ также, какъ требовалъ и въ Иркутскѣ, остановить дѣло его по правительствующему сенату и по министерствамъ. Всѣ черты сіи не явно ли открываютъ изступленіе и дерзость, превосходящую всякое вѣроятіе? Между тѣмъ главная цѣль сего есть злобное желаніе: явиться съ новыми оклеветательными доносами и опять, чтобы, запутавъ дѣла, ежели не избавиться, то по крайней мѣрѣ остановить заслуженное имъ наказаніе.

Наконецъ Пѣтуховъ переходитъ отъ одной крайности къ другой. Онъ, наполнивши письмо свое порицаніемъ, клеветою и оскорбленіемъ всего Сибирскаго начальства,—оскорбленіемъ, которое въ порядкѣ общаго благоустройства требуетъ примѣрнаго наказанія, вдругъ испрашиваетъ уже перевесть его на жительство Иркутской округи въ Балаганскій острогъ, дабы, какъ говоритъ онъ, могъ провести тамъ свою жизнь спокойно. Но какъ Пѣтуховъ выводитъ притѣсненія будто бы оказанныя ему отъ Иркутскаго начальства, и меня лично называетъ человѣкомъ, находящимъ удовольствіе цѣлыя семейства дѣлать несчастливыми, то какъ же согласить сіе желаніе съ

желаніемъ его жить спокойно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ люди столь жестокіе начальствуютъ? Зачѣмъ онъ порывается основать пребываніе свое въ губерніи, толико непріятной по словамъ его, и какое надѣется онъ найтить спокойствіе тамъ, гдѣ считаетъ нерасположеннымъ къ себѣ вообще все мѣстное управленіе? И здѣсь видна цѣль Пѣтухова: возбудить прежнія ябедническія партіи и продолжать доносы безконечно. Таковое намѣреніе безъ сомнѣнія имѣетъ обширные виды и состоитъ въ связи съ планами купцовъ Сибирякова и Мыльникова, клеветнической коихъ голосъ хотя замолкъ теперь и градское общество успокоилось потому только, что черезъ отдаленіе ихъ по Высочайшей волѣ въ уѣздные города не могутъ уже они дѣйствовать на оное столь вредно, какъ до сего бывало, но, можетъ статься, виновники золъ сихъ питаютъ еще себя надеждою возвратиться въ Иркутскъ и предстать среди общества не съ духомъ мирнаго расположенія, но со всѣми ужасами злобы и мщенія, къ чему только они склонны.

Я представляю обстоятельства сіи благоуваженію вашего превосходительства и для доклада Его Императорскому Величеству. Взвѣсивъ все сіе съ справедливостію, свойственною вамъ, милостивый государь мой, изволите вы удостовѣриться, сколь тягостна обязанность начальника отдѣльнаго Сибирскаго края, когда онъ, желая въ точности исполнить монаршее ожиданіе, долженъ коснуться неурядицы, временемъ и мѣстными причинами укорененной и поддерживаемой общимъ стремленіемъ къ неустройствамъ. Тяжесть сія, многообразныя противоборствія вводимому порядку, происходящія отсюда неудовольствія, легко возбуждающія къ доносамъ людей и безъ того симъ зараженныхъ, — утомляютъ мое терпѣніе, отнимаютъ руки свободно и успѣшно дѣйствовать въ званіи всемилостивѣйшею довѣренностію на меня возложенномъ, безпрестанно занимаютъ меня и канцелярію мою одними только бумагами, содержащими объясненія на клеветническія просьбы зловредныхъ доносителей, ибо по одному дѣлу Пѣтухова уже въ 3 или въ 4 разъ подаются сіи объясненія и заставляютъ имѣть съ ними оскорбительныя состязанія. Я конечно вмѣняю себѣ въ священный долгъ тотъ трудъ, чрезъ который исполнена мною воля Всемилостивѣйшаго Государя, означенная IX ст. въ 9 отдѣленіи инструкціи, т. е. что утверждено спокойствіе и тишина Иркутскаго края тѣми мѣрами, которыя приняты мною съ великою дѣятельностію. Но основаніе сего подрывается новыми ковами людей чуждыхъ всякаго добра, изъ коихъ первый есть титулярный совѣтникъ Пѣтуховъ. Сей неблагомыслящій, сей зловредный, дерзкій и отчаянный человѣкъ, ободренный теперь предписаніемъ нынѣшняго г. министра юстиціи, учиненнымъ мимо генералъ-губернатора, Томскому прокурору о наблюденіи, дабы ему и женѣ его, буде она въ Томской губерніи находится, не было дѣлано никакихъ притѣсненій, хотя и нѣтъ объ нихъ дѣлъ по сей губерніи, — станетъ еще болѣе обременять высшее правительство своими доносами и клеветническими жалобами; а мѣстное начальство не можетъ остановить его въ семъ, по причинѣ означеннаго предписанія и объявленнаго въ немъ Высочайшаго повелѣнія, по опасенію, чтобы не отнеслось сіе къ стѣсненію Пѣтухова. Сею мѣрою обращены въ ничто распоряженія къ воздержанію Пѣтухова; распоряженія, предпринятыя на точномъ основаніи Вы-

сочайшей инструкціи Сибирскому генералъ-губернатору и необходимыя по существу дѣла; и въ свое время до Высочайшаго свѣдѣнія доведенныя.

Предавая сіе благоусмотрѣнію вашего превосходительства какъ и то справедливое замѣчаніе, сколь вредно быть можетъ подобное вниманіе къ человѣку, сего незаслуживающему и готовому при первомъ случаѣ употребить сіе во зло, — я долженъ обратиться къ заключенію, что польза цѣлаго края, спокойствіе Иркутской губерніи требуютъ, чтобы Пѣтуховъ оставался въ настоящемъ положеніи подъ строгимъ надзоромъ, и чтобы именно объявлена ему о семъ была Высочайшая воля. Иначе всѣ труды, подъятые на пользу общественную и для водворенія порядка и спокойствія въ разстроеннѣйшей Иркутской губерніи, останутся безуспѣшны и ложные доносители, возникнувъ съ злобными своими умышленіями, приведутъ ее ежели не въ худшее, то конечно въ прежнее дурное состояніе.

Я убѣдительно испрашиваю ходатайства о семъ вашего, милостивый государь мой, у Его Императорскаго Величества и буду имѣть честь ожидать на сіе отзыва. Пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію,

Милостивый Государь мой, Вашего Превосходительства

Иванъ Пестель.

№ 359.
Февраля 18 дня, 1811 г.
С.-Петербургъ.
Его Превосходительству
М. М. Сперанскому.

8.

Милостивый Государь!

Туруханскій городничій доставилъ мнѣ письмо Пѣтухова къ тамошнему почтовому экспедитору, которое оригиналомъ честь имѣю поднести вашему высокопревосходительству съ запискою о тѣхъ лицахъ, которыя въ письмѣ упоминаются. Я долженъ отдать справедливость господину Сарапчеву, что онъ всемѣрно заботился удержать спокойствіе въ Туруханскѣ.

Другой товарищъ его уѣздный судья Покровскій прибылъ въ Енисейскъ предъ вскрытіемъ рѣки, потерявъ одного ребенка отъ стужи и подвергнувъ болѣзни жену свою и остальныхъ дѣтей. Назадъ отправить семейство онъ не въ силахъ, а завести въ Туруханскъ страшится и подумать. Я не смѣю просить ваше высокопревосходительство о переводѣ его въ другое мѣсто; но не могу и не уважить бѣдственнаго положенія сего чиновника, ожидающаго себѣ милости единственно отъ васъ. Онъ проситъ сдѣлать изъ него какое угодно употребленіе, только избавить Туруханска. Оставя просьбы его

безъ отвѣту, я далъ ему коммисіи по службѣ въ Енисейскій округъ, которыми и займется онъ до приказанія вашего высокопревосходительства.

Къ оффиціальному донесенію моему осмѣливаюсь присовокупить всепокорнѣйшую просьбу явить милость здѣшнему краю облегченіемъ денежнаго сбора за рекрутъ. 20 съ души по новой ревизіи, нѣтъ никакой возможности собрать и особливо въ нынѣшнее несчастное время, когда нѣтъ ни хлѣба, ни травъ. Ежели бы даже должно было продавать и имущество крестьянское за недоимки, то никто не купитъ, ибо скота кормить нечѣмъ. Сборъ сихъ денегъ увеличитъ только доимку, и я боюсь, что земская повинность совершенно разстроится.

Испрашивая покровительства вашего высокопревосходительства, имѣю честь пребыть на всегда съ глубочайшимъ почтеніемъ,

Милостивый Государь, Вашего Превосходительства

покорный слуга Василій Марченко.

Томскъ.
1 августа 1812 г.

9.

Милостивый Государь мой Михайло Михайловичъ.

О обстоятельствахъ дѣлъ извѣстнаго вашему превосходительству титулярнаго совѣтника Пѣтухова, удаленнаго въ г. Туруханскъ подъ надзоръ тамошняго начальства, я имѣлъ счастіе лично всеподданнѣйше представлять Его Императорскому Величеству и удостоился принять Высочайшее соизволеніе доставить къ вамъ, милостивый государь мой, нужныя по сему предмету бумаги.

Въ исполненіе сего имѣю честь препроводить присемъ къ вашему превосходительству особую записку, извлеченную изъ свѣдѣній, полученныхъ мною съ послѣднею изъ Сибири почтою отъ г. Томскаго гражданскаго губернатора Марченка. Изъ приложенія сего вновь изволите вы, милостивый государь мой, усмотрѣть, что Пѣтуховъ пользуясь покровительствомъ, какое предъ симъ оказано ему чрезъ предписаніе министра юстиціи Томскому губернскому прокурору, минуя генералъ-губернатора и губернатора, и считая себя послѣ сего внѣ всякой зависимости, обратился опять къ безпорядкамъ. Онъ перессорилъ между собою чиновниковъ города; вмѣшивается въ дѣла городническаго правленія и городовой ратуши; пишетъ бумаги отъ одного чиновника на другаго; вводитъ духъ смуты и даже руководствуетъ нѣкоторыми изъ нихъ, такъ, что земскій исправникъ, на коего онъ больше нападаетъ съ своими сообщниками, доноситъ, что если не сдѣлано будетъ Пѣтухову пре-

грады, то по связямъ его со многими чиновниками и частными людьми, составится и въ Туруханскѣ ябедническая партія.

Для пресѣченія настоящихъ возникшихъ въ Туруханскѣ неустройствъ, наипаче отъ личностей происходящихъ, и для предупрежденія всѣхъ золъ опаснѣйшихъ, и даже, при необузданной дерзости Пѣтухова, невообразаемыхъ, я вторично находя себя въ необходимости покорнѣйше испрашивать о исходатайствованіи Высочайшаго повелѣнія, *дабы Пѣтуховъ* оставленъ былъ въ теперешнемъ мѣстѣ пребыванія его не инаково, какъ подъ строгимъ присмотромъ. «Въ противномъ случаѣ не отвѣчаю и за вреднѣйшія послѣдствія, отъ самовольства сего человѣка произойти могущія, въ отдаленномъ и развратными людьми наполненномъ краѣ» [1]).

Что же касается до чиновниковъ, дозволившихъ себѣ непорядки, нарушающіе тишину и спокойствіе, то по полученіи на сіе разрѣшенія, не оставлю и сдѣлать предписанія, чтобы поступки ихъ разсмотрѣны были на законномъ основаніи. Пребываю и проч.

Ив. Пестель.

№ 371.
Февраля 21 дня, 1811 г.
С.-Петербургъ.
Его Превосходительству
М. М. Сперанскому.

10.

Въ 1807 году находящійся при управленіи, состоящихъ за бывшимъ коммерціи совѣтникомъ Передовщиковымъ Иркутскихъ сборовъ, повѣренной отъ него мѣщанинъ Андреянъ Третьяковъ, найдя общій съ Иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ интересъ, чтобъ лишить настоящаго хозяина упомянутыхъ сборовъ, и отдать содержаніе оныхъ въ чужія руки, первый изъ нихъ подалъ безъ воли и довѣрчивости хозяина своего о передачѣ тѣхъ сборовъ въ казенную экспедицію прошеніе, а послѣдній, яко предсѣдательствующая особа, по оному утвердилъ, за Иркутскими купцами Ивановымъ и Забѣлинскимъ.

Когда жена Передовщикова пріѣхала съ коммисіонеромъ Лысовымъ изъ С.-Петербурга въ Иркутскъ съ полною отъ мужа своего по тѣмъ сборамъ довѣренностію, и видя что сборы переданы содержаніемъ упомянутымъ купцамъ, просила губернатора оные ей возвратить, который сказалъ ей, что она будетъ удовлетворена. На другой день сдѣлалъ въ домѣ своемъ балъ, и пригласилъ между прочимъ на оный жену Передовщикова, съ коммисіоне-

[1]) Отмѣченныя вносными знаками слова приписаны въ проектѣ бумаги рукой Пестеля. Проектъ подписанъ Пестелемъ и затѣмъ подпись зачеркнута.

ромъ Лысовымъ, такъ же упомянутыхъ купцовъ Иванова и Забѣлинскаго, созвалъ именованныхъ въ свой кабинетъ, уговаривалъ жену Передовщикова, чтобъ она оставила тѣ сборы за упомянутыми купцами, ручаясь за нихъ начальствомъ; но какъ она въ томъ ему отказала и вышла изъ кабинета въ гостиную, тогда подсѣлъ къ ней генералъ-губернаторъ Пестель, спрашивалъ ее, согласилась ли она на просьбу Николая Ивановича, которая отвѣчала ему, что нельзя ей исполнить его желанія, поелику сборы остаются за нашими залогами. Между тѣмъ губернаторъ въ кабинетѣ подойдя къ коммисіонеру Лысову просилъ его, чтобъ онъ убѣдилъ жену Передовщикова за утро подать о утвержденіи тѣхъ сборовъ за сказанными купцами, въ казенную экспедицію прошеніе и отдалъ бы ей, отъ Иванова и Забѣлинскаго на 15.000 руб. вексели и пять тысячъ ассигнаціями, которые и положилъ за фракъ Лысову; съ тѣмъ и вышли всѣ изъ кабинета вонъ. — На другой день губернаторъ присылаетъ городничаго Карташова въ домъ Передовщиковой узнать, согласилась ли она на предложеніе его, которая, отдавъ городничему упомянутыя векселя и деньги сказала, что она не можетъ никакъ исполнить просьбу Николая Ивановича; точность сего отъ губернатора поступка доказывается тѣмъ, что тогда жъ на прошеніе Передовщикова правительствующій сенатъ, указомъ отъ Иванова и Забѣлинскаго упомянутые сборы отобралъ и возвратилъ Передовщикову, который, избѣгая впредь подобнаго насилія, передалъ содержаніе ихъ Иркутскому купцу Солдатову за 80.000 р.

Отъ сей значительной интересной потери, возгорѣлась въ губернаторѣ къ Передовщикову злоба, онъ началъ тѣснить коммисіонера Лысова по провіантской части въ покупкѣ хлѣба. Передовщиковъ, будучи въ необходимости, подалъ и о семъ съ товарищемъ своимъ Зеленцовымъ министру Вязмитинову въ 1807 году прошеніе, по которому требовалось отъ генералъ-губернатора отвѣтствіе. Тогда генералъ-губернаторъ съ губернаторомъ, явно обнаружили мщеніе свое къ Передовщикову, и дабы избѣгнуть по дѣламъ его отвѣтственности, и важнаго по провіантской части взысканія, употребили всѣ средства замѣшать Передовщикова по какому либо дѣлу и прибрать его въ свои руки. Сначала генералъ-губернаторъ изыскивалъ предложеніями своими по Томской и Тобольской губерніямъ, нѣтъ ли гдѣ до Передовщикова по судебнымъ мѣстамъ какого дѣла; но когда нигдѣ онаго не нашелъ, а Передовщиковъ уже находился при управленіи С.-Петербургскаго откупа, тогда разстроя изъ числа тѣхъ повѣренныхъ, которые захватили у Передовщикова въ 1805 и 1806 годахъ по Иркутскимъ сборамъ болѣе 80.000 руб. и чтобъ замѣшать его по тѣмъ прошедшимъ сборамъ, а имъ избавиться отъ упомянутаго взысканія, въ томъ же 1807 году подкинуты были близъ города Иркутска въ лѣсъ бумаги, которыя Иркутская полиція представя помимо правительства, прямо въ домъ губернатора, которому тогда же губернскій прокуроръ Петровъ, и предсѣдатель палаты Горновскій докладывали, что не слѣдовало бы таковыя бумаги, яко неоглашенныя никѣмъ потерею, принимать, а особливо держать болѣе мѣсяца въ своемъ домѣ; и за то первый, тогда же, по представленію губернатора, уволенъ изъ Иркутска въ Тобольскъ, а послѣдній отрѣшенъ отъ должности. На мѣсто оныхъ къ выполненію сего

предначмѣренія опредѣлилъ изъ домовой своей канцеляріи губернскаго секретаря Шлакова и совѣтника палаты Корюкова; перваго изъ оныхъ обѣщалъ произвести въ губернскіе прокуроры, а послѣдняго предсѣдателемъ палаты съ наградою ордена, и когда оные на выполненіе плана его согласились, тогда губернаторъ, устранивъ всѣ судебныя инстанціи Высочайше учрежденныя сколько для точнѣйшаго поясненія сдѣланнаго преступленія, а болѣе для открытія возможнѣйшихъ способовъ къ оправданію обвиняемаго, препроводилъ изъ дому своего чрезъ правительство прямо въ назначенную имъ палату, которая, сдѣлавъ изъ оныхъ выписку, невидавъ Передовщикова и не спрося, заочно присудила его мнѣніемъ своимъ къ лишенію честнаго имени, доставя таковую выписку генералъ-губернатору; а оный чрезъ нарочнаго представилъ ее въ видъ Монарха по докладу князя Лопухина, а съ тѣмъ вмѣстѣ испрашивалъ послѣдняго и о утвержденіи выбранныхъ губернаторомъ упомянутыхъ чиновниковъ съ наградою Корюкову ордена; по которому князь Лопухинъ съ тѣмъ же нарочнымъ не только исполнилъ во всѣхъ частяхъ требованіе губернатора, но и вынесъ въ пополненіе по докладу своему именное повелѣніе, въ которомъ изображено было: по требованію Сибирскаго генералъ-губернатора, выслать коммерціи совѣтника Передовщикова къ нему, гдѣ онъ находится; но по правамъ не долженъ знать генералъ-губернаторъ до рѣшительнаго опредѣленія мнѣніе палаты, тѣмъ паче представляетъ о томъ Высочайшей власти; и что именнымъ Высочайшимъ указомъ Александръ Первый, къ благоденствію своихъ подданныхъ запретилъ генералъ-губернаторамъ подсудимыхъ людей отъ лица своего требовать въ высылку, да и тѣмъ судебнымъ мѣстамъ, до которыхъ оные принадлежать будутъ, таковое требованіе чинить не далѣе трехъ сотъ верстъ; не долженъ былъ сей Высочайшій указъ затмѣвать предъ лицомъ Монарха, и домогаться въ нарушеніе онаго выносить особой; на чтожъ законы писать, когда ихъ не хранить? тѣмъ паче, что не имѣвъ отъ генералъ-губернатора о высылкѣ Передовщикова требованія, вымыслилъ и ввелъ оное въ имянное повелѣніе, а чрезъ то оторвалъ Передовщикова нечаянно отъ управленія Санктпетербургскаго откупа поставки по всѣмъ тремъ Сибирскимъ губерніямъ для войскъ, тамъ расположенныхъ, провіанта, и купецкой коммерціи и выслалъ за 4000 верстъ, какъ злѣйшаго преступника, за стражею квартальнаго офицера и двухъ драгунъ къ нему въ Тобольскъ; отъ чего вся гибель и раззореніе Передовщикову послѣдовали. По пріѣздѣ Передовщикова, содержа его въ Тобольскѣ болѣе трехъ мѣсяцовъ подъ стражею безъ всякаго спросу; почему Передовщиковъ убѣждалъ тогда Тобольскаго городничаго испросить генералъ-губернатора, причину его требованія, но генералъ-губернаторъ, видя, что выше упомянутая лѣсная находка давно законами отвергнутая не можетъ по правамъ подвергнуть Передовщикова суду, объявлялъ ему чрезъ тогожъ городничаго двукратно, что онъ его не требовалъ: а между тѣмъ, домогался на представленіе свое отъ князя Лопухина, чтобы предать его по тѣмъ бумагамъ суду, особаго на то именнаго повелѣнія; и когда оное получилъ, то и препроводилъ Передовщикова изъ Тобольска въ Иркутскъ; гдѣ губернаторъ приказалъ Передовщикова посадить въ отведенномъ вет-

номъ домѣ въ узкую перегородку, наполненную разными отъ сырости и гнилости насѣкомыми, и сія политическая пытка, ввергнула Передовщикова въ жестокую болѣзнь, но не смотря на оную приставили къ нему четырехъ драгунъ при квартальномъ офицерѣ со строгимъ приказаніемъ, чтобъ частныхъ людей, а особливо его повѣренныхъ ни подъ какимъ видомъ къ нему не допускать. Простирая мщеніе свое до такой степени, что и пріѣхавшему коммисіонеру купцу Лабохину вслѣдъ за Передовщиковымъ въ Иркутскъ, съ полною отъ него и товарища его купца Полуянова по провіантской части довѣренностію, воспретилъ дѣйствовать по оной и не допустя его видѣть Передовщикова, и отдать въ данномъ ему капиталѣ отчетъ, приказалъ тогдажъ властію своею выслать его частному приставу за Ангару съ поволкою воть; а дабы истребить совсѣмъ имя по дѣламъ Передовщикова, расторгнулъ генералъ-губернаторъ, по сей части и заключенный по Тобольской, Томской и Иркутской губерніямъ Высочайше конфирмованный на 6 лѣтъ контрактъ, исключа изъ онаго Передовщикова и товарища его Полуянова; предоставилъ по оному исполненіе послѣднимъ двумъ товарищамъ Передовщикова Зеленцову и Куклину, вмѣстѣ съ заложеннымъ Передовщикова по сей части капиталомъ на семдесять тысячъ рублей.

Между тѣмъ губернаторъ, угнетая Передовщикова подъ предлогомъ почитаемой безъ разсчету на имя Иркутской казенной экспедиціей по сборамъ 153.000 рублей доимки, но когда жена Передовщикова, узнавъ о таковомъ стѣсненіи мужа своего, внесла въ казну впредь до разсчету съ нимъ 213 000 руб., тогда правительствующій сенатъ на просьбу ея, Иркутскому правительству указомъ предписалъ, дабы не разорять Передовщикова невинно, дать ему по купецкой коммерціи свободу, и допустить къ нему для разсчетовъ всѣхъ повѣренныхъ; но губернаторъ и сему правительствующаго сената указу не повиновался, и явными стѣсненіями лишили безъ суда Передовщикова, какъ всего производства дѣлъ его, на многіе милліоны съ казною заключенныхъ, такъ и задолженнаго по онымъ, имѣющагося въ рукахъ повѣренныхъ и частныхъ людей капитала, болѣе 700.000 р. и тогда уже приступили судить его по найденнымъ въ лѣсу бумагамъ.

Совѣтникъ Корюховъ, явясь въ палату въ званіи предсѣдателя и въ орденѣ св. Владиміра, вытребовалъ Передовщикова въ 10 часу ночи больнаго за стражею квартальнаго офицера и двухъ съ обнаженными саблями драгунъ, въ присутствіе палаты; дабы болѣе его въ семъ положеніи разстроить, то дѣлая надъ нимъ насмѣшки и ругательства, объявилъ ему, что онъ по предписанію министра юстиціи князя Лопухина, преданъ суду по найденнымъ въ лѣсу бумагамъ до прошедшаго его Иркутскихъ сборовъ въ 1805 и 1806 годахъ содержанія прикосновенныхъ. Тогда Передовщиковъ изъяснилъ ему: 1) что онъ къ управленію тѣхъ сборовъ съ начала и до конца не приступалъ, и никакихъ на злоупотребленія повѣреннымъ приказаніевъ не давалъ, какъ только подтверждалъ онымъ выполнить заключенный по сборамъ контрактъ съ точностію, почему никакая отвѣтственность по онымъ до него касаться не можетъ; и еслибы 2) тѣ подкинутыя въ лѣсъ бумаги могли быть дѣйствительнаго состава и подлога его повѣренныхъ, и для большаго онымъ

вѣроятія примѣшанныя были къ нимъ и подлинные нѣкоторые документы, по коимъ палата находила бы какую либо до него прикосновенность, то просилъ оные ему объявить, и позволить къ изобличенію фальшивости ихъ представить ему при бумагѣ имѣющіеся у него подлинные получаемые отъ тѣхъ повѣренныхъ о приходѣ и расходѣ питей, денегъ, документы, дабы палата могла сличить одни съ другими, видѣть его невинность и обнаружить злостный вымыселъ его повѣренныхъ; но палата и безъ того ясно видя невинность Передовщикова, не могла уже, отступить отъ перваго по выпискѣ своего мнѣнія; не могла не исполнить желанія мѣстныхъ начальниковъ, не обвинивъ онаго. Потомъ предсѣдатель Корюковъ, не принявъ отъ Передовщикова упомянутаго объясненія, не показавъ ему какъ изъ допроса его по дѣлу явствуетъ, при судѣ подкинутыхъ въ лѣсъ бумагъ, не сдѣлавъ онымъ съ подлинными документами, сличенія, ниже, взявъ по дѣлу оправданіе, сказалъ ему: «подойди-ка, братъ, лучше поближе къ налою; и въ чемъ тебя будутъ спрашивать, то отвѣчай.» Моря его до 1 часу за полночь, и доведя до такого изнеможенія, что предсѣдательскій сынъ, опредѣленный нарочно въ то время секретаремъ къ производству сего дѣла, его спрашивалъ, и что Передовщиковъ отвѣчалъ, истинно не помнитъ; и изнемогавшій отъ болѣзни и разстроенный къ тому ругательствомъ и насмѣшками предсѣдателя, дабы избѣгнуть душевнаго и тѣлеснаго мученія, въ безпамятствѣ подписалъ свои отвѣты. На другой день, не смотря на умножающуюся болѣзнь Передовщикова, взятъ онъ былъ паки въ ночное время въ вышеупомянутое присутствіе палаты, гдѣ предсѣдатель Корюковъ, указывая на предстоящаго тутъ въ присутствіи повѣреннаго его Игнатьева, говорилъ Передовщикову съ насмѣшкою, что онъ лучше тебя, потомъ домогался подъ разными предлогами отъ Игнатьева, чтобъ сдѣлалъ на Передовщикова какое ни есть показаніе; но какъ всѣ его старанія и происки были тщетны, то наконецъ оборотясь къ Передовщикову, сказалъ ему: давалъ ли ты Игнатьеву приказанія? который отвѣчалъ ему—давалъ; но въ какой силѣ, и на какой предметъ, о семъ не спрошено; тѣмъ кончила палата, какъ видно, Передовщикову съ Игнатьевымъ очную ставку, и болѣе уже Передовщикова не спрашивала; и таковымъ только вымышленымъ подлогомъ и неимовѣрнымъ въ судопроизводствѣ насиліемъ, домогалась палата закрыть злодѣевъ сего вымысла, замѣшавъ Передовщикова, приговорить на лишеніе послѣдняго имѣнія и чести, съ ссылкою въ каторжную работу.—По еслибъ таковой приговоръ палаты утвержденъ былъ правительствующимъ сенатомъ, то не было бы нужды домогаться генералъ-губернатору извлекать по дѣлу между многихъ замѣшанныхъ благороднаго сословія людей, одного Передовщикова, и дѣлать объ немъ особый таковой докладъ, что якобы нѣкоторые сенаторы дѣлали ему по дѣлу поноровку, и таковою клеветою остановить приговоръ палаты, и подвергать его по оному безвременно гибельному жребію; поелику дѣло еще и послѣ едвали въ государственномъ совѣтѣ рѣшено, а Передовщиковъ уже по оному 10 лѣтъ оправданъ; и если сообразить съ правами тотъ приговоръ палаты, и послѣдовавшій на оный сената докладъ, тогда клевета злобы сама по себѣ обнаружится, да и весь ходъ сего дѣла докажетъ, что упомянутыя особы

выступя изъ границъ данной имъ власти, вмѣшались въ порѣшенное судебныхъ мѣстъ дѣло, дѣлали по оному насиліе и очевидный подборъ присутствующихъ, не только не повиновались указамъ правительствующаго сената но оклеветали рѣшеніе онаго, выносили вопреки Именныхъ Высочайшихъ указовъ указы: и наконецъ, выведши Передовщикова больнаго изъ той квартиры, гдѣ содержался, въ Иркутское губернское правительство для выслушанія конфирмаціи, потомъ прямо проведенъ онъ былъ городничимъ Карташевымъ въ градскую часть; оставшійся же на квартирѣ его экипажъ, подлинные поввѣренныхъ документы, разные акты и бумаги, относящіеся ко всѣмъ съ казною и частными людьми обязанностямъ, остались въ рукахъ невинныхъ (?) Передовщикову. Такимъ образомъ совершилась участь невиннаго гражданина, заслуживающаго поведеніемъ своимъ не только отъ всѣхъ благомыслящихъ себѣ похвалу, но и удостоеннаго Императоромъ Павломъ Первымъ Высочайшимъ рескриптомъ съ названіемъ именитаго купца и полнымъ Монаршимъ благоволеніемъ, потомъ за двукратное спасеніе города Туруханска и округа онаго, жителей погибающихъ отъ глада и обезпеченіе на будущее время отъ онаго, взносомъ на благовременную навсегда покупку и приготовленіе хлѣба собственнаго въ казну капитала, имѣвъ счастіе получить и отъ нынѣ царствующаго Императора: во 1) по Именному указу благоволеніе, во 2) награжденъ чиномъ коммерціи совѣтника, но въ 3) мщеніе, затмивъ пожертвованіе капитала вопреки поданнаго въ первый день января 1807 года Высочайшаго манифеста, подвергнуло по старости лѣтъ его страдать наравнѣ съ злѣйшими преступниками.

Утвердилъ и подписалъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1.

Разсказъ Петра Ивановича Обухова (ирк. куп.; зап. 13 февр. 1869 г.).

Мнѣ тогда было 22 года. Трескину (жену) убили лошади; ямщикъ удавился со страху. Бѣлявскій сошелъ съ ума отъ ея смерти. Бѣлявскій былъ человѣкъ умный и дѣльный. Трескинъ умѣлъ выбирать людей: у него всѣ были дѣльные люди. Рубцевъ Иванъ Александрычъ—служилъ у него въ канцеляріи; Третьяковъ Алексѣй Иванычъ — смотритель гражданской больницы. Исправники были: Лоскутовъ; Ленскимъ—Романовъ Александръ Иванычъ; кто былъ Иркутскимъ исправникомъ, не помню. Исправники всѣ пострадали при Сперанскомъ; не пострадалъ только Романовъ. У Трескина была большая власть,—даже законодательная: зятя моего Передовщикова сослалъ въ Нерчинскъ,—а Передовщиковъ былъ откупщикъ, сильный и почетный человѣкъ; Мыльникова, Дудоровскаго, Сибирякова разослалъ по разнымъ городамъ,—куда, не помню: кажется въ Баргузинъ, Верхнеангарскъ, и еще куда-то. Нынѣшній домъ Павла Баснина былъ моего отца. Отецъ мой сначала былъ богатый человѣкъ; но кяхтинскія дѣла разорили его; онъ началъ попивать. Трескинъ, чтобы помочь ему, купилъ домъ въ казну; но деньги ему вдругъ не выдалъ: пропьешь, говорилъ, Иванъ Андреичъ! Трескинъ былъ прекрасный, распорядительный начальникъ. Что до него-то было!— Четыре лога помню въ Иркутскѣ, гдѣ до него тонули телята и поросята; одинъ логъ—нынѣ думскіе ряды.—А Хамаръ-Дабанская дорога.—Это было великое дѣло. А къ Николѣ [1]) вовсе нельзя было проѣхать; мостовъ не было. Тріумфальныя ворота онъ выстроилъ; чисто для украшенія города. Преданіе о французахъ было—но вздоръ чистый; когда бы они до насъ дошли?— Человѣкъ дѣятельный. Конечно, съ казной онъ дѣлился порядочно. И насчетъ взятокъ то же. Главнымъ дѣятелемъ у него по этой части былъ Третьяковъ. Тайша, напримѣръ, что ли, есть дѣло порядочное—къ Третьякову.—Губернаторъ, говоритъ этотъ, не беретъ,—а вотъ Агнесѣ Ѳедоровнѣ надобно поклониться. Купи мѣхъ соболій.—Принесутъ мѣхъ, сторгуются тысячъ за пять, за шесть; и мѣхъ возьмутъ, и деньги. Другому, третьему,—то же. Одинъ-то мѣхъ разъ 50 и продали. Надо вспомнить тогдашнее время: никакого образованія не было; гимназія открыта только въ 1811 го-

[1]) Никольская пристань, близъ Байкала. В.

ду [1]. Надо было взвѣсить его хорошія и дурныя дѣла—и потомъ судить. Что будто Агнесу Өедоровну нарочно убили—это сказки.

При Сперанскомъ я въ Иркутскѣ не былъ; жилъ то въ Кяхтѣ, то въ Красноярскѣ. Слыхалъ объ немъ кое-что отъ другихъ. Кажется, встрѣча ему была; съ вензелями [2]. Останавливался у Еѳ. Андреевича. Каждый день прогуливался въ зелененькой сафьяной фуражкѣ; приближенный у него былъ, Крестниковъ, что-ли. Переворотъ только тотъ и былъ, что смѣнилъ властей, принималъ просьбы. А попали немногіе: Трескинъ, Лоскутовъ. Сперанскаго уважали и любили, тѣмъ болѣе, что онъ началъ тѣснить Трескина,—а Трескинъ, извѣстно, былъ врагъ общества. Уставы его (Сперанскаго), когда были изданы, производили благодѣтельное впечатлѣніе; всѣ были довольны. Вѣдь до-того у насъ были только указы; тысячъ 30 ихъ было. Отъ этого и расплодились разные съ приписью подьячіе.—Чиновниковъ при немъ было не много. Вѣдь чиновники главное стали наѣзжать только со времени Муравьева; а до того все были свои, сибиряки. Населеніе тогда здѣсь было маленькое, тысячъ до 11.

2.

Разсказъ Дмитрія Осиповича Портнова (бывшій ирк. куп. Записанъ 12 февр. 1869 г.).

Сперанскій пріѣхалъ скромно, ночью; (?) остановился у Ефима Андреича. Изъ чиновниковъ его помню Крестникова, Батенькова. Былъ еще у него любимецъ—не припомню фамиліи... можетъ быть и Цейеръ. При немъ были блистательные балы, маскарады,—въ биржѣ надъ большимъ гостинымъ. Всѣ его чиновники принимали участіе и очень замысловато маскировались. Я бы, кажется, припомнилъ даже, какъ кто нибудь изъ нихъ былъ замаскированъ. Зала была очень огромная,—куда наше благородное собраніе! Въ обращеніи былъ человѣкъ очень мягкій, отличный. Впечатлѣніе произвелъ самое благодатное, самое пріятное. Никакихъ волненій и никакихъ переворотовъ при немъ не было; и Трескинъ оставался на своемъ мѣстѣ; уже послѣ Сперанскаго его удалили (?). Велъ себя просто, часто обѣдывалъ въ купеческихъ домахъ. Головой былъ тогда, помнится, который-то Трапезниковъ. О буклахъ не помню; если это было, то вѣрно съ женой Николая Петровича (Трапезникова); Марья Дмитревна; она точно была такая толсту-

---

[1]) Это ошибка: гимназія открыта въ 1805 году. В.

[2]) Здѣсь память измѣнила Н. Н.—Встрѣчи Сперанскому не было. Впрочемъ г. Обуховъ и самъ оговорился, что эта встрѣча была, можетъ быть, Лавинскому; причемъ привелъ современные стихи:

Подносимъ въ даръ тебѣ, почтеннѣйшій Лавинскій,
Двѣ буквы русскія, да третій S латинскій (вѣроятно А. S. Л.).

ція [1]).—Мнѣ было тогда лѣтъ 14, 15.—Свѣшниковскія бумаги были у насъ; я ихъ нѣсколько разъ пересматривалъ; записокъ никакихъ не было.

3.

Разсказъ Никиты Абрамовича Сердюкова (ирк. мѣщ.; записанъ 12 февр. 1869 г.).

Сперанскаго я мало помню: молодой былъ, лѣтъ съ небольшимъ 20-ти. Люди мы были маленькіе, такъ гдѣ тутъ. Прежде вѣдь былъ народъ смирный, не нынѣшній: нынче такъ все высмотрятъ, да выглядятъ. А какъ не сказать, что дай Богъ царствія небеснаго Трескину. Здѣсь вѣдь чушь до него была; вѣдь это все—и улицы и.... [2])—все это И. И. До него вѣдь дома—стыдъ сказать—отходы [3]) на улицу были. Были десятники (полицейскіе) изъ своихъ же, по выбору: откупился, ладно; не откупился—палкой бьетъ. Трескинъ же завелъ солдатъ полицейскихъ. Братскіе даже,—на что ужъ!—и тѣхъ пахать заставилъ. Словомъ, онъ ввелъ всю эту цифру. Ну, и исправники у него были хорошіе, и засѣдатели.

Сперанскій—видалъ я его: высокій, маловолосый тоже. Слыхалъ, что принималъ прошенія. Народъ вѣдь какъ скотъ; только пусти—и полезетъ. На пріемѣ хорошъ былъ. Къ обществу то же хорошъ; ну, да на первыхъ порахъ, съ чего же ссориться? Хорошо при немъ жили, весело. Народъ прежде поосторожнѣе былъ, боязный народъ. При немъ было какъ будто получше,—тише нѣсколько, такъ ничего: а тамъ опять все пошло по старому. Да вѣдь вдругъ всего не исправишь. Да и былъ-то онъ здѣсь что-то недолго.—Какъ обходился съ Трескинымъ,—не знаю; слышалъ, что у нихъ что-то такое было. Разумѣется, соперникъ; зачѣмъ пріѣхалъ то и долженъ исполнять. О запискахъ никакихъ не слыхалъ; знаю, Пежемскій Петръ Ильичъ, охотникъ былъ записывать. Другіе тоже въ старину любили этимъ забавляться.

4.

Разсказъ Артемья Матвѣевича Крюкова (отст. чин.; записанъ 13 февр. 1869 г.).

Къ Сперанскому у меня было даже нѣкоторое касательство.—Мы жили тогда въ Кяхтѣ. Отецъ мой былъ человѣкъ извѣстный, богатый, купецъ 1-й

---

[1]) Это замѣчаніе относится къ слышанному мною отъ кого-то разсказу, что Сперанскій, на званомъ обѣдѣ у кого-то изъ купцовъ, сидя рядомъ съ хозяйкой, женщиной необразованной, цѣлый обѣдъ разсказывалъ ей о томъ, какъ лучше печь пшеничныя булки.

[2]) Этого слова нельзя разобрать въ черновой, записанной со словъ Сердюкова.

[3]) Нужныя мѣста.

пильдіи. Онъ сильно возставалъ противъ безпорядковъ, какіе существовали тогда въ кяхтинской торговлѣ. И Галяховскій [1]), и всѣ совѣтовали ему бросить это. «Тебѣ-то, говорятъ, что за дѣло».—Такъ нѣтъ: «я, говоритъ, страдаю, и другіе страдаютъ». И настоялъ таки на своемъ. Зато его и давнули... Въ октябрѣ 1818 года насъ описали,—да какъ описали? рѣшительно все вынесли изъ дому. Хлѣбъ тогда былъ 6, 7 р. (асс.) пудъ: у насъ хлѣбъ-то весь выгребли изъ амбаровъ; оставили какую-то мякину, что ѣсть нельзя было. На Рождествѣ разговѣться было нечѣмъ: сосѣди Молчановы прислали. Отца засадили въ полицію и содержали подъ строгимъ арестомъ. Жена, восемь человѣкъ дѣтей малъ мала меньше; я былъ старшій; положеніе было отчаянное.—Въ 1819 году пріѣзжаетъ Сперанскій. Слухъ объ немъ былъ еще раньше—все ожидало. Я къ отцу Лукѣ,—онъ былъ мой законоучитель,—за совѣтомъ: что дѣлать?—Напиши, говоритъ, просьбу, и подай. Написали просьбу. А еще до того я видѣлъ Сперанскаго въ училищѣ. Человѣкъ высокій, величественный; тутъ (на лбу) сіяетъ лысина, тутъ (на груди) свѣтятъ звѣзды: на меня, какъ на мальчика, произвелъ сильное впечатлѣніе. И страшно какъ-то, и невольно къ нему тянуло. Пошелъ я къ нему съ просьбою. (Онъ стоялъ въ посольскомъ домѣ, на выѣздѣ къ Успенской церкви). У него суматоха, пріемъ,—меня не пускаютъ. Я былъ мальчикъ маленькой, юркой (на мнѣ еще были канфенный кафтанчикъ и канфенные брючки); я и давай нырять: гдѣ между ногъ, гдѣ какъ. Къ счастью моему, у входа стоялъ знакомый урядникъ.—Что, говоритъ, тебѣ надо? — «А вотъ, говорю, хочу просьбу подать.»—Дѣло отца моего всѣ знали: онъ мнѣ эдакъ и далъ пройти. Смотрю,—все наше чиновничество собралось и ждетъ: всѣ въ такомъ волненіи; у Ивана Адріяныча Черепанова даже шпага на правый бокъ надѣга. А я все наблюдаю. Выходитъ Сперанскій, тутъ начались такіе поклоны; а я все смотрю. Онъ и увидѣлъ меня:—«тебѣ, говоритъ, что нужно».—Отца моего погубили, восемь человѣкъ дѣтей по міру пустили.—Говорю и подаю просьбу. Онъ прочиталъ и тотчасъ написалъ: уволить немедленно.—Отца моего въ тотъ же день освободили.

Дѣло моего отца было вопіющее. Я сжегъ его въ 1858 году. Тогда минуло ему 50 лѣтъ, и я разсудилъ, что дальше 50 лѣтъ грѣхъ будетъ зло помнить.

У меня есть записки Штейнгеля; но въ нихъ, помнится, говорится только объ эпохѣ предшествовавшей Сперанскому; а объ немъ или мало, или ничего. Другихъ записокъ нѣтъ. Были свои разныя замѣтки; но многое растеряно, а многое самъ истребилъ въ минуты недовольства: непріятно было, что такъ дурно думалъ.

---

[1]) Тогдашній директоръ таможни.

5.

Разсказъ Петра Осиповича Катышевцева (почетн. гражд.; записанъ 13 февр. 1869 г.).

О Сперанскомъ можетъ много разсказать Михайло Петровичъ Апрѣлковъ, родственникъ Трапезниковыхъ. Я при Сперанскомъ жилъ въ Иркутскѣ мало; мнѣ было тогда 22 года.—Встрѣча ему приготовлялась, но не принялъ. Замѣчательно, какъ встрѣчали его въ Верхнеудинскѣ. Тамъ его ждали, ждали; днемъ онъ не пріѣхалъ,—а къ ночи и перепились.—Вдругъ—Сперанскій! «Се женихъ грядетъ въ полунощи.» Поднялась суматоха; перемѣнились платьями. Головой былъ тогда здѣсь Ксенофонтъ Михайловичъ Сибиряковъ. Сперанскій стоялъ въ домѣ Е. А. Кузнецова; рядомъ былъ домъ Зеркалеева. Онъ былъ особенно близокъ съ Трапезниковыми; часто занимался съ старушкой Свиньиной,—на обѣдахъ у Трапезниковыхъ сажалъ ее возлѣ себя, и очень уважалъ; разбиралъ какъ-то ея родословную. Она была очень умная старушка. Отзывъ объ немъ былъ очень хорошій, —какъ объ особѣ близкой къ Государю. Человѣкъ былъ умный—представительная личность. У Трапезниковыхъ есть портретъ его,—очень хорошій. Все было тихо, смирно при немъ; человѣкъ былъ деликатный. Жили при немъ хорошо, дѣлались праздники; онъ любилъ бывало на нихъ быть. Только при немъ былъ застой. Трескинъ не жалѣлъ казны—въ народѣ сыпались деньги; а послѣ сдѣлалось скуднѣе. Законы его никакого особеннаго впечатлѣнія не сдѣлали и пользы большой Сибири не принесли. Трескинъ все таки хозяинъ былъ, административный человѣкъ. Конечно—лихоимство. Онъ водворилъ хлѣбопашество—у бурятъ даже. Жаль—не сошелся съ Сперанскимъ. Гордость какая-то...

6.

Разсказъ Николая Петровича Булатова (д. с. с.; записанъ 15 февр. 1869 г.).

Во время Сперанскаго я былъ еще молодъ, хотя и состоялъ уже на службѣ. Личность его производила самое благодатное впечатлѣніе: свѣтлоголубые глаза, симпатичное ангельское выраженіе лица; обращеніе доброе, кроткое,—совсѣмъ не то, что было до него. Онъ былъ изъ поповичей—но въ немъ этого вовсе не было замѣтно: до такой степени изящны, утонченны были его маперы. Управлялъ онъ уже въ новомъ духѣ.

По моему мнѣнію, пріѣздъ Сперанскаго произвелъ въ Сибири переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ. Можетъ быть, и время настало такое; но всетаки въ 20-хъ годахъ здѣсь началась совершенно новая жизнь. Начну съ

общественной жизни. Въ старину, я помню, здѣсь была совершеннѣйшая дичь. Раздѣленіе половъ было чрезвычайное, не только въ купеческомъ, но даже въ чиновничьемъ классѣ. Если вы только знакомый, или даже родственникъ хозяину дома, но не близкій, то вы могли быть съ нимъ тридцать лѣтъ знакомы, и никого не видѣть изъ его женскаго семейства. Бывало, соберутся на вечеръ, — даже не на простой, а на парадный, съ танцами. Мужчины сидятъ въ одной комнатѣ, женщины въ другой,—и никто ни слова: слышно, какъ муха пролетитъ. Начинаются танцы: кавалеръ съ дамой двигаются молча, какъ маріонетки. Вздумали вы поговорить съ своей дамой,—слышите отъ нее односложное да,—нѣтъ; а если вы усиливаетесь разговаривать, то увидите, что какая нибудь маменька или тетушка подойдетъ къ вашей дамѣ и скажетъ: «пойдемъ, Дуняша; пора домой.» Вы упрашиваете, чтобы покрайней мѣрѣ позволили кончить танецъ. Вамъ отвѣчаютъ: «нѣтъ, батюшка; намъ здѣсь не компанія.» Съ пріѣздомъ Сперанскаго общественная жизнь оживилась. Начались праздники, вечера. При немъ было человѣкъ двадцать свиты; въ числѣ ихъ нѣсколько молодыхъ людей,— петербургскихъ, людей свѣтскихъ и бойкихъ. Они внесли въ нашу общественную жизнь новый элементъ. Разумѣется, при общей покорности Сперанскому, принято безпрекословно и это нововведеніе. Бывали и скандалы,—не грубые скандалы,—а такъ, разныя недоразумѣнія, скорѣе слѣдствіе нашей дикости взглядовъ на все новое. Съ его времени, мы стали видѣть новыхъ людей; а прежде, бывало, если по улицѣ пройдетъ человѣкъ съ крестикомъ, то за нимъ навѣрное бѣгутъ ребятишки.

Измѣнились средства къ жизни. Здѣсь то же нельзя сказать, на сколько дѣйствовало вліяніе Сперанскаго, и на сколько другія обстоятельства; но я знаю, что до 20-хъ годовъ у насъ была страшная монополія. Всего два—три купца ѣздили на ярмарку и торговали привозными товарами. Мѣстныя произведенія были чрезвычайно дешевы; на пять рублей вы могли накупить припасовъ на двѣ недѣли; но цѣны на товары были ужасныя. По привозѣ съ ярмарки онѣ нѣсколько понижались. Такъ напримѣръ, сахаръ, вы могли сначала купить по 1 р. 50 коп. фун. (вспомните, что стоилъ тогдашній рубль). Богатые этимъ пользовались и закупали скорѣе годовую провизію. Черезъ недѣлю цѣна уже поднималась на 20, 25 коп. на фунтъ; черезъ два три дня еще, еще... а черезъ мѣсяцъ доходила до 2 р. 50 к.,—и такъ оставалось до новаго привоза. Бумажный носовой платокъ, какихъ нибудь вершковъ въ шесть, съ набивными цвѣтами, уродливыми, какихъ не возьметъ нынче ни одна крестьянка, стоилъ 1 р. 50 коп. Сукна почти не было,—сукно носили только самые знатные люди, а въ общемъ употребленіи была нанка. Я помню, что уже въ 23 или 24 году, сдѣлавшись столоначальникомъ въ общемъ управленіи, я въ первый разъ сшилъ себѣ суконную пару—синяго цвѣта: хотѣлъ пощеголять. Сукна я купилъ 4 аршина, по 15 р. арш. и что это за сукно! Вѣрно ни одинъ жандармъ нынче такого не носитъ. Толщиною въ палецъ; ворса какъ заячья шерсть; а въ добавокъ, если вы проносите это платье два часа, то надо было столько же времени отмываться: такъ сильно пачкало это сукно... И эти господа увѣряли, что они дешевле прода-

вать не могутъ. Если вы короткій пріятель какому нибудь купцу, то онъ, пожалуй, и уступитъ вамъ съ обыкновенной продажной цѣны процентовъ сорокъ, и будетъ увѣрять, что онъ продастъ вамъ по покупной цѣнѣ, безъ всякаго барыша. Даже покажетъ торговыя свои книги: вы, дѣйствительно, видите, что вещь, которую пріятель отдаетъ вамъ, напримѣръ, за 10 руб., была и куплена за 10 руб.,—и остаетесь очень довольны. А между тѣмъ вы и не подозрѣваете, что при этомъ онъ все таки взялъ съ васъ барыша 18%. Дѣло было очень просто. Въ Сибири ходили исключительно ассигнаціи; серебро если и появлялось изрѣдка, то какъ товаръ, а не какъ монета: его покупали и продавали, какъ товаръ. И то были только одни рубли. Мелкой монеты здѣсь вовсе не водилось: до поѣздки въ Петербургъ въ 30 годахъ, я зналъ объ ней только по слуху. Между тѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, какъ извѣстно, и монета, и ассигнаціи, ходили съ лажемъ. Купецъ покупалъ на ассигнаціи, и платилъ, напримѣръ, 10 рублей. Отъ него принимали ассигнаціи съ лажемъ, за 11 р. 80 коп., и отпускали ему товару на эту сумму; а онъ записывалъ у себя, что заплатилъ за товаръ уже не 10, а 11 р. 80 к.—Намъ и въ голову не приходило, что насъ такъ обираютъ; да вдругъ забрелъ къ намъ какой-то вязниковецъ. Привезъ подъ собой товару тысячи на 4, на 5, нанялъ какую то лачугу, и принялся торговать: что у насъ стоило 2 р., 2. р. 50 коп.,—то онъ отдавалъ за 70 коп. Разумѣется, у него въ двѣ недѣли все расхватили, а онъ поѣхалъ за новымъ товаромъ. За однимъ явился другой, третій. А тамъ нѣсколько предпріимчивыхъ людей завели въ Иркутскѣ и постоянную торговлю. Если не къ первой, то во всякомъ случаѣ ко второй серіи пріѣзжихъ купцовъ принадлежали: Пестеревъ (Николай Васильевичъ), Федченко (Павелъ Алексѣевичъ) и нѣкоторые другіе. Такимъ образомъ и разрушилась монополія.

Законы Сперанскаго имѣли вліяніе на Сибирь въ томъ отношеніи, что ограничивали деспотизмъ. Въ старину царствовалъ совершенный произволъ; со времени Сперанскаго этого уже не было. Онъ внесъ новый духъ въ управленіе. Прежніе дѣятели были повыгнаны и, удачно или неудачно, замѣнены другими. Бывали, конечно, злоупотребленія и въ послѣдствіи; но уже не было того духа, который порождалъ и оправдывалъ всякія злоупотребленія. Конечно, и здѣсь многое зависѣло не отъ однихъ только законовъ, но и отъ другихъ обстоятельствъ: напримѣръ, распространилось образованіе.—Въ последнее время много осуждали совѣты, какъ совершенно безполезную инстанцію. Не знаю, какъ нынѣ; можетъ быть, совѣты и устарѣли; но въ свое время они принесли огромную пользу; идея ихъ была хороша. Они именно ограничивали произволъ губернаторовъ. Конечно, организація ихъ была несовсѣмъ удачна. Сперанскій былъ либералъ; онъ думалъ, что члены совѣтовъ будутъ самостоятельны. Между тѣмъ они попали въ служебную зависимость, слѣдовательно не могли уже быть самостоятельны. Учрежденіе совѣтовъ принесло значительную пользу и въ хозяйственномъ отношеніи. Я, какъ разъ послѣ изданія Сибирскаго учрежденія, поступилъ столоначальникомъ общаго губернскаго управленія, и очень хорошо помню: это было уже не то, что личная покупка. Тысячи народа являлись въ совѣтъ къ торгамъ

на хлѣбныя поставки: крестьяне, буряты; есть у него сто пудовъ—онъ и идетъ торговаться на сто. Была конкуренція; торги производились, такъ сказать, публично; слѣдовательно злоупотребленія были невозможны. То же было и по содержанію станцій. Кокоринъ, Иванъ Степановичъ, являлся на эти торги въ бараньемъ тулупѣ, а потомъ сдѣлался извѣстнымъ капиталистомъ; были и другіе, которые нажили себѣ состояніе. Въ послѣднее время закупы хлѣба и подрядъ станцій стали производить на мѣстѣ, черезъ исправниковъ, т. е. замѣнили публичные торги личною дѣятельностью чиновниковъ... По округамъ, очень важное значеніе имѣла должность окружнаго начальника. Разумѣется и здѣсь многое зависѣло отъ личности: нужно было, чтобы эту должность занималъ человѣкъ и благонамѣренный, и съ авторитетомъ. Я четыре года былъ начальникомъ въ Енисейскѣ, и у меня не было ни одного слѣдствія. Что нужно,—исправишь въ два, три дня, домашнимъ образомъ. А что можетъ сдѣлать губернаторскій надзоръ за 500 верстъ? жаловаться? да человѣкъ можетъ поплатиться прежде, чѣмъ дойдетъ его жалоба. А какую пользу могутъ принести эти обозрѣнія разъ въ годъ, на самое короткое время? Наблюдать нужно на мѣстѣ, а неиздалека. Въ послѣднее время эта часть преобразована. Городская и окружная полиціи подчинены одному лицу; хозяйственная и судебная часть сдѣланы самостоятельны. Посмотримъ, что будетъ; можетъ быть и къ лучшему. А по моему, это хорошо во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ одинъ городъ отъ другаго находится въ 25, 30 верстахъ, а губернскій отъ всѣхъ другихъ—верстахъ въ 50; но не при нашихъ разстояніяхъ...

Что всего замѣчательнѣе, переворотъ Сперанскаго совершился тихо, почти незамѣтно. Никакихъ крутыхъ мѣръ не было. Были, разумѣется, случаи, гдѣ надобно дѣйствовать судомъ; но большую часть дѣлъ Сперанскій рѣшалъ самъ, административнымъ порядкомъ. Нѣсколько человѣкъ удалены,—и только.—Все остальное шло очень скромно.

Трескина я глубоко уважаю. Это былъ геніальнѣйшій администраторъ. Конечно, онъ дѣйствовалъ деспотически; но таково было время, таковъ былъ духъ. Кромѣ того, надо перенестись въ его время, влѣзть въ его кожу, посмотрѣть, что тогда было. Дичь была ужаснѣйшая.

Трескинъ былъ не губернаторъ, а скорѣе генералъ-губернаторъ. Ему были предоставлены обширныя права оффиціально; но кромѣ того онъ и частно пользовался большими правами. Правителемъ канцеляріи былъ у него Бѣлявскій,—человѣкъ огненный. Обыкновенно дѣлали такъ, что Бѣлявскій напишетъ представленіе отъ Трескина къ Пестелю, и самъ же напишетъ отвѣтъ. То и другое посылалось къ Пестелю, а этотъ только подписывалъ готовое.

Впрочемъ, Трескина вынуждали къ крутымъ мѣрамъ и самыя обстоятельства. Мѣстное купечество до него было такъ сильно, что пять или шесть губернаторовъ сряду,—хорошо не знаю,—были смѣнены по ихъ жалобамъ. Когда поступилъ Трескинъ, купцы сначала присматривались, каковъ онъ будетъ: хорошъ—ладно; не хорошъ—можно и смѣнить. Трескину необходимо было показать свою силу. Поэтому, при первомъ противорѣчіи купцовъ,

онъ разослалъ ихъ въ разныя мѣста: Сибиряковыхъ, Мыльниковыхъ, Дудоровскихъ, Одуевскихъ,—однимъ словомъ всѣхъ, кто былъ противъ него. Тогда увидѣли, что съ Трескинымъ нельзя спорить.

Не знали, когда спитъ Трескинъ. Его можно было встрѣтить во всякое время дня и ночи, и встрѣтить скорѣе всего тамъ, гдѣ не ожидаете. Какъ Гарунъ Альрашидъ, онъ въ частномъ платьѣ,—Трескинъ, впрочемъ вообще не любилъ формы и часто даже принималъ въ халатѣ,—ходилъ по городу, заходилъ въ частные дома, замѣчалъ все. То смотритъ онъ на базарѣ калачи,—и горѣ калачницѣ, которая обвѣситъ хоть на золотникъ. Тогда посты строго соблюдались. Въ посты обыкновенно ѣли гороховый кисель съ сѣмяннымъ масломъ; прескверное кушанье; однакожъ оно было въ большомъ употребленіи. Трескинъ и въ этомъ зналъ толкъ. Пробовалъ кисель, и тотчасъ замѣчалъ, есть ли въ немъ какая нибудь примѣсь, или дурно приготовленъ; тотчасъ и расправа. Ходилъ онъ обыкновенно одинъ; но полицейскіе слѣдили издали и тотчасъ являлись куда нужно. Зайдетъ, бывало, въ частный домъ и видитъ—мужъ съ утра ушелъ на работу, а жена сидитъ и попиваетъ чаекъ. «А что ты, матушка, приготовила мужу поѣсть»?—И въ печь. А въ печи то ничего нѣтъ. Тотчасъ расправа.

Тогда правительство сильно заботилось о разведеніи овощей, особенно картофеля. Между тѣмъ, здѣсь издавна было введено въ обычай сѣять въ огородахъ табакъ. Трескинъ заглядывалъ и въ огороды. И если увидитъ, что въ огородѣ посѣянъ табакъ,—тотчасъ расправа, а табакъ вонъ, и вмѣсто него велитъ засѣять овощь.

Иркутскъ до него былъ ни на что не похожъ. Темною ночью и не думайте куда нибудь идти: какъ разъ стукнитесь лбомъ о заборъ или объ стѣну тамъ, гдѣ вовсе не ожидаете. Да и днемъ,—не только пріѣзжій, даже и мѣстный житель могъ заблудиться. Ѣдете вы, кажется, по улицѣ, отыскиваете какой нибудь домъ; знаете, что домъ находится въ этомъ мѣстѣ. Вдругъ наѣзжаете на заборъ, или на ворота. Вправо, влѣво—тоже заборы. Вы ворочаетесь назадъ, огибаете улицу—опять таже исторія. Такія глухія мѣста назывались култуками; такихъ култуковъ было пропасть. Дома строились безобразно, безъ всякаго порядка. Вы, вѣроятно, помните—еще нѣсколько лѣтъ назадъ по набережной Ангары, около Троицкаго перевоза, было нѣсколько старенькихъ, безобразно разбросанныхъ домишекъ?—Тогда весь городъ былъ также безпорядочно разбросанъ. Когда Трескинъ укрѣпился, когда онъ увѣрился, что противодѣйствія ему не будетъ, онъ принялъ самыя энергическія мѣры къ устройству города. Онъ распорядился сначала распланировать городъ. Принялись ходить по улицамъ планировщики и ставить вехи. Народъ смотритъ, дивится: то стоитъ веха на крышѣ, то на заборѣ, то среди двора. А трогать не смѣютъ: наложено было такое табу, что нельзя и подумать: Трескина тогда уже знали. Когда такимъ образомъ городъ былъ распланированъ, полиція отдаетъ приказъ, чтобы жители, къ извѣстному сроку,—въ теченіи года, что-ли,—перестроили дома и заборы и провели улицы по распланировкѣ. Разумѣется, исполнить это многіе не торопились; думали—еще будетъ время. Срокъ прошелъ, а дома

перестроены только не многіе. Полиція требуетъ объясненій и назначаетъ дополнительный срокъ, кажется трехмѣсячный, съ тѣмъ, что если въ теченіи и этого срока не будетъ, по крайней мѣрѣ, приступлено къ перестройкѣ, то полиція приметъ свои мѣры. Тогда зашевелились по-живѣе. Но все таки и послѣ этого срока осталось много култуковъ и всякой всячины. Кто не хотѣлъ исполнить по самодурству, кто на томъ основаніи, что наши дѣды и отцы такъ жили, а кто не могъ по бѣдности. По послѣ окончательнаго срока было объявлено, что чрезъ три дня придутъ люди и будутъ ломать дома. Это всѣхъ ошеломило. И точно, въ назначенный день началась ломка. Разумѣется, и тутъ было сдѣлано нѣкоторое снисхожденіе людямъ совершенно бѣднымъ, которые не имѣли никакой возможности перестроиться по плану. Но вообще сдѣлано было очень много и совершенно неожиданно. Я помню на этой самой улицѣ (Тихвинской, д. Пежемскаго), возлѣ этого дома, дальше, за домомъ Высоцкихъ, былъ култукъ; а напротивъ, гдѣ нынѣ домъ Соколова, стоялъ старый домъ Алексѣя Останина; домъ этотъ выходилъ изъ линіи покрайней мѣрѣ на три сажени. Останинъ приходился еще мнѣ родственникомъ. Иду я однажды къ нему; смотрю, у него полдома какъ не бывало; смотрю дальше,—на мѣстѣ култука стоитъ заборъ—правда, сдѣланный на скоро, но все таки заборъ, и заблудиться нельзя. Захожу къ Останину, спрашиваю,—«что это такое?»—«Да что, говоритъ: мы еще спали; вдругъ слышимъ—надъ нашими головами стукъ и громъ; встаемъ, смотримъ,—надъ нами ужъ крышу-то разобрали, да и потолки рубятъ».— Такъ и отсѣкли ту часть дома, которая выдавалась на улицу.

Вообще, Трескинъ дѣйствовалъ дѣятельно, энергично. Правда, манеры у него были слишкомъ некрасивы; но что жъ дѣлать? Деспотическій образъ дѣйствій былъ въ тогдашнихъ нравахъ.

Зналъ я и Геденштрома. Это былъ тоже человѣкъ очень умный. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1837 г., при возвращеніи изъ Петербурга. Онъ служилъ тогда почтмейстеромъ въ Томскѣ. Но въ это время онъ былъ уже очень слабъ: у него кажется была подагра.

7.

Разсказъ Андрея Андреевича Литвинцева (Иркут. куп.; записанъ 26 февр. 1869 г.).

Сперанскій,—да! это былъ великій человѣкъ; о такомъ человѣкѣ слѣдуетъ написать исторію. Видъ такой у него былъ благородный; говорилъ со всѣми кротко, тихо. Пріѣхалъ,—общество хочетъ сдѣлать обѣдъ; а онъ,—нѣтъ, говоритъ, позвольте; сначала и сдѣлалъ самъ обѣды, одинъ, кажется, чиновникамъ, или чиновникамъ и гражданамъ вмѣстѣ; другой архіерею и духо-

венству,—еще третій кому-то. Потомъ ужъ и общество сдѣлало ему обѣдъ. Общество у насъ за что-то недолюбливало Ефима Андреича Кузнецова. Смотрять, а Сперанскій у него остановился. И пошли толки: вонъ у кого онъ остановился! А потомъ, какъ началъ вертѣть Трескина,—ну, и съ обществомъ сблизился; и полюбили. Съ Трапезниковымъ былъ хорошъ,—а Трапезниковы враги были Трескина; голова Ксенофонтъ Михайлычъ (Сибиряковъ)—тоже, вы знаете, какъ отца-то его сослалъ Трескинъ. Хорошо управлялъ Сперанскій,—что и говорить.—А законы его,—ну, вы знаете, всякая лягушка свое болото хвалитъ. Были люди,—любили Сперанскаго,—хвалили и законы его, даже когда они писались еще здѣсь; другіе не терпѣли его,—ну, и законы не нравились.

Я самъ имѣлъ честь говорить съ Сперанскимъ. Это случилось вотъ какъ. Было гражданское дѣло какое-то, у Елезова съ Дудоровскимъ. Надъ Елезовымъ былъ конкурсъ; братъ мой былъ старшимъ куратором. Конкурсъ кончили и брату дали довѣренность собирать старые долги и оканчивать дѣла, какія еще случатся. Братъ уѣхалъ на ярмарку, а мнѣ оставилъ довѣренность. Дѣло-то съ Дудоровскимъ сенатъ рѣшилъ и присудилъ взыскать съ Елезова деньги; а на эту претензію, въ конкурсѣ денегъ не отчисляли. Я ничего этого не знаю; вдругъ—повѣщаютъ меня въ магистратъ; являюсь въ присутствіе. Бургомистрами были Филипъ Петровичъ (Трапезниковъ), да Степанъ Степановичъ (Поповъ). Филипъ Петровичъ встаетъ, подходитъ ко мнѣ и говоритъ: съ брата твоего, говоритъ, слѣдуютъ деньги.—Какія, говорю, деньги?—А вотъ говоритъ какія,—1.200 рублей. Я ничего не понимаю. Степанъ Степанычъ взялъ листикъ, да и подаетъ мнѣ. Это была резолюція, а тутъ и разсчетъ сдѣлалъ бухгалтеръ, съ кого что слѣдуетъ. Вижу,—съ брата только 250 р. Я и говорю Филипу Петровичу. Ничего, говоритъ не знаемъ; твой братъ повѣренный,—значитъ съ него слѣдуетъ; принеси же деньги. На другой день я принесъ 250 р. и прошу росписку. Насилу мнѣ выдали, а все таки велятъ принести остальные. Вотъ я и слышу, что если я не заплачу денегъ, то велятъ описать у насъ лавку,—нашелся добрый человѣкъ, передалъ. Что дѣлать? Я къ головѣ, Ксенофонту Михайлычу. Тоже дикій былъ человѣкъ; какъ начнетъ чубукомъ махать,—бѣда. А все таки голова, защитникъ. Я ему все и описалъ.—Ѣдемъ, говоритъ, сейчасъ къ генералъ-губернатору.—Я такъ и озябъ. Какъ, говорю, это можно?—А, говоритъ, такъ-значитъ ты виноватъ?—Нѣтъ, не виноватъ, а все страшно. Насилу рѣшился я къ нему ѣхать. Пріѣзжаемъ. Тутъ еще какой-то маленькій генералъ прошолъ мимо. Входимъ въ залу,—ждемъ. Вотъ, дверь отворилась,—выглянулъ Михайло Михайлычъ. Голова, съ поклонами, ушелъ туда; дверь опять заперли. Я стою у порогу. Эдакъ, съ четверть часа или больше сидѣли они взаперти. Тамъ опять выглянулъ Михайло Михайлычъ,—и ко мнѣ.—Ты что, миленькій? такъ и сказалъ. Я начинаю разсказывать. Михайло Михайлычъ садится направо, Ксенофонтъ налѣво, а я стою между ними, у дверей. Робость меня взяла; едва говорю. Видитъ это Михайло Михайлычъ, встаетъ, подходитъ ко мнѣ, кладетъ правую руку ко мнѣ на лѣвое плечо и говоритъ: не робѣй, миленькой, не робѣй!—и опять садится. Какъ я услышалъ эти

слова, — меня словно холодной водой облили; такой сталъ бойкой. Сталъ я разсказывать, а самъ взглядываю на Сибирякова; думаю,—бѣда если что нибудь не такъ; пожалуй и съ чубукомъ бросится. Только вижу,— ничего, такая веселая харя. Выслушалъ меня Сперанскій,—а тутъ подъѣхалъ городничій, дѣло было уже поздненько, въ сумерки; онъ пріѣхалъ съ рапортомъ.—Сперанскій и говоритъ мнѣ: хорошо, миленькой, ты вотъ что сдѣлай: подай жалобу въ губернское правленіе. А городничему: къ вамъ, говоритъ, можетъ быть пришлютъ изъ магистрата описать вотъ этого человѣка, такъ вы пожалуйста попридержите и доложите мнѣ.—Съ тѣмъ я отъ него и ушелъ. Подалъ жалобу; а тамъ пріѣхалъ братъ и не знаю чѣмъ кончилось дѣло. Только встрѣтился мнѣ какъ-то Филиппъ Петровичъ на улицѣ, и говоритъ: а вѣдь мы тогда ошиблись, взыскивали съ тебя всѣ деньги-то; точно, слѣдовало только 250 р.—Разумѣется, въ губернскомъ правленіи не смотрятъ на хлѣбъ-соль, а рѣшаютъ по закону; да и знали,—Сперанскій тутъ!

Еще разсказывали,—былъ тутъ Расторгуевъ, Степанъ Семенычъ. Сперанскій пріѣхалъ въ августѣ, а въ сентябрѣ сюда приплавили рыбу. Расторгуевъ и купи осетра, въ четыре пуда; по 25 рублей пудъ; значитъ, сто рублей, извѣстно, какія тогда это были большія деньги. И приноситъ онъ этого осетра къ Сперанскому. Видитъ Сперанскій, осетръ хоть куда. Спрашиваетъ,— нѣтъ ли у васъ ко мнѣ какого дѣла? гражданскаго или уголовнаго.—Нѣтъ, говоритъ, никакого. Такъ, говоритъ, въ знакъ моего уваженія подношу. Тотъ думалъ, что капиталистъ какой нибудь; принялъ да и благодаритъ.—А Расторгуевъ думалъ какъ нибудь казенный подрядъ снять. Только явился на торги,—а у него на подрядъ-то и волосъ не достало. Ну, разумѣется, за нимъ и не оставили. Много тогда смѣялись, что даромъ осетра поднесъ.

Лавинскій тоже былъ отличный генералъ-губернаторъ—тоже простой и добрый. Захворалъ какъ-то Сибиряковъ; я былъ у него, ушелъ и оставилъ его одного. Только сошелъ съ лѣстницы, смотрю,—на встрѣчу мнѣ Лавинскій,—и на лѣстницу. Я думаю,—что же, тамъ вѣдь никого нѣтъ,—и самъ потихоньку за нимъ поднялся. Вижу, Лавинскій вошелъ въ залу,—и остановился; не знаетъ, идти или нѣтъ въ залу. Я вошелъ, поклонился и стою. Онъ, кажется, узналъ, что я тотъ же, что попалъ ему на встрѣчу. Сдѣлайте одолженіе, говоритъ, доложите Ксенофонту Михайловичу обо мнѣ—а говорилъ онъ всегда въ носъ, по французски. Каково,—«доложите».—Это у мужикато генералъ-губернаторъ докладываетъ. Я сказалъ Сибирякову, пустилъ Лавинскаго въ кабинетъ, подставилъ ему кресло, и ушелъ. Не знаю ужь, какъ онъ ушелъ оттуда.

Помню еще,—были выборы. Упрашивали Сибирякова остаться головой на третье трехлѣтіе; онъ не соглашался. Вотъ, и придумали послать депутацію къ Лавинскому—просить его помощи. Онъ принялъ и говоритъ: ахъ, очень хорошо; я самъ съ вами сейчасъ поѣду.—Этого никто и не ожидалъ.— Пріѣхалъ Лавинскій въ собраніе,—просилъ всѣхъ сидѣть, подходитъ къ другому концу залы,—а биржевая зала была огромная, гдѣ было, такъ сказать, присутствіе, и говоритъ: «Ксенофонтъ Михайлычъ! знаю, милостивые государи»—это онъ ужь обратился ко всѣмъ намъ: «что мнѣ, говоритъ, здѣсь не

мѣсто; что я ни почему не долженъ быть здѣсь, только меня, говоритъ, просили, и я хочу просить Ксенофонта Михайлыча не какъ генералъ-губернаторъ, а какъ простой гражданинъ. И принялся просить. Сибиряковъ крѣпился, крѣпился, да какъ фыркнетъ: «что, говоритъ, ваше высокопревосходительство: приѣдешь къ начальству, просишь, просишь,—все обѣщаютъ; а приѣдешь домой,—глядь, тебя и въ затылокъ»!—Лавинскій такъ и опѣшилъ: ему въ глаза говорятъ такія вещи. А Сибиряковъ и давай фыркать: и то, и другое, и третье; только что чубукомъ не машетъ,—оттого что чубука-то не было. Мы смотримъ, да только и думаемъ: скоро ли тебя за рѣчку отправятъ.—Слушалъ, слушалъ Лавинскій, да и говоритъ: Успокойтесь, Ксенофонтъ Михайлычъ, успокойтесь; я здѣсь не генералъ-губернаторъ, я простой гражданинъ; я прошу васъ вмѣстѣ съ другими. Слышимъ—Сибиряковъ, хоть и споритъ, только ужъ другимъ голосомъ,—потише. Лавинскій и говоритъ: «я, говоритъ, господа васъ оставляю; я увѣренъ, что Ксенофонтъ Михайлычъ согласится на общую просьбу»—и уѣхалъ. Мы приступили къ Сибирякову,—ну, говоримъ, теперь какъ знаешь; самъ генералъ-губернаторъ тебя просилъ.—Нечего, говоритъ, дѣлать; готовъ еще послужить.

8.

Разсказъ Василья Ивановича Заблинскаго. (Ирк. мѣщ.; записанъ 27 мая 1869 г.).

Сперанскаго я очень хорошо помню. Я часто видалъ его на улицѣ, когда онъ гулялъ; такой величественный мужчина, съ орлинымъ носомъ. Одѣтъ онъ всегда былъ не то что въ какомъ нибудь вицмундирѣ, а въ эдакомъ длинномъ сюртукѣ; фуражка кожаная,—знаете, складная, какія тогда носили. Кто не знаетъ, что это Сперанскій, то и не догадается, не поклонится. О дѣлахъ его я ничего не знаю,—молодъ былъ, лѣтъ 17-ти; да и человѣкъ былъ маленькой,—гдѣ намъ что нибудь знать?—Слышалъ только о какомъ-то дѣлѣ,—кажется Трапезниковскомъ; о продажѣ какихъ-то соболей: говорили тогда, что онъ хорошо распорядился. Съ обществомъ жилъ дружно, и его всѣ любили. Да, умный человѣкъ былъ Сперанскій: вѣдь онъ, кажется, и законы для Сибири написалъ?—Жаль, что онъ не оставался по-дольше. Онъ еще и пѣсню о себѣ сочинилъ: знаете—«Среди долины ровныя».—А впрочемъ, можетъ быть и не самъ онъ; а все таки она написана объ немъ. «Есть много славы, почестей, да съ кѣмъ ихъ раздѣлить»? Это какъ онъ жилъ въ Перми: «Одинъ, одинъ, бѣдняжечка».—У него была дочь, только она съ нимъ не пріѣжжала. Въ Перми, я слыхалъ, тамошнее общество очень нехорошо съ нимъ поступало. Объ немъ какъ - то мало разсказовъ; все тихо, спокойно шло при немъ—и разсказывать не о чемъ: не то что Трескинъ.

9.

Разсказъ Василія Васильевича Курбатова (чин.; записанъ 30 апрѣля 1869 г.).

Извѣстіе о смѣнѣ Пестеля навело здѣсь на всѣхъ уныніе. У Трескина былъ секретарь—онъ же и предсѣдатель гражданской палаты,—Бѣлявскій. Тотъ былъ на Погроминскихъ водахъ; прочиталъ въ газетѣ о смѣнѣ Пестеля—и помѣшался; только и твердилъ—«Пестель, Сперанскій; Пестель, Сперанскій». Въ цѣпяхъ привезли его сюда. Былъ тутъ еще совѣтникъ губ. правленія, Михайло Евграфычъ Кузнецовъ. Тоже сошелъ съ ума; въ прудъ бросился; насилу вытащили. Не помню, что съ нимъ послѣ было. А какъ пріѣхалъ Сперанскій, да началъ всѣхъ перебирать,—и Трескина смѣнилъ—тутъ и бѣда что было. Коммисіи были открыты—въ Иркутскѣ, Нижнеудинскѣ, Верхнеудинскѣ, Нерчинскѣ (?). Предсѣдателемъ въ Иркутской коммисіи былъ Цейеръ, въ Нижнеудинской нашъ чиновникъ Корсаковъ, въ остальныхъ не помню кто. Изъ здѣшнихъ же чиновниковъ и коммисіи состояли. Слѣдствія кончились скоро; только участь-то чиновниковъ долго не была рѣшена. Всѣ дѣла повезли въ Петербургъ; на семи повозкахъ повезли отсюда. Наконецъ получили и рѣшеніе. Ихъ раздѣлилъ Сперанскій на разряды,—знаете, какъ послѣ государственныхъ преступниковъ. Тѣмъ все и кончилось. Впрочемъ, пострадали только Трескинъ, да земскіе чиновники; больше за взятки. Губернскихъ чиновниковъ не трогали.—А взятки и—Трескинъ, и всѣ его любимцы, брали отлично. Трескинъ самъ не бралъ; у него все жена: сядетъ играть въ бостонъ; ну, ей и проигрываютъ, сколько нужно. Да еще Третьяковъ—его любимецъ. Трескину, американская компанія каждый годъ дарила по два бобра,—а бобры тогда были дороги: 500 р., 700 рублей ассигн.—А у жены его была эдакая большая соболья муфта—соболей въ двѣнадцать. Вотъ какъ есть кому до Трескина дѣло—къ Третьякову. Тотъ и совѣтуетъ: чѣмъ, говорить, его подаришь? деньгами,—много надо; а ты лучше вотъ что: купи вотъ бобра,—или тамъ муфту—и подари. Такъ и дѣлали; и боберъ возвращался, и деньги приходили. Больше всего, впрочемъ, казну обкрадывали; купятъ хлѣбъ за полтину, а велятъ писать рубль. Немудрено, что и для Сперанскаго была тяжела ревизія. Человѣкъ все занимался государственными дѣлами, а тутъ вдругъ пришлось разбирать всякія дрязги. Впрочемъ, Трескинъ былъ добрый человѣкъ и бѣднымъ помогалъ. Только купцовъ сильно тѣснилъ: все подписки, да пожертвованія. Лоскутовъ былъ просто злодѣй; право я не знаю, что онъ сдѣлалъ хорошаго. Губернаторъ былъ славный человѣкъ. Здѣшній исправникъ Волошиновъ, тоже былъ человѣкъ хорошій. А вотъ вѣдь что странно: ни одинъ изъ этихъ господъ не умеръ спокойною смертью; со всякимъ что нибудь случилось.

Сперанскій жилъ въ домѣ Ефима Андреича, и каждый день послѣ обѣда гулялъ по городу. Обыкновенно онъ проходилъ по большой улицѣ по Заморской къ шлагбауму—гдѣ были Амурскія ворота,—и по малому проспекту, возвра-

щался домой. Длинный байковый сюртукъ, бланжевые нанковые панталоны, онъ ихъ и при мундирѣ носилъ—мундиръ у него былъ очень простой,—калоши суконныя плетеныя,—знаете, въ родѣ лаптей. Такая тогда мода была. На видъ такой добренькой, смирненькой старичекъ. Да и управлялъ онъ ничего, скромно. Помню, какъ онъ и хлѣбную торговлю здѣсь заводилъ. Только не успѣлъ: не зажился,—а послѣ него все опять пошло по старому. Вотъ земскую полицію онъ распустилъ: въ засѣдатели опредѣлялъ кого попало. Былъ тутъ Чемесовъ,—весь свой вѣкъ наборщикомъ въ типографіи прослужилъ,—и того въ засѣдатели. Былъ еще Васильевъ, живописецъ—и этого туда же. Мѣняли этихъ засѣдателей безпрестанно; мѣсяцъ, два—и новый. Ужъ послѣ, Лавинскій привелъ это въ порядокъ.

Молодежь при Сперанскомъ были повѣсы; такіе же, какъ помните, пріѣзжали съ сенаторомъ; только сенаторскіе были хуже. Фамилій я ихъ хорошенько не помню; знаю, что былъ Крестниковъ,—онъ еще послѣ служилъ здѣсь предсѣдателемъ; очень дѣльный человѣкъ; но страшный повѣса; особенно шалунъ былъ онъ на балахъ. Вильде—помню только по фамиліи; онъ, кажется участвовалъ въ которой-то коммисіи. Былъ еще у Сперанскаго адъютантъ, казачій офицеръ Клетченко, изъ Тобольска; молодецъ, высокій ростомъ. Батенькова не помню.

Сперанскаго здѣсь всѣ полюбили. Съ обществомъ онъ сошелся хорошо. Велъ знакомство съ купцами,—съ Трапезниковыми, съ головой Саватеевымъ (?); друженъ былъ и съ Словцовымъ. Жилъ при немъ весело. Балы были безпрестанные. Сперанскій всегда самъ открывалъ балъ польскимъ, съ женой головы Саватеева. Балы давались въ биржевомъ залѣ. Трескинъ баловъ никогда не давалъ и съ обществомъ не сближался. А въ имянины, бывало, сзывалъ къ себѣ только чиновниковъ, да тайшей; Гедештромъ изъ Верхнеудинска пріѣзжалъ въ 18-ть часовъ на имянины.—А захочется Трескину танцы посмотрѣть—у него была дворовая дѣвка, Сонька; да въ больницѣ былъ лекарскій ученикъ Петровъ, хорошій плясунъ. Ихъ и заставятъ плясать русскую; а отецъ мой подпиливалъ на скрипкѣ. Разъ и я тоже плясалъ. Мы съ братомъ были люди молодые, плясали по тогдашнему времени хорошо. Трескинъ какъ-то узналъ объ этомъ, да разъ, какъ у него были гости, и послалъ за нами. Приходимъ; насъ обласкали и велѣли плясать,—а отецъ игралъ на скрипкѣ. Всего только и была одна скрипка. Вотъ при Цейдлерѣ было уже совсѣмъ другое; тотъ и комендантомъ жилъ открыто—послѣдняя копѣйка ребромъ; а губернаторомъ и подавно.

Трескинъ, впрочемъ, былъ полезенъ для города; ввелъ въ немъ чистоту и порядокъ. Ходилъ онъ по воскресеньямъ къ обѣдни къ Тихвинской, и оттуда возьметъ съ собой голову, да городничаго, и пойдетъ то по той, то по другой улицѣ—и указываетъ: «это, говоритъ, надо починить, это исправить, а это вотъ такъ сдѣлать».

Законы Сперанскаго—Сибирское учрежденіе—приняты были ничего, спокойно. Особенныхъ толковъ объ нихъ не было.

---

*

10.

Разсказъ Петра Анфилогеновича Посельскаго (отст. чин.; записанъ 12 августа 1869 г.).

Я очень хорошо знаю Сперанскаго. Я служилъ при немъ. Мы съ Клетченкой были докладчиками. Клетченко изъ Тобольска, былъ хорунжій, а я старшій урядникъ. Насъ только двое и было. Мы смѣнялись по-суточно. Я былъ при немъ мѣсяца четыре. Я съ Сперанскимъ ѣздилъ и за Байкалъ. Помню, какъ Верхнеудинскіе граждане въ Половинкѣ перепугались и принялись натягивать панталоны на голову. Въ Кяхтѣ онъ вышелъ къ Дзаргучею въ какой то желтой лентѣ. Тотъ какъ увидѣлъ,—этотъ—гордый народъ!—такъ и палъ на колѣни. Сперанскій впрочемъ не слишкомъ обратилъ на него и вниманіе: руки ему не подалъ, сказалъ два три слова, и ушелъ. Въ Нерчинскѣ тоже случилась смѣшная исторія: тамъ граждане поднесли ему хлѣбъ соль и на нихъ огромнѣйшій кнутъ: знаете, визигу. Сперанскій принялъ, передалъ мнѣ, да и спрашиваетъ: «это мѣстное произведеніе»? «Нѣтъ, говорятъ ему, выписное». Послѣ, какъ я бывалъ въ Нерчинскѣ, я все смѣялся надъ ними: «а какъ вы Сперанскаго угощали кнутомъ».

Въ Нерчинскѣ онъ поручилъ мнѣ сходить къ бургомистру и попросить у него планъ городу. Принесли планъ,—длиной съ эти двѣ комнаты (сажени три). Я вхожу къ нему въ кабинетъ, докладываю.—Хорошо, говоритъ, принеси сюда. «Да его нельзя принести, говорю я».—«Отчего»?—«Да онъ очень великъ, не помѣстится здѣсь».—Сперанскій вышелъ въ залу, велѣлъ развернуть планъ. Раскинулъ,—во всю комнату. Онъ улыбнулся, посмотрѣлъ и велѣлъ унести.—Былъ съ нимъ и въ рудникахъ: вездѣ ходитъ, все осматриваетъ и ничего не говоритъ. Онъ былъ и у Хоринскихъ, и у Селенгинскихъ братскихъ. Встрѣчали его вездѣ съ восторгомъ: просто принимали какъ Бога.

Просьбъ къ нему поступало множество: онъ все принималъ молча и всѣ бросалъ въ и...... — Обходился со всѣми ласково, тихо. Что нужно сдѣлать скажетъ, и только. Провинится чиновникъ, или принесутъ на него жалобу,—призоветъ его къ себѣ, скажетъ—«вы это сдѣлали не такъ», или «разсчитайтесь съ нимъ»,—и кончено. Не то что другіе,—«а! а! у»!—На моего отца въ Верхнеудинскѣ поступило множество жалобъ. Онъ тотчасъ и отрѣшилъ его отъ должности. Послѣ все оказалось вздоръ, и онъ велѣлъ ему состоять при полиціи. Красильниковъ—отецъ вотъ этого,—два раза поплатился за одну лошадь. Мужикъ,—я знаю его и фамилію,—страшный мошенникъ!—года за два, подарилъ ему лошадь; подарилъ за дѣло; Красильниковъ избавилъ его отъ плетей. Пріѣзжаетъ Сперанскій. Мужикъ и идетъ къ Красильникову: «какъ же, говоритъ, в. б., на счетъ лошади»?—Тотъ и спрашиваетъ: а сколько тебѣ надобно? «да двѣсти рублей».—Тотъ отдалъ деньги. Дни черезъ два мужикъ опять къ нему—«что тебѣ нужно»?—да за лошадью-съ

«какъ, да вѣдь я тебѣ отдалъ деньги»?—Это за то, что вы ѣздили. А теперь лошадь пожалуйте.—Нечего дѣлать, отдалъ ему еще двѣсти рублей.

Сперанскій говорилъ мало,—два, три слова, и только. Даже этотъ любимецъ его—Францъ Ивановичъ,—и съ тѣмъ поговоритъ только съ четверть часа, не посадитъ, и руки не подастъ. Въ Верхнеудинскѣ они стояли на одной квартирѣ, у Григорія Александровича Шевелева. Это былъ купецъ, молодой малой. Когда Сперанскій поѣхалъ, Шевелевъ провожалъ его до станціи, а Цейеръ остался. Пріѣзжаетъ Шевелевъ и говоритъ Цейеру: «Михайло Михайловичъ приказалъ вамъ кланяться»!—Такъ тотъ, говоритъ, такъ зло улыбнулся, что я съ тѣхъ поръ закаялся справлять поклоны.

Не знаю, откуда онъ набрался свѣдѣній о Сибири. Онъ никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Вѣчно, и днемъ и ночью, все писалъ. Всегда былъ задумчивъ, даже какъ будто печаленъ. А зналъ онъ Сибирь отлично. Это видно изъ его законовъ. Конечно, въ нихъ есть недосмотры, ошибки; а все таки какое знаніе быта, обычаевъ, народа!—Онъ ни съ кѣмъ особенно не сближался. Всѣхъ держалъ эдакъ,—въ почтительномъ отдаленіи. Только Александръ Васильевичъ Игумновъ,—может быть знаете?—заходилъ къ нему—и то не надолго. Игумновъ былъ человѣкъ со свѣдѣніями. Да вотъ еще Словцовъ,—этотъ былъ уже другъ ему. Бывало до поздней ночи запрутся въ кабинетъ и разговариваютъ.

11.

Разсказъ Павла Мокеевича Герасимова (почетн. гражд.; записанъ 18 августа 1869 г.).

Время Сперанскаго я очень хорошо помню. Онъ пріѣхалъ сюда съ предубѣжденіемъ противъ Трескина. Особеннаго шума надѣлало въ Петербургѣ дѣло протоіерея Орлова, котораго Лоскутовъ высѣкъ плетьми. Тутъ и архіерей вступился—и пошла перепалка. Можетъ быть, Сперанскому и было сказано, чтобы онъ поступилъ строже съ Трескинымъ. А тутъ еще жалобы. Народъ, разумѣется, вездѣ недоволенъ; было много недовольныхъ и здѣсь. Жалобы стали подаваться съ Ачинска. Подавались онѣ на Лоскутова, подавались и на Трескина. Жаловались еще на здѣшняго исправника Волошина и Ленскаго засѣдателя Романова. Волошинъ только числился исправникомъ. Онъ былъ подставное лицо и никогда не выѣзжалъ изъ города.

Сперанскій только и сдѣлалъ особеннаго, что смѣнилъ Трескина. Онъ былъ въ Иркутскѣ очень недолго и правленіе его ничѣмъ не замѣчательно. Была только запутанность и неразборчивость; просьбъ принималось множество,—и ничего по нимъ не дѣлалось; цѣлые возы просьбъ были отсюда увезены, а нѣкоторые даже и не прочитаны. Я смотрю на Сперанскаго,

что онъ не былъ администраторъ. Онъ былъ только умный человѣкъ на бумагѣ. Лавинскій былъ гораздо его умнѣе. Сперанскій уѣхалъ въ Петербургъ, наговорилъ Государю, надѣлалъ шуму о Сибирскомъ управленіи,—и больше ничего.

Трескинъ не столько былъ бы виноватъ, еслибъ не Агнеса Ѳедоровна. Она была маленькая, юркая, бойкая женщина; чрезвычайно сладострастная: никому спуску не давала. Е. А. Кузнецовъ, Бѣлявскій, — а Волошиновъ только этимъ и держался. Она имѣла на мужа какое-то вліяніе, и пользовалась этимъ. Она брала взятки и раздавала мѣста. У нее былъ подставной—Третьяковъ. У нихъ въ гостиномъ дворѣ была и лавочка, гдѣ они продавали, что имъ надарятъ. Большую силу имѣлъ также Бѣлявскій; онъ былъ пьяница. А самъ Трескинъ былъ рѣдкій, отличный администраторъ. Онъ населилъ губернію, онъ заставилъ бурятъ заниматься хлѣбопашествомъ. Бывало на базарѣ хлѣбъ по полтинѣ—а онъ посылаетъ Романова покупать хлѣбъ по рублю. Если сообразить то зло и добро, которое онъ сдѣлалъ, то, право, онъ не заслуживалъ такой строгой кары. За то его такъ и судили; я видѣлъ его въ 1834 году, — а онъ уволенъ въ 1819 — онъ все еще былъ подъ судомъ.

Лоскутовъ былъ тоже отличный администраторъ. Онъ устроилъ Нижнеудинскія поселенія.—Его и теперь еще съ благодарностью вспоминаютъ старики. Знаешь Алзамайскаго Емельяна? Онъ былъ Барабинскій крестьянинъ. Въ своей деревнѣ не могли съ нимъ пособиться: проказитъ, да и только. Бились, бились, да и отправили его на поселеніе. Ему было тогда двадцать два года.—Росту вершка на два выше меня, въ плечахъ вотъ эдакой—молодецъ хоть куда. Приходятъ въ Бирюсу,—Лоскутовъ жилъ въ Бирюсѣ;—тамъ онъ принималъ и распредѣлялъ поселенцевъ. Лоскутовъ и говоритъ Емельяну:—«ты варнакъ (у него была такая поговорка), ступай въ Алзамай, дать ему корову, лошадь и все, что нужно. Да смотри у меня работай; а не то шкуру спущу».—Вышелъ отъ него Емельянъ, да и говоритъ: «Видали мы эдакихъ» (такъ и сказалъ). Привели его въ Алзамай, дали что нужно—онъ все и спустилъ. Чрезъ полгода пріѣзжаетъ Лоскутовъ; распрашиваетъ о томъ, о семъ.—«А что, говоритъ, Емелька»?—«да что говорятъ: мошенничаетъ».—«А, мошенничаетъ! подать его сюда»! подали.—«А, варнакъ! ты мошенничаешь! Ложись»!—И спороли Емелькѣ всю шкуру съ головы до пятокъ.—«Слушай, варнакъ, сказалъ тогда Лоскутовъ. Вотъ тебѣ мои слова. Если ты опять будешь бездѣльничать, то я тебѣ не только со спины,—и съ груди, и съ брюха,—и со всего спущу шкуру. И не думай у меня бѣжать: подъ землей отыщу».—Пришолъ Емелька домой и думаетъ: что мнѣ дѣлать? Не стану работать—запоретъ до смерти; а бѣжать, точно,—бѣжать некуда.—Нечего дѣлать; распахалъ Емельянъ, полдесятины; посѣялъ хлѣбъ,—хлѣбъ родился порядочный. Пріѣзжаетъ на другой годъ Лоскутовъ.—«А что Емелька»?—«Какъ мнѣ сказали, говоритъ Емельянъ, что меня зоветъ исправникъ, то меня будто обварило. Прихожу—ну, что говоритъ, варнакъ? Сталъ работать? Вынулъ изъ кармана да и даетъ мнѣ сторублевую бумажку.—На, говоритъ, разживайся. Я взялъ, вышелъ, да и

не знаю, что съ ней дѣлать. Того надо купить, другаго. А ну какъ, онъ назадъ потребуетъ»?—Думалъ, думалъ, Емельянъ и рѣшился: купилъ что было нужно. Прошло года два. Спрашивалъ или нѣтъ Лоскутовъ объ Емельянѣ, а къ себѣ его не требовалъ. У этого накопилось уже сотни три. Думаетъ—пора отдать Лоскутову деньги. Пріѣзжаетъ Лоскутовъ, является къ нему Емельянъ—«ты что»?—Принесъ, говоритъ, деньги.—«А тебѣ ихъ не нужно, что ли?—Оно не то что не нужно; своихъ то деньжонокъ у меня еще маловато.—«Ну, такъ подержи ихъ у себя еще, пока не разбогатѣешь».—Отдалъ ему Емельянъ деньги, только еще года черезъ три, когда имѣлъ уже своихъ три тысячи.

Тюменцевъ былъ близкимъ къ Трескину человѣкомъ и домашнимъ секретаремъ у него. Тюменцевъ оказалъ Трескину большую услугу, онъ уничтожилъ много дѣлъ. Не помню, какъ онъ это сдѣлалъ, ключъ ли подобралъ къ шкафу или доску вынулъ сзади. Свалили все на сумасшедшаго Бѣлявскаго. Этимъ онъ спасъ Трескина. Онъ самъ мнѣ разсказывалъ.

Трескинъ былъ человѣкъ безъ большаго образованія,—не грoматей, не писака. Писалъ за него Бѣлявскій. Вотъ Горновскій,—совсѣмъ другое; онъ былъ человѣкъ чрезвычайно умный и образованный; замѣчательный человѣкъ для того времени. Онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ. Онъ-то и написалъ доносъ, который унесъ съ собой Саломатовъ. Онъ жилъ въ Карлукѣ, въ 12 верстахъ отсюда. Трескинъ ничего не могъ сдѣлать съ нимъ, и самъ къ нему поѣхалъ; только это не помогло. Я помню,—Горновскій сказывалъ отцу: «у меня, говоритъ, былъ Трескинъ. Доносъ на него лежалъ на столѣ, только онъ не могъ догадаться объ этомъ, потому что доносъ былъ написанъ по французски».—Сперанскій опять сдѣлалъ Горновскаго предсѣдателемъ.

Дѣло Солдатовыхъ очень любопытно. Въ 1806 году Василій Солдатовъ взялъ въ Тобольскѣ подрядъ отъ имени своего отца—поставлять провіантъ на всю Восточную Сибирь по одной цѣнѣ. Довѣренности отъ отца у него не было, такъ онъ сдѣлалъ фальшивую. Сначала дѣло шло ладно—потомъ запуталось,—гдѣ же во всѣ мѣста поставлять по одной цѣнѣ! начались какіе-то нелады у старика съ Трескинымъ. Завелось дѣло. На одни только прогоны на счетъ неисправныхъ подрядчиковъ издержано 128.000 р. Сыновья Солдатова дѣйствительно были записаны въ рабочіе люди. Мнѣ попадалось это дѣло въ 1829 году, когда я служилъ въ городовомъ судѣ.—О Пѣтуховѣ я никогда не слыхалъ.

12.

Изъ записокъ Семена Θедоровича Шелковникова.

Въ 1819 году прибылъ въ Сибирь Михайло Михайловичъ Сперанскій—мужъ доблестный, сановникъ величественный—давшій Сибири нынѣшнее ея устройство и сокрушившій гидру лихоимства,—онъ, видя незавидное положеніе отца [1]) и желая дать ему средства къ жизни болѣе достаточныя, перевелъ его изъ Иркутска въ Нижнеудинскъ, смотрителемъ больницы, поручивъ ему и занятія по архитекторской части. Благодѣтельствуя такимъ образомъ отцу, Сперанскій не ограничивался однимъ устройствомъ его быта; а предвидя, что семейству отца моего и въ особенности матери моей—Татьянѣ Михайловнѣ—будетъ жить очень скучно въ пустынномъ Нижнеудинскѣ, при такихъ молодыхъ ея лѣтахъ, вдали, отъ близкихъ родныхъ, перевелъ тудаже исправникомъ брата матери моей Василья Михайловича Корсакова, съ которымъ жила и бабушка, мать матери моей, взявшая на воспитаніе брата Михайла. Можно ли, спрошу теперь, не вспомнить такого доблестнаго начальника, какъ Михайла Михайловича Сперанскаго, который, карая зло, въ тоже время, съ отеческою заботливостію пекся не токмо о вещественныхъ нуждахъ исправныхъ чиновниковъ, но и о ихъ моральномъ житьѣ-бытьѣ?—Я эти чувства мои высказалъ на судъ потомства съ тою цѣлью, что не разъ слышалъ упреки, относящіеся къ особѣ Сперанскаго, и, легко быть можетъ, что упреки эти дойдутъ до слѣдующаго поколѣнія въ подобной запискѣ, то, чтобъ историки Сибири не могли впасть въ ошибку и по злорѣчію набросить тѣнь на такое лице, которое должно сіять въ сказаніяхъ о Сибири, а не быть заслоняемо клеветою, и приняли бы къ соображенію мой истинный разсказъ по совѣсти, какъ о дѣлахъ давно минувшихъ лѣтъ и задолго уже по кончинѣ Сперанскаго. Переселясь изъ Иркутска въ Нижнеудинскъ, отецъ мой вскорѣ, сверхъ возложенныхъ на него обязанностей, назначенъ былъ судьею Нижнеудинскаго уѣзднаго суда. Это послѣднее назначеніе тяготило его жестокимъ образомъ, потому что онъ въ юридиціи смыслилъ несравненно менѣе, нежели мужикъ въ астрономіи; однакожъ, ...

Вскорѣ, по возложеніи на него обязанности судьи, Михайло Михайловичъ Сперанскій проѣхалъ чрезъ Нижнеудинскъ обратно въ Петербургъ. Однакожъ въ проѣздъ этотъ, изучая ввѣренный его обревизованію край, онъ прожилъ въ Нижнеудинскѣ тридцать дней. Во время это, почти каждодневно посѣщалъ отца моего и давалъ ему юридическіе совѣты. Я былъ въ это время хотя дитятею, но въ памяти моей остались навсегда черты Сперанскаго и его ласковое обхожденіе, которому въ Сибири не было до того примѣра, чтобъ магнатъ, облеченный сильнѣйшею властью, былъ такъ изумительно радушенъ и привѣтливъ, потому что всѣ правители тогдашней Сибири были

---

[1]) Отецъ С. Θ. служилъ тогда Иркутскимъ городовымъ архитекторомъ, былъ очень бѣденъ и честенъ.

большею частію деспоты и люди неприступные. Не токмо Сперанскій былъ ласковъ со взрослыми, но даже и съ дѣтьми: такъ, посѣщая отца моего, онъ постоянно удостоивалъ и меня своимъ вниманіемъ и не рѣдко даже бралъ на руки, носилъ по комнатамъ и шалилъ со мною, называя маленькимъ Сибирякомъ.

13.

Взглядъ Иркутянъ, современниковъ Трескина, на управленіе имъ Восточною Сибирью и на ревизію Сперанскаго [1]).

Купцы, современники Трескинскаго управленія, хвалятъ времена Трескина и несовсѣмъ довольны дѣйствіями Сперанскаго. Они говорятъ, что Трескинъ былъ истинный хозяинъ края, и если было зло, то зло это было съ пользой для края. Въ подтвержденіе этой, впрочемъ односторонней мысли, они говорятъ, что земледѣліе при Трескинѣ процвѣтало, что до него буряты вовсе не умѣли пахать и не засѣвали ни одной десятины, что онъ принудилъ ихъ заниматься хлѣбопашествомъ, сначала по наряду и въ опредѣленномъ количествѣ десятинъ, а потомъ уже посѣвы ихъ увеличивались добровольно: тоже нужно сказать о поселенцахъ и частію о Сибирскихъ крестьянахъ-старожилахъ. Запасы въ хлѣбныхъ магазинахъ были большіе; хлѣбъ для казны закупался съ осени, деньги за него выдавались впередъ и цѣна назначалась выше базарной, что имѣло вліяніе на поддержаніе рыночной цѣны, и хотя часть этой надбавки шла въ пользу чиновниковъ, но крестьянинъ все таки получалъ за свой хлѣбъ не ниже базарной цѣны, что тоже поддерживало земледѣліе, богатило крестьянъ и давало возможность уплачивать своевременно подати. Посѣвы назначались не только на старыхъ, но и на новыхъ земляхъ; за исполненіемъ этого должны были слѣдить земскіе чиновники, которые назначались Трескинымъ не иначе, какъ по испытаніи въ пригодности ихъ къ земской службѣ, и кромѣ того особые выборные изъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого хлѣбъ при Трескинѣ понизился съ 3 р. до 1 р. 60 к., а при Лавинскомъ палъ на 60 к.

Пропивать сѣмена, выданныя на посѣвы, какъ это случалось впослѣдствіи, крестьяне не смѣли. Хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ продавался съ наложеніемъ % въ пользу приказа общественнаго призрѣнія. До Трекина приказъ долженъ былъ разнымъ учрежденіямъ значительныя суммы, а въ его время въ приказѣ составился капиталъ въ 1 милліонъ ассигнац. Дороги исправлялись не въ страдную пору, и не выгоняли на эти работы по 2 по 3 тысячи крестьянъ заразъ во время страды, какъ это было не очень давно

---

[1]) По разсказамъ купцовъ Апрѣлкова, Баснина и частію Караулова. Составлено С. С. Поповымъ.

въ Канскомъ округѣ и въ другихъ мѣстахъ Восточной Сибири, а между тѣмъ дороги и мосты при Трескинѣ всѣ были поправлены и за почтовую гоньбу платили щедро, лишь-бы лошади и экипажи были исправны. Продавать богатымъ мужикамъ хлѣбъ и сѣно на корню и пропивать эти деньги, какъ случается нынѣ, крестьяне тоже не смѣли, и не были вынуждены свой же хлѣбъ и сѣно покупать послѣ у тѣхъ же мужиковъ-кулаковъ по дорогой цѣнѣ, да въ долгъ подъ новую траву. Такая продажа сѣна на корню существуетъ нынѣ въ Киренскомъ и другихъ округахъ; отчего въ волости благоденствуетъ только какой нибудь десятокъ мужиковъ, а остальные 2, 3, тысячи живутъ въ крайней бѣдности. Въ Трескинскіе же времена бѣдность въ крестьянствѣ не существовала въ такихъ размѣрахъ и зажиточные мужики были не рѣдкость. Какъ ни одностороненъ и какъ ни ошибоченъ тотъ взглядъ на Трескинское управленіе сельскимъ хозяйствомъ, но въ немъ есть и доля правды въ защиту Трескина, особенно, если сравнить его управленіе съ послѣдующими, когда у мужиковъ отбирали хлѣбъ хуже чѣмъ даромъ, заставляя ихъ за половинную цѣну противъ базарной доставлять хлѣбъ за нѣсколько сотъ верстъ. Другое дѣло потачки Трескина и его подчиненныхъ купечеству особенно торгующему пушниной, что впрочемъ продолжалось до временъ Муравьева. Напримѣръ купцы Кандинскіе держали весь Нерчинскій край на откупѣ и дѣлали съ крестьянами и инородцами что хотѣли. Давали промышленнику денегъ или товару, послѣдній конечно по дорогой цѣнѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ имъ напримѣръ 1000 бѣлокъ, по 25 коп. ассигн. за штуку; а сколько не доставитъ, за это долженъ былъ заплатить по продажной цѣнѣ, которая у нихъ быстро возвышалась и доходила отъ 50 коп., даже до 1 руб. ассигн. за штуку. Что и ставилось промышленнику на счетъ. Такимъ образомъ промышленникъ никогда не могъ выйти изъ долгу и весь промыселъ отдавалъ купцамъ даромъ. Стада лошадей, рогатаго скота и овецъ были у Кандинскихъ очень большіе и сдавались скотникамъ и пастухамъ съ тѣмъ, чтобы доставить въ годъ извѣстное количество приплоду и масла. За недостатокъ этого и убыль въ скотѣ скотники и пастухи отвѣчали, что и ставилось имъ на счетъ. Доходило до того, что мелкіе чиновники, забирая у Кандинскихъ товары впередъ по высокой цѣнѣ, предоставляли имъ получать свое жалованье изъ казначейства. Злоупотребленія ихъ остались не обнаруженными и безнаказанными и при Сперанскомъ и продолжались до ревизіи Сенатора Толстаго, даже отчасти послѣ—до Муравьева. Купцы Черные въ Баргузинѣ дѣлали тоже, за что впрочемъ пострадали отъ Сперанскаго. Въ Якутскѣ существовала таже система грабежа подъ видомъ торговли и это тянулось до временъ Муравьева. Система казенныхъ подрядовъ при Трескинѣ, сопряженная съ разграбленіемъ казны посредствомъ непомѣрныхъ подрядныхъ цѣнъ, часть которыхъ шла на взятки, конечно доходила до крайности; но злоупотребленія эти не уменьшались и послѣ его. Реформа Сперанскаго ничего тутъ не сдѣлала. Вотъ одинъ изъ случаевъ при Трескинѣ. Сознавая несправедливость преслѣдованія купца М. Сибирякова, Трескинъ далъ случай сыну его Ксенофонту, тогдашнему головѣ, взять подрядъ соли на 4 года за высокую цѣну, отъ чего Ксенофонтъ Михай-

ловичъ Сибиряковъ нажилъ до милліона сер. Вообще купцамъ, попавшимъ въ милость къ Трескину и его подвижникамъ, было не житье, а масленица, чѣмъ и объясняется нѣкоторое пристрастіе къ Трескину его современниковъ изъ купцовъ.

Трескинъ въ началѣ своего управленія старался уничтожить опозиціонную партію купцовъ, образовавшуюся еще до его пріѣзда, и кончилъ ссылкой Мыльникова и Михайла Сибирякова, какъ людей болѣе другихъ опасныхъ; причемъ остальное Иркутское городское общество названо ябедническою шайкой. Трапезниковы были противъ Трескина и ихъ подозрѣваютъ въ отправленіи Саламатова въ Петербургъ съ доносомъ. Одно время, по подозрѣнію въ отправкѣ ими доноса, къ дому ихъ представленъ былъ караулъ. Письма подозрительныхъ лицъ изъ Иркутска и въ Иркутскъ распечатывались.

Молва о пріѣздѣ Сперанскаго и его ревизія заставили призадуматься Трескина, его любимцевъ и его сподвижниковъ, и ободрила опальныхъ. Доносы и жалобы сыпались съ самаго въѣзда его въ Восточную Сибирь и ими набиты были его повозки. Въ Иркутскѣ послѣ его пріѣзда начали подавать жалобы крестьяне и братскіе на засѣдателей; мѣщане и разночинцы жаловались на сломку домовъ; купцы же жалобъ не подавали. Въ Верхнеудинскѣ также подавали много жалобъ буряты и тунгусы на земскихъ чиновниковъ и купцовъ, особенно черныхъ. Купцы-современники говорятъ, что доносы подавались преимущественно о дѣлахъ мелочныхъ, что должники жаловались на своихъ кредиторовъ и насчитывали на нихъ же долги. Не тѣ ли продѣлки купечества, какія приведены выше сего, разумѣютъ современники? тогда неудивительно, что мнимые должники насчитывали на своихъ кредиторовъ. О дѣятельности Сперанскаго по ревизіи, современники его говорятъ, что слѣдствіе и судъ производилъ онъ не по закону, а по личному усмотрѣнію, не на основаніи положительныхъ доказательствъ, а по голословнымъ доводамъ доносовъ и по предубѣжденію заранѣе составленному и чтобы выказать свою дѣятельность старался эти доносы оправдать. О сдѣланной же имъ реформѣ управленія отзываются они такъ: что она повела къ усложненію и умноженію администрація и ничѣмъ не улучшила систему управленія и неуничтожила произвола и злоупотребленій. Взяточничество же напротивъ, будто-бы, усилилось вслѣдствіе умноженія чиновниковъ. Одинъ крестьянинъ на вопросъ, лучше ли имъ стало при новыхъ порядкахъ, введенныхъ Сперанскимъ, будто-бы, отвѣчалъ: «да вотъ какъ лучше: прежде нужно было приготовить на чиновниковъ одну овцу, а теперь семь».

Вотъ разсказъ очевидца и соучастника встрѣчи Сперанскаго. Ожидали его за городомъ въ домѣ, находившемся по ту сторону Ангары, противъ каменныхъ тріумфальныхъ воротъ, построенныхъ при Трескинѣ въ 1809 г. Причемъ былъ губернаторъ Трескинъ, комендантъ Цейдлеръ. Ждали долго. Сперанскій пріѣхалъ вечеромъ и поздоровавшись съ встрѣчавшими его, сейчасъ же отправился въ городъ, гдѣ и помѣстился въ очищенномъ для него домѣ тогдашняго откупщика Ефима Андреева Кузнецова (что былъ на нынѣшней старой Институтской улицѣ, близъ стараго моста чрезъ Ушаков-

ку). Назавтра представились Сперанскому Трескинъ, Цейдлеръ, чиновники, граждане и депутатъ отъ духовенства, назначенный Архіереемъ Михайломъ, протопопъ Парняковъ. Сперанскій вышелъ въ мундирѣ съ шляпой подъ мышкой. Толпа была большая. Губернаторъ всѣхъ рекомендовалъ. Во время пребыванія Сперанскаго въ Иркутскѣ дѣлались общественные балы и обѣды, въ такъ называемомъ биржевомъ залѣ, бывшемъ надъ гостинымъ дворомъ. Голова Сибиряковъ угощалъ его обѣдомъ съ ухою на шампанскомъ. Трапезниковъ и откупщики Е. А. Кузнецовъ и Василій Ивановичъ Патюковъ также угощали его обѣдами. Былъ онъ и на свадьбѣ у купца Попова, который назавтра ѣздилъ съ новобрачною женой благодарить Сперанскаго и поднесли ему цѣльнаго Камчатскаго бобра, котораго онъ и принялъ. Сперанскій держалъ себя солидно и вельможно. Былъ набоженъ и часто ходилъ къ обѣдни въ Преображенскую церковь, гдѣ, по выраженію современниковъ, стоялъ *какъ вкопаный*. Михаилъ, тогдашній архіерей въ Иркутскѣ, былъ соученикъ Сперанскаго, также и Соловцовъ, тогдашній директоръ Иркутской гимназіи, удаленный сюда за какую-то проповѣдь, въ которой онъ коснулся дворца.— Вскорѣ по пріѣздѣ Трескинъ былъ удаленъ отъ должности губернатора и на его мѣсто назначенъ комендантъ Иванъ Богдановъ Цейдлеръ. Назначеніе коменданта Цейдлера губернаторомъ, какъ человѣка, хотя и добраго, но не очень дальняго, въ гражданскомъ управленіи не свѣдущаго объясняютъ расположеніемъ Сперанскаго къ женѣ Цейдлера Луизѣ Ивановнѣ.

Въ Кяхтѣ Сперанскій былъ недолго.—Разсказываютъ забавный случай встрѣчи Сперанскаго Верхнеудинскими купцами. Долго они ждали его на подгородной станціи и подъ вечеръ выпили и улеглись спать за отгородкой въ станціонной комнатѣ. Сперанскій пріѣхалъ ночью и войдя въ темную станцію сказалъ: «Се грядетъ женихъ въ полунощи».Купцы взбеленились, начали въ потьмахъ наскоро одѣваться кто во что попало, понадѣвали чужое платье и кто успѣлъ пріодѣться вышли въ весьма комическомъ видѣ къ пріѣхавшему начальнику. Остальные спрятались за отгородкой и тамъ просидѣли до его отъѣзда со станціи, потому что другаго выхода изъ станціонной комнаты не было.

14.

Отрывокъ изъ записокъ Тюменцева [1]. (л. 60—122).

1819. Годъ этотъ, казалось, былъ самымъ неблагополучнымъ для Иркутской губерніи и начался тревожными слухами; недовольныя же тогдаш-

---

[1]) Орѳографія подлинника. Мѣста, при которыхъ находится знакъ * безъ выносокъ, такъ и въ подлинникѣ: тамъ для выносокъ оставлено мѣсто. Важнѣйшія сокращенія, кромѣ извѣстныхъ Н. П. и П. Б.; Ѳ. Ѳ. и Бѣл....—Ѳ. Ѳ. Бѣлявскій; Трет....—Третьяковъ; Кал....—Калашниковъ; См....—Смирновъ.

нимъ мѣстнымъ управленіемъ, сплетнями и интригами своими еще болѣе плодили неблагопріятныя свѣдѣнія и заключенія.

Такъ въ началѣ еще года Сибирскій генералъ-губернаторъ И. Б. Пестель сообщалъ въ письмѣ къ Н. И. Трескину бывшее тогда предположеніе о раздѣленіи управленія Имперіи на Области, которыя должны были составляться изъ нѣсколькихъ губерній и управляющими въ которыхъ предназначались между прочимъ:

Свѣтлѣйшій князь П. В. Лопухинъ.
Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей:
Графъ Вязмитиновъ.

Далѣе продолжалось свѣдѣніе, что обо всемъ этомъ говорится въ Петербургѣ рѣшительно и вездѣ; что въ столицѣ ждали Сперанскаго (Пенз. губ.) для замѣщенія должности министра юстиціи; что путешествіе Государя въ Сибирь есть дѣло вѣрное, и, наконецъ, что Его Величество въ послѣднее время внезапно былъ въ сенатѣ и объявилъ никому еще неизвѣстную волю его.

1819. Апрѣля 25. Губернаторъ Трескинъ пригласилъ жителей къ пожертвованію для жителей Кукинскаго селенія (въ Нерчинскомъ округѣ), потерявшихъ отъ бывшаго у нихъ пожара 37 домовъ и проч. имущество. Сумма пожертвованій простиралась до р. [1]).

Въ сіе же время проносились достовѣрныя слухи:

а) Что по дѣлу Лоскутова съ Орловымъ будетъ въ Иркутскъ сунодальный членъ.

б) Что для ревизіи вообще губерніи ѣдутъ сенаторы Ланской и Сиверсъ.

1819. Апрѣля 3. Передъ утромъ въ 5 часу слышно было легкое землетрясеніе.

Въ Бѣльскомъ селеніи отъ напольныхъ огней выгорѣло 48 домовъ. Убытокъ крестьянъ простирался до 100.000 р. Пламя летѣло столь быстро, что на лучшихъ верховыхъ лошадяхъ не могли предупредить его въ селеніи.

Въ апрѣлѣ былъ достовѣрный слухъ, что должность Сибирскаго генералъ-губернатора соединяется съ должностью Сибирскаго корпуснаго начальника и особа сія будетъ одинъ изъ знатнѣйшихъ генераловъ.

Въ это время скончался корпусный начальникъ Глазенапъ и вышеупомянутый слухъ казался основательнѣе. Новымъ начальникомъ ожидали управлявшаго интендантствомъ. Это подтверждалось и тѣмъ наиболѣе, что обращеніе губернатора съ воинскими чинами съ сего времени перемѣнилось совершенно: вмѣсто прежняго униженія, оказывалось особенное уваженіе и вниманіе. Это въ особенности было замѣчено на бывшихъ въ сіе время въ Иркутскѣ изъ Омска маіорѣ Золотаревѣ и штабъ-докторѣ Эрнстѣ; губернаторъ оказывалъ имъ всю вѣжливость и услугу.

[1]) Пожаръ случился отъ нанесеннаго вѣтромъ лѣснаго пала.

Новый бригадный начальникъ и комендантъ.

Въ ономъ же мѣсяцѣ получено свѣдѣніе о опредѣленіи новаго Иркутскаго бригаднаго начальника, генералъ-маіора Айгустова, и коменданта, артиллеріи полковника Цейдлера. Ваканціи. Эти послѣ генералъ-лейтенанта Сухотина занималъ полковый командиръ Параевскій, который надѣялся сдѣлаться настоящимъ управляющимъ сими должностями, особливо при благораспоряженіи (sic) губернатора Трескина и И. Б.

Апрѣля 8. Государь показываетъ особенное недовѣріе къ Иркутскому начальству: доказательствомъ сему между прочимъ служитъ то, что онъ навѣдывается лично объ обстоятельствахъ управленія Сибирскаго отъ пріѣзжающихъ изъ Иркутска. И. Щукинъ, писалъ къ отцу, что и его съ товарищемъ, когда они пріѣхали въ столицу, спрашивали чрезъ офицера на счетъ пріѣзда его и проч.

Мая 8. Въ 12 часу получено ни кѣмъ неожиданное увѣдомленіе о опредѣленіи на мѣсто И. Б. Пестеля Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ М. М. Сперанскаго, бывшаго государственнаго секретаря и любимца Государя.

Новость эта многихъ привела въ совершенное разстройство, а другихъ, напротивъ, оживила. Недовольные всѣ были внѣ себя отъ радости, на другихъ же видна была мертвая блѣдность: всѣхъ болѣе страдалъ губернаторъ. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстно было, что Михайло Михайловичъ, предварительно опредѣленія въ генералъ-губернаторы, былъ вызываемъ въ Петербургъ и, прежде, нежели данъ указъ сенату о опредѣленіи его, выѣхалъ уже въ Иркутскъ. Однимъ словомъ отъ сего разнеслось много толковъ и исторій, невыгодныхъ для нынѣшняго начальника.

На сей же почтѣ получено Высочайшее повелѣніе о возведеніи паки въ главные Тайши Хоринскихъ бурятъ Галсанова, который, по безпорядкамъ его и злоупотребленіямъ, отвергнутъ былъ родами, а за неотступное домогательство въ Тайши начальствомъ отданъ подъ судъ. Государь сдѣлалъ въ повелѣніи своемъ невыгоднѣйшее замѣчаніе на счетъ начальства; а народную волю счелъ за перекоръ тому, что Галсановъ вводилъ христіанство и лучшія обычаи у братскихъ. Въ исполненіи означеннаго повелѣнія для губернатора предстояла также опасность потому, что о Галсановѣ представлено Монарху не въ настоящемъ видѣ. Галсановъ никогда не былъ настоящій наслѣдникъ званія тайшинскаго, какъ прежде начальство здѣшнее увѣрило; онъ не былъ также христіанинъ или ревнитель лучшаго, какъ тоже начальство увѣрило высшее, испрашивая ему чинъ титулярнаго совѣтника и золотую саблю, и наконецъ, что онъ отвергнутъ родамъ и даже изгоняемъ былъ вовсе изъ оныхъ не изъ ненависти къ его лучшимъ учрежденіямъ но, по распутству, гордости, мотовству, мошенничеству, жестокости и другимъ злоупотребленіямъ, что также совершенно скрыто предъ правительствомъ. И такъ, теперь, когда надлежало исполнить волю Государя противъ справедливаго настоянія общества, губернаторъ могъ ожидать отъ сего общества, самостоятельнаго, гордаго и умнаго—во 1) неповиновенія, во 2) депутаціи въ

столицу, въ 3) даже удаленія родовъ за границу [1]). Во всѣхъ сихъ случаяхъ находился онъ въ крайности. Наконецъ сдѣлано распоряженіе въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія и возложено на Ѳ. Ѳ. Бѣлявскаго, который былъ на минеральныхъ водахъ и могъ лучше всѣхъ обработать дѣло сіе, весьма въ существѣ своемъ важное.

Мая 15 (Вознес. день). Неуспѣлъ еще И. Н. успокоится отъ непріятнаго для него извѣстія о смѣнѣ Н. Б., какъ былъ пораженъ извѣстіемъ, изъ Верхнеудинска, о смерти губернаторши. Въ 8 ч. утра подано было ему письмо Ѳ. Ѳ. Бѣлявскаго, который извѣщалъ о причиненномъ Агнесѣ Ѳедоровнѣ ударѣ при паденіи коляски, увѣрялъ однакожъ, что въ этомъ опасности крайней еще нѣтъ. Но письмо было ни что иное, какъ приготовленіе къ жестокой новости. И. Н. желалъ знать исторію лично отъ привезшаго письмо, но ему сказали, что прикащикъ, доставившій оное, ушелъ въ Вознесенскій монастырь; а между тѣмъ чиновники упросили П. А. Словцова приготовить И. Н. къ принятію убійственной вѣсти. Въ 12 часу открылась тайна. Губернаторъ пораженъ былъ ею и плакалъ. Послѣ обѣда сообщилъ онъ горестное обстоятельство дѣтямъ. Печальное зрѣлище, бывшее при семъ, нельзя довольно изобразить: дѣти рыдали о драгоцѣнной потерѣ своей неутѣшно, рвали на себѣ волосы, были внѣ себя.—Его превосходительство имѣлъ твердость все это перенести съ терпѣніемъ истиннаго христіанина.

Исторія сего приключенія.

Апрѣля 10. Губернаторша отправилась для леченія на минеральныя воды (въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ). Спутники ея были А. И. Третьяковъ и Е. А. Кузнецовъ (откупщикъ). Послѣ леченія на Туркинскихъ водахъ она отправилась на Дарусинскія, но прежде еще хотѣла заѣхать на Погроменскія для свиданія съ бывшими тамъ знакомыми. 8 мая остановилась на Поперечной станціи, а въ 9 продолжала путь, какъ за 3 версты отъ водъ Погроменскихъ лошади въ коляскѣ ея взбѣсились, одна изъ нихъ пала, кучеръ былъ сбитъ, казакъ оставилъ также мѣсто, а равно и сидѣвшій вмѣстѣ съ губернаторшею Кузнецовъ, выбросившись изъ коляски, оставилъ ее одну. Лошади дали себѣ волю; а когда были пойманы, то Агнесы Ѳедоровны уже не было въ живыхъ. Другіе достовѣрнѣе передавали объ этомъ такъ, что несчастная губернаторша, тащась долгое время взбѣсившимися лошадьми, наконецъ изъ опрокинувшейся коляски выброшена на древесный сукъ, коимъ пробитъ ей былъ безъ малаго не насквозь правой високъ, и что А. Ѳ. не жила послѣ того ни минуты, бывъ притомъ издавлена коляской.

Она похоронена въ 30 верстахъ отъ Погроменскихъ водъ—въ Кульскомъ селеніи, по правую сторону деревянной церкви Спаса Нерукотвореннаго и Николая Чудотворца; положена въ досчатый простой гробъ, сдѣланный крестьянами. При погребеніи находились токмо вышеупомянутые два ея спутника и провождали гробъ два крестьянина и 12 человѣкъ верховыхъ братскихъ. И такъ эта гордая, неприступная женщина, которая по своему

[1]) Такъ тогда мыслили (собственнор. прим. Т-ва).

состоянію, лѣтамъ, богатству могла надѣяться и, кажется, всегда мыслила провести наисчастливѣйшую жизнь въ роскоши, обиліи, нѣгѣ,—эта самая женщина скончалась на пути своемъ въ пустыни, въ дали отъ супруга, дѣтей, цѣлаго свѣта, погребена безъ всякихъ почестей, въ бѣдности, и такъ презрительно, какъ самая наибѣднѣйшая жертва. О человѣкъ! Приди видѣть суетности свои, созидаемые тобою на гибели подобнаго при истощеніи всѣхъ усилій; но разрушаемые однимъ мановеніемъ Творца вышняго въ его ярости.

Замѣчательно, что два происшествія сдѣлались извѣстными губернатору по четвергамъ и почти въ одинъ часъ. Что скажетъ третій?

Мая 15. Съ извѣстіемъ о смерти А. Θ. было еще свѣдѣніе, что въ Верхнеудинскѣ у исправника Геденштрома помѣшалась умственно жена, прекрасная молодая женщина, отъ потери дочери. Мать и братъ исправницы лежали на смертномъ одрѣ. Исправникъ находился въ отчаяніи.

На другой день по полученіи извѣстія, по А. Θ. была отправлена панихида въ домѣ. Безъ слезъ нельзя было смотрѣть на многочисленное семейство, облекшееся внезапно въ глубокій трауръ. Его превосходительство, видимо, сохранялъ всю твердость; но всѣ проникали, что онъ трогался болѣе всѣхъ: твердость его нужна была для его дѣтей; съ изрѣдка, однакожъ, выкатывались у него слезы.

Мая 15. Вмѣстѣ съ непріятными новостями для Н. Н. съ нынѣшнею почтою стало объясняться, что къ ревизіи Иркутской губерніи назначенъ сенаторъ Сиверсъ, извѣстный строгими правилами, доказательствомъ чего поставлялся Малороссійскій генералъ-губернаторъ Комбурлей, котораго, равно и многихъ чиновниковъ, сенаторъ Сиверсъ изоблича въ злоупотребленіяхъ, подвергъ несчастной участи, не смотря на всю силу Комбурлея.

Мая 17. Воротились съ водъ несчастные спутники Агн. Θед., Третьяковъ и Кузнецовъ. Всякъ думалъ, что губернаторъ обойдется съ ними съ непріятностію, но Н. Н. былъ твердо увѣренъ, что несчастіе не зависѣло отъ человѣка и потому тѣ приняты по прежнему благосклонно. Отъ повторенія ими исторіи горесть семейства возобновилась съ большею силою.

Мая 20. Пронеслась непріятная молва о Гавр. Ник., сынѣ губернатора въ Петербургѣ. Несчастія, казалось, перестигали одно другое. Означенная молва дошла и до Н. Н.; она заключалась въ томъ, что молодой человѣкъ въ азартѣ и въ неприличной компаніи убилъ бутылкой актрису и по обстоятельству этому находился подъ арестомъ. Исторія казалась очень вѣроятною потому, что молодой Тр... имѣлъ наклонность къ подобнымъ выходкамъ, гордъ, богатъ, мотоватъ, страстенъ.

Мая 21. Докладывано губернатору, что нѣкоинной въ старомъ генералъ-губернаторскомъ домѣ давилъ часоваго. Происшествіе случилось пополудни въ 6 ч. Солдатъ сказывалъ, что сначала приходилъ къ нему военный офицеръ, потомъ старикъ, который, попотчивавъ его табакомъ, просилъ

сдѣлать на караулъ, часовой исполнилъ, но старикъ не былъ этимъ доволенъ и ударилъ его по щекѣ. Затѣмъ полѣзли изъ-за старика маленькіе безобразные чертенята. Они напали на бѣднаго солдата и издавили его и онъ къ вечеру отправленъ въ лазаретъ. Преданіе говоритъ, что въ намѣстническомъ домѣ давно показывались разныя привидѣнія: то старикъ съ тремя глазами, то волкъ съ пламенною пастью, то криворотый Паперецъ и т. п. Въ полночь отворялись двери, подъ поломъ бренчали кандалы, выходилъ Леццано и проч.

1819 Мая 22. Кал... сказывалъ, что передъ смѣною Ив. Бор. подаванъ былъ отъ него, чрезъ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, докладъ Государю, чтобъ извѣстныхъ здѣсь неспокойныхъ людей размѣстить по отдаленнымъ мѣстамъ, именно же: Горнов... Трап... и т. п., подъ тѣмъ предлогомъ, что за малѣйшимъ замедленіемъ сего неминуемо послѣдуетъ бунтъ; но вмѣсто уваженія, симъ докладомъ послѣдовала смѣна Ив. Бор.

Съ сею почтою получено Бухаринское дѣло. Бухаринъ, капитанъ 1 ранга, былъ начальникомъ Охотскаго порта до 1808 г. Онъ извѣстенъ всѣмъ, особливо тамошнему краю, по жестокости своей и грабительству, и назывался не иначе, какъ разбойникомъ. Беззаконія его дошли до неистовства; онъ изобличенъ былъ во всѣхъ злодѣяніяхъ, неповиновеніи, тиранствѣ и проч. и проч. и, по рѣшенію, присужденъ къ лишенію чиновъ, дворянства, орденовъ и ссылкѣ на поселеніе.

Около сего времени выходила исторія еще слѣдующая: одинъ мальчикъ доказывалъ на жида, что тотъ насильно заманивалъ его въ пустую баню, запиралъ окна въ ней и готовился къ злодѣянію; но по крику мальчика, испугавшись, бѣжалъ. Исторія эта подала поводъ къ сомнѣнію въ томъ, что жиды закалываютъ младенцевъ для своихъ причастій.

Прежде опредѣленія М. М. Сперанскаго Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ носился вѣроятный слухъ, что должность сію будетъ занимать корпусный начальникъ, и назначенъ былъ какой-то генералъ. Посему явственно послѣдовала перемѣна въ обращеніи съ военными. Они стали быть ближе. Въ сіе время пріѣзжали съ линіи маіоръ Золотаревъ, которому оказано все, что токмо ни служило къ обольщенію; штабъ-докторъ Эрнстъ—и тому также. Возвращаясь отсюда, они рукоплескали похвалы губернатору. Вотъ рекомендація!

Въ сіе время страдалъ сильною чахоткою архимандритъ здѣшняго монастыря Павелъ, отличный проповѣдникъ; но какъ онъ сдѣлался противникомъ губернатора по дѣлу Протоіерея Орлова, то настоящее положеніе его, кажется, послѣдняго веселило, не смотря на его собственное бѣдствіе. О человѣки!

Въ вечеру въ четвертокъ я примѣтилъ въ кабинетѣ у И. И., что Михайло Евграфовичъ Кузнецовъ имѣлъ въ себѣ сильную перемѣну: лицо его измѣнилось, глаза были тусклы, въ словахъ запинался. Наконецъ изъ словъ И. И. я узналъ, что Кузнецовъ мѣшается въ разсудкѣ. Предъ тѣмъ токмо онъ пришелъ къ его превосходительству и сквозь слезы признался, что онъ

нынѣ умретъ.—Это изумило И. И. и онъ спросилъ его, на чѣмъ основываетъ свое заключеніе. Со вздохомъ отвѣчалъ тотъ, что въ четвергъ скончалась Агн. Ѳ. Симъ и тому под. онъ показалъ свое слабоуміе и сколько ни прилагалъ его превосходительство старанія востановить его, было напрасно. Въ вечеру однакожъ сталъ онъ успокоиваться, ужиналъ у губернатора, читалъ газеты, но былъ задумчивъ.

1819 Мая 23. Вчерашній припадокъ съ сов. Кузнецовымъ увеличился. Въ 9 ч. утра я былъ въ кабинетѣ у И. И. Здѣсь его развлекалъ А. И. Третьяковъ. Въ немъ примѣтно было совершенное сумасшествіе. Онъ ходилъ неопредѣленными шагами, бросалъ на все боязливые взгляды, ужимался, сгорбливался и страшная блѣдность доказывала, что онъ нисколько не успокоивался: глаза его впали и глубокіе вздохи поминутно вырывались изъ груди. Онъ казался быть преступникомъ, изобличеннымъ на мучительную смерть. Не успѣлъ я получить обыкновенныхъ приказаній отъ его превосходительства, какъ совѣтникъ вышелъ въ это время на улицу и побѣжалъ къ Ангарѣ топиться; но его тамъ поймали и здѣсь онъ показалъ, что уже не возвратимъ. Съ пѣною у рта онъ боролся съ нѣсколькими человѣками, просилъ Бога о защитѣ его отъ мученій и хотя распознавалъ, что его удерживали искренніе его пріятели, но не могъ одуматься. Полная публика была свидѣтелемъ этой сцены. Наконецъ несчастнаго увели въ домъ Аснашева. Для его превосходительства, имѣвшаго свое горе, происшествіе съ Кузнецовымъ прибавляло еще болѣе безпокойства.

Чудно, какъ нарочно, все пошло вверхъ дномъ. Въ одно съ симъ время прослышалось, что подобной съ Кузнецовымъ участи подвергся и Фр. Фр. Лангансъ, котораго сумасшествіе состояло въ рыданіяхъ и видѣніяхъ ангеловъ, будто бы бесѣдовавшихъ съ нимъ.

Сего же числа И. Ив., отдѣлавшись, повезъ было несчастнаго Мих. Ев. прогуливаться и когда случилось имъ ѣхать по мельничной мостовой, то послѣдній въ мигъ соскочилъ съ дрожекъ и бросился въ прудъ; но къ счастію подоспѣла скорая помощь: его вытащили, хотя съ трудомъ. Съ сего времени приняли противъ него всѣ мѣры и надзирали за каждымъ его шагомъ.

Того жъ числа открылись письма, также много непріятныя для И. И., писанныя отъ зятя его Якутскаго областнаго начальника Миницкаго къ одному изъ повѣренныхъ по питейному откупу (Баташеву). Письма сіи открывали душу министру, который въ нихъ, какъ другу, признавался, что сколько ни старался онъ въ пользу Бат... и тестя своего, все безполезно, изливъ при томъ всѣ ругательства на И. И., что онъ управляется хитростію Третьякова и пр. и пр. По сему случаю посланъ былъ въ Якутскъ нарочный. Баташевъ между тѣмъ, по обстоятельствамъ дѣлъ своихъ, хотѣлъ означенныя письма пустить въ дѣло.

Около сего времени носился слухъ, что по дѣлу Лоскутова съ Орловымъ ѣдутъ сюда синодальные члены.

Также, что вскорѣ должна прибыть сюда новая духовная миссія въ Пекинъ, начальникомъ которой опредѣленъ одинъ изъ бывшихъ въ прежней

миссіи студентъ Каменскій (въ достоинствѣ архимандрита), извѣстный по своимъ способностямъ.

Нужно только дать случай или пищу къ разглашеніямъ, какъ праздные люди увеличатъ увеличенное въ сотеро. При общемъ несчастіи болтали здѣсь то, что и слушать было стыдно—безъ всякаго основанія. Главныя черты сего были тѣ:

1) Что Лоскутовъ, Нижнеудинскій исправникъ, запился, а другія, что онъ ничуть неопасался перемѣны, говоря прежде и всегда, что онъ знаетъ, что ему не миновать Нерчинска,—но куда повлечетъ непремѣнно съ собой и губернатора, ибо де-онъ, Лоскутовъ, имѣетъ письма Н. Н., по коимъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему предписывается, и къ тому жъ губернаторъ виновенъ, что опредѣлилъ его къ должности, когда Лоскутова по суду не велѣно опредѣлять ни къ какой.

2) Что председ. Корюковъ умираетъ.

3) Что Лангансъ Фр. Фр. пьетъ смертельную чашу.

4) Что малый Лангансъ, братъ Ф. Ф., сходитъ съ ума, будучи лишаемъ невѣсты, ибо онъ былъ въ сіе время для браку въ Верхнеудинскѣ.

5) Что сошелъ съ ума Ѳ. Ѳ. Бѣл..., который находился на минеральныхъ водахъ.

Словомъ одного вѣсили, другаго казнили и т. п.

6) Также, по словамъ симъ, сходилъ съ ума откупщикъ Патюковъ;

и 7) Пріобщали уже Трет...

Въ сіе время находился въ Петербургѣ здѣшій мѣщанинъ Саламатовъ съ доносами. Онъ снабженъ былъ инструкціями отъ Горнов..., Преосвящ.... и проч. непріятелей здѣшняго начальства. Саламатовъ простой человѣкъ, но отважный; носился анекдотъ, что при первой встрѣчѣ съ Императоромъ онъ осмѣлился остановить Его и когда Его Величество сказалъ ему, что онъ не мѣсто выбралъ, то Саламатовъ, не робѣя, сказалъ отважно: что съ Государемъ говорить вездѣ мѣсто. Государь обратилъ на него вниманіе и онъ успѣлъ разсказать то, зачѣмъ прибылъ. Онъ отданъ былъ подъ особое попеченіе главнокомандующему и содержался на счетъ кабинета. Такъ по крайней мѣрѣ говорили сообщники его.

Мая 31. Померъ архимандритъ Павелъ.

Привезли Бѣлявскаго сумасшедшимъ.

Чиновники, близкіе къ губернатору, уже видимо отказываются отъ него; многіе его явно поносятъ на сторонѣ.

Общее заключеніе о маѣ.

Мѣсяцъ этотъ вообще казался всѣмъ желѣзнымъ, особенно для Иркутскихъ чиновниковъ. Туча злоключеній висѣла и разрушилась повсечасно надъ головами ихъ—громовые удары не столь бы сильны были поколебать ихъ, какъ напротивъ происшествія: смѣна генералъ-губернатора, ѣдущій для ревизіи сенаторъ, несчастная смерть губернаторши, сумасшествіе совѣтника и т. п. Словомъ, кажется провидѣніе нарочно катило (sic) долгое время все нечистое, чтобы однимъ разомъ тронуть и разрушить беззаконіе.

*

Во весь мѣсяцъ было много дождя. Погода наиблагопріятнѣйшая. Трава невидѣнная прежде, а отъ всходовъ хлѣбовъ крестьяне выходили изъ себя.

Еще май.

Часовой отъ казначейства видѣлъ въ старомъ намѣстническомъ домѣ носимую большую свѣчу съ огнемъ, а другой, стоявшій на противной сторонѣ, былъ осыпанъ камнями и видѣлъ человѣка въ бѣлой рубахѣ.

Повторяется слухъ, что Ив. Фр. Лангансу отказано отъ невѣсты и онъ сходитъ съ ума.

Пожаръ въ Омскѣ. Крѣпость выгорѣла вся . . . . Пожаръ начался съ дому бывшаго здѣсь штабъ-доктора Эрнста отъ копченья колбасъ.

Мая 29. Съ сею почтою извѣстно, что бывшій генералъ-губернаторъ канцелярію свою отправилъ въ Казань.

Въ Тобольскѣ новаго генералъ-губернатора ожидаютъ въ половинѣ мая.

30. Вступила жалоба на Иркутскаго исправника отъ Кудинскихъ бурятъ, всего 1400 человѣкъ, о томъ, что съ нихъ сбирались незаконные сборы отъ 40 до 50 р. съ человѣка; назначено произвести слѣдствіе; но братскіе, узнавъ пристрастное распоряженіе, уклонились отъ объясненій и дѣло осталось въ нерѣшеніи.

Фр. Фр., когда губернаторъ спрашивалъ его о причинѣ невыѣзда къ нему, отвѣчалъ глупо и дерзко, что онъ не знаетъ, что у него за веселье.

Напротивъ того въ тотъ же день случилось смѣшное то, что пришелъ къ губернатору извѣстный Коп. Ив. Крыжановскій, бывшій до того въ жестокой болѣзни, и когда его Н. И. спросилъ, что за причина выхода его,—отвѣчалъ: что ему скучно стало дома.

Іюня 1. Фр. Фр. Лангансъ дѣлается подлец...; онъ перестаетъ ѣздить къ губернатору и злословитъ его. Аспашевъ въ свою очередь тоже, и, защищая Слободчикова, приговариваетъ, что этотъ имѣетъ письма губернатора къ уличенію, что тотъ принималъ отъ него взятки и т. п. Тукалевскій тоже. Этотъ безумецъ ѣздилъ даже къ Горновскому и предлагалъ себя въ его распоряженіе, обѣщаясь открыть ему кучу злоупотребленій по казенной экспедиціи; но, сказываютъ, что Горн. отпустилъ его какъ бездѣльника, разругавъ подлымъ образомъ. Исторія сія сдѣлалась всѣмъ извѣстною.

Аспашевъ же прощаетъ алчность Миницкаго, Иванницева и под.

Ѳ. Ѳ. совершенно сумасшедшій, онъ бредитъ, неистовствуетъ, злобствуетъ и симъ приведенъ въ совершенное изнеможеніе. Онъ не носитъ уже на себѣ образа человѣка,—однѣ кости связанныя кожею. Бредъ его былъ тотъ, что онъ былъ: государь, магометъ, принцъ, регентъ, Вольтеръ, Кутузовъ, Суворовъ, Лютеръ, а не Бѣлявскій. Давалъ законы, водилъ арміи, управлялъ народами, ниспровергалъ все. Онъ часто разпознавалъ окружающихъ его и всѣхъ ругалъ разбойниками, грабителями, убійцами, даже самаго губернатора. Часто пугался тѣней и, прячась отъ нихъ, каялся, что они его мучатъ за беззаконія. Съ нимъ могъ управляться одинъ токмо

Масленниковъ, который и привезъ его изъ-за моря; часто онъ въ Верхнеудинскѣ вырывался нагой и бѣгалъ народно. Здѣсь онъ былъ всегда связанъ, терзалъ зубами все что ни попадалось. И вотъ тотъ Бѣлявскій, который 13 лѣтъ былъ для всѣхъ страхомъ и ужасомъ, котораго всѣ трепетали, котораго взглядомъ однимъ не смѣли оскорбить!

Карлъ Ѳ. Грибе ѣздилъ за нимъ въ Верхнеудинскъ и чуть въ поспѣшности не утонулъ.

Горновскаго поздравляютъ всѣ вице-губернаторомъ. Свояченица его поддерживаетъ это и принимаетъ поздравленія.

Іюня 2. Словцовъ отказался отъ содѣйствія Горновскому въ доносѣ на губернатора и не обѣщалъ ни говорить, ни писать на него Михайлу Михайловичу.

Низость многихъ чиновниковъ обнаруживается и въ томъ, что всѣ они, убѣгая прежде Словцова, нынѣ стараются попасть ему на глаза, даже льстятъ до безумія фавориту его Калашникову.

3. Хоронили архимандрита Павла.

Пронесся слухъ о смерти Якутской области начальника Минцкаго, что однакожъ была ложь.

Причиною сумасшествія совѣтника Кузнецова—производившаяся въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ ревизія, при которой были приносимы ему многія жалобы на мѣстное управленіе и особливо на исправника Лоскутова, но всѣ они отвергались, или передавались тому же Лоскутову, который въ виду Кузнецова жестоко наказывалъ просителей за напрасное будто-бы безпокойство начальства.

Августа 12. Въ вечеру пріѣхали въ Иркутскъ Китайскіе чиновники Харцагай и проч., со служителями, 6 человѣкъ. Предметъ ихъ пріѣзда еще неизвѣстенъ совершенно, но подъ предлогомъ тѣмъ, что хотѣли рѣшить дѣло объ открывшемся у нихъ грабежѣ, причиненномъ перешедшими съ нашей стороны бѣглыми съ Нерчинскихъ заводовъ. Квартира отведена у коммисара Мироновича.

13. День съ утра прекраснѣйшій; въ полдень весьма знойно и барометръ предвѣщалъ дождь; однакожъ простояло благополучно.

Маска съ Кал... совершенно спадаетъ: онъ обнаружилъ явно, что значитъ. Извѣстно, что онъ составляетъ доносъ, выкрадывая самую матерію для онаго изъ дѣлъ губернатора, и къ тому проситъ См... о составленіи записки о злоупотребленіяхъ по откупу; собираетъ нужныя для сего дѣла изъ правительства, архива и проч. Мнѣ признался о таковомъ же зломышленіи Слов... подъ благовидною причиною, заключивъ тѣмъ, что если ему, К..., неудастся разрушить мнимые замыслы и хитрости, составляемые будто бы противъ новаго генералъ-губернатора, то онъ броситъ все и службу.

Въ вечеру прибыли два секретаря генералъ-губернатора Молчановъ и Крестьниковъ. Дикое любопытство открылось совершенно. Многіе люди собирались и ожидали часу до 11 вечера самого генералъ-губернатора.

Августа 14. Въ ночь прибыла остальная часть канцелярскихъ чиновниковъ, какъ-то: правитель канцеляріи Шкляревскій, секретари: Жуковскій, Зеленцовъ, Шульгинъ и проч. По извѣстію ихъ М. М. проѣхалъ еще въ Енисейскъ.

Сего дня прибылъ новый комендантъ Цейдлеръ (полковн. съ усами).

Въ 10 часовъ утра губернаторъ принималъ церемоніально Китайскихъ курьеровъ—Мушку, Харцагая и Кя. Съ Харцагаемъ былъ его внукъ, мальчикъ лѣтъ 14. Аудіенція продолжалась цѣлый часъ—сцена была любопытная. Предметъ ихъ пріѣзда—прекращеніе дѣла о грабежѣ—у Китайскихъ воротъ (какъ слѣдуетъ по трактату). Дѣло пустое—и показываетъ сильный примѣръ ихъ грубаго упрямства. При семъ находились всѣ генералъ-губернатора чиновники. Китайцы въ разговорахъ были очень умны и вѣжливы.

День весь предвѣщалъ дождь, который дѣйствительно и прокрапывалъ, но очень въ маломъ видѣ.

За обѣдомъ у его превосходительства всѣ секретари генералъ-губернатора отзывались отличнымъ устройствомъ и совершеннымъ порядкомъ во всемъ по Иркутской губерніи, противъ коего нигдѣ и ни въ чемъ они не находили подобнаго. Также отзывъ ихъ благопріятный былъ и на счетъ мнѣнія М. М. Неизвѣстно—отъ искренности ли они это говорили, по крайней мѣрѣ съ серьезнымъ видомъ. По словамъ ихъ М. М. будетъ непремѣнно на воскресенье ночью, дабы избѣжать встрѣчь, коихъ онъ не принимаетъ. До обѣда еще губернаторъ, отдосужась, возилъ ихъ по городу. Въ вечеру показывалъ острогъ и адмиралтейство.

15. (Успеніе). Ожидаютъ скораго прибытія генералъ-губернатора. Казакъ привезъ извѣстіе, что онъ находится уже въ Зимѣ (первое селеніе Иркутскаго уѣзда). Его превосходительство намѣривается послѣ обѣда отправиться для встрѣчи М. М. на первую станцію.

Его превосходительство не поѣхалъ, но отправились для встрѣчи М. М. голова Кутыгинъ и нѣкоторые изъ купечества.

16. День изрядный. За столомъ губернатора г. Шкляревскій доказалъ, что онъ можетъ быть лучшій поваръ, нежели правитель, толкуя токмо о кушаньяхъ и малороссійскомъ борщѣ.

Во весь день ничего примѣчательнаго не было.

Сего дня открылось поведеніе г. Кал... и его превосходительствомъ поручены мнѣ нѣкоторыя мѣры.

Въ этотъ день провелъ я у губернатора при дѣтяхъ его.

Отужинавъ, думалъ спокойно убраться ко сну, но со мной случилось маленькое приключеньице. Опишу его.

Вдругъ послышался крикъ женщины о помощи; я послалъ туда казаковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшилъ самъ, но, споткнувшись, упалъ такъ сильно, что съ минуту лежалъ безъ памяти. Я самъ въ себѣ уже сомнѣвался, живъ ли я былъ, но, вставъ, увидѣлъ, что руки мои были всѣ въ крови,—я отбилъ себѣ колѣно, грудь и счастливъ былъ еще тѣмъ, что не пошелъ лицемъ,

тогда бы прощай полноса. О женщины, женщины, за васъ вездѣ страдаешь!

Въ ночь сію непремѣнно ожидается прибытіе М. М.

Августа 17. День съ утра морозный (склонный къ дождю), но простоялъ безъ того и напротивъ былъ довольно прекрасный.

К... пишетъ прошеніе о увольненіи отъ должности. Губернаторъ узнаетъ это и приказалъ сказать, чтобы онъ объ этомъ не думалъ, затѣявъ извѣстное дѣло.

За обѣдомъ у губернатора видѣлъ новаго коменданта (Цейдлера). Человѣкъ, изъ разговоровъ, основательный, говоритъ довольно хорошо; физіогномія, сабля за храбрость и усы доказываютъ, что онъ и хорошій воинъ. Лѣтъ сорока. Стройность въ тѣлѣ удивительная.—Г. Шкляревскій и въ этотъ обѣдъ ни о чемъ столько не распространялся, какъ о малороссійскомъ борщѣ. Спорилъ со всѣми о превосходствѣ его и обѣщалъ собственнымъ приготовленіемъ доказать на самомъ дѣлѣ. Полковникъ противъ него ставилъ гороховый (sic) супъ, а мы думали всего приличнѣе обоимъ дать нашихъ гороховыхъ тумаковъ.

Разговоръ за обѣдомъ дошелъ до любимцевъ Императора. Всѣ были согласны, что совершенною довѣренностью его пользуется Аракчеевъ, Волконскій и Голицынъ; но нѣкоторые изъ нихъ съ другими не въ согласіи. Ар... беретъ преимущество во всемъ. Вал...въ держится по одной благосклонности. Милорадовичъ искренно привязанъ къ Государю и считается болѣе за друга и въ силѣ. Вяземскій ничего. Гурьевъ тоже не въ близкомъ положеніи. Синягинъ, отличный прежній фаворитъ, нынѣ спалъ. Закрев... въ довольной милости. Коновницынъ (военный министръ) уволенъ въ отпускъ. Словомъ: всѣ министры не имѣютъ близкой довѣренности и обращенія съ Государемъ и всѣ дѣла идутъ чрезъ Ар..., кромѣ иностранныхъ. Нессельродъ въ немалой силѣ.

Послѣ обѣда дана Китайскимъ курьерамъ отпускная аудіенція: они довольны были пребываніемъ ихъ здѣсь. Разговоръ продолжался съ часъ. Они получили увѣреніе, что будутъ удовлетворены въ настояніи своемъ. Въ заключеніе были одарены. Внукъ Харцагал, Помхой, 14-лѣтній мальчикъ, крайне плотнаго сложенія. Между тѣмъ приведено было до 30 человѣкъ конныхъ казаковъ для показанія нашей экзерциціи. Китайцы смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ. Комендантъ также хвалилъ образованіе нашихъ казаковъ.

Изъ разговоровъ Китайцевъ любопытно показалось то, что кутухта ихъ (земной богъ) служитъ иногда съ 50000 ламами вмѣстѣ: такая пропасть вездѣ безполезныхъ сихъ ламъ!

Генералъ-губернатора опять ожидаютъ; медленность его однакожъ удивительна.

18. День довольно изрядный. Примѣчательнаго ничего не случилось. Въ вечеру извѣстно, что генералъ-губернаторъ въ ночь эту прибудетъ на Тельм. фабрику.

19. Изъ письма Смирнова усмотрѣны на счетъ генералъ-губернатора слѣдующія новости:

1) Извѣстный Александръ Михайловичъ Карсаковъ, надворный совѣтникъ, ѣдетъ въ Иркутскъ; ему обѣщано мѣсто.

2) По Томской губерніи отрѣшено пятеро исправниковъ и засѣдателей.

3) Гражданскій губернаторъ Томскій Илличъ... принятъ очень сухо; напротивъ председатель Горловъ обласканъ чрезвычайно.

4) Но что, впрочемъ, общій отзывъ тотъ, что М. М. добродушный человѣкъ.

19. По утру въ 5 часовъ приглашенъ я къ губернатору по случаю полученія имъ чрезъ нарочнаго отъ генералъ-губернатора требованія важныхъ объясненій о Лоскутовѣ, котораго между тѣмъ М. М., по множеству жалобъ поселянъ, смѣнилъ и для слѣдствія о немъ составилъ въ Нижнеудинскѣ коммисію. М. М., до полученія отвѣта отъ губернатора, не хотѣлъ выѣзжать изъ Нижнеудинска, почему и поспѣшили отвѣтомъ, который отправленъ того жъ дня ввечеру. Случай этотъ много разстроилъ Н. Ив. При всемъ томъ его крѣпко поддерживало твердое упованіе на Создателя и все происходящее принималъ онъ съ христіанскимъ терпѣніемъ такъ, что, казалось, въ это время былъ онъ выше всѣхъ несчастій, выходилъ изъ смертнаго человѣка. Не смотря на свои тѣсныя обстоятельства, требовавшія всего его вниманія, онъ занимался не собою, но пользою другихъ, службою и отдыхалъ только въ вечеру; но и сей отдыхъ не былъ въ праздности,—онъ всѣ минуты употреблялъ на образованіе дѣтей, имѣвшихъ въ немъ все на свѣтѣ: онъ читалъ имъ Евангеліе, поучалъ познанію истины, укоренялъ добродѣтель и словомъ въ сіи минуты позабывалъ все суетное,—забывалъ міръ. За ужинами продолжались тѣ же бесѣды.

Нарочный казакъ отъ генералъ-губернатора разсказывалъ, что Нижнеудинскій исправникъ смѣненъ и арестованъ еще въ Канскѣ, и въ Нижнеудинскѣ взяты подъ присмотръ Заболоцкій и Зенковъ, признанные сообщниками Лоскутова. Генералъ-губернаторъ имѣлъ квартиру у городничаго Дипатоля и оказываетъ ему благорасположеніе свое.

Всѣ жалобы и просьбы допускаются свободно. По сю сторону Нижнеудинска крестьяне также изъявляютъ на Лоскутова свое неудовольствіе и готовятся къ жалобамъ. По Иркутскому же уѣзду видно другое расположеніе. Здѣсь непримѣтно ни одного наклоннаго къ какимъ либо жалобамъ.

28. Почта. Она оставила генералъ-губернатора еще въ Нижнеудинскѣ, впрочемъ онъ намѣренъ былъ вскорѣ выѣхать.

Ник. Ив. очень былъ озабоченъ, не получивъ писемъ отъ брата своего изъ Москвы; по увеличивающемуся числу непріятелей, онъ уже думаетъ, не похищаются ли эти письма.

Подозрѣваю Тур..., что и онъ придерживается ябеднической партіи. По многому онъ себя обнаруживаетъ. Богъ судитъ людей, которые являются такими подлыми, что идутъ противъ истиннаго благодѣтеля; но, да не тор-

жествуетъ злоба!—рано или поздно, она сама погибнетъ и унаслѣдитъ достойное возмездіе отъ Правосуднаго Судіи.

29. Отъ генералъ-губернатора прибылъ казацкій офицеръ съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи его. М. М. просилъ губернатора не дѣлать ему никакой встрѣчи.

Въ 8 ч. вечера прибылъ и самъ М. М. Его превосходительство встрѣтилъ его на перевозѣ; обхожденіе было благопріятное. Ник. Иван. предложилъ М. М. проѣхать нѣсколько улицъ, и потому провезъ его, въ квартиру, по Заморской и Большой или Проспектной улицамъ. Надобно было удивляться стеченію народа. Берегъ, казалось, хотѣлъ рушиться. Въ квартирѣ М. М. губернаторъ пробылъ не долго. По возвращеніи же его, М.М. присылалъ къ нему за ужиномъ. За ужиномъ же своимъ Н. Н. былъ довольно веселъ и говорилъ много, что должно было приписать благопріятному съ нимъ обращенію М. М. По словамъ Н. Н., онъ успѣлъ дать ему первоначальное понятіе о многомъ.

15.

Изъ статьи С. С. Щукина: «Воспоминанія при чтеніи записки Штенгеля, названной имъ „Дополненіе къ Иркутской лѣтописи».

Чрезъ нѣсколько почтъ (недѣльныхъ) по назначенію Сперанскаго Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, получено было извѣстіе, что онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ и ѣхавши отрѣшилъ нѣсколько исправниковъ и земскихъ засѣдателей. Послѣ полученія каждой почты къ Трескину собирались близкіе къ нему чиновники и говорили, какія принять мѣры къ смягченію такого грознаго судьи. Въ Иркутскъ часто вызывались исправники и другія главныя лица. Какія принимались мѣры, сохранялось въ глубочайшей тайнѣ. Во время одного такого конгресса, Третьяковъ, притворяясь всегда простачкомъ, обратился къ губернатору съ вопросомъ: — А что, в. п., Михайло Михайловичъ ѣстъ хлѣбъ? — «Какъ же, Алеша, не ѣстъ». — А если ѣстъ, такъ трудно ли будетъ съ нимъ познакомиться? Пусть кумъ Матвѣй (Геденштромъ) дастъ столько-то, Евстафій Ѳомичъ (бывшій Иркутскій исправникъ Волошинъ) столько-то.—Такимъ образомъ пересчиталъ всѣхъ и рѣшено было собрать, какъ тогда говорили, нѣсколько сотъ тысячъ рублей и поручить ихъ Лоскутову, поднесть при первомъ вступленіи Сперанскаго на границу Иркутской губерніи. Сдѣлавши такое распоряженіе, спокойно выжидали прибытія Сперанскаго; только на всѣхъ почти станціяхъ находились казаки, которые должны были немедленно извѣщать о всѣхъ дѣйствіяхъ Сперанскаго. На послѣдней станціи устроенъ былъ телеграфъ посредствомъ ракетъ. Первая ракета, пущенная вверхъ, должна была дать знать о прибытіи его на Зуевскую станцію.

Послѣднее извѣстіе получено было изъ Красноярска. Прошло нѣсколько

дней и ничего не было слышно о пріѣздѣ Сперанскаго въ Иркутскую губернію. Въ одно воскресенье, когда Трескинъ былъ въ соборѣ со всѣми значительными чиновниками, при выходѣ изъ церкви замѣтили карбазъ, приближающійся къ здѣшнему берегу. На немъ положены были какія-то вещи; посреди стоялъ неизвѣстный казачій офицеръ и нѣсколько казаковъ. Кто-то съ набережной спросилъ, какія везутъ вещи. Офицеръ отвѣчалъ: имѣніе Лоскутова. Одинъ бывшій чиновникъ почти вслухъ сказалъ: первая багарея сбита. Трескинъ поблѣднѣлъ и поѣхалъ встрѣчать казачьяго офицера. Это былъ казачій офицеръ Клетченко, изъ Тобольскаго казачьяго полка, бывшій прежде при Пестелевской канцеляріи въ Петербургѣ. Прежде Клетченки явился въ Иркутскъ чиновникъ Никитинъ, который возился изъ дома въ домъ, чтобъ сообщить извѣстія о дѣйствіяхъ Сперанскаго. Но отъ этого чиновника не могли ничего узнать, кромѣ похвалы новаго генералъ-губернатора.

До пріѣзда Клетченки не пріѣхало ни одного казака съ Московскаго тракта. Трескинъ не зналъ, что дѣлаетъ Сперанскій и гдѣ онъ находится. По данному наставленію, Лоскутовъ ожидалъ Сперанскаго въ Канскомъ острогѣ, гдѣ была тогда граница Иркутской губерніи. Онъ былъ въ мундирѣ и только успѣлъ донести словесно, что все въ уѣздѣ благополучно, и при концѣ сказалъ: «Исправникъ Лоскутовъ». — Лоскутовъ? арестовать его, бездѣльника.—Клетченко съ ѣхавшими казаками сорвалъ съ него шпагу, связалъ и представилъ его за карауломъ въ мірскую избу. Тутъ же сдѣлано было распоряженіе, — описать его имѣніе и привезти въ Иркутскъ, а Лоскутовъ остался подъ арестомъ.

Между тѣмъ трои сутки цѣлый Иркутскъ ожидалъ прибытія Сперанскаго. Набережная была освѣщена, отъ нынѣшняго Семинарскаго, прежде Ситниковскаго до Заморскаго проспекта, и весь проспектъ и Загородная улица уставлены были плошками. Музыканты и казачьи трубачи отправлены были за Ангару и ожидали прибытія генералъ-губернатора. 29 августа 1819 года около 7-ми часовъ вечера ракетка, пущенная въ Вознесенскомъ монастырѣ, извѣстила о выѣздѣ Сперанскаго изъ монастыря. Дорога тогда была еще старая. Она была къ западу отъ нынѣшняго шоссе и шла различными кривляками. Показалось на городскомъ лугу нѣсколько каретъ, музыканты заиграли маршъ, сдѣлалось какое-то движеніе въ нарочно выстроенномъ карбазѣ. Чиновники въ мундирахъ ходили по набережной, одни только чиновники гимназіи были въ партикулярномъ платьѣ. Трескина не было вовсе между чиновниками; но лишь только карбазъ приблизился къ пристани у тріумфальныхъ воротъ, показался Трескинъ въ мундирѣ и лентѣ, окруженный чиновниками. Это было уже около 8 часовъ вечера. Подъѣхала карета и Трескинъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ и Цейеромъ, отправились по освященнымъ улицамъ на квартиру, назначенную въ домѣ любимца жены Трескина Ефима Кузнецова, что подлѣ бывшаго лѣтняго дома Трескина. Сперанскій скоро распрощался съ Трескинымъ и тотчасъ же послалъ за товарищемъ его по Академіи, П. А. Словцовымъ, бывшимъ тогда директоромъ Иркутскихъ училищъ и совѣстнымъ судьею,—и пробылъ съ нимъ до 1 часа ночи.

30-го числа въ 9-ть часовъ утра всѣ чиновники собрались въ залу граж-

данскаго губернатора. Трескинъ устроилъ, гдѣ должны встать въ залѣ чиновники разныхъ вѣдомствъ. Въ это время Трескинъ очень косо смотрѣлъ на чиновниковъ гимназическихъ. Словцовъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ: гдѣ-же должны стоять гимназическіе чиновники? — Гдѣ хотятъ; это не моего вѣдомства. Вскорѣ дали знать, что Сперанскій готовъ былъ принять. Трескинъ втеченіи 13-ти лѣтъ въ первый разъ долженъ былъ играть роль подчиненнаго. Онъ такъ измѣнился, что его трудно было узнать. Онъ какъ-бы въ мгновеніе постарѣлъ. Замѣчательно, что тѣ чиновники, которые всегда стояли напереди у портрета Государя, стали у самыхъ дверей. Долго ожидали выхода Сперанскаго. Наконецъ двери въ гостиную открываются; выходитъ извѣстный уже офицеръ Клетченко. За нимъ Сперанскій въ мундирѣ и лентѣ, вмѣстѣ съ Фр. Иван. Цейеромъ, и другими его чиновниками.—Сперанскій давно былъ извѣстенъ въ Иркутскѣ по событіямъ 1812 года. Нѣкоторые изъ чиновниковъ видѣли его въ Перми, гдѣ онъ находился подъ присмотромъ полиціи, и даже выѣзжалъ по городу или окрестностямъ не иначе, какъ въ сопровожденіи городничаго; и это лицо, бывшее въ ужасномъ подозрѣніи въ простомъ народѣ, явилось сюда главнымъ начальникомъ всей Сибири. Такое измѣненіе судьбы могло-бы имѣть большое вліяніе на обыкновеннаго человѣка, но Сперанскій съ изумительнымъ снисхожденіемъ обращался со всѣми. Трескинъ, которому со дня огрѣшенія Пестеля до пріѣзда Сперанскаго прибавилось какъ-бы двадцать лѣтъ жизни, смиренно представлялъ ему всѣхъ чиновниковъ, стоящихъ отдѣльно. Каждому чиновнику, о которомъ онъ не имѣлъ предварительнаго дурнаго мнѣнія, удостоивалъ привѣтствія. Только при имени совѣтника казенной палаты Тукалевскаго повторилъ — Тукалевскій? — Послѣ извѣстно сдѣлалось, что этотъ чиновникъ, пользуясь расположеніемъ Трескина и успѣвши пріобрѣсти значительное состояніе, сдѣлалъ доносъ на своего благодѣтеля: это очень дурно отрекомендовало его генералъ-губернатору. Увидя чиновниковъ гимназическихъ, разспросилъ каждаго, гдѣ воспитывался, кто и чему обучаетъ и каждаго почтилъ своимъ ласковымъ привѣтствіемъ. При имени исправника Волошина сказалъ:—я съ вами уже ознакомленъ. — Услушавъ имя чиновника Карпушенкова, сдѣлалъ весьма непріятную мину и нѣсколько отступилъ отъ него. Такимъ образомъ съ перваго пріема рѣшена была участь многихъ чиновниковъ. — Замѣчательно, что всѣ чиновники, игравшіе первыя роли при Трескинѣ, приняли самый постный видъ и искали случая сблизиться съ чиновниками гимназическими.

Сперанскій три праздника дѣлалъ обѣды: 1-й, для чиновниковъ гражданскихъ, военныхъ и духовенства; 2-й, для гражданъ и 3-й, для гимназическихъ чиновниковъ.

Съ Сперанскимъ пріѣхали слѣдующіе чиновники:

1) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Францъ Ивановичъ Цейеръ.

2) Докторъ Альбертъ, взятый имъ въ Тобольскѣ.

3) Инженеръ-капитанъ Гаврінлъ Степановичъ Батеньковъ.

4) Коллежскій регистраторъ Вейкартъ.

5) — — Вильде, и

6) Козьма Григорьевичъ Рѣпинскій.

Канцелярію его, перешедшую отъ Пестеля, составляли:

1) Правитель, статскій совѣтникъ Козьма Ивановичъ Шкляревскій.

Начальники отдѣленій или секретари, коллежскіе ассесоры: 1) Николай Васильевичъ Жуковскій, бывшій впослѣдствіи времени С.-Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ; 2) Николай Васильевичъ Крестниковъ, опредѣленный потомъ первымъ предсѣдателемъ Иркутскаго губернскаго правленія; 3) Миронъ Филипповичъ Молчановъ, и 4) прибывшій послѣ Шульгинъ. Этотъ чиновникъ оставался въ Тобольскѣ.—Канцелярскіе чиновники: Виноградовъ, Сунинъ, Прохоровъ и Протопоповъ; потомъ поступили.... и учитель Ребровъ.

Для разсмотрѣнія просьбъ, поданныхъ во время проѣзда генералъ-губернатора, вскорѣ открыта была Иркутская слѣдственная коммисія. По странному стеченію обстоятельствъ, она помѣщена была въ домѣ сосланнаго въ Жиганскъ въ 1807 году Иркутскаго купца Николая Сибирякова. Предсѣдателемъ Иркутской слѣдственной коммисіи назначенъ былъ прибывшій съ генералъ-губернаторомъ дѣйств. стат. совѣтникъ Цейеръ, но трудно было пріискать членовъ, которые чужды были-бы связи съ бывшею трескинскою партіею. Это было самое затруднительное дѣло для коммисіи. Сперанскому указано было на бывшаго учителя дѣтей Трескина титулярнаго совѣтника Елисеева, который, служа въ канцеляріи губернатора и какъ бывшій студентъ Московскаго университета, не одобрялъ многихъ дѣйствій губернатора, между тѣмъ зналъ всѣ тайны этого дома. Сперанскій назначилъ его первымъ членомъ. Вторымъ членомъ былъ бывшій совѣтникъ Иркутской казенной палаты Михаилъ Григорьевичъ Поповъ. Секретаремъ сдѣланъ былъ бухгалтеръ приказа общественнаго призрѣнія Александръ Петровичъ Бѣляевъ. — Въ это время поступило множество жалобъ на бывшаго Верхнеудинскаго исправника Янковскаго, выѣхавшаго уже изъ Сибири, и множество другихъ просьбъ заставило открыть другую слѣдственную коммисію въ Верхнеудинскѣ. Членами этой коммисіи назначены бывшій Иркутскій прокуроръ, надв. сов. Степанъ Антоновичъ Горновскій и служащій ассесоромъ въ Иркутской казенной палатѣ и отрѣшенный Трескинымъ, над. сов. Александръ Васильевичъ Игумновъ, — тотъ чиновникъ, который подвергнулся гоненію за то только, что, бывши еще до Трескина смотрителемъ вновь устраиваемыхъ въ Нерчинскомъ округѣ поселеній, выстроилъ нѣсколько домиковъ, употребя на каждый вмѣсто положенныхъ по смѣтѣ 400 р. только по 21 рублю, чѣмъ навлекъ на себя общее гоненіе всѣхъ чиновниковъ, имѣвшихъ тогда вліяніе на устройство и водвореніе поселенцевъ. Съ прибытіемъ въ Иркутскъ въ 1805 году посольства графа Головкина, Игумновъ избранъ былъ какъ знатокъ монгольскаго языка переводчикомъ и этимъ сдѣлался извѣстнымъ какъ самому графу, такъ и бывшимъ при немъ чиновникамъ, а впослѣдствіи времени имѣлъ переписку съ нѣкоторыми чиновниками бывшаго посольства. Эта переписка и была причиною гоненія Игумнова во все время не только Трескина, но даже нѣсколько лѣтъ послѣ его отъѣзда. — Во время управленія перваго генералъ-губернатора Восточной Си-

бири Лавинскаго оставшаяся партія Трескина успѣла его изобразить какъ чиновника опаснаго для мѣстнаго начальства. Поводомъ тому послужило то, что Игумновъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, велъ уединенную жизнь и большую часть времени посвящалъ монгольскому языку, сочиняя словарь и грамматику этого языка. Только за нѣсколько лѣтъ до своей смерти Игумновъ былъ оправданъ въ лицѣ мѣстнаго начальства.

На Сперанскаго, какъ извѣстно, возложена была обязанность прекратить зло, накопившееся во время 13-ти-лѣтняго управленія Пестеля и Трескина и составить такое новое учрежденіе, чтобы мѣстное начальство ограничено было въ своей власти, чтобъ не дѣйствовалъ произволъ, а законы.

13-ти-лѣтнее самовластное управленіе Трескина остановлено было предложеніемъ Иркутскому губернскому правленію. Оно состояло въ слѣдующемъ: «На основаніи Высочайше дарованной мнѣ власти предлагаю, Иркутскаго гражданскаго губернатора Трескина устранить отъ своей должности». Такое несовсѣмъ ясное предложеніе приверженцы Трескина объясняли, что Трескинъ не уволенъ, а только устраненъ на время, пока дѣлается ревизія. Многіе, зная дѣйствія бывшаго Иркутскаго вице-губернатора Жолобова, не смѣли подавать жалобу, опасаясь мщенія Трескина. Не смотря на это, ежедневно увеличивалось число подаваемыхъ жалобъ. Въ скоромъ времени въ Иркутскомъ казначействѣ распродана была вся гербовая бумага и казначейство вынуждено было дѣлать надписи на простой бумагѣ, употребленной вмѣсто гербовой. Послѣ разрѣшено было простому народу подавать просьбу на простой бумагѣ и даже словесно объяснять свои жалобы.

Извѣстно, что съ первыхъ дней подавалось немного просьбъ, но число ихъ ежедневно увеличивалось и достигло до 300 просьбъ въ день, потомъ начало уменьшаться. Большая часть просьбъ разрѣшалась немедленно на тѣхъ лицъ, которыя были въ Иркутскѣ. Но тѣ, которыя требовали вызова другихъ лицъ для обличенія виновныхъ, передавались въ слѣдственную коммисію. Иногда дворъ Иркутской слѣдственной коммисіи не могъ помѣщать, особенно бурятъ, вызванныхъ для обличенія шуленгъ или старшинъ въ какомъ либо беззаконномъ сборѣ.—Иногда собиралось огромное число крестьянъ для поясненія какого либо дѣла или обличенія какого либо покупателя хлѣба.

Трескинъ долго ожидалъ окончанія ревизіи и, наскучивъ бездѣйствіемъ, явился однажды къ Сперанскому и просилъ у него разрѣшенія, можетъ ли онъ отправиться въ Москву или Петербургъ. Сперанскій немедленно разрѣшилъ его ѣхать въ Москву. . . . .

(Далѣе подробности о Трескинѣ).

Около года продолжалась слѣдственная коммисія. Само по себѣ разумѣется, что многіе обиженные во время Трескина умерли, другіе не хотѣли подавать просьбъ на тѣхъ лицъ, которыя выѣхали изъ Иркутской губерніи; но если представить, что кромѣ 10 или 12 человѣкъ, преданныхъ уголовному суду во всей Сибири, число лицъ подлежащихъ разсмотрѣнію слѣдственной коммисіи простиралось до 666 человѣкъ, можно представить, какую огромную массу бумагъ должны были разсмотрѣть члены устроеннаго тогда

особеннаго комитета о Сибирскихъ дѣлахъ. Еслибы придерживаться формы нашего судопроизводства, тогда о каждомъ подсудимомъ составилось-бы огромное дѣло. Во избѣжаніе медленности производства Сибирскій комитетъ раздѣлилъ виновныхъ по степени ихъ преступленій. Рѣшеніе Сибирскаго комитета послѣдовало 26 января 1821 года; по положенію его Пестель отрѣшенъ отъ должности, а гражданскій губернаторъ Трескинъ преданъ суду Правительствующаго Сената.

Это рѣшеніе Сибирскаго комитета получено было въ Иркутскѣ въ мартѣ мѣсяцѣ того же года. Всѣ почти составляющіе первый разрядъ виновныхъ собрались въ домъ бывшаго Верхнеудинскаго исправника Геденштрома, разсуждали объ этомъ, по ихъ понятію, незаконномъ рѣшеніи. Одинъ только Геденштромъ считалъ рѣшеніе весьма снисходительнымъ и въ шуткѣ, обращаясь къ другимъ говорилъ: «Васъ какъ негодяевъ велѣно выслать изъ Сибири, а меня, какъ человѣка полезнаго, оставить въ Сибири».—На это исправникъ Волошинъ отвѣчалъ:—«Видишь, Сперанскій знаетъ, что ты изъ ученыхъ».—Это слово было бранное во время Трескина.

16.

Отдѣльныя выдержки изъ статьи Щукина.

По какому то рѣшенію уѣздный стряпчій Пѣтуховъ не согласился съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое сдѣлано по приказанію Трескина. Пѣтухова схватили и отвезли въ Туруханскъ.

— Сперанскій, ѣхавшій по Сибири въ качествѣ генералъ-губернатора въ 1819 году, изумлялся неслыханнымъ злоупотребленіямъ разныхъ лицъ. Онъ отрѣшилъ перваго исправника Зинова, на котораго вся жалоба состояла въ удержаніи 50 р., слѣдовавшихъ крестьянамъ за постройку моста; но чѣмъ ѣхалъ далѣе, тѣмъ жалобы возрастали. Сказывали, что по пріѣздѣ въ Томскъ, онъ приказалъ написать отрѣшенному исправнику Зинову, чтобы онъ, какъ честнѣйшій изъ исправниковъ, пріѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ получилъ новое назначеніе.

Двѣ бывшія слѣдственныя коммисіи въ Иркутскѣ и Верхнеудинскѣ открыли множество злоупотребленій; но Сперанскій, зная, что все это происходило отъ воли Трескина, очень немногихъ чиновниковъ предалъ сужденію, и то за какое либо злодѣйство или явный грабежъ казны. Поступки же другихъ старался оправдать; напр. злоупотребленіе при закупкѣ хлѣба названо было недодачею денегъ крестьянамъ. Другіе осуждены были только къ высылкѣ изъ Сибири, или къ переселенію безъ лишенія правъ своихъ.

— Изъ всей Сибири только 638 лицъ подвергались разсмотрѣнію Сибирскаго комитета. Потребовалось бы учреждать повсюду уголовные суды, если бы преслѣдовать всѣ злоупотребленія, сгустившіяся втеченіи 13-тилѣтняго управленія Пестеля, зятя его фонъ-Бриша, Илличевскаго и Трескина.

— Только въ мартѣ мѣсяцѣ 1819 года положенъ конецъ этому 13-тилѣтнему управленію. Въ Высочайшемъ указѣ не сказано было ни слова о Пестелѣ. Вотъ собственныя слова Высочайшаго указа: «Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ повелѣно быть Пензенскому гражданскому губернатору, т. с. Сперанскому».

— Сперанскій, принимая въ первый разъ Иркутскихъ чиновниковъ 30 августа 1819 года, отскочилъ, услыша отъ Трескина имя Карпушенкова.

— По прибытіи въ Иркутскъ генералъ-губернатора Сперанскаго нѣкто сосланный полякъ Кисляновичъ, описавъ кантемировскими стихами управленіе Трескина и всѣхъ ближайшихъ къ нему лицъ, между прочимъ сказалъ:

Къ симъ же принадлежитъ винной части полковникъ,
Извѣстный Кузнецовъ начальства любовникъ,
Который съ нимъ раздѣлялъ волненія натуры,
А за симъ смѣло продавалъ водяныя микстуры.

— По прибытіи Сперанскаго дано было движеніе всѣмъ жалобамъ, поступившимъ на Смирнова, и тѣже чиновники, которые искали милости Смирнова, приговорили его, какъ поселенца, къ наказанію плетьми. Жена Смирнова, узнавъ о приготовленномъ уже рѣшеніи, взяла трехъ сыновей, весьма благообразныхъ, изъ которыхъ старшему было около 10-ти лѣтъ, явилась къ Сперанскому и объяснила ему несчастное положеніе своего мужа, и могъ ли онъ противиться приказаніямъ Трескина. Сперанскій ужаснулся, видя очень почтенную даму и благообразныхъ дѣтей, которыхъ мужа и отца черезъ нѣсколько дней должно было вывести для наказанія на публичное мѣсто; онъ, какъ самъ отецъ семейства, принялъ участіе въ судьбѣ Смирнова. Онъ приказалъ деньгами удовлетворить обиженныхъ и, сжалясь надъ дѣтьми, испросилъ впослѣдствіи времени прощеніе Смирнову, съ дозволеніемъ ему вновь вступить въ службу.

— (О Геденштромѣ). По рѣшеніи дѣлъ Сибирскихъ онъ остался почти ни при чемъ и долженъ былъ просить о дозволеніи вступить въ службу ранѣе 10-ти лѣтъ. Сперанскій испросилъ ему особенное разрѣшеніе служить даже въ Петербургѣ.

— Трескинъ приходилъ въ бѣшенство при чтеніи статей изъ Иркутска. Онъ не терпѣлъ, чтобъ въ Иркутскѣ были лица, которыя могутъ доставить въ газеты свѣдѣнія о настоящемъ состояніи хлѣбопашества (доносилъ о постоянныхъ неурожаяхъ, а были изумительные урожаи).

— *(О сельскихъ училищахъ, учреждавшихся Словцовымъ).* Сперанскій призналъ существованіе ихъ необходимымъ, приказалъ расходы по нимъ внести въ смѣты земскихъ повинностей. Школы эти существовали до 1824 года.

— Иркутскій уѣздный стряпчій Алексѣй Мироновъ Бритюковъ, за какой то отзывъ о самовластіи Трескина, отрѣшенъ былъ отъ должности.

17.

Выписка изъ статей С.-Петербургскихъ Академическихъ вѣдомостей о Сибирскомъ генералъ-губернаторѣ Сперанскомъ.

30 марта № 26.

Тобольскъ, 28 февраля 1820. Писали о необыкновенныхъ успѣхахъ воспитанниковъ въ классахъ взаимнаго обученія, учрежденныхъ при Иркутскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи, и прибавляли, что такими оказались эти классы «при обозрѣніи оныхъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, г. тайнымъ совѣтникомъ М. М. Сперанскимъ, симъ просвѣщеннымъ мужемъ и добродѣтельнымъ начальникомъ Сибирскаго края, который, и при великихъ и важныхъ занятіяхъ его по своему званію, не оставляетъ, по любви къ общественной пользѣ, обращать вниманіе на всякое доброе заведеніе и поощрять оное».

30 апрѣля № 35.

Нерчинскъ, 27 февраля. Разсказывается, что отбылъ оттуда главный начальникъ края «оставя въ сердцахъ Нерчинскихъ жителей память, достойную его имени, человѣколюбія и рѣдкой снисходительности».

4 мая № 36.

Кяхта, 4 марта. Описаніе пребыванія тамъ Сперанскаго и, въ заключеніе: «всѣ сословія благословляютъ его присутствіе и всѣ, отъ мала до велика, преисполняются высокимъ уваженіемъ и сердечною любовію къ добродѣтельному сему начальнику Сибирскаго края. Благосклонность и кроткое его со всѣми обращенія совершенно оживотворили всякаго» . . . . . «просвѣщенный, благонамѣренный и благодѣтельный нашъ генералъ-губернаторъ, протекая одно мѣсто за другимъ, повсюду насаждаетъ сѣмена общественнаго добра, порядка и благоустройства, представляя въ своей особѣ подражательный примѣръ гражданскихъ добродѣтелей».

24 сентября № 77.

Томскъ, 12 августа. О прибытіи туда Сперанскаго: «Не нужно повторять, съ какимъ сердечнымъ восхищеніемъ видимъ мы среди себя сего благодѣтельнаго и правосуднаго главнаго начальника Сибирскаго края; всѣ состоянія преисполнены одинаковымъ, живѣйшимъ чувствомъ усердія къ сему достопочтенному и добродѣтельному мужу».

8 октября № 81.

Тобольскъ, 11 сентября. «Напослѣдокъ имѣли мы полное удовольствіе снова увидѣть человѣколюбиваго и правосуднаго главнаго начальника

Сибирскаго края, на встрѣчу коему выходили по побужденію искреннихъ чувствованій. Толико-то силенъ гласъ благотворительности, призывающій каждаго отдать долгъ тому, который, исполняя велѣніе Августѣйшаго и всемилостивѣйшаго Монарха и движимый собственною любовію къ отечеству, славному во дни благочестивѣйшаго Государя Императора нашего, насаждаетъ повсюду добро единое».

2 ноября № 88.

25 сентября. Подробное описаніе переѣзда отъ Иркутска до Тобольска, не содержащее въ себѣ, впрочемъ, ничего въ дополненіе къ нашимъ матеріаламъ.

10 декабря № 99.

13 ноября. Описаніе, какъ Сперанскій присутствовалъ при испытаніи кантонистовъ Тобольскаго военно-сиротскаго отдѣленія, самъ дѣлалъ по многимъ предметамъ вопросы и, при отвѣтахъ, поправлялъ воспитанниковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВѢ.

II.

Письма Осипова къ Сперанскому.

I.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

Извѣстно вашему высокопревосходительству, что я 21 августа отправился изъ Енисейска въ Туруханскъ, слѣдуя по тракту къ сему послѣднему, вѣдѣнія поселенческаго смотрителя Давыдова по зимовьямъ большую часть поселенцевъ находилъ въ бѣдномъ положеніи, такъ что, по неулову рыбы, и неимѣнію денегъ, нисколько не могли у вольнопродавцевъ запастись для будущаго времени на пропитаніе себя и своихъ семействъ хлѣбомъ, почему, и въ избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій, отдаленности магазейна, отколь ими получается хлѣбъ, а болѣе неимѣнія у нѣкоторыхъ изъ нихъ теплой одежды, ходить въ зимнее время съ нартами верстъ по 70-ти за онымъ, въ чемъ какъ замѣтить могъ и самое время у нихъ проходитъ, просилъ г. Давыдова доставить къ поселенцамъ во всѣ зимовья водою на всю будущую зиму таковаго.—Узналъ притомъ отъ поселенцевъ и старожиловъ того поселенія, о претерпѣнномъ ими въ прошлыхъ годахъ голодѣ, отъ какого ѣли кротовъ, кожи палыхъ лошадей и коровъ, а Остяки мертвыя тѣла своихъ собратій. Поспѣшая въ Туруханскъ въ чаяніи осеннимъ временемъ отплыть въ Нижнюю Тунгуску, куда 11 сентября и отправился, отплывъ отъ Туруханска верстъ 20-ть, остановился ночевать, 12 ч. просыпаясь чувствую во всемъ большую слабость и головную боль, чѣмъ я съ давнихъ лѣтъ страдаю, принужденнымъ нашелся возвратиться обратно въ Туруханскъ, а 13 сентября въ колѣно выпалъ снѣгъ, коего съ каждымъ днемъ прибавляется. По полученіи облегченія отъ болѣзни былъ въ присутственныхъ мѣстахъ и нашелъ въ оныхъ большія упущенія, о чемъ въ свое время вашему высокопревосходительству непремину донести. Безпечность здѣшнихъ чиновниковъ до того велика, что я съ самаго пріѣзда не могу получить на отношенія посланныя отвѣтствій, вѣдомостей и свѣдѣній, по запасному магазейну, столько ни напоминалъ о семъ, а время сближается къ отъѣзду въ уѣздъ для повѣрки магазейновъ и проч.

Большая часть здѣшнихъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей ведутъ жизнь нетрезвую, и о дѣлахъ ни мало не пекутся. Городничій, бывшій исправникъ Стыровъ, и земскаго суда засѣдатель Мингалевъ, хотя и трезвые люди, но первый изъ нихъ, какъ военный человѣкъ, нисколько должности не знаетъ, а потому-то правящій здѣсь должность исправника Спасскій коммисаръ Максюковъ, что хотѣлъ, то изъ него и дѣлалъ; заслуживаетъ сожалѣнія, ибо по неимѣнію у него свѣдущихъ канцелярскихъ служителей, кромѣ запутанности ничего хорошаго быть не можетъ, а чрезъ то подвергаетъ себя и подъ отвѣтственность.—Неизлишне было бы опредѣленнаго къ здѣшнему запасному магазейну смотрителя находящагося въ Томскѣ отправить къ своей должности. Всегдашнія по части сей занятія и неимѣніе способныхъ людей требуютъ непремѣннаго его здѣсь пребыванія.

Максюкова я, по открывшимся видамъ къ злоупотребленіямъ,оставляю, до возвращенія моего изъ уѣзда, въ Туруханскѣ, а дабы по поселенію смотрителя Давыдова удобнѣе было открыть истину, не благоугодно ли будетъ вашему высокопревосходительству, не удаляя его вовсе отъ должности, поручить оную на время благонадежному и вѣрному чиновнику.

Будучи облагодѣтельствованъ вашимъ высокопревосходительствомъ не могу сокрыть и того, что я, и къ моей неожиданности, 28 сентября изъ Томска отъ Александры Ивановны Илличевской получилъ письмо, прося меня о пощадѣ, которое надѣюсь братецъ Александръ Степановичъ представитъ вашему высокопревосходительству оригиналомъ на благоусмотрѣніе, и увѣритъ, что со стороны моей сколько могу открыта будетъ истина, а клеветѣ и лжи не будетъ мѣста.

Поручая себя въ ваше благорасположеніе и милость честь имѣю и пр.

Аникита Осиповъ.

Октября 5 дня 1819 года.
Г. Туруханскъ.

2.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

При обозрѣніи моемъ Туруханскаго запаснаго магазейна дѣлъ, нашелъ довольно запутанностей, неисправностей, и оставленія безъ записки представленныхъ вахтерами за хлѣбъ денегъ, звѣрей и прочаго; по земскому суду, дѣлъ уголовныхъ прежнихъ лѣтъ, и сего года, какъ-то: отъ голоду умершихъ, и о употребленіи въ пищу азіятцами своихъ родовичей, изъ коихъ такіе есть, что самые преступники содержась въ Туруханскомъ тюремномъ острогѣ, правящимъ должность исправника г. Максюковымъ, по уничтоженіи производимыхъ о нихъ первыхъ дѣлъ, уволены безъ всего въ свои волости, а первые безъ дальнѣйшаго производства оставлены; всѣмъ

*

таковымъ нынѣ дано законное теченіе и ходъ. Турыжской волости о умершихъ Тунгусахъ хотя произведено засѣдателемъ земскаго суда Мингалевымъ слѣдствіе прошлаго года и нынѣшняго въ іюнѣ мѣсяцѣ въ тотъ судъ представлено, но подлиннаго за отсылкою г. Максюковымъ къ его превосходительству Томскому господину гражданскому губернатору видѣть не могъ, изъ копіижъ, оставленной съ онаго, усмотрѣлъ, что она померла яко бы отъ болѣзни; но слухамъ же до меня дошедшимъ, что та волость въ 1809 и 1810 году померла отъ голоду; о семъ и казаки Туруханскіе бывшіе въ то время въ Тунгускѣ удостовѣряютъ, и что г-мъ коллежскимъ ассесоромъ Гороховымъ производимо было въ 1812 году изслѣдованіе; а по казначейству утайку представленныхъ денегъ и звѣрей отъ казаковъ, и перемѣну данныхъ на запискѣ послѣднимъ изъ земскаго суда книгъ, листовъ, а потому Туруханскій уѣздный казначей не заслуживаетъ довѣрія, и посему, и какъ не трезвый человѣкъ, предаю въ благоусмотрѣніе ваше высокопревосходительства.

Пробывъ въ Туруханскѣ безъ малаго два мѣсяца, 2 ноября отправился въ уѣздъ, и проѣзжая онаго отъ Туруханска чрезъ Тазовскую и Енисейскую губы до Дудина, вездѣ азіятцы жалуются на непомѣрно положенную таксу на хлѣбъ, стоящій казнѣ съ доставкою на мѣсто, и съ осьмою частію прибыли, пудъ 1 р. 67$^3/_4$ коп., а на звѣря въ магазейнахъ, *Баишинскомъ* и у *рѣчки Блудной*, по 10 бѣлокъ, или по 10 горносталей за 1 пудъ муки, за 1 выдру 4 пуда, лисицъ за 1 бѣлодушку 3 пуда 2 ф., за одну сиводушку 5 пудъ, осетроваго клею за 5 ф. 1 пудъ, оленью шкуру за 1 пудъ, камысовъ (?) отъ 4-хъ звѣрей 1 пудъ; на *Тазу у церкви и у часовни*, на 15 бѣлокъ или горносталей за 1 пудъ, лисицъ за 1 бѣлодушку 3 пуда; 1 сиводушку 4 пуда, осетроваго клею за 6 ф. 1 пудъ, оленью шкуру за 30 ф., камысовъ отъ 4-хъ звѣрей за 30 ф., заячинъ по 25-ти за 1 пудъ; *Устькурейскомъ*, *Барасинскомъ*, *Плахинскомъ*, *Лузинскомъ*, *Авамскомъ*, *Хантайскомъ*, 1 песца за 1 пудъ, бѣлокъ или горносталей по 10 за 1 пудъ, заячинъ по 25 за 1 пудъ, лисицъ 1 бѣлушку за 4 пуда, 1 сиводушку 5 п. 20 ф., 1 волка хорошей доброты за 7 пудъ, 1 оленью шкуру за 1 пудъ, камысовъ отъ 4-хъ звѣрей за 1 пудъ; на *Толстомъ Посу и въ Дудиной*, 1 песца за 1 пудъ, горносталей по 10 за 1 пудъ, лисицъ бѣлодушку 1 за 4 пуда, сиводушку 1 за 5 п. 20 ф., за 1 волка 7 пудъ, песца голубаго за 4 пуда, оленью шкуру за 30 ф., камысовъ отъ 4-хъ звѣрей за 30 ф.; въ прошедшую жъ ярмарку продавались въ Туруханскѣ изъ казны звѣри, бѣлки по 32 к., горносталь по 50 к., песецъ по 3 р. 10 к., волкъ 18 р. 50 к., камысы отъ одного звѣря 4 лапы 1 р. 62 к., а отъ 4-хъ звѣрей за 6 р. 48 коп., шкура оленья 2 р. 60 к., заячина по 16 к.—Взявъ въ соображеніе въ бывшую сего года ярмарку на звѣря цѣну, если положить общую цѣну за 1 пудъ муки по 7 бѣлокъ, горносталей по 5, за 1 песца 1$^1/_2$ пуда, за одного волка хорошей доброты по 10-ти пудовъ, камысовъ отъ 4-хъ звѣрей за 16 лапъ по 3 пуда, шкуру оленью за 1 пудъ, заячинъ по 20 за 1 пудъ, выдръ же, лисицъ и голубыхъ песцовъ, въ продажѣ изъ казны не было, а партикулярно продавались: 1-я отъ 20 р. до 25 р., 2-я отъ 10 р. до 12 р., и послѣдніе отъ

8 р. до 10 р., и осетровый клей на мѣстѣ покупается отъ 60 до 70 коп. фунтъ, хотя впрочемъ цѣны каждогодно измѣняются, то есть или возвышаются или же понижаются, но при хорошемъ распоряженіи чиновниковъ можно будетъ надѣяться, что казна не будетъ терпѣть убытокъ, кромѣ пользы. Конечно бѣдные и добрые азіятцы не поспорили бы и о нынѣшней цѣнѣ, но неуловъ звѣря останавливаетъ даже и хлѣбъ брать, опасаясь, что они не въ силахъ будутъ уплатить за оный; и до пріѣзда моего, по магазейнымъ и сугланнымъ мѣстамъ, никто изъ нихъ и нисколько не брали; за прошлогоднее задолженіе, когда хлѣбъ продавался за 2 пуда 1 песца, нынѣ вахтерамъ предписано собирать за каждый пудъ по песцу. Отъ этого бремя я избавилъ, и разрѣшилъ принимать звѣря по прошлогоднему, за 2 пуда 1 песца, а нынѣшнюю цѣну хлѣбу оставилъ въ своей силѣ, приказавъ вахтерамъ все старое задолженіе собрать, что подтвердилъ и азіятцамъ, а нынѣшній хлѣбъ пустить въ долгъ впредь до разрѣшенія, не благоугодно ли будетъ вашему высокопревосходительству приказать для положенія другой не обременительной на хлѣбъ цѣны, за которой получается звѣремъ, составить присутствіе.

Кромѣ Дудинскаго магазейна ни въ одномъ изъ таковыхъ, и въ сугланныхъ мѣстахъ, не нашелъ безмѣновъ, а отдаютъ прошлогодней поставки хлѣбъ по пятнамъ на мѣшкахъ означеннымъ, а сего года на развезенномъ и того нѣтъ, слѣдовательно бѣдные азіятцы и сами не знаютъ столько ли имъ отдаютъ вахтера хлѣба, сколько имъ потребно. Хотя впрочемъ и не знаютъ они вѣса, какъ равно и деньгамъ счета, но время конечно бы показало узнать. Не благоугодно ли будетъ вашему высокопревосходительству приказать во всѣ магазейны и сугланныя мѣста, гдѣ продается казенный хлѣбъ, будущею весною заготовить 5-ти пудовыхъ 18-ть безмѣновъ. Эта вещь есть самая необходимѣйшая и для свидѣтельствовавшихъ оные.

Узналъ подъ рукою, что Енисейскіе торговцы привозятъ для своего будто и рабочихъ употребленія вино и французскую водку, такъ равно бисерь и стеклярусъ,—сей послѣдній подъ видомъ корольковъ, которые, или сами продаютъ, или же для продажи отдаютъ здѣшнимъ жителямъ—азіятцамъ, на песцы и прочіе звѣри: и бѣдные, впрочемъ простые и добрые азіятцы, какъ склонные къ пьянству, до того упиваются, что пропиваютъ послѣдніе съ себя парки. Я о семъ отъ самихъ ихъ слышалъ, спрашивая меня скоро ли учреждена будетъ въ Дудиной и на Толстомъ Носу казенная продажа вина. Нынѣ до настоящей истины, о продажѣ здѣсь вина, донести невозможно: но съ наступленіемъ весны, если благоугодно будетъ вашему высокопревосходительству учредить въ Туруханскомъ уѣздѣ для удержанія отъ провоза онаго заставы, но съ тѣмъ, чтобы люди для сего употреблены были честнаго поведенія, то конечно успѣхъ будетъ.

Дабы сколько нибудь удержать отъ излишнихъ казнѣ издержекъ занимавшихся въ Туруханскѣ отправкою въ уѣздъ по магазейнымъ и сугланнымъ мѣстамъ хлѣба, а крестьянъ и азіятцевъ препровождавшихъ оный отъ изнуренія, проводя суда верстъ по 200 и болѣе первые отъ своихъ жилищъ, а послѣдніе кочевьевъ, совершенно почти лишаются рыбныхъ про-

мысловъ,—полагаю, доставлять хлѣбъ внизъ по рѣкѣ Енисею, какъ-то: въ р. Курейку, въ Устькурейское, Хантайское, Лузинское, Авамское, Карасинское, Плахинское зимовья и въ магазейны Дудинскій и Толстоносовскій, наймомъ съ Енисейскими торговцами; а особенно такъ называемыми Карасинцами, кои отправлялись для покупки рыбы на многихъ судахъ почти къ самому морю, кажется съ большимъ удовольствіемъ приняли бы на себя сію поставку, для казны весьма выгоднѣйшую, нагрузя хлѣбъ сей уже въ Енисейскѣ, а не въ Туруханскѣ, и тогда бы не болѣе стоилъ казнѣ судя по покупкамъ сего года 70 к. или 80 к. съ доставкою на мѣста каждый пудъ. Хлѣба сюда доставлять чѣмъ болѣе тѣмъ лучше. Если бы за сходную цѣну склонить было возможно поставку въ Тунгуску и къ рѣчкѣ Блудной, а по тракту къ сей послѣдней и въ Баишиское зимовье, гдѣ продается казенный хлѣбъ, весьма бы хорошо было. Не благоугодно ли будетъ вашему высокопревосходительству приказать г. Енисейскому земскому исправнику сдѣлать приторжку, а хлѣба въ Енисейскѣ для Туруханска заготовлено уже до 9000 пудовъ.

Проѣхавъ въ 24 сутки двѣ большія никѣмъ необитаемыя и незаселенныя тундры, Тазовскую и Енисейскую, или простудился, бывъ давно симъ одержимъ, или же отъ ночлеговъ въ снѣговыхъ ямахъ, или Богъ знаетъ отъ чего, до чрезвычайности ослабѣлъ, а ноги едва меня таскаютъ, но сегодня отправляюсь тундрою на рѣку Хету.

Съ истиннымъ и пр.

Аникита Осиповъ.

Декабря 16 дня 1819 года.
Дудино урочище.

3.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

Извѣстно уже вашему высокопревосходительству, что я не заѣзжая изъ Дудина въ Толстоносовское селеніе, отправился на рѣку Хету, и слава Богу что такъ случилось, чѣмъ самымъ отвратилъ неминуемый отъ тамошнихъ жителей и прибывшихъ на оную и Хатангу, народовъ голодъ, какъ изъ донесенія моего усмотрѣть изволите.—Слѣдствіемъ сего было то, что по тамошнимъ мѣстамъ не такъ великъ былъ уловъ дикихъ оленей и звѣрей. Хлѣба же казеннаго до пріѣзда моего потому они не брали, что цѣна ему противъ 1818 года назначена дорога, ибо въ томъ году отдавали имъ по 2 пуда на песца, а нынѣ по полтора песца за одинъ пудъ; къ тому же пропущенъ слухъ, если кто изъ жителей и азіятцевъ за взятый изъ казны хлѣбъ звѣрей не заплатитъ въ два года, таковыхъ и съ ихъ семействами для

заработыванія отправлять въ городъ Туруханскъ, чего они смертельно боятся; и хотя я о таковыхъ разглашателяхъ и прилагалъ мое стараніе узнать, но успѣть не могъ. Партикулярныхъ же людей—по $2^1/_2$ песца за пудъ, а въ долгъ никому и ни подъ какимъ видомъ, какъ объяснили мнѣ якуты, не давали. Дѣло кончено тѣмъ, что я людей сдѣлалъ съ хлѣбомъ, а торговцы поддержали меня своимъ пожертвованіемъ, и что теперь онаго кажется достаточно будетъ до весны, въ которое время торговцы водою отправляютъ до самой Попигая рѣки, въ достаточномъ количествѣ, о чемъ по соображеніи не премину въ свое время донести и вашему высокопревосходительству.

Во время моего нахожденія на рѣкѣ Хети развѣдалъ, что отъ Поротова озера въ разстояніи день ѣзды, есть соляныя сопки и довольно обширныя, но по слабости моего здоровья и чрезвычайной головной боли, отъ которой я третью ужъ недѣлю и въ Толстоносовскомъ селеніи страдаю, не могъ быть у оныхъ; полученныя же мною отъ князца Тюприна той соли два куска представить честь имѣю вашему высокопревосходительству на благоусмотрѣніе. По чтобы узнать о тѣхъ сопкахъ совершенно, гдѣ онѣ, на какомъ грунтѣ земли, какой вышины и ширины, далъ предписаніе капралу Мелкову по попутности, когда поѣдетъ на Анабару, осмотрѣть ихъ и доставить пробы.

Въ зимовьѣ Заостровскомъ открылъ: 1) торгъ бывшаго въ Туруханскѣ исправникомъ г. Бутыркина съ азіятцами и жителями хлѣбомъ и вещами, гдѣ и регистръ, о сборѣ за оные песцовъ, и песцовыхъ лапъ, переданный какъ видно изъ . . . . . [1]) правящему въ Туруханскѣ должность исправника г. Максюкову, а отъ сего козаку при приказѣ, отыскалъ. Магазейнъ у г. Бутыркина былъ въ Верхинскомъ зимовьѣ на рѣкѣ Енисеѣ, гдѣ и прикащикъ отъ него находился, къ коимъ я и пробираюсь, но боль головы моей меня удерживаетъ, которая до того обезсилила, что я съ большею нуждою могу писать; 2) присвоеніе себѣ Туруханскимъ казначеемъ Худинымъ изъ ясака платимаго казакомъ Сѣдельниковымъ за Авамскую и Карасинскую волости денегъ и 34 олеьихъ ровдугъ, и перемѣну въ самой книгѣ данной Сѣдельникову изъ земскаго суда на записку ясака листовъ. О семъ послѣднемъ извѣщаетъ меня Туруханскій городничій, что отъ казначейскаго приказнаго Арзамасова поданъ доносъ въ утаеніи и не запискѣ денегъ и звѣрей. Всѣ Туруханскіе чиновники, исключая прежняго и нынѣшняго гг. исправниковъ и городничихъ; по сей, того только жаль, что ничего не знаетъ и крайне безтолковъ, никуда не годится; 3) непозволительную продажу вина Енисейскими и Красноярскими торговцами, приплывавшими на рѣку Енисей съ хлѣбомъ и разными товарами.

30-го января получилъ я отъ г-на Томскаго гражданскаго губернатора предписаніе, о дачѣ Туруханскому городничему свѣдѣнія, буде коллежскій регистраторъ Максюковъ по дѣламъ на меня возложеннымъ не нуженъ будетъ, и къ выѣзду изъ Туруханска препятствующихъ причинъ, о выдачѣ

---

[1]) Не разобрано.

Максюкову подорожной и прогонныхъ денегъ. О сихъ послѣднихъ городничій извѣщаетъ меня, велѣно выдать изъ провіантской суммы. Велика милость, но только несправедлива, ибо Максюковъ не заслуживаетъ сего, да и самый отпускъ его не можетъ быть такъ скоръ, какъ имъ хочется, потому что ему надобно будетъ съ нѣкоторыми вахтерами и по увerткамъ въ отвѣтахъ дать очныя ставки.

Поруча себя въ милостивое ваше покровительство, честь имѣю . . .

Аникита Осиповъ.

Февраля 10 дня 1820 года.
С. Толстопосовское.

4.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

Пробывъ въ Толстоносовскомъ селеніи и по болѣзни головной и за учетомъ явившихся ко мнѣ Низовыхъ рѣки Енисея сборщиковъ, по послѣднему вашего высокопревосходительства повелѣнію безъ малаго мѣсяцъ, нашелъ, что правящимъ должность Туруханскаго земскаго исправника г. Дмитренкомъ съ Низовскихъ крестьянъ и нѣкоторыхъ ясашныхъ, за прошлые годы податей въ 1816 году взыскано болѣе означеннаго въ представленіи вашему высокопревосходительству изъ Томскаго губернскаго правительства. Сверхъ сего съ послѣднихъ на настоящій 1816 годъ ясакъ и подать, да за розданный въ прошлыхъ же годахъ хлѣбъ звѣрей и денегъ, коихъ въ представленіи не означено, и съ первыхъ начиная съ 1813 по 1820 годъ переврано кажется съ излишествомъ. Мнѣ много было по предмету сему,—такъ какъ у нѣкоторыхъ сборщиковъ отобраны были прежними гг. исправниками раскладные реестры,—собирать данныя отъ нихъ крестьянамъ въ полученіи денегъ росписки и составлять вновь реестры,—занятій, и съ помощію Божіею какъ быть кончилъ.—Эти бѣдняки до того добры, что въ состояніи все отдать; но впрочемъ изъ нихъ нѣкоторые лѣнивы, и о улучшеніи домообзаводствъ нисколько не пекутся. Что то мнѣ скажутъ Верховскіе рѣки Енисея крестьяне, куда я завтрашній день отправляюсь, если не воспрепятствуетъ мнѣ погода; въ здѣшнихъ мѣстахъ и за нею долженъ всякой оставаться на одномъ мѣстѣ.

А бывшимъ г. исправникомъ Бутыркинымъ въ 1814 году Илимпейской волости съ тунгускаго старшины Маина въ ясакъ взыскано 10 рослыхъ бѣлыхъ песцовъ и 20 р. денегъ; но первыхъ, кромѣ послѣднихъ, въ данной роспискѣ не означено, объ отдачѣ коихъ Маинъ ссылается на таковаго жъ Долганскаго, который утвердилъ, и мѣщанина Дубоглазова; сей послѣдній за отлучкою въ отдаленныя тундряныя мѣста остался неспрошенъ.

Жалѣю до крайности, что многихъ я азіятцевъ, кои находятся въ неизвѣстныхъ тундряныхъ мѣстахъ, не видалъ и невозможно, какъ кочевныхъ, всѣхъ ихъ безъ предваренія видѣть и быть въ Тунгускѣ въ нынѣшнее время, по труднѣйшему туда проѣзду и не имѣнію по тракту оленей, какъ пустому и никѣмъ необитаемому мѣсту, и самое время не было бы достаточно,—и безполезно, потому что людей уже бы я нигдѣ и нисколько видѣть не могъ за отлучками ихъ для промысловъ въ отдаленныя мѣста.

Крестьянинъ Алексѣй Лаптуковъ, обязавшійся подпискою доставить за тундру на рѣки Хету и Хотонгу нынѣшнимъ временемъ 250 пудъ казеннаго хлѣба, съ онымъ 20 сего мѣсяца отправился; а таковой же Самойло Лаптуковъ обѣщался по вскрытіи рѣкъ весною уплавить. Есть надежда, что люди не будутъ безъ хлѣба.

Донесеніе къ вашему высокопревосходительству побудило меня препроводить, дабы г. уѣздный казначей Дудинъ и болѣе чего не напроказничалъ. Совѣсть какъ изъ всего видно оставила его; и онъ до того былъ своеволенъ, что изъ поступившихъ ясаковъ продавалъ звѣрей и деньги излишнія употреблялъ въ свою пользу, такъ равно и звѣрей, послѣ чего и не можетъ уже онъ быть благонадежнымъ. На сообщеніе же Туруханскаго г. городничаго увѣдомилъ, чтобы онъ въ свидѣтельствѣ денежной казны по его сомнѣнію поруководствовался изданными на предметъ сей узаконеніями, и въ общемъ, всѣхъ тамошнихъ мѣстъ присутственныхъ членовъ и стряпчаго, присутствіи, не ожидая моего возвращенія, приступили къ свидѣтельству казны.

Уловъ звѣрей нынѣшней зимы не такъ-то былъ значителенъ, а бѣлка отъ бывшихъ съ осени дождей вся пропала, такъ что въ проѣздъ мой ни изъ ясашныхъ, ни изъ русскихъ, не могли одной упромыслить. Теперь есть настоящее время уловить ихъ и поколка дикихъ оленей. Что то будетъ, а хлѣба вездѣ по магазейнамъ остается мало и по расходу какой былъ при мнѣ, кажется долженъ весь выйти къ веснѣ.

О бывшемъ г. исправникѣ Сыровѣ азіятцы и крестьяне вездѣ отзывались мнѣ со стороны лестной и даже соболѣзнуютъ, слыша что онъ отставленъ отъ службы; но чтобы онъ пущался на продажу хлѣба и проч., какъ въ запискѣ вашему высокопревосходительству изъяснено, ни отъ кого слышать не могъ, а къ слабости его, или къ недосмотрѣнію можно причесть, что онъ въ доставкѣ казеннаго по суглаинымъ мѣстамъ хлѣба не такъ хорошо распоряжался, и другое, что въ бытность его оставлено безъ изслѣдованія о убивствѣ Тымской волости остячкою (коя уже умре) родной своей племянницы и съѣденіи ее; въ семъ послѣднемъ участвовалъ отецъ и мать убитой, и что какъ видно отъ большаго голода и принужденія убійцы.—Здѣсь я кромѣ сего, и умершихъ отъ голода азіятцевъ, ничего не могъ слышать хорошаго, а со стороны самоядей во время голодовокъ буйствъ и неистовствъ, русскіе отъ этихъ буйныхъ много терпѣли и переносили непріятностей, и все то проходило безъ взысканія съ нихъ. Пріѣхавъ къ зимовью, человѣкъ 20 и болѣе запрутъ его, послѣ чего изъ амбаровъ берутъ все, что имъ попадется; нынѣ же у якутовъ и крестьянъ истребляютъ

несцовыя насти и пленцы въ тундрахъ; пребуйные самые эти народы изъ всѣхъ здѣсь обитаемыхъ ордъ.

Поруча себя въ милостивое вашего высокопревосходительства покровительство честь имѣю и пр.

Аникита Осиповъ.

Февраля 25 дня 1820 года.
Урочище Дудинское.

5.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

При обревизованіи мною Устькурейскаго казеннаго хлѣбнаго магазейна нашелъ, что вахтеръ онаго капралъ Потылицынъ прошлаго 1819 года, роздалъ въ одолженіе хлѣба болѣе 200 пудовъ, въ уплату коего въ великій постъ получа Карасинской волости съ остяка Губкина 1 песца, 9 бѣлокъ и 30 ушкатинъ, и не записавъ ихъ на приходъ по принадлежности по книгѣ, тогожъ года весною неизвѣстнымъ ему Енисейскимъ торговцамъ за 7 р. 75 к. продалъ, а деньги употребилъ въ свою пользу. Можетъ быть онъ и съ прочихъ остяковъ собиралъ за задолженный хлѣбъ звѣря, коихъ за отлучкою для промысловъ въ отдаленныя неизвѣстныя мѣста видѣть не могъ, поручилъ г. земскому исправнику удостовѣриться по возвращеніи остяковъ аккуратнымъ образомъ, прося притомъ Потылицына перемѣнить другимъ, благонадежнымъ изъ старшинъ или казаковъ. Къ сему побудило меня то, что Потылицынъ во время управленія моего городомъ Красноярскимъ велъ себя неблаговидно, и притомъ превеликая пьяница.

Отсель намѣреніе мое было проѣхать къ сугланному мѣсту въ Курейскій магазинъ, но по невозможности за выпавшимъ большимъ снѣгомъ и бродьми, ни на сабакахъ, ни на оленяхъ туда слѣдовать, оставилъ до насты, пустился въ Туруханскъ, и по пріѣздѣ въ оный 11 марта услышалъ, что на Талъ къ церкви и часовнѣ отъ Блудной рѣчки 1100 и отъ Маковихи 370 пудовъ хлѣба уже перевезено, и что по неулову звѣрей весь почти розданъ оный азіятцамъ; а всѣ говорили, что въ доставкѣ его есть большое затрудненіе. Конечно не безъ сего, но это во всѣхъ случаяхъ бываетъ. Надобно было прежде распорядиться, тогдабъ можно говорить, если бы встрѣтилось затрудненіе; какъ примѣтно все дѣлалось по намекамъ и однимъ токмо догадкамъ. Молю Бога что онъ наставилъ меня такъ распорядиться въ семъ случаѣ, а то бы неминуемъ голодъ.

Въ проѣздъ мой къ Туруханску по р. Енисею слышалъ, что въ 1814 г. отъ зимовья Денежкина верстахъ въ 15 Баишинской волости остякъ съ семействомъ, состоящимъ изъ 5 человѣкъ, померли отъ голода и слѣдствія о

семъ производимо не было. Подобныхъ сему много происшествій, кои отъ главнаго начальства были закрыты. Всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство разрѣшить меня, какъ поступить въ семъ случаѣ. Томскіе говорятъ, что открытіе мною дѣла о съѣденіи остякомъ Тельдинымъ, таковагожъ Нюгомта тѣла, не будетъ вашему высокопревосходительству пріятно. Конечно я какъ чему другому сіе не приписываю, какъ къ одному только искушенію. Впрочемъ памятуя приказанія вашего высокопревосходительства, такъ и поступлю.—Вѣдѣнія же Давыдова, остяки умершихъ и уже преданныхъ землѣ мать и сестру отрыли и употребили въ пищу. О семъ также слѣдствія произведено не было.

Какъ изъ свѣдѣній собранныхъ видно, что бывшіе гг. земскіе чиновники, кромѣ торга, никакими дѣлами не занимались.

Съ глубочайшимъ и пр.

Аникита Осиповъ.

Марта 13 дня, 1820 года.
Г. Туруханскъ.

6.

Ваше высокопревосходительство

милостивѣйшій государь!

Почтеннѣйшее начертаніе вашего высокопревосходительства отъ 11 февраля, имѣлъ счастіе по пріѣздѣ въ Туруханскъ 23 ч. марта получить, на которое осмѣливаюсь вашему высокопревосходительству доложить, что я, за всѣмъ моимъ стараніемъ, и почтеніемъ всего Туруханскаго уѣзда никакъ по обширности и труднымъ проѣздамъ обозрѣть не могъ, и невозможно. Еслибы отправился напередъ къ Тунгуску, откуда не ранѣе долженъ бы былъ возвратиться, какъ къ Рождеству или новому году, въ которое время по всѣмъ мѣстамъ азіятцы съ зимнихъ кочевьевъ переходятъ на другія въ отдаленныя неизвѣстныя мѣста. А потому не могъ бы быть на Тазу и за Тундрою, и самое распоряженіе въ семъ случаѣ земской полиціи, дознанное на опытѣ, послужило бы болѣе къ обремененію азіятцевъ и самому разстройству въ ихъ промыслахъ. Это время для нихъ самое дорогое.

Не бывъ въ Курейкѣ по извѣстнымъ уже вашему высокопревосходительству обстоятельствамъ, а Тунгускѣ по невозможности, въ первое по полученіи отъ болѣзни головной, коею съ самаго пріѣзда въ Туруханскъ страдаю, облегченія, отправиться не премину; а въ послѣднее оставался въ нерѣшимости, ибо туда надобно будетъ отправиться уже въ іюлѣ или августѣ мѣсяцѣ, а оттоль возвратиться зимнимъ путемъ какъ выше имѣлъ честь извѣстить испрашивая у вашего высокопревосходительства разрѣшенія. Считая нужнымъ изъ сей послѣдней сождать казаковъ, потому болѣе, что возвращающіеся оттуда два

таковы сказывали мнѣ, что хлѣбъ отправленный прошлаго года не дошелъ до назначенныхъ мѣстъ, какъ-то: Плимпейскаго и Чепагирскаго зимовей, самыхъ отдаленныхъ, и что Тунгусы по неулову звѣрей имѣвъ въ немъ большую нужду принужденными нашлись отъ Таймуры и во время промышленное перевозить хлѣбъ въ означенныя зимовья на собственныхъ своихъ оленяхъ, а можетъ быть и важнѣе что откроется. Здѣсь большіе охотники подобныя дѣла скрывать отъ главнаго начальства. Жалѣю что туда нынѣ невозможно отправиться кромѣ какъ на лыжахъ.

Есть и другія дѣла, которыя требуютъ большой аккуратности и ясности, и неполученія нужныхъ по разнымъ прадметамъ и о податяхъ взыскиваемыхъ г. Дмитренкомъ. Въ сихъ послѣднихъ большая запутанность. Кто хотѣлъ 10 р., 20 р., тотъ и представлялъ, а денегъ все нѣтъ; отъ здѣшнихъ г. городничаго, уѣзднаго казначейства и земскаго суда свѣдѣній, повѣрка книгъ съ 1813 по 1819 годъ съ документами, присланными изъ Томска предъ самымъ моимъ пріѣздомъ въ Туруханскъ, и градскіе жители за отлучками съ осени прошлаго года для промысловъ о числящемся на нихъ казенномъ задолженіи не спрошены еще. Осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство сколько возможность будетъ, позволите мнѣ дѣла привести въ лучшее положеніе, и что пребываніе мое здѣсь столь долгое не безполезно будетъ. Долженъ признаться вашему высокопревосходительству что болѣзнь моя часто и много отвлекаетъ меня отъ дѣла, и быть скорымъ исполнителемъ. Но Богъ милосердъ. Впрочемъ если бы и нынѣ отправиться мнѣ, то полагать должно по распутицѣ вверху къ назначенному вашимъ высокопревосходительствомъ времени никакъ поспѣть невозможно, а долженъ бы былъ остановиться въ какомъ ни на есть зимовьѣ и ожидать пока рѣки пройдутъ безъ всякаго занятія.

Здѣшній г. уѣздный казначей Дудинъ, по навѣту на него коллежскимъ регистраторомъ Арзамасовымъ къ здѣшнему г. городничему за присвоеніе себѣ изъ ясака звѣрей и денегъ отрѣшенъ отъ должности. На мѣсто его опредѣленъ коллежскій регистраторъ Брагинъ и уже 27 марта вступилъ въ исправленіе должности; молодой человѣкъ, и какъ извѣстно мнѣ, хорошій. Особеннаго здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ холода и вседнѣвныхъ снѣговъ.

Примите и пр.

Аникита Осиповъ.

Апрѣля 5 дня 1820 года.
Г. Туруханскъ.

7.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

Хотя отъ 5 апрѣля имѣлъ честь доносить вашему высокопревосходительству, что по полученіи отъ болѣзни облегченія въ Курейку отправиться не премину, но между тѣмъ разсматривая о продовольствіи жителей тамошняго края вѣдомости, доставленныя ко мнѣ при самомъ изъ Туруханска отъѣздѣ, нашелъ большую несообразность и запутанность. Возвративъ ее и таковыя другія къ гг. городничему и правящему прежде должность исправника Максюкову, съ тѣмъ вмѣстѣ отъ перваго и г. земскаго исправника требовалъ увѣдомленія, по какому повелѣнію, или поводу, съ заимобрателей, въ 1818 году хлѣба когда оный отдаваемъ былъ по 2 пуда на 1 песца, приказано въ прошломъ 1819 году вахтерамъ собирать за каждый пудъ по 1 песцу, такъ и прочіе звѣри, сдѣлано возвышеніе, и на какой предметъ, съ чего составлены хлѣбу цѣны городовому по 1 р. по 8¾ к., а отправленному въ уѣздъ по 1 р. 67¾ к., и какія въ составъ оный входили суммы, въ томъ надѣленіи, по полученіи, изъ оныхъ и документовъ извлечь настоящія цѣны, и составя вѣрнѣйшую и необременительную на предметъ сбора за розданный въ 1819 году, съ азіятцевъ и крестьянъ хлѣбъ, звѣрей и денегъ вѣдомость, представить на утвержденіе вашего высокопревосходительства; но по двукратнымъ отношеніямъ моимъ, и частовременнымъ надпоминаніямъ, по сіе время получить не могъ. Всегда такъ дѣлается Туруханскими чиновниками; а отъ ожиданія и сдѣлавшейся распутицы лишили меня поѣздки въ Курейку, куда теперь никоимъ образомъ ѣхать невозможно.

Признаться долженъ вашему высокопревосходительству откровенно, что г. земскій исправникъ, придерживаясь какой то непонятной для меня системы, нисколько на выполненіе законныхъ моихъ требованій вниманія не обращаетъ. Справедливо, онъ заслуживаетъ носимаго имъ званія, но не въ здѣшнемъ краю по отдаленности коего, и съ его характеромъ, съ необразованными народами, которые болѣе любятъ ласковое обращеніе, не можетъ произвести той спасительной цѣли, къ которой ваше высокопревосходительство стремиться изволите. Въ здѣшнемъ мѣстѣ непремѣнно считаю нужнымъ имѣть людей съ хорошимъ поведеніемъ и человѣколюбивыхъ, иначе край сей никогда поправленъ быть не можетъ.

Я развѣдалъ, что 1816 года весною, въ управленіе города Туруханскимъ г. Трепина, по недачѣ имъ азіятцамъ на деньги хлѣба отъ голоду умирало довольное число, и члены ихъ сабаки таскали по городу; но дѣлъ о семъ въ производствѣ не было, кромѣ сдѣланнаго совѣтникомъ Томскаго уголовнаго суда г. Гороховымъ правящему должность городничему г. Комлевскому въ 1818 году вопроса, на которой отъ послѣдняго отвѣта при дѣлахъ неоказалось; вездѣ все ужасы. А въ 1814 и 1815 годахъ и на табакъ цѣна была значительная, отдавая 1 листокъ его азіятцамъ за 1 горносталь, которой въ

въ тогдашнее время продавался отъ 60 к. до 70 к., съ чего въ производимомъ уѣзднымъ судомъ дѣлѣ по иску повѣреннаго Шаравона въ растратѣ якобы въ небытность его изъ дому бывшимъ въ Туруханскѣ стряпчимъ Горшенинымъ разныхъ припасовъ на 252 р. и табаку одному пуду показана цѣна 400 р., въ утѣсненіе бѣднаго Горшенина, отосланнаго въ 1819 году въ Томскій уѣздный судъ къ рѣшенію.

Я съ сею почтою препроводить честь имѣлъ къ вашему высокопревосходительству поданныя прошенія, и что они адресованы на мое имя не отъ чего другаго какъ отъ незнанія просителей, и въ перепискѣ ихъ послужило бы нѣкоторымъ для нихъ стѣсненіемъ и излишнихъ расходовъ. Смѣю увѣрить ваше высокопревосходительство, что въ семъ случаѣ со стороны моей ни малѣйшихъ прихотей, коихъ я всегда былъ чуждъ, не было.

Съ глубочайшимъ и пр.

Аникита Осиповъ.

Мая 5 дня 1820 года.
Г. Туруханскъ

8.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

Занимаясь съ самаго изъ округи Туруханской въ городъ возвращеніе по настоящій мѣсяцъ, о оборотѣ хлѣба и капиталовъ по Туруханскому городовому запасному магазейну учетомъ, и какъ часть сія по запутанности своей ни была для меня затруднительна; но благодареніе Богу, какъ быть, успѣлъ окончить и найти непоступившихъ на приходъ за отпущенный изъ магазейна разнаго званія людямъ хлѣбъ, и за таковой изъ Туруханскаго земскаго суда присланныхъ денегъ, въ 1813 году 20500, 1814 7278 р. 15 к., 1815 1303 р. $1\frac{1}{2}$ к., 1816 14 р. $28\frac{3}{4}$ к., 1817 41 р. $70\frac{1}{2}$ к., 1818 60 р. $13\frac{1}{4}$ к., и 1819 50 р. $90\frac{1}{4}$ к., отъ вахтеровъ представленныхъ 378 р. $13\frac{4}{5}$ к.; особо за проданные хлѣбные и въ ясакъ представленные звѣри 2516 р. $10\frac{1}{2}$ к., всего 11642 р. 70 к. Кромѣ сего за излишне показанныя прошлаго года отправки матеріалы взыскать слѣдуетъ до 1000 р. А о неисправностяхъ разныхъ мною найденныхъ, о коихъ въ свое время не примину представить вашему высокопревосходительству на благоусмотрѣніе выписку, нынѣ безпокоить не осмѣливаюсь. Сверхъ сего Туруханскаго магазейна по дѣламъ нашелъ, что за 1815 годъ книги и документы въ томъ же году для представленія въ Томскъ его превосходительству увезены бывшимъ здѣсь г. городничимъ Саранчевымъ, не оставя при дѣлахъ и черновыхъ отпусковъ; но послѣ таковые изъ Томска не знаю съ чего учиненныя къ дѣламъ доставле-

ны. А потому правящимъ должность городничаго г. Трешнелъ съ августа мѣсяца 1815 по 1 мая 1816 года, то есть по день смѣты его, ведены не были, а уже съ того числа г. Дмитренкомъ. На что ни обратишь вниманіе, вездѣ не то, чему быть должно.

А за уѣздъ Туруханскій, въ повѣркѣ и составленіи отчета сдѣлать только начало. Ни коимъ образомъ ваше высокопревосходительство поспѣшить невозможно скорѣйшимъ окончаніемъ, и потому, дабы самому ошибки не сдѣлать, и нездоровью, которое часто меня отвлекаетъ отъ моей обязанности. Къ сему и то должно присовокупить, что я по сіе время не могу дождаться вѣрнѣйшихъ по хлѣбной и другимъ предметамъ свѣдѣній. Бѣжалъ бы отсель безъ оглядки. Доведется послать мнѣ за учетомъ хлѣба и капитала въ Имбатскъ, полагая что и тамъ часть сія запутана. Чиновники посланные въ край Туруханскій, какъ видно слишкомъ торопились дѣлать учеты, а отъ сего и не находили ничего. Эта часть требуетъ большой аккуратности.

Во время управленія городомъ Туруханскимъ г. Трешна, остяки, какъ изъ свѣдѣній полученныхъ мною явствуетъ, по недачѣ имъ за деньги хлѣба, отъ голода, вблизи города умирали и что члены ихъ собаки таскали по оному. Дѣлъ же о семъ въ производствѣ не было, слѣдовательно и начальство губернское извѣстно о семъ не было. Вездѣ здѣсь въ прошедшіе годы были ужасы.

Вчерашій день я убѣдилъ Туруханскаго мѣщанина живущаго на Тазу, о перевозкѣ для кочующихъ тамъ народовъ, отъ рѣчки Блудной къ часовнѣ казеннаго хлѣба на 10 лѣтъ въ каждый по 500 пудовъ. Жертва сія по здѣшнему трудному мѣсту заслуживаетъ особеннаго вашего высокопревосходительства благоусмотрѣнія. И что Ильинъ каждогодно доставлялъ по 100 и болѣе пудовъ въ означенное мѣсто, и нынѣшній годъ отъ рѣчки Блудной 166 п. 20 ф., какъ вахтеръ Тазовскій пятидесятникъ Мутовкинъ доноситъ, и о томъ, что оттоль и таковой Маковихи замерзшій (хлѣбъ) весь на Тазъ перевезенъ. За расторопность и дѣятельность значительнаго числа перевозки онаго, всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство въ поощреніе другихъ пятидесятника Мутовкина наградить чиномъ.

Великую ваше высокопревосходительство милость для азіятцевъ и крестьянъ оказать изволите, если по бѣдности ихъ благоугодно будетъ, воспретить полагать за перевозку въ Зайщидренныя мѣста на казенныхъ оленяхъ хлѣба излишнюю на оный и къ обремененію обитателей служащую сумму, какъ до сего было. Олени тотъ же личный капиталъ, и съ большею для казны пользою, если за ними будутъ имѣть хорошій надзоръ. Чтоже касается до расходовъ безвозвратныхъ, какъ то: покупки паръ, упряжи, содержаніе рабочихъ и тому подобное, то это необходимо должно быть разлагаемо въ избѣжаніе убытка на тотъ хлѣбъ куда доставленъ будетъ.

Весна здѣсь началась съ 13 мая, а съ нею и прибыль воды, которая по сіе время продолжаетъ свое теченіе вверхъ по Турухану рѣкѣ, и возвысилась до того, что престарѣлые люди, не токмо видѣть, но подобно нынѣшней не слыхивали; впрочемъ вреда никакого Туруханску не причинила.

Засимъ поруча себя въ милостивое вашего высокопревосходительства покровительство, честь имѣю и пр.

Анкита Осиповъ.

Іюня 5 дня 1820 года.
Г. Туруханскъ.

9.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

Въ прошедшемъ іюня мѣсяцѣ составить токмо могъ отправленному съ 1813 по 1820 годъ въ уѣздъ хлѣбу отчетъ, и осталось оный повѣрить; а въ прочемъ останавливаетъ меня и дѣйствія мои Туруханскій земскій судъ, по недоставленію изъ онаго требуемыхъ съ марта мѣсяца о податяхъ, гдѣ также открываются злоупотребленія, свѣдѣній. Сколько ни писалъ и сколько ни напоминалъ, ничего совершенно членами онаго не выполняется. Отправя мѣсячную свою почту всегда остаюсь въ бездѣйствіи. Хотя г. земскій исправникъ Корсаковъ принялъ на себя, съ моего въ томъ судѣ отзыва, по постановленію учиненному 11 мая, доставить оныя, но по строптивости и неприлежанію едва ли и отъ него можно будетъ дождаться; доказывается тѣмъ, что за напоминанія по моимъ отношеніямъ правящій должность стряпчаго и секретарскую въ земскомъ судѣ Мельниковъ былъ имъ цѣлый день задержанъ.

29 іюня приплывшіе съ Тазу отъ церкви Тымской и Караковской волостей остяцкій князецъ и казаки, коимъ при отъѣздѣ моемъ съ Тазу приказывалъ, желая нетерпѣливо знать какъ довольствованы были люди и сколько взято ими хлѣба, явиться ко мнѣ, что и было ими по прибытіи въ Туруханскъ исполнено; отъ меня пошли къ г. городничему, а отъ него къ исправнику. Сей послѣдній узналъ, что они были у меня, разругалъ ихъ, и говорилъ, что онъ научитъ какъ его знать и куда напередъ явиться; потомъ обращается къ князцу, спрашиваетъ почему не собраны имъ доимки, тогда когда по вѣдомостямъ нигдѣ не числится (подъ симъ разумѣть можно, для чего ему не принесли). Князецъ объясняется, что доимокъ на волостяхъ его нѣтъ ни сколько, а вахтера напомнили ему, что о семъ и въ наставленіи у нихъ не сказано. Выгналъ съ угрозами ихъ вонъ, и сказалъ, къ кому прежде явились, тому и ясакъ отдайте, а онъ не приметъ и что онъ боленъ. Люди сіи, а въ особенности князецъ, до чрезвычайности не видавши подобнаго съ ними обращенія неперепугались, такъ что по возвращеніи ихъ ко мнѣ едва могъ успокоить. Пошедши отъ меня для сдачи ясака въ казначейство, ничего тамъ не приняли. Приходятъ опять ко мнѣ, я посылаю казака напомнить г. казначею о его обязанности, но тщетно и съ этими переходами съ

самаго утра съ хорошею пощечиною одному вахтеру принятъ уже былъ въ 8 часовъ по полудни.

Ни малѣйшей нѣтъ надежды, чтобы по строптивости своей г. исправникъ могъ пріобрѣсти у здѣшнихъ народовъ, кольми паче азіятцевъ, любовь, которая въ здѣшнемъ отдаленномъ краю для всего почитаю необходимою. Отъ обращенія его нынѣ уже бѣгаютъ, а съ пріѣздомъ его тестя, г. Тренша, который былъ здѣсь въ 1815 и 1816 годахъ у исправленія городнической должности и который, имѣя точно такія же свойства, едва не всѣхъ уморилъ съ голоду, былъ по прежнимъ Туруханскимъ дѣламъ отрѣшенъ отъ должности, мнѣ кажется, они болѣе навлекутъ непріятностей, какъ чуждые творить добро.

Притѣсненіе, дѣлаемое г. Корсаковымъ бывшему исправнику Стырову въ пріемѣ по части исправника дѣлъ, кои были у него въ должномъ порядкѣ, то заставляетъ его переписывать описи, не по вкусу его написанныя, то оболочки перемѣнять, когда онѣ есть, и онъ бѣдный по добротѣ своей все дѣлалъ; нынѣ же заставляетъ его разбирать прежнихъ лѣтъ по земскому суду дѣла, состоящія въ завѣдываніи дворянскаго засѣдателя Мингалева, кои хотя не по вкусу первыхъ подшиты, но ваше высокопревосходительство въ здѣшнемъ краѣ кѣмъ исправиться? Людей здѣсь, кои бы знали во всемъ порядокъ, нѣтъ, и найти невозможно; а потому и требованіе г. Корсакова считаю излишнимъ, и единственно къ угнетенію г. Стырова. Сей послѣдній, какъ совершенный христіанинъ, заслуживаетъ особеннаго вашего вниманія.

Съ глубочайшимъ и проч.

Аникита Осиповъ.

Іюля 5 дня 1820 года.
г. Туруханскъ.

10.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

Напослѣдокъ, чрезъ спросъ въ прошедшемъ іюлѣ мѣсяцѣ казаковъ, съ давняго времени находящихся по р. Нижней Тунгускѣ, въ разныхъ сугланныхъ мѣстахъ, для сбора ясака и продажи казеннаго хлѣба, открылъ почитаемыхъ нѣсколько лѣтъ Туруханской волости тунгусовъ умершими, приписанными бывшимъ тамъ въ 1814 году для переписи душъ Туруханскаго земскаго суда г. дворянскимъ засѣдателемъ Мингалевымъ, вмѣсто умершихъ отъ голода, къ Илимпейской волости, изъ донесенія моего, съ нынѣ отходящею почтою препровожденнаго, ясно ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите.

А по части взноса въ казначейство ясака и податей, не осталось ни одного почти князца и сборщика, у котораго-бъ или нѣсколько рублей денегъ, или звѣрей не были похищены, а все чрезъ перемѣну въ книгахъ листовъ. Такіе благовидные здѣсь чиновники, а г. Максюковъ и по части провіантской, и по казначейству имѣлъ свои виды, и вездѣ ему была удача.

Хлѣбъ, кромѣ рѣки Туруханa, слѣдующаго на Тазъ, по неимѣнію мѣшковъ и прочихъ такелажей, никуда еще отправленъ не былъ, и съ присылкою въ 1 число изъ Енисейска мѣшковъ начали заботиться о набивкѣ ихъ. Удивляюсь до крайности распоряженію занимавшихся отправкою гг. чиновниковъ; кромѣ небреженія и безпечности, ничего отъ нихъ лучшаго не видно. Не успѣли загладить одной непріятности, а другая тутъ и есть. Два судна, купленныя ими, разставлены были по разнымъ мѣстамъ и безъ всякаго со стороны ихъ надзора. Если бы не пошелъ я посмотрѣть 1 числа сего мѣсяца и не распорядился въ то же время отвести одно изъ нихъ въ удобное мѣсто, а другое, съ большею силою собравшагося народа, едва могли въ три дня снять съ мѣста. Такъ всѣ здѣшние чиновники отправленіемъ службы занимаются.

Здѣшній г. исправникъ Корсаковъ, я уже не понимаю на что онъ походитъ. Колотитъ всѣхъ, кто ему попадается и сажаетъ подъ стражу въ такое время, въ которое всякой для будущей зимы долженъ запасаться. По земскому суду, слагаясь на отправку въ уѣздъ хлѣба, недѣли съ три ни чѣмъ не занимается. Сверхъ того отказываетъ мнѣ въ принятіи самонужнѣйшихъ, посылаемыхъ въ земскій судъ, бумагъ, по которымъ самому ему слѣдовало наводить справки, не полагаясь на засѣдателя Мингалева, гдѣ онъ по нѣкоторымъ и участникомъ былъ. Кромѣ прискорбій и огорченія, отъ перваго я ничего съ тѣхъ поръ, какъ братъ его поступилъ къ вашему высокопревосходительству въ секретари, чѣмъ и хвастается всегда, не вижу.

Съ глубочайшимъ и проч.

Аникита Осиповъ.

Августа 5 дня 1820 года.
г. Туруханскъ.

11.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

Не останавливаясь обращать вниманія моего на живущихъ и кочующихъ въ Туруханскомъ краѣ обитателей, извѣстное вашему высокопревосходительству предположеніе мое о продовольствіи ихъ нынѣ, съ помощію Божіею, привелъ въ дѣйствіе. Вмѣстѣ съ симъ получить изволите отъ меня донесеніе съ представленіемъ условія, даннаго мнѣ Енисейскими мѣщанами Фунтосо-

выми (такъ называемыми Карасинцами) о принятіи ими на себя прямо изъ города Енисейска по р. Енисею ниже Туруханска по магазейнамъ, исключая рѣкъ Курейки, Тунгуски и Турухана, поставки 15000 пуд. ржаной муки въ мѣшкахъ, на ихъ отвѣтственности, выгрузкою по доставкѣ на мѣста изъ судовъ, перевозкою и укладкою въ магазейны ихъ рабочими, за цѣну, изъявленную ими, по 85 коп. за каждый пудъ (а съ наложенною 8-ю частію въ пользу казны прибылью обойдется $95\frac{1}{2}$ коп.). Цѣна сія противу предположенія моего хотя превышаетъ каждый пудъ пятью копѣйками; не видавшись же съ Фунтусовыми утвердить одинъ настоящую никакъ не могъ. Эта цѣна неслыханная, тогда когда азіятцамъ выдавалось за одного песца, стоющаго 3 р. 40 к., хлѣба одинъ пудъ. Соображаясь съ показанною цѣною, можно выдавать имъ до трехъ пудовъ, и въ семъ случаѣ казна отъ продажи звѣрей имѣть будетъ выгоды. Важнѣе всего, что люди будутъ живы, довольны и покойны.

Если благоугодно будетъ вашему высокопревосходительству утвердить условленную цѣну и самое условіе, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить по тому же условію не оставить меня къ развязкѣ поставщиковъ наградить въ разрѣшеніе повелѣніемъ.

Съ глубочайшимъ и проч.

Аникита Осиповъ.

Октября 21 дня 1820 года.
г. Енисейскъ.

12.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 18 октября, имѣлъ счастіе получить 3 сего мѣсяца и на оное донести честь имѣю, порученныя дѣла, повозможности, привожу въ соображеніе; но нездоровье часто меня лишаетъ моей обязанности или отъ того, что я жестоко простудился, или Богъ знаетъ, что со мною дѣлается. Во всемъ чувствую большую слабость, и сверхъ того бываетъ родъ обмороковъ. Два часа прилежанія стоютъ мнѣ въ отдыхѣ гораздо болѣе сего времени. Лекарства, употребляемыя мною, не дѣйствуютъ. Не облегчитъ ли пусканіе крови, что по совѣту здѣшняго г. штабъ-лекаря четвертаго дня выполнилъ. Молю Бога, да подкрѣпитъ онъ меня, хотя на совершеніе дѣлъ; а тамъ, что его благости будетъ благоугодно.

Въ Туруханскій и Имбатскій запасные магазейны поставку хлѣба въ первый 15000 и въ послѣдній 10000 пудовъ, за каждый по 70 коп., условилъ я Енисейскаго г. городского голову Дементьева и Красноярскаго купца Попова. Цѣна для обитателей Туруханскаго края не будетъ и съ наложеніемъ

$8^3/_4$ коп. прибыли отяготительна; подобной сему ни въ одномъ изъ магазейновъ въ продажѣ никогда не было. Если благоугодно будетъ утвердить вашему высокопревосходительству цѣну сію и подписку, мною данную,—всепокорнѣйше прошу разрѣшить меня на учиненіе контракта, а съ тѣмъ вмѣстѣ приказать по вѣдомству г. поселенческаго смотрителя Давыдова изъ всѣхъ магазейновъ азіятцамъ, какъ неимѣющимъ денегъ, выпускать хлѣбъ на звѣрей, кои и отсылать для продажи въ Туруханскъ или Енисейскъ, отнюдь не позволять продавать оные въ Верхнеимбатскѣ, какъ было прежде.

Стóитъ начальственной признательности пожертвованіе г. Енисейскаго градскаго головы Дементьева 1000 мѣшковъ, о чемъ и осмѣливаюсь просить вашего высокопревосходительства.

Съ глубочайшимъ и проч.

Анкита Осиповъ.

Ноября 4 дня 1820 года.
г. Енисейскъ.

II.

Письма Сперанскаго къ Осипову.

1.

Милостивый государь мой,

Анкита Степановичъ!

Письмо ваше, отъ 16 декабря, изъ *Дудинскаго урочища* я вчерашній день получилъ. Съ удовольствіемъ изъ онаго вижу заботливость и успѣхи ваши въ порученномъ вамъ обозрѣніи Туруханскаго уѣзда. Я надѣюсь, что по сіе время, не взирая на всѣ его трудности, вы его уже окончили. Мнѣ желательно, чтобъ окончательныя донесенія представили вы мнѣ лично въ Красноярскѣ, гдѣ въ первыхъ числахъ мая мѣсяца сего года я непремѣнно буду. За маловажными предметами, коихъ на необъятныхъ пространствахъ и въ два года нельзя обозрѣть, прошу васъ не останавливаться и поспѣшить вашимъ возвратомъ. Изъ Енисейска я буду ожидать первыхъ вашихъ увѣдомленій.

Между тѣмъ примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи, съ коимъ пребываю и проч.

Его благ. Осипову.
13 февраля 1820 года.

Письмо сіе препровождено къ Енисейскому исправнику, дабы онъ доставилъ къ г. Осипову, въ случаѣ невозвращенія изъ Туруханскаго края.

2.

Милостивый государь мой,

Аникита Степановичъ!

Отправляясь отсюда 1 будущаго августа, я прошу васъ, если порученное вамъ слѣдствіе по Туруханскому уѣзду не приведено еще къ окончанію, поспѣшить онымъ и представить ко мнѣ въ Томскъ, въ случаѣ же отбытія моего оттуда въ Тобольскъ: ибо изъ всѣхъ слѣдствій осталось неоконченнымъ только ваше. Я знаю всѣ трудности, съ вашимъ порученіемъ сопряженныя, но надѣюсь, что дѣятельностію и усердіемъ къ службѣ вы оныя уже превозмогли.

Пребываю и проч.

Я не помню, извѣщалъ ли я васъ, что за прежнюю еще вашу службу, независимо отъ настоящей, я представилъ васъ къ ордену Св. Владиміра. Чинъ выйдетъ и самъ.

Іюля 1820 года.
Иркутскъ.
Его высокоблагородію
А. С. Осипову.

III.

Предписанія Сперанскаго.

Туруханскому уѣздному суду, городничему, земскому суду, ратушѣ и смотрителямъ поселенія и западныхъ магазейновъ.

1.

№ 116.
10 августа 1819 года.
Въ Енисейскѣ.

По невозможности обозрѣть лично управленіе Туруханскаго края, призналъ я нужнымъ поручить сіе обозрѣніе Енисейскому городничему, г-ну коллежскому ассесору Осипову.

И вслѣдствіе сего всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, Туруханское мѣстное начальство составляющимъ, симъ предписывается, доставить г-ну Осипову всѣ свѣдѣнія, коихъ онъ потребуетъ, и открыть ему всѣ способы къ разсмотрѣнію всего производства дѣлъ какъ въ присутственныхъ мѣстахъ, такъ и по всему уѣздному управленію.

Сверхъ сего г-нъ Осиповъ уполномоченъ мною и къ принятію жалобъ и прошеній, кои на мѣстѣ поступить могутъ, и по коимъ, собравъ свѣдѣнія и

потребовавъ, отъ кого слѣдуетъ, объясненія, имѣетъ онъ представить мнѣ на усмотрѣніе.

По дошедшимъ ко мнѣ жалобамъ и свѣдѣніямъ, призналъ я нужнымъ удалить отъ должности земскаго исправника Стырова и посланнаго туда для ревизіи Максюкова.—На мѣсто земскаго исправника опредѣленъ коллежскій секретарь Корсаковъ, уѣзднымъ стряпчимъ г-нъ Стыжновъ.

С. г.-г. М. С.

2.

№ 117.
10 августа 1819 года.
Въ Енисейскѣ.

Г-ну Енисейскому городничему, коллежскому ассесору Осипову.

Признавъ нужнымъ поручить вамъ обозрѣніе Туруханскаго края, прилагаю при семъ предписаніе тамошнему мѣстному начальству.

Изъ бумагъ, вмѣстѣ съ симъ вручаемыхъ, усмотрите вы разные предметы и причины вашего посланія. Главнѣйшія обстоятельства, на кои надлежитъ обратить вниманіе, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) *Продовольствіе.* Должно разсмотрѣть съ точностію состояніе сея важныя части, повѣрить истинное ея положеніе съ вѣдомостями, при семъ прилагаемыми, удостовѣриться на мѣстѣ въ образѣ раздачи и развозки хлѣба, открыть злоупотребленія и представить способы къ прочному на будущее время устройству сея части.

2) При семъ вы не оставите разсмотрѣть и отчеты, по части запасныхъ магазейновъ, по книгамъ и объясненіямъ, при семъ прилагаемымъ.

3) *Водвореніе, или поселеніе.* Здѣсь также надлежитъ повѣрить истинное состояніе дѣла съ тѣмъ, какъ оно представляется въ вѣдомостяхъ. До меня доходятъ свѣдѣнія, что люди, назначенные къ сему поселенію, не всѣ туда доходятъ, но подъ разными предлогами оставляются въ другихъ уѣздахъ. — Вы не оставите вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣть и тѣ предположенія, кои по части сей сдѣланы, и представить ваше мнѣніе, на мѣстномъ соображеніи основанное, — должно ли, гдѣ именно и какимъ образомъ продолжать сіе поселеніе?

4) Бывшаго въ Туруханскѣ исправника Стырова и посланнаго туда для ревизіи Максюкова, взявъ отъ нихъ по усмотрѣнію вашему надлежащіе отвѣты и объясненія, поручаю Вамъ оттуда выслать, обязавъ ихъ подпискою явиться въ Томскъ и тамъ ожидать рѣшенія.

5) Красноярскаго уѣзда крестьянинъ Качаевъ сосланъ былъ въ Туруханскій край и долженъ теперь находиться на одномъ изъ зимовьевъ, на пути лежащихъ. По свѣдѣніямъ, до меня дошедшимъ, и по мірскому приговору, отъ волости мнѣ представленному, нахожу я, что ссылка сія учинена весьма не-

правильно. Полагая удостовѣриться въ семъ дѣлѣ чрезъ особую коммисію, которая въ Канской волости будетъ установлена, я поручаю вамъ нынѣ же выслать крестьянина Качаева на прежнее его жительство.

С. г.-г. М. С.

3.

№ 171.
1 сентября 1819 года.
г. Иркутскъ.

Г-ну Енисейскому городничему Осипову.

Препровождая при семъ съ представленія ко мнѣ Томскаго гражданскаго губернатора и со всѣхъ приономъ приложеній копіи, о вновь предполагаемомъ поселеніи въ Туруханскомъ уѣздѣ, рекомендую вашему высокоблагородію, во время пребыванія вашего въ Туруханскѣ, обратить на сей предметъ ваше вниманіе и, сообразивъ предположеніе, означенное съ мѣстными свѣдѣніями, донести мнѣ съ вашимъ замѣчаніемъ.

PS. Бумагу сію посылаю въ томъ предположеніи, что она васъ застанетъ въ краяхъ Туруханскихъ; но есть-ли бы вы были уже на возвратномъ пути, то прошу васъ много ею не заниматься и не прибавлять новаго бремени къ трудамъ, кои одно усердіе ваше превозмочь и совершить можетъ.

С. г.-г. М. С.

4.

№ 218.
20 марта 1820 года.
г. Иркутскъ.

Г-ну Енисейскому городничему Осипову.

Видѣлъ изъ донесенія вашего, отъ 24 генваря, № 6, что вы, уже обозрѣвъ отдаленныя мѣста Туруханскаго уѣзда, считаете не иначе возможнымъ исполнить мое порученіе, изъясненное въ предписаніи, отъ 1 октября 1819 года, № 171, какъ обратиться опять на рѣку Тазъ къ церкви и то въ Іюнѣ мѣсяцѣ наступающаго лѣта. Во избѣжаніе излишнихъ затрудненій, я слагаю съ васъ оное; прочія же затѣмъ дѣла не оставьте докончить какъ возможно поспѣшнѣе и для личныхъ объясненій явиться ко мнѣ въ городъ Красноярскъ не позже мая мѣсяца.

С. г.-г. М. С.

PS. Сколько ни желалъ бы я, чтобъ порученіе ваше кончено было

къ маю мѣсяцу, но не могу требовать сего положительно, а предоставляю извѣстному усердію и дѣятельности вашей, бывъ увѣренъ, что ни дня лишняго безъ существенной пользы для службы вы въ Туруханскомъ краѣ не пробудете.

5.

№ 692.
27 сентября 1820 года.
г. Тобольскъ.

Г-ну Енисейскому городничему Осипову.

Изъ всѣхъ дѣлъ по ревизіи Тобольской, Томской и Иркутской губерніи остается неоконченнымъ одно то, которое поручено вашему высокоблагородію въ Туруханскомъ краѣ. Усматривая изъ послѣднихъ донесеній вашихъ, что вы занимаетесь уже общимъ соображеніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ съ собранными вами свѣдѣніями, и полагая, что все сіе до сихъ поръ приведено къ окончанію, — поручаю вамъ, по полученіи сего, оставя Туруханскъ, возвратиться къ своему мѣсту и изъ Енисейска все дѣло представить ко мнѣ. Естьли бы отчеты за Туруханскій уѣздъ были даже и не окончены за какими либо подробными свѣдѣніями то сіе ни какъ не должно васъ останавливать въ возвращеніи въ Туруханскъ: — свѣдѣнія таковыя могутъ быть выведены здѣсь по соображеніи изъ совокупно взятыхъ другихъ, какія представлены вами будутъ. Для сего послѣдняго случая и вообще для лучшихъ, удобнѣйшихъ объясненій по всему на васъ возложенному порученію, мнѣ желательно, чтобъ вы лично поспѣшили прибыть ко мнѣ въ Тобольскъ.

С. г.-г. М. С.

6.

№ 747.
18 октября 1820 года.
г. Тобольскъ.

Гг. Енисейскому городничему Осипову, исправнику Генцу и уѣздному судьѣ Кунгурову.

Оставленныя въ Енисейскѣ исправляющимъ должность Туруханскаго исправника, Максюковымъ вещи, находящіяся въ шкатулкѣ и чемоданѣ, къ описи коихъ онъ при себѣ не допустилъ, поручаю вамъ привести въ извѣстность и препроводить вмѣстѣ съ другимъ найденнымъ у него имѣніемъ для храненія въ Енисейское уѣздное казначейство, впредь до разрѣшенія, и опись доставить ко мнѣ.

С. г.-г. М. С.

7.

25 октября 1820 года.
№ 756.
г. Тобольскъ.

Г-ну Енисейскому городничему Осипову.

На представленіе вашего высокоблагородія, отъ 1 октября, № 234, долгомъ поставляю отозваться, что такъ какъ въ разсужденіи описанія имѣнія исправлявшаго должность исправника въ Туруханскѣ, Максюкова, дано отъ меня общее предписаніе, отъ 18 сего мѣсяца гг. уѣздному судьѣ Кунгурову и земскому исправнику Генцу, то и полагаю я, что не встрѣтите вы болѣе въ семъ случаѣ никакого затрудненія.

С. г.-г. М. С.

P.S. Отправленіе ваше изъ Енисейска сюда совершенно зависитъ отъ васъ.

8.

7 февраля 1821 года.
№ 99.
г. Тобольскъ.

Г-ну Томскому гражданскому губернатору.

По прилагаемымъ при семъ двумъ рапортамъ и запискѣ Енисейскаго городничаго препоручаю вашему превосходительству:

1) Деньги, употребленныя имъ на прогоны по дѣламъ службы, выдать ему нынѣ же по установленному порядку.

2) Деньги, употребленныя имъ на постройку двухъ новыхъ казармъ, всего 308 руб., выдать изъ суммъ, положенныхъ на починки, или изъ тѣхъ, кои вновь на постройку остроговъ ассигнованы.

3) Ссыльнаго Димитрія Мыльникова, проживающаго нынѣ въ Енисейскѣ, по знанію портнаго мастерства и по необходимой въ томъ нуждѣ для городскихъ обывателей, оставить въ настоящемъ мѣстѣ его жительства, приписавъ къ Подгородной Енисейской волости на свое пропитаніе.

С. г.-г. М. С.

9.

№ 106.
17 августа 1819 года.
г. Нижнеудинскъ.

Г-ну Иркутскому гражданскому губернатору.

На границѣ Иркутской губерніи бывъ встрѣченъ и до Нижнеудинска сопровождаемъ многочисленными жалобами, на исправника Лоскутова отъ всѣхъ селеній приносимыми, я призналъ нужнымъ, по важности сихъ жалобъ, удаливъ сего чиновника отъ должности, учредить здѣсь въ Нижнеудинскѣ коммисію для изслѣдованія его поступковъ.

При первоначальномъ спросѣ, тит. сов. Лоскутовъ, въ оправданіе на разныя улики, мнѣ представилъ, что онъ во всемъ поступалъ сообразно даннымъ ему отъ вашего превосходительства предписаніямъ и словеснымъ приказаніямъ. Посему я считаю нужнымъ знать:

1) Даны ли были Лоскутову письменныя или словесныя приказанія налагать безъ суда тѣлесныя наказанія по его усмотрѣнію, и есть ли даны, то до какой степени и въ какой мѣрѣ употреблять оныя ему дозволено было?

2) Даны ли были ему письменныя или словесныя приказанія скупать лошадей и рогатый скотъ, пригоняемый изъ Красноярской округи, и раздавать оный поселенцамъ противъ ихъ воли и желанія, съ назначеніемъ за оный платы по его усмотрѣнію,—платы, превышающей вдвое и втрое истинную ихъ цѣну?

3) Даны ли были приказанія продавать имѣніе послѣ умершихъ поселенцевъ, не оставляя ничего женамъ и дѣтямъ, послѣ ихъ оставшимся, или облагать произвольною платою тѣхъ, кои были въ домахъ ихъ соучастниками; также высылать поселенцевъ на свое пропитаніе съ тяжкою платою и, деньги сіи внося въ общую экономическую сумму, раздавать оную принужденно взаймы другимъ поселенцамъ, съ припискою 50-ти процентовъ на годъ?

4) Даны ли были ему приказанія запрещать поселенцамъ покупку скота и лошадей изъ Красноярскаго уѣзда по цѣнамъ добровольнымъ?

5) Даны ли были ему приказанія запрещать всякаго рода людямъ, исключая самого Лоскутова и двухъ отставныхъ живущихъ здѣсь чиновниковъ Зенкова и Заболотскаго, торговлю съ Карагазами, и продолжать сіе запрещеніе и нынѣ, когда вообще уже торговля сія разрѣшена особеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ?

Какъ на всѣ сіи ссылки Лоскутова нужно въ коммисіи имѣть точное объясненіе, то я прошу ваше превосходительство оное съ симъ же нарочнымъ ко мнѣ доставить. Два слѣдующія обстоятельства нужно къ сему присоединить:

6) Доходили ли слухи или же жалобы вашему превосходительству или губернскому правительству на Лоскутова, какое по нимъ чинимо было распоряженіе? Здѣсь до свѣдѣнія вашего довести я долженъ, что поселенцы въ

разныхъ деревняхъ на вопросъ мой о семъ показывали, что жалобы ихъ преграждаемы были не только угрозами Лоскутова, но якобы и собственнымъ вашимъ строгимъ запрещеніемъ, во время посѣщенія вашего имъ сдѣланнымъ, писать и приносить всякаго рода жалобы.

7) Въ чемъ состояли послѣднія показанія бывшей здѣсь слѣдственной коммисіи по дѣлу о тяжкой обидѣ и побояхъ, нанесенныхъ Лоскутовымъ здѣшнему протоіерею Орлову, и какое по онымъ сдѣлано вашимъ превосходительствомъ заключеніе?

До полученія сихъ объясненій я нахожу себя въ необходимости здѣсь остановиться и потому ожидаю оныхъ съ настоятельностію.

Сибирскій генералъ-губернаторъ *М. Сперанскій.*

10.

№ 365.
25 мая 1820 года.
г. Иркутскъ.

Господину дѣйствительному статскому совѣтнику Трескину.

Милостивый государь мой, Николай Ивановичъ!

Иркутская слѣдственная коммисія представила мнѣ составленный изъ производившихся въ оной дѣлъ счетъ о подаркахъ разнаго рода, сдѣланныхъ якобы вашему превосходительству и дому вашему отъ разныхъ мірскихъ и иновѣрческихъ обществъ и частныхъ лицъ.

Препровождая при семъ оный счетъ, съ означеніемъ по каждой статьѣ существенныхъ его обстоятельствъ, я прошу ваше превосходительство по каждой же статьѣ дать мнѣ надлежащій отвѣтъ и вмѣстѣ съ онымъ подлинный счетъ возвратить.

С. г.-г. М. С.

11.

Отдѣленіе III.
Столъ I.
№ 612.
30 іюля 1820 года.
Въ Иркутскѣ.
О чиновникахъ, подпавшихъ слѣдствіямъ.

Господину правящему должность Иркутскаго гражданскаго губернатора.

По закрытіи бывшей здѣсь слѣдственной коммисіи считаю нужнымъ препроводить при семъ къ вашему высокородію списокъ чиновниковъ, кои по разнымъ жалобамъ и въ разныхъ степеняхъ подпали слѣдствіямъ; нѣкоторые

изъ нихъ преданы уже суду; другіе удалены отъ мѣстъ; иные же, по недостатку другихъ чиновниковъ или по свойству самыхъ обвиненій, оставлены при должностяхъ.

О первыхъ при самомъ преданіи ихъ суду сдѣлано уже распоряженіе, дабы оставались они подъ надзоромъ полиціи.

О чиновникахъ двухъ послѣднихъ родовъ должно имѣть только наблюденіе, дабы не отлучались они изъ губерніи, предоставя имъ, впрочемъ, свободу отлучки изъ одного уѣзда въ другой по ихъ нуждамъ.

Въ семъ положеніи должны они оставаться, доколѣ не послѣдуетъ о нихъ дальнѣйшихъ Высочайшихъ повелѣній. Имѣнія у нѣкоторыхъ изъ нихъ описанныя, также должны оставаться въ настоящемъ ихъ положеніи.

Само собою впрочемъ разумѣется, что бывшій Иркутскій гражданскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Трескинъ, хотя и означенъ въ семъ спискѣ, не можетъ подлежать вышеозначеннымъ правиламъ, такъ какъ объ немъ производится уже особенное дѣло въ правительствующемъ сенатѣ, куда онъ и отправился.

Сверхъ чиновниковъ, въ спискѣ поименованныхъ, состоитъ еще значительное число разнаго рода лицъ, въ разныхъ степеняхъ къ дѣламъ прикосновенныхъ; но какъ нѣкоторыя изъ нихъ за смертію, другіе за отсутствіемъ въ коммисіи не спрошены, а на другихъ вошедшіе иски не были ничѣмъ доказаны или достаточно слѣдствіемъ не обнаружены, а потому они и оставлены безъ заключенія впредь до подробнѣйшаго о нихъ разсмотрѣнія.

Сибирскій генералъ-губернаторъ *М. Сперанскій.*

12.

№ 82.
6 февраля 1820 года.

Господину надворному совѣтнику Щукину.

Сверхъ предписанія, которое получите вы отъ управляющаго губерніею, считаю нужнымъ поручить вамъ при отправленіи вашемъ въ Киренскій уѣздъ слѣдующее къ особенному наблюденію:

1) Изъ самыхъ бумагъ земскаго суда открывается, что тамъ издавна были введены и скрываемы немаловажныя злоупотребленія, какъ-то: развозъ вина по селеніямъ подъ видомъ угощенія, разъѣздъ по селеніямъ людей всякаго рода безъ прогоновъ, умышленное завлеченіе обывателей и тунгусовъ въ неоплатные долги, насилія въ доправѣ сихъ долговъ и условленная по стачкамъ между купцами и чиновниками торговля съ ясачными.

На всѣ сіи и симъ подобныя обстоятельства вы не оставите обратить вниманіе и строго изслѣдовать. Въ производствѣ сихъ слѣдствій разрѣшаю васъ, по уваженію разстояній и рода людей и особливо тунгусовъ, дѣлать такія изъятія изъ установленныхъ канцелярскихъ обрядовъ, какія къ сокра-

щенію переписки признаете вы нужными, имѣя то одно въ виду, чтобъ истина достаточно была обнаружена.

2) Дабы, производя слѣдствіе, прекратить вмѣстѣ съ тѣмъ и безпорядокъ въ земскомъ судѣ, я предоставляю вамъ вразумить членовъ суда: 1) что земскій исправникъ, яко предсѣдатель управляемаго имъ мѣста, всегда имѣетъ по общему регламенту право распредѣлять труды между членами, и командировать ихъ по дѣламъ въ уѣздъ по своему усмотрѣнію; 2) что они не должны присвоивать себѣ правъ товарищества, но обязаны быть у предсѣдателя въ подчиненіи: безъ сего никакого порядка удержать невозможно.

3) Притомъ вы не оставите вникнуть и въ причины бѣдности сего края. Сверхъ неурожая и опустошеній отъ разлитія Лены, съ вѣроятностію заключить можно, что худое и злоупотребительное сего уѣзда управленіе много къ сему способствуетъ.

4) Въ пособіе сей толико извѣстной бѣдности въ нынѣшнемъ году по распоряженію моему: 1) сдѣлана важная прибавка къ платѣ на содержаніе почтовой и обывательской гоньбы; 2) назначено доставить туда казеннаго хлѣба на пропитаніе и на посѣвъ по запискѣ, при семъ прилагаемой. Вы не оставите удостовѣриться на мѣстѣ, до какой степени пособія сіи были нужны и точно ли обращаются на тѣхъ, кому были предназначены. Сверхъ того въ отношеніи къ продовольствію вы не оставите разсмотрѣть, достаточна ли мѣра сія до будущаго урожая.

5) Доходили сюда жалобы на одного писаря Филона Де-Лассія въ разныхъ притѣсненіяхъ и между прочимъ въ томъ, что онъ, бывъ вмѣстѣ и повѣреннымъ откупа, продаетъ вино чрезмѣрными цѣнами и низкой доброты. Вы не оставите, отрѣшивъ его отъ мѣста и взявъ съ него допросъ въ Киренскѣ, выслать его сюда, а питейную контору предварить, чтобы она избрала другаго повѣреннаго.

Впрочемъ все, что вы усмотрите и замѣтите нужнаго къ устройству и поправленію обывателей, вы не оставите мнѣ представить по вашемъ сюда возвращеніи, коего я въ самый краткій срокъ ожидать буду, бывъ увѣренъ и въ дѣятельности вашей и въ отличномъ усердіи.

Сибирскій генералъ-губернаторъ *М. Сперанскій.*

(Собственноручно). PS. Естьли втеченіи поручаемаго вамъ обозрѣнія приносимы вамъ будутъ просьбы или жалобы, то симъ уполномочиваю васъ оныя принимать и по содержанію ихъ производить на мѣстѣ надлежащее удостовѣреніе. ***Михайло Сперанскій.***

IV.

О Ситниковской заимкѣ.

Выписка изъ донесенія слѣдственной коммисіи по дѣламъ Иркутской губерніи къ г. Сибирскому генералъ-губернатору іюля отъ 6-го 1820 г., № 455, о устроенномъ инвалидномъ домѣ на Ситниковской заимкѣ; обстоятельство сіе объясняется сими словами:

Изслѣдованіе по предмету сдѣланнаго губернскимъ начальствомъ предположенія о постройкѣ инвалиднаго дома на Ситниковской заимкѣ.

Въ 1811 году бывшій гражданскій губернаторъ предположилъ въ 8-ми верстахъ отъ Иркутска при рѣчкѣ Топкѣ, на такъ называемой Ситниковской заимкѣ, устроить домъ для инвалидовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ водворить тамъ нѣкоторое число поселенцевъ. Заселеніе сіе, для инвалидовъ полезное, представляло и способъ къ прекращенію разбоевъ, въ томъ мѣстѣ бывшихъ.

На сей предметъ купеческая вдова Ситникова пожертвовала построенный мужемъ ея на той землѣ домъ со службами и разными хозяйственными заведеніями.

Иркутское же градское общество, по предложенію губернатора, уступило 316 десятинъ и 1009 саженъ земли, окружающей заимку, изъ 4-хъ верстной пропорціи, подъ выгонъ города слѣдующей.

Изъ прилагаемой при семъ записки подъ лит. Д. ваше превосходительство усмотрѣть изволите:

Вопервыхъ, что предположеніе гражданскаго губернатора объ устроеніи инвалиднаго дома никогда въ исполненіе приведено не было.

Вовторыхъ, что въ распоряженіяхъ, по сему случаю сдѣланныхъ, допущены были мѣстнымъ начальствомъ слѣдующія отъ существующихъ узаконеній отступленія:

Въ разсужденіи пожертвованія дома вдовою Ситниковою. Чрезъ пожертвованіе вдовою Ситниковою дома, въ противность межевой инструкціи 8-й главы ст. 16-й, на выгонной землѣ построеннаго, губернское начальство не могло пріобрѣсть права на владѣніе онымъ на городскомъ выгонѣ, въ видѣ недвижимой собственности, и тѣмъ еще менѣе права на самую землю; пожертвованіе сіе могло токмо относиться къ праву собственности на матеріалъ, изъ коего домъ и прочія заведенія построены.

Въ разсужденіи уступки земли, прилегающей къ Ситниковской заимкѣ. Помянутой межевой инструкціи 8-й главы 16-й ст. разрѣшается уступка изъ выгонныхъ городскихъ земель, на постройку домовъ для инвалидовъ, въ такомъ только случаѣ, когда бы не оказалось свободныхъ мѣстъ въ самомъ городѣ. Не по недостатку таковыхъ земель въ Иркутскѣ, но именно по случаю сдѣланнаго пожертвованія, гражданскій губернаторъ склонялъ градское общество на уступку земли изъ городскаго выгона. На семъ осно-

вани ни губернское начальство, ни градская дума не имѣли права дѣлать или требовать таковой уступки.

Въ самомъ составѣ по сему случаю приговора въ градской думѣ не соблюдена надлежащая законная правильность. Вмѣсто двухъ третей хозяевъ домовъ, подписанъ оный токмо 109 человѣками, изъ двухъ сословій—купеческаго и мѣщанскаго, а чиновники военные и гражданскіе и разночинцы, имѣющіе равное право на общую городовую собственность, устранены отъ подписки. Слѣдовательно актъ сей не можетъ быть принятъ въ видѣ общаго согласія городскихъ жителей на помянутую уступку земли.

По водворенію поселенцевъ. Бывшій гражданскій губернаторъ доносилъ, что водвореніе поселенцевъ, и вообще хозяйственное устройство Ситниковской заимки, произведено чрезъ добровольное пособіе крестьянъ ближайшихъ волостей. По другимъ противоположнымъ сему свѣдѣніямъ, дошедшимъ къ высшему правительству, обстоятельство сіе, обративъ вниманіе, сдѣлалось предметомъ особенныхъ изысканій. Нынѣ, по случаю произведенныхъ коммисіею мѣстныхъ слѣдствій въ волостяхъ Кудинской, Оекской и Бадайской, крестьяне единогласно показали, что водвореніе поселенцевъ сдѣлано было на ихъ счетъ, по принужденному наряду; что они безъ всякой платы расчищали, распахивали и засѣвали землю собственнымъ хлѣбомъ. Сверхъ того должны были вывезти къ означенному заселенію значительное количество круглаго лѣсу, бревенъ и плахъ. По исчисленію крестьянъ какъ вывозка лѣсу, такъ и обработываніе, распашка и засѣвъ земли, стоило имъ до 10.510 рублей. О подпискахъ, въ конхъ изъясняли, что все сіе исполняемо ими было въ видѣ пожертвованій, для благотворительнаго дѣла устроенія инвалидовъ, объявили, что подписки сіи даны были по настояніямъ волостнаго головы, а сей показалъ, что долженъ былъ требовать отъ крестьянъ оныхъ по приказанію земскаго исправника.

V.

Бумаги по дѣлу коммисара Миллера.

1.

Якутскому областному начальнику.

№ 356.
20 декабря 1819.

Въ Якутское областное правленіе и къ вашему высокородію препровождены, отъ меня 29 октября и 20 ноября, двѣ жалобы на притѣсненія и противозаконные поступки Олекминскаго частнаго коммисара Миллера, съ тѣмъ, чтобъ учинено было по онымъ изслѣдованіе.

Вслѣдъ затѣмъ еще получены мною подобныя же двѣ просьбы, какъ то: отъ находящагося въ Якутскѣ Федора Бринка и отъ Якутскаго мѣщанина Сѣдалищева, которые жалуются: первый, что коммисаромъ Миллеромъ, по неизвѣстной причинѣ, отобрано отъ него имущество на немалую сумму, и причинены ему разныя притѣсненія, а второй, что ему въ 1818 году мѣщанинъ Синицынъ съ другими причинилъ несносные побои, отъ коихъ онъ чувствуетъ боль до сего времени, но коммисаръ Миллеръ, будучи сего произшествія свидѣтелемъ, не только не оказалъ защиты, но обнаружилъ себя въ стачкѣ съ участвовавшими въ буйствѣ.

Препровождая при семъ помянутыя просьбы къ вашему высокородію, предлагаю учинить по онымъ совокупно съ прочими на законномъ основаніи изслѣдованіе; о послѣдующемъ мнѣ донести, а между тѣмъ на поведеніе коммисара Миллера не оставите обратить ваше особенное вниманіе.

Сибирскій генералъ-губернаторъ *М. Сперанскій.*

2.

29 ноября 1820 г.
№ 826.
г. Тобольскъ.

Г. Якутскому областному начальнику.

Находящійся въ Якутской области иностранецъ Бринкъ жалуется мнѣ, что по претензіи его на Олекминскаго коммисара Миллера до сего времени не получаетъ онъ надлежащаго удовлетворенія и между прочимъ объясняетъ, что дѣло о семъ, будучи въ разсмотрѣніи Якутскаго уѣзднаго суда, найдено неполнымъ, почему командированъ былъ на мѣсто засѣдатель онаго суда Никитинъ. Чиновникъ сей, при дополненіи означеннаго дѣла, открылъ много такихъ обстоятельствъ, кои совершенно обнаруживаютъ справедливость его претензіи; но какъ съ тѣмъ вмѣстѣ начались обнаруживаться многія злоупотребленія коммисара Миллера, то Якутское областное правленіе предписало строго ему, Никитину, остановить начатыя имъ розысканія и дало предписаніе коммисару Миллеру его, Никитина, ни къ чему не допускать. — Таковое изъясненіе хотя и не могу я принять за справедливое, но не менѣе того долгомъ считаю поставить оное на видъ вашего высокородія на тотъ конецъ, дабы обратили вы на означенное дѣло особенное ваше вниманіе: ибо естьли дѣйствительно засѣдатель Никитинъ имѣлъ въ виду открыть какія либо злоупотребленія коммисара Миллера, то областное правленіе не только не должно было останавливать таковое дѣйствіе его, но обязано было дать къ тому всѣ способы, тѣмъ

болѣе, что оное имѣетъ въ разсмотрѣніи своемъ уже нѣсколько жалобъ на означеннаго коммисара Миллера.

Сибирскій генералъ-губернаторъ *М. Сперанскій.*

(*Собственноручно.*) PS. Вообще нужно за симъ г. Миллеромъ, по пристальнѣе посмотрѣть. Трудно повѣрить, чтобъ всѣ жалобы на него входящія не имѣли основанія.

3.

31 августа 1821 года.
№ 299.
С.-Петербургъ.

Начальнику Якутской области статскому совѣтнику Рудакову.

Препровождая при семъ произведенное ассесоромъ Якутскаго областнаго правленія Гельмерсенъ изслѣдованіе, о битіи Олекминскаго священника Григорія Попова мѣщаниномъ Синицынымъ, и покровительствѣ сего поступка тамошнимъ коммисаромъ Миллеромъ, съ тѣмъ вмѣстѣ письмо Епископа Михаила Иркутскаго со всѣми при ономъ приложеніями, кои обнаруживаютъ несправедливость слѣдователя и противозаконные поступки коммисара Миллера, я поручаю вашему высокородію въ проѣздъ вашъ чрезъ Олекминское коммисарство учинить вновь по сему предмету розысканіе и донести мнѣ со всею подробностію.

Къ сему я считаю нужнымъ присоединить, что на Олекминскаго коммисара Миллера вступило уже нѣсколько просьбъ ко мнѣ о разныхъ его противозаконныхъ поступкахъ, а потому слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на дѣйствія сего чиновника.

Сибирскій генералъ-губернаторъ *М. Сперанскій.*

4.

Милостивый государь мой,

Александръ Степановичъ.

Въ свое время было препровождено мною къ Якутскому областному начальнику слѣдствіе, о битіи Олекминскаго священника Попова мѣщаниномъ Синицынымъ, для дополненія по встрѣтившимся сомнѣніямъ въ правильности производства его.

Нынѣ новоопредѣленный Якутскій областной начальникъ доноситъ, что по личнымъ его на мѣстѣ розысканіямъ найдено въ отношеніи къ прежнему слѣдствію многое вопреки истинѣ, и что коммисаръ Миллеръ и ассесоръ Гельмерсенъ оказываются покровителями виновныхъ по сему дѣлу.

Препровождая донесеніе сіе къ вашему превосходительству не излишнимъ считаю къ заключенію представленія областнаго начальника о коммисарѣ Миллерѣ присовокупить съ моей стороны, что на чиновника сего вступили ко мнѣ многія жалобы, что изволите усмотрѣть изъ дѣлъ къ вашему превосходительству теперь поступившихъ; но доселѣ невозможно было привести ихъ въ ясность. Съ опредѣленіемъ новаго начальника въ Якутскъ безъ сомнѣнія представится болѣе способовъ удостовѣриться въ поведеніи его по службѣ.

Съ совершеннымъ почитаніемъ честь имѣю быть

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга *М. Сперанскій.*

№ 158.
26 іюня 1822 г.
въ С.-Петербургѣ.
Его превосходительству
А. С. Лавинскому.

5.

Выписка изъ писемъ къ Миллеру.

а) *Коллежскаго ассессора Шевелева (безъ означенія числа)*.... Всѣхъ вертятъ, и обѣщаютъ кажется чего-то на мой пай, по милости двухъ кажется бездѣльниковъ, одного затѣющаго Крыжановскаго, а другаго удостовѣряющаго о томъ еще болѣе выискивающаго Щукина.—Киренскихъ уже всѣхъ отрѣшили,—обѣщали дать мѣста индѣ, и кажется положится на нихъ кое-какое взысканіе.

Смотри другъ! какъ можно старайся собрать всѣ свои долги и особенно нынѣшніе за хлѣбъ, вы вѣдь не виноваты, не худо представить документы въ правительство и просить взысканія съ якуговъ, описавъ всѣ причины какъ и почему они вамъ должны, и при комъ оные были вамъ даны, тогда ты будешь въ сторонѣ, а иной чиновникъ для васъ взыщетъ. Вотъ какъ должно дѣлать въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ!

б) *Сына его, Іоны Миллера, отъ 14 іюня 1820 г.*—Генералъ-губернаторъ кажется не ранѣе августа выѣдетъ отсюда.

Не знаю писалъ ли я вамъ, что Николай Ѳедотовичъ былъ опять описанъ за несказавшійся хлѣбъ 14000 п. въ Александровскомъ заводѣ; но нынѣ откупщикъ вина внесъ за него 5000 наличными деньгами, а въ остальныхъ 13000 далъ обязательства—рѣдкій поступокъ, даже благородный. Казенная экспедиція предлагаетъ М. М., чтобы дѣло сіе оставить по сему случаю безъ производства слѣдствія, но М. М. кажется намѣренъ формально про-

должать его, однакожъ увѣрилъ Смирнова, что его пальцемъ не задѣнутъ, а надобно только открыть настоящихъ воровъ.

в) *Его же. Иркутскъ 5 іюля 1820 г.* Ваше дѣло по ябедѣ попа, что будто произносили нѣкоторыя слова неблагопристойныя на правительство и Царя, представлено нынѣ къ гражданскому губернатору, который разсмотрѣвъ представитъ, съ своимъ мнѣніемъ (вотъ тутъ-то ромъ и будетъ полезенъ ?), генералъ-губернатору (а тутъ и я буду нѣсколько полезенъ); не опасайтесь, все хорошо кончится!

Гг. уѣхавшіе въ Якутскъ, Заборовскій, Тарабукинъ, Савинскій и ѣдущій фонъ-Фиритъ туда же, хотя и отправляются туда формально къ должностямъ, но г. ген. - губ. партикулярно пишетъ къ Миницкому, что онъ ихъ посылаетъ на его распоряженіе, т. е. если онъ хочетъ—такъ опредѣлитъ.

VI.

Выписка изъ положенія особаго комитета.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано такъ:

«Быть по сему».

Александръ.

Царское село.
26 января 1822 года.

Положенія, состоявшіяся въ Сибирскомъ комитетѣ о чиновникахъ и разнаго званія людяхъ по журналу онаго 5 октября 1821 года:

I. Списокъ подъ буквою Б. Числомъ 43 человѣка. Комитетъ находитъ, что подозрѣніе въ лихоимствѣ и злоупотребленіяхъ, на сихъ людей упадающее, имѣетъ великую степень вѣроятности; а потому и полагаетъ: огласить ихъ *подозрѣваемыми въ злоупотребленіяхъ и недопускать впредь къ опредѣленію ни къ какимъ должностямъ*; мѣстному же начальству, въ вѣдомствѣ коего будутъ имѣть они жительство, предоставить за поступками ихъ имѣть особенный надзоръ, пока втеченіи десяти лѣтъ добрымъ поведеніемъ не изгладятъ они слѣдовъ подозрѣнія. Присемъ комитетъ находитъ неудобнымъ оставлять ихъ на жительствѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились они на службѣ; а потому полагаетъ: имѣющихъ чины выслать на жительство во внутреннія губерніи, казаковъ употребить на службу въ другихъ сибирскихъ губерніяхъ по распоряженію генералъ-губернатора, а инородныхъ и сельскихъ старшинъ переселить въ другіе уѣзды по назначенію

*

мѣстнаго гражданскаго губернатора. Денежные иски, на нихъ вступившіе и мѣстными слѣдствіями удостовѣренные, удовлетворить изъ имущества ихъ, въ свое время описаннаго и секвестрованнаго.

Къ сему же разряду принадлежатъ слѣдующіе частные случаи:

1) Бывшій Верхнеудинскій исправникъ, а потомъ совѣтникъ губернскаго правительства Янковскій и бывшій Туруханскій исправникъ Бутыркинъ въ равной степени съ прочими обнаруживаются въ злоупотребленіяхъ; но они прежде открытія слѣдствій оставили службу въ Сибири и о мѣстопребываніи ихъ не было извѣстно, почему остались непрошенными и иски на нихъ ничѣмъ необезпечены. Комитетъ полагаетъ: распространить и на сихъ чиновниковъ тѣже мѣры взысканія, какія на прочихъ положены, отыскавъ ихъ чрезъ надлежащія публикаціи.

2) Бывшій Нарымскій исправникъ Федоровъ померъ. Комитетъ полагаетъ: въ удовлетвореніи исковъ, съ имѣніемъ его поступить на томъ основаніи, какъ вообще съ имѣніемъ умершихъ несостоятельныхъ должниковъ постановлено.

3) Бывшій Нарымскій земскій исправникъ Пенкинъ призналъ, что по торговымъ оборотамъ съ инородцами, слѣдуетъ пополнить капиталъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ 9200 руб., которые не взысканы по его упущенію. Комитетъ полагаетъ означенное количество денегъ изъ имѣнія Пенкина взыскать и обратить въ казну; затѣмъ прочее его имѣніе освободить.

4) У бывшаго главнаго смотрителя Томскихъ поселеній Красовскаго найдено искупленныхъ для снабженія поселенцевъ разныхъ вещей на 7245 руб. 88 коп., которыя по книгамъ не записаны. Комитетъ полагаетъ: вещи сіи почитать казенными и употребить на снабженіе ссыльныхъ. Прочее имѣніе его отъ запрещенія освободить.

5) Хоринскихъ бурятъ главный тайша Галцановъ принесъ жалобу на бывшаго исправника Геденштрома, въ неправильной описи его имѣнія за долги. Геденштромъ, съ своей стороны, въ объясненіяхъ показываетъ, что долги сіи не ему принадлежали, а купцу Сибирякову, и что онъ взыскивалъ ихъ по распоряженію губернскаго начальства. Комитетъ полагаетъ, что сей отдѣльный отъ прочихъ искъ, основанный не на показаніяхъ, но на долговыхъ обязательствахъ, предъявленныхъ ко взысканію судебнымъ порядкомъ, долженъ быть тѣмъ же порядкомъ разсмотрѣнъ и рѣшенъ по законамъ.

II. Списокъ подъ буквою В. Число обвиняемыхъ 51 человѣкъ. Въ семъ разрядѣ включены чиновники и старшины, обвиняемые въ разныхъ денежныхъ оборотахъ съ подчиненными управленію ихъ людьми. Сибирскій генералъ-губернаторъ объяснилъ: 1) что поступившія на нихъ жалобы при слѣдствіяхъ удовлетворены денежными взысканіями, въ качествѣ частныхъ исковъ; 2) что чиновники, въ сей разрядъ включенные, большею частію отрѣшены отъ должностей, или, по крайней мѣрѣ, перемѣщены въ другія

губерніи и уѣзды по совершенному недостатку въ другихъ къ занятію мѣстъ; 3) что въ сей же разрядъ включенные инородные и крестьянскіе старшины, которые обвинялись въ употребленіи общественныхъ денегъ на свои надобности, или удовлетворили общества дѣйствительнымъ взносомъ денегъ, или общества приняли обязательства ихъ ко взносу.

Комитетъ, одобряя распоряженія генералъ-губернатора, полагаетъ: 1) учиненное съ сихъ чиновниковъ взысканіе поставить имъ въ штрафъ и о томъ записать въ послужныхъ ихъ спискахъ; 2) старшинъ и прочихъ по выборамъ службу отправлявшихъ, впредь въ почетныя и денежныя по обществамъ должности не выбирать.

III. Списокъ подъ буквою Г. Числомъ 66 человѣкъ. На людей, въ сей разрядъ помѣщенныхъ, хотя и упадаютъ подозрѣнія, но приводимыя доказательства слабы и не имѣютъ надлежащей достовѣрности. Комитетъ полагаетъ: оставить людей сихъ въ особенномъ замѣчаніи и предоставить мѣстному начальству имѣть за ними наблюденіе.

IV. Списокъ подъ буквою Д. Числомъ 18 человѣкъ. Въ сей разрядъ включены люди, оказавшіеся въ упущеніяхъ по должностямъ, безъ обвиненія въ злоупотребленіяхъ. Вина ихъ состояла собственно въ упущеніи установленныхъ обрядовъ и въ неважныхъ уклоненіяхъ отъ порядка. Комитетъ полагаетъ: чиновникамъ симъ сдѣлать выговоръ съ строгимъ подтвержденіемъ объ исправнѣйшемъ отправленіи должностей.

V. Списокъ подъ буквою Е. Числомъ 46 человѣкъ. Вошедшія показанія съ основательною твердостію не доказаны. Комитетъ полагаетъ: сихъ людей считать отъ дѣла свободными.

VI. Списокъ подъ буквою Ж. Числомъ 504 человѣка. Разрядъ сей состоитъ изъ инородныхъ старшинъ, обвиняемыхъ въ незаконныхъ расходахъ общественныхъ суммъ. Комитетъ находитъ, что люди сіи не могутъ подлежать взысканію издержанныхъ ими денегъ потому: 1) что, по показанію самыхъ обществъ, не въ свою пользу они ихъ обращали, но на подарки и въ удовлетвореніе неправильныхъ земскихъ требованій; 2) что незаконные расходы дѣлали они, большею частію, по назначенію на мірскихъ сходкахъ и мірскими приговорами; 3) что все имѣніе ихъ состоитъ въ стадахъ и необходимыхъ въ сельскомъ быту заведеніяхъ.

VII. По списку подъ буквою З заключаются, въ числѣ 71 человѣка, нижніе канцелярскіе чиновники, служители и городовые казаки, обвиняемые большею частію въ полученіи подарковъ. Комитетъ полагаетъ: канцелярскихъ служителей наказать временнымъ арестомъ, а городовыхъ казаковъ полицейскимъ наказаніемъ, по усмотрѣнію главнаго Сибирскаго начальства.

VIII. Подъ буквою И помѣщены, въ числѣ 25 человѣкъ, частные люди, участвовавшіе въ различныхъ неправильныхъ денежныхъ оборотахъ. Коми-

тетъ полагаетъ: изъ числа обвиняемыхъ въ Иркутской губерніи купцовъ: Василія и Матвѣя Бѣлозеровыхъ, поселенцевъ: Филона де-Ласье, Марка Пежемскаго, Софона Шатунова, Якова Брагина, Прокопья Мясникова и рабочаго Александровскаго винокуреннаго завода Семенова; по Томской губерніи Нарымскаго уѣзда крестьянъ: Петрова, Василья Ефимова, Григорья Туринскаго, Александра Соснина и Сергѣя Голещихина, въ отвращеніе дальнѣйшихъ отъ нихъ притѣсненій инородцамъ предоставить Сибирскому главному начальству переселить въ другія Сибирскія губерніи и уѣзды, на основаніи VIII-го пункта инструкціи 1803 года. Всѣхъ же вообще обязать подписками, чтобъ впредь подобныхъ оборотовъ не дѣлали, подъ опасеніемъ строгаго наказанія.

IX. Наконецъ на 25 человѣкъ оказались записки въ общественныхъ счетахъ и вступили показанія отъ поселянъ безъ означенія имени обвиняемыхъ, напримѣръ: дачи пріѣзжавшему съ исправникомъ казаку, или канцелярскому служителю, дача Башкирскимъ старшинамъ подъ такими именами, какими назывались они у поселянъ, но кои неизвѣстны начальству, дачи канцелярскимъ чиновникамъ, или просто, за ходатайство въ рекрутскихъ присутствіяхъ и тому подобное. Комитетъ полагаетъ: какъ розысканія по всѣмъ симъ показаніямъ не могли быть приведены въ ясность, и какъ притомъ и самые иски маловажны: то и оставить оныя безъ дѣйствія.

Подлинникъ за подписаніемъ членовъ комитета.

3-й разрядъ. **Б.**

ЧИНОВНИКИ И СЛУЖИТЕЛИ,

на коихъ, по обвиненіямъ, въ отчетѣ представленнымъ и по разсмотрѣнію сибирскаго комитета, падаетъ большое подозрѣніе въ личныхъ злоупотребленіяхъ.

	Въ Иркутской губерніи.	
	По розысканію слѣдственной коммисіи.	
1	Иркутскій земскій исправникъ коллежскій ассесоръ Волошиновъ.	а) Участвуетъ въ дѣйствіяхъ губернатора по хлѣбнымъ закупамъ; б) обвиняется въ незаконныхъ поборахъ и недодачѣ продавцамъ денегъ при покупкѣ хлѣба на казенныя надобности.
2	Верхнеудинскій исправникъ титулярный совѣтникъ Геденштромъ. **Высочайше повелѣно Геденштрома изъ Сибири не высылать.** **Графъ Кочубей.**	а) Участвуетъ въ дѣйствіяхъ губернатора по хлѣбнымъ закупамъ; б) участвуетъ въ неправильномъ распоряженіи при покупкѣ въ казну бѣлки; в) обвиняется въ несправедливомъ поступкѣ съ Хоринскимъ главнымъ тайшею; г) обвиняется въ незаконныхъ поборахъ и недодачѣ продавцамъ денегъ при покупкѣ хлѣба на казенныя надобности.
3	Совѣстнаго суда засѣдатель титулярный совѣтникъ Третьяковъ.	Обвиняется во взяткахъ и притѣсненіяхъ.
4	Иркутскаго земскаго суда засѣдатель Романовъ.	а) Участвуютъ въ неправильныхъ дѣйствіяхъ по хлѣбнымъ закупамъ; б) обвиняются въ незаконныхъ поборахъ.
5	Иркутскаго земскаго суда засѣдатель Яковлевъ.	
6	Верхнеудинскаго земскаго суда засѣдатель Рѣшетниковъ.	
7	Верхнеудинскаго земскаго суда засѣдатель Сахаровъ.	

	Казачьи сотники:	
8	Черкашенинъ.	Обвиняются въ разныхъ злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ, особенно же въ поборѣ съ рабочихъ, для исправленія дорогъ наряжаемыхъ.
9	Григорій Донскихъ.	
	Урядники:	
10	Иванъ Тюменцовъ.	
11	Ксенофонтъ Челпановъ.	
12	Григорій Микляевъ.	
13	Петръ Пѣтуховъ.	
14	Никифоръ Селивановъ.	
15	Андрей Тюменцовъ.	
	Казаки:	
16	Альшаковъ.	
17	Орловъ.	
18	Никита Полуектовъ.	
19	Семенъ Нежемскій.	
20	Иванъ Безсоновъ.	
21	Яковъ Стелинъ.	
22	Николай Полуектовъ.	
23	Гаврило Звѣревъ.	
24	Семенъ Козловъ.	
25	Тарасъ Бѣлоусовъ.	
26	Нестеръ Толмачевъ.	
27	Федоръ Пѣтуховъ.	
28	Илгинской волости голова Серебрениковъ.	
	Баргузинскихъ бурятъ 5 родовъ.	
	Зайсанги:	
29	Цанкиръ Андреевъ.	
30	Танхи Имышеевъ.	

	Шуленги:	
31	Ника Байсановъ.	Обвиняются въ злоупотребленіяхъ по расходу общественныхъ суммъ и въ притѣсненіяхъ родовичей.
32	Алшу Алексѣевъ.	
33	Мангутъ Агуевъ.	
34	Левчикъ Малтахаевъ.	
35	Дыркунъ Турункинъ.	
36	Бронаги Абахоновъ.	
37	Хадалай Цанкировъ.	
38	Бывшій Верхнеудинскій исправникъ, а потомъ совѣтникъ губернскаго правительства Янковскій (выбывшій изъ Сибири).	а) Участвуетъ въ неправильныхъ дѣйствіяхъ по закупкѣ хлѣба; б) обвиняется въ незаконныхъ поборахъ и недодачѣ продавцамъ денегъ при покупкѣ хлѣба на казенныя надобности.
	Въ Томской губерніи.	
	1) По слѣдствію въ Нарымѣ.	
39	Бывшій исправникъ коллежскій ассесоръ Пенкинъ.	а) Обвиняется въ торговлѣ съ инородцами собственными товарами подъ видомъ казенныхъ; б) обвиняется въ неправильныхъ поступкахъ по продажѣ хлѣба; в) печати инородческихъ старшинъ, употребляемыя вмѣсто рукоприкладства, держалъ при себѣ.
	2) По слѣдствію въ Туруханскѣ.	
40	Посланный отъ губернатора для ревизіи и исполненія должности исправника коллежскій регистраторъ Максюковъ.	Обвиняется въ непозволительныхъ денежныхъ оборотахъ съ инородцами; б) обвиняется въ злоупотребленіяхъ по сбору ясака; в) нѣкоторыя дѣла оканчивалъ въ незаконномъ порядкѣ.
	3) По ревизіи поселенческой части.	
41	Бывшій главный смотритель надъ поселеніями коллежскій асессоръ Красовскій.	Обвиняется: а) въ злоупотребленіяхъ по снабженію ссыльныхъ одеждою; б) въ безпорядочномъ веденіи денежныхъ счетовъ.

12	Бывшій Туруханскій исправникъ Бутыркинъ (выбывшій изъ Сибири).	Обвиняется въ незаконныхъ торговыхъ оборотахъ съ инородцами, въ злоупотребленіяхъ по пріему ясака и продовольствію жителей.
13	Бывшій Нарымскій исправникъ Федоровъ (умершій).	Обвиняется въ незаконныхъ торговыхъ оборотахъ съ инородцами, въ злоупотребленіяхъ по продовольствію жителей и во взяткахъ.

На подлинномъ подписано *М. Сперанскій.*

4-й разрядъ. **В.**

Чиновники и разные люди по обвиненіямъ, въ отчетѣ представленнымъ и по разсмотрѣнію Сибирскаго комитета обличаемые въ непозволенныхъ денежныхъ оборотахъ.

Въ Иркутской губерніи.

ПО РОЗЫСКАНІЯМЪ СЛѢДСТВЕННОЙ КОММИСІИ.

Коллежскіе регистраторы:

1. Икингринъ. 2. Сапожниковъ. 3. Рупышевъ.

Хоринскихъ бурятъ:

4. Главный Тайша 9 класса Дымбилъ Галцановъ.
5. Третій Тайша Цыдынъ Заповъ.
6. Второй Тайша Бадма Павловъ.
7. Жена Тайши надворная совѣтница Иринцеева.

Зайсанги:

8. Мохоевъ. 9. Лобцановъ. 10. Цыденовъ. 11. Балагуновъ. 12. Засула Тубаевъ. 13. Лама Бохоевъ.

Родовичи:

14. Далай Догбоевъ. 15. Барду Манзаргантіевъ.

16. Цолу Хотуевъ. 17. Далай Догбоевъ. 18. Алексѣй Шебалинъ. 19. Цолу Хотуевъ. 20. Шажіевъ. 21. Александровскаго и Николаевскаго заводовъ винокуръ Смирновъ.

21.

Въ Томской губерніи.

22. Бывшій Томскій исправникъ Заборовскій.
23. Управлявшій Томскимъ уѣздомъ титулярный совѣтникъ Поповъ.
24. Богородскій частный коммисаръ Берестовъ.
25. Бійскаго земскаго суда засѣдатель Бутыркинъ.
26. Балахнинскій коммисаръ Агіевскій.
27. Боготольскій коммисаръ Соколовъ.
28. Туруханскій земскій исправникъ коллежскій ассесоръ Сгыровъ.

7.

Въ Тобольской губерніи.

29. Абацкій коммисаръ Нагибинъ.
30. Малышенскій коммисаръ Бѣловъ.
31. Деньщиковскій частный коммисаръ Ивановъ.

3.

На подлинномъ подписано *М. Сперанскій.*

5-й разрядъ. **Г.**

Чиновники и разные люди, по обвиненіямъ, въ отчетѣ представленнымъ, и по разсмотрѣнію Сибирскаго комитета подозрѣваемые въ злоупотребленіяхъ.

Въ Иркутской губерніи.

ПО РОЗЫСКАНІЯМЪ СЛѢДСТВЕННОЙ КОММИСІИ.

1. Бывшій засѣдатель Верхнеудинскаго земскаго суда, а потомъ смотритель Нерчинскихъ поселеній, титулярный совѣтникъ Адріяновъ.
2. Хлѣбопріемщикъ Александровскаго винокуреннаго завода, губернскій регистраторъ Токаревъ.
3. Правитель сего же завода, коллежскій секретарь Виноградскій.
4. Правитель Николаевскаго завода, губернскій секретарь Непрядухинъ.
5. Иркутскаго земскаго суда, засѣдатель титулярній совѣтникъ Карамзинъ.
6. Того же суда секретарь, титулярный совѣтникъ Дорофеевъ.
7. Иркутскій уѣздный стряпчій, коллежскій секретарь Иванъ Ланганcъ.
8. Засѣдатель земскаго суда, коллежскій секретарь Красильниковъ.
9. Секретарь земскаго суда, коллежскій секретарь Андрей Мальцовъ.
10. Секретарь земскаго суда, губернскій секретарь Желѣзниковъ.
11. Уѣздный стряпчій, коллежскій секретарь Гельмерсенъ.
12. Уѣздный казначей, титулярный совѣтникъ Шеверовъ.

13. Секретарь губернскаго правительства, титулярный совѣтникъ Турчаниновъ.

14. Уѣздный землемѣръ, титулярный совѣтникъ Лосевъ.

15. Архитекторскій помощникъ, губернскій секретарь Пирожковъ.

16. Бывшій у пріема бѣлки въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ чиновникъ Бакlановъ.

17. Иркутскаго земскаго суда засѣдатель сельскій Семеновъ.

Сельскіе засѣдатели:

18. Наумовъ. 19. Козловъ. 20 Шеметовъ.

Канцелярскіе чиновники земскихъ судовъ, губернскіе секретари:

21. Кокоулинъ. 22. Якимовъ. 23. Лавровъ. 24. Митяшевъ. 25. Коллежскій регистраторъ Петровъ. 26. Канцеляристъ Фоминъ. 27. Нижнеудинскаго земскаго суда засѣдатель, коллежскій секретарь Карсаковъ. 28. Шихтмейстеръ Комаровъ. 29. Шихтмейстеръ Харинскій. 30. Дистаночный начальникъ, 14 класса, Разгильдѣевъ. 31. Бывшій Засѣдатель Иркутскаго земскаго суда титулярный совѣтникъ Шкутинъ (умершій). 32. Станціонный смотритель Тюменцевъ. 33. Бывшій Киренскій земскій исправникъ Шевелевъ (изъ числа выбывшихъ изъ губерніи).

Киренскаго уѣзда волостные головы:

34. Карноуховъ. 35. Грузновъ.

Выбывшіе изъ губерніи:

36. Бывшій Иркутскій исправникъ Илличевскій.

37. Засѣдатель, титулярный совѣтникъ Бѣликовъ.

38. Засѣдатель, коллежскій секретарь Безсоновъ.

39. Коммисаръ, коллежскій секретарь Рожкинъ.

40. Уѣздный судья, титулярный совѣтникъ Петровъ.

41. Секретарь, коллежскій секретарь Гудковъ.

Умершіе:

42. Секретарь гражданскаго губернатора, а потомъ предсѣдатель гражданской палаты, надворный совѣтникъ Бѣлявскій.

43. Совѣтникъ губернскаго правительства Кузнецовъ.

44. Ассесоръ казенной экспедиціи Ивановъ.

45. Исправникъ, надворный совѣтникъ Алферовъ.

46. Ассесоръ обѣихъ экспедицій Цитовичъ.

47. Совѣтникъ казенной экспедиціи Некрасовъ.

48. Уѣздный землемѣръ Пшеницынъ.

49. Лекарскій ученикъ Евретиновъ.

50. Уѣздный судья Чемезовъ.

51. Смотритель Иркутскаго солеваренпаго завода Портнягинъ.

52. Городовой секретарь Размахнинъ.
53. Губернскій секретарь Николаевъ.

Въ Томской губерніи.

ПО СЛѢДСТВІЮ ВЪ ТУРУХАНСКѢ:

54. Смотритель поселенія Давыдовъ.
55. Бывшій городничій Треншъ.
56. Бывшій исправникъ Дмитренко.
57. Бывшій исправникъ Якубовскій.
58. Дворянскій засѣдатель Мингалевъ.
59. Казаки: Фарафонтовъ. 60. Юрловъ.
61. Вахтера: Арбузовъ. 62. Седельниковъ. 63. Карасинскій.
64. Казачій капралъ Потылицинъ.
65. Бывшій Туруханскій городничій Саранчевъ.

Въ Тобольской губерніи.

66. Бывшій Тюменскій городничій Лапинъ.

На подлинномъ подписано *М. Сперанскій.*

6-й разрядъ. **Д.**

Чиновники и разные люди, по обвиненіямъ въ отчетѣ представленнымъ и по разсмотрѣнію Сибирскаго комитета найденные въ упущеніяхъ по должностямъ.

Въ Иркутской губерніи.

1. Киренскій земскій исправникъ Крыжановскій.
2. Засѣдатель Киренскаго земскаго суда Татариновъ.
3. Засѣдатель онаго жъ суда Карсаковъ.
4. Секретарь Рупышевъ.

По Томской губерніи.

5. Каинскій исправникъ Зиновъ.
6. Спаскій коммисаръ Лосевъ.
7. Каинскаго земскаго суда секратарь Устежонинъ.
8. Засѣдатель Туруханскаго уѣзднаго суда Леонтьевъ.
9. Засѣдатель Туруханскаго уѣзднаго суда Козловъ.
10. Бійскій городничій Мещерскій.
11. Губернскаго правительства секретарь Гудковъ.
12. Туруханскій городничій Осиповъ.
13. Исправлявшій должность Туруханскаго стряпчаго Мельниковъ.

14. Сельскій засѣдатель Перепрыгинъ.
15. Казакъ Зуевъ. 16. Баженовъ.
17. Секретарь Стыжновъ.
18. Магазинъ - вахтеръ Кольцовъ.

На подлинномъ подписано *М. Сперанскій.*

7-й разрядъ. **Е.**

Чиновники, прикосновенные къ слѣдствіямъ, но на коихъ вступившія жалобы, по отчету и по разсмотрѣнію Сибирскаго комитета, ничѣмъ не доказаны.

По Иркутской губерніи.

1. Якутскій областной начальникъ, статскій совѣтникъ Миницкій.
2. Верхнеудинскій городничій, надворный совѣтникъ Измайловъ.
3. Директоръ Тельминской суконной фабрики, статскій совѣтникъ Соколовской.
4. Совѣтникъ казенной экспедиціи Дорофѣевъ.
5. Секретарь Фроловъ.
6. Титулярный совѣтникъ Глотовъ.
7. Штабъ-лекарь Фотенгауеръ.
8. Штабъ-лекарь Самаряновъ.
9. Коллежскій секретарь Почекунинъ.
10. Уѣздный землемѣръ Дѣдовъ.
11. Уѣздный землемѣръ Асламовъ.
12. Уѣздный землемѣръ Степановъ.
13. Провіантскій коммиссіонеръ, 12 класса Дементьевъ.
14. Иркутскаго казачьяго полка, 12 класса Чоусовъ.
15. Уѣздный судья, коллежскій ассесоръ Шелковниковъ.
16. Засѣдатель уѣзднаго суда, титулярный совѣтникъ Тарасовъ.
17. Засѣдатель уѣзднаго суда, коллежскій секретарь Литвиновъ.
18. Верхнеудинскій частный приставъ Икингринъ.
19. Секретарь пограничной канцеляріи Кожевниковъ.
20. Уѣздный стряпчій Шергинъ.
21. Уѣздный судья Сысолятинъ.
22. Уѣздный землемѣръ Худяковъ.
23. Уѣздный казначей Щербаковъ.
24. Уѣздный казначей Кобяшевъ.

Воинскіе чиновники:

25. Маіоръ Манаковъ. 26. Поручикъ Шушеринъ
27. Прапорщикъ Каплановъ. 28. Быбинъ.

29. Унтеръ-офицеръ Пономаревъ.
30. Морской офицеръ Пашинниковъ.
31. Чиновникъ горнаго вѣдомства Моръ.

Почтовые ревизоры:

32. Первухинъ. 33. Поповъ.

Станціонные смотрители:

34. Третьяковъ. 35. Повалишинъ. 36. Янгіосъ. 37. Федоръ Никитинъ. 38. Почталіонъ Огаревъ.

Выбывшіе изъ Сибири:

39. Инженеръ-капитанъ Камковъ.
40. Учитель гимназіи, коллежскій ассесоръ Гапоновъ.
41. Ассесоръ Троицкосавской пограничной канцеляріи Херувимовъ.

Въ Томской губерніи.

42. Лекарь Яроцкій. 43. Секретарь Ставицкій.
44. Смотритель Старченковъ.

По Туруханскому слѣдствію:

45. Исправлявшій должность городничаго коммисаръ Комлевскій. 46. Бывшій казначей Сапожниковъ.

На подлинномъ подписано *М. Сперанскій.*

8-й разрядъ. **Ж.**

Крестьянскіе и инородческіе старшины по обвиненіямъ, въ отчетѣ представленнымъ, и по разсмотрѣнію Сибирскаго комитета обличаемые въ неправильныхъ расходахъ общественныхъ денегъ.

По Иркутской губерніи.

Кудинской волости.

Волостные головы:

1. Семенъ Ивановъ Гранинъ.
2. Петръ Егоровъ Пежемской.
3. Николай Петровъ Ширяевъ.

Старосты и старшины:

4. Андрей Прокопьевъ Вѣтреныхъ.
5. Алексѣй Овечкинъ.

6. Григорій Степановъ Бахматовъ.
7. Михайло Федоровъ.
8. Артемій Васильевъ Порошинъ.
9. Федоръ Щербаковъ.
10. Николай Федоровъ Латышевъ.

Оекской волости.

Волостные головы:

11. Лука Муравьевъ.
12. Михайло Трофимовъ Кадниковъ.
13. Дмитрій Даниловъ Шевнинъ.
14. Яковъ Логиновъ Позняковъ.

Старосты и старшины:

15. Илья Верхозинъ.
16. Никифоръ Козьминъ Бушковъ.
17. Иванъ Дмитріевъ Кузнецовъ.
18. Федоръ Дмитріевъ Мальцовъ.
19. Сергѣй Федосовъ Рудыхъ.
20. Григорій Якимовъ Тарасовъ.
21. Иванъ Дмитріевъ Тарасовъ.
22. Арсеній Сокольниковъ.
23. Семенъ Наумовъ.
24. Адріанъ Никифоровъ Рязановъ.
25. Савва Ивановъ Просѣкинъ.

Илгинской волости.

Волостные головы:

26. Яковъ Васильевъ Теплыпинъ.
27. Степанъ Серебрянниковъ.

Старосты и старшины:

28. Яковъ Дмитріевъ Волковъ.
29. Иванъ Борисовъ Евдокимовъ.
30. Павелъ Ивановъ Чувашевъ.

Манзурской волости.

Волостные головы:

31. Владиміръ Яковлевъ Литвинцовъ.
32. Иванъ Воробьевъ.
33. Иванъ Горбуновъ.

Старосты и старшины:

34. Карпъ Протасовъ. 35. Петръ Сухановъ. 36. Иванъ Колпашниковъ. 37. Яковъ Литвиновъ.

Верхоленской области.

Волостные головы:

38. Зотикъ Кондратьевъ Пихтинъ.
39. Иванъ Ларіоновъ Шеметовъ.
40. Алексѣй Терентьевъ Рудыхъ.

Старосты и старшины:

41. Евдокимъ Корниловъ Толмачевъ.
42. Арефій Ивановъ Винокуровъ.
43. Онуфрій Пименовъ Мальцовъ.
44. Петръ Федоровъ Дорофѣевъ.
45. Никифоръ Васильевъ Гуляевской.
46. Игнатій Григорьевъ Будаковъ.
47. Парамонъ Григорьевъ Воробьевъ.
48. Иванъ Филипповъ Нелаевъ.
49. Ефимъ Васильевъ Воробьевъ.
50. Александръ Чупинской.
51. Иванъ Степановъ Головныхъ.
52. Николай Бѣляевъ.
53. Илья Семеновъ Шеметовъ.
54. Петръ Афонасьевъ Тюменцовъ.
55. Яковъ Бѣлоусовъ.
56. Василій Меркурьевъ Пермяковъ.
57. Данило Карауловъ.
58. Данило Шергинъ.
59. Козьма Григорьевъ Бѣлоусовъ.

Черемховской области.

Волостные головы:

60. Тимофей Афанасьевъ Невидимовъ.
61. Гаврило Семеновъ Чернышевъ.

Старосты и старшины:

62. Назаръ Вязьминъ.
63. Максимъ Назаровъ Вязьминъ.
64. Михайло Ивановъ Распушинъ.

65. Василій Дмитріевъ Вахрушевъ.
66. Кондратій Фроловъ Куриловъ.

Идинской волости.

Волостной голова.

67. Савва Петровъ Соколовъ.

Старосты и старшины:

68. Трофимъ Барановъ.
69. Иванъ Астафьевъ Лузгинъ.
70. Петръ Семеновъ Сереткинъ.

Бадайской волости.

Волостной голова.

71. Андрей Бархатовъ.

Старосты и старшины:

72. Федоръ Типуновъ. 73. Степанъ Фефеловъ.
74. Спиридонъ Евсеевъ Куликовъ. 75. Федоръ Ивановъ Петровъ.

Иновѣрческіе начальники:

Идинскаго вѣдомства.

76. Тайша 10 класса Партасъ Чечуринъ.
77. Помощникъ его Елой Убеевъ.

Тулеиги:

78. Менганъ Куреневъ. 79. Халмакшанъ Шаргинъ.
80. Барлукъ Даныкуновъ. 81. Дылинъ Шомховичъ.
82. Манжиханъ Хазагаровъ.
83. Желбанъ Захаровъ. 84. Хазахаръ Кыныкуновъ.
85. Павелъ Петровъ. 86. Дабей Хахаловъ.
87. Никита Романовъ. 88. Даржей Тышиновъ.
89. Матвѣй Тулосьевъ. 90. Трубачей Богдановъ.
91. Иванъ Пашковъ.
92. Тархай Ивановъ. 93. Бобо Дабаевъ.
94. Данило Болотовъ.

Старшины:

95. Ванька Малжигѣевъ. 96. Бажигей Манусвъ.

97. Ванька—98. Дылымъ—Бадановы. 99. Биданъ Архиписевъ. 100. Мандарей Хазагаровъ. 101. Дамба Адушеевъ. 102. Желай Аюевъ. 103. Са-

ва Алешкинъ. 104. Шоболъ Арбасовъ. 105. Табичей Итыгыдовъ. 106. Тышинъ Васильевъ. 107. Санкиръ Отхоновъ. 108. Бѣлга Хартановъ. 109. Юхурдуръ Жамыевъ. 110. Назаръ Хартановъ. 111. Хинтакъ Батановъ. 112. Татаръ Хоршоголбоевъ. 113. Баргуй Тыкешкиновъ. 114. Андрей Баймингъ. 115 Халбай Васильевъ. 116. Башуды Манхаевъ. 117. Барлукъ Семеновъ. 118. Федоръ Бадаряновъ. 119. Ербакшинъ Бахаевъ.

Балаганскаго вѣдомства.

120. Тайша 10-го класса Андрей Назаровъ.

Шуленги:

121. Шихенъ Мадаевъ. 122. Микишка Агеевъ.
123. Илья Ивановъ. 124. Иванъ Дакіевъ.
125. Михайло Шадуевъ. 126. Хазагаръ Назаровъ.
127. Харалъ Тороповъ. 128. Альчуганъ Балдаевъ.
129. Малмай Юлахаевъ. 130. Шаданъ Хабаевъ.
131. Ишгенъ Булкуевъ. 132. Ашадуй Петриковъ.
133. Митанъ Мункуевъ. 134. Баргуй Дареевъ.
135. Башко Малакшиновъ. 136. Будулъ Федоровъ.
137. Недонъ Баргуевъ.

Старшины:

138. Халбай Протасовъ. 139. Минарцей Пахомкиновъ.
140. Баинъ Хынгеевъ. 141. Хагарай Мангутаевъ.
142. Муланъ Кужаевъ. 143. Бакса Юхоровъ.
144. Хамаганъ Никишкинъ. 145. Тапхала Зандуевъ.
146. Шарабулъ Бухаевъ. 147. Упкунъ Тупшиновъ.
148. Бытанъ Богдановъ. 149. Сагодаръ Митрѣевъ.
150. Бадаръ Садаевъ. 151. Аю Макаровъ.
152. Маленга Баргуевъ. 153. Ажей Баторовъ.
154. Югукунъ Тышиновъ. 155. Гуля Хабаевъ.
156. Салданъ Дареевъ.

Аларскаго вѣдомства.

157. Тайша 14-го класса Баторъ Васильевъ.
158. Помощникъ его Миронъ Васильевъ.

Шуленги:

159. Сергѣй Самсоновъ. 160. Балехай Корнокоевъ.
161. Андрей Порозовъ. 162. Егоръ Балюевъ.
163. Ульденъ Вагинъ. 164. Башкуй Ульчановъ.
165. Тышинъ Тахановъ. 166. Тыкенъ Маракшаевъ.
167. Сакиръ Матвѣевъ. 168. Малакшинъ Васильевъ.

Старшины:

169. Барактуй Улахановъ. 170. Баргуй Кузминъ.
171. Гутаръ Михайловъ. 172. Корнохай Носмхоевъ.
173. Мартехай Адыковъ. 174. Сука Икинеевъ.
175. Чебакъ Убуевъ. 176. Маланъ Малеховъ.
177. Назаръ Сакиповъ. 178. Упконъ Еканеевъ.
179. Илюханъ Басхановъ. 180. Байма Бархатуевъ.
181. Сидоръ Федоровъ. 182. Сонопъ Харуловъ. 183. Балокъ Башкуевъ.
184. Шибода Алексѣевъ. 185. Исакинъ Дардуевъ.

Кудинскаго вѣдомства.

186. Тайша Бушкай Борхоковъ. 187. Помощникъ его Хахалъ Малахановъ.

Шуленги.

188. Балдай Халтановъ. 189. Булгай Ирехаевъ.
190. Гухолъ Макаровъ. 191. Абаханъ Шоноевъ. 192. Байма Бажахоновъ. 193. Ихренъ Малановъ. 194. Байма Вузинъ. 195. Похоновъ Аяхановъ. 196. Шабай Олбоевъ. 197. Омуй Курныковъ. 198. Интуханъ Едоновъ. 199. Сила Тулаевъ. 200. Матхей Бараноевъ.

Старшины:

201. Буха Емагановъ. 202. Халбадай Бужировъ. 203. Дажей Монгонеевъ. 204. Атапъ Артамоновъ. 205. Ергонъ Модановъ. 206. Хамагай Наймановъ. 207. Одорой Манiевъ. 208. Баной Антроновъ. 209. Мума Балтахановъ. 210. Хижа Хантаевъ. 211. Буромъ Тухеевъ. 212. Айдай Малтыгеевъ. 213. Ваньчикъ Омохоевъ. 214. Нохой Тыкшеевъ. 215. Борхонъ Байдоевъ. 216. Тужей Батулаевъ. 217. Одоръ Орбоноевъ. 218. Суманъ Артамоновъ. 219. Бертага Хамамовъ.

Верхоленскаго вѣдомства.

220. Тайша Александръ Ертагаровъ. 221. Помощникъ его Хуреганъ Убугуновъ.

Шуленги:

222. Самбаръ Чикановъ. 223. Шедыгеръ Тыкыреповъ. 224. Дашхай Хандуровъ. 225. Баянъ Имыевъ. 226. Боркманъ Хужиковъ. 227. Ирбадай Халтакишиновъ. 228. Имей Мотхоновъ. 229. Мандарханъ Банаевъ. 230. Недукей Убугунеевъ.

Старшины:

231. Куринъ Олонкинъ. 232. Ундыка Шантаровъ. 233. Отконъ Атериковъ. 234. Атерханъ Хабаевъ. 235. Хангуй Чирдоновъ. 236. Абугалдай Уганаевъ. 237. Борсой Ботхоевъ. 238. Тармакъ Тармаевъ. 239. Дожикъ

Хаптагаевъ. 240. Кунгурей Андрюшкинъ. 241. Мантатъ Сапьновъ. 242. Малханъ Тимошкинъ. 243. Баиръ Онхоевъ. 244. Нмыхенъ Битхоновъ. 245. Малотъ Ахажинъ. 246. Михала Ханхаевъ. 247. Донька Мазаевъ. 248. Семенъ Наяхановъ. 249. Мухонай Сагалаевъ. 250. Филиппъ Боркоевъ. 251. Имей Гудеиовъ. 252. Бутухонъ Убугуновъ. 253. Морхо Гудеиовъ. 254. Елье Зунтуковъ. 255. Токтомолъ Боронцовъ. 256. Мара Хамуевъ. 257. Кунгурей Халмактановъ.

Тункинскаго вѣдомства.

258. Тайша Зангей Хамаковъ. 259. Помощникъ его Атуй Халгановъ.

Шуленги:

260. Пиранъ Мармановъ. 261. Шилдеигъ Кукшиновъ. 262. Атерингъ Абахаевъ. 263. Малаземъ Мантуевъ. 264. Хинтаганъ Убугуновъ. 265. Дарбакшинъ Балакеевъ. 266. Марганъ Гожеловъ. 267. Илюшкинъ Васильевъ. 268. Жербаханъ Илюхаевъ. 269. Мошкуй Кукунаевъ. 270. Даргашей Табурлаевъ.

Старшины:

271. Дылгеръ Санкеевъ. 272. Обухай Зайгановъ. 273. Дмитрій Имеевъ. 274. Канцай Аршановъ. 275. Николай Кынзекеновъ. 276. Андрюшка Стопкинъ. 277. Бобокой Бужировъ. 278. Шотиикъ Балтаровъ. 279. Санзай Дугаровъ. 280. Хантуй Байминовъ. 281. Гологошка Сойзоковъ. 282. Ходой Мантураевъ. 283. Закой Банбошкинъ. 284. Утханъ Жебановъ. 285. Шубинъ Талхачевъ. 286. Калцой Тарчагаровъ. 287. Ловцовъ Тетуевъ. 288. Халуханъ Такахаевъ. 289. Хлеша Халтаевъ. 290. Танхай Хандроновъ. 291. Кындыбей Халботаевъ. 292. Спирька Нынгитеевъ. 293. Танхаръ Бейноковъ.

Верхнеудинскаго уѣзда 11 родовъ Хоринскихъ братскихъ.

294. Тайша Джигжитъ Бадма Дугаровъ.

Депутаты конторы:

295. Дылыкъ Гамбуловъ. 296. Занги Данжиповъ.
297. Буяшу Дайтухаевъ. 298. Баянъ Торошнъ.

Зайсаны:

299. Марнонъ Генуловъ. 300. Джигжитъ Бадма Цыреновъ. 301. Сондоръ Содановъ. 302. Ананда Шидулоновъ. 303. Вампилъ Арсалуновъ. 304. Обтуевъ.

На подлинномъ подписано: *М. Сперанскій.*

9-й разрядъ. **3.**

Канцелярскіе чины и казаки, по обвиненіямъ, въ отчетѣ представленнымъ, и по разсмотрѣнію Сибирскаго комитета обличаемые въ полученіи подарковъ.

Въ Иркутской губерніи.

1. ПО ИРКУТСКОМУ УѢЗДУ:

Коллежскіе регистраторы:

1. Луговскій. 2. Кошкаровъ. 3. Паргачевскій.

Канцеляристы:

4. Сѣнотрусовъ. 5. Лѣвинъ. 6. Масленниковъ. 7. Матвѣй Мальцовъ. 8. Суровцовъ. 9. Казачій урядникъ Козулинъ.

Казаки:

10. Трофимъ Миклѣевъ. 11. Тимофей Чемезовъ. 12. Малышевъ. 13. Старичихинъ. 14. Николай Селивановъ. 15. Толмачевъ. 16. Стародубовъ. 17. Фаткулка Кадіевъ. 18. Бутаковъ. 19. Пуляевскій. 20. Оглоблинъ. 21. Обѣдниnъ. 22. Иванъ Егоровъ. 23. Ермухаметевъ. 24. Кошкаревъ. 25. Федоровъ. 26. Филиповъ. 27. Худяковъ. 28. Балашевъ. 29. Бурлаковъ. 30. Карганольцовъ. 31. Милюнинъ. 32. Госьковъ. 33. Переваловъ. 34. Прокопій Монастырщинъ. 35. Федоръ Полуектовъ. 36. Щегловъ. 37. Губернскій секретарь Литвинцовъ. 38. Титулярный совѣтникъ Березовскій.

Писари при земскихъ чиновникахъ:

39. При Волошиповѣ Хитровъ.
40. При Романовѣ губернскій регистраторъ Курбатовъ.
41. При Карамзинѣ Николай Поповъ.
42. При Яковлевѣ Третьяковъ.
43. При уѣздномъ стряпчемъ Лангансѣ Шемахинъ.
44. При губернскомъ секретарѣ Лангансѣ Борковъ.
45. Писарь Верхнеудинскаго земскаго суда Яковлевъ.

2. ПО КИРЕНСКОМУ УѢЗДУ:

Канцелярскіе служители: 46. Григорій Бутаковъ. 47. Василій Анциферовъ. 48. Иванъ Хабаровъ. 49. Канцеляристъ Шипицынъ. 50. Секретарь Хлѣбниковъ. 51. Бывшій стряпчій Косолаповъ.

Казаки:

52. Матвѣй Пежимскій. 53. Алексѣй Бутаковъ. 54. Марко Бутаковъ. 55. Иванъ Бутаковъ. 56. Лаврентій Сизой. 57. Панфилъ Сизой. 58. Курбатовъ. 59. Литвинцовъ. 60. Балашевъ. 61. Казачій урядникъ Скуратовъ.

Въ Томской губерніи.

по нарымскому слѣдствію:

Казаки:

62. Атаманъ Нестеровъ. 63. Алексѣй Нестеровъ. 64. Евламній Нестеровъ. 65. Яковъ Деевъ. 66. Евдокимъ Колотовкинъ. 67. Дмитрій Шкаринъ. 68. Лаврентій Колотовкинъ. 69. Иванъ Сосинъ. 70. Леонтій Сосинъ. 71. Евдокимъ Сухошинъ.

На подлинномъ подписано: *М. Сперанскій.*

10-й разрядъ. **И.**

Частные люди, по обвиненіямъ, въ отчетѣ представленнымъ, и по разсмотрѣнію Сибирскаго комитета находимые участвовавшими въ разныхъ злоупотребленіяхъ чиновниковъ.

	Въ Иркутской губерніи:	
	а) По Иркутскому уѣзду.	
1	Поселенецъ Прокопій Мясниковъ.	Вступали показанія въ передачѣ денегъ чиновникамъ въ подарки.
2	Рабочій Александровскаго завода Семеновъ.	
3—4	Купцы: Василій Бѣлозеровъ и Матвѣй Бѣлозеровъ.	Въ стѣсненіи инородцевъ по торговлѣ.
	б) По Киренскому уѣзду.	
5	Купцы: Федоръ Косыгинъ.	Въ непозволенныхъ денежныхъ оборотахъ и притѣсненіяхъ крестьянъ и инородцевъ по торговлѣ.
6	— Илья Косыгинъ.	
7	— Зиновій Черепановъ.	
8	— Пежемскій.	
9	Мѣщанинъ Калмынинъ.	
10	Поселенцы: Филонъ де Лассье.	Имѣли большое участіе въ торговыхъ оборотахъ земскихъ чиновниковъ.
11	— Марко Пежемскій.	
12	— Сафонъ Татуновъ.	
13	— Яковъ Брагинъ.	
14	Мѣщанинъ Сухомясовъ.	Участвовали въ незаконной торговлѣ земскихъ чиновниковъ.
15	Крестьяне: Сычевъ и	
16	Мыльниковъ.	

	Въ Томской губерніи:	
	а) По Нарымскому слѣдствію.	
17	Крестьянинъ Ефимъ Петровъ.	Былъ коммисіонеромъ по непозволеннымъ торговымъ оборотамъ земскихъ исправниковъ.
18	Крестьяне: Василій Ефимовъ.	Въ разныхъ насиліяхъ инородцамъ по злоупотребленіямъ земскихъ чиновниковъ.
19	— Григорій Туринсковъ.	
20	— Александръ Соснинъ.	
21	— Сергѣй Голещехинъ.	
22	— Василій Трофимовъ.	Въ притѣсненіяхъ инородцевъ.
23	— Евдокимъ Онисимовъ.	
24	Мѣщанинъ Андрей Вахрушовъ.	
	б) По Туруханскому слѣдствію.	
25	Мѣщанинъ Шараповъ.	Участвовали въ торговлѣ земскихъ чиновниковъ.
26	Купецъ Скорняковъ.	

На подлинномъ подписано: *М. Сперанскій.*

VIII.

Бумаги о послѣдствіяхъ ревизіи.

1.

Отдѣленіе 3.
Столъ 1.
21 Февраля 1822 года.
№ 93.
С.-Петербургъ.

Г-ну Исправляющему должность Томскаго гражданскаго губернатора.

Для удобнѣйшаго и точнѣйшаго исполненія Именнаго Высочайшаго указа, послѣдовавшаго въ 26 день генваря сего года, по дѣламъ слѣдственнымъ въ Сибирскихъ губерніяхъ, считаю нужнымъ изъяснить вашему высокородію слѣдующее:

1) Объ открытіи въ Томскѣ разсчетной коммисіи дано будетъ особое пред-

писаніе и доставятся въ оную потребныя дѣла и свѣдѣнія. Срокъ дѣйствія сей коммисіи долженъ считаться со дня ея открытія.

2) Въ числѣ взысканія, на коллежскаго ассесора Пенкина положеннаго, къ суммѣ, простирающейся до 8.700 руб., платежъ коихъ отнесенъ былъ на инородцевъ Нарымскаго уѣзда по предписанію бывшаго губернатора, присовокуплены и тѣ слишкомъ 500 р., кои по показанію Пенкина, самимъ имъ съ тѣхъ инородцевъ взысканы.—Деньги сіи должны поступить вмѣсто 8-й части прибыли въ запасный хлѣбный капиталъ; инородцевъ оградить отъ всякихъ въ пополненіи онаго взысканій и ежели что было послѣ смѣны Пенкина собрано, возвратить имъ по распоряженію разсчетной коммисіи.

3) Поелику удовлетвореніе чиновниками, въ 4 разрядъ включенными, вступившихъ на нихъ денежныхъ исковъ почитается штрафомъ, то никакія отъ нихъ просьбы о возвратѣ сихъ денегъ не должны быть уважаемы и ежели по онымъ было гдѣ-либо учинено взысканіе, оное возвратить по прежнему.

4) О городовыхъ казакахъ, въ 9 разрядъ включенныхъ и полицейскому наказанію подвергаемыхъ, ваше высокородіе не оставите представить главному губернскому начальству заключеніе свое о мѣрѣ взысканія, сообразивъ настоящее поведеніе каждаго со степенью проступковъ, имъ учиненныхъ.

5) Подобнымъ образомъ должно распорядиться и о людяхъ, въ 10-й разрядъ включенныхъ, коихъ удаленіе изъ мѣстъ, обитаемыхъ инородцами, предоставлено соображенію генералъ-губернатора.

6) Имѣніе тѣхъ обвиняемыхъ, кои помѣщены въ семи послѣднихъ разрядахъ и съ коихъ по положенію комитета денежныхъ взысканій не назначено, нынѣ же отъ запрещенія и надзора освободить, и буде отобраны были во время описи какіе-либо акты, то всѣ оные имъ возвратить.

7) На коллежскаго секретаря Гуткова показаны по Иркутскому уѣзду подарки въ бытность его при рекрутскомъ присутствіи, но, по причинѣ отсутствія его, слѣдственною коммисіею остался онъ неотысканнымъ. Можетъ быть, что сей Гудковъ есть тотъ же самой чиновникъ, которой впослѣдствіи былъ секретаремъ Томскаго губернскаго правительства и удаленъ отъ должности за разныя упущенія, почему, ежели сіе извѣстно будетъ съ точностію, надлежитъ не смѣшивать два разныя обстоятельства, до него относящіяся.

Наконецъ 8) Въ препровожденныхъ при указѣ правительствующаго сената печатныхъ спискахъ обвиняемыхъ вкрались погрѣшности въ прозваніяхъ и чинахъ; я нужнымъ нахожу замѣстить сіи погрѣшности въ прилагаемомъ при семъ спискѣ.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

2.

Отдѣленіе 3.
Столъ 1.
21 февраля 1822 года.
№ 94.

Г. Иркутскому гражданскому губернатору.

С.-Петербургъ.

Для удобнѣйшаго и точнѣйшаго исполненія Именнаго Высочайшаго указа, послѣдовавшаго въ 26 день генваря сего года, по дѣламъ слѣдственнымъ въ Сибирскихъ губерніяхъ, считаю нужнымъ изъяснить вашему превосходительству слѣдующее:

1) Предположенное удаленіе изъ Сибири чиновниковъ въ третій разрядъ помѣщенныхъ, по особому Высочайшему повелѣнію не распространяется на бывшаго Верхнеудинскаго исправника Геденштрома.

2) Три разныя обстоятельства заключаются въ дѣлахъ о описи имѣнія главнаго Хоринскаго тайши Галцанова: *во первыхъ*, по домогательствамъ другихъ старшинъ и родовичей за недостатокъ общественныхъ денегъ; *во вторыхъ*, по претензіи на имя купца Сибирякова, бывшимъ исправникомъ Геденштромомъ открытой; *въ третьихъ*, по даннымъ отъ Галцанова долговымъ обязательствамъ, гражданскимъ порядкомъ въ уѣздный судъ вступившимъ, въ числѣ коихъ находилось одно на имя того же купца Сибирякова въ 17.000 р., во время прежней описи Геденштромомъ взятое. На сей послѣдній токмо искъ, основанный на обязательствѣ, распространяется Высочайше утвержденное положеніе Сибирскаго комитета, 1-й статьи въ 5-мъ пунктѣ означенное; прочіе же должны войти въ совокупное разсмотрѣніе съ другими дѣлами, разсчетной коммисіи поручаемыми.

3) Объ открытіи разсчетной коммисіи дано будетъ особое предписаніе, съ присылкою въ оную потребныхъ дѣлъ и свѣдѣній. Срокъ дѣйствію сей коммисіи долженъ считаться со дня ея открытія.

4) О переводѣ казаковъ, въ третьемъ разрядѣ включенныхъ, на службу въ другія губерніи, ваше превосходительство не оставите войти въ свое время съ особыми къ главному губернскому начальству представленіями.

5) Переселеніе въ другіе уѣзды инородныхъ и сельскихъ старшинъ, въ томъ же разрядѣ означенныхъ, зависитъ отъ вашего усмотрѣнія; но равномѣрно не прежде приведено должно быть въ дѣйствіе, какъ съ утвержденія генералъ-губернатора.

6) Вторая статья положенія комитета о людяхъ въ 4 разрядъ включенныхъ, дабы старшинъ и прочихъ, по выборамъ службу отправлявшихъ, впредь въ почетныя и денежныя по обществу должности не выбирать, относится токмо до отправлявшихъ срочную по выборамъ службу и никакъ не распространяется на тѣхъ инородныхъ начальниковъ, коихъ служба не ограничивается сроками, какъ то: на тайшей и ламъ. Съ ними, какъ равно и съ разночинцами, должно быть поступлено по первой статьѣ того же поло-

женія, то есть почитать штрафомъ денежныя взысканія, съ нихъ произведенныя.

7) О людяхъ въ 9 разрядѣ включенныхъ, изъ коихъ канцелярскіе служители подвергаются временному аресту, а городовые казаки полицейскому наказанію, ваше превосходительство не оставите представить главному губернскому начальству заключеніе свое о мѣрѣ взысканія, сообразивъ настоящее поведеніе каждаго съ степенью проступковъ, имъ учиненныхъ.

8) Подобнымъ образомъ должно разпорядиться и о людяхъ, въ десятой разрядъ включенныхъ, коихъ удаленіе изъ мѣстъ, обитаемыхъ инородцами, предоставлено соображенію генералъ-губернатора.

9) Имѣніе тѣхъ обвиняемыхъ, кои помѣщены въ семи послѣднихъ разрядахъ и съ коихъ по положенію комитета денежныхъ взысканій неназначено, нынѣ же, отъ запрещенія и надзора освободить и буде были во время описи отобраны какіе-либо акты, то всѣ оные имъ возвратить.

10) По общественнымъ счетамъ въ Верхнеудинской округѣ показано подарковъ уѣздному стряпчему Шергину 137 р. 50 к. и уѣздному казначею Кобяшеву 575 руб.—На сіи токмо предметы относится положеніе комитета о сихъ чиновникахъ вмѣстѣ съ другими въ 7 разрядѣ включенными; тѣ же дѣла объ нихъ, кои отосланы уже къ судебному разсмотрѣнію, должны, гдѣ слѣдуетъ, получить законное окончаніе.

11) На коллежскаго секретаря Гудкова показаны по Иркутскому уѣзду подарки въ бытность его при рекрутскомъ присутствіи; но, по причинѣ отсутствія его, слѣдственною коммисіею остался онъ неотысканнымъ. Можетъ быть, что сей Гудковъ есть тотъ же самый чиновникъ, который впослѣдствіи былъ секретаремъ Томскаго губернскаго правительства и удаленъ отъ должности за разныя упущенія, почему, ежели сіе извѣстно будетъ съ точностію, надлежитъ не смѣшивать два разныя обстоятельства, до него относящіяся.

Наконецъ 12) Въ препровожденныхъ при указѣ правительствующаго сената печатныхъ спискахъ объявляемыхъ вкрались погрѣшности въ прозваніяхъ и чинахъ; я нужнымъ нахожу замѣтить сіи погрѣшности въ прилагаемомъ при семъ спискѣ.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

3.

Въ правительствующій сенатъ.
21 марта 1822 года.
№ 23.
Въ С.-Петербургъ.

Имяннымъ Высочайшимъ указомъ, въ 26 день Января сего года правительствующему сенату даннымъ, между прочимъ, мнѣ повелѣно: вмѣстѣ съ выпискою изъ журнала Сибирскаго комитета 5 октября 1821 года внести

въ правительствующій сенатъ извлеченіе изъ производства слѣдственныхъ коммисій по дѣламъ, относящимся къ бывшему Иркутскому гражданскому губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику Трескину.

Во исполненіе сего Высочайшаго указа, внося при семъ означенную выписку изъ журнала Сибирскаго комитета, имѣю честь вмѣстѣ съ тѣмъ представить на разсмотрѣніе правительствующаго сената слѣдующее:

Первое, отчетъ Иркутской слѣдственной коммисіи подъ № 1, съ принадлежащими къ оному приложеніями.—Отчетъ сей содержитъ въ себѣ общее изложеніе всѣхъ обнаруженныхъ какъ сею коммисіею, такъ и коммисіями Нижнеудинскою и Верхнеудинскою, злоупотребленій. Подробныя о нихъ указанія содержатся въ нижеслѣдующихъ дѣлахъ, въ подлинникѣ при семъ представляемыхъ.

1) Дѣло о поборахъ по вѣдомству Кудинскихъ бурятъ. По описи слѣдственной коммисіи № 22. Въ семъ дѣлѣ открываются поборы сверхъ утвержденныхъ смѣтъ, наддачи сверхъ контрактовъ въ содержаніи почтовыхъ и обывательскихъ подводъ, обременительные наряды для исправленія дорогъ, закупы въ казну хлѣба раскладкою на жителей. Все сіе утверждается общими показаніями 389-ти инородцевъ и 41-го старшины, признаніемъ 12-ти Шуленгъ, 2-хъ тайшей и 1-го помощника тайши, на лист. 17—44, 80—110. Употребленіе неправильныхъ сборовъ показано на листахъ 45—49, 111—125, 193—211.—Дѣло сіе, по упадающему взысканію на тайшу и его помощника, разсматривается въ обыкновенномъ порядкѣ губернскаго правленія.

2) Дѣло о поборахъ по Оекской и Кудинской волостямъ. По описи слѣдственной коммисіи № 23. По Оекской волости показанія 40 крестьянъ о поборахъ сверхъ смѣтъ, о вывозахъ по наряду и частію безденежно въ разныя мѣста хлѣба, сѣна, лѣса и проч., съ нѣкоторыми дополненіями подтверждается признаніемъ 3-хъ волостныхъ головъ и 2-хъ старостъ съ прочими старшинами, на лист. 5—10, 73—78, 293—298 и 309. Употребленіе излишнихъ сборовъ на лист. 11—18, 79—84, 170—208, 311—321, 323—326. Развозъ хлѣба на лист. 239—292, 305—308. *По Кудинской волости* показанія 22 крестьянъ о поборахъ и проч. подтверждаютъ съ нѣкоторымъ дополненіемъ 42, и съ нѣкоторою перемѣною 28, всего 70 челов., признаютъ 4 старосты и старшины съ 1 головою, лист. 21 28, 113—132. Употребленіе поборовъ на лист. 29—68, 95—109, 133—164, 342—358. Развозъ хлѣба и проч. лист. 209—358. Сверхъ сего въ семъ дѣлѣ содержитъ (лист. 21 и слѣд.) показаніе крестьянъ, что бывшему Кудинскому волостному головѣ Ширяеву не было дано никакого общественнаго согласія на заемъ въ приказѣ общ призрѣнія 13.000 руб., будто бы для общественныхъ надобностей по распоряженію гражданскаго губернатора выданныхъ.

3) Дѣло о растратѣ Кудинскимъ волостнымъ головою общественныхъ денегъ. По описи слѣдственной коммисіи № 24. Здѣсь (лист. 49—55) содержатся свѣдѣнія, какимъ образомъ означенный голова неправильно былъ допущенъ губернскимъ начальствомъ къ займу изъ приказа общ. призрѣнія 13.000 руб. Впрочемъ дѣлу сему на мѣстѣ данъ законный ходъ.

4) Дѣло о поборахъ по вѣдомству Идинскихъ бурятъ. По описи слѣдственной коммисіи № 30. Покупка въ казну хлѣба раскладкою, стѣсненія при пріемѣ его, неполученіе денегъ по поставкѣ, поборы и отягощенія при исправленіи дорогъ, утверждаются общими показаніями 412 инородцевъ, признанiемъ 36 старшинъ, 1-го тайши, 14-ти зайсанговъ и шуленгъ, листы 5—64, 102—108, 110—130. Употребленіе неправильныхъ сборовъ тамъ же и на лист. 64—100.

5) Дѣло о поборахъ по вѣдомству Балаганскихъ бурятъ. По описи слѣдственной коммисіи № 34. Излишество сборовъ, наддачи и другія притѣсненія при пріемѣ въ заводы хлѣба, безвременныя высылки на работу для исправленія дорогъ, утверждаютъ общими показаніями 358 инородцевъ, признаются 38-ю шуленгами и старшинами съ тайшею, лист. 3—50 и 69. Употребленіе поборовъ на лист. 51—68.

6) Дѣло о поборахъ по вѣдомству Аларскихъ бурятъ. По описи слѣдственной коммисіи № 37. Незаконные сборы, закупы въ казну хлѣба раскладкою, неполученіе вполнѣ денегъ по поставкѣ, стѣсненія при сдачѣ поставляемаго хлѣба, утверждаются показаніями 163 инородцевъ и сознаніемъ 27 старшинъ и тайши, лист. 5—28, 47—54. Употребленіе поборовъ на лист. 35—42.

7) Дѣло о поборахъ по вѣдомству Тункинскихъ бурятъ. По описи слѣдственной коммисіи № 45. Изъ дѣла сего видно, что жалобы на незаконные поборы доходили и прежде до судебнаго разсмотрѣнія, но что рѣшеніе палаты уголовнаго суда по дѣлу сему не было приведено въ исполненіе втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и родовичамъ (141 чел.) не возвращены деньги, слѣдующія по ея рѣшенію. Лист. 22—25, 49 и 50. Показанія о семъ родовичей подтверждаются сознаніемъ 7 шуленгъ 3-хъ старшинъ, лист. 43—45. Существованіе сборовъ сверхъ смѣтъ и послѣ означеннаго рѣшенія уголовной палаты, и ихъ употребленіе означено на лист. 59—88. Отягощенія при исправленіи дорогъ, тамъ же и лист. 96. Сверхъ сего были наддачи содержателю почтовыхъ лошадей сверхъ платы изъ суммъ земскаго сбора, лист. 92 и 93. Продолженіемъ сему дѣлу служитъ особое слѣдствіе, ниже сего подъ № 59 представляемое, гдѣ содержатся новыя показанія 210 инородцевъ о существованіи незаконныхъ поборовъ, подтверждаемые тайшею, 16-ю шуленгами и 8-ю старшинами. Расходы сихъ поборовъ показаны на лист. 120—127, 154—180, 194—266. Показанія свидѣтелей, подъ присягою спрошенныхъ, находятся въ дѣлѣ подъ № 45, лист. 148 и слѣдующ.

8) Дѣло о поборахъ съ крестьянъ по Манцурской волости. По описи слѣдственной коммисіи № 46. Въ дѣлѣ семъ, въ томѣ 1, открываются незаконные сборы, закупы въ казну хлѣба раскладкою на крестьянъ, неполное полученіе нѣкоторыми за поставку хлѣба денегъ (листъ 32), принужденіе крестьянъ покупать хлѣбъ для поставки въ казну, тягостные наряды (по 200 и болѣе человѣкъ) для исправленія дорогъ и самовольныя присемъ отъ казаковъ тѣлесныя наказанія крестьянъ плетьми (лист. 26 на обор.). Все сіе утверждается общественными показаніями до 280 человѣкъ съ 2-мя старши-

нами, листы 3—29, 62—65, 82—191. Употребленіе излишнихъ поборовъ показано на листахъ 9—14, 24, 34—59, 72—80, 84—191. Въ томѣ 2 и 3-мъ представляются разные счеты деньгамъ и общественные приговоры, коими опредѣлялись незаконные сборы и расходы—2-го, лист. 17—210 и 3-го, лист. 7—330.—Въ семъ же томѣ на листахъ 69 и 146 означены общественные договоры съ подрядчиками, кои брали на себя содержаніе почтовыхъ домовъ; въ сихъ договорахъ включена обязанность угощать и содержать проѣзжающихъ чиновниковъ и служителей, до 3-хъ дней каждый разъ.

9) Дѣло о поборахъ по вѣдомству Верхоленскихъ бурятъ. По описи слѣдственной коммисіи № 47. О неправильныхъ поборахъ, о наддачѣ содержателю почтовыхъ лошадей сверхъ контракта съ казною, о поставкѣ хлѣба раскладкою, о тягостной покупкѣ его для поставки неимущими, о несвоевременныхъ высылкахъ для исправленія дороги (отъ 150 до 300 и болѣе человѣкъ), объ отягощеніяхъ при семъ случаѣ и о тѣлесныхъ наказаніяхъ отъ казаковъ розгами бурятъ и даже нѣкоторыхъ шуленгъ,—общія показанія 183 инородцевъ утверждаютъ 7 шуленгъ съ 30-ю старшинами, тайша и его помощникъ, лист. 3—44, 50—52. Сумма поборовъ и ихъ употребленіе показаны на лист. 53—139. При семъ явствуетъ на листѣ 152 распоряженіе гражданскаго губернатора, которымъ возлагается на общество работа никакимъ положеніемъ предварительно неназначенная и, какъ оказалось по слѣдствію, убыточная и безполезная.

10) Дѣло о поборахъ по вѣдомству Верхоленской волости. По описи слѣдственной коммисіи № 48. Существованіе неправильныхъ поборовъ, раскладка хлѣба къ поставкѣ, крайнее отягощеніе крестьянъ, особенно бѣдныхъ, недодача денегъ за взятый хлѣбъ, безвременные наряды (до 150 чел.) для устройства дорогъ, тѣлесныя безъ суда наказанія сельскихъ старшинъ, утверждаются общими показаніями всѣхъ крестьянъ и сельскихъ начальниковъ сей волости и принадлежащихъ къ ней селеній, лист. 4—25, 27—35. Употребленіе поборовъ тамъ же, лист. 4—25 и съ 51 до конца.

11) Дѣло о поборахъ по Илгинской волости. По описи слѣдственной коммисіи № 50. Раскладки къ поставкамъ хлѣба, убытки отъ сего крестьянъ, недодачи денегъ по поставкѣ, неправильные поборы, наддачи содержателямъ почтовыхъ лошадей сверхъ контрактовъ, безвременные наряды для исправленія дорогъ по 100—400 человѣкъ, наряды къ вывозу для казеннаго завода лѣса безъ полученія за сіе платы, утверждаются общими показаніями всѣхъ крестьянъ и сельскихъ начальниковъ, лист. 3—18. Расходы поборовъ, лист. 21—30 и слѣд. до конца.

12) Дѣло о поборахъ по Бадайской волости. По описи слѣдственной коммисіи № 52. Существованіе неправильныхъ поборовъ, заготовленія хлѣба въ казну раскладкою на крестьянъ. Недодачи денегъ по поставкѣ его, платежи содержателямъ почтовыхъ лошадей сверхъ контрактной суммы, безвременныя высылки на исправленіе дорогъ, утверждаются общими показаніями 350 крестьянъ и 56 волостныхъ старшинъ, лист. 11—90. Расходы поборовъ означены на лист. 92—211.

13) Дѣло о поборахъ по Черемховской волости. По описи слѣдственной коммисіи № 53. Покупка въ казну хлѣба раскладкою, стѣсненія нѣкоторыхъ крестьянъ при сдачѣ и неполученіе вполнѣ денегъ по поставкѣ его, существованіе поборовъ сверхъ утверждаемыхъ смѣтъ, несвоевременные наряды къ исправленію дорогъ, наддачи содержателямъ почтовыхъ лошадей сверхъ платы по контрактамъ отъ казны по настоянію земскихъ чиновниковъ, утверждаются общественными показаніями 342 крестьянъ, 71 старшины и сельскими головами, лист. 7—109. Счеты о неправильныхъ сборахъ бо̀льшею частію были истребляемы земскими чиновниками и частію самими сельскими начальниками, лист. 19—21, 74, 78, 84, 94, 125, 134, 135 и 138.

14) Дѣло о поборахъ по Идинской волости. По описи слѣдственной коммисіи № 56. Существованіе поборовъ сверхъ смѣтъ, заготовленія хлѣба въ казну раскладкою на крестьянъ, стѣсненія при пріемѣ и недодача денегъ послѣ нѣкоторыхъ поставокъ, тѣлесныя безъ суда наказанія крестьянъ отъ казаковъ и неуваженіе жалобъ на сіе земскимъ начальствомъ, лист. 51 и 121, утверждаются общими показаніями крестьянъ до 300 человѣкъ и 34 сельскихъ начальниковъ, лист. 5—14, 38—146. При представленіи нѣсколькихъ счетовъ о расходахъ неправильныхъ поборовъ объясняется, что многіе или утрачены самими волостными расходчиками, или отобраны земскими чиновниками, лист. 71, 88, 100 и 111.

15) Дѣло о поборахъ по Тарбагатайской волости. По описи слѣдственной коммисіи № 57, томъ 1-й. Существованіе неправильныхъ сборовъ сверхъ утверждаемыхъ смѣтъ обнаруживается въ общественныхъ показаніяхъ крестьянъ семи селеній до 250 человѣкъ, 10-ти старшинъ и вообще сельскихъ начальниковъ, лист. 24—31, 267—280; доказывается сознаніемъ одного изъ волостныхъ головъ, расходовавшаго сіи деньги, лист. 40—260, 281, 313—316, 326—468. Употребленіе поборовъ означено на тѣхъ же листахъ.

16) Дѣло о поборахъ по Мухоршибирской волости. По описи слѣдственной коммисіи № 57, томъ 11-й. Существованіе неправильныхъ сборовъ, закупы въ казну хлѣба раскладкою, недодача денегъ за взятый хлѣбъ, безвременные наряды къ исправленію дорогъ и пр. утверждаются общими показаніями крестьянъ и сельскихъ начальниковъ, съ лист. 24 до конца. Причемъ замѣчателенъ указъ земскаго суда о раскладкахъ на поставку, листъ 64.

17) Дѣло о денежномъ сборѣ съ Аларскихъ, Идинскихъ и Балаганскихъ бурятъ, взамѣнъ суммы, выданной изъ казны подрядчикамъ за содержаніе подводъ въ 1819 году. По описи слѣдственной коммисіи № 28.

18) Дѣло о взысканіяхъ по притязаніямъ крестьянина Кокорина. По описи слѣдственной коммисіи № 58. Оба сіи дѣла обнаруживаютъ неправильность распоряженія губернскаго начальства.

19) Дѣло по жалобѣ главнаго тайши Хоринскихъ бурятъ Гальцанова. По описи слѣдственной коммисіи № 41. Здѣсь а) на лист. 1—42 явствуетъ несправедливое отрѣшеніе тайши отъ сего званія; б) многіе свидѣтели, спрошенные подъ присягою, подтверждаютъ понесенные тайшею симъ

убытки; в) открываются незаконные поборы, на лист. 225—331, 346—364, 448—509; г) на лист. 215—224 обнаруживается стѣснительный образъ покупки въ казну бѣлки на вымѣнъ ревеня, и д) на лист. 535—541 содержатся свѣдѣнія о неправильностяхъ по заготовленію хлѣба въ казну у Хоринскихъ бурятъ.

20) *Дѣло по жалобамъ на убытки при пріемѣ хлѣба въ винокуренные заводы.* По описи слѣдственной коммисіи № 36. Здѣсь обнаруживается, что въ самомъ контрактѣ съ винокуромъ предоставлено ему брать съ крестьянъ излишній хлѣбъ въ наддачу, лист. 78, 90 и 91.

21) *Составленныя въ Нижнеудинской коммисіи извлеченія изъ дѣлъ,* въ оной производившихся (подъ № II и III) и въ дополненіе къ тому дѣла подъ №№ 27 по описи слѣдственной коммисіи и IV. Изъ оныхъ явствуетъ, въ какомъ видѣ образъ управленія Нижнеудинскимъ уѣздомъ представляемъ былъ отъ Иркутскаго гражданскаго губернатора высшему начальству, а равно и то, какія мѣры были имъ принимаемы въ тѣхъ случаяхъ, когда доходили къ нему жалобы на сіе управленіе. Жалобы же заключали въ себѣ обвиненія: а) въ жестокихъ поступкахъ и самовольныхъ наказаніяхъ безъ суда; б) въ стѣснительныхъ дѣйствіяхъ по заготовленіямъ въ казну хлѣба; в) въ разныхъ притѣсненіяхъ по предмету исправленія натуральныхъ повинностей; г) въ чрезвычайныхъ денежныхъ сборахъ; д) въ стѣснительной торговлѣ съ кочующими инородцами; е) въ продажѣ скота и другихъ мѣстныхъ произведеній высокими цѣнами не по волѣ покупщиковъ, по раскладкою на нихъ; ж) въ самовольныхъ ссудахъ деньгами за неумѣренные проценты. Всѣ сіи жалобы впослѣдствіи были разсмотрѣны Нижнеудинскою коммисіею, признаны большею частію правильными, и дѣло предано законному рѣшенію Иркутской уголовной палаты. Къ сему же предмету относится записка Иркутской слѣдственной коммисіи, при общемъ отчетѣ ея (прил. № 1) приложенная, о тѣлесномъ наказаніи исправникомъ Лоскутовымъ протоіерея Орлова.

22) *Дѣло по жалобамъ на отставнаго губернскаго регистратора Курбатова.* По описи слѣдственной коммисіи № 35; и

23) *Дѣло по жалобамъ крестьянъ Тункинскаго селенія на купца Бѣлозерова.* По описи слѣд. коммисіи № 59. Изъ сихъ дѣлъ, особливо же изъ послѣдняго (лит. 7—36, 108—116, 130—146) явствуетъ, до какой степени попущеніемъ начальства частные люди, поселившись между крестьянами и захвативъ въ однѣ руки всю торговлю, стѣсняли крестьянъ и кочующихъ инородцевъ.

24) *Выписка изъ дѣлъ объ устройствѣ дорогъ около Байкала* (подъ №№). Изъ сей выписки усматривается, въ какомъ видѣ устройство сей дороги было представляемо высшему начальству, и какимъ образомъ оно дѣйствительно было производимо. Къ сему же принадлежатъ дѣла, выше сего въ статьяхъ 7, 9 и 11 означенныя, изъ коихъ видно отягощеніе въ содержаніи дорогъ по вѣдомству Тункинскихъ и Верхоленскихъ бурятъ и по Илгинской волости.

Второе. По связи съ сими дѣлами, на разсмотрѣніе правительствующаго сената препровождаемыми, считаю обязанностію сверхъ того для свѣдѣнія и надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ соображенія представить:

1) *Свѣдѣнія о составѣ Иркутской слѣдственной коммисіи.* По описи слѣд. ком. № 21.

2) *Дѣло о нарядѣ слѣдователей въ разныя мѣста.* (По описи слѣд. ком. № 26. Въ семъ дѣлѣ содержатся общія замѣчанія коммисіи по частнымъ слѣдствіямъ и ревизіямъ.

3) *Записку объ уменьшеніи съ 1819 года общественныхъ сборовъ,* подъ № 14.

4) *Соображеніе заготовленія хлѣба въ Иркутской губерніи съ существующими узаконеніями.* По описи слѣд. ком. № 31.

5) *Отвѣты, взятые съ чиновниковъ въ Иркутской слѣдственной коммисіи.* По описи слѣд. ком. № 51. Отвѣты сіи по связи ихъ съ предметами, на разсмотрѣніе правительствующаго сената нынѣ поступающими, требуютъ нѣкоторыхъ поясненій, а именно:

а) Хотя всѣ вообще чиновники, отрицая участіе ихъ въ неправильныхъ сборахъ, причину многочисленныхъ жалобъ слагаютъ на извѣстный высшему правительству духъ ябеды, о которомъ упомянуто въ инструкціи 1803 года генералъ-губернатору Селифонтову данной, «что ссыльные составили изъ себя какъ бы особенное общество, занимались безпрерывно доносами и ябедами», но противу сего можно замѣтить: 1) что большая часть жалобъ вступила отъ старожиловъ; 2) что самыхъ поселенцевъ, изъ коихъ составлены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыя мірскія общества, нельзя устранить отъ свидѣтельствъ и не дать вѣры единогласнымъ ихъ показаніямъ, тѣмъ болѣе, что особенной въ нихъ наклонности къ ложнымъ доносамъ въ настоящее время не замѣчено.

б) Иркутскій земскій исправникъ Волошиновъ сознаетъ что, сельскіе и инородческіе начальники могли дѣлать злоупотребленія, что ропотъ происшелъ по неудовольствіямъ на исправленія дорогъ и образъ закупки хлѣба, что все сіе происходило во исполненіе предписаній губернскаго начальства. Наконецъ (лист. 525) показываетъ, что поборы сверхъ смѣтъ и гласно были производимы.

в) Верхнеудинскій исправникъ Геденштромъ въ первыхъ отвѣтахъ сознаетъ, что у инородцевъ существовали незаконные поборы, и сверхъ того видно нѣкоторое сознаніе, что покупка бѣлки производилась не по добровольному согласію бурятъ, что Тайша приглашенъ былъ особеннымъ убѣжденіемъ гражданскаго губернатора, и желая ему угодить могъ вовлечь себя и общество въ убытки. Въ дополнительныхъ же отвѣтахъ показывается: 1) что начальство утверждало покупку бѣлокъ по 1 р. 25 к., то есть по выпрошенной цѣнѣ торговцами тогда, какъ торговая цѣна была въ 95 к. (оборотъ лист. 410) и что утвержденіе сіе послѣдовало безъ всякихъ стараній понизить цѣну посредствомъ приглашенія къ продажѣ другихъ людей; 2) что вообще поборы были тягостны жителямъ (оборотъ лист. 415; 3) что разные наряды крестьянъ дѣлались по предписаніямъ начальства и по распоря-

женію Верхнеудинскаго общаго присутствія (лист. 416); 4) что дѣлались наряды на перевозку соли (лист. 419), цѣны же назначались по усмотрѣнію губернатора.

г) Засѣдатель земскаго суда Романовъ, на жалобу крестьянъ о нарядѣ ихъ къ вырубкѣ и перевозкѣ въ Илгинскій заводъ лѣса, показываетъ (лист. 213), что крестьяне добровольно подряжались дѣйствительно на одну вывозку лѣса, вырубленнаго по особому распоряженію губернскаго начальства, но, что они частію сами вырубали лѣсъ вновь по тому, что находили назначеніе начальства неудобнымъ, ибо лѣсъ находился въ ближайшемъ разстояніи отъ завода.

д) Уѣздный стряпчій Лангансъ, ревизовавшій Иркутскій уѣздъ, показываетъ: 1) что сельскіе и инородные начальники или сами будучи виновны въ растратѣ общественныхъ суммъ, или опасаясь мщенія земскихъ чиновниковъ, старались скрывать злоупотребленія (л. 328 на оборот.); 2) что книги расходныя во всѣхъ почти мѣстахъ найдены были совершенно бѣлыми, въ которыя ни приходовъ ни расходовъ денегъ записываемо не было, и о томъ показалъ онъ въ путевыхъ журналахъ, представленныхъ гражданскому губернатору, и далъ знать земскому суду, но не принято однакоже по сему ни какихъ мѣръ исправленія (лист. 329); 3) что устройство селеній чиновники предоставили казакамъ (оборот. листъ 335).

е) Отвѣты правителя винокуреннаго завода Виноградскаго обнаруживаютъ, что количество надбавки при пріемѣ хлѣба долго неизвѣстно было продавцамъ и располагалось начальствомъ безъ ихъ согласія (листъ 361).

Третье. Въ заключеніе считаю долгомъ правительствующему сенату донести:

1) Что чиновники и разнаго рода люди прикосновенные къ дѣламъ, въ правительствующій сенатъ вносимымъ, суть тѣ самые, о коихъ вмѣстѣ съ прикосновенными къ дѣламъ въ губерніяхъ Тобольской и Томской въ 4-й статьѣ Высочайшаго указа 26 генваря сдѣлано постановленіе.

Изъ нихъ 48 человѣкъ преданы суду уголовной палаты; объ остальныхъ же 630 человѣкахъ составленныя въ Сибирскомъ комитетѣ и Высочайше утвержденныя положенія приводятся на мѣстахъ въ надлежащее исполненіе.

2) Что разсчетныя коммисіи, по содержанію того же Высочайшаго указа въ Томскѣ и Иркутскѣ учреждаемыя, имѣютъ обязанностію по продажѣ секвестрованнаго у обвиняемыхъ чиновниковъ имущества удовлетворить тѣхъ, коихъ иски разсмотрѣны и уважены бывшими слѣдственными коммисіями. Такимъ образомъ какъ о лицахъ обвиняемыхъ, такъ и о денежныхъ съ нихъ взысканіяхъ, постановленныя въ Сибирскомъ комитетѣ мѣры уже воспріяли свои дѣйствія.

Тайный совѣтникъ *М. Сперанскій.*

4.

Въ правительствующій сенатъ.

21 марта 1822 г.

№ 24.

С.-Петербургъ.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату въ 26 день января сего года, между прочимъ положено на меня внести въ правительствующій сенатъ выписку изъ журнала Сибирскаго комитета 5 октября 1821 года и извлеченіе изъ дѣлъ и производства слѣдствій, относящихся къ бывшему Томскому гражданскому губернатору дѣйствительному статскому совѣтнику Илличевскому.

Во исполненіе сего Высочайшаго указа имѣю честь представить при семъ:

1) Означенную выписку изъ журнала Сибирскаго комитета.

2) Выписку изъ отчета надворнаго совѣтника Осипова по обозрѣнію Туруханскаго края и въ поясненіе и доказательства главныхъ статей онаго три дѣла подъ № I, II, III.

Дѣло подъ № IV о безпорядкахъ, обнаруженныхъ при обозрѣніи Нарымскаго уѣзда, и копію съ отчета, заключающаго краткое извлеченіе изъ сего дѣла.

4) Отчетъ въ обозрѣніи поселенческой части въ Томскѣ.

5) Выписку изъ отчета надворнаго совѣтника Осипова по мѣстному обозрѣнію Туруханскихъ поселеній и въ поясненіе оной, подлинное дѣло подъ №№.

6) Выписку изъ общихъ замѣчаній при обозрѣніи Томской губерніи учиненныхъ и губернскому начальству предложенныхъ.

Вмѣстѣ съ симъ долгомъ поставляю донести, что дѣла о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ общественныхъ сборахъ поступили уже въ разсмотрѣніе и уваженіе Томскаго гражданскаго и уголовнаго суда. О чиновникахъ же, въ разныхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ обвиняемыхъ, положеніе въ Сибирскомъ комитетѣ составленное и Высочайше утвержденное, по содержанію 4 статьи Высочайшаго указа 26 января сего года приводится на мѣстахъ въ надлежащее исполненіе.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

5.

Генералъ-губернатору Восточной Сибири.
№ 189.
17 октября 1822 г.
Въ С.-Петербургѣ.

Милостивый государь мой Александръ Степановичъ.

По отношенію вашего превосходительства отъ 1 сентября № 124 честь имѣю препроводить при семъ списокъ съ общаго счета, представленнаго изъ Иркутской слѣдственной коммисіи о денежныхъ искахъ, на чиновниковъ и разнаго званія людей вступившихъ.

Полагаю, что сихъ свѣдѣній достаточно будетъ, дабы во исполненіе Высочайшаго указа 26 января разсчетная коммисія въ состояніи была опредѣлить, по скольку изъ описаннаго имѣнія на удовлетвореніе просителей по каждой округѣ причтется. Если же невозможно будетъ по всѣмъ свѣдѣніямъ, въ оную препровожденнымъ, учинить самый раздѣлъ суммъ по селеніямъ и между просителями, то потребныя для сего основанія находятся въ самыхъ дѣлахъ, поступившихъ на разсмотрѣніе правительствующаго сената, изъ коихъ, по огромности ихъ, невозможно учинить подробнаго извлеченія. По чему въ ожиданіи возвращенія сихъ дѣлъ изъ правительствующаго сената, разсчетная коммисія не должна останавливаться удовлетвореніемъ исковъ, въ совершенную ясность приведенныхъ, для своевременнаго же удовлетворенія прочихъ вырученная чрезъ продажу имѣній сумма можетъ поступить въ приказъ общественнаго призрѣнія для приращенія ея процентами.

NB. Списки, при семъ посланные, взяты изъ (черноваго) отчета слѣдственной коммисіи Иркутской.

6.

Генералъ-губернатору Восточной Сибири.
№ 192.
29 октября 1822 г.
Въ С.-Петербургѣ.

Милостивый государь мой Александръ Степановичъ.

На отношеніе вашего превосходительства отъ 8 сентября честь имѣю увѣдомить, что означеніе въ послужныхъ спискахъ положенія Сибирскаго комитета, Высочайше утвержденнаго въ 26 день января сего года, о тѣхъ чиновникахъ, кои оставлены въ особенномъ замѣчаніи и подвергнуты наблюденію за ними по службѣ мѣстнаго начальства, я и съ моей стороны по причинамъ, въ уваженіе вами пріемлемымъ, считаю нужнымъ; представлять же о семъ на разрѣшеніе правительствующему сенату, мнѣ кажется излишнимъ: ибо обстоятельство сіе по самому движенію производства въ чины войдетъ само собою въ свое время на его разсмотрѣніе.

7.

Господину генералъ-губернатору Западной Сибири.
№ 17.
18 мая 1823 г.
Въ С.-Петербургѣ.

Милостивый государь мой Петръ Михайловичъ.

На отношеніе вашего превосходительства въ Сибирскій комитетъ, отъ 17 марта сего года за № 306, о доставленіи свѣдѣній, нужныхъ по составленію учета по Нарымскимъ запаснымъ магазейнамъ, по выправкѣ въ дѣлахъ комитета оказалось:

Въ журналѣ 5 сентября 1821 года, Высочайше утвержденномъ въ 26 день января 1822 года, сказано, что «при ревизіи дѣлъ въ Томской губерніи оказались безпорядки по счетамъ суммъ запасныхъ хлѣбныхъ магазейновъ въ Нарымской и Туруханской округахъ, но счеты сіи, по крайней запутанности ихъ, не могли при слѣдствіи приведены быть въ совершенную ясность. Почему комитетъ положилъ поручить гражданскому губернатору, который на мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника Илличевскаго опредѣленъ будетъ, сообразивъ дѣло сіе во всей подробности, сдѣлать надлежащее взысканіе съ зависѣвшихъ отъ губернскаго управленія лицъ, на общихъ правилахъ; если же часть взысканія падать будетъ на бывшаго губернатора Илличевскаго, то съ яснымъ изложеніемъ причинъ и количества взысканія представить правительствующему сенату.

Въ безпорядкахъ по счетамъ запасныхъ магазейновъ комитетъ удостовѣрился, какъ явствуетъ изъ тогоже журнала, по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

1) Бывшій Нарымскій исправникъ коллежскій ассесоръ Пенкинъ, при сдачѣ сей должности произвелъ разсчеты съ инородцами по казеннымъ и собственнымъ долгамъ, кончилъ сіи разсчеты тѣмъ, что ни кто изъ нихъ должнымъ не остается; но когда впослѣдствіи по учету губернатора упадало на сего чиновника взысканіе для пополненія, бывшаго въ его вѣдѣніи капитала хлѣбныхъ запасныхъ магазейновъ, то губернаторъ по реестру, отъ него представленому, далъ предписаніе взыскать съ инородцевъ до 8.700 р. Онъ самъ объясняетъ, что сдѣлано сіе по случаю задолжанія инородцевъ продажею вещей, будто бы на сумму запаснаго магазина искупленныхъ и исправникомъ въ долгъ розданныхъ. Между тѣмъ сей послѣдній признаетъ, что взысканіе наложено именно въ пополненіе того капитала, вмѣсто непоступившей въ оный 8 части прибыли, упущенной въ расчисленіи тѣмъ исправникомъ продажныхъ цѣнъ по уваженію бѣдности инородцевъ. Отсюда слѣдуетъ, что губернскому начальству неизвѣстно было о выпускѣ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ продажу хлѣба по Нарымскому уѣзду безъ положенія въ прибыль 8 доли.

2) Казенный запасный хлѣбъ земскими чиновниками не рѣдко раздаваемъ былъ инородцамъ въ долгъ безъ нужды и даже противъ ихъ воли.

3) Продажа хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ производилось иногда посредствомъ развоза въ самыя стойбища инородцевъ, и тогда на каждый пудъ накладывалось перевозной цѣны отъ 22 до 46 копѣекъ. Но инородцы утверждаютъ, что хлѣбъ развозили они сами по наряду и безъ платы.

4) Цѣны хлѣбу необъявлялись своевременно, а чаще всего означались уже при взысканіи долговъ за розданный хлѣбъ.

5) Печати инородныхъ начальниковъ, которыми утверждались всѣ долговыя записки на инородцевъ, находились въ рукахъ земскихъ чиновниковъ.

Сихъ обстоятельствъ достаточно было, чтобъ заключить о безпорядкѣ счетовъ по хлѣбнымъ запаснымъ магазинамъ въ бывшей Нарымской округѣ; но комитетъ, какъ выше сказано, не имѣлъ въ виду подробныхъ счетовъ о движеніи капиталовъ, симъ магазинамъ принадлежащихъ, и потому окончательное розысканіе не можетъ быть произведено иначе, какъ чрезъ подробное разсмотрѣніе подписныхъ документовъ при тѣхъ магазинахъ веденныхъ, кои находиться должны въ Нарымѣ или при дѣлахъ гражданскаго губернатора.

Увѣдомляя о семъ ваше превосходительство, я имѣю честь сообщить, что предметъ ревизіи счетовъ по Нарымскимъ магазинамъ, по точнымъ словамъ вышеозначеннаго постановленія, не относится къ обязанности разсчетной коммисіи для удовлетворенія исковъ, на нѣкоторыхъ чиновниковъ вступившихъ, и въ особомъ спискѣ при указѣ 26 января 1822 года подъ буквою Б., приложенномъ поименованныхъ, но составляетъ особенное порученіе опредѣленному вновь въ Томскую губернію гражданскому губернатору.

Сей коммисіи предписаніемъ моимъ отъ 21 февраля 1822 года поручено только возвратить инородцамъ тѣ деньги, кои могли быть съ нихъ взысканы въ пополненіе капитала запасныхъ магазиновъ, по представленному отъ бывшаго земскаго исправника Пенкина реестру и по предписанію Томскаго губернскаго начальства, ибо всѣ суммы отнесеннаго на инородцевъ взысканія по положенію Сибирскаго комитета удовлетворятся изъ имѣнія исправника Пенкина.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Подписалъ: *М. Сперанскій.*

Примѣчаніе. Въ дополненіе сего дѣла надобно смотрѣть особое положеніе Сибирскаго комитета 9 декабря 1823 г. (журн. № 75), Высочайше утвержденное 28 января 1825, о чиновникахъ, означенныхъ въ спискахъ при указѣ 26 января 1822 г., о томъ: 1) что означеніе бытія подъ слѣдствіемъ и рѣшенія въ послужныхъ спискахъ 1 и 2 разряда будетъ зависѣть отъ окончанія опредѣленныхъ надъ ними судовъ; 2) что означеніе въ послужныхъ спискахъ чиновниковъ 3, 4 и 5 разрядовъ положеннаго на нихъ взысканія (указомъ 26 января 1822 г.) необходимо. 3) что чиновники 3 разряда въ теченіи положеннаго срока не могутъ быть въ службу опредѣляемы; 4) что чиновники 4 и 5 разрядовъ могутъ быть опредѣляемы къ должностямъ и представляемы къ чинамъ и наградамъ на общемъ основаніи, но не прежде, какъ по истеченіи трехъ лѣтъ послѣ возникшихъ на нихъ обвиненій.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВѢ.

I.

Предписанія Сперанскаго Илличевскому.

1.

№ 633.
27 сентября 1820 г.
Тобольскъ.

Томскому гражданскому губернатору.

Находящійся въ Туруханскѣ Енисейскій городничій Осиповъ, коему поручено мною обозрѣніе того края, представляетъ, что нынѣшній тамъ исправникъ коллежскій секретарь Корсаковъ найденъ безпечнымъ, а потому не можетъ быть долѣе оставленъ при сей должности, и что напротивъ удаленный предмѣстникъ его коллежскій ассесоръ Стыровъ по общимъ отзывамъ крестьянъ и иновѣрцевъ и по личному усмотрѣнію г-на Осипова дѣятельности его въ службѣ, оказался чиновникомъ, заслуживающимъ довѣріе къ управленію Туруханскимъ уѣздомъ. Не зная качествъ ни того, ни другого, я въ необходимости полагаюсь на одобреніе г-на Осипова. Почему прошу ваше превосходительство удалить отъ исправленія должности исправника Корсакова, поручивъ ее снова г-ну Стырову, впредь до окончательнаго дѣла о немъ разсмотрѣнія.

2.

№ 719.
4 октября 1820 г.
Тобольскъ.

Томскому гражданскому губернатору.

Хотя дано отъ меня предложеніе вашему превосходительству отъ 27 сентября № 693, объ удаленіи Туруханскаго земскаго исправника Корсакова отъ должности, но такъ какъ прежде, нежели сдѣлано вышеозначенное распоряженіе, онъ самъ вошелъ съ просьбою въ губернское правительство о

увольненіи его отъ сей должности: то поручаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобъ онъ по означенной просьбѣ уволенъ былъ отъ должности земскаго исправника надлежащимъ порядкомъ.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

3.

№ 746.
18 октября 1820 г.
Тобольскъ.

Г-ну Томскому гражданскому губернатору.

Въ отношеніи моемъ отъ 1 октября № 719 я просилъ ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе о увольненіи Туруханскаго земскаго исправника Корсакова отъ должности по просьбѣ его и поручить оную снова (отнош. отъ 27 сентября № 699) коллежскому асессору Стырову. Но какъ г-ну Стырову нужно, для личныхъ объясненій по дѣламъ бывшей службы его въ Туруханскѣ, явиться ко мнѣ въ Тобольскъ, о чемъ вмѣстѣ съ симъ я и предписалъ ему: то прошу ваше превосходительство исполненіемъ отношенія моего (№ 719) пріостановиться впредь до разрѣшенія, такъ какъ я не имѣю теперь въ виду благонадежнаго чиновника, который бы въ Туруханскѣ принялъ отъ коллежскаго секретаря Корсакова должность исправника.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

4.

№ 778.
8 ноября 1820 г.
Тобольскъ

Томскому губернатору.

По разстоянію мѣстъ произошли затрудненія въ разрѣшеніи дѣла объ увольненіи Туруханскаго исправника Корсакова и объ опредѣленіи снова къ сей должности коллежскаго асессора Стырова. Послѣднее отношеніе мое о семъ къ вашему превосходительству было въ томъ содержаніи, чтобъ дозволивъ г-ну Стырову явиться изъ Енисейска ко мнѣ въ Тобольскъ, пріостановиться увольненіемъ исправника Корсакова. Съ прошедшею же почтою донесено мнѣ, что коллежскій асессоръ Стыровъ, по полученіи перваго предписанія объ опредѣленіи его къ прежней должности, отправляется оттуда для принятія оя въ Туруханскъ. Почему считаю нужнымъ нынѣ окончательно разрѣшить дѣло сіе тѣмъ, что если г-нъ Стыровъ отправился уже дѣйствительно изъ Енисейска въ Туруханскъ, то не возвращать его съ пути и коллежскаго секретаря Корсакова надлежащимъ порядкомъ уволить.

II.

30 Сентября 1820 г.
Енисейскъ.

Ваше высокопревосходительство.

Находясь въ штатѣ санктпетербургскаго почтамта, опредѣленъ я въ Туруханскъ земскимъ исправникомъ и съ половины 1816-го года старался, сколько доставало силъ моихъ, исправлять должность сію во всей точности; никогда не терялъ надежды, что благополучно окончу я положенной срокъ Сибирской службы и возвращусь въ Россію, съ соблюденіемъ добраго имени и чести. Но сверхъ ожиданія моего, мѣстное губернское начальство единственно за справедливость мою и именно за то, что я по порядку донесъ г. г. министру полиціи, Сибирскому генералъ-губернатору и Томскому гражданскому губернатору, какъ о важномъ произшествіи, о убійствѣ ясашными остяками Тымской и Караконской волостей 6-ти человѣкъ и съѣденіи оныхъ; а кромѣ того еще двухъ мертвыхъ тѣлъ, былъ отрѣшенъ отъ должности и въ то же время когда вы, милостивѣйшій государь, изволили прибыть въ Сибирь, допущенъ къ оной опять, гонимъ и притѣсняемъ совершенно невинно; что достовѣрно извѣстно осматривавшему Туруханскій край по порученію вашего высокопревосходительства Енисейскому городничему г-ну Осипову.

При вторичномъ допущеніи меня къ должности и по прибытіи г-на Осипова въ Туруханскъ, объявлена мнѣ имъ воля вашего высокопревосходительства, дабы я, по доставленіи должнаго г-ну Осипову, явился въ Томскъ и тамъ ожидалъ разрѣшенія.

Слѣдуя туда нынѣ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить у вашего высокопревосходительства единственной для меня милости—позволить мнѣ не останавливаясь въ Томскѣ явиться къ вамъ лично. Ибо я нисколько не надѣюсь на расположеніе ко мнѣ тамошняго правительства, а напротивъ, ожидаю со стороны его большихъ неудовольствій и притѣсненій, снести которыя по разстроенному моему здоровью и не имѣя никакой защиты, буду я не въ состояніи.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть навсегда всенижайшимъ слугою

Иванъ Стыровъ.

III.

Письма Сперанскаго.

1.

Къ М. Ѳ. Муромову.

10 апрѣля 1820 г.

Милостивый государь мой Михайло Ѳедоровичъ.

Обращая вниманіе на усердную службу вашу, я помѣстилъ васъ на открывшуюся вакансію въ Нерчинскѣ земскаго исправника, о чемъ дано отъ меня нынѣ же предложеніе Иркутскому губернскому правительству, съ коего препровождаю присемъ копію, а при томъ возвращаю и всѣ представленныя мнѣ вами бумаги, свидѣтельствующія о вашихъ способностяхъ, надѣясь, что вы потщетесь оправдать довѣренность начальства и усугубите старанія ваши на пользу службы.

Находящійся въ Нерчинскѣ губернскій секретарь Козловъ проситъ меня объ опредѣленіи его къ должности засѣдателя земскаго суда. Хотя и имѣется въ Нерчинскомъ земскомъ судѣ вакансія засѣдателя; но поелику чиновникъ сей мнѣ неизвѣстенъ, то и считаю я нужнымъ имѣть предварительно ваше о немъ мнѣніе.

Въ бытность мою въ Нерчинскѣ я имѣлъ случай видѣть двухъ офицеровъ— поручика Зарубина и прапорщика Алексѣева, уволенныхъ отъ воинской службы, которымъ по бѣдности ихъ для выѣзду въ отчизну необходима помощь. Принимая участіе въ таковомъ положеніи сихъ чиновниковъ, я употреблю всѣ средства собрать имъ пособіе; но дабы они имѣли возможность доѣхать до Иркутска, то прошу васъ оказать имъ въ семъ случаѣ ваше содѣйствіе.

2.

Горновскому.

10 февраля 1822 г.
№ 72.
С.-Петербургъ.

Я имѣлъ честь представлять Сибирскому комитету о ревности и усердіи вашемъ на общую пользу и о всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся къ прежней вашей службѣ и о послѣдствіяхъ оную сопровождавшихъ. Коми-

тетъ призналъ справедливымъ возвратить васъ на службу, опредѣливъ въ званіе предсѣдателя. Государь Императоръ соизволилъ утвердить сіе положеніе комитета и каковъ вслѣдствіе того состоялся Именной Высочайшій указъ, съ онаго препровождаю присемъ списокъ. — Особеннымъ удовольствіемъ считаю поздравить васъ со вступленіемъ паки въ кругъ дѣятельности, усердію вашему и знанію свойственный.

Съ совершеннымъ и проч. *М. Сперанскій.*

3.

Буттацу.

Милостивый государь мой Францъ Ивановичъ.

Вслѣдствіе донесеній вашего высокородія о Томскомъ лекарѣ Нимейерѣ и управляющемъ Томскою аптекою провизорѣ Кондратьевѣ, я съ симъ же вмѣстѣ распорядился, дабы первый удаленъ былъ отъ присутствованія въ Томской врачебной управѣ, а послѣдній переведенъ былъ изъ Томска въ другое мѣсто. Таковымъ распоряженіемъ лекарь Нимейеръ, бывъ удаленъ отъ вліянія на дѣла врачебной управы, можетъ быть полезенъ собственно для уѣзда Томскаго и города, гдѣ въ надежныхъ лекаряхъ великой недостатокъ.

Обращаясь къ письму вашему отъ 27-го января, гдѣ описываете вы свое положеніе, нужнымъ считаю увѣдомить васъ, что я ожидаю только послѣднихъ донесеній вашихъ по возложенному на васъ порученію, дабы приступить къ ходатайству о вознагражденіи за ваши труды въ такой мѣрѣ, какая только представится возможною.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

вашего высокородія

покорный слуга

М. Сперанскій.

№ 35.
17 марта 1822 г.
С.-Петербургъ.

Возвращено по смерти доктора Буттаца.

IV.

№ 95.
10 іюля 1822 г.
Въ С.-Петербургѣ.

Въ правительствующій сенатъ

бывшаго Сибирскаго генералъ-губернатора

рапортъ.

Иркутское губернское правительство вошло ко мнѣ съ вопросомъ: можетъ ли тотъ, чье имѣніе состоитъ подъ запрещеніемъ, принимать и давать отъ себя векселя, и переводить ихъ на другія лица?

Вопросъ сей возникъ по слѣдующему случаю. Купецъ 1-й гильдіи Кузнецовъ далъ на себя въ апрѣлѣ 1820 года 1-й гильдіи купцу Патюкову вексель въ 15.000 рублей, съ условіемъ произвести уплату 1-го февраля 1822 года. Впослѣдствіи купцомъ Патюковымъ переданъ сей вексель другому лицу, а отъ сего перешелъ къ третьему, и именно къ купцу Ширяеву. Предъ сближеніемъ срока повѣренный Кузнецова акцептовалъ сей вексель у повѣреннаго отъ Ширяева. Наступилъ срокъ. Но повѣренный Кузнецова акцептовавшій вексель, бывъ извѣстенъ, что имѣніе купца Патюкова состоитъ подъ запрещеніемъ [1]), счелъ болѣе приличнымъ представить сію сумму при просьбѣ въ губернское правительство. Губернское правительство приняло оную и отослало въ приказъ общественнаго призрѣнія. Является повѣренный отъ Ширяева съ протестомъ.— Отсюда вопросъ о принадлежности денегъ, и недоумѣніе въ разрѣшеніи его.

Губернское правительство предоставляло сіе обстоятельство на сужденіе магистрату. Но магистратъ, признавая справедливымъ отдать деньги повѣренному купца Ширяева, въ положительномъ однакожъ разрѣшеніи главнаго вопроса въ семъ дѣлѣ равно встрѣтилъ затрудненіе, какъ и самое губернское правительство.

По сему уваженію долгомъ считаю представленіе о семъ губернскаго правительства предать на благоразсмотрѣніе правительствующаго сената. Представленіе препровождается въ подлинникѣ. Изъ заключенія его между прочимъ усматривается, что вексельная сумма 15.000 р., по мнѣнію магистрата, выдана губернскимъ правительствомъ повѣренному купца Ширяева съ обязательствомъ, впредь до рѣшенія сего дѣла.

---

[1]) Все движимое и недвижимое имѣніе купца Патюкова состоитъ въ прещеніи съ 1812 года по разнымъ взысканіямъ на многія суммы по предписаніямъ правительства.

V.

23 сентября 1821 г.
№ 52.
С.-Петербургъ.

Господину министру юстиціи.

Отъ Иркутскаго губерискаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго Литвинцева поступали ко мнѣ разныя представленія. Главнѣйшій предметъ оныхъ—народное продовольствіе и продажа вина. По мѣрѣ полученія сихъ представленій и по мѣрѣ важности обстоятельствъ давалъ я надлежащія разрѣшенія.

Между тѣмъ исправлявшій должность Иркутскаго гражданскаго губернатора донесъ, что на Литвинцева поступилъ доносъ отъ казацкаго сына Минина въ мужеложствѣ; что давъ сему доносу законный ходъ, онъ считалъ несообразнымъ, дабы стряпчій уголовныхъ дѣлъ, подвергши себя уголовному дѣлу, могъ оставаться при настоящей должности. Вслѣдствіе чего и съ согласія губерискаго прокурора, который и съ своей стороны представлялъ ему управлявшему губерніею о неисправленіи въ настоящемъ видѣ Литвинцевымъ своей должности, онъ удалилъ его отъ должности, руководствуясь въ семъ случаѣ данными ему отъ меня предписаніями объ управленіи губерніею.

Не приступая къ утвержденію таковаго распоряженія исправлявшаго должность Иркутскаго гражданскаго губернатора, я предписалъ настоящему гражданскому губернатору войти въ ближайшее разсмотрѣніе поступковъ Литвинцева и представить мнѣніе; а между тѣмъ, если откроется, что Литвинцевъ можетъ быть допущенъ по прежнему къ должности губерискаго стряпчаго, сдѣлать о томъ распоряженіе.

Такъ какъ извѣстно мнѣ, что отъ губерискаго стряпчаго подобныя представленія поступали и въ министерство юстиціи, то я нужнымъ счелъ о всемъ вышеизложенномъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства.

VI.

Милостивый государь мой Михайло Михайловичъ.

Его Императорское Величество, по представленію вашему и по положенію Сибирскаго комитета, въ 26 д. генваря сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: Иркутскому мѣщанину Саламатову, который, оставивъ въ 1818 г. по претѣсненіямъ губерискаго начальства многочисленное семейство, прибылъ съ жалобами въ С.-Петербургъ и находится въ изнеможеніи отъ трудовъ — обратить въ Иркутскъ на счетъ казны, назначивъ для сего тысячу рублей изъ казначейства въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ.

Предоставляя вашему превосходительству исполненіе сей Высочайшей воли, я отнесся къ министру финансовъ объ отпускѣ въ распоряженіе ваше означенной суммы. Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

графъ В. Кочубей.

№ 14.
7 февраля 1822 года.
Его превосходительству
М. М. Сперанскому.

VII.

Господину министру финансовъ.

По представленію Сибирскаго генералъ-губернатора и по одобренію Сибирскаго комитета повелѣваю: Иркутскому губернскому землемѣру коллежскому совѣтнику Лосеву, въ вознагражденіе долговременной и отличной въ семъ отдаленномъ краѣ службы, отвести въ вѣчное и потомственное владѣніе изъ казенныхъ пустопорожнихъ земель Иркутской губерніи и уѣзда участокъ земли по плану при семъ прилагаемому, тысячу десятинъ въ себѣ заключающій, съ состоящею внутри онаго бывшею оброчною статьею впустѣ лежащею.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

Александръ.

Царское Село
26 генваря 1822 года.

VIII.

Господину управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

По представленію Сибирскаго генералъ-губернатора и по одобренію Сибирскаго комитета повелѣваю: надворнаго совѣтника Игумнова опредѣлить по прежнему въ службу, предоставивъ помѣщеніе его Сибирскому генералъ-губернатору.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

Вѣрно: графъ В. Кочубей.

Царское Село
26 генваря 1822 года.

VIII.

ТАБЕЛЬ

населенія Сибири по климатамъ.

I. Сѣверная полоса.

Губерніи.	Уѣзды.	Русскихъ.		Инородцевъ.		Итого.
		Мужск.	Женск.	Мужск.	Женск.	
Тобольской . .	Березовскій . .	1.336	871	10.733	10.471	23.411
Томской	Нарымскій . . .	2.514	2.697	2.641	2.141	9.993
	Туруханскій . .	828	631	2.904	2.131	6.494
Иркутской . . .	Якутская област.	2.921	1.689	71.301	71.104	147.015
	Гижига, Охотскъ . . .	1.130	254	3.263	2.051	6.698
	Камчатка . . .	742	287	2.066	1.411	4.506
Итого . .	. . . .	9.471	6.429	92.908	89.309	198.117

II. Средняя полоса.

Губерніи.	Уѣзды.	Русскихъ. Мужск.	Русскихъ. Женск.	Инородцевъ. Мужск.	Инородцевъ. Женск.	Итого.
Тобольской . .	Туринскій . . .	14.205	16.660	1.702	1.694	34.261
	Тюменскій . . .	28.264	31.289	3.615	3.366	66.534
	Тобольскій . . .	28.803	25.421	9.431	8.288	71.943
	Тарскій	16.778	17.845	3.960	3.263	41.846
Томской	Каинскій	13.380	12.182	2.472	2.158	30.192
	Томскій	36.822	34.210	4.808	4.322	80.162
	Енисейскій . .	18.130	18.496	1.082	986	38.694
Иркутской . . .	Киренскій . . .	8.062	8.273	1.077	967	18.379
Итого . .	. . . .	164.444	164.376	28.147	25.044	382.011

III. Южная полоса.

Губерніи.	Уѣзды.	Русскихъ. Мужск.	Русскихъ. Женск.	Инородцевъ. Мужск.	Инородцевъ. Женск.	Итого.
Тобольской . .	Ялуторовскій .	41.932	46.070	1.082	1.070	90.154
	Курганскій . .	45.375	45.540	50	32	90.997
	Ишимскій . . .	52.777	51.489	360	267	104.893
	Омскій	27.906	19.813	124	111	47.954
Томской	Бійскій	88.654	57.450	9.948	8.015	164.067
	Кузнецкій . . .	18.304	18.091	8.325	7.164	51.884
	Красноярскій . .	38.615	37.924	7.694	6.593	90.826
Иркутской . . .	Нижнеудинскій.	15.675	15.106	1.351	1.470	33.602
	Иркутскій . . .	43.913	34.075	38.975	35.648	152.611
	Верхнеудинскій.	24.424	18.873	35.397	35.197	113.891
	Нерчинскій . . .	44.635	24.744	5.653	5.981	81.013
Итого . .	. . . .	442.210	360.175	108.959	101.548	1.021.892

IV. Населеніе разныхъ полосъ по губерніямъ.

Губерніи.	Полосы:	Русскихъ. Мужск.	Русскихъ. Женск.	Инородцевъ. Мужск.	Инородцевъ. Женск.	Итого.
Тобольской . .	Сѣверная	1.336	871	10.733	10.471	23.411
	Средняя	88.050	91.215	18.708	16.611	214.584
	Южная	167.990	162.912	1.616	1.490	334.008
		257.376	254.998	31.057	28.572	572.003
		512.374		59.629		
Томской	Сѣверная . . .	3.342	3.328	5.545	4.272	16.487
	Средняя	68.332	64.888	8.362	7.466	149.048
	Южная	145.573	113.465	25.967	21.772	306.777
		217.247	181.681	39.874	33.510	472.312
		398.928		73.384		

Губерніи.	Уѣзды.	Русскихъ.		Инородцевъ.		Итого.
		Мужск.	Женск.	Мужск.	Женск.	
Иркутской . . .	Сѣверная . . .	4.793	2.230	76.630	74.566	158.219
	Средняя	8.062	8.273	1.077	967	18.379
	Южная	128.647	92.789	81.536	78.296	381.097
		141.502	103.301	159.063	153.829	557.695
		244.803		312.892		
Итого во всѣхъ губерніяхъ сибирскихъ		616.125	539.980	229.994	215.911	1.602.010
		1.156.105		445.905		

Примѣчанія: 1) Охотскъ, Гижига, Камчатка и полуденная часть Якутской области, прилежащая къ Становому хребту, могли бы быть по положенію своему причислены къ средней полосѣ, но, по неспособности къ хлѣбородію, принадлежатъ къ сѣверной.

2) Въ средней полосѣ: часть уѣзда Туринскаго и именно коммисарство Пелымское, часть уѣзда Тобольскаго и именно коммисарство Деньщиковское, часть уѣзда Енисейскаго, прилежащая къ Туруханскому, также и часть Киренскаго, прилежащая къ области Якутской, могли бы быть по положенію ихъ и по безплодію отнесены къ полосѣ сѣверной; но поставлены въ средней по маловажности ихъ населенія и во избѣжаніе раздробленій.

3) Въ южной полосѣ не всѣ уѣзды хлѣбородны по разнымъ положеніямъ, а именно: 1) по степному, сухому и солонцеватому болѣе половины уѣзда Бійскаго, 2) по гористому часть Кузнецкаго, 3) по гористому и степному часть Красноярского, 4) по гористому частымъ неурожаямъ подвергается весь почти уѣздъ Нерчинскій.

4) Въ табели о населеніи по полосамъ не заключаются войска.

IX.

21 апрѣля 1822 г.
№ 93.
С.-Петербургъ.

Иркутскому гражданскому губернатору.

Разсмотрѣвъ донесеніе вашего превосходительства, отъ 2 февраля, № 975, о предметахъ, найденныхъ вами при обозрѣніи Верхнеудинскаго уѣзда, я не могу не уважить представляемыхъ вами предположеній къ лучшему устройству онаго края, и вслѣдствіе того, я съ симъ же вмѣстѣ отнесся по принадлежности въ министерства, какъ объ учрежденіи въ Кяхтѣ больницы для бѣдныхъ, такъ и о крайней ветхости дома, Кяхтинскою таможнею занимаемаго.

Изъ прочихъ вопросовъ, въ представленіи вашемъ изъясненныхъ, нѣкоторые, и именно учрежденіе въ Иркутскѣ соляной стойки, необходимость построить въ Кяхтѣ казенныя зданія, облегченіе жителей Верхнеудинска въ постоѣ и тягостное для Селенгинска помѣщеніе военно-сиротскаго отдѣленія,—или уже разрѣшены, или вскорѣ имѣютъ быть разрѣшены вновь составленными по симъ предметамъ положеніями.

Затѣмъ по остальнымъ предметамъ, какъ-то: о не надобности при Чикойской пристани смотрителя, о необходимости имѣть при Туркинскихъ водахъ особаго медицинскаго чиновника, объ опредѣленіи въ Троицкосавскую крѣпость частнаго пристава вмѣсто городничаго въ помощь совѣтнику пограничной канцеляріи и о постройкѣ въ Кяхтѣ воинскихъ казармъ, предоставляю вашему превосходительству, по первому снестись съ начальникомъ округа путей сообщенія, а по прочимъ войти съ подробнымъ въ свое время представленіемъ по начальству.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЯТОЙ ГЛАВѢ.

1.

24 января 1821 г.
№ 25.

Г. Иркутскому гражданскому губернатору.

На представленіе вашего высокородія, отъ 22 минувшаго декабря, за № 3901, о возвращеніи изъ земскаго сбора Иркутской городской думѣ 25.000 р., употребленныхъ ею на поправку дома, купленнаго для воинскихъ помѣщеній, нужнымъ считаю отозваться, что градскою думою домъ, оставшійся послѣ должника Солдатова, купленъ для общества въ томъ предположеніи, дабы, отстроивъ оный хозяйственнымъ образомъ думы, помѣстить г. коменданта, ордонансъ-гаузъ и гауптвахту и симъ средствомъ облегчить гражданъ въ постоѣ. Такимъ образомъ домъ сей, сдѣлавшись собственностью градскаго общества, долженъ на счетъ его, а не изъ земскаго сбора, быть поправляемъ: ибо если Иркутское градское общество приняло на себя построить новыя казармы для помѣщенія воинскихъ чиновъ, на что исчислено до 28.000 р., то само собою разумѣется, что оно обязано и поправить старый, купленный для такого же предмета домъ.

PS. Не можетъ быть съ общими правилами сообразно, починивать и устраивать изъ общаго земскаго сбора такой домъ, который составляетъ собственность градскаго общества.

2.

31 декабря 1821 г.
№ 73.
С.-Петербургъ.

Господину управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1814 году Иркутское губернское начальство предположило построить въ Иркутскѣ воинскій лазаретъ на 150 человѣкъ. Составленные на этотъ предметъ планъ и смѣты были утверждены высшимъ начальствомъ и исчисленную по смѣтѣ сумму 171.883 р. позволено употребить изъ остатковъ отъ земскаго сбора, къ 1819 году отъ прежнихъ трехлѣтій накопившихся. Но предположеніе сіе осталось безъ выполненія по той причинѣ, что весь

остатокъ къ 1819 году, въ томъ счету и сумма, назначенная на постройку лазарета, обращенъ въ составъ сбора на земскія повинности, на 1819 годъ подлежавшія.

Между тѣмъ поступило къ Иркутскому гражданскому-губернатору отношеніе г. командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса о неудобствахъ и тѣснотѣ дома, лазаретомъ занимаемаго, и о необходимости или сдѣлать прочную поправку дому, или выстроить новый, какъ было предполагаемо, для воинскаго лазарета. Вслѣдствіе сего, по распоряженію гражданскому-губернатора, сдѣлана смѣта на поправку. По смѣтѣ исчислено до 5.160 руб. Какъ сумма сія довольно значительна, а зданіе, помѣщающее нынѣ лазаретъ, есть общественное, то и поправка дома должна бы пасть и на будущее время падать на счетъ общества, что составило бы для нихъ (sic) лишнія и тягостныя издержки, то гражданскій губернаторъ обратился къ изысканію мѣстныхъ способовъ устроить выгоднѣйшимъ и прочнѣйшимъ образомъ помѣщеніе лазарета. По соображенію обстоятельствъ представляются мнѣ слѣдующія предположенія:

Иркутскій купецъ Ефимъ Кузнецовъ имѣетъ каменный двухъ-этажный прочный домъ съ тремя флигелями, изъ коихъ одинъ двухъ-этажный каменный, другой 2-хъ-этажный же деревянный на каменномъ фундаментѣ и третій деревянный одно-этажный. Все сіе строеніе въ самомъ лучшемъ состояніи. За сіе строеніе и мѣсто, окружающее пространство въ длину до 48, въ ширину до 54 саженъ, Кузнецовъ проситъ послѣднюю цѣну 70.000 руб. Нѣкоторыя передѣлки и малыя перемѣны внутренняго расположенія будутъ стоить до 4.045 рублей.

Подробное описаніе дому значится въ прилагаемой при семъ выпискѣ изъ донесенія губернатора.

Въ означенномъ строеніи можетъ быть съ самыми лучшими удобностями помѣщенъ госпиталь (sic) на 180 человѣкъ, но на 150 человѣкъ можно будетъ его устроить совершенно.

Предположеніе купить у купца Кузнецова упомянутый домъ, по точной извѣстности онаго я нахожу совершенно основательнымъ, тѣмъ болѣе, что сумма, потребная на покупку онаго, менѣе противу исчисленной по прежней смѣтѣ на построеніе воинскаго лазарета, 100.000 р. Но поелику возведеніе воинскаго лазарета, по общему положенію, должно отнести на счетъ земскихъ повинностей по Иркутской губерніи, повинности же сіи, составляя въ настоящемъ году до 700.000 р., такъ что самый низкій классъ платитъ по 2 р. 27 коп. и при обыкновенныхъ предметахъ оныхъ, весьма тягостны для обывателей, а съ введеніемъ сей чрезвычайной издержки послужили бы еще къ большему разстройству жителей, то я считаю долгомъ испрашивать у вашего сіятельства ходатайства объ отпускѣ потребной, на покупку у купца Кузнецова дома, суммы изъ казны безъ возврата. Къ испрашиванію сего пособія я пріемлю въ руководство мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвержденное въ 24 день февраля 1819 года, коимъ предполагалось, для пользы Иркутской губерніи, нѣкоторыя повинности оной принять на счетъ казны.

Если же къ отпуску изъ казны суммы безъ возврата встрѣтится затрудненіе, то неугодно ли будетъ вашему сіятельству испросить оную нынѣ съ возвратомъ изъ суммъ земскихъ повинностей съ будущаго съ 1823 г. трехлѣтія, по равной части въ каждый годъ, такъ какъ смѣта повинностей на 1822 годъ уже опредѣлена и находится въ разсмотрѣніи высшаго правительства.

Присемъ имѣю честь представить планы дома купца Кузнецова какъ въ настоящемъ его расположеніи, такъ и въ предположенномъ, и смѣту суммъ, на исправленіе онаго потребныхъ.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

3.

20 іюля 1820 г.
№ 549.
Иркутскъ.

Г. начальнику Охотскаго порта.

Въ представленіи, отъ 4 января, № 40, ваше высокоблагородіе объяснять изволите, что по соображеніи плана и смѣты, составленныхъ на постройку въ Охотскомъ портѣ дома для почтовой экспедиціи съ мѣстными обстоятельствами, вы нашли, что ассигнованной по онымъ суммы 4.006 р. 50 к. на означенное зданіе нынѣ не можетъ быть достаточно, и что хотя поручали тамошнему экспедитору Уракову составить вновь смѣту, но онъ, не исполнивъ приказаніе ваше, безъ вѣдома своего начальства и независимо отъ васъ приторговалъ для помѣщенія экспедиціи продающійся съ аукціоннаго торга домъ шкиперскаго помощника Семчина за 2.200 р., который хотя и располагались вы обратить на какое нибудь присутственное мѣсто и за цѣну гораздо выгоднѣйшую (sic).

Прежде нежели могъ я сдѣлать по сему предмету зависящее отъ меня распоряженіе, Сибирскій почтамтъ, донесъ мнѣ, что по разсмотрѣніи дошедшихъ до него свѣдѣній о семъ обстоятельствѣ, онъ нашелъ экспедитора Уракова совершенно виновнымъ въ приторгованіи дома безъ вашего дозволенія и потому сдѣлано ему чрезъ Иркутскую губернскую почтовую контору строжайшее замѣчаніе и внушеніе, чтобъ онъ на будущее время непремѣнно слѣдовалъ руководству вашему. Но такъ какъ въ постройкѣ новаго дома почтовой экспедиціи встрѣтилось затрудненіе, то просить, чтобъ вы приняли на себя разсмотрѣть означенный домъ Семчина, продаваемый съ аукціоннаго торга, и буде онъ окажется: 1) довольно прочнымъ; 2) если можно будетъ, не повреждая капитальнаго его основанія, сдѣлать внутреннее расположеніе по прилагаемому при семъ плану. Само собою разумѣется, что планъ сей есть только примѣрный, и довольно будетъ, если можно въ нѣкоторой части къ нему приблизиться; 3) если стоитъ сей домъ цѣны, экспедиторомъ

Ураковымъ назначенной, и наконецъ 4) если постройка дома сего со внутренними подѣлками можетъ обойтись не болѣе той суммы, какая останется по заплатѣ за оный, то принять его въ вѣдѣніе почтовое. Съ симъ вмѣстѣ и г. главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, князь Голицынъ, соглашаясь съ предложеніемъ Сибирскаго почтамта и принявъ въ уваженіе, что старый Охотскій почтовый домъ крайне ветхъ, квартиры же нанять для экспедитора весьма затруднительно, проситъ разсмотрѣть ближе сіе дѣло и коль скоро приторгованный для Охотской почтовой экспедиціи домъ Семчина довольно проченъ и по цѣнѣ выгоденъ, то сдѣлать распоряженіе о покупкѣ онаго и о заплатѣ денегъ изъ ассигнованныхъ на постройку онаго 4.006 р. 50 к., которыя хранятся у вашего высокоблагородія; остальную же сумму употребить на отстройку дома сего и прочія надобности.

Посему поручаю вашему высокоблагородію войти въ подробное разсмотрѣніе сего дѣла и буде найдете, что означенный домъ Семчина возможно устроить для почтовой экспедиціи сообразно замѣчанію Сибирскаго почтамта, и суммы, на сей предметъ ассигнованной, 4.006 р. 50 к., будетъ достаточно, что не оставьте принять его и приступить къ распоряженіямъ о приведеніи въ надлежащее устройство и о послѣдующемъ мнѣ донести, доставивъ при томъ по прилагаемой при семъ запискѣ подробное объ немъ свѣдѣніе. Въ разсужденіи же экспедитора Уракова долгомъ поставляю вамъ отозваться, что хотя и сдѣлано со стороны Сибирскаго почтамта распоряженіе о приведеніи его въ повиновеніе, но какъ вы считаете чиновникомъ ненадежнымъ, то я отнесся къ Сибирскому почтдиректору о перемѣнѣ его, и буду настоять о немедленномъ по сему исполненіи.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

4.

9 марта 1822 г

№ 11.

С.-Петербургъ.

Господину начальнику Охотскаго порта.

Доставленныя ко мнѣ вашимъ высокоблагородіемъ при донесеніи, отъ 31 января 1821 года, № 120, планъ дому шкиперскаго помощника Семчина, приторгованному по недостатку суммы, назначенной по смѣтѣ на постройку новаго дома для Охотской почтовой экспедиціи и свѣдѣнія объ ономъ, я сообщалъ, на разсмотрѣніе г. главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ; съ тѣмъ вмѣстѣ предавалъ въ его благоусмотрѣніе и замѣчаніе вашего высокоблагородія, на счетъ невыгодности помянутаго дома.

Г. главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, видѣвъ изъ сихъ свѣдѣній и собранныхъ имъ особо по сему дѣлу, что для постройки въ Охотскѣ почтоваго дома, въ 1818 г., требовалось съ небольшимъ 4.000 р.,

но на постройку токмо приторгованнаго у шкиперскаго помощника Семчина дома, требуется болѣе 10.000 р. и что вы, считая сей домъ для помѣщенія экспедиціи невыгоднымъ, не беретесь привести его въ надлежащую исправность, съ умѣреннѣйшею отъ казны издержкою, хотя имѣли желаніе пріобрѣсти сей домъ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ, — мнѣ отозвался, что пріобрѣтеніе означеннаго дома Семчина отклонить должно; но такъ какъ Охотская почтовая экспедиція не имѣетъ пристойнаго пристанища, то и обратился ко мнѣ съ просьбою о устройствѣ дома сего, какъ по ближайшему усмотрѣнію признано будетъ за лучшее къ доставленію Охотской почтовой экспедиціи необходимаго помѣщенія, съ умѣренною отъ казны на сіе издержкою; а вслѣдъ затѣмъ сообщилъ мнѣ о полученномъ имъ вновь по сему дѣлу донесеніи Сибирскаго почтамта, изъ котораго видно, что помянутая экспедиція, находя совершенное неудобство къ жительству въ казенномъ почтовомъ домѣ, по чрезвычайной его ветхости, 28 сентября 1821 г. перемѣстилась уже съ дозволенія вашего въ сторгованный домъ шкиперскаго помощника Семчина, и что если бы дозволено было купить оный за назначенную при торгѣ цѣну 2.200 р., то на остающіяся затѣмъ изъ ассигнованныхъ на постройку дома денегъ 1.806 р. 50 к. почтовый экспедиторъ надѣется достроить его надлежащимъ порядкомъ, не встрѣчая недостатка въ суммѣ.

Сообразивъ все сіе съ предъидущею перепискою по дѣлу о построеніи въ Охотскѣ почтоваго дома, я нахожу:

1, При составленіи смѣтъ въ 1818 году на постройку почтоваго дома въ Охотскѣ, по коей исчислено 4.006 р. 50 к., было въ виду, что при хозяйственномъ распоряженіи почтоваго начальника и при употребленіи адмиралтейскихъ служителей, ассигнованная сумма значительно можетъ быть уменьшена и по крайней мѣрѣ не превзойдетъ оную; но вы поставляете главнѣйшими причинами невозможности произвести постройку означеннаго дома на ассигнованную сумму то, что не можете занять адмиралтейскихъ служителей при сей постройкѣ, тогда какъ всѣ строенія въ Охотскомъ портѣ производятся посредствомъ ихъ съ производствомъ плаката, да и едвали возможно производить иначе тамъ постройку, по недостатку людей свободнаго состоянія; слѣдовательно, если при возведеніи почтоваго дома, также казеннаго зданія, не будетъ сдѣлано сего исключенія, то вышеозначенной суммы, ассигнованной на постройку онаго, при заботливости вашей на пользу казны и хозяйственномъ распоряженіи, если не можетъ быть совершенно достаточно, то по крайней мѣрѣ не потребуетъ значительной добавки.

2) Домъ шкиперскаго помощника Семчина предполагая пріобрѣсти для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ, вы надѣялись купить его за выгоднѣйшую цѣну, но впослѣдствіи признавали неудобнымъ пріобрѣсти оный для помѣщенія почтовой экспедиціи въ особенности потому, во первыхъ, что безъ всякой нужды назначено за него при торгахъ 2.200 руб.— такая цѣна, которой въ настоящемъ положеніи онъ не стоитъ, и во вторыхъ, по большему количеству суммы, требующейся на отстройку онаго. Но такъ какъ домъ сей не купленъ, а токмо приторгованъ, то есть еще возможность, произведя вновь торги, ввести его въ настоящую цѣну; сверхъ сего выше-

означенное въ предъидущемъ пунктѣ средство, т. е. употребленіе адмиралтейскихъ служителей, конечно еще болѣе уменьшитъ сумму расходовъ и на отстройку означеннаго дома, слѣдовательно оный можетъ быть приведенъ въ устройство не превышая назначенной по смѣтѣ суммы, и почтовая экспедиція можетъ помѣститься въ немъ удобно, тѣмъ болѣе, что она находится въ оном и почтовое начальство удостовѣряетъ, что если бы дозволено было оной купить и за означенную по приторжкѣ цѣну 2.200 р., то на остающіеся затѣмъ отъ ассигнованой суммы 1.806 р. 50 к. почтовый экспедиторъ надѣется устроить его надлежащимъ образомъ, не встрѣчая недостатка въ суммѣ.

Все сіе поставляя на видъ вашего высокоблагородія, я поручаю вамъ войти вновь въ подробное разсмотрѣніе дѣла сего и употребить все возможныя средства къ доставленію Охотской почтовой экспедиціи помѣщенія, не выходя изъ смѣтнаго на сіе положенія; но буде, за всѣми стараніями вашими на пользу казны, вы не найдете возможности, ни произвести постройку новаго дома на ассигнованную сумму, ни произвести въ устройство приторгованнаго дома шкиперскаго помощника Семчина; то не оставьте составить смѣту о потребной суммѣ, въ добавкѣ къ ассигнованной для постройки новаго дома, и представить оную ко мнѣ немедленно.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

5.

(О обрубѣ).

30 Іюня 1820 г.
№ 189.

A monsieur le directeur général des voies de communication.

Je dois rendre compte à v. e. d'une suite d'affaires qui quoique confiées aux autorités locales de la Sibérie, tiennent cependant, en principe, à l'administration générale des voies de communication.

Dès l'année 1816, sur la demande de mon prédécesseur, un officier du corps des voies de communication avait été commandé pour diriger des constructions projettées dans le gouvernement d'Irkoutzk sous la conduite immédiate du gouverneur général de la Sibérie.

Ces constructions consistaient alors dans un rempart de terre projetté sur la frontière de Kiachta pour marquer le point de départ de la ligne de démarcation. Dans la suite on a reuni à ce projet celui d'un quai à construire sur la rivière d'Angara à l'effet d'en contenir le débordement éventuel et de prémunir une partie de la ville d'Irkoutzk d'une innondation qu'on avait lieu de présumer comme probable.

Ces ouvrages avaient été confiés en premier lieu à un officier du corps des voies de communication m-r Jampolsky, remplacé ensuite par m-r Batenkoff

capitain du génie attaché au même corps. Je n'ai pas tenu à m-r Batenkoff que ces ouvrages ne fussent commencés de suite; mais par des raisons qui ne dépendaient pas de lui, ils ont été différés jusqu'à la fin de 1819—époque de mon arrivée à Irkoutzk.

Sur le premier examen des localités j'ai cru devoir commencer par faire vérifier les plans des ouvrages antérieurement formés et d'en déterminer la nature d'une manière plus stricte, qu'il n'a été fait. Les recherches entreprises en conséquence par m-r de Batenkoff ont conduit à des resultats bien différents des ceux qu'on avait présumés auparavant.

Le rempart de terre projetté à Kiachta, outre qu'il ne présentait aucun but d'utilité réelle, s'est trouvé encore exposé à des difficultés considérables vu le terrain sablonneux et les ouragans qui y régnent et qui détruisaient en quelques jours toutes ces constructions, à moins de prétendre à les faire très fortes, par conséquent très dispendieuses et après tout très inutiles.

Le projet de quai sur la rivière d'Angara, est plus réel quant à son but, mais le plan de construction fait à Pétersbourg sur des données peu exactes et même à quelques égards fautives s'est trouvé, tout bien considéré, peu convenable à la nature de l'ouvrage. M-r Batenkoff en présente un autre base sur des recherches approfondies et sur des observations suivies avec assiduité dans le cours de plus de six mois.

D'autres vues d'utilité publique se sont présentées dans l'intervalle.

La route qui conduit d'Irkoutzk à Kiachta autour du lac Baïkal avait depuis longtemps fixé l'attention du gouvernement. Diverses tentatives ont été faites pour la conduire à travers de montagnes et de rochers escarpés; on a essayé plusieurs directions; mais tous les efforts n'ont abouti qu'à la rendre à peine praticable. Des traditions locales, quoique bien vagues, indiquaient d'autres directions moins inaccessibles. J'ai chargé M-r Batenkoff de les suivre afin de s'en assurer. Des recherches entreprises à deux différentes époques exécutées par lui avec beaucoup de peines et de persévérances l'ont enfin conduit à découvrir une voie de communication qui selon toutes les apparances présentera des facilités et des avantages bien supérieurs à la route actuelle. Je m'occupe maintenant à réunir et à combiner les données qu'il a puisées sur les lieux.

L'entretien et la réparation des chemins et des ponts dans la Sibérie est à la charge du pays, et cette charge a de tout temps été une des plus onéreuses. La grande étendue, le peu de population, le mode de construction aussi dispendieux que peu solide, enfin la répartition des travaux par corvées nécessairement inégale rendent ce fardeau presque insupportable. J'ai cru devoir charger m-r Batenkoff de faire un projet d'organisation qui rende cette partie moins oppressive en abolissant les corvées et en les convertissant en impot pécuniaire. Il vient de finir ce projet et je m'occupe à l'examiner.

Dans toutes ces occupations m-r Batenkoff a mis toute l'application qu'on doit attendre d'un fonctionnaire rempli de zèle et d'un homme qui est attaché à ses devoirs par intérêt de ses études et par l'habitude du travail.

Aussitôt que j'aurai fini la révision de ces projets, je m'empresserai avant de rien décider, à les soumettre au lumières de v. e. Le compte sommaire

que j'ai l'honneur de vous en rendre actuellement n'est que préalable et je le fait dans la double intention de vous informer de l'emploi que j'ai fait d'un fonctionnaire qui a l'honneur de servir sous vos ordres et de vous prier en même de la laisser suivre sous ma direction immédiate les projets des travaux qu'il a formés, des projets qu'il serait aussi difficile de faire continuer par un autre moins familiarisé avec les localités qu'il aurait été peu convenable de les abandonner au dégré de réalité où ils ont été conduits.

Gouverneur général de la Sibérie.

Copie exacte d'après l'originale.

Registrateur du collège G. Wildé.

6.

О Иркутской набережной.

Правый берегъ рѣки Ангары въ городѣ Иркутскѣ отъ подмыванія водою охраняется деревянною набережною на длину до 365 саженъ.

Зданіе сіе первоначально было построено между 1747 и 1749 годами; съ 1768 года считалось уже ветхимъ и въ 1792 и 1793 перестроено вновь. Нынѣ опять почти сгнило, хотя и поддерживается съ 1810 года починками на остаточную отъ послѣдней постройки сумму, которая въ числѣ 6.669 р. $19\frac{3}{4}$ к. по Высочайшему указу, данному въ 20 день генваря 1793 года, на сей предметъ въ вѣдѣніи казенной палаты оставлена и обращается въ процентахъ.

По распоряженію бывшаго Иркутскаго гражданскаго губернатора Трескина въ 1813 году составлены были на мѣстѣ смѣты на постройку вновь каменной и деревянной набережной, по коимъ исчислено на первую 1.204.375 р. $87\frac{1}{2}$ к., на послѣднюю 200.883 р. 55 к.

Проекты сіи по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи путей сообщенія найдены несообразными, а потому для постройки деревянной набережной, на основаніи доставленныхъ свѣдѣній, генералъ-маіоръ Леонтьевъ составилъ новый проектъ, по которому полагалось оставить въ основаніи старыя шпунтовыя сваи по всему протяженію. Комитетъ гг. министровъ въ засѣданіи 13 марта 1815 г. исчисленныя на сію постройку 200.000 рублей положилъ отпустить въ три срока, и вслѣдствіе того назначены сіи деньги изъ Иркутской казенной экспедиціи въ распоряженіе Сибирскаго генералъ-губернатора.

Между тѣмъ при ближайшемъ соображеніи на мѣстѣ открылось, что шпунтовыхъ свай подъ прежнимъ строеніемъ вовсе нѣтъ и что потребно сверхъ смѣты забить до 2500 свай по крѣпкому каменистому грунту съ желѣзными башмаками; самыя цѣны на матеріалы и работы возвысились, и на постройку набережной съ необходимымъ дополненіемъ къ проекту г. Леонть-

сва требовалось уже 267.785 р. $57^1/_2$ к., хотя впрочемъ не шпунтовыя сваи, но только круглыя сплошныя быть предположено.

Производство работы сей ввѣрено было корпуса инженеровъ путей сообщенія маіору Батенькову, который по прибытіи на мѣсто, усмотрѣвъ недостатокъ ассигнованной суммы, невѣрность предварительно доставленныхъ свѣдѣній и отъ того послѣдовавшія недоразумѣнія приступилъ, съ разрѣшенія нынѣшняго Сибирскаго генералъ-губернатора, къ соображенію сего дѣла вновь во всей подробности.

Въ двухъ отношеніяхъ произведены сіи соображенія: въ отношеніи хозяйственномъ и въ отношеніи искусственномъ. *Въ отношеніи хозяйственномъ* найдено: 1) что всѣ зданія, стоящія близъ берега, въ опасности коихъ можно имѣть сомнѣніе, дешевле стоятъ, нежели постройка набережной; 2) что въ числѣ сихъ зданій каменный домъ, занимаемый уѣзднымъ казначействомъ, построенный въ 1714 году, давно уже обветшалъ и требуетъ перестройки, по сломкѣ котораго можно уменьшить протяженіе набережной болѣе, нежели на цѣлую треть; 3) что одно мѣстное положеніе соборной церкви препятствуетъ вовсе отмѣнить сію постройку.

Таковое соображеніе заставило заключить, что постройка набережной нужна развѣ противъ собора и уже токмо для красоты выше онаго противъ квартала обывательскихъ домовъ; прочее же мѣсто выгоднѣе устроить простымъ береговымъ откосомъ.

На семъ основаніи передѣланный проектъ генерала Леонтьева со введеніемъ въ счетъ прочнѣйшаго устройства основанія посредствомъ новыхъ шпунтовыхъ свай, требуетъ суммы 165.566 р. $77^1/_2$ к. и сбережено было бы слишкомъ 100.000 рублей.

Въ отношеніи искусственномъ найдено: 1) что главная причина подмыванія берега состоитъ въ томъ, что рѣка Ангара по принятіи рѣки Иркута, стѣсняется берегами и потому течетъ быстрѣе; 2) крутизна праваго берега увеличиваетъ давленіе на основаніе онаго, и потому 3) самая набережная способствуетъ сему вреду, а не отвращаетъ оный; 4) берега рѣки Ангары довольно крѣпки; если бы не были круты, могли бы стоять противъ дѣйствія воды безъ важнаго поврежденія, наконецъ 5) что уменьшая деревянное строеніе, уменьшаются навсегда издержки на поправки и перестройки.

Сіи причины заставили инженера Батенькова заключить, что и въ искусственномъ отношеніи устройство вмѣсто набережной отлогаго береговаго откоса есть единственное приличное укрѣпленіе берега.

Оставалось изыскать средства, чтобъ таковому устройству не препятствовало положеніе соборной церкви. По внимательномъ соображеніи найдено, что приближеніе церковной ограды къ самой церкви для сего было бы достаточно; а если бы еще перенесенъ былъ одинъ церковный придѣлъ съ сѣверной стороны на южную, то главное строеніе церкви было бы совершенно охранено и сверхъ того оставалась бы довольно широкая набережная улица. Придѣлъ, о которомъ здѣсь говорится, находится въ самомъ непрочномъ состояніи, отсталъ отъ большой церкви и едва поддерживается безпрерывными почти починками; ограда же церковная была и прежде снесена

на другое мѣсто. Впрочемъ безъ перестройки придѣла обойтись можно; одно перенесеніе ограды необходимо.

Предположивъ сіе перенесеніе и сломку занимаемаго казначействомъ дома, маіоръ Батеньковъ нашелся въ возможности составить новый проектъ укрѣпленія, по которому, основываясь на довольно высокихъ справочныхъ цѣнахъ, требуется только 86.675 р. 70 к.

Съ симъ вмѣстѣ маіоръ Батеньковъ обозрѣлъ положеніе всего берега въ городѣ и нашелъ, что высокій мысъ, на которомъ построенъ женскій монастырь, требуетъ укрѣпленія. По настоянію преосвященнаго Епископа Иркутскаго составленъ проектъ и сему укрѣпленію, которое найдено удобнымъ сдѣлать изъ фашинной кладки и исчислено на то 5.050 р. 80 к.

Предположенія сіи разсмотрѣны въ главномъ управленіи путей сообщенія и утверждены г. главнымъ директоромъ съ тѣмъ, что устройство откоса найдено лучшею и приличнѣйшею мѣрою.

По соображеніи сихъ обстоятельствъ генералъ-губернаторъ полагаетъ:

1) Послѣдній утвержденный главнымъ директоромъ проектъ маіора Батенькова привести въ дѣйствіе, включая и укрѣпленіе берега при женскомъ монастырѣ.

2) Разрѣшить нынѣ же сломку стараго каменнаго дома, занимаемаго уѣзднымъ казначействомъ, матеріалы принять въ казенное храненіе, казначейство, впредь до общаго соображенія о присутственныхъ мѣстахъ въ Иркутскѣ, помѣстить по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, такъ какъ и по ветхости означеннаго зданія перемѣстить оное признано необходимымъ.

3) Ограду соборной церкви перестроить согласно съ предположеніемъ, поручивъ сіе тому же офицеру, который для постройки набережной командированъ, съ тѣмъ, чтобъ, составивъ предварительно чертежъ и смѣту, внесъ куда слѣдуетъ на утвержденіе; потребныя же на то издержки принять на счетъ ассигнованной для набережной суммы.

4) Для устроенія откоса требуется еще отнять небольшую часть сада при старомъ генералъ-губернаторскомъ домѣ; почему разрѣшить и сію работу съ тѣмъ, чтобы вмѣсто развалившейся нынѣшней деревянной рѣшетки, построена была новая деревянная же, сообразно съ общими нормальными планами и также изъ суммы, на набережную отпущенной.

5) Предоставить соображенію епархіальнаго архіерея, не признаетъ ли онъ возможнымъ для лучшаго удобства въ то время, когда церковный придѣлъ необходимо уже будетъ перестроить, перенести оный съ сѣверной стороны на южную и о томъ войти въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ.

6) Ежели при производствѣ работъ противъ соборной церкви старыя сплошныя сваи окажутся вовсе ненадежными, то по надлежащемъ о томъ удостовѣреніи для лучшаго укрѣпленія сей части берега забить стѣну новыхъ шпунтовыхъ свай.,

7) Остальную за всѣми вышеозначенными работами сумму, которой должно быть около 100.000 р., не обращая въ государственное казначейство,

оставить въ вѣдѣніи Иркутской казенной экспедиціи до окончательнаго соображенія о всѣхъ прочихъ по губерніи казенныхъ постройкахъ и для замѣна въ число тѣхъ денегъ, какія на оныя исчислены будутъ.

8) По настоятельной нуждѣ въ укрѣпленіи берега поручить мѣстному начальству нынѣ же на законномъ основаніи распорядиться заготовленіемъ потребныхъ матеріаловъ, такъ чтобъ по веснѣ будущаго года робота могла быть начата.

9) Командированному отъ главнаго директора путей сообщенія для сей постройки офицеру, во уваженіе дальняго разстоянія и дороговизны, предоставить ту выгоду, которою по Высочайшей волѣ пользовались предмѣстники его, то есть двойное по чину жалованье на счетъ экстраординарныхъ суммъ путей сообщенія.

7.

Господину Сибирскому генералъ-губернатору.

Разсмотрѣвъ представленное намъ отъ Сибирскаго комитета мнѣніе объ укрѣпленіи берега р. Ангары въ Иркутскѣ, по послѣднему предположенію въ совѣтѣ путей сообщенія подробно разсмотрѣнному и главнымъ директоромъ сего управленія одобренному, поручаю вамъ всѣ распоряженія комитета, въ журналѣ его 8 декабря 1821 года, по предмету сему означенныя, привесть въ надлежащее исполненіе.

На подлинномъ Собственною Е. И. В. рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ.
20 февраля 1822 г.

8.

Начертаніе правилъ командированному въ Иркутскъ для укрѣпленія р. Ангары инженерному офицеру.

§ . Офицеръ, командированный для укрѣпленія въ Иркутскѣ берега рѣки Ангары, имѣетъ обязанностью одну искусственную часть, то есть употребленіе доставленныхъ ему матеріаловъ и способовъ сообразно съ утвержденнымъ проектомъ работъ.

§ . Хозяйственная часть зависитъ отъ распоряженій мѣстнаго гражданскаго начальства.

§ . Инженерный офицеръ не участвуетъ въ способахъ заготовленія и доставки матеріаловъ и въ назначеніи работниковъ.

§ . Матеріалы, будучи заготовлены и доставлены на мѣсто работъ, принимаются инженеромъ и хранятся на его отвѣтственности.

§ . Потребныхъ, для присмотра за матеріалами, служителей, офицеръ истребуетъ отъ гражданскаго губернатора.

§ . Наятые или назначенные по распоряженію губернатора работники втеченіи условленнаго или опредѣленнаго времени, со всѣми людьми, къ присмотру за ними опредѣленными, состоятъ въ точномъ вѣдѣніи и въ распоряженіяхъ инженера.

§ . Инженеръ подчиняется гражданскому губернатору: 1) въ надзорѣ, по которому имѣетъ губернаторъ право, когда пожелаетъ, обозрѣвать работы, дѣлать свидѣтельство матеріаловъ и въ случаѣ бездѣйствія или замѣченныхъ отступленій отъ порядка и обязанностей, постановить мѣры побужденія и исправленія; въ важныхъ же случаяхъ представлять начальству. 2) Въ разрѣшеніи всѣхъ встрѣчающихся затрудненій и споровъ о качествѣ матеріаловъ, о способности работниковъ и о всѣхъ встрѣтившихся по производству работъ мѣстныхъ препятствіяхъ. Таковыя разрѣшенія производятся по письменнымъ представленіямъ офицера письменными предписаніями губернатора.

§ . Губернаторъ не имѣетъ права ни измѣнить, ни ограничить никакихъ работъ, утвержденнымъ проектомъ назначенныхъ, на которыя дано ему особенно отъ высшаго начальства разрѣшеніе. Въ случаѣ важныхъ затрудненій онъ можетъ токмо остановить исполненіе и представить по порядку.

§ . По встрѣчающимся затрудненіямъ въ искусственномъ отношеніи можетъ губернаторъ предварительно истребовать мнѣніе окружнаго начальника путей сообщенія, коего предписанія въ сихъ предметахъ исполняетъ командированный офицеръ безпрекословно.

§ . Окружный начальникъ разрѣшаетъ токмо тѣ предметы, кои отъ губернатора ему сообщены будутъ и кои вообще не выходятъ изъ предѣловъ власти, учрежденіемъ ему предписанныхъ. Онъ не вмѣшивается ни въ какія другія распоряженія по производству работы, ни лично, ни письменно.

§ . Инженерный офицеръ отъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ не зависитъ.

§ . Ежели губернаторъ признаетъ нужнымъ въ помощь офицеру опредѣлить другихъ какихъ либо чиновниковъ, то всѣ они состоятъ въ полномъ вѣдѣніи сего офицера.

§ . Офицеръ ведетъ рабочіе журналы и подвергается въ искусственномъ отношеніи всей отчетности, по вѣдомству путей сообщенія постановленной.

§ . Донесенія его въ главное управленіе путей сообщенія входятъ чрезъ окружнаго начальника.

§ . Донесенія сіи ограничиваются однимъ срочнымъ доставленіемъ свѣдѣній и отчетовъ. Всякіе предметы, требующіе разрѣшенія, вносятся предварительно къ гражданскому губернатору.

§ . Офицеръ подвергается отвѣтственности: 1) за произвольное отступленіе отъ утвержденнаго проекта; 2) за упущеніе удобнаго къ производству работы времени и вообще за медленность и бездѣйствіе, отъ него происходящія и ясно доказанныя; 3) за растрату и небрежное храненіе матеріаловъ.

§ . Предписаніе гражданскаго губернатора во всѣхъ случаяхъ изъемлетъ офицера отъ отвѣтственности за исполненіе онаго.

28 февраля 1822 г.
№ 118.
С.-Петербургъ.

9.

Иркутскому гражданскому губернатору.

Постройка набережной на рѣкѣ Ангарѣ въ городѣ Иркутскѣ остановлена была по недостатку ассигнованной суммы и по замѣченнымъ въ составѣ самаго проекта сей работы недостаткамъ.

Вновь сдѣланное по сему предмету инженеромъ Батеньковымъ предположеніе разсмотрѣно было въ главномъ управленіи путей сообщенія, одобрено главнымъ директоромъ сего управленія и наконецъ удостоено Высочайшаго утвержденія совокупно съ тѣми мѣрами, какія въ хозяйственномъ отношеніи предварительно Сибирскимъ комитетомъ были постановлены.

Препровождая при семъ къ вашему превосходительству списокъ съ Именнаго Высочайшаго указа, въ 20 день февраля сего года на имя мое даннаго, выписку изъ журнала Сибирскаго комитета, въ засѣданіе 8 декабря 1821 г. постановленнаго, и самое дѣло о устроеніи берега рѣки Ангары съ принадлежащими къ оному чертежами, для надлежащаго со стороны вашей исполненія, считаю нужнымъ объяснить слѣдующее:

Всѣ распоряженія по сему предмету дѣлятся на три рода: одни относятся къ предварительному пріуготовленію и опредѣлены подробно во 2 и 4 статьяхъ положенія Сибирскаго комитета; другія къ самому производству работы. Наконецъ третьи относительно тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, кои впослѣдствіе сихъ работъ представляются и кои также означены подробно въ 3, 5 и 7 статьяхъ вышеозначеннаго положенія.

По производству работъ возлагается на ваше превосходительство главный надзоръ и хозяйственное распоряженіе. Предметы надзора въ *искусственномъ отношеніи* и образъ вашихъ по сему предмету дѣйствій опредѣленъ будетъ особеннымъ распоряженіемъ главнаго директора путей сообщенія.

Хозяйственное распоряженіе относится или къ заготовленію матеріаловъ и инструментовъ, или къ отысканію работниковъ. Въ семъ отношеніи нелишнимъ считаю замѣтить:

1) Заготовленіе матеріаловъ можетъ быть производимо двоякимъ образомъ: а) подрядомъ оптовымъ и частнымъ; б) посредствомъ довѣренныхъ порученій (коммисій). Ваше превосходительство по мѣстному усмотрѣнію изволите опредѣлить, которое изъ сихъ средствъ удобнѣе, и представивъ казенной экспедиціи дальнѣйшее распоряженіе, утверждать будете окончательное ея заключеніе.

2) Дѣйствительная выдача суммъ по контрактамъ и коммисіямъ должна происходить по вашимъ предложеніямъ.

3) Въ статьѣ матеріаловъ и инструментовъ значительный предметъ составляютъ желѣзныя вещи, заготовленіе коихъ подрядомъ можетъ представить нѣкоторыя неудобства. Посему надлежитъ сообразиться, не удобнѣе ли будетъ въ семъ случаѣ обратиться къ горному начальству и получить вещи сіи готовыми съ Петровскаго казеннаго завода или изъ Томской губерніи, часть же инструментовъ можетъ поступить изъ заготовленныхъ въ Кяхтѣ для построекъ, кои тамъ предполагались.

4) Къ заготовленію матеріаловъ относится и доставка оныхъ на мѣсто работы. Сіе зависитъ также отъ распоряженія казенной экспедиціи съ утвержденія вашего превосходительства.

5) Объявленія о подрядахъ достаточно дѣлать въ однѣхъ Сибирскихъ губерніяхъ.

6) Наемъ рабочихъ также можетъ быть произведенъ подрядомъ на томъ же порядкѣ, какъ выше сказано о матеріалахъ. Средство сіе, ежели представитъ значительное пониженіе противъ исчисленныхъ цѣнъ, имѣетъ многія существенныя выгоды. Впрочемъ оно не исключаетъ употребленія въ сію работу ссыльныхъ, ежели ваше превосходительство изволите признать сіе выгоднымъ и удобнымъ. Въ семъ случаѣ должна быть опредѣлена заработная плата и сдѣлано распоряженіе о присмотрѣ за сими людьми посредствомъ внутренней стражи или городовыхъ казаковъ.

7) Уроки работъ для ссыльныхъ должны быть уменьшены противъ исчисленія, въ уваженіе малой опытности сихъ людей въ таковыхъ занятіяхъ. Въ случаѣ же подрядовъ опредѣленіе сихъ уроковъ составляетъ одну изъ существенныхъ статей заключенныхъ условій.

8) Наконецъ, смотря по обстоятельствамъ, можно прибѣгнуть къ найму поденщиковъ. Въ семъ случаѣ должно избрать чиновника, который бы занимался наймомъ и разсчетами съ работниками.

Учинивъ съ своей стороны надлежащее сношеніе съ гг.: управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, министромъ финансовъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и главнымъ директоромъ путей сообщенія, я предваряю ваше превосходительство, что для руководства сихъ работъ въ искуственномъ отношеніи командированъ отъ корпуса инженеровъ путей сообщенія капитанъ Медвѣдевъ, объ обязанностяхъ коего вы получите въ свое время подробное увѣдомленіе.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СЕДЬМОЙ ГЛАВѢ.

1.

№ 145.
3 декабря 1819 года.
Иркутскъ.
Отвѣтъ на № 1745.
О податяхъ и льготахъ поселенцевъ.

Г-ну министру финансовъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года я имѣлъ честь получить предписаніе вашего высокопревосходительства о податяхъ и льготахъ Иркутскихъ поселенцевъ.

Многосложность и запутанность сего дѣла не позволила мнѣ доселѣ окончить его во всѣхъ отношеніяхъ; но, отдѣляя существенныя его обстоятельства отъ постороннихъ, я счелъ нужнымъ прежде всего привести въ извѣстность, какое число поселенцевъ, и въ какихъ именно селеніяхъ, по составившимся въ государственномъ совѣтѣ правиламъ, подлежатъ окладу.

По самымъ подробнымъ изысканіямъ найдено, что число сіе въ уѣздахъ Нерчинскомъ, Верхеудинскомъ и Нижнеудинскомъ составляетъ всего 7509 муж. пола душъ. Нѣкоторые изъ нихъ по положенію государственнаго совѣта должны были подлежать податямъ съ 1813, другіе съ 1817 г.; но ни тѣ, ни другіе по сіе время оными не были еще обложены, и если съ того времени подати сіи считать на нихъ недоимкою, то по 1820 годъ состоять будетъ на нихъ сей недоимки до 512.000 р., такъ что на каждую взрослую душу причлось бы, по разному времени ихъ водворенія, на однихъ по 98 р., на другихъ по 54 р. съ копѣйками единовременно. Къ сему должно еще присоединить долги, лежащіе на нихъ по ссудѣ на ихъ водвореніе, составляющіе на однихъ наличныхъ до 335.000 р. и долги по хлѣбнымъ займамъ до 83.000 р., что все вмѣстѣ, недоимки и долговъ, составитъ до 930.000 р.

Вмѣстѣ съ подробными о семъ разсчетами я буду имѣть честь представить: 1) положительныя свѣдѣнія о настоящемъ состояніи поселенцевъ; 2) причины, по коимъ здѣшнее начальство доселѣ отлагало причисленіе ихъ въ окладъ, и 3) средства, коими взысканія, на нихъ лежащія, могутъ быть разсрочены на будущее время. Но какъ сіи предметы потребуютъ новаго соображенія и разрѣшенія: то дабы за сими разсчетами, перепискою и разрѣшеніями не отлагать существеннаго предмета, т. е. обложенія поселенцевъ податьми, и не увеличивать еще цѣлымъ годомъ тяжести ихъ недоимокъ, я рѣшился раздѣлить дѣло сіе надвое:

Во первыхъ, нынѣ же предложилъ к. экспедиціи всѣхъ поселенцевъ, коимъ льготные годы миновали и коихъ по 7 ревизіи, за изъятіемъ 332 человѣкъ, по дряхлости и негодности указомъ 23 декабря 1817 года изъ ревизіи исключенныхъ, по вѣрному счету съ дѣтьми вновь прижитыми найдено мною 7509 человѣкъ, съ 1 половины 1820 года положить въ окладъ и взимать съ нихъ всѣ установленныя подати.

Во вторыхъ, взысканіе долговъ по той мѣрѣ, какая, по разсмотрѣніи подробныхъ разсчетовъ и дѣйствительнаго состоянія сихъ поселенцевъ, будетъ опредѣлена высшимъ правительствомъ, начать съ 1821 года.

Такимъ образомъ какое бы ни состоялось окончательное положеніе о взысканіи долговъ съ поселенцевъ, по крайней мѣрѣ казна съ предбудущаго года будетъ уже удостовѣрена въ полученіи съ нихъ ежегоднаго дохода до 80.000 р.

Впрочемъ раздѣленіе обыкновенныхъ податей отъ чрезвычайныхъ взысканій, сверхъ необходимости его, представитъ еще и ту выгоду, что поселенцы не вдругъ, а постепенно войдутъ во всѣ обязанности новаго ихъ состоянія. Постепенность сія необходима особливо для поселенцевъ, въ Нерчинскомъ уѣздѣ и кругомъ Байкала водворенныхъ. Изъ подробнаго описанія вашему высокопревосходительству въ свое время, изволите усмотрѣть, что они еще весьма скудны; къ чему должно присоединить еще и то, что значительная часть сихъ поселенцевъ не суть преступники, но люди помѣщичьи, отправленные на поселеніе по указу 1799 года въ зачетъ рекрутъ безъ вины и наказанія.

Вмѣстѣ съ симъ, дабы отвратить на будущее время запутанности и отлагательства, я подтвердилъ губернскому правительству, чтобъ о всѣхъ поселенцахъ, какъ скоро они будутъ водворены или причислены къ прежнимъ водвореніямъ, въ то же время отправлять списки въ к. экспедицію; а чтобъ порядокъ сей вѣрнѣе сохранялся, то предписалъ земскимъ исправникамъ о каждомъ поселенцѣ, на водвореніе поступившемъ, прямо отъ себя доносить к. экспедиціи, которая, имѣя такимъ образомъ средство повѣрять одни свѣдѣнія другими и содержа поселенцевъ всегда въ извѣстности, сама уже собою, независимо отъ губернскаго правительства, въ состояніи будетъ разсчитывать льготные ихъ годы по общимъ правиламъ, и по истеченіи ихъ причислять въ окладъ безъ всякихъ другихъ сношеній.

2.

25 мая 1820 года.
№ 363.
Иркутскъ.

Г-ну исправляющему должность

Иркутскаго гражданскаго губернатора.

Изъ прежнихъ предписаній моихъ извѣстно вашему высокородію, въ какомъ положеніи должны оставаться поселенцы, въ Нерчинскомъ уѣздѣ водворенные. Послѣ сего я считаю, что имѣть особаго смотрителя надъ означенными поселенцами уже не нужно, тѣмъ болѣе, что по уваженію недостатка членовъ въ Нерчинскомъ земскомъ судѣ опредѣленъ мною для исправленія должности засѣдателя особый чиновникъ. Посему производство жалованья бывшему смотрителю Забайкальскихъ поселеній Андріянову прекратить съ того времени, какъ поступили всѣ поселенцы въ управленіе земскаго суда, отправивъ его на мѣсто поселеній съ тѣмъ, чтобъ онъ все имущество, бывшее въ вѣдомствѣ его, какъ-то: казенный хлѣбъ, рогатый скотъ, разную упряжь, домостроительные и земледѣльческіе инструменты, сдалъ Нерчинскому земскому исправнику надлежащимъ порядкомъ; для чего не оставьте приказать составить о всѣхъ вышеупомянутыхъ вещахъ изъ имѣющихся у васъ свѣдѣній подробныя выписки, которыя препроводить къ Нерчинскому земскому исправнику. По окончаніи же сдачи предоставить Андріянову явиться сюда для опредѣленія его къ другой должности.

Находящихся въ селеніяхъ приставниковъ хотя надлежало бы устранить уже отъ всякаго вліянія по управленію поселеніемъ; но по уваженію того, чтобы волостное и земское начальство болѣе имѣли средства сохранить порядокъ въ селеніяхъ; то предоставить Нерчинскому земскому исправнику оставить на нѣкоторое время приставниковъ, по прежнему, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ признаетъ онъ нужнымъ, производя имъ жалованье изъ суммъ поселенческихъ.

Сибирскій г.-г. *М. Сперанскій.*

3.

О долгахъ Иркутскихъ поселенцевъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПРОИЗВОДСТВО ПОСЕЛЕНІЙ И СУЩЕСТВО ПРЕДПИСАНІЙ.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 17 октября 1799 года, повелѣно поселить между Байкаломъ и рѣкою верхнею Ангарою и Кяхтою на первый разъ до 2000, а всего до 10000 душъ.

Мѣра сія предпринята на тотъ конецъ, чтобъ поселеніемъ сей части Сибири не только распространить земледѣліе, но, по удобности края сего къ скотоводству, современемъ завести суконныя и юфтевыя фабрики къ расширенію китайской торговли.

Для сего поселенія положено употребить: 1) отставныхъ солдатъ; 2) преступниковъ, неподлежащихъ отсылкѣ въ каторжную работу, и 3) людей, отдаваемыхъ въ зачетъ рекрутъ, коихъ позволено было принимать отъ помѣщиковъ съ тѣмъ, чтобъ снабжали они на годъ жалованьемъ, провіантомъ и платьемъ, какъ обыкновенно дѣлается сіе при рекрутскомъ наборѣ.

Симъ же указомъ велѣно для 2000 душъ, первоначально водворяемыхъ за Байкаломъ, построить изъ казны домы, запасти хлѣбъ на полтора года, приготовить земледѣльческія и прочія орудія; наконецъ снабдить сихъ поселенцевъ потребнымъ скотомъ для обзаведенія и сѣменами для посѣва, и освободить ихъ отъ податей на 10 лѣтъ.

Вслѣдствіе сего, назначенные за Байкаломъ поселенцы начали отправляться изъ всѣхъ губерній и въ 1801 году прибыло ихъ въ Иркутскъ до 1454 душъ. Нѣкоторая часть отправлена тогда же на мѣсто поселенія.

Между тѣмъ цѣны на хлѣбъ въ Иркутской губерніи возвысились и продовольствіе сихъ неводворенныхъ людей дѣлалось затруднительнымъ; почему, согласно съ представленіемъ военнаго губернатора Леццано, указомъ правительствующаго сената 1800 года октября 3 дня, всѣ слѣдовавшіе за Байкалъ люди пріостановлены были въ Тобольской губерніи.

Но какъ и въ сей губерніи стеченіе великаго числа сихъ людей безъ пристанища и въ нищетѣ имѣло важныя неудобства и водвореніе ихъ становилось настоятельнымъ, то, по представленію обозрѣвавшаго тогда Сибирскія губерніи сенатора Селифонтова, докладомъ правительствующаго сената, Высочайше утвержденнымъ 8 февраля 1802 года, повелѣно, остановленныхъ въ Тобольской губерніи людей селить по тракту Иркутскому и вблизи онаго, а изъ пришедшихъ въ число 10000, за Байкалъ слѣдовавшихъ, водворить 485 душъ въ Нижнеудинской округѣ, съ тѣмъ, чтобы въ образѣ ихъ водворенія слѣдовать правиламъ, кои наблюдались прежде при заселеніи Тобольской губерніи, и чтобъ сообразно съ оными составлено было положеніе.

Вслѣдствіе чего, мѣстное начальство въ томъ же году представило въ правительствующій сенатъ, дабы и на сихъ поселенцевъ распространить силу указа 1799 года, т. е. водворить ихъ на счетъ казны.

Правительствующій сенатъ, указомъ 30 марта 1803 года на сіе предписалъ, что поелику въ доставленномъ отъ губернскаго начальства исчисленіи назначены Нижнеудинскимъ поселенцамъ не всѣ вещи, какими снабжены отправленные за Байкалъ, то, по ближайшемъ разсмотрѣніи состоянія ихъ, выдать имъ все для водворенія нужное.

Въ сіе же время, по распоряженію военнаго губернатора Леццано, устраивалась новая кругобайкальская дорога между Иркутскомъ и Кяхтою, и для населенія учрежденныхъ по оной почтовыхъ станцій нужны были люди. По сему докладомъ правительствующаго сената, Высочайше утвержденнымъ 14 января 1801 года, повелѣно отправить туда 120 поселенцевъ, и предоставить имъ въ общемъ заведеніи тѣ выгоды, кои по указу 1799 года опредѣлены поселенцамъ Забайкальскимъ.

Такимъ образомъ, при самомъ началѣ Забайкальское поселеніе раздѣлилось на три особенныя, и полагалось поселить за Байкаломъ 2000, кругомъ онаго 120 и въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ 485, всего 2605 человѣкъ. Всѣ казенныя издержки по водворенію ихъ, согласно указу 1799 года и послѣдующимъ узаконеніямъ, неподлежали возврату.

Вскорѣ дошло до свѣдѣнія высшаго правительства, что предположеніе о населеніи Сибири отъ небрежнаго исполненія предписанныхъ мѣръ, вмѣсто ожидаемой пользы, обратилось на пагубу посылаемыхъ туда людей; что нѣкоторые изъ нихъ отправлены отъ помѣщиковъ въ рубищахъ, кормовыя же деньги большею частію въ вѣдѣніе правительства для отсылки чрезъ почту въ Тобольское или Иркутское губернское правленіе; что между тѣмъ поселенцы бродили съ женами и дѣтьми толпами по Сибирской дорогѣ, питаясь подаяніемъ обывателей; что даже и тѣ, кои достигли мѣста назначенія, находя земли неудобныя и безплодныя, и не получая ни малѣйшаго призрѣнія со стороны мѣстнаго начальства, погибали.

Къ отвращенію сего, докладами правительствующаго сената, Высочайше конфирмованными 8 и 15 генваря 1802 года, повелѣно между прочимъ: 1) принятіе на поселеніе дворовыхъ людей и крестьянъ отъ помѣщиковъ въ зачетъ рекрутъ остановить впредь до указа, а продолжать только отправленіе туда преступниковъ, и 2) для приведенія вообще дѣла по поселенію въ ясность и порядокъ, послать на мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабу.

Изъ первыхъ донесеній г. Лабы видно, что поселенцы, стекаясь изъ разныхъ мѣстъ на Сибирскую дорогу большимъ числомъ, перемѣшались между собою такъ, что нерѣдко, особливо съ потерею документовъ, терялась и извѣстность о происхожденіи или званіи ихъ; а пересылка оныхъ во многихъ мѣстахъ производима была съ такимъ безпорядкомъ, что наконецъ утраченъ счетъ людямъ и деньгамъ, выданнымъ или отправленнымъ на ихъ продовольствіе. Запутанность въ дѣлахъ была причиною, что дѣйствительный

статскій совѣтникъ Лаба едва могъ въ исходѣ 1805 года кончить данное ему порученіе.

Изъ донесеній его 15 октября и 14 ноября 1805 года видно, осмотрѣно имъ поселенцевъ Иркутской, Томской и Тобольской губерній 10430 душъ, кромѣ 1315, кои по болѣзнямъ и другимъ случаямъ небыли ему представлены, и что изъ всѣхъ вышеозначенныхъ людей дѣйствительно водворено только 610 за Байкаломъ.

На основаніи свѣдѣній, отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабы доставленныхъ, составлено, и въ 29 день іюня 1806 года утверждено, новое положеніе для поселеній въ Сибири, въ коемъ между прочимъ значится:

(§ 17) «Поселенцамъ, на Забайкальское поселеніе доселѣ назначеннымъ, и тѣмъ, кои имѣютъ поступить въ число 2000, по Высочайше утвержденному на сіе положенію, равно какъ и тѣмъ изъ числа оныхъ, кои въ Нижнеудинскомъ округѣ оставляются, предоставить ту ссуду, льготу и выгоду, кои указомъ 1799 года октября 17 пожалованы».

(§ 18) «Преступники или иные къ поселенію назначенные, и въ число опредѣленныхъ донынѣ для Забайкальскаго поселенія невходящіе, должны воспользоваться при поселеніи ихъ въ Иркутской, Томской и Тобольской губерніяхъ, слѣдующими выгодами: а) они получаютъ отъ казны хлѣбъ или кормовыя деньги до первой по поселенію ихъ жатвы, или до того времени, пока ремесломъ или работою на мѣстѣ поселенія ихъ могутъ имѣть способы пропитанія; b) по достиженіи до мѣстъ назначенія своего, всѣ деньги, кои употреблены будутъ на прокормленіе или обзаведеніе поселенцевъ, обратиться должны на ихъ счетъ и почитаемы *казеннымъ долгомъ*, который въ свое время имѣетъ быть ими выплаченъ; с) *переселенцы* должны получать льготы отъ платежа податей и другихъ повинностей, исключая рекрутской, на три года. По прошествіи срока сего, они обязаны всѣ казенныя подати и повинности отправлять наравнѣ съ старожилами; долги же, въ ссуду имъ выданные, съ того же времени, т. е. по истеченіи трехъ лѣтъ, должны впродолженіи пятнадцати лѣтъ по частямъ ими быть выплачены.

Всѣ распоряженія по сему предмету возложены непосредственно на гражданскихъ губернаторовъ, подъ главнымъ наблюденіемъ Сибирскаго генералъ-губернатора».

Положеніе сіе измѣнило смыслъ прежнихъ до 1806 года состоявшихся узаконеній; здѣсь въ первый разъ названы *ссудою*, слѣдовательно долгомъ, возврату подлежащимъ, издержки по поселенію.

Число поселенцевъ въ Иркутской губерніи между тѣмъ непрестанно возрастало; съ 1800 по 1810 годъ считалось уже водворенными болѣе 6000 душъ, и казалось тогда вѣроятнымъ, что, не смотря на безпорядки, какими сопровождалось первоначальное водвореніе, оставшіеся люди укоренятся и постепенно приходить будутъ въ лучшее положеніе, но начавшійся съ 1809 года и продолжавшійся по 1817 неурожай въ Забайкальскомъ краѣ воспрепятствовалъ успѣхамъ поселенія. Мѣстное начальство принуждено было, прекративъ отправленіе людей за Байкалъ, распустить многихъ поселенцевъ для работы къ старожиламъ и сверхъ того многимъ изъ нихъ выдать въ

ссуду во второй разъ нѣкоторое количество хлѣба, сверхъ назначеннаго по смѣтѣ, при водвореніи ихъ составленной.

Обстоятельство сіе, повергнувъ поселенцевъ, едва водворившихся, въ прежнюю бѣдность, лишило ихъ всякой возможности начать взносъ податей и уплату казенныхъ издержекъ. Бывшій Сибирскій генералъ-губернаторъ, отъ 21 декабря 1810 и 1 сентября 1811 годовъ, входилъ о семъ въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдствіе чего состоявшимся мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 1817 года сентября 3, всѣ казенныя издержки на поселенцевъ признаны рѣшительно долгомъ; велѣно производить взысканіе втеченіи 12 лѣтъ, съ тою токмо разностію, что съ водворенныхъ до 1810 года начать оное съ 1810, а съ водворенныхъ съ 1810 по 1812 начать съ 1820 года.

Тѣмъ же мнѣніемъ сложены всѣ недоимки на выбылыхъ до ревизіи 1816 года.

Относительно взиманія податей постановлены въ семъ мнѣніи слѣдующія правила:

1) Поселенцевъ, водворенныхъ до 1810 года, обложить податями съ 1813.

2) Водворенныхъ съ 1810 по 1812, обложить податями съ 1817.

3) Поселенцамъ, кои за Байкаломъ съ 1812 года водворяться начали, предоставить сверхъ снабженія на обзаведеніе, вмѣсто 3-хъ-лѣтней, 5-ти-лѣтнюю льготу.

4) Для избѣжанія раздробительнаго счета сроковъ, всѣмъ ссыльнымъ, втеченіи одного лѣта на мѣсто поселенія приходящимъ, считать льготу съ 1-го января слѣдующаго года. Если же они селиться станутъ вмѣстѣ съ прежними, то прибывшимъ послѣ полагать ту же льготу въ продолженіи 10 лѣтъ, по истеченіи коихъ прекратить льготу всѣмъ безъ изъятія.

5) Генералъ-губернатору предоставлено опредѣлить сроки льготы поименно каждому селенію.

Сверхъ сего Высочайшимъ указомъ 24 декабря 1817 предписано исключить изъ ревизіи со всѣми недоимками неспособныхъ поселенцевъ 322 человѣка.

Здѣсь должно замѣтить, что мѣстное начальство, кромѣ разсрочки льготныхъ лѣтъ въ разсужденіи уплаты долга по ссудѣ и податей, ходатайствовало также въ 1810 году, дабы 20-ти-лѣтній срокъ льготы отъ рекрутской повинности, предоставленный поселенцамъ указомъ 1770 года іюня 16, считать съ 1814. По сему предмету въ помянутомъ мнѣніи государственнаго совѣта ничего не сказано. Между тѣмъ затрудненія, съ коими сопряжена женитьба поселенцевъ, по малому числу ссыльныхъ женщинъ и особенно то обстоятельство, что прежніе поселенцы, состоящіе въ большемъ числѣ уже въ старыхъ лѣтахъ, а вновь водворенные вообще изъ преступниковъ, каковыхъ въ военную службу принимать воспрещено, требуютъ дабы поселенцы и въ семъ отношеніи получили облегченіе.

Всѣхъ поселеній въ Иркутской губерніи считается нынѣ 62. Они располо-

ложены въ 4-хъ уѣздахъ: Нерчинскомъ, Верхнеудинскомъ, Иркутскомъ и Нижнеудинскомъ.

Въ нихъ считается, какъ видно изъ прилагаемой при семъ вѣдомости подъ буквою А, наличныхъ съ дѣтьми 7572 души.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РАЗСЧЕТЫ.

По смыслу положеній, состоявшихся о водвореніи Иркутскихъ поселенцевъ, можно раздѣлить ихъ на два рода.

Къ первому принадлежатъ тѣ, кои вошли въ число назначенныхъ правительствомъ для первоначальнаго поселенія, какъ-то: за Байкаломъ 2000, кругомъ онаго 120 и въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ 485, всего 2605 душъ. Водвореніе ихъ казна приняла на свой счетъ, слѣдовательно на нихъ считается два токмо рода взысканій: 1) долгъ по хлѣбнымъ займамъ и 2) недоимки податей.

Ко второму роду принадлежатъ тѣ поселенцы, кои, бывъ назначены для Забайкальскаго и Нижнеудинскаго края, водворены уже послѣ первоначальнаго поселенія. На сихъ считается три рода взысканія: 1) долгъ по хлѣбнымъ займамъ, 2) недоимка податей, и, сверхъ того, по мнѣнію государственнаго совѣта 1817 года 3) долгъ по ссудѣ на водвореніе.

1. Долгъ по ссудѣ.

Къ исполненію мнѣнія государственнаго совѣта 1817 года относительно взысканія съ Иркутскихъ поселенцевъ долговъ по ссудѣ, надлежало сдѣлать два исчисленія:

1) Сколько дѣйствительно употреблено было денегъ на снабженіе поселенцевъ.

2) Съ какого именно числа людей и по чему на каждаго положить въ годъ, чтобъ въ 12 лѣтъ все сіе взысканіе было окончено.

Предварительно же симъ исчисленіямъ надлежитъ разрѣшить слѣдующее обстоятельство:

Выше замѣчено, что въ то время, когда для населеній въ Сибири принимались люди въ зачетъ рекрутъ, вносимыя помѣщиками на продовольствіе ихъ деньги поступали въ вѣдомство правительства для отсылки впередъ по почтѣ. Значительное количество оныхъ поступало въ Тобольское губернское правленіе; деньги отсылаемы были въ казначейство, но дѣла оставались въ правленіи.

Въ 1806 году всѣ почти дѣла Тобольскаго губернскаго правленія истреблены пожаромъ, и такимъ образомъ осталось въ неизвѣстности, какимъ именно поселенцамъ и въ какомъ количествѣ причитаются внесенныя помѣщикомъ деньги. Изъ нихъ остались гласными токмо до 94.000 р., изъ коихъ

62.670 руб. 69¾ коп., состоявшіе по Иркутской губерніи, употреблены въ 1808 году на предметы Забайкальскаго поселенія, а около 31.000 руб. по сіе время находится въ казенномъ храненіи въ Тобольской и Томской губерніяхъ.

Отсюда вопросы: 1) Слѣдуетъ ли почитать сіи деньги принадлежащими казнѣ? 2) Не смѣшалась ли часть сихъ денегъ съ казенными послѣ истребленія дѣлъ въ Тобольскѣ пожаромъ, или не оставались ли таковыя же деньги въ казенномъ вѣдомствѣ и въ другихъ мѣстахъ?

Первый вопросъ рѣшается Высочайшимъ повелѣніемъ, даннымъ по докладу министра внутреннихъ дѣлъ въ 1812 году на счетъ суммы, хранящейся въ Томской губерніи, а именно деньги сіи, яко совершенно казнѣ непринадлежащія, велѣно непремѣнно раздать поселенцамъ или обратить на очистку недоимки, какая на нихъ быть можетъ.

Второй вопросъ безъ продолжительныхъ и трудныхъ изслѣдованій рѣшенъ быть не можетъ. Изъ дѣлъ виденъ только одинъ примѣръ присылки сихъ денегъ до 924 руб. въ 1817 году изъ Курской губерніи; слѣдовательно и въ другихъ мѣстахъ еще могутъ оныя находиться, и сіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что состоящія нынѣ въ виду 94.000 руб. вовсе несоразмѣрны съ тѣмъ числомъ, какое должно было поступить на снабженіе поселенцевъ, коихъ по свидѣтельству г-на Лабы оказалось болѣе 11000 человѣкъ и кои не могли быть приняты въ зачетъ рекрутъ безъ положеннаго денежнаго взноса.

При составленіи исчисленія, съ какого именно числа людей и по чему съ каждаго положить въ годъ взысканія, оказываются, кромѣ многихъ другихъ, слѣдующія затрудненія:

1) Безпрерывная убыль людей побѣгами, ссылкою въ работы за новыя преступленія и прочее, заставила замѣщать убылыхъ другими, и все стараніе употреблено было къ тому только, чтобъ удержать счетъ людей и число поселеній въ прежнемъ видѣ. Слѣдовательно о томъ, кто воспользовался казеннымъ пособіемъ и кто не воспользовался онымъ, вовсе теперь неизвѣстно.

2) Поселенцы, первоначально вступившіе, совершенно смѣшались впослѣдствіи съ приходящими вновь и нынѣ никакимъ образомъ не могутъ быть отысканы.

3) Выдача казенныхъ пособій была каждому разнообразная.

Обращаясь къ количеству сдѣланныхъ на поселеніе издержекъ, открывается, что хотя всей казенной суммы отпущено было въ разныя времена, какъ въ прилагаемой при семъ подъ буквою В вѣдомости значится, 595.499 руб. 60 коп., но изъ сихъ денегъ:

1) Употреблено 136.011 руб. 43½ коп. на первоначальное водвореніе 2605 душъ, которое, по смыслу узаконеній, пріемлется на счетъ казны.

2) Израсходовано на поселенцевъ прежде ихъ водворенія 8.117 руб. 98 коп.

3) Принято на счетъ казны за падшій скотъ до раздачи онаго поселен-

цамъ, и за убыль хлѣба по магазинамъ на раструсь и мышеядъ 946 руб. 57¼ коп.

4) Употреблено въ 1818 году, съ будущимъ возвратомъ, на новыхъ поселенцевъ 5.312 руб. 63 коп.

5) Почитается въ остаткѣ наличными деньгами въ скотѣ, инструментахъ и хлѣбномъ долгѣ 215.755 руб. 1 коп. и, сверхъ того,

6) На основанiи Высочайшаго повелѣнiя 1812 года надлежитъ возвратить поселенцамъ, или обратить на очистку недоимокъ, принадлежащiя имъ деньги 62.670 руб. 69¾ коп., употребленныя, кромѣ вышеозначенныхъ 136.011 руб. 43½ коп., также на первоначальныхъ посселенцевъ, и

7) Слѣдуетъ вычесть подлежащее число на выбылыхъ до 7 ревизiи и на исключенныхъ по указу 24 декабря 1817 года, всего 41.394 руб. 59 коп.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ долгъ по ссудѣ ограничивается, какъ видно изъ разсчета № 1-й, 125.290 руб. 68½ коп.

Располагая взысканiе сiе на наличныхъ 7572 человѣка, доводится втеченiи 12 лѣтъ ежегодно съ души 1 руб. 38 коп., а со всѣхъ ежегодно причитается взысканiя 10.440 руб. 89 коп. (разсчетъ № 2).

II. Долгъ по хлѣбнымъ займамъ.

Неурожай хлѣба, восемь лѣтъ продолжавшiйся, заставилъ мѣстное начальство, какъ сказано выше, употребить особенныя мѣры къ пропитанiю поселенцевъ. Имъ выдавался въ ссуду хлѣбъ до 1816 года. На сiе употреблено всего 121.466 пуд. 13¼ фун.

Относительно долга сего надлежитъ замѣтить:

1) Когда въ 1811 году генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ, дабы пособiе поселенцамъ простить, и въ уваженiе крайне бѣднаго ихъ состоянiя, денегъ не взыскивать, то министръ внутреннихъ дѣлъ, 29 октября того же года, объявилъ, что доставленiе пособiя поселенцамъ Государь Императоръ повелѣлъ возложить непосредственно на попеченiе гражданскаго губернатора и обязать подробнымъ отчетомъ, на что и кому именно оказано будетъ пособiе, прощать же таковыхъ издержекъ не изволилъ признать нужнымъ, полагая, что хотя бы поселенцы были или не были когда либо въ состоянiи возвратить оныхъ, однако, ведя счетъ въ избѣжанiе злоупотребленiй, должно для пользы казны и самихъ поселенцевъ, таковые долги имѣть въ виду и на отвѣтственности мѣстнаго начальства.

2) Мнѣнiемъ государственнаго совѣта 8 декабря 1815 года постановлено, взысканiе долговъ съ поселенцевъ по хлѣбному займу вышеозначенному отложить до времени, пока состоянiе сихъ людей придетъ въ лучшее положенiе.

3) Неурожай продолжался и въ 1816 году, но мѣстное начальство, видя чрезвычайную дороговизну на хлѣбъ и избѣгая обремененiя поселенцевъ новыми долгами, прекратило выдачу вспоможенiй и довольствовалось только отпускомъ ихъ по паспортамъ въ другiя мѣста для сысканiя пропитанiя.

4) Хлѣбный долгъ не оставался однакоже совершенно безъ возврата;

онъ былъ взыскиваемъ и хлѣбомъ и деньгами, такъ что нынѣ считается онаго въ недоимкѣ, какъ видно изъ вѣдомости подъ буквою С прилагаемой, 83.089 руб. 86 коп.

Наконецъ 5) По мнѣнію государственнаго совѣта 1817 года сентября 3 надлежитъ исключить всѣ недоимки на людяхъ, выбывшихъ по послѣднимъ двумъ ревизіямъ; такимъ образомъ и хлѣбнаго долга, какъ изъ той же вѣдомости С видно, надлежитъ исключить 62.064 руб. 60 коп., а за тѣмъ взыскать остается 20.975 руб. 26 коп.

Поелику взысканіе сіе предоставлено сдѣлать тогда, какъ поселенцы придутъ въ лучшее состояніе, то съ надлежащею отсрочкою и можно будетъ произвесть оное безъ значительнаго отягощенія.

III. О недоимкѣ податей.

Дабы въ точности исполнить правила, мнѣніемъ государственнаго совѣта 1817 года сентября 3 дня постановленныя, относительно взысканія съ переселенцевъ податей, составляющихъ 512.934 руб. 15 коп., надлежало бы:

1) Съ водворенныхъ 1810 года, коихъ, за исключеніемъ выбылыхъ, считается съ малолѣтними дѣтьми 6429 душъ, недоимокъ съ 1813 по 1820 г. взыскать вдругъ съ каждаго поселенца, какъ изъ разсчета подъ № 3 видно по 74 руб.

2) Съ поступившихъ послѣ 1810 года, коихъ, за исключеніемъ выбылыхъ, считается съ малолѣтними дѣтьми 1080 душъ, недоимокъ съ 1817 по 1820 годъ надлежало бы взыскать съ каждаго поселенца, какъ въ томъ же разсчетѣ подъ № 3 значится, по 23 руб. 35 коп.

Произвести столь обременительный сборъ сверхъ платежа податей и исправленія повинностей настоящаго времени, значило бы привести въ упадокъ и разореніе самыхъ зажиточныхъ старожиловъ, не только переселенцевъ, едва водворившихся, которые 8 лѣтъ сряду терпѣли отъ неурожая, а въ нѣкоторые годы теряли множество скота отъ повальныхъ болѣзней.

Доколѣ не состоялось мнѣніе государственнаго совѣта 1817 года, не было и вопроса о недоимкѣ податей, а напротивъ продолжалось одно ходатайство о прощеніи имъ ссуды и такимъ образомъ недоимка сія возрасла до 350.000 р. прежде нежели поступила въ счетъ и сдѣлалась гласною.

При томъ надлежитъ замѣтить слѣдующія обстоятельства:

1) Время постройки каждаго новаго селенія извѣстно, но свѣдѣній о времени водворенія каждаго поселянина никакъ отыскать невозможно, тѣмъ болѣе, что, какъ выше замѣчено, поселенцы многократно перемѣнялись, на мѣсто убылыхъ поступали другіе, такъ что одинъ и тотъ же поселенческій дворъ много разъ перемѣнялъ своихъ обывателей.

2) Самое начало поселеній не можно отнести далѣе 1805 года, ибо, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лаба, посланный для обозрѣнія оныхъ, нашелъ тогда не болѣе 610 человѣкъ за Байкаломъ, неуспѣвшихъ еще въ домозаведеніи, въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ въ состояніи еще худшемъ, а на

кругобайкальское поселеніе, какъ явствуетъ изъ дѣлъ, пришли люди не прежде 1804 года.

3) До 1807 года водворено было 1312 человѣкъ, въ 1807 — 1267, въ 1808—2375, въ 1809—2000, слѣдовательно, если бы и всѣ люди, первоначально поступившіе въ селенія, оставались въ оныхъ, то и тогда, вводя ихъ въ обязанность платежа податей съ 1813 г., десятилѣтняя льгота была бы распространена весьма не на многихъ и водворенные съ 1808 по 1810 годъ не воспользовались бы 5-ти-лѣтнею льготою.

4) Каждое почти селеніе числомъ душъ, нынѣ состоящимъ, наполняемо было не вдругъ, но большею частію втеченіи семи лѣтъ и немногіе только въ три года. Посему, не говоря о перемѣнахъ частныхъ, сроки льготы въ одномъ и томъ же селеніи должны быть разнообразны, и точное розысканіе о нихъ совершенно невозможно.

Такимъ образомъ тяжесть долговъ по ссудѣ и тяжесть взысканія недоимокъ податямъ пала бы теперь значительною частію на такихъ людей, кои не пользовались ссудою и поступили въ селенія уже въ то время, когда кончились льготные годы; словомъ настоящій разсчетъ взысканія и льготы привелось бы распространить на дворы поселенческіе, не обращая вниманія, кому они принадлежали, или какъ давно принадлежатъ послѣднимъ хозяевамъ. Дабы открыть съ точностію самыя лица, подлежащія взысканію, для сего надлежало бы войти въ подробнѣйшія изслѣдованія о каждомъ поселянинѣ порознь, но тогда дѣло продлилось бы на время неопредѣленное, потребовались бы новыя издержки и можетъ быть весьма значительныя, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ тѣмъ числомъ податей, которое поступало бы въ казну ежегодно, при необходимой разсрочкѣ взысканія.

По симъ обстоятельствамъ справедливо ходатайствовало мѣстное начальство, чтобъ первымъ поселенцамъ считать начало совершеннаго водворенія съ 1810 года и съ того же времени положить десятилѣтнюю льготу.

Наконецъ должно принять въ соображеніе:

1) Что Всемилостивѣйшій манифестъ 30 августа 1814 года, по которому сложены долги и недоимки со всѣхъ сословій, къ облегченію Сибирскихъ поселенцевъ приложенъ не былъ.

2) За посланныхъ на поселеніе людей, помѣщики или общества, коимъ они прежде принадлежали, до ревизіи платили подати, въ томъ числѣ за нѣкоторыхъ до 7-й ревизіи, слѣдовательно казенный доходъ ссылкою сихъ людей не терялся.

3) Вслѣдствіе распоряженія Сибирскаго генералъ-губернатора, поселенцы несутъ уже съ 1820 года всѣ повинности наравнѣ съ старожилами, что составляетъ слишкомъ 80.000 р. ежегоднаго дохода.

4) Самое предположеніе о взысканіи съ поселенцевъ долговъ и недоимокъ было уже поводомъ къ важнымъ злоупотребленіямъ земской полиціи. Слѣдствіями обнаружено, что послѣ умершихъ и выбылыхъ поселенцевъ отбираемо было все ихъ имѣніе и обращаемо въ продажу, не смотря на совершенную нищету, которой подверглись оставшіяся послѣ ихъ семейства. Такимъ образомъ цѣль поселеній, по достиженіи уже оной прочнымъ водвореніемъ

людей, терялась изъ вида и плоды многолѣтнихъ трудовъ истреблялись. Изъ сего составилась гласная, такъ называемая экономическая сумма, какъ явствуетъ изъ отчетовъ Иркутской слѣдственной коммисіи, до 98.000 руб. простиравшаяся. Деньги сіи состоятъ въ виду Иркутской казенной экспедиціи, онѣ должны бы быть возвращены наслѣдникамъ умершихъ; но какъ изысканіе сихъ наслѣдниковъ было бы весьма затруднительно, а можетъ быть и невозможно: то и предположено обратить оныя въ общій ссудный капиталъ для пособія посредствомъ займовъ всѣмъ вообще поселенцамъ въ неурожайные годы. О чемъ Иркутскій генералъ-губернаторъ, по соображеніи всѣхъ мѣстныхъ подробностей, не оставитъ войти съ особеннымъ министерству представленіемъ.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ явствуетъ:

1) Что при первоначальномъ водвореніи Иркутскихъ поселенцевъ, правительство имѣло въ виду населеніе Забайкальскаго края, распространеніе тамъ хлѣбопашества и скотоводства, и устроеніе дорогъ яко необходимые способы къ усиленію торговли, производимой съ Китаемъ, и облегченію сообщеній съ отдаленнѣйшими странами Сибири.

2) Для достиженія цѣли прочнаго и успѣшнаго водворенія съ одной стороны, а съ другой въ вознагражденіе людей, на поселеніе назначенныхъ, за лишеніе собственности и хозяйства ихъ въ прежнихъ жительствахъ, отнесены были на счетъ казны всѣ востребовавшіяся по водворенію ихъ въ Сибири издержки.

3) На семъ основаніи, и по точному смыслу состоявшихся узаконеній надлежитъ почитать изъятыми отъ всякаго возврата издержекъ, употребленныхъ на обзаведеніе 2605 душъ, начально водворенныхъ.

4) Хотя жъ изданными впослѣдствіи правилами, какъ-то: положеніемъ 28 іюня 1806 года и наконецъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 3 сентября 1817 учиненные на предметъ поселеній расходы признаны ссудою и казеннымъ долгомъ, опредѣлены сроки возврата оныхъ и введенія поселенцевъ въ государственные оклады, но въ приложеніи сихъ распоряженій къ лицамъ встрѣчаются неудобства, совершенно непреодолимыя.

5) Неудобства заключаются: а) въ утратѣ дѣлъ и вѣрныхъ свѣдѣній по части поселеній; б) въ безпорядкѣ производства оныхъ; в) въ потерѣ счета людямъ; г) въ перемѣнѣ оныхъ и непрерывной убыли побѣгами и ссылкою за новыя преступленія; д) въ невозможности опредѣлить точнаго времени поступленія новыхъ поселенцевъ на мѣста убылыхъ, и слѣдовательно е) въ невозможности расчислить съ надлежащею подробностію сдѣланныя имъ отъ казны пособія и сроки льготы, въ одномъ и томъ же селеніи разнообразныя, и наконецъ ж) несправедливо было бы взысканіе издержекъ, на поселеніе употребленныхъ, и недоимокъ податей обратить на тѣхъ людей, кои поступили въ селенія по окончаніи льготныхъ лѣтъ.

6) Съ 1809 по 1817 годъ продолжавшійся неурожай хлѣба въ Иркутской губерніи и гибель скота отъ повальныхъ болѣзней привели поселенцевъ въ изнуреніе, изъ коего не могутъ выйти, еже ли сверхъ податей, ежегодно нынѣ ими платимыхъ, отягощены они будутъ взысканіями.

7) Вышеизъясненныя затрудненія, съ коими сопряжена женитьба поселянъ, и въ особенности, что прежніе поселенцы уже въ старыхъ лѣтахъ, а вновь водворенные вообще изъ преступниковъ, публично наказанныхъ, каковые въ военную службу не принимаются, суть причины, по коимъ срокъ льготы отъ рекрутской повинности долженъ быть также къ положенію ихъ приспособленъ: ибо безъ того обратится сія мѣра въ тягость старожиловъ, вмѣсто ихъ облегченія.

8) Наконецъ, принявъ въ совокупное соображеніе всѣ казенные выгоды, отъ сихъ поселеній произшедшія, открывается: *вопервыхъ*, что чрезъ устройство оныхъ заселены пустыя мѣста, облегчены внутреннія сообщенія и обезпечены нѣкоторыя казенныя потребности, равно какъ и продовольствіе многихъ отдаленныхъ жителей; *вовторыхъ*, что они съ 1820 года приносятъ уже ежегоднаго дохода до 80.000 руб., *втретьихъ*, что въ мѣстахъ прежняго жительства поселенцевъ взносимы были за нихъ всѣ подати до новой ревизіи, и *вчетвертыхъ*, что хотя изъ дѣлъ Сибирскаго начальства не можно нынѣ извлечь положительныхъ свѣдѣній, въ какія казначейства поступили деньги, взысканныя съ помѣщиковъ за принятыхъ отъ нихъ на поселеніе людей; но поступить они долженствовали непремѣнно; ибо безъ того не могли получить помѣщики зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій. При всей разнообразности таковаго взысканія по разнымъ губерніямъ, не могло оно быть менѣе 40 руб. на каждаго поселенца, потому что должно было назначить достаточное количество на продовольствіе втеченіи цѣлаго года, на одежду и жалованье. Посему умѣренному разсчету, и ограничивая число поступившихъ людей тѣмъ показаніемъ, какое сдѣлано дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Лабою по личному свидѣтельству, т. е. 11000 душъ, должно было поступить и, по всей вѣроятности, дѣйствительно поступило въ казну принадлежащихъ имъ денегъ до 440.000 руб. А какъ всѣ издержки, на содержаніе ихъ употребленныя, составляютъ, какъ изъ разсчета подъ № 1 видно, до 229.000 р.; то и очевидно, что казна не только вполнѣ удовлетворена за сіи издержки, но и получила еще прибыли около 210.000 рублей.

По всѣмъ симъ уваженіямъ, и дабы соблюсти надлежащую постепенность при введеніи означенныхъ поселенцевъ въ общія обязанности и повинности, необходимо учинить по сему предмету слѣдующія положенія:

I. Долгъ по ссудѣ, котораго почитается нынѣ на Иркутскихъ поселенцахъ, какъ означено выше, всего 125.290 руб. 68 коп., а съ каждой души по 16 руб. 54½ коп., по манифесту 1814 года, сложить.

II. Долгъ по хлѣбному займу, за исключеніемъ съ убылыхъ, составляющій всего 20.975 руб. 26 коп., взыскать деньгами съ наличныхъ Нерчинскихъ поселенцевъ, положенныхъ въ ревизію, расчисливъ взысканіе на 6-ть лѣтъ, и начавъ съ 1823 года.

III. Всѣхъ Иркутскихъ поселенцевъ считать обложенными податьми съ 1820 года и прежде сего времени не считать на нихъ недоимокъ.

IV. Двадцатилѣтній срокъ отправленія рекрутской повинности назна-

чить, поступившимъ до 1810 года,—съ 1813, поступившимъ же послѣ 1810 до 1818—съ 1818 года.

V. Въ замѣнъ доставленнаго симъ положеніемъ облегченія, почитать принадлежащими казнѣ всѣ деньги, на водвореніе Забайкальскихъ поселенцевъ отъ помѣщиковъ поступившія, какъ нынѣ въ виду состоящія (а именно: хранящіяся въ Тобольской и Томской казенныхъ палатахъ до 31.000 руб.), такъ и впредь открыться могущія.

Подлинную подписалъ: *М. Сперанскій.*

4.

20 апрѣля 1820 г.
№ 276.
Иркутскъ.

Г-ну начальнику Охотскаго порта.

На представленіе вашего высокородія, отъ 15 Февраля, № 207, долгомъ поставляю вамъ отозваться, что я и съ своей стороны считаю справедливымъ, что за отпускаемый съ устроеннаго въ Охотскомъ портѣ экономическимъ образомъ завода кирпичъ въ строенія вѣдомства адмиралтействъ-коллегіи и казенной экспедиціи должны быть взыскиваемы деньги, тѣмъ болѣе, что сумма сія обращается на устройство полезныхъ заведеній, кои въ Охотскомъ портѣ необходимо нужны. Посему, утверждая вышеозначенное представленіе ваше, предлагаю поступить по изъясненному въономъ предположенію.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

---

8 января 1820 г.
№ 39.
Иркутскъ.

Исправляющему должность Иркутскаго гражданскаго губернатора.

Вслѣдствіе представленія вашего высокородія, отъ 30 минувшаго декабря, № 512, о пособіи Кукинскимъ поселенцамъ, потерпѣвшимъ разстройство отъ бывшаго у нихъ пожара, я разрѣшаю: 1) исключить изъ счета казеннаго сгорѣвшіе во время пожара какъ инструменты и конскую упряжь, выданные отъ казны поселенцамъ при ихъ водвореніи, и стоющіе оной 346 р. $73^1/_2$ к., такъ и хранившійся въ магазейнѣ сѣмянной хлѣбъ 646 п. 28 ф., на счетъ казны заготовленный и стоющій ей 1.311 р. $27^3/_4$ к., всего 1.658 р. $1^1/_4$ к., и 2) принять на счетъ казны отпущенное поселенцамъ послѣ постигшаго ихъ несчастія на посѣвъ и пропитаніе количество казеннаго хлѣ-

ба—2.010 п. на 3.654 р. $42^3/_4$ к., также и выданныя имъ разныя домостроительныя и земледѣльческія орудія на 387 р. $61^3/_4$ к., а всего на 4.042 р. $4^1/_2$ к.

При таковомъ пособіи со стороны казны означенные поселенцы, бывъ подкрѣпляемы добровольными пожертвованіями (коихъ одними Иркутскими гражданами до сего времени внесено 1.215 р., кои при семъ для отсылки къ нимъ препровождаю), постепенно могутъ, поправляя свое состояніе, наконецъ придти въ прежнее.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

23 апрѣля 1820 г.
№ 515.
Иркутскъ.

Ему же.

Нерчинскаго уѣзда Кукинскаго селенія поселенцы въ поданномъ мнѣ прошеніи, изъясняя претерпѣнныя ими отъ случившагося въ прошломъ году пожара разореніе, просятъ: 1) взысканіе съ нихъ государственныхъ податей или вовсе сложить, или отсрочить до будущаго 1821 года, и 2) позволить отлучаться имъ изъ селеній для отысканія частныхъ работъ въ другія мѣста.

Поселенцы сіи, какъ извѣстно вашему высокородію изъ предписанія моего, отъ 8 января с. г., № 39, для возстановленія прежняго состоянія, подкрѣплены весьма значительными пособіями со стороны казны и частными пожертвованіями, коихъ одними Иркутскими гражданами внесено 1.215 р. Все, что можно по нихъ теперешней просьбѣ сдѣлать, есть то, чтобы пожертвованныя деньги, если только они къ нимъ еще не отосланы, обратить въ уѣздное казначейство взамѣнъ слѣдующихъ съ нихъ на 1820 годъ податей, коихъ по числу 112 ревизскихъ душъ выходитъ подушныхъ по 10 р. 50 коп. съ души—1.176 р., на содержаніе государственныхъ дорогъ по 25 коп. съ души—28 р. и на составленіе по водяной части капитала 5 р. 60 к., всего 1.209 р. 60 к. За уплатою изъ упомянутыхъ 1.215 р. сихъ 1.209 р. 60 к., остальные 5 р. 40 к. присоединить къ прочимъ пожертвованіямъ въ казну сихъ поселенцевъ и все отослать къ нимъ. Согласно съ симъ прошу ваше высокородіе учинить должное распоряженіе, равно какъ и предписать кому слѣдуетъ позволить имъ для частныхъ заработокъ отлучаться въ другія мѣста.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВОСЬМОЙ ГЛАВѢ.

1.

23 августа 1821 г.
С.-Петербургъ.

Милостивый государь
князь Александръ Николаевичъ!

Между бумагами по дѣлу тайши Галцанова, отъ вашего сіятельства мнѣ сообщенными, находится письмо учителя Ганцова съ приложеніями.— Вамъ угодно было узнать мнѣніе мое о семъ учителѣ и о содержаніи бумагъ его.

Въ бытность мою въ Иркутскѣ Ганцовъ неоднократно писалъ и ко мнѣ. По свѣдѣніямъ о немъ собраннымъ оказалось, что поведеніемъ своимъ не заслуживаетъ онъ никакого довѣрія. Онъ представляется человѣкомъ сварливымъ, склоннымъ къ ябедѣ и къ пустымъ проектамъ. Графъ Головкинъ въ бытность его въ сихъ краяхъ занимаясь имъ лично, наконецъ принужденъ былъ отлучить его. Настоящія бумаги Ганцова доказываютъ: *во первыхъ*, сплетни и желаніе вмѣшаться въ дѣла Хоринскія, чтобъ питая вражду между родоначальниками извлекать изъ нее собственныя выгоды; *во вторыхъ*, подлогъ: ибо проектъ Ганцова объ образованіи Хоринцевъ составленъ такъ, какъ будто бы тайша Галцановъ самъ придумалъ и искалъ всѣхъ сихъ уновленій; по намѣренію сочинителя проектъ сей долженъ былъ представленъ быть правительству отъ имени тайши.

Возвращая при семъ бумаги Ганцова, я считалъ бы не излишнимъ по содержанію ихъ отнестись къ г. министру финансовъ: не угодно ли ему будетъ подтвердить кому слѣдуетъ, дабы чиновники Петровскаго завода перестали вмѣшиваться въ дѣла Хоринскихъ бурятъ, подстрекая вражду ихъ разными внушеніями и составленіемъ бумагъ ябедою возбуждаемыхъ.

Съ совершеннымъ и пр.

2.

17 марта 1820 г.
Иркутскъ.

Г. Правящему должность Верхнеудинскаго земскаго исправника.

Изъ записки при семъ прилагаемой усмотрите вы обиды, нанесенныя поселившимся на противолежащей сторонѣ Селенгинска английскимъ миссіонерамъ.

Селенгинская ратуша, коей они приносили жалобу, ограничилась малозначущимъ слѣдствіемъ и оставила ихъ безъ всякаго удовлетворенія.

По важности дѣла сего поручаю вамъ:

1) По полученіи сего немедленно самимъ отправиться на мѣсто и вручивъ Англичанамъ письмо при семъ прилагаемое произвести по содержанію записки, по жалобѣ ими въ Ратушу принесенной и по словесному ихъ показанію, строгое всѣхъ обстоятельствъ изслѣдованіе.

2) При изслѣдованіи семъ не отвергать взаимнаго ихъ свидѣтельства, ибо по существу происшествія невозможно требовать тутъ посторонниxъ свидѣтелей.

3) О поведеніи сосѣдей ихъ Голубиныхъ произвести въ городѣ повальный обыскъ.

4) Разсмотрѣть, какого точно сіи Голубины состоянія, по какому праву поселились они на семъ мѣстѣ.

5) Если земля, на коей они поселились, занята ими самовольно, и если они не имѣютъ на нее права собственности, то обязать ихъ подпиской перейти въ опредѣленный срокъ туда, куда принадлежатъ они по ихъ состоянію. Сіе тѣмъ удобнѣе могутъ и должны они сдѣлать, что строеніе ихъ можетъ быть продано безъ малѣйшей имъ разстройки.

6) Окончивъ сіе дѣло, вы не оставите мнѣ въ скорости донести. Въ точномъ и безпристрастномъ исполненіи его, я надѣюсь на вашу дѣятельность и усердіе.

7) Между тѣмъ вы поставите себѣ въ обязанность во всѣхъ случаяхъ оказывать самую дѣятельную защиту и покровительство Английскимъ миссіонерамъ, кои поселились въ семъ мѣстѣ по точному дозволенію правительства и состоятъ подъ особымъ его вниманіемъ. Всякую жалобу отъ нихъ къ вамъ доходящую вы неоставите тотчасъ разсматривать и являть имъ всевозможное благопріятство и уваженіе.

3.

Записка о обидахъ, нанесенныхъ Английскимъ миссіонерамъ сосѣдями ихъ Голубиными.

1) Изъ дому Голубиныхъ сдѣланы были три ружейные выстрѣла въ домъ англичанъ, изъ коихъ двое были тогда въ отсутствіи, а одинъ сидѣлъ у окошка, такъ что слышалъ, какъ пуля пролетѣла мимо его.

2) Рогатый скотъ ночью сведенъ былъ со двора англичанъ и одинъ былъ найденъ привязаннымъ въ полѣ къ дереву и изорванъ волкомъ.

3) Сіи происшествія были послѣдствіемъ многократныхъ покушеній отъ Голубиныхъ къ ночному воровству въ домѣ англичанъ. Они требовали, чтобъ собаки ихъ сосѣдей были на день привязаны, дабы на людей къ нимъ приходящихъ не бросались. Но Голубины сего справедливаго требованія не удовлетворили. Англичане принуждены были одну изъ ихъ собакъ убить. Отсюда родилось мщеніе. Къ сему присоединилось еще то, что въ домѣ Голубиныхъ обокраденъ былъ одинъ Братскій на 900 руб. Англичане за него вступились; но воровство осталось закрытымъ.

4.

Селенгинской ратушѣ.
17 марта 1820 г.
Иркутскъ.

До свѣдѣнія моего дошло, что Селенгинская ратуша получивъ жалобу отъ поселившихся при городѣ англинскихъ миссіонеровъ на обиды имъ причиненныя, произвела по онымъ весьма слабое и важности дѣла не соразмѣрное слѣдствіе и не только не сдѣлала имъ никакого удовлетворенія, но и не дала дѣлу сему надлежащаго законнаго движенія, не пріемля ихъ свидѣтельства въ такомъ дѣлѣ, гдѣ не могло быть посторонних свидѣтелей.

Приказавъ дѣло сіе строго преслѣдовать, я считаю нужнымъ ратушѣ дать знать въ собственную ея осторожность на будущее время, что Англійскіе миссіонеры основались въ семъ мѣстѣ по особенному Высочайшему соизволенію, что по сему всѣ начальства обязаны имъ оказывать всевозможное законное покровительство и защиту, что долгъ ратуши есть не только не пропускать ни малѣйшей имъ обиды, но и являть примѣромъ своимъ всякое имъ доброхотство и что, наконецъ, за всякое попущеніе поведенія сему противнаго съ виновныхъ строго будетъ взыскано по закону.

5.

The following are the Notes, referred to in the accompanying letter, of the occurrences at the Bratsky temples, visited by us in the White Month 1821.

We first went to the chamba Temple near the gussina lake, and witnessed the ceremonies at the commencement of the new year, the first day of the White Month (22 January o. s.). The service bagan of midnight and continued till sun rise; when all the people assembled amounting to four or five hundred, pesented themselves before the chamba and the Taisha received their blessing and exchanged salutations.

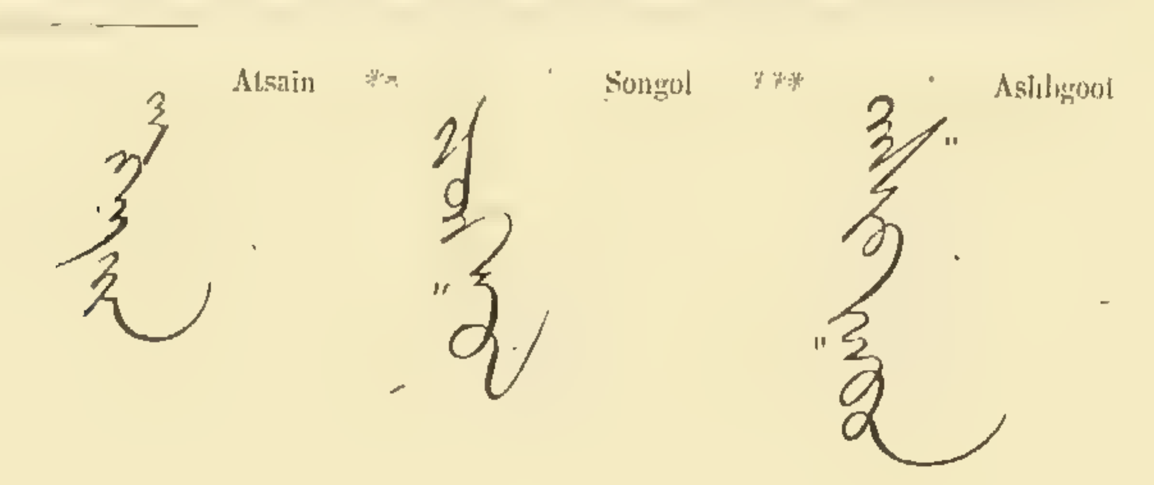
*

We were very kindly received and upon acquainting the chamba with our intention of remaining a few days at the Temple, he procured an apartment for our accommadation. There we were visited constantly by the Lamas, to whom we gave copies of the Tract and read to them portions of it and of the Gospels. M-r Stallybrass having studied the language longest is now able to converse a little in it.—We found many opportunities of stating and enforcing the doctrines of the pure Gospel in opposition to their errors and reasoned with them on the sin and danger of worshipping idols and praying to gods that are no gods. It would be tedious to relate particular conversations, but we trust the attention of some of them has been awakened and that our visit will excite enquiry and examination as to the truth or falsshood of their superstitions system. On our way home we stopped a few hours at another temple towards the other end of the lake. The chief Lamas conducted us through the temples six in number, and with their own hands distributed amongtheir brethren copies of the Tract which we gave them for that purpose. Two days afterwards we set off again to a third Temple * farther to the North. We were welcomed by the Lamas, obtained a small house for our temporary residence and in the course of three days had given away our whole stock of books. There as at the other temples we had many visitors and much conversation with them. We remained five days.

On the Tuesday following we set off a third time to a Temple eighty versts south from selenginsk (called the Songolsky: **). This is the largest and most respectable one we have hither to visited. About 500 Lamas belong to it. We were accommodated by one of them of the rank of a getsool in his own house and there received all who came to us for books and conversation.

On the morning after our arrival we learned that at another temple ***) situated 50 versts farther East and where we proposed spending the following week, the White Month services were to conclude on the following day. We therefore determined that one of us should immediately proceed thither and seize the opportunity of supplying the Lamas there with books before they dispersed. J accordingly went, but was informed on the road that the assembly was broken up that same day. J however proceeded, expecting to meet some of them as J went and accordingly met several successive companies of Lamas on their return home. J saluted them and have books to such as

---



could read. After spending the night at the tent of a «шесть сотниктъ» in the neighbourhood, returned to the songol Temple. We remained there till the services ended, and hope our intercourse With them will prove not to have been in vain. Some expressed their satisfaction that we had come to reside among them. Others could not conceive what inducement we could have for doing so, and were therefore suspicious that we had some improper end in view. Many of them engaged in serious conversation upon the subject of religion, but they have not been accustomed to think, and their system of words and forms saves them the trouble of thinking. More than once the Lamas pressed us to accept a present of a number of sheep but this we refused, endeavouring to convince them we desired not their property but the welfare of their souls.

W. S.

6.

Your Excellency!

We had the honour of receiving Your Fxcellency's letter dated Tobolsk and accompanied with three copies of the Mongolian tract; we were much gratified by this additional instance of Your Fxcellency's kind attention, and that you interest yourself in our welfare, and desire to be informed of our news. We should not have presumed to trouble your Excellency with an account of ourselves, had you not been pleased to request it; but as we are thos relieved from all apprehension of being considered intrusive, we with pleasure state the following particulars respecting our present state and engagement.

Your Excellency knows that we have been creating dwelling houses and other necessary buildings, which are now in great forwardness, and we hope to have them finished in the course of the ensuing summer this has occupied much of our time, and in a great measure prevented us from attending to the more immediate objects of our Mission.—We have however, as opportunity offered, cultivated intercourse with the Bratsky and applied ourselves to the study of their language. Your Excellency will be pleased to know that the Tract in the mongolian language which you were so polite as to send us and which was printed for the use of the Bratsky is already in circulation among them. We have distributed many hundred copies of it, as well as of the Gospels of Matthew and Iohn which were likewise translated and printed in St. Petersburg; and we are expecting soon to receive the Acts of the Apostles and the other two Gospels.

The books we have distributed have been received by the people with much readiness and in many instances with great thankfulness,—we only long to be

more familiar with the language, in order to follow up the distribution of these books with suitable conversation and instruction. In studying the language we labour under the disadvantage of not having proper books, Lexicons and Grammars. These last we are forming for ourselves.

With the double object of improving ourselves in the language and circulating Tracts my dear Brother M-r Stallybrass ang myself spent the late White Month at different Bratsky temples. Our dear Brother M-r Yuille remained at home to superintend the workmen employed in the building et c. during our absence. Thinking that a short account of our reception at the temples and the occurrences at them may not be unacceptable to Your Excellency, J have sent a few notes of our journeys on a separate sheet.

His Imperial Majesty was graciously pleased to promise us, whenever we should reduire it, a grant of land for a Missionary stations, and as this place will for the present be our principal Establishment, we have made application to His Imperial Majesty for a grant of the spot on which we are building and a piece af ground adjoining. Our application was transmitted through His Excellency M-r Popof. We are about to propose also to the Directors o our Society in London to establish here a printing press and other necessary apparatus for the printing of the Holy Scriptures and Tracts in the Mongolian language.

Our family is at present through the mercy of God in the enjoyment af a good degree of health and beg to present their united and most respectful regards to Your Excellency.

I have the honour to be with the highest respect and esteem

Your Excellency

obliged and most obedient and humble servant

William Swan.

PS. I have inclosed a small sketch of the adjoining piece of ground specified in our application to His Imperial Majesty.

Selenginsk.
4-th of March, 1821.

Адресъ:

To His Excellency

the General—Governor of Siberia et cet. et cet.

Михаелъ Михаеловичу

Speransky.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ДЕВЯТОЙ ГЛАВѢ.

1.

Милостивый государь

графъ Димитрій Александровичъ!

Во время пребыванія моего въ Сибири и потомъ здѣсь многократно вступали ко мнѣ отъ Сибирскихъ купцовъ, на Кяхтѣ торгующихъ, представленія съ изъясненіемъ убытковъ ими терпимыхъ и съ просьбою о возможномъ имъ пособіи. Подобныя сему представленія вступили и отъ Московскихъ и другихъ иногородныхъ первостатейныхъ купцовъ, Китайскій торгъ ведущихъ.

Изъ бумагъ ихъ видно, что просьбы сіи и причины, ихъ къ тому побудившія, представлены уже ими на уваженіе вашего сіятельства; почему я считаю долгомъ препроводить къ вамъ, милостивый государь 1) выписку изъ просьбъ ко мнѣ поступившихъ, относительно отсрочки пошлинъ; 2) записку, отъ тѣхъ же торгующихъ мною полученную, о образѣ взиманія пошлинъ съ зеленыхъ чаевъ.

Предавая просьбы сіи въ ближайшее усмотрѣніе вашего сіятельства, съ моей стороны считаю долгомъ удостовѣрить, что по всѣмъ слѣдствіямъ, какъ во время пребыванія моего въ Сибири, такъ и здѣсь собраннымъ, изъясненіе убытковъ, въ просьбахъ купечества приводимое, совершенно основательно и нужды ихъ достойны вниманія правительства.

Съ совершеннымъ и проч.

№ 98.
16 іюля 1822 г.
С.-Петербургъ.
Его сіятельству графу
Д. А. Гурьеву.

2.

О зеленомъ чаѣ.

Въ Кяхтинскомъ тарифѣ сказано: 1) чай жуланъ, Мокихъ, Цуцувъ и Лайховой зеленой, кромѣ Лугану, съ пуда 10 руб., и 2) чай зеленый простой въ бакчахъ и насыпной съ пуда 5 руб.

Въ положенiи 11 февраля 1812 года о внутренней пошлинѣ съ чаю:

1) Съ перваго сорта подъ названiемъ жулапъ, Мокихъ, Цыцупъ и Лайховой зеленой, кромѣ Лугану, съ фунта.. . . . . 1 руб. 85 коп.

Съ зеленаго простаго въ бакчахъ и насыпнаго съ фунта 1 — 20 —

Такимъ образомъ, зеленые чаи раздѣлены по качеству ихъ на первосортные и простые. По поименованныхъ въ первомъ сортѣ Мокиха, Цыцыпу и Лайховаго, не поступаетъ къ намъ съ давнихъ временъ, такъ что ни одинъ изъ нынѣшнихъ купцовъ, изъ коихъ нѣкоторые ведутъ торгъ по сорока почти лѣтъ, не видывали оныхъ, да и сами китайцы симъ именемъ чаевъ не называютъ. Равнымъ образомъ статья о простыхъ чаяхъ, будто оными признавать должно привозимые въ бакчахъ и насыпные, совершенно несообразна съ нынѣшнимъ образомъ торговли, потому что представляемые въ бакчахъ и насыпные не суть всегда низкой доброты и напротивъ уложенные въ ящики часто бываютъ не высокаго достоинства: ибо по опыту извѣстно, что иногда насыпные чаи и въ бакчахъ цѣнятся и вымѣниваются дороже, нежели ящичные.

До нынѣшняго времени зеленые чаи объявлялись въ кяхтинской таможнѣ торгующими безъ раздѣленiя на первосортные и простые: выгодная до 1815 года продажная на нихъ цѣна и малое количество привозимыхъ простыхъ чаевъ противъ первосортныхъ, заставляла ихъ пренебрегать излишнимъ платежемъ пошлинъ; но съ 1815 года упадокъ въ цѣнахъ и понесенные при ежегодной чаевъ продажѣ великiе убытки побудили купечество объявить ихъ, въ текущемъ году, на первосортные и простые. При семъ случаѣ кяхтинская таможня, обще съ торгующими при оной, свидѣтельствовала сiи чаи и сама удостовѣрялась, что качество чаевъ зависитъ не отъ укладки ихъ: ибо нѣкоторые изъ насыпныхъ въ бакчахъ, кои бы слѣдовало согласно тарифу признать простыми, суть низкаго сорта; да и купечество россiйское при вымѣнѣ чаевъ смотритъ всегда не наружность, т. е. не ящики и не ярлычки въ ящики китайцами полагаемые, а на внутреннее достоинство самыхъ чаевъ и сообразно тому дѣлаетъ имъ расцѣнку. Уборка же ящиковъ и хвала приписываемая чаямъ въ листкахъ, которые въ ящички Китайцами кладутся есть одинъ только обманъ, называемый въ торговлѣ: продать товаръ лицомъ. Кяхтинская таможня, бывъ въ семъ убѣждена самымъ опытомъ, представила департаменту внѣшней торговли о разрѣшенiи взимать пошлину съ зеленыхъ чаевъ, не по наружной ихъ укладкѣ и не по китайскимъ ярлычкамъ, но по внутреннему достоинству чаевъ, опредѣляемому досмотромъ и освидѣтельствованiемъ оныхъ, а между тѣмъ объявленные въ ней зеленые чаи простыми задержала, отчего купечеству при упускѣ Нижегородской ярмарки и вообще при потерѣ времени, можетъ причинить быть убытокъ. Посему проситъ оно покорнѣйше о скорѣйшемъ разрѣшенiи сего дѣла, дабы тарифъ и положенiе о внутренней пошлинѣ приняли настоящее свое дѣйствiе.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ДЕСЯТОЙ ГЛАВѢ.

1.

Господину правящему должность Иркутскаго гражданскаго губернатора.

30 іюля 1820 г.
№ 931.
Иркутскъ.

Изъ предложенія моего Иркутской градской думѣ отъ 19 іюля № 846 ваше высокородіе видѣли настояніе мое о необходимости учредить въ городѣ частныя мучныя лавки. Изъ отвѣтовъ думы, при семъ въ спискѣ препровождаемыхъ, усмотрите, что она предлагаетъ условія невозможныя къ исполненію. Пять только лицъ изъ гражданъ представили отъ себя личную подписку завести хлѣбную торговлю на 12000 пудовъ,—количество весьма маловажное къ обезпеченію продовольствія.

Между тѣмъ настоящій порядокъ продовольствія долѣе терпимъ быть не можетъ. Нельзя даже и въ маломъ уѣздномъ городѣ продовольствіе столь необходимой жизненной потребности, какъ хлѣбъ, поставить въ зависимости отъ рыночнаго привоза. Причины, отъ коихъ привозъ сей на сихъ дняхъ былъ скуденъ и наконецъ совсѣмъ прервался, какъ то: чрезвычайныя наводненія и разрушеніе мельницъ, и впредь случиться могутъ. Слѣдовательно необходимо должно принять благовременныя и вѣрныя средства.

Средства сіи состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Чрезъ полицію объявить еще разъ съ подписками всѣмъ обывателямъ, что «кто изъ нихъ съ будущаго года или даже съ осени пожелаетъ заводить подъ домами или въ гостиныхъ дворахъ и на рынкахъ мучныя лавки: тѣ должны быть удостовѣрены, что ни въ закупкѣ хлѣба по селеніямъ, ни въ продажѣ его по вольнымъ цѣнамъ въ городѣ, не будетъ чинимо ни малѣйшаго препятствія, ни стѣсненія. Закупка для перепродажи не должна токмо чинима быть въ городѣ».

2) Независимо отъ сего приглашенія, на исполненіе коего нельзя впрочемъ съ вѣроятностію положиться, заготовить на счетъ капитала запасныхъ магазейновъ на будущій годъ отъ 80 до 100000 пудъ муки, т. е. все то количество, какое могутъ вмѣстить здѣшніе запасные магазейны, производя сіе заготовленіе на общихъ правилахъ, т. е. съ публичныхъ торговъ и крестьянскихъ подрядовъ въ казенной экспедиціи, а не чрезъ земскихъ исправниковъ.

3) Съ новаго года, а если можно, то и прежде открыть два рода казенной продажи: одну собственно для бѣдныхъ, другую для всѣхъ обывателей безъ различія.

4 и 5) Продажу для бѣдныхъ производить въ нынѣ существующей лавкѣ, но не иначе, какъ по билетамъ, съ удостовѣреніемъ частнаго пристава, что предъявитель есть дѣйствительно человѣкъ семейный и бѣдный.

6) Продажу для бѣдныхъ производить пудами и не выше, какъ по собственнымъ цѣнамъ запасныхъ магазейновъ съ приложеніемъ къ нимъ не болѣе какъ 6 процентовъ.

7) Для общей продажи учредить другую отдѣльную лавку въ надлежащемъ пространствѣ и если можно для удобности входа и выхода съ двойными дверями.

8) Общую продажу производить не только пудами, но и мѣшками по здѣшнему обычаю.

9) Въ общей продажѣ держаться цѣнъ существующихъ на рынкѣ, съ уменьшеніемъ противъ нихъ 10 процентовъ; само собою разумѣется, что когда по обилію привоза рыночныя цѣны будутъ равны или ниже собственныхъ магазейна, тогда и продажа общая закрывается.

10) Когда рыночнаго привоза по распутицѣ, или по другимъ причинамъ, или совсѣмъ не будетъ, или онъ будетъ скуденъ, тогда цѣны въ общей продажѣ установлять по цѣнамъ окружныхъ селеній, съ присоединеніемъ привоза и шести процентовъ.

11) Какъ скоро учредится вольная мучная продажа въ частныхъ лавкахъ и будетъ, подобно всѣмъ городамъ, производима постоянно въ достаточномъ количествѣ, то общую продажу въ казенной лавкѣ немедленно прекратить. Изъ сего исключается тотъ только случай, когда бы по прекращенію рыночнаго привоза цѣны въ частныхъ лавкахъ чрезмѣрно возвысились: въ семъ случаѣ для умѣренія ихъ возобновлять общую казенную продажу, производя въ прочемъ самое пониженіе сіе постепенно, а не вдругъ, дабы частнымъ людямъ не причинить убытка и отвлечь ихъ отъ сего промысла.

12) Вообще въ общей казенной продажѣ имѣть въ виду то главное правило, что она установляется по единой необходимости, и слѣдовательно каждый разъ, когда нѣтъ ни необходимости, и когда существуетъ частная мучная лавочная торговля въ достаточномъ количествѣ, казенную тотъ часъ должно прекращать, оставляя одну только продажу пудами для бѣдныхъ и притомъ для дѣйствительно бѣдныхъ.

13) О расходѣ въ обѣихъ казенныхъ лавкахъ присылать мнѣ ежемѣсячныя вѣдомости.

Сибирскій г.-г. *М. Сперанскій.*

2.

Исправляющему должность Иркутскаго гражданскаго губернатора.

5 апрѣля 1821 г.
№ 82.
С.-Петербургъ.

Нерчинская горная экспедиція доноситъ, что встрѣтивъ надобность накупить въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ для Петровскаго желѣзнаго завода хлѣба до 15000 пудъ, 13 января сего года относилась къ вашему высокородію объ оказаніи въ семъ случаѣ зависящаго отъ васъ содѣйствія. Распоряженіе ваше по сему, какъ видно изъ экспедиціи, состояло въ томъ, чтобы при содѣйствіи земскаго начальства горному коммисіонеру, искупить хлѣбъ въ одной Мухоршибирской волости и то въ селеніяхъ ближайшихъ къ заводу.

Поелику таковая мѣра ограничиваетъ торговлю хлѣбомъ, которая должна быть повсемѣстно свободна, то я прошу ваше высокородіе, дабы на будущее время, если бы горное начальство встрѣтило подобную же надобность, позволить оному закупать хлѣбъ тамъ, гдѣ признаетъ оно для себя выгоднѣе.

3.

Отдѣленіе 1.
Столъ 1.
18 іюня 1821 г.
Иркутскъ.
№ 2068.

Отвѣтъ на № 108 о перевозимомъ изъ-за Байкала хлѣбѣ.

Отъ правящаго должность Иркутскаго гражданскаго губернатора.

Господину Сибирскому генералъ-губернатору.

Имѣвъ честь получить предписаніе вашего высокопревосходительства отъ 6 минувшаго мая, о перевозимомъ изъ-за Байкала подрядчикомъ Малѣевымъ хлѣбѣ, — я, въ дополненіе прежнихъ донесеній моихъ отъ 22, 30 марта, 20 апрѣля и особеннаго, съ сею почтою отправленнаго, о продажѣ изъ здѣшняго запаснаго магазейна хлѣба, долгомъ поставляю объяснить:

Во первыхъ, что отъ отсрочки подрядчику Малѣеву хлѣбной поставки, сдѣланной мною по совершенной необходимости, не было и не могло быть, уменьшенія выпуска казеннаго хлѣба, потому что съ закупленнымъ по здѣшнему уѣзду земскими чиновниками хлѣбомъ, количество наличнаго въ магазейнахъ здѣшнихъ простиралась тогда болѣе 20000 пудъ, о чемъ подробно изволите усмотрѣть изъ списка съ предложенія моего губернскому правительству, по извѣту стряпчаго Литвинцева.

Во вторыхъ, изъ числа доставленнаго изъ-за Байкала хлѣба, уступлено мною изъ Александровскаго винокуреннаго завода 20000 пудъ, который и

сплавленъ уже въ оный; а прочій хлѣбъ принимается въ здѣшній запасный магазейнъ, доставка коего производится теперь успѣшно. О послѣдствіяхъ настоящей дороговизны здѣсь рыночныхъ цѣнъ, происходящей собственно отъ неурожая по Иркутской округѣ хлѣба, я имѣлъ уже честь объяснить въ особомъ донесеніи моемъ. Другихъ же, а тѣмъ менѣе непріятныхъ послѣдствій, отъ отсрочки перевозки хлѣба я не предвижу, кромѣ теперь испытанныхъ, навлекшихъ мнѣ излишнюю переписку, и замѣчаніе вашего высокопревосходительства за одно только попеченіе мое и усердіе, доставить жителямъ здѣшнимъ по возможно выгоднымъ цѣнамъ казенной хлѣбъ, въ чемъ по всей справедливости должно мнѣ теперь раскаиваться. Имѣя полное разрѣшеніе вашего высокопревосходительства, дѣйствовать въ покупкѣ хлѣба и выше цѣнъ установленныхъ, я бы конечно сыскалъ другихъ поставщиковъ, кромѣ Малѣева, по 1 руб. съ пуда или болѣе, избавился бы и тѣхъ заботъ, какія употреблялъ къ отысканію ихъ за выгодныя цѣны, и того мнѣнія, въ коемъ можетъ быть находится теперь начальство, на счетъ отдачи перевозки Малѣеву, но бывъ весьма далекъ отъ всякаго поползновенія для своихъ выгодъ при небольшомъ моемъ состояніи, одиночествѣ и настоящихъ лѣтахъ, для меня уже не нужныхъ и вовсе лишнихъ, употреблялъ вмѣсто того всѣ средства къ уменьшенію цѣнъ на перевозку и достигъ сего тѣмъ, что убѣдилъ Малѣева взять дешевыя цѣны.

Имѣя честь представить ближайшему благоразсмотрѣнію вашего превосходительства всѣ дѣйствія мои по закупу и перевозкѣ хлѣба изъ-за Байкала, я впредь до полученія разрѣшенія вашего, подвергать ли подрядчика Малѣева вычету за несрочную поставку, не могу самъ собою приступить къ сему.

Вице-губернаторъ Иванъ Зеркалеевъ.

4.

10 марта 1820 г.
№ 216.
Иркутскъ.

Господину надворному совѣтнику Щукину.

Приступъ, сдѣланный вами къ выполненію возложенныхъ на васъ порученій по Киренскому уѣзду, заслуживаетъ признательность начальства. — Я съ удовольствіемъ видѣлъ изъ донесеній вашихъ отъ 21 и 27 минувшаго февраля успѣшныя дѣйствія ваши, какъ по заключенію контрактовъ на обывательскую гоньбу, такъ и по предмету удостовѣренія о количествѣ хлѣба, потребнаго къ выпуску изъ Киренскаго городоваго магазейна для продовольствія жителей города. Потребное для сего количество хлѣба, составляющее 490 пудъ, я съ симъ же вмѣстѣ предписалъ отпустить Киренской для продовольствія города коммисіи.

5.

Отдѣленіе I.
Столъ 2.
№ 364.
20 марта 1820 г.
Иркутскъ.

О несогласіи требованій количества хлѣба для продовольствія нѣкоторыхъ волостей.

Господину надворному совѣтнику Щукину.

Киренскій земскій исправникъ доноситъ мнѣ:

1) Что для жителей Нижнеилимской волости, сверхъ закупленныхъ казною и доставленныхъ къ нимъ 6850 п. хлѣба, не предстоитъ надобности онаго болѣе закупать.

2) Что жители Макаровской волости, поименованные имъ въ представленномъ приговорѣ, имѣютъ необходимую нужду въ 800 п. и что сверхъ сего для нихъ и для Тунгусовъ нужно съ открытіемъ водянаго сообщенія приплавить хлѣба 2000 пудовъ.

3) Что жителямъ Орлинской волости, сверхъ прежде просимаго ими хлѣба, нужно доставить зимою 805, весною 695 п. и для Тунгусовъ Усольской волости весною же 200 пудъ.

По дѣламъ же мнѣ извѣстно:

По первому обстоятельству Киренскій земскій судъ, въ отсутствіи исправника отъ 28 января сего года доносилъ мнѣ, что совершенно необходимо для жителей Нижнеилимской волости докупить къ прежде отправленнымъ 6850 пудамъ еще на посѣвъ хлѣба, и именно ярицы 3150 п., съ доставкою 2135 въ Нижнеилимской, а остальныхъ 1015 въ Кочергинской, или, если поставка означеннаго количества въ первой магазейнъ будетъ затруднительна и дорога,—съ доставкою всѣхъ 3150 пуд. въ одинъ Кочергинскій магазейнъ. Согласно съ симъ донесеніемъ и сдѣлано отъ меня уже распоряженіе.

Во вторыхъ. Тотъ же земскій судъ, отъ 23-го ноября прошлаго года, за подписаніемъ исправника представлялъ мнѣ, что для продовольствія жителей Макаровской волости необходимо тогда же отпустить изъ Киренскаго городоваго магазейна до 700 пуд. хлѣба, а въ маѣ мѣсяцѣ сего года приплавить туда 3380 пуд. для обезпеченія продовольствія ихъ до будущаго урожая. Согласно съ симъ сдѣлано мною распоряженіе. Впослѣдствіи земскій судъ настаивалъ о необходимости разрѣшить Киренскую для продовольствія жителей коммисію на отпускъ хлѣба изъ городоваго магазейна, жителямъ Макаровской волости, безъ ограниченія количества, и сіе настаиваніе мною также уважено.

По третьему. Вслѣдствіе представленія того же земскаго суда отпущено жителямъ Орлинской волости изъ Нижнеслободскаго магазейна 7305 пуд. и въ маѣ имѣетъ быть приплавлено къ нимъ 4370 п.

Изъ соображенія донесенія Киренскаго исправника по означеннымъ предметамъ съ таковыми же земскаго суда открывается несогласіе въ разсужденіи опредѣленія количества хлѣба, потребнаго для продовольствія помянутыхъ волостей. Удостовѣриться точнѣйшимъ образомъ о семъ количествѣ, и слѣдовательно открыть, которыя изъ сихъ донесенія справедливы, пору-

чаю вашему высокородію, на каковой конецъ препровождаю у сего подлинниками донесенія по симъ обстоятельствамъ исправника, съ приложеніемъ къ онымъ. Вы не умедлите по удостовѣреніи о семъ въ тоже время объ оказавшемся мнѣ донести.

---

6 [1].

12 іюня 1820 г.
Иркутскъ.

Его высокопревосходительству,

Г. тайному совѣтнику, Сибирскому генералъ-губернатору и разныхъ орденовъ кавалеру

Михаилу Михайловичу.

Киренскаго городничаго маіора и кавалера Галяменскаго

Рапортъ.

Вашему высокопревосходительству имѣю честь донесть.

Сего майя 13 числа въ день часу въ первомъ, протекающія мимо города Киренска рѣки Лена и Икренга, соединено обе зделали походъ къ открытию льда, и тогожъ числа въ вечеру. Река Лена противъ самого города по приносу большей лдины въ устесь остановилась, начальный же походъ лда последовалъ наводе хотя большей,—но непевыходу воды изберего въ немоглобы никакого последовать нещастнаго для гражданъ отоной последствія.—Но когда начало сверху къ остановившейся лдине нажимать летъ, и заграждать онымъ по форватеру ходъ воде, то вдругъ вода зделала къ верху свое возвышеніе сажени на две, что покрыла весь выше города градскій выпускъ, распаханныя места, изасеенныя у гражданъ озимовыя хлебы, а всамомъ городе топило большую половину строеніевъ, псей запоръ стоялъ до 17 числа; потомъ во время сего продолженія причинило нижеследующее,—1) Коль скоро возвысилась вода, вгороде потекла поулицамъ и дворамъ стремительнымъ образомъ, начала делать новыя свои каналы; гражданѣ будучи въ опасности стали все свои имение вывозить въ гостинный рядъ, и вдома, состоящія на возвышенныхъ местахъ (и вывозились). Каналы же вулицахъ дворахъ и усадьбахъ прорыло глубиною аршина на два, а шириною саженей более пяти; что постеку изъ улицъ воды оказались видными; да нелзя по онымъ на лошадяхъ никакъ проезжать, 2) позатопленіи строеніевъ быстротою теченія воды и отдолго временнаго стоянія оной; вынесло заплоты какъ удворовъ увсехъ где топило усадебныхъ местъ и значительное количество унесло строеваго лесу, наплавленнаго въ прошломъ 1819 г., особенножъ у казначея 9-го класса Седакова и коллежскаго регистратора Бутакова у пер-

[1] Орѳографія подлинника.

ваго поля вдомѣ водою поднело и все заплоты выломало, а у последняго передній дворъ весь изърыло, изделало вономъ болшія ямы,—заплото дворы и усадьбы все унесло; 3) 17-го числа состоящій противъ города запоръ лда спило, и какъ толко тронулся оный лдомъ завалило набережную улицу, выше самыхъ строеній, въ некоторыхъ местахъ онымъ вредило заплоты, землю изърыло, а ушлахбаума выломало отъ гороженныя надолбы, и унесло,—вода же внекоторыхъ усадьбахъ и логовитыхъ местахъ поднесь стоитъ; 4) во время запора лда река Лена теченіе свое произвела позагражденіи форватера пограцкому выгону, и пахатнымъ местамъ, со лдомъ въ реку Киренгу, и вынесло все безъ остатка огорожи пахотныхъ и сенокосныхъ местъ, а озимовыя хлебы какъ до сего въ сходы оныхъ были видны, быстрымъ теченіемъ вынесложъ оныя, и лдомъ изърыло а въ некоторыхъ местахъ занесло иломъ, болѣе четверти аршина, что по сему никакой надежды предположить ковсходу поглубокому заносу оныхъ не можно; потому что поднесь никакого знаку цвета своего непоказываютъ, еровыя же хлебы некоторыя граждане намѣрены еще по малой части сееть, естьли будетъ удобность втомъ, что земля скоро высохнетъ, и можно будетъ произвесть хлебопашество; 5) въ усадебныхъ местахъ города, где топило водою—гражданѣ оввощей никакихъ еще сееть и садить неначинали, и неля потому что земля отнаводненія ни сколько неподсохла, а время уже сееть и садить протекаетъ то по сему надежды предположить къ хорошему урожаю оныхъ неможно, а что въ здешнемъ месте сіе по изобилію урожаю, гражданамъ служило значительнаго въ продовольствіи поддѣржанія, аныне естьли Боже сохрани последуетъ и въономъ неурожай,—то по дороговизнѣ здешней всѣхъ къ пропитанію припасовъ жителѣи должны притьти въ крайнѣй упадокъ и недостаточество; 6) когда вода теченія имела по грацкому выгону—солдомъ въ реку Киренгу, перенесло оною значительное количество крестьянскихъ строеній; какъ то амбаровъ дворовъ, гуменъ и тому подобнаго,—а у городскихъ гражданъ въ грацкомъ выгонѣ утонуло отсего наводненія, 2 лошади, и 10 рогатыхъ скотинъ. Но на каждую же сумму оная вода—совершенно причинила гражданамъ во всемъ убытка, посовершенному растройству сообразить и узнать неможно; а чтожъ лежитъ дозаровненія вулицахъ каналовъ, угровъ;—и ямъ, то какъ сіе произшествіе случилось отвремени наводненія воды, то посему хозяинъ того места уже непричиненъ одинъ делать заровненіе, да и притомъ совершенно другой и не всилахъ по бедности, изполнить, какъ стоитъ будетъ для него дорогой цѣны, потому что неинаце должно каналы и ямы заваживать чещею и дресвою, для укрепленія, дабы въ будущее время не могло причинить наивящаго изърытія, то я сообщилъ Киренской ратушѣ дабы оная сделала о семъ заранее свое распоряженіе, съ согласія всехъ общественниковъ; о чемъ вашему высокопревосходителству покорнѣйше и доношу.

Городничій маіоръ Галяменскій.

Мая 27 дня 1820 года.

7.

Ваше высокопревосходительство,

милостивѣйшій государь!

Сохраняя въ твердой памяти приказаніе вашего высокопревосходительства, полученное мною при отъѣздѣ въ Якутскъ, я во время переѣзда моего чрезъ уѣзды Иркутской и Киренской освѣдомлялся о всемъ, что считалъ приличнымъ и возможнымъ: о всходахъ зимоваго и яроваго хлѣба, о избыткахъ и недостаткахъ въ продовольствіи жителей, а равно и о поврежденіяхъ наводненіемъ причиненныхъ имуществу крестьянъ Киренскаго уѣзда; прибывъ въ Киренскъ 24-го числа сего іюня я долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что всходы зимоваго хлѣба по Иркутскому и Киренскому уѣздамъ благонадежны, яровые мѣстами хороши, а въ другихъ посредственны, но всѣ вообще къ избыточному произращенію обѣщаютъ надежду, если при созрѣніи ихъ непостигнутъ на корнѣ ранніе морозы.

Недостатокъ въ хлѣбѣ на продовольствіе жителей оныхъ уѣздовъ замѣняется нынѣ хлѣбомъ изъ казны для нихъ отпускаемомъ въ продажу, хотя впрочемъ крайне въ ограниченной пропорціи, въ особенности по Иркутскому уѣзду. Жители Киренскаго въ пособіи отъ казны хлѣбомъ, какъ примѣтить можно, не столь много нуждаются или ропщутъ, какъ Иркутскаго; изъ жительствующихъ же по деревнямъ, прилегающимъ ближе къ границѣ Киренскаго уѣзда Илимской волости, гдѣ по словамъ ихъ, яко бы они и по сіе время изъ казны хлѣба въ продажу не получаютъ за неимѣніемъ на то разрѣшенія, бѣднѣйшіе бываютъ не рѣдко, если можно вѣрить слухамъ, дни по 3 и болѣе безъ хлѣба.

Извѣстное вашему превосходительству наводненіе по Киренскому уѣзду простиралось съ небольшимъ поврежденіемъ вверхъ по Ленѣ отъ города около 60 верстъ, а съ значительнымъ верстъ на 20-ть въ 8-ми деревняхъ, ближайшихъ къ городу, въ особенности на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ стремленіе воды сильнѣе дѣйствовало по отлогости мѣста, нѣкоторые дома повредило, другіе небольшіе, а равно и огороды, скотные загоны, бани и амбары хотя и остались на мѣстѣ, но хранившійся въ оныхъ хлѣбъ на посѣвъ: рожь, пшеница или овесъ смѣшались вмѣстѣ, проросли; поля и огороды на мѣстахъ низкихъ засѣянные и незасѣянные заметало иломъ и мѣстами изрыло глубже сажени льдомъ.

Послѣ наводненія нѣкоторые хлѣбопашцы хотя и засѣвали яровой хлѣбъ на поляхъ бывшихъ подъ водою, но всходовъ онаго и по сіе время не видно. Въ отношеніи пособія разоренымъ отъ наводненія, до какой оное можетъ простираться степени, я, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ убыткахъ, ни чего не могу изъяснить вашему высокопревосходитель-

ству: приведеніемъ убытка въ извѣстность занимаются нынѣ члены Киренскаго земскаго суда, въ уѣздѣ находящіеся.

Въ прочемъ имѣю честь быть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію,

Милостивый государь

вашего превосходительства

всепокорнѣйшій слуга Димитрій Заборовскій.

Якутскій земскій исправникъ.

Іюня 26-го 1820 года.
Киренскъ.

8.

20 марта 1820 года.
№ 369
Иркутскъ.

Милостивый государь мой Николай Матвѣевичъ.

Во время пребыванія моего въ Кяхтѣ я съ удовольствіемъ видѣлъ попеченіе ваше о благѣ состоящихъ подъ вѣдомствомъ Кяхтинской ратуши сословій.

Прочное установленіе Устькяхтинскаго магазейна приноситъ безъ сомнѣнія обществу и особливо людямъ недостаточнымъ важное пособіе. Управленіе симъ магазейномъ исключительно ввѣряю я ратушѣ. Ни городское, ни земское начальство безъ нее не должны въ немъ участвовать.

Предположеніе ваше объ учрежденіи обученія бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей мастерствамъ и сдѣланное вами на сей предметъ приношеніе есть новый знакъ попеченія вашего о благѣ общественномъ. Мнѣ пріятно будетъ знать о дальнѣйшихъ успѣхахъ сего учрежденія, чтобъ свидѣтельствовать о немъ предъ высшимъ начальствомъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

9.

11 октября 1820 года.
№ 1059.
Тобольскъ.

Господину исправляющему должность Иркутскаго гражданскаго генералъ-губернатора.

Разсмотрѣвъ представленное вашимъ высокородіемъ отъ 14-го минувшаго сентября за № 2621 исчисленіе о количествѣ хлѣба, потребнаго къ

заготовленію для разныхъ частей изъ урожая настоящаго 1820 г., я нахожу исчисленіе сіе слишкомъ великимъ, по слѣдующимъ уваженіямъ: во 1-хъ, для провіантскихъ магазейновъ назначено 100000 пудъ болѣе дѣйствительной потребности, что показываетъ препровожденный къ вамъ отъ меня съ последнею почтою особый разсчетъ; во 2-хъ, для Илгинскаго винокуреннаго завода предположено заготовить слишкомъ 31000 пудъ муки, тогда какъ заводъ сей уже закрытъ.

Исключивъ сіи излишества, исчисленіе приметъ слѣдующій видъ:

Для винокуренныхъ заводовъ, т. е. Александровскаго и Николаевскаго	206168	пуд. 35 фунт.
Для провіантскихъ магазиновъ	183161	—
Для запасныхъ магазиновъ	212000	—
Для солеваренныхъ заводовъ.	22500	—
Для Тельминской фабрики, для больницъ и проч.	35545	—
Всего	679374	пуд. 35 фунт.

Къ сей пропорціи присоединить должно позаимствованные для Якутскихъ запасныхъ магазейновъ изъ тамошнихъ провіантскихъ 18000 пуд., которые слѣдуетъ отправить въ Якутскъ согласно предписанію моему отъ отъ 26 сентября 1820 года № 1030.

И такъ вся пропорція хлѣба, нужная къ заготовленію для всѣхъ казенныхъ потребностей изъ урожая настоящаго года, составляетъ до 700.000 пудъ.

О заготовленіи сего количества съ торговъ поручаю вашему высокородію сдѣлать надлежащее распоряженіе. Судя по хорошему нынѣ урожаю хлѣба, что сверхъ официальныхъ донесеній подтверждаютъ и частныя свѣдѣнія, сіе количество очень удобно и выгодно искуплено быть можетъ.

За симъ нужнымъ считаю обратиться къ другому обстоятельству, въ представленіи вашемъ изъясненному, и именно, что для наполненія, въ настоящемъ году, сельскихъ магазейновъ нужно болѣе 900000 пуд. Между тѣмъ, какъ въ донесеніи отъ 28 апрѣля сего года № 1153 именно сказано, что въ недоборѣ и въ заимообразной раздачѣ изъ сельскихъ магазейновъ по всей губерніи состоитъ до 20 четвертей или до 160000 пудъ, что подтверждаетъ и приложенная при ономъ вѣдомость. Сверхъ сего количества, крестьяне должны внести въ магазейны годовую пропорцію, которая по числу ревизскихъ душъ, составитъ до 66000 пудъ озимоваго и яроваго хлѣба. И такъ все количество хлѣба, слѣдующее ко взносу въ сельскіе магазейны составляетъ 226000 пудъ; слѣдовательно, какъ для казенныхъ потребностей, такъ и для наполненія сельскихъ магазейновъ, потребно хлѣба изъ урожая настоящаго года до 92.6000 пудъ, а не 1700000 пудъ.

Я прошу ваше высокородіе пояснить, на чемъ основанъ вашъ разсчетъ о пропорціи хлѣба, слѣдующей ко взносу въ сельскіе магазейны.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

10.

11 октября 1820 года.
№ 1060.
Тобольскъ.

Господину исправляющему должность Иркутскаго гражданскаго губернатора.

Иркутская казенная экспедиція представляетъ, что приступивъ къ распоряженію о заготовленіи хлѣба для казенныхъ потребностей изъ урожая настоящаго года, она поставлена будетъ въ затрудненіе, въ случаѣ, ежели условленная сумма при торгахъ за хлѣбъ, слѣдующая въ выдачу одному подрядчику, превышать будетъ 10.000 руб., такъ какъ казенныя палаты, на основаніи Высочайше конфирмованнаго 8-го декабря 1776 г. наставленія объ откупахъ и подрядахъ, уполномочены по всѣмъ подрядамъ заключать контракты на сумму не болѣе 10.000 рублей. Почему проситъ разрѣшенія моего, какъ въ таковыхъ случаяхъ поступить.

Пріемля въ уваженіе, что представленіе ко мнѣ на утвержденіе контрактовъ, превышающихъ 10.000 руб., замедлитъ ходъ въ подрядахъ и заготовленіи хлѣба—я разрѣшаю ваше высокородіе утверждать контракты на сумму выше 10.000 руб., оставляя на попеченіи вашемъ, дабы цѣны при подрядахъ какъ возможно были выгоднѣе. О чемъ съ симъ же вмѣстѣ предложено отъ меня казенной экспедиціи.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

11.

8 ноября 1820 года.
№ 1226.
Тобольскъ.

Господину Томскому гражданскому губернатору.

Енисейскій городничій доноситъ, что при обозрѣніи мѣстъ Туруханскаго края, входя въ способы продовольствія обитателей, нашелъ оные неудобными и тягостными. Главное неудобство состоитъ въ томъ, что хлѣбъ для Туруханскаго края, кромѣ Верхнеимбатскаго магазейна, отправляемъ былъ изъ Туруханска весьма поздно, такъ что суда воднымъ путемъ не успѣвали проплывать къ назначеннымъ мѣстамъ для складки хлѣба—зимовали; а жители претерпѣвали нужду. Дабы отвратить сіе на будущее время, г-нъ Осиповъ согласилъ Енисейскихъ мѣщанъ Ивана и Егора Фунтосовыхъ принять на себя поставить будущимъ 1821 годомъ, не позже іюня мѣсяца, въ Туруханскъ и въ отдаленныя мѣста уѣзда 15000 п., съ платою за каждый по 85 коп. На каковой конецъ и заключено условіе.

Находя распоряженіе сіе совершенно основательнымъ, я прошу ваше превосходительство, дабы и на будущее время поставка хлѣба въ Туру-

ханскъ и отдаленныя мѣста уѣзда, производима была на семъ же основаніи— выгода отъ сего очевидна; обитатели всегда благовременно будутъ обезпечиваемы въ своемъ продовольствіи.

Препровождая у сего подлинникомъ условіе Фунтосовыхъ въ доставкѣ хлѣба, я поручаю вашему превосходительству распорядить согласно съ онымъ и выдачу слѣдующихъ имъ по условію денегъ.

При семъ случаѣ нужнымъ считаю просить ваше превосходительство возвратить ко мнѣ препровожденныя отъ 28-го іюня № 996 бумаги, заключающія предложеніе г-на Осипова касательно мѣры взысканія за выданный ясашнымъ Туруханскаго края хлѣбъ деньгами и пушнымъ товаромъ, съ вашими соображеніями и мнѣніемъ на всѣ статьи предположеній.

С. г.-г. М. *Сперанскій.*

12.

20 ноября 1820 года.
№ 1250.
Тобольскъ.

Господину Томскому гражданскому губернатору.

Енисейскій городничій доноситъ, что онъ убѣдилъ Енисейскаго купца Димитрія Деменьтьева и Красноярскаго купца Попова взять поставку къ будущему 1821 году не позже іюня мѣсяца Туруханскій и Верхнеимбатской запасные магазейны ржаной муки хорошей доброты, въ первой 15000, а въ послѣдней 10000 пудъ, съ платою за каждый пудъ по 70 коп. Поставка, выгрузка и переноска въ магазейны хлѣба остается на ихъ отчетѣ, съ тѣмъ, чтобъ изъ условленной за поставку всего количества хлѣба платы 17.500 руб., выдать имъ въ наступающемъ декабрѣ мѣсяцѣ двѣ трети, т. е. 11.666 руб., а остальные за тѣмъ, по совершенной доставкѣ, изъ Туруханскаго казначейства. При семъ случаѣ купецъ Деменьтьевъ, изъ одного состраданія къ бѣднымъ ясашнымъ Туруханскаго края, обязывается закупить для Верхнеимбатскаго магазейна тысячу холщевыхъ хлѣбныхъ мѣшковъ.

Находя таковую поставку выгодною для казны, я разрѣшилъ г-ну Осипову на заключеніе съ купцами Деменьтьевымъ и Поповымъ, на изъясненномъ основаніи, контракта.

О чемъ увѣдомляя, прошу, ваше превосходительство, выдачу слѣдующихъ поставщикамъ денегъ распорядить согласно предъявленному ими условію.

13.

22 ноября 1820 года.
№ 1251.
Тобольскъ.

Господину Енисейскому городничему.

Разсмотрѣвъ донесеніе ваше 29-го минувшаго октября, № 240, о принимаемой купцами Енисейскимъ Деменьтьевымъ и Красноярскимъ Поповымъ на себя поставкѣ въ будущемъ году не позже іюля мѣсяца для Туруханскаго и Верхнеимбатскаго магазейна хлѣба 25000 пудъ съ платою по 70 коп. за каждый пудъ, я нахожу цѣну сію весьма выгодною. Отдавая справедливость содѣйствію вашему въ столь важномъ дѣлѣ, я разрѣшаю васъ заключить съ оными купцами на законномъ основаніи контракты. Выдача денегъ произведена будетъ согласно предъявленному ими условію. О чемъ съ симъ же вмѣстѣ предписано отъ меня Томскому гражданскому губернатору.

Вы не оставите увѣрить отъ имени моего купца Деменьтьева, что вновь дѣлаемое имъ пожертвованіе закупкою тысячи хлѣбныхъ мѣшковъ для Верхнеимбатскаго магазейна, возвышая цѣну прежнихъ его въ пользу бѣдныхъ жителей Туруханскаго края пожертвованій, тѣмъ болѣе поставляетъ меня въ обязанность ходатайствовать въ свое время у Государя Императора о приличномъ его вознагражденіи.

Что касается до назначаемой вами мѣры взысканія съ ясашныхъ за выданный имъ хлѣбъ мягкою рухлядью, то предметъ сей находится еще въ соображеніи и приведенъ будетъ въ окончательное положеніе по прибытіи вашемъ сюда.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

14.

14 іюля 1820 года.
№ 824.
Иркутскъ.

Господину Томскому гражданскому губернатору.

Енисейскій городничій доноситъ, что Туруханскій мѣщанинъ Игнатій Ильинъ, желая содѣйствовать съ своей стороны въ обезпеченіи продовольствія кочующихъ на Тазовской тундрѣ народовъ, принимаетъ на себя перевозить туда отъ рѣчки Блудной казеннаго хлѣба 500 пудъ каждогодно зимнимъ путемъ и сію перевозку продолжать втеченіи 10 лѣтъ, начиная съ настоящаго 1820 года, въ чемъ и представилъ подписку.

Изъявивъ мѣщанину Ильину за таковое пожертвованіе мою признательность и располагаясь въ свое время ходатайствовать ему приличной за то награды, я нужнымъ считаю извѣстить о семъ ваше превосходительство.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

15.

14 іюня 1820 года.
№ 825.
Иркутскъ.

Господину Енисейскому городничему.

Изъявленное Туруханскимъ мѣщаниномъ Игнатьемъ Ильинымъ желаніе перевозить на свой счетъ въ продолженіи 10 лѣтъ каждогодно по 500 пудъ хлѣба съ рѣчки Блудной на Тазовскую тундру для продовольствія тамъ кочующихъ народовъ, заслуживаетъ по всей справедливости признательность начальства. Поручаю вашему высокоблагородію за таковое пожертвованіе изъявить ему отъ лица моего совершенную благодарность съ тѣмъ, что я въ свое время не премину ходатайствовать у Государя Императора приличной за то награды.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

16.

Г-ну Генцу.
27 іюля 1820 года.
Иркутскъ.

Милостивый государь мой
Александръ Петровичъ.

Находившійся по дѣламъ службы въ Туруханскѣ Енисейскій городничій Осиповъ, отъ 22-го іюня пишетъ ко мнѣ, что онъ отнесся къ вамъ о покупкѣ нѣкоторыхъ потребностей, нужныхъ для жителей Туруханскаго уѣзда.

Будучи извѣстенъ о вашемъ усердіи на пользу общую, я съ своей стороны прошу васъ, милостивый государь мой, о удовлетвореніи вышеозначенной просьбы Г-на Осипова. Симъ окажете вы большую помощь жителямъ Туруханскаго уѣзда и мнѣ пріятно будетъ отдать вамъ полную справедливость за ваше усердіе, чтожъ отправлено вами будетъ въ Туруханскъ, не оставьте меня въ свое время увѣдомить.

Тогожъ содержанія купцу Хорошеву (Матвѣю Федоровичу) градскому головѣ.

17.

Милостивый государь мой
Аникита Степановичъ.

Въ письмѣ отъ 22-го іюня объясняете вы, что между прочими распоряженіями о обезпеченіи продовольствія жителей Туруханскаго уѣзда вы отнеслись къ Енисейскому исправнику Генцу, тамошнему же градскому головѣ и купцу Хорошеву о покупкѣ нѣкоторыхъ потребностей.

Хотя официальнаго донесенія о подробностяхъ сего обстоятельства мною еще не получено, но я нынѣ же писалъ какъ къ Енисейскому земскому исправнику, такъ городскому головѣ купцу Хорошеву о скорѣйшемъ исполненіи вашего требованія.

Я надѣюсь, что при содѣйствіи сихъ благонамѣренныхъ людей вы будете имѣть возможность снабдить жителей Туруханскаго уѣзда всѣмъ тѣмъ, что нужно для подкрѣпленія ихъ состоянія.

PS. Оставляя Иркутскъ 1-го августа, я буду ожидать окончательныхъ вашихъ донесеній уже въ Тобольскъ, прося васъ оными поспѣшить.

18.

28 іюля 1820 года.
№ 906.
Иркутскъ.

Господину Томскому гражданскому губернатору.

Енисейскій городничій отъ 5-го минувшаго іюня представилъ мнѣ вѣдомость о назначаемой имъ мѣрѣ взысканія за выданный ясашнымъ Туруханскаго края хлѣбъ деньгами и пушнымъ товаромъ.

Какъ вѣдомость сія, такъ и прочія предположенія, въ донесеніи изъясненныя, требуютъ точнаго соображенія съ мѣстными обстоятельствами, то я нужнымъ счелъ, донесеніе городничаго и упомяную вѣдомость въ подлинникѣ препроводить къ вашему превосходительству на ваше по всемъ предположеніямъ городничаго Осипова мнѣніе и заключеніе.

PS. О дѣлѣ семъ прошу представить мнѣ надлежащее свѣдѣніе въ Томскѣ, гдѣ и можно будетъ рѣшить оное окончательно.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ДВѢНАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

1.

Отдѣленіе 2.
11 февраля 1820 года.
№ 4.
Иркутскъ.

Господину министру финансовъ.

О состояніи питейныхъ сборовъ въ Иркутской губерніи.

Содержаніе Иркутскихъ питейныхъ сборовъ съ давняго времени втеченіи каждаго почти четырехлѣтія подвержено было разнымъ замѣшательствамъ и затрудненіямъ. Тоже самое встрѣтилось и нынѣ.

При отдачѣ сихъ сборовъ купцу Папокову въ настоящемъ четырехлѣтіи принято было отъ него правительствующимъ сенатомъ въ залогъ 2484 души г-жи генералъ-лейтенантши Бахметевой. Залогъ сей былъ ему ввѣренъ по 25 іюня 1819 года. Такимъ образомъ залогъ, на четырехлѣтіе принятый, былъ дѣйствителенъ только на шесть мѣсяцевъ. Недостатокъ сей отчасти поправлялся тѣмъ, что въ особенномъ условіи генералъ-лейтенантша Бахметева обязывалась заплатить Папокову 30.000 руб.; а доколѣ не заплатитъ, дозволяла ему пользоваться залогомъ и далѣе постановленнаго срока. Но деньги она заплатила, и слѣдовательно, залогъ долженъ быть свободенъ.

Здѣшняя казенная экспедиція требовала у содержателей купцовъ Папокова и Кузнецова новыхъ залоговъ. Они внесли деньгами и билетами 80.000 руб.; остальныхъ же 130.090 руб., по многократнымъ ея настояніямъ не вносили. Экспедиція представляла о семъ два раза правительствующему сенату и вмѣстѣ съ тѣмъ просила разрѣшенія и отъ вашего сіятельства.

Въ семъ положеніи нашелъ я сіе дѣло. Видя, что содержатели отлагая пополненіе залога отъ одной недѣли до другой, затрудняютъ только экспедицію тщетною перепискою и вовлекаютъ ее въ разборъ частныхъ ихъ обоюдныхъ другъ на друга жалобъ и притязаній, я предложилъ: 1) на точномъ основаніи контракта взять откупъ въ казенный присмотръ, 2) вызвать другихъ, на мѣсто ихъ желающихъ.

Мѣра сія произвела свое дѣйствіе. Нынѣ получилъ я отъ экспедиціи донесеніе, что 9-го сего мѣсяца содержатели внесли въ пополненіе залога 100.000 руб., въ томъ числѣ 85.000 руб. наличными и 15.000 руб. билетами, и сверхъ того обязались вслѣдъ за симъ внести и остальныя 30.000 руб.; такимъ образомъ и первоначальное допущеніе залога невѣрнаго поправлено и откупъ поставленъ будетъ въ законное его положеніе.

Какъ обстоятельство сіе въ свое время отъ экспедиціи представлено было на разрѣшеніе вашего сіятельства, а нынѣ оно само собою уже разрѣшилось, то и счелъ я долгомъ о семъ донести.

№ 4.
11 февраля 1820 года.

2.

О залогахъ Иркутскаго питейнаго округа.

Иркутскій питейный откупъ, принятый на содержаніе купцами Патюковымъ и Кузнецовымъ, по добровольному ихъ соглашенію съ 1-го генваря 1820 г. сданъ въ единственное управленіе Кузнецову съ полною во всѣхъ случаяхъ отвѣтственностію.

За уступку откупа условія въ пользу Патюкова слѣдующія:

1) Съ Кузнецова получить Патюкову 105.000 руб., изъ коихъ часть уже получена, а остальныя будутъ уплачены по окончаніи откупа.

2) Питейную продажу въ Нижнеудинскѣ и въ уѣздѣ онаго предоставить Патюкову, а платежъ откупной суммы за сіи мѣста; всего въ продолженіи откупа, 117.500 руб., принять Кузнецову.

3) Отданный Патюкову и Кузнецову по Высочайшему повелѣнію въ вѣчное и потомственное владѣніе Ирбитскій желѣзный заводъ оставить за однимъ Патюковымъ со всѣмъ употребленнымъ на возобновленіе его капиталомъ;

и 4) Изъ представленнаго въ обезпеченіе откупной суммы залога наличными деньгами и билетами сохранной казны, считать принадлежностію Патюкова 10.000 руб. и оставить ихъ въ томъ же залогѣ до окончанія откупа.

Иркутское губернское правительство при утвержденіи сихъ условій имѣло въ виду, что имѣніе Патюкова состоитъ подъ запрещеніемъ по требованіямъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ: но на случай взысканій съ него ограничилось только тѣмъ, что Ирбитскій желѣзный заводъ, доставшійся ему въ полное владѣніе, взяло подъ запрещеніе; о чемъ тогда же было донесено вашему высокопревосходительству.

Послѣ сего Иркутская палата гражданскаго суда напоминала правительству, что имѣніе Патюкова, оказавшееся при сей передачѣ откупа, должно состоять подъ запрещеніемъ. Правительство не нашло нужнымъ дѣлать новаго по предмету сему заключенія и распоряженія, и только сообщило казенной экспедиціи, дабы она по окончаніи откупа увѣдомила, въ какомъ положеніи остается капиталъ Патюкова, состоящій нынѣ въ залогѣ Кузнецова.

Нынѣ гражданская палата вновь представила правительству сдѣлать положеніе объ имѣніи Патюкова, который съ одной стороны въ залогѣ за откупъ, а съ другой подъ запрещеніемъ?

Вслѣдствіе сего губернское правительство сообщило казенной экспедиціи, чтобы къ сохраненію капитала, принадлежащаго Патюкову, приняты были надлежащія мѣры; но не ограничиваясь симъ, испрашиваетъ отъ вашего высокопревосходительства разрѣшенія: можетъ ли капиталъ, состоящій подъ запрещеніемъ, быть вмѣстѣ съ тѣмъ и залогомъ по откупу, и не благоугодно ли будетъ приказать откупщику Кузнецову перемѣнить залоги другими.

Слѣдствіемъ сего будетъ нарушеніе всѣхъ тѣхъ условій Кузнецова съ Патюковымъ, которыя утверждены правительствомъ, и откупъ не иначе можетъ существовать, какъ при прежнихъ залогахъ въ содержаніи и Кузнецова и Патюкова.

3.

Отдѣленіе 2.
Столъ 1.
30 ноября 1820 года.
№ 449.
Тобольскъ.

Иркутскому губернскому правительству.

Предложеніе.

Разсмотрѣвъ представленіе исполнительной экспедиціи отъ 10 ноября № 22181 объ остановленной содержателемъ питейныхъ сборовъ продажѣ вина въ городѣ Иркутскѣ, я нахожу, что главный предметъ сего представленія разрѣшается шестою статьею § 30 условій, по коей содержатель подвергается платежу въ казну за простойные дни денегъ, если окажется, что употреблено имъ въ продажу вина менѣе четырехлѣтней сложности; а посему и надлежитъ только сравнить количество проданнаго въ семъ году вина съ минувшею четырехлѣтнею сложностію и потомъ поступить по точному содержанію условій.

По прочимъ обстоятельствамъ того же представленія считаю нужнымъ поставить въ виду правительства слѣдующее:

1. Содержатель питейнаго сбора не можетъ отрицаться отъ подписки, требуемой правительствомъ въ надзорѣ за винопродавцами потому, что онъ, а не правительство людей сихъ опредѣляетъ и отрѣшаетъ. Подписка сія не есть позывъ его къ суду за ихъ преступленіе, но есть подтвержденіе обязанности его въ выборѣ людей надежныхъ и въ надзорѣ за ними.

2. Въ представленіи не означено, кѣмъ было допущено, чтобъ вино, привезенное въ Иркутскъ, безъ свидѣтельства и безъ поступленія въ магазинъ прямо отвезено было по распоряженію содержателя въ водочный его заводъ. Сію неправильность и упущеніе должно съ точностію изслѣдовать и поступить по законамъ.

3. Въ представленіи не означено, было ли дѣйствительно привезенное въ Иркутскъ вино согласно отзыву содержателя отправлено въ Верхнинскъ, когда, въ какомъ видѣ и количествѣ. Если оно отправлено не было: то отзывъ содержателя о недостаткѣ вина совершенно неправиленъ и въ простойныхъ дняхъ онъ долженъ отвѣтствовать по силѣ условій.

4) Не означено также въ представленіи, отъ чего произошло, что винокуреніе на заводахъ открылось не прежде 1-го ноября. О семъ сдѣланъ уже отъ меня конторѣ экспедиціи вопросъ и я ожидаю ея донесенія.

5) Наконецъ не означено въ представленіи, что сдѣлано и какъ поступлено съ тѣми сидѣльцами, кои обличены въ продажѣ вина незаконной доброты и водокъ незаконными мѣрами. Для сего ненужно было мое разрѣшеніе и правительство имѣло и теперь имѣетъ всѣ способы прекратить сіи злоупотребленія.

---

4 (*).

Ваше высокопревосходительство

милостивый государь

Михайло Михайловичъ!

Предложеніемъ Иркутскаго губернскаго правительства конторѣ экспедиціи отъ 8-го минувшаго ноября ваше высокопревосходительство изволили требовать съ первою почтою объясненія о причинѣ остановки продажи вина, о водкахъ, о распоряженіяхъ какія были сдѣланы винною частію объ открытіи винокуренія покрайней мѣрѣ съ сентября мѣсяца и о количествѣ хлѣба въ заводахъ.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ поданъ былъ камерною частію въ присутствіе экспедиціи 29-го ноября докладъ съ объясненіемъ всѣхъ помянутыхъ предмѣтовъ, какъ оные вступали въ экспедицію и какое получали рѣшительное окончаніе. Сколько ни старался смягчить я сей непріятный для экспедиціи докладъ изъ самыхъ вѣрныхъ документовъ заимствованный, но немогъ угодить гг. четыремъ членамъ, кои составляютъ теперь главную силу присутствія экспедиціи, во всемъ и вездѣ противорѣчущую членамъ винной части. Неимѣя возможности чѣмъ отвергнуть исторію своихъ поступковъ, заключили они, что докладъ камерной части неудовлетворителенъ, по сему и поручили секретарю составить особый.—Прилагая при семъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства оной докладъ въ запискѣ, прошу васъ покорнѣйше въ случаѣ сомнѣнія приказать г-ну губернскому прокурору повѣрить оную съ имѣющимися въ камерной части документами. Экспедиція ни какъ не хочетъ сознаться, что она причиною остановки и прекращенія здѣсь продажи вина не умѣстными спорами, продолжавшимися около двухъ мѣсяцовъ о Прейсманѣ, на отрѣшеніе коего должна бы испросить прежде разрѣшенія вашего высокопревосходительства, а между тѣмъ вино курить и недоводить до простою; и напраснаго обвиненія содержателя, котораго поступокъ состоитъ въ томъ, что 300 в. вина на дополненіе спирта слѣдующаго въ Нерчинскъ взялъ изъ питейныхъ домовъ. Не одно впрочемъ

(*) Орѳографія подлинника.

несогласіе сознаться въ упущеніи побуждаетъ экспедицію противорѣчить докладамъ камерной части, но и желаніе устранять меня отъ дѣлъ заключающихъ въ себѣ нѣкоторую важность и поручать должность мою секретарю на основаніи вышедшаго изъ употребленія указа 1714 года апрѣля 4-го дня въ противность 21 статьи наставленія казеннымъ палатамъ даннаго, которою опредѣлено, чтобы неполной докладъ дополнять выправками по замѣчанію вице-губернатора экспедитору, но чтобы по желанію его и другихъ членовъ должность экспедитора поручать секретарю, того во все нѣтъ.

Изъ прилагаемаго при семъ въ копіи отношенія моего къ г. губернскому прокурору и протеста его въ казенную экспедицію вашего высокопревосходительства изволитѣ усмотрѣть, что казенная экспедиція поступаетъ такъ, не въ первый разъ и сколь свободно позволяетъ она себѣ отступать отъ законовъ и справедливости; она не старается даже соблюдать и для виду благопристойности, чтобы намѣренія свои прикрывать гораздо тщательнѣе, ибо весьма ощутительно что вся забота ея состоитъ въ томъ чтобы удалять меня для выгодъ Смирнова, который на дѣла экспедиціи имѣетъ сильное вліяніе, о чемъ послѣ многихъ опытовъ вынужденнымъ нахожусь открыто донести вашему высокопревосходительству. Безпокойнѣйшій изъ членовъ и склоннѣйшій къ Смирнову, для котораго готовы все сдѣлать, совѣтникъ Дорофеевъ, извѣстный здѣсь несноснымъ своимъ характеромъ, онъ ни о чемъ не можетъ разсуждать въ присутствіи безъ того чтобы не придти въ исступленіе, въ которомъ обыкновенныя выраженія его суть ругательства, и ассессоръ Сѣнопрусовъ, котораго Иванъ Семеновичь для того только постарался изъ посредственныхъ секретарей вывесть въ настоящее званіе, чтобы имѣть противъ меня вѣрный голосъ, въ самомъ же дѣлѣ незаслуживаетъ онъ сего мѣста, какъ по малому знанію своему, такъ и по склонности на непозволенныя связи. Я хотѣлъ объ этомъ предварить ваше высокопревосходительство въ бытность вашу здѣсь, но остановился, думая отъ всѣхъ ихъ на всегда избавиться, а нынѣ когда Богу угодно чтобы я съ ними остался и долѣе продолжать тягостную мою службу принужденъ объяснить вамъ всю правду покорнѣйше прося великодушной вашей защиты и покровительства.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и нелицѣмерной преданности имѣю счастіе навсегда пребыть

вашего превосходительства

всепокорнейшимъ слугою

Іосифъ Тукалевскій.

Ноября 30-го 1820 года.
Иркутскъ.

5.

18 декабря 1820 года.
№ 19.
Тобольскъ.

Господину министру финансовъ.

Иркутское губернское правительство донесло мнѣ, что содержатель питейныхъ сборовъ купецъ Кузнецовъ 9-го октября сего года остановилъ въ г. Иркутскѣ продажу вина по питейнымъ домамъ и обращаетъ въ продажу однѣ только высшей доброты водки.

Хотя обстоятельство сіе почти ежегодно въ концѣ года въ Иркутскѣ встрѣчалось и бывъ предвидѣно въ контрактѣ, имѣетъ свой установленный ходъ въ разсчетѣ и взысканіи простойныхъ дней; тѣмъ не менѣе по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, что остановка въ нынѣшнемъ году случилась не отъ двухъ причинъ: *первое* отъ того, что казенная экспедиція за спорами съ камерною частію безъ причины медлила въ открытіи осенняго винокуренія и *второе*, что откупщикъ вино, отпущенное уже ему и развезенное для продажи по питейнымъ домамъ, возвратилъ изъ оныхъ въ водочный свой заводъ для передѣла въ водки, я нужнымъ счелъ, предложеніемъ въ спискѣ при семъ прилагаемомъ, предписать губернскому правительству войти въ подробнѣйшее сего обстоятельства разсмотрѣніе и произвесть объ ономъ строгое слѣдствіе.

Хотя дѣло сіе еще не окончено, я счелъ нужнымъ довести о немъ предварительно до свѣдѣнія вашего сіятельства на случай, если бы оно дошло до разсмотрѣнія вашего.

6.

Объ остановкѣ въ Иркутскѣ продажи вина.

По случаю остановки въ Иркутскѣ продажи требованы были отъ таможней казенной экспедиціи объясненія: [1])

1) Отъ чего произошла остановка въ продажѣ вина, когда количество его по всѣмъ разсчетамъ, въ іюлѣ и августѣ представленнымъ, признано было достаточнымъ до открытія осенняго винокуренія?

2) Произведено ли о семъ происшествіи, такъ какъ и о незаконной продажѣ водокъ произвольными дробными мѣрами, надлежащее изслѣдованіе, и что̀ по оному оказалось?

3) Было ли сдѣлано по винной части надлежащее распоряженіе о бла-

[1]) На полѣ, рукою Сперанскаго: дополнить сіе свѣдѣніе двумя статьями когда отвѣты получены будутъ: 1) О Нерчинскомъ спиртѣ. 2) О продажѣ водки дробными мѣрами.

говременномъ открытіи винокуренія—по крайней мѣрѣ съ сентября мѣсяца?

4) Какое количество хлѣба къ 1-му сентября въ заводахъ налицо состояло, и какое состоитъ къ 1-му ноября?

Нынѣ казенная экспедиція объясняетъ:

1) Въ прошедшій пріемъ винокуренія $18^{19}/_{20}$ изготовлено вина, за исключеніемъ издержекъ на усышку и утечку—$190219^{3}/_{8}$ вед.

Изъ того числа отпущено откупщику въ 1819 г. на счетъ контрактной пропорціи 1820 г. 30000.

Ему же въ разныя времена въ 1820 году—$158401^{5}/_{8}$ вед.

А всего отпущено откупщику—$188.401^{5}/_{8}$ вед.

Прочее количество оставалось въ Илгинскомъ заводѣ $1817^{6}/_{8}$. Изъ сего видно, что откупщикомъ получено сверхъ контрактной пропорціи $8401^{5}/_{8}$.

Хотя казенная экспедиція по росписанію на 1820 г. предполагала сверхъ означеннаго количества выкурить и отпустить откупщику еще $19769^{2}/_{8}$ вед., но не иначе, какъ въ такомъ случаѣ, когда дозволятъ избытки хлѣба на заводахъ и когда заготовленіе онаго для прочихъ казенныхъ частей обезпечено будетъ.

Впрочемъ выкуреннаго количества вина было бы достаточно не только до открытія новаго винокуренія, но и далѣе, если бы откупщикъ не обратилъ всего оставшагося количества на передвойку для Нерчинска въ спиртъ и на продажу по уѣзду; а тѣмъ самымъ прекратилъ продажу въ Иркутскѣ.

2) О происшествіи семъ, равно и о незаконной продажѣ водокъ, произвольными мѣрами, произведено слѣдствіе по распоряженію губернскаго правительства, о чемъ было отъ него особенное донесеніе, которое получило уже свое разрѣшеніе.

3) Причиною неоткрытія съ сентября мѣсяца винокуренія былъ недостатокъ въ заводахъ наличнаго хлѣба, а не менѣе того и извѣстная переписка о безнадежности прежняго винокура Прейсмана. Впрочемъ казенная экспедиція не имѣла въ виду побудительныхъ причинъ къ поспѣшному открытію винокуренія; ибо, *во первыхъ*, къ 1-му сентября состояло въ 3-хъ заводахъ непринятаго откупщикомъ вина $18700^{7}/_{8}$ вед.; *во вторыхъ*, по причинѣ приготовленія вина въ Томскихъ заводахъ, выкурка въ Иркутскихъ въ настоящее дѣйствіе 1820—1821 ограничивается для контрактной пропорціи только 87300 ведрами, и все сіе количество предлежитъ къ отпуску на 1821 годъ.

Изъ сего видно, что казенная экспедиція, по причинѣ недостатка въ хлѣбѣ, отказываетъ откупщику въ отпускѣ предложеннаго ею по росписанію на 1820 годъ излишняго количества $19769^{2}/_{8}$ вед.

4) Наличнаго хлѣба состояло въ обоихъ заводахъ къ 1-му сентября 27966 п. 13 ф. Къ ноябрю 1-му 40450 п. 10 ф.

По контракту съ винокуромъ и на пищу рабочимъ требуется въ мѣсяцъ хлѣба по обоимъ заводамъ 29880 п.

7.

Министерство Финансовъ.
Департаментъ
разныхъ податей и сборовъ.

24 февраля 1820 года.
№ 3.
С.-Петербургъ.

Господину министру финансовъ.

По поводу произшедшихъ между членами Иркутской казенной экспедиціи несогласныхъ мнѣній касательно продажи въ отдаленныхъ мѣстахъ Иркутской губерніи спирта натурою и касательно взысканія съ откупа за отпускаемый ему съ казенныхъ заводовъ спиртъ, экспедиція представила вопросы сіи на мое разрѣшеніе. Изъ представленій экспедиціи оказывается, что два члена оной, совѣтникъ Доротеевъ и ассесоръ Сѣнотрусовъ, признаютъ продажу спирта въ натурѣ непозволенною, а плату за отпускаемый спиртъ полагаютъ взыскивать по количеству отпускаемаго спирта, а не по количеству вина, употребленнаго на выдвойку спирта. Напротивъ, большинство голосовъ членовъ, отвергая таковое мнѣніе ихъ, утверждаютъ, что продажа спирта въ натурѣ существовала въ Иркутской губерніи съ того самаго времени, какъ состоитъ откупъ, и о продажѣ оная изъ разныхъ донесеній экспедиціи извѣстно высшему правительству; равнымъ образомъ и плата за отпускаемый съ заводовъ спиртъ во всѣ прошедшіе откупа происходила и въ настоящемъ происходитъ по мѣрѣ количества вина, употребляемаго на выдвойку спирта; какія же приводятся уваженія къ подкрѣпленію мнѣній съ той и другой стороны, оныя въ подробности изъяснены въ прилагаемыхъ у сего подлинныхъ двухъ представленіяхъ казенной экспедиціи за № № 857 и 4019.

Разсмотрѣвъ сіе представленіе и уваживъ съ одной стороны, что продажа натурою спирта по отдаленнымъ мѣстамъ Иркутской губерніи, какъ изъясняетъ экспедиція, происходитъ съ давняго времени и съ свѣдѣнія высшаго правительства, равно какъ и плата за отпускаемый откупу съ казенныхъ заводовъ спиртъ во всѣ прошедшіе откупы взыскиваема была по мѣрѣ вина, употребляемаго на выдвойку спирта, а не по количеству спирта получаемаго по выдвойкѣ изъ вина; въ какой мѣрѣ взысканіе учинено экспедиціею и за отпущенный 1819 года спиртъ, въ томъ числѣ 7230 вед. (?), а съ другой, что настоящій откупъ приближается уже къ окончанію, я полагаю въ отвращеніе затрудненій и неудобствъ, существующій теперь распорядокъ, какъ въ продажѣ спирта натурою въ отдаленныхъ мѣстахъ губерніи, такъ и во взысканіи за отпускаемый откупу съ казенныхъ заводовъ спиртъ, оставить въ истекающемъ откупѣ на прежнемъ положеніи,—впрочемъ все сіе считаю долгомъ предать на уваженіе вашего сіятельства.

N. N.

8.

Ваше высокопревосходительство,

милостивый государь.

Во время проѣзда вашего высокопревосходительства угодно было позволить мнѣ писать когда за нужное почту. Почему и осмѣливаюсь вашему высокопревосходительству донесть, что въ городѣ Нижнеудинскѣ обстоитъ благополучно, новостей дальныхъ не имѣется, кромѣ того что откупщикъ питейныхъ сборовъ Малеевъ пріѣзжалъ въ Нижнеудинскъ и привезъ съ собою указъ казенной экспедиціи на имя мое, въ коемъ прописывается, что какъ продажи вина не имѣется по рапорту моему, то и представляется ему Малееву производить оную, какъ не предвидится въ томъ никакого препятствія. Но вмѣсто того Малеевъ далъ своему повѣренному довѣренность отобрать у Патюкова повѣреннаго, какъ вино, такъ и деньги, удалилъ сидѣльцевъ безъ всякаго разсчета, и сверхъ того запечатавъ винный подвалъ самовольно и безъ вѣдома полиціи не имѣя на то законнаго вида, чрезъ нѣсколько дней прибыло и вино купленное съ Томскихъ заводовъ Патюковымъ. Малеевъ немедленно приступилъ къ отобранію онаго, но я видя не законные его поступки, что приступаетъ къ отобранію Патюкова вина, не имѣя на то законнаго права, приставилъ къ тому вину караулъ и тѣмъ не допустилъ ему Малееву оное захватить. По поступившему въ общее присутствіе откупщика Патюкова отъ повѣреннаго его 1-й гильдіи купца Кузнецова прошенію, общее присутствіе приступило доставленное Патюковымъ вино поставить въ винный подвалъ, почему общее присутствіе почло нужнымъ для распечатанія подвала пригласить и Малеева или повѣреннаго его Веселова. Въ то время Малеевъ находился у исправника, но Малеевъ чрезъ посланнаго отозвался тѣмъ, что ему время нѣтъ. Общее присутствіе и приступило разрѣзать положенной на подвалѣ печати Веселовымъ шнуръ и вино приказали вкатить въ подвалъ и запечатать казенной печатью приставивъ караулъ. Между тѣмъ Малеевъ пріѣхалъ въ общее присутствіе въ пьяномъ видѣ, поступилъ весьма дерзко и дѣлая членамъ общаго присутствія разныя укоризны. Притомъ сказалъ онъ: «Я печать оторву»; просилъ меня одного показать ему печать, гдѣ тогда стоялъ казакъ Корелинъ на часахъ, подойдя къ печати весьма близко съ намѣреніемъ сорвать оную, но часовой его оттолкнулъ, за что Малеевъ его выругалъ неблагопристойными словами при видѣ моемъ и судьи Шелковникова, ругаясь скверными словами. При таковомъ Малеева поступкѣ хотя и слѣдовало поступить съ нимъ по уставу благочинія, но, какъ извѣстно, что ему въ Иркутскѣ благодѣтельствуютъ весьма многіе начальники и дабы не могли сочесть къ каковому либо притязанію оставилъ безъ всякаго содѣйствія; но между тѣмъ общее присутствіе о поступкахъ Малеева донесло губернскому правительству, о каковыхъ поступкахъ донеся и вашему высокопревосходительству предаю на благоразсмотрѣніе и покорнѣйше прошу въ подобныхъ сему случаяхъ защиты и покровительства,

дабы и другой кто не могъ самовольно и столь дерзко поступить, приказать учинить законное удовлетвореніе.

Сверхъ вышеописанныхъ обстоятельствъ, у насъ въ уѣздномъ судѣ между членами и судьею Шелковниковымъ открылись большія несогласія, о чемъ переписка происходитъ въ губернское правительство. Лѣто у насъ было по 16 іюня весьма холодное, но послѣ наступили погоды очень хорошія и по сіе число продолжаются и не было еще называемыхъ иньевъ или изморозей. Хлѣбы мѣстами родились хороши, особенно яровые. Вашему высокопревосходительству осмѣливаюсь доложить, не угодно ли будетъ учинить благовременно покупку хлѣба для выгодныхъ цѣнъ. Въ здѣшнихъ провіантскихъ магазинахъ остается хлѣба только 2000 п. не съ большимъ. Болѣе къ донесенію вашему высокопревосходительству ничего не имѣю, какъ только покорнѣйше просить по обѣщанію вашего высокопревосходительства о исходатайствованіи монаршей мнѣ милости, о чемъ имѣлъ смѣлость отъ октября мѣсяца 1820 года писать къ вашему высокопревосходительству въ Тобольскъ, но дошло ли оное я неизвѣстенъ. За симъ предавъ въ полное покровительство вашего высокопревосходительства, имѣю честь быть вашего высокопревосходительства,

милостивый государь,

покорнѣйшій слуга

Иванъ Динаталь.

Августа 29 дня 1821 года.
Нижнеудинскъ.

9.

Ваше высокопревосходительство,

милостивый государь.

Простите мнѣ великодушно частыя затрудненія, коими ваше высокопревосходительство безпокою. Ни пожертвованіе моею собственностію, ни удаленіе мое въ ущелины, окруженныя горами и непроходимыми лѣсами, не сильно было заставить умолкнуть недоброжелательство моихъ обидчиковъ. Они видя сколь я равнодушенъ и спокоенъ въ моемъ уединенномъ убѣжищѣ, и всѣ прежде противу меня исполненныя коварства презираю, не перестаютъ гдѣ только можно обнаруживать противу меня несправедливыя свои мщенія. Гдѣ просить и правосудія искать? Гдѣ жаловаться о нынѣ сдѣланной мнѣ обидѣ? Нигдѣ кромѣ какъ у стопъ благодѣтеля Сибири, у вашего высокопревосходительства, коего правота, человѣколюбіе и милость спасли и защитили многія тысячи человѣкъ, возносившихъ тяжкіе вздохи къ Творцу и молившихъ о облегченіи обременяющей ихъ участи.

Въ совершенной надѣянности на милость и правосудіе дерзнулъ я двумя просьбами отъ 11 и 17 чиселъ сего августа прибѣгнуть къ вашему высокопревосходительству, изъ коихъ соизволите усмотрѣть всѣ коварства, кои недоброжелательные мнѣ люди себѣ позволяютъ для преслѣдованія меня. Увѣренъ, что ваше высокопревосходительство прикажете удержать купца Кузнецова отъ разстройства дѣлъ моихъ по Нижнеудинскому откупу, гдѣ онъ совсѣмъ сторонній человѣкъ по силѣ условія, между мною и имъ заключеннаго, вашимъ высокопревосходительствомъ и Иркутскою казенною экспедиціею утвержденнаго.

Не удивительно и не больно мнѣ видѣть таковой поступокъ отъ людей, характеръ и качество коихъ мнѣ извѣстно; но для меня огорчительно то только, что разоривъ меня, и сдѣлавъ затрудненія по всѣмъ моимъ оборотамъ, затрудняютъ мнѣ возстановленіе Ирбинскаго завода, гдѣ, слава Богу, всѣ дѣла съ хорошимъ успѣхомъ производятся; ежели я по разнымъ предметамъ долженъ буду имѣть значительный убытокъ, то неизбѣжно послѣдуетъ, что весьма значущій капиталъ и всѣ мои донынѣ произведенные труды, на сей предметъ пожертвованные, видѣть потерянными.

Имѣю счастіе донести вашему высокопревосходительству, что прежде бывшая въ плотинѣ 13 числа сего мѣсяца съ Божіею помощію завалена; рѣка Ирба запружена, и съ 17 числа теченіе имѣетъ въ новый прорѣзъ. Теперь принимаюсь за постройку фабрикъ, совершенное укрѣпленіе плотины, а по открытіи будущей весны приступлю къ сдѣланной доменной печи, и надѣюсь имѣть въ зиму 1822 года издѣлья здѣшняго завода. Въ награду за неусыпные мои труды, кои Богъ благословляетъ и втеченіи нынѣшняго лѣта дарованіемъ хорошей погоды, которая столь благопріятна, что жители здѣшняго края подобной и незапомнятъ. Дожди съ начала іюля мѣсяца весьма рѣдко были, съ громомъ и грозою немного разъ; сего августа 4 числа была гроза съ сильнымъ градомъ, которымъ по Курагинской волости десятинъ до ста хлѣба зрѣлаго къ жниву побито; впрочемъ въ хлѣбѣ и овощахъ хорошій урожай. Время стояло удобное для кошенія травы на сѣно, котораго успѣлъ я до 15000 копенъ поставить для раздачи вновь водворяющимся здѣсь рабочимъ и домашнихъ до 300 скотинъ.

Сего мѣсяца посѣялъ я 20 десятинъ озимоваго хлѣба, прежде же сего вблизи здѣшнихъ мѣстъ не сѣяли льну, я сдѣлалъ первый опытъ и ленъ уродился весьма хорошій.

Имѣю счастіе и проч.

Василій Патюковъ.

Августа 17 дня 1820 года.
Ирбинскій заводъ.

10.

№ 186.
Апрѣля 1820 года.

Иркутской казенной экспедиціи.

По прилагаемому при семъ представленію г. губернскаго прокурора предлагаю казенной экспедиціи:

1) Войтить въ подробное разсмотрѣніе причинъ, отъ коихъ произошелъ недостатокъ дровъ на винокуренныхъ заводахъ и неблаговременное ихъ заготовленіе.

2) Уваживъ представленныя г. губернскимъ прокуроромъ обстоятельства, что нарядомъ заводскихъ людей къ безвременной и дальней вывозкѣ дровъ могутъ они потерпѣть разоренія и впослѣдствіи времени будутъ не въ состояніи отправлять заводскихъ работъ, принять лучшія и удобнѣйшія мѣры къ заготовленію дровъ, полнымъ ли наймомъ или прибавкой самымъ рабочимъ такой платы, которая бы была соразмѣрна дѣлу и для нихъ не разорительна.

11.

Иркутской казенной экспедиціи

предложеніе.

16 іюня 1820 года.
№ 287.

Отъ 12 сего іюня, казенная экспедиція представляла мнѣ, что для будущаго винокуренія въ Илгинскомъ заводѣ, которое откроется въ октябрѣ сего года, нужно заготовить извѣстное количество дровъ; но какъ окрестные крестьяне не соглашаются взять менѣе 2 р. 50 к. за сажень, а заводскіе рабочіе не имѣютъ къ производству сего дѣла ни порядочныхъ лошадей, ни сбруи, то признано необходимымъ, дабы сіи послѣдніе могли выполнить потребность дровъ безъ отягощенія, увеличить цѣну, платимую ими за сажень, и именно къ 1 рублю прибавить еще 50 копѣекъ.

По соображеніи сего съ нынѣшними обстоятельствами заводскими, я предлагаю казенной экспедиціи отложить до времени винокуреніе на Илгинскомъ заводѣ, какъ по недостатку хлѣба въ здѣшней губерніи, такъ и потому, что продовольствіе оной виномъ обезпечено будетъ принятыми мѣрами, вслѣдствіе коихъ Томскіе винокуренные заводы будутъ дѣлать Иркутскимъ вспомоществованіе виномъ и спиртомъ. При таковыхъ распоряженіяхъ не нужнымъ почитаю заготовлять нынѣ дрова для Илгинскаго винокуреннаго завода и увеличивать плату за то рабочимъ.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

*

12.

Милостивый государь мой,

Николай Петровичъ!

Замѣчаніе ваше въ письмѣ ко мнѣ, отъ 16 сего іюня, на счетъ 4-хъ—пузырьковаго спирта, назначеннаго въ пособіе Иркутскому винокуренію, я нахожу основательнымъ. По предмету сему здѣшняя казенная экспедиція вошла ко мнѣ съ представленіемъ, въ которомъ обращаетъ вниманіе на количество не вина, а хлѣба, изъ коего спиртъ 4-хъ-пузырьковой пробы можетъ быть выкуренъ. Она полагаетъ, что изъ 50000 пудъ хлѣба на Иркутскихъ заводахъ выйдетъ той же пробы спирта до 21000, а на Томскихъ, какъ показано въ запискѣ г. Томскаго гражданскаго губернатора, съ небольшимъ 17000 ведръ. Для показанія способа, каковой употребляется въ здѣшнихъ заводахъ для выгодной выдвойки спирта, она предлагаетъ командировать въ Томскъ винокура Кукина, производящаго винокуреніе на Илгинскомъ заводѣ.

Препровождая при семъ выписку изъ донесенія Иркутской казенной экспедиціи по сему предмету, я буду ожидать вашего мнѣнія, а между тѣмъ прошу васъ распорядиться заготовленіемъ вина для Иркутской губерніи такъ, какъ вы найдете для пользы казны выгоднѣйшимъ и удобнѣйшимъ.

Съ истиннымъ и проч.

М. Сперанскій.

№ 303.
30 іюня 1820 года.
Иркутскъ.
Его высокородію Н. П. Горлову.

13.

14 іюля 1820 года.
№ 328.
Иркутскъ.

Томской казенной экспедиціи

предложеніе.

Сообразивъ представленныя мнѣ отъ общаго присутствія Томскаго губернскаго правительства, отъ 30 іюня, отъ Томской казенной экспедиціи, отъ 1 іюля, и отъ Иркутской казенной экспедиціи, отъ 9 іюля, свѣдѣнія, относительно пособія Томскаго винокуренія Иркутскому, на основаніи оныхъ считаю нужнымъ Томской казенной экспедиціи предложить:

1) Употребить извѣстныя мнѣ объ общихъ пользахъ попеченія и дѣятель-

ный надзоръ Томской казенной экспедиціи, дабы количество вина, предполагаемое къ выкуркѣ для Иркутской губерніи составляло всего вообще на будущій годъ 100000 ведръ.

2) Пріемъ сего вина, на трехъ Томскихъ заводахъ, отправленіе и доставленіе его зимнимъ путемъ на мѣста, будетъ состоять на попеченіи Иркутской казенной экспедиціи, и никакихъ заботъ въ сихъ распоряженіяхъ Томская казенная экспедиція принимать на себя не обязана.

3) При семъ прошеніе коммисіонера содержателя питейныхъ сборовъ, г. ген.-лейт. кн. Голицына, въ представленіи казенной экспедиціи означенное, непремѣнно должно принять во уваженіе и удовлетворить его изготовленіемъ для откупа прибавочныхъ 35000 ведръ, тѣмъ болѣе, что для другаго содержателя назначается также въ прибавку до 30000 ведръ, и что предпочтительное удовлетвореніе одного изъ двухъ винныхъ содержателей было бы и неуравнительно, и несправедливо.

4) Хотя по сему разсчету все количество, къ заготовленію на будущій годъ предполагаемое, возвысится до 336500 ведръ, но какъ съ одной стороны заводы Томскіе доведены до наилучшаго устройства, а съ другой и запасы ихъ настоящіе значительны, и всѣ свѣдѣнія и состоящія нынѣ на хлѣбъ цѣны обѣщаютъ обильную жатву; то и нельзя предполагать, чтобъ сіе количество было силамъ заводовъ несоразмѣрно.

5) Совсѣмъ тѣмъ, если Томская казенная экспедиція по ближайшему разсмотрѣнію всѣхъ обстоятельствъ найдетъ впослѣдствіи, что всего означеннаго количества заводы Томскіе произвесть не могутъ, тогда она не оставитъ дать о семъ знать благовременно Иркутской казенной экспедиціи, которая съ своей стороны распорядится усилить по крайней возможности заготовленіе вина на Иркутскихъ заводахъ, дабы вознаградить то, чего въ положенную 100000 вед. пропорцію будетъ недоставать на Томскихъ.

14.

1 января 1821 года.
№ 1.
Тобольскъ.

Господину министру финансовъ.

Я имѣлъ честь въ свое время доносить вашему сіятельству о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ по Иркутской губерніи о снабженіи ея виномъ изъ Томскихъ винокуренныхъ заводовъ.

Нынѣ Иркутская казенная экспедиція мнѣ доноситъ, что большая часть сего вина коммисіонеромъ ея на Томскихъ заводахъ принята, а къ пріему и доставленію остальнаго всѣ распоряженія окончены. По предварительному ея исчисленію вино сіе (100000 в.) обойдется ей и съ поставкою на мѣсто не дороже 2 р. 71 коп. и слѣдовательно по истинной его цѣнѣ пріобрѣтается на ведро около 20 коп., — выгода, коей невозможно было бы надѣяться даже и тогда, когда бы хлѣбъ умѣренными цѣнами могъ быть заготовленъ и вино сіе выкурено было въ Иркутскѣ.

По сему разчету, а паипаче по тому уваженію, что цѣны хлѣбныя и нынѣ въ сей губерніи высоки и заготовленіе его на казенныя потребности производится съ великимъ затрудненіемъ, казенная экспедиція мнѣ представила, чтобъ и на будущій 1822 годъ выкурить для псе вина до 120000 в. на Томскихъ же заводахъ и доставить егоотгуда въ спиртѣ, подобно тому, какъ сдѣлано сіе въ настоящій годъ.

Утвердивъ сіи предположенія, я предложилъ Томской казенной экспедиціи, при настоящемъ приготовленіи хлѣба присоединить къ собственнымъ ея потребностямъ и то количество, какое нужно для выкурки вина для Иркутска. Вслѣдствіе сего по торгамъ, открытымъ въ тамошнемъ губернскомъ правительствѣ, и сдѣланы уже надлежащіе подряды. Цѣны хотя и превышаютъ прошлогоднія, но вообще кажутся еще довольно умѣренными, чтобы обѣщать небезвыгодное для казны винокуреніе; а какъ вся пропорція вина потребнаго для Иркутской губерніи, составляетъ 180000 ведръ, то и остается за симъ на Иркутскихъ заводахъ выкурить не болѣе 60000 ведръ.

Я счелъ долгомъ о всѣхъ сихъ распоряженіяхъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

15.

3 января 1821 года.
№ 2.

Томскому губернскому правительству

предложеніе.

Затрудненія, встрѣчающіяся въ Иркутской губерніи въ заготовленіи хлѣба для продовольствія войскъ, для запасныхъ казенныхъ магазейновъ и для удовлетворенія потребностямъ Якутска и другихъ отдаленныхъ мѣстъ, такъ какъ и неизвѣстность будущаго урожая, представляютъ необходимымъ принять благовременно мѣры къ снабженію тамошняго откупа виномъ на 1822 годъ.

Въ семъ уваженіи я считаю нужнымъ предложить Томскому губернскому правительству, при настоящемъ заготовленіи хлѣба для винокуренныхъ заводовъ, въ Томской губерніи состоящихъ, присоединить къ пропорціи ихъ количество нужное для выкурки на Томскихъ же заводахъ, по примѣру настоящаго года, до ста тысячъ ведръ вина спиртомъ на счетъ Иркутской казенной экспедиціи; о чемъ вмѣстѣ съ симъ и оной экспедиціи отъ меня предложено.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ТРИНАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

1.

7 Іюля 1820 года.
№ 517.
Иркутскъ.

Г. директору Тельминской суконной фабрики.

Разсмотрѣвъ донесеніе, представленное мнѣ отъ коммисіи, наряженной для ревизіи Тельминской фабрики, считаю нужнымъ имѣть объясненіе на слѣдующіе предметы:

1. *О количествѣ шерсти.* Коммисія представляетъ, что шерсти заготовлено въ фабрикѣ въ количествѣ несоразмѣрномъ обыкновенному ея издѣлію. Посему нужно знать, по какому приказанію составленъ былъ разсчетъ ежегодной поставки при заключеніи контракта, превышающій дѣйствительную потребность.

2. *Доброта шерсти.* Коммисія находитъ, что шерсть вообще груба и песковата и что для удобренія ея количество поярковой несообразно. Нужно знать, отчего произошла сія несоразмѣрность, какія правила постановлены были въ контрактѣ для бранья (?) шерсти, и какія дѣйствительно были при пріемѣ наблюдаемы.

5. *Цѣна шерсти.* Цѣна сія по показанію коммисіи возрасла вдругъ при заключеніи контракта болѣе нежели вдвое. Отчего произошло сіе превосходство, что было къ тому поводомъ и что было причиною сего возвышенія цѣнъ.

4. Въ февралѣ мѣсяцѣ сего года заключенъ съ Ольхонскими бурятами договоръ на поставку къ іюню мѣсяцу около 700 п. рунной шерсти до 9 р. и 15 п. поярковой по 11 руб. Хотя заключеніе сего договора мною утверждено, но утвержденіе основано было на вашемъ представленіи; мнѣ же не было еще тогда извѣстно, что фабрика, какъ нынѣ оказалось, имѣетъ въ шерсти столь значительный избытокъ.

По всѣмъ симъ статьямъ поручаю вамъ доставить мнѣ нужныя и на производствѣ дѣлъ основанныя изъясненія.

2.

№ 577
25 Іюля 1820 года.
Въ Иркутскѣ.

Г. полковнику и кавалеру Платонову.

По прошенію директора Тельминской суконной фабрики, кол. сов. Соколовскаго, предназначивъ его къ увольненію отъ сей должности, поручаю вамъ принять отъ него фабрику и вступить въ управленіе ею въ званіи ея директора.

Пріемъ фабрики произвести установленнымъ порядкомъ, съ слѣдующими особенными примѣчаніями:

1) Сдача въ коммисаріатъ суконъ, втеченіи настоящаго года изготовленныхъ и отдѣлкою совершенно оконченныхъ, должна быть произведена подъ собственнымъ распоряженіемъ г. кол. сов. Соколовскаго.

2) Какъ отчетъ настоящаго года заключать въ себѣ будетъ двѣ части, изъ коихъ одна, составляющая первые 8 почти мѣсяцевъ, принадлежитъ къ предъидущему управленію, а другая (4 мѣсяца) къ послѣдующему, то въ предупрежденіе запутанностей, недоразумѣній и переписокъ, нужно при самомъ пріемѣ фабрики установить общую раскладку на сукна всѣхъ издержекъ, приведя оныя въ точную ясность.

3) При положеніи въ цѣну хозяйственныхъ инструментовъ и заведеній означать не токмо то, чего они первоначально стоили, но и то, что̀ нынѣ сто̀ятъ по настоящему ихъ состоянію и годности.

4) Долги фабрики, на частныхъ людяхъ при ревизіи оной оказавшіеся, принимать не иначе, какъ съ надлежащимъ удостовѣреніемъ, точно ли всѣ тѣ лица считаютъ себя должными фабрикѣ, кои въ реестрѣ коммисіи показаны.

5) Хотя по существующему нынѣ положенію всѣ сукна, на фабрикѣ производимыя, велѣно отдавать въ коммисаріатъ, но какъ 1) при фабрикѣ заведена сверхъ солдатскихъ суконъ выдѣлка суконъ изъ верблюжьяго пуху; 2) есть бракъ, по цвѣту и добротѣ на коммисаріатское употребленіе совершенно негодный, и какъ всѣ сіи издѣлія доселѣ обращались въ вольную продажу и приносили фабрикѣ немаловажную прибыль, то и на будущее время впредь до общаго разрѣшенія таковыя издѣлія, дабы изготовленные матеріалы не пали въ ущербъ фабрикѣ, обращать въ вольную продажу по выгоднѣйшимъ для фабрики цѣнамъ.

6) Впрочемъ, войдя въ хозяйственное по всѣмъ частямъ разсмотрѣніе, вы не оставите обо всемъ, что къ поддержанію и усовершенію фабрики относиться будетъ, представлять мнѣ на усмотрѣніе; о состояніи же, въ коемъ вы примете фабрику во всѣхъ ея частяхъ, вы не оставите мнѣ донести съ подробными вашими замѣчаніями, дабы съ одной стороны заслугамъ бывшаго ея директора отдать надлежащую справедливость, а съ другой и недостатки, какіе въ ней оказаться могутъ, не пали на вашу отвѣтственность.

3.

8 Ноября 1820 года.
№ 780.
Тобольскъ.

Г. директору Тельминской суконной фабрики.

Разсмотрѣвъ представленіе в. в-дія, отъ 11 октября, № 254, я и съ своей стороны признаю замѣчанія ваши въ разсужденіи оказывающагося недостатка въ суконахъ, поступившихъ въ пріемъ отъ предмѣстника вашего, основательными; но какъ кол. сов. Соколовскій объясняется, что изъ 70-ти фунтовъ выдѣлывать каждую половинку сукна въ 31 аршинъ по многимъ уважительнымъ причинамъ было невозможно, что̀ случалось не только въ управленіе его Тельминскою фабрикою, но и во время управленія оною предмѣстниковъ его, какъ-то ген.-м. Новицкаго, гг. Северинова и Коха, то обстоятельство сіе должно быть разсмотрѣно, и до окончательнаго по оному постановленія не долженъ онъ подвергаться строгой отвѣтственности. Такъ равно и въ разсужденіи недостатка въ шерсти, какой полагаете вы послѣдуетъ потому, что оная недовольно хорошо промыта, по мнѣнію моему, также нельзя требовать опредѣленнаго обезпеченія до того времени, пока обнаружится сіе на самомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе удерживать его при фабрикѣ: ибо чиновникъ сей, не имѣя въ Иркутской губерніи никакого имущества, не можетъ обезпечить безъ особеннаго разстройства вышеозначенные недостатки, долженствующіе еще быть разсмотрѣнными. Но если по разсмотрѣніи дѣлъ онъ долженъ будетъ подвергнуться взысканію, то отъ онаго нигдѣ избѣжать онъ не можетъ. Посему я считаю справедливымъ снабдить его квитанціею во всемъ томъ, что отъ него принято вами, и неудерживать болѣе при фабрикѣ.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

PS. Въ квитанціи можно именно включить, что два вышеозначенныя обстоятельства предоставлены разсмотрѣнію высшаго начальства.

4.

3 декабря 1819 года.
№ 308.

Г. директору Тельминской казенной суконной фабрики.

Усматривая изъ донесенія вашего, № 1205, съ одной стороны, что мастеръ Никитинъ съ семействомъ выписанъ изъ С.-Петербургскаго Императорскаго стекляннаго завода на время, для производства работъ при Тельмин-

ской фабрикѣ, по сношенію предмѣстника моего съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, съ назначеніемъ ему того же самого содержанія, какое получалъ онъ въ прежнемъ своемъ мѣстѣ, и со всѣми тратами для подъема и путеслѣдованія его сюда; съ другой же стороны, что онъ Никитинъ по настоящему состоянію стеклянныхъ работъ и по собственному моему (своему) (?) положенію болѣе уже для фабрики не нуженъ,—я полагаю:

1) Никитина отправить въ Петербургъ по прежнему его мѣсту со всѣмъ семействомъ безъ отлагательства.

2) Удовлетворивъ его недоданнымъ жалованьемъ, заключающимся по счисленію вашему въ 1.428 р. 46½ к., совокупно съ тѣмъ выдать ему какъ принадлежащіе на двѣ лошади прогоны, такъ и назначенные вами на путевое его содержаніе 90 р.

3) Всѣ тѣ вещи, кои вы признали нужными на подъемъ и окапировку его съ семействомъ по теперешнему зимнему времени, и на кои исчислено вами 200 р. выдать ему натурою.

Поручая все сіе распоряженію вашему, я прошу приказать Никитину явиться ко мнѣ, коль скоро онъ будетъ въ готовности отправиться въ Петербургъ.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

5.

5 Января 1821 года.
Тобольскъ.

(Г. Полторацкому).

Милостивый государь мой Александръ Марковичъ!

Коммисіонеръ Иркутской казенной суконной фабрики, коллежскій секретарь Таланкинъ, бывъ откомандированъ для покупки нѣкоторыхъ вещей въ Москвѣ, имѣетъ порученіе при семъ случаѣ заѣхать на тѣ изъ суконныхъ фабрикъ, которыя отличаются искуствомъ выдѣлывать сукна и сколько возможно позаимствоваться примѣрами.

Зная по достовѣрнымъ слухамъ, что ваше превосходительство въ уединеніи вашемъ изволите заниматься сею частію хозяйства и привели ее въ цвѣтущее состояніе, я совѣтывалъ коммисіонеру сему явиться къ вамъ, что и по дружбѣ ко мнѣ вашей и по общему распредѣленію (?) вашему ко всякому добру, не откажетесь принять его въ благосклонное ваше вниманіе и показать ему ваши заведенія. Имѣю честь быть и проч.

М. Сперанскій.

6.

Милостивый государь,

Михайло Михайловичъ!

Почтенное письмо вашего превосходительства я имѣлъ удовольствіе получить чрезъ коммисіонера Тельминской суконной фабрики Таланкина. Примите истинную и живѣйшую мою благодарность за всѣ лестныя выраженія на мой счетъ. Благосклонное ваше расположеніе я всегда въ полной мѣрѣ цѣнить умѣлъ и душевно желаю во всемъ споспѣшествовать желанію вашему.

Г. Таланкинъ пробылъ у меня 3 дня и съ большимъ тщаніемъ разсматривалъ мое заведеніе. Онъ чрезмѣрно старателенъ и съ пріобрѣтеніемъ опытности, при подобныхъ заведеніяхъ неизбѣжной, кажется можетъ быть весьма полезнымъ человѣкомъ. Я сообщилъ ему мои мысли, изъ которыхъ онъ въ скорости сдѣлалъ извлеченіе, мною въ оригиналѣ препровождаемое. Съ обыкновенною моею искренностью долженъ сказать, что всякая предпріимчивость, съ какою бы точностью сдѣлана ни была, ежели только частію будетъ произведена, не произведетъ пользы. Заведеніе машинъ требуетъ со всѣмъ другаго производства и учетъ фабрики вовсе перемѣняется. И для того заведеніе одной машины безъ пріобрѣтенія всего комплекта было бы только излишняя трата денегъ, безъ существенной пользы, тѣмъ болѣе что безъ рачительности и навыку въ сбереженіи и хожденіи, самыя лучшія машины безполезны. Г. Таланкинъ изъявилъ мнѣ желаніе получить для Иркутской фабрики собраніе машинъ. Я согласенъ буду ихъ соорудить и обучить потребное число мастеровыхъ для управленія и установленія ихъ съ тѣмъ, что съ примѣра сего сіи люди могутъ со временемъ снабдить Иркутскую суконную фабрику потребнымъ количествомъ машинъ на дѣйствіе всего заведенія. Сіе предпринимаю единственно изъ желанія споспѣшествовать волѣ вашей.

Я слышу, что ваше превосходительство будете въ Пензу. Дорога въ Петербургъ лежитъ черезъ Тамбовъ мимо села Разсказова. Позвольте мнѣ ласкать себя пріятною мыслію видѣть васъ у себя. Хотя и опасаюсь, что личное ваше обозрѣніе заведенія моего и умалитъ ту славу, которую безъ заслугъ моихъ получилъ, но не менѣе того позвольте жертвовать самолюбіемъ неоцѣненному удовольствію видѣть васъ и изустно удостовѣрить, сколь много почитаю васъ.

Ежели къ сожалѣнію моему вы Тамбовъ минуете, доставьте мнѣ способъ хотя на нѣсколько минутъ взглянуть на васъ, приказавъ меня извѣстить

предварительно о днѣ проѣзда вашего. Я не премину явиться на ближайшую станцію.

Имѣю честь быть и проч.

покорнѣйшій слуга

А. Полторацкій.

Село Разсказово.
Февраля 10 дня 1821 года.

7.

22 апрѣля 1821 года.
С.-Петербургъ.

(Директору Павловской фабрики).

Милостивый государь мой,

Андрей Семеновичъ!

Находившійся здѣсь коммисіонеръ Иркутской казенной суконной фабрики, коллежскій секретарь Талапкинъ, имѣя порученіе быть на суконныхъ фабрикахъ и сколько возможно позаимствоваться примѣрами, былъ допущенъ во всѣхъ здѣшнихъ заведеніяхъ къ наблюденію. Нынѣ, отправляя сего чиновника обратно чрезъ Москву, я приказалъ ему быть непремѣнно и на Павловской фабрикѣ, отличающейся искусствомъ въ рукодѣліи. Посему прошу ваше высокородіе принять его въ благосклонное вниманіе ваше и показать ему означенное заведеніе.

8.

19 апрѣля 1821 года.
№ 166.
С.-Петербургъ.

Коммисіонеру Иркутской казенной суконной фабрики, г. коллежскому секретарю Талапкину.

Изъ прилагаемаго при семъ въ спискѣ отношенія ко мнѣ г. министра финансовъ и приложеній при ономъ вы усмотрите, что мануфактуръ - совѣтникъ и механикъ Гейтенъ принялъ на себя обязанность заказанныя дѣйствительному камергеру Витовтову для Иркутской казенной суконной фабрики прядильныя и чесальныя машины, которыя оставались въ С.-Петербургѣ весьма долгое время и наконецъ оказались неудобными, привести въ надле-

жащее устройство; сверхъ того сдѣлать снарядъ ворсочесальныхъ ножницъ и рисунокъ съ описаніемъ вновь изобрѣтеннаго такъ называемаго одночелночнаго суконнаго стана обще съ моделью челнока, дабы таковые могли быть приуготовлены на самой Иркутской фабрикѣ и введены въ употребленіе. За сіе съ укладкою всѣхъ вещей и доставкою ихъ въ Нижній Новгородъ выпросилъ г. Гейтенъ 8.500 р., но съ тѣмъ, если вещи сіи будутъ отъ него приняты въ Москвѣ, то 500 р. онъ уступаетъ. Г. министръ финансовъ, предоставивъ сіе на мое усмотрѣніе, проситъ увѣдомить его, какъ признано мною будетъ удобнѣе принять отъ г. Гейтена означенныя вещи, въ Москвѣ или Нижнемъ Новгородѣ, и кому именно ихъ г. Гейтенъ сдать долженъ будетъ.

По соображеніи сего условія признавъ удобнѣе и выгоднѣе для фабрики, чтобъ означенныя машины доставлены были г. Гейтеномъ до Нижняго Новгорода, я сдѣлалъ нынѣ же таковой отзывъ г. министру финансовъ для дальнѣйшаго о семъ съ его стороны распоряженія; пріемъ же оныхъ машинъ возлагая на васъ, я поручаю вашему благородію:

1) По прибытіи въ Москву отыскать г. мануфактуръ-совѣтника Гейтена и если будутъ къ тому времени готовы машины, то принять отъ него оныя и всѣ слѣдующія по условію вещи по описи, съ тѣмъ, чтобъ оныя при васъ были уложены въ ящикахъ и закупорены прочнымъ образомъ.

2) Вамъ извѣстно, что до Казани, Перми и далѣе къ Иркутску должна будетъ означенная тягость перевозиться сухопутно, то не оставьте наблюсти, чтобъ всѣ вещи уложены были какъ можно раздробительнѣе и въ ящикахъ уложенныхъ (?) для перевозки.

3) Такъ какъ уже признано удобнѣе и выгоднѣе для фабрики, чтобъ оныя были доставлены имъ до Нижняго Новгорода, то, предоставивъ ему отправленіе ихъ туда, не оставьте распорядить дальнѣйшее отправленіе ихъ на фабрику, посредствомъ разныхъ сношеній вашихъ съ Иркутскими купцами Трапезниковымъ и Басниными, въ Москвѣ пребывающими. А дабы облегчить вамъ сіе сношеніе, при семъ прилагаются къ нимъ отъ меня письма.

Объ остальныхъ же деньгахъ, слѣдующихъ по условію г. Гейтену за означенныя машины, я отнесся къ г. министру съ тѣмъ, чтобъ онѣ выданы были ему въ Москвѣ, какъ скоро отъ васъ будетъ предъявлено свидѣтельство, что машины вами приняты и на страхѣ и издержкахъ г. Гейтена отправлены въ Нижній Новгородъ.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

2.

19 апрѣля 1821 года.
№ 66.
С.-Петербургъ.

Господину министру финансовъ.

При отношеніи, отъ 18 февраля, № 110, ваше сіятельство, препроводивъ ко мнѣ условіе, заключенное въ департаментѣ мануфактуръ и торговли съ г. мануфактуръ-совѣтникомъ и механикомъ Гейтеномъ, который принялъ на себя обязанность исправить прядильныя и чесальныя машины, заказанныя у дѣйствительнаго камергера Витовтова для Иркутской казенной суконной фабрики, и сдѣлать еще нѣкоторые снаряды для фабрики необходимые, изволили требовать увѣдомленія, какъ признаю я за лучшее принять означенныя вещи: въ Москвѣ или въ Нижнемъ Новгородѣ, и кому именно поручить сіе удобнѣе.

На сіе имѣю честь донести, что хотя г. Гейтенъ въ такомъ случаѣ, когда заказанныя вещи приняты будутъ отъ него въ Москвѣ, и дѣлаетъ уступку до 500 р., но поелику во время Нижегородской ярмарки, откуда Иркутское купечество отправляетъ большіе обозы, удобнѣе отыскать надежныхъ вощиковъ и можно болѣе быть увѣреннымъ, что тягости сіи будутъ доставлены въ свое время и въ цѣлости, то я считаю за лучшее, чтобъ г. Гейтенъ означенныя у него вещи доставилъ до Нижняго Новгорода; между же тѣмъ я поручилъ находящемуся здѣсь по порученію Иркутской казенной суконной фабрики коммисіонеру ея, коллежскому секретарю Таланкину, который нынѣ отправляется обратно, по прибытіи въ Москву сыскать находящихся тамъ Иркутскихъ купцовъ и убѣдить ихъ, чтобъ они при отправленіи обозовъ своихъ съ Нижегородской ярмарки, приняли доставленіе означенныхъ машинъ до Иркутской фабрики и притомъ, чтобъ онъ сыскалъ и г. Гейтена, и если къ тому времени машины и всѣ слѣдующія по условію вещи будутъ готовы, то, принявъ оныя отъ него по описи и при себѣ закупоривъ, предъявилъ г. Гейтену, кому изъ помянутыхъ купцовъ они должны быть сданы въ Нижнемъ Новгородѣ.

Послѣ сего къ совершенному окончанію сего дѣла остается привести въ совершенную ясность одно послѣднее обстоятельство. Изъ отношенія вашего сіятельства, отъ 18 февраля, видно, что г. Гейтену въ счетъ подряда выдано уже здѣсь 4.000 р.; остается въ Москвѣ, или въ Нижнемъ, заплатить ему 4.500 р. Деньги сіи должны быть заплачены на счетъ фабрики; но какъ ни въ томъ, ни въ другомъ изъ сихъ мѣстъ нѣтъ капиталовъ, ей принадлежащихъ, то и нужно предписать, чтобы деньги сіи на счетъ фабрики выданы были г. Гейтену въ Москвѣ, какъ скоро отъ коммисіонера фабрики Таланкина будетъ предъявлено свидѣтельство, что они уже приняты и на страхѣ и издержкахъ г. Гейтена отправлены въ Нижній Новгородъ. Фабрика же всѣ издержки сіи, составляющія 8.500 р., обязана будетъ въ свое время возвратить, внеся оныя въ Иркутское казначейство.

10.

1 апрѣля 1821 года.
№ 120.

Господину Тобольскому гражданскому губернатору.

Коммисіонеръ Иркутской казенной суконной фабрики, кол. секр. Таланкинъ по порученію фабрики искупивъ въ Москвѣ разныя вещи, отправилъ оныя туда 22 марта въ 22 возахъ подъ надзоромъ подмастерья Өедора Бурдина съ наемными вощиками, которые обязались весь сей транспортъ доставить до г. Тюмени. Таланкинъ отправлялъ оный транспортъ бывъ увѣренъ, что онъ догонитъ оный въ Тюмени и въ свое время пріищетъ вощиковъ для дальнѣйшаго доставленія; но по встрѣтившимся обстоятельствамъ долженъ онъ былъ явиться сюда, слѣдовательно не въ состояніи уже догнать означеннаго транспорта; безъ особеннаго жъ содѣйствія находящійся при немъ подмастерье Бурдинъ къ дальнѣйшему слѣдованію можетъ встрѣтить затрудненіе. Посему я прошу ваше превосходительство приказать исправляющему въ г. Тюмени должность городничаго принять оный транспортъ въ свое вѣдѣніе и, нанявъ вощиковъ, по первому весеннему пути отправить въ Иркутскую суконную фабрику, сообщивъ директору оной о условіяхъ, какія съ вощиками заключены будутъ. Причемъ если необходимо нужно будетъ выдать вощикамъ впередъ деньги, то не оставьте снабдить оными исправляющаго должность городничаго, позаимствовавъ на сіе потребное количество оныхъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, или какъ вы признаете удобнѣе: во всякомъ случаѣ Иркутская суконная фабрика не умедлитъ по увѣдомленію вашему взнести къ вамъ все издержанное на счетъ ея количество денегъ.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

11.

8 апрѣля 1821 года.
№ 140.
С.-Петербургъ.

Директору Тельминской суконной фабрики.

Командиръ Сибирскаго отдѣльнаго корпуса, ген.-лейт. Капцевичъ, имѣя намѣреніе завести при казачьемъ училищѣ суконную фабрику на 6 становъ, проситъ для устройства оной удѣлить на время до 11 человѣкъ мастеровыхъ, въ прилагаемомъ реестрѣ значущихся, съ Тельминской фабрики, которыхъ онъ берется доставить впередъ и обратно на свой счетъ и дать имъ пристойное жалованье.

Вслѣдствіе сего предлагаю вашему высокоблагородію, буде Тельминская фабрика безъ означенныхъ людей на нѣкоторое время обойтиться можетъ, то въ удовлетвореніе просьбы ген.-лейт. Капцевича отправить оныхъ къ нему немедленно чрезъ внутреннюю стражу или тѣми средствами, какія признаетъ онъ удобнѣе. О послѣдующемъ не оставите мнѣ донести.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

PS. Если работники сіи для фабрики необходимы, то представить о нихъ съ вашими отмѣтками и предназначить другихъ, коихъ безъ разстройства фабрики уволить на время было можно.

12.

Дежурному генералу главнаго штаба, ген.-адъют. Закревскому.
№ 60.
14 апрѣля 1821 года.
Въ С.-Петербургѣ.

Милостивый государь мой,

Арсеній Андреевичъ!

Командиръ Сибирскаго отдѣльнаго корпуса, ген.-лейт. Капцевичъ, освѣдомясь, что якобы на Тельминской казенной суконной фабрикѣ имѣется сукна до 70000 арш. въ запасѣ, проситъ меня во уваженіе разстроеннаго состоянія казаковъ Сибирскаго линейнаго войска отпустить на обмундированіе изъ того количества до 30000 арш. по цѣнамъ фабрикѣ обошедшимся, съ разсрочкою платежа слѣдующей за оное суммы на три года, объяснивъ притомъ, что онъ вошелъ по сему предмету съ представленіемъ къ вашему превосходительству.

Отъ бывшей въ прошедшемъ лѣтѣ и продолжающейся еще чумы на скотъ по Сибирской линіи казаки линейнаго войска дѣйствительно потерпѣли значительные убытки, и, можно сказать, состояніе ихъ разстроилось. Посему я почелъ бы обязанностью удовлетворить вышеозначенное требованіе ген.-лейт. Капцевича, но не нахожу къ сему возможности; ибо по вѣдомости, доставленной ко мнѣ за январь мѣсяцъ, значится наличо суконъ къ 1-му февраля токмо 8037 арш. и, сверхъ того, помянутая фабрика никакъ не можетъ отпустить суконъ съ разсрочкою, потому что она собственнаго наличнаго капитала не имѣетъ, а отпускается ежегодно сумма въ такомъ количествѣ, какое по числу требуемыхъ коммисаріатомъ суконъ на расходы ея необходимо, каковымъ числомъ и ограничиваетъ она все свое дѣйствіе.

Но, междутѣмъ, мнѣ извѣстно, что въ Иркутскомъ коммисаріатскомъ коммисіонерствѣ остатки суконъ отъ ежегодныхъ расходовъ простираются бо-

лѣе нежели до 70000 арш., тогда какъ ежегодная потребность на обмундированіе войска подъ продовольствіемъ сего коммисіонерства состоящія неупустительно доставляется въ оное съ Тельминской фабрики по наступленіи каждаго года; слѣдовательно сукна сіи могутъ остаться безъ всякаго употребленія на долгое время.

Посему я полагаю возможнымъ удѣлить изъ оныхъ потребное количество для Сибирскаго линейнаго казачьяго войска; но считая себя не вправѣ сдѣлать о семъ распоряженіе, я имѣю честь сообщить на уваженіе вашего превосходительства, присовокупляя къ тому, что Сибирское линейное казачье войско въ настоящемъ состояніи его положенія заслуживаетъ по всей справедливости вспомоществованія.

———

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

1.

27 сентября 1820 года,
№ 1034.
Тобольскъ.

Господину Томскому гражданскому губернатору.

Красноярскій градской глава въ началѣ сего года представлялъ, что собираемая по таксѣ за перевозъ чрезъ р. Енисей сумма, не удовлетворяетъ издержекъ необходимыхъ для сего содержанія; что въ сей крайности недостатокъ суммы пополняется раскладкою на жителей города, съ крайнимъ для нихъ отягощеніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ я свѣдѣніе, что по малому количеству на семъ перевозѣ судовъ, часто купеческія клади терпятъ простой и потерю времени для нихъ весьма важную.

Въ слѣдствіе сего предписано отъ меня было: 1) количество перевозныхъ судовъ удвоить и именно вмѣсто двухъ завести четыре, 2) составить и представить мнѣ, какая такса можетъ быть для содержанія всѣхъ сихъ судовъ достаточною.

Красноярскій градской глава донесъ, что прибавочныя суда устроены и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ проектъ новой таксы. Разсмотрѣвъ эту таксу я нашелъ, что она увеличена почти въ пять разъ противу прежней; посему не рѣшась утвердить ее, я предписалъ ввести на Енисеѣ ту самую таксу, какая существуетъ въ Иркутскѣ чрезъ р. Ангару.

Въ проѣздъ мой чрезъ Красноярскъ, тамошній градской глава отъ имени градскаго общества вошелъ вновь съ представленіемъ, что безъ крайняго изнуренія не могутъ они содержать перевоза въ исправности по сей таксѣ, ибо по пространству рѣки перевозъ сей, простираясь почти на 7 и болѣе верстъ, не можетъ быть сравниваемъ съ Ангарскимъ.

Удостовѣрясь въ истинѣ сего представленія личнымъ моимъ на мѣстѣ разсмотрѣніемъ, я счелъ справедливымъ и для исправности перевоза необходимымъ, съ удвоеніемъ перевозныхъ судовъ, а слѣдовательно и прибавкою рабочихъ на нихъ людей, возвысить таксу, но не болѣе какъ вдвое и именно постановить:

Въ обыкновенное время:

Съ каждаго воза съ товаромъ . . . . 1 р.
Съ лошади . . . . 1 р.

Весною въ полноводье по 1 іюня и осенью съ 1 октября до закрытія рѣки:

Съ воза . . . . по 1 р. 50 к.
Съ каждой лошади . . . . — 1 р.

Затѣмъ такса на прочія тягости остается на основаніи Иркутскаго перевоза.

Поручая вашему превосходительству привести сей распорядокъ нынѣ же въ надлежащее дѣйствіе, считаю нужнымъ присоединить къ тому слѣдующія примѣчанія:

1) Чтобы вводимая такса была написана на доскѣ и поставлена на обѣихъ сторонахъ Енисея подобно тому, какъ введено сіе повсемѣстно въ Иркутской губерніи.

2) Чтобы плату съ крестьянской телѣги брать одинакую, съ лошадью ли она будетъ, или безъ оной.

Вмѣстѣ съ симъ ваше превосходительство не оставите внушить Красноярскому городничему, дабы онъ особенное обращалъ наблюденіе и смотрѣніе за исправнымъ содержаніемъ перевоза. Въ проѣздъ мой и во время пребыванія въ Иркутскѣ, я встрѣтилъ многія жалобы на медленность и неисправность онаго. Если на будущее время поступятъ ко мнѣ подобныя жалобы, то вся отвѣтственность падетъ на городничаго.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

2.

15 ноября 1820 года,
№ 436.
Тобольскъ.

Г. Исправляющему должность Иркутскаго гражданскаго губернатора.

Иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ въ присланной ко мнѣ просьбѣ жалуется, что мѣщанское общество несправедливо назначило нынѣ въ рекруты племянника его, коего отецъ находится въ С.-Петербургѣ, представляя, что за семействомъ ихъ не настоитъ рекрутской очереди и что они отвели сію повинность въ 1802 и 1810 годахъ.

Препровождая при семъ просьбу мѣщанина Саламатова, я поручаю вашему высокородію отдачу племянника его въ рекруты остановить по тому наипаче уваженію, что отецъ его оставленъ до сихъ поръ въ С.-Петербургѣ не *по своей волѣ* и что въ отсутствіи его многочисленное семейство его лишась работника остается вовсе безъ пропитанія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЯТНАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

1.

Переводъ письма къ его сіятельству князю А. Н. Голицыну отъ членовъ Лондонскаго миссіонерскаго общества, живущихъ въ Сибири. 4 января 1821 года. Селенгинскъ.

Зная что вашему сіятельству совершенно извѣстна цѣль нашей здѣшней миссіи и будучи увѣрены въ расположеніи вашемъ способствовать пользамъ оной, мы принимаемъ смѣлость обезпокоить васъ, милостивый государь, слѣдующею всепокорнѣйшею просьбою.

Миссія сія предпринята въ 1817 г. г.г. Сталибрасомъ и Рамкомъ. Когда они проѣзжая чрезъ Москву имѣли счастіе представляться государю императору, то его величество, удостоивъ ободрить цѣль, ими предпринятую, изъявилъ желаніе доставить всякое зависящее отъ власти его пособіе для успѣшнѣйшаго совершенія оной; вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣрилъ его величество, что если миссіонеры когда либо признаютъ за полезное для себя имѣть земли въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы они удобно могли основать миссіонерское заведеніе, то Онъ готовъ дать надлежащее повелѣніе о дарованіи имъ акта на владѣніе оной.

Избравъ нынѣ по близости Селенгинска мѣсто, удобное для нашего предположенія и на которомъ построено уже нами два дома, мы всепокорнѣйше просимъ ваше сіятельство исходатайствовать нужный актъ на сію землю, которая подробно здѣсь описана.

Она находится на западномъ берегу рѣки Селенги и напротивъ самаго города. Границы, кои желаемъ мы имѣть для сей земли, суть слѣдующія:

Къ востоку, небольшой рукавъ рѣки Селенги.

Къ сѣверу—пригорокъ, коимъ оканчивается долина, гдѣ построены миссіонерскіе домы.

Къ западу, большая почтовая дорога къ Кяхтѣ.

Къ югу, линія—идущая отъ четвертой версты отъ Селенгинска въ юго-восточномъ направленіи къ рѣкѣ, до того мѣста, гдѣ берегъ крутъ и каменистъ.

Границы сіи яснѣе можно будетъ видѣть на планѣ у сего прилагаемомъ.

Поелику учрежденіе сіе состоитъ подъ покровительствомъ Лондонскаго миссіонерскаго общества, то мы желаемъ, чтобы законный актъ на владѣніе сею землею былъ на имя Георга Бордера, секретаря Лондонскаго миссіонерскаго общества и его преемниковъ по должности сей въ пользу сего общества.

Мы полагаемъ, что не встрѣтится затрудненія въ дарованіи акта таковой формы, которая есть обыкновенная въ миссіонерскихъ обществахъ.

Мы приняли смѣлость прямо отнестись къ вашему сіятельству, полагая что письмо наше не застанетъ уже гг. Петерсона и Гендерсона въ Петербургѣ, и надѣясь что вы простите насъ за сіе нанесенное вамъ безпокойство.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣемъ быть.

Подлинное подписали: Эдуардъ Сталибрасъ.
Вильямъ Сванъ.
Робертъ Юилъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Поповъ.

2.

Милостивый государь графъ Димитрій Александровичъ!

Начальникъ охотскаго порта представляетъ мнѣ, что обитающіе въ Гижигинскомъ коммисарствѣ инородцы, по худымъ промысламъ нѣсколько лѣтъ сряду звѣря и рыбы, пришли въ оскудѣніе и сдѣлались не въ состояніи взносить слѣдующій съ нихъ ясакъ натурою пушнымъ звѣремъ, почему принуждены бываютъ, или оплачивать оный чѣмъ токмо могутъ, какъ то: олеными кожами, выдѣланными изъ оныхъ ровдугами, нерпичьими и моржевыми ремнями и даже старымъ одѣяніемъ своимъ. Сіи вещи, называемыя общимъ словомъ горно, принимаются въ Гижигѣ по оцѣнкѣ; при продажѣ же аукціоннаго торга въ Охотскѣ всегда цѣны увеличиваются до количества довольно значительнаго; какъ то: въ прошедшемъ 1821 г. поступило въ Гижигѣ въ ясакъ означеннаго горна на 281 р. 68 коп. и продано онаго съ аукціона на 1063 р. По по правиламъ на сборъ ясака постановленнымъ, ясашные получаютъ квитанцію токмо въ той суммѣ, какая назначена при оцѣнкѣ; приращеніе же при аукціонной продажѣ сдѣланное, поступаетъ въ пользу кабинета безъ зачета плательщикамъ, что̀ разстраивать ихъ болѣе, и можетъ привести въ совершенное оскудѣніе. А по сему ходатайствуетъ, во уваженіе бѣднаго состоянія инородцевъ, обитающихъ въ Гижигѣ, дозволить принимать въ казну взносимое имъ горно въ той самой цѣнѣ, какая состоитъ по аукціонной онаго продажѣ, съ тѣмъ, чтобъ излишнія деньги противъ слѣдующаго съ нихъ по окладу количества были зачитаемы въ ясакъ будущаго года, или возвращаемы имъ обратно.

Будучи извѣстенъ, до какой степени претерпѣваютъ почти всѣ инородцы, обитающіе въ Гижигѣ, бѣдность, означенное представленіе начальника Охотскаго порта не могу не принять во уваженіе. По сему долгомъ постав-

ляю испрашивать у вашего сіятельства о утвержденіи изъясненнаго въ опомъ предположенія, о пріемѣ представляемаго въ ясакъ горна по цѣнамъ, состоявшимъ при продажѣ онаго на аукціонѣ, на что и буду ожидать вашего увѣдомленія.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего сіятельства

покорнѣйшій слуга *М. Сперанскій.*

9 марта 1820 года.
№ 2.
Г. министру финансовъ.

3.

24 іюня 1821 года.
№ 68.
С.-Петербургъ.

Иркутской казенной экспедиціи.

Предложеніе.

Экспедиція сія донося г. министру финансовъ о поступившихъ въ государственный доходъ по Камчатскому краю крупныхъ стараго образца ассигнаціяхъ на 23.050 р., испрашивала разрѣшенія на принятіе ихъ въ счетъ сборовъ и податей по той области и о продолженіи срока на вымѣнъ ассигнацій всѣхъ достоинствъ старыхъ на новыя какъ по Камчатской, такъ по Охотской и Якутской областямъ.

Г. министръ финансовъ, препровождая ко мнѣ означенное представленіе на соображеніе, замѣтилъ, что при дозволеніи продолжать срокъ обмѣна старыхъ ассигнацій на новыя по вышеозначеннымъ тремъ областямъ еще на полугодичное время, могутъ воспользоваться симъ и жители другихъ губерній, пересылая въ оныя отъ себя для обмѣна старыя ассигнаціи. Но дабы не стѣснить обывателей столь отдаленнаго въ Сибири края, полагаетъ дозволить принять въ число государственныхъ доходовъ по Камчаткѣ означенныя 23.050 р. и произвесть обмѣнъ тѣмъ только ассигнаціямъ, которыя до полученія сего предписанія могли быть предъявлены, о чемъ и предоставилъ мнѣ сдѣлать распоряженіе, если причины представляемыя сею экспедиціею, признаны мною будутъ заслуживающими уваженія.

Вслѣдствіе сего предлагаю казенной экспедиціи:

1) Поступившія въ Камчатское казначейство 23.050 р. старыхъ ассигнацій принять въ число государственныхъ доходовъ.

2) Подобно сему поступить и съ тѣми старыми ассигнаціями, кои по Охотскому и Якутскому краю до полученія сего предписанія на мѣстахъ, могли поступить въ счетъ сборовъ въ тамошнія казначейства, или же могли быть предъявлены по обмѣну отъ частныхъ людей. Первыя изъ нихъ по симъ тремъ мѣстамъ, т. е. по Камчаткѣ, Охотскому вѣдомству и Якутской области принять въ число государственныхъ доходовъ, а послѣднія размѣнять на новыя.

3) Всѣ тѣ старыя ассигнаціи, кои послѣ полученія сего предписанія на мѣстахъ, въ сборы или къ обмѣну предъявлены будутъ, не принимать и размѣнивать ихъ возвратить (?), а доносить только о таковыхъ для свѣдѣнія и общаго счета.

— — — —

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ШЕСТНАДЦАТОЙ ГЛАВѢ.

1.

11 октября 1820 г.
№ 1063.
Тобольскъ.

Г. Якутскому областному начальнику.

Прочитавъ донесеніе вашего высокоблагородія отъ 19 августа № 817 и описаніе лекаря Томашевскаго венерической и проказной болѣзни,—я желалъ бы, чтобы сія послѣдняя болѣзнь, толь по своему гибельному для Якутовъ вліянію (sic), была подробнѣйшимъ образомъ изслѣдована и точнѣйшимъ бы образомъ были опредѣлены средства къ ея прекращенію.

Теперь представляется къ тому удобный случай. Опредѣленный морскимъ министерствомъ для экспедиціи отправившейся для описанія земель, лежащихъ противу береговъ сѣверо-восточной Азіи, докторъ медицины Киберъ будетъ проѣзжать, слѣдуя своему назначенію, чрезъ Среднеколымское и Зашиверское коммисарство. Я поручаю вашему высокоблагородію, попросить отъ имени моего г. Кибера, чтобы онъ обратилъ вниманіе на болѣзнь проказную, вникнулъ бы въ ея свойства, описалъ бы оныя, равно и наружные признаки и преподалъ бы средства къ ея искорененію. Таковое описасаніе онъ можетъ прислать прямо ко мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Я ему за то буду благодаренъ.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

Excellence.

Une lettre de monsieur le Conseiller d'Etat et Chevalier de Minitzky, datée du 9 decembre 1820 sous № 1165, me fit connaître le désir de v. exc., d'avoir une description exacte et veridique d'une maladie qui règne dans le district de Sredne-Kolymsk connue à tort, comme j'ai lieu de le croire, sous le nom de la lèpre, en russe проказная болѣзнь. Ne connaisant pas personellement le Chef de l'expédition, monsieur le baron de Wrangell et ne pouvant pas prévoir toutes les difficultés de la route, il m'a été impossible de donner une réponse prompte et satisfaisante à monsieur de Minitzky. Pour réaliser avec certitude le desire de v. exc., il fallait d'abord me convaincre de la situation des mala-

des et me procurer les connaissances locales. Je serai extrêmement peine, si la franchise avec laquelle je m'explique dans les feuilles .ci - jointes, pouvait déplair à v. exc.—Mon devoir d'assayer à rendre la santé à toute une nation m'ordonne cependant la plus grande franchise. Ma manière de voir cette maladie sur laquelle je m'expliquerai dans des rapports ulterieurs, pouvant être fausse, je demande la permission de pouvoir m'entretenir par écrit là dessus avec m. le docteur Albert. Si je ne parviens point à guérir cette maladie, je souhaite que la description et tout mes papiers enfin soient soumis à l'examen des facultés de médecine d'une université quelconque de l'Allemagne ou de la faculté de médecine de l'université de Dorpat, afin de me justifier aux yeux de v. exc. et du public.

Par le rapport ci-joint v. exc. jugera des difficultés qu'on rencontre pour la guérison. M. le baron Wrangell convaincu de la misère publique, prend tous les arrangement pour me faciliter le moyen de connaitre la maladie à fond. Je demeurerai à Nischni-Kolymsk dans la même maison avec deux malades. Notre expedition a avancé des habits, de la nourriture, du linge etc. Notre pharmacie est ouverte à un enorme quantité de malades, qui se trouvent ici. Ne contenant que très peu de medicamens pour la guerison d'une semblable maladie, je crois qu'il serait surtout nécessaire d'établir une apothicairerie pour tout le district. J'ai donc pris la liberté d'ajouter une registre de medicamens nécessaires. Hier je reçus une députation de six chefs Joukaguire et d'un chef Tschouvasch, qui me prièrent instamment de mettre fin à la vérole qui regne dans tout le pays. Aussitôt qu'on pourra passer les fleuves je m'y rendrai. En vérité cette maladie menace la déstruction du peuple entier.

Je ne m'appartient pas d'attirer l'attention de v. exc. sur la police à établir dans les hopitaux; je vois cependant que le gouvernement ne devrait pas s'en remettre aux Jakouts.

J'ai l'honneur etc.

August Kyber.

Nischny-Kolymsk.
Le 28 mars 1821.

3.

Rapport du docteur Kyber concernant une maladie des Jakouts, connue jusqu'à présent sous le nom de la lèpre.

A son excellence, monsieur de Speransky, gouverneur général de la Siberie et chevalier de plusieurs ordres.

En jettant un regard sur ces lignes v. exc. verra d'abord, pourquoi cette maladie n'a pu être arrêtée jusque à présent.

Je ne me tairai sur rien de ce que souffre ici l'humanité. Quoique je n'y sois que depuis quelque jours, j'ai assez vu, assez entendu, pour assurer avec certitude qu'il est presque impossible que l'art suffise, à effectuer la guerison de cette maladie, si l'on ne détruit d'abord les circorstances ci-dessous mentionnées.

Le manque total d'une administration de médecine comme il faut sur les lieux est cause que cette maladie ne soit tout-à fait extirpée ou moins sporadique. Ceci se demonstrera évidemment plus bas. Je ne doit pas entrer dans des details sur cet objet n'ayant pas été questionné là dessus.

J'en parlerai franchement, persuadé par tout ce que son Excellence a fait pour la Sibérie, que les larmes de ces deplorables malades tariront enfin.

La fondation, ainsi que l'administration économique de cet hopital, si l'on peut lui donner ce nom, a été abondonnée aux Iakouts, à un peuple qui n'a pas encore la moindre ideé d'un hopital bien organisé. Si l'on remettait cet hopital, d'après le plan actuel, à un médecin, il serait chargé d'une trop grande responsabilité. Je me bornerai à raconter tout simplement ce que j'ai vu.

1) L'hopital consiste en deux Jourtes ou habitation souteraines des Jakouts et en une habitation en forme russe, bâtie pour le decteur Tomaschefsky. Lorsque j'entrai dans ces Jourtes le 13 de fevrier l'année courante, je fus saisi du malheur, auquel l'humanité est exposée par des dispositions misérables. Une Jourte, telle, bonne qu'elle soit, est absolument contraire à la guérison de cette maladie. En voici les preuves.

Cette maladie étant une de celles, où le sistème reproductif agit sur l'extérieur de la peau, un médecin consequent doit nécessairement observer qu'une température uniforme agisse sur les parties affectées. C'est un point principal dans le traitement de cette maladie. Chose impossible. dans une cabane de terre, au milieu de laquelle une espèce de cheminée repand une chaleur nuisible, qui échauffe quelques parties pendant que les autres sont refroidies, les fentes des murs étant ordinairement couvertes de gelée blanche ou de glace. Ajoutez à cela l'humidité du plancher, le peu de jour etc. Jusqu'à présent on n'a donné aucune attention à cette circonstance, qui parait d'abord frivole, mais dont on reconnait l'importance en l'approfondissant de plus près.

2) Une circonstance bien plus importante est la situation de l'hopital qui-

rend la maladie absolument incurable. Il est situédans un marais à 50 verstes de Sredne-Kolymsk. Une quantité de petits lacs l'entourent dont quelques uns séchent en été et dont l'eau pourrie répand des exhalaisons pestulentielles. Il n'y a pas de médecin qui ne sache que l'air marécageux favorise et produit même la lèpre, ce qui pourrait être le cas ici. Qu'on lise sur les maladies des pays situés comme la Hollande etc. et on ne me donnera pas tort.

C'est ici le lieu d'observer que les peines des médecins devaient être infructueuses jusqu'à présent, parce qu'ils ne resherchaient pas assez les causes primitives de la maladie. Ils n'avaient aucune connaissance de la situation du pays dans ses rapports endémiques. La description du médecin Tomaschefsky le prouve assez.

3) Il est étonnant qu'on ait oublié une chose absolument nécessaire dans les maladies qui attaquent la peau, c'est à dire la propreté. Une douzaine de malades demeurent ensemble. Leurs membres défigurés sont couvert de haillons et de peaux de renne, qu'ils portent depuis des années. Leur couche, sans linge, sans couverture, ressemble à un tas de fumier. Une douzaine d'hommes et femmes ensemble, qui mènent peut-être encore une vie dereglée, dans un petit espace ayant 10 pieds en long et en large! Les malades n'ont point de garde-malades; ils sont obligés d'aller chercher le bois de chauffage, d'avoir soin de menage etc. Ces circonstances aulieu d'arrêter et de lever la maladie, l'aggravent et la repandent.

4) On n'a jamais pensé à prescrire une diète et a ordonner la nourriture convenable à cette maladie. Les essais du professeur Rust à Berlin et ceux des médecin français, prouvent bien la nécessité de la diète dans toutes les maladies du systèmereproductif. Nos vétérans de la médecinel'observaient rigoureusement. Mainte maladie, qui parassait incurable fut guérieparla d i e t a a l b a de Sydenham, le laitage, le vomitif etc. Ici au contraire on ne trouve q'une nourriture indigeste, comme la viande de cheval, des soupes de bois de pin et surtout des poissons. J'espère prouver plus tard que ces derniers sont une des cause de cette maladie. Les autres Jakouts ont cessé depuis longtems toute communication avec ces malades. Ces malheureux abandonnés sont donc encore affectés moralement.

5) Le manque total de medecine rend tout essai de guérison pour le moment impossible. Je n'ai pas pu savoir, si après la mort de l'excellent docteur Roeslin, il se trouvait des medicamens, et ce qu'on en a fait. A présent il n'y a plus rien; je suis donc obligé de supplier v. exc. de voulour bien m'en faire parvenir, si je dois entreprendre quelque chose de décisif. N'ayant que peu de tems à rester ici, j'ai pris la liberté d'ajouter un registre des medicamens necessaires. On me reprochera peut être d'y avoir inséré des remèdes trop contens. Mais il faut tirer en consideration la situation du pays le peu de tems que j'ai à faire les preparations pharmaceutiques et le manque d'apparats. La misère des habitans de Nischne-Kolymsk étant à son comble et les maladies de Cachexie menaçant la ruine de peuples voisins, j'ai fait aussi le registre des medicamens pour tout le district de Nischni-Kolymsk. Quelques medicamens ne

se trouveront peut-être pas dans les apothicaireries de la Sibérie. Je supplie v. exc. de les faire venir de St. Pétersbourg ou de quelque autre endroit. Je ne veux pas ajouter foi à tout ce que l'on raconte de la manière dont on a fait usage des médicamens, mais il est sûr que la thérapeutique de monsieur le docteur Toumachefsky est bien au-dessous de sa Nosographie.

4.

15 іюля 1820 года.
№ 838.
Иркутскъ.

Г. исправляющему должность Иркутскаго гражданскаго губернатора.

Нижнеудинскій земскій исправникъ доноситъ, что бывшимъ 29 іюня наводненіемъ рѣки Іи въ Тулуновскомъ селеніи испортило перевозную пристань,—снесло мостъ на рѣчкѣ Андреѣ,—и что въ сей крайности онъ долженъ былъ избрать другую для почты и другихъ сообщеній довольно удобную дорогу, но требующую необходимо временныхъ исправленій, — которыя произвесть предполагаетъ онъ наймомъ самихъ жителей Тулуновскаго селенія и потребную для сего сумму употребить изъ имѣющихся у него 8.200 р., собранныхъ съ Ангарскихъ волостей, освобожденныхъ отъ натуральнаго исправленія трактовой дороги въ пособіе жителямъ оной расположеннымъ. Находя таковое предположеніе земскаго исправника основательнымъ и могущимъ нѣкоторымъ образомъ подкрѣпить разорившихся жителей Тулуновскаго селенія, я разрѣшилъ его привесть оное въ дѣйствіе, съ тѣмъ чтобъ объ употребляемыхъ на исправленіе новой дороги деньгахъ доносилъ онъ вашему высокородію.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

5.

15 іюня 1820 года.
№ 837.

Г. исправляющему должность Иркутскаго гражданскаго губернатора.

Вчерашняго числа получено мною съ нарочнымъ донесеніе Нижнеудинскаго земскаго исправника, о бывшемъ въ семъ уѣздѣ необыкновенно сильномъ наводненіи. Слѣдствія онаго особенно бѣдственны для селеній Тулу-

повскаго и Карташевскаго. Послѣднее, состоящее изъ 27 дворовъ, снесено совершенно все безъ остатка; люди спаслись на карбазахъ и лодкахъ, погибъ одинъ 6-ти лѣтній мальчикъ; луга большею частію затоплены и занесены иломъ и пескомъ, разрушено много мостовъ на большой дорогѣ. Дальнѣйшія послѣдствія онаго безъ сомнѣнія извѣстны вашему высокородію изъ донесеній мѣстныхъ.

Земскій исправникъ донося о семъ представляетъ, что въ толь бѣдственномъ состояніи жителей Карташевскаго и частію Тулуповскаго селеній, рѣшился онъ выдать имъ изъ Тулуповскаго экономическаго магазейна половинное количество семянной ржи, съ тѣмъ, чтобы раззоренныя семейства половину оной употребили для пропитанія, а другую на посѣвъ, и избавилъ жителей Карташевскаго селенія отъ исправленія обывательской гоньбы до 1821 года—вмѣстѣ съ тѣмъ и спрашиваетъ разрѣшенія, дабы какъ жителямъ оныхъ селеній, такъ и другимъ, коихъ подобное же постигло несчастіе (о чемъ впрочемъ дошли до него частные слухи), нуждающимся въ пропитаніи позволено было выдавать изъ Уянскаго запаснаго магазейна хлѣбъ въ такомъ количествѣ, какое по числу душъ представится необходимымъ.

Одобряя распоряженіе Земскаго исправника о выданномъ изъ Тулуповскаго экономическаго магазейна хлѣбѣ,—я разрѣшилъ его на отпускъ и изъ Уянскаго запаснаго магазейна хлѣба, совершенно нуждающимся въ ономъ жителямъ, съ тѣмъ чтобы онъ велъ вѣрный счетъ выдаваемому хлѣбу и каждомѣсячно доносилъ бы о томъ вашему высокоблагородію.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

6.

21 Іюля 1820 года.
№ 879.

(Ему же).

Нижнеудинскій городничій доноситъ, что бывшимъ тамъ съ 26 Іюня по 5 сего мѣсяца наводненіемъ причинены жителямъ многіе убытки,—но бѣдственнѣйшія отъ онаго послѣдствія пали большею частію на казаковъ Нижнеудинской команды, ибо принадлежащія имъ сѣнокосныя мѣста почти всѣ затоплены были.

Имѣя въ виду, что и въ прошломъ 1819 году казаки сіи отъ наводненія весьма много потерпѣли, я справедливымъ нахожу для подкрѣпленія ихъ оказать имъ какое либо пособіе. Изобрѣтеніе способовъ къ сему предоставляю усмотрѣнію.

С. г.-г. *М. Сперанскій.*

ФАКСИМИЛЕ.

1-2. *Два снимка съ резолюцій Сперанскаго.*

Подписи:

3. *Трескина*
4. *Пестеля (и приписка)*
5. *Ильичевскаго*
6. *Зеркалеева*
7. *Трина*
8. *Епископа Михаила.*
9. *Архимандрита П. Каменскаго*
10. *Тимковскаго*
11. *Кинцевича*
12. *Пименкова*
13. *Кохрэна.*

1.) Какъ время отправленія
уже послѣдне то лучше
бы было не ожидая по
всѣхъ свѣдѣній явиться [illegible]
ступивъ къ отправленію
[illegible]

2.) Деньги выданы мною; но распоряжение

Начальника воспрещающее христианам

приобретать овец в другие руки, кроме

[illegible] [illegible] отменено и

[illegible] [illegible] [illegible] для сей [illegible]

[illegible] распоряжение остается, [illegible]

вперед сего ни под каким видом

не [illegible]

[illegible]

3.) Ф Шуберт

4.) Покорнѣйшій слуга

Ф. Шуберт

P.S. покорнѣйше прошу увѣдомленіе въ
до сего числа посылаю особо съ
отпущенною почтою.

5.) [illegible]

6.) [illegible]

7.) [illegible]

8.) покорнѣйшій слуга
Михаилъ, Епископъ Иркутскій.

9.) Архимандритъ Петръ Ка=
=менскій.

10.) Егоръ Тимковскій

11.) [illegible]

12.) Инженеръ Капитанъ Бестенбаумъ

13.) Obedient servant
John Dundas Cochrane